

Археологические вести

— 21 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

21
(2015)

SAINT-PETERSBURG
2015

Археологические вести

21
(2015)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (главный редактор), академик РАН В. Л. Янин, академик РАН Н. А. Макаров, Н. В. Хвощинская (зам. главного редактора), О. И. Богуславский, М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева (ответственный секретарь), В. А. Лапшин, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шахметова

Рецензенты:

д. и. н. В. Е. Щелинский; к. и. н. В. Н. Седых

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. – 1992. – Вып. 21 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. – 464 с., ил.

ISBN 978-5-86007-811-6

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск ежегодника «Археологические вести» 21 включены статьи, посвященные новейшим открытиям в области археологии, антропологии, палеозоологии, истории и культуры. В разделе «Новые открытия и исследования» впервые вводятся в научный оборот материалы памятников, исследованных в последние годы, в частности, стоянки раннего палеолита Байраки в Приднестровье, могильника Нартан скифской поры в Предкавказье, Давыдово-Никольского поселения бронзового века в бассейне Северного Донца (Луганская обл.), новой группы могильников, выявленных на западе Ленинградской обл., золотоордынского городища у с. Красный Яр в Астраханской обл. В ряде работ рассматриваются вопросы методики изучения, классификации и интерпретации отдельных категорий археологических находок. В разделе «Актуальные проблемы археологии» рассматриваются вопросы зарождения скотоводства на территории Абхазии, историко-географические аспекты развития скотоводства на западе Внутренней Азии, проблемы формирования древнерусской погребальной культуры Новгородской земли, анализируются сведения письменных источников о ранней истории гуннов и роль психосоциальных трансформаций в процессе неолитизации на Ближнем Востоке. В сборнике дан обзор новейших отечественных и зарубежных публикаций, представлены работы по истории науки. Среди авторов ежегодника – ученые из России, Украины, Беларуси, Молдовы и Абхазии.

The current issue of the annual «Arkheologicheskie Vesti» (Archaeological News) comprises 21 articles devoted to the most recent discoveries in the sphere of archaeology, anthropology, palaeozoology, history and culture. The section «New discoveries and researches» is the first scientific publication of materials from the sites investigated during last years, including the Early Palaeolithic camp-sites of Bayraki in Transnistria, the burial ground of Nartan of the Scythian period in the Ciscaucasia, Davydovo-Nikolskoye settlement-site of the Bronze Age in the Severskiy Donets River basin (Luhansk oblast), a new group of sites revealed in the west of Leningrad oblast, and a Golden Horde townsite near the village of Krasny Yar in Astrakhan oblast. A series of studies is concerned with problems of methodology of investigation, classification and interpretation of particular categories of archaeological finds. The section «Current problems of archaeology» considers questions about the origins of animal breeding in the territory of Abkhazia, historico-geographical aspects of the development of animal breeding in the west of Inner Asia, problems of the formation of the Old-Russian funerary culture in the Novgorod state. Also this section proposes analysis of information of written sources on early history of the Huns and the role of psychosocial transformations in the process of neolithisation in the Near East. This collection of articles also presents a review of the most recent national and foreign publications including studies in the history of archaeology. Among the authors of the yearbook there are scholars from Russia, Ukraine, Belarus, Moldova and Abkhazia.

Обложка:

Лицевая сторона – Находки с памятников I–VII вв. Ижорской возвышенности (к статье М. А. Юшковой).

Finds from sites of the 1st–7th century on the Izhora Plateau (To the article by M.A. Yushkova).

Обратная сторона – Разрез северо-восточной стенки раскопа (пунктиром отмечена нижняя граница слоя III) и положение археологических слоев: 1 – современная почва, 2 – палевоый суглинок, 3 – коричневая почва, 4 – красноцветная почва, 5 – гидроморфная почва зеленовато-желтого цвета с горизонтом ожелезнения в основании, 6 – пойменный аллювий, 7 – пойменный аллювий (пятнистый), 8 – старичные отложения, 9 – русловой аллювий (пляжная фация), 10 – русловой аллювий (переслаивание горизонтов и линз песка и гравия), 11 – коричневый песок с галькой и обломками конгломерата. Слои «лесс 2 и 3», которые отсутствовали в данном разрезе, выявлены в расчистке (к статье Н. К. Анисюткина, А. Л. Чепальги, С. И. Коваленко).

Section of the northeastern wall of the excavation (dotted line marks the lower boundary of layer III) and positions of the archaeological layers: 1 – modern soil, 2 – pale yellow loam, 3 – brown soil, 4 – red soil, 5 – hydromorphous greenish-yellow soil with a horizon of ferruginization in the base, 6 – floodplain alluvium, 7 – floodplain alluvium (spotted), 8 – glacial tills, 9 – fluvial alluvium (riverside fascia), 10 – fluvial alluvium (interlayering of horizons and lenses of sand and gravel), 11 – brown sand with pebbles and debris of conglomerate. Layers 'loess 2 and 3' were absent in this section but have been revealed during its clearing (To the article by N.K. Anisyutkin, A.L. Chepalyga, S.I. Kovalenko).

ISBN 978-5-86007-811-6

ISSN 1817-6976

© Институт истории материальной культуры РАН, 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2015

© Редакционно-издательское оформление
ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Новые открытия и исследования

<i>Н. К. Анисюткин, А. Л. Чепалыга, С. И. Коваленко.</i> Предварительные итоги пятилетних исследований (2010–2014 гг.) древнейшей на территории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье)	11
<i>В. Е. Щелинский.</i> Трасологический метод изучения функций первобытных изделий: следы износа на орудиях, их интерпретация и информативные возможности	31
<i>Е. С. Ткач.</i> О подходах и возможностях исследования каменных боевых топоров эпохи неолита–бронзы	52
<i>А. А. Казарницкий, И. С. Туркина, Е. В. Белькевич, Н. В. Панасюк.</i> О методах сравнительного анализа погребального обряда и краниологических данных (на примере ямной культуры Северо-Западного Прикаспия)	65
<i>А. С. Пробейголова, К. И. Красильников.</i> Давыдо-Никольское поселение позднего бронзового века в среднем Подонцовье	75
<i>Ю. В. Марченко.</i> Обряд кремации в погребениях скифского времени могильника Нартан	88
<i>Г. М. Саргсян, А. В. Гнуни.</i> Новые данные о культе и религии в восточных областях Армении во второй–третьей четвертях I тыс. до н. э. (местные традиции и инокультурное влияние)	104
<i>Е. В. Грицик.</i> Реконструкция одной винодельни из Мирмекия	117
<i>Е. Ю. Яниш, А. К. Каспаров.</i> О костных остатках поселения архаического времени Березань в Северном Причерноморье (Украина)	124
<i>Е. А. Молев.</i> Жизнеобеспечение боспорского города Китея по археозоологическим данным (раскопки 1970–1995 гг.)	140
<i>О. В. Шаров, И. В. Палагута, С. В. Хаврин.</i> Анализ металла кладов римских монет в районе Копорья	148
<i>А. Г. Фурасьев.</i> Концешты: новые данные к характеристике «княжеского» комплекса рубежа IV–V вв.	162
<i>Е. Р. Михайлова.</i> Древности Западной Ингрии I тыс. н. э.: новые материалы	176
<i>М. А. Юшкова.</i> Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области	187
<i>В. В. Новиков, Н. В. Ениосова.</i> Снаряжение верхового коня из погребения 191 Центральной курганный группы второй половины X в. из Гнёздова: результаты комплексного исследования	199
<i>Н. В. Ениосова.</i> Техника изготовления и химический состав металла уздечных украшений из камерного погребения Ц-191 (Приложение I к статье В. В. Новикова и Н. В. Ениосовой)	223
<i>О. В. Орфинская.</i> Результаты анализа органических остатков седла из камерного погребения Ц-191 (Приложение II к статье В. В. Новикова и Н. В. Ениосовой)	228

<i>А. С. Дементьева.</i> Наконечники стрел для охоты на пушного зверя с территории Гнёздовского археологического комплекса	230
<i>В. М. Горюнова.</i> Новая западнославянская форма раннегончарной керамики на Рюриковом городище	238
<i>О. В. Григорьева.</i> Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище	246
<i>М. М. Савенкова.</i> Об одном из видов одежды в средневековом Новгороде (по материалам археологических раскопок)	261
<i>Е. М. Пигарёв.</i> Золотоордынское городище у с. Красный Яр Астраханской области	272
<i>Н. А. Плавинский.</i> Средневековая булава из собрания Национального Исторического музея Республики Беларусь	277
<i>А.В. Курбатов.</i> Сумки-омоньеры в русских средневековых городах	283

Актуальные проблемы археологии

<i>Т. В. Корниенко.</i> О возможностях применения психосоциального подхода в изучении доисторических сообществ (на примере исследований символических систем Северной Месопотамии эпохи раннего неолита)	292
<i>С. С. Миняев.</i> Письменные источники о ранней истории сюнну	304
<i>А. В. Соколов.</i> Историко-географические аспекты развития скотоводства запада Внутренней Азии и ее горного обрамления (Алтай, Саяны, Тянь-Шань)	328
<i>В. Ю. Соболев.</i> Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования	352

Обзоры и рецензии

Дискуссионные вопросы изучения палеолита Южного Подонья (И. В. Федюнин)	368
Обзор новых публикаций по проблемам хронологии и связей триалетской культуры Южного Кавказа (М. Б. Рысин)	374
Средняя и Центральная Азия в древнетюркскую эпоху: фундаментальный труд или компиляция? <i>Stark S.</i> Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. (Nomaden und Sesshafte, Band 6). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008. ISBN: 978-3-89500-532-9. 591 S. (Рец. Г. В. Кубарева)	394
Коллекция украшений из кургана Куль-Оба в собрании Государственного Исторического музея <i>Д. В. Журавлев, Е. Ю. Новикова, М. С. Шемаханская.</i> Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. Труды ГИМ. 1914. Вып. 200. ISBN 978-5-89076-236-8. 349 с., 105 ил. (Рец. М. Ю. Вахтиной)	406
Возвращение из небытия <i>О. Б. Беликова.</i> Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск: Изд-во Томского университета, 2014. ISBN 978-5-7511-2283-6. 570 с. 301 ил. (рец. Г. В. Длужневской †)	408

Гаплогруппы, норманны и рюриковичи

- А. А. Клёсов.* Коллизия двух парадигм? Переписка с Л. С. Клейном // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии (Boston – Moscow – Tsukuba). 2011. Том 4, № 2 февраль; Происхождение славян: ДНК-генеалогия против «норманнской теории». Москва: Алгоритм, 2013. ISBN: 978-5-4438-0324-1. 512 с.
(Рец. Л. С. Клейна) 410

Новое в церковной археологии Византии

- А. А. Пескова, Л. В. Строчкова.* Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб.; Киев: Петербургское Востоковедение, 2012. ISBN 978-5-85803-453-7. 224 с.
(Рец. А. А. Остапенко)..... 416

Сотрудничество Восток–Запад

- С. А. Васильев.* IV (XX) Всероссийский археологический съезд (Казань, 20–25 октября 2014 г.) 420

История науки

- И. М. Бухтоярова.* Научная деятельность
С. Н. Замятнина по материалам его переписки 423
- Н. Ю. Смирнов.* Сто и пятьдесят лет тувинской археологии: к 100-летию раскопок
А. В. Адрианова в Урянхайском крае и к 50-летию начала работ Саяно-Тувинской
экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. Д. Грача в Туве..... 428

Персоналии

- М. В. Медведева.* Иван Федорович Чистяков (1865–1935):
к 150-летию со дня рождения 432
- Е. В. Бобровская, М. В. Медведева.* «Более радостного дня не было у меня...».
Из воспоминаний военных лет 439

Хроника

- С. А. Кулаков.* Институт истории материальной культуры РАН в 2014 г. 450
- Список сокращений 459

CONTENTS

New discoveries and studies

<i>N. K. Anisyutkin, A. L. Chepalyga and S. I. Kovalenko</i> . Results of five-year-long investigations (2010–2014) of the multilayered Lower Palaeolithic site of Bayraki, the most ancient in the South-West of Eastern Europe (Transdnistria)	11
<i>V. E. Shchelinsky</i> . Tracewear method of studies of primeval artefacts: traces of use on tools, their interpretation and information possibilities	31
<i>E. S. Tkach</i> . Approaches and capabilities of studying stone battleaxes of the Neolithic and Bronze Age.....	52
<i>A. A. Kazarnitskiy, I. S. Turkina, E. V. Bel'kevich, N. V. Panasyuk</i> . Methods of comparative analysis of the funerary rite and craniological data (on the example of the Yamnaya culture of the northwestern Caspian Sea region)	65
<i>A. S. Probeygolova, K. I. Krasil'nikov</i> . The settlement of Davydo-Nikolskoye of the Late Bronze Age in the Middle Donets area	75
<i>Yu. V. Marchenko</i> . Cremation rite at a Scythian burial ground in the Nartan cemetery.....	88
<i>G. M. Sargsyan, A. V. Gnuni</i> . New evidence on the cult and religion in the eastern regions of Armenia in the second and third quarters of the 1 st millennium BC (local traditions and foreign-culture influence).....	104
<i>E. V. Gritsik</i> . Reconstruction of a winery from Myrmekion	117
<i>E. Yu. Yanish, A. K. Kasparov</i> . On the bone remains from the Archaic period settlement of Berezan on the northern Black Sea littoral (Ukraine)	124
<i>E. A. Molev</i> . Life sustenance of the Bosporan town of Kytaiion according to archaeo-zoological evidence (Excavations of 1970–1995)	140
<i>O. V. Sharov, I. V. Palaguta, S. V. Havrin</i> . Hoards of Roman coins from Koporye	148
<i>A. G. Furasyev</i> . Concești: New Data for a Description of Elite Complex of the Late 4 th – Early 5 th Centuries	162
<i>E. R. Mikhaylova</i> . Antiquities of Western Ingria of the 1 st Millennium AD: new evidence	176
<i>M. A. Yushkova</i> . New group of sites of the 1 st –7 th century in the south-west of Leningrad Oblast	187
<i>V. V. Novikov, N. V. Eniosova</i> . Harness set of a saddle horse from burial II-191 of the second half of the 10 th century from Gnezdovo: results of an interdisciplinary research.....	199
<i>N. V. Eniosova</i> . The manufacturing technique and chemical composition of the metal of bridle ornaments from chamber burial II-191 (Appendix I to the article by <i>V. V. Novikov, N. V. Eniosova</i>)	223
<i>O. V. Orfinskaya</i> . Results of analysis of organic remains of a saddle from chamber burial II-191. (Appendix II to the article by <i>V. V. Novikov, N. V. Eniosova</i>)	228
<i>A. S. Dementieva</i> . Blunt arrowheads from Gnezdovo	230
<i>V. M. Goryunova</i> . New West Slavic type of early wheel-made pottery at Ryurik Gorodishche	238
<i>O. V. Grigor'eva</i> . Reliquary crosses from the prince's residence in Ryurik Gorodishche	246

<i>M. M. Savenkova.</i> About a kind of dress in mediaeval Novgorod (materials from archaeological excavations)	261
<i>E. M. Pigarev.</i> The Golden Horde townsite near the village of Krasny Yar in Astrakhan Oblast	272
<i>N. A. Plavinski.</i> Medieval Mace from the Collection of the National Historical Museum of the Republic of Belarus	277
<i>A. V. Kurbatov.</i> Aumoniere-bags from Russian mediaeval towns	283

Topical problems of archaeology

<i>T. V. Kornienko.</i> Possibilities of application of a psychosocial approach to studies of prehistoric societies (example of investigation of symbolic systems of Northern Mesopotamia of the Early Neolithic epoch)	292
<i>S. S. Miniaev.</i> Written sources about the early history of Xiongnu	304
<i>A. V. Sokolov.</i> Historico-geographic aspects of the development of animal husbandry in the west of Inner Asia and its mountain framing (Altai, Sayan Mountains, Tien Shan, Khangai)	328
<i>V. Yu. Sobolev.</i> Ancient-Russian Funerary Culture in the Novgorod Land: problems and features of the formation	352

Review articles and book reviews

Controversial problems in studies of the Palaeolithic of the Southern Don region (<i>I. V. Fedyunin</i>)	368
Review of new publications concerned with problems of chronology and links of the Trialeti culture of the Southern Caucasus (by <i>M. B. Rysin</i>)	374
Central Asia in the Old-Turkic period: a fundamental work or a compilation? <i>Stark S.</i> Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. (Nomaden und Sesshafte, Band 6). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008. ISBN: 978-3-89500-532-9. 591 S. (Rev. by <i>G. V. Kubarev</i>)	394
Collection of jewellery from Kul-Oba kurgan in the state Historian Museum <i>D. V. Zhuravlev, E. Yu. Novikova, M. S. Shemakhanskaya.</i> Collection of jewellery from Kul-Oba kurgan in the state Historian Museum. Historico-technological study. Труды ГИМ (Proceedings of SHM), Issue 200. 1914. ISBN 978-5-89076-236-8. 349 P., 105 Figs. (Rev. by <i>M. Yu. Vakhtina</i>)	406
Returning from oblivion <i>O. B. Belikova.</i> Poslednyaya ekspeditsiya A. V. Adrianova: Tuva, 1915–1916 g. (<i>The last expedition of A. V. Adrianov</i>). Arkheologicheskie issledovaniya (istochnikovedcheskiy aspekt) (<i>Archaeological source studies</i>). Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2014. ISBN 978–5–7511–2283–6. 570 pages. 301 figures. (Rev. by <i>G. V. Dluzhnevskaya</i> †)	408
Haplogroups, Norsemen and Rurik dynasty <i>A. A. Klyosov.</i> Collision of two paradigms? Correspondence with L. S. Klein // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии (Boston – Moscow – Tsukuba). 2011. Vol. 4, № 2, February; Origin	

- of the Slavs: DNA-genealogy contra the «Norsemen Theory». Moscow: Algorithm, 2013.
ISBN: 978-5-4438-0324-1. 512 p.
(Rev. by L. S. Klein) 410

New in the church archaeology of Byzantine Empire

- A. A. Peskova, L. V. Strokova.* Christian antiquities of the Byzantine Empire in the ‘Syrian collection’
of B. I. Khanenko and V. N. Khanenko. St. Petersburg; Kiev: Петербургское Востоковедение, 2012.
ISBN 978-5-85803-453-7. 224 pages.
(Rev. by A. A. Ostapenko) 416

The East-West cooperation

- C. A. Vasilyev.* IV (XX) All-Russian Archaeological Congress
(Kazan, October 20–25, 2014) 420

History of science

- I. M. Bukhtoyarova.* Scientific activities of S. N. Zamyatnin represented
in his correspondence 423
- N. Yu. Smirnov.* One hundred and fifty years of Tuva archaeology: 100-year anniversary
of excavations by A. V. Adrianov in Uryankhay Kray and 50-year anniversary
of the first studies by the Sayan-Tuva Expedition of the Leningrad Branch
of the Institute of Archaeology, AS USSR, headed by A. D. Grach in Tuva 428

Personalia

- M. V. Medvedeva.* Ivan Fedorovich Chistyakov (1865–1935):
to the 150th birth anniversary 432
- E. V. Bobrovskaya, M. V. Medvedeva.* «I never have had a happier day...».
Recollections from the war years 439

Chronicle

- S. A. Kulakov.* Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS in 2014 450
- List of Abbreviations 459

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПЯТИЛЕТНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (2010–2014 гг.) ДРЕВНЕЙШЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА БАЙРАКИ (ПРИДНЕСТРОВЬЕ)

Н. К. Анисюткин, А. Л. Чепалыга,
С. И. Коваленко¹

В статье приведены предварительные итоги пятилетних междисциплинарных исследований (2010–2014 гг.) стоянки раннего палеолита Байраки, расположенной в окрестностях молдавского города Дубоссары на высокой VII террасе Днестра. В отложениях раннего неоплейстоцена и эоплейстоцена выявлено шесть слоев с находками каменных изделий раннепалеолитического облика. Два слоя (I и II) связаны, согласно палеомагнитным данным, с отложениями эпохи Bruhnes и четыре (III, IV, V и VI) – с отложениями эпохи Матуйяма (Matuyama) эпизод Харамильо (Jaramillo). Наиболее многочисленные артефакты (884 экз.) происходят из слоя V, каменная индустрия которого имеет олдованский облик. В остальных слоях найдены немногочисленные находки кремневых изделий и единичные обломки неопределимых костей, а в слое III – нижняя челюсть древней ископаемой лошади (Equus sussenbornensis). В настоящее время это древнейший эоплейстоценовый памятник на территории Восточно-Европейской равнины.

This paper presents the preliminary results of five-year-long (2010–2014) interdisciplinary investigations of the early Palaeolithic site of Bayraki situated on the high seventh terrace of the Dniester River in the surroundings of the Moldovan city of Dubossary. In deposits of the Lower Neopleistocene and Eopleistocene, six layers were discovered with finds of stone tools of the Lower Palaeolithic type. Two layers (I and II), according to palaeomagnetic data, are related with the deposits of the Bruhnes period and four (III, IV, V and VI) belong to the deposits of the Matuyama period (Jaramillo episode). The most numerous artefacts (884 specimens) come from Layer V with a stone industry of the Oldowan type. In the other layers there were found a few flint tools and single fragments of unidentifiable bones. Layer III yielded a mandibula of an ancient fossil horse (Equus sussenbornensis). By now, we are dealing here with the oldest Eopleistocene site throughout the area of the East-European plain.

Ключевые слова: Восточно-Европейская равнина, Приднестровье, стоянка Байраки, эоплейстоцен, олдованская индустрия.

Keywords: East-European plain, Transdnestrria, site of Bayraki, Eopleistocene, Oldowan industry.

---

¹ Анисюткин Н. К. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита. E-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com.

Чепалыга А. Л. – Россия, 119017, Москва, Старомонетный пер., 29. Институт географии РАН. E-mail: tchepalyga@mail.ru.

Коваленко С. И. – Молдова, Кишинэу, МД-2001, Штефан чел Маре. Институт культурного наследия Академия наук Молдовы, Центр археологии. E-mail: covalenco@bk.ru

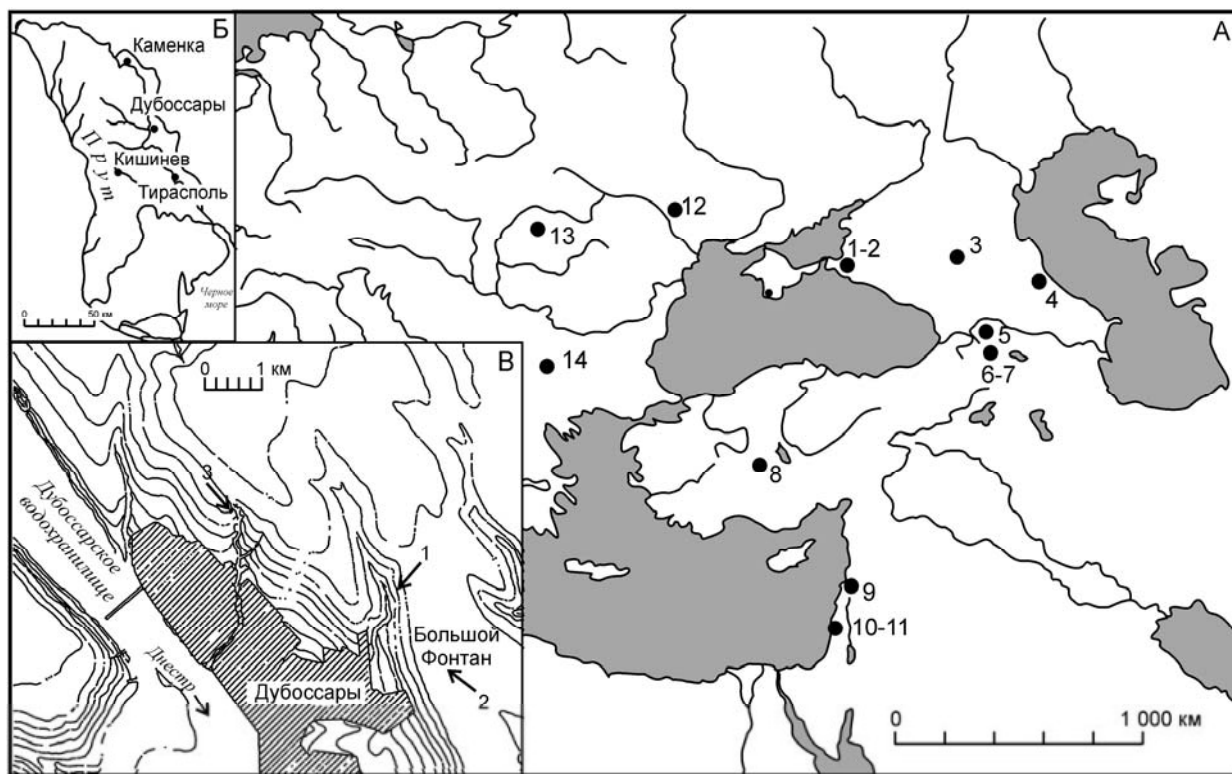
Введение. Открытие стратифицированного древнейшего раннего палеолита на юге Восточно-Европейской равнины стало важным научным событием начала XXI в., впервые продемонстрировав, что предки ископаемого человека появились на территории южной части Восточно-Европейской равнины еще в эоплейстоцене. До этого подобные находки были известны в соседних регионах – на Кавказе, на Балканах и на юго-востоке Центральной Европы – стоянка Королево в Закарпатье (рис. 1).

Первым памятником является многослойная стоянка Байраки, которая была обнаружена в долине Днестра в 2010 г. (Анисюткин и др., 2011; 2012а; 2012б; 2013б; 2013а). Раскопки проводил коллектив специалистов, включающий археологов (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, и лаборатория археологии Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко,

Тирасполь), российских геологов и палеогеографов (Институты геологии и географии РАН, Москва). Эти исследования позволили установить многослойность стоянки и обосновать надежную датировку (Чепалыга и др., 2012; 2013).

Существенно, что эти открытия были сделаны в непосредственной близости от ранее известных местонахождений раннего палеолита – Погребя и Большой Фонтан (Дубоссары 1), обнаруженных еще в 80-х гг. прошлого века в окрестностях города Дубоссары (Анисюткин, 1994; Anisutkine, 1987).

Комплекс артефактов из нижних слоев V и VI показал заметное сходство с развитым олдованом. В частности, с вариантом, в котором отмечено сосуществование преобладающих мелких орудий на отщепках с немногочисленными более крупными галечными формами. В статье основное внимание уделено описанию многочисленной каменной индустрии слоя V.

Рис. 1. А – основные эоплейстоценовые стоянки Восточной Европы и Западной Азии (Щелинский, 2014): 1 – Цимбал; 2 – группа стоянок на Таманском полуострове (Богатыри, Родники 1–4, Кермек); 3 – Жуковский; 4 – стоянки Дагестана (Айникаб I и II, Мухкай I и II, Гелашур I–III); 5 – Дманиси; 6 – Куртан; 7 – Карахач; 8 – Дурсунлу; 9 – Латамна; 10 – Эврон; 11 – Убейдия; 12 – Байраки; 13 – Королево; 14 – Козарника; Б – карта-схема расположения памятников раннего палеолита в Нижнем Приднестровье; В – то же в окрестностях города Дубоссары: 1 – Байраки, 2 – Большой Фонтан, 3 – Крецешты.

Fig. 1. A – major Eopleistocene sites in Eastern Europe and Western Asia (Щелинский, 2014): 1 – Tsimbal; 2 – group of sites on the Taman Peninsula (Bogatyri, Rodniki 1–4, Kermek); 3 – Zhukovsky; 4 – sites in Dagestan (Aynikab I and Aynikab II, Mukhkay I and Mukhkay II, Gelashur I–III); 5 – Dmanisi; 6 – Kurtan; 7 – Karakhach; 8 – Dursunlu; 9 – Latamna; 10 – Evron; 11 – Ubeydia; 12 – Bayraki; 13 – Korolevo; 14 – Kozarnika; Б – schematic map of locations of Early-Palaeolithic sites in the Lower Dniester region; В – the same for surroundings of the town of Dubossary: 1 – Bayraki, 2 – Bol'shoi Fontan, 3 – Crecesti.

В 2012 г. был открыт новый памятник Крепешты, синхронный стоянке Байраки, который расположен всего в 3 км северо-западнее этой стоянки, на той же террасе. Здесь был получен обильный археологический материал, который, как и Байраки, имеет все признаки, характерные для каменных индустрий олдованского времени (Анисюткин и др., 2013б).

В заключение отметим, что в хронологической схеме, предложенной в данной работе, комплексы каменных орудий стоянки Байраки представлены в виде двух групп – поздней – Mode 2 и ранней – Mode 1. Ранняя группа, связанная с эоплейстоценовыми отложениями, соответствует классическому (позднему) олдовану,² согласуясь с определением Анри де Люмлея (Lumley et al., 2009). Необходимость использования понятия Mode 2 обусловлена тем, что каменные индустрии из слоев 1 и 2, условно соответствующие по времени раннему ашелю Европы, не содержат характерных форм – рубил и кливеров, хотя и не отличаются коренным образом от более ранних, требуя применения менее конкретного определения (рис. 2).

Геоморфология и геохронология. Стоянка Байраки находится на восточной окраине города Дубоссары, в предместье Большой Фонтан (координаты: 47°16'27" с. ш., 29°11'10" в. д.), на VII Кицканской речной террасе Днестра, на территории заброшенного гравийного карьера. Объект связан с левым бортом древней балки Байраки, где осенью 2010 г. были найдены первые палеолитические изделия. Проведенные в 2011–2014 гг. георхеологические исследования позволили установить относительную геохронологию стоянки, уточнить общую стратиграфию, дали основания для выделения шести слоев с находками каменных изделий раннего палеолита и единичными костями ископаемых млекопитающих (см. рисунок на обратной стороне обложки). Среди них нижняя челюсть архаичной лошади с двумя зубами, обнаруженная в 2014 г. в слое III. К данной челюсти подошел зуб (МЗ) лошади, обнаруженный в расчистке 2012 г., который был определен молдавским палеозоологом Романом Кройтором (Центр археологии Института культурного наследия АН Республики

Молдова) как *Equus sussenbornensis*. Эта лошадь существовала на данной территории от второй половины таманского фаунистического комплекса до первой половины тираспольского, т. е. она явно древнее 500 тыс. лет (Четвертичная система..., 1982. С. 320).

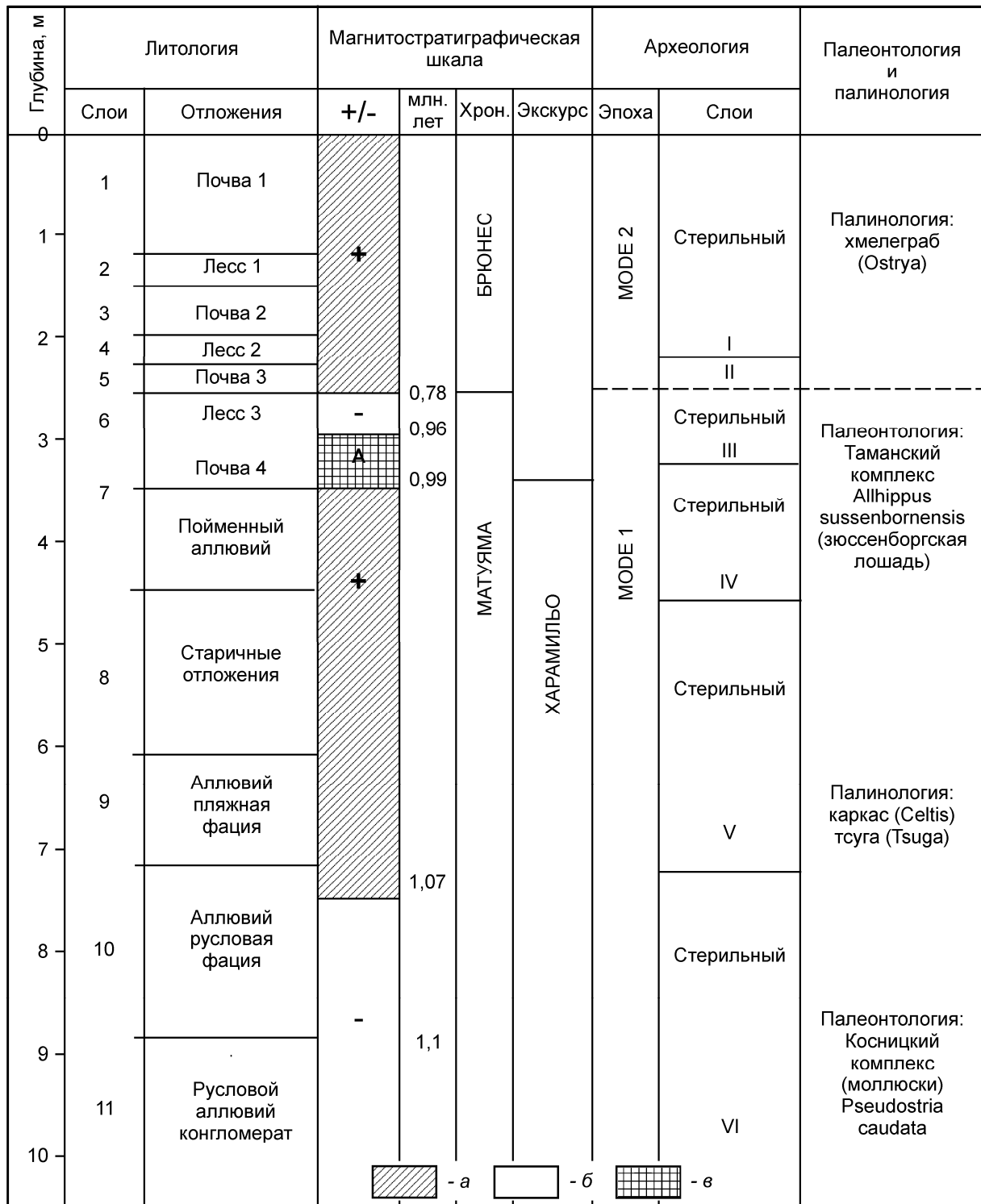
Палеомагнитные данные показали, что слои I и II формировались еще в эпоху Брюнес, т. е. они моложе 780 тысяч лет, в то время как остальные – в эпоху Матуяма, соответствуя эоплейстоценовому времени. В частности, отложения слоев IV и V связаны с эпизодом Харамильо. Слой III связан с аномальной намагниченностью. Наши датировки, полученные для аллювия Кицканской террасы Днестра, которому соответствуют слои V, VI стоянки Байраки, в целом согласуются с более ранними данными об его эоплейстоценовом возрасте. На это указывает палеомагнитная дата, полученная Г. А. Поспеловой еще в 1972 г., согласно которой русловой аллювий стратотипа данной террасы у с. Кицканы соответствовал эпизоду Харамильо (Jaramillo) (Антропоген и палеолит, 1986. С. 78).

Время верхнего слоя можно установить, используя, в основном, данные спорово-пыльцевого анализа, полученные для коричневой почвы (Чепалыга и др., 2012). Эта почва, предварительно определенная почвоведом С. А. Сычевой как среднеплейстоценовая, перекрывает все четвертичные отложения с археологическими находками. Выявленная здесь пыльца указывает на наличие среди древесных пород третичных реликтов, в первую очередь хмелеграба (*Ostrya*), который исчез в регионе после миндель-рисского (лихвинского) межледниковья, то есть после 420 тысяч лет (Адаменко и др., 1996. С. 180). В этом случае, учитывая стратиграфическое положение слоя I, лежащего ниже коричневой ископаемой почвы, следует говорить о еще более раннем возрасте, который можно определить в пределах 430–450 тысяч лет. Таким образом, оба верхних слоя могут датироваться в границах миндельского и кромерского времени (450–750 тысяч лет назад).

Стратиграфия и особенности залегания каменных изделий. Общую стратиграфию стоянки можно представить в виде трех блоков: 1) голоценового, 2) неоплейстоценового, 3) эоплейстоценового (см. рисунок на обратной стороне обложки).

Голоценовые отложения мощностью до 1,5 м состоят из двух стерильных слоев, включая черноземную почву почти черного цвета (почва 1).

² В данном случае под олдованом мы понимаем каменные индустрии эоплейстоценового возраста с орудиями из галек и на отщепах, но без кливеров и типичных ручных рубил ашельского облика.

Рис. 2. Геохронологическая позиция стоянки Байраки в биостратиграфической и магнитостратиграфической шкалах раннего и начала среднего плейстоцена: а-в – намагниченность (а – нормальная, б – обратная, в – аномальная).

Fig. 2. Geochronological position of the site of Bayraki in the biostratigraphic and magnetostratigraphic scales of the early and beginning of the middle Pleistocene: а-в – magnetization (а – normal, б – reverse, в – anomal).

Толща неоплейстоценовых отложений начинается с лессовидного суглинка желто-коричневого (палевого) цвета мощностью до 0,4 м. Ниже лежат три ископаемых почвы, представленные преимущественно седиментами, включая верхнюю – коричневого цвета (почва 2), толщина которой не превышает 0,6 м, и лежащую ниже (среднюю) красноцветную, двугоризонтную почву, имеющую мощность до 0,4 м (почва 3). Самой нижней является гидроморфная ископаемая почва типа глеезема, впервые выделенная в 2011 г. почвоведом С. А. Сычевой. Эта почва (почва 4), имеющая мощность более 0,6 м, сформировалась на поверхности пойменного аллювия. Залегание данных почв непосредственно одна на другой, без разделяющих прослоек, создает сложности при установлении их границ и выявлении положения археологических слоев. Тем более что границы между почвами нечеткие, а нижняя почва местами разбита вертикальными трещинами из средней почвы, заполненными красноцветным суглинком.

Находки каменных изделий и единичных обломков костей связаны в раскопе со средней и нижней ископаемыми почвами, а также с аллювиальными отложениями. Расчистка разреза, проведенная ниже по склону, где он имеет большую мощность, позволила уточнить стратиграфию. Здесь была выявлена более полная ко-

лонка отложений, включая наличие между почвами прослоек делювиальных суглинков, уничтоженных эрозией.

К эоплейстоценовому времени относятся отложения пойменной, старичной и русловой фации аллювия. Находки каменных изделий были обнаружены в кровле и в основании пойменных отложений, а также в русловом аллювии.

Общая площадь раскопа 2012–2014 гг., на которой был вскрыт слой V, равна 26 кв. м (А, В, С – 21–28 и Д – 25–26). Правда, изученная площадь оказалась гораздо меньше, так как значительная часть линии А была разрушена карьером. К тому же четыре квадрата – В, С – 27, 28 – были уничтожены древней эрозией, выявленной в основании старичных отложений. Таким образом раскопками исследовано всего 17 кв. м (рис. 3).

С учетом всех данных можно предложить следующее описание слоев с находками каменных изделий и единичными обломками костей.

Слой I расположен в буровато-палево-желтом делювиальном суглинке, залегающая между коричневой и красноцветной почвами. В раскопе этот суглинок был прослежен лишь в 2010 г. на небольшом участке кв. А – 23, 24 площадью около 1,5 кв. м, в виде тонкой линзовидной прослойки толщиной 0,1–0,15 м. Тогда же в прослойке были найдены два предмета – скребло и отщеп, покрытые интенсивной патиной белого цвета.

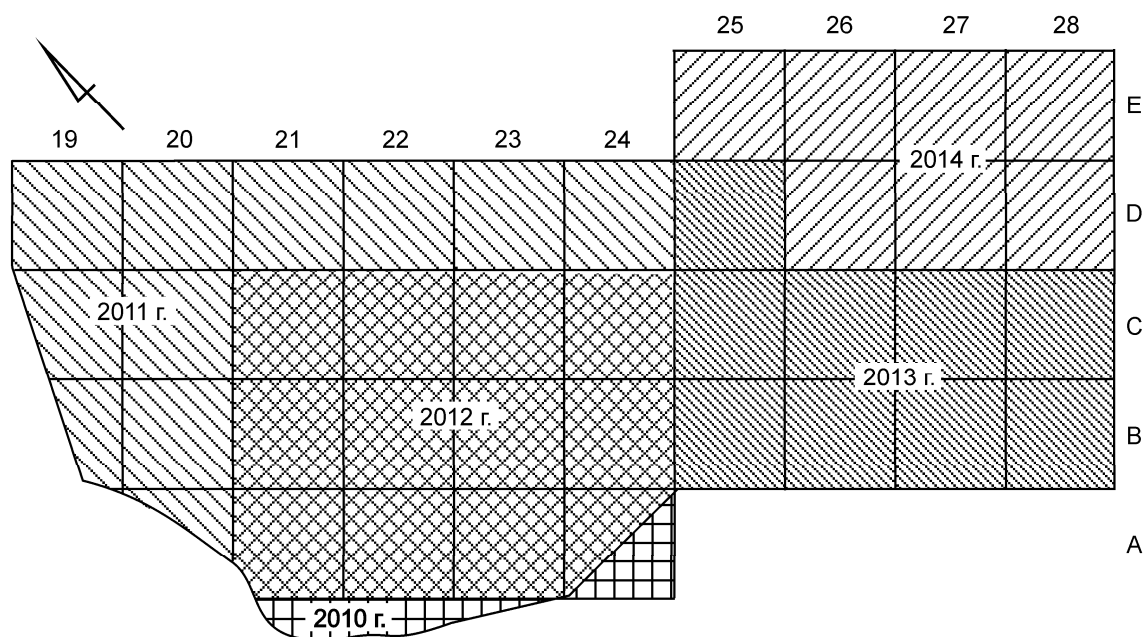

Рис. 3. Общий план раскопа слоя V.

Fig. 3. General plan of excavation of layer V.

В последующих раскопках этот суглинок не был обнаружен. Учитывая наблюдения 2010 г., в дальнейшем семь покрытых патиной изделий из кровли красноцветной почвы были отнесены к слою 1. Лишь в 2012 г. данный суглинок был вновь найден в древнем овраге, расположенном в 40–45 м южнее и ниже по склону от раскопа. В нем обнаружен сильно окатанный отщеп с белой патиной, подтверждавший правомерность выделения верхнего слоя. Еще два предмета были выявлены в расчистке южнее раскопа. Всего в верхнем слое найдено 15 изделий, включая два нуклеуса, три скребла, одно долотовидное орудие, пять отщепов и четыре чешуйки. Все они изготовлены из кремня и покрыты белой патиной, исключая скребло из косоуцкого песчаника, на котором, естественно, патины нет. Наиболее выразительным является скребло с острием на обломке кремневой гальки, рабочий край которой выделен ретушью типа кина.

Слой II связан непосредственно с красноцветной почвой. Это наиболее хорошо сохранившийся слой. Все артефакты из данного слоя имеют хорошую сохранность поверхностей и лишены патины. Исключением является сильно оглаженное скребло на мелком отщепе, которое было найдено в расчистке вне пределов раскопа, непосредственно в красноцветной почве. Всего найдено 20 изделий, включая 1 концевой чоппер, 2 нуклеуса, 4 скребла, 1 отщеп с ретушью, 4 отщепа и семь чешуек, а также песчаниковую гальку со следами утилизации. Сюда условно включено скребловидное орудие (чоппер?) со слабой патиной, обнаруженное в осыпи на уровне средней почвы.

Следует обратить особое внимание на находку южнее раскопа, примерно в 50 м вниз по склону, типичного скребла на слабо оглаженном кремневом отщепе крупных размеров (рис. 4, 2). Орудие было извлечено из слоистого суглинка при отборе образца на палеомагнитный анализ в 2013 г. Данный суглинок, который отсутствовал в раскопе, обнаружен только в расчистке и разделял среднюю и нижнюю почвы. Образец

соответствует началу эпохи Матуяма. Это скребло ставит вопрос о наличии еще одного слоя с находками.

Слой III – глеевый горизонт нижней гидроморфной почвы, разбитой трещинами из лежащего выше слоя. Трещины заполнены красноцветной породой из перекрывающей средней ископаемой почвы. В слое четко прослеживаются линзы гальки и гравия, к которым приурочена основная часть находок. В коллекции имеется 15 предметов, включая три чоппера, из которых один крупный (рис. 4, 5) и два мелких, а также кремневую гальку с острием, две кремневых гальки с ретушью, два нуклеуса, включая один из песчаника, одно скребловидное орудие на обломке кремня, пять целых отщепов и один обломок. Все изделия имеют разную оглаженность поверхности и частично синю-белую патиноу. В слое, на границе кв. D–26, 27, обнаружены фрагмент челюсти лошади и мелкие осколки неопределимых костей и рядом же – небольшой чоппер. Первоначально слой был отнесен к позднему комплексу (*Анисюткин, 2014*), но палеомагнитные данные указали на его эоплейстоценовый возраст. Слой существенно деформирован.

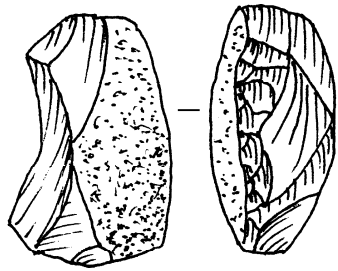
Слой IV расположен в нижней части пойменного аллювия. Этот слой, обнаруженный лишь в 2013 г., представлен выкладкой из плит известняка площадью около 1 кв. м. Здесь найдено три артефакта, в их числе обработанное орудие из кремневого желвака, которое вместе с зубчатой формой было расположено рядом со скоплением. В 8 м северо-западнее скопления (кв. C–20) был обнаружен атипичный скребок на намеренно фрагментированном кремневом отщепе. В слое найдены четыре гальки песчаника и обломок трубчатой кости неопределимого копытного. Кроме того, на кв. C–26, на том же уровне залегания и в тех же пойменных отложениях, были выявлены две гальки песчаника и два крупных обломка известняка с чередующимися сколами. Мощность пойменного аллювия составляет около 1 м, а слоя с находками – около 0,2 м.

Рис. 4. Орудия из разных слоев:

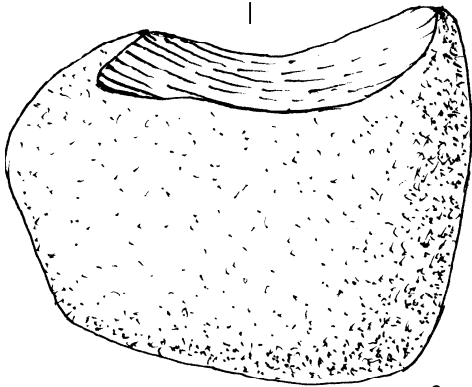
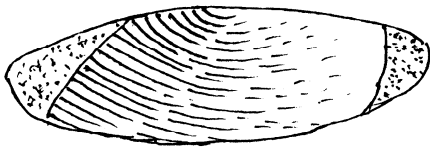
1, 3, 4 – чопперы из слоя V (1 – боковой; 3 – поперечный-primaires; 4 – поперечный – чоппер-рабо);
2 – скребло из расчистки; 5 – чоппер с остриями (слой III).
1, 2, 4, 5 – кремень; 3 – песчаник.

Fig. 4. Tools from different layers:

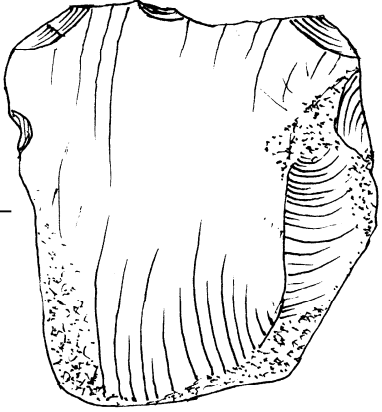
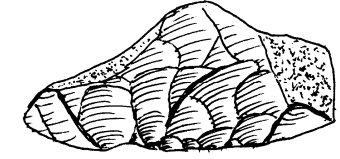
1, 3, 4 – choppers from layer V (1 – lateral; 3 – transversal/primaire; 4 – transversal (chopper/rabot);
2 – scraper from a cleared area; 5 – chopper with points (layer III).
1, 2, 4, 5 – flint; 3 – sandstone.

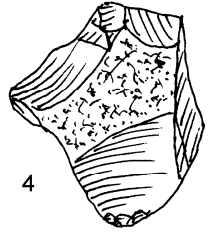
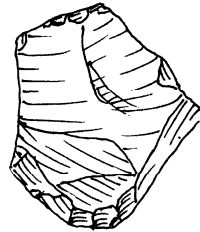
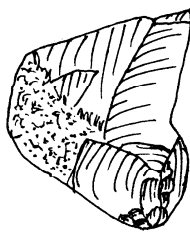
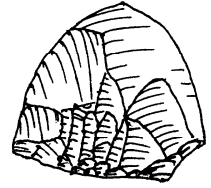
1

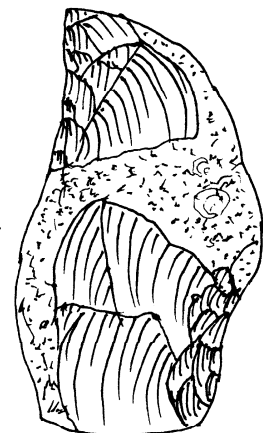
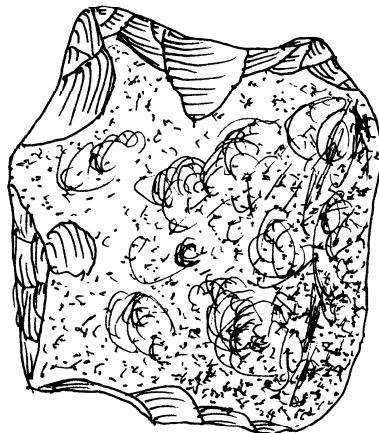
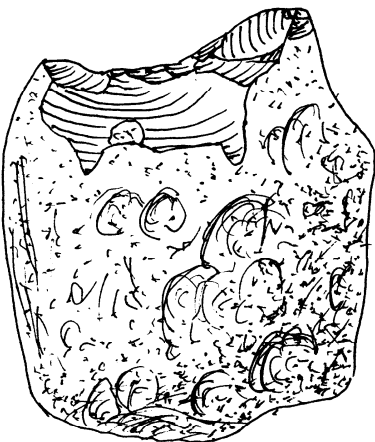
3

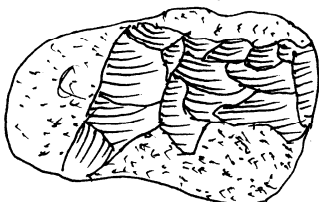
2

4

5

Старичные отложения в виде чередующихся прослоев серого алеврита и оранжево-бурых глеевых слойков, окрашенных в процессе оже-лезнения, которым сопутствуют карбонатные стяжения, лежат ниже. Общая горизонтальная слоистость данных отложений нарушается на отдельных участках проседанием грунта. Толщина алевритовых прослоев достигает 0,10 м, глеевых слойков – около 0,03 м. Мощность отложений около 0,8 м.

Слой V связан с русловым аллювием, представленным прибрежной (пляжной) фацией, для которого характерны прослойки желтого песка и мельчайшего гравия, залегающего на крупно- и мелкозернистом песке рыжевато-бурого и желтовато-коричневого цветов с темноокрашенными марганцевыми линзами. Ниже прослойки песка чередуются с линзами мелкой гальки и гравия. В слое обнаружены единичные обломки неопределимых костей (мелкого оленя?) и многочисленные каменные изделия, поверхность которых отличается характерной заполированностью разной интенсивности. Характер отложений, представленных, как правило, песком и мелким гравием, а также отсутствие следов соударений указывают на то, что данная заполированность не является окатанностью. Ее природа связана, скорее всего, с волновой абразией, которую и сейчас можно наблюдать на песчаном пляже Дубоссарского водохранилища во время сильных ветров с противоположного берега Днестра.

Кремневые изделия залегают горизонтально, скоплениями. Они не имеют патины, а их поверхности в разной степени оглажены (окатаны) – от сильной до незначительной. Вертикальные проекции находок указывают на некоторую упорядоченность распределения материала. Достаточно четко выделяются три-четыре горизонта распространения артефактов.

Ниже 7 м слоистость отложений становится менее выраженной, появляются слои галечника и крупные фрагменты конгломерата. Встреченные здесь единичные артефакты, определенные как слой VI, сильно окатаны, часто сохраняют на поверхностях следы соударений.

Слой VI залегают в слое коричневого песка, мелкого гравия и галечника с обломками конгломерата. Он отделен от слоя V стерильной прослойкой более 0,5 м. В слое найдено всего семь сильно окатанных кремневых изделий, включая односторонний чоппер, три чоппероидных орудия, нуклеус и два отщепы, отличающиеся более

крупными размерами, которые лежат в самых разных положениях, не образуя скоплений и несомненно переотложены. Чешуек не обнаружено. Слой VI изучен на небольшой площади – всего около 2 кв. м, что связано с недостатком финансирования.

Описание каменных изделий слоя V. Для изделий из всех слоев стоянки использовалось одинаковое местное сырье. Преобладали небольшие окатанные желваки и обломки местного кремня черного и серого цветов, отличающиеся плохим качеством. Господствовал сеноманский кремь черного цвета (52 %), изделий из серого туронского кремня было менее половины (44 %). Галечный кремь встречался редко. Остальные породы представлены косоуцким и девонским песчаниками, которые использовались для изготовления относительно крупных галечных орудий, а также единично – яшмой, кварцитом, кварцем, кремнистым известняком.

Слой V дал наиболее обильные находки, основная часть которых (около 700 предметов) связана с участком лишь около 4 кв. м (B, C – 25, 26). Всего в коллекции имеется 884 изделия. Из них непосредственно из слоя происходит 850 артефактов. Остальные выявлены в 2010–2011 гг. в остатках конгломератов или собраны на поверхности галечника (34 экз.). Предложим таблицу основных категорий артефактов из раскопов 2011–2014 гг., в их числе семь предметов из сборов на поверхности 2010 г.

Таблица 1. Основные категории находок слоя V из раскопок 2010–2013 гг.

Table 1. Main categories of finds from Layer V excavated in 2010–2013

Отщепы и чешуйки, включая с ретушью и следами использования	651
Нуклеусы и нуклевидные орудия	40
Орудия на отщепах (и обломках)	140
Галечные формы, включая чопперы	53
Итого:	884

Отчетливо выражено полное преобладание отщепов и чешуек при малочисленности галечных форм, часто изготовленных из прочного косоуцкого песчаника. Многочисленные чешуйки (400), к которым относятся все сколы менее 1 см, а также три мелкие пластинки и девять микропластинок, отчетливо указывают на то, что комплекс каменных изделий не переотло-

жен. Подобный материал, как показывает практика, обычно отсутствует или единичен в аллювиальных отложениях. К тому же большинство чешуек имеет преимущественно слабую оглаженность краев. Сюда дополнительно следует включить пять мельчайших сколов, напоминающих скрученные резцовые отщепки. Отщепов же из песчаника всего пять.

В целом, индустрия имеет микролитический характер, что хорошо демонстрирует таблица, основанная на стратифицированных материалах 2012–2014 гг. Для анализа использованы в основном целые предметы.

Таблица 2. Размеры отщепов

Table 2. Sizes of the flakes

Общее наименование:	Размеры:	Количество:
1. мельчайшие отщепы	12–20 мм	36
2. очень мелкие <40 мм	21–40 мм	127
3. мелкие до 50 мм	41–50 мм	17
4. средние до 60 мм	51–60 мм	7
5. крупные >60	60–80 мм	3

Господствуют бесформенные отщепы с преимущественно гладкими ударными площадками, среди которых естественные (галечные) составляют более 60 %. Индекс общей подправки площадок (IF) – 5,6 %. Имеются немногочисленные точечные и линейные площадки, подправленные (прежде всего двугранные) – единичны. Отмечаются разбитые при раскалывании.

Преобладают массивные отщепы с коэффициентом массивности >30. Обильны отщепы с низким, расплывчатым бугорком. Выпуклые бугорки чаще встречаются среди чешуек, которые, в отличие от чешуек среднего палеолита, нередко весьма массивны. Представлена выразительная серия отщепов с неконическими окончаниями и невыраженными бугорками. На спинке большинства отщепов сохраняется корочное покрытие.

Для наглядности используем серию отщепов, подразделив ее, согласно классификации западных исследователей, исследующих комплексы олдована (*Schick, Toth, 2006. P. 8*), на семь типов, где тип I – первичные отщепы с естественной (корочной) площадкой; тип II – с частичной коркой на дорсальной поверхности, но с естественной площадкой; тип III – без корки на дорсальной поверхности, но сохраняющий корку на ударных площадках; тип IV – первичные отщепы, но с обработанной ударной площадкой; тип V – сколы с частичной коркой только на дор-

сальной поверхности; тип VI – без корки и тип VII – с неопределимыми признаками. Совместим эти признаки с размерами отщепов.

Таблица 3. Типы отщепов раннего комплекса каменной индустрии Байраки (2011–2013 гг.)

Table 3. Types of the flakes of the earlier complex of the stone industry of Bayraki (2011–2013)

Размеры:	Тип I	Тип II	Тип III	Тип IV	Тип V	Тип VI
до 20 мм	10	16	17	1	5	4
21–30 мм	6	16	16	4	11	7
31–40 мм	4	7	2	2	4	8
41–50 мм	–	3	1	–	2	2
> 50 мм	1	1	–	–	2	–

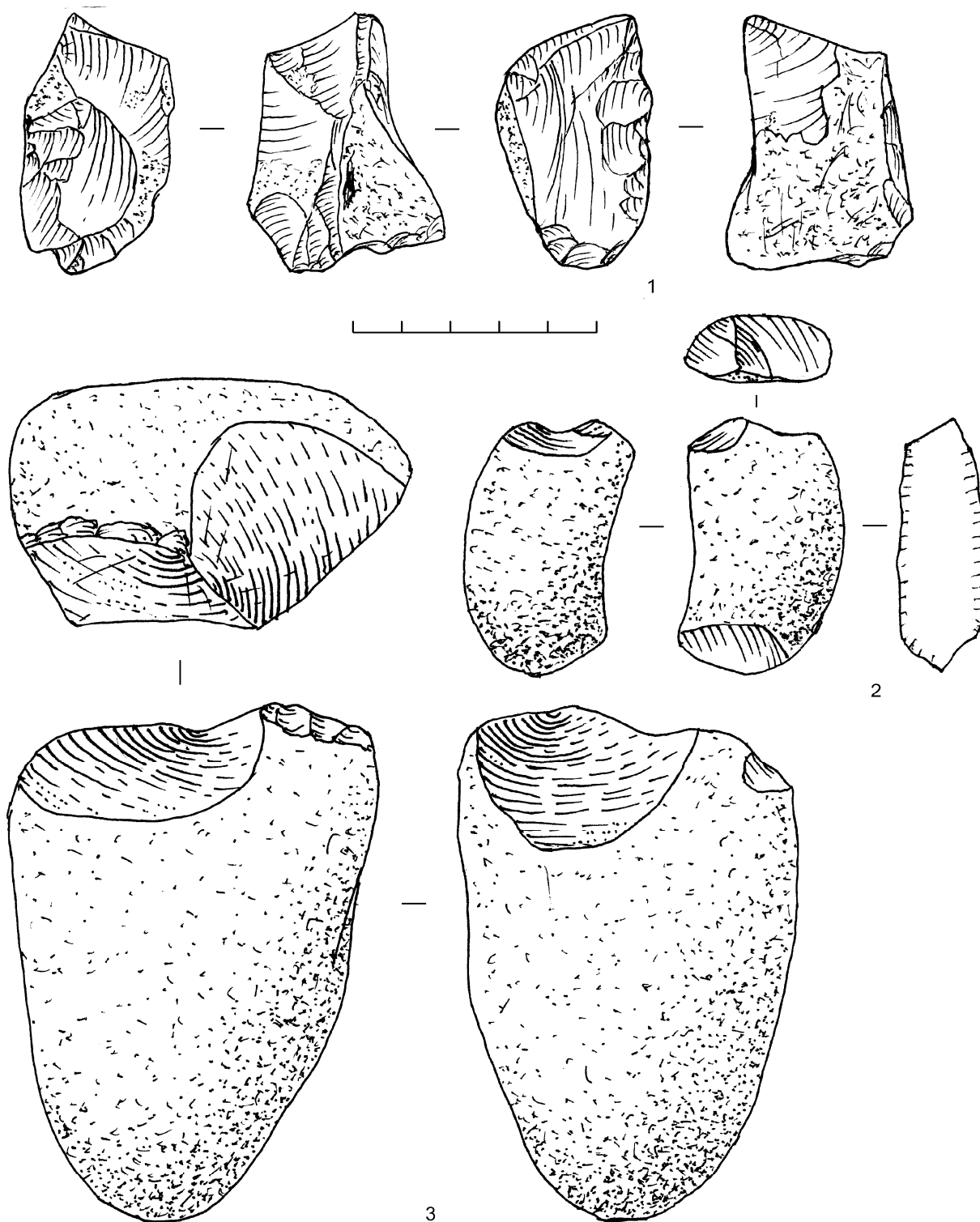
При анализе таблицы обращает на себя внимание обилие мелких отщепов, в их числе первичных. Многочисленны отщепы со значительным корочным покрытием (т. е. первичные и полупервичные) – 70 экз. (46,05 %), в то время как прочих – 82 экз. – 53,9 %. Чаще всего на дорсальных поверхностях прослеживается не более двух снятий, в то время как доля отщепов с негативами трех или более сколов также весьма заметна – 44 экз.

Нуклеусы часто атипичны. Морфологически определяемые образцы, в отличие от среднего и даже раннего палеолита, малочисленны. Многие из них могут рассматриваться как орудия.

Всего выделено 40 нуклеусов и нуклевидных обломков, в их числе семь нуклевидных орудий, включая рабо. Нуклеусы подразделены на следующие группы: одноплощадочные – 5 экз., двухплощадочные – 3 экз., многоплощадочные – 6 экз., радиальные – 4 экз., атипичные – 16 экз., нуклевидные обломки – 6 экз. Почти все нуклеусы изготовлены из кремня и преимущественно имеют мелкие размеры. Исключением является один многоплощадочный нуклеус крупных размеров (91 × 76 × 52 мм) с ортогональной системой раскалывания (см. *Анисюткин и др., 2012б. Рис. 5, 3*). Скалывание постоянно производилось с неподготовленных, естественных рабочих площадок. Среди многоплощадочных и атипичных нуклеусов могут быть выделены характерные для олдована формы, которые принято называть «полиэдрами». На одном из них выделен четкий скребковый рабочий элемент.

Галечные или нуклевидные формы, изготовленные либо из прочного косоуцкого и менее прочного девонского песчаника, либо из кремня, чаще всего имеют более крупные размеры. Наиболее крупным изделием, длина которого

Рис. 5. Каменные орудия слоя V:

1 – нуклеидное орудие пиковидной формы; 2, 3 – чопперы частично двусторонние с чередующейся обработкой.
1, 2 – кремь; 3 – песчаник.

Fig. 5. Stone tools from layer V:

1 – nucleus-shaped pick-like tool; 2, 3 – partly bifacial choppers with alternating retouch.
1, 2 – flint; 3 – sandstone.

превышает 170 мм, является пиковидное орудие, изготовленное из обломка известняка. Еще два кремневых пиковидных орудия с частичной двусторонней обработкой могут быть отнесены к крупным нуклеидным формам. Самые крупные чопперы из косоуцкого песчаника имели длину до 120 мм. Кремневые же отличаются более мелкими размерами.

Чопперы, которые характеризуются разной степенью оглаженности, в большинстве случаев являются макроорудиями. Они могут быть в предварительном плане подразделены на такие группы: с поперечными рабочими краями (в их числе три концевых) – 8 экз. (рис. 4, 3, 4); с продольными рабочими краями – 2 экз. (рис. 4, 1), частично двусторонние с альтернативной обработкой поперечного конца – 3 экз. (рис. 5, 2, 3; 6, 3), с заостренными концами – 2 экз. (рис. 6, 2), двулезвийные односторонние – 2 экз., двусторонние – 3 экз. (рис. 6, 1).

Среди чопперов важно обратить особое внимание на формы, характерные для пре-ашеля Северной Африки (рис. 4, 3; 5, 2–3; 6, 3). Они в свое время выделялись в известных классификациях Биберсона и Рамендо (*Ramendo*, 1963; *Biberson*, 1967; *Chavallion*, 2004). Речь идет о трех поперечных с выемчатыми рабочими краями, образованными одним сколом (тип 11 по классификации Рамендо), а также о трех частично двусторонних с альтернативной обработкой конца (тип 21) (*Ramendo*, 1963). Чопперы выемчатые с одним глубоким сколом специально отмечены в древнейших олдованских индустриях Африки и Европы (рис. 4, 3). Они описаны Люмлеем как «первичные» (*choppers premaïres*) (*Lumley et al.*, 2009. P. 38).

Преобладающие в коллекции микроорудия, изготовленные из отщепов или обломков кремня, часто бывает сложно отнести к какой-либо категории, учитывая наличие нескольких рабочих элементов, что, в целом, обычно для раннего палеолита.

Среди остриев выделено два тайякских и девять проколов. Остальные можно отнести к массивным с «шипом».

Скребки многочисленны – 22 экз. Среди них можно выделить серию из нескольких скребков каренэ, включая формы типа рабо (рис. 7, 4; 8, 4), а также серию из пяти скребков на мелких отщепах (рис. 9, 1–4).

Скребел найдено 33. Они весьма разнообразны. Отмечено несколько комбинированных

форм, сочетающих на одном орудии различные рабочие элементы. Весьма характерны два угловатых (*déjetés*) скребла на отщепах. Четкой серией представлены три скребла с остриями (рис. 7, 5; 9, 10).

Таблица 4. Орудия слоя V
Table 4. Tools from Layer V

Орудия :	На отщепах	На обломках
1. острия	16	5
2. скребла	19	12
3. скребки	11	11
4. резцы	3	–
5. ножи с обушками	7	–
6. выемчатые орудия	7	2
7. зубчатые орудия	9	–
8. протобифасы	1	2
9. клювовидные орудия	18	5
10. долотовидные	–	2
11. прочие	3	7

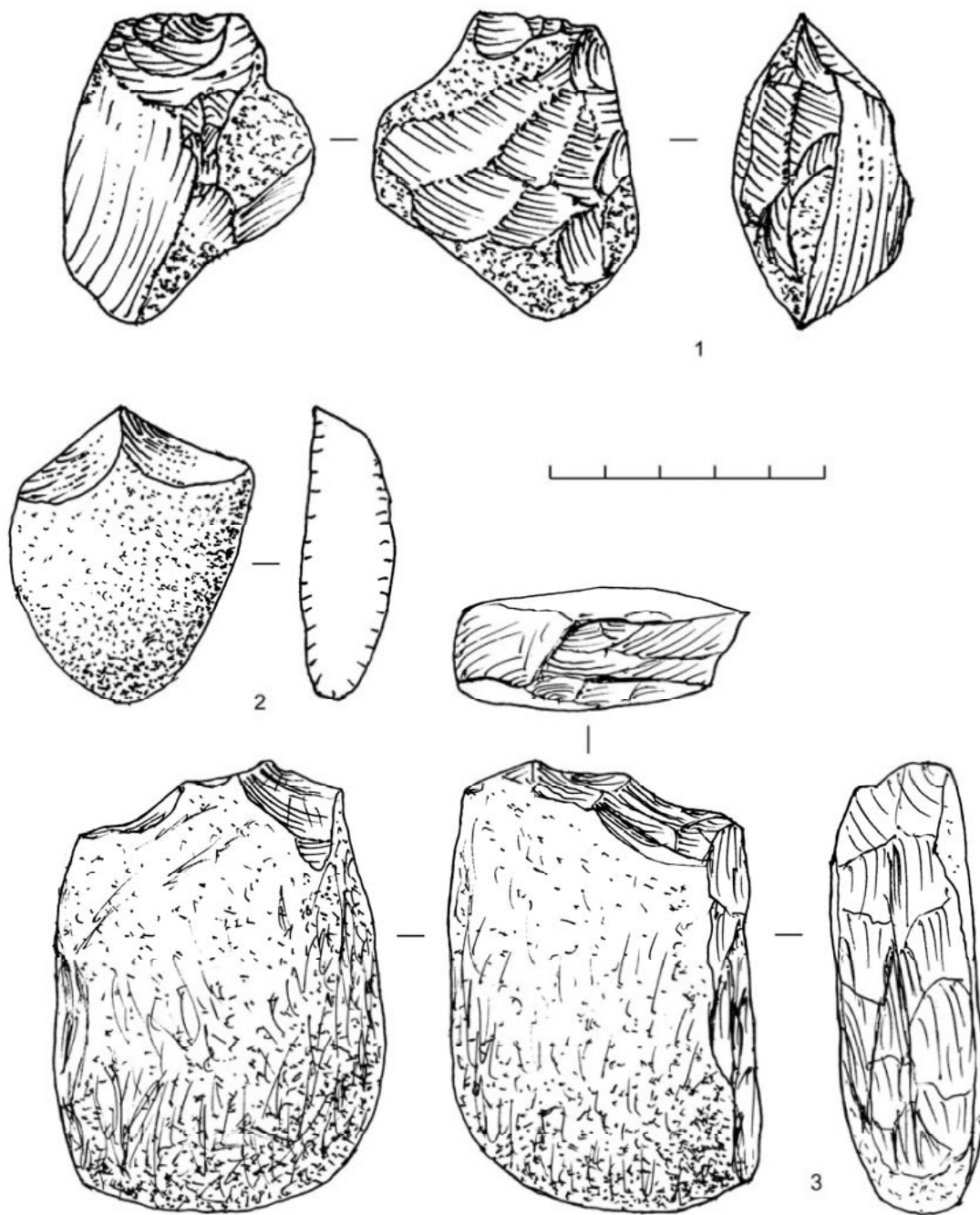
Категория резцов представлена всего тремя предметами. Из них два можно описать как плоские и один с микрорезцовым сколом. Дополнительно отметим наличие шести краевых микросколов, напоминающих резцовые отщепки, которые, как и микропластинки, скорее всего, являются результатом широкого применения биполярной, контрударной техники раскалывания камня.

Почти все ножи имеют естественные обушки, включая с поперечно-косым обломом верхней части отщепа (рис. 7, 2), и лишь у одного отмечена частичная обработка крутой, встречной ретушью (рис. 9, 7).

Выемчатые и зубчатые орудия малочисленны. В их число не включены изделия с микрорезцовой ретушью. Орудия с клетонскими выемками преобладают.

Интересными является три небольших орудия с частичной двусторонней обработкой краев, которые условно можно отнести к протобифасам, что не является окончательным. Данные орудия являются скорее скреблами с двусторонней обработкой, отличаясь от типичных бифасальных форм (рис. 8, 5). Сюда можно было бы условно включить два крупных пиковидных орудий с частичной двусторонней обработкой (рис. 5, 1; 9, 12).

Наиболее представительной и яркой является группа клювовидных орудий, для которых характерно сочетание четких признаков (рис. 10).

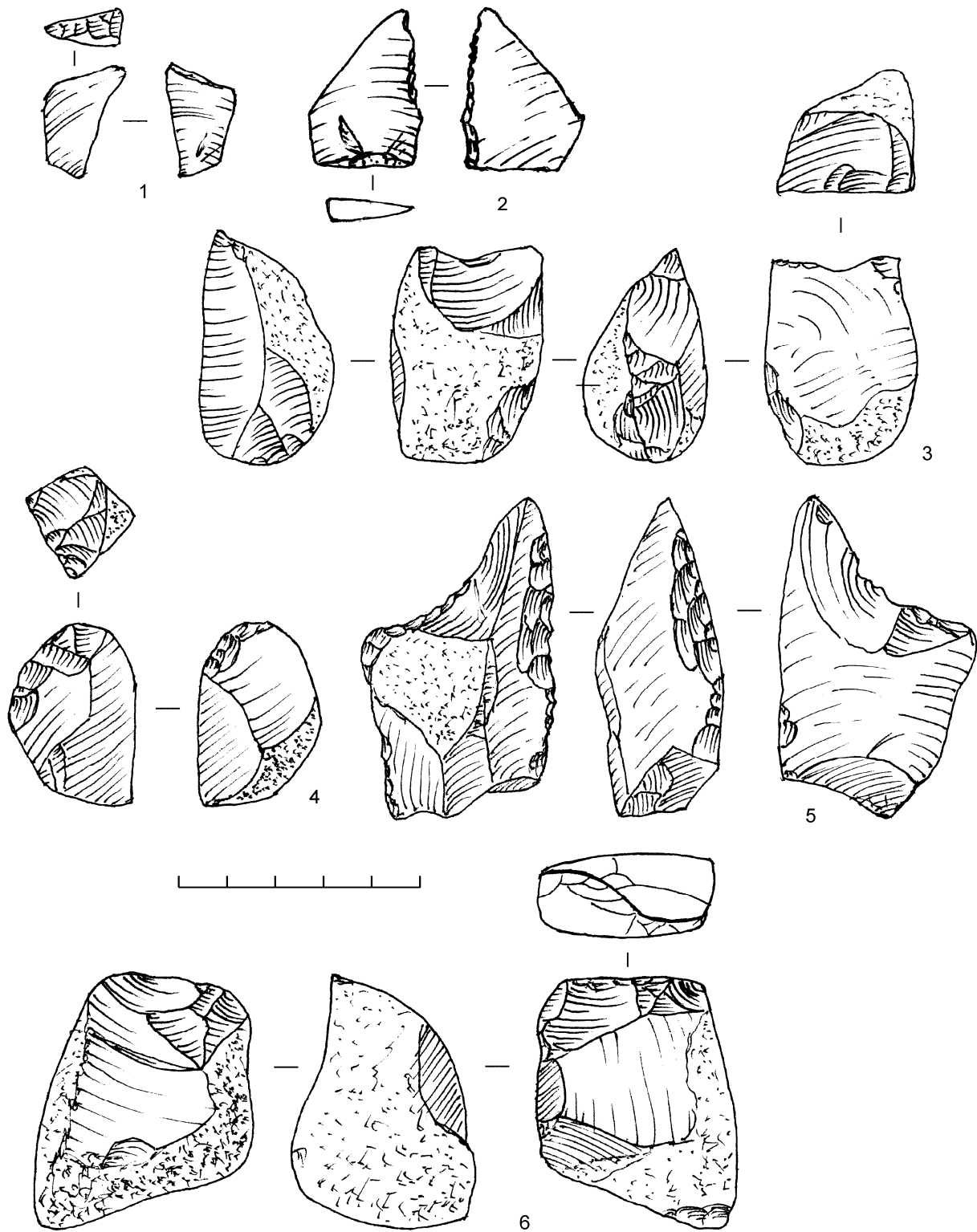

Рис. 6. Чопперы слоя V:

1 – двусторонний; 2 – остроконечный; 3 – частично двусторонней с чередующейся обработкой.
1 – кремль; 2, 3 – песчаник.

Fig. 6. Choppers from layer V:

1 – bifacial; 2 – pointed; 3 – partly bifacial chopper with alternating retouch.
1 – flint; 2, 3 – sandstone.

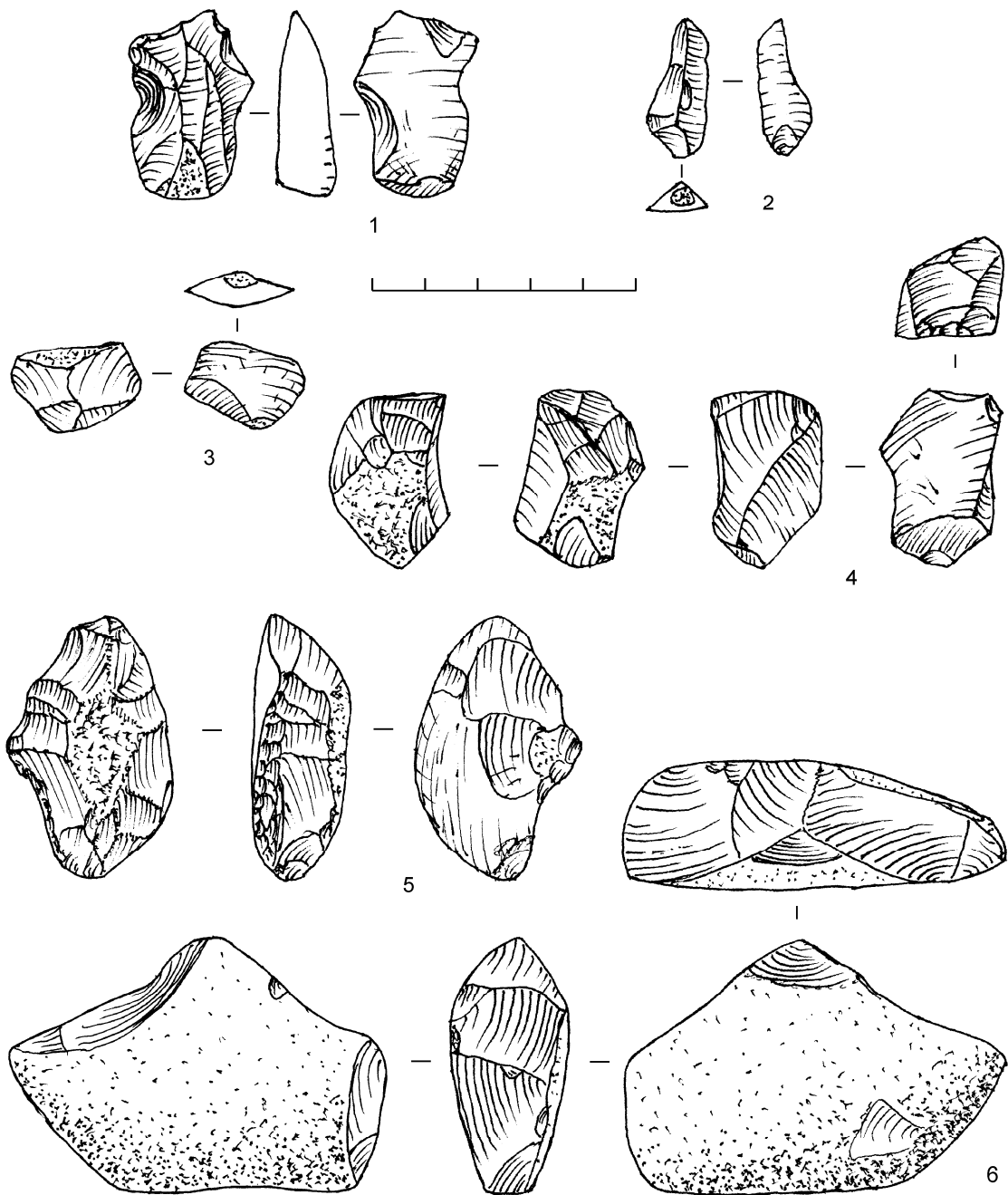

Рис. 7. Кремневые орудия слоя V:

1 – отщеп с поперечной ретушью конца; 2 – нож с обушком; 3 – чоппер односторонний (долотовидный); 4, 5 – скребла (5 – с острием); 6 – чоппер двусторонний.

Fig. 7. Flint tools from layer V:

1 – flake with transversal retouch of the end; 2 – backed knife; 3 – unifacial chopper (esquille); 4, 5 – scrapers (5 – with a point); 6 – bifacial chopper.

Рис. 8. Кремневые изделия слоя V:

1 – зубчатое орудие; 2 – пластинка; 3 – отщеп; 4 – чоппер-рабо; 5 – протобифас; 6 – галечное орудие (подъемный материал – слой VI?).

Fig. 8. Flint artefacts from layer V:

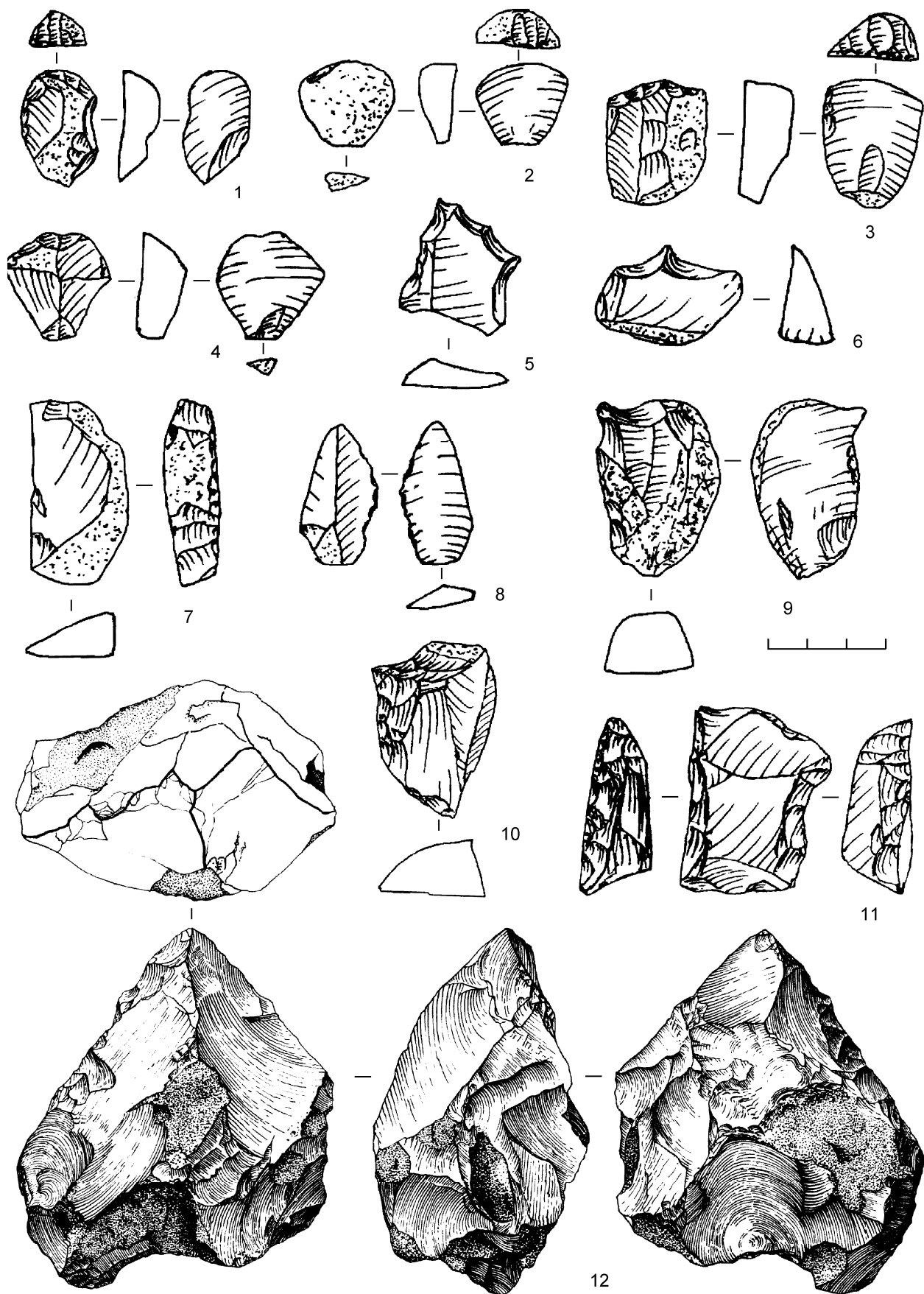
1 – denticulate tool; 2 – blade; 3 – flake; 4 – chopper/raibot; 5 – proto-biface; 6 – pebble tool (stray find – layer VI?).

Рис. 9. Кремневые орудия слоя V:

1–4 – скребки на отщепах; 5, 6, 9 – острия и проколки; 7–8 – ножи с обушками; 10–11 – скребла (10 – с острием); 12 – протобифас пиковидной формы.

Fig. 9. Flint tools from layer V:

1–4 – scrapers on flakes; 5, 6, 9 – points and borers; 7–8 – backed knives; 10–11 – scrapers (10 – with a point); 12 – proto-biface of a pick-like shape.

И если клювовидные острия представлены только 5 изделиями, которые изготовлены на отщепках (3 экз.), обломках (1 экз.) и на небольшой гальке косоуцкого песчаника, то клювовидные резакки, аналогичные bill-hooks английских исследователей, были многочисленны и выразительны (19 экз.). Все они изготовлены из кремня, в их числе на отщепках – 14, на естественных обломках – 3, одно орудие из остаточного нуклеуса и еще одно на мелкой кремневой гальке (рис. 10, 3). Рабочий элемент этих орудий имеет форму клюва, выделенного выемкой, приуроченной к краю заготовки, ограниченному либо обломом, либо крутой поперечной ретушью, либо, что редко, ударной площадкой. Режущая кромка располагается на пересечении выемки и поперечно усеченного края, который играет роль своеобразного обушка. На самом «клюве» очень часто прослеживаются фасетки ретуши или микросколов, нередко резцовых (микрорезцовых). Преобладают клетонские выемки (15 экз.). Обушки чаще всего выделены оббивкой или ретушью (11 экз.), реже обломом, нередко намеренным (7 экз.). Обушок одного орудия является ударной площадкой отщепа, по краю которого нанесена ретушь, формируя лезвие простого скребла (рис. 10, 6).

Подобные клювовидные формы можно отметить в ряде публикаций по раннему палеолиту, включая клетон Англии, ранний ашель Кавказа (Кударо 1) и олдован Евразии – стоянки Богатыри–Синяя балка и Родники на Таманском полуострове, а также Карама на Алтае (Любин, Беляева, 2004; Щелинский, Кулаков, 2007; Щелинский, 2014; Дервянко и др., 2005).

Особенности индустрии. Коллекция слоя V характеризуется примитивной техникой первичного раскалывания, где заметное место занимает биполярный способ, который считается для олдованских индустрий весьма показательным (Van der Drift, 2012). Характерно абсолютное преобладание изделий на мелких отщепках при малочисленности чопперов. Подобная картина обычна для ряда олдованских комплексов. Например, комплексы «развитого олдована» (Developed Oldowan) с разных участков Олдувайского ущелья демонстрируют заметную вариативность общего количества чопперов, изменяющихся от 4,4 % до 11,4 % (Leakey, 1967. Fig. 2; Harris, Isaak, 1976). Еще более контрастную картину дают олдованские комплексы из южной Испании с датой 1, 2 млн лет – Barranco Leon,

Fuente Nueva, которые содержат вообще ничтожное количество галечных орудий (Lumley et al., 2009).

Особенностью комплекса слоя V стоянки Байраки является сочетание примитивной технологии первичного раскалывания камня с сериями стандартных орудий на отщепках, включая, прежде всего, клювовидные формы (bill-hooks), а также скребки и проколки. Их наличие позволяет сопоставить каменную индустрию слоя V с классическим или типичным олдованом Африки (Lumley et al., 2009), но в своеобразном микролитическом варианте.

Заключение. Обильные археологические материалы дают полное основание отнести каменную индустрию стоянки Байраки к развитому (классическому) олдовану, возможно сопоставимому с типом B, который является наиболее поздним в стратиграфической колонке Олдувайского ущелья (Schick, Toth, 2006. P. 4).

Палеомагнитные исследования, завершившиеся в 2013 г., установили окончательную геохронологию нижних слоев III–VI, согласно которой каменные индустрии выявленного здесь развитого олдована относятся к эоплейстоцену (раннему плейстоцену), т. е. к палеомагнитной эпохе Матуяма (Matujama), а слои IV, V – к эпизоду Харамильо (Jaramillo) – 0,9–1,1 млн лет назад.

Важно еще раз подчеркнуть присутствие в олдоване Приднестровья, наряду с совокупностью типичных для этого периода технико-морфологических признаков, серий орудий стандартных форм. Можно говорить об особой микролитической индустрии, имеющей, вероятно, некое единство с древнейшим палеолитом Дагестана (Амирханов, 2007; Проблемы палеолита..., 2012).

В настоящее время у нас пока нет твердых доказательств наличия несомненной преемственности между древними и более поздними комплексами, что в первую очередь зависит от количества материала: во всех слоях стоянки, кроме слоя V, коллекции каменных изделий малочисленны и недостаточны для полноценного научного анализа.

На стоянке Байраки, впервые в Восточной Европе, выявлена четкая стратиграфическая последовательность существования комплексов раннего палеолита, отмеченных здесь на огромном временном отрезке – от раннего неоплейстоцена до позднего эоплейстоцена включительно. Это

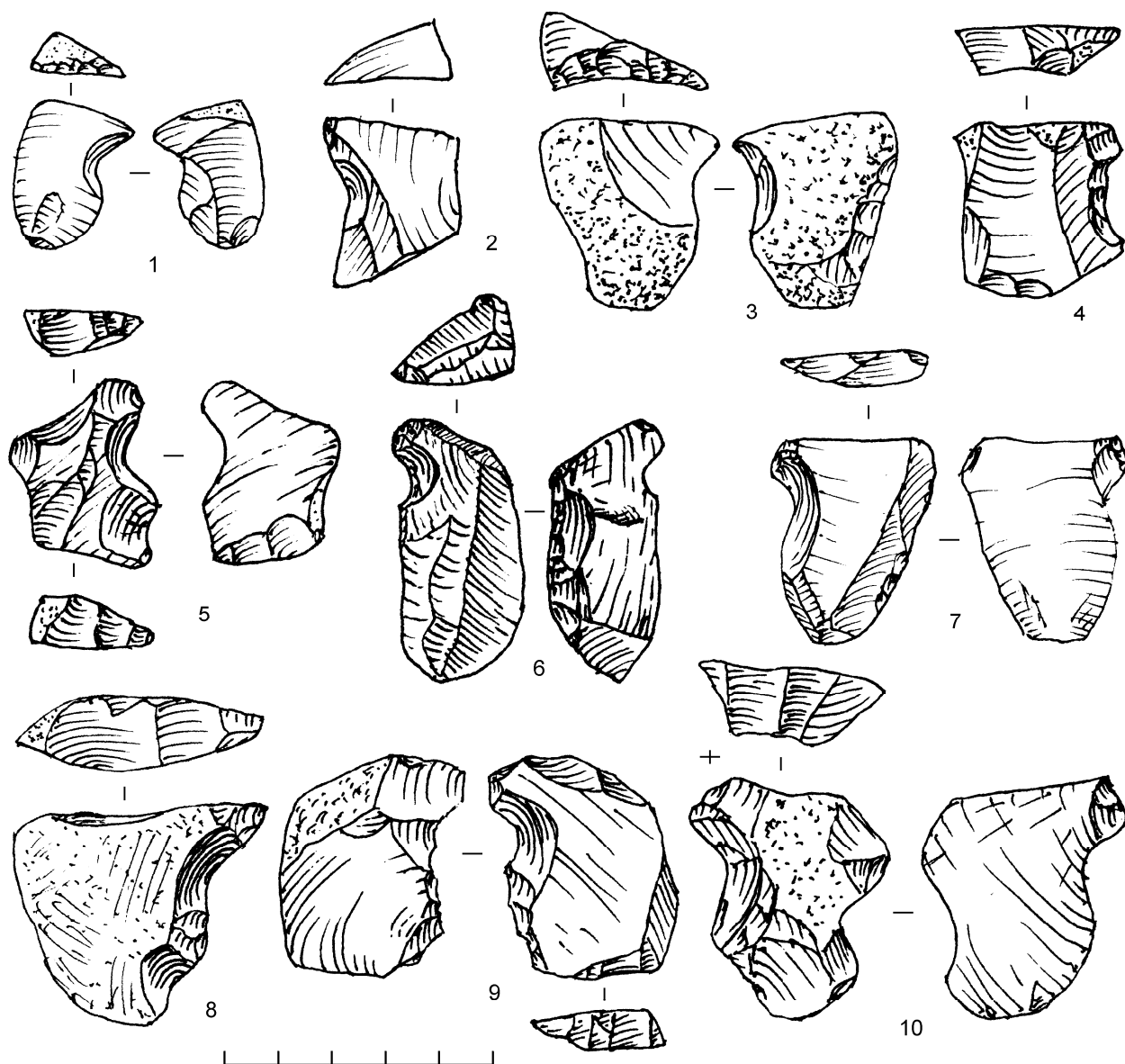

Рис. 10. Кремневые клювовидные орудия (bill-hooks) слоя V.

Fig. 10. Flint bill-hooks from layer V.

обстоятельство позволяет рассматривать Байраки как очень важный георхеологический объект, всестороннее изучение которого имеет большую научную ценность для широкого круга ученых, изучающих историю Земли.

Адаменко и др. 1996 – Адаменко О. М., Гольберт А. В., Осюк В. А., Матвишина Ж. Н., Медяник С. И., Моток В. Е., Сиренко Н. А., Чернюк А. В. Четвертичная палеогеография. Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. Киев, 1996.

Амирханов, 2007 – Амирханов Х. А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. Предварительные результаты. М., 2007.

Анисюткин, 1994 – Анисюткин Н. К. Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины // Археологические вести. СПб., 1994. № 3.

Анисюткин, 2014 – Анисюткин Н. К. Поздний комплекс раннепалеолитической стоянки Байраки на Нижнем Днестре // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник. СПб., 2014. Вып. № 3.

Анисюткин и др., 2011 – Анисюткин Н. К., Коваленко С. И., Бурлаку В. А. Новые данные о раннем палеолите Приднестровья // Rivista Archeologica. Serie nova. Vol. VII, N 1–2. Chisinau, 2011.

Анисюткин и др., 2012а – Анисюткин Н. К., Коваленко С. И., Бурлаку В. А., Очередной А. К., Чепалыга А. Л. Байраки – новая стоянка раннего палеолита на нижнем Днестре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49).

Анисюткин и др., 2012б – Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И., Очередной А. К. Раскопки стоянки раннего палеолита

- та Байраки в 2011 году // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 4 (52).
- Анисюткин и др., 2013а – Анисюткин Н. К., Коваленко С. И., Ларионова А. И., Очередной А. К., Степанова К. Н., Чепалыга А. Л. Предварительные итоги междисциплинарных исследований многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье) в 2011–2012 годах // *Tyragetia. Arheologie, Istorie, Antica. Serie noua*. 2013. Vol. VII [XXII], N 1.
- Анисюткин и др., 2013б – Анисюткин Н. К., Степанчук В. Н., Чепалыга А. Л. Крещшты, новое местонахождение раннего палеолита с галечной индустрией на Днестре: Каменные изделия, геологические условия, возраст // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии / Ред. С. А. Васильев. СПб., 2013.
- Антропоген и палеолит..., 1986 – Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья: Путеводитель экскурсий VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Кишинев, 1986.
- Деревянюк и др., 2005 – Деревянюк А. П., Шуньков М. В., Болиховская Н. С., Зыкин В. С., Зыкина В. С., Кулик Н. А., Ульянов В. А., Чирикун К. А. Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае. Новосибирск, 2005.
- Любин, Беляева, 2004 – Любин В. П., Беляева Е. В. Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо I (Центральный Кавказ). СПб., 2004 (Труды ИИМК РАН; Т. XII).
- Проблемы палеолита..., 2012 – Проблемы палеолита Дагестана / Ред. М. В. Шуньков. Новосибирск, 2012.
- Чепалыга и др., 2012 – Чепалыга А. Л., Анисюткин Н. К., Садчиковая Т. А. Древнейшая в Восточной Европе палеолитическая стоянка Байраки на Днестре: возраст, палеоландшафты, археология // БКИЧП. М., 2012. № 71.
- Чепалыга и др., 2013 – Чепалыга А. Л., Анисюткин Н. К., Тубихин В. М., Садчиковая Т. А., Пирогов А. Н. Геоархеология раннего палеолита (олдован) Северного Кавказа и долины Днестра: возможные пути миграции древнейших архантропов в Европу // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и дальнейшие направления исследований: Сб. статей (Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону, 2013.
- Четвертичная система..., 1982 – Четвертичная система. Стратиграфия СССР. Полумтом 1. М., 1982.
- Щелинский, 2014 – Щелинский В. Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в западном Предкавказье. СПб., 2014.
- Щелинский, Кулаков, 2007 – Щелинский В. Е., Кулаков С. А. Богатыри (Синяя балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // Российская археология. М., 2007. № 3.
- Anissutkine, 1987 – Anissutkine N. K. De nouvelles donnees sur le Paleolithique ancien de la Moldavie // *L'Anthropologie*. T. 91, N 1.
- Biberson, 1967 – Biberson P. Fiches typologiques africaines. 2 Cahier: Fiches 33–64. Galets amenes du Maghreb et du Sahara // *Congres Panafrican de Prehistoire et etudes Quaternaires*. Museum national d'Histoire Naturelle. Paris, 1967.
- Chavallion, 2004 – Chavallion N. Prehistoric archaeology. The site of Gombore I. Debitage and tools on flake // *Studies on the Earley Paleolithic site of Melka Kunture, Ethiopia* / Ed. J. Chavallion and M. Piperno. Florence, 2004.
- Harris, Isaak, 1976 – Harris J. W. K., Isaak G. The Karari Industry: Early Pleistocene archeological evidence from the east of Lake Turkana, Kenya // *Nature*. 1976. Vol. 262, July.
- Leakey, 1967 – Leakey M. D. Preliminary survey of the cultural material from Bed I and Bed II, Olduvai Gorge, Tanzania // *Background to Evolution in Afrika. Proceedings of Simposium held at Burg Warstein, Austria, July–August 1965*. Chicago, 1967.
- Lumley et al., 2009 – Lumley de H., Barsky D., Cauche D. Les premieres etapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivee de l'Homme sur les rives de la Mediterranee // *L'Anthropologie*. Paris, 2009. Vol. 113.
- Ramendo, 1963 – Ramendo L. Les galets amenes de Reggan (Sahara) // *Libya. Anthropologie, Prehistoire, Ethnographie*. T. XI. Centre de recherches. Anthropologie, Prehistoire, Ethnographie. Alger, 1963.
- Schick, Toth, 2006 – Schick K., Toth N. An Overview of the Oldowan Industrial Complex: The sites and the Nature of Their Evidenc // *The Oldowan: Case Studies Into the Earliest Stone Age* / ed. by N. Toth, K. Schick. Gosport: Stone Age Institute, 2006. (Stone Age Institute publication series; N 1).
- Van der Drift, 2012 – Van der Drift J.-W. P. Oblique bipolar flacing, the new interpretation of mode-1 // *Notae Praehistoricae*. 2012. Vol. 32.

**Results of five-year-long investigations (2010–2014)
of the multilayered Lower Palaeolithic site of Bayraki, the most ancient
in the South-West of Eastern Europe (Transdnestria)**

N. K. Anisutkin, A. L. Chepalyga, S. I. Kovalenko

This paper presents the preliminary results of five-year-long (2010–2014) investigations of the Lower Palaeolithic site of Bayraki situated on the high seventh terrace of the Dniester River in the surroundings of the Moldovan city of Dubossary (Transdnestria). This site was discovered in 2010 and was investigated in 2011–2014 by a group of scientists including archaeologists (Institute of the History of Material Culture, Saint Petersburg, and the Laboratory of Archaeology, Taras Shevchenko Transnistria State University, city of Tiraspol), as well as Russian geologists and palaeogeographers

(Institute of Geology RAS and Institute of Geography RAS, Moscow). These interdisciplinary investigations established the multi-layered character of the site and established reliable dates for it.

It is essential that these discoveries were made at the immediate proximity to the previously known sites of the Lower Palaeolithic – Pogrebya and Bol'shoy Fontan (Dubossary 1) revealed as early as in the 1980th on the high 7th terrace above the flood plain of the Dniester River in the surroundings of the city of Dubossary. On the same terrace, the site of Bayraki is located. It is the first time that Palaeo-

lithic studies were conducted on the so high terrace where the deposits, according to the previous researches of geologists of USSR, are of a very deep antiquity. Thus the riverbed alluvium of this terrace is dated to the Eopleistocene period, and the loess and soil layer belongs to the Middle and Early Pleistocene. It is exactly in these geologic deposits that ancient stone tools of primeval man were found. They were linked both with fossil soils and with deposits of the riverine alluvium including its flood plain and riverbed fascia.

At the site, six archaeological layers have been revealed. The most numerous artefacts were retrieved from Layer V. The latter has yielded 884 objects of flint and other rocks, including sandstone, quartzite, quartz, jasper and limestone. There have been found the following categories of artefacts:

Flakes and pieces including retouched specimens and those with traces of use wear	651
Nuclei and core-like tools	40
Tools on flakes (and on blades)	140
Pebble forms including choppers -----	53 -----
Total:	884

A dozen of bones of fossil animals are represented by small fragments which all turned to be unidentifiable with the exception of a fragment of a phalanx of a small deer (?).

In the upper layer bedding in the loam between the upper and middle fossil soils, were found 15 artefacts including two cores, three scrapers, one scaled piece, five flakes and four pieces. They all are fabricated from flint and are coated with white patina excluding a scraper from Cosăuți sandstone which naturally cannot be patinated. The state of preservation of the artefacts is satisfactory. The most distinct is a scraper with a point on a fragment of a flint pebble with the working edge emphasized by retouch of the Quina type.

In Layer II formed by the middle red-coloured fossil soil, were found 20 artefacts without patina including one end chopper, two cores, four scrapers, one flake with retouch, four flakes and seven pieces, as well as a sandstone pebble with traces of utilization. In addition, a slightly patinated scraper-like tool (chopper ?) found in a talus at the level of the middle soil perhaps is to be included in this collection as well. All the stone tools from that layer have no patina and their surfaces are well preserved. In

addition, in this layer, also two fragments of unidentifiable bones were found.

In Layer III, the finds were deposited in the lower hydromorphous fossil soil lying immediately on the accretions of the flood-plain alluvium. Here, there were found 15 slightly rounded artefacts including three choppers, as well as a flint peddle with a point, two retouched flint pebbles, two nuclei including one made from sandstone, one scraper-like tool on a fragment of flint, five complete flakes and a fragmentary one. All the artefacts have differently smoothed surfaces and partly blue-white patina. The deposits of this layer are considerably disturbed by erosion. At the border of square D-26, 27, in the layer under consideration were found a fragment of a horse jaw with two teeth and small fragments of unidentifiable bones. To the abovementioned jaw, a horse tooth (M3) fits which was found earlier in the same place in a spot cleared by geologists. The remains of the horse, according to identification by the Moldovan palaeozoologist Roman Croitor (Centre for Archaeology of the Institute of Cultural Heritage AS of the Republic of Moldova), belong to the archaic variant of *Equus suessenbornensis*.

Layer IV was distinguished in the base of the stratum of flood-plain alluvium. In this layer, there were found an accumulation of limestone slabs and three stone artefacts including two pebble tools and an end scraper on a blade fragment. These finds were distributed over an area of about 1 sq. m. In addition, there were uncovered a number of sandstone pebbles and two fragments of a worked limestone block, as well as an unidentifiable fragment of a bone of an ungulate.

The lowest layers V and VI are deposited in the riverbed alluvium. Layer V is located in stratified deposits of gravel and sand corresponding to the beachfront (riverside) fascia, while the lowest layer (VI) was found in the pebbles of the riverbed fascia. All the finds from Layer V have a different extent of roundedness of surfaces, while six flint tools of Layer VI are considerably rounded.

All the layers are disturbed to different extent. Layer II is the best preserved, the other ones are essentially disturbed and Layer V is redeposited.

The stone industry of Layer V, the richest in finds comprising nuclei, flakes and tools on them, as well as a few choppers, is comparable with the advanced Oldowan. The peculiar character of this industry is in the abundance of small flakes including pieces and the presence of standard forms of flake tools.

Palaeomagnetic investigations completed in 2013 established the geochronology of the lower layers III–VI according to which the stone industries of the Oldowan period here identified are dated to the Eopleistocene (Early Pleistocene) i. e. to the palaeomagnetic epoch of Matuyama while layers IV

and V – to the Jaramillo subchron (0,9–1,1 m. y. BP). Layers I and II are related to the Brunhes epoch, i. e. they are aged under 750 thousand years. According to the aggregate of data, in particular the evidence of stratigraphy and palinology, the deposits of the upper Layer I are older than 450 thousand years.

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИЙ ПЕРВОБЫТНЫХ ИЗДЕЛИЙ: СЛЕДЫ ИЗНОСА НА ОРУДИЯХ, ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ)

В. Е. Щелинский¹

В статье анализируются история и современное состояние трасологического метода изучения функций доисторических орудий, предложенного более 70 лет назад С. А. Семеновым. Рассматриваются общие методологические принципы трасологических исследований, а также необходимые процедуры выявления, анализа и функциональной интерпретации следов износа на орудиях. Показаны основные сферы применения данных трасологического анализа функций орудий. Обращается также внимание на факторы, ограничивающие применения трасологического метода в археологии.

This paper analyzes the history and present-day state of the method proposed more than 70 years ago by S. A. Semenov for studies of the functions of primeval tools. The problems here considered include the general methodological principles of use-wear studies, as well as the indispensable procedures of identification, analysis and functional interpretation of traces of use on the tools. The main spheres of application of the data of use-wear analysis of the functions of tools are demonstrated. Also attention is drawn to the factors which limit the range of employment of the use-wear method in archaeology.

Ключевые слова: трасологический метод в археологии, use-wear analysis, функции доисторических орудий.

Keywords: usewear analysis in archaeology, functions of prehistoric tools.

Предисловие. В каменном инвентаре палеолитических стоянок нередко изделия, форма и детали обработки которых вполне определенно указывают на их функциональное назначение. Намеренное оформление этих орудий под соответствующие функции свидетельствует о регулярности применения и производственной специализации этих изделий и, следовательно, о важности тех видов деятельности, в которых они использовались. Наличие таких орудий в каменном инвентаре стоянок позволяет составить определенное представление о технике и структуре производственной и бытовой деятельности первобытных людей. Однако функции большинства первобытных каменных изделий, включая немодифицированные продукты расщепления (отщепы, пластины, пластинки), не могут быть определены по форме этих изделий, и о них можно только догадываться, учитывая,

например, наряду с морфологией, археологический контекст находок.

Это хорошо понимал С. А. Семенов, предложивший еще в 30–40 гг. прошлого века специальный метод определения функций первобытных орудий по сохранившимся на них следам износа от использования в работе. Первоначально этот метод назывался «методом изучения функций орудий по следам работы» (Семенов, 1940а, б; 1957) и лишь позднее был переименован в «трасологический метод» (от французского слова *tracé* – след, отпечаток) (Семенов, 1966). С помощью этого метода предполагалось максимально точно определять функции орудий (рабочие операции и материалы, обрабатываемые орудиями) из инвентаря археологических памятников с целью изучения техники, производства и в целом хозяйства первобытных человеческих коллективов.

Трасологический метод получил широкое распространение в археологических исследованиях. При этом продвижению его в европейской

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

и американской археологии во многом способствовал перевод книги С. А. Семенова «Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы)» на английский язык в 1964 г. (Semenov, 1964). В настоящее время в англоязычной научной литературе данный метод больше известен под названиями «use-wear analysis», «edge-wear analysis» и «micro-wear analysis».

За все время существования (в этом году исполняется 75 лет с момента выхода из печати первых методических работ С. А. Семенова, положивших начало функционально-трасологическим исследованиям в археологии) трасологический метод развивался и совершенствовался, постоянно обновлялись микроскопы и фотографическая аппаратура для наблюдения и фиксации следов износа на изделиях. Однако проблемы, связанные с применением метода, по-прежнему существуют, при этом касаются они главных его составляющих, а именно выявления, интерпретации и оценки информативной значимости следов износа на орудиях.

Методология С. А. Семенова. С. А. Семенов, разрабатывая и используя трасологический метод применительно к археологическим материалам, исходил из общего принципа, что на всех орудиях, если они были в работе, должны были возникать следы износа. При этом основу для понимания этих следов составляли кинематика ручного труда, а также те производственные процессы хозяйственной деятельности первобытных людей, в которых могли использоваться орудия. К основным рабочим процессам древности были отнесены: 1) обработка дерева строганием и рубкой с помощью ножа, топора, тесла и долота; 2) землекопные работы при помощи копалки, мотыги и т. д.; 3) разделка туш животных и разрезание мяса ножом; 4) обработка кожи скребком, скребком и лоцилом; 5) прокалывание кожи и меха при их сшивании шильями; 6) сверление дерева, кости и камня сверлами; 7) обработка камня отбойниками и ретушерами из камня и кости; 8) обработка кости резцом; 9) шлифовка и полировка камня; 10) пиление камня каменными пилами; 11) толчение, размалывание, растирание зерна, краски и т. п. с помощью пестов, ступок, плит, зернотерок; 12) жатва зерновых растений каменными серпами и некоторые другие. Работа орудиями в этих производственных процессах, по мнению С. А. Семенова, отличалась закономерными и строго

определенными кинематическими характеристиками, которые как раз и должны были определять ту или иную систему и картину распространения следов износа на орудиях.

Наиболее значимыми следами износа были признаны заполировка, пришлифовка и линейные следы (царапины, риски, бороздки, микроканнелюры заполированного поля и др.) на рабочих и рукояточных частях орудий (Семенов, 1940а, б; 1957). Задача состояла в том, чтобы отыскать, зафиксировать с помощью микроскопов с разным увеличением и фотоаппаратуры, проанализировать распространение и характер выраженности и должным образом интерпретировать эти следы с учетом формы орудия (Семенов, 1957. С. 8–12). Конечным итогом микроанализа должно быть установление кинематических характеристик орудий (топор, нож, сверло и т. д.) и физических свойств обрабатывавшихся ими материалов (мясо, кожа, дерево и т. д.) (Семенов, 1966).

Однако на практике все обстояло не так просто. На начальном этапе применения метода явно ощущались недостаточность его экспериментального обоснования и отсутствие сравнительных экспериментальных материалов для трасологического анализа археологических изделий. Становилось все более очевидным, что только экспериментальным путем можно выяснить, какие конкретно следы износа возникают на орудиях при определенных видах работы (кинематическое действие и обрабатываемый материал). Экспериментальные следы износа, выявленные на орудиях в полном объеме, могли помочь обнаружить и интерпретировать следы износа на археологических орудиях.

Экспериментальные исследования и развитие трасологического метода. Первые экспериментальные работы, направленные на получение сравнительных материалов для трасологического анализа каменных орудий, были начаты нами еще в конце 1960-х гг. под руководством С. А. Семенова и продолжались в последующие годы (Щелинский, 1974; 1975; 1977; 1983; 1987; 1988; 1991; 1992; 1994; Коробкова, Щелинский, 1971; 1996; Shchelinsky, 1994).

Экспериментальные программы были нацелены на исследование закономерностей изнашивания каменных орудий. При этом особенно важно было зафиксировать возможное многообразие следов износа, появляющихся на орудиях, проследить их динамику и особенности в зави-

симости от строго определенных условий работы – видов рабочих операций, физических свойств обрабатываемых материалов, угла заострения лезвий, продолжительности работы и пород камня, из которых сделаны орудия. Исследовательской техникой были бинокулярные стереоскопические микроскопы и металлографический микроскоп с фотоаппаратом, позволявшие рассматривать и фотографировать следы износа на орудиях с увеличением до $\times 150$ и больше.

Основанием для постановки экспериментальных исследований являлись прямые и косвенные данные о функциях палеолитических орудий, накопленные многими исследователями в ходе морфолого-технологического и функционального изучения материалов археологических коллекций каменных изделий, костей животных со следами работы, а также уникальных изделий из дерева, происходящих из культурных слоев стоянок палеолита. По этим данным в использовании каменных орудий особенно видное место занимали операции разбивания, раскалывания, скобления, резания, строгания, прокалывания относительно мягких и твердых материалов животного и растительного происхождения. Речь идет, прежде всего, о многоплановой обработке камня, дерева, кости и работах, связанных с разделкой туш, выделкой, раскроем и сшиванием шкур животных.

Эксперименты ясно показали, что следы износа орудий имеют весьма разные качественные и количественные проявления. Однако с учетом условий их образования они составляют две группы. Первую группу составляют следы грубой деформации рабочих частей орудий, возникающие от удара или сильного давления. Ко второй группе относятся следы относительно слабой (тонкой) деформации орудий, вызываемые устойчивым трением поверхности орудий о другие материалы.

В этих группах различаются не менее четырех категорий следов износа, по-разному отражающих изменения первичных параметров лезвий и других используемых участков орудий. Имеются в виду: 1) следы, объединяемые под названием чешуйчатая выкрошенность лезвий орудий (в литературе эти следы нередко фигурируют как «выкрошенность», «микрочешуйки» или «ретушь утилизации лезвий»); 2) следы затупления кромки, не являющиеся следами чешуйчатого повреждения лезвий (различные про-

явления «микрозаломов», «смятости», «забитости» и закругление поперечного профиля кромки лезвий; 3) линейные следы, имеющие вид царапинок, бороздок, желобков и т. д. на поверхности изношенных частей орудий и 4) заполировка, возникающая на поверхности орудий от трения о другие материалы во время работы.

Наконец, в каждой из этих категорий следов износа можно наблюдать множество разновидностей следов, возникновение которых зависело от заданных параметров экспериментов (Щелинский, 1977; 1983; 1991; 1992; 1994; *Plisson*, 1988; *Shchelinsky*, 1994).

Важно подчеркнуть, что выявленные категории и разновидности следов износа сопряжены между собой и образуют комплексы, отражающие функции орудий. При этом установлено, что в разных рабочих операциях, при разных обрабатываемых материалах и разных параметрах орудий комплексы следов износа существенно разнятся. Особенно разительно отличаются комплексы следов износа орудий от работ по твердым (дерево, кость, рог) и более мягким (мясо, шкуры) органическим материалам.

В качестве примера приведу описание следов износа лезвий орудий от некоторых основных видов работ. Возьмем сначала следы износа орудий от рубки и обтески дерева.

Следы износа лезвий орудий от рубки дерева. На орудиях, использовавшихся для рубки дерева, обращает на себя внимание прежде всего чешуйчатая выкрошенность рабочего лезвия. Она появляется сразу и усиливается по мере использования орудия. Быстрее деформируются лезвия неравномерно утолщенные и с небольшим ($20\text{--}30^\circ$) углом заострения. Выкрошенность, как правило, интенсивная, неравномерно двусторонняя и отчетливо разнофасеточная. Наиболее крупные единичные негативы выпавших чешуек имеют длину $10\text{--}12$ мм. Преобладают же негативы мелкие длиной $1\text{--}5$ мм. Негативы в основном плоские, с заломами на концах, неправильных и укороченных пропорций. Характерна значительная затупленность лезвий в основном в виде сломов кромки и скоплений крутых (до 130°) ступенчатых микрозаломов, расходящихся на обе стороны лезвия. В результате интенсивной грубой деформации лезвия орудий нередко имеют слабо вогнутый контур, извилистость и некоторую зубчатость. Истирание и заполировка кромок лезвий, напротив, очень слабые, особенно у орудий из кремня

и твердых кремневых пород камня. Заполировка в более или менее отчетливом виде появляется на лезвиях не раньше чем через 30–40 минут работы. Она слабая, довольно яркая, распространённая, пятнистая, налегающая на выступающие неровности микрорельефа поверхности и с нечеткими границами. Линейные следы износа в виде царапин отсутствуют.

Следы износа лезвий орудий от обтески дерева заметно другие. Выкрошенность лезвий не столь сильная, как при рубке, обычно неравномерная, разнофасеточная. Длина отдельных негативов от чешуек достигает 4–5 мм. Негативы плоские, с заломы на концах. Часто выкрошенность лезвия бывает настолько слабой, что неразличима невооруженным глазом; под микроскопом видны негативы чешуек длиной около 1 мм. На лезвиях орудий из кремня и твердых кремневых пород камня выкрошенность часто крупнее и четче выражена, чем на орудиях из более мягкого камня, например, доломита, кремневого мергеля. Весьма отчетлива на орудиях затупленность лезвия, особенно если орудия изготовлены из слабокремневых пород камня. Она проявляется как в виде локальных скоплений узких, ступенчатых и крутых микрозаломов, прослеживающихся с обеих сторон, так и в виде заметного истирания (пришлифовки) выступающих частей микрорельефа поверхности, сглаженности и закругленности в поперечном сечении кромки лезвия. На орудиях из кремня следы истирания лезвия менее отчетливые. Текстура заполировки лезвий не отличается от заполировки на орудиях, служивших для рубки дерева. Единственное, что надо отметить, она преимущественно односторонняя, распространённого типа. Линейные следы (царапинки) ориентированы под прямым или косым углом по отношению к линии лезвия. Хорошо видны они лишь на орудиях из слабокремневого камня.

Следы износа лезвий орудий от скобления дерева. От скобления дерева на лезвиях орудий в первую очередь выделяются следы износа в виде чешуйчатой выкрошенности активной кромки лезвия. Эта выкрошенность на лезвиях всегда односторонняя. Она возникает в первые

секунды работы, усиливается по мере использования орудия и становится очень похожей на мелкую (кромочную, «бисерную») и крутую намеренную ретушь края. Однако, в отличие от ретуши, эта выкрошенность отчетливо занозистая и многоярусная (многоступенчатая). В ее поперечном профиле прослеживаются минимум два яруса, хорошо фиксируемые в микрометрических показателях. Нижний ярус образован характерными заломы кромки в виде многочисленных микроскопических и как бы накладывающихся одна на другую укороченных фасеток (рис. 1, 1). Более высокий ярус выкрошенности представлен фасетками, наблюдаемыми невооруженным глазом и образующими, как отмечалось, характерную мелкую «ретушь». На тонких неретушированных лезвиях (20–40°) длина этих фасеток 0,5–3 мм; они плотно прилегают одна к другой и располагаются непрерывной цепочкой. В случаях непродолжительного использования орудий фасетки более разрежены и сопровождаются крутыми обломами края. На лезвиях с большим углом заострения выкрошенность менее регулярная, мелкие фасетки перемежаются с относительно крупными (до 6 мм). На ретушированных лезвиях верхний ярус фасеток выкрошенности обычно плохо заметен. Изношенные лезвия слегка зазубренные. При этом вершинки зазубрин смяты и закруглены. Сильно изношенные лезвия извилистые, нередко с мелкими и пологими, соединяющимися между собой выемками. Лезвия, как правило, затупленные. На орудиях из кремня и твердых кремневых пород камня затупленность преимущественно за счет грубой деформации кромки. Кромка лезвий орудий из менее твердых пород камня, например, из доломита, напротив, не только смята, забита, но и сильно истерта. Следы износа в виде заполировки и линейных следов на лезвиях в целом слабо развиты, особенно если орудия из твердого камня. Это и понятно, так как лезвия при скоблении дерева интенсивно выкрашиваются в процессе работы. В наших экспериментах заполировка на лезвиях появляется в более или менее отчетливом виде (под микроскопом) лишь после того, как эти лезвия

Рис. 1. Следы износа на лезвиях экспериментальных орудий из кремня:

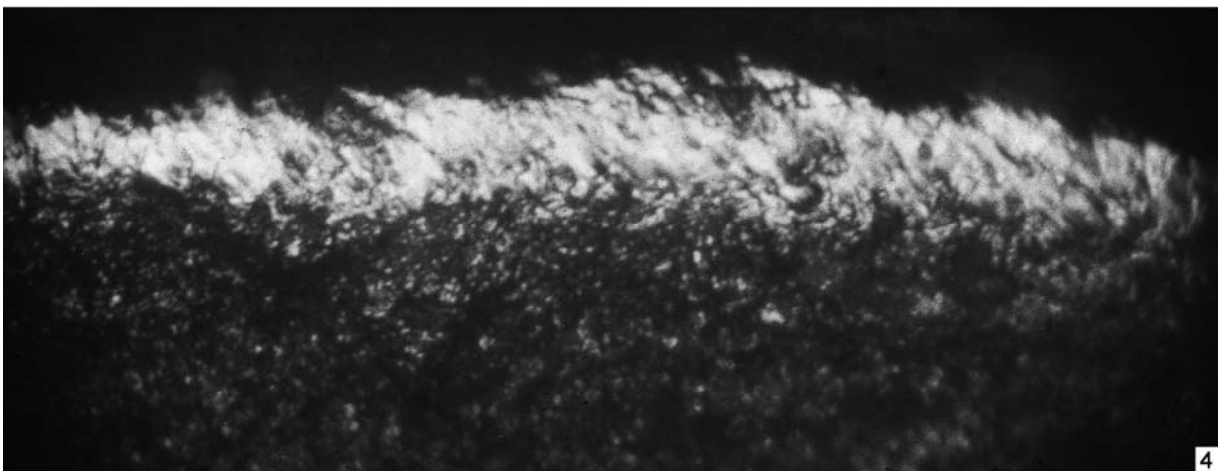
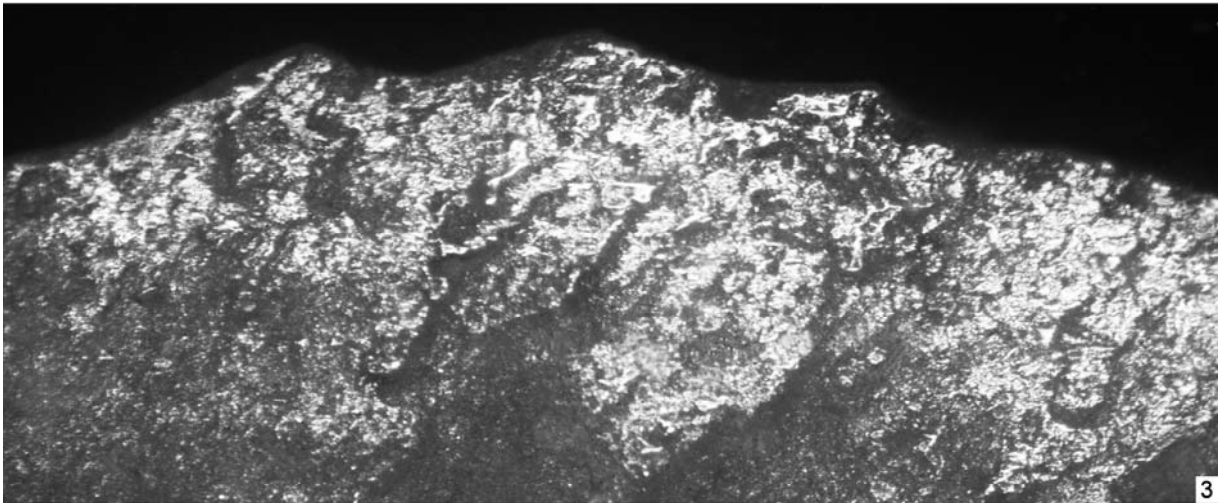
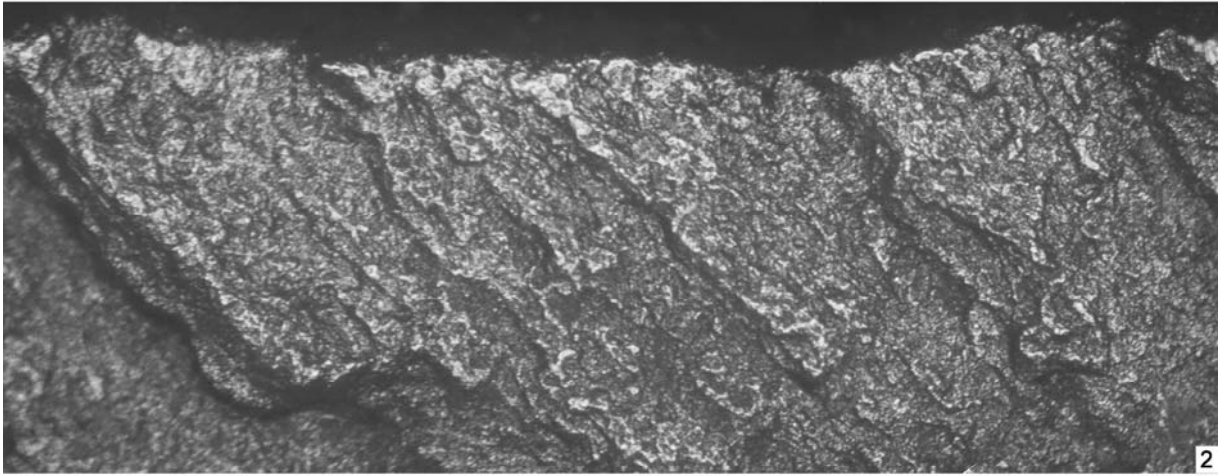
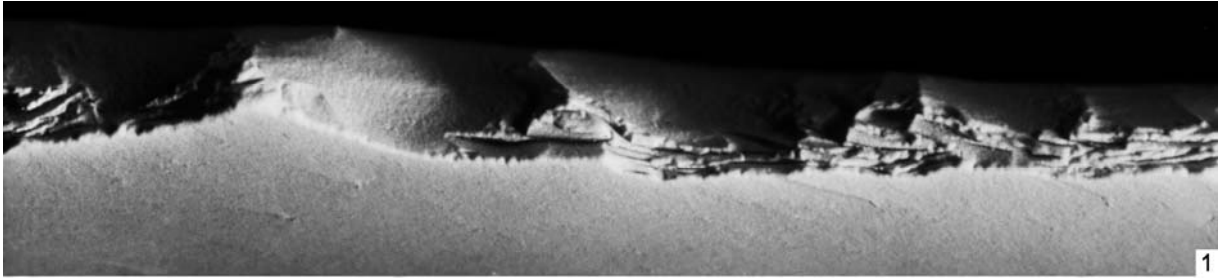
1, 2 – от скобления дерева; 3 – от резания дерева; 4 – от резания кости.

1 – увеличение $\times 12$; 2–4 – увеличение $\times 75$.

Fig. 1. Wear traces on blades of experimental flint tools:

1, 2 – induced by scraping wood; 3 – induced by cutting wood; 4 – induced by carving bone.

1 – magnification $\times 12$; 2–4 – magnification $\times 75$.

стабилизировались по отношению к выкрашиванию. С прекращением же выкрашивания лезвия быстро затупляются и становятся непригодными для работы. Заполировка довольно слабая, двусторонняя, границы ее нечеткие (рис. 1, 2). По текстурным признакам она не отличается от заполировки на других каменных орудиях, применявшихся для обработки дерева. Что касается линейных следов, то они в отчетливом виде прослеживаются лишь на лезвиях, использованных в работе больше 1 часа и без подправки ретушью. Чаще это очень тонкие царапинки или короткие желобки и риски, ориентированные поперек линии лезвия. На лезвиях, регулярно подправляемых ретушью по мере их затупления, а именно этим поддерживается эффективность орудий при скоблении дерева, линейные следы износа, как правило, не прослеживаются.

Следы износа лезвий орудий от резания дерева. Характер следов износа лезвий орудий при резании дерева во многом зависит от приема резания и твердости дерева. Так, при срезании молодых деревьев с корня, предполагающем сгибание ствола дерева и применение преимущественно режуще-пилящей операции, повреждение лезвий в виде выкрошенности кромок обычно слабое. Фасетки выкрошенности очень мелкие (до 1 мм) и практически незаметны невооруженным глазом. Под микроскопом видно, что они располагаются с обеих сторон лезвия бессистемно и рассеянно. Кромка лезвий долго остается острой и мелкозубчатой. Однако при резании сухого дерева с плотной древесиной (дуб, бук, тис, самшит), отличающемся сложной кинематикой, выкрошенность лезвий более интенсивная и крупная, хотя характер ее остается прежним. Если лезвия отретушированные, некоторое преобладание фасеток выкрошенности обнаруживается на их гладкой, неретушированной стороне. Кромка лезвий, несмотря на выкрошенность, не забита, сохраняет мелкозубчатый профиль. Вершины зубчиков на ней острые, неистертые. И надо сказать, что эти особенности кромки лезвий, обнаруженные под микроскопом, являются, наряду с другими признаками, важной отличительной чертой орудий для резания дерева. Забегая вперед, отмечу, что на орудиях, которыми резали мягкие материалы, например мясо или шкуры животных, кромка лезвий, напротив, отчетливо истерта, а вершины зазубрин на них сглажены и имеют дугообразную форму. Заполировка лезвий орудий от реза-

ния дерева обычно лучше выражена, чем заполировка от скобления этого материала. При этом она двусторонняя и имеет довольно четкие границы с незаполированными участками на лезвии (рис. 1, 3). По текстурным признакам она не отличается от заполировки на других орудиях для дерева. Она такая же довольно яркая, пятнистая, налегающая на выступающие неровности микрорельефа поверхности. Линейные следы износа при внимательном анализе устанавливаются на заполировке с обеих сторон лезвия. Они редкие, в виде мелких тончайших царапин, которые в соответствии с кинематикой работы ориентированы почти параллельно и в некоторых случаях под углом 50–60° относительно линии лезвия. На лезвиях орудий из относительно мягкого камня линейный износ выражен гораздо отчетливее. При строгании дерева линейные следы располагаются почти под прямым углом по отношению к кромке лезвия.

Следы износа лезвий орудий от пиления дерева. От следов износа лезвий орудий, использовавшихся для резания дерева, они отличаются лишь лучшей выраженностью и расположением заполировки на лезвиях. Заполировка от пиления дерева хорошо развитая, двусторонняя, кромочного типа с отчетливыми границами. На поверхности можно видеть пологие бороздки от истирания, параллельные кромке лезвия. Другие линейные следы износа на лезвиях кремневых орудий чаще всего отсутствуют, но они неплохо представлены на лезвиях орудий из более мягких пород камня.

С износом орудий от обработки дерева во многом сходен износ лезвий орудий, применявшихся для обработки кости. Но поскольку кость тверже дерева, различаются и следы износа на орудиях для обработки этих материалов. При этом основные отличия проявляются в заполировке лезвий. Это хорошо видно по характеру износа орудий при резании кости.

Следы износа лезвий орудий от резания кости. В ходе экспериментов на поверхности кости рога прорезались канавки. В одних случаях эти канавки имитировали пазы для закрепления кремневых пластинок-вкладышей лезвий составных орудий. В других случаях прорезание канавок было лишь одной из стадий работы по продольному расчленению кости с целью получения узких длинных пластин, использовавшихся затем в качестве заготовок для различных костяных орудий. Экспериментальными ору-

диями служили кремневые изделия типа остроконечников, угловатых скребел, резцов и сломанных пластин и отщепов. Работа выполнялась кончиками остриев или узкими (резцовыми) кромками этих орудий.

Рабочие лезвия орудий от резания кости обычно заметно изношены. Невооруженным глазом видны, прежде всего, следы грубой деформации лезвий. Вершинки кончиков орудий, как правило, сломаны. Лезвия, образующие острие, выкрошенные, кромки их забиты. Негативы фасеток выкрошенности многочисленны; длина их нередко достигает 1 мм и больше. В основном они односторонние, непрерывные, крутые, располагаются на дорсальной стороне лезвия и напоминают очень мелкую «бисерную» ретушь. Вместе с тем имеются более разреженные и менее многочисленные плоские фасетки выкрошенности на вентральной стороне лезвия. Хорошо выражены мельчайшие, микроскопические следы выкрошенности на кромке в виде многочисленных ступенчатых заломов или, иначе говоря, продолговатых и укороченных занозистых микрофасеток, ярусами накладывающихся одна на другую. Заломы-микрофасетки крутые и даже нависающие. Именно они в основном создают затупленность и забитость режущей кромки орудий. На местах наиболее сильной деформации кромки видна слабая пришлифовка и закругленность ее в поперечном сечении. Линейных следов износа в виде царапин нет. Наиболее примечательна заполировка. Она локализуется лишь на самой кромке лезвий и наблюдается в виде мелких светлых пятнышек главным образом на выступающих участках кромки и на ребрах негативов фасеток выкрошенности. Заполировка яркая (более яркая по сравнению с заполировкой от работы орудиями даже по твердому дереву), блестящая, крупнопятнистая, налегающая на выступающие неровности микрорельефа поверхности, с очень четкими границами перехода к незаполированным участкам поверхности лезвий (рис. 1, 4). Поверхность ее иногда прочерчивают тончайшие линейные следы (микрожелобки), совпадающие по направлению с кинематикой орудий.

Иначе изнашиваются каменные орудия от работы по более мягким материалам, в частности при резании мяса/свежей шкуры и обработке (скоблении) шкур животных.

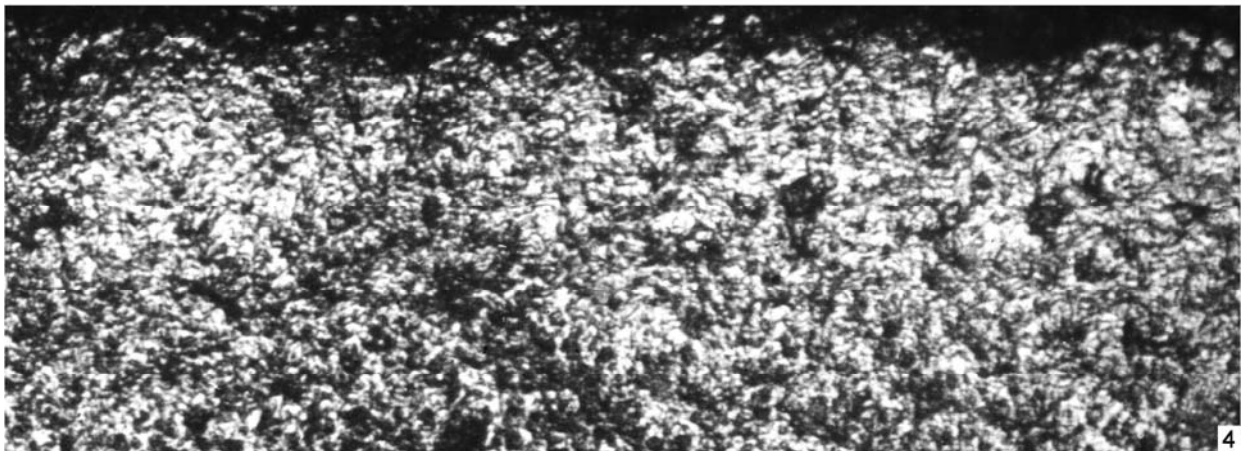
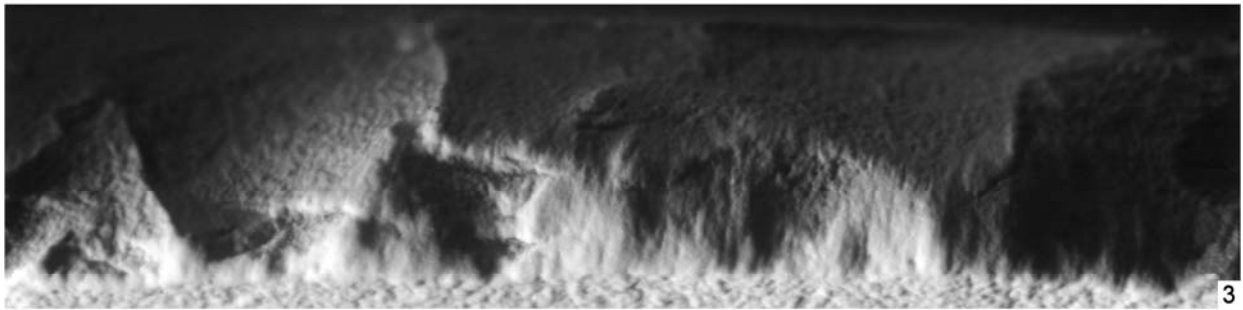
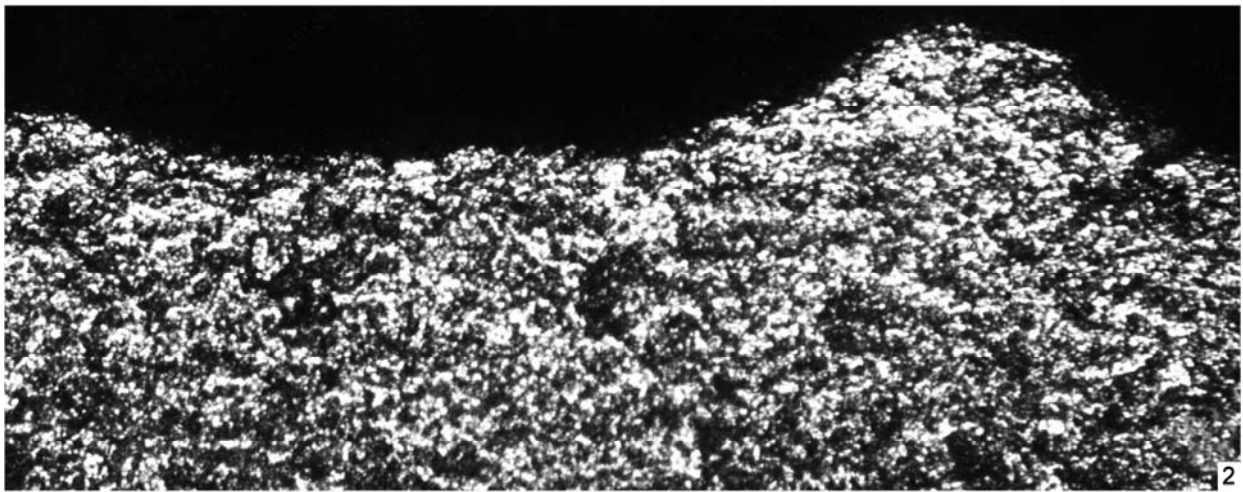
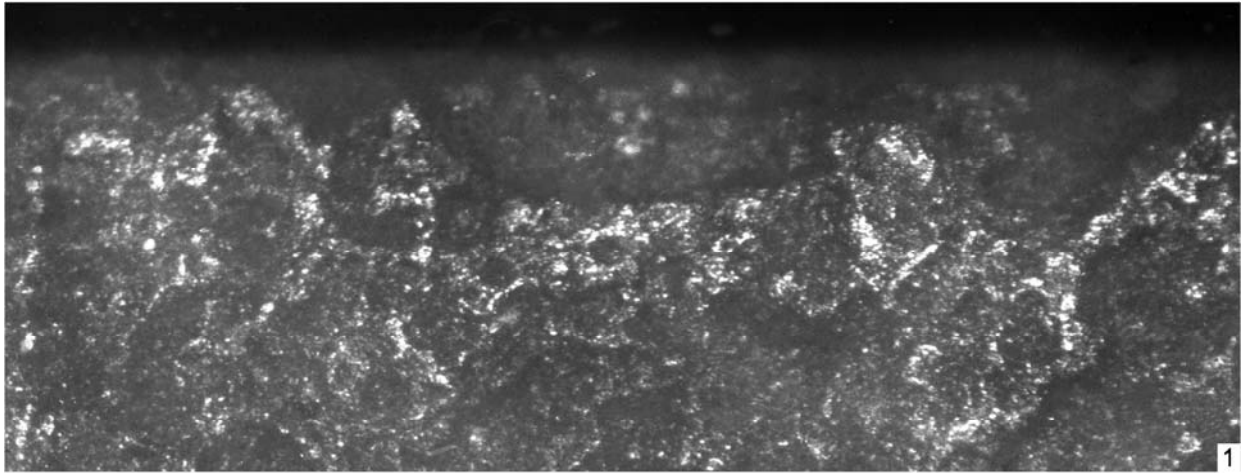
Следы износа лезвий орудий от резания мяса/свежей шкуры. Лезвия орудий при резании

мяса/свежей шкуры затупляются довольно быстро. Но при этом следы износа проявляются на них довольно слабо. На лезвиях имеются незначительные повреждения в виде мельчайших (до 1 мм), редко мелких (до 2–3 мм) фасеток выкрошенности, прослеживающихся с обеих сторон. Фасетки располагаются бессистемно или концентрируются короткими цепочками. Крутизна их зависит от угла заострения лезвий. На тонких лезвиях они почти отвесные; некоторые из них являются плоскостями обломов кромки. На лезвиях, заостренных под углом 35–40° и больше, фасетки, как правило, более редкие и плоские. Кромка лезвия заметно затуплена главным образом истиранием поверхности. И хотя на ней сохраняется зазубренность, вершинки зазубрин сглажены, дугообразной формы. Линейные следы на лезвиях кремневых орудий чаще всего не прослеживаются. Однако они неплохо выражены, если орудия изготовлены из слабокремненных пород камня. Линейные следы обычно разнонаправленные. Заполировка имеет некоторые особенности. Она распространена, с нечеткими границами, двусторонняя, мелкопятнистая, однако по яркости в целом такая же, как заполировка от мягкого дерева (рис. 2, 1, 2).

Следы износа лезвий орудий от скобления шкур. Данный вид работы включает в себя операцию «пушение бахтармы» на шкурах и имеет своей целью выделку этих шкур до состояния, позволяющего изготавливать из них, например, одежду.

Лезвия орудий, использованных для скобления шкур, также не имеют сколько-нибудь выраженных чешуйчатых повреждений кромки. Следы износа на них вызваны исключительно истиранием кромки с образованием на ней легкой пришлифовки, линейных следов и заполировки. Вследствие этого кромка лезвий заметно выровнена, зазубрины или вершинки зазубрин на ней стертые, и она плавно закруглена в поперечном сечении. На истертых участках кромки много линейных следов в виде царапинок и бороздок, пересекающих кромку под прямым или почти прямым углом (рис. 2, 3). Заполировка заметно менее яркая, по сравнению с заполировкой от резания мяса и свежей шкуры, матовая, мелкопятнистая, кромочного типа, но с невыраженными границами (рис. 2, 4).

Таким образом, эксперименты показали, что рабочие операции, выполняемые орудиями, и основные физические свойства обрабатываемых

ими материалов довольно хорошо отображаются в комплексах основных категорий следов износа, сохраняющихся на орудиях. Причем особенности этих комплексов следов износа, проявляющиеся в соотношениях разной степени выраженности и характеристиках категорий следов, сопряжены с рядом факторов. Они четко коррелируют также с длительностью использования орудий в работе, петрографическими свойствами пород камня, использованных для изготовления орудий, углом заострения и конфигурацией рабочих лезвий и некоторыми другими условиями выполнявшихся работ. Однако информативные возможности следов износа раскрываются в полной мере лишь при рассмотрении их во взаимосвязи с формой рабочего лезвия, равно как и общей формой и размерами орудий, на которых они располагаются. Весьма важным наблюдением, сделанным в ходе экспериментов, является также то, что следы износа обычно занимают ничтожную часть лезвий орудий и в большинстве своем являются микроскопическими, что делает их весьма уязвимыми при воздействии на орудия природных и иных факторов.

В ходе экспериментальных исследований износа каменных орудий, широко развернувшихся в 1970–1990-х гг., были предприняты попытки основываться при интерпретации функций орудий не на комплексах разных следов износа, а на некоторых их категориях.

При этом ряд исследователей отдавал предпочтение следам грубой деформации кромок лезвий орудий, основываясь на анализе и сопоставлении размеров и форм фасеток повреждений (Odell, 1975; Odell, Odell-Vereecken, 1980; Shea, 1988; Tringham et al., 1974). Например, Р. Трингем с соавторами было высказано мнение, что функциональные определения каменных орудий из археологических коллекций вполне можно проводить по грубым повреждениям их лезвий. Хотя при этом можно получить лишь частичную информацию о функциях орудий, касающуюся, в частности, характера их движений (продольное, поперечное, вращательное) и относительной твердости обрабатывавшихся ими материа-

лов (твердые, средние, мягкие) (Tringham et al., 1974). Сходных позиций придерживалась и Г. Ф. Коробкова (Коробкова, 1994; Коробкова и др., 1982). Однако этот подход оказался ненадежным, поскольку скоро стало понятно, что повреждения и выкрошенность кромок лезвий орудий могли происходить не только от работы, но также, например, от намеренного ретуширования, при переноске, от вытаптывания до консервации в культурном слое и от многих других причин (Gijn, 1990; Moss, 1983; Odell, 1981; Vaughan, 1985).

Другие исследователи обратились к детальному изучению заполировки орудий от использования в работе. Первоначально этим занялся Л. Кили, который в результате анализа микро-рельефа поверхности и отражательных характеристик заполировки на лезвиях экспериментальных орудий из кремня с помощью микроскопов с большим увеличением ($\times 100$ – 400) разделил ее на ряд типов, соответствующих, по его мнению, основным группам обрабатываемых орудиями материалов, таких как дерево, кость, шкуры, мясо и т. д. При этом типы заполировки, по утверждению исследователя, остаются неизменными при обработке одного материала разными операциями. Тем самым было заявлено, что анализ заполировки под большим увеличением микроскопов в сочетании с изучением других следов износа является лучшим и надежным способом точного определения функций первобытных каменных орудий (Keeley, 1977; 1980; Keeley, Newcomer, 1977). Фактически Л. Кили подтвердил аналогичный вывод С. А. Семенова, сделанный еще в 1940–1950-е гг., обосновав его новыми экспериментальными данными и использованием при анализе следов износа современной микроскопии с большим увеличением и цифровой фототехники.

Вслед за Кили экспериментальные исследования заполировки с использованием микроскопов с большим увеличением, в том числе сканирующих электронных микроскопов, развернули, например, П. Андерсон-Жерфо (Anderson-Gerfaud, 1981), К. Кнутсон (Knutsson, 1988a), Х. Плиссон (Plisson, 1985) и многие другие. Исследования

Рис. 2. Следы износа на лезвиях экспериментальных орудий из кремня:

1, 2 – от резания мяса и свежей шкуры; 3, 4 – от скобления шкуры.

1, 2, 4 – увеличение $\times 75$; 3 – увеличение $\times 12$.

Fig. 2. Wear traces on blades of experimental flint tools:

1, 2 – induced by cutting meat or fresh hide; 3, 4 – induced by scraping hide.

1, 2, 4 – magnification $\times 75$; 3 – magnification $\times 12$.

были направлены на то, чтобы проверить обоснованность заключений Кили о возможности точно устанавливать по заполировке категории материалов, обрабатываемых орудиями, а также установить причины и условия формирования заполировки на орудиях.

Результаты этих исследований в целом согласуются с наблюдениями Кили и дополняют их. Прослежена, например, четкая зависимость признаков заполировки при обработке одного материала от особенностей сырья, из которого были сделаны орудия (Olausson, 1990). Вместе с тем был выявлен ряд обстоятельств, затрудняющих использование текстурных особенностей заполировки в качестве надежного индикатора материалов, обрабатываемых орудиями. В частности, выяснилось, что заполировка становится достаточно диагностической для определения обрабатываемых материалов лишь в развитом виде (Vaughan, 1985; Gijn, 1990), т. е. тогда, когда орудием работали длительное время и при этом его не подправляли. Однако очевидно, что таких орудий в археологических комплексах не могло быть много, так как затупившиеся орудия, возможно, еще до возникновения на них выраженной заполировки подновлялись ретушью или выбрасывались. Было установлено также, что текстура заполировки и ее отражательные свойства заметно изменяются при обработке одного материала разной степени увлажненности (Anderson-Gerfaud, 1981; Levi-Sala, 1993; Plisson, 1985). Кроме того, серьезным препятствием в использовании заполировки для интерпретации материалов, обрабатываемых орудиями, явилось отсутствие единых критериев ее описания (Knutsson, 1988b; Marreiros et al., 2015).

Все это привело в настоящее время к общему осознанию того, что информация о функциях орудий аккумулирует весь спектр их следов износа от использования, включая следы грубой деформации и истирания кромок, линейные следы и заполировку лезвий. При этом особенности этих следов могут быть установлены, описаны и интерпретированы совместным применением микроскопов с малым и с большим увеличением (например, Newcomer et al., 1988; Shea, 1992; Marreiros et al., 2015).

Накопление экспериментальных данных по износу орудий, безусловно, расширило возможности трасологического изучения функций орудий из инвентаря археологических памятников. Вместе с тем исследователи отчетливо увидели,

что следы износа на археологических орудиях очень часто не тождественны следам износа на экспериментальных орудиях. Причины таких несопадений в общем понятны. Прежде всего, они связаны с тем, что в экспериментах невозможно учесть и смоделировать все условия, при которых использовались археологические орудия. Однако едва ли не главной причиной несходства следов износа на экспериментальных и археологических орудиях является то, что последние сохранились до наших дней не в первоначальном, а в более или менее измененном виде. Особенно часто сильно поврежденную поверхность имеют орудия раннего и среднего палеолита. В более поздних комплексах сохранность орудий несколько лучше, хотя в целом она не зависит от возраста археологических материалов.

Постседиментационные изменения поверхности орудий. Орудия, выпавшие в древности из процессов производственной деятельности, на протяжении длительного времени подвергались воздействию самых разных факторов, что приводило к тем или иным изменениям их поверхности, так называемым «постседиментационным изменениям поверхности» («post-depositional surface modification»). Многие орудия, особенно обнаруженные в переотложенном положении, часто окатанные или поверхность их заглажена водой или песком. Но и найденные в ненарушенном культурном слое изделия весьма нередко имеют в той или иной мере видоизмененную поверхность из-за воздействия на них различных химических и механических процессов как в условиях залегания в культурном слое, так и при хранении после археологических раскопок. При этом следы износа, как наиболее мелкие и «чувствительные» элементы рельефа поверхности орудий, видоизменяются в первую очередь. В результате этого очень многие археологические орудия и даже целые ансамбли орудий оказываются полностью непригодными для трасологического изучения, поскольку на них не сохранились следы износа от использования. Сохранившиеся же следы износа на археологических орудиях почти всегда имеют те или иные повреждения, затрудняющие их распознавание и интерпретацию.

На весьма существенное влияние разного рода повреждений поверхности орудий на результативность их функционально-трасологического анализа указывают многие исследователи

(например, Семенов, 1957; *Levi-Sala*, 1986; *Marreiros et al.*, 2015; *Olausson*, 1990; *Plisson*, *Mauger*, 1988; *Gijn*, 1990). При этом особенно удивительными и сильно озадачивающими трасологов оказались данные, полученные в результате моделирования химического воздействия, в частности на заполировку лезвий орудий от работы. Эти эксперименты наглядно показали, что заполировка под воздействием некоторых кислот, содержащихся в почве, не только видоизменяется, но может и совсем исчезнуть с поверхности орудий, даже когда орудия залегают в культурном слое. Таким образом, орудия, утратившие заполировку, будут рассматриваться при анализе коллекций как неиспользованные. С другой стороны, на орудиях может возникать естественная заполировка, практически неотличимая от заполировки, обусловленной износом лезвий орудий от работы (*Levi-Sala*, 1993; *Plisson*, *Mauger*, 1988). Также и механические процессы могут уничтожить, создать и изменить любые следы износа, в том числе заполировку, линейные следы или выкрошенность на рабочих частях орудий (*Levi-Sala*, 1986; *Shea*, 1992).

Указанные обстоятельства сильно усложняют выявление и анализ следов износа на орудиях и требуют от исследователей большой осторожности и сдержанности в их функциональной интерпретации. Недопустимы, к сожалению, нередкие сейчас поспешность и неаргументированность выводов и стремление во что бы то ни стало дать функциональную характеристику всего каменного инвентаря памятников, без должной критической оценки пригодности исследуемых материалов для трасологического анализа и подробного описания тех признаков износа, на основании которых строятся выводы о функциях орудий. Конечно, как и в любой профессиональной деятельности, многое зависит от опыта исследователя и его интуиции. Однако это не исключает необходимости четкой формулировки методологии при проведении трасологического анализа конкретного материала и доказательной аргументации исследования, что давало бы возможность проверить степень обоснованности сделанных заключений.

Анализ и интерпретация следов износа на орудиях. Следы износа на археологических орудиях оказались сложным объектом анализа и позволяют получить информацию о функциях орудий лишь при условии их комплексных исследований, включающих несколько последова-

тельных стадий. Такими стадиями, на мой взгляд, являются:

1. Тщательный осмотр каменного инвентаря с целью установления его пригодности или непригодности для трасологического изучения и отбор изделий без постседиментационных изменений поверхности в случаях частичной поврежденности коллекции.

2. Группировка отобранных изделий, пригодных для трасологического изучения, по исходному сырью.

3. Подразделение изделий в каждой сырьевой группе на технологические группы и технологическо-морфологические категории.

4. Выявление и подробное описание всех возможных проявлений следов износа на каждом орудии в рамках технологическо-морфологических категорий с указанием формы изношенного лезвия/лезвий и размеров орудия.

5. Предварительная интерпретация следов износа с возможностью установления а) кинематики орудия и б) свойств обрабатываемых материалов (твердые, мягкие или, если возможно, по их конкретным категориям, например, дерево, шкуры и т. д.).

6. Проведение тщательно документированных экспериментальных работ по использованию моделей орудий в различных рабочих операциях с целью получения сравнительных данных по следам износа для проверки предварительной функциональной интерпретации следов износа на изучаемых археологических орудиях. При этом эксперименты должны в полной мере отвечать исследуемому археологическому материалу, т. е.

– модели орудий по морфологическим признакам должны быть сходны с оригиналами и изготовлены из того же сырья, из которого изготовлены орудия исследуемой коллекции,

– список рабочих операций и обрабатываемых материалов при использовании орудий составляется с учетом предварительной интерпретации следов износа на археологических орудиях,

– вся совокупность следов износа на экспериментальных орудиях документируется в динамике их появления через определенные промежутки времени, но до момента затупления и неэффективности дальнейшего использования орудий в проводимой работе.

7. Сопоставление следов износа археологических орудий со следами износа эксперименталь-

ных орудий и уточнение, дополнение или изменение их функциональной интерпретации.

8. Общее заключение о вероятных функциях исследованных орудий из археологических комплексов.

Использование экспериментальных данных является главным условием для объективной интерпретации следов износа на археологических орудиях. Однако определенную роль могут играть и другие способы функциональной характеристики этих следов, например, сопоставление их со следами износа на изредка встречающихся археологических орудиях, сохранившихся с рукоятками и тем самым более или менее понятных в функциональном отношении (Гиря, Питулько, 2003; Скакун и др., 2014), а также со следами износа от использования на орудиях из этнографических коллекций, функции которых достаточно хорошо известны (Скакун, 2006; Gurova, 2014; Skakun, 1993).

Кроме того, в последнее время анализ следов износа все чаще проводят параллельно с изучением разнообразных остатков растительного и животного происхождения, взятых с изношенных участков орудий (рабочих лезвий и рукояточных частей). Эти мельчайшие частички органики, обнаруживаемые с помощью сканирующих электронных микроскопов, как предполагается, были втерты в заполировку или во впадины микрорельефа поверхности во время работы орудиями. Биохимический и спектральный анализы позволяют интерпретировать их и соотнести с определенными группами органических материалов, такими как злаки, дерево, мясо, кожа и т. д., обрабатываемых орудиями (Александрова и др., 2014; Anderson, 1980; Cesaro, Lemorini, 2012; Fullagar, 1993; Jahren et al., 1997; Shea, 1992). Правда, отношение к этому методу далеко не однозначное. Смущает самое главное – отсутствие уверенности, что частицы органики на орудиях действительно остались от работы этими орудиями, а не попали на орудия из отложений культурного слоя, в которых они залежали (Grace, 1996). Поэтому превалирует мнение, что этот метод анализа функций орудий следует использовать только в сочетании с изучением на них

следов износа от использования (Marreiros et al., 2015).

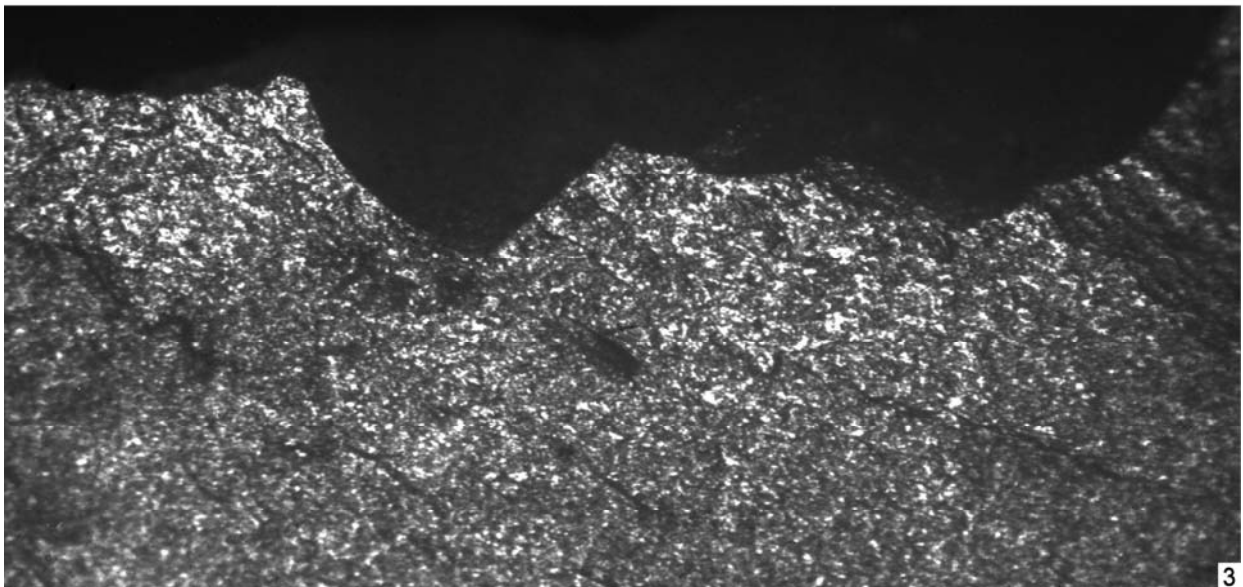
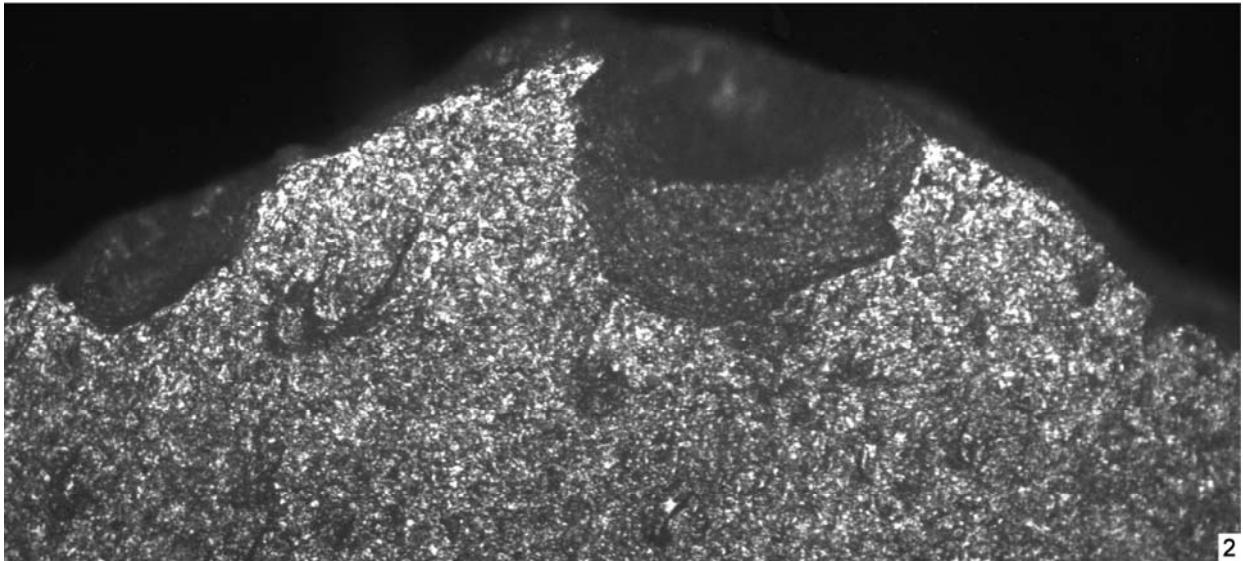
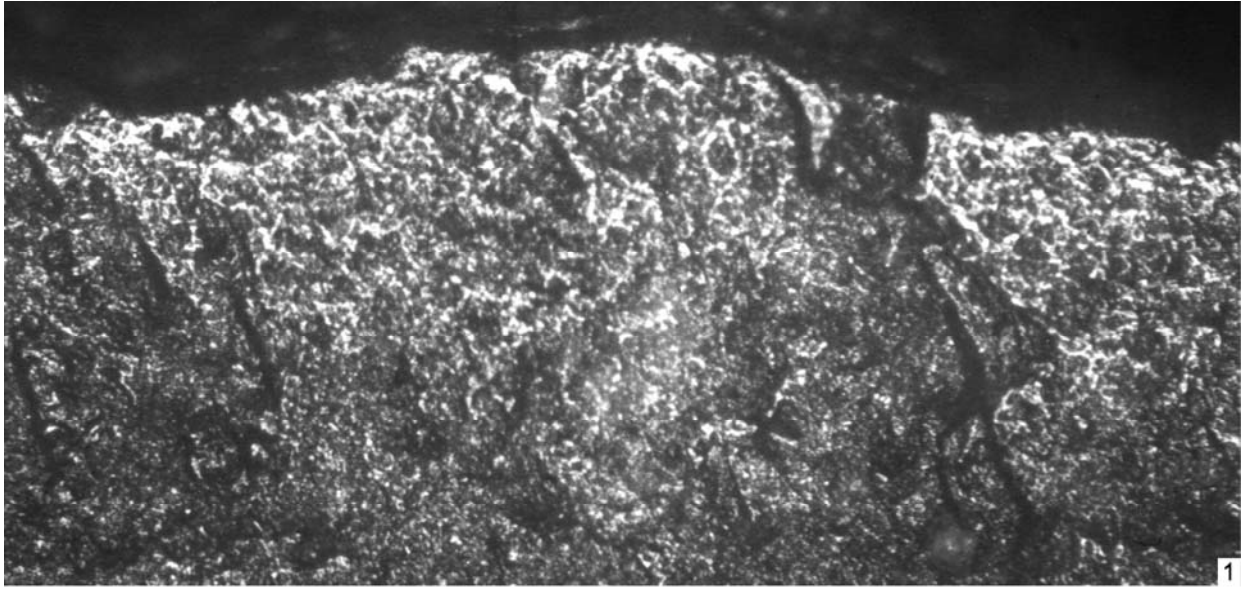
Применение и информативные возможности трасологического метода изучения функций орудий. Следы износа на археологических орудиях, как отмечалось, редко выглядят совершенно так же, как на экспериментальных орудиях, поскольку археологические материалы подвергались воздействию различных природных химических и механических процессов. Тем не менее сравнительные экспериментальные и другие данные, безусловно, помогают лучше понять и точнее интерпретировать следы износа, сохранившиеся на археологических орудиях (рис. 3, 1–3; 4, 1, 2; 5, 1–5). При этом в случаях значительных несовпадений сопоставляемых следов износа на орудиях можно провести новые эксперименты, изменив условия их проведения, чтобы попытаться выяснить причины, обусловившие образование на орудиях каких-то особых следов износа. В качестве примера можно привести обнаружение своеобразных следов износа на многих кремневых орудиях из среднепалеолитической стоянки Носово 1 в Северо-Восточном Приазовье (рис. 5, 6). Проведенные дополнительные эксперименты позволили предположить, что орудия с таким износом, скорее всего, использовались для скобления не сухих, а полусырых шкур животных с целью удаления с них прирезок мяса и мездры (Щелинский, 1977).

Из-за неодинаковой сохранности уровень функциональной интерпретации следов износа на орудиях всегда будет неодинаковым. В одних случаях, когда следы износа достаточно хорошо сохранились, они позволяют определить и кинематику орудий, и категорию или близкие категории обрабатываемого материала (рис. 3, 1–3; 4, 1, 2; 5, 1–5). В других же случаях, если следы износа повреждены и информативность их ограничена, можно установить только ту или иную степень твердости обрабатываемых материалов, без уточнения их категорий, и весьма приблизительно кинематику орудий. С такой ситуацией я столкнулся, например, изучая следы износа на каменных орудиях раннепалеолитической стоянки Родники 1 в Южном Приазовье (Щелинский, 2014).

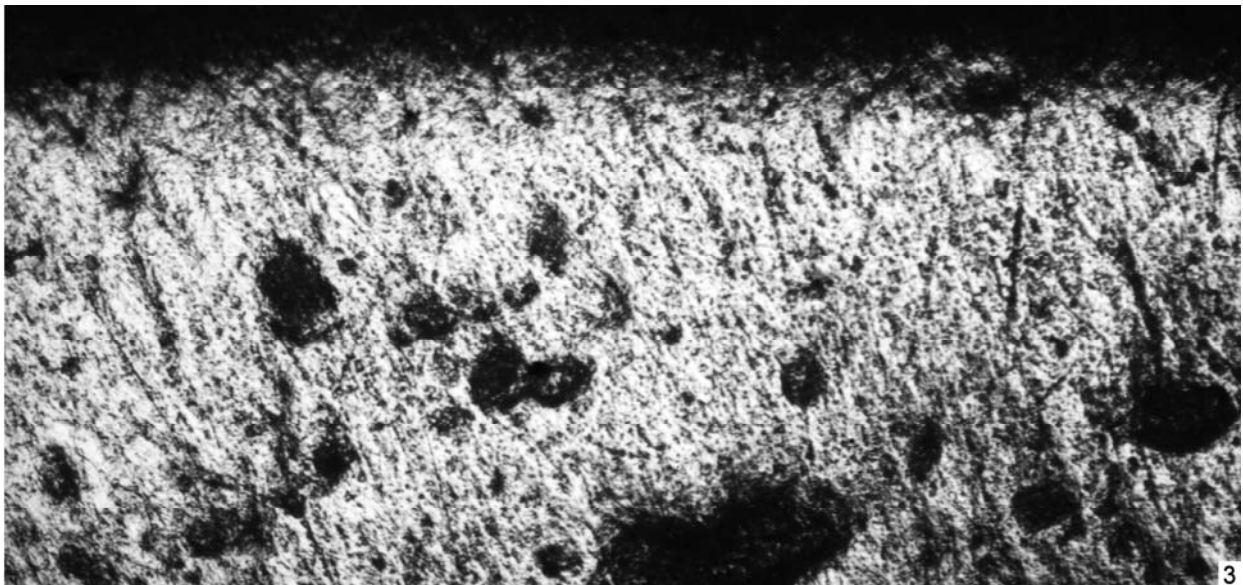
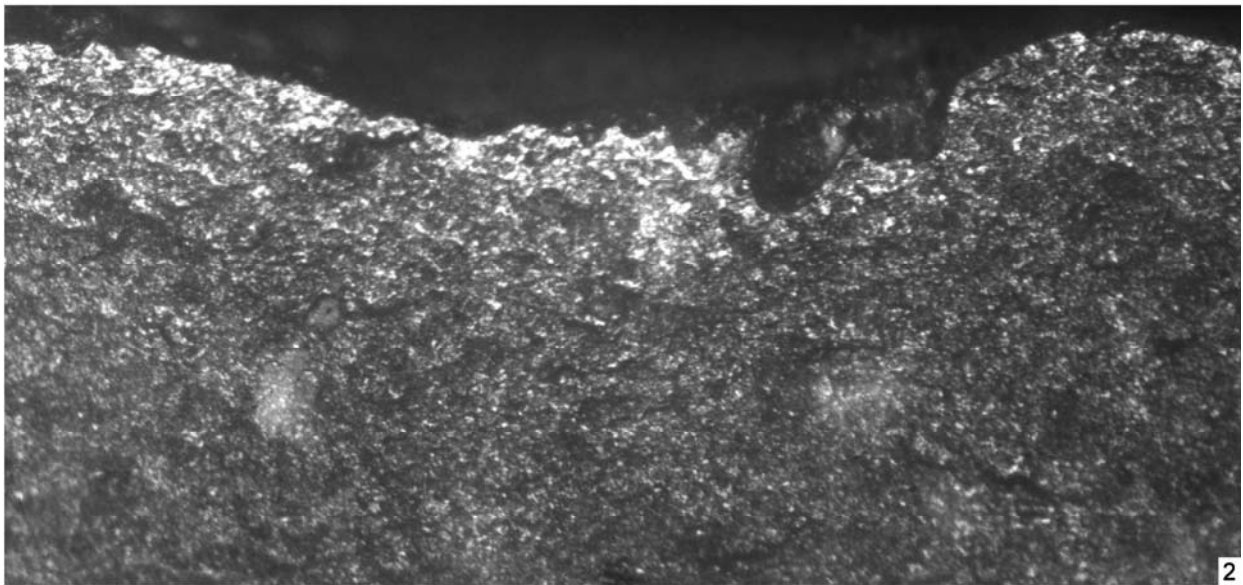
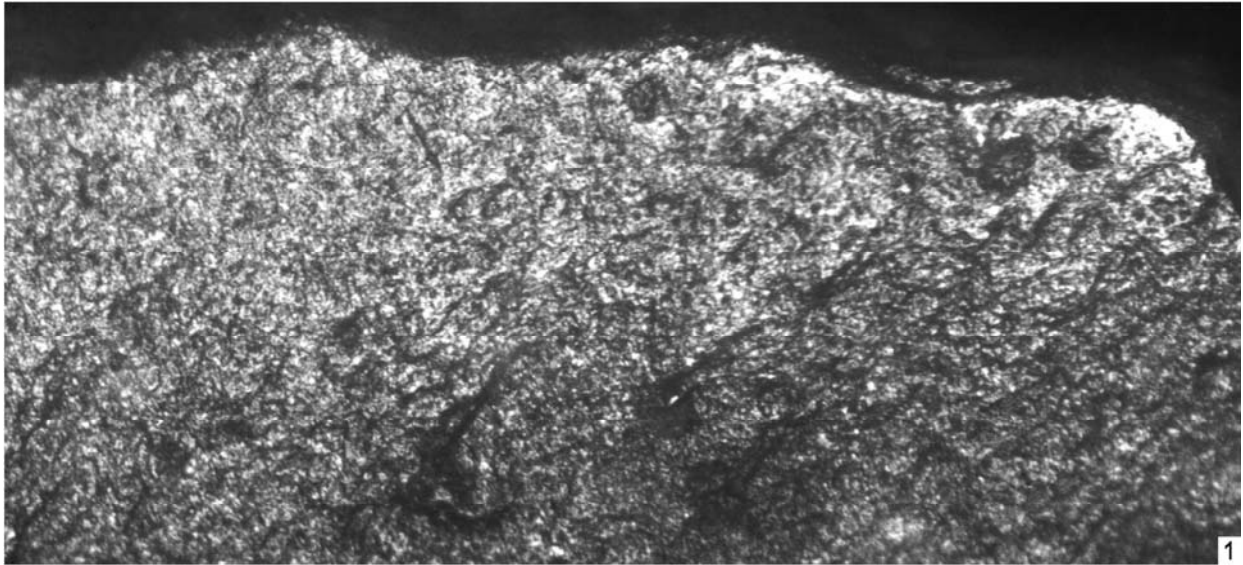
Рис. 3. Следы износа на лезвиях орудий среднего палеолита из кремня: 1–3 – вероятно, от резания мяса/свежей шкуры (орудия см. рис. 5, 2–4). Увеличение $\times 75$.

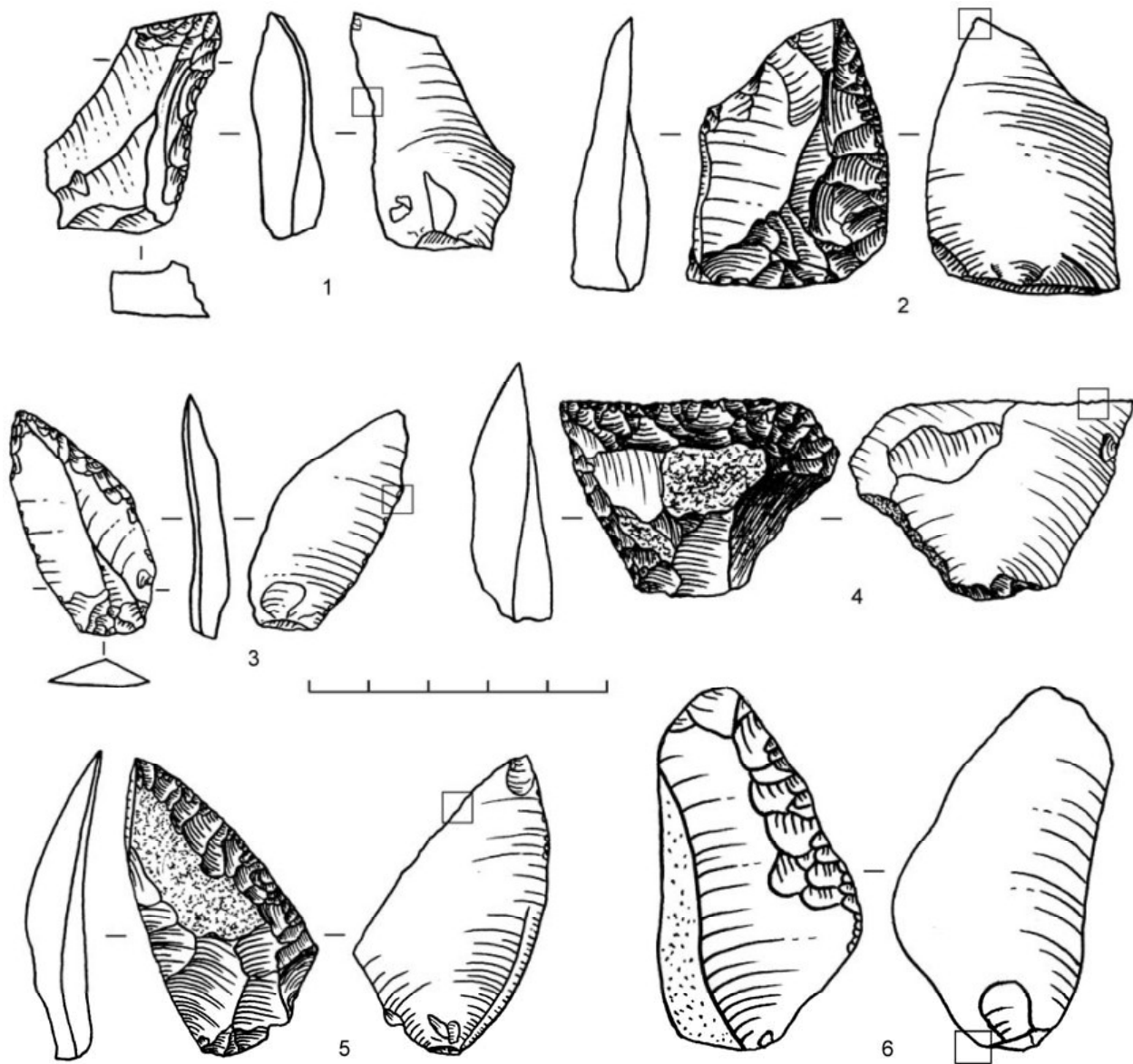
Fig. 3. Wear traces on blades of flint tools of the Middle Palaeolithic: 1–3 – presumably induced by cutting meat/fresh hide (for the tools see Fig. 5, 2–4). Magnification $\times 75$.

Рис. 5. Орудия среднего палеолита из кремня со следами износа от использования:
 1–5 – стоянка Заскальная V в Крыму (раскопки Ю. Г. Колосова); 6 – стоянка Носово I в Северо-Восточном Приазовье (раскопки Н. Д. Праслова). Квадратными рамками на орудиях показаны места микрофотографирования следов износа (см. рис. 3–4).

Fig. 5. Flint tools of the Middle Palaeolithic with traces of usewear:
 1–5 – site of Zaskalnaya V in the Crimea (excavations by Yu. G. Kolosov); 6 – site of Nosovo I in the northeastern Azov Sea area (excavations by N. D. Praslov). The square frames on the tools mark the positions of microphotographing of the usewear traces (see Figs. 3–4).

Рис. 4. Следы износа на лезвиях орудий среднего палеолита из кремня:
 1 – вероятно, от резания мяса/свежей шкуры (орудие см. рис. 5, 5); 2 – вероятно, от скобления кости/дерева (орудие см. рис. 5, 1); 3 – вероятно, от скобления полусырой шкуры (орудие см. рис. 5, 6). Увеличение $\times 75$.

Fig. 4. Wear traces on blades of flint tools of the Middle Palaeolithic:
 1 – presumably induced by cutting meat/fresh hide (for the tools see Fig. 5, 5); 2 – presumable induced by scraping bone or wood (see the tool in Fig. 5, 1); 3 – presumably induced by scraping half-rawhide (for the tool see Fig. 5, 6). Magnification $\times 75$.

Следует подчеркнуть, что изучение функций орудий по следам износа целесообразно проводить с учетом принадлежности этих орудий к определенным технологическим категориям, выделенным в инвентаре стоянок. Такой подход имеет два важных преимущества. Во-первых, отпадает необходимость в особой функциональной классификации орудий, всегда спорной и недостаточно подкрепляемой фактическими трасологическими наблюдениями, поскольку мы можем ответить на вопросы, для каких конкретно целей изготавливались орудия тех или иных категорий. Во-вторых, устанавливается уровень специализации разных категорий орудий в производственной деятельности на стоянках, равно как и роль их в передаче культурных традиций в доисторических коллективах (Щелинский, 2001а). Иного мнения придерживается, например, Е. Ю. Гирия. Он полагает, что нет смысла в попытках искать корреляцию между функциональным назначением, устанавливаемым по следам износа, и «формально» выделенными типами орудий, поскольку, на его взгляд, такой корреляции не существует по причине полифункциональности каменных орудий. Взамен этого предлагается классифицировать орудия на интегральных основаниях, учитывающих типы поведения первобытных людей (Гирия, Леон, 2002). Что ж, теоретически такая классификация, наверное, возможна, но практически она едва ли осуществима. Да и есть ли в ней необходимость? В любом каменном инвентаре стоянок вполне отчетливо различаются технологические категории изделий, которые в большинстве своем явно не случайны и изготовлены определенными способами и, очевидно, с какими-то производственными целями. Или это не отражение «поведения» людей? Трасологический анализ позволяет конкретизировать функциональное назначение этих категорий изделий и выяснить цели их изготовления.

Вместе с тем надо признать, что хорошо сохранившиеся следы износа от использования в работе обычно имеет отнюдь не большинство орудий в археологических материалах, причем самого разного возраста. Тем не менее установление с помощью трасологического метода вероятных функций даже небольшой части орудий из инвентаря стоянок имеет большое значение в плане общего изучения материалов археологических памятников. Новые данные о функциях орудий позволяют установить соотношение фор-

мы и функции технологических категорий орудий и тем самым существенно помочь в изучении в первую очередь производственной деятельности на стоянках, в выяснении ее структуры и обеспеченности тем или иным инструментарием (Щелинский, 2001а,б; Shchelin, 1993). Вместе с тем необходимо учитывать, что данные о следах износа и полученные на их основе сведения о функциях доисторических орудий являются все-таки предположительными и обычно охватывают только небольшую часть материалов, поэтому должны использоваться в контексте всей информации об археологических памятниках.

Заключение. Трасологический метод изучения функций доисторических орудий, заявленный многие десятилетия назад С. А. Семеновым, успешно прошел проверку временем, продемонстрировав, благодаря внесенным в него дополнениям с участием многих исследователей, неплохой потенциал для выяснения функций археологических орудий. В настоящее время он является неотъемлемой частью методологии комплексного изучения археологических материалов. Метод в его современном состоянии имеет четкую процедуру применения и предполагает поэтапную последовательность выявления, описания и функциональной интерпретации следов износа на орудиях. При этом решающую роль играют экспериментальные исследования с целью получения сравнительных данных по следам износа орудий, программа которых целиком строится на основе сырьевой и технологической специфики изучаемого инвентаря стоянок. Экспериментальные данные по следам износа орудий используются как сравнительный материал для лучшего понимания и интерпретации следов износа на орудиях из археологических коллекций. Залогом объективности функциональной интерпретации следов износа являются их подробное описание и фотофиксация как на археологических орудиях, так и на экспериментальных моделях. Причем эта исходная документация должна публиковаться наряду с предлагаемой интерпретацией следов износа.

Основопологающим принципом трасологического анализа функций орудий в настоящее время является учет и изучение всего комплекса следов износа, имеющихся на орудиях, включая следы грубых повреждений (выкрошенность), линейные следы и заполировку на их рабочих частях, с использованием различных микроско-

пов с малым и большим увеличением. Судя по всему, увлечение одной лишь заполировкой, рассматриваемой еще недавно едва ли не как панацея при интерпретации функций орудий, постепенно проходит. Другим необходимым условием трасологической интерпретации функций орудий является анализ следов износа во взаимосвязи их с формой рабочего лезвия, равно как и общей формой и размерами орудий, на которых они располагаются.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении функционально-трасологических и технологическо-морфологических исследований инвентаря стоянок. На мой взгляд, эти направления исследований тесно связаны между собой. При этом трасологические исследования должны быть ориентированы как раз на выяснение функций конкретных технологическо-морфологических категорий орудий и продуктов первичного расщепления камня, представленных в инвентаре стоянок, поскольку не вызывает сомнений, что эти категории вещей были изготовлены намеренно и с определенной целью. Такой подход позволяет обойтись без функциональной классификации орудий, всегда мало обоснованной из-за обычно небольшого количества в инвентаре стоянок орудий с хорошо определенными следами износа от использования. Вместе с тем, исследуя трасологическим методом определенные технологическо-морфологические категории изделий, очевидно, значимые для обитателей стоянок, мы получаем важную дополнительную информацию об их функциях и степени специализации.

Таким образом, основными сферами применения данных трасологического анализа археологических изделий являются в первую очередь решение вопросов соотношения формы и функции орудий, т. е. развития доисторической техники и технологии, а также изучение видов и структуры производственной деятельности на стоянках.

Необходимо, однако, учитывать, что данные о следах износа и полученные на их основе сведения о функциях доисторических орудий являются все-таки предположительными и обычно охватывают только небольшую часть материалов, поэтому должны использоваться в контексте всей информации об археологических памятниках.

Широкая мировая практика успешного в целом применения трасологического метода в археологии показала вместе с тем и ограничен-

ность возможностей этого метода. Правда, связано это скорее не с самим методом, а с плохой сохранностью поверхности большого количества изделий в археологических коллекциях из-за воздействия на них разнообразных механических и химических постседиментационных процессов. В результате этого орудия с хорошо выраженным и сравнительно легко определенным функциональным износом обычно составляют небольшую часть всего инвентаря стоянок. На многих же изделиях, найденных даже в ненарушенных культурных слоях, следы износа были уничтожены или сохранились в редуцированном и измененном виде. В связи с этим необходим ответственный подход к трасологическим исследованиям. Очевидно, прежде чем приступить к ним, надо четко установить, пригоден ли тот или иной археологический материал для трасологического анализа. Орудия с сильно измененной поверхностью лучше отложить в сторону и не исследовать, чем делать по ним сомнительные выводы. Что касается орудий с поврежденными следами износа, а таких немало, то заключения об их функциях должны быть очень осторожными и в том объеме, в каком они действительно возможны.

- Александрова и др.*, 2014 – Александрова О. И., Киреева В. Н., Леонова Е. В. Опыт исследования остатков веществ органического и неорганического происхождения на поверхности каменных орудий из мезолитического слоя в пещере Двойная (Северо-Западный Кавказ) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60).
- Гиря, Леон*, 2002 – Гиря Е. Ю., Леон А. Р. С. А. Семенов, Костенки, палеолитоведение // АВ. СПб., 2002. № 9.
- Гиря, Питулько*, 2003 – Гиря Е. Ю., Питулько В. В. Предварительные результаты и перспективы новых исследований стоянки на о. Жохова: технологическо-трасологический аспект // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене: Сб. статей / Ред. П. А. Никольский, В. В. Питулько. М., 2003.
- Коробкова*, 1994 – Коробкова Г. Ф. Экспериментально-трасологические разработки как комплексное исследование в археологии // Экспериментально-трасологические исследования в археологии: Сб. статей / Отв. ред. Г. Ф. Коробкова. СПб., 1994.
- Коробкова и др.*, 1982 – Коробкова Г. Ф., Скакун Н. Н., Шаровская Т. А. Определение функций каменных орудий по макропризнакам // XI конгресс INQUA: Тез. докл. М., 1982. Т. 3.
- Коробкова, Щелинский*, 1971 – Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Работы Ордежского опытного археологического отряда // АО 1970 г. М., 1971.
- Коробкова, Щелинский*, 1996 – Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб., 1996. Ч. 1.
- Семенов*, 1940а – Семенов С. А. Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. 1940. Вып. IV.
- Семенов*, 1940б – Семенов С. А. Результаты исследования поверхности каменных орудий // БКИЧП. М., 1940. № 6/7.

- Семенов, 1957 – Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л., 1957.
- Семенов, 1966 – Семенов С. А. Трасологическое изучение орудий древнего палеолита // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.
- Скакун, 2006 – Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита: По материалам культуры Варна. СПб., 2006.
- Скакун и др., 2014 – Скакун Н. Н., Жилин М. Г., Терехина В. В. История изготовления и использования одного наконечника из стоянки Ивановское VII // АВ. СПб., 2014. Вып. 20.
- Щелинский, 1974 – Щелинский В. Е. Производство и функции мустьерских орудий: Дис. ... канд. ист. наук. 1974. // Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2, №. 2057, 2058.
- Щелинский, 1975 – Щелинский В. Е. Трасологическое изучение функций каменных орудий Губской мустьерской стоянки в Прикубанье // Каменный век. М., 1975 (КСИА; Вып. 141).
- Щелинский, 1977 – Щелинский В. Е. Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы: Сб. статей / Отв. ред. Н. Д. Праслов. Л., 1977.
- Щелинский, 1983 – Щелинский В. Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита: Сб. статей / Отв. ред. А. Н. Рогачев. Л., 1983.
- Щелинский, 1987 – Щелинский В. Е. Трасологические признаки функций на каменных орудиях нижнепалеолитических типов (Данные экспериментов) // Всесоюзная конференция «Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС», (Суздаль, 1987 г.): Тез. докл. М., 1987.
- Щелинский, 1988 – Щелинский В. Е. Трасология и определение функционального назначения каменных орудий мустьерской эпохи. Вопросы методики и процедуры исследования // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы: Тез. докл. к советско-французскому симпозиуму. Л., 1988.
- Щелинский, 1991 – Щелинский В. Е. Изучение функций орудий нижнего палеолита Прикубанья (методический аспект) // Древности Кубани: Материалы научно-практ. конф. Краснодар, 1991.
- Щелинский, 1992 – Щелинский В. Е. Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья (вопросы методики) // Вопросы археологии Адыгее: Сб. статей / Отв. ред. Д. Х. Мекулов. Майкоп, 1992.
- Щелинский, 1994 – Щелинский В. Е. Трасология, функции орудий труда и хозяйственно-производственные комплексы нижнего и среднего палеолита (по материалам Кавказа, Крыма и Русской равнины): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1994.
- Щелинский, 2001a – Щелинский В. Е. О соотношении формы и функций орудий труда нижнего и среднего палеолита // АВ. СПб., 2001. № 8.
- Щелинский, 2001b – Щелинский В. Е. Проблема функциональных различий мест обитания людей в среднем палеолите на Русской равнине // Каменный век Европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: Материалы междунар. конф., Сергиев Посад, 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад, 2001.
- Щелинский, 2014 – Щелинский В. Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб., 2014.
- Anderson, 1980 – Anderson P. C. A testimony of prehistoric tasks: diagnostic residues on stone tool working edges // World Archaeology. 1980. Vol. 12.
- Anderson-Gerfaud, 1981 – Anderson-Gerfaud P. C. Contribution méthodologique à l'analyse des micro-traces d'utilisation sur les outils préhistoriques. Thèse doct. de 3ème cycle. Bordeaux: Université de Bordeaux I, 1981.
- Cesaro, Lemorini, 2012 – Cesaro S.N., Lemorini C. The function of prehistoric lithic tools: A combined study of use-wear analysis and FTIR microspectroscopy // Spectrochimica Acta Part A. 2012. Vol. 86.
- Fullagar, 1993 – Fullagar R. Flaked stone tools and plant food production: A preliminary report on obsidian tools from Talasea, West New Britain, PNG // Traces et fonction: les gestes retrouvés. Actes du Colloque international de Liège, 8–10 décembre 1990 / P. Anderson, S. Beyries, M. Otte, H. Plisson (eds.). ERAUL. 1993. N 50. Vol. 2.
- Gijn, 1990 – Gijn A. L., van. The wear and tear of flint. Principles of functional analysis applied to dutch Neolithic assemblages // Analecta Praehistorica Leidensia. 1990. Vol. 22.
- Grace, 1996 – Grace R. Use-wear analysis: The state of the art // Archaeometry. 1996. Vol. 38.
- Gurova, 2014 – Gurova M. «Cereal polish»: diagnosis, challenge or confusion // International Conference on Use-Wear Analysis: Use-Wear 2012 / João Marreiros, Nuno Bicho and Juan Gibaja Bao (eds.). Cambridge, 2014.
- Jahren et al., 1997 – Jahren A. H., Toth N., Schick K., Clark J. D., Amudson R. G. Determining Stone Tool Use: Chemical and Morphological Analyses of Residues on Experimentally Manufactured Stone Tools // Journal of Archaeological Science. 1997. Vol. 24.
- Keeley, 1977 – Keeley L.H. The functions of Paleolithic flint tools // Scientific American. 1977. Vol. 237, Iss. 3.
- Keeley, 1980 – Keeley L. Experimental determination of stone tool uses: A microwear analysis. Chicago, 1980.
- Keeley, Newcomer, 1977 – Keeley L., Newcomer M. Micro-wear analysis of experimental flint tools: A test case // Journal of Archaeological Science. 1977. Vol. 4.
- Knutsson, 1988a – Knutsson K. Patterns of tool use: scanning electron microscopy of experimental quartz tools. Uppsala, 1988.
- Knutsson, 1988b – Knutsson K. Making and using stone tools. The analysis of the lithic assemblages from Middle Neolithic sites with flint in Västerbotten, Northern Sweden. Uppsala, 1988.
- Levi-Sala, 1986 – Levi-Sala I. Use wear and post depositional surface modification: a word of caution // Journal of Archaeological Science. 1986. Vol. 13, Iss. 3.
- Levi-Sala, 1993 – Levi-Sala I. Use-wear traces: processes of development and post-depositional alterations // Traces et fonction: les gestes retrouvés. Actes du Colloque international de Liège, 8–10 décembre 1990 / P. Anderson, S. Beyries, M. Otte, H. Plisson (eds.). ERAUL. 1993. N 50. Vol. 2.
- Marreiros et al., 2015 – Marreiros J., Mazzucco N., Gibaja J. F., Bicho N. Macro and Micro Evidences from the Past: The State of the Art of Archeological Use-Wear Studies // Use-Wear and Residue Analysis in Archaeology. Manuals in Archaeological Method, Theory and Technique / J. M. Marreiros et al. (eds.). Springer International Publishing Switzerland, 2015. Vol. 11.
- Moss, 1983 – Moss E.H. Some comments on edge damage as a factor in functional analysis of stone artifacts // Journal of Archaeological Science. 1983. Vol. 10.
- Newcomer et al., 1988 – Newcomer M., Grace R., Unger-Hamilton R. Microwear Methodology: A Reply to Moss, Hurcombe and Bamforth // Journal of Archaeological Science. 1988. Vol. 15.
- Odell, 1975 – Odell G. H. Microwear in perspective: a sympathetic response to Lawrence H. Keeley // World Archaeology. 1975. Vol. 7.
- Odell, 1981 – Odell G.H. The mechanics of use-breakage of stone tools: some testable hypotheses // Journal of Field Archaeology. 1981. Vol. 8.
- Odell, Odell-Vereecken, 1980 – Odell G., Odell-Vereecken F. Verifying the reliability of lithic use-wear analysis by «Blind Tests»: The low magnification approach // Journal of Field Archaeology. 1980. Vol. 7. Iss. 1.
- Olausson, 1990 – Olausson D.S. Edge-wear analysis in Archaeology. The current state of research. Laborativ arkeologi. Stockholm, 1990. Vol. 4.

- Plisson, 1985 – Plisson H.* Etude fonctionnelle d'outillages lithiques préhistoriques par l'analyse des micro-usures: recherche méthodologique et archéologique: Ph. D. Thesis. Universidad de Paris I. Paris, 1985.
- Plisson, 1988 – Plisson H.* Technologie et tracéologie des outils lithiques moustériens en Union Soviétique: les travaux de V. E. Shchelinskiï // L'Homme de Néandertal. Vol. 4. La Technique. ERAUL. 1988. Vol. 31.
- Plisson, Mauger, 1988 – Plisson H., Mauger M.* Chemical and mechanical alteration of microwear polishes: an experimental approach // Helinium. 1988. Vol. 28. Iss. 1.
- Semenov, 1964 – Semenov S.A.* Prehistoric Technology: an experimental study of the oldest tools and artefacts from traces of manufacture and wear / translated by M. N. Tompson. London, 1964.
- Shchelinsky, 1993 – Shchelinsky V. E.* Outils pour travailler le bois et l'os au Paléolithique inférieur et moyen de la Plaine russe et du Caucase // Traces et fonction: les gestes retrouvés. Actes du Colloque international de Liège, 8–10 décembre 1990 / P. Anderson, S. Beyries, M. Otte, H. Plisson (eds.). Liège, 1993. N 50. Vol. 2.
- Shchelinsky, 1994 – Shchelinsky V. E.* Méthodes de recherche sur les fonctions des outils lithiques // Temnata cave. Excavations in Karlukovo Karst Area, Bulgaria / B. Ginter, J. K. Kozłowski, H. Laville (eds.). Craców, 1994. Vol. 1, Part 2.
- Shea, 1988 – Shea J. J.* Methodological consideration in affecting the choice of analytical techniques in lithic use-wear analysis: tests, results and application // Industries lithiques: tracéologie et technologie / Beyries S. (ed.). London, 1988 (BAR Int. Ser.; 411. Vol. 2).
- Shea, 1992 – Shea J. J.* Lithic microwear analysis in archeology // Evolutionary Anthropology. New York, 1992. Vol. 1. Iss. 4.
- Skakun, 1993 – Skakun N.N.* Agricultural implements in the Neolithic and Eneolithic cultures of Bulgaria // Traces et fonction: les gestes retrouvés. Actes du Colloque international de Liège, 8–10 décembre 1990 / P. Anderson, S. Beyries, M. Otte, H. Plisson (eds.). Liège, 1993. N 50. Vol. 2.
- Tringham et al., 1974 – Tringham R., Cooper G., Odell G., Voytek B., Whitman A.* Experimentation in the formation of edge damage: A new approach to lithic analysis // Journal of Field Archaeology. Boston, 1974. Vol. 1. Iss. 2.
- Vaughan, 1985 – Vaughan P. C.* Use-wear analysis of flaked stone tools. Arizona, 1985.

Tracewear method of studies of primeval artefacts: traces of use on tools, their interpretation and information possibilities

V. E. Shchelinsky

Seventy five years have past since the appearance of the first publications by Sergey A. Semenov which formulated the basic points of the method proposed by him for studies of functions of prehistoric tools (Семенов, 1940a, b). Originally, this method was called «a method of studying the functions of tools through traces of work» and only sometime later it was named 'traceological analysis' (Семенов, 1966). It was presumed that using this method it would be possible to define with maximum precision the functions of tools (working operations and materials treated with these tools) found at archaeological sites in order to study the techniques, production, and the general economy of prehistoric human collectives.

Use-wear analysis enjoyed a wide distribution in archaeological studies. Its promotion to European and American archaeology was to a great extent due to the English translation of S. A. Semenov's book «Prehistoric technology: an experimental study of the oldest tools and artefacts from traces of manufacture and wear» published in 1964 (Семенов, 1964). In English language this method is now more known as 'use-wear analysis', 'edge-wear analysis' or 'micro-wear analysis'.

When developing his traceological method S. A. Semenov was basing on the general principle that on all the tools which had been utilized, traces of wear

must have appeared. The basis for interpretation of these traces was constituted by the kinematics of manual labour, as well as those processes of the economic activities of prehistoric man where certain tools can have been used. In Semenov's opinion, working with tools in these processes was characterized by regular and strictly definite kinematic procedures which actually must have produced a particular system or pattern of distribution of wear traces on the tools.

Polishing, grinding-in and linear traces on the tools were considered as the most significant marks of wear (Семенов, 1940a, b; 1957). These studies were concentrated on the task of identifying by means of a microscope, recording and analyzing the distribution and the intensity of these traces taking in consideration the shape of the tool in order to interpret them properly (Семенов, 1957. С. 8–12). Identifying of kinematic characteristics of the tools (axe, knife, drill etc.) and physical properties of the materials treated with them (meat, leather, wood etc.) would present the final results of the micro-analysis (Семенов, 1966).

However, in reality, all this investigation was not so simple. At the initial stage of employment of this method, inadequacy of its experimental ground was apparent. It became ever more evident that only experiments could clarify which particu-

lar traces of wear arise on tools during particular operations.

The first experiments on traces of wear on tools were started by us as early as the late 1960s under the leadership of S. A. Semenov and continued during the subsequent years (*Щелинский*, 1974; 1975; 1977; 1983; 1987; 1988; 1991; 1992; 1994; *Коробкова*, *Щелинский*, 1971; 1996). The experimental programmes were aimed at investigation of the regularities in wearing of stone tools. Binocular stereoscopic and metallographic microscopes served as the research equipment.

These experiments clearly demonstrated that the marks of wear are qualitatively and quantitatively manifested in very different ways, they are combined together forming associations of wear traces. It was furthermore established that the associations of the use-wear traces essentially differ when produced by different working operations, treated materials and tools with different parameters. Especially remarkable difference is observed between the associations of the use-wear traces produced by working of hard materials (wood, bone, antler) and softer organic ones (meat, hides).

As a result, it became clear that the working operations using tools and the main physical properties of the materials treated by them generally are reflected fairly well in the associations of traces of wear preserved on the tools. Moreover, the peculiarities of these complexes manifested in the ratios, different state of intensity and characteristics of various categories of wear traces distinctly correlated also with the duration of utilization of the tools in work, petrographic properties of the rock species used for making them, the angle of sharpening and configuration of the working edges, as well as some other conditions of carrying out the operations. At the same time, the information possibilities of the use-wear traces are realized only where their examination is combined with consideration of the shape of the working edges as well as the general shape and dimensions of the tools on which these marks are found. Of very large importance was also the observation made during these experiments that the marks of wear usually occupy an insignificant area of the tool edges and in their majority are of a microscopical size, this fact making them very vulnerable against the effects of natural and other factors.

The tracewear method of identification of the functions of prehistoric tools has been successfully proved by time demonstrating, due to the supple-

ments made to it by many researchers, a fairly useful potential for defining the functions of archaeological artefacts. Now this method is an indispensable constituent of the set of methods of interdisciplinary studies of archaeological finds. This method, in its present variant, includes a strict procedure of its application and provides for stage-by-stage sequence of distinguishing, description and functional interpretation of the wear traces on tools. The decisive role in these studies is held by experimental investigations aimed at obtaining comparative data on the marks of wear on the tools. These data are based on the raw-material and technological and morphological specifics of the tools from the sites under study. The experimental comparative data serve for better understanding and interpretation of wear marks on tools from archaeological collections. A prerequisite of the objectivity of the functional interpretation of the wear traces includes their careful description and photographic recording both on archaeological tools and on their experimental models.

The fundamental principle of tracewear analysis now lies in examination of the entire complex of the marks of wear on the tools including the extensive damages (grain breakdown), linear traces and polishing of their working edges. The marks of these types are studied by means of various microscopes with small and great magnification. It seems that the exclusive ardour for traces of polishing considered still recently as the panacea for interpretation of the tool functions now gradually subsides. Another indispensable prerequisite of the tracewear interpretation of tools is in analysis of the marks of wear in their interrelation with the shape of the working edge as well as with the general shape and dimensions of the tools on which these marks are found.

Meanwhile, the expansive world practice of generally successful employment of the tracewear analysis in archaeology has demonstrated also the limitations of this method. It is true that this fact is related not so with the method itself but rather with the poor state of preservation of the surface of many archaeological artefacts caused by the effects of diverse mechanical and chemical post-sedimentation processes. As a result, the tools with distinctly expressed and fairly easily identifiable functional wear commonly constitute only a small share of the entire assemblage of artefacts from a site. Moreover, on many artefacts recovered from even undisturbed cultural layers, the traces of wear are annihilated or preserved in a reduced or transformed state.

This fact requires a careful approach to the tracewear studies. Evidently, prior to employment of the latter, it is necessary to establish reliably whether the particular archaeological material is applicable for tracewear analysis. It is better to put aside and remove from examination the tools with a roughly modified surface rather than draw doubtful conclusions on their basis. As to the tools with disturbed traces of wear, which are fairly numerous, the interpretation of their functions must be very cautious and carried out only to that extent that is really possible.

The question arises as to the ratio between the tracewear functional analysis and the technological and morphological one for assemblages of artefacts from different sites. It seems that these approaches are closely interrelated. The tracewear studies should be oriented primarily to identification of the functions of technological and morphological features of the particular tools and products of primary cleavage of stone since these types of artefacts undoubtedly were fabricated intentionally to serve a definite purpose. This approach enables us to avoid a functional classification of the tools which is al-

ways poorly grounded because of the usually small quantity of tools with well identifiable usewear traces among the assemblages from the sites. At the same time, analysing by the tracewear method particular technological and morphological types of the tools which evidently had been of significance for the dwellers of the sites, we obtain important information about the functions and specialization of these tools.

What are the main spheres of application of the results of tracewear studies of the functions of archaeological artefacts? The main goal undoubtedly is the solution of the problem of interrelation between the shape and function of the tools, i.e. of the development of the prehistoric technologies, as well as analysis of the types and structure of the industry at the sites.

One must, however, take in consideration that the data on the traces of wear and information obtained from them on the functions of prehistoric tools are nevertheless only hypothetical and mostly related only to a small quantity of the finds. Hence, these data can be used only within the context of the entire information about the archaeological sites.

О ПОДХОДАХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННЫХ БОЕВЫХ ТОПОРОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА – БРОНЗЫ

Е. С. Ткач¹

Статья посвящена анализу подходов к изучению каменных сверленных боевых топоров. Зачастую данные находки связываются с культурами шнуровой керамики и боевых топоров, которые получили распространение на территории Западной и Восточной Европы в III–начале II тыс. до н. э. Большинство изучаемых материалов, которые использовались в работе, являются случайными находками, часть топоров была обнаружена в культурных слоях свайных поселений на территории Псковской и Смоленской областей.

За основу классификации были взяты типологии польских исследователей (Я. Махника и П. Влодаржака), созданные для культур шнуровой керамики на территории Малой Польши. Проанализировано 64 экз. каменных топоров, в результате чего были определены 11 типов топоров, которые относятся к началу III–II тыс. до н. э. Удалось проследить хронологическую последовательность изучаемых материалов и сделать вывод о волнообразности миграционных процессов в неолите–начале бронзового века.

This paper analyzes the approaches to studying drilled stone battleaxes. The finds of this type often are attributed to the Corded Ware and Battleaxe cultures which became widespread throughout the Western and Eastern Europe in the 3rd and early 2nd millennium BC. Most of the studied here materials are stray finds but some of the axes were found in cultural layers of pile dwellings in Pskov and Smolensk oblasts.

As the basis for typology, studies of Polish researchers were accepted concerned with the Corded Ware culture in the area of Small Poland (Jan Machnik and Piotr Włodarczak). There have been considered 64 specimens of stone axes and, as a result, 11 types of battleaxes which are dated to the early 3rd and 2nd millennium BC have been identified. It proved possible to define the chronological sequence of the finds under study and to make the conclusion about a wave-like character of the migration processes in the Neolithic and early Bronze Age.

Ключевые слова: Каменные боевые топоры, культуры шнуровой керамики, неолит, Верхнее Подвинье.

Keywords: Stone battleaxes, Corded Ware cultures, Neolithic, Upper Dvina region.

Изучением каменных боевых топоров уже более столетия занимаются исследователи разных стран. Перед ними стоит задача классификации данных материалов для определения их хронологической атрибуции. Одним из основных проблемных моментов является малое количество замкнутых комплексов, где они были обнаружены, в то время как около 80 % каменных топоров представлены случайными находками и поэтому определить их хронологическую и культурную принадлежность – сложная зада-

ча. Топоры могли быть изготовлены, например, еще в неолите, но использовались повторно в бронзовом или в железном веке и даже в средневековье.

Каменные боевые топоры являются одним из ключевых признаков, характеризующим культуры шнуровой керамики, выделение которых происходило иногда только по наличию этих изделий (например, культура шнуровой керамики и боевых топоров; культура ладьевидных топоров). Культура шнуровой керамики впервые была обозначена на территории довоенной северо-восточной Пруссии в 70-е гг. XIX в. Тогда же стали выделять локальные варианты культур шнуровой керамики и боевых топоров. Расцвет

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

изучения этих культур связан с именем Густава Коссинны, который объединил их в один культурный круг и идентифицировал их с индоевропейцами, расселение которых, по его мнению, происходило очень широко с территории Северной Германии. Согласно его теории, в неолите происходили кратковременные мощные экспансии или походы завоевателей с каменными боевыми топорами. Эта теория была включена в так называемую «археологию обитания» Коссинны, по которой каждый элемент культуры рассматривался как характерный для нее и только для нее одной. Выработался принцип «части вместо целого», согласно которому существовала возможность проследить миграции населения даже по отдельным типам вещей (*Kossinna, 1905*). Г. Коссинна явился первым, кто попытался это сделать. Находки этих артефактов и после работ Г. Коссинны зачастую напрямую связывались с присутствием на территории их обнаружения носителей культур шнуровой керамики и боевых топоров. Например, А. Я. Брюсов отмечает, что «эти культуры, за редким исключением, представлены погребениями и отдельными находками, преимущественно каменных топоров, боевых сверленных и рабочих клиновидных (обычно кремниевых)» (*Брюсов, 1961. С. 15*).

Впоследствии было предпринято множество попыток продолжить «прослеживание» миграционных процессов носителей культур шнуровой керамики по местам обнаружения отдельных культуропределяющих материалов. Было предложено несколько типологий каменных боевых топоров как в Советском Союзе, так и за рубежом. Типологические ряды строились исходя из хронологических типов, предложенных О. Монтелиусом во второй половине XIX в. Тогда в распоряжении исследователей имелись находки, которые были обнаружены в замкнутых комплексах и обладали четкими хронологическими привязками. Однако, чем дальше от исходной территории «идеального типа» встречались схожие артефакты, тем больше затруднений возникало.

Подходы к изучению классификаций каменных боевых топоров культур шнуровой керамики. Одну из первых типологий каменных топоров разработал В. А. Городцов для материалов фатьяновской культуры (*Городцов, 1916*). Основным признаком являлась форма топора анфас. Учитывался также профиль топора и форма обуха. Всего было выделено 16 типов. Позднее

его работой пользовался А. Тальгрэн, который и «открыл» работу В. А. Городцова для европейских археологов (*Tallgren, 1924*).

Для территории Европы первая типология каменных топоров была построена П. Глобом в 1945 г. на материалах одиночных погребений Ютландии (*Glob, 1945*). Им было выделено 11 типов, от А до L, с последующим разделением на 52 подтипа. Вначале он разбил топоры на «группы» (по профилю), затем каждую такую группу – на типы (по виду сверху), после чего каждый тип – на подтипы (по поперечному сечению) и, наконец, подтипы – на варианты (по деталям оформления обуха, орнаментации и пр.). Одним из ранних в этой классификации является топор типа А (ладьевидный по форме), который в культурном слое был обнаружен совместно с амфорами А-типа. Позже это сочетание было встречено на памятниках в разных частях Европы и интерпретировалось как ранний этап распространения культур шнуровой керамики. Явление это получило название общеевропейского или А-горизонта.

В 1961 г. в Советском Союзе была опубликована работа А. Я. Брюсова и М. П. Зиминой «Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР», в которой единственным признаком для типологии (всего 9 типов) является форма топора анфас (*Брюсов, Зиминая, 1961. С. 20*).

В 1962 г. вышла монография М. Мальмера «Исследования по развитому неолиту» (*Malmer, 1962*) в которой он описал свой подход к изучению в первую очередь каменных боевых топоров Скандинавии. Его подход основывался на детальном изучении и использовании данных измерений топоров (например, одним из главных признаков в его типологии была форма обуха, которая вычислялась по формуле). Также учитывались: а) форма топоров анфас и в профиль; б) размеры лезвия и его форма; в) угол лезвия по отношению к профилю топора.

В середине 60-х гг. прошлого века в Польше была опубликована монография Я. Махника, в которой дается детальное описание культур шнуровой керамики на территории Малой Польши (*Machnik, 1966*). В основу типологии топоров (9 типов, включая топоры А-типа) исследователем были положены следующие признаки: а) форма топора анфас и в профиль; б) поперечное сечение топора; в) форма обуха и лезвия; г) диаметр и расположение сверлины; г) длина топора.

Эта типология получила широкое распространение среди европейских археологов. Прямым ее продолжением можно считать работу А. Бронички и С. Кадрова (*Bronicki, Kadrow, 1997*), в которой они, привлекая больше измеряемых данных, достоверно прослеживают развитие культуры шнуровой керамики на позднем этапе ее существования на территории Малой Польши. Более детальная классификация для топоров культур шнуровой керамики была сделана П. Влодаржаком для территории Малой Польши. Им была создана хронологическая шкала топоров (*Włodarczak, 2006. S. 244, tab. XXII*). Опираясь на разработку Я. Махника, исследователь выделил подтипы на основании профиля топора и длины обушка.

В 1972 г. вышла монография Д. А. Крайнова «Древняя история Волго-Окского междуречья», посвященная материалам фатьяновской культуры. В основу типологии боевых топоров легла работа В. А. Городцова. Учтены были следующие признаки: форма топора анфас, форма лезвия, форма и размеры обушка, форма лопасти, измеримые данные топора (*Крайнов, 1972. С. 39*). Всего было выделено 16 типов, которые разделены на подтипы. Несколько позднее эта типология была дополнена О. С. Гадзяцкой (выделено 18 типов). Ею учитывались такие признаки, как очертание предмета анфас и в профиль, форма обуха, форма бойка, расположение сверлины по отношению к центру топора (*Гадзяцкая, 1976. С. 6*). Исследователи изучили пространственное и хронологическое распространение каменных топоров на территории фатьяновской культуры. Были выделены общие типы для всей культуры и специфические, встречаемые локально. Так, среднеобушковые топоры характерны для всей фатьяновской культуры. В некоторых районах их несколько больше, однако это можно объяснить плохой изученностью региона. Длиннолопастные топоры являются определяющими для верхневолжской фатьяновской группы. Топоры простой формы и топоры с выделенным обушком и сверлиной, расположенной по центру, наиболее характерны для западной части распространения фатьяновской культуры (Там же. С. 56). Находки длиннообушковых топоров обычны в Московской области, в то время как в балановской культуре они редки.

На основе картографирования находок из закрытых комплексов, а также топоров, обнаруженных случайно, исследователи пришли к вы-

воду, что «картина территориального размещения сверленных топоров из фатьяновских могильников и преобладания их типов приблизительно такая же, какую рисуют случайные находки. Следовательно, использование случайных находок вполне правомерно в качестве достоверного источника для решения многих вопросов фатьяновской культуры» (Там же. С. 58).

Для территории Прибалтики типология была разработана (4 типа и несколько подтипов) О. Багушиене и Р. Римантене (*Rimantienė, 1974. S. 84–205*). Признаками служили форма топора анфас и в профиль, а также обух топора. В основу их исследования были положены уже существовавшие классификации топоров, включая типологии для фатьяновской культуры и для материалов Скандинавии и Юго-Западной Польши.

На территории Северо-Западной Белоруссии каменные боевые топоры были собраны и типологизированы М. М. Чернявским и В. Л. Лакизой (*Чернявский, Лакиза, 1995*). Их работа носила описательный характер и касалась, в основном, территории Понеманья. Белорусскими исследователями были выделены 8 типов по основным признакам (форма топора анфас и в профиль), а также дополнительным (форма и размеры обушка, форма лезвия).

Для региона Ловатско-Двинского междуречья выделена северобелорусская культура, которая, по мнению А. М. Микляева, входила в круг культур со шнуровой керамикой и боевыми топорами (*Микляев, 1994. С. 23*). Истоки ее исследователь видел на территории юго-запада, в области жуцевской культуры и родственных ей культур юга Балтии. Основой для такой атрибуции послужили наличие оттисков шнура на керамических сосудах, примесь дресвы в формовочном тесте, лоскутный способ формовки сосудов, появление характерных треугольных черешковых наконечников стрел и каменных боевых топоров.

Типология каменных боевых топоров с территории Северо-Запада России и прилегающих территорий. «Вес признаков в подавляющем большинстве случаев определяется по чисто формальным критериям. Простейшим из них является частота встречаемости: чем чаще встречается выбранный признак (или тип) в исследуемой совокупности, тем больший вес он получает в классификации» (*Колтаков, 2013. С. 139*).

Это определение характерно для каждой из созданных типологий. Однако не с каждой ти-

пологией удобно работать другим исследователям. Например, уровень детальности, с которой был произведен анализ М. Мальмером, по моему мнению, чрезмерен. Так, им было выделено множество подтипов только на основании данных измерений обуха (разница между типами может составлять несколько сантиметров). Тут можно согласиться с мнением А. Я. Брюсова и М. П. Зиминной, что «древний мастер был ограничен в возможности передачи мелких деталей величиной и формой того камня, из которого он выделывал топор» (Брюсов, Зимина, 1961. С. 19). С другой стороны, только формы топора анфас также недостаточно, как это было показано в исследовании А. Я. Брюсова и М. П. Зиминной. Этот признак сам по себе, в отрыве от других показателей, не является ни культууроопределяющим, ни хронологическим для изучаемого материала.

Для классификации каменных боевых топоров мною были взяты типологии, разработанные для территории Малой Польши Я. Махником и П. Влодаржаком (рис. 1), в которых большинство учтенных материалов происходит из замкнутых комплексов (погребений) культур шнуровой керамики. В работах польских исследователей дается детальное описание признаков, которые учитывались для создания типологии и которые мы можем использовать для материалов Верхнего Подвинья. Проверимость данной типологии заключается в возможности только при наличии публикаций самостоятельно изучать материал и извлекать из него иную информацию, если она там есть. К сожалению, в большинстве других работ мы можем наблюдать уже готовые типологии, без описания самого процесса типологизации материала.

Всего было изучено 62 целых топора и 14 фрагментов, которые были обнаружены на территории Псковской, Смоленской, Новгородской, Минской областей. Большинство находок хранится в фондах краеведческих музеев Псковской области, часть находится в Государственном Эрмитаже (хранитель – А. Н. Мазуркевич).

Для изучения также были привлечены опубликованные материалы с территории Смоленской области (Лявданский, 1927. Табл. XI, 2; XII, 4, 7, 25; XIV, 24; XVII, 5, 8, 28; XIX, 30; XX, 14) и с территории Белоруссии (Чернявский, Лакиза, 1995. Мал. 3, 28, 29, 33, 34; 4, 46; 5, 51, 53, 56, 57; 6, 64, 65; 7, 61).

В ходе работы было выделено 11 типов каменных боевых топоров, которые соотносятся

с типами Я. Махника. Т. е. тип 1 нашей типологии идентичен типу 1 в типологии Я. Махника. Исключение составляют типы 8, 9, 10. Тип 8 в типологии Я. Махника не выделен. Скорее всего, на тот момент (середина XX в.) данный тип не был обнаружен среди материалов культур шнуровой керамики на территории Малой Польши, однако он был учтен позднее в типологии П. Влодаржака. Типы 9 и 10 не обнаружены среди материалов культур шнуровой керамики Польши, что связано с их хронологической и культурной принадлежностью, о чем будет сказано ниже. Ладьевидные топоры типа А мною выделены в тип 11, в то время как в типологии Я. Махника эти топоры не имеют номера и располагаются отдельно от основной типологии. В классификации П. Влодаржака этот тип занимает первое место.

Тип 1 (рис. 2, 1–3) (8 экз.). Топоры ромбической формы, четырехугольные в сечении, часто с квадратным обухом. Три из них являются двулезвийными (рис. 2, 3).

Тип 2 (рис. 2, 4–5) (11 экз.). Широкие топоры с нечеткими ромбическими контурами. Имеют четырехугольное поперечное сечение с закругленными краями. Обух прямой или овальный.

Тип 3 (рис. 3, 1–2) (8 экз.). Топоры, напоминающие в профиль ладьевидные. Обух в виде цилиндра, прямой. Поперечное сечение овальное, реже прямоугольное. Края топора закругленные. Отверстие выполнено односторонним сверлением.

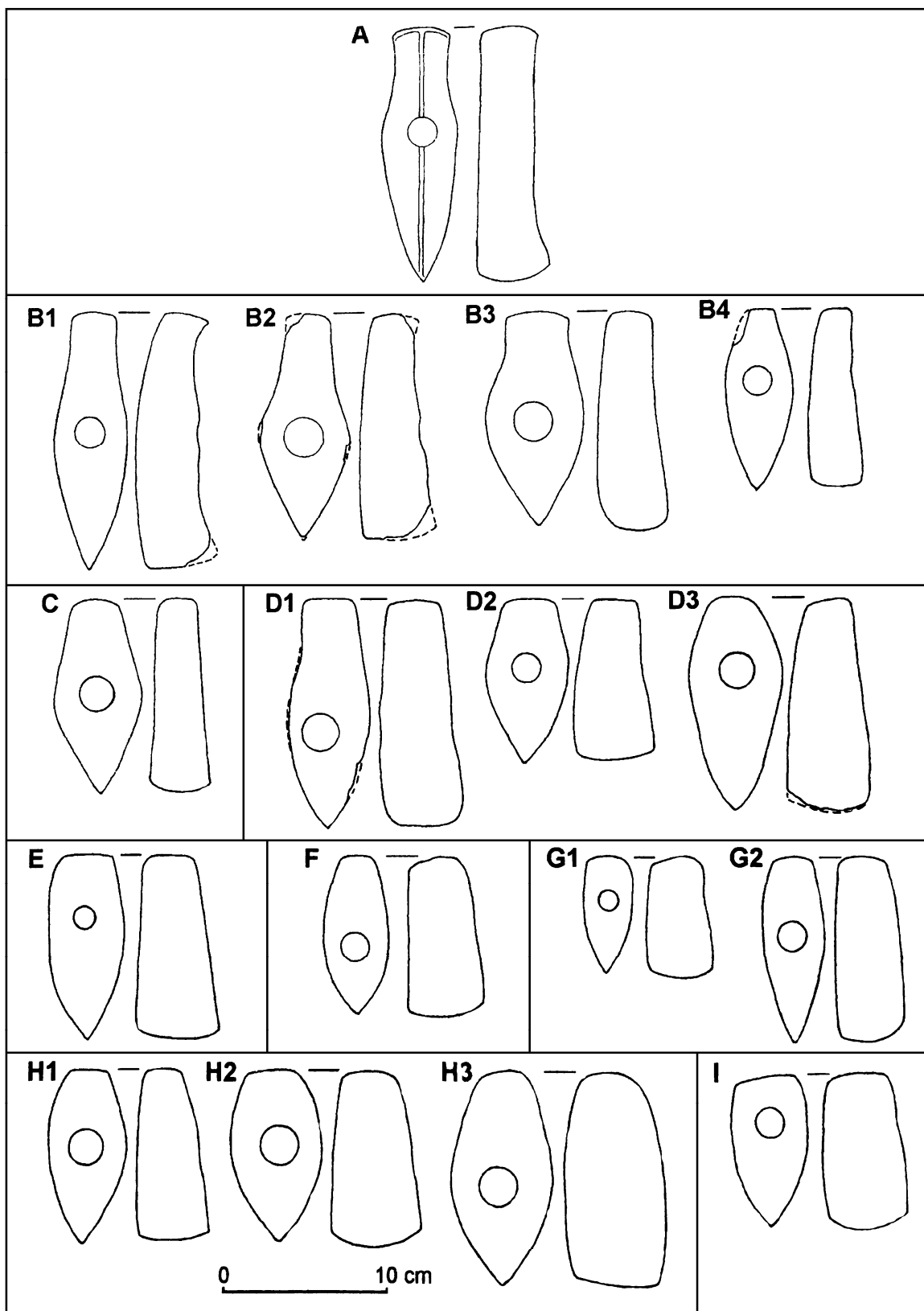
Тип 4 (рис. 3, 3–4) (5 экз.). Топоры, лезвие которых слегка асимметрично. Имеют немного вытянутую спинку и прямоугольное поперечное сечение. Сверлина располагается посередине или чуть ближе к обуху. Сам обух прямоугольный.

Тип 5 (рис. 3, 5–6) (5 экз.). Топоры имеют клиновидный профиль. Поперечное сечение подпрямоугольное с округлыми краями. Обух прямой.

Тип 6 (рис. 4, 1–2) (6 экз.). Топоры, лезвие которых слегка асимметрично. Поперечное сечение прямоугольное или подквадратное. Обух выпуклый. Сверлина, чаще всего, в центре.

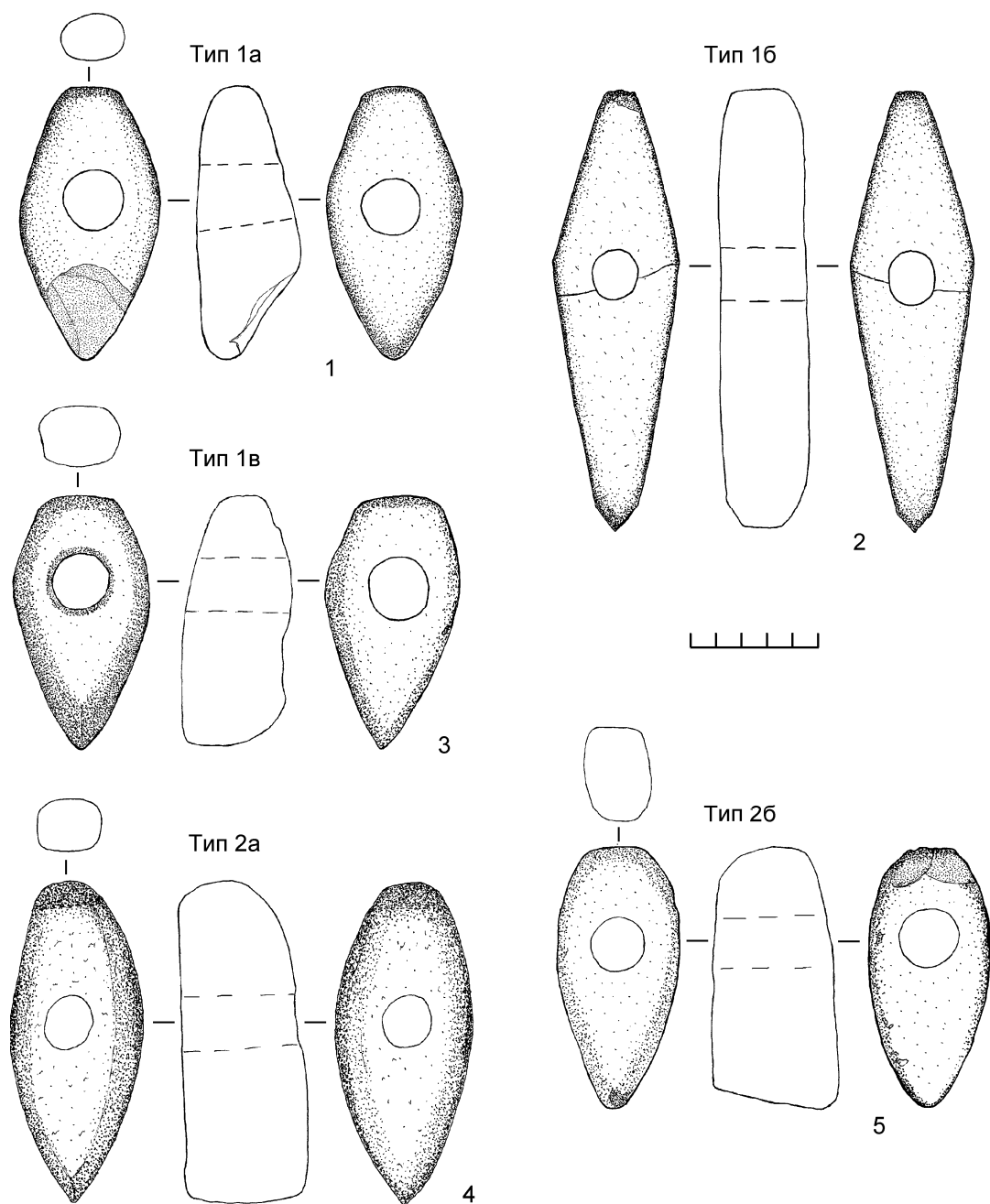
Тип 7 (рис. 4, 3) (1 экз.). Топор, напоминающий в профиль ладьевидный. Имеет зауженный обух и края, резко сужающиеся к лезвию. Поперечное сечение четырехугольное.

Тип 8 (рис. 4, 4–6) (10 экз.). Обуховые топоры. Поперечное сечение подквадратное, обух

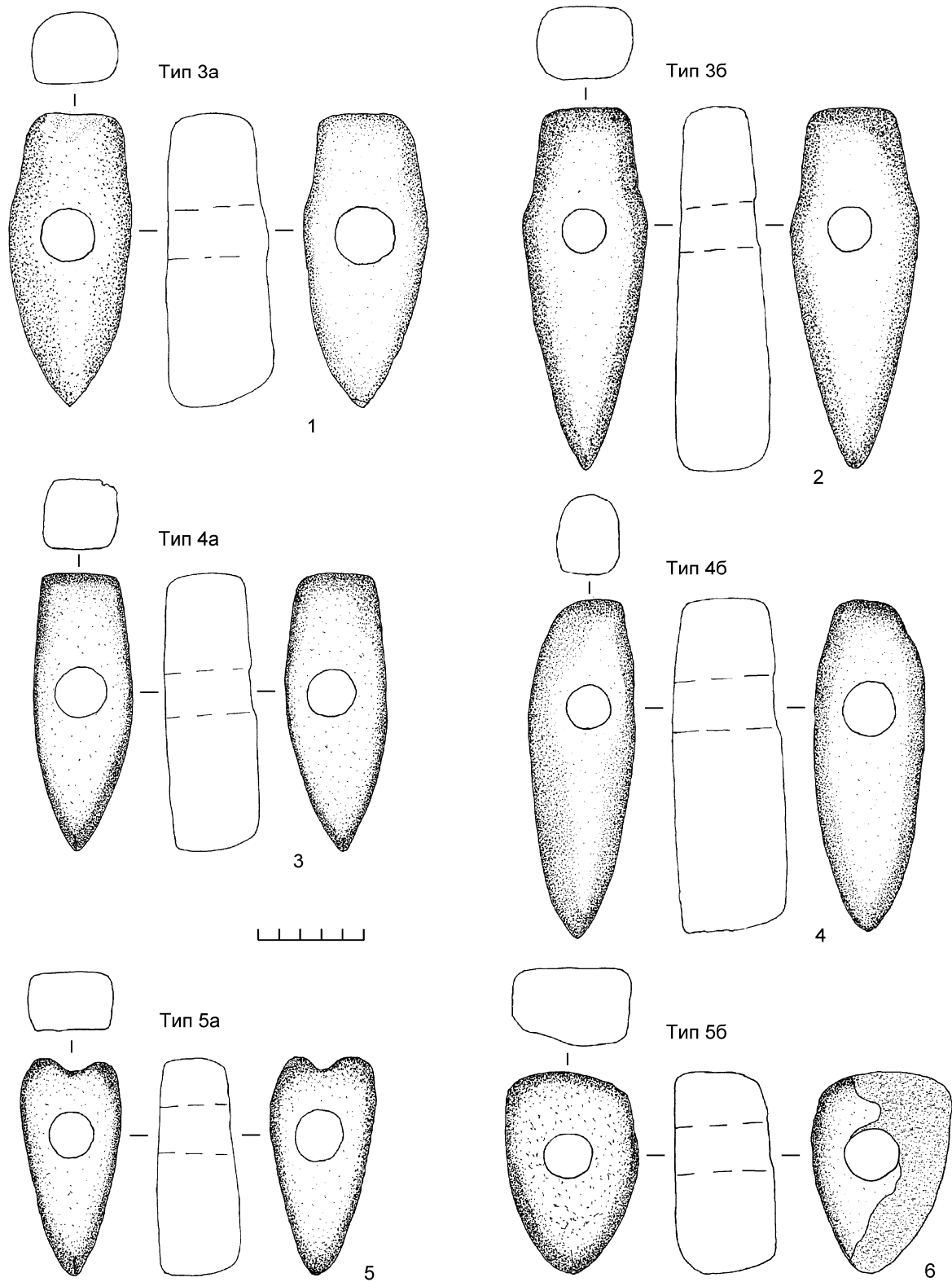
Рис. 1. Типология каменных боевых топоров культур шнуrowой керамики на территории Малой Польши (Włodarczak, 2006. P. 244. Tabl. XXII).

Fig. 1. Typology of stone battleaxes of the Corded Ware cultures in Smaller Poland (Włodarczak, 2006. P. 244. Tabl. XXII).

Рис. 2. Каменные боевые топоры с территории Псковской области:
 1-3 – тип 1 (а – оп. хр.: ПИХМ 4016, Псков; б – оп. хр.: ПИХАМЗ 8742, Псков; в – оп. хр.: 32535/13, Остров);
 4-5 – тип 2 (а – оп. хр.: СПМ 1036, Себеж; б – оп. хр. ПКМ 2198/59, Псков).

Fig. 2. Stone battleaxes from the region of Pskov oblast:
 1-3 – type 1 (a, b – Pskov; v – Ostrov);
 4-5 – Type 2 (a – Sebezh; b – Pskov).

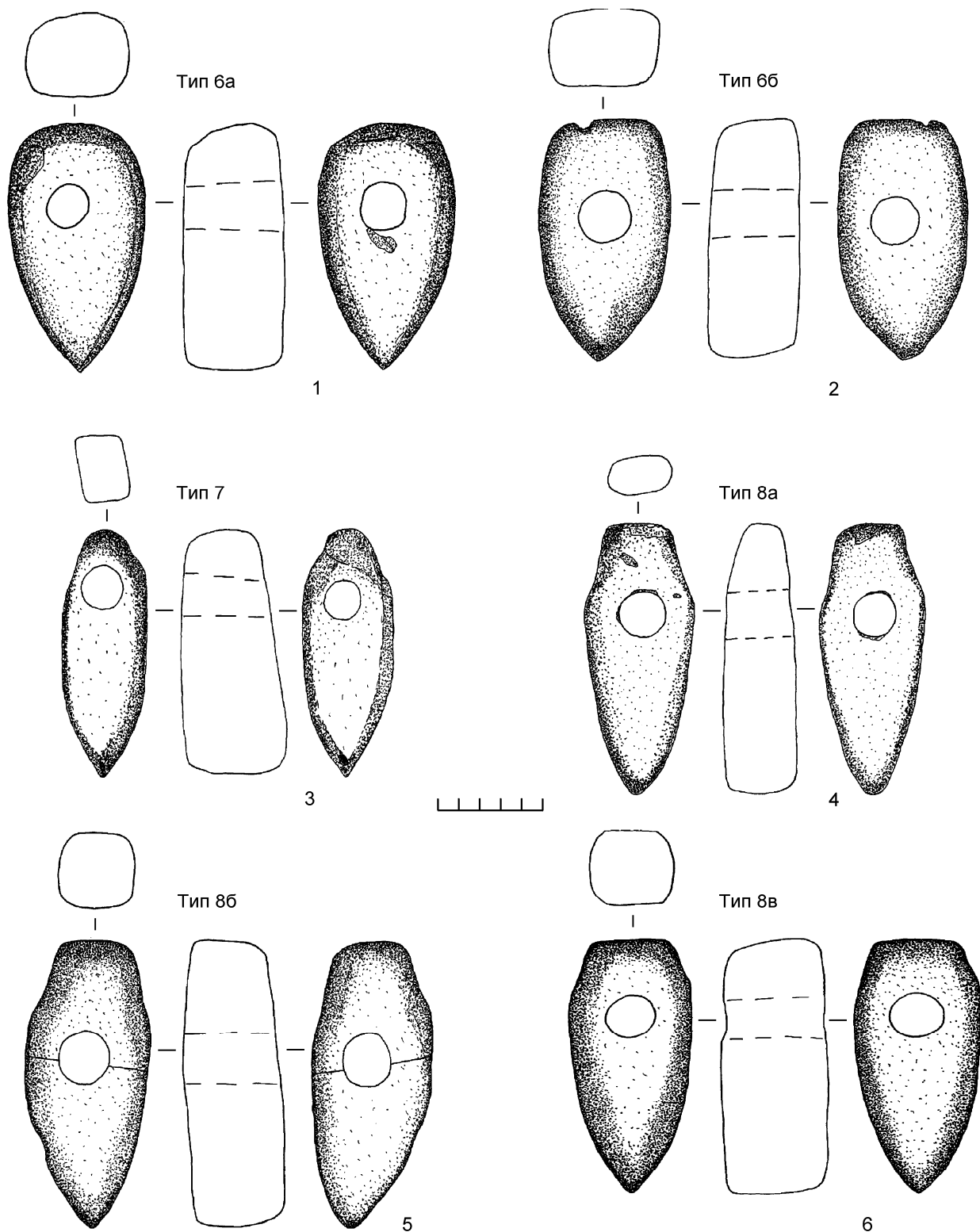

Рис. 3. Каменные боевые топоры с территории Псковской области:

1–2 – тип 3 (а – оп. хр.: ПКМ 2498, Псков; б – оп. хр.: 325шка35/181, Остров); 3–4: тип 4 (а – оп. хр.: ПИКМ ОФ-234, Пустошка; б – оп. хр.: МИН ОФ-889, Невель); 5–6: тип 5 (а – оп. хр.: ПИКМ ОФ-909, Пустошка; б – оп. хр.: ПИКМ ОФ-1102, Пустошка).

Fig. 3. Stone battleaxes from Pskov oblast:

1–2 – type 3 (a – Pskov; б – Ostrov); 3–4: type 4 (a – Pustoshka; б – Nevel); 5–6: type 5 (a, б – Pustoshka).

Рис. 4. Каменные боевые топоры с территории Псковской области:

1–2 – тип 6 (а – оп. хр. ПИКМ-ОФ 519, Пустошка; б – оп. хр. ПИКМ ОФ-232, Пустошка); 3 – тип 7 (а – оп. хр.: ВКМИК 3673/А-78, Великие Луки); 4–6 – тип 8 (а – оп. хр.: ПИХМ 4416, Псков; б – оп. хр.: ИК 3964/А-79, Великие Луки; в – без №, Великие Луки).

Fig. 4. Stone battleaxes from the region of Pskov:

1–2 – type 6 (а, б – Pustoshka); 3 – type 7 (а – Velikiye Luki); 4–6 – type 8 (а – Pskov; б – Velikiye Luki; в – unnumbered, Velikiye Luki).

овальный, иногда прямой. Сверлина располагается посередине или ближе к обуху. Края топоров закругленные.

Тип 9 (рис. 5, 1) (1 экз.). Пестиковидный топор.

Тип 10 (рис. 5, 2) (1 экз.). Секирообразный топор.

Тип 11 (рис. 5, 3–4) Ладьевидные топоры типа А (3 экз.). Сильно вытянутая ладьевидная форма, слегка опущенное вниз лезвие. Имеют выпуклый, с овальным поперечным сечением обух. Поперечное сечение самого изделия овальное.

Все измеримые признаки данного класса артефактов были проанализированы по следующим парным показателям: длина топора и его вес, ширина и длина обуха, длина и ширина лезвия, толщина топора и ширина лезвия, толщина топора и диаметр сверлины, длина топора и диаметр сверлины, вес и толщина топора. Большая часть изделий не выбивается из общего нормального распределения, т. е. чем меньше вес топора, тем меньше его длина. Можно утверждать, что вес топора не является культуроопределяющим признаком. Однако здесь есть исключения, связанные с сырьем, использованным для создания топора. Также стоит отдельно отметить размеры сверлины с наружной и внутренней сторон. Чаще всего ее диаметр с наружной стороны меньше, чем диаметр с внутренней стороны, а различие составляет около 2–3 мм. Т. е. мы можем сказать, что топоры чаще всего сверлились с одной стороны. Редко обнаруживается двустороннее сверление с небольшой перемычкой посередине сверлины (Osipowicz, 2008. S. 115–121).

Хронологическая принадлежность. К сожалению, практически все топоры относятся к случайным находкам. Исключение составляют топор из слоя А поселения Наумово и топор из постройки № 1 третьего строительного горизонта поселения Сертея II (Полковникова, 2014. С. 274; С. 280, рис. 2, 4). Первый, обушковый, топор датируется периодом бытования на данной территории северо-белорусской культуры (3700±70 (ТА-816), 3960±60 (Ле-1004), 3650±70 (ТА-634)), а второй, ромбический, – относится к жижицкой культуре (3992±120 (SPb_1193)). Таким образом эти топоры датируются серединой–началом III тыс. до н. э.

Топоры ромбической формы (тип 1) на территории Швейцарии относятся к хронологическому промежутку 2774–2701 BC (Weniger, 1993. S. 76. Abb. 41, 1, 3).

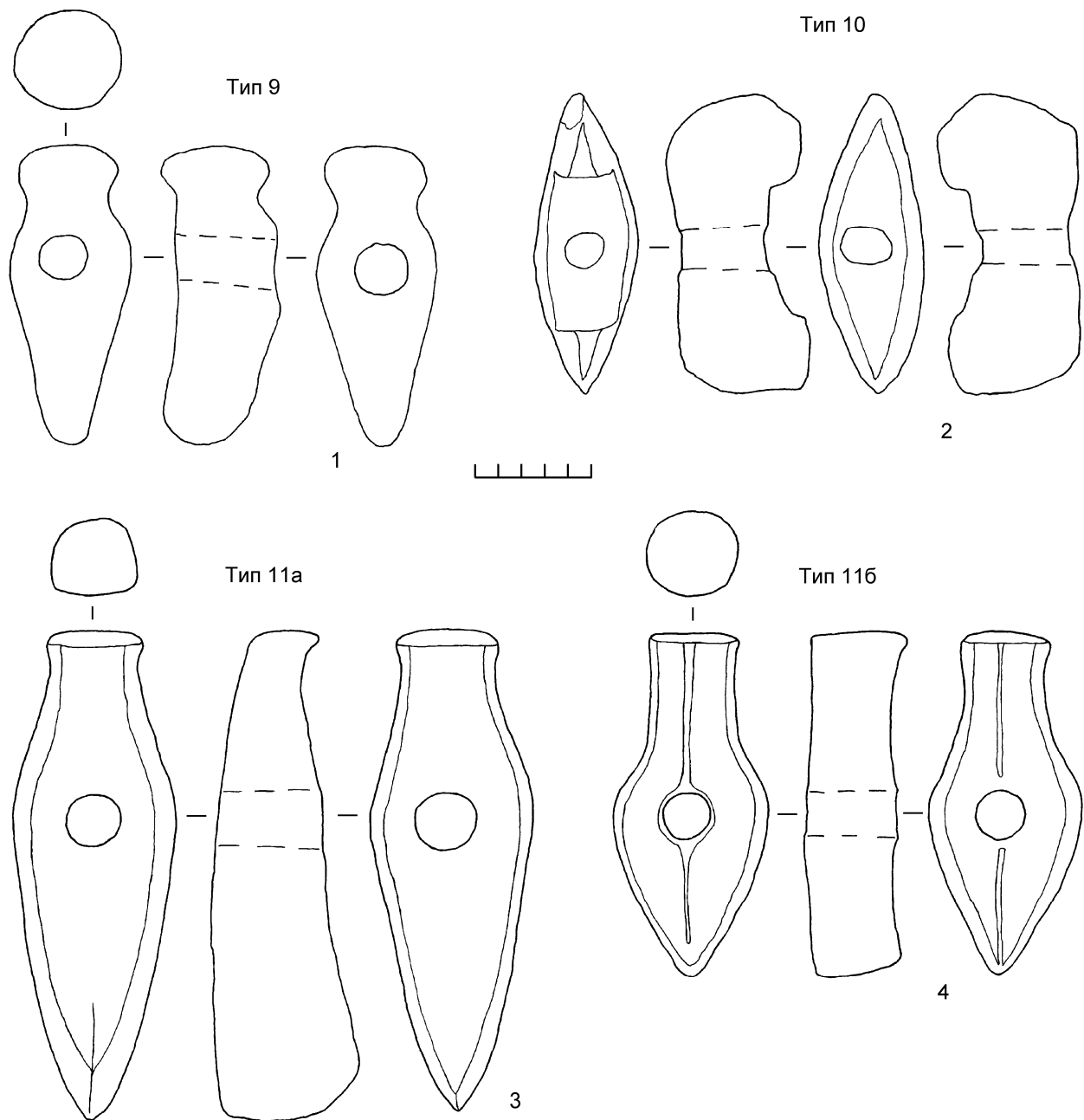
Часть двулезвийных топоров ромбической формы, по мнению Р. К. Римантене, характерны для балтской культуры эпохи бронзы, однако они могли возникнуть и ранее, в неолите (Rimantienė, 1974. S. 234–235; S. 98, 14 pav, 2). С другой стороны, ромбические молотковидные и узкообушковые топоры (по Д. А. Крайнову) относятся к середине II тыс. до н. э. и их развитие шло из западной или юго-западной европейской части СССР (Крайнов, 1972. С. 51).

В среднеднепровской культуре на территории Белоруссии (могильник Прорва 1) ромбический тип топора обнаружен в погребении 10 и имеет датировки 2468 – 2198 BC (Ki-6205) (Kryvaltsevich, Kovalykh, 1999. P. 154; 156, fig. 3, 20).

Тип 2 (топоры с размытыми ромбическими краями) соотносится с ромбическими молотковидными топорами по типологии Д. А. Крайнова. О времени бытования этого типа судить сложно. Отдельные экземпляры были найдены на городище с сетчатой керамикой. Распространение, по мнению исследователя, шло с территории запада или юго-запада европейской части СССР (Крайнов, 1972. С. 49). В среднеднепровской культуре данный тип встречается на позднем этапе ее развития (Артеменко, 1967. С. 75, рис. 44, б; с. 106).

Топоры с обухом в виде цилиндра, в профиль напоминающие ладьевидные (тип 3), Р. К. Римантене относит к балтийским ладьевидным топорам. Аналогии она видит в материалах среднего Поднепровья и Финляндии, однако они могут отличаться между собой по форме обуха и некоторым пропорциям. «Наверно везде они являются продуктом местного производства» (Rimantienė, 1974. S. 234). По Д. А. Крайнову – это длиннолопастные топоры, которые «возникли где-то на территории Белоруссии и оттуда вместе с продвижением протофатьяновских племен распространились на северо-восток – на Верхнюю Волгу» (Крайнов, 1972. С. 54–55). В материалах среднеднепровской культуры этот тип соотносится с ранним этапом существования культуры (Артеменко, 1967. С. 14, рис. 1, б; рис. 7, 10), т. е. серединой–концом III тыс. до н. э. (Там же. С. 106). В Польше он определен как тип В (конец второй четверти III тыс. до н. э. 2700 – 2550 BC) (Włodarczak, 2006. P. 33; P. 244, tabl. XXII, B1, B2).

Типы топоров 4 и 6 для территории Прибалтики определяются как топоры с коротким широким округлым обухом (Rimantienė, 1974. S. 89,

Рис. 5. Каменные боевые топоры из коллекции Государственного Эрмитажа: 1 – тип 9 (оп. хр.: 11/341); 2 – тип 10 (оп. хр.: 232-1); 3–4 – тип 11 (а – оп. хр.: 170/1; б – оп. хр.: 135/1).

Fig. 5. Stone battleaxes from the State Hermitage collection: 1 – type 9; 2 – type 10; 3–4 – type 11.

9 рав, 4–7) и относятся к концу III тыс. до н. э. На территории Польши они схожи с топорами типа E и G фазы IIIa (2600–2500 BC) (*Włodarczak*, 2006. P. 34–35; P. 244, tabl. XXII, E, G1).

Топоры клиновидной формы (тип 5) аналогичны ромбическим усеченным топорам фатьяновской культуры. На территории Польши – это

фаза IIIc (топоры типа I), которая датируется 2350–2200 BC (*Ibid.* P. 36; P. 244, tabl. XXII, I).

Обушковые топоры (тип 8) на территории фатьяновской культуры являются одними из наиболее ранних. Они имеют цилиндрическую форму обуха, однако в профиль не являются ладьевидными, что отличает их от топоров типа 2.

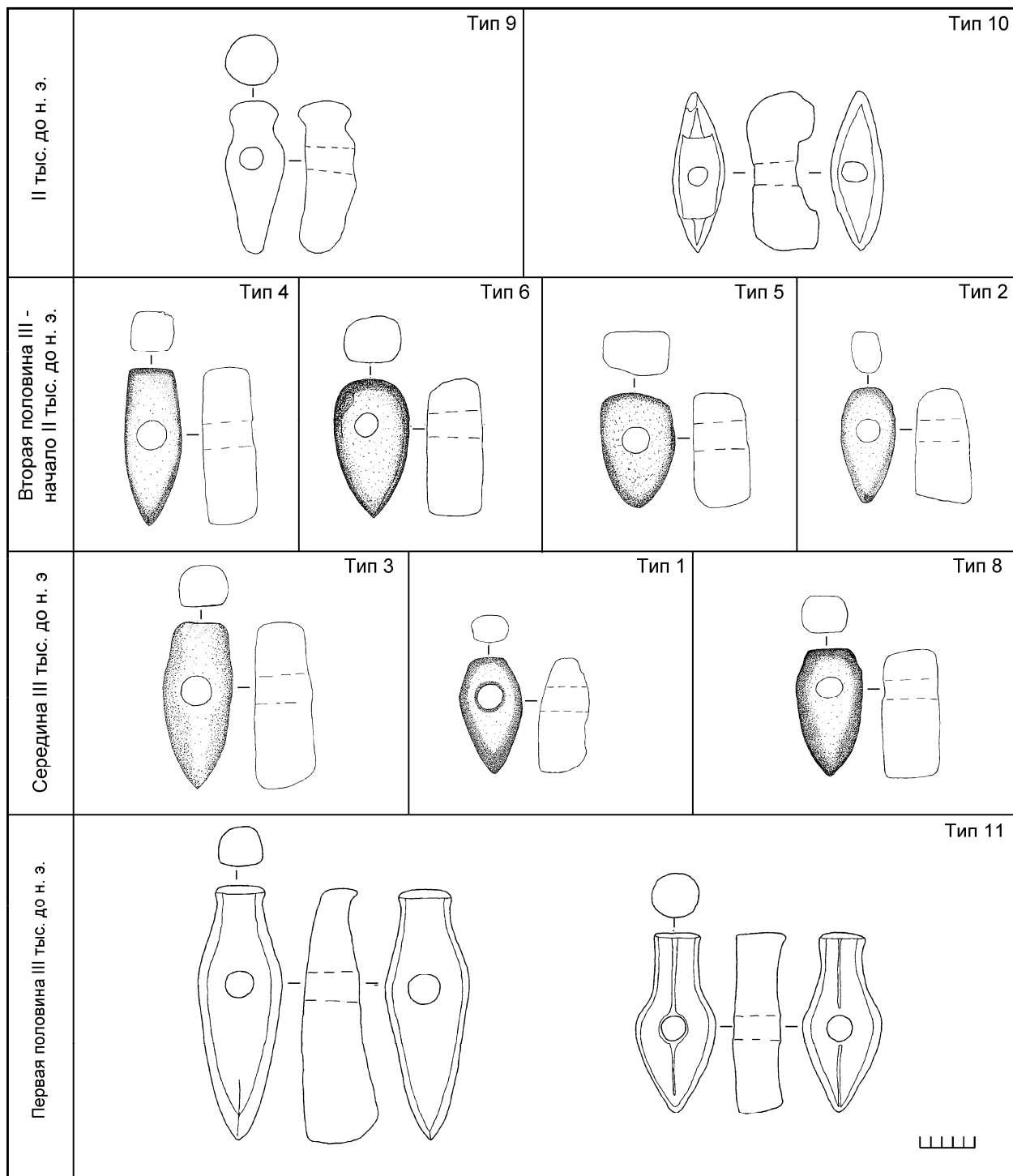

Рис. 6. Периодизация топоров Верхнего Подвинья

Fig. 6. Periodization of axes from the Upper Dvina.

«Скорее всего, фатьяновские среднеобушковые топоры связываются с прибалтийскими и белорусскими» (Крайнов, 1972. С. 4). На территории Польши они соотносятся с фазами II и IIIa (топоры типа B и D) (Włodarczak, 2006. P. 33, 34;

P. 244, tabl. XXII, B4, D1), а в материалах среднеднепровской культуры относятся к раннему этапу (Артеменко, 1967. С. 45).

Следуя Д. А. Крайнову, топоры типа 9 и 10 (пестиковидный и секирообразный) можно от-

нести к более поздним эпохам. Например, аналогии пестиковидному топору можно обнаружить в материалах подборинского времени (поздняковская культура) (Крайнов, 1972. С. 59).

Топоры А-типа, согласно М. Бухвальдеку и К. Смутке, мы можем отнести к рубежу IV–III–началу III тыс. до н. э. Происходят эти материалы с территории Скандинавии. По мнению М. Бухвальдека, данные топоры относятся к моменту возникновения и распространения А-горизонта, а точнее к 2800 BC (Buchvaldek, 1997. S. 50). В материалах Малой Польши этот тип топоров соотносится с фазой I, которая датируется до 2700 BC (Włodarczak, 2006. P. 206). В Белоруссии идентичные материалы встречены при раскопках кургана среднеднепровской культуры Прорва 2, погребение 1 (Крывальцэвіч, 2001. С. 262, мал. 3; Kryvaltsevich, Kovalykh, 1999. P. 160).

Заключение. При сравнительном анализе каменных боевых топоров (рис. 6) можно сказать, что наиболее ранней формой топоров является А-тип, который распространяется с начала III тыс. до н. э. по всей территории Европы и соотносится с общеевропейским горизонтом культур шнуровой керамики.

Ромбические топоры и топоры, напоминающие в профиль ладьевидные, с обухом в виде цилиндра, на территории Ловатско-Двинского междуречья были обнаружены в культурных слоях, датируемых серединой III тыс. до н. э. Таким образом, их можно отнести к хронологическому отрезку 2500–2300 BC. Аналогии данным топорам прослеживаются как на территории юго-западной Европы (Польши), так и в Прибалтике. Аналогичные топоры встречаются в материалах раннего этапа среднеднепровской культуры. Все они датируются серединой III тыс. до н. э.

В это же время или чуть позднее распространяются типы топоров с прямым обухом и немного выгнутой спинкой (тип 4) и топоры с овальным обухом (тип 6), после чего распространение получают топоры с клиновидным профилем (тип 5). На всей изучаемой территории они датируются второй половиной III тыс. до н. э.

На рубеже III–II–первой половины II тыс. до н. э. распространяются широкие топоры с нечеткими ромбическими контурами (тип 2). К эпохе бронзы и железного века мы можем отнести пестиковидный (тип 9) и секирообразный (тип 10) типы топоров.

Можно утверждать, что изучаемая территория входит в круг культур со шнуровой керами-

кой, который занимал обширные территории Западной и Восточной Европы в III тыс. до н. э. Находки различных типов каменных сверленных боевых топоров, аналогии которым можно проследить как на территории Польши, так и среди материалов фатьяновской культуры, могут являться одним из показателей широких миграционных процессов, происходивших в Европе в эпоху неолита–в начале бронзового века.

Выводы. В данной работе была сделана успешная попытка установить хронологические рамки каменных боевых топоров, которые были найдены на территории Северо-Запада России и ближайших территориях. Существование аналогий в различных регионах Европы является свидетельством волнообразности миграционных процессов, которые происходили в неолите–бронзовом веке. Это можно проследить как по типам топоров, так и по их хронологической принадлежности.

Артеменко, 1967 – Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М., 1967.

Брюсов, 1961 – Брюсов А. Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. // СА. 1961. № 3.

Брюсов, Зимина, 1961 – Брюсов А. Я., Зимина М. П. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР. М., 1961 (САИ; Вып. В4–4).

Гадзяцкая, 1976 – Гадзяцкая О. С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. М., 1976 (САИ; Вып. В1–21).

Городцов, 1916 – Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет императорского Российского Исторического музея имп. Александра III в Москве за 1914 г. М., 1916.

Колтаков, 2013 – Колтаков Е. М. Классификация в археологии. СПб., 2013.

Крайнов, 1972 – Крайнов Д. А. Древнейшая культура Волго-Окского междуречья. М., 1972.

Крывальцэвіч, 2001 – Крывальцэвіч М. М. «Шнуравы гарызонт» на Беларусі: праблемы ідэнтыфікацыі і генэзіса // Od Neolityzacji do Początków Epoki Brązu. Poznań, 2001. Т. 2.

Лявданский, 1927 – Лявданский А. Н. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии // Научные известия Смоленского гос. университета. Смоленск, 1927. Т. 4, вып. 3.

Микляев, 1994 – Микляев А. М. Каменный – железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. № 9.

Полковникова, 2014 – Полковникова М. Э. Каменный инвентарь поселения Сергея II // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э. СПб., 2014.

Чернявский, Лакиза, 1995 – Чернявский М. М., Лакиза В. Л. Знаходкі каменных свідраваных сякер на Панямонні // Историко-археологический сборник. Минск, 1995. № 7.

Bronicki, Kadrow, 1997 – Bronicki A., Kadrow S. Schyłkowoneolityczne topory kamienne z terenu województwa Chełmskiego. Metrologia. Zagadnienie utylizacji egzemplarzy uszkodzonych i destruktyw // Archeologia Polski Srodkowowschodniej. 1998. III.

Buchvaldek, 1997 – Buchvaldek M. Bemerkungen zum A-Horizont in Mittleuropa // Early Corded Ware Culture. The A-Horizont – fiction or fact? Esbjerg, 1997.

- Glob*, 1945 – *Glob P. V.* Stugier over den Juske Enkeltgravskultur. København, 1945.
- Kossinna*, 1905 – *Kossinna G.* Die verzierten Einsenlanzenspitzen als Kennzeichen der Ostgermanen // Zeitschrift für Ethnologie. Jg. XXXVII, H. II u. III. H. IV. 1905.
- Kryvaltsevich, Kovalykh*, 1999 – *Kryvaltsevich M., Kovalykh N.* Radiocarbon Dating of the Middle Dnieper Culture from Belarus // Baltic-Points. 1993. Vol. 7.
- Machnik*, 1966 – *Machnik J.* Studia nad kulturą ceramiki w Małopolsce. Wrocław, 1966.
- Malmer*, 1962 – *Malmer M.* Jungneolithische Studien. Bonn, 1962.
- Osipowicz*, 2015 – *Osipowicz G.* Drilling through stone axes // Experimentelle Archäologie in Europa. Oldenburg, 2008. S. 115–121.
- Rimantienė*, 1974 – *Rimantienė R.* Lietuvos TSR Archeologijos Atlasas. Vilnius, 1974. T. 1.
- Tallgren*, 1924 – *Tallgren A. M.* Fatjanovokulturen i Centralryssland // Finskt Museum. Helsingfors, 1924.
- Weniger*, 1993 – *Weniger J.* Dendrodatierte Schnurkeramik der Schweiz // Praehistorica, XX. Praha, 1993.
- Włodarczak*, 2006 – *Włodarczak P.* Kultura ceramiki sznurowej na weżynie Małopolskiej. Kraków, 2006.

Approaches and capabilities of studying stone battleaxes of the Neolithic and Bronze Age

E. S. Tkach

Stone battleaxes are a key feature characterizing the circle of the Corded Ware cultures. They are dated to the period from the 3rd to 2nd millennium BC. In East Europe these are the Middle-Dnieper and Fatyanovo-Balanovo cultures.

One of the results of studies of the Stone Age in the territory of northwestern Russia is the development of a cultural scheme. For the end of the Neolithic – beginning of the Bronze Age, the North-Belorussian archaeological culture was distinguished. In A. M. Miklyaev's opinion, it belongs to the group of Corded Ware cultures having been arisen in the area of the Zhutsev culture.

In the present study, there were first collected and analyzed 62 battleaxes from the Pskov, Smolensk, Novgorod and Minsk oblasts. The majority of these artefacts are stray finds but some of them were found in cultural layers at settlement-sites.

During the studies, the following characteristics were analysed: the shape of the axes en face and in profile, size and shape of the axe butt, form of the blade, profile of the cross-section, measurable parameters of the axes (including the weight). As the basis for typology, studies of Polish researchers were accepted concerned with the Corded Ware culture in the area of Small Poland (Jan Machnik and Piotr Włodarczak).

In total, 11 types of stone battleaxes have been distinguished. Axes of the A-type are the earliest ones related with the general European horizon of the Corded Ware cultures (early 3rd millennium BC). Subsequently, rhombic axes and the specimens with a cylindrical butt resembling the boat-shaped axes in their profile became widespread. These are dating from the mid-3rd millennium BC.

During the same period or slightly later, types of axes with a straight butt and slightly bent back (type 4) became widely distributed, as well as axes with a slightly oval butt (type 6). Afterwards, axes with a wedged profile (type 5) came to be widespread.

The latest types are those of the poleaxe-like and pestle-shaped axes which are dated to the late Bronze Age.

Here a successful attempt has been made to define the chronological frame of the stone battleaxes which were discovered in Northwestern Russia and its nearest areas. The finds of parallels in different parts of Europe suggest the wave-like character of the migration processes which took place in the Neolithic and Bronze Age. This observation is traceable both through different types of battleaxes and through their different chronological belonging.

О МЕТОДАХ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ (НА ПРИМЕРЕ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ)¹

А. А. Казарницкий, И. С. Туркина, Е. В. Белькевич, Н. В. Панасюк²

В статье представлены результаты анализа погребального обряда мужских и женских захоронений ямной культуры Северо-Западного Прикаспия в сравнении с данными физической антропологии о краниологической изменчивости погребенных в тех же памятниках. Встречаемость 52 бинарных признаков обряда в 73 захоронениях проанализирована с помощью коэффициентов ассоциативности, позволяющих оценить частоту совпадений любых бинарных показателей. Степень сходства (частота совпадений) между признаками оценивалась при помощи коэффициентов Жаккара, степень сходства между погребениями – посредством простого коэффициента совместной встречаемости с дальнейшим преобразованием в двухмерные графики. Расположение погребений на графиках выявило неизвестные ранее тенденции изменчивости погребального обряда и во многом совпало с результатами анализа краниологических данных.

This paper presents the results of analysis of the funerary rite of male and female burials of the Yamnaya (Pit Grave) culture in northwestern Caspian region in comparison with the data of physical anthropology on the craniological variation of the interred in the same sites. The frequency of occurrence of 52 binary features of the rite in 73 burials was analysed using association coefficients making it possible to evaluate the frequency of coincidence of any binary features. The extent of similarity (frequency of coincidence) between the features was evaluated by means of Jaccard's coefficient, the extent of similarity between the burials was defined using the simple matching coefficient with subsequent building of bidimensional plots. The positions of different burials on the plots have revealed the trends which were unknown before concerning the variation of the funerary rite and in many respects they coincided with the results of the analysis of craniological data.

Keywords: Pit-Grave (Yamnaya) culture, northwestern Caspian region, burial rite, craniology, association coefficients, simple matching coefficient, Jaccard's coefficient, principal component analysis, statistical methods.

В результате недавнего исследования краниологических материалов носителей ямной археологической культуры Северо-Западного Прикаспия (рис. 1) были обнаружены различия между мужской и женской частями населения в степени их морфологической однородности (Казарницкий, 2012). Если мужчины характеризуются одним комплексом измерительных при-

знаков на всей рассматриваемой территории, отклонения от которого случайны, то у женщин выявлена разница в строении черепа между погребенными в северной части Северо-Западного Прикаспия (Астраханская область и север Калмыкии) и на юге (южные районы Калмыкии). Методами геометрической морфометрии была подтверждена гомогенность мужской выборки

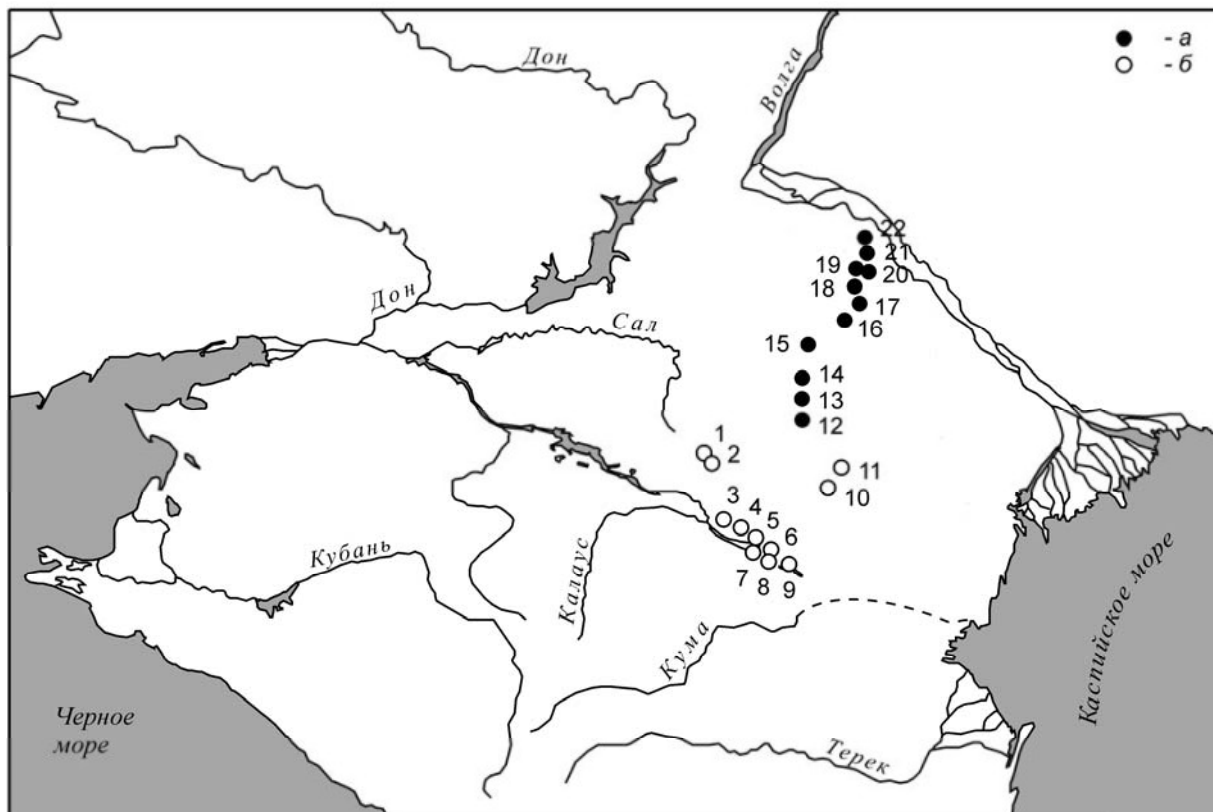
¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №13-06-00031).

² Казарницкий А. А. – Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии РАН. Отдел антропологии.

Туркина И. С. – Россия, 354340, Краснодарский край, Адлер, ул. Куйбышева, 32. Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов. sannamell@yandex.ru.

Белькевич Е. В. – Россия, 109012, Москва, Красная пл., 1. Государственный Исторический музей, отдел реставрации фондов, belkevich_j@mail.ru.

Панасюк Н. В. – Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. Российский университет дружбы народов, факультет гуманитарных и социальных наук. Кафедра всеобщей истории.

Рис. 1. Могильники ямной культуры, упомянутые в работе:

1–3 – могильники Северо-Западного Прикаспия (1 – Лолинский; 2 – Архаринский; 3 – Зунда-Толга); 4–9 – могильники Восточного Маныча (Восточный Маныч I, II, III и Чограйский III, IV, V); 10 – Яшкуль; 11 – Цаган-Усн; 12–14 – могильники Канала Волга-Чограй (группы 53, 56, 239); 15 – Эвдык; 16 – Хар-Нуурин-Толга; 17 – Иджил; 18 – Улан-Толга; 19 – Шолмун-Толга; 20–22 – могильники Кривой Луки (а – северные могильники; б – южные могильники).

Fig. 1. Burial grounds of Pit-Grave culture:

1–3 – cemeteries of the Northwestern Caspian region (1 – Lolin; 2 – Arkhar; 3 – Zunda-Tolga); 4–9 – cemeteries of East Manych (East Manych I, II, III and Chogray III, IV, V); 10 – Yashkul; 11 – Tsagan-Usn; 12–14 – cemeteries of the Volga-Chogray canal (groups 53, 56 and 239); 15 – Evdyk; 16 – Khar-Nuurin-Tolga; 17 – Idzhil; 18 – Ulan-Tolga; 19 – Sholmun-Tolga; 20–22 – cemeteries from the region of Krivaya Luka (a – northern burial grounds; b – southern burial grounds).

по показателям формы, но установлена при этом небольшая асимметрия распределения тотальных размеров, обусловленная слегка повышенной встречаемостью относительно более крупных черепов (Казарницкий, 2014. С. 4–14). Настоящая статья посвящена поиску взаимосвязи между закономерностями краниологической изменчивости и вариациями признаков погребального обряда, что, в свою очередь, требует поиска соответствующего метода сопоставления антропологических и археологических данных.

Для решения поставленных задач была собрана информация о погребальном обряде 46 мужских и 27 женских захоронений в виде таблицы (рис. 2), где отмечалось наличие (1) или отсутствие (0) 52 признаков. Выборка формировалась с учетом соответствия краниологическим

сериям – привлекались только те погребения, из которых происходят изученные ранее черепа.³ При составлении исходной базы данных были

³ К сожалению, не для всех погребений удалось найти соответствующие архивные данные: из 60 мужских не найдено 8, из 30 женских – одно. При этом обнаружались и досадные ошибки в культурной атрибуции: выявлены и исключены из дальнейшего анализа шесть мужских и один женский инокультурные комплексы (майкопский, северокавказский и катакомбные): Канал Волга-Чограй, группа 37, курган 6, погребение 7; Канал Волга-Чограй, группа 56, курган 6, погребение 12; Цаган-Усн IV, курган 1, погребение 4; Кривая Лука XVII, курган 4, погребение 2; Кривая Лука XXI, курган 8, погребение 3; Кривая Лука XXII, курган 5, погребение 1; Цаган-Нур, 1989, курган 8, погребение 1 (ср. Казарницкий, 2012. С. 153–159). Один комплекс (Чограй II, 1965, к. 42, п. 6) исключен из-за сложности определения половой принадлежности погребенного (подробнее см. там же, с. 36–37).

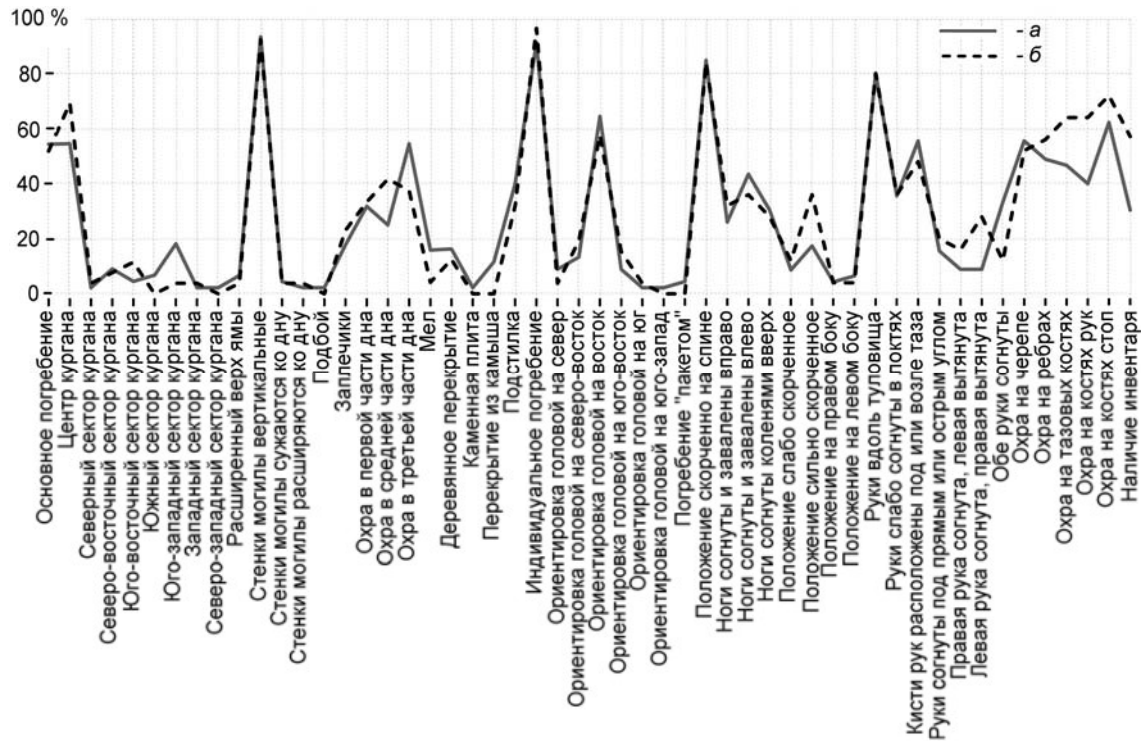

Рис. 2. Частота встречаемости признаков погребального обряда (а – мужчины, б – женщины).

Fig. 2. Frequency of occurrence of burial rite features (a – males, b – females).

учтены все упоминаемые авторами полевых отчетов признаки, но в дальнейшем их количество было незначительно сокращено по нескольким причинам.

Во-первых, такие пары признаков как, например, «основное погребение» и «впускное погребение», являются взаимоисключающими, поэтому достаточно использовать только один из них. Во-вторых, некоторые признаки исключены потому, что изначально были выделены искусственно. Например, варианты формы контура верхнего края ямы («прямоугольная», «овальная» и т. п.) сформулированы для удобства полевого описания без специального анализа вариаций самой формы. Проведенное нами предварительное исследование изменчивости контуров ям свидетельствует об отсутствии оснований для их типологического деления на прямоугольные, овальные или др. варианты (подробнее см. Казарницкий, Туркина, 2015). В-третьих, некоторые описательные признаки положения рук и ног погребенных были сформулированы нами более строго по сравнению с исходными после проверки их изменчивости методами геометрической морфометрии (Там же).

В итоге, используемые далее 52 признака представляют собой близкое к максимальному количество характеристик погребального обряда ямной культуры Северо-Западного Прикаспия. Под признаком здесь подразумевается элементарная, т. е. нерасчленимая дискретная характеристика (Шер, 1966. С. 253–266). Априорное разделение признаков по степени таксономической значимости не проводилось, так как это предполагалось установить в процессе статистического анализа. Перечень и частота встречаемости признаков представлены на рис. 2.

При сравнении частот встречаемости признаков, выраженных в процентах, разница между мужчинами и женщинами не прослеживается, за исключением разве что наличия охры на костях скелета и инвентаря, которая у женщин фиксировалась несколько чаще. Все наблюдаемые пики кривых на графике – это наиболее распространенные в выборке черты, в совокупности формирующие набор хорошо известных специалистам признаков ямной культуры Северо-Западного Прикаспия: основное погребение в центре кургана, вертикальные стенки могильной ямы, охра на дне могилы, индивидуальное захоронение, ориентировка погребенного головой на вос-

ток, положение скорченно на спине, руки вдоль тела, кости скелета в охре (*Шишлина, 2007*).

Очевидно, что чаще всего в погребении одновременно присутствуют именно те признаки, на основе которых группа и выделена археологически. Тем не менее, как и всякое массовое явление, этот комплекс характеристик, несомненно, варьировал. Стандартная же процедура подсчета процентов встречаемости признаков не позволяет оценить внутригрупповую вариабельность их сочетаний. Одним из способов анализа этой вариации могут быть коэффициенты ассоциативности – простой коэффициент совместной встречаемости и коэффициент Жаккара (*Aldenderfer, Blashfield, 1984. P. 29; Ким и др., 1989. С. 161*). Для двух бинарных признаков может быть четыре варианта совместной встречаемости: 1 и 1 (a), 1 и 0 (b), 0 и 1 (c), 0 и 0 (d). Значение простого коэффициента равно $(a+d)/(a+b+c+d)$. При подсчете коэффициента Жаккара вариант одновременного отсутствия обоих признаков (d) не учитывается, и формула выглядит следующим образом: $a/(a+b+c)$. С их помощью степень связи (сходство) между рядами нашей таблицы (рис. 2) исходных данных может быть выражена количественными значениями от нуля (отсутствие сходства) до единицы (полное сходство). При этом в виде бинарных рядов описываются и характеристика погребений (строки), и изменчивость признаков (столбцы). Следовательно, коэффициенты могут быть применены для анализа как строк, так и столбцов исходной таблицы.

На первом этапе исследования была проведена оценка взаимосвязей между признаками. Если некие два признака оказались бы полностью связаны друг с другом (при значении коэффициента совместной встречаемости, близком к единице), то для дальнейшего анализа погребений достаточно было бы оставить лишь один из них, так как изменчивость второго полностью определяется изменчивостью первого и не добавляет новой информации. Для этого целесообразно использовать коэффициент Жаккара, не учитывающий случаи одновременного отсутствия признаков. Иначе очень редкие признаки с частым совпадением нулевых ячеек таблицы получают высокие значения коэффициента, в то время как цель состоит в поиске совместно встречающихся, а не совместно отсутствующих признаков.

Процедура подсчета была проведена в суммарной выборке и отдельно для мужчин и для женщин при помощи модуля Graphs для Micro-

soft Excel (*Новаковский, 2004*). Ожидаемо высокими (0,6–0,8) оказались коэффициенты между признаками, составляющими типичный обрядовый комплекс и потому часто совпадающими. Кроме этого, обнаружались и неизвестные ранее детали. Так, охра присутствует, как правило, одновременно во всех трех частях дна ямы – вокруг головы погребенного, в средней части и в ногах (0,6–0,9), особенно в женских захоронениях. При этом у мужчин охра в ногах – признак, менее тесно связанный с ее наличием в других частях дна (0,4). В суммарной серии очень высокие коэффициенты совместной встречаемости охры на различных участках скелета, однако в мужской и женской выборках это разные участки: у мужчин – ребра и тазовые кости (0,9), у женщин – тазовые кости и кости рук (0,9), тазовые кости и череп (1,0), поэтому исключение какого-то одного из них затруднительно.

У женщин связь между центральным и основным положением в кургане и восточной ориентировкой ниже (0,4), чем у мужчин (0,5), т. е. ориентирование женских тел головой в определенную сторону варьирует чуть больше. Также у женщин одновременно с типичным набором признаков несколько чаще встречается инвентарь, в то время как у мужчин с типичными совпадают часто такие признаки, как положение кистей рук рядом с тазовыми костями или под ними (0,4–0,6), а это уже скорее редкость для женщин (0,3–0,4).

Из нетипичных ямных признаков немного повышена частота совместной встречаемости мела на дне или в заполнении могилы и положения тела погребенного на левом боку (0,4). У всех погребенных скорченно на левом боку (трое мужчин и одна женщина) присутствовали меловые следы или конкреции, хотя в выборке в целом мел крайне редок. Он отмечен еще в одном погребении с положением тела на правом боку и в трех захоронениях в позе скорченно на спине. Здесь следует заметить, что авторам известны критические замечания по поводу сомнительности меловой подсыпки как признака погребального обряда, так как за нее может быть принят естественный солевой налет, возникающий на границе материалов разной плотности (*Демкин, 1997*). Поэтому особо подчеркнем, что нами учитывались только редкие свидетельства обильного наличия мела или меловых кусочков.

Таким образом, близких к единице значений коэффициента Жаккара в нашей выборке почти не оказалось, следовательно, нет и необходимо-

сти в сокращении дублирующих друг друга признаков.

Задача следующего этапа – определить степень сходства между погребениями посредством оценки совпадений по приведенным выше 52 признакам. Простой коэффициент совместной встречаемости для этого более уместен, чем коэффициент Жаккара, так как сходство между погребениями по совпадению отсутствующих характеристик столь же важно, как и по совпадению наличествующих. Для лучшей визуализации результатов коэффициенты были преобразованы в расстояния таким образом, чтобы полное сходство соответствовало не единице, как в исходной формуле, а нулю, тогда как максимальная разница, наоборот, единице. Затем полученные расстояния были преобразованы в двумерные графики методом многомерного шкалирования по алгоритму Гуттмана. Все операции осуществлены в программе Statistica 12.

Расположение мужских погребений на рис. 3А демонстрирует степень сходства между ними согласно простым коэффициентам совместной встречаемости и позволяет оценить основные закономерности изменчивости обряда. В правом нижнем углу оказались обособлены три погребения – это Улан-Толга, курган 1, погребение 6; Чограйский III, курган 2, погребение 3 и Кривая Лука XXVII, курган 3, погребение 9. Их специфика заключается в сочетании сразу двух очень редких черт – положение умершего на боку и мел на дне или в заполнении ямы. Причем погребение из могильника Улан-Толга максимально удалено ото всех из-за комбинации признаков, имеющей аналогии в новотиторовской культуре Прикубанья (Гей, 2000). На это указывает поза погребенного в сочетании с такими характерными деталями, как обширное камышовое перекрытие и остатки повозки и колеса.

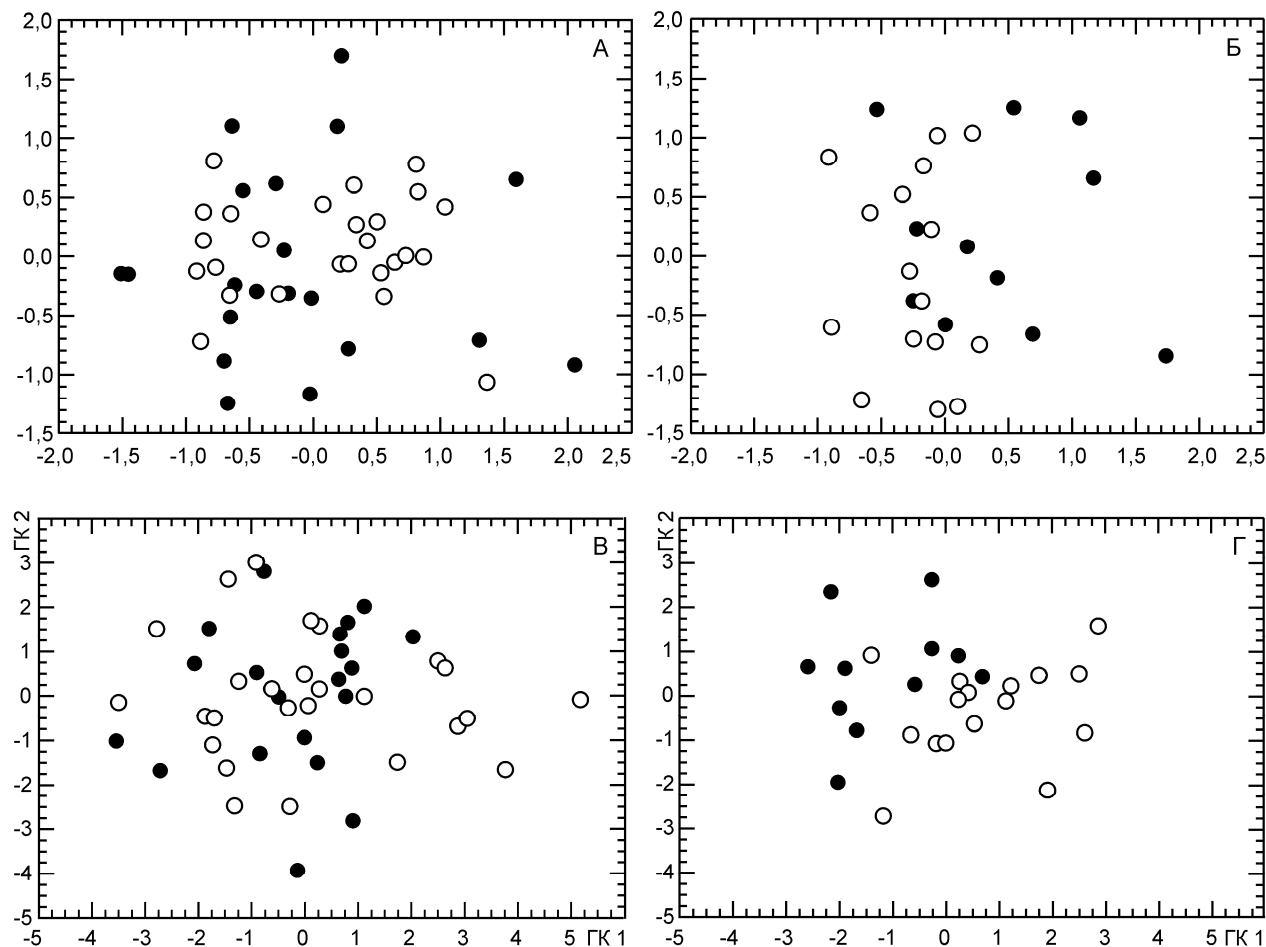
Распределение расстояний между остальными погребениями на первый взгляд равномерное. Если же маркировать объекты в зависимости от их географического положения (север или юг Северо-Западного Прикаспия), то обнаруживается неоднородность южных памятников, разошедшихся по двум скоплениям-подгруппам. Подсчет процентов встречаемости признаков отдельно для каждой из них показывает, что для правой подгруппы характерны обилие охры, особенно на костях скелета, полное отсутствие деревянных или тростниковых перекрытий и подстилок и периодические отклонения от ориентировки скелета черепом на восток, в то время как

в левой подгруппе, напротив, охра редка, часто встречаются подстилки, иногда – перекрытия из дерева или камыша и редки отклонения от восточной ориентировки. На юге нет погребений с промежуточными комбинациями встречаемости признаков, в то время как в северных могильниках одинаково представлены все возможные варианты.

Таким образом, в масштабе Северо-Западного Прикаспия в целом дифференциация мужских погребений по использованным нами признакам погребального обряда и на данном материале вряд ли возможна. За исключением трех своеобразных захоронений с положением тел скорченно на боку и следами меловой посыпки, изменчивость большинства, по-видимому, случайна. Однако в ином масштабе – только на юге – прослеживается разделение на две подгруппы, никак не расходящиеся территориально. При этом почти все южные комплексы раскопаны одной экспедицией, следовательно, наблюдаемую разницу нельзя свести к разной степени тщательности фиксации деталей обряда.

Для внутригруппового анализа женской серии список признаков был сокращен: исключены частоты ни разу не встретившихся захоронений в южном и северо-западном секторах кургана, подбоев, перекрытий из камыша, юго-западной ориентировки скелета и погребений вне анатомического порядка («пакетом»). На графике, построенном по результатам многомерного шкалирования расстояний, вычисленных на основе простого коэффициента совместной встречаемости, в первую очередь нужно отметить небольшое расхождение северных и южных погребений по горизонтальной оси (рис. 3Б). Причина наблюдаемых различий в том, что в женских погребениях на юге нет ям с заплечиками, а в половине захоронений руки погребенных были согнуты под прямым или острым углом, в то время как на севере руки всегда расположены вдоль тела (вытянуты или слабо согнуты), а заплечики есть в каждой третьей яме.

Погребения женщин на юге Северо-Западного Прикаспия, как и мужские, формируют два скопления. В поле положительных значений оси ординат – подгруппа с охрой на всех скелетах и на дне в большинстве могил, и с единственным случаем положения кистей рук вплотную к тазу. В подгруппе из нижней половины графика противоположное сочетание: крайне редкое

Рис. 3. Результаты внутригруппового анализа мужских и женских погребений и черепов: А–Б – погребальный обряд: А – мужчины, Б – женщины; В–Г – краниология: В – мужчины, Г – женщины. Условные обозначения см. на рис. 1, подробности в тексте.

Fig. 3. Results of intragroup analysis of male and female burials and crania: А – males, Б – females; В–Г – craniology: В – males, Г – females. Notations: For notations see Fig. 1; the details are in the text.

использование охры (лишь одно надежное свидетельство окраски костей таза, рук и ступней), а кисти рук в половине случаев лежат очень близко к тазовым костям (или под ними). И снова, как и у мужчин, промежуточные между описанными комбинациями признаков варианты есть только в более северных памятниках.

Прежде чем переходить к этапу сопоставления данных погребального обряда и краниологии, необходимо повторить анализ краниологической выборки по той причине, что для нескольких погребений, черепа из которых ранее обсуждались как принадлежащие носителям ямной культуры (*Казарницкий*, 2012; 2014. С. 4–14), изменилась культурная атрибуция. Для поиска закономерностей морфологической изменчивости были использованы данные о 13 линей-

ных и угловых размерах черепов (продольный, поперечный, высотный (от порионов), скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, ширина и высота грушевидного отверстия и левой орбиты, назомаллярный угол, симотический указатель, угол выступания носа) и метод главных компонент, реализованный в *Statistica 12*.

Результаты анализа мужской выборки представлены на рис. 3В. В первой главной компоненте (ГК 1, 26 % общей изменчивости) черепа расположены по мере постепенного увеличения нескольких признаков одновременно: продольного и скулового диаметров, верхней высоты лица и высоты носа, высоты и ширины орбит. ГК 2 (18 % изменчивости) демонстрирует столь же равномерное увеличение ширины лба и вы-

соты и ширины мозгового отдела при уменьшении высоты носа. Распределение координат в обеих компонентах нормальное при проверке критерием Шапиро–Уилка. Заметна, правда, небольшая правосторонняя асимметрия координат в ГК 1, но при данной численности она недостоверна. Напомним, что методы геометрической морфометрии подтверждают слабую асимметрию распределения только для изменчивости тотальных размеров черепов при нормальной вариации показателей формы (Казарницкий, 2014. С. 4–14). По-видимому, доля крупных черепов в выборке все-таки несколько выше той, что ожидалась бы при случайном стечении обстоятельств, причем за счет черепов только из погребений южной группы.

Известно, что демографические показатели ямной культуры обычно не соответствуют стандартам нормальной популяции – подавляющее большинство погребенных, как правило, зрелые мужчины (Алексеева и др., 2003; Хохлов, 2010. С. 133–152). Не исключено, что более крупные размеры индивида могли отчасти повышать его шансы занять то социальное положение, для которого предусматривалось подкурганное захоронение. Это предположение требует проверки на более многочисленных материалах с привлечением данных других локальных групп ямной культуры. В целом же, исходя из наблюдаемой изменчивости мужских черепов, выборка представляется морфологически однородной. Для черепов тех индивидов, что были захоронены в положении на боку и со следами меловой посыпки в яме, отсутствуют какие-либо специфические краниологические признаки – своеобразие здесь только обрядовое. Аналогично нет краниологических аналогий разделению южных погребений на две подгруппы по сочетанию охры, подстилок, перекрытий и вариаций ориентировки скелета. Отсутствует и какая-либо географическая закономерность морфологической изменчивости мужчин.

Женская серия черепов меньше, чем мужская, поэтому количество признаков для внутригруппового анализа было сокращено с целью приближения к рекомендуемому соотношению числа объектов и признаков в пользу доминирования первых (Дерябин, 2005): исключены данные о размерах грушевидного отверстия и орбит. Судя по итоговому расположению в пространстве первой (23 %) и второй (17 %) главных компонент, существует определенная взаимо-

связь между морфологическими особенностями женских черепов и географическим положением погребений, в которых они были обнаружены (рис. 3Г). Распределение координат в ГК 1 мультимодальное и не соответствует нормальному (критерий Шапиро–Уилка, $p < 0,05$). Положительные значения координат здесь получили преимущественно черепа из южных могильников, отрицательные – из северных. На севере мозговые коробки длиннее и уже, лица выше, уже и клиногнатнее (по исключенным параметрам носа и орбит различий нет). Это совпадает с аналогичной разницей в вариациях женского погребального обряда на севере и юге Северо-Западного Прикаспия. При этом дифференциация черепов из южных могильников на две подгруппы в краниологических материалах не прослеживается.

Несмотря на небольшое изменение состава краниологических серий, был получен тот же результат внутригруппового анализа, что и ранее (см. Казарницкий, 2012).

Итак, хотя мужские и женские погребения чрезвычайно похожи в среднем по частотам встречаемости обсуждаемых здесь признаков погребального обряда (см. рис. 1), все же примененные нами методы статистического анализа выявили не только общие черты, но и различия между ними. Причем эти различия касаются как встречаемости обрядовых признаков, так и характера ее изменчивости.

Общим для мужчин и женщин является наличие двух обрядовых подгрупп на юге, в то время как на севере те же самые признаки погребальной традиции варьируют равномерно, без дифференциации на подгруппы. Следовательно, между северными и южными памятниками независимо от половой принадлежности погребенных имеет место разница в характере изменчивости одних и тех же признаков. Однако если у мужчин обобщенные характеристики южных и северных памятников совпадают, то у женщин они различаются по частоте встречаемости разных признаков (ямы с заплечиками и положение рук).

Сравнение результатов анализа погребального обряда и морфологии черепа демонстрирует, что между северной и южной подгруппами женской части населения Северо-Западного Прикаспия выявлены и культурные, и биологические различия. При этом для мужчин на всей этой территории характерна общность как по-

гребальных традиций, так и морфологии черепа, хотя изменчивость (но не встречаемость) обрядовых признаков различается. В то же время нормальная краниологическая изменчивость и мужчин, и женщин из могильников только южной части Калмыкии не согласуется с их обрядовой дивергенцией.

Данный результат ни в коем случае не может быть интерпретирован как зависимость культурных особенностей от биологических (у женщин) и отсутствие таковой (у мужчин). Наблюдаемое совпадение археологической и антропологической дифференциации возможно лишь с обратной причинно-следственной связью: если некая культурная традиция практикуется массово и очень продолжительное время, то получает отражение в биологической изменчивости. Например, систематическое ограничение брачных связей между соседними популяциями неизбежно будет способствовать накоплению небольших краниологических различий между ними.

Чем же тогда объяснить разницу между женщинами ямной культуры, погребенными на севере и на юге Северо-Западного Прикаспия, при отсутствии таковой у мужчин? По-видимому, на протяжении многих поколений место проживания или место захоронения женщин каким-то образом регламентировалось. Частным проявлением этого могла быть уже упоминавшаяся нами ранее уксор- или матрилокальность – поселение супругов по месту рождения и жительства жены или матери жены (*Омельченко, Казарницкий, 2011. С. 25–46; Казарницкий, 2012*). При исходной культурной и биологической гомогенности такая практика может привести к дивергенции некоторых обычаев, а в отдаленной перспективе – и к разнице в морфологии черепа, но только у женской части населения, так как у мужчин этот эффект мог размыться в каждом поколении, если их переселения были случайны и разнонаправленны. Возможно и альтернативное объяснение: различия между женщинами отражают древнюю дифференциацию местного населения предшествующих эпох, уже практически нивелированную культурным и хозяйственным единством ямной культуры, особенно в более подвижной мужской части популяции.

Две слабо различающиеся традиции захоронения членов только южной популяции, краниологически однородной, интерпретировать слож-

нее. Общим дифференцирующим признаком на юге является охра (ее обилие или редкость), другие не совпадают: у мужчин это наличие подстилок и перекрытий (либо встречается часто, если охры мало, либо ни разу, но со множеством охры) и степень устойчивости восточной ориентировки костяка (либо 6 отклонений из 14 – много охры, либо 2 из 11 – мало охры), у женщин – плотно прижатые к тазовым костям кисти рук (либо 5 случаев из 9 – много охры, либо 1 из 8 – мало охры).

Возможность использования деревянных перекрытий и тростниковых подстилок, по-видимому, зависит от времени года. По крайней мере это можно утверждать применительно к свежему тростнику и камышу. Если этот ресурс используется регулярно в течение всего года, тогда различия в его концентрации в погребениях будут варьировать непрерывно, что и наблюдается в северных районах. Если же к ресурсу обращаться в узких временных рамках, когда он либо изобилует (теплый сезон), либо отсутствует (холодный сезон), то может сложиться ситуация, наблюдаемая в южных могильниках. Той же причиной можно объяснить сочетание в мужской выборке подстилок с более стабильной ориентировкой погребенного на восток и, наоборот, менее устойчивую ориентировку в могилах без следов подстилок. Определение стороны света в холодный сезон при частой облачности и укороченном световом дне, возможно, давалось сложнее, чем в летнее время, тем более без четких ландшафтных реперов. Прямую противоположную встречаемость охры в захоронениях и, тем более, различия в положении рук у женщин объяснить сезонностью непросто. Необходимо проверка интерпретации сезонных различий погребального обряда на более многочисленных материалах.

Благодаря примененным методам, во-первых, были выявлены неизвестные ранее детали изменчивости и встречаемости признаков погребального обряда ямной культуры Северо-Западного Прикаспия и, во-вторых, проведено прямое сравнение закономерностей культурной и краниологической изменчивости. Предложенные методы удобны и наглядны при анализе крупных массивов информации, поэтому авторами планируется дальнейшее их применение по мере увеличения базы данных о культурной и краниологической изменчивости населения эпохи бронзы Восточной Европы.

- Алексеева и др., 2003 – Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Власти. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М., 2003.
- Гей, 2000 – Гей А. Н. Новотиторская культура. М., 2000.
- Демкин, 1997 – Демкин В. А. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пушкино, 1997.
- Дерябин, 2005 – Дерябин В. Е. Краткий справочник по решению типовых задач биометрической обработки антропологических данных. М., 2005.
- Казарницкий, 2012 – Казарницкий А. А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб., 2012.
- Казарницкий, 2014 – Казарницкий А. А. Внутригрупповой анализ краниологической выборки ямной культуры Северо-Западного Прикаспия методами краниометрии и геометрической морфометрии // Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты. СПб., 2014.
- Казарницкий, Туркина, 2015 – Казарницкий А. А., Туркина И. С. Форма могильной ямы и положение скелета: опыт анализа изменчивости методами геометрической морфометрии // КСИИ. М., 2015. № 238.
- Ким и др., 1989 – Ким Дж.-О., Мьюллер Ч. У., Клекка У. Р. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ / Под ред. И. С. Енюкова. М., 1989.
- Новаковский, 2004 – Новаковский А. Б. Возможности и принципы работы программного модуля «GRAPHS». Сыктывкар, 2004 (Автоматизация научных исследований; Вып. 27).
- Омельченко, Казарницкий, 2011 – Омельченко И. С., Казарницкий А. А. Погребения эпохи бронзы могильника Сухая Термиста I: культурно-хронологическая, антропологическая и палеоботаническая характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. М., 2011. № 3.
- Хохлов, 2010 – Хохлов А. А. Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург; Самара; Донецк, 2010.
- Шер, 1966 – Шер Я. А. Типологический метод в археологии и статистика // Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966.
- Шишлина, 2007 – Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М., 2007 (Труды ГИМ; Вып. 165).
- Aldenderfer, Blashfield 1984 – Aldenderfer M. S., Blashfield R. K. Cluster Analysis. Series: Quantitative Applications in the Social Sciences. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1984.

Methods of comparative analysis of the funerary rite and craniological data (on the example of the Yamnaya culture of the northwestern Caspian Sea region)

A. A. Kazarnitskiy, I. S. Turkina, E. V. Bel'kevich, N. V. Panasyuk

Recent investigation of skeletal remains of bearers of the Yamnaya culture from the northwestern Caspian region (Fig. 1) made it possible to establish different patterns of the variation of the morphology of crania of males and females (Казарницкий, 2012). As for men, a common appearance is peculiar throughout the entire area under consideration. However, women from the northern and southern regions of the northwestern Caspian littoral differ in a number of craniographical features. In the present paper, it is aimed to identify the regularities of variation of the funerary rite considering the same burials where the skulls investigated previously were found and compare the data obtained with the results of craniological analysis.

In order to fulfil this task, information on 52 binary features of the rite in 46 male burials and 27 female ones was collected (see a list of the features in Fig. 2). Further analysis was conducted using the association coefficients (Aldenderfer, Blashfield, 1984. P. 29): the value of the coefficient equal to one indicates full coincidence of occurrences of the two binary features while the absolute absence of matching is indicated by a zero). To evaluate the

frequency of coincidence of features in different burials of the total sample and separately in the male and female burials, Jaccard's coefficient was used. The extent of similarity between the burials by combinations of 52 features was evaluated using the simple matching coefficient. For visualization of the results of analysis of burials, the values of simple coefficients were represented as distances. The tables of distances were transformed into bidimensional plots by multidimensional scaling using Guttman's method.

The distribution of burials on the plots (Fig. 3A – male burials, Fig. 3B – female burials) reflects the extent of similarity between them and allows us to define the main regularities of the variation of the rite. Between the northern and southern sites, independently of the sex assignment of the interred, a difference in variability of the same features has been established: continuous in the North it is discrete in the South. The present authors suppose that this circumstance is due to the fact that the bearers of the Yamnaya Culture in the northern regions of the northwestern Caspian littoral possibly interred their dead throughout the whole year, whereas in

the South, interments were practised only during some particular year seasons.

The generic characteristics of the funerary rite of male burials coincide at the northern and southern sites but those of the female ones differ in *the frequency of occurrence of different features* such as pits with recesses and position of the hands. This result coincides with the evidence yielded by cra-

niological data which were checked by the method of principal components on a sample slightly modified in its composition after reviewed attribution of some burials (Figs. 3B, 3Г). The authors suppose that cultural and population differences between women from the northern and southern sites, given the absence of these differences between the men, can be explained by the uxori- or matrilocality.

ДАВЫДО-НИКОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В СРЕДНЕМ ПОДОНЦОВЬЕ

А. С. Пробейголова, К. И. Красильников¹

Статья посвящена периодизации Давыдо-Никольского поселения (Луганская область, Украина) заключительного этапа эпохи бронзы, исследовавшегося на протяжении 2007–2013 гг. экспедицией Луганского отделения Восточноукраинского филиала ИА НАНУ. Наблюдения за стратиграфией позволили выделить четыре периода существования памятника. Первый и второй периоды характеризуют срубную культурно-историческую общность, третий и четвертый периоды соответствуют постсрубному этапу финала эпохи бронзы. Близость домостроительных традиций и керамических комплексов выделенных этапов позволяют предположить поступательное развитие поселка в течение длительного отрезка времени.

This paper is devoted to the periodic division of the occupation of the settlement of Davydo-Nikolskoye (Lugansk oblast, Ukraine). This site of the Final Bronze Age was investigated throughout 2007–2013 by an expedition of the Lugansk Department of the East-Ukrainian Branch of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. Examination of the stratigraphic scheme at the site has allowed the scientists to identify four periods of the occupation of the site. The first and second periods belong to the Srubnaya (Timber-grave) cultural and historical unity while the third and fourth periods correspond to the post-Srubnaya stage of the Final Bronze Age. The resemblance of the house-building traditions and ceramic assemblages from the identified stages suggests a consecutive development of the village during a long time span.

Ключевые слова: срубная культурно-историческая общность, финал эпохи бронзы, Давыдо-Никольское поселение, Северский Донец.

Keywords: Srubnaya cultural and historical unity, Final Bronze Age, settlement of Davydo-Nikolskoye, Seversky Donets.

Давыдо-Никольское поселение позднего бронзового века изучалось экспедицией Луганского отделения Восточноукраинского филиала ИА НАНУ на протяжении 2007–2013 гг. За прошедший отрезок времени накоплен значительный материал, касающийся различных аспектов материальной культуры и духовной жизни населения Подонцовья в конце эпохи бронзы. Стратиграфические наблюдения в процессе раскопок позволили выделить четыре последовательных периода, в то время как выразительный комплекс находок дает возможность их сопоставления с существующими региональными периодизациями. Вместе с тем большая часть полученной информации остается вне поля зрения исследователей, поскольку предшествующие публикации памятника носили либо тезисный ха-

актер (Пробейголова, 2012а), либо посвящены частным проблемам, не характеризую памятник в целом (Пробейголова, 2009; 2012б). В результате, вниманию специалистов предложены лишь результаты первых работ на поселении в 2007 г., ограниченных по объему и носивших разведочный характер (Отрощенко, 2011. С. 129, Ромашко, 2013. С. 269). В этой связи обобщающая публикация результатов раскопок Давыдо-Никольского поселения выглядит вполне своевременной и актуальной.

Поселение расположено в 1 км к северо-востоку от с. Давыдо-Никольское Краснодонского района Луганской области (Украина) на правом коренном берегу р. Северский Донец в месте выхода балки Сухой в долину реки. Памятник занимает первую надпойменную террасу, поднятую над поверхностью воды на 6–8 м. Поверхность поселения изрезана густой сетью оврагов, не менее 30% площади памятника

¹ Украина, 91011, Луганск, ул. Оборонная, 2. Луганский национальный университет им. Т. Шевченко. Восточноукраинский филиал ИА НАНУ.

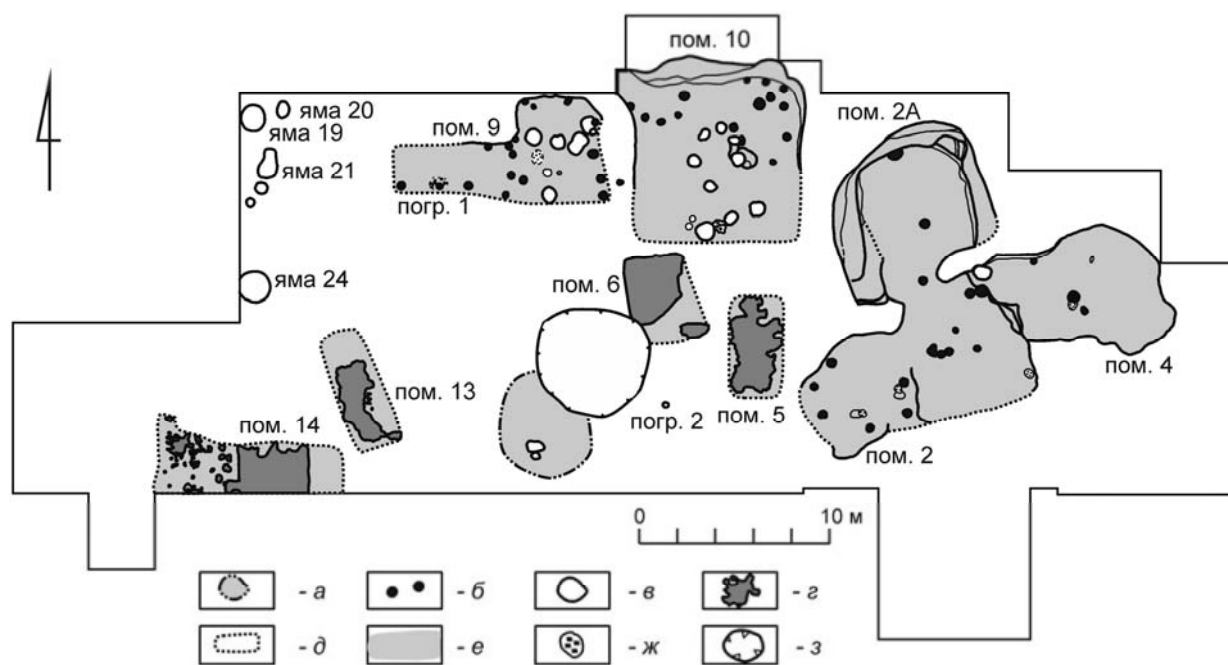

уничтожено при строительстве, а затем демонтировано также детского лагеря.

На поселении было заложено четыре раскопа общей площадью 1440 кв. м. На раскопах № 1 и № 3 обнаружены исключительно материалы салтово-маяцкой культуры (далее – СМК) эпохи раннего средневековья. Культурные слои и объекты эпохи бронзы исследовались на раскопах № 2 (83 кв. м) и № 4 (1230 кв. м). Наиболее результативными оказались работы на раскопе № 4. По разрезам можно выделить следующие литологические слои: 0–0,2 м – современный чернозем; 0,2–0,4 м – комковатый суглинистый чернозем; 0,4–0,8 м – золистый чернозем темно-серого цвета; 0,8–1,2 м – золистый чернозем светло-серого цвета; 1,2–1,4 м – коричневый суглинок (предматерик); от 1,4 до 1,6 м – желтая глина (материк). Горизонт 0–0,2 м практически не содержит находок, за исключением редких фрагментов посуды начала ХХ в. В горизонте 0,2–0,4 сконцентрированы находки керамики СМК, с этого уровня впущены все землянки и хозяйственные ямы раннего средневековья. Отложения бронзового века сосредоточены в двух горизонтах: 0,4–0,8 м и 1,2–1,4 м. На восточной окраине поселения в горизонте 0,4–0,8 м преоб-

ладают находки финального периода позднего бронзового века, а в горизонте 0,8–1,2 м чаще встречаются материалы второго этапа бережно-новско-маевской срубной культуры (далее – БМСК-2). В центральной части поселения керамика финала бронзового века практически не встречается. В горизонте 0,4–0,8 м сосредоточены находки керамики БМСК-2. Соответственно, к горизонту 0,8–1,2 м приурочены находки второго этапа покровской срубной культуры (далее – ПСК-2).

Из-за многочисленных перекопов существенная часть находок из различных горизонтов находится в переотложенном состоянии. Это обстоятельство создает трудности при анализе керамических серий различных этапов срубной культурно-исторической общности (далее – СКИО) ввиду типологической близости последних. В силу этих причин при характеристике выделяемых периодов Давыдо-Никольского поселения основной упор был сделан на материалы, полученные при исследовании построек: при зачистке пола и из заполнения хозяйственных ям внутри жилищ. Всего на Давыдо-Никольском поселении исследовано 8 построек различных периодов позднего бронзового века (рис. 1),

Рис. 1. Поселение эпохи бронзы у с. Давыдо-Никольское. План раскопа (2007–2013).

Условные обозначения: а – золистая линза; б – столбовые ямы; в – хозяйственные ямы; г – сохранившиеся участки пола в постройках; д – реконструируемые контуры построек; е – золистое заполнение; ж – участки обожженной глины; з – контуры современной ямы.

Fig. 1. Bronze Age settlement near the village of Davydo-Nikolskoye. Plan of excavation area (2007–2013).

Notations: а – ashy lens; б – pits left by poles; в – household pits; г – survived floor areas inside the structures; д – reconstructed outlines of the structures; е – ashy fill; ж – areas of baked clay; з – outlines of a pit of the modern period.

в 3 случаях прослежены случаи перекрытия ранних построек более поздними.

К **первому периоду** существования Давыдо-Никольского поселения отнесены постройки № 4, 6, 10, 14, ямы № 19–21. Все постройки имеют в плане прямоугольную форму, ориентированы длинной осью по линии север–юг (постройки № 6, 10) либо запад–восток (постройки № 4, 14). Для постройки № 14 возможно реконструировать Г-образную форму. Котлованы объектов углублены в материк либо предматерик не менее чем на 0,5 м. К земляночному типу строений, видимо, относится постройка № 10, глубина котлована которой в материке составляет от -1,0 до -1,3 м. Столбовые ямы прослежены как по центру жилища (постройка № 4), так и вдоль бортов котлована (постройка № 10).

По характеру находок из заполнения и со дна построек можно выделить две группы объектов. К первой группе (постройки № 4, 6, ямы № 19–21) отнесены объекты, керамический комплекс которых сопоставим с керамикой ПСК-2. Преобладают сосуды баночных форм – 47 экз. (рис. 2, 1–4). Значительно меньше горшков – 6 экз., горшковидных – 5 экз. (рис. 2, 7) и острорезных сосудов – 3 экз. (рис. 2, 10). Внешняя поверхность заглажена – 58 экз., реже обработана мелкими параллельными расчесами – 3 экз. (рис. 2, 7, 9). Орнаментирована посуда косыми либо вертикальными насечками, треугольными и пальцевыми вдавлениями, прочерченными линиями, оттисками «гусеничного» штампа. На двух сосудах имеются небольшие оттянутые валики. В одном случае валик гладкий, в другом – разделен косыми насечками. В целом, керамический комплекс из первой группы объектов первого периода Давыдо-Никольского поселения близок посуде третьего и четвертого периодов поселения ПСК Капитаново-1. Возраст поздних горизонтов Капитаново-1 Ю. М. Бровендер определяет в рамках периода ПСК-2 (*Бровендер*, 2000. С. 177–181, рис. 3).

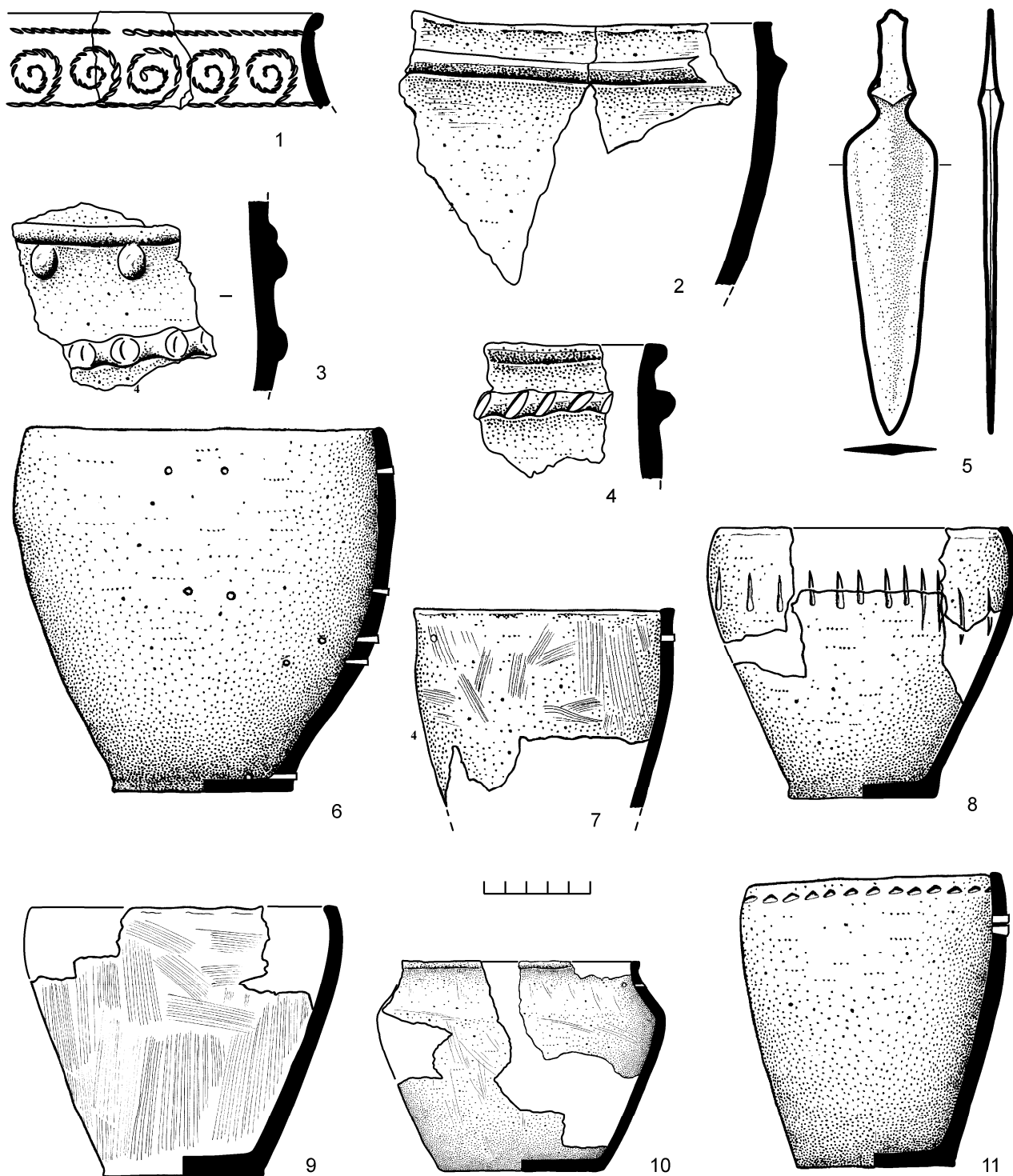
Ко второй группе отнесены объекты (постройки № 10, 14), керамический комплекс из которых сопоставим с посудой БМСК-1. Большинство сосудов относится к баночному типу – 53 экз., значительно меньше горшков – 6 экз., горшковидных – 5 экз. и острорезных – 3 экз. сосудов. Внешняя поверхность тщательно заглажена. В орнаментации преобладает одинарный, реже двойной валик под венчиком или на шейке сосуда (рис. 3, 1, 2), прочерченные ком-

позиции в виде косой сетки, ломаных и параллельных горизонтальных линий, «елочки». К числу часто встречаемых орнаментальных приемов относятся косые насечки, вдавления треугольной, овальной формы, оттиски «гусеничного» штампа. Только 3 сосуда орнаментированы оттисками шнура. Примечателен фрагмент венчика острорезного сосуда, верхняя треть которого орнаментирована оттисками спирально закрученного шнура (рис. 2, 1). К числу редко встречаемых можно отнести фрагменты посуды (рис. 3, 4), декорированной в традициях бабинского культурного круга. По наблюдениям Ю. М. Бровендера, керамика бабинского типа сохраняется в керамическом комплексе поселений БМСК-1, особенно многочисленна в ранних памятниках стефановского типа (*Бровендер*, 2012, С. 100).

Среди прочих находок выделяется бронзовый нож (рис. 2, 5) из заполнения ямы № 9 постройки № 10. Клинок ножа имеет треугольную (остролистную) форму. По центру клинка проходит ребро, что делает его ромбовидным в сечении. По краям лезвия видны неровные следы заточки. Кольцевой упор у основания черенка прокован и уплощен, сам черенок плоский и слегка расширяется к пятке, края также прокованы. Размеры изделия: общая длина – 15,4 см, длина клинка – 12 см, ширина клинка – 3,4 см, длина черенка – 3,4 см, вес – 54 г.

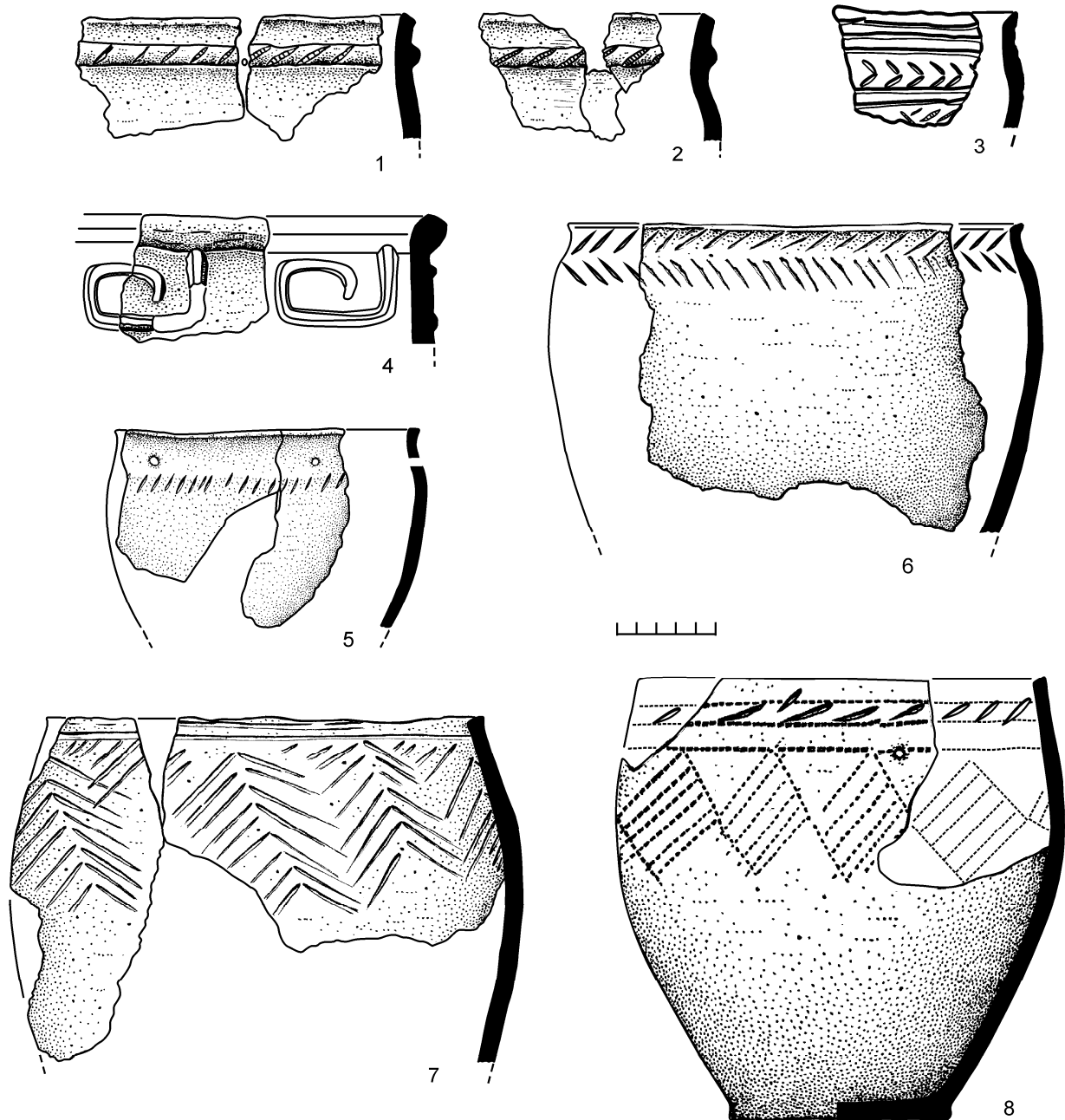
Ко **второму периоду** Давыдо-Никольского поселения отнесены постройки № 2 и 5. Постройка № 2 принадлежит к типу Г-образных двухкамерных жилищ, постройка № 5 – прямоугольной формы.

Керамический комплекс близок посуде предшествующего периода. В то же время изменилось количественное соотношение типов посуды и способов ее орнаментации. Банок (рис. 3, 7, 8) и горшков (рис. 3, 2, 5, 6) примерно поровну – 40 и 30 экз. соответственно. Немного меньше горшковидных (рис. 3, 1, 3, 4) сосудов – 16 экз. Лишь один сосуд можно отнести к острорезным. В орнаментации по-прежнему используется наклепной валик (рис. 3, 1, 2, 4). Однако вместо 16,2 % от общего количества орнаментированной посуды первого периода во втором периоде этот показатель возрастает до 34 %. Валик располагается на шейке сосуда – 65,4 %, реже на плечике – 19,2 %, в единичных случаях по краю венчика – 7,7 %. К редкому типу рельефной орнаментации отнесен наклепной валик,

Рис. 2. Давыдо-Никольское поселение эпохи бронзы. Керамика и бронзовый нож из заполнения комплексов и культурного слоя раннего горизонта: 1 – пол постройки 14; 2–5 – постройка 10; 2, 4 – яма 10; 3 – яма 18; 5 – яма 9; 6, 11 – дно постройки 4; 7–9 – яма 19; 10 – из культурного слоя.

Fig. 2. Bronze Age settlement of Davydo-Nikolskoye. Pottery and a bronze knife from the fill of structures and cultural layer of the earlier horizon: 1 – floor of structure 14; 2–5 – structure 10; 2, 4 – pit 10; 3 – pit 18; 5 – pit 9; 6, 11 – bottom of structure 4; 7–9 – pit 19; 10 – from the cultural layer.

Рис. 3. Давыдо-Никольское поселение эпохи бронзы. Керамика из заполнения комплексов горизонта БМСК-2: 1-5, 8 – заполнение и пол постройки 2; 7 – пол постройки 5.

Fig. 3. Bronze Age settlement of Davydo-Nikolskoye. Pottery from the fills of complexes of horizon БМСК-2: 1-5, 8 – the fill and floor of structure 2; 7 – floor of structure 5.

образующий меандр в верхней трети тулова (рис. 3, 4).

Остальная посуда орнаментирована косыми или вертикальными насечками, пальцевыми вдавлениями, треугольными, круглыми, овальными вдавлениями, прочерченными линиями, оттисками шнура и зубчатого штампа.

Во втором периоде существования Давыдо-Никольского поселения появляется посуда сусканского типа. Речь идет о развале баночного сосуда на дне постройки № 2 с плоским, скошенным внутрь венчиком (рис. 3, 8). Внешняя поверхность подлощена, в верхней трети декорирована оттисками мелкозубчатого штампа. Вы-

деляется две зоны орнамента. Верхняя, бордюрная зона состоит из двух параллельных лент, одна из которых заштрихована с помощью косых оттисков зубчатого штампа. Вторая зона образована заштрихованными ромбами. На полу постройки № 5 найден развал баночного сосуда, орнаментированного в верхней трети многорядной «елочной» композицией (рис. 3, 7). Сложная многозональная композиция из чередующихся прочерченных параллельных линий и «елочных» мотивов нанесена на поверхность горшковидного сосуда из заполнения постройки № 2 (рис. 3, 3).

К **третьему периоду** существования Давыдо-Никольского поселения относятся постройки № 2а и 9. Форма построек напоминает строения предшествующего этапа. В частности, Г-образная форма постройки № 9 практически идентична плану постройки № 2. Различия заключаются в меньших размерах постройки № 9, отсутствии коридора-тамбура между помещениями. О том, что между вторым и третьим периодами не было длительного временного интервала, свидетельствует использование старого котлована постройки № 2 для сооружения жилища третьего периода (постройка № 2а). Новое строение оказалось шире предыдущего, хорошо фиксировавшийся новый уровень пола располагался на 0,5 м выше дна старого котлована. На полу постройки № 2а зафиксирован развал горшка (рис. 4, 1) с выраженным плечиком, короткой цилиндрической шейкой и вертикально расположенным венчиком с треугольным в сечении «воротничком». На плечике – слабо выраженный налепной валик, орнаментированный косыми оттисками зубчатого штампа. Внешняя поверхность обработана мелкими параллельными расчесами.

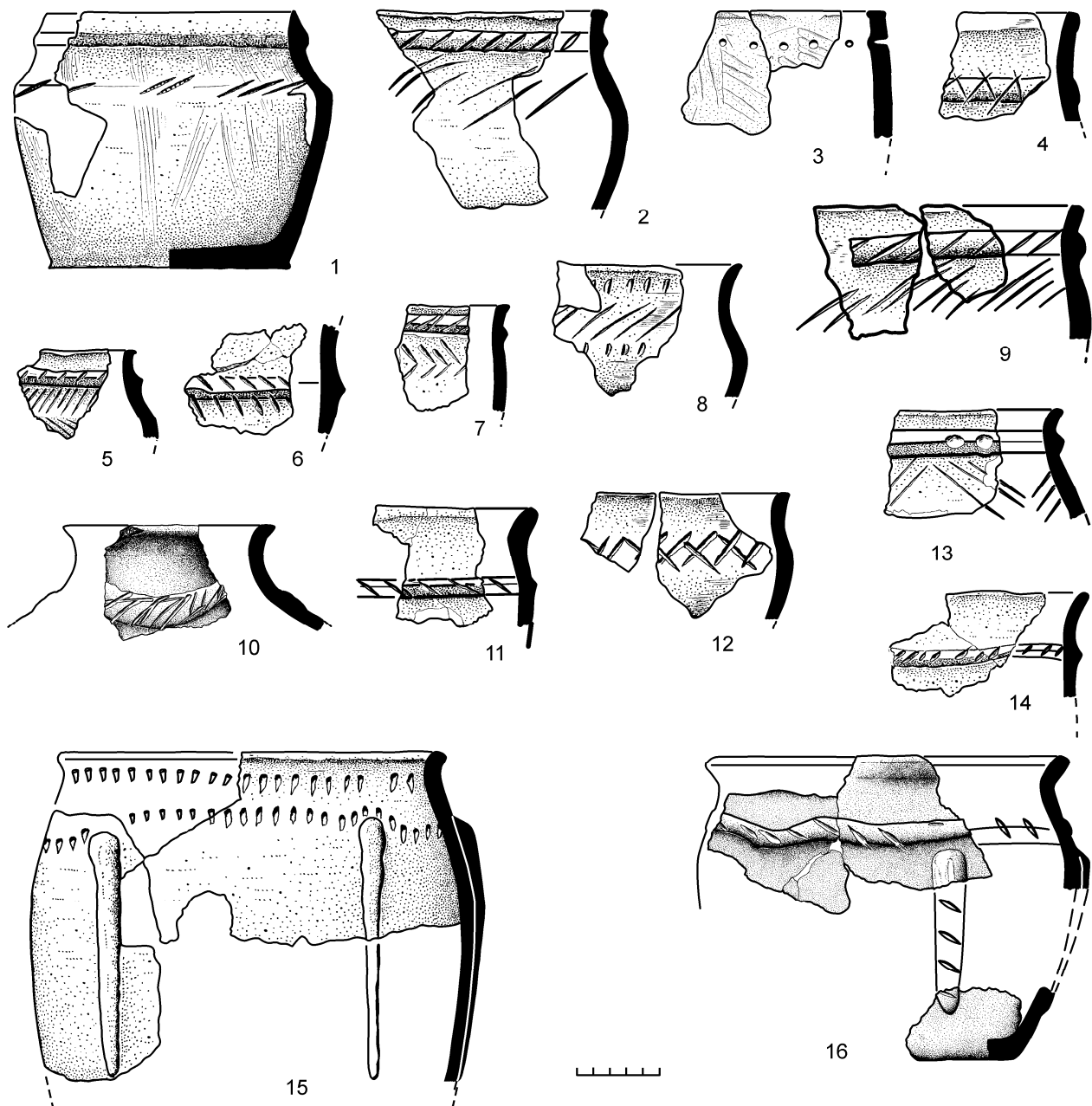
Керамический комплекс третьего периода близок посуде предшествующего этапа. Различия сводятся к количественному соотношению типов, а также способам нанесения и композициям орнамента. Преобладают профилированные типы: горшки – 34 экз. (рис. 4, 1, 2, 4, 6, 8, 9, 12) и горшковидные сосуды – 8 экз. (рис. 4, 7). Тем не менее баночные сосуды полностью не исчезают – 19 экз. (рис. 4, 3), что составляет не менее 31,1 % от общего количества. Внешняя поверхность аккуратно заглажена. В третьем периоде снова появляются мелкие параллельные разнонаправленные расчесы с внешней стороны сосуда. Количество керамики с рельефной орна-

ментацией достигает 45 экз. (69,2 %), из них на 37 экз. – налепной валик, в остальных случаях – вертикальные и горизонтальные налепы, «воротнички». Доля «воротничковой» керамики невелика – всего 6 экз. (9,2 %). Как и прежде, по валику нанесены косые оттиски штампа, косые насечки, пальцевые вдавления. Вместе с тем в декоре валика появляется ломаная линия (рис. 4, 4), косые кресты (рис. 4, 12), «елочный» орнамент (рис. 4, 7). Нередко под налепным валиком располагаются косые или ломаные линии, заштрихованные лентой, косой сеткой, «елочным» орнаментом, оттисками зубчатого штампа. На некоторых сосудах валик разомкнут, его концы свисают либо заходят друг за друга. Изменяется размещение валика на сосуде. В 58,6 % случаев он расположен на плечике либо у основания шейки, в 44 % – на шейке сосуда.

К числу новых орнаментальных приемов относятся «жемчужины» с негативами на внутренней стороне (рис. 4, 3). В давыдо-никольской керамической коллекции «жемчужины» зафиксированы исключительно на сосудах баночного типа, нередко с Г-образным профилем венчика, характерным для керамики предшествующих периодов существования памятника.

Остальная посуда орнаментирована чередующимися рядами пальцево-ногтевых вдавлений и косых линий (рис. 4, 8), наколов и косых насечек, оттисками шнура, зубчатого и “гусеничного” штампа, «елочным» орнаментом.

Наиболее дискуссионным является выделение **четвертого периода** существования Давыдо-Никольского поселения, к которому отнесены постройка № 13, золистая линза рядом с постройкой и находки из верхней части заполнения южного котлована постройки № 2. Основанием для выделения четвертого этапа послужили стратиграфические наблюдения. В частности, пол постройки № 13 нарушает культурный слой, содержащий керамику, характерную для третьего периода существования памятника (рис. 4, 5–7). Керамический комплекс со дна постройки № 13 по ряду показателей существенно отличается от посуды третьего периода, что и позволило выделить последний, четвертый период поселения. Большинство фрагментов керамики из зольного пятна оказалось частью развалов, найденных на полу постройки № 13. Верхняя часть заполнения южной камеры постройки № 2 содержала компактное скопление керамики позднего этапа бондарихинской культуры. От нижней части

Рис. 4. Давыдо-Никольское поселение эпохи бронзы. Керамика из заполнения комплексов и культурного слоя финала эпохи бронзы:
 1 – пол постройки 2а; 2, 8–9, 12 – заполнение и дно постройки 9; 3–7, 15 – из культурного слоя;
 10–11, 13–14, 16 – пол постройки 13.

Fig. 4. Bronze Age settlement of Davydo-Nikolskoye. Pottery from the fills of structures and cultural layer of the Final Bronze Age:
 1 – floor of structure 2a; 2, 8–9, 12 – the fill and floor of structure 9; 3–7, 15 – from cultural layer;
 10–11, 13–14, 16 – floor of structure 13.

заполнения постройки № 2 верхнюю отделяла прослойка плотного намывного грунта. Возможно, речь может идти о плохо сохранившемся поле слабо углубленной постройки № 26, очертания которой, с некоторой долей условности,

можно реконструировать по профилям разрезов. Среди посуды бондарихинской культуры имеется сосуд с массивными вертикальными налепными валиками на тулове (рис. 4, 15), являющийся практически полной аналогией сосуду со

дна постройки №13 (рис. 4, 16). Все это свидетельствует о синхронности перечисленных объектов и позволяет объединить их в рамках самостоятельного хронологического периода.

Немногочисленный керамический комплекс четвертого периода состоял из посуды профилированных форм, среди которых можно выделить два типа: горшки – 7 экз. (рис. 4, 10, 11, 14, 16) и корчаги – 1 экз. (рис. 4, 10). Лишь два фрагмента можно отнести к баночному типу. Единственный образец корчаги представлен верхней частью сосуда с зауженной цилиндрической шейкой, резко переходящей в раздутое тулово. На плечиках расположен широкий волнистый налепной валик, разделенный беспорядочными косыми линиями.

Полностью преобладает рельефная орнаментация: налепные валики на плечике сосуда, овальные налепы. К архаическому типу можно отнести фрагмент горшка с треугольным в сечении валиком на шейке, ниже которого расположены прочерченные ломаные линии (рис. 4, 13). К числу редких типов орнаментации относится вертикально расположенный валик на тулове сосуда (рис. 4, 15, 16). В качестве аналогий можно было бы указать вертикальный валик на тулове некоторых сосудов сабатиновской культуры (Куштан, 2002. С. 29, рис. 1, 11). В то же время на синхронных сабатиновским памятникам поселений БМСК-2 Подонцовья подобная керамика неизвестна. Неизвестна она и позднее, в комплексах третьего периода существования Давыдо-Никольского поселения. В качестве иных прототипов вертикальным валикам на посуде четвертого периода возможно следует рассматривать горшки кизил-кобинской культуры Крыма (Кравченко, 2010. С. 171, рис. 89, 5). Известны они и на посуде донгальского типа Центрального Казахстана (Ломан, 1987. С. 122, рис. 5, 1–2). Обе группы памятников относятся к концу финального периода бронзового века, что вполне согласуется с предлагаемой периодизацией Давыдо-Никольского поселения.

В верхнем отделе заполнения постройки № 2 найдены обломки примерно от 45 сосудов бондарихинской культуры (рис. 5, 3, 5, 6, 8, 9). Представлены сосуды исключительно профилированной формы. Венчик сильно отогнут наружу, короткая шейка переходит в выпуклый в средней части корпус. Керамика тонкостенная (толщина стенок 0,5–0,7 см). Внешняя поверхность тщательно заглажена, иногда подлощена.

Орнамент состоит из вдавлений круглой в сечении палочки (рис. 5, 8), «жемчужин» (рис. 5, 9), «бантичных» зашипов (рис. 5, 5), косых насечек (рис. 5, 3). В единичном случае встречен вертикально расположенный налеп продолговатой формы. Фрагменты сосудов с прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 5, 1, 2) находят аналогии в посуде второго этапа чернолесской культуры (Тереножкин, 1961. С. 65–72, рис. 41, рис. 44, 7–8). Чернолесские параллели просматриваются и для фрагмента корчагоподобного лощеного сосуда с горизонтальными каннелюрами на плечиках (рис. 5, 4). Интересен обломок сосуда со сквозными проколами под венчиком. Сквозные проколы появляются на керамике третьего заключительного этапа бондарихинской культуры (Буйнов, 2005. С. 250–252, рис. 2, 2; 3, 6–7). Этому не противоречит и наличие глиняного конуса (рис. 5, 7), который найден в верхней части заполнения постройки № 2 вместе с бондарихинской керамикой (Горбов, Усачук, 2001. С. 41). В целом, бондарихинская керамика Давыдо-Никольского поселения полностью соответствует керамическому комплексу поселения Орехово-Донецкое IV, которое исследователи относят к числу позднейших памятников бондарихинской культуры (Там же. С. 41–43; Ромашко, 2013. С. 202–211). Подобное мнение высказывалось ранее и в отношении Давыдо-Никольской коллекции бондарихинской керамики (Там же. С. 269).

Таким образом, на основании стратиграфических наблюдений и сопоставления комплекса находок выделяется четыре последовательных периода существования Давыдо-Никольского поселения (рис. 6). Продолжительность каждого этапа, ввиду отсутствия радиоуглеродных дат, определяется традиционными археологическими методами. В качестве датирующего инвентаря для первого периода рассматривается нож с уплощенным упором у основания клинка из заполнения ямы № 9 постройки № 10 (рис. 2, 5). Ближайшей аналогией давыдо-никольскому экземпляру является нож из погребения № 16 у пос. Комсомольский (Бочкарев, 2010. С. 203, рис. 8, 19), которое В. В. Отрощенко относит ко второму этапу бережновско-маевской срубной культуры (далее БСМК-2) (Отрощенко, 2009. С. 115–116, рис. 1, 9). В. С. Бочкарев по морфологическим признакам (треугольный клинок, наличие упора) нож из погребения № 16 датирует III периодом позднего бронзового века, т. е. в пределах

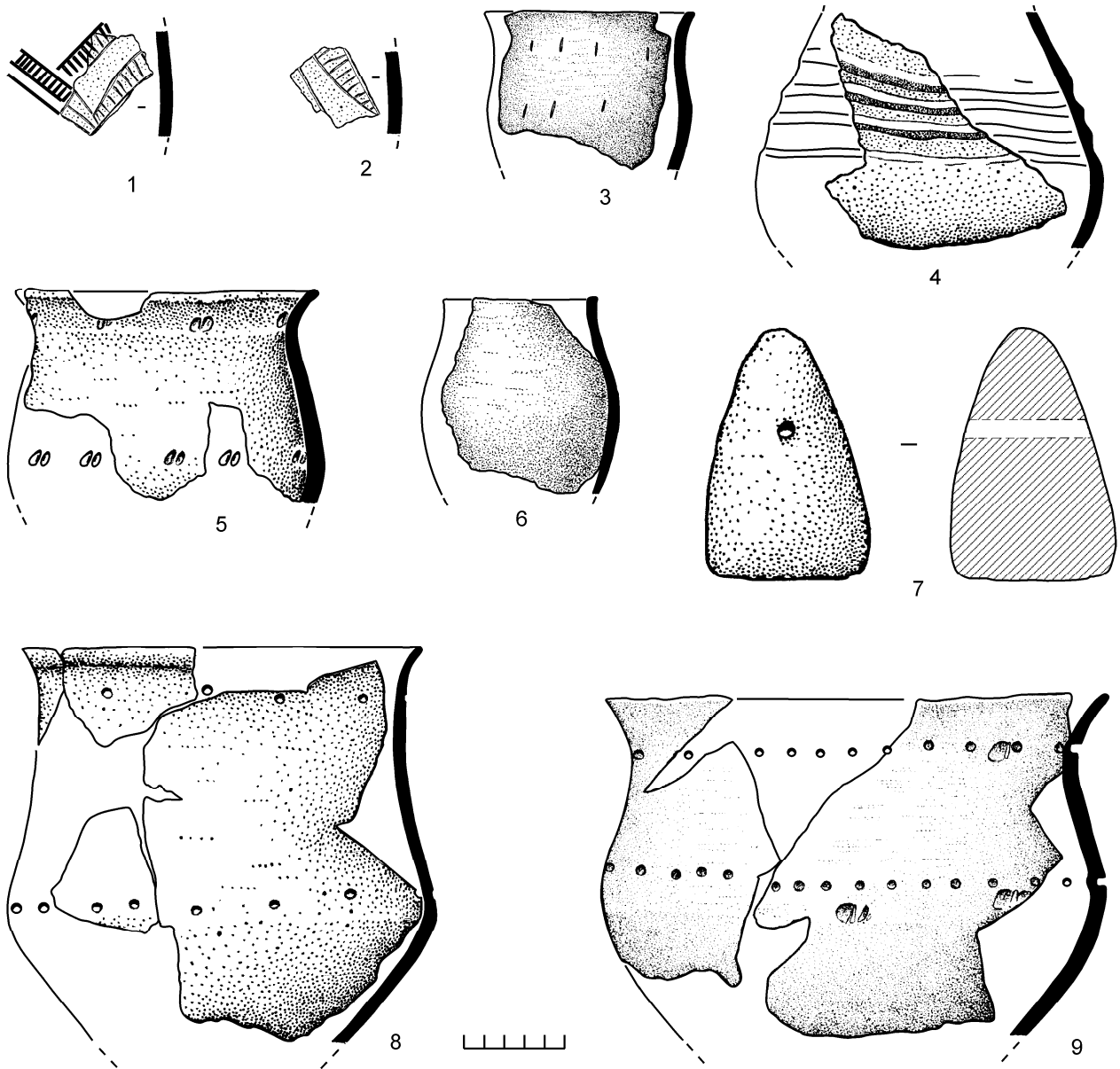

Рис. 5. Давыдо-Никольское поселение эпохи бронзы. Керамика бондарихинской культуры.

Fig. 5. Bronze Age settlement of Davydo-Nikolskoye. Pottery of the Bondarikha culture.

XV–XIV вв. до н. э. (Бочкарев, 2010. С. 207). Интересны данные, приводимые Р. А. Литвиненко для срубных погребений Северо-Восточного Приазовья. Согласно его наблюдениям, ножи с небольшим прокованным упором появляются в конце II этапа СКИО (БМСК-1, по В. В. Отрощенко) и гипотетически продолжают существовать в начале III этапа (Литвиненко, 1999 С. 16–18, рис. 12; 20, рис. 13). Сказанное позволяет определить возраст давыдо-никольского ножа не ранее конца этапа БМСК-1 – начала этапа БМСК-2, т. е. в пределах XV в. до н. э. (Клочко,

2006. С. 192–193; Колев, 2008. С. 223–226; Отрощенко, 2009. С. 115–116; Бочкарев, 2010. С. 207). Этому не противоречит и керамический комплекс со дна постройки № 10, в орнаментации которого преобладает однорядный налепной валик на шейке сосуда. Орнаментальный мотив из оттисков спирально закрученного шнура, нанесенных на фрагмент сосуда со дна постройки № 14, соответствует традициям погребений позднего этапа второго периода СКИО Поддонцовья (Литвиненко, С. 1994. С. 52; 321, рис. 74, 8), а также известен в комплексах первого этапа

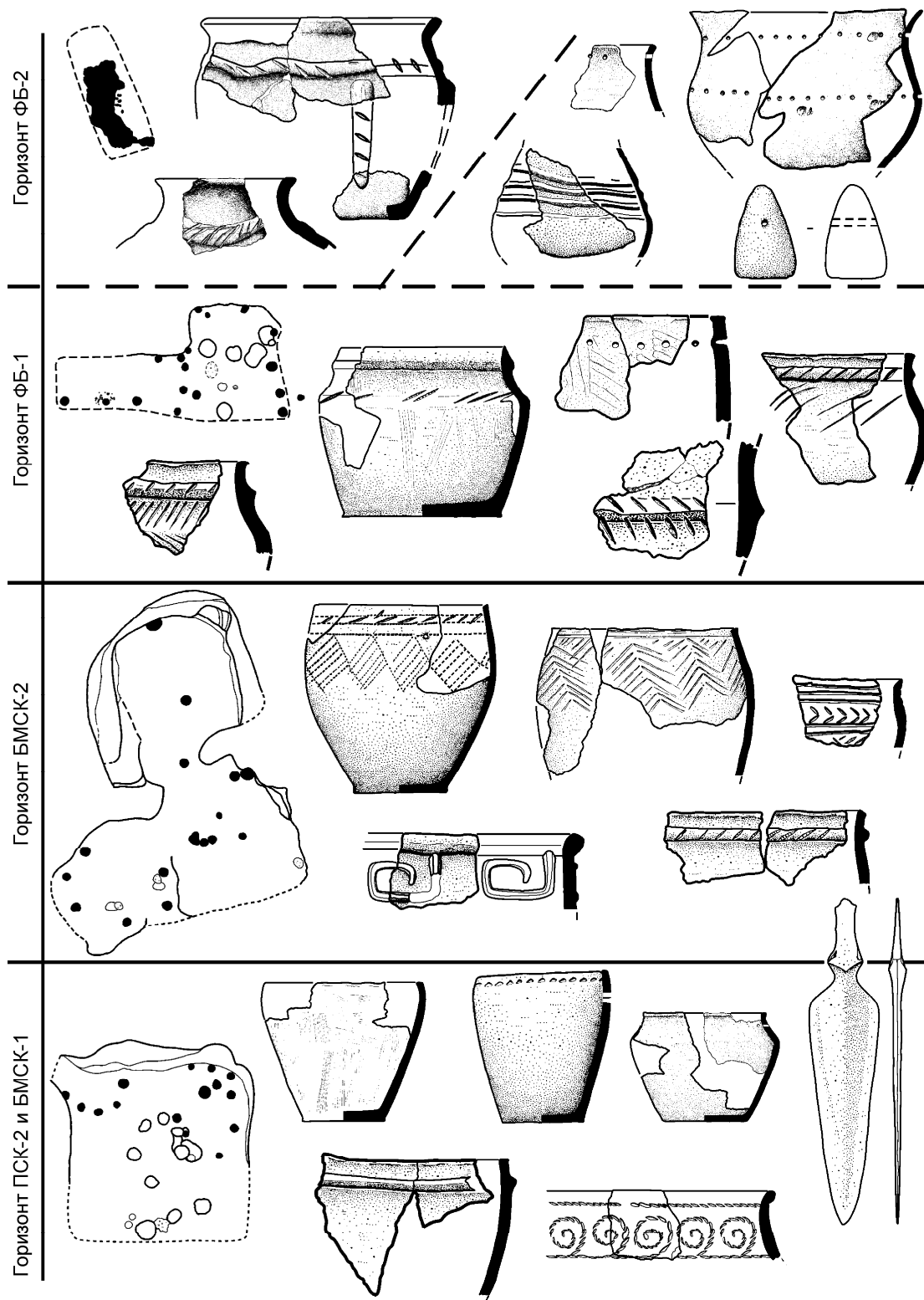

Рис. 6. Давыдо-Никольское поселение эпохи бронзы. Стратиграфические горизонты.

Fig. 6. Bronze Age settlement of Davydo-Nikolskoye. Stratigraphic horizons.

БМСК (*Бровендер и др.*, 2010. С. 98, рис. 9). Таким образом, исходя из региональных периодизаций, первый период существования Давыдо-Никольского поселения сопоставим со вторым этапом СКИО Подонцовья по периодизации Р. А. Литвиненко (*Литвиненко*, 1994. С. 158), что соответствует второму этапу развития покровской срубной культуры. Бережновско-маевский керамический комплекс находит многочисленные аналогии среди керамики из погребений конца первого этапа культуры (Там же. С. 345, рис. 103; *Отрощенко*, 2001. С. 277, рис. 31).

Датирующих вещей в постройках второго периода существования Давыдо-Никольского поселения не обнаружено, поэтому для определения его хронологии обратимся к керамическому комплексу. Показательно присутствие на дне построек №№ 2 и 5 керамики, орнаментированной в традициях сусканской культуры Поволжья (рис. 3, 3, 7, 8). Относительный возраст подобных комплексов предположительно ограничен рамками этапа БМСК-2 (*Литвиненко*, 1994. С. 55–56; *Отрощенко*, 2001. С. 277, рис. 31; *Бровендер*, 2012. С. 107–108). Учитывая предлагаемый Ю. И. Колевым возраст формирования сусканской культуры – не ранее XV в. до н. э., нижнюю хронологическую границу второго периода Давыдо-Никольского поселения ориентировочно можно поместить в пределах XIV в. до н. э.

Керамический комплекс третьего периода по ряду признаков (орнаментация валиков косой сеткой и косыми крестами, сочетание валика и прочерченной орнаментации на тулове, «воротнички») находит параллели среди посуды третьего, постсрубного горизонта поселения Зимогорье на р. Лугань (*Пробейгорова*, 2013. С. 118–124). В свою очередь нельзя не отметить очевидную близость керамики третьего горизонта Зимогорья с посудой верхнего горизонта поселения Ягодинка-2 на Дону. Опубликованная серия радиоуглеродных дат для верхнего горизонта Ягодинки соответствует концу XIII–началу XII в. до н. э. (*Цыбрий*, 2012. С. 386, рис. 3). Подобные даты начала заключительного периода бронзового века приводятся и в работах других исследователей (*Бровендер*, 2011. С. 134–138; *Ромашко*, 2013. С. 180–189). Суммируя изложенное, конец XIII–XII в. до н. э., видимо, следует считать приемлемыми датами для определения возраста третьего периода существования Давыдо-Никольского поселения. В целом, керамический комплекс третьего периода имеет

многочисленные аналогии среди посуды культур заключительного этапа бронзового века Восточно-Европейской степи и лесостепи: ивановской (*Колев*, 2008. С. 223–226), хвалынской (*Малов*, 2013. С. 102–117), отрадненской (*Потанов*, 2010. С. 14–19). В Северо-Восточном Приазовье ближайшим аналогом, видимо, следует считать Va горизонт Безыменного II (*Горбов*, 1995. С. 52–79).

Сложнее определить возраст четвертого периода существования Давыдо-Никольского поселения. На основании вышеизложенного, нижний хронологический рубеж ориентировочно можно отнести ко времени не ранее второй половины XII в. до н. э. Наличие в этом горизонте бондарихинской керамики позволяет использовать существующие для бондарихинской культуры периодизационные схемы. Вместе с тем предложенные для позднего этапа бондарихинской культуры даты – VIII в. до н. э. (*Горбов*, *Усачук*, 2001. С. 41–43; *Буйнов*, 2005. С. 250–252) или конец IX–начало VIII в. до н. э. (*Корохина*, 2011. С. 15) – исходя из общего контекста памятника, выглядят несколько завышенными. В частности, сквозные проколы под венчиком, как наиболее часто используемый для характеристики позднебондарихинской посуды и ее синхронизации с поздним этапом чернолесской культуры признак, известен на посуде белогрудовской культуры, датируемой XI в. до н. э. (*Лысенко С.Д., Лысенко С.С.*, 2007. С. 261). В целом, определение верхнего рубежа функционирования Давыдо-Никольского поселения в настоящее время проблематично, но вряд ли эта дата находится за пределами конца бронзового века.

Таким образом, выделены четыре последовательных периода существования Давыдо-Никольского поселения. Первые два соответствуют второму и третьему этапам СКИО, третий и четвертый – характеризуют постсрубные этапы. Подчеркнем, что переход от второго к третьему периоду не был резким. Этот процесс носил длительный и поступательный характер. Сохраняются старые традиции домостроения (Г-образная форма жилищ) вплоть до повторного использования котлованов жилищ предшествующего этапа. Наиболее отчетливо преемственность прослеживается на примере керамического комплекса, где наряду с новыми элементами орнамента («воротнички», валик с косой сеткой, крестами из оттисков зубчатого штампа) сохра-

няются архаичные черты (баночная посуда с T-образным профилем, орнаментация пальцевыми вдавлениями, косыми насечками, валик на шейке сосуда). В то же время керамический комплекс четвертого этапа существенно отличается от посуды предшествующих горизонтов памятника. Срубные черты на керамике четвертого горизонта Давыдо-Никольского поселения едва прослеживаются, уступая место другим культурным традициям.

- Бочкарев*, 2010 – *Бочкарев В. С.* О металлических котлах эпохи поздней бронзы Восточной Европы // *Бочкарев В. С.* Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010.
- Бровендер*, 2000 – *Бровендер Ю. М.* Капитаново-1. Поселение покровской срубной культуры в Северскодонецком Левобережье // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя, 2000. № VIII.
- Бровендер*, 2011 – *Бровендер Ю. М.* О времени прекращения функционирования донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы // Проблемы гірничої археології: Матеріали VIII Міжнародного Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ, 2011.
- Бровендер*, 2012 – *Бровендер Ю. М.* Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск, 2012.
- Бровендер и др.*, 2010 – *Бровендер Ю. М., Отроценко В. В., Пряхін А. Д.* Картамиський комплекс гірничо-металургійних пам'яток бронзового віку в центральному Донбасі // Археологія. Київ, 2010. № 2.
- Буйнов*, 2005 – *Буйнов Ю. В.* Бондарихинская и чернолеская культуры: проблема взаимосвязей (по материалам городища у с. Веселое на Харьковщине) // Древности 2005. Харьков, 2005.
- Горбов*, 1995 – *Горбов В. Н.* К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. Ч. 2.
- Горбов, Усачук*, 2001 – *Горбов В. Н., Усачук А. Н.* Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации к природным условиям // Донецкий археологический сборник. Донецк, 2001. № 9.
- Клочко*, 2006 – *Клочко В. І.* Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 р.р. до Р. Х.). Київ, 2006.
- Колев*, 2008 – *Колев Ю. І.* Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.
- Корохина*, 2011 – *Корохина А. В.* Кераміка бондарихинської культури: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2011.
- Кравченко*, 2010 – *Кравченко Е. Ю.* Кизил-Кобинська культура у Західному Криму. Київ, 2010.
- Куштан*, 2002 – *Куштан Д. П.* Матеріали доби пізньої бронзи з поселення Червонохиженці на Черкащині // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001. Київ, 2002.
- Литвиненко*, 1994 – *Литвиненко Р. А.* Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1994.
- Литвиненко*, 1999 – *Литвиненко Р. А.* Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.
- Ломан*, 1987 – *Ломан В. Г.* Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников центрального и северного Казахстана. Караганда, 1987.
- Лысенко С. Д., Лысенко С. С.*, 2007 – *Лысенко С. Д., Лысенко С. С.* Жилище белогрудовского горизонта с поселения Малополовецкое-13 // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2007. № 7.
- Малов*, 2013 – *Малов Н. М.* Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб., 2013.
- Отроценко*, 2001 – *Отроценко В. В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічне зіставлення). Київ, 2001.
- Отроценко*, 2009 – *Отроценко В. В.* Найпізніші поховання бережнівсько-маївської зрубної культури // Проблеми гірничої археології (Матеріали VII Міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). Алчевськ, 2009.
- Отроценко*, 2011 – *Отроценко В. В.* До причини та часу припинення розробок міднорудних покладів Донбасу за доби бронзи // Проблеми гірничої археології (Матеріали VIII Міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). Алчевськ, 2011.
- Потапов*, 2010 – *Потапов В. В.* Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Пробейголова*, 2009 – *Пробейголова А. С.* Матеріали фінала епохи бронзи с поселення Давыдо-Никольское на Северском Донце // Проблеми гірничої археології (Матеріали VII Міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). Алчевськ, 2009.
- Пробейголова*, 2012а – *Пробейголова А. С.* Керамический комплекс Давыдо-Никольского поселения финала эпохи бронзы (по материалам 2007–2011 гг.) // Проблеми історії та археології України: Тез. докл. Харьков, 2012.
- Пробейголова*, 2012б – *Пробейголова А. С.* Постройки финала эпохи бронзы Давыдо-Никольского поселения на Северском Донце // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2012.
- Пробейголова*, 2013 – *Пробейголова А. С.* Стратиграфія Зимогорського поселення кінця епохи бронзи // Проблеми періодизації та хронології в археології епохи раннього металу Восточної Європи. СПб., 2013.
- Ромашко*, 2013 – *Ромашко В. А.* Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). Киев, 2013.
- Тереножкин*, 1961 – *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.
- Цыбрій*, 2012 – *Цыбрій Т. В.* Поселение Ягодинка-2 и некоторые вопросы классификации построек эпохи поздней бронзы // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2012.

The settlement of Davydo-Nikolskoye of the Late Bronze Age in the Middle Donets area

A. S. Probeygolova, K. I. Krasil'nikov

The settlement of Davydo-Nikolskoye of the Late Bronze Age has been studied by an expedition of the Lugansk National University during the period from 2007 to 2013. The site is situated on the right bank of the Seversky-Donets River near the village of Davydovo-Nikolskoye in the Krasnodonsk District of Luganskaya Oblast (Ukraine). There have been investigated eight structures of different periods of the Late Bronze Age. Repeated occurrences of vertical stratigraphy have allowed archaeologists to identify four periods of the occupation of the settlement-site. Structures 4, 6, 10, 14 and pits nos. 19–21 are dated to the first period. The objects of the first period are subdivided into two groups: structures of the first stage of the Berezhnovsko-Mayevskaya Srubnaya archaeological culture and structures of the second stage of the Pokrovskaya Srubnaya culture. These houses consist of one or two rooms arranged perpendicularly to each other. Among the assemblage of pottery, vessels of jar-like and sharp-ribbed forms as well as pots are predominant. On some of the vessels, occasionally ornamentation in the form of cylinders of applied clay is found on the neck or rim. Metal objects are represented by a bronze knife with a triangular blade. The blade is separated from the handle with a flattened circular ledge.

Structures 2 and 5 are attributed to the second period. The types of the houses resemble those of the precedent stage. Among the pottery there is an increase of the number of pots and pot-like vessels ornamented with cylinders of applied clay. The number of jars is reduced. Pieces of ware decorated in the traditions of the Suskan culture make their appearance. The second stage at the settlement of Davydo-Nikolskoye corresponds to the second

stage of the Berezhnovsko-Mayevskaya Srubnaya culture.

Structures 2a and 9 are dated to the third period. In the ceramic assemblage, pots and pot-like vessels are most numerous. However the jar-like pottery type does not completely disappear. Relief ornamentation is the predominant one. On the rims of the vessels there are 'collars' while the applied cylinder is lowered onto the shoulder of the vessel. The decoration of the cylinders is changed. Slanting crosses and broken lines are applied instead of slanting lines. A combination of a cylinder with a carved decoration on the body is frequently found. The pottery of the third period of the settlement of Davydo-Nikolskoye differs at the site from that of the previous stages finding parallels in cultures of the final Bronze Age of the region between the Dnieper and the Volga.

The fourth period is represented by Structure 13. In the pottery assemblage, pots and large earthenware vessels are prevailing. Only two specimens of jars have been found. The decoration is formed by applied cylinders on the shoulders of the vessels and oval appliqués. The cylinders are arranged both vertically and horizontally. The fourth horizon contains the youngest objects of the Final Bronze Age.

It seems that between the defined periods in the history of the settlement of Davydo-Nikolskoye there had been no long interruptions. The plan of structures, features of house-building and evolution of the pottery indicate to a progressive history of the site. The first two periods correspond to the Srubnaya cultural and historical unity, the third and fourth periods characterize the post-Srubnaya stage of the occupation of the settlement.

ОБРЯД КРЕМАЦИИ В ПОГРЕБЕНИЯХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА НАРТАН

Ю. В. Марченко¹

Данная статья посвящена изучению захоронений курганного могильника Нартан, совершенных по обряду кремации. Для уточнения особенностей локализации огня в могильной яме учитывались его видимые следы на погребальном инвентаре, в результате чего на планах погребальных камер были обозначены места сжигания. Во всех случаях сжигали только тела положенных в могилу людей и туши взнузданных лошадей. Сопровождающий погребение инвентарь воздействию огня не подвергался. Обряд кремации не характерен для раннескифских комплексов Северного Кавказа, однако применение огня в похоронном ритуале находит аналогии в синхронных Нартанским курганам скифских памятниках Предкавказья. А сам обряд кремации был известен у скифов, проживавших на других территориях.

This paper is devoted to studies of cremation burials at the kurgan cemetery of Nartan. In order to clarify the localization of fire in the burial pits, its visual traces on the grave goods were taken in consideration and the places of cremation were marked in the resulting plans. In all cases, only corpses of the persons to be buried and horse carcasses were burnt. The grave offerings accompanying the interments suffered no effects of fire. The rite of cremation is not typical to the early Scythian complexes of the Northern Caucasus, however the practice of burning the dead is found in the funerary rite at Scythian sites of the Ciscaucasia synchronous to the Nartan barrows. The rite of cremation was known also by the Scythians living in other territories.

Ключевые слова: скифская культура, период архаики, Северный Кавказ, обряд кремации.
Keywords: Scythian culture, Archaic Period, Northern Caucasus, cremation rite.

В 1978–1979 гг. экспедицией сектора археологии Кабардино-Балкарского института истории, филологии и этнографии в Чегемском районе Республики Кабардино-Балкария исследовался курганный могильник, открытый на выделенном для строительства участке земли рядом с пос. Нартан. По близлежащему поселку могильник и получил свое название. Исследованные курганы относились к скифскому-времени. Они располагались в зоне распашки, в связи с чем их первоначальное количество и особенности взаиморасположения неизвестны (*Батчаев и др.*, 1985. С. 19).

Всего было изучено 24 кургана. Под центром насыпи в каждом кургане располагалась квадратная либо близкая к квадрату в плане погребальная камера. Захоронения совершались в яме глубиной до 5,5 м, ориентированной углами по

сторонам света, в ряде случаев с незначительными отклонениями. В нескольких случаях в яме находился деревянный сруб, состоявший, скорее всего, из одного венца. В 9 курганах над погребальными камерами были обнаружены конструкции из 3–4 слоев камня, по форме и размерам повторявшие очертания ям. Погребения были как парными, так и одиночными, а в 4 случаях человеческих останков обнаружено не было вовсе. Авторы раскопок считали эти комплексы кенотафами, но, судя по их описанию в предварительной публикации, есть основания полагать, что подавляющее число курганов подверглось ограблению. Так, в ряде случаев были прослежены грабительские ходы (Там же). Результатом этого внешнего воздействия могло стать полное разрушение останков человека.

Захоронения в могильнике были совершены по двум различным обрядам. Большинство – 27 погребений из 13 – были ингумациями и только

¹ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Аппарат дирекции.

в трех курганах (№ 12, 13 и 16) был проведен обряд кремации. Погребения с трупосожжениями представляют для нас особый интерес.

Прежде всего необходимо отметить, что курганы, содержавшие трупосожжения, располагались в центре могильника (рис. 1). В двух из них были сооружены деревянные одновенцовые срубы, уложенные в вырытые по периметру ям канавки. Могильные ямы имели деревянное перекрытие, поверх которого располагалась вымостка из нескольких слоев камня. С течением времени деревянные конструкции истлевали и надмогильная вымостка вместе с частью курганной насыпи обрушивалась в погребальную камеру.

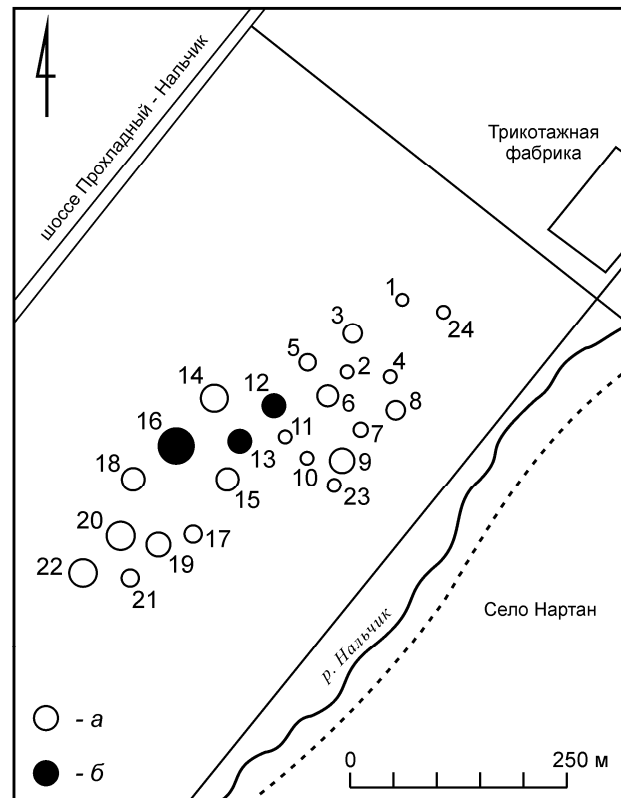
Курган № 12. Диаметр кургана составлял 27 м. В центре насыпи имелась впадина, глубиной 0,2 м, образовавшаяся при проседании перекрытия могильной ямы (рис. 2).² Высота насыпи достигала 2,05 м. В процессе раскопок на различной глубине встречались камни от разрушенной грабителями кладки, располагавшейся над могильной ямой. Погребальная камера глубиной 5,4 м находилась в центре подкурганной площадки и представляла в плане квадрат со стороной 6,7 м. Камера ориентирована углами по сторонам света с небольшими отклонениями. Авторы раскопок отмечали, что «приблизительно до половины глубины она была заполнена рыхлым грунтом и камнями, далее, вплоть до дна ямы, следовало огромное количество обожженной докрасна глины вперемешку с тем же серым грунтом, а также частицами угля, золы и мела. На дне могилы вдоль каждой из стен сохранилось по одной канавке шириной 18–20 см, на дне которых были прослежены слабые остатки древесины, очевидно, это остатки сруба» (Нагоев и др., 1979а. С. 48–49).

Кроме того, на дне могильной ямы были выявлены два углубления, расположенные на расстоянии 2,2 м друг от друга, одно из которых имело размеры 0,45 × 0,55 м и глубину 1,1 м, а другое – диаметр 0,35 м и глубину 1,15 м. Авторы раскопок не интерпретировали эти углубления как столбовые ямки, так как их заполнение – красная обожженная глина – было идентично остальному заполнению в нижней части

камеры. Остатков дерева в углублениях зафиксировано не было. Одно из них по описанию было перекрыто скелетом лошади, хотя на чертеже изображена только одна кость, незначительного размера (рис. 3). Учитывая то, что могила была ограблена, эти обстоятельства нельзя считать достаточным основанием для отказа от интерпретации углублений как ямок от столбовых конструкций.

В погребальной камере находились кремированные на месте останки человека и нескольких лошадей. Мощность погребального костра, по всей видимости, была невелика, отчего процесс кремации проходил неравномерно. Останки человека сгорели лишь частично. В виде скопления они были обнаружены ближе к северному углу могилы. Рядом лежали бусины (рис. 4, 2) и бронзовые наконечники стрел (рис. 4, 1), чуть дальше – серьга (рис. 4, 3) и накладки (рис. 4, 4), изготовленные из золотой фольги.

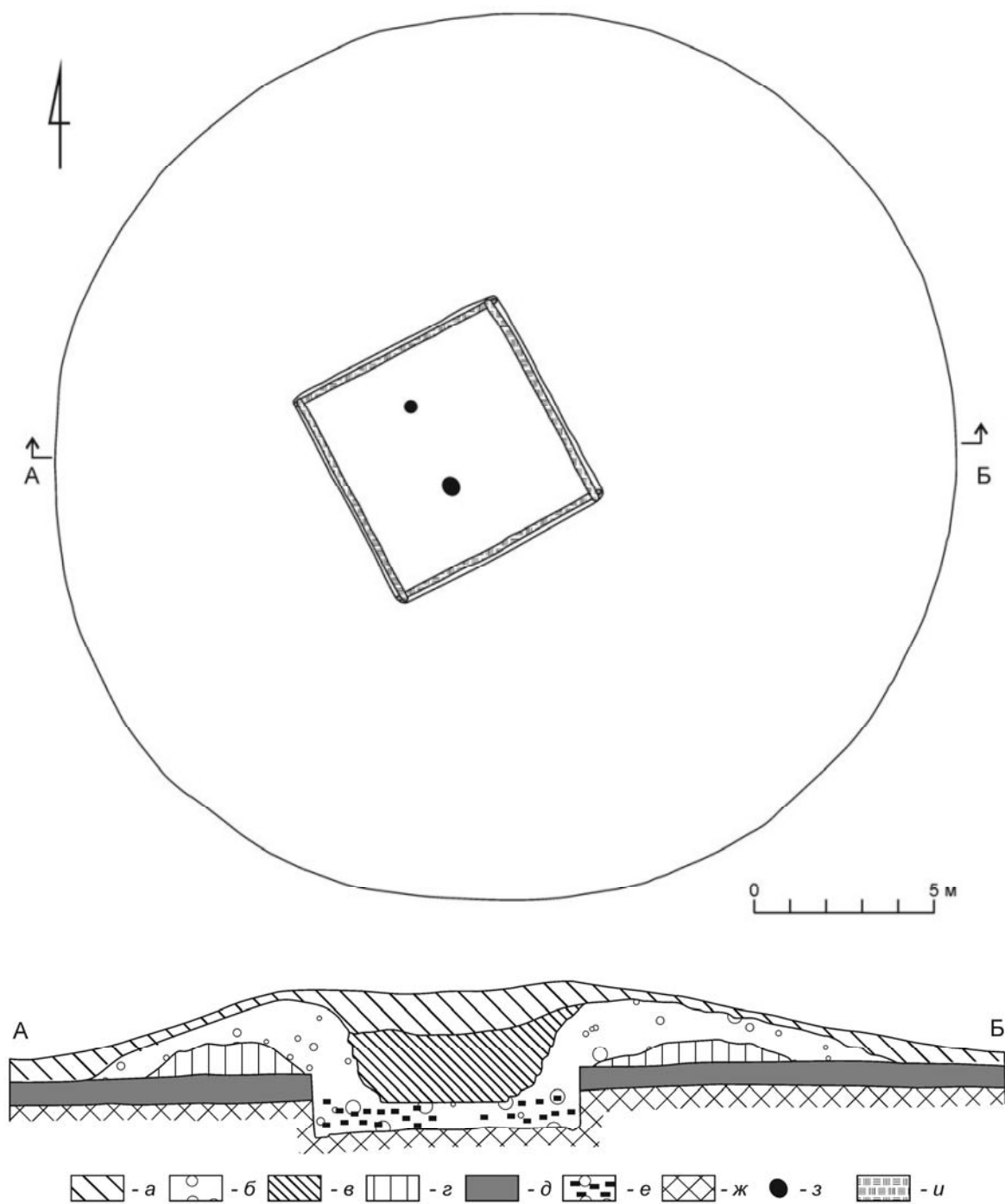
Туши убитых лошадей также подверглись кремации. Их останки располагались на площади

Рис. 1. Могильник Нартан, план (а – курганы; б – курганы с погребениями, совершенными по обряду кремации) (Батчаев и др., 1985. Табл. 8).

Fig. 1. Cemetery of Nartan, plan (a – barrows; б – barrows with burials in the cremation rite).

² Рисунки 2, 4, 6, 7, 9 и 10 выполнены автором в результате совмещения чертежей, взятых из отчета (Нагоев и др., 1979б), с опубликованными чертежами (Батчаев и др., 1985).

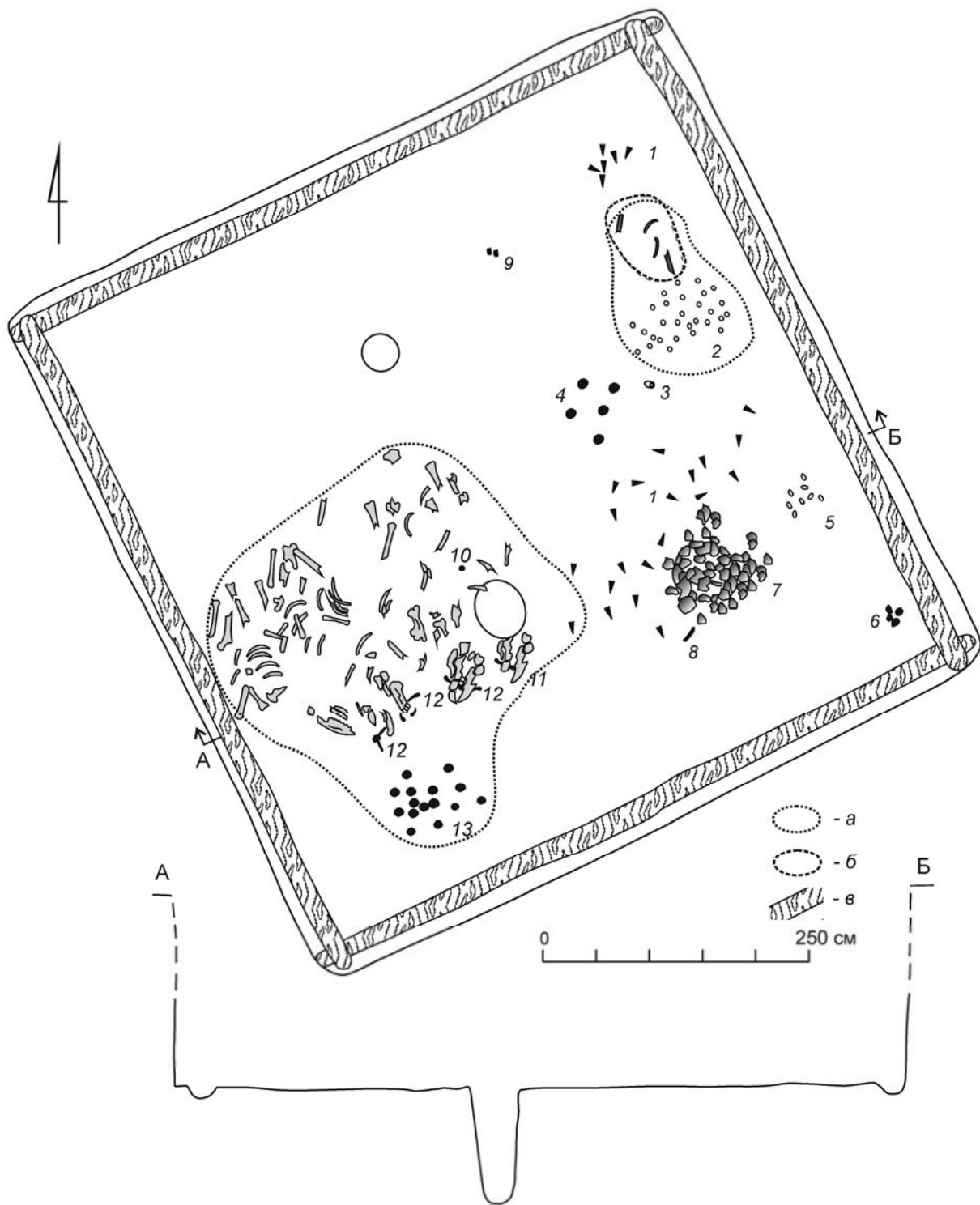

Рис. 2. Могильник Нартан. Курган 12. План и разрез:

a – гумус; *б* – суглинок; *в* – грабительская яма; *г* – материковый выкид; *д* – погребенная почва; *е* – суглинок с включениями жженой глины; *ж* – материк; *з* – ямы с остатками столбов; *и* – древесный тлен (Батчаев и др., 1985. Табл. 32; Нагоев и др., 1979б. Рис. 67).

Fig. 2. Cemetery of Nartan. Barrow 12. Plan and section:

a – humus; *б* – loam; *в* – robber's pit; *г* – thrown-out virgin soil; *д* – buried soil; *е* – loam with inclusions of baked clay; *ж* – virgin soil; *з* – pits with remains of poles; *и* – decayed wood.

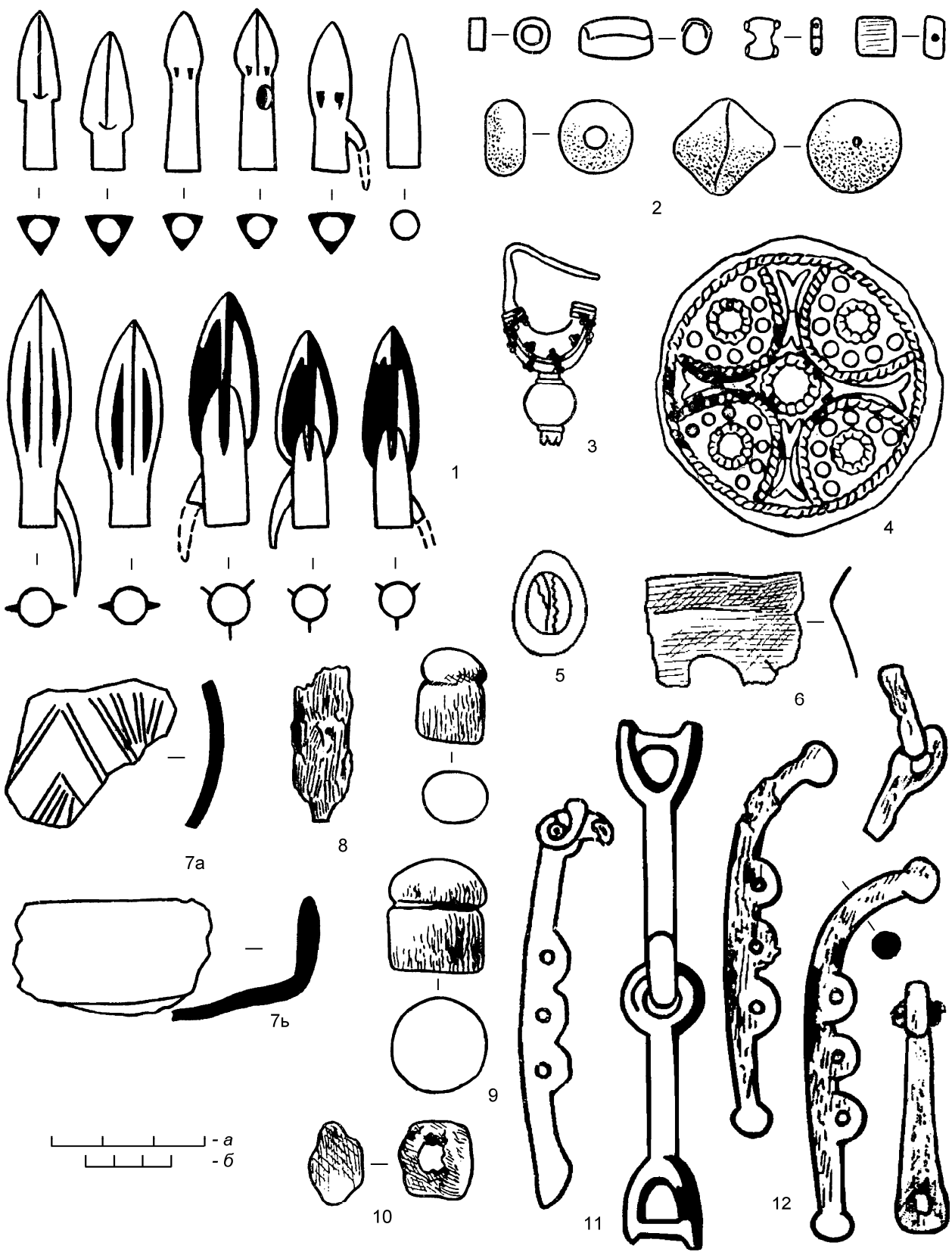
Рис. 3. Могильник Нартан. Курган 12. Погребальная камера, план и разрез:

1 – наконечники стрел; 2 – бусы; 3 – серьга; 4 – накладки; 5 – раковины каури; 6 – фрагменты миски; 7 – фрагменты сосудов; 8 – нож; 9 – грибовидные столбики; 10 – колечко; 11 – удила и псалий; 12 – удила и псалии; 13 – гальки; а – локализация вещей, подвергшихся воздействию огня; б – локализация костей человека, подвергшихся воздействию огня; в – древесный тлен (Батчаев и др., 1985. Табл. 32; Нагоев и др., 1979б. Рис. 68-а).

Fig. 3. Cemetery of Nartan. Barrow 12. Burial chamber, plan and section:

1 – arrowheads; 2 – beads; 3 – earring; 4 – mounts; 5 – cowry shells; 6 – bowl fragments; 7 – fragments of pottery; 8 – knife; 9 – mushroom-shaped stakes; 10 – small ring; 11 – mouthpiece and cheekpiece; 12 – mouthpieces and cheekpieces; 13 – pebbles; а – find-spots of objects effected by fire; б – find-spots of human bones effected by fire ; в – decayed wood.

около 8 кв. м. На кости лошадей погребальный костер оказал более заметное и равномерное действие, хотя и здесь температура горения оказалась не слишком высокой – можно было определить позу, в которой были положены лошади в могилу. Умерщвленные лошади располагались вплотную друг к другу, на животе с подогнутыми ногами. Судя по деталям конского снаряжения, в могиле находилось 4 или 5 особей. Наряду со взнузданными лошадьми воздействию огня подверглись гальки, положенные перед их головами, неподалеку от южного угла камеры.

Целый ряд вещей,³ найденных в этом погребении, несет на себе следы воздействия огня. Сохранность железных предметов не позволяет без проведения анализов сказать что-то определенное, в то время как на бронзовых предметах следы копоти определяются визуально.⁴ Особенно хорошо это заметно на деталях конской узды: стремечковидных удилах и псалии с зооморфным окончанием (рис. 4, 11). Оплавлены были также стеклянные и янтарные бусины, располагавшиеся вместе с костями человека, и один из бронзовых наконечников стрел. Если учитывать внешний вид вещей и описание костей животных и человека, то можно выделить две зоны, подвергшиеся воздействию огня (рис. 3). В одной из зон находились кости человека и бусины, а во второй – кости лошади и детали узды, а рядом располагалось скопление галек.

Курган № 13. Он находился в 25 м к юго-западу от кургана № 12. По диаметру насыпи

обоих курганов были идентичны. В центре насыпи имелась впадина, глубиной 0,2 м (рис. 5). Высота насыпи составляла 1,9 м от уровня современной поверхности. Вокруг ямы, в радиусе 8–9 м от центра камеры, располагался материковый выкид, поверх которого лежал слой так называемого «хвороста», фиксировавшийся в виде древесного тлена толщиной 0,04–0,06 м. В южной половине насыпи, в 3 м от осевой линии запад–восток, были обнаружены две столбовые ямки диаметром 0,16–0,18 м. Они располагались на расстоянии 9 м друг от друга, уходя, судя по описанию, наполовину в материк, наполовину в насыпь (Отчет..., 1900. С. 54).

Глубина могильной ямы – 5,4 м (Там же). Находилась она в центре кургана и имела размеры 6,4 × 6,5 м. Углами камера, так же как и в кургане № 12, была ориентирована по сторонам света с незначительными отклонениями. Заполнение могильной ямы аналогично заполнению ямы в кургане № 12. В верхней половине шел рыхлый серый грунт, а ниже и до дна яма была заполнена жженой красной землей и рыхлой глиной с вкраплениями золы и угля. Могильная яма, как и в кургане № 12, содержала одновенцовую срубную конструкцию, установленную в вырытых для нее канавках.

В центре камеры были найдены фрагменты сожженного черепа человека, немного дальше к югу – фаланги пальцев (рис. 6). Рядом с фрагментами черепа располагалась чернолощенная корчага. Второе скопление костей человеческого скелета, подвергшихся воздействию огня, было выявлено в северной части камеры. Здесь же были найдены фрагменты бронзовой орнаментированной миски (рис. 7, 2б) и два бронзовых колокольчика (рис. 7, 1). В западном углу лежали развалы нескольких глиняных сосудов. Из них реставраторами были собраны две миски (рис. 7, бг и 7, бе), одноручная чашечка (рис. 7, бж)

³ Приношу благодарность сотруднику Национального музея Кабардино-Балкарской Республики А. Б. Дегуевой за предоставленную возможность работать с материалами Нартанского могильника.

⁴ Приношу благодарность сотрудникам Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа Р. С. Минасяну и Е. А. Шаблавиной за ценные консультации по данному вопросу.

Рис. 4. Могильник Нартан. Курган 12. Инвентарь:

1 – наконечники стрел; 2 – бусы; 3 – серьга; 4 – накладки; 5 – раковины каури; 6 – фрагменты миски; 7а, б – фрагменты сосудов; 8 – нож; 9 – грибовидные столбики; 10 – колечко; 11 – удила и псалий; 12 – удила и псалии (*Батчаев и др.*, 1985. Табл. 33).

Масштабы: а – для № 1–6, 8–10; б – для № 7, 11–12.

1 – бронза (24 экз.), кость (1 экз.); 2 – янтарь, паста, кость, серебряная и золотая фольга;

3, 4 – золото; 5 – раковины; 6, 11 – бронза; 7 – керамика; 8, 10, 12 – железо, 9 – дерево.

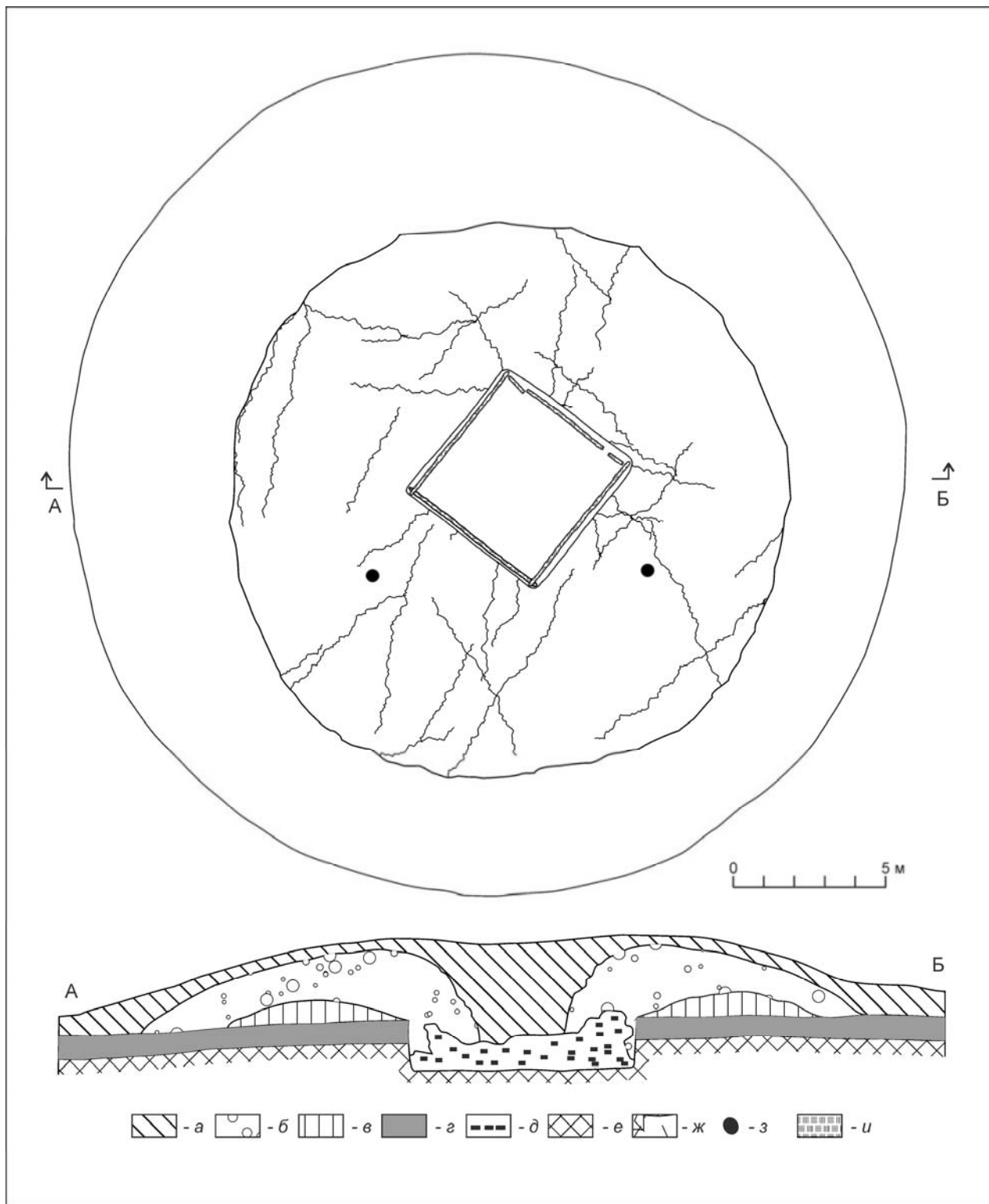
Fig. 4. Cemetery of Nartan. Barrow 12. Grave goods:

1 – arrowheads; 2 – beads; 3 – earring; 4 – mounts; 5 – cowry shells; 6 – bowl fragments; 7а, б – fragments of pottery; 8 – knife; 9 – mushroom-shaped stakes; 10 – small ring; 11 – mouthpiece and cheekpiece; 12 – mouthpieces and cheekpieces.

Scale: а – for nos. 1–6, 8–10; б – for nos. 7, 11–12.

1 – bronze (24 items), bone (1 item); 2 – amber, glass paste, bone, silver and gold foil;

3, 4 – gold; 5 – seashells; 6, 11 – bronze; 7 – ceramics; 8, 10, 12 – iron, 9 – wood.

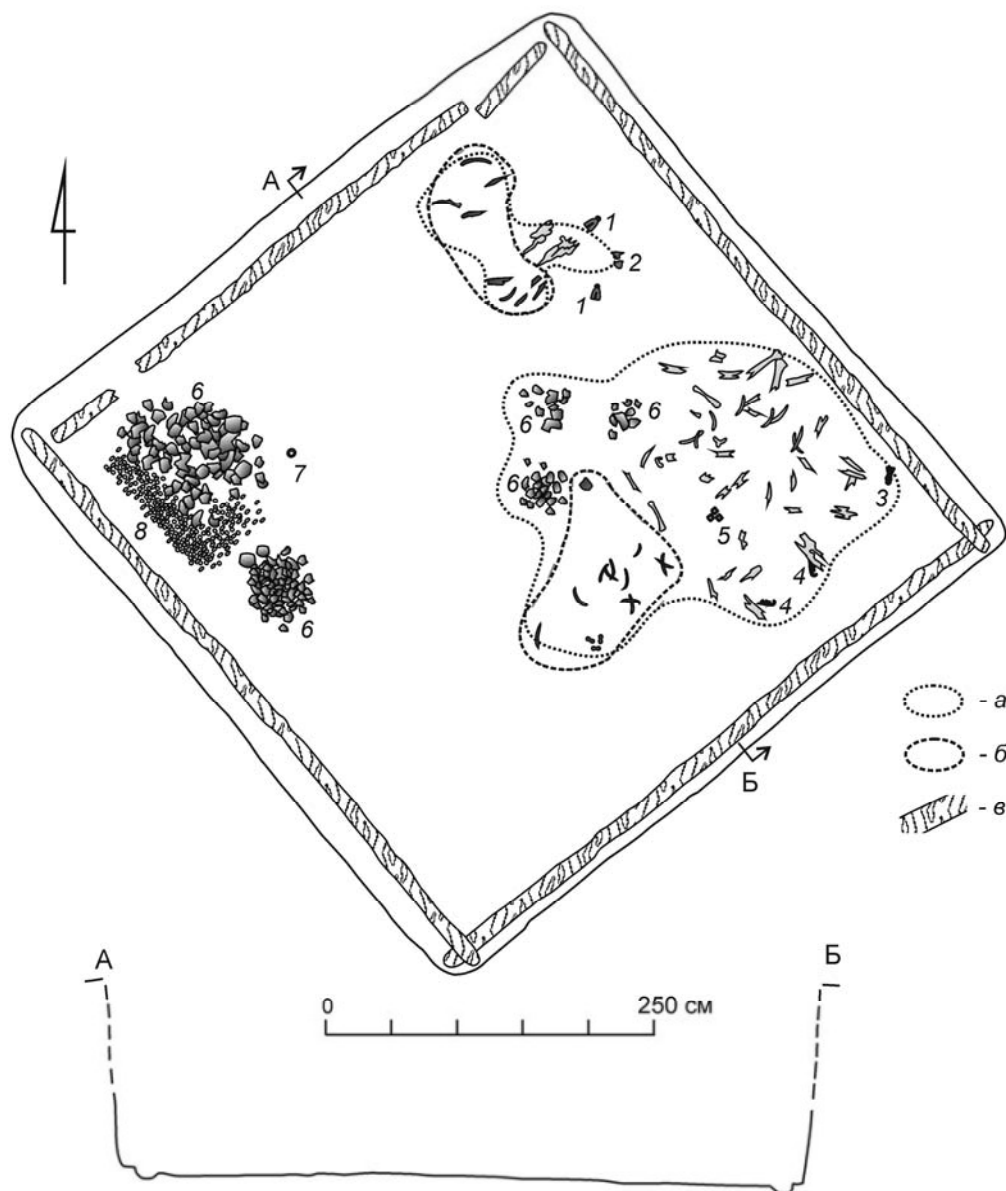

Рис. 5. Могильник Нартан. Курган 13. План и разрез:

a – гумус; *б* – суглинок; *в* – материковый выкид; *г* – погребенная почва; *д* – суглинок с вкраплениями жженой глины; *е* – материк; *ж* – слой хвороста; *з* – ямы с остатками столбов; *и* – древесный тлен (Батчаев и др., 1985. Табл. 34; Нагоев и др., 1979б. Рис. 71).

Fig. 5. Cemetery of Nartan. Barrow 13. Plan and section:

a – humus; *б* – loam; *в* – thrown-out virgin soil; *г* – buried soil; *д* – loam with inclusions of baked clay; *е* – virgin soil; *ж* – bed of brushwood; *з* – pits with remains of poles; *и* – decayed wood.

Рис. 6. Могильник Нартан. Курган 13. Погребальная камера, план и разрез:

1 – колокольчики; 2 – фрагменты чашечки; 3 – навершие штандарта; 4 – псалии; 5 – столбики для ремней; 6 – фрагменты сосудов; 7 – колечко; 8 – раковины каури и бусы; а – локализация вещей, подвергшихся воздействию огня; б – локализация костей человека, подвергшихся воздействию огня; в – древесный тлен (Батчаев и др., 1985. Табл. 34; Нагоев и др., 1979б. Рис. 73-б).

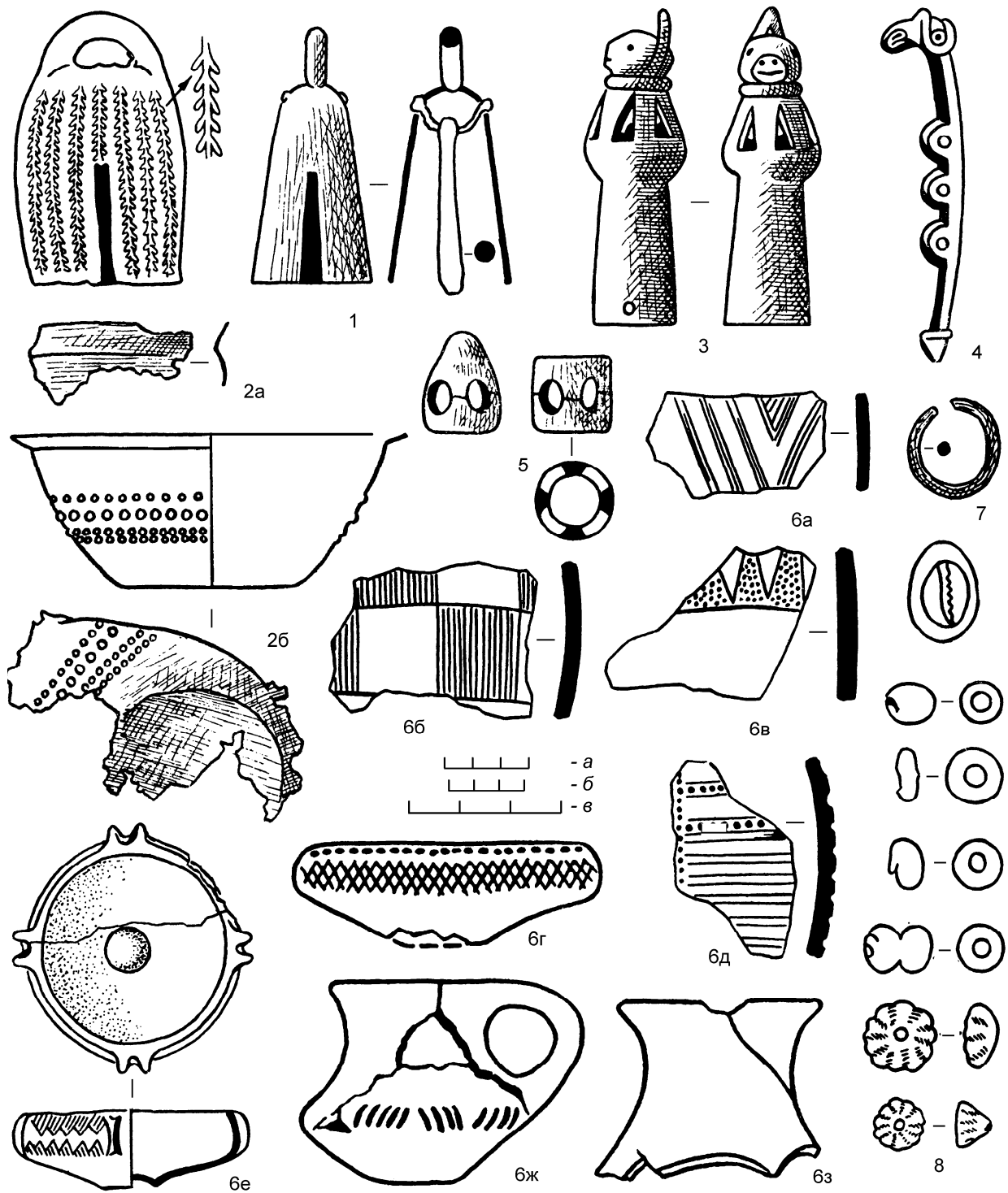
Fig. 6. Cemetery of Nartan. Barrow 13. Burial chamber, plan and section:

1 – small bells; 2 – fragments of a cup; 3 – top of an ensign; 4 – cheekpieces; 5 – stakes for straps; 6 – fragments of pottery; 7 – small ring; 8 – cowry shells and beads; a – find-spots of objects effected by fire; б – find-spots of human bones effected by fire; в – decayed wood.

и чернолощеный сосуд (рис. 7, бз). Здесь же были обнаружены бусы из синего и черного стекла, а также из кости (рис. 7, 8) и бронзовое разомкнутое колечко (рис. 7, 7). В восточном секторе камеры находились обугленные и очень плохо сохранившиеся фрагменты костей лошади, положенной головой на юго-восток. Вместе с лошадью в могилу были положены псалии с зооморфными окончаниями (рис. 7, 4) и навершие

в виде протомы животного (рис. 7, 3), цилиндрические и конусовидные пронизи для перекрестных ремней (рис. 7, 5). Все предметы были изготовлены из бронзы.

Воздействию огня в этом погребении не подверглись только стоявшие в западном углу два керамических сосуда и лежавшие рядом с ними бронзовое колечко, раковины каури, бусины из стекла. Следует обратить внимание на то, что

Рис. 7. Могильник Нартан. Курган 13. Инвентарь:

1 – колокольчики; 2 – фрагменты мисок; 3 – навершие штандарта; 4 – псалии; 5 – столбики для ремней;

6 – фрагменты сосудов; 7 – колечко; 8 – раковины каури и бусы (Батчаев и др., 1985. Табл. 35).

Масштабы: а – для № 1; б – для № 2–3, 6; в – для № 5, 7–8.

1–5 – бронза, 6 – керамика, 8 – раковины, стекло, паста.

Fig. 7. Cemetery of Nartan. Barrow 13. Grave goods:

1 – small bells; 2 – fragments of bowls; 3 – top of an ensign; 4 – cheekpieces; 5 – stakes for straps;

6 – fragments of pottery; 7 – small ring; 8 – cowry shells and beads.

Scale: a – for no. 1; б – for nos. 2–3, 6; в – for nos. 5, 7–8.

1–5 – bronze, 6 – ceramics, 8 – seashells, glass, paste.

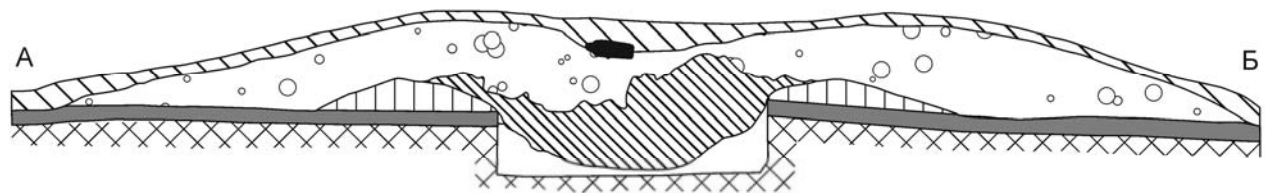
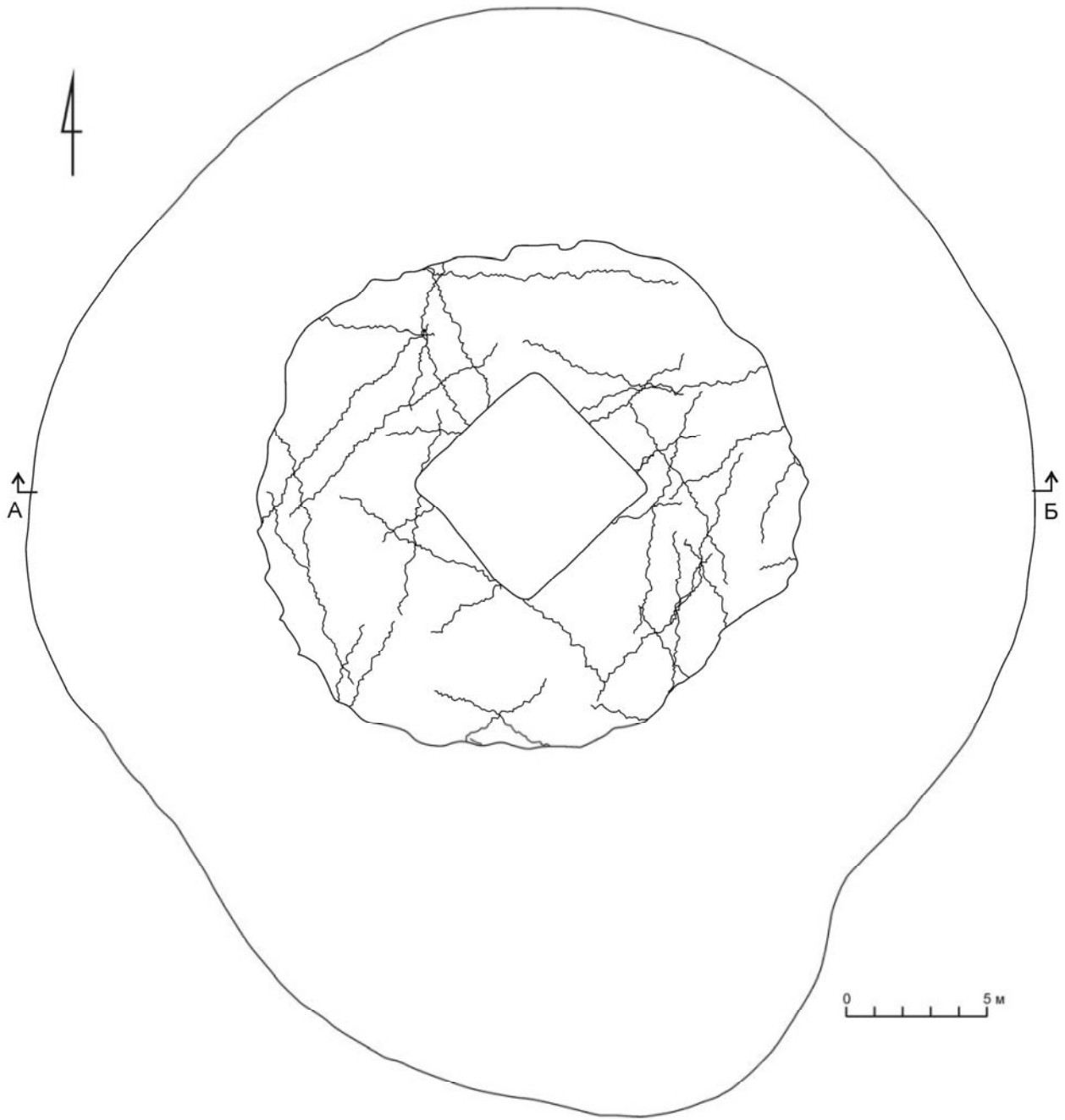
все найденные в этом погребении бусины в количестве 126 штук, а также 111 раковин каури были найдены *in situ* рядом с керамическими сосудами. В. Г. Петренко предполагает, что такие сосуды могли быть наполнены священным напитком хаомой. По ее мнению, косвенно об этом свидетельствует «желание хоронивших непосредственно украсить (одарить) его (сосуд. – примеч. авт.) низкой раковин каури или осыпать раковинами и бусами», так как сосуд воспринимался в данном случае как «одна из ипостасей бога Хаомы», известного по авестийскому пантеону (Петренко, 2006. С. 56). Взаимовстречаемость этих категорий украшений и керамических сосудов была отмечена В. Г. Петренко в ряде курганов могильника Новозаведенное II и курганах № 1 и № 3 могильника Красное Знамя. На всех этих сосудах автор раскопок обнаружила красно-бурые потеки на поверхности и красноватый осадок внутри. Обычно это были «крупные чернолощенные корчаги со сложными орнаментальными композициями или с солярным символом на поверхности» (Там же).

В этом погребении следы огня также видны на серии бронзовых предметов: миске с закопченной поверхностью, навершии, двух псалях с зооморфными окончаниями с сильно закопченной поверхностью, сгоревших и полуразвалившихся пронизях для перекрестных ремней.

По степени обожженности вещей, описанию костей животных и человека можно судить о неравномерности распространения огня, а также его локализации и температуре. Можно заключить, что температура не была высокой – расплавились лишь несколько предметов. Судя по всему, сжигали только тело умершего и тушу лошади (лошадей), и происходило это в самой могильной камере, а не на стороне.

Единственный комплекс со следами кремации, не имеющий в своей конструкции столбов, – курган № 16. Диаметр кургана составлял 42 м. Данные о его высоте разнятся, в публикации указано 2,5 м (Батчаев и др., 1985. С. 36), а в отчете – 3,2 м (Отчет..., 1900. С. 54). Это самый крупный по диаметру насыпи курган в могильнике. Могильная яма представляла в плане квадрат со стороной 6 м, ориентированный углами по сторонам света, глубиной 5,9 м. Насыпь кургана состояла из желтовато-коричневого суглинки, в центре кургана, как и в двух предыдущих случаях, образовалась воронковидная впадина. В ней было обнаружено каменное антро-

поморфное изваяние высотой 1,44 м (рис. 8 и рис. 10, 27). Его установили, по всей видимости, на вершине кургана, в отличие от курганов № 11, 17, 20 Нартанского могильника, где стелы располагались непосредственно над могильной ямой, под курганной насыпью. Как и в кургане № 13, материковый выкид был перекрыт слоем так называемого «хвороста», остатки которого в виде древесного тлена прослеживались в радиусе 8–9 м от центра погребальной камеры. Обожженный пол был перекрыт прослойкой необожженной глины, выше заполнение ямы состояло из серого грунта и обожженной докрасна глины, частиц угля и золы. Около северо-восточной стены были расчищены несколько человеческих костей и фрагменты черепа, по расположению которых можно заключить, что погребенный был положен в скорченном положении на правый бок, головой на юго-восток (рис. 9). Этот скелет не подвергся воздействию огня, что указывает на то, что он был помещен в могилу после совершения обряда. С. В. Махортых предположил, что это останки сопроводительного захоронения, положенного в могилу «после сожжения основного умершего и его лошадей» (Махортых, 1991. С. 40). Однако В. М. Батчаев отнес это погребение к одиночным (Батчаев и др., 1985. С. 36) и определил его как совершенное по обряду частичного трупосожжения (Там же. С. 52). В отчете указано, что в заполнении ямы вместе с сероватым грунтом встречалось значительное количество жженой земли, золы и угля и «определить точное положение человеческих и конских костяков весьма трудно» (Нагоев и др., 1979а. С. 69–70). Перед умершим находились два одинаковых по форме и размеру меча, длиной 70,2 см. Наконечник ножен и обкладка рукояти одного из них имели накладку из листового золота с тисненым узором (рис. 10, 1 и 10, 2). В этом погребении следы воздействия огня несут на себе некоторые предметы, лежавшие у головы погребенного, а именно бронзовое зеркало (рис. 10, 4), на котором отчетливо видны следы копоти, отчасти – раковины каури (рис. 10, 5) и бронзовые наконечники стрел (рис. 10, 6). Второе скопление вещей, подвергшихся воздействию огня, находилось южнее. Именно там были обнаружены железные панцирные чешуйки (рис. 10, 7) и наконечник копья (рис. 10, 9), бронзовый колокольчик (рис. 10, 10а) и фрагменты двух чаш, изготовленных из листовой бронзы (рис. 10, 11). Рядом

располагались куски какого-то красящего вещества, интерпретированного авторами раскопок как реальгар. В третьем случае следы огня зафиксированы в южном углу камеры. Здесь находились останки нескольких лошадей. Их кости подверглись сильному воздействию огня и превратились в «белую порошкообразную массу кальцинированных костей, почти не поддававшихся расчистке» (Батчаев и др., 1985. С. 37). Лошадей похоронили с удилами и псалиями, также сильно обгоревшими. Остальной погребальный инвентарь в кургане № 16 не имеет следов пребывания в огне или близкого к нему расположения.

Сожжение останков во всех трех случаях, по всей видимости, совершалось непосредственно в погребальной камере. Это подтверждается анатомическим расположением обгоревших костей людей и лошадей.

Все перечисленные выше курганы, содержавшие следы проведения обряда кремации, хронологически относятся к ранней группе курганов Нартанского могильника. Для нее характерно наличие в погребениях фрагментов шлифованных каменных плит (жертвенников?), скоплений галек и присутствие раковин каури.

Совокупность вышеперечисленных черт погребального обряда встречается в скифских памятниках Предкавказья. Самыми близкими Нартанским курганам не только по обряду погребения, но и территориально, являются курганы могильника Нартан-2 и Нальчикские курганы. Могильник Нартан-2 раскопан лишь частично – один курган в 1969 г. и восемь – в 1986 г. Особый интерес представляют курганы № 3 и № 6, в насыпи которых обнаружены каменные кладки, прокаленная глиняная площадка, остатки сгоревшей деревянной конструкции, сажа, древесные угли, кальцинированные и полуобгоревшие кости человека. В кургане № 6 зафиксированы остатки сруба, скорее всего, так же, как и в Нартанских курганах, одновенцового (Керефов, Кармов, 2009. С. 7–8, 11). Б. М. Керефов датировал эти курганы VI–V вв. до н. э. (Керефов, 1985. С. 121). Из шести исследован-

ных Нальчикских курганов к скифскому времени относятся два. Под их насыпями были обнаружены каменные вымостки над квадратными ямами с остатками сожженных деревянных срубов, кальцинированные и частично обгоревшие кости людей, шлифованные каменные плиты и обожженные гальки. Б. М. Керефов отметил сходство погребального обряда и хронологическую близость Нальчикских и Нартанских курганов, предположив, что в обоих могильниках захоронены представители одной этнической группы (Керефов, 1986. С. 43), однако ошибочно отнес их к погребальным памятникам савроматской культуры (Там же. С. 44). Существенное отличие погребального обряда Нальчикских курганов заключается только в наличии рва вокруг кургана.

Аналогии погребениям с сожжением деревянной конструкции вместе с содержимым могильной ямы есть и среди комплексов на территории Прикубанья. Так, в одном из раскопанных в 1897 г. Н. И. Веселовским курганов в 12 верстах от станицы Костромской Кубанской области на дне могильной ямы был обнаружен одновенцовый сруб, над которым, по мнению автора раскопок, располагалась шатровая конструкция, сожженная при обряде захоронения. В могилу были положены 22 убитые лошади (Отчет..., 1900. С. 11–14).

В 1763 г. в Херсонской губернии в 30 верстах от города Елизаветграда (сейчас это территория Украины) по поручению генерал-поручика А. П. Мельгунова был частично раскопан так называемый «Литой курган», в насыпи которого обнаружили каменное антропоморфное изваяние. К западу от центра кургана, под каменной вымосткой нашли вещи, получившие впоследствии название «Мельгуновский клад». Насыпь состояла из обожженной докрасна земли, в которой попадались угли, обгоревшие кости и камни, фрагменты глины. Так как вещи не несли на себе следов воздействия огня, был сделан вывод о том, что сопроводительный инвентарь положили в погребение уже после совершения обряда кремации (Придик, 1911. С. 2).

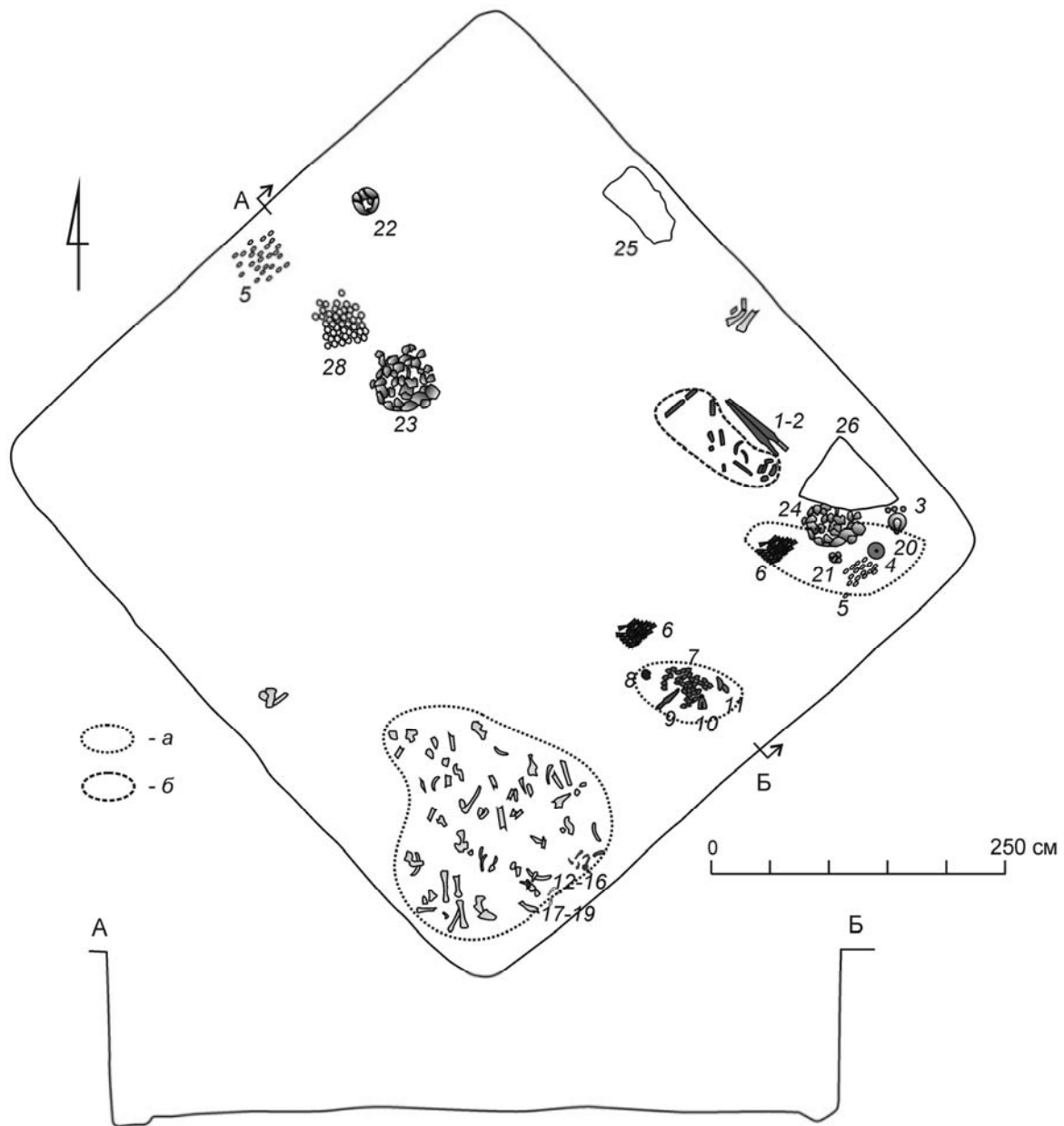
Рис. 8. Могильник Нартан. Курган 16. План и разрез:

a – гумус; *b* – суглинок; *в* – грабительская яма; *г* – материковый выкид; *д* – погребенная почва; *e* – суглинок с вкраплениями жженой глины; *жс* – материк; *з* – слой хвороста; *u* – антропоморфное изваяние (Батчаев и др., 1985. Табл. 40; Назоев и др., 1979б. Рис. 90).

Fig. 8. Cemetery of Nartan. Barrow 16. Plan and section:

a – humus; *b* – loam; *в* – robber's pit; *г* – thrown-out virgin soil; *д* – buried soil; *e* – loam with inclusions of baked clay; *жс* – virgin soil; *з* – bed of brushwood; *u* – anthropomorphic sculpture.

Рис. 9. Могильник Нартан. Курган 16. Погребальная камера, план и разрез:

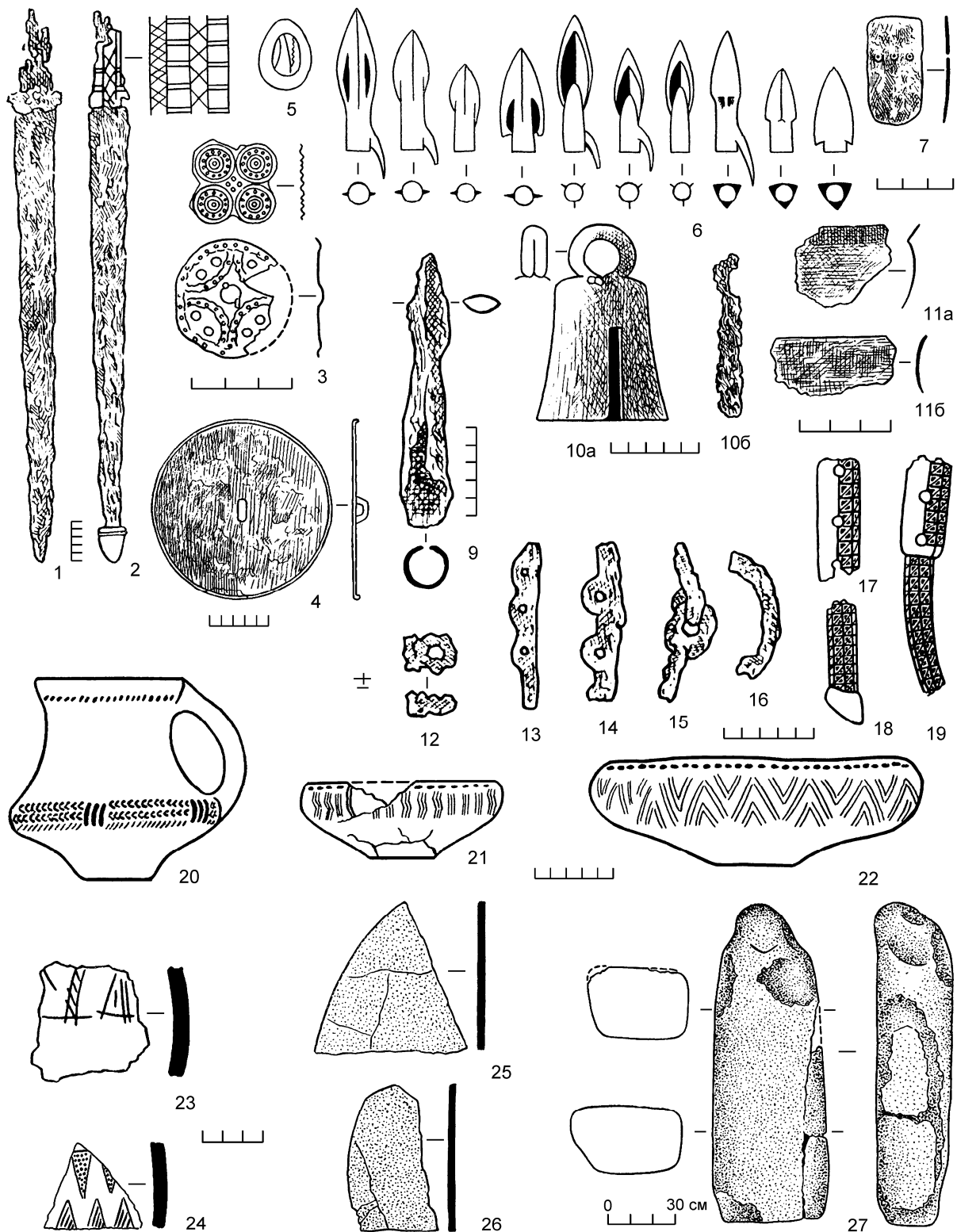
1 – меч; 2 – меч с обкладкой рукояти и наконечником ножен; 3 – накладки; 4 – зеркало; 5 – раковины каури; 6 – наконечники стрел; 7 – панцирные пластинки; 8 – красящее вещество (реальгар ?); 9 – наконечник копья; 10 – колокольчик (а) с язычком (б); 11 – фрагменты двух чаш; 12–16 – фрагменты удил и псалий; 17–19 – фрагменты псалий; 20 – чарка; 21 – миска; 22 – миска; 23 – фрагмент миски (22); 24 – сосуд; 25–26 – фрагменты плит; 28 – гальки; а – локализация вещей, подвергшихся воздействию огня; б – локализация костей человека, подвергшихся воздействию огня (Батчаев и др., 1985. Табл. 40; Назоев и др., 1979б. Рис. 91-а).

Fig. 9. Cemetery of Nartan. Barrow 16. Burial chamber, plan and section:

1 – sword; 2 – sword with a handle plating and chape; 3 – mounts; 4 – mirror; 5 – cowry shells; 6 – arrowheads; 7 – armour plates; 8 – dye (realgar ?); 9 – spearhead; 10 – small bell (a) with the clapper (b); 11 – fragments of two bowls; 12–16 – fragments of bits and cheekpieces; 17–19 – fragments of cheekpieces; 20 – cup; 21 – bowl; 22 – bowl; 23 – fragments of bowl (22); 24 – jar; 25–26 – fragments of flagstones; 28 – pebbles; a – find-spots of objects effected by fire; b – find-spots of human bones effected by fire.

Fig. 10. Cemetery of Nartan. Barrow 16. Grave goods:

1 – sword; 2 – sword with handle plating and chape; 3 – mounts; 4 – mirror; 5 – cowry shells; 6 – arrowheads; 7 – armour plates; 9 – spearhead; 10 – small bell (a) with the clapper (b); 11 – fragments of two bowls; 12–16 – fragments of bits and cheekpieces; 17–19 – fragments of cheekpieces; 20 – cup; 21 – bowl; 22 – bowl; 23 – fragments of bowl (22); 24 – jar; 25–26 – fragments of flagstones; 27 – anthropomorphic stele. 1, 7, 9, 12–16 – iron, 2 – iron, gold, 3 – gold, 4, 6, 11 – bronze, 5 – seashells, 10 – bronze (a), iron (b), 17–19 – bone, 20–24 – ceramics, 25–26 – pink granite (pink tufa?), 27 – gray tufa.

Рис. 10. Могильник Нартан. Курган 16. Инвентарь:

1 – меч; 2 – меч с обкладкой рукояти и наконечником ножен; 3 – накладки; 4 – зеркало; 5 – раковины каури; 6 – наконечники стрел; 7 – панцирные пластинки; 8 – наконечник копья; 10 – колокольчик (а) с язычком (б); 11 – фрагменты двух чаш; 12–16 – фрагменты удил и псалий; 17–19 – фрагменты псалий; 20 – чарка; 21 – миска; 22 – миска; 23 – фрагмент миски (22); 24 – сосуд; 25–26 – фрагменты плит; 27 – антропоморфная стела (Батчаев и др., 1985. Табл. 41).

1, 7, 9, 12–16 – железо, 2 – железо, золото, 3 – золото, 4, 6, 11 – бронза, 5 – раковины, 10 – бронза (а), железо (б), 17–19 – кость, 20–24 – керамика, 25–26 – розовый гранит (розовый туф?), 27 – серый туф.

Следует упомянуть и близкий к Мельгуновскому Криворожский курган, также содержащий захоронение, совершенное по обряду кремации. Среди прочего сопроводительного инвентаря в этих двух курганах были найдены детали парадной мебели переднеазиатского происхождения. А. П. Манцевич, рассматривая эти курганы наряду с келермесскими, считала, что детали мебели из Криворожского, Мельгуновского и Келермесского курганов «не могут быть позднее конца VII в. до н. э., так как мебель этого стиля изображена только на рельефах (дворца Ниневии. – *примеч. авт.*) VII или даже конца VIII в. до н. э.» (Манцевич, 1958. С. 201). При этом она полагала, что Криворожский и Мельгуновский курганы «принадлежат знатым представителям одной и той же культурно-племенной среды начала VI в. до н. э. в Северном Причерноморье» (Там же).

Н. М. Бокий отметил, что в скифское время на правом берегу лесостепного Поднепровья преобладали погребальные сооружения с деревянными конструкциями, которые иногда сжигались вместе с погребенным и сопроводительным инвентарем. Обряд трупосожжения встречался реже, чем обряд ингумации. В связи с этим Н. М. Бокий предположил, что обряд кремации в силу своей дороговизны был доступен только богатым людям (Бокий, 1974. С. 271). Эта версия подтверждается материалами Нартанского могильника, так как курганы №№ 12, 13 и 16 относятся к группе самых богатых погребений этого памятника.

Появление обряда кремации в Предкавказье относится ко времени, предшествующему появлению здесь скифов. По мнению В. И. Козенковой, он был принесен сюда с территории Подунавья в конце II тыс. до н. э. этносом, впоследствии растворившимся в среде носителей кобанской культуры, и местами продолжал сосуществовать наряду с обрядом ингумации, распространившись отсюда в VIII–VII вв. до н. э. в Закавказье, в ареал распространения колхидской культуры (Козенкова, 1982. С. 30–31). Кремация совершалась как на месте погребения, так и на стороне и, как правило, проводилась в случае коллективных захоронений. Но помимо применения огня другие признаки рассматриваемых погребальных комплексов в захоронениях кобанской культуры аналогий не находят.

В течение 1973–1975 и 1978–1980 гг. проводились исследования Краснознаменского мо-

гильника, располагавшегося в Александровском районе Ставропольского района (Петренко, 2006). Всего было раскопано девять курганов и во всех открыты захоронения, совершенные по обряду трупоположения. Тем не менее в большинстве курганов зафиксированы различные следы применения огня – от фиксации отдельных угольков до сожжения деревянного погребального сооружения. Особый интерес представляет сооружение, обнаруженное под насыпью кургана № 1, интерпретированное автором раскопок как «храм огня». Этот комплекс состоял из двух замкнутых помещений. Здесь был обнаружен каменный корытообразный жертвенник со слоем золы и угля толщиной 0,13 м на поверхности, вокруг которого не было следов горения огня. Сам жертвенник располагался на двух каменных плитах, отделявших его от земли (Там же. С. 31–34).

Аналогии «храму огня» из кургана № 1 Краснознаменского могильника есть на территории древнего государства Мидия. Тщательное изучение данного сооружения привело В. Г. Петренко к выводу, что «религия людей, оставивших этот и близкие ему могильники, была религией огнепоклонников, в значительной степени адекватной религии иранских племен Переднего Востока, несшей в своей основе существенные элементы зороастризма» (Петренко, 1983. С. 43–48; 1989. С. 218).

Рассмотренные нами курганы №№ 12, 13 и 16 Нартанского могильника, захоронения в которых были совершены по обряду кремации, как уже отмечалось выше, относятся к группе наиболее ранних погребений этого некрополя. По устройству курганы Нартанского могильника, содержавшие погребения, совершенные по обряду кремации, не отличаются от остальных курганов могильника с ингумациями. Но следует обратить внимание на то обстоятельство, что из трех курганов, где был проведен обряд кремации, в двух были обнаружены парные столбовые ямы. Несмотря на то что неясным остается их назначение (одни были установлены в самой погребальной камере, другие – за ее пределами, в насыпи), представляется интересным тот факт, что в Нартанском могильнике столбы встречаются только в курганах №№ 12 и 13, содержавших погребения, совершенные по обряду кремации. Вполне возможно, что между обрядом, предполагающим сожжение погребальной камеры вместе со всем ее содержимым, и наличием подпирающих конструкцию столбов есть связь.

Основные черты погребального обряда Нартанского могильника, а именно наличие курганных насыпей, значительные размеры могильных ям, слой «хвороста», перекрывающий материковый выкид, остатки столбовых и срубных конструкций, сопроводительные захоронения лошадей, находят аналогии в таких памятниках раннескифского времени Северного Кавказа, как Новозаведенский, Краснознаменский и Келермесский могильники. Эти комплексы ярко выделяются на фоне распространенного в это время в Предкавказье погребального обряда. Все они принадлежат военизированной группе кочевников. Вариативность погребального обряда в каждом из упомянутых могильников может отражать как неоднородность «скифского этноса», так и влияние локальных культурных традиций. В этом ключе можно рассматривать и появление в Нартанском могильнике кремаций, не свойственных скифской культуре в целом.

Батчаев и др., 1985 – *Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Керефов Б. М.* Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2.

Бокий, 1974 – *Бокий Н. М.* Скифский курган у с. Медероно // Советская археология. М., 1974. № 4.

Керефов, 1985 – *Керефов Б. М.* Охранные работы в Кабардино-Балкарии // Археологические открытия 1983 года. М., 1985.

Керефов, 1986 – *Керефов Б. М.* Новые погребальные комплексы скифского времени из Кабардино-Балкарии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

Керефов, Кармов, 2009 – *Керефов Б. М., Кармов Т. М.* Нартан-2. Курганный могильник скифского времени. Нальчик, 2009.

Козенкова, 1982 – *Козенкова В. И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // Советская археология. М., 1982. № 3.

Манцевич, 1958 – *Манцевич А. П.* Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитва // Советская археология. М., 1958. № 2.

Махортых, 1991 – *Махортых С. В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.

Нагоев и др., 1979а – *Нагоев А. Х., Бетрозов Р. Ж., Батчаев В. М.* Отчет об археологических раскопках 1978–1979 гг. в районе с. Нартан // Архив ИА. Р-1, № 7509. 1979.

Нагоев и др., 1979б – *Нагоев А. Х., Бетрозов Р. Ж., Батчаев В. М.* Альбом иллюстраций к отчету об археологических раскопках 1978–1979 гг. в районе с. Нартан // Архив ИА. Р-1, № 7509а. 1979.

Отчет..., 1900 – Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1897 год. СПб., 1900.

Петренко, 1983 – *Петренко В. Г.* Скифская культура на Северном Кавказе // Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры. Л., 1983 (АСГЭ; № 23).

Петренко, 1989 – *Петренко В. Г.* Скифы на Северном Кавказе // Степи Евразии в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).

Петренко, 2006 – *Петренко В. Г.* Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо, 2006.

Придик, 1911 – *Придик Е.* Мельгуновский клад 1763 года. СПб., 1911.

Cremation rite at a Scythian burial ground in the Nartan cemetery

Yu. V. Marchenko

The burial ground of Nartan comprising 24 barrows is dating from the Scythian period. Its kurgans contained paired and single graves while under four mounds no human remains were found. The funerary rite differed in particular burials: 27 interments were made according to the inhumation rite whereas in three barrows the cremation rite was recorded. The present paper is devoted exactly to the cremation burials.

Kurgans nos. 12, 13 and 16 at the Nartan cemetery belong to the group of the earliest burials of the necropolis under consideration. During their excavation, there were found pits from posts, wooden log structures on the bottom of the graves, stone slabs (altars?) and accompanying horse burials. Traces of fire were found not on all the grave goods. Analysis

of the arrangement of burnt goods in the graves suggests that the bodies of the deceased and carcasses of bridled horses accompanying the dead to the other world were cremated. The other grave offerings were not subjected to the effects of fire.

The rite of cremation is not typical to the early Scythian complexes of the Northern Caucasus but it is known by the Scythian population which lived in other territories. The ritual kindling of a fire during the practice of the rite of interment has parallels in Scythian monuments of the Ciscaucasia synchronous to the Nartan barrows.

It is possible that the burials with cremations at the Nartan cemetery are an archaeological indication of the influence of the ancient Iranian cult of fire on the early Scythian funerary practice.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТЕ И РЕЛИГИИ
В ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЯХ АРМЕНИИ
ВО ВТОРОЙ–ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТЯХ I ТЫС. ДО Н. Э.
(МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИНОКУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ)¹**

Г. М. Саргсян, А. В. Гнуни²

Настоящая статья посвящена анализу новых данных о культуре и религии в Сюникско-Арцахском регионе исторической Армении. Начало I тыс. до н. э. на территории Закавказья ознаменовалось громадными политическими переменами, связанными с урартским проникновением в регион, развитием и падением Урарту. Падение урартской державы в VI в. до н. э. не могло привести к определенной активизации влияния соседнего Ирана, которое прослеживается как в формах, так и в орнаментации южносюникской и арцахской керамики указанного периода. Многочисленные параллели с иранским миром прослеживаются не только в материальной, но и в духовной культуре, в частности, в погребальном обряде и верованиях населения Арцаха и Сюника. В статье подробно рассматривается ряд новонайденных памятников указанного периода (Керен, Каркар, Дашушен), а также их параллели в Закавказье и в Иранском мире. Анализ археологических данных позволяет предположить, что, развиваясь на безусловно местной основе, материальная культура, а также культ и ритуалы в восточных областях исторической Армении в течении I тыс. до н. э. претерпевали значительные изменения, связанные с политической гегемонией Урарту, а затем и Ирана.

This paper is devoted to analysis of new evidence on the cult and religion in the Syunik-Artsakh region of historical Armenia. The beginning of the 1st millennium BC was marked in the territory of Transcaucasia by enormous political changes caused by Urartu's penetration, the rise and fall of Urartu. The collapse of the Urartu Empire in the 6th century BC could not have occurred without certain activation of the influence of the neighbouring Iran that is traceable both in the forms and ornamentation of the south-Syunik and Artsakh pottery of that period. Numerous parallels from the Iranian World are manifested not only in the material culture but also in the spiritual one, in particular, in the funerary rite and religious beliefs of the population of Artsakh and Syunik. In this paper, a series of newly discovered sites of the period under consideration (Keren, Karkar, Dashushen) are considered in detail, as well as their parallels in the Transcaucasia and Iranian World. Analysis of archaeological evidence suggests that, although developing on the undoubtedly local basis, the material culture and the cult and rituals in the eastern regions of historical Armenia underwent during the 1st millennium BC considerable changes related with the political hegemony of Urartu and, subsequently, Iran.

Ключевые слова: Урарту, Иран, Сюник, Арцах, Каркар, Керен, храм, Авеста, хаома, фаллос, зороастризм, алтарь, пуп-камень

Keywords: Urartu, Iran, Syunik, Artsakh, Karkar, Keren, temple, Avesta, haoma, phallic sculptures, Zoroastrianism, altar, omphalos stone.

---

¹ Работа А. Гнуни над настоящей статьей проведена в рамках выполнения темы «Исторический Сюник в эпоху бронзы и железа (согласно новейшим археологическим данным)».

² Саргсян Г. М. – Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Таирова, 15. «Служба по охране исторической среды и историко-культурных музеев-заповедников» ГНО Министерства культуры РА.

Гнуни А. В. – Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Х. Абовяна, 52. Ереванский государственный университет. Кафедра археологии и этнографии.

Политическая ситуация в восточных областях Армянского нагорья в I тыс. до н. э. Начало I тыс. до н. э. на территории Закавказья ознаменовалось громадными политическими переменами, связанными с урартским проникновением в регион, что не могло не отразиться на всех аспектах материальной и духовной культуры. Первое проникновение войск Ванского царства на арацское левобережье, согласно Одзасарской надписи, произошло еще в последних десятилетиях IX в. до н. э. (*Hmayakyan et al.*, 1996. P. 144–146). Вероятность проникновения войск Ванского царства в указанный регион не исключал еще Б. Б. Пиотровский (*Пиотровский*, 1959. С. 64). Наиболее значимыми памятниками урартской культуры в предгорьях Сюника являются урартская крепость в Гетапе (Ехегнадзорский регион Вайоцзорской области РА) (*Melkonyan et al.*, 2010. P. 92–93, 95), а также погребения в Ехегнадзоре и Малишке (Ехегнадзорский регион Сюникской области РА) (*Есаян, Хнкикян*, 1990. С. 34–38; *Xnkikyan*, 2002. P. 93–95).

Определенная информация об урартском присутствии в южных регионах Армении содержится также в клинописных надписях из Аревиса и Танаата (Сисианский регион Сюникской области РА) (*Арутюнян*, 1985. С. 92, 126, 236).

Однако данные относительно присутствия Урарту в южных регионах Сюника и исторической области Арцах крайне скудны. По мнению О. Карагезяна, некоторые топонимы данного региона (Горис, Бердзор, Агаеджк, Джермаджур) встречаются в урартских надписях (*Арутюнян*, 1985. С. 89–92, 126, 236, 252; *Карагезян*, 1998. С. 110, 124, 135, 143, 147, 152, 170, 184, 190, 253). В этой связи следует упомянуть скульптуру льва из с. Сзнак (Капанский регион Сюникской области РА), изготовленную согласно всем канонам урартского искусства (*Есаян, Шагинян*, 1962. С. 205–206). В Арцахском регионе урартское присутствие впервые зафиксировано в 1994 г. недалеко от г. Гадрут Нагорно-Карабахской Республики, где было обнаружено и карасное погребение (*Симонян, Гнуни*, 1996. С. 70–71). Карасные погребения зафиксированы также в Керене (Кашатагский район НКР).³ Они имеют параллели в урартском колумбарии в Нор Ареше (Ереван) (*Гнуни*, 2014. С. 161, 167). В то же время от-

дельные формы южносюникской керамики, в частности из раскопок Аржиса, Хота (Горисский регион Сюникской области РА), Шикаоха, Танзавера (Капанский регион Сюникской области) (*Xnkikyan*, 2002. P. 81, pl. LXXV, 17; LXXVIII, 3, 15), Керена (*Гнуни*, 2014. С. 152–155), свидетельствуют о несомненном урартском влиянии.

Усиление иранского влияния. Падение урартской державы в VI в. до н. э. не могло не привести к определенной активизации влияния соседнего Ирана (*Tiratsyan*, 2003. P. 23–25). Оно прослеживается как в формах, так и в орнаментации южносюникской и арцахской керамики указанного периода. Это прежде всего сосуды с шаровидным туловом и цилиндрической шейкой (*Реза Хатбари*, 1996. С. 117, рис. д, в; с. 118, рис. м). Особо следует отметить сосуд с округлым туловом и короткой шейкой (Кашатагский краеведческий музей НКР (далее – КашКМ) № 192(21)), ближайшим аналогом которому является бронзовый сосуд из Кармир Блура. Последний, в свою очередь похож на изображение сосуда на пластине из Аму-дарьинского клада (*Tiratsyan*, 2003. P. 205).

Многочисленные аналоги в иранском мире обнаруживают также сосуды с носиком, количество которых позволяет разделить их на несколько групп: а – сосуды с прямыми носиками (Керенские погребения № 90, 97, 101, Шикаох (Капанский краеведческий музей – далее ККМ) № 776), Хнацах (Горисский регион Сюникской области РА), параллели которым есть в керамике из Суз, Амлаша, Хурвина, Тепе Аграба и др. (*Vanden Berghe*, 1966. P. 86; *Iranian Ceramic Assemblages...*, A 54051/19886, A 54096/19970; *Muskarella*, 1973 P. 56, fig. 14, 4, 5; *Луконин*, 1977. С. 38), б – изогнутые, часто зооморфные носики (Керенское погребение № 96, Ахлатян (Сисианский регион Сюникской области РА), Дицмайри, Капанский Техут (Капанский регион Сюникской области РА – ККМ 7558, 1002). Носики подобной конструкции известны из Колорза, Зивие, Амлаша (*Асратян*, 1985. С. 169–170, рис. 4а; *Реза Хатбари*, 1996. С. 118, рис. п; *Iranian Ceramic Assemblages...*, № 28699/25965; *A Guide...*, 2010. P. 73–74; *Vanden Berghe*, 1966. P. 113–115, pl. 143, b), в – сосуды с носиками, спаренными с корзинообразными ручками. Такие сосуды известны не только в южных областях Армении (Керенское погребение № 101, Хндзореска (Горисский регион Сюникской обл. РА), Норашеника (Капанский регион Сюникской обл. РА – ККМ

³ Керенский могильник раскапывается с 2003 г. экспедицией НИИ Культурного наследия Министерства культуры РА (руководитель экспедиции – А. В. Гнуни).

№ 3811), но также из Двина и Ширакавана (Ширакская обл. РА) (*Торосян и др.*, 2002. С. 113, рис. 3, табл. LXV, 8; *Xnkikyuan*, 2002. Pl. LVI, 6). В Иране сосуды подобного рода известны еще в период поздней бронзы (Тель-и-Шуга). В материалах железного века таковые известны из Хасанлу и Луристана (*Vanden Berghe*, 1966. P. 43–44, 93–95, 116; pl. 53, b; 123, a, b; 146, a; *Погребова*, 1977. С. 104–105; *Iranian Ceramic Assemblages...*, № 24340/2718 и № 283803/24331).

Многочисленные аналогии имеются и в орнаментации сосудов. В частности, наиболее распространенный в Керене соляренный орнамент (центральная окружность, окруженная точками) имеет многочисленные параллели в иранском материале (ср. медальон из Марлика) (*Negahban*, 1965. P. 318, fig. 13).

Многочисленные параллели в иранском керамическом материале имеет также сюнисккая зооморфная керамика и керамика с зооморфными элементами, в частности с зооморфными ручками (КашКМ 162, 178, 180/21) (*Симонян и др.*, 2007. С. 28). Среди последних следует отметить черпаки с зооморфными ручками из Керена (рис. 1, 3), Ахлатяна и Моза (Ехегнадзорский регион Вайоц Дзорской обл. РА, Ехегнадзорский краеведческий музей (ЕКМ 1287/3679)). Зооморфные керамические ручки, изображающие быка, барана и горного козла, найдены также в раскопе № 2 городища Каркар (рис. 1, 1, 2). Черпаки с зооморфными ручками известны в керамическом материале из Суз, Хасанлу, Сиалка и Зивие (*Погребова*, 1977. С. 89). В сюнискской керамике второй четверти I тыс. до н. э. определенное место занимают сосуды типа «кернос» из погребений Тандзавера, Шикаоха и Капанского Техута (ККМ 84, 85). Керносы этого типа имеют параллели в Персеполе (*Girshman*, 1954. P. 184).

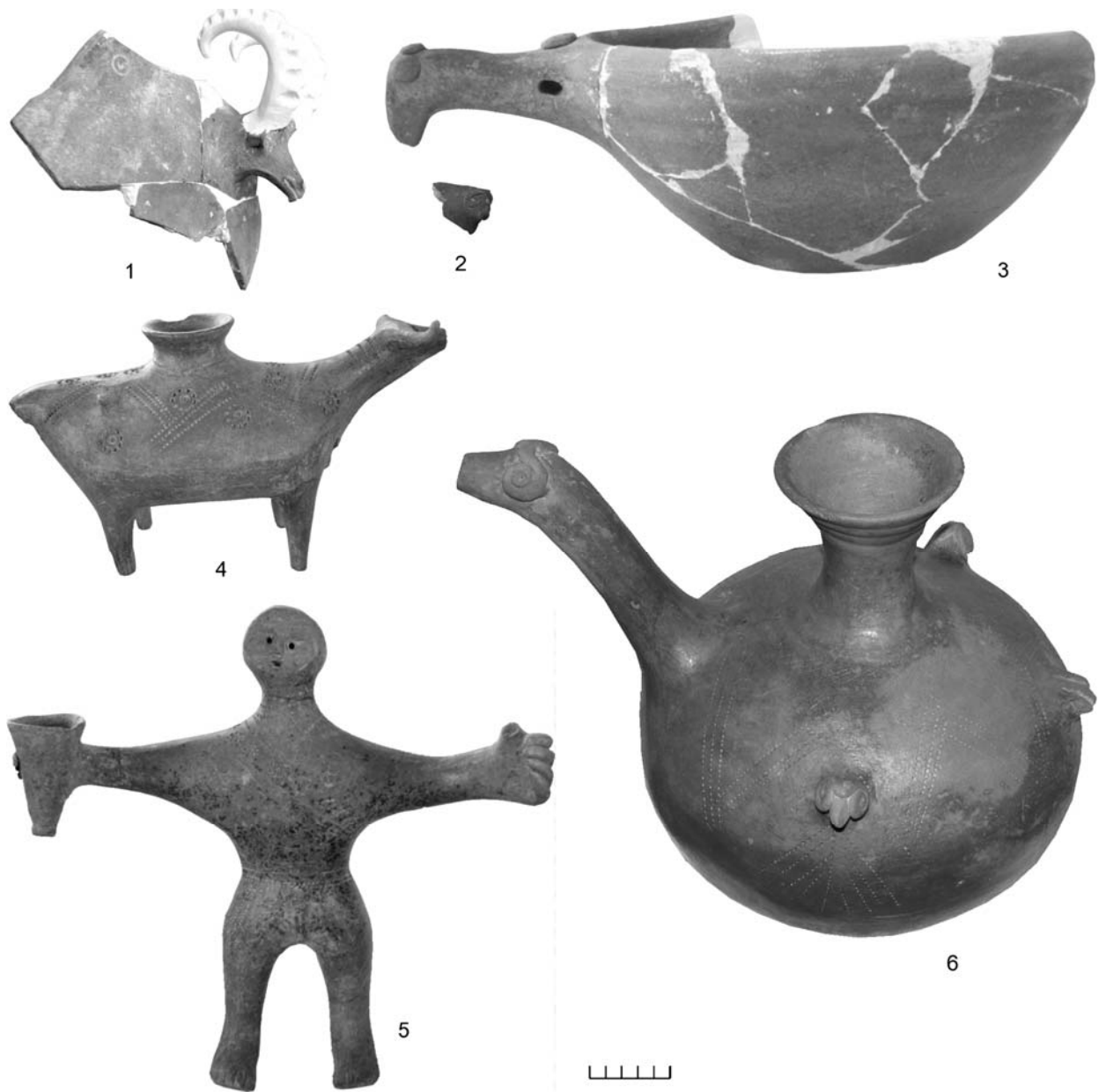
Определенные параллели с иранским миром прослеживаются также в глиняной антропоморфной пластике. В этой связи следует упомянуть статуэтку из Керенского погребения № 64 (рис. 1, 5) (*Гнуни*, 2006. С. 215). По манере исполнения данная статуэтка выполнена в местной традиции. На плоском лице рельефно выделяются лоб и нос, глаза и рот отмечены глубокими отверстиями и щелями. Шея и грудь украшены ожерельем, руки и лоб – точечным орнаментом, обозначающим браслеты и диадему. Через плечо была перекинута перевязь, обозначенная небрежными параллельными линиями, между которыми были расположены проштампованные

солярные знаки, на талии – аналогично обозначен пояс с точечным орнаментом в нижней части. Наиболее близкий аналог указанной статуэтке обнаружен в Капанском Техуте (ККМ 1017). Статуэтки с сосудом в руке известны в Иране (Марлик тепе, Луристан) (*Negahban*, 1965. P. 17).

Параллели в духовной культуре. Многочисленные параллели с иранским миром прослеживаются не только в материальной, но и в духовной культуре. Данные археологии позволяют проследить параллели и в погребальном обряде, и в верованиях населения Арцаха и Сюника. Во многих керенских погребениях VII–VI вв. до Р. Х. костяк покоится на своеобразной грунтовой подстилке. Таким образом исключался непосредственный контакт покойника и ритуально чистой земли, в соответствии в Авестийскими традициями (Авеста. Видевдат. VIII 8). При этом в более ранних памятниках подобного обряда нет.

Определенные параллели в иранском мире имеют также «колодезные» погребения из Уйца (Сисианский регион Сюникской области РА) (*Зардарян и др.*, 2012. С. 124–125; *Бойс*, 1988. С. 22). В этом же контексте следует рассмотреть колодцы со священными поминальными огнями из дворцово-культурного комплекса первых веков нашей эры в Хорезме (Древнейшие государства..., 1985. С. 323).

С точки зрения авестийской религии можно расценить также сосуды с носиком, которые особенно распространяются с начала I тыс. до Р. Х. Жертвенные возлияния вином и другими напитками часто упоминаются в иранских текстах (Авеста, Ясна, 2, 3–4, Яшт 1, 9; *Дандамаев*, 1974. С. 18–22). При этом упоминаются возлияния водой, молоком и хаомой (последняя кроме самостоятельного культового продукта упоминается также в качестве ингредиента к другим продуктам возлияния) (Авеста, Ясна, 2, 13, Яшт, 20, 13; 20, 20 *Бойс*, 1988. С. 12). По всей вероятности, именно такое возлияние было «спроектировано» в Керенском погребении № 64 (*Гнуни*, 2006. С. 215), где расположенная в центральной части погребения глиняная статуэтка держала в правой руке конический чуть изогнутый ритон. Статуэтка «обнимала» сосуд типа «кернос». У правой руки статуэтки располагался зооморфный сосуд в виде быка или коровы (рис. 1, 4), перед керносом большое блюдо, два спаренных сосуда, а с правой стороны – ряд кувшинов. Сосуды с зооморфными и антропоморфными скульптурами известны из Тандзавера

Рис. 1. Сосуды с зооморфными элементами и антропоморфная скульптура:

1 – керамическая ручка сосуда в виде головы горного козла, Каркар; 2 – керамическая ручка сосуда в виде головы буйвола, Каркар; 3 – черпак с зооморфной ручкой из погребения 54, Керен; 4 – зооморфный сосуд из погребения 64, Керен; 5 – антропоморфная скульптура из погребения 64, Керен; 6 – сосуд с зооморфными ручками из погребения 96, Керен.

Fig. 1. Pottery with zoomorphic elements and anthropomorphic sculptures:

1 – ceramic vessel handle in the form of mountain goat, Karkar; 2 – ceramic vessel handle in the form of bull's head, Karkar; 3 – scoop with a zoomorphic handle from burial 54, Keren; 4 – zoomorphic vessel from burial 64, Keren; 5 – anthropomorphic sculpture from burial 64, Keren; 6 – jar with zoomorphic handles from burial 96, Keren.

(Капанский регион Сюникской области РА) и Тегеранского музея. Однако в керносах из Тандзавера и Тегеранского музея зооморфные и антропоморфные элементы были включены в единый сосуд (Хнкикян, 2002. Р. 90–91, pl. LXXXVI, 28; Negahban, 1965. Р. 17; Погребова, 1977. С. 94–95), в то время как в Керене композиция созда-

валась из разных предметов. Указанные параллели позволяют сделать вывод, что смысловым центром композиции и являлся сосуд типа «кернос».

Каркарский храм и его раскопки (рис. 2). В ряду культовых сооружений Армении особое место занимает святилище в древнем Каркаре

(Аскеранский р-н НКР).⁴ Новонайденное городище Каркар находится в самом центре Нагорно-Карабахской Республики в равноудаленном расстоянии в 2,6 км между городами Степанакерт и Шуши. Городище расположено на сложном из осадочных пород ровном мысообразном плато (950–1005 м над уровнем моря), ориентированном с востока на запад и окаймленном с востока ущельем р. Каркар, а с запада – глубоким ущельем речки Зарун баги джур. Центральный квартал представлял собой укрепленный участок, причем наиболее ранние укрепления были сооружены еще в эпоху развития железного века.

Культовое сооружение Каркарского городища – храм раскопан Каркарской археологической экспедицией Управления по туризму и охране исторического ландшафта при правительстве НКР в 2013 г. Оно расположено в южной части центрального квартала (раскоп № 5), на еле заметном холме, что является высшей точкой верхней террасы, доминирующей над центральным кварталом. Географические координаты храмового комплекса – N 39 47 07,1 E. 46 46 09,1 Alt. 999 м.

Многоугольный в плане комплекс размерами 22 × 17 м образовывали внутренний дворик и собственно храмовое сооружение.⁵ Внутренний дворик комплекса был окаймлен со всех сторон каменной стеной-оградой, сохранившейся до высоты 0,6 м. К южной стене примыкала скамья-мастаба высотой 0,5 и шириной 0,7 м. Со стороны центрального квартала в восточной части северной стены-ограды напротив мастабы сохранился главный вход комплекса шириной в 2,0 м. По левую сторону главного входа каменная ограда внутреннего дворика преломляясь меняет направление и на 2,5 м входит во двор, образуя с обратной стороны рукав, как бы заботливо обнимающий и ограждающий фаллообразный скальный выступ.⁶ Последний пред-

ставляет собой выступающую часть естественной материковой породы осадочной брекчии, специально отесанной и оглаженной в форме округлого конуса высотой в 0,7 м и диаметром 1,5 м. Примечательно, что фаллообразный конус получился вследствие искусственной нивелировки пола внутреннего дворика посредством выдалбливания и снятия породы материка вокруг выступа, что еще раз подчеркивает его особое предназначение.

Тут уместно отметить еще одну особенность фаллообразного пупа-камня. Спектральный анализ породы пупа-камня, проведенный в центральной аналитической лаборатории Арцахской геологической экспедиции под руководством акад. Г. Габриелянца, выявил невероятно высокое содержание полиметаллов, где только титан зафиксирован в количестве 7447 г на тонну породы. При этом данная особенность наблюдается только на фаллообразном выступе, а не на поверхности пола внутреннего дворика, которая фактически есть продолжение той же геологической структуры.

В западной части культового комплекса зафиксированы следы большого, прямоугольного в плане помещения – собственно храма, с единственным входом со стороны внутреннего дворика шириной 1,2 м.

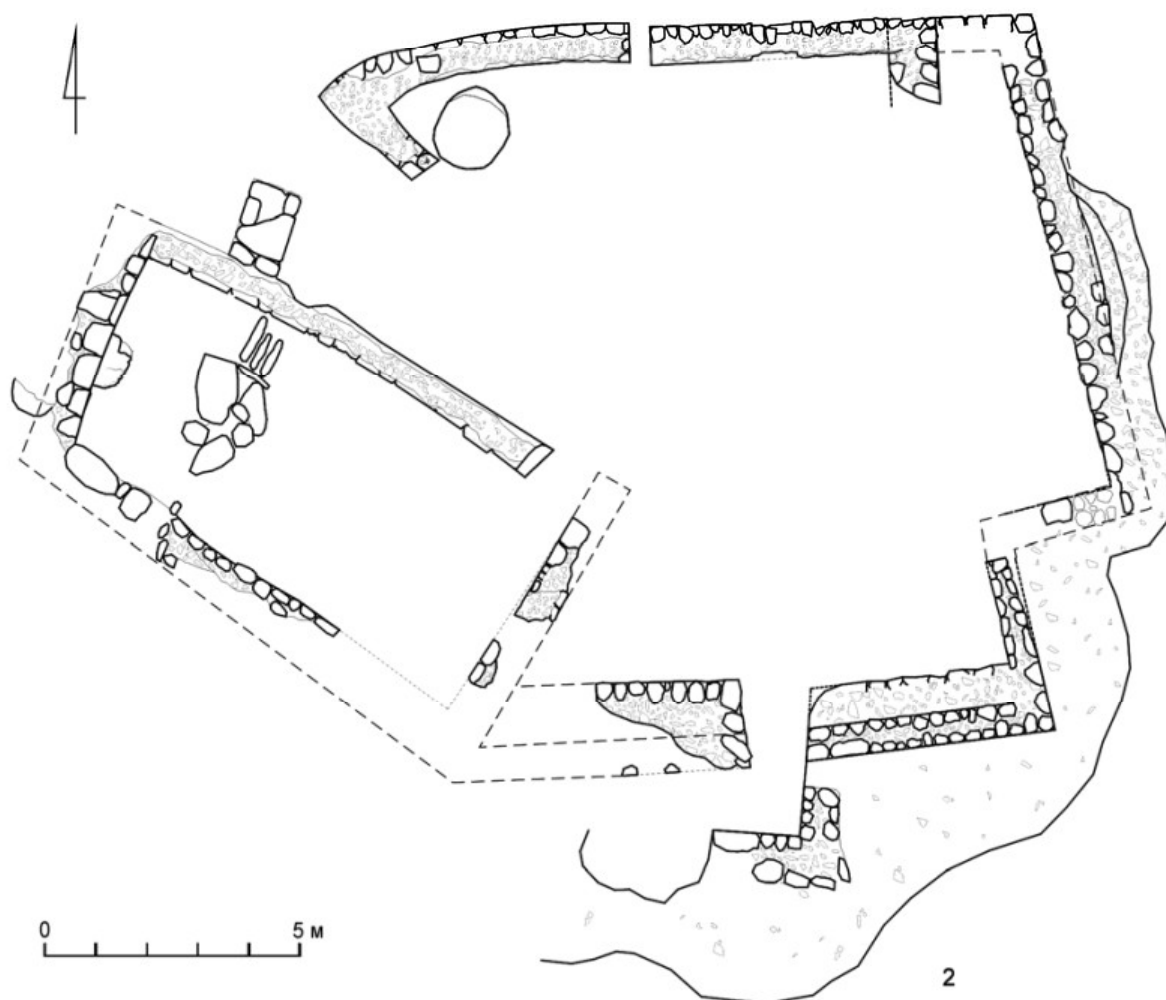
В центральной части помещения с некоторым смещением к северу были зафиксированы вертикально поставленные впритык три больших скальных блока, по всей вероятности составляющие вместе постамент идола или чаши с огнем. Примечательно, что эти необработанные известковые блоки специально принесены извне и для установки в вертикальном положении укреплены в основании мелкими камнями. Данная конструкция фактически делит помещение на две неравные части, которые сообщались между собой узкими проходами, образованными между постаментом и продольными стенами помещения. Тем самым постамент с стоящим на нем идолом или горящим огнем свободно обозревался со всех сторон.

Следует отметить, что только восточный угол комплекса стоял на естественном скальном выступе, в то время как остальная часть помещения покоилась на искусственной платформе, на которой и стоял вышеуказанный постамент. Искусственная насыпь поддерживалась каменной кладкой, которая под восточной стеной ограды четко вырисовывается в виде стилобата.

⁴ Каркарское городище раскапывается с 2011 г. экспедицией Управления по туризму НКР (руководитель экспедиции Г. Саргсян).

⁵ На расстоянии 1,5–3 м от северной стены комплекса были обнаружены полуразрушенные остатки еще одного сооружения, состоящего из трех фрагментарно сохранившихся комнат, в том числе и из хозяйственной пристройки, однако анализ керамики позволяет предположить его постройку в III–I вв. до н. э.

⁶ Подобные фаллообразные выступы в армянской этнографической литературе называются «порткакар» – «пуп-камень» (Лисицян, 1966. С. 200).

Рис. 2. 1 – общий вид святилища Каркара с северо-запада. Городище Каркар; 2 – план святилища (VI–IV вв. до н. э.).

Fig. 2. 1 – general northwestern view of the sanctuary of Karkar. Townsite of Karkar; 2 – plan of the sanctuary (6th–4th century BC).

Среди немногочисленного керамического материала, обнаруженного в культовом помещении, надо отметить фрагменты сосуда с круглым туловом, большой полукруглой ручкой и характерно изогнутой в виде носика венчиком который перекликается с так называемыми сосудами для возлияний. Среди находок много маленьких каменных ступ и пестиков явно не хозяйственного предназначения, а также каменное колесо в 22 см в диаметре с отверстием в середине. Археологический материал храмового комплекса датируется VI–V вв. до Р. Х.

Конструктивные особенности Каркарского святилища имеют параллели как в иранском, так и в местном материале.

1. Постройка основного помещения на искусственной платформе кроме чисто конструктивных соображений (увеличение используемой площади) подчеркивала также значимость культовой постройки. Искусственную платформу Каркарского святилища можно сопоставить со стилобатами, на которых были сооружены храмовые постройки Армавира (Торосян, 1981. С. 11). В среднеазиатских святилищах стилобат зафиксирован в Еркургане и в Пенджикенте (Шкода, 2009. С. 26; Древнейшие государства..., 1985. С. 281–282).

2. Внутренний дворик являлся одной из отличительных черт зороастрийских храмов, в том числе и в храме в Зеле (Бойс, 1988. С. 75). Для культовых целей служил также внутренний дворик перед большим храмом огня в Эребуни (Оганесян, 1980. С. 101–104).

Огороженный внутренний дворик виден и в модели храма из Астхиблур (Ноемберянский регион Тавушской области РА) (Есаян, 1976. С. 231, табл. 29).

Однако внутренние дворики известны в более раннем периоде. Внутренний дворик известен в святилище раннего железного века в Двине (Кушнарцева, 1977. С. 10–11). Для ритуальных целей использовались дворы жилых помещений в Тейшебаини. Помещение без перекрытия служило в Тейшебаини для хранения костей жертвенных животных (Оганесян, 1955. С. 28–29, 60).

В более позднем периоде внутренние дворики имелись также в Охмикском храмовом комплексе первых веков нашей эры (Амасийской регион Ширакской области РА) (Акопян, 2003. С. 131–132).

Храмовые дворы имеются и в более поздних храмах Пенджикента (Шкода, 2009. С. 27–28).

Что касается скамьи-мастабы, то она зафиксирована в ряде памятников, в частности, в Кети, Ширикаване (Петросян, 1988. С. 28; Торосян и др., 2002. С. 72–73).

Постамент в Каркарском храме был расположен с учетом возможности ритуального обхода. Это сближает концепцию ритуала с коридорообразными проходами ахеменидских культовых построек, древнейшей из которых является храм в Оксе (Шкода, 2009. С. 61, 63). В Армении такие коридорообразные проходы зафиксированы в дворце-святилище Драсханакерт (Ширакская область РА) (Тер-Мартirosов, 2003. С. 122).

Центральное расположение жертвенника зафиксировано в урартских комплексах Арагаца и Арамуса (Аветисян Г., 2001. С. 33, 42), позднеурартской храмовой постройке Аргиштихинили (Тиранян, Карапетян, 1994. С. 29), а также в хозяйственном помещении Тейшебаини (Оганесян, 1955. С. 60–61). Центральное расположение очага-алтаря было зафиксировано в святилище позднего бронзового века в Гехароте (Арагацотнская область РА) (Бадалян, Аветисян, 2005. С. 109–110), также в модели культовой площадки из Кайцун Берда (Тавушская обл. РА) (Есаян, 1980. С. 57, табл. 58, 2).

В иранских святилищах обводные коридоры зафиксированы в Кухи (Бойс, 1988. С. 105–107), а в среднеазиатских святилищах – в Гяры-Кяризе (Древнейшие государства..., 1985. С. 219). Центральное расположение алтаря наблюдается в Мансурдепе, Зартепе, Пенджикенте (Шкода, 2009. С. 26; Древнейшие государства..., 1985. С. 219, 281).

В то же время в многочисленных культовых помещениях Армении периода поздней бронзы и железа жертвенники расположены около стен (Двин, Мецамор, Арагац, Арамус, Тейшебаини, Астхиблур, Бердатех (Ноемберянский регион Тавушской области РА) (Ханзадян и др., 1969. С. 113–116; Кушнарцева, 1977. С. 11–13; Аветисян Г., 2001. С. 32–33, 42; Есаян, 1976. С. 231–233, Оганесян, 1955. С. 28) или в культовых углах (доурартское поселение Кармир Блур, Арамус, Ошакан и др. урартские памятники) (Есаян, 1981. С. 9; Avetisyan, 2012. P. 27; Амаякян, 1990. С. 70).

Фаллические изваяния часто встречаются в памятниках Армении III–I тыс. до Р. Х., различаясь по скульптурным особенностям. Фаллические изваяния обнаружены как в поселениях, так

и в могильниках (*Гнуни*, 2004б. С. 122–130). Однако каркарский памятник наиболее близок к скальным площадкам-платформам, в первую очередь к памятнику Портакар недалеко от с. Нораван (Сисианский регион Сюникской области РА). Как и Каркарский пуп-камень, Сисианский Портакар представляет естественный скальный выступ, обработанный в виде фаллоса (*Лисицян*, 1966. С. 200, 285, табл. СХVIII). Фаллообразные выступы высечены в скальных платформах Гюлибулаха (Ширакская область РА) (*Акопян, Гнуни*, 2007. С. 89–90), а также Меликгюха (Апаранский регион Арагацотнской области РА). В данном контексте следует упомянуть культовое помещение № 1 циклопической крепости Кети, где фаллообразный идол расположен в центре помещения (*Петросян*, 1988. С. 28–29, рис. 7). В этой связи сошлемся на свидетельство армянского теолога V в. Езника Кохбацци, анализировавшего позднезороастрийские верования о том, что Зрван⁷ перед смертью пустил свое семя в родник (*Езник Кохбацци*, 1914. Табл. II, 10).

Каркарское святилище является пока единственным в своем роде в Сюник-Арцахском регионе, где зафиксирован храмовый комплекс, ассоциируемый с канонами застройки зороастрийской храмовой архитектуры. Надо отметить, что наличие строго подчеркнутого фаллообразного пуп-камня в анализируемом храме можно объяснить симбиозом зороастрийской и местных религиозных традиций.

Не исключено, что центральное строение в нововыявленной циклопической крепости Ми-рик I (N 39 41 25,1 E. 46 19 40,7 Alt.1596) II половины I тыс. до Р. Х. (Кашатагский р-н НКР),⁸ может также быть святилищем. Сооружение расположено на восточной оконечности вершины продолговатого холма, на котором расположена крепость. Комплекс состоит из прямоугольного сооружения, сложенного из вертикально стоящих каменных плит, окаймленного с трех сторон комнатами и обширной площадкой перед центральной постройкой. Комплекс

⁷ Зрван – Зерван, Зурван, Зарван в иранской мифологии бог, персониф. времени и судьбы, верховный бог зерванизма – религиозного течения, соперничавшего с маздеизмом (религией Ахурамазды) вплоть до эпохи Сасанидов (III–VII вв.). Зрван мыслился как Бесконечное время (*примеч. Редакции*).

⁸ Мирикская крепость исследована в 2013 г. экспедицией Управления по туризму НКР (руководитель экспедиции – Г. Саргсян).

обнесен крепостной стеной с башней в 8 м в диаметре, отделяющей его от основных застроек цитадели. Хотя общая планировка комплекса позволяет проследить аналогии в памятниках Армении, Ирана и Среднего Востока, однако окончательно о функции Мирикского сооружения можно судить после соответствующих раскопок.

Дашушенский алтарь. Не исключено, что в едином контексте с Каркарским святилищем следует рассмотреть алтарь крепости Меликен дуз (N 39 48 37,5 E. 46 46 20,0 Alt.779) близ с. Дашушен Аскеранского р-н НКР.⁹ Алтарь находится на южном склоне холма правого берега р. Каркар, на вершине которого располагалась крепость в прямой видимости от Каркарского городища. Подъемный материал из крепости характерен для ахеменидского и античного периодов. Алтарь представляет собой естественный скальный выступ, оформленный в виде двухступенчатого стилобата. На плоской вершине выступа вырублены два чашевидных углубления и желобок (*Саргсян, Акопян*, 2012. С. 45, 51–52).

Наиболее близкими параллелями Дашушенскому алтарю в Армении являются алтари из местности Ванки Дзор близ с. Хнацах (Гориский регион Сюникской области РА) (*Гарибян и др.*, 2011. С. 132) и Бджни (Котайкская область РА) (*Гарибян и др.*, 2010. С. 71).

Богослужение на открытых площадках было присуще зороастрийскому культу, особенно на ранних этапах, когда использовался участок земли, окаймленный бороздами (*Бойс*, 1988. С. 13; *Girshman*, 1954. P. 159–160). Огороженная искусственная площадка обозначала святилище в Зеле (*Бойс*, 1988. С. 75). Согласно одной из версий, открытый храм существовал и в Персеполе (*Уилбер*, 1977. С. 54). Ступенчатые алтари с чашевидными углублениями обнаружены в Парсагаде (*Бойс*, 1988. С. 63–64; *Girshman*, 1954. P. 136), а также в Накш-и-Рустаме (*Фрай*, 1972. С. 169, рис. 34; *Girshman*, 1954. Fig. 55). Моление на открытой площадке изображено на ритоне из Нисы (*Массон, Пугаченкова*, 1956. Табл. ХСVIII).

В данном контексте следует рассмотреть башнеобразные культовые памятники. В частно-

⁹ Дашушенский алтарь исследован в 2011 г. экспедицией Управления по туризму НКР (руководитель экспедиции – Г. Саргсян).

сти можно упомянуть башнеобразное сооружение над погребением № 5/3 Шаумяна (Капанский регион Сюникской области РА), датирующееся X–VIII вв. до Р. Х.¹⁰ Более поздним–последними веками до Р. Х. датируются башнеобразные сооружения из Паракара (Армения), Вани (Грузия) (Древнейшие государства..., 1985. С. 49; *Тирация*, 1988. С. 106), а также культовая башня из Шахата (Сисианский регион Сюникской области РА) (*Zardaryan*, б/г). Именно в контексте башен, на которых горел неугасимый огонь, Д. Ахундов интерпретирует бакинские «Девичьи башни» (*Ахундов*, 1985. С. 56–58). К культовым помещениям указанного типа нужно отнести также округлое в плане культовое сооружение из Киндаклитепе в среднем течении р. Кашкадарьи в Узбекистане (Древнейшие государства..., 1985. С. 281).

При этом следует отметить, что башнеобразные культовые сооружения распространяются в Армении еще с периода ранней бронзы (Джраовит) (*Ханзадян*, 2005. С. 3). По всей вероятности, культовое значение имеют башни, расположенные в могильниках эпохи бронзы и раннего железа.

Открытые святилища были распространены в Армении и Закавказье начиная с III тыс. до н. э. (Мохраблурский храм (*Аресян*, 1978. С. 88–97), культовая площадка в Тетри Цкаро (*Чубинишвили*, 1975. С. 49–51) и в Муханнат тапа (Ереван) (*Байбуртян*, 2011. С. 56–54, рис. 18)).

Начиная с эпохи ранней бронзы в качестве святилища использовались открытые скальные площадки с вырубленными углублениями и канавками и ступеньками в Агараке (*Аветисян П.*, 2003. С. 52–57). Подобные комплексы известны из Армавира (*Карпетян и др.*, 2004. С. 254–275), Бджни (*Гарибян и др.*, 2010. С. 71), Мецамора, Какавадзора (*Ханзадян и др.*, 1969. С. 142–158). Эпохой раннего железа датируется культовый комплекс в Шоше (Аскеранский р-н. НКР) (*Петросян, Сафарян*, 1991. С. 53).

Культовые сооружения из Агарака, Какавадзора и др. памятников фактически объединяют в одном комплексе естественные и рукотворные культовые объекты. Примером такого ансамбля служат культовые объекты в бассейне высокогорных озер Аллич (N 40 00 42,4 E. 45 42 33,9

Alt. 2769) в районе молодого вулкана – г. Порак (Карвачарский регион Шаумяновского р-н НКР). Культовый комплекс состоит из циклопической стены протяженностью 3,5–4,0 км с примыкающим к нему изнутри множеством построек разных форм и размеров. Циклопическая стена идет по верхней кромке курумника (естественные россыпи базальта) на границе с альпийскими лугами. Примечательно, что стена не смыкается и не создает замкнутого пространства, а площадь курумника 15–20 кв. км. Здесь же обнаружены многочисленные петроглифы и установленные вертикально камни в виде идолов. Хотя отсутствие подъемного материала не позволяет сделать окончательный вывод о датировке памятника, однако тот факт, что на данной местности зафиксировано большое количество курганных погребений и даже мустьерских артефактов, позволяет предположить, что местность считалась сакральной еще задолго до периода бронзы. При этом следует отметить, что начало сакрализации ансамбля можно отнести к более раннему периоду, о чем свидетельствует петроглифическое изображение извергающегося вулкана Порак (*Avagyan et al.*, 2003. P. 13–14).¹¹

Камни с чашевидными углублениями широко распространены по всему евразийскому пространству (Средиземноморье, Восточная и Северная Европа, Урал, Северный Кавказ). Чашевидные углубления в Закавказье расположены как на скальных плитах (Мецамор, Какавадзор (Арагацотнская область РА) (*Ханзадян и др.*, 1969. С. 142–158), Ишак Мейдан (Горисский регион Сюникской области РА), Цицернаванк (Кашатагский р-н НКР, Гобустан – камень № 20 участка Фируз II Кешикташа, а также участки Буюкташ и Джингирташ (*Фараджева*, 2009. С. 222–223, *Rüstamov, Muradova*, 2008. P. 51, 217)). так и на отдельных камнях (Селимский перевал, Сюникский перевал, участок Ванки дзор Хнацаха, Шрвакан (Кашатагский р-н НКР, территория храма Св. Гаянэ в Эчмиадзине (*Торосян*, 1980. С. 8).

Относительно культовых функций чашеобразных углублений был высказан ряд гипотез. В частности, они могут быть связаны с культом

¹⁰ Шаумянский могильник близ г. Капана раскапывался в 2012 г. экспедицией Ин-та археологии и этнографии НАН РА (руководитель экспедиции – А. Гнуни).

¹¹ Кроме указанной экспедиции бассейн оз. Аллич изучал ряд экспедиций – в 1996 г. экспедиция НИИ Культурного наследия Министерства культуры РА (руководитель экспедиции – А. Симонян) (*Симонян*, 1996), а также в 2012 г. экспедиция Управления по туризму НКР (руководитель экспедиции – Г. Саргсян).

воды, женского начала (Гнуни, 2004а. С. 219; Бгажаноков, 2013. С. 9; Лалаян, 1898. С. 130), являться своеобразной «картой» звездного неба (Кривцов, Непомнящий, 2004. С. 231–232), быть посвященными духам камней (Бгажаноков, 2013. С. 14) или предназначаться для ритуальных возлияний в частности духам предков¹² (Антонова, 1990. С. 55) или жертвоприношений (Фараджева, 2009. С. 222; Широкова, 2005. С. 104–105).

С другой стороны, чашеобразные углубления могли быть связаны с культом огня. Именно так интерпретируются чашеобразные углубления Большого Мецморского холма (Ханзадян и др., 1969. С. 151) в сопоставлении с подобными углублениями из Пасаргад.

Р. Торосян, анализируя камни с чашеобразными углублениями, найденными в храме Св. Гаянэ в Эчмиадзине, сопоставляет с емкостями для выжимки хаомы.

В контексте возможного изготовления хаомы следует упомянуть многочисленные песты различного размера из Каркара. Песты и ступки имеются на цилиндрической печати из Персеполя, где изображается процесс приготовления хаомы (Уилбер, 1977. С. 56–57). В Авесте упоминаются как выжимка хаомы, так и орудия и емкости, предназначенные для этого (каменные и металлические) (Авеста, Ясна, 22, 2; 22, 22). Ступка для приготовления ритуального напитка (хаомы) обнаружена в Охмикском храмовом комплексе (Акопян, 2003. С. 132).

Примечателен также факт, что песты были обнаружены в контексте фаллического идола, так как в Авесте хаома ассоциируется с семенем (Авеста, Ясна, 10, 7; 22, 12), а выжимка – с половым актом (Авеста, Ясна, 10, 2). В этой связи следует можно упомянуть сосуд с носиком из Керенского погребения № 90. Косые штрихи, которыми был украшен носик, придают ему определенный фаллический смысл: аналог фаллос-носик виден на сосуде из хеттского погребения в Телль Барсиппе (A Guide..., 2010. P. 73). Интересные данные о возможном использовании хаомы представляют материалы Керенского могильника. Палинологический анализ сосудов из погребения № 99 выявил присутствие плодов эфедры, положенных туда во время погребения

(Квавадзе, 2012. С. 18–20), причем согласно одной из гипотез хаому получали из эфедры (Уилбер, 1977).

Выводы. Таким образом, развиваясь на условно местной основе, материальная культура, а также культ и ритуалы в восточных областях исторической Армении в течении I тыс. до н. э. претерпевали значительные изменения, связанные с политической гегемонией Урарту, а затем и Ирана.

Хотя в общих чертах следует согласиться с гипотезой о единообразии культа в центре и на периферии (Шкода, 2009. С. 65), однако следует отметить, что культ на периферии характеризуется некоторой упрощенностью форм. Кроме того, в Сюник-Арцахском регионе традиционно были сильны местные традиции, хотя в изменившихся условиях многие прежние символы могли получать иное культовое значение. В то же время многочисленные данные свидетельствуют, что параллели с иранским и переднеазиатским миром имеют гораздо более глубинные корни.

- Аветисян Г., 2001 – Аветисян Г. Арагац. Ереван, 2001 (на арм. яз.).
- Аветисян П., 2003 – Аветисян П. Предварительные результаты раскопок памятника Агарак // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Эчмиадзин, 2003.
- Акопян, 2003 – Акопян А. Охмикский храмовый комплекс // Там же.
- Акопян, Гнуни, 2007 – Акопян А., Гнуни А. Заметки о единстве профанных и символических функций дороги и улицы // Эчмиадзин. Св. Эчмиадзин, 2009. № 9 (на арм. яз.).
- Амаякян, 1990 – Амаякян С. Государственная религия Ванского царства. Ереван, 1990 (на арм. яз.).
- Антонова, 1990 – Антонова Е. Первые святилища Армянского нагорья // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван, 1990.
- Арешян, 1978 – Арешян Г. Искусство куро-аракской культуры: Материалы II Международного симпозиума по армянскому искусству. Ереван, 1978.
- Арутюнян, 1985 – Арутюнян Н. Топонимика Урарту. Ереван, 1985.
- Асратян, 1985 – Асратян М. Историко-археологические исследования. Ереван, 1985 (на арм. яз.).
- Ахундов, 1985 – Ахундов Д. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку, 1985.
- Бадалян, Аветисян, 2005 – Бадалян Р., Аветисян П. Святилище позднего бронзового века в Гехароте // Культура древней Армении. Ереван, 2005. Вып. 13.
- Байбуртян, 2011 – Байбуртян Е. Последовательность развития древнейших культур Армении на основании археологического материала. Ереван, 2001.
- Бгажаноков, 2013 – Бгажаноков И. Сакральный смысл чашевидных знаков // Вестник Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского центра РАН. Нальчик, 2013. № 1.
- Бойс, 1988 – Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи / пер. с англ. И. М. Стеблин-Каменского. М., 1988.

¹² В этом контексте следует рассматривать ряд памятников, в частности Цицернаванкский алтарь, расположенный на территории могильника.

- Гарибян и др.*, 2010 – *Гарибян И., Акопян А., Гнуни А., Хачатрян Г., Вартанесова Т.* Памятники Бджни (результаты раскопок) // Ушардзан. Ереван, 2010. № 6 (на арм. яз.).
- Гарибян и др.*, 2011 – *Гарибян И., Симомян А., Гнуни А., Камалян Э., Айвазян Э., Хачатрян Г.* Стюниские открытия // Ушардзан. Ереван, 2011. № 7 (на арм. яз.).
- Гнуни*, 2004а – *Гнуни А.* Очаги и очажные комплексы Шенгавитской культуры // Историко-филологический журнал. Ереван, 2004. № 1 (на арм. яз.).
- Гнуни*, 2004б – *Гнуни А.* Типы и культовые функции фаллических изваяний Армянского нагорья // Вестник Ереванского университета. Ереван, 2004. № 2 (на арм. яз.).
- Гнуни*, 2006 – *Гнуни А.* Жреческое погребение в Керене // Вестник Ереванского университета. Ереван, 2006. № 3 (на арм. яз.).
- Гнуни*, 2014 – *Гнуни А.* Керен на перекрестке цивилизаций во второй четверти I тыс. до н. э. // Вопросы армяноведения. Ереван, 2014. № 2 (на арм. яз.).
- Дандамаев*, 1974 – *Дандамаев Н.* Новые данные о религии в Персии на рубеже VI–V вв. до н. э. // Вестник древней истории. М., 1974. № 2.
- Древнейшие государства..., 1985 – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985 (Археология СССР).
- Езник Кохбацци*, 1914 – *Езник Кохбацци.* Опровержение ересей. Тифлис, 1914 (на древнеарм. яз.).
- Есаян*, 1976 – *Есаян С.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976.
- Есаян*, 1980 – *Есаян С.* Скульптура Древней Армении. Ереван, 1980.
- Есаян*, 1981 – *Есаян С.* Раскопки Ошаканского дворца и некоторые вопросы домашнего культа // Тез. докл. конф., посвященной итогам археологических работ 1993–1995. Ереван, 1981 (на арм. яз.).
- Есаян, Хнкиян*, 1990 – *Есаян С., Хнкиян О.* Находки биайнских изделий в Егегнадзоре // Вестник Ереванского университета. Ереван, 1990. № 3.
- Есаян, Шагинян*, 1962 – *Есаян С., Шагинян А.* Археологические находки в Зангезуре // Советская археология. М., 1962. № 3.
- Зардарян и др.*, 2012 – *Зардарян М., Мкртчян Р., Акопян А.* Погребение как «биографическое» свидетельство (междисциплинарные исследования Уйцского некрополя) // Историко-культурное наследие Армянского нагорья: Материалы науч. конф. Ереван, 2012 (на арм. яз.).
- Карагезян*, 1998 – *Карагезян О.* Клинописные топонимы в Айрарате и сопредельных областях. Ереван, 1998 (на арм. яз.).
- Карпетян и др.*, 2004 – *Карпетян И., Хачатрян Ж., Канемян А.* Доурартский Армавир // Историко-филологический журнал. Ереван, 2004. № 2.
- Квавадзе*, 2012 – *Квавадзе Э.* Палинологическая характеристика материала из посуды, обнаруженной и погребении № 99 могильника Керен // *Гнуни А.* Отчет о раскопках Керенского могильника в 2011 г. Приложение № 1. Ереван, 2012.
- Кривцов, Непомнящий*, 2004 – *Кривцов Н. В., Непомнящий Н. Н.* Доисторическая Европа. М., 2004.
- Кушнарева*, 1977 – *Кушнарева К. Х.* Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977.
- Лалаян*, 1898 – *Лалаян Е.* Сисян: материалы для будущих исследований // Этнографическое обозрение. Тифлис, 1898. Т. 3 (на арм. яз.).
- Лисицян*, 1966 – *Лисицян С.* Армяне Зангезура. Ереван, 1966 (на арм. яз.).
- Луконин*, 1977 – *Луконин В. Г.* Искусство Древнего Ирана. М., 1977.
- Массон, Пугаченкова*, 1956 – *Массон В. М., Пугаченкова Г. А.* Парфянские ритоны: Нисы (альбом иллюстраций). М., 1956.
- Оганесян*, 1955 – *Оганесян К. Л.* Кармир Блур IV. Архитектура Тейшебаини. Ереван, 1955.
- Оганесян*, 1980 – *Оганесян К. Л.* Крепость Эребуни. Ереван, 1980.
- Петросян*, 1988 – *Петросян Л.* Раскопки памятников Кети и Воскеаска. Ереван, 1988.
- Петросян, Сафарян*, 1991 – *Петросян Г., Сафарян В.* Разведочные раскопки в Арцахе // Тез. докл. конф., посвящ. итогам археологических работ 1989–1990. Ереван, 1991 (на арм. яз.).
- Пиотровский*, 1959 – *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. Ереван, 1959.
- Погребова*, 1977 – *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Реза Хатбари*, 1996 – *Реза Хатбари М.* Раскопки в Колорзе, Гилан // Материалы археологической конференции в Шоше. Шош, 1996 (на перс. яз.).
- Саргсян, Акопян*, 2012 – *Саргсян Г., Акопян А.* Новонайденное городище Каркар в Арцахе // Вардзк. Ереван, 2012. № 5 (на арм. яз.).
- Симомян*, 1996 – *Симомян А.* Карта памятников Карвачарского района. Ереван, 1996 (на арм. яз.).
- Симомян, Гнуни*, 1996 – *Симомян А., Гнуни А.* Древнейшие, дохристианские и средневековые памятники освобожденных областей Арцаха // Тез. докл. конф., посвящ. итогам археологических работ 1993–1995 гг. Ереван, 1996 (на арм. яз.).
- Симомян и др.*, 2007 – *Симомян А., Санамян О., Гнуни А.* Основные результаты археологических исследований Арцаха и освобожденных районов в 1990–2005. Ереван, 2007.
- Тер-Мартirosов*, 2003 – *Тер-Мартirosов Ф.* Новые археологические данные по памятникам Армении ахеменидского периода // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Эчмиадзин, 2003.
- Тирацян*, 1988 – *Тирацян Г.* Культура Древней Армении VI в. до н. э. – III в. н. э. по археологическим данным. Ереван, 1988.
- Тирацян, Карпетян*, 1994 – *Тирацян Г., Карпетян И.* Раскопки Армавира (1991–1992) // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам археологических исследований в Арм. ССР в 1991–1992 гг. Ереван, 1994 (на арм. яз.).
- Торосян, б/г* – *Торосян Р.* Гаянэ (Сирия, Палестина): Дневниковые записи (рукопись) // Эчмиадзинский историко-этнографический музей, фонд Р. Торосяна.
- Торосян*, 1980 – *Торосян Р.* Археологические памятники Эчмиадзина: доклад, читанный в 1980 г. на семинаре, посвященном 80-летию раскопок Звартноца (рукопись) // Эчмиадзинский историко-этнографический музей, фонд Р. Торосяна.
- Торосян*, 1981 – *Торосян Р.* Раскопки западной крепости Аргиштихинили в 1979–1980 гг. // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам полевых археологических исследований в Арм. ССР в 1979–1980 гг. Ереван, 1981 (на арм. яз.).
- Торосян и др.*, 2002 – *Торосян Р., Хнкиян О., Петросян Л.* Древний Ширикаван. Ереван, 2002 (на арм. яз.).
- Уилбер*, 1977 – *Уилбер Д.* Персеполь. М., 1977.
- Фараджева*, 2009 – *Фараджева М. Н.* Наскальное искусство Азербайджана. Баку, 2009 (на азерб. яз.).
- Фрай*, 1972 – *Фрай Р. Н.* Наследие Древнего Ирана. М., 1972.
- Ханзадян*, 2005 – *Ханзадян Э.* Джраовит // Древнейшая культура Армении. Ереван, 2005. Вып. 3 (на арм. яз.).
- Ханзадян и др.*, 1969 – *Ханзадян Э. В., Мкртчян К. А., Парсамян Э. С.* Мецамор. Ереван, 1969 (на арм. яз.).
- Чубинишвили*, 1975 – *Чубинишвили Т. К.* Древней истории Южного Кавказа, Тбилиси, 1975.
- Широкова*, 2005 – *Широкова Н. С.* Мифы кельтских народов. М., 2005.
- Шкода*, 2009 – *Шкода В. Г.* Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб., 2009.
- A Guide..., 2010 – A Guide to the National Museum of Aleppo. Damascus, 2010.
- Avagyan et al.*, 2003 – *Avagyan A., Karakhamian G., Philip H.* Une éruption volcanique grave'e dans de roc // Pour la Science. Paris, 2003. N 305.

- Avetisyan*, 2012 – *Avetisyan H.* Aramus. Aleppo, 2012.
- Girshman*, 1954 – *Girshman R.* Iran. London, 1954.
- Hmayakyan et al.*, 1996 – *Hmayakyan S., Igumnov Yu., Karagyozyan H.* An Urartian Cuneiform inscription from Ojasar-Ilandagh, Nakhichevan // *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici.* Roma, 1996. Vol. XXXVIII.
- Iranian Ceramic Assemblages... – Iranian Ceramic Assemblages Represented in the Milwaukee Public Museum // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.mpm.edu/research-collections/artifacts/iranian-ceramics/collection>. Загл. с экрана. (Обращение к сайту 15.02.2015 г.).
- Melkonyan et al.*, 2010 – *Melkonyan H., Karapetyan I., Yengibaryan N.* The Excavations of newly found Urartian fortress in Getap // «Aramazd». Yerevan, 2010. Vol. V, Is. 2.
- Muskarella*, 1973 – *Muskarella O. W.* Excavations at Agrab Tepe. Iran // *Metropolitan Museum Journal.* New York, 1973. Vol. 8.
- Negahban*, 1965 – *Negahban E.* Notes on some objects from Marlik // *Journal of Near Eastern Studies.* Chicago, 1965. Vol. XXIV, N 4.
- Rüstamov, Muradova*, 2008 – *Rüstamov C., Muradova F.* Qobustan. Baki, 2008.
- Tiratsyan*, 2003 – *Tiratsyan G.* Urartian civilization and Achaemenian Iran. Neuchatel, 2003.
- Vanden Berghe*, 1966 – *Vanden Berghe L.* Archéologie de l'Irān Ancien. Leiden, 1966.
- Xnkikyan*, 2002 – *Xnkikyan O.* Syunik during Bronze and Iron Ages. Barrington, 2002.
- Zardaryan*, 6/1 – *Zardaryan M.* Archaeological Investigations in Syunik Region Armenia, and the Problems of Preservation of Historical and Cultural Heritage // [Электронный ресурс] Heritage Conservation Regional Network Journal. Режим доступа: <http://www.rcchd.icomos.org.ge/?l=E&m=4-4&JID=1&AID=6>. Загл. с экрана. (Обращение к сайту 15.02.2015 г.).

**New evidence on the cult and religion in the eastern regions
of Armenia in the second and third quarters of the 1st millennium BC
(local traditions and foreign-culture influence)**

G. M. Sargsyan, A. V. Gnuni

The beginning of the 1st millennium BC in the territory of the Transcaucasia was marked by enormous political changes caused by Urartu's penetration. These changes could not have occurred without their influence on all the aspects of material and spiritual culture.

However information concerned with the presence of Urartu in the southern regions of Syunik and historical area of Artsakh is extremely scanty. In this connection noteworthy is a lion sculpture from the village of Sznak (Kapan district of the Syunik region, Republic of Armenia) executed exactly according to the canons of the Urartu art, as well as a karas (pitcher) burial not far from the town of Gadrut, Nagorny Karabakh.

The breakdown of Urartu's power in the 6th century BC could not have occurred without certain activation of the influence of neighbouring Iran. This influence is traceable both in the forms and ornamentation of the south-Syunik and Artsakh pottery of that period.

Numerous parallels with the Iranian World are traceable not only in the material culture but also in spiritual practices, in particular, in the funerary rite and beliefs of the population of Artsakh and Syunik: inhumation on a peculiar earthen bedding (Keren), 'well' burials (Uyts, Sisian district of the Syunik region in the Republic of Armenia), tower-like installations (Shakhat in the Sisian district of the Syunik re-

gion, Republic of Armenia, Shaumyan in the Kapan district of the Syunik region, Republic of Armenia).

The types of vessels for libations which were particularly widely distributed since the early 1st millennium until this era can be also considered as related to the Avestan religion. It is highly possible that exactly this practice of libation was 'reproduced' in the Keren burial no. 64 (Kashatag district, Nagorny Karabakh) where, in the right hand of a clay male figurine placed in the centre of the burial, there was a slightly bent conical rhyton. The figurine was 'embracing' a vessel of the 'kernos' type. Near the right hand of the statuette there was a zoomorphic vessel in the form of a bull or a cow; in front of the kernos were a large dish, two paired vessels and a row of pitchers on the right.

Of special note among the cult installations of Armenia is a sanctuary in the ancient Karkar (Askeran district, Nagorny Karabakh). The townsite of Karkar is situated at the equally spaced distances of 2.6 km between the towns of Stepanakert and Shushi, Nagorny Karabakh. The cult installation under consideration is located in the southern part of the central living quarter of the townsite on a hardly noticeable hill N 39 47 07.1 E. 46 46 09.1 Alt. 999 m and presents an ensemble of a polygonal plan consisting of an inner courtyard and the temple building proper. The internal courtyard was framed on all sides with a stone fence which has survived

up to the height of 0,6 m. The fence was adjoined by a mastaba (bench). On the side of the central quarter in the eastern section of the northern wall, the main entrance to the inner courtyard, 2,0 m wide, is preserved; on the left side of the latter, the stone fence of the inner courtyard is reoriented and forms from the back side a sleeve fencing a phallus-shaped rocky jut – a protuberant part of the natural virgin rock cut in the form of a rounded cone.

In the western part of the cult ensemble, traces of a large rectangular room, the temple proper, with a single entrance from the side of the inner courtyard were discovered. In the central section of the temple, three large rocky blocks adjoining each other were installed vertically. These probably composed the pedestal of an idol or a bowl with fire so that this construction would have been freely visible from all sides.

It is noteworthy that the eastern corner of the ensemble stood on the natural rocky protuberance whereas the remaining part of the room rested on an artificial platform.

The construction features of the Karkar sanctuary (the main room on the artificial platform, benches-mastabas in the inner courtyard, possibility of ritual walking around the pedestal) have parallels both in Iranian and local installations.

Phallic sculptures of different types are often found at sites of Armenia of the 3rd–1st millennium BC. However the Karkar monument resembles rather the rocky platforms – most nearly that at the site of Portakar near the village of Noravan (Sisian district of the Syunik region, Republic of Armenia).

The Karkar sanctuary, where a cult complex associated with the Zoroastrian temple architecture is recorded, is so far a single one of its kind in the Syunik-Artsakh region. Nevertheless, the presence of a distinctive phallus-shaped navel-stone in the temple can be explained by a symbiosis of the Zoroastrian and local religious traditions. Perhaps, the altar from the fortress of Meliken Duz (N. 39 48 37.5 E. 46 46 20.0 Alt.779), near the village of Dashushen of the Askeran district, Nagorny Karabakh, is to be considered in a single context with the Karkar sanctuary. The altar is located on the southern slope of the right bank of the Karkar River and presents a natural rocky jut sculptured in the form of a two-stepped stylobate on the top of which two cup-like depressions and a groove are cut. In the Transcaucasia, cup-like depressions are cut both on rocky platforms and on separate stone blocks. The monuments of this type can have been related with the cult of water, fire and the female beginning or represent a peculiar ‘map’ of the starry sky. They also may have been intended for ritual libations, devoted to the spirits of stones, spirits of ancestors, or intended for pressing of haoma. In connection with the possible making of haoma, noteworthy are numerous pestles of different sizes from Karkar.

Thus, although developing on the undoubtedly local basis, the material culture, as well as the cult and rituals, in the eastern areas of historical Armenia underwent during the 1st millennium BC considerable changes induced by the political hegemony of Urartu and, subsequently, Iran.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОДНОЙ ВИНОДЕЛЬНИ ИЗ МИРМЕКИЯ

Е. В. Грицик¹

Статья посвящена реконструкции открытой в Мирмекии эллинистической винодельни, которая состоит из комплекса помещений, расположенных вокруг центрального мощеного двора. Используя архивные и опубликованные материалы, автор делает попытку датировать комплекс, выделить строительные периоды постройки и определить назначение каждого из помещений.

This article is devoted to a reconstruction of the Hellenistic winery discovered in Myrmekion. This building is constituted by an ensemble of rooms ranged around a central paved courtyard. Using archive materials and publications, the author attempts to date the ensemble, distinguish the building phases of the house and identify the purpose of each room.

Ключевые слова: винодельня, реконструкция, эллинизм, Мирмекий, Боспорское царство, античность, археология

Keywords: winery, reconstruction, Hellenism, Myrmekion, Bosporan Kingdom, Antiquity, archaeology.

Винодельня М-5 (рис. 1) была открыта в Мирмекии на центральном раскопе «И». Ее остатки были полностью исследованы Боспорской археологической экспедицией ИИМК–ЛОИА АН СССР под руководством В. Ф. Гайдукевича (Гайдукевич, 1958а. С. 149–219; 1959. С. 26–114; 1987), поэтому мы можем предложить обоснованный вариант ее реконструкции (рис. 2).

Здание винодельни состоит из комплекса помещений, расположенных вокруг центрального мощеного двора и образующих так называемый «дом винодела». Дом делится на две части: производственную (помещение с винодельней) и хозяйственно-жилую (остальные помещения, с восточной и южной сторон от двора).

Стены здания большей частью представлены двухфасными, постелистыми иррегулярными кладками. Исключением являются стены 12 и 13, которые имели так называемую ложковотычковую систему кладки, распространенную в эллинистическое время (Крыжицкий, 1993. С. 63, рис. 33). Данный тип каменной кладки использовался, в основном, в общественных зданиях или богатых жилых домах, как, например, в жилом доме в Ольвии (Леви, Карасев, 1955. С. 228).

Мощеный двор здания имеет четырехугольную форму. В стене 114 находится дверной проем шириной 1,38 м, порог которого оформлен плитой неправильной формы, занимающей все пространство. Во дворе возможно наличие портика, на что указывает найденный у стены 115-24 блок, который имел округлую форму, а в верхней части – прямоугольную вырубку для установки деревянного столба (Гайдукевич, 1987. С. 99). С северной стороны находилось помещение с винодельней, с восточной – ряд помещений как жилого, так и хозяйственного назначения.

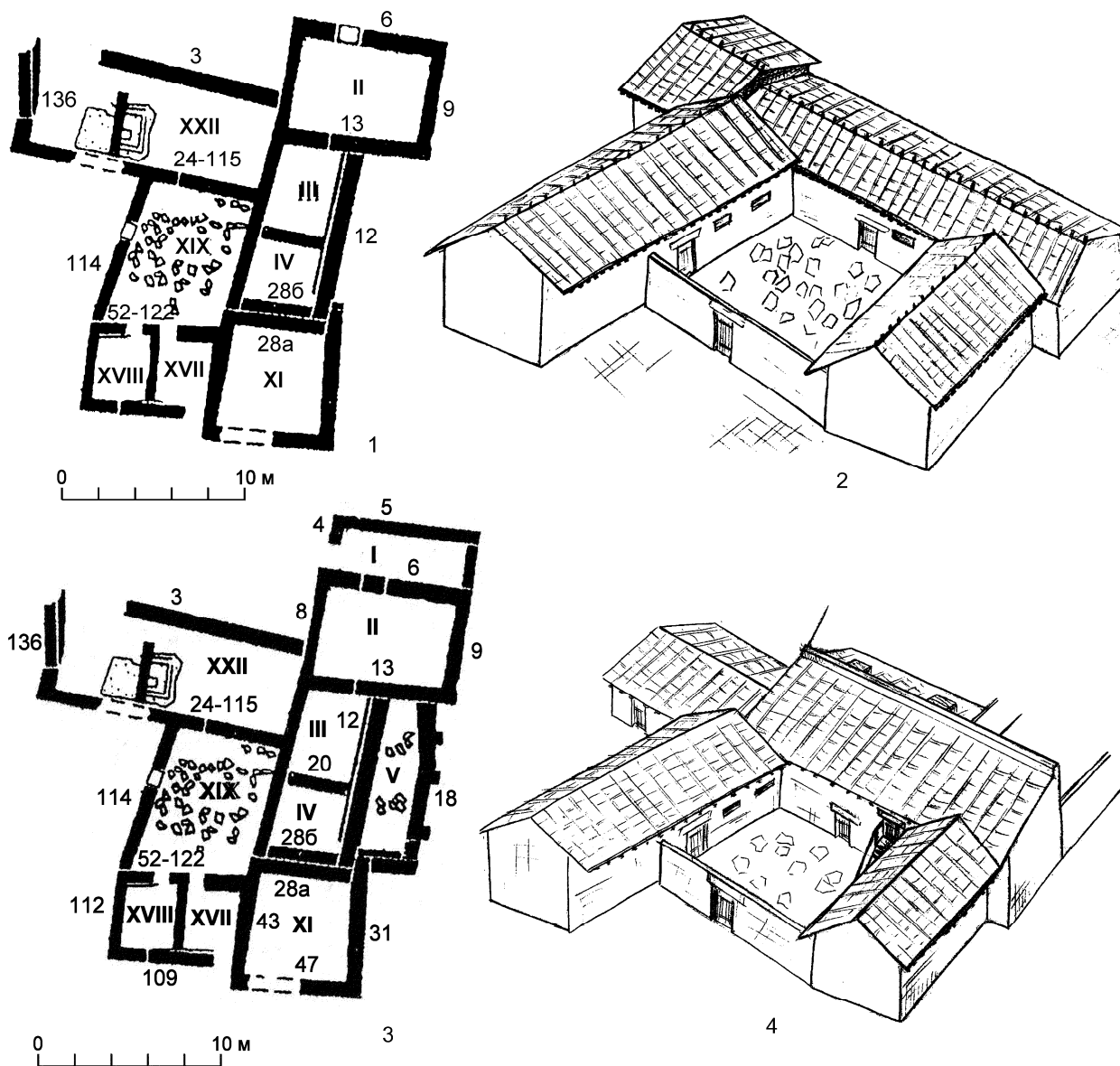
Стены 52-122 с юга отделяют двор от помещений XVII и XVIII. Стена 122 основана на кладке стены 122а классического времени и построена в переплет со стеной 112. В стене 122 расположен ведущий во двор дверной проем. Западный конец стены 52 образует притолоку дверного проема шириной 1 м, соединяющего помещение XVII с двором. Стена пристроена впритык к стене 43 и впереплет со стеной 111.

На вымостке двора найдены фрагменты синопских, родосских, фасосских амфор эллинистического времени; фрагмент чернолакового канфара (М-57/146)² с накладным орнаментом в виде растительных гирлянд, нанесенным жидкой глиной и белой краской, который датируется

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

² Здесь и далее приводятся номера по полевой описи.

Рис. 2. Винодельческий комплекс М-5. Первый строительный период: середина III–первая половина II в. до н. э.: 1 – план комплекса; 2 – возможная реконструкция. Второго строительного периода: первая половина II–начало I в. до н. э.: 3 – план комплекса; 4 – возможная реконструкция. Реконструкция – рисунки автора.

Fig. 2. Winery M-5. First building period: mid-3rd – first half of the second century BC: 1 – plan of the wine-making complex; 2 – variant of reconstruction. Second building period: first half of the 2nd – early 1st century BC: 3 – plan of the winery; 4 – variant of reconstruction. Reconstruction – drawings by the author.

сула с давяльной площадки в цистерну. Стены и дно давяльной площадки покрыты слоем строительного раствора, аналогичного по составу покрытию на полу всего помещения. Поверх этого покрытия был нанесен второй, наружный слой раствора без примеси морского песка. Отсутствие в составе строительного раствора примеси измельченной керамики указывает на то, что винодельня была сооружена не позднее II в. до н. э. (Гайдукевич, 1987. С. 100). Подоб-

ным цементом с керамическим боем, например, покрыты давяльные площадки виноделен римского времени на Темир-Горе, в Тиритакке и Мирмекии (Гайдукевич, 1941. С. 53). Цистерна сложена из небольших камней известняка, аккуратно подтесанных и тщательно оштукатуренных раствором того же состава, что и давяльная площадка. По краям цистерны сделаны поперечные выемки для ручек крышки (Гайдукевич, 1987. С. 100). Размеры цистерны – 1,15 × 1,54 м,

глубина – 1,47 м (до уступа, на который клали крышку). Винодельня относится к варианту композитных виноделен с одним резервуаром (типа КI-1а), которые были распространены с середины III в. до II в. до н. э. (*Винокуров*, 1999. С. 20–21). На уровне пола помещения с винодельней обнаружен материал III в. до н. э.: обломки чернолаковых канфаров аттического производства с накладным орнаментом жидкой глиной и белой краской в виде гирлянд плюща и виноградной лозы (М-57/1355, 1356, 2212, 2214), обломки родосских и синопских амфор (*Гайдукевич*, 1987. С. 100).

Северное помещение I, размеры которого составляли 6,90 × 2,70 м, очевидно, является более поздней пристройкой к помещению II, так как основание стен данного помещения находится выше основания стен соседних построек. Его пол покрыт плотно утрамбованной и перемешанной с черепками глиной. Одной из поздних находок является обломок «мегарской» чаши (М-57/563) боспорского производства, который датируется концом II–первой четвертью I в. до н. э. (*Шургая*, 1962. Рис. 3, 1–3; *Шелов*, 1969. Табл. I, 71; *Kovalenko*, 1996. Р. 56–57).

Помещение II имеет размеры 5–5,10 × 6,95–7,20 м. В юго-западном его углу на глинобитном полу обнаружены остатки очага в виде полукруглой площадки, ограниченной по внешнему краю приподнятым бортиком из глины. Стены 6, 8 и 9 сложены в переплет (*Кнатович*, 1946. С. 126). Основная часть находок, обнаруженных здесь, датируется второй половиной III–II в. до н. э. Отметим среди них чернолаковые сосуды, фрагмент кубка, ручка которого украшена рельефной маской, обломки лутериев, боспорских черепиц (*Гайдукевич*, 1958а. С. 191). При зачистке пола помещения была найдена амфорная ручка с родосским клеймом ΜΕΝΕΣΤΡΑΤΟΥ и эмблемой в виде дельфина, обвивающего якорь. Клеймо относится к V/VI хронологической группе и датируется 145–86 гг. до н. э. (*Finkielsztejn*, 1995. Pl. II, 35; VI, 122; XIV, 12).

Размеры помещения III составляют 3,40–3,91 × 5,50–5,75 м. Пол помещения глинобитный, со следами белой обмазки. В северо-восточном углу сохранились каменные плиты неправильной формы и грубой обработки, образующие вымостку пола. Плиты носили следы огня. При их зачистке были найдены древесные угли и фрагменты обожженного сырца (*Кастанаян*, 1948. С. 19). У северной стены 13 сохранились следы сырца от основания очага и несколько ямок диаметром от 1,5 до 7 см. Здесь найдены обломки кухонного горшка. Очаг у стены 20 сделан из мелких камней известняка и обложен сырцовыми кирпичами и обломками черепицы (Там же. С. 16). В стене 13 первоначально имелся вход шириной 1,12 м, который впоследствии был заложен. Вход имел облицовку крупными квадратами известняка размерами от 0,6 × 0,3 до 0,5 × 0,3 м. Под нижней из плит, которыми был заложен вход, найдены обломок краснолакового канфара II в. до н. э., а также железный гвоздь, вероятно, от облицовки порога (Там же. С. 15).

Стена 12 возведена на фундаменте, углубленном на 0,50 м ниже пола помещений. Кладка фундамента на 0,25 м шире стены. На уровне полов в помещениях III и IV верхний ряд кладки фундамента выступает, образуя небольшой цоколь. Стена сложена из крупных блоков известняка, местами аккуратной тески и правильной формы, пространство между квадратами забито мелким бутом. В стене сделаны сквозные четырехугольные отверстия на высоте 1,08–1,20 м от уровня пола, одно отверстие на том же уровне находится в помещении IV. Размеры отверстий 0,12 × 0,12 м (Там же. С. 15).

При зачистке пола помещения III найдены фрагменты синопских, боспорских амфор, ножка книдской амфоры конца IV–первой трети III в. до н. э. (ср.: *Монахов*, 1999. Табл. 193 2; 2003. Табл. 76 1), обломки чернолаковых сосудов с тусклым лаком металлического отлива, фрагменты кастрюль, красноглиняные амфориски, многочисленные обломки боспорских черепиц.

Помещение IV имеет размеры 3,00–3,25 × 3,90–4,20 м. Его южной стеной является двойная кладка 28а и 28б, которая появилась в результате перестроек. Обе кладки сложены на глине, из камней известняка, где среди необработанных попадаются квадраты аккуратной выделки и формы. Стена 28б пристроена впритык к стенам 12 и 8 (*Кастанаян*, 1949. С. 64 об.), возможно, она появилась чуть позже в качестве дополнительной опоры кладке 28а.

В стене 12, со стороны помещения IV, обнаружен известняковый камень с изображением стоящего Геракла в фас с поднятой правой рукой, в которой он держит палицу, левая рука сбита. Рельеф выполнен грубо, без трактовки деталей лица и одежды. Изображение было об-

ращено внутрь помещения (Там же. С. 66; *Гайдукевич*, 1958б. С. 103, рис. 48). Похожий, но более тщательно выполненный рельеф с изображением стоящего Геракла с палицей и львиной шкурой был найден на городище «Чайка» на полу одного из помещений усадьбы III в. до н. э. (*Попова, Коваленко*, 1997. С. 79).

Материал из помещения представлен находками III–II вв. до н. э. Прежде всего, обращает на себя внимание большое количество обломков боспорских черепиц с клеймами ΑΡΧΟΝΤΟΣ|ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ (M-49/243) 215–205 гг. до н. э. (*Анохин*, 1999. Рис. 62, 142), ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥ (M-49/154) 185–180 гг. до н. э. (Там же. Рис. 62, 151), а также родосское клеймо ΔΩΡΟΥ, которое датируется 145–108 гг. до н. э. (*Кац*, 2007. С. 422).

Помещение V представляет собой вытянутый с севера на юг коридор размерами 8,74 × 2,40 м. Пол вымощен известняковыми плитами правильной формы, размеры которых, в среднем, – 0,5 × 0,5 м. Вымостка уходит под восточную стену помещения. Очевидно, что первоначально, до возведения стены 18, здесь существовал обширный мощный двор, позднее разделенный на два отдельных помещения V и VII. С восточного фасада стена 18 имеет три выступа, напоминающих собой «пилястры». Расстояние между ними составляет 1,63 и 3,43 м. Они выступают от фасада стены на 0,40 м и сложены из плит и квадров в переплет с ней 18 (*Кастанаян*, 1949. Л. 21 об.). При зачистке помещения на уровне вымостки найден материал III–II вв. до н. э. Прежде всего, это фрагменты родосских, кипрских, синопских, хиосских и др. амфор, которые датируются началом III–серединой II в. до н. э. (ср.: *Монахов*, 1999. Табл. 235, 2, табл. 232, 3, табл. 169, 2; Табл. 233, 1; Табл. 194, 1, табл. 207, 5).

Помещение XI, размерами 5,20–5,55 × 5,40 м, имеет глинобитный пол. В юго-восточном углу сохранились следы очага в виде сильно обожженной площадки из глины и скопления золы. В помещении обнаружена круглая яма диаметром 1,35 м и глубиной 2,20 м, которая, вероятно, служила погребом. В ней найдены пирамидальные глиняные подвески, бронзовый наконечник стрелы, железный нож (*Гайдукевич*, 1959. С. 66–69).

Площадь помещения XVII достигает порядка 7,50 кв. м. Восточный конец стены 109 разрушен, западный – построен в переплет со стеной 110 (*Гайдукевич*, 1987. С. 98). Стена 43 сложена в переплет со стеной 28а. В помещении найден материал III–II вв. до н. э.: фрагменты гераклей-

ских (один с клеймом), косских, фасосских амфор, чернолаковых каннелированных канфаров и др.

Помещение XVIII имеет площадь около 12 кв. м. В стене 122 имеется выход во двор шириной 1,0 м. В заполнении помещения присутствуют фрагменты «мегарских» чаш ионийского производства (M-57/619, M-57/382, M-57/727, M-57/616), производства Боспора (M-57/844), датирующиеся II–началом I в. до н. э. (*Domănești*, 2000. Pl. 1, 9; pl. 2, 32–34; *Lamonier*, 1977. Pl. 7, 3222; pl. 34, 384; *Забелина*, 1984. Рис. 1а). Найден край чернолакового сосуда типа «керамики западного склона» с росписью жидкой глиной и резным орнаментом в виде листьев плюща (M-57/1642), который относится к первой половине III в. до н. э. (*Schäfer*, 1968. Tafel. 10, D 25), а также фрагменты сосудов с накладным рельефным орнаментом, изображающим эротические сцены (*Грицик*, 2009. С. 223–227).

Как показал анализ строительных остатков, так называемый «дом винодела» состоял из комплекса помещений вокруг центрального мощеного двора. За исключением нескольких (помещения I и V) – весь комплекс был возведен одновременно в середине – второй половине III в. до н. э. (рис. 2, 1, 2).

Полукруглый очаг и сохранившаяся обмазка белой глиной одной из стен в помещении II указывают на его жилое использование. Аналогичное расположение жилых помещений можно наблюдать в домостроительстве Херсонеса (*Беллов*, 1953. С. 15). Однако помещение II в планировочной системе дома изолировано от остальных жилых комнат и имеет свой вход с северной стороны, который через стену 13 вел напрямую в кухню (помещение III). Можно предположить, что данное помещение использовалось для размещения там контингента зависимых работников. Подобные помещения выделены в планировке другой мирмекийской винодельни, открытой на раскопе «Б» (*Крыжичкий*, 1982. С. 68). С достаточной степенью уверенности можно говорить об использовании помещения III в качестве кухни. На это указывают, в первую очередь, несколько сохранившихся очагов и фрагменты найденной здесь кухонной посуды. Сложно определить назначение помещения IV. В пользу того, что оно было хозяйственным, говорит его расположение рядом с кухней, а также наличие очага у стены 12. С южной стороны двора были расположены три жилых помещения.

В первой половине II в. до н. э. была проведена перепланировка здания (рис. 2, 3, 4). С северной стороны помещения II пристроено небольшое помещение I, имевшее хозяйственное назначение и использовавшееся в качестве кладовки. В это же время с восточной стороны здания были возведены стены 18 и 26, которые образуют редкое в античной архитектуре Северного Причерноморья сооружение. Стена 18, ограничивая уличное пространство, протянулась на всю длину помещений III и IV, представляя собой сплошную стену, с наружной стороны которой были построены специальные выступы – «контрфорсы». Дверные проемы в помещение V не обнаружены, а в стене 12 на высоте около метра зафиксированы четырехугольные отверстия, которые выходят как в помещение III, так и в помещение IV. Можно предположить, что данная конструкция представляет собой систему дымохода, связанного с кухонными помещениями, где были обнаружены очаги. Система позволяла не только выводить дым из помещений, но и отапливать дом (Грицик, 2012. С. 80). Так как стена 18 имеет дополнительное укрепление в виде «контрфорсов», можно предположить, что во второй строительный период над кухонными помещениями, которые могли отапливаться с помощью дымохода, был возведен второй этаж. Прямые аналогии таким сооружениям можно найти в античном домостроительстве Олинфа, где подобные конструкции были зафиксированы в домах IV в. до н. э. (Robinson, Graham, 1938. P. 189–191, fig. 14, pl. 49). На Боспоре подобные сооружения неизвестны. До настоящего времени единственным примером строительства дымохода схожей конструкции в Северном Причерноморье являлся дом позднеархаического времени, открытый на Березани, где дымоход шириной 0,40 м был сооружен в одном из помещений во время перестройки здания в конце VI в. до н. э. (Solovyov, 1999. P. 70–71, fig. 51, 52). Несмотря на то что он значительно уступает по своим размерам дымоходам из Олинфа (2 м) и Мирмекия (2,40 м), он также мог выполнять функции дымоотвода.

После перестройки здание продолжало существовать до начала I в. до н. э., на что указывают находки, датировки которых не выходят за пределы первой четверти I в. до н. э. Прежде всего, это фрагменты «мегарских» чаш местного производства, обнаруженные в заполнении поме-

щений. Известно, что на Боспоре основной мастерской по производству рельефных чаш была мастерская Деметрия (Kovalenko, 1996. P. 55), время существования которой относится к самому концу II–первой четверти I в. до н. э. (Kovalenko, 1989. С. 20; Внуков, Коваленко, 1998. С. 71). К поздним находкам относятся также фрагменты амфор эллинистического времени, среди которых можно выделить два родосских клейма, происходящих из помещений II и IV и датирующихся второй половиной II–началом I в. до н. э.

Анохин, 1999 – Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.

Белов, 1953 – Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса // Материалы археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп) / Отв. ред. Е. Ч. Скржинская. М.; Л., 1953 (МИА; № 34).

Винокуров, 1999 – Винокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. М., 1999.

Внуков, Коваленко, 1998 – Внуков С. Ю., Коваленко С. А. «Мегарские» чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998 (Труды ГИМ; № 102).

Гайдукевич, 1941 – Гайдукевич В. Ф. Укрепленная Villa Rustica на Темир-Горе // СА. М., 1941. Т. VII.

Гайдукевич, 1958а – Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // Боспорские города / Под ред. В. Ф. Гайдукевича и Т. Н. Книппович. Т. 2: Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. М., 1958 (МИА; № 85).

Гайдукевич, 1958б – Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре // Там же.

Гайдукевич, 1959 – Гайдукевич В. Ф. Мирмекий: Советские раскопки в 1956 г. (1934–1956). Варшава, 1959.

Гайдукевич, 1967 – Гайдукевич В. Ф. Новые данные по боспорской керамической эпиграфике // Античные памятники на территории СССР. М., 1967 (КСИА; № 109).

Гайдукевич, 1987 – Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора: Мирмекий. Л., 1987.

Гайдукевич и др., 1960 – Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И., Леви Е. И. Экспедиция ленинградского отделения ИИМК в 1957 году по античной археологии // КСИИМК. М., 1960. № 78.

Грицик, 2009 – Грицик Е. В. Эллинистическая керамика с рельефными изображениями Symplegma из раскопок Мирмекия // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб., 2009.

Грицик, 2012 – Грицик Е. В. Эллинистические винодельни Мирмекия // Археологические вести. СПб., 2012. Вып. 18.

Забелина, 1984 – Забелина В. С. Импортные «мегарские» чаши из Пантикапея // Сообщения государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1984. Вып. 7: Культура и искусство Боспора.

Кастанаян, 1948 – Кастанаян Е. Г. Полевой дневник Боспорской археологической экспедиции ИИМК АН СССР. Дневник № 3 раскопа «И» городища Мирмекий // РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1948, № 123.

Кастанаян, 1949 – Кастанаян Е. Г. Полевой дневник Боспорской археологической экспедиции ИИМК АН СССР. Дневник № 3 раскопа «И» городища Мирмекий // РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1949, № 93.

Кац, 2007 – Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007.

- Книпович*, 1946 – *Книпович Т. Н.* Полевой дневник Боспорской археологической экспедиции ИИМК АН СССР. Раскоп «И» городища Мирмекий // РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1946, № 48.
- Коваленко*, 1989 – *Коваленко С. А.* Античная рельефная керамика III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
- Крыжицкий*, 1982 – *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982.
- Крыжицкий*, 1993 – *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Леви, Карасев*, 1955 – *Леви Е. И., Карасев А. Н.* Дома античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. Т. 1.
- Монахов*, 1999 – *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов, 1999.
- Монахов*, 2003 – *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор.: Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.
- Попова, Коваленко* 1997 – *Попова Е. А., Коваленко С. А.* Об аспектах культа Геракла в Херсонесском государстве (по материалам городища «Чайка») // РА. М., 1997. № 2.
- Придик*, 1917 – *Придик Е. И.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания. Пг., 1917.
- Шелов*, 1969 – *Шелов Д. Б.* Находки в Танаисе «мегарских» чаш // Античные древности Подолия-Приазовья. М., 1969 (МИА; № 154).
- Шургая*, 1962 – *Шургая И. Г.* О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1962. Вып. 4.
- Domăneațu*, 2000 – *Domăneațu C.* Les bols hellénistiques à décor en relief. București, 2000 (Histria, XI).
- Finkielsztein*, 1995 – *Finkielsztein G.* Chronologie basse des timbres amphoriques rhodiens et évaluation des exportations d'amphores // Acta Hyporborea. 1995. Vol. 5.
- Kovalenko*, 1996 – *Kovalenko S. A.* Some notes on the Production of Hellenistic Mould-Made Relief Ware in the Bosporan Kingdom // Colloquia Pontica I. New Studies on the Black Sea Littoral. 1996.
- Lamonier*, 1977 – *Lamonier A.* La ceramique hellénistique à reliefs // Ecole Française d'Athènes. Exploration archéologique de Delos. Paris, 1977. Fasc. XXXI.
- Robinson, Graham*, 1938 – *Robinson D. M., Graham J. W.* The Hellenistic House // Excavations at Olynthus. London, 1938. Part VIII.
- Rotroff*, 1997 – *Rotroff S.* Hellenistic pottery // Athenian Agora. Princeton, 1997. Vol. 29.
- Schäfer*, 1968 – *Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon // Pergamenische Forschungen. Berlin, 1968. Bd 2.
- Solovyov*, 1999 – *Solovyov S. L.* Ancient Berezan: The architecture, history and culture of the first Greek colony in the Northern Black Sea // Colloquia Pontica. Leiden, Boston, Köln, 1999. Vol. 4.

Reconstruction of a winery from Myrmekion

E. V. Gritsik

This study presents an attempt to reconstruct a Hellenistic winery discovered in Myrmekion by the Bosporan Archaeological Expedition headed by V.F. Gaydukevich. The building of the winery consists of a group of rooms arranged around the central paved courtyard constituting together the so-called 'house of a winemaker'. The building is subdivided into two parts: a production area (room with the winery) and a residential-household one (the other rooms on the eastern and southern sides of the courtyard). Except for a few rooms (rooms I and V), the entire ensemble of these buildings was constructed simultaneously in the middle – second half of the third century BC (Fig. 2, 1, 2). On the northern side of the courtyard there was the room with the winery. On the eastern side there was a range of rooms both of dwelling and economic purposes. A semicircular fireplace and white clay plaster preserved on one of the walls in Room II indicate that it was used as a dwelling. Taking in account its isolation from the other residential rooms and the presence of an independent entrance, it seems probable that this room served for accommodation of a group of dependent workers. It is fairly probable that

Room III was used as a kitchen. This is suggested firstly by a few preserved fireplaces and fragments of kitchenware here found. The purpose of Room IV is difficult to identify. Possibly it was employed as a household room as indicated by its location near the kitchen and the presence of a fireplace near Wall 12. On the southern side of the courtyard, three dwelling rooms were ranged.

In the first half of the 2nd century BC, the house was reconstructed (Fig. 2, 3, 4). To the northern side of Room II, a small room (Room I) was added undoubtedly with an economic purpose probably serving as a closet. On the eastern side of the building, Wall 18 was built forming a new small room (Room V). No doorways have been revealed in this room, but in Wall 12, at the height of about one metre, quadrangular apertures opened both on Room III and Room IV. It seems that this structure presents a flue system related with the kitchens where fireplaces were revealed. After the reconstruction, the house had been in use until the beginning of the 1st century BC as suggested by finds dating from a period not later than the first quarter of the 1st century BC.

О КОСТНЫХ ОСТАТКАХ ПОСЕЛЕНИЯ АРХАИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ БЕРЕЗАНЬ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (УКРАИНА)

Е. Ю. Яниш, А. К. Каспаров¹

В настоящей работе впервые комплексно исследуются остатки животных из греческого поселения архаического времени на острове Березань. Остров Березань располагается примерно в полутора километрах от берега в устье Днепро-Бугского лимана, напротив курортного поселка Рыбаковка. Слои памятника датируются временем с рубежа VII–VI вв. до н. э. по вторую четверть V в. до н. э., когда поселение на острове прекращает свое существование как крупный поселок. В статье описаны остатки млекопитающих, птиц и рыб, полученные в результате раскопок в течение сезонов с 2008 по 2012 г. К настоящему моменту коллекция насчитывает 44 175 определенных костей.

The present study first analyzes in interdisciplinary terms the faunistic remains from the ancient Greek settlement of the Archaic period on the Berezan island. The island of Berezan is situated approximately one and a half kilometres from the shore at the entrance of the Dnieper-Bug Estuary opposite the spa village of Rybakovka. The archaeological levels at the site are dated to the period from the turn between the 7th and 6th century BC to the second quarter of the 5th century BC when this township on the island came to an end as a large settlement. The present paper describes the remains of mammals, birds and fishes yielded by excavations during the field seasons from 2008 to 2012. By now, the collection comprises 44,175 identifiable bones.

Ключевые слова: архаический период, Березань, рыболовство, охота, скотоводство, древнее хозяйство.

Keywords: Archaic period, Berezan, fishing, hunting, stockbreeding, ancient economy.

Введение. Остров Березань располагается примерно в полутора километрах от берега в устье Днепро-Бугского лимана, напротив курортного поселка Рыбаковка (рис. 1). Слои памятника датируются временем с рубежа VII–VI вв. до н. э. по вторую четверть V в. до н. э., когда поселение на острове прекращает свое существование как крупный поселок (Соловьев, 1993). Березанское поселение, по мнению многих авторов, не было обычным сельскохозяйственным пунктом. Вероятнее всего, оно играло некую посредническую роль в торговле греческой метрополии с варварским населением и, кроме того, было центром металлургического производства, продукция которого отправлялась на родину (Доманский, Марченко, 2007). Веро-

ятно такой, не совсем обычный статус поселения обусловил некоторые специфические черты его хозяйства, о которых речь пойдет ниже.

Рис. 1. Северное Причерноморье, поселение Березань.

Fig. 1. Northern Black Sea littoral, settlement-site of Berezan.

¹ Яниш Е. Ю. – Украина, 01601, г. Киев, ул. Богдана Хмельницкого, 15. Институт зоологии им. И. И. Шмальгаузена НАН Украины.

Каспаров А. К. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Лаборатория археологической технологии.

В настоящей работе описываются костные материалы животных, полученные в результате работы экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством Д. Е. Чистова.

Среди остеологических остатков встречены фрагменты млекопитающих, птиц и рыб. Коллекция костей млекопитающих и птиц, рассматриваемая в этой работе, собиралась с 2008 по 2012 г. В настоящее время она насчитывает 44 175 костей, из которых определимыми оказались 28 453 экз. Исследованы остатки рыб, собранные в течение сезона 2012 г. Объем этой выборки – 729 фрагментов. К сожалению, далеко не все эти остатки оказались определимыми. Все костные остатки поступили из культурных слоев, сформированных, судя по найденным артефактам, греческими поселенцами, основавшими это поселение.

Фаунистические остатки из поселения Березань уже упоминались в некоторых специальных работах (Журавлев, 1983а, 1983б; Журавлев и др., 1990). Однако здесь Березанские материалы не исследовались отдельно, а привлекались в основном для сравнения, описывалась лишь структура костной коллекции в разные периоды, а морфологические характеристики основных видов домашних животных, сезонность обращения со стадом и возрастной состав остатков не упоминались. Не рассматривались в указанных работах и остатки птиц и рыб из раскопок памятника. В настоящей статье остеологические материалы с поселения на острове Березань описываются более подробно. Работа посвящена исследованию остатков рыб, млекопитающих и в меньшей степени птиц. Остатки птиц здесь приводятся лишь в виде видовой таблицы с краткими комментариями. Остатки рыб определены м. н. с. Института зоологии имени И. И. Шмальгаузена НАН Украины, кандидатом биологических наук Е. Ю. Яниш. Коллекция фаунистических остатков млекопитающих исследовалась старшим научным сотрудником Института истории материальной культуры РАН А. К. Каспаровым, кости птиц были определены научным сотрудником Зоологического института РАН А. В. Пантелеевым.

Материал и методика. Естественная сохранность костного материала с поселения Березань составляет в среднем 3–4 балла по пятибалльной шкале (Антитина, 2003). Костный материал по птицам и млекопитающим сильно фрагментирован – количество неопределимых

фрагментов составляет здесь более половины. Среди костных остатков рыб ситуация почти аналогичная. Так, 280 фрагментов (38,4 % от общего количества костей рыб) имели очень плохую сохранность и потому остались неопределимыми, или оказались фрагментами ребер и позвонков, которые не являются диагностируемыми. Вообще, ребра и позвонки составили 36,8 % (103 экз.) от всех неопределимых костей рыб.

Кости измерялись штангенциркулем с точностью до 0,1 мм. Использовалась система промеров костей млекопитающих, предложенная А. Вон ден Дрейш (*Von den Driesch*, 1976). Реконструкция размеров отдельных особей млекопитающих и их пола по некоторым сохранившимся целым костям производилась на основе данных, опубликованных в работах В. И. Цалкина (1961) и О. Виг (*Wiig*, 1985).

Длина и вес рыб реконструировались по методике, описанной В. Д. Лебедевым (*Лебедев*, 1960). Так как у рыб размеры костей и длина всей особи коррелируют, возможно вычисление длины субфоссильных рыб по эталонным костями современных рыб тех же видов. При этом для достижения наибольшей точности в определении длины эталонная кость современного вида по возможности подбиралась одинакового размера с ископаемой. Длина субфоссильной рыбы вычислялась по пропорции.

В тех случаях, когда восстановить размеры представлялось возможным лишь для одного экземпляра конкретного вида, полученные данные вставлялись в колонку «Lcp», и дальнейшие расчеты проводились по этому экземпляру. Соотношение половозрелых и неполовозрелых особей высчитано по восстановленному размеру рыб, с использованием литературных данных о минимальных размерах, при которых представители разных видов ихтиофауны Украины впервые приступают к нересту (*Мовчан*, 2011). В тех случаях, когда это было возможно, точное определение возраста проведено по чешуе и позвонкам.

Минимальное количество особей (МКО) млекопитающих подсчитывалось обычным способом по присутствию в материале аналогичных костей или их фрагментов, а также по наличию костей от особей разной величины. Минимальное количество особей рыб не подсчитывалось, так как В. Д. Лебедевым было установлено, что даже две кости от одной рыбы в кухонных ос-

татках сохраняются крайне редко, и по описанной им методике одна кость рыбы считается эквивалентной одной особи (Лебедев, 1960). Исключение могут составлять кости из закрытых комплексов, и чаще такие крупные виды, как белуга, сом и т. д. В таком случае применяется подсчет минимального количества особей.

В изученном материале присутствуют кости со следами разделки, что подтверждает их кухонное происхождение, а также обгоревшие в огне. Систематика и латинские видовые названия рыб даны по определителю-справочнику Ю. В. Мовчана (2011). Латинские названия костей даны по В. Раду (Radu, 2005) и Дж. Лепиксаар (Lepiksaar, 1994).

Минимальное количество особей птиц также не вычислялось, поскольку количество костей каждого вида оказалось очень невелико и аналогичных фрагментов среди них почти не было.

Результаты и обсуждения. Видовой состав и остеологические спектры промысловых рыб. Изучение видового состава рыб показало, что всего промыслом было охвачено 11 видов, относящихся к 4 отрядам: отряд Осетрообразные (*Acipenseriformes*) – осетр *Acipenser guldenstadti* (Brandt et Ratzeburg, 1833), севрюга *Acipenser stellatus* (Pallas, 1771), стерлядь *Acipenser ruthenus* (Linnaeus, 1758), белуга *Huso huso* (Linnaeus, 1758); отряд Карпообразные (*Cypriniformes*) – сазан *Cyprinus carpio* (Linnaeus, 1758), вырезуб *Rutilus frisii* (Nordmann, 1840), плотва *Rutilus rutilus* (Linnaeus, 1758), лещ *Abramis brama* (Linnaeus, 1758); отряд Окунеобразные (*Perciformes*) – судак *Sander lucioperca* (Linnaeus, 1758); отряд Щукообразные (*Esociformes*) – щука *Esox lucius* (Linnaeus, 1758), отряд Сомообразные – сом *Silurus glanis* (Linnaeus, 1758). Общая видовая структура коллекции представлена в таблице 1.

При сравнении результатов с данными, полученными нами ранее для других античных памятников Северного Причерноморья (Яниш,

Антипина, 2013; Яниш, Ковальчук, 2013), мы видим, что только 7 видов (осетр, севрюга, вырезуб, сазан и судак) присутствуют во всех выборках исследованных памятников (табл. 2), в том числе и в самой минимальной из Березани 1979 г. Еще два вида – стерлядь и сом – отсутствуют лишь в одной, самой малой, из представленных выборок (коллекция с Березани–1979). Доля этих 9 видов на разных памятниках свидетельствует о том, что они играли значительную роль в питании местного населения. Таким образом, можно предположить, что именно они и составляли основу рыбного промысла для населения Березани в античное время.

При анализе данных для указанных промысловых рыб из раскопок Березани 2012 г. обнаруживается, что на первом месте по относительному количеству остатков в материале был осетр – 38,1 %, севрюга составила 20,0 %, на третьем месте сазан – 16,5 %, на четвертом судак – 11,6 %. Вообще осетровые составили 62,3 % от всех остатков рыб. Остальные виды составили менее 6,0 % каждый.

Таблица 1. Видовой состав рыб памятника «Березань» (абсолютное число определимых остатков)

Table 1. Species composition of fishes from the site of Berezan (total number of identifiable remains)

В И Д	Количество костей	%
Осетр <i>Acipenser guldenstadti</i>	171	38,1
Севрюга <i>Acipenser stellatus</i>	90	20,0
Стерлядь <i>Acipenser ruthenus</i>	9	2,0
Белуга <i>Huso huso</i>	10	2,2
Сазан <i>Cyprinus carpio</i>	74	16,5
Плотва <i>Rutilus rutilus</i>	5	1,1
Лещ <i>Abramis brama</i>	2	0,4
Вырезуб <i>Rutilus frisii</i>	10	2,2
Щука <i>Esox lucius</i>	2	0,4
Судак <i>Sander lucioperca</i>	52	11,6
Сом <i>Silurus glanis</i>	24	5,3
В С Е Г О	449	100,0

Таблица 2. Возрастной состав рыб из материалов памятника «Березань»

Table 2. Age composition of fishes among the finds from the site of Berezan

Количество фрагментов (экз.)	Возраст (лет)	5+	6+	7+	8+	9+	10+	11+	12+	13+	18+	20+	22+	27+	Всего
	Сом				1						1	1	1	1	
Сазан							1	1	2	1					5
Неопределимые															
Позвонки		1	1	3	6	4	6	6							27
Всего		1	1	4	6	4	7	7	2	2	1	1	1	1	38

Возраст и морфологические характеристики рыб. По годовым кольцам на позвонках нами высчитан точный возраст добывавшихся рыб (табл. 2). Так, всего нами отмечено 13 возрастных категорий – от 5 до 13 лет, а также 18, 20, 22 и 27 лет. Максимальное количество особей приходится на 10–11-летние экземпляры (36,8 %).

Кроме того, для сома нами высчитаны темпы роста. Зная диаметр позвонка (использовали туловищные) и возраст рыбы, можно вычислить средний годовой прирост позвонка. Для этого диаметр позвонка делили на возраст рыбы, высчитанный по годовым кольцам на этом позвонке. В результате исследования мы высчитали, что годовой прирост позвонка современного сома составлял 0,15 см, тогда как значения этого показателя для субфоссильного сома колебались от 0,14 до 0,17 см (n = 4) в год (в среднем 0,16 см/год). В. Д. Лебедев в своей монографии указывал, что раньше рыбы росли гораздо медленнее, чем современные, что во многом связано с качеством кормовой базы и влиянием со стороны человека. Наши исследования костей рыб с других памятников также подтверждают это наблюдение. Тем более интересно, что в данном случае темпы роста сома были или такие, как у современного, или более интенсивные (Янищ, Ковальчук, 2013; Янищ, Антитина, 2013). Это косвенно указывает на наличие хорошей кормовой базы для данного вида в исследуемый период и низкую интенсивность вылова со стороны человека.

Кроме того, в ходе исследований нами выявлено, что в данном случае в материале преобладают фрагменты краниального скелета рыб (CRA) над посткраниальными (PCRA) в соотношении 1,7 к 1 (табл. 3). Также мы выявили, что 6 видов представлены костями краниума (плотва, судак, сазан, вырезуб, щука, стерлядь), еще 4 вида определены по костям как краниального, так и посткраниального скелета (осетр, севрюга, белуга, сом). Полученные результаты подтверждают, что для осетровых характерна хорошая сохранность элементов как краниального, так и посткраниального скелета, тогда как для костистых рыб более часто встречаются остатки краниальных частей скелета. Кроме того, наличие костей CRA и PCRA в материале указывает на то, что рыбы разделялись на поселении непосредственно перед приготовлением в пищу. Если бы они разделялись предварительно (например, перед продажей либо при подготовке к длительному хранению), соотношение краниальных и посткраниальных костей было бы другим.

Такие же результаты получены и для других рыб. Так, в исследованном материале преобладают фрагменты краниального скелета рыб (CRA) над посткраниальными (PCRA) в соотношении 1,7 к 1 (табл. 3). Также мы выявили, что 6 видов представлены костями краниума (плотва, судак, сазан, вырезуб, щука, стерлядь), еще 4 вида определены по костям как краниального, так и посткраниального скелета (осетр, севрюга, белуга, сом). Полученные результаты подтверждают, что для осетровых характерна хорошая сохранность элементов как краниального, так и посткраниального скелета, тогда как для костистых рыб более часто встречаются остатки краниальных частей скелета. Кроме того, наличие костей CRA и PCRA в материале указывает на то, что рыбы разделялись на поселении непосредственно перед приготовлением в пищу. Если бы они разделялись предварительно (например, перед продажей либо при подготовке к длительному хранению), соотношение краниальных и посткраниальных костей было бы другим.

Таблица 3. Соотношение остеологических остатков краниальной (CRA) и посткраниальной (PCRA) частей скелета

Table 3. Ratio of osteological finds of cranial (CRA) and postcranial (PCRA) skeletal remains

Таксон	CRA экз.	Количество видов	PCRA экз.	Количество видов
Костные рыбы	370	11	213	4

Так как остеологический материал представляет собой кухонные остатки, возможен перерасчет костных фрагментов рыб, некогда выловленных в окрестностях Березани, в весовые параметры. Расчеты сделаны по всем определимым костям как краниального, так и посткраниального скелета рыб (табл. 4). Как видно из таблицы, значительную часть добытых на поселении

Таблица 4. Основные параметры рыб, реконструированные путем экстраполяции данных

Table 4. Main characteristics of fishes reconstructed by extrapolation of the data

Вид	Lmax, см	l min, см	L ср	Вес ср., кг	Возраст	
					Половозрелые	Неполовозрелые
Осетр	254,5	66,7	133,4	24,1	48 (≥ 8 лет)	
Севрюга	123,2	57,4	95,6	14,9	14 (≥ 11 лет)	
Стерлядь	104,2	66,9	84	2,2	5 (≥ 5 лет)	
Белуга	165,8	111	133,7	78,5	9 (≥ 12 лет)	1 (≤ 12 лет)
Сазан	179,7	34	67,8	2,7	35 (≥ 3 лет)	
Судак	51,1	23,3	36,6	3,9	33 (≥ 2 лет)	5 (≤ 2 лет)
Вырезуб	75	42	57,2	4,6	14 (≥ 5 лет)	
Сом	73,3	62,6	79	1,5	4 (≥ 4 лет)	
Лещ	31,5	25,5	39,5	0,6	4 (≥ 4 лет)	
Плотва	37,5	36	36,7	0,6	4 (≥ 4 лет)	
Щука			40,3	0,8	1 (≥ 4 лет)	

Окончание табл. 5

Зоологическая длина, см	№	Осетр	Сом	Севрюга	Стерлядь	Белуга	Судак	Сазан	Вырезуб	Лещ	Щука	Плотва
	46	132										
	47	254,5										
	48	147,4										
	49	148,9										
	50	147,4										
	51	155,2										
	52	155,2										
	53	158,3										
	54	183,6										
	55	120,6										
	56	113,4										
	57	102,6										
	58	115,2										
	59	95,4										
60	102,6											
61	73,1											
62	95,6											

Биологические данные для реконструкции рыбного промысла. Так как остеологический материал представляет собой кухонные остатки, возможна реконструкция доли рыбы в рацион жителей Березани на основе весовых показателей. Как видно из таблицы 6, при анализе материала с учетом «живого веса» рыб их значение в пищевом рационе отличается от того, которое можно предполагать, исходя лишь из соотноше-

ния видов по числу костей в коллекции (табл. 1). Так, по весовым параметрам на первом месте в добыче местного населения Березани был осетр (52,8 %), на втором месте севрюга (19,8 %) а на третьем месте сазан (11,7 %). Естественно, что ловля наиболее крупных по размерам и наиболее распространенных видов была для жителей античных поселений и наиболее экономически выгодной.

Таблица 6. Реконструкция вклада рыбы в рацион жителей Березани на основе весовых показателей

Table 6. Reconstruction of the contributions of fish to the diet of the ancient residents of Berezan on the basis of weight indices

Вид	Число костей, n	Средний вес одной особи, кг	Общий вес добытых рыб, кг	Доля от общего веса рыб, %
Осетр	171	133,4	22811,4	52,8
Севрюга	90	95,6	8604	19,8
Стерлядь	9	84	756	1,7
Белуга	10	133,7	1337	3,1
Сазан	74	67,8	5017,2	11,7
Судак	52	36,6	1903,2	4,4
Вырезуб	10	57,2	572	1,3
Сом	24	79	1896	4,4
Лещ	2	39,5	79	0,2
Плотва	5	36,7	183,5	0,4
Щука	2	40,3	80,6	0,2
Всего	449		43239,9	100,0

Исходя из видового и возрастного состава рыб, можно предполагать существование круглогодичного вылова рыбы, наиболее активно осуществляемого жителями Березани или теми, у кого эта рыба ими приобреталась, в весенне-летний период. Для более полных выводов необходимы дальнейшие исследования данного памятника.

Видовой состав и некоторые морфологические характеристики остатков млекопитающих. Фаунистические остатки содержат фрагменты следующих видов: обыкновенной лисицы *Vulpes vulpes* (Linneus, 1758), льва *Panthera leo* (Linneus, 1758), зайца *Lepus europaeus* (Pallas, 1778), дикого кабана *Sus scrofa ferrus* (Linneus, 1758), благородного оленя *Cervus*

elaphus (Linneus, 1758), сайги *Saiga tatarica* (Linneus, 1758), осла *Equus asinus* (Linneus, 1758), лошади *Equus caballus* (Linneus, 1758), коровы *Bos taurus* (Linneus, 1758), овцы *Ovis aries* (Linneus, 1758), козы *Capra hircus* (Linneus, 1758), свиньи *Sus scrofa domestica* (Linneus, 1758), собаки *Canis familiaris* (Linneus, 1758), дельфина *Delphinidae* sp. Кроме того, в остеологическом материале определены птицы *Aves* sp., черепахи (отряд Testudines) и рыбы из раскопок более ранних лет, которые не были исследованы (надкласс *Pices*). В таблице 7 приводится количество костей и особей для каждого вида. Рыбы, упоминаемые в данном разделе, исследованы не были.

Мелкий рогатый скот. Можно видеть, что мелкие полорогие доминируют среди остатков домашних животных. Как правило, овцы и козы были наиболее многочисленными домашними животными в эллинистических и раннесредневековых поселениях Причерноморья. Они составляли основу мясного питания для небогатых обитателей региона. В пищу, несомненно, могло использоваться также и молоко. Козы в стаде мелких полорогих составляли примерно 30,0 %.

Говоря о морфологии овец Березани, в первую очередь следует обратить внимание на то, что в среднем особи здесь были заметно крупнее чем, например, на Боспоре в тот же период. Так, длина таранной кости овец Березани составляет в среднем 32,9 мм (N = 93; lim 27,7–38,3; $\sigma = 1,9$), аналогичный показатель на Мирмекии для овец VI–V вв. до н. э. составляет лишь 29,7

(N = 10; lim 26,3 – 34,6; $\sigma = 2,8$). Даже овцы Ольвии оказываются несколько меньше. Средняя длина таранной кости здесь 32,1 мм (N = 14). Однако эти материалы датируются весьма широко – с IV по II вв. до нашей эры (Журавлев, 1980). Промеры передних метаподий овец приведены в таблице 8.

Таблица 7. Видовой состав остатков млекопитающих поселения «Березань»

Table 7. Species composition of the remains of mammals from the settlement of Berezan

Виды	Количество костей	%
Заяц-русак	48	0,2
Лиса	48	0,2
Кабан	8	0,03
Сайга	1	0,004
Лев	1	0,0
Благородный олень	9	0,03
Осел	1	0,004
Лошадь	636	2,2
Корова	7074	24,9
Овца	3858	13,6
Коза	1083	3,8
Овца или Коза	10966	38,6
Свинья	1428	5,0
Собака	288	1,0
Дельфин	7	0,03
Птицы	317	1,1
Черепаша	8	0,03
Рыбы	2657	9,3
ИТОГО	28438	100,0
Неопределимых	15722	

Таблица 8. Промеры передних метаподий домашних овец поселения «Березань»

Table 8. Measurements of metapodia of domestic sheep from the settlement of Berezan

Промеры	N	M	lim	σ
Общая длина	20	139	114,0 – 153,0	10,1
Ширина проксимального эпифиза	20	26,9	22,1 – 29,2	2
Передне-задняя ширина проксимальн. эпифиза	19	19	15,2 – 21,7	1,7
Ширина диафиза в средней части	20	15,9	13,2 – 18,0	1,5
Ширина дистального эпифиза	18	28,9	24,2 – 37,3	3,1
Передне-задняя ширина дистального эпифиза	18	18,4	15,0 – 20,9	1,6

Судя по длине передних метаподий (Цалкин, 1961), высота в холке овец на поселении колебалась от 54 до 74 см (в среднем 68 см). На Боспоре у овец из раскопок Мирмекии средняя длина передней метаподии составляет 122 мм (N = 6). Таким образом, их высота в холке составляла только 59 см или чуть больше. Находки, исследованные В. И. Цалкиным (1960), имеют при-

мерно такой же диапазон датирования, как и данные по Ольвии, т. е. с IV по II в. до н. э. Он приводит среднюю длину передних метаподий овец Северного Причерноморья 123,7 мм (lim 107,0 – 144,0; N = 69). Как видим, овцы Березани и по этим показателям оказываются заметно крупнее. По своим пропорциям их передние метаподии практически идентичны метапо-

диям древних болгарских овец. Средняя длина пястей у этой породы составляет 146,4 мм, (lim 133,0 – 152,0; N = 16), а индекс ширины диафиза (в %) 11,2 (*Цалкин*, 1958). На нашем памятнике и пределы изменчивости общей длины пястей, и средняя их длина почти такие же (табл. 8). Средний индекс ширины диафиза у наших находок такой же – 11,4.

Козы Березани практически не отличаются по величине от коз Восточного Крыма. У них длина таранной кости в среднем 29,8 мм (N = 37; lim 25,1–36,5; $\sigma = 2,9$). На Мирмекии у коз того же периода эта величина также рав-

на 29,8 мм (N = 9; lim 27,2 – 31,7; $\sigma = 1,7$). Остатки мелких полорогих составляют чуть больше половины всех определимых костных остатков, поступивших из слоев Березанского поселения (56,0 %). Примерно такие же данные приводят и другие исследователи. По данным О. П. Журавлева (*Журавлев*, 1983а), мелкий рогатый скот составлял 58,2 % в слоях Березани VI–V вв. до н. э. Очевидно, что баранина и козье мясо были основным мясным питанием обитателей поселения. Анатомический состав коллекции по мелким полорогим приведен в таблице 9.

Таблица 9. Процентное соотношение остатков различных частей скелета коров и МРС в Ольвии и на Березани

Table 9. Percentage of remains of different parts of bovines and sheep/goats in Olbia and Berezan

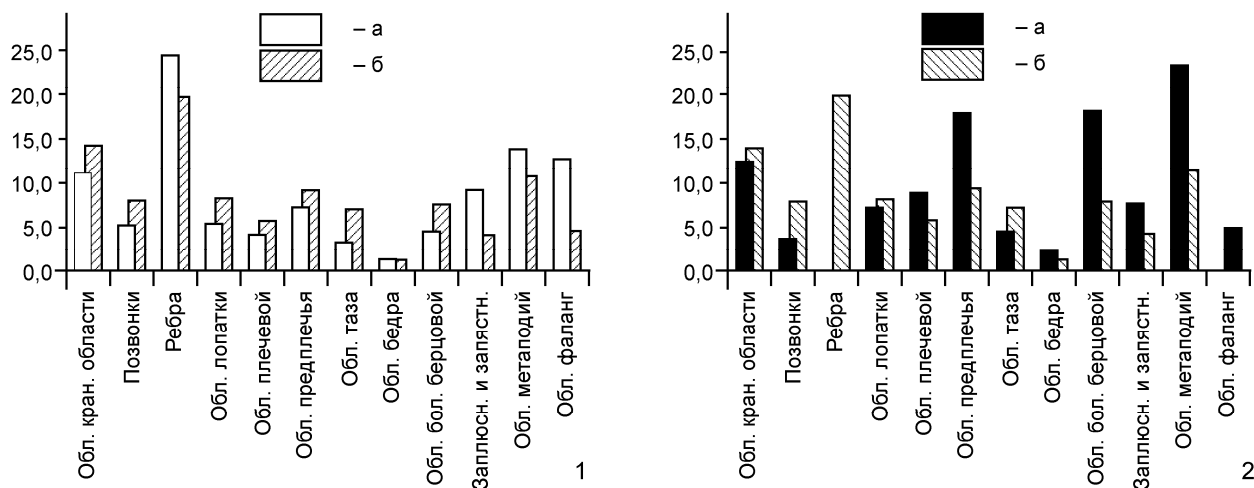
Типы обломков	Мелкий рогатый скот		Корова
	Ольвия	Березань	Березань
Кости краниальной области	12,6	14,4	1,2
Позвонки	3,6	8,0	5,1
Ребра	0,0	19,7	24,3
Область лопатки	7,1	8,2	5,3
Область плечевой кости	8,7	5,7	4,1
Область предплечья	17,0	9,2	7,2
Область таза	4,4	7,0	3,2
Область бедра	2,0	1,2	1,3
Область большой берцовой	16,8	7,5	3,8
Заплюсневые и запястные	7,1	4,0	8,7
Область метаподий	20,7	10,6	13,5
Область фаланг	0,0	4,5	12,4

Представив эти данные на графике (рис. 2, 1), можно видеть, что помимо обломков черепа, ребер и метаподий мелкий рогатый скот представлен в достаточном количестве и фрагментами ценных в пищевом отношении частей туши: лопаточно-плечевой и тазовой областями, обломками бедра, верхней частью голени. Сравнимая анатомическую ситуацию по мелкому рогатому скоту на Березани с таковой в Ольвии (*Журавлев*, 1980), можно видеть, что структура обеих коллекций почти одинакова. В Ольвии несколько выше процент обломков предплечья, большой берцовой кости и метаподий. Однако, учитывая, что фаланги и ребра овец и коз в Ольвии почему-то не подсчитывались, можно предполагать, что доля предплечья, голени и метаподий несколько выше просто потому, что фаланги и ребра, эти довольно многочисленные кости, в расчет не принимались. Так что структуру обеих коллекций можно считать почти идентичной. При этом следует помнить, что

Ольвия – крупный полис, жители которого, вероятно, не занимались скотоводством в больших объемах и приобретали мясо у окрестных пастухов или, во всяком случае, не содержали своих овец непосредственно в городе, а получали продукцию в виде готовых порционных кусков.

Таким образом, если предполагать, что мелкий рогатый скот на Березанском поселении – это результат не местного животноводства, а товарообмена, то вполне логично предполагать, что за свои товары жители поселения требовали от варваров высокую цену, выбирая взамен лучших особей из стада, наиболее крупных и упитанных. По нашему мнению, это и создало некоторое увеличение средних размеров домашних овец на поселении Березань. В Ольвии же объемы торговли были, конечно, гораздо больше и особенной избирательности, вероятно, не было. К тому же ольвийские материалы принадлежат более позднему периоду. Овцы к этому времени могли стать мельче.

Рис. 2. Соотношение скелетных элементов среди костных остатков:

1 – мелкого рогатого скота в Ольвии и на Березани; 2 – коровы и мелкого рогатого скота на поселении Березань.

Fig. 2. Ratio of skeletal elements among the bones:

1 – small horned cattle in Olbia and Berezan; 2 – cows and small horned cattle.

Козы, возможно, использовались главным образом как источник молока или шерсти. Они эксплуатировались продолжительное время, частично разводились на поселении и поэтому эта закономерность у них почти не выражена. Судя по тому, что остров по своим размерам невелик, возможности выпаса мелкого рогатого скота в непосредственной близости от города были крайне ограничены. Однако, по мнению большинства исследователей, в середине I тыс. до н. э. остров был связан с материком и существовала возможность сухопутного прохода на него с берега (Долуханов, 2007; Назаров, 2003).

Среди остатков мелкого рогатого скота было обнаружено некоторое количество нижних челюстей полувзрослых животных, где третий нижний молочный зуб еще не выпал. По степени стертости было установлено, что большинство животных (45 из 51 экз.) погибло в течение первого года жизни. Сезон смерти оказывается растянут практически на все время года, однако наибольшее количество животных погибло в течение зимы или поздней осени.

Среди костей овец и коз основную часть составляют остатки взрослых животных – 82,1 %. Животным, не достигшим зрелости, принадлежит 17,6 % остатков, а остатки явно старых особей составляют всего 0,1 %. Такая ситуация бывает в том случае, когда животные преимущественно забиваются на мясо.

Нет избирательности и в том, правую или левую сторону туши использовать для изготовле-

ния костяных орудий и готовки. Соотношение право- и левосторонних костных фрагментов здесь практически одинаково.

Корова. Остатки коровы по численности занимают второе место. Ей принадлежит 24,9 % определимых костных остатков. В сельских поселениях и городах Восточного Крыма этого времени доля остатков коровы не бывает выше 28,0 %. Они становятся более многочисленными в первые века нашей эры, когда утверждается двупольная система земледелия, но даже в это время не поднимается выше 40,0 %.

Судя по остеологическим материалам, некоторые коровы Березани, по сравнению с коровами, например, Восточного Крыма, имели довольно крупные размеры. Как и в случае с мелким рогатым скотом, для оценки общих размеров животных был использован астрагал как кость, достаточно часто остающаяся в целости. Средняя длина таранных костей коров Березани составляет 66,1 мм (lim 56,6–75,3; N = 103, $\sigma = 4,1$). Для крупного рогатого скота эллинистического времени Северного Причерноморья эта величина равна лишь 62,3 мм (lim 52,0 – 74,0; N = 749) (Цалкин, 1960). Однако на Мирмекии в слоях VI–V вв. до н. э. длина астрагалов крупного рогатого скота – 66,7 мм (N = 5). Тем не менее среди березанских материалов несомненно наличие остатков очень крупных животных. Достаточно сказать, что ширина нижнего блока плечевой кости достигает здесь 89,4 мм. Максимум для коров эллинистического времени Се-

верного Причерноморья – 89,0 мм (Там же). Таким образом, в целом, размеры коров на Березани достаточно стандартны для региона в позднеархаическое время, однако среди них изредка попадаются отдельные очень крупные особи. С другой стороны, наличие в материале остатков очень старых особей говорит о том, что коров (возможно, волов) использовали и как тягловый скот, для перемещения с небольшой скоростью достаточно тяжелых грузов. Очень показательными в этом смысле являются пропорции одной передней метаподии коровы из отложений Березанского поселения второй половины VI в. до н. э. По своей величине эта кость вполне стандартна. Ее длина – 188,0 мм. Для коров Ольвии эллинистического времени в среднем длина пясти – 187,5 мм (N = 29) (Там же). Ин-

декс отношения ширины диафиза к общей длине кости здесь тоже вполне стандартен – 17,6 (для Ольвии – 17,2; N = 29) Однако индекс ширины нижнего конца – 32,7. Эта величина превышает среднее значение для ольвийского и скифского скота, где эта величина составляет соответственно 31,5 (N = 29) и 31,8 (N = 40). Такое превышение индекса говорит о том, что нижняя часть найденной на Березани метаподии относительно очень широка. Такое расширение нижнего конца происходит тогда, когда кость испытывает большие нагрузки, например, при пахоте или перевозке тяжестей. Кстати, оценивая эти пропорции по методу О. Виг (*Wiig*, 1985), можно предполагать, что данная метаподия принадлежала волу. Промеры передних метаподий коров из поселения Березань представлены в таблице 10.

Таблица 10. Промеры передних метаподий коров поселения Березань

Table 10. Measurements of anterior metapodia of bovines from the settlement of Berezan

ПРОМЕРЫ	N	M	lim	s
Общая длина	6	189,5	172,0 – 219,0	17,4
Ширина проксимального эпифиза	11	55,6	45,8 – 65,5	10,7
Передне-задняя ширина проксимального эпифиза	12	36,5	28,2 – 48,0	5,6
Ширина диафиза в средней части	14	34,2	26,0 – 40,0	4,8
Ширина дистального эпифиза	8	60,1	50,0 – 71,6	8,5
Передне-задняя ширина дистального эпифиза	6	31,8	26,0 – 38,6	4,8

Анатомический состав коллекции остатков крупного рогатого скота практически не отличается от такового у мелкого рогатого скота (табл. 9). В целом, доля обломков краниальной области, мелких костей конечностей, метаподий, фаланг и ребер, т. е. несъедобных и малосъедобных частей туши, у коровы чуть больше. Однако общая структура практически одинакова (рис. 2, 2). Возможно, эти мелкие различия вызваны тем, что, в отличие от овец, некоторая часть быков (волово?) служила тягловыми животными.

Молодым особям принадлежит 12,3 % остатков, взрослым – 86,8 %, старым – 0,4 %. Последний показатель превышает таковой для коз и овец. Опять-таки это может происходить за счет того, что тягловые быки, которых не забивают на мясо, доживают до глубокой старости. По высоте 25 молочных зубов D₃ было установлено, что эти животные погибали в возрасте до двух лет, причем 10 – осенью, а 15 в феврале–мае.

Лошадь. Остатков лошадей было обнаружено сравнительно немного. Они составляют всего 2,2 % определимых костных остатков. Такая небольшая величина вызывает удивление. Однако

другие авторы, исследовавшие березанские находки, приводят похожую величину – 1,9 % для слоев VI–V вв. до н. э. (*Журавлев*, 1983а). В Ольвии в слоях VI в. до н. э. доля остатков домашней лошади аналогична березанской – 2,1 %. В материалах V–IV вв. до н. э. там эта величина составляет 3,5 %; в отложениях IV–II вв. до н. э. – 82 %, а в римское время, во II–III вв. н. э. – уже 13,9 %. Как видим, значение коня в хозяйстве древних обитателей региона со временем неуклонно возрастало.

В этой связи следует упомянуть, что в Восточном Крыму в это время количество остатков лошади несколько больше. На городище Мирмекий в слоях VI–V вв. до н. э. ей принадлежат 6,5 % определимых костных остатков. Можно предполагать, что Мирмекий имел больше контактов с местным варварским населением, и потому лошадь там была более распространена в повседневном обиходе.

К сожалению, среди этого малого количества остатков лошади не оказалось объектов, пригодных для сколько-нибудь достоверного морфологического анализа. Длина таранной кости

у лошадей Березани в среднем равняется 57,3 мм (lim 54,7–62,1; N = 14; $\sigma = 1,7$). Эта же величина для лошадей Северного Причерноморья эпохи эллинизма, приводимая В. И. Цалкиным (*Цалкин*, 1960), составляет 57,04 мм (lim 51,0 – 64,0; N = 106). Таким образом видно, что лошади Березани вполне укладываются в пределы изменчивости размеров лошадей в регионе и имели в среднем вполне стандартные размеры. Сравнения данных по первым фалангам передних конечностей дает несколько иные результаты. Общая длина этой кости в материалах Березани в среднем равна 86,8 мм (lim 82,1 – 97,0; N = 7; $\sigma = 5,0$), а для эллинистических лошадей Северного Причерноморья – только 85,44 мм (lim 78,0 – 99,0; N = 176). Отношение ширины диафиза первой передней фаланги к ее длине для Березани в среднем составляет 40,9, а у эллинистических лошадей – 41,1. Таким образом, лошади Березани выглядят чуть более грацильными, чем причерноморские лошади эллинистического времени в целом. Однако эти различия незначительны.

Среди костей лошади 2,2 % несут на себе следы кулинарной разделки. Среди костей коровы таких 2,3 %, среди костей мелкого рогатого скота – 2,0 %, а среди костей свиньи – 2,9 %. Таким образом, лошадь употреблялась в пищу примерно с такой же интенсивностью, как и другие домашние животные. Конина составляла в рационе древних обитателей поселения меньшую часть просто в силу небольшого количества лошадей в их хозяйстве.

За все время работ найдены лишь одна целая передняя и одна целая задняя лошадиные метаподии (детальное морфологическое исследование которых еще впереди). Их длины 248,5 и 270,0, что соответствует высоте в холке. По шкале В. О. Витта (*Vitt*, 1952), это соответствует высоте в холке 150 и 140 см, т. е. лошадям выше среднего и среднего роста.

Свинья. Остатки свиньи на поселении немногочисленны. Среди определимых костей это 5,0 %. Однако в Ольвии в слоях VI в. до н. э. ее доля еще меньше – 1,0 %. Примерно такой же процент остатков свиньи сохраняется там вплоть до римского времени. В Ольвии процент остатков домашней свиньи начинает достигать 4,3 % лишь во II–III вв. н. э. Свинья так же немногочисленна и на сельских поселениях Ольвийской округи в эллинистическое время (*Бибикова*, 1958; *Журавлев и др.*, 1990). Во всех поселениях, с ко-

торых поступили более или менее обильные костные материалы, ее остатки составляют 1,0–2,0 %. Таким образом, дело не в том, что Ольвия являлась крупным городским центром, внутри которого содержание свиней было затруднено, а просто в сельскохозяйственной сноровке обитателей региона. Примечательно, что на поселениях, расположенных несколько севернее, остатки свиньи бывают более многочисленны. Так, на скифском поселении Трахтемировское городище в среднем Поднепровье остатки свиней составляют уже 15,4 % (*Бэлан*, 1982). Можно предполагать, что природные условия в регионе в описываемое время препятствовали масштабному развитию свиноводства. Хотя дикий кабан в регионе в это время, несомненно, присутствовал.

В Восточном Крыму на Мирмекии в это же время, т. е. в период поздней архаики–ранней классики, процент остатков свиньи составляет 7,5 %. Это очень высокий процент. В окрестных поселениях, таких как Порфмий (слои VI–IV вв. до н. э.), остатки свиньи составляют 5,3 %, а на поселении Заветное-5 (слои V–IV вв. до н. э.) – 4,3 % (*Каспаров*, 2006). Таким образом, больший процент свиньи на Мирмекии обусловлен, вероятно, какими-то местными, вполне конкретными причинами. Свинья в хозяйстве обитателей Северного Причерноморья в доримские периоды везде была немногочисленна. На Березанском поселении основную часть ее остатков (42,8 %) составляют фрагменты краниальной области. Остальные области скелета составляют каждый от 3 до 6 %. Чуть больше обломков голени и предплечья: соответственно, 8,5 % и 11,3 %. Эти части имеют более низкую кулинарную ценность. Такое обилие фрагментов черепа и челюстей можно объяснить тем, что эта область вообще является малоценной в пищевом отношении частью туши. Голова свиньи, где примерно 80 % массы составляют массивные кости черепа, в пищу, конечно же, почти не использовалась. Голова, как правило, дает большое количество обломков, которые не шли в кулинарную обработку, а сразу выбрасывались и таким образом захоранивались в культурном слое, поэтому при общем незначительном количестве свиных остатков, основную часть их составляют обломки головы.

Челюсти молодых и полувзрослых животных, где смена зубов еще не закончена, можно подразделить на 4 возрастные группы. Первая – это челюсти новорожденных животных, возраст ко-

торых меньше месяца. Таких обнаружено 6 штук. Вторая группа – это животные в возрасте до полугода (12 находок). Третья группа – животные в возрасте примерно 7–9 месяцев (8 экз.). И, наконец, четвертая группа – это экземпляры в возрасте 9–10 месяцев, таких обнаружено только 2. Особей более старшего возраста не встречено, хотя третий молочный моляр у свиней окончательно выпадает в возрасте около полутора лет. Очевидно, основная часть животных забивалась именно в возрасте до 10 месяцев, причем главным образом в возрасте до полугода. Косвенно об этом говорит еще и то, что остатки молодых животных свиньи на поселении Березань составляют 45,0 % от общего количества ее остатков. У прочих видов эта доля не бывает выше 17,6 %.

Собака. На поселении Березань остатки собак наименее многочисленны по сравнению с остатками других животных. Им принадлежит всего 1,0 % определимых костей. Эти данные согласуются и с ранее опубликованными результатами (Журавлев, 1983а; Журавлев и др., 1990). В самой Ольвии в слоях классического и раннеэллинистического времени доля остатков собак чуть больше – 1,7–4,5 %. В архаических слоях окружающих Ольвию сельских поселений остатки собак чуть больше: в среднем примерно около 8,0 % (Журавлев и др., 1990). В сельских селищах костей собак всегда бывает несколько больше.

Некоторые кости на Березанском поселении имеют следы зубов собаки. Таких всего 1,5 %. Это вполне согласуется с небольшим количеством собак на поселении. Больше всего погрызенных собакой костей обнаружено среди остатков лошади: 4 % ее остатков несут на себе следы собачьих зубов. Среди костей мелкого рогатого скота и коровы таких лишь по 1,5 %.

К сожалению, обнаруженные остатки собак не дают возможности обсуждать ее породную принадлежность. Не было найдено ни одного целого черепа или хотя бы достаточно крупного фрагмента его. В целом видно, что величина собак небольшая – примерно с современную карельскую лайку.

Говоря о собаках Ольвии и окружающих поселений, В. И. Бибилова пишет: «...Во всех поселениях найдены остатки собак разнообразных пород (болонки, таксы, шпицы, борзые и др.)» (Бибилова, 1958. С. 154). Учитывая, что речь идет о слоях эллинистического времени, такие опре-

деления нельзя не признать слишком смелыми. Сомнительно, чтобы греческие колонисты разводили на своих поселениях такс и болонок. Однако определенную морфологическую разнородность собак следует отметить.

Пропорции 7 обнаруженных на Березани нижних челюстей собак заметно различаются. Две челюсти имеют сходные пропорции. Отношение высоты челюсти за M_3 к альвеолярной длине ряда щечных зубов у них составляет 36,5 и 34,8 %. Две другие, будучи несколько меньше по величине, заметно более массивны: у них эти величины равны 39,8 и 40,3 %. Еще две нижние челюсти оказываются относительно тонкими, у одного из этих экземпляров этот индекс равен 31,1 %, а у другой, очень мелкой и искривленной, – 27,8 %. Эти собаки, очевидно, выглядели по-разному, однако, на наш взгляд, это не различные, хорошо сформированные породы, а результаты вырождения и аномалий развития, которые вообще нередки у домашних животных.

Прочие виды. Говоря о прочих видах животных, остатки которых присутствуют в Березанской коллекции, в первую очередь следует упомянуть о левом фрагменте верхней челюсти льва, найденной в контексте 13а в материалах 2008 г. (рис. 3). Материалы этого контекста датируются второй половиной VI–началом V в. до н. э.

Остатки льва изредка попадались на памятниках Нижнего Поднепровья и Поднестровья и раньше. В. И. Бибилова описывает одну кость льва из поселения культуры гумельница у города Болград в Одесской области (Бибилова, 1973).

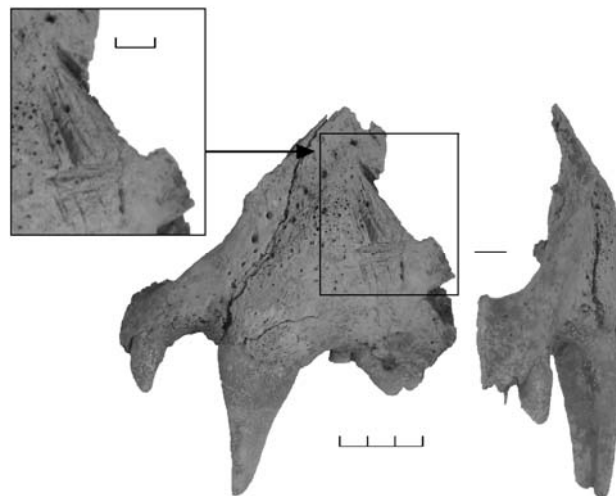

Рис. 3. Левый фрагмент верхней челюсти льва.
Fig. 3. Left fragment of lion's upper jaw.

Эта находка обнаружена в слоях середины IV тыс. до н. э. В материалах поздне трипольского поселения у села Маяки также в Одесской области обнаружено 9 костей крупной кошки, которую она определяет как льва. Памятник датируется серединой III тыс. до н. э. В своей работе В. И. Бибикова подчеркивает, что ландшафтные условия в районе устья Днестра, Днепра и Буга в раннеисторическое и античное время были таковы, что вполне подходили для обитания этого зверя.

В. И. Громова упоминает, что Геродот описывал льва из Македонии. Впервые фрагмент верхней челюсти льва был найден в Ольвии в 1911 г., однако, эта находка не имеет точной датировки (Громова, 1928). В 1938 и в 1946 гг. на городище были встречены еще около 9 обломков костей этого животного, принадлежавшие 3 или 4 особям. Среди них были и взрослые, и полувзрослые особи (Бибикова, 1958). В 1974 г. в Ольвии было найдено еще два фрагмента костей льва, а в землянке V в. до н. э. в ольвийском предместье был обнаружен фрагмент его черепа.

На поселении Березань льва определяли в материалах остеологических сборов 1975 и 1976 гг. В материалах VI в. до н. э. было найдено в общей сложности 4 зуба этого зверя (Журавлев, 1983а). Многие исследователи обращают внимание на то, что лев был весьма небольшого размера по сравнению экземплярами из мест его исконного обитания (Громова, 1928; Бибикова, 1973). Наша находка – не исключение. По своим размерам она занимает промежуточное положение между львом и леопардом. Так, ширина в клыках нашего экземпляра, измеренная по половине черепа, равна 70 мм. У льва эта величина составляет в среднем 87,2 мм, у леопарда 68,4 мм (в обоих случаях N = 10).

Остатки леопарда также известны для Южной Украины и Кубани, где они были обнаружены в отложениях эпохи энеолита и эллинистического времени (Каспаров, Саблин, 2004; Бибикова, 1958; Винокур, Хотюн, 1965). Потому вполне вероятным являлось то, что найденный экземпляр мог принадлежать и леопарду. Никаких существенных пропорциональных различий обнаружить не удалось. Однако по некоторым морфологическим признакам (например, приостренные ребра у краев переднебных отверстий), общей конфигурации симфизной области и некоторым другим мы посчитали возможным определить эту находку как фрагмент черепа льва.

Первоначально некоторые исследователи сомневались в том, что остатки льва имеют местное происхождение. Высказывались предположения, что эти хищники были обитателями городского зверинца (Громова, 1928), что кости привезли откуда-то извне в качестве амулетов или редкостей (Топачевский, 1956). Однако к настоящему моменту существование льва в античный период в западной части Северного Причерноморья можно считать доказанным, и наш экземпляр представляет собой хотя и очень редкую, но отнюдь не неожиданную находку. Следует согласиться с В. И. Бибиковой, которая считала, что остатки льва в античных контекстах памятников столь малочисленны потому, что этот хищник вообще был редок в регионе и, кроме того, местное население избегало охотиться на этого сильного и опасного зверя (Бибикова, 1973).

Найденный обломок верхней челюсти принадлежит далеко не молодому животному. Центральная вершина второго премоляра заметно сработана, сохранившийся третий левый резец также имеет заметную, хотя и не большую, фасетку стирания. Клык животного был при жизни обломан, и слом успел значительно заполироваться. Ориентируясь на эти признаки, можно очень приблизительно определить возраст животного примерно в 6–8 лет.

Наша находка на уровне второго премоляра имеет несомненные следы рубки не очень тяжелым тесаком (рис. 3). Трудно сказать, с какой целью череп подвергся подобной разделке. В этой связи следует вспомнить, что на Березани не раз обнаруживали остатки собак со следами несомненной кулинарной разделки (Журавлев, 1983б). На энеолитическом памятнике Мешоко, датированном концом V–началом IV тыс. до н. э., расположенном недалеко от г. Майкоп, была обнаружена дистальная часть левой плечевой кости леопарда со следами разделки по суставам (Каспаров, Саблин, 2004). Таким образом, теоретически можно предположить употребление льва в пищу, хотя это и вызывает большие сомнения.

Прочие дикие виды – это заяц, лиса, дикий кабан, определенный по трем очень крупным костям посткраниального скелета и одному обломку очень мощного клыка, благородный олень, осел и дельфин. Все эти виды вполне обыкновенны для памятников региона. Единичность их находок говорит о том, что охота на

Березанском поселении практически не практиковалась. Одна-единственная первая фаланга сайги – тоже, вероятно, случайная находка. Почти все кости благородного оленя – это обломки рогов. Таким образом, и это скорее отходы косторезного дела, чем свидетельства охотничьей деятельности. Единственная обнаруженная кость осли – диафиз лучевой кости взрослой особи – настолько маленького размера, что он никак не мог принадлежать лошади.

Вызывает большое удивление относительно малое количество костей дельфина в сборах (менее 0,03 %). Однако доля рыб довольно заметна – 9,3 %, хотя в Восточном Крыму она несколько больше. На Мирмекии, например, в VI–V вв. до н. э. она составляет 11,9 %, а количество костей дельфина там – 0,5 %. Остатки дельфинов на античных поселениях являются, как правило, остатками попавших под водой в рыболовные сети и погибших там животных. Потому количество остатков дельфина может косвенным образом говорить об уровне интенсивности рыболовства. Можно предполагать, что морскую рыбу обитатели Березани сами не ловили, а покупали ее у команд кораблей, приходивших на якорную стоянку. А те ловили ее в открытом море, таща за кораблем невод. Это тем более вероятно, что большинство из морских рыб – это осетровые крупного размера, которых сетями у берега удавалось бы поймать нечасто.

Остатки птиц. Остатки птиц не очень многочисленны на Березанском поселении. Их доля составляет всего 1,1 %. Однако видовое разнообразие здесь довольно большое. Определенные виды птиц и количество их костей приведены в таблице 11.

Количество определенных костей птиц здесь несколько меньше, чем в общей таблице. Причиной этого является то, что часть костей птиц оказалась неопределима или недостоверно определена. Видно, что практически все костные остатки птиц принадлежат диким видам. Из них наиболее многочисленны те, которые, вероятно, наиболее активно употреблялись в пищу. Это кряква, журавль-красавка, серый гусь, лебедь-шипун, северная олуша и большой баклан. На одной кости лебедя были обнаружены следы ножа. Несомненно, птицу употребили в пищу. Некоторые птицы встречаются в регионе не круглогодично, а в различные сезоны. Это дает нам возможность попытаться установить сезонность охоты на птиц. Гоголь встречается в Се-

верном Причерноморье с ноября по апрель. Журавль-красавка – с середины марта до конца сентября. Хохлатая чернеть – с конца сентября до середины апреля. Таким образом видно, что охота на диких птиц осуществлялась как в зимние, так и в летние сезоны. Северная олуша сейчас в регионе не встречается.

Таблица 11. Видовой состав остатков птиц поселения «Березань»

Table 11. Species composition of mammals from the settlement of Berezan

Вид	Количество костей, <i>n</i>
Белоклювая гагара <i>Gavia adamsi</i>	1
Большой баклан <i>Phalacrocorax carbo</i>	42
Северная олуша <i>Sula bassana</i>	20
Дрофа <i>Otis tarda</i>	3
Лебедь-шипун <i>Cygnus olor</i>	17
Гусь серый <i>Anser anser</i>	20
Огарь <i>Tadorna ferruginea</i>	2
Чомга <i>Podiceps cristatus</i>	1
Белошекая казарка <i>Branta leucopsis</i>	3
Кряква <i>Anas platyrhynchos</i>	18
Белоглазый нырок <i>Aythya nyroca</i>	1
Серая утка <i>Anas strepera</i>	2
Широконоска <i>Anas clypeata</i>	1
Хохлатая чернеть <i>Aythya fuligula</i>	6
Гоголь <i>Bucephala clangula</i>	3
Морянка <i>Clangula hyemalis</i>	1
Курица домашняя <i>Gallus gallus var. domesticus</i>	1
Серая куропатка <i>Perdix perdix</i>	1
Журавль-красавка <i>Anthropoides virgo</i>	13
Кулик-сорока <i>Haematopus ostralegus</i>	1
Серебристая чайка <i>Larus argentatus</i>	26
Ушастая сова <i>Asio otus</i>	3
Болотная сова <i>Asio flammeus</i>	1
Серая ворона <i>Corvus cornix</i>	13
Ворон <i>Corvus corax</i>	5
Цаплевые <i>Ardeidae indet.</i>	1
Ястребиные <i>Accipitridae indet.</i>	2
ВСЕГО	208

Из добывавшихся тогда птиц некоторые, такие, как, например, большой баклан, в настоящее время промысловыми видами не являются и охота на них не ведется. То же можно сказать и о чомге. Однако в те времена на стол обитателей поселения шло все, что в принципе можно было съесть. Это говорит о том, что охота на птиц была в то время не престижной забавой, а насущной необходимостью, от которой зачас-

тую могло зависеть выживание. Видно, что все наиболее многочисленные в коллекции птицы, за исключением серой вороны, это виды, так или иначе тяготеющие к воде. Примечательно, что дрофе – этой крупной сухопутной птице, которую, вероятно, было весьма легко добыть, принадлежит лишь три фрагмента. Видимо, обитатели Березани предпочитали охотиться на морском берегу, в прибрежных камышах, и по какой-то причине избегали уходить в степь, поэтому и количество сухопутных диких видов среди фаунистических остатков ничтожно.

Выводы. Итак, обитатели поселения на острове Березань практиковали скотоводство в ограниченных объемах, причем основным источником мяса здесь являлся мелкий рогатый скот, главным образом овца. В пищу употребляли и корову, мясо которой, видимо, использовалось не так часто, хотя и регулярно. Остатки лошадей говорят о том, что это животное использовали главным образом как транспортное средство, но тем не менее употребляли в пищу. Лошадь была немногочисленна, и потому на поселении использовали быков как дополнительное транспортное средство.

Следы зубов собаки на костных фрагментах говорят о том, что эти животные не содержались в каком-то специальном месте или загоне, а свободно бродили по всей территории памятника. Собака на поселении была немногочисленна.

Так же немногочисленна на поселении была и свинья, содержать которую в больших количествах обитатели региона, по-видимому, не имели возможности из-за особенностей природных условий и хозяйственных традиций.

Сезонность смерти овец и коз говорит о том, что скотоводство, скорее всего, было придомным, т. е. стада скота не угоняли далеко от поселения. Возможно, что часть мелкого рогатого скота приобреталась для еды у степных скотоводов.

Охота велась практически только на птиц, опять-таки вблизи поселения – на морском берегу.

На столе обитателей Березани нередко бывала и рыба. Более половины всех фрагментов рыб составляют остатки осетровых, причем часто они имели довольно крупные размеры. При расчете мясного потребления выявлено, что на первом месте по рассчитанному количеству «живого веса» также лидирует осетр (52,8 %), на втором месте севрюга (19,8 %), на третьем месте сазан (11,7 %). Основную часть добытых на по-

селении рыб составляют половозрелые особи (97,2 %) среднего и крупного размера. Максимальное количество особей приходится на 10–11-летние экземпляры (36,8 %). Среди остатков рыб преобладают фрагменты краниального скелета над посткраниальными в соотношении 1,7 к 1. Наличие элементов CRA и PCRA скелетов позволяет предположить, что рыба разделялась на поселения, непосредственно перед приготовлением в пищу.

Антипина, 2003 – Антипина Е. Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новые археозоологические исследования в России. М., 2003.

Бибикова, 1973 – Бибикова В. И. Костные остатки льва из энеолитических поселений Северо-Западного Причерноморья // Вестник зоологии. 1973. № 1.

Бібікова, 1958 – Бібікова В. І. Фауна Ольвії на її периферії за матеріалами розкопок 1935–1948 рр. // Археологічні Пам'ятки УРСР. Київ, 1958. № 7.

Бэлан, 1982 – Бэлан Н. Г. Фауна Трахтемирівського городища // Археологія. Київ, 1982. № 38.

Винокур, Хотюн, 1965 – Винокур І. С., Хотюн Г. М. Скіфський амулет // Археологія. Київ, 1965. № 19.

Витт, 1952 – Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. 16.

Громова, 1928 – Громова В. И. Лев в Европе в историческое время // Природа. 1928. № 10.

Долуханов, 2007 – Долуханов П. М. Березань, Черное море, миграции // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Сб. памяти Я. В. Доманского. СПб., 2007.

Доманский, Марченко, 2007 – Доманский Я. В., Марченко К. К. К вопросу о базовой функции первоначального Борисфена // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Сб. памяти Я. В. Доманского. СПб., 2007.

Журавлев, 1980 – Журавлев О. П. Дрібна рогата худоба елліністичного періоду Ольвії // Археологія. Київ, 1980. № 34.

Журавлев, 1983а – Журавлев О. П. Кісткові рештки ссавців в Ольвії та на Березані (Дослідження 1972–1976) // Археологія. Київ, 1983. № 42.

Журавлев, 1983б – Журавлев О. П. Животноводство, охота и ландшафтные особенности античного Ольвийского государства (по костным остаткам) // Морфологические особенности позвоночных Украины. Киев, 1983.

Журавлев и др., 1990 – Журавлев О. П., Маркова Е. П., Сычева Л. В. К истории животноводства Ольвийской сельской округи // Крыжцицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990.

Каспаров, 2006 – Каспаров А. К. Osteологические материалы поселения Заветное 5 из раскопок 2003–2004 гг. // Соловьев С. Л., Шенко Л. Г. Отчет античной комплексной археологической экспедиции: Археологические памятники сельской округи Акры: Поселение Заветное-5. СПб., 2006. Ч. II.

Каспаров, Саблин, 2004 – Каспаров А. К., Саблин М. В. Исследование фаунистических остатков поселения Мешоко на Северном Кавказе // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А. А. Формозова. СПб., 2004.

Лебедев, 1960 – Лебедев В. Д. Пресноводная четвертичная ихтиофауна европейской части СССР. М., 1960.

Мовчан, 2011 – Мовчан Ю. В. Риби України, Київ, 2011.

Назаров, 2003 – Назаров В. В. Гидроархеологическая карта черноморской акватории Украины (памятники античной и средневековой эпох). Киев, 2003.

Соловьев, 1993 – Соловьев С. Л. О формировании городской и полисной структуры Березанского поселения // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. № 3.

- Топачевский, 1956 – Топачевский В. О. Фауна Ольвии // Збірник праць Зоологічного музею АН УССР. Київ, 1956. № 27.
- Цалкин, 1958 – Цалкин В. И. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции / Отв. ред. А. П. Смирнов. М., 1958. Т. II (МИА; № 61).
- Цалкин, 1960 – Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. М., 1960 (МИА; № 53).
- Цалкин, 1961 – Цалкин В. И. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень МОИП. Отдел биологии. М., 1961. Т. 66, вып. 5.
- Яниш, Антипина, 2013 – Яниш Е. Ю., Антипина Е. Е. Промысловые рыбы древней Ольвии (I – III вв. н. э.) и ее окрестностей // Зоологический журнал. М., 2013. Т. 92, № 9.
- Яниш, Ковальчук, 2013 – Яниш Е. Ю., Ковальчук А. Н. Реконструкция длины тела и веса промысловых видов рыб из материалов археологических раскопок поселения на о. Березань (VI–V вв. до н. э.) // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». Ростов-на-Дону, 2013.
- Brandt et Ratzburg, 1833 – Brandt J. F., Ratzburg J. C. T. *Acipenser gueldenstaedtii*. Berlin, 1833.
- Lepiksaar, 1994 – Lepiksaar J. Introduction to osteology of fishes for paleozoologists. Göteborg, 1994.
- Linneus, 1758 – Linneus C. *Systema Naturae*. Stockholm, 1758.
- Nordmann, 1840 – Nordmann A. *Histoire naturelle des animaux sans vertèbres*. III. Entozoa. Paris, 1840.
- Pallas, 1771 – Pallas P. S. *Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches*. Vol. I. St. Petersburg, 1771.
- Pallas, 1778 – Pallas P. S. *Novae species quadrupedum e glirium ordine*. Erlangae, 1778.
- Radu, 2005 – Radu V. Atlas for the identification of bony fish bones from archaeological sites. Bucuresti, 2005.
- von den Driesch, 1976 – von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. Harvard, 1976.
- Wiig, 1985 – Wiig O. Sexing of subfossil cattle metacarpals // *Acta theriologia*. 1985. Vol. 30. N 21–31.

On the bone remains from the Archaic period settlement of Berezan on the northern Black Sea littoral (Ukraine)

E. Yu. Yanish, A. K. Kasparov

Studies of the species composition of fish remains has demonstrated that fishing was focused on eleven species belonging to four orders: sturgeons (*Acipenseriformes*) – Russian sturgeon (*Acipenser gueldenstaedtii*, Brandt et Ratzburg, 1833), stellate sturgeon (*Acipenser stellatus*, Pallas, 1771), sterlet (*Acipenser ruthenus*, Linnaeus, 1758), beluga sturgeon (*Huso huso*, Linnaeus, 1758); *Cypriniformes* – common carp (*Cyprinus carpio*, Linnaeus, 1758), vyrezub (*Rutilus frisii*, Nordmann, 1840), roach (*Rutilus rutilus*, Linnaeus, 1758), common bream (*Abramis brama*, Linnaeus, 1758); *Perciformes* – zander (*Sander lucioperca*, Linnaeus, 1758); *Eso-ciformes* – pike (*Esox lucius*, Linnaeus, 1758); *Siluriformes* – sheatfish (*Silurus glanis*, Linnaeus, 1758).

The faunistic remains include fragments of the following species: ordinary fox (*Vulpes vulpes*, Linneus, 1758), lion (*Panthera leo*, Linneus, 1758), hare (*Lepus europaeus*, Pallas, 1778), wild boar (*Sus scrofa ferus*, Linneus, 1758), red deer (*Cervus elaphus*, Linneus, 1758), saiga (*Saiga tatarica*, Linneus, 1758), donkey (*Equus asinus*, Linneus, 1758), horse (*Equus caballus*, Linneus, 1758), bull (*Bos taurus*, Linneus, 1758), sheep (*Ovis aries*, Linneus, 1758), goat (*Capra hircus*, Linneus, 1758), pig (*Sus scrofa domestica*, Linneus, 1758), dog (*Canis familiaris*, Linneus, 1758), dolphin (family of *Delphinidae* sp.), birds (*Aves* sp.), and turtle (order *Testudines*).

The remains of birds are not very numerous at the Berezan settlement. They constitute only 1,1 %. However, a fairly large diversity of species is here observable. Among the finds there have been identified white-billed loon (*Gavia adamsii*), large cormorant (*Phalacrocorax carbo*), northern gannet (*Sula bassana*), Great bustard (*Otis tarda*), swan (*Cygnus olor*), greylag goose (*Anser anse*), roody shelduck (*Tadorna ferruginea*), great-crested grebe (*Podiceps cristatus*), barnacle goose (*Branta leucopsis*), mallard (*Anas platyrhynchos*), white-eye (*Aythya nyroca*), grey duck (*Anas strepera*), northern shoveler (*Anas clypeata*), tufted duck (*Aythya fuligula*), common goldeneye (*Bucephala clangula*), long-tailed duck (*Clangula hyemalis*), chicken (*Gallus gallus* var. *domesticus*), grey partridge (*Perdix perdix*), demoiselle crane (*Anthropoides virgo*), oystercatcher (*Haematopus ostralegus*), herring gull (*Larus argentatus*), long-eared owl (*Asio otus*), short-eared owl (*Asio flammeus*), hooded crow (*Corvus cornix*), raven (*Corvus corax*), herons (*Ardeidae* indet.), falcons (*Accipitridae* indet.).

Among the fishes, the most numerous are remains of sturgeons. Among the mammals bones of sheep and goats predominate. Great bustard is the predominant species among the hunting catch. It is possible to reconstruct certain features of the economy of the settlement.

ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЕ БОСПОРСКОГО ГОРОДА КИТЕЯ ПО АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ (РАСКОПКИ 1970–1995 гг.)

Е. А. Молев¹

Рассматривается археозоологический материал из раскопок боспорского города Китея. Материалы исследования используются для выводов о состоянии жизнеобеспечения населения города мясной и рыбной продукцией на протяжении всего периода истории города – с V в. до н. э. по VI в. н. э.

Here the archaeo-zoological evidence from excavations of the Bosporan city of Kytaiion is discussed. The present study draws conclusions on the state of provision of the town's residents with meat and fish products during the entire period of its history – from the 5th century BC to the 6th century AD.

Ключевые слова: Китей, животноводство, рыболовство, охота, жизнеобеспечение
Keywords: Kytaiion, animal husbandry, fishery, hunting, life sustenance.

Проблема продовольственного снабжения населения в античных городах всегда решалась прежде всего за счет их собственных сельскохозяйственных ресурсов. В тех случаях, когда этих ресурсов не хватало, необходимое продовольствие закупалось у других государств или у варваров. Причем последнее обстоятельство касалось преимущественно городов собственно Греции и Малой Азии. Полисы Северного Причерноморья вполне обеспечивали себя сами. Более того, по сообщению Демосфена (Demosth., XX, 31–33), мы знаем, что с Боспора в Афины вывозилась половина необходимого афинянам хлеба. Страбон сообщает ряд фактов об охоте, животноводстве и рыболовстве на Боспоре и вывозе этой продукции в полисы Эллады и Малой Азии (Strabo., VII, 3, 18; VII, 4, 6; VII, 4, 8; XI, 2, 3; XI, 2, 4).

За период раскопок с 1970 по 1995 г. в боспорском городе Китее было найдено 11 454 фрагмента костей животных и рыб, не считая довольно многочисленных мелких фрагментов, которые не принимались в расчет, а также створок раковин мидий и улиток, которые исчисляются тысячами. Число определенных костных

остатков составляет 7240 элементов скелета и их фрагментов (63,2 %). Это позволяет представить определенную картину состояния обеспечения города мясными и морепродуктами за весь период его истории. Для сравнения будут использованы также материалы некрополя, опубликованные А. К. Каспаровым (Каспаров, 1996. С. 38–40). Главной нашей целью было выявление роли охоты и скотоводства в жизни населения города, а также изучение особенностей местного рациона исходя из соотношения разных видов разводимого скота в различные периоды истории города.

Остеологический материал в Китее весьма многочислен и разнообразен. Значительная часть его (36,8 %) осталась неопределенной из-за отсутствия палеозоолога в первые годы работы экспедиции. Это, прежде всего, кости диких животных и птиц. Те же кости, которые принадлежат домашним животным, определялись с большей или меньшей степенью вероятности. С 90-х гг. с остеологическим материалом Китея работает палеозоолог А. К. Каспаров, который составил более четкую картину соотношения костей животных и их количества в Китее, а также дал их определение. Для определения костей рыб и крабов мы пользовались консультациями сотрудников лаборатории физиологии рыб Азово-Черноморского института рыбного хозяйства и океанографии (АЗЧЕРНИРО, теперь ЮГНИРО). По-

¹ Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23. Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. Институт международных отношений и мировой истории.

лученные в результате раскопок 1970–1995 гг. материалы городища дают следующую картину.

Прежде всего отметим, что среди костей очень небольшое количество обломков ребер, позвонков и наблюдается полное отсутствие черепов, кроме черепов собак. Это дает основание думать, что туши разделялись за пределами города, а в дома и в святилища для жертвоприношений приносились уже подготовленные к приготовлению (или готовые к употреблению) части.

Начнем с оценки общего количества находок на городище. Они представлены на таблице I и графике (рис. 1, I).

Как следует из вышеприведенной таблицы и графика, основную часть нашей коллекции

составляют костные остатки млекопитающих – 6868 штук или 94,5 % от числа определимых костей, затем следуют фрагменты рыб и крабов 284 (3,9 %), а также птиц 118 (1,67 %). Все определимые костные фрагменты млекопитающих принадлежат домашним животным. Основное количество их остатков принадлежит копытным 6771 (98,5 % от числа определимых костей домашних животных).

В целом, как и в ряде других центров Боспора (Каспаров, 2001. С. 268; 2004. С. 116–117; Бутягин, Каспаров, 2007. С. 135; Добровольская, 2009. С. 115; Каспаров, 2010. С. 246), главными разводимыми видами домашних животных являлись крупный и мелкий рогатый скот (КРС и МРС), лошадь и свинья. Крупный рогатый

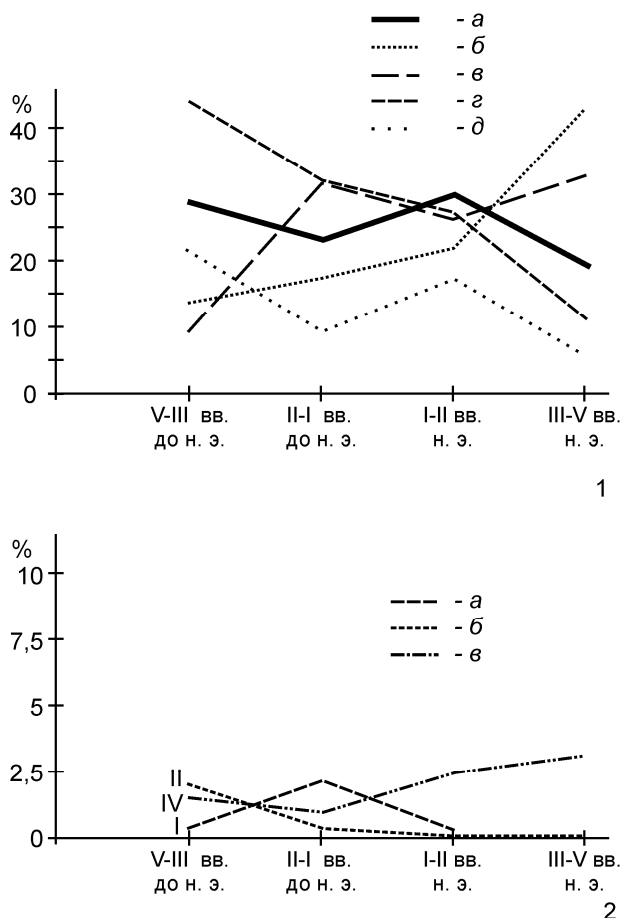
Таблица 1. Состав фаунистических находок на городище

Table 1. Composition of faunistic finds at the settlement-site

Наименования и даты	V–III вв. до н. э.	II–I вв. до н. э.	I–II вв. н. э.	III–VI вв. н.э.	Всего	%
Неопределенные	780	993	1474	970	4217	36,8
КРС (Bos taurus)	1034–49,3%	1091–65%	1171–54,3%	585–44,7%	3881	53,6
МРС (Capra et ovis)	715	412	862	646	2635	36,4
Овца (Ovis aries)	22	10	10	8	50	0,7
Коза (Capra hircus)	3	25	1	–	29	0,4
Лошадь (Equus caballus)	21 – 1%	1 – 0,06%	24 – 1,1%	9 – 0,7%	55	0,8
Свинья (sus scrofa domestica)	89 – 4,2%	11 – 0,6%	7 – 0,3%	4 – 0,3%	111	1,5
Собаки (canis familiaris)	60 – 2,9%	21 – 1,2%	18 – 0,8%	8 – 0,6%	107	1,5
Дельфин (Tursiops truncatus Ponticus)	3	4	2	1	10	0,1
Камбала (Psetta maecotica)	3	–	8	5	16	0,2
Кефаль (Mugil cephalus)	–	10	12	–	22	0,3
Хамса (Engraulis encrasicolus ponticus)	–	–	–	10	10	0,1
Рыбы (pisces)	33	3	28	4	101	1,4
Осетровые (Acipenseridae)	35	22	8	24	89	1,2
Крабы (Eriphia verrucosa Forskal)	2	33	–	1	36	0,5
Птицы (aves sp.)	72	33 – 2%	4 – 0,2%	4 – 0,3%	113	1,6
Чайка (Laridae)	5	–	–	–	5	0,07
Всего за период	2878	2669	3629	2279	11454	100
%	25,1%	23,3%	31,7%	19,9%	100	
В т. ч. определенных	2097	1676	2155	1309	7237	100
%	29%	23,1%	29,8%	18,1%	100	

% неопределенных находок взят от общего числа; % определенных рассчитан от их общего числа; КРС – крупный рогатый скот; МРС – мелкий рогатый скот.

the percent of unidentified finds is calculated from the total number of skeletal remains; the percent of species is calculated from the total number of identified finds; КРС – large cattle; МРС – small cattle

Рис. 1. Соотношение находок костей по периодам и раскопам:

1 – кости крупного (a, z) и мелкого (b, d) рогатого скота (a – общее соотношение; b–v – раскопы I, III–IV; z–d – раскоп II; b, d – МРС; v, z – КРС); 2 – остатки ихтиофауны (a – раскоп I; b – раскоп II; v – раскоп IV).

Fig. 1. Distribution of bone finds over periods and excavation areas:

1 – bones of large horned (a, z) and small horned (b, d) cattle (a – general ratio; b–v – excavation areas I, III–IV; z–d – excavation II; b, d – small horned cattle; v, z – large horned cattle); 2 – remains of ichthyofauna (a – excavation I; b – excavation II; v – excavation IV).

скот преобладает на памятнике в целом и во всех выделенных периодах. Небольшое уменьшение численности костей КРС и сравнении с МРС в последний период истории города в III–VI вв. н. э. не является принципиальным для оценки жизнеобеспечения населения мясом, если вспомнить, что одна корова по количеству мяса соответствует семи особям МРС или 4–5 свиньям (Каспаров, 2001. С. 271). При этом в целом доля КРС от начала истории города и до I в. до н. э. постоянно возрастает и только с I–II вв. н. э. начинает сокращаться. Такое падение может быть связано с сокращением числа жите-

лей города и экологическими изменениями в регионе.

Доля МРС достаточно сильно колеблется, резко снижаясь во II–I вв. до н. э. по сравнению с предыдущим периодом, столь же резко возрастающая в I–II вв. н. э. и снова возрастающая в III–VI вв. н. э. Динамика найденных фрагментов лошади колеблется незначительно. В целом максимальное число находок костей лошади на территории городища приходится на I в. н. э., когда они составляют не более 1,1 %. В основном это зубы. В остальные периоды находки костей лошади встречаются еще реже.

Соотношение находок костей свиньи в Китее является необычным для Боспора. Если в IV–III вв. до н. э. оно мало отличается от других боспорских городов (Каспаров, 2010. С. 246. Табл. 2), то уже во II–I вв. до н. э. доля костей свиньи резко (в 8 раз) сокращается по сравнению с предыдущим периодом и продолжает сокращаться в последующее время вплоть до конца истории города. Причем подавляющее число костей свиньи (73 %) найдено в слое IV–III вв. до н. э. на центральном городском святилище (раскоп II, зольник). Многие из них представляют собой кабаньи клыки, которые могли использоваться как амулеты. Интересно, что в последующие периоды на этом раскопе костей свиньи вовсе нет. Учитывая большую роль в Китее IV–III вв. до н. э. культа Деметры, который отправлялся именно в центральном зольнике, и то, что именно свинья традиционно считалась жертвенным животным этой богини (Фрезер, 2006. С. 490–492; Кобылина, 1961. С. 35–36; Ходза, 1997. С. 63–65), такое соотношение позволяет думать, что мясо свиней использовалось преимущественно для ритуальных целей, а не в пищу. Кстати, среди материалов раскопок на участке зольника, связанном с почитанием Деметры, в 2007 г. была найдена терракотовая статуэтка поросенка (Кузина и др., 2010. С. 283), косвенно подтверждающая наш вывод.

Рассмотрим теперь соотношение костных остатков основных видов домашних животных (КРС и МРС) по раскопам (таблица 2, график на рис. 1, 1).

Как видно из таблицы и графика, основная масса костей КРС также первоначально концентрируется на раскопе II. Затем во II–I вв. до н. э. число костей КРС на святилище резко падает, в то время как на других раскопах столь же резко возрастает, хотя и не достигает уровня раско-

па II. В I–II вв. н. э. число костей КРС на святилище продолжает падать. Почти в том же соотношении падает это число и в районах жилых кварталов. И наконец, в III–VI вв. н. э. на зольнике число костей резко уменьшается, в то время как на территории жилых кварталов оно возрастает и втрое превышает число находок на святилище.

Несколько иное соотношение костей МРС. Оно непрерывно растет на территории жилых кварталов, превышая на 10 % в III–VI вв. н. э. число костей КРС. На территории же святилища число костей МРС вдвое падает во II–I вв. до н. э., снова немного увеличивается в I–II вв. н. э. и, наконец, резко сокращается в III–VI вв. н. э.

Нельзя не отметить присутствия среди остеологического материала костей и черепов собак (*canis familiaris*). 72 % их найдено на участке центрального святилища (табл. 3).

На других участках они найдены в основании стен и башен, а также в мусорных свалках. Все это заставляет думать, что собака в пищу в Китее не употреблялась.

Таким образом, если рассматривать соотношение долей различных видов домашнего скота

по раскопам, то можно заметить определенные тенденции лишь в отношении КРС и МРС. Во-первых, очевидно преобладание в мясном пищевом рационе китейцев крупного рогатого скота во все периоды истории города, а в течение V в. до н. э.–III вв. н. э. и в сакральных жертвоприношениях. Во-вторых, на территории жилых кварталов роль МРС в мясном жизнеобеспечении китейцев постоянно возрастала и в последний период практически сравнялась с ролью КРС.

Костные остатки ихтиофауны в Китее по сравнению с остатками костей животных менее многочисленны (всего 3,9 %) (таблица 4, график на рис. 1, 2). Но это, вероятно, связано с тем, что в первые годы раскопок эти кости вообще не определялись и их находки отмечались чрезвычайно обобщенно. Кроме того, некоторая их часть, несомненно, попала в число неопределенных. Более важная роль продукции рыболовства в Китее, чем представляется по нашим данным, следует и из того, что город располагался на границе со скифами, для которых рыба также была одним из продуктов питания уже с V в. до н. э. (Gavriljuk, 2005. P. 112) На территории

Таблица 2. Распределение костей КРС и МРС по раскопам в процентном соотношении

Table 2. Percentage of distribution of bones of large cattle and small cattle through excavations

Периоды	V–III вв. до н. э.		II–I вв. до н. э.		I–II вв. н. э.		III–VI вв. н. э.	
	I, IV	II	I, III, IV	II	I, III–V	II	I, III–V	II
КРС	8,8 %	40,4 %	32,3 %	32,7 %	26,8 %	27,4 %	33,3 %	11,3 %
МРС	13,4 %	21,8 %	17,3 %	9,2 %	22 %	17,4 %	43,6 %	5,9 %

Таблица 3. Находки костей собак

Table 3. Finds of dog bones

Периоды	V–III вв. до н. э.		II–I вв. до н. э.		I–II вв. н. э.		III–VI вв. н. э.	
	I, IV	II	I, III, IV	II	I, III–V	II	I, III–V	II
Собаки	9,3 %	46,7 %	13 %	6,5 %	1,9 %	14,9 %	3,7 %	3,7 %

Таблица 4. Распределение костей рыб и крабов по раскопам в процентном соотношении

Table 4. Percentage of distribution of the remains of fishes and crabs throughout the excavations

Периоды	V–III вв. до н. э.		II–I вв. до н. э.		I–II вв. н. э.		III–VI вв. н. э.	
	I, IV	II	I, III, IV	II	I, III–V	II	I, III–V	II
Осетровые	1,1 %	18 %	12 %	–	3,8 %	0,5 %	13 %	–
Камбала	–	1,6 %	–	–	4,3 %	–	2,7 %	–
Кефаль	–	–	5,4 %	–	6,5 %	–	–	–
Хамса	–	–	–	–	–	–	5,4 %	–
Дельфины	–	1,6 %	–	2,2 %	0,5 %	0,5 %	0,5 %	–
Крабы	0,5 %	0,5 %	17,4 %	0,5 %	–	–	0,5 %	–
Всего	1,6 %	21,7 %	34,8 %	2,7 %	15,2 %	1 %	22,3 %	–

городских кварталов и в зольнике, в заполнении мусорных ям, на донцах ряда амфор и пифосов, на импровизированных алтарях, найдено довольно большое количество костей рыб, раковин мидий (*Mytilus edulis L.*) и устриц (*Ostrea sp.*). На ряде участков центрального святилища и восточного приморского участка городища раковины мидий и кости рыб лежат сплошным слоем. Присутствуют также на всех приморских участках городища раковины гребешков и каури. Последние, однако, свидетельствуют скорее о дальних торговых связях города. Как мы уже отмечали, принадлежность костей ихтиофауны из наших раскопок определяли сотрудники лаборатории физиологии рыб Азово-Черноморского института рыбного хозяйства и океанографии г. Керчь (зав. лабораторией В. С. Апекин, потом Н. И. Куликова). Согласно их определениям, в ранний период истории города (V–III вв. до н. э.) среди костей рыб преобладают осетровые (*Acipenseridae*). Они принадлежат собственно осетру и севрюге, и поныне обитающим в Черном и Азовском морях, а также в реках Кубань и Дон.

На втором месте неопределенные кости, немало черноморской камбалы (*Psetta maotica*), известной под названием камбалы-калкана, и остатки крабов (*Eriphia verrucosa Forskal*). Черноморская камбала и сегодня в большом количестве встречается в области Керченского пролива и является ценной промысловой рыбой. Ранние находки крабов представлены находками клешней так называемых каменных крабов. Это самый известный съедобный черноморский краб. Встречаются также позвонки дельфинов. Дельфин, как известно, «является побочным продуктом рыболовства, погибая случайно в сетях рыбаков, и интенсификация рыболовства всегда влечет за собой увеличение в материалах не только количество костей рыб, но и остатков дельфина» (Бутягин, Каспаров, 2007. С. 136).

Отметим, что абсолютное большинство костей осетровых, вся камбала и дельфины, половина крабов найдены в центральном святилище, что заставляет предполагать их связи с культовыми обрядами, по-видимому, трапедами во время религиозных церемоний.

Во II–I вв. до н. э. на сакральном участке (раскоп II) встречены только отдельные кости дельфина и краба. На территории же жилых кварталов резко увеличилось число осетровых и крабов. Осетровые представлены теми же ви-

дами. Среди крабов кроме каменных есть находки клешней и части панцирей зеленых (травяных) крабов (*Carcinus aestuarii Nardo*) и мраморных крабов (*Pachygrapsus marmoratus*). Все эти виды крабов съедобные и, учитывая место находки, надо полагать, что они составляли часть рациона питания жителей Китея.

Кроме того, на территории жилых кварталов появляются кости и чешуя черноморской кефали-сингиля (*Mugil auratus*). Этот вид рыбы пользовался, по-видимому, большой популярностью в Китее. В 1982 г. были найдены три лепных рыболовных грузила, у которых в верхней их части продавленной продольной линией как будто обозначен рот рыбы. Вместе с отверстием по форме они напоминают голову кефали (рис. 2) (Молев, 2011. С. 131, рис. 20). Находка их в предполагаемом сакральном комплексе и то, что они не обожжены, позволяет думать о votивном характере этих изделий и использовании рыбы, помимо ее основной роли как продукта питания, в том числе и в сакральных целях.

В слоях I–II вв. н. э. на святилище также найдено по одному фрагменту костей осетровых и дельфина. На территории жилых кварталов ихтиофауна представлена костями осетровых, кефали, камбалы и одним позвонком дельфина. Численность находок осетровых при этом сократилась втрое, а находки кефали увеличились на 1 %. В 2,5 раза увеличилось также число находок камбалы. Отметим, что на одном из фрагментов краснолаковых тарелок сохранился почти целый скелет камбалы (по определению А. В. Куликова).

В последний период истории города в III–VI вв. н. э. на центральном городском святилище рыбные остатки отсутствуют. На городской же

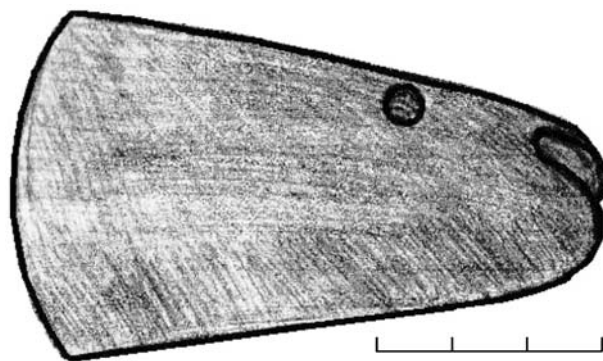

Рис. 2. Грузило в виде головы кефали.

Fig. 2. Sinker in the form of mullet head.

территории опять резко (почти в 4 раза) увеличивается число осетровых, сокращается, но остается камбала и появляется европейский анчоус – хамса (*Engraulis encrasicolus ponticus Alexandrov*). В античное время анчоусы в соленом виде высоко ценились как продукт питания, а, кроме того, служили для приготовления соуса гарум. Для этих целей, вероятнее всего, использовалась хамса и в Китае.

Судя по концентрации находок, основным районом проживания рыбаков был восточный приморский район городища, там, где берег спускался к морю в виде балки. Здесь найдено 32,8% свидетельств рыболовства. Но находки костей рыб распределяются более или менее равномерно по всем раскопам городища, что свидетельствует о том, что рыба была одним из основных продуктов питания *всех* жителей Китея (Молев, 2010б. С. 313).

Находки костей птиц на территории городища составляют менее 1,7%. Среди них выделены только кости большой чайки – баклана (*Laridae*). Мясо чаек вполне съедобно. Однако 67% находок костей птиц и все 100% находок костей чаек сделаны на центральном городском святилище, что заставляет пока исключить их из числа источников питания китейцев.

Несколько иное соотношение видов остеологического материала на некрополе (табл. 5).

Представленные здесь материалы захватывают не весь период истории города, а лишь I–IV вв. н. э. Но в целом они подтверждают неко-

торые наши наблюдения по материалам городища и дополняют новыми. Первое место среди определенного материала занимают кости лошади. Это преобладание не случайно. В 1982 и 1984 гг. были найдены захоронения четырех целых лошадей: одно – с погребением V в. до н. э. и три – с погребением в склепе I в. н. э. (Молев, Шестаков, 1991. С. 90–92, № 31, 51). Абсолютное большинство других находок также связано с ритуальными конскими захоронениями. Это подтверждает наш вывод о том, что лошадь в пищу в Китае практически не использовалась.

Однако в заупокойных трапезах и среди напутственной пищи преобладают фрагменты костей МРС, при достаточно большом количестве костей КРС. Это также вполне соответствует материалам городища, где наблюдается рост численности костей МРС и в эллинистическое и римское время. Костей свиней и собак в соотношении с тем же периодом на городище несколько больше, но все равно немного. Еще меньше костей диких животных (лиса, заяц, сайга) и рыбы. Но зато более чем вдвое больше костей птиц, представленных самыми разнообразными видами. Среди них малый буревестник, кудрявый и розовый пеликан, утка, болотный лунь, серая куропатка, дрофа, серебристая чайка, большой баклан (доминирует среди находок – 66,6%), большая выпь, малая белая цапля, орлан-белохвост, орел-могильник, сокол-балобан, чомга и домашняя курица (Каспаров, 1996. С. 39). Большинство представленных диких птиц в пищу непригодны и скорее приносились в жертву в связи с погребальными обрядами. Но куропатки и дрофы вполне могли использоваться не только для ритуальных трапез, равно как заяц и сайга среди диких животных. Все эти данные свидетельствуют, что пищевой рацион китейцев мог быть более разнообразен, чем он представлен в материалах городища.

В круг источников об обеспечении населения Китея продовольствием можно включить и довольно большое количество (761) фрагментов изделий из кости, которые, в большинстве своем, несомненно, были изготовлены в самом Китае и из местного остеологического материала (Молев, 2010а. С. 83). Абсолютное преобладание среди этих находок игл для плетения рыболовных сетей (53,2%) (Молев, 2010б. С. 312) позволяет думать о значительно большей роли рыболовства и морского промысла, чем это прослеживается по костным остаткам ихтиофауны. Тот

Таблица 5. Состав фаунистических находок с некрополя Китея (Каспаров, 1996. С. 38)

Table 5. The composition of faunistic finds from the necropolis of Kytaiion

Виды	Количество	%
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	162	19,4
КРС (<i>Bos taurus</i>)	100	12
Коза (<i>Capra hircus</i>)	19	2,3
Овца (<i>Ovis aries</i>)	36	4,3
Овца или коза (<i>Capra et ovis</i>)	98	11,8
Свинья (<i>sus scrofa domestica</i>)	24	2,8
Собаки (<i>canis familiaris</i>)	88	10,5
Кошка (<i>felis domestica</i>)	4	0,4
Лиса (<i>Vulpes vulpes</i>)	12	1,4
Заяц (<i>Lepus europaeus</i>)	8	1,1
Сайга (<i>Saiga tatarica</i>)	24	2,9
Птицы (<i>Aves sp.</i>)	248	29,7
Рыбы (<i>Pisces</i>)	12	1,4
Всего определяемых	835	100
Неопределимых	438	

факт, что более половины орудий труда, связанных с рыболовством, найдено на центральном городском святилище, позволяет предполагать и вероятность их сакрального предназначения (Молева, 2004. С. 265–266), но не исключает из числа свидетельств о рыболовстве в Китее.

В заключение еще раз подчеркнем, что обнаруженные при раскопках в Китее костные остатки животных свидетельствуют о том, что жители города не испытывали необходимости в постоянной охоте на диких зверей, производя мясо и другие продукты животноводства в достаточном количестве.

- Бутягин, Каспаров, 2007 – Бутягин А. М., Каспаров А. К. Костные остатки животных из «Западного зольника» Мирмекия // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2007. Ч. 1.
- Добровольская, 2009 – Добровольская Е. В. Археозоологические исследования Фанагории (2005–2008 гг.) // X Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
- Каспаров, 1996 – Каспаров А. К. Фаунистические остатки с некрополей боспорских городов Илурад и Китей // Животные и растения в мифоритуальных системах: Материалы науч. конф. СПб., 1996.
- Каспаров, 2001 – Каспаров А. К. Фаунистические остатки поселения Белинское в Восточном Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001. Ч. 2.

- Каспаров, 2004 – Каспаров А. К. Два хронологических периода в формировании зольника Пантикапея. Специфика костных материалов // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. Ч. 1.
- Каспаров, 2010 – Каспаров А. К. Костные остатки млекопитающих из поселения «Генеральское-Западное, юго-западный склон» и некоторые хозяйственные реконструкции Боспора раннеэллинистического времени // Древности Боспора. М. 2010. Т. 14.
- Кобылина, 1961 – Кобылина М. М. Терракотовые статуэтки Фанагории и Пантикапея. М., 1961.
- Кузина и др., 2010 – Кузина Н. В., Молева Н. В., Матукина А. Н. Комплекс терракотовых статуэток из Китейского святилища // Древности Боспора. 2010. Т. 14.
- Молев, 2010а – Молев Е. А. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь, 2010. С. 83.
- Молев, 2010б – Молев Е. А. Рыболовство и охота в Китее // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010.
- Молев, 2011 – Молев Е. А. О рыболовстве в Китее // Боспорские исследования. 2011. Вып. 25.
- Молев, Шестаков, 1991 – Молев Е. А., Шестаков С. А. Некрополь Китей // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.
- Молева, 2004 – Молева Н. В. Производственные вотивы в Китейском святилище // V Боспорские чтения. Керчь, 2004.
- Фрезер, 2004 – Фрезер Д. Золотая ветвь. М., 2006.
- Ходза, 1997 – Ходза Е. Н. К вопросу об анималистических изображениях в античной коропластике // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 1997. Т. 28.
- Gavriljuk, 2005 – Gavriljuk N. Fishery in the Life of the Nomadic Population of the Northern Black Sea Area in the Early Iron Age // Ancient Fishing and fish progressing in the Black sea region. Aarhus University Press 2005.

Life sustenance of the Bosporan town of Kytaion according to archaeo-zoological evidence (Excavations of 1970–1995)

E. A. Molev

In this paper, osteological finds from excavations of the Bosporan city of Kytaion for the period of 1970 to 1995 are considered resulting in the following conclusions:

1. The main part of the collection of the osteological materials among the identifiable bones (94,5 %) is constituted by skeletal remains of mammals; there are also fragments of fishes and crabs (3,9 %), and of birds 118 (1,67 %). All the identifiable skeletal fragments of mammals are those of domestic animals. The vacillations in the numbers of the bones over different time spans correspond to the periods of the economical development of the city (Fig. 1, I).

2. Species of domestic animals reared most commonly were large cattle, sheep and goats,

horses and pigs. Cattle were reared predominately at the site practically throughout all of the distinguished periods, although the ratio of small cattle increased considerably during the last period of the history of the city (Fig. 1, I).

3. The ratio of finds of pig bones from Kytaion is uncommon for Kimmerian Bosporos. From the 2nd–1st centuries BC, the numbers of pig bones had sharply (8 times) reduced in comparison with the precedent period and were decreasing subsequently up to the end of the history of the city. Moreover, the majority of pig bones (73 %) have been found in the layer of the 4th–3rd century BC at the central urban sanctuary (excavation II, layer of ashes). In the subsequent periods, no pig bones appear at all in the area of this excavation. Taking in account the con-

siderable role of the cult of Demeter practised exactly in the central ash area in the 4th–3rd century BC in Kytaion and the fact that exactly pig was traditionally considered as a sacrificial animal for this goddess, this number of bones suggests that the meat of pigs served predominantly for ritual purposes rather than as food. In 2007, among the materials from the excavations at the ash area related with the worship of Demeter, there was found a terracotta figurine of a young pig which indirectly confirms the above conclusion.

4. The skeletal remains of ichthyofauna from Kytaion are less numerous as compared with the mammal bones. Among them, sturgeon bones, mullet, European anchovy, crabs and mussels predominate (Fig. 1).

5. The animal bones from the excavations in Kytaion suggest that the city's residents had no need in constant hunting for wild animals providing themselves with enough meat and other animal products.

АНАЛИЗ МЕТАЛЛА КЛАДОВ РИМСКИХ МОНЕТ В РАЙОНЕ КОПОРЬЯ

О. В. Шаров, И. В. Палагута, С. В. Хаврин¹

В статье рассматривается анализ металла двух кладов римской эпохи: монетного и монетно-вещевого, найденных в 2008 г. вблизи с. Копорье Ленинградской области. Монеты и типы изделий (фрагменты гривны и двух браслетов), за исключением одного серебряного денария, изготовлены из латуни, все монеты относятся к двум денежным номиналам Римской империи – сестерциям и дупондиям. Даты сокрытия клада № 1 – 160/170 гг. н. э., клада № 2 – 140/150 гг. н. э. Даты кладов подтверждает также химический анализ металла монет: доля цинка, по С. Флемингу, и соотношение цинка и олова, по П. Т. Крэддоку. Сходство химического состава сплавов вещей и монет в кладах, их сильная истертость позволяют говорить о том, что они использовались в качестве сырья для изготовления декоративных украшений.

The present paper considers the results of metal analysis of coins from two hoards (a monetary one and one of coins and goods) of the Roman period found in 2008 near the village of Koporye in Leningrad oblast. The coins and metal goods (fragments of a neck ring and two bracelets), with the exception of one silver denarius, are made from brass. All of the coins belong to two monetary denominations of the Roman Empire — sesterces and dupondii. The date of concealment of hoard no. 1 is 160/170 AD. That of hoard no. 2 is 140/150 AD. These dates are additionally confirmed by chemical analysis of the metal of the coins: the content of zinc according to S. Fleming's diagram and the ratio of contents of zinc and tin after P. T. Craddock. The similarity between the chemical compositions of the alloys of the articles and coins along with the latter's strong wear suggest that these objects were used as raw materials for manufacturing personal ornaments.

Ключевые слова: клад римских монет, сестерции, дупондии, латунь, Северо-Запад России, римские импорты, глазчатые фибулы.

Keywords: hoards of Roman coins, sesterces, dupondii, brass, Northwestern Russia, Roman imports, eye-brooches.

Монетные клады римской эпохи до последнего времени на территории Северо-запада России были неизвестны. В работах В. В. Кропоткина сообщается лишь о пяти местах находок единичных римских монет на Северо-западе России (Кропоткин, 1951; 1961; 1966):

¹ Шаров О. В. – Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

Палагута И. В. – Россия, 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15. Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов», кафедра искусствоведения

Хаврин С. В. – Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Федеральное государственное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж». Отдел научно-технологической экспертизы.

1. В Новгороде в 90-х гг. XIX в. на глубине 2,1 м на Славной улице при прокладке водосточной трубы была найдена медная монета Юлия Цезаря (46–44 гг. до н. э.) (Кропоткин, 1951. С. 277, № 588; 1961. С. 45, № 180).

2. Между д. Бежаны (Бежаки) и д. Ненхого Лужского района, в 25 верстах от Луги в 1910–1911 гг. была найдена серебряная монета Филиппа Араба (244–249 гг.) (Кропоткин, 1961. С. 45, № 173; РА ИИМК РАН, ф. 5, д. № 349, л. 5).

3. У д. Станки Валдайского района Новгородской области в 1878 г. была найдена монета Валериана (253–260 гг.) (Кропоткин, 1966. С. 83, № 9 (1741)).

4. На берегу р. Великой у Святогорского монастыря в Псковской области в 1952 г. была

найдена медная монета Лициния (306–324 гг.) (Кропоткин, 1961. С. 110, № 1692).

5. У д. Шпаньково (Спанки) Гатчинского района в 1913 г. в составе большого клада (1850 ед.) куфических и средневековых западноевропейских монет X–XII вв. был найден фрагмент серебряной монеты Гордиана III (238–244 гг.) (Кропоткин, 1961. С. 45, № 174).

Находка фрагмента серебряной римской монеты в составе клада, зарытого около 1120 г., никоим образом не свидетельствует о раннем использовании римских монет на территории Северо-Запада, а отражает лишь реалии гораздо более позднего времени, так же как и галльская монета, подражающая серебряному денарию I в. н. э., в стопке монет X–XI вв. из комплекса детского погребения XI в. (№ П–3, 1981 г.) в д. Уд-рай Батецкого района Новгородской области (Равдина, 1988. С. 210–211).

В свете этих редких для Северо-Запада находок исключительно важное значение приобретают два клада монет римской эпохи, которые были обнаружены вблизи с. Копорье, на восточной окраине расположенного поблизости с. Подозвань² (рис. 1).

Клад № 1 включает 30 монет. Судя по весу (от 14,1 до 25,5 г) и диаметрам (от 28,5 до 33,6 мм), все монеты принадлежат двум номиналам – сестерциям и дупондиям, которые изготавливались из латуни – сплава меди и цинка (рис. 2).

Значительные колебания в весе объясняются обычным расхождением реального и номинального веса римских монет, сильной изношенностью большинства монет из описываемого клада, их сильной поврежденностью в результате коррозии.

В кладах № 1 поддаются определению всего 7 из 30 монет (Приложение № 1). Наиболее ранняя из них – сестерций Траяна (98–117 гг.) (рис. 2, 1), наиболее поздняя – сестерций Луция Вера, датируемый 163–165 гг. (рис. 2, 2).

Таким образом, *terminus ante quem* клада № 1 или время окончания его накопления по наиболее поздней монете может определяться около 160–170 гг. н. э. Судя по незначительной степени стертости наиболее поздней монеты, можно предположить, что между датой ее выпуска и временем сокрытия клада прошло не очень много времени.

² Подробная информация о месте находки, атрибуция монет, фото монет представлены в статье: Шаров и др., 2011. С. 336–360.

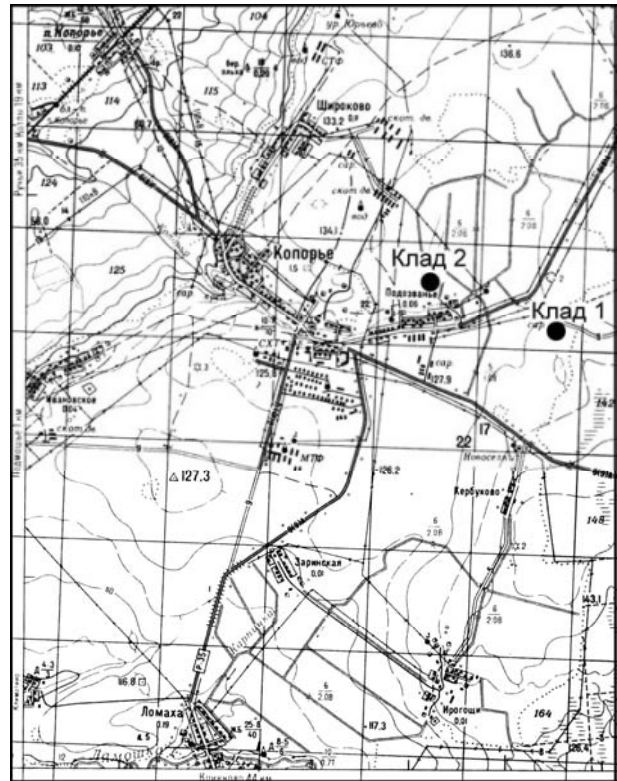
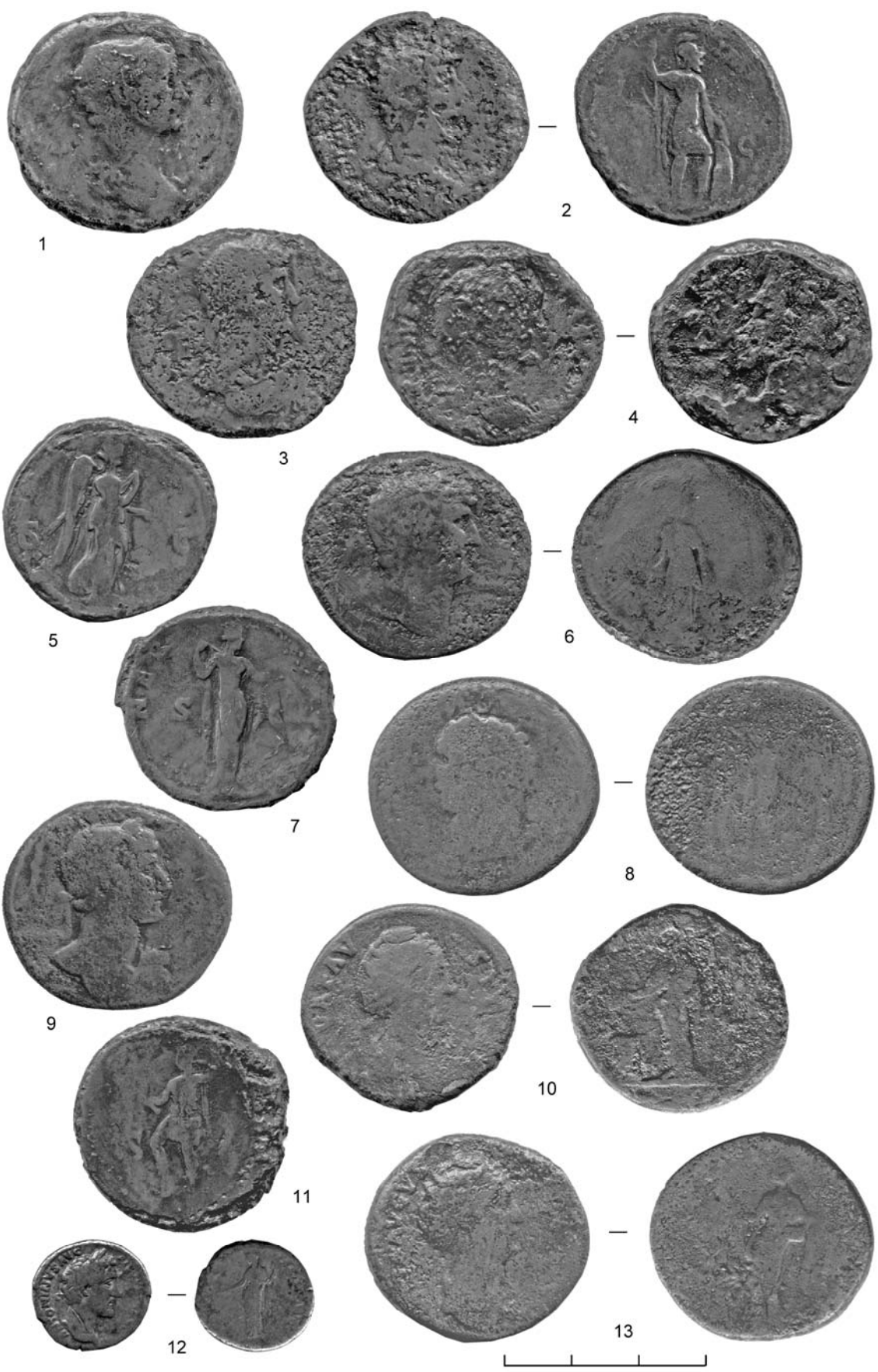

Рис. 1. Местонахождение кладов римских монет II в. Локализация В. Ю. Соболева.

Fig. 1. Find-spots of coin hoards of the 2nd century AD. Localization by V. Yu. Sobolev.

Клад № 2 включает 12 монет, чеканенных из латуни, весом от 18 до 23,4 г и один серебряный денарий весом 2,52 г. (рис. 2). Кроме монет в кладах найдены фрагмент бронзового браслета, глазчатая фибула эстонской серии и фрагмент бронзовой гривны. Судя по весу и размерам, все латунные монеты этого клада – сестерции (см. Приложение № 1). Наиболее ранней монетой в кладах № 2 является сестерций Тита (79–81 гг.) (рис. 2, 8). Два сестерция относятся к посмертному выпуску Фаустины Старшей, умершей в 141 г. (рис. 2, 13). Отсутствие сестерциев «последних Антонинов» свидетельствует о том, что накопление клада прекратилось в 140–150-е гг. Этой дате не противоречит находка в том же месте, что и клад № 2, серебряного денария Антонина Пия, датируемого 140–144 гг. (рис. 2, 12). Таким образом, все определимые монеты этого клада относятся к эпохам Флавиев и Антонинов, и время окончания накопления клада № 2 можно отнести к 140–150-м гг. н. э.

В составе клада № 2 кроме монет были найдены фрагмент бронзовой гривны с расширяю-

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

щиями концами (*mit Trompetenende*) (вес 109,9 г) и большая бронзовая глазчатая фибула эстонской серии, по О. Альмгрену (вес 69,7 г), а также фрагмент бронзового браслета с орнаментом (вес 1,5 г).

Представленный в кладе тип фибулы О. Альмгрен отнес к типу А55, характерному только для территории Эстонии, и датировал II в. н. э. (*Almgren*, 1897. Taf. III, 55). В. Новаковский рассмотрел хронологию фибул А55–56, которые происходят почти исключительно из коллективных погребений *Tarandgräberkultur*. Автор считает, что «ввиду захоронения в прямоугольных каменных оградках многочисленных, перемешанных между собой погребений различных поколений, определение и выделение закрытых комплексов невозможно» (*Nowakowski*, 1998. S. 119–123). Датировка глазчатых фибул «лифляндско-эстонской» серии, по мнению В. Новаковского, возможна только на основании хронологии других групп фибул, также встреченных в каменных оградках, но присутствующих и в закрытых комплексах других культур римской эпохи. Во многом фибулы «лифляндско-эстонской» серии параллельны в своем развитии глазчатым фибулам «прусской» серии, хронология которых, благодаря закрытым комплексам могильников Самбии, хорошо разработана. Глазчатые фибулы «лифляндско-эстонской» серии, по мнению автора, были в обращении до начала позднеримского времени, т. е. до момента появления в комплексах эстонских каменных могильников перекладчатых и подвязных фибул. Их развитие в Эстонии (появление, бытование и выход их моды) параллельно развитию глазчатых фибул «прусской» серии в Самбии, и поэтому можно датировать их всем периодом В2 (70/80 – 160/170 гг.), что подтверждает старую датировку О. Альмгрена.

Гривны с расширяющимися концами представлены в целом ряде комплексов эстонских каменных могильников и датируются ранним временем – ступенью В2 (70–170 гг. н. э.) (*Шмидехельм*, 1955. Рис. 14). Известны они и на более западных территориях – в комплексах раннеримского времени в Восточной Пруссии (*Кулаков*, 2004. Рис. 9, 23). В. Новаковский от-

носит комплексы с такими гривнами к 1-й фазе культуры Долькайм-Коврово и датирует ее также ступенью В2 (*Nowakowski*, 1996. Taf. 107). Таким образом, типы вещей из клада № 2 датируются в тех же хронологических рамках, что и определяемые монеты, и подтверждают дату окончания накопления клада № 2.

Анализ состава сплава монет. Важнейшей характеристикой при работе с римскими монетами является состав сплава, из которого они изготовлены. Монеты из латуни (сплава меди и цинка — «аурихалка» – *aurichalcum* – с греч. «златомедь») стали чеканиться впервые еще в 90–70-е гг. до н.э. в малоазийских областях Фригии и Вифинии, вошедших в состав Понтийского царства Митридата Евпатора (*Смекалова, Дюков*, 2001. С. 76, 85). В Риме монеты из аурихалка, подражая чеканке малоазийских городов Понтийского царства Митридата Евпатора, сначала начали чеканить римские проконсулы в Малой Азии. Идея чеканки ряда номиналов римских монет из латуни появилась у Юлия Цезаря, еще в 50-х гг. до н. э. отчеканившего из нее ряд экспериментальных выпусков поздне-республиканских монет (Там же. С. 75–76). В 45–44 гг. до н. э. монеты из аурихалка стали выпускаться в значительном количестве, что принесло диктатору огромную прибыль от введенного новшества (Там же. С. 89–90). Позднее, уже после Гражданских войн, аурихалк как сплав для монетной чеканки был восстановлен в монетной чеканке наследником Цезаря – Октавианом Августом. В ходе денежной реформы 31–27 гг. до н. э. произошла смена сплава ряда номиналов монет с бронзы на латунь. Из латуни стали чеканиться сестерции и дупондии. Латунь являлась для римского населения совершенно новым монетным сплавом. Получить ее было значительно сложнее, чем бронзу, из-за сильной летучести цинка в процессе плавки. Собственно цинк как самостоятельный металл впервые удалось получить около 1000 лет назад в Индии, лишь спустя 500 лет он появился в Китае, а в Европе лишь в середине XVIII в. (*Craddock*, 2009. Р. 145). Поэтому единственным способом получения латуни в доцинковую эпоху была совместная плавка меди (или медной руды) и цин-

Рис. 2. Монеты из кладов № 1–2:

1 – 1/6; 2 – 1/25; 3 – 1/12; 4 – 1/11; 5 – 1/1; 6 – 2/4; 7 – 1/27; 8 – 2/7; 9 – 2/5; 10 – 2/2; 11 – 1/22; 12 – 2/9; 13 – 2/11.

Fig. 2. Coins from hoards nos. 1–2:

1 – 1/6; 2 – 1/25; 3 – 1/12; 4 – 1/11; 5 – 1/1; 6 – 2/4; 7 – 1/27; 8 – 2/7; 9 – 2/5; 10 – 2/2; 11 – 1/22; 12 – 2/9; 13 – 2/11.

ковой руды, в результате чего цинк частично растворяется («цементируется») в меди (Косолапов, 2009. С. 133).

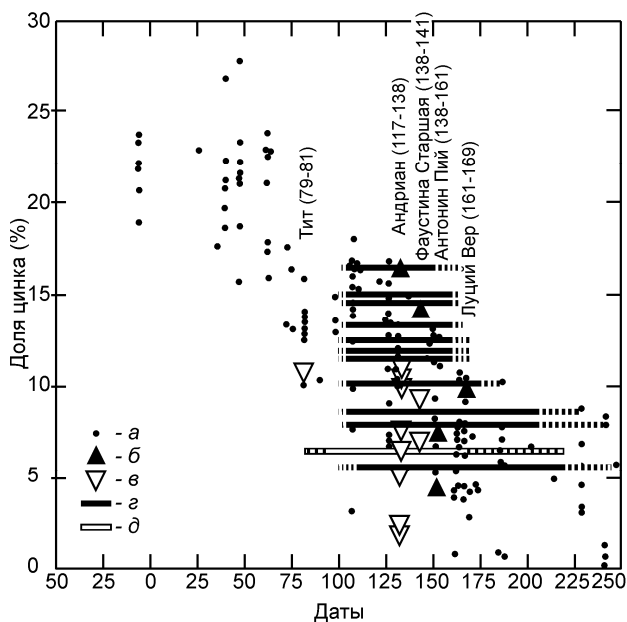
Месторождений цинковых руд было известно в то время крайне мало, поэтому легко можно было поддерживать монополию государства в производстве латуни, используемой первоначально только для монетной чеканки. Соответственно, монетам из нового сплава можно было приписать искусственно завышенную стоимость. Таким образом, реформа Августа позволила Римскому государству при переходе на чеканку из латуни сестерциев и дупондиев извлечь весьма значительную финансовую прибыль.

Содержание цинка в наиболее ранних монетах из нового сплава («аурихалка») было весьма высоким и достигало 22–28 % (содержание цинка 28–30 % – максимально возможное при цементации меди цинком). Из этого более «дешевого» вида медного сплава при Августе чеканились сестерции номинальным весом 27,3 г

и дупондии номинальным весом 13,36 г. После реформы Нерона, при Флавиях – Веспасиане и Тите – средний (номинальный) вес сестерция уменьшился до 25,51 г, а вес дупондия – до 12,88 г, хотя колебания веса монет были в ряде последующих выпусков весьма значительны. Так, известен сестерций весом 28,66 г, выпущенный при Тите в 72 г. (Фролова, Абрамзон, 2001. С. 63, № 49), и дупондий весом 14,14 г, выпущенный в 79 г. (Там же. С. 64, № 51). При первых Антонинах средний вес сестерциев незначительно увеличился до 25,73 г, но уже ко времени Марка Аврелия их вес вновь опустился до 25,03 г. При этом при ранних Антонинах чеканились сестерции и дупондии иных весовых параметров, выходящих за эти рамки. Известны единичные экземпляры сестерциев Адриана весом до 29,36 г (Там же. С. 140, 152, № 239, 321), Антонина Пия – весом до 30,26 г (Там же. С. 161, 173, № 247) и Фаустины старшей – весом 29,41 г (Там же. С. 190, № 393).

Как показали исследования Стюарта Флеминга, со временем процент содержания цинка в сестерциях и дупондиях понижается (рис. 3), и к реформе Каракаллы в 215 г. его процентное содержание в сплаве составляло уже от нескольких десятых долей до 5–6 % (Fleming, 1975. P. 119–121). К близким выводам пришел и П. Т. Крэддок, изучивший на значительной выборке предметов из латуни из коллекций Британского музея содержание цинка в сплавах римской эпохи (Craddock, 1978). Для сестерциев и дупондиев I в. н. э. характерно более низкое, чем 22–28 %, среднее содержание цинка в медном сплаве – до 16,9 %, для II в. – 10,7 %, для III в. – 7,7 % (Ibid. Tab. 1) (рис. 4а).

По данным рентгено-флуоресцентного анализа (см. Приложения № 2, 3) монеты, входящие в клад № 1, содержат от 5 % до 16–17 % цинка. Если расположить полученные данные по содержанию цинка в определенных монетах на графике С. Флеминга, то они лягут в хронологическом диапазоне между 70/80 и 170/180 гг. н. э., что практически совпадает с датой клада № 1, полученной при нумизматическом исследовании. Если же мы возьмем остальные – неопределимые – монеты из клада № 1 и поместим их в график С. Флеминга согласно содержанию в них цинка, то картина будет несколько более размытой, так как монеты с содержанием цинка от 5 до 8–9 % встречаются и в более позднее время, вплоть до середины III в. (рис. 3).

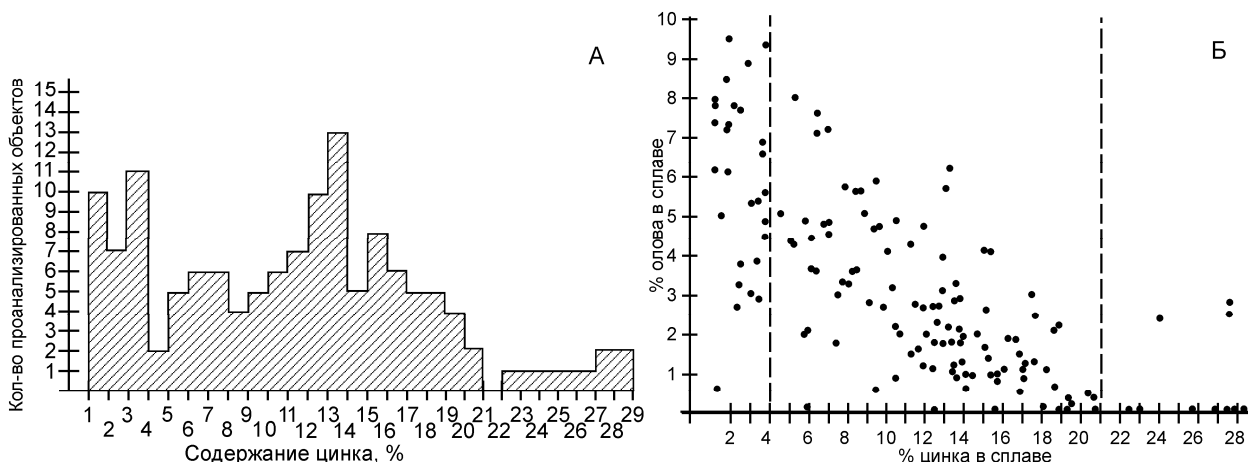

Рис. 3. Содержание цинка в монетах из кладов № 1 и № 2 в соответствии с таблицей С. Флеминга (Fleming, 1975. P. 119–121).

Условные обозначения: а – определения по С. Флемингу; б – определимые монеты из клада № 1; в – определимые монеты из клада № 2; з – неопределимые монеты из клада № 1; д – неопределимые монеты из клада № 2.

Fig. 3. Contents of zinc in alloy of coins from hoards 1 and 2 in correspondence with S. Fleming's diagram.

Notations: а – identifications according to S. Fleming; б – identifiable coins from hoard № 1; в – identifiable coins from hoard № 2; з – unidentifiable coins from hoard № 1; д – unidentifiable coins from hoard № 2.

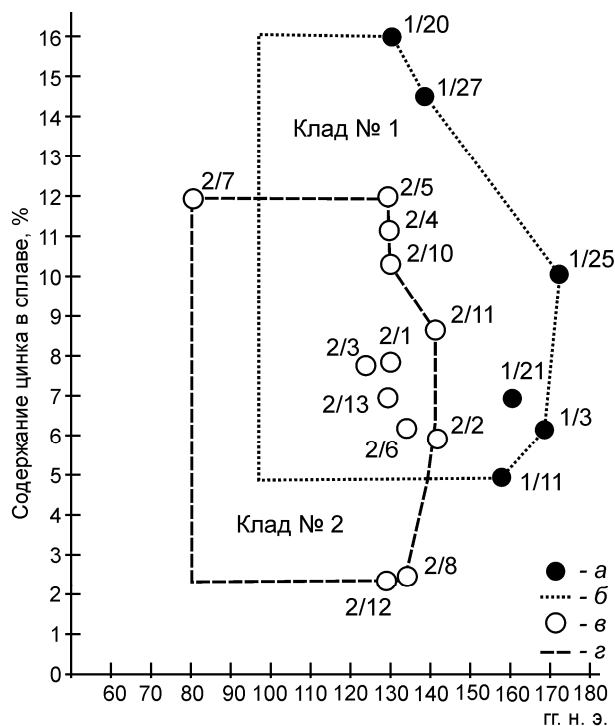

Рис. 4. Содержание цинка в римских изделиях, по П. Т. Крэдоку: А – содержание цинка более 1 % (Craddock 1978, fig. 7); Б – соотношение долей олова и цинка (Craddock, 1978. Fig. 6).

Fig. 4. Contents of zinc in Roman metalware according to P. T. Craddock’s method: А – contents of zinc more than 1%; Б – correlation of tin and zinc shares.

Монеты, входящие в клад № 2, содержат от 2–3 % до 10–12 % цинка, т. е. в них содержится значительно меньше цинка, чем в монетах клада № 1. Если эти данные учесть на графике С. Флеминга, то они расположатся в хронологическом диапазоне между 70/80 и 140/150 гг. н. э., что вполне совпадает с датами клада № 2, полученными при нумизматическом исследовании. Если мы возьмем лишь одну неопределенную монету из 13 монет клада № 2 и расположим ее в графике С. Флеминга согласно содержанию в ней цинка, то картина будет сильно размытой, так как монеты с содержанием цинка 6–8 % встречаются и в более позднее время, вплоть до первой четверти III в. (рис. 3; 5).

Таким образом, график С. Флеминга может считаться «работающим» только для монет хорошей сохранности, но для монет, легенды которых совсем не читаются, данный график дает слишком широкие датировки, что вряд ли приемлемо для нумизматических определений. Можно видеть, что во времена Адриана выпускались сестерции с содержанием цинка от 2–3 % до 16–17 %, во времена Фаустины Старшей и Антонина Пия от 5 % до 15 % и т. д. Поэтому мы полагаем, что неопределимые монеты с содержанием цинка от 5 % до 8–9 % не должны свидетельствовать об омолаживании датировки данных кладов. Время сокрытия клада № 1 относится, по нашему мнению, к 160–170 гг. а клада № 2 – к 150–160 гг. н. э.

Рис. 5. Содержание цинка в определенных монетах кладов № 1 (а-б) и № 2 (в-г) (а, в – монеты; б, г – хронологическое пространство).

Fig. 5. Contents of zinc in alloys of identifiable coins from hoards 1 (a-b) and 2 (v-z): a, v – coins; б, г – chronological span).

Не менее важную информацию для анализа данных кладов имеет также соотношение содержания цинка и олова в составе исследуемых

монет. П. Т. Крэддок построил на основании значительной выборки изделий римской эпохи, содержащих более 1 % цинка, график соотношения цинка (Zn) и олова (Sn) в металлических изделиях (Craddock, 1978. Fig. 6). В результате все предметы по содержанию цинка распределились по трем группам (рис. 4б):

– первая группа содержит менее 4 % цинка и значительное количество олова — от 1 до 9–10 %. Наличие цинка здесь почти наверняка случайно ввиду использования латунного лома в медном сплаве, а кроме того, незначительное количество цинка может переходить в сплав из руды. Такие предметы изготовлены из медно-оловянных сплавов или из бронзы;

– вторая группа содержит от 4 до 20 % цинка с нормальным распределением около 13 %. Эти сплавы были сделаны путем смешивания свежеприготовленной латуни, содержащей от 22 % до 28 % цинка, с бронзовым ломом. Большинство латунных изделий второй группы имеют в своем составе 1–4 % олова и 10–16 % цинка. Если опираться на данные П. Т. Крэддока о пропорциональном соотношении олова и цинка при плавке как 2:1, то медь, содержащая 3 % олова, будет поглощать 6 % цинка. Таким образом, график П. Т. Крэддока доказывает то, что для получения нового изделия второй группы применялась заводская латунь с 22–28 % цинка, а после смешения с бронзовым ломом получались на выходе латунные изделия с 13 % цинка и 6–7 % олова или же употреблялись изделия с 16 % цинком и с 2–4 % олова;

– третья группа изделий содержит от 22 % до 28 % цинка. Это, несомненно, латуни прямо с заводов, без добавления какого-либо бронзо-

вого лома. В них лишь в редких случаях присутствует олово, в основном содержание олова не превышает 0,5 %, т. е. либо бронзовый приплав здесь минимален, либо олово является естественной примесью к медной руде.

Рассмотрим в сравнении с данными П. Т. Крэддока монеты наших кладов. Можно видеть, что значительная часть монет клада № 1 (рис. 6А) имеет 0–0,6 % олова (1/3; 1/7; 1/8; 1/11; 1/19; 1/21; 1/22; 1/27), т. е. олово вполне могло быть естественной примесью к медной руде. Эти монеты имеют от 4% до 11–12% цинка и изготавливались, если верить данным П. Т. Крэддока, без смешения с бронзовым ломом из латуни и чистой меди.

Остальные монеты клада № 1 (1/1; 1/9; 1/14; 1/20; 1/24; 1/25; 1/26) имеют в своем составе от 1 % до 4 % олова, т. е. при их изготовлении использовался бронзовый лом. Содержание цинка в них гораздо выше: от 8 % до 16–17 %. Монета 1/9 содержит 4 % олова и 8 % цинка, т. е. использовался для ее изготовления латунный и бронзовый лом, а не чисто заводская латунь. Скорее всего, шли в переплавку сестерции и дупондии, вышедшие из употребления, с нормальным для I–II вв. н. э. содержанием цинка в 10–16 %.

Значительная часть монет клада № 2 имеет минимум олова в своем составе (0,4–0,7 %) (2/2; 2/3; 2/4; 2/6; 2/7; 2/11; 2/13) (рис. 6Б), что также говорит о том, что эти монеты изготавливались из латуни без примеси бронзового лома (либо с минимальной его примесью) при переплавке металла. Содержание цинка от 5 % до 12 % говорит о том, что в переплавку шли латунные

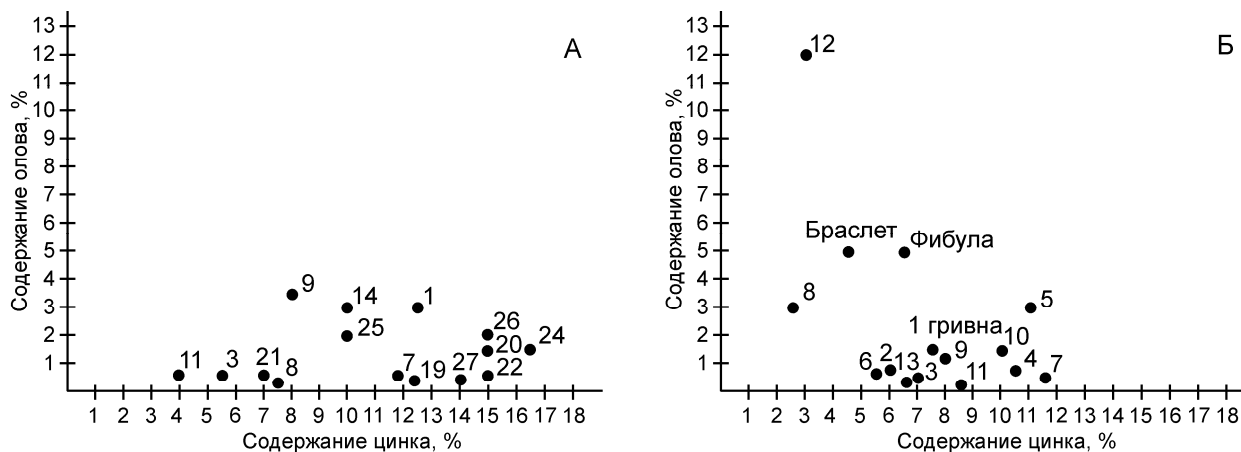

Рис. 6. Содержание цинка и олова в монетах: А – клад № 1; Б – клад № 2.

Fig. 6. Contents of zinc and tin in coin alloys: А – hoard 1; Б – hoard 2.

изделия в основном II в. н. э., возможно, вышедшие из обращения монеты. Остальные монеты клада № 2 имеют в своем составе от 1 до 3 % олова (2/1; 2/10; 2/5), что говорит о смешении латуни и бронзы при их изготовлении.

В клада № 2 выделяются две монеты (2/8; 2/12), которые нельзя с полным основанием считать латунными ввиду очень низкого содержания цинка (2–4 %) и достаточно высокого содержания олова (3 % и 12 %). По П. Т. Крэдокку, такой состав соответствует бронзовым предметам первой группы, в которой частично использовался латунный лом в медном сплаве (Craddock, 1978. P. 13–14).

Входящие в состав клада № 2 изделия – фибула, браслет и гривна – выполнены из металла, аналогичного металлу монет клада № 2 – латуни с содержанием цинка от 4–5 % до 7–9 % (см. Приложение № 3). Набор легирующих (олово) и рудных (свинец, мышьяк, серебро) примесей практически идентичен как для монет, так и для изделий клада. Следует отметить, что гривна имеет минимальную примесь олова (1–2 %), что говорит о том, что она в основном изготовлена из переплавленной латуни с небольшим содержанием бронзового лома. Фибула и браслет содержат в своем составе до 6 % олова и до 1 % свинца, что говорит о том, что при их изготовлении в значительном количестве использовались бронза и латунь с содержанием цинка более³ 10–16 %. Можно с полным основанием допустить, что римские монеты I–II вв. н. э. из кладов № 1 и 2, большей частью ввиду своей сохранности – изношенные, вышедшие из обращения, – служили исходным сырьем для изготовления различных украшений местными мастерами.

К аналогичным выводам еще в 1904 г. пришел известный исследователь прусских древностей А. Беценбергер (Bezenberger, 1904). Он считал, что большинство бронзовых монет в Восточной Пруссии ввиду отсутствия нормального денежного обращения шли в переплавку, и из них изготавливались различные металлические украшения. Он же провел первые анализы предметов и показал сходство состава целого ряда предметов мужского и женского костюма I–III вв. н. э. с составом монет (Ibid. S. 76–86,

Fig. 93–109). В частности, в его монографии дан химический анализ гривны, аналогичной гривне из клада № 2: медь – 83,1 %; свинец – 0,2 %; олово – 2,2 %; цинк – 14,2 %; железо – 0,2 %. Если считать, что гривна изготавливалась из переплавленных бронзовых и латунных монет, то на ее изготовление, ввиду высокого содержания цинка и олова, должны были идти монеты I в. н. э.

Данные анализа металла монетных кладов подтвердили сделанные нами ранее предварительные выводы (Шаров и др., 2011). По нашему мнению, монетные клады, найденные под Копорьем, имели исключительно «технологический» характер. В пользу этого говорят следующие аргументы:

- 1) значительная истертость большинства монет, где изображения и надписи слабо прочитывались еще в древности;
- 2) отсутствие на монетах следов переиспользования в качестве украшений или амулетов (ушек, отверстий, оправ и т. д.);
- 3) сходство состава сплавов римских монет и украшений;
- 4) наличие в составе клада № 2 ломаных изделий, предназначенных, как и монеты, для последующей переплавки.

Косолапов, 2009 – Косолапов А. И. Естественнонаучные методы в экспертизе произведений искусства. СПб., 2009.

Кропоткин, 1951 – Кропоткин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе // ВДИ. 1951. № 4.

Кропоткин, 1961 – Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. М., 1961 (САИ; Вып. Г4–4).

Кропоткин, 1966 – Кропоткин В. В. Новые находки римских монет в СССР // Нумизматика и эпиграфика. М., 1966. Вып. 6.

Кулаков, 2004 – Кулаков В. И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск, 2004.

Равдина, 1988 – Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. М., 1988.

Смекалова, Дюков, 2001 – Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001.

Фролова, Абрамзон, 2001 – Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. Римские монеты в собрании Государственного Исторического музея: Каталог. М., 2001. Ч. II: Ранняя империя. От Августа до Коммода.

Хаврин и др., 2011 – Хаврин С. В., Юшкова М. А., Кулишов В. С. Металл эпохи римских влияний на Ижорской возвышенности // Европейская Сарматия: Сб., посвящ. Марку Борисовичу Щукину. СПб., 2011.

Шаров и др., 2011 – Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В. Находки кладов римских монет в районе Копорья // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. № 1.

Шмидехельм, 1955 – Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии (V в. до н. э.–V в. н. э.). Таллин, 1955.

Almgren, 1897 – Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung

³ Нужно учитывать, что при переплавке латуни в открытых тиглях количество цинка в сплаве несколько понижается (Хаврин и др., 2011. С. 217).

- der provinziarömischen und südrussischen Formen. Stockholm, 1897.
- Bezenberger*, 1904 – *Bezenberger A.* Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg, 1904.
- Craddock*, 1978 – *Craddock P. T.* The Composition of the Copper Alloys used by the Greek, Etruscan and Roman Civilizations. The Origins and Early Use of Brass // *Journal of Archaeological Science*. 1978. Vol. 5.
- Craddock*, 2009 – *Craddock P. T.* Scientific Investigation of Copies, Fakes and Forgeries. Oxford, 2009.
- Fleming*, 1975 – *Fleming S. J.* Authenticity in Art. The scientific Detection of Forgery. London; Bristol, 1975.
- Nowakowski*, 1996 – *Nowakowski W.* Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Warszawa; Marburg, 1996.
- Nowakowski*, 1998 – *Nowakowski W.* Die Fibeln Almgren 55 und 56 aus heutiger Sicht // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren: Internationale Arbeitstagung (25–28 Mai, 1997, Kleinmachnow, Land Brandenburg). Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg, 5. Wünsdorf, 1998.

Chemical analysis of hoards of Roman coins from Koporye

O. V. Sharov, I. V. Palaguta, S. V. Khavrin

Before present the Roman coins on the territory of the present Leningradskaya region were represented by an accidental findings. The discovery of two hoards that include furnishings and Roman coins near the Koporye village permits us to broaden our knowledge on the history of the region during the I–II centuries AD. The hoards include 30 and 12 brass coins, respectively: *sestertius* and *dupondius* at face value, worn and corroded, and one silver *denarius* (later finding on the place of hoard 2). All the definable coins dated to the governing of emperors from Titus (79–81 AD) to Antoninus Pius (141–160) and Lucius Verus (161–169 AD),

thereby the hoards can be deposited, respectively, in 160–170 and 140–150 AD.

It is affirmed by the chemical analysis of coins alloy: the admixture of zinc in brass corresponds to the S. Fleming's diagram (1975) and agrees to proposed dates. Our conclusions also don't contradict to the results of P.T. Craddock's studies of Roman copper alloys (1978). The same brass alloy was used for the Almgren 55 type fibula and the conical edged neck-ring dated to 70–170 AD. The similarity of alloy of articles and coins and depreciation of coins allow to suppose that the coin were used as raw material for furnishings.

Приложение № 1. Монеты из кладов №1 и 2 у с. Копорье

Appendix № 1. Coins from hoards nos. 1 and 2 found near the village of Kopyrye

№	Аверс	Реверс	Номинал	Император и дата, литература	Диаметр, мм	Масса, г	Сохранность (PR, G, F, VF)
Клад № 1							
1/1	изображение и надпись не сохранились	надпись по кругу не сохранилась S–C, Victoria стоит вправо	сестерций	неопределимы	30,9	25,5	PR (сильно испорчена коррозией)
1/2	надпись не сохранилась; контур профиля императора вправо	изображение и надпись не сохранились	сестерций	Адриан ? (117–138 гг.)	30,2	15,8	PR (сильно испорчена коррозией)
1/3	надпись не сохранилась; контур профиля императора вправо	изображение и надпись не сохранились	сестерций	Луций Вер (161–169 гг.) или Марк Аврелий (161–180 гг.)	30,8	15,1	G (сильно испорчена коррозией)
1/4	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	33,2	18,3	PR (сильно испорчена коррозией)
1/5	на реставрации		сестерций				
1/6	надпись не сохранилась; бюст императора вправо, правое плечо обнажено	изображение и надпись не сохранились	сестерций	Траян ? (98–117 гг.)	33,6	21,5	PR (сильно потерта, сильно испорчена коррозией)
1/7	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	28,5	15,8	PR (сильно испорчена коррозией)
1/8	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	29,0	18,8	PR (сильно испорчена коррозией)
1/9	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	31,7	18,2	PR (сильно испорчена коррозией)
1/10	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций или дупондий	неопределимы	30,0	14,1	PR (сильно испорчена коррозией)
1/11	..[ANTON]INVS.; бюст императора в лавровом венке, вправо	надпись не сохранилась, по центру – контур стоящей женской фигуры	сестерций	Антонин Пий (138–161 гг.)	32,2	19,0	F (потерта, испорчена коррозией)
1/12	надпись не сохранилась; бюст императора в лавровом венке вправо в плаще	надпись не сохранилась, изображение не сохранилось	сестерций	Адриан (117–138 гг.)	31,7	17,6	G (потерта, испорчена коррозией)
1/13	надпись не сохранилась; голова императора вправо	под обрезом снизу S–C; изображение двенадцати-колонного храма	сестерций	неопределимы	30,5	14,4	G (потерта, испорчена коррозией)
1/14	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	31,2	16,7	PR (сильно испорчена коррозией)

№	Аверс	Реверс	Номинал	Император и дата, литература	Диаметр, мм	Масса, г	Сохранность (PR, G, F, VF)
1/15	надпись не сохранилась; контур профиля императора вправо	изображение и надпись не сохранились	сестерций	Антонин Пий ? (138–161 гг.)	29,3	20,8	PR (потерта, испорчена коррозией)
1/16	надпись не сохранилась; контур профиля императора вправо	изображение и надпись не сохранились	сестерций	Адриан ? (117–138 гг.)	32,0	15,0	PR (потерта, испорчена коррозией)
1/17	изображение и надпись не сохранились	надпись по кругу не сохранилась; под обрезом снизу IM<...>IT; Vesta (?), женская фигура стоит влево, алтарь слева	сестерций	неопределимы	30,7	16,2	G (потерта, испорчена коррозией)
1/18	надпись не сохранилась; голова императора вправо	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	32,6	21,9	PR (потерта, испорчена коррозией)
1/19	надпись не сохранилась; голова императора вправо	под обрезом снизу S–C (?); изображение десятиколонного (?) храма	сестерций	неопределимы	31,0	20,2	G (потерта, испорчена коррозией)
1/20	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	30,5	19,7	PR (потерта, испорчена коррозией)
1/21	...[VS]... бюст императора вправо	женская фигура стоит влево; левая рука поднята	сестерций	Антонин Пий (138–161 гг.)	32,1	14,2	G (потерта, испорчена коррозией)
1/22	надпись не сохранилась; голова императора вправо	надпись по кругу не сохранилась, S–C; Virtus в тунике и плаще, стоящая влево; в правой вытянутой руке держит меч, в левой – вертикально копьё	сестерций	Адриан ? (117–138 гг.) Cohen 356 (?)	31,9	22,9	F (потерта, испорчена коррозией)
1/23	надпись не сохранилась; голова императора в лавровом венке вправо	надпись не сохранилась, виден контур стоящей женской фигуры	сестерций	неопределимы	31,6	18,4	PR (потерта, испорчена коррозией)
1/24	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	32,0	15,5	PR (сильно испорчена коррозией)
1/25	бюст императора в лавровом венке вправо	...IM[P]...; S–C по сторонам в поле; Марс в шлеме, в воинской одежде стоит вправо, в правой руке	сестерций	Луций Вер ? (163–165 гг.); RIC 1385 или 1388	32,6	19,9	F (следы потертости; испорчена коррозией)

№	Аверс	Реверс	Номинал	Император и дата, литература	Диаметр, мм	Масса, г	Сохранность (PR, G, F, VF)
1/25		вертикально копье, левая рука опирается на овальный щит, стоящий на земле					
1/26	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	32,5	20,3	PR (сильно испорчена коррозией)
1/27	надпись не сохранилась; голова Фаустины вправо	[VE]NER[AV-GUSTAE] S-C; женская фигура стоит влево	сестерций	Фаустина Старшая (138–141 гг.); RIC 1081	32,9	19,7	F (потерта, коррозия)
1/28	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	31,0	15,3	PR (сильно испорчена коррозией)
1/29	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций	неопределимы	31,0	16,9	PR (сильно испорчена коррозией)
1/30	изображение и надпись не сохранились	изображение и надпись не сохранились	сестерций или дупондий	неопределимы	29,6	14,1	PR (сильно испорчена коррозией)
Клад № 2							
2/1	надпись не читается; бюст императора в лавровом венке вправо	серия ADVENTVI AVG или RE DVCI (?); слева – фигура императора стоит вправо; правая фигура стоит влево, в правой вытянутой руке неразличимый предмет	сестерций	Адриан (117–138 гг.)	29,7	20,3	F (сильно потерта)
2/2	DIVA FAV – STINA; бюст Фаустины вправо; волосы тщательно завиты и переплетены нитью жемчуга вперед, собраны назад и уложены в узел на затылке	надпись по кругу не читается, S-C; Vesta стоит влево, прямоугольный алтарь слева, в правой вытянутой руке – патера, в левой – скипетр вертикально	сестерций	Фаустина Старшая, посмертный выпуск (141 г.); RIC 1130; Cohen 162	31,2	19,6	F-VF (потерта, испорчена коррозией)
2/3	надпись не читается; бюст императора в лавровом венке вправо	надпись по кругу не сохранилась, по центру виден контур стоящей женской фигуры	сестерций	Адриан (117–138 гг.)	32,4	22,6	G (сильно потерта, испорчена коррозией)
2/4	надпись не читается; бюст императора вправо	надпись по кругу не сохранилась, по центру виден контур стоящей женской фигуры	сестерций	Адриан (117–138 гг.)	32,4	23,4	G (сильно потерта, испорчена коррозией)
2/5	надпись не читается; бюст императора в лавровом венке вправо, правое плечо и	изображение и надпись не сохранились	сестерций	Адриан (117–138 гг.)	31,9	20,2	G (сильно потерта, испорчена коррозией)

№	Аверс	Реверс	Номинал	Император и дата, литература	Диаметр, мм	Масса, г	Сохранность (PR, G, F, VF)
2/5	грудь обнажены, на левом плече плащ						
2/6	надпись не читается; голова императора в лавровом венке вправо	надпись не сохранилась; по центру виден контур стоящей женской фигуры	сестерций	Адриан (117–138 гг.)	32,0	21,7	G (сильно потерта, испорчена коррозией)
2/7	...VESP...; бюст императора влево	надпись по кругу не сохранилась, по центру виден контур стоящей фигуры	сестерций	Тит (79–81 гг.)	32,9	21,5	G (очень сильно потерта)
2/8	надпись не читается; бюст императора в лавровом венке вправо, правое плечо и грудь обнажены, на левом плече плащ	изображение и надпись не сохранились	сестерций	Адриан (117–138 гг.)	33,2	18,0	G (сильно потерта, испорчена коррозией)
2/9	ANTONINVS AVG – PIVS P P TR P COS III; голова императора в лавровом венке вправо	CLEMENTIA AVG; Clementia стоит влево; в правой вытянутой руке – патера, в левой – скипетр вертикально	денарий	Антонин Пий (140–143 гг.); RIC 64	17,0	2,52	F–VF (потерта)
2/10	надпись не сохранилась; голова императора в лавровом венке вправо	надпись не сохранилась; по центру виден контур стоящей женской фигуры влево	сестерций	Адриан (117–138 гг.)	29,1	20,7	G (сильно потерта, испорчена коррозией)
2/11	DIVA AVGVS – TA FAVSTINA; бюст Фаустины вправо; волосы тщательно завиты и переплетены нитью жемчуга впереди, собраны назад и уложены в узел на затылке	PIETAS AVG S–C; Pietas стоит влево, алтарь слева, правой рукой сыплет фимиам на алтарь, в левой – маленькая коробочка	сестерций	Фаустина Старшая, посмертный выпуск (141 г.); RIC 1146A; Cohen 240v	31,6	20,9	F–VF (потерта, испорчена коррозией)
2/12	надпись не читается; бюст императора в лавровом венке вправо, правое плечо и грудь обнажены, на левом плече плащ	изображение и надпись не сохранились	сестерций	Адриан ? (117–138 гг.)	32,4	20,1	G (сильно потерта, испорчена коррозией)
2/13	надпись не сохранилась; контур профиля императора вправо	изображение и надпись не сохранились	сестерций	Траян ? (98–117 гг.)	31,5	19,2	PR (сильно потерта, испорчена коррозией)

Приложение № 2. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа монет из клада № 1

Appendix № 2. Results of X-ray fluorescence analysis of hoard no. 1

№ по описи	Предмет	Cu	Zn	As	Sn	Pb	Sb	Прочие
1/1	Монета	Осн.	12–13	Сл.	2–4	<0,5	<0,3	Ag
1/3	Монета	Осн.	5–6	Сл.	Сл.	<0,2	Сл.	Ag
1/7	Монета	Осн.	11–13	Сл.	<0,6	<0,4	<0,3	Ag
1/8	Монета	Осн.	6–9	–	–	Сл.	–	Ag, Ni
1/9	Монета	Осн.	7–9	<0,2	2–5	<0,4	Сл.	Ag
1/11	Монета	Осн.	3–5	Сл.	<0,4	<0,2	Сл.	Ag
1/14	Монета	Осн.	9–11	Сл.	2–4	<0,9	Сл.	
1/17	Монета	Осн.	13–14	?	–	Сл.	–	Ag
1/19	Монета	Осн.	11–13	Сл.	–	Сл.	–	Ag
1/20	Монета	Осн.	14–16	Сл.	1–2	<0,9	–	Ag
1/21	Монета	Осн.	6–8	Сл.	–	Сл.	Сл.	Ag
1/22	Монета	Осн.	14–16	–	<0,4	<0,3	Сл.	Ag
1/24	Монета	Осн.	16–17	Сл.	1–2	<0,3	Сл.	
1/25	Монета	Осн.	9–11	Сл.	1–3	<0,3	Сл.	Ag
1/26	Монета	Осн.	14–16	?	1–3	<0,2	Сл.	
1/27	Монета	Осн.	13–15	–	–	<0,3	–	Ag

Приложение № 3. Результаты рентгено-флюоресцентного анализа монет и вещей из клада № 2

Appendix № 3. Results of X-ray fluorescence analysis of hoard no. 2

№ по описи	Предмет	Cu	Zn	As	Sn	Pb	Sb	Прочие
2/1	Монета	Осн.	7–8	Сл.	1–2	<0,3	Сл.	Ag, Mn
2/2	Монета	Осн.	5–7	<0,2	<0,7	<0,3	Сл.	Ag
2/3	Монета	Осн.	6–8	–	<0,4	<0,3	Сл.	Ag, Mn
2/4	Монета	Осн.	10–11	–	<0,7	<0,3	Сл.	Ag, Mn
2/5	Монета	Осн.	10–12	?	2–4	<1	Сл.	Ag, Mn
2/6	Монета	Осн.	5–6	–	<0,6	<0,8	Сл.	Ag
2/7	Монета	Осн.	11–12	–	<0,5	Сл.	Сл.	Mn
2/8	Монета	Осн.	2–3	–	2–4	<1	Сл.	Ag
2/10	Монета	Осн.	9–11	–	1–2	<0,5	Сл.	Ag
2/11	Монета	Осн.	8–9	Сл.	–	Сл.	–	
2/12	Монета	Осн.	2–4	–	10–14	7–9	Сл.	Ag
2/13	Монета	Осн.	6–8	–	<0,4	<0,3	–	Ag
2/9	Монета	~6	Ag ~ 93 %, Pb = 1–2 %; Au, Bi – сл.					
2/14	Гривна	Осн.	7–9	<0,8	1–2	<0,7	Сл.	Ag
2/15	Фибула	Дужка	Осн.	6–7	Сл.	4–6	<0,4	–
2/16	Браслет	Осн.	4–5	<0,3	4–6	~1	Сл.	Ag

КОНЦЕШТЫ: НОВЫЕ ДАННЫЕ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ «КНЯЖЕСКОГО» КОМПЛЕКСА РУБЕЖА IV–V вв.

А. Г. Фурасьев¹

*Цель исследования – введение в научный оборот не опубликованной до сих пор части материалов из элитного погребения рубежа IV–V вв. у с. Концешты на р.Прут. Имеются в виду многочисленные мелкие обрывки золотой фольги. В процессе работы в их составе выявлен ряд новых предметов, в основном это обкладки различных форм и их фрагменты. Среди них выделяются обломки ажурной пластины с отверстиями для вставок, которая является частью предмета, украшенного в технике *champlevé à jour*, мелкие нашивные бляшки (аппликации) нескольких разновидностей и предположительно фрагменты двух лицевых пластин. Эти элементы инвентаря еще раз подчеркивают высокий социальный статус и несомненную тесную связь персоны, захороненной в Концештах, с позднеантичным миром Северного Причерноморья.*

*The goal of the present study is the first scientific publication of some finds from an elite burial of the turn between the 4th and 5th century, near the village of Concești on the Prut River. The objects considered are numerous small scraps of gold foil. In the course of the investigations, a number of other objects were distinguished among the association of finds. These mostly were represented by facings of different shapes and their fragments. Among the latter, of note are fragments of an openwork plate with holes for inserts which was a part of an object decorated in the *champlevé à jour* technique, fine sewn-on plaques (applications) of several types and fragments of two, presumably, face plates. These constituents of the funerary gifts stress once again the high social status of the person buried in Concești and his undoubtedly close relation to the Late Antique World of the northern Black Sea region.*

Ключевые слова: Великое переселение народов, готы, элитные погребения ювелирные изделия, Боспор.

Keywords: Great Migration Period, Goths, elite burials, jewellery, Kimmerian Bosporos.

Один из самых ярких погребальных комплексов эпохи Великого переселения народов, случайно обнаруженный в 1812 г. у бессарабского местечка Концешты, до сих пор остается эталонным памятником своего времени, а набор инвентаря (как и погребальный обряд) являет собой, можно сказать, квинтэссенцию процессов межкультурного взаимодействия, протекавших в конце IV–середине V в. в Центральной Европе, на границе варварского и римского миров. Научное значение этого комплекса бесспорно чрезвычайно велико, чему свидетельством служит неослабевающий интерес к нему на протяжении 200 лет со стороны отечественных и ев-

ропейских специалистов – археологов, историков, искусствоведов. Находки из могилы у с. Концешты признаны классическими образцами прикладного искусства позднеантичного и ранневизантийского времени, и в такой ипостаси они многократно переизданы в различных работах, вошли в каталоги эпохальных европейских выставочных проектов, посвященных эпохе Великих миграций. Отметим основные, наиболее полные публикации памятника, на которые, как правило, и ссылаются большинство специалистов (*Matzulevich*, 1929; *Засецкая*, 1994; *Harhoiu*, 1998). Следует назвать и недавно вышедшую обстоятельную работу М. М. Казанского (*Казанский*, 2014б), которая хотя и дублирует публикации памятника И. П. Засецкой и Р. Хархой (*Harhoiu R.*) в части иллюстративного материала, тем не менее наиболее полно отражает со-

¹ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

временный этап исследования как отдельных находок из данного комплекса, включая все известные ныне аналогии, так и всей связанной с ним проблематики, в том числе вопросов хронологии и атрибуции.

Вместе с тем изучение этого комплекса по-прежнему актуально, и дело не только в том, что спорными остаются вопросы его этнокультурной и хронологической интерпретации. Великолепные образцы ранневизантийской торевтики, а также в меньшей степени изделия в полихромном стиле, притягивающие интересы и простых зрителей, и специалистов, словно бы отвлекли все внимание на себя. В итоге, в стороне до сих пор оставалась сравнительно небольшая, но не менее информативная часть коллекции, хранящейся в Государственном Эрмитаже, а именно мелкие обрывки и обломки золотых предметов и фольги. Некоторые из них (наиболее крупные) были рассмотрены и частично опубликованы Л. А. Мацулевичем и затем И. П. Засецкой. Им удалось выделить среди них особо интересные находки, такие как полихромные накладки (вероятно, уздечные), листики от погребального венка и обкладки ленчиков седла.

Почти все остальное, о чем пойдет речь ниже, попадет в поле зрения исследователей благодаря данной публикации впервые. Главная причина этого – плохая сохранность вещей: все мелкие фрагменты и изделия из золотой фольги все это время пребывали в скомканном состоянии. Только аккуратно расправив и разгладив каждый из миниатюрных золотых комочков, нам удалось выявить среди них новые интересные объекты. Ввиду разрозненности и фрагментарности рассматриваемых предметов, а также учитывая необходимость их полноценного введения в научный оборот, я счел наиболее удобным подать всю основную информацию в жанре каталога.

1. Мелкие обломки золотых предметов.

Инв. № 2160/ 60. Общий вес обломков 1,7 г. Золото 500°.

Основная масса – это мелкие скомканные обрывки тонкой золотой фольги (скорее всего, обрывки обкладок), столь же мелкие пластинчатые обломки неопределенной формы и фрагмент золотой проволоки длиной 16 мм и толщиной 1,1 мм (рис. 1, 1). Интерес представляют:

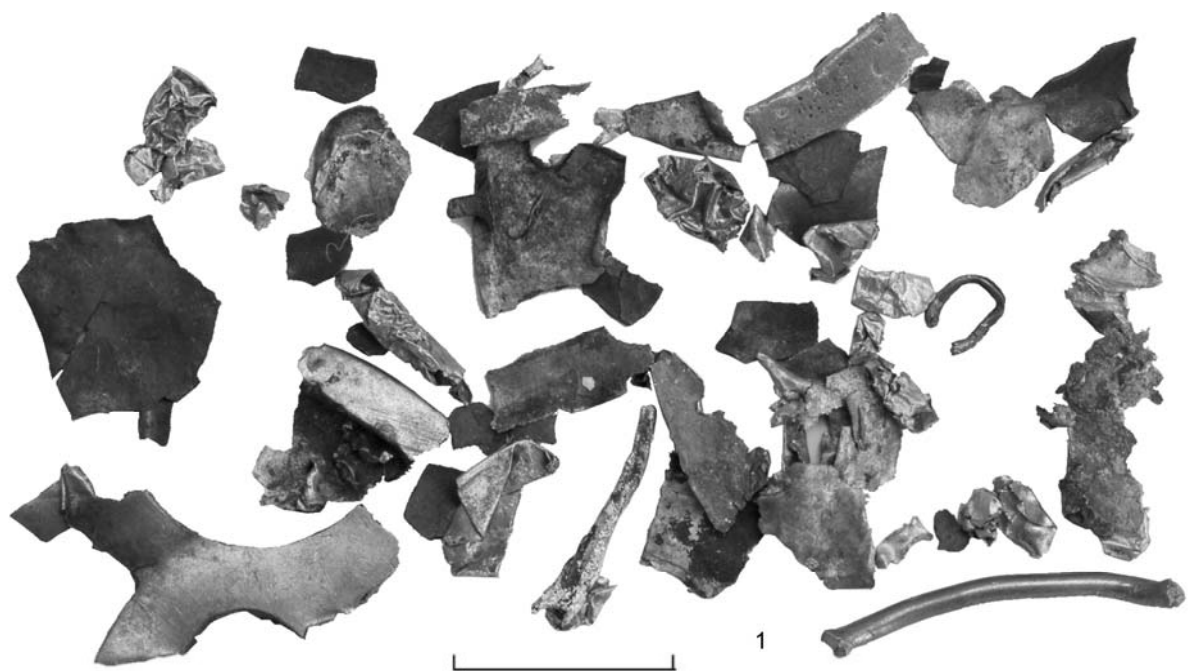
1А – пять небольших обломков ажурного пластинчатого предмета. Размеры обломков: 14 × 8 мм, 9 × 7 мм, 6 × 6 мм, 8 × 3 мм, 8 × 7 мм,

толщина 0,35 мм. По всей видимости, они являются обломками верхней пластины инкрустированного украшения с вырезанными в ней отверстиями для вставок. В нашем случае у одного из фрагментов лучше всего сохранился участок между тремя вставками (судя по форме вырезов), две из которых круглые (разных размеров) и одна, вероятно, ромбовидная или подквадратная (рис. 1, 2, 3). Остальные фрагменты имеют слабо выраженную дуговидную форму, при этом у всех один продольный край был загнут, но обломан по сгибу. Кроме того, на одном из обломков сохранился конец миниатюрного штифта, шляпка которого ребром напаяна с оборотной стороны, у внешнего выпуклого края обломка.

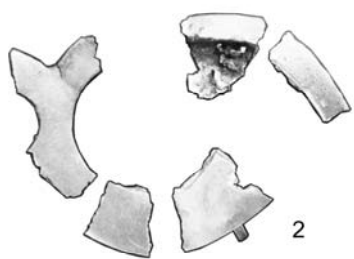
В терминологии Б. Аррениус, такая техника инкрустации называется ажурной, и она часто используется при изготовлении изделий в стиле клуазоне (*Arrhenius*, 1985. P. 77, 81). Ажурная пластина с многочисленными сквозными отверстиями, повторяющими формы вставок, но чуть меньших размеров, прижимает камни, которые либо плотно уложены в емкость-основу, а промежутки между ними залиты мастикой (техника «ажурное шамплеве»), либо зажаты в ячейки-перегородки без нижней основы – техника «ажурное клуазоне» (*Ibid.* P. 77, 81, fig. 82d, 91). Это своего рода имитация ячеек и перегородок классического клуазоне, но выполненная иным способом. В другой существующей классификации способов перегородчатой инкрустации, предложенной Н. Адамс (*Adams N.*), данная техника обозначена как «Class II» (*Adams*, 2000. P. 16, fig. 1). В этой технике сделаны такие знаменитые украшения из элитных европейских комплексов V в., как, например, золотая ажурная пектораль и фибулы-птицы из Петроссы (*Harhoiu*, 1998. Taf. XXII–XXVII), бляха-медальон из Клуж-Сомешень (*Harhoiu*, 1977. Fig. 12, 2; *Harhoiu*, 1998. Taf. LXX, 1), поясная накладка из Вольфсхайма (*Harhoiu*, 1977. Fig. 16, 8).

Впрочем, известны и другие, не столь громкие находки, выполненные аналогичным способом, в частности, именно в данной технике сделана шарнирная бляха из Кудинетово на Северном Кавказе (*Амброс*, 1989. Рис. 39, 13), которая инкрустирована не в классической манере клуазоне, при помощи напаянных ячеек-перегородок, а с помощью накладной ажурной пластины, прижимающей вставки. Назовем и обломки подобного серебряного с позолотой предмета в составе клада из местечка Галайты также на Кавказе

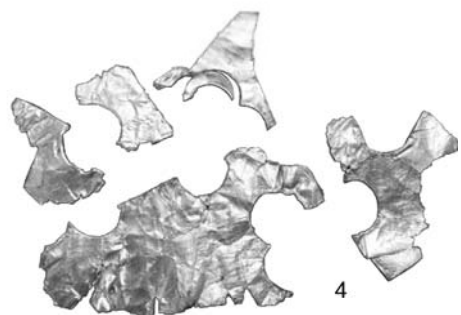
1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

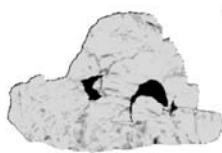
12

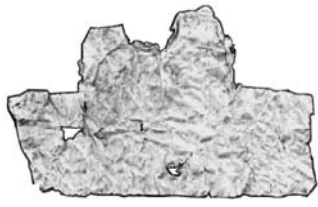
13

14

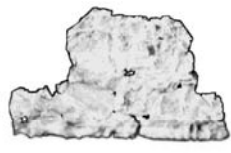
16

15

18

17

19

(Багаев, 1977. С. 241, рис. 1, 10). Кроме того, существует и большая группа ранневизантийских пряжек, инкрустированных в технике ажурного шамплеве (Хараламбиева, 2004. С. 232–236; Kazanski, 1994. P. 154–156, fig. XV, 1–6, 9–11), правда, они выполнены чаще всего из бронзы или серебра. Вероятно, они представляют поздний этап развития данной техники, отличный от классических образцов клуазоне V в., с некоторыми элементами упрощения.

Определить, какого типа предмет находился в концештинской могиле, к сожалению, невозможно. Однако само наличие некоего золотого украшения, выполненного в подобной технике, заслуживает внимания с точки зрения переключки с составом других территориально и хронологически близких элитных погребений Центральной Европы. Интересно это и для характеристики самого комплекса (точнее многообразия источников его формирования), в который попали различные дорогие полихромные вещи, способы изготовления которых представлены во всем своем многообразии: это и классическое клуазоне (поясные наконечники и накладкаторел – Засецкая, 1994. Табл. 19, 1, 2), и гуннский полихромный стиль (третья стилистическая группа, по И.П. Засецкой: Засецкая, 1994. Рис. 13), и теперь еще и предположительно техника ажурной инкрустации.

2. Мелкие обрывки и обрезки золотой фольги.

Инв. № 2160/ 57. Общий вес 16,89 г. Золото 900°.

Россыпь мелких и средних разрозненных обрывков золотой фольги от различных неопределимых предметов. Практически все они были скомканы или скатаны в мелкие комочки, аккуратно расправив которые, удалось кое-что определить. Среди них оказалось несколько очень мелких обрывков со слабо различимым чешуйчатым орнаментом и столь же мелких обрезков фольги с рубчатými ободками. Кроме того, определению поддаются:

2А – маленький очень сильно деформированный фрагмент золотой обкладки с пустым напа-

янным гнездом, скорее всего, ромбовидной формы. Размеры 5 × 4 мм.

2Б – бесформенные обрывки фольги с вырезанными в них с краю полукругиями и кружками диаметром около 5 мм, а также несколько миниатюрных серповидных обрезков от таких кружков (рис. 1, 4). Именно последние свидетельствуют о том, что эти вырезы не являются оригинальным элементом изделия. Обрезки – это явный мусор, но при этом аккуратно собранный, с единственно возможной целью – для переплавки. Вырезы сделаны во всех случаях со стороны не рваного, а аккуратно срезанного края фрагмента, что вполне объяснимо при работе ножницами. Можно предположить, что таким образом находчики при подготовке металла к переплавке удаляли с фрагментов снятой от куда-либо фольги участки с сильными загрязнениями или окислами. Такие окислы могли образоваться, скорее всего, от каких-либо прикипевших бронзовых или железных деталей правильной округлой формы, например, штифтов, шляпок гвоздиков и т. п. В таком случае гладкая золотая фольга, с обрезками которой мы имеем дело, должна была украшать поверхность предметов из дерева – основу седла или ножен, а возможно и гроб, упоминаемый в описании обстоятельств находки. Конечно, все эти предположения гипотетичны, и количество сохранившихся обрезков мизерно (хотя понятно, что и остальная часть обрывков гладкой фольги тоже могла принадлежать этому предмету), ничего невероятного в таком предположении нет.

2В – треугольная нашивная бляшка размерами 11 × 11 мм с тремя сдвоенными проколами (рассчитанными на тонкую волосяную нить) по углам, орнаментированная круглыми штампованными выпуклостями (рис. 1, 5), которые располагаются рядами, нижний ряд деформирован.

Аналогичные бляшки наиболее выразительно представлены в Северном Причерноморье в более раннее время, а именно в сарматский/позднеримский период. Они встречаются довольно часто, и в морфологическом отношении являются весьма близкими аналогами находкам из

Рис. 1. Концешты:

1 – мелкие обломки металлических предметов, общий вид; 2–3 – обломки пластинчатого предмета (№ 1А); 4 – обрезки фольги с вырезами (№ 2Б); 5–18 – аппликации из золотой фольги: 5 – № 2Б; 6–14 – № 2Б; 15–18 – № 2Д; 19 – обкладка из фольги (№ 2Е).

Fig. 1. Concești:

1 – fine fragments of metal objects, general appearance; 2–3 – fragments of a lamellar object (№ 1А); 4 – foil scraps with cuts (№ 2Б); 5–18 – gold foil appliqué: 5 – № 2Б; 6–14 – № 2Б; 15–18 – № 2Д; 19 – foil plating (№ 2Е).

Концешт. Можно назвать погребение III в. в кургане 3 могильника Брут 2 на Северном Кавказе (Габуев, Малашев, 2009. С. 138. Рис. 14:5), курган 41 Золотого Кладбища (Гущина, Засецкая, 1994. Табл. 46, 427/2). В знаменитом керченском погребении с Золотой маской второй половины III–начала IV в. найдена серия аналогичных бляшек из золота, но выпуклины здесь гораздо более крупные, их всего шесть штук на изделии (Мастыкова, 2014. Рис. XIV, 5; Kazanski, Mastykova, 2006. Fig. 2, 20). В сарматских погребениях Прикубанья первых веков нашей эры распространены треугольные золотые бляшки с орнаментом в виде выпуклин, расположенных по углам или по периметру (Марченко, 1996. С. 140, рис. 7).

Известны еще несколько находок подобных золотых бляшек вне датированных комплексов. Одна происходит откуда-то из Екатеринославской губернии, но обстоятельства ее находки неясны (Kubitschek, 1912. Fig. 12, 356c). Так же как неизвестен контекст находки аналогичной бляшки из Керчи, хранящейся в коллекции Музея Метрополитен (Rostovtzeff, 1923. Fig. 10). В сводной таблице А. Кишша фигурирует еще одна аналогия – из местечка Косовени в Румынии (Кишши, 1995. Табл. 5). Правда, ее следует признать сомнительной, поскольку сами бляшки не сохранились, а их описание не только составлено со слов находчика, но и даже в таком виде не соответствует искомому типу ни по форме, ни орнаментально (Nicolăescu-Ploșor, Zeiss, 1933. S. 273, 275, Abb. 2).

В период Великого переселения народов бляшки, подобные рассматриваемой находке из Концешт, довольно редки. Аналогичные бляшки, но при этом из серебра и чуть более крупные, известны только на Боспоре в склепах второй половины IV–первой половины V в., открытых в 1904 г. (Засецкая, 1993. С. 72. таб. 44, 195). Золотая треугольная бляшечка, но гладкая и при этом с рубчатым ободком по периметру, найдена в знаменитом вождеском погребении в Якушовице (Godlowski, 1995. Abb. 3, 9). В это время гораздо более широкое распространение получили треугольные штампованные нашивные бляшки не с пупырчатым, а с геометрическим орнаментом (трехгранная выпуклая середина и/или рубчатый ободок по краю) и часто с округлым расширением на одном конце. Они встречены почти во всех европейских комплексах эпохи переселения, в которых зафиксирован

костюм с золотыми аппликациями (Кишши, 1995. Таб. 5; Мастыкова, 2014. С. 141–142; Kazanski, Mastykova, 2006. Fig. 3, 4, 6, 7; Nothnagel, 2008. Taf. 7, 5). А рельефный декор в это время наиболее распространен не на треугольных, а на прямоугольных штампованных бляшках (Мастыкова, Казанский, 2005. Рис. 5, 8; Nothnagel, 2008. Taf. 7, 5.12).

2Г – девять нашивных бляшек неправильной подпрямоугольной формы, напоминающие обрезки узкой золотой ленты с неровными краями, с проколом на каждом конце (рис. 1, 6–14). Размеры: ширина 7–8 мм, длина 11–16 мм. Одна имеет полукруглый верхний край. Все предметы гладкие, довольно небрежно вырезаны из тонкой фольги, толщиной 0,03–0,04 мм. Диаметр проколов (часть которых прорвана до края, видимо, при сдирании бляшек с матерчатой основы) всего около 0,7–1,0 мм, что говорит об использовании иголки и тонких (волосных?) нитей, которые, вероятно, на момент обнаружения еще частично сохранялись. Точных аналогий нам найти не удалось. Вероятно, такие аппликации морфологически можно поставить в один ряд с бляшками простейших геометрических форм.

Возможно, что эти находки имеют отдаленное сходство с вырезанными из гладкой фольги ромбовидными фигурками, обнаруженными в элитном погребении Ираги в Дагестане. Это сходство выражается в простой геометрической форме, близких габаритах и отсутствии какого-либо орнамента и тиснения, которые являются большой редкостью для подобной категории украшений в эпоху Великого переселения народов.

Их размеры 28 × 15 мм, точечные проколы на концах (Мастыкова, Казанский, 2005. Рис. 6, 23). В гуннской могиле IX у Новогригорьевки были обнаружены точно такие же ромбики (совпадают даже их размеры – около 28 × 14 мм) из тонкого золотого листа (Засецкая, 1994. Табл. 2, 6), но они не имеют отверстий и, вероятно, нашивками не являются.

Похожие по форме – овально-каплевидные бляшки из гладкой золотой фольги с отверстиями на концах – в большом количестве известны также в позднескифских могильниках Крыма первых веков нашей эры, в первую очередь в Усть-Альме (Пуздровский, 2007. Рис. 118, 6, 7; 116, 8; 110, 23). Есть они и в позднесарматских комплексах (Марченко, 1996. Рис. 8, 9). Пожалуй, морфологически такие бляшки близки (хотя о полном тождестве говорить не приходится)

находкам из Концешт, их размеры в среднем 1–1,5 см в длину, но большинство из них – выпуклые.

Небольшие прямоугольные накладки от уздечных ремней из золотой фольги, также имеющие на концах отверстия (но с сохранившимися в них бронзовыми штифтами), были найдены в кургане гуннского времени Солончанка 1 (Курган..., 1999. С. 29, рис. 25, 1–7). В отличие от наших, они имеют более крупные размеры – 2,9 × 1,2 см и точечный орнамент. Впрочем, находки из Солончанки отражают, по всей видимости, совершенно иную традицию гуннского периода – поясных наборов с прямоугольными накладками, с той лишь особенностью, что для последних типично использование не золотой фольги, а серебряных пластин.

2Д – три нашивные бляшки сложной формы (рис. 1, 15–17). В основе фигуры лежит прямоугольник, одна из длинных сторон которого имеет посередине полукруглый выступ. Одна наиболее крупная – золото 900°, две меньшие – золото 450°. Их размеры 20 × 13 мм, 20 × 12 мм, 27 × 17 мм. Все гладкие, вырезаны из фольги толщиной всего 0,03 мм. Диаметр проколов (часть которых прорвана до края, видимо, при сдирании бляшек с основы) около 1 мм. Три прокола расположены в торцах и в полукруглом выступе.

Еще одно изделие точно такой же формы, но более крупное, – скорее всего, это обкладка: неправильно-прямоугольная, с одной выпуклой, а другой вогнутой стороной с небольшим полукруглым выступом посередине (рис. 1, 18). Размеры 38 × 20 мм. Сохранились три отверстия, все прорваны до края. Одно в полукруглом выступе, два других на концах.

Ближих и даже отдаленных аналогий аппликациям № 2Д нам найти нигде не удалось, и это несмотря на огромное разнообразие бляшек в эпоху Переселения народов (Мастыкова, 2014. С. 141–144) и, в особенности, сарматского времени (Марченко, 1996. Рис. 8, 9).

2Е – золотая обкладка с отверстиями по периметру. Имеет неправильно-пятиугольную (со скругленными углами) или колоколовидную форму (рис. 1, 19). Размеры 53 × 34 мм. Хорошо читаются отверстия в двух сохранившихся углах. Бляхи пятиугольной формы с золотой обкладкой из фольги хорошо известны в гуннских комплексах Европы – в Новогригорьевке, у совхоза Калинина (Засецкая, 1994. Табл. 1, 5; 22, 5), а также в Печюсёге в Венгрии (Bóna, 1991. Abb. 49,

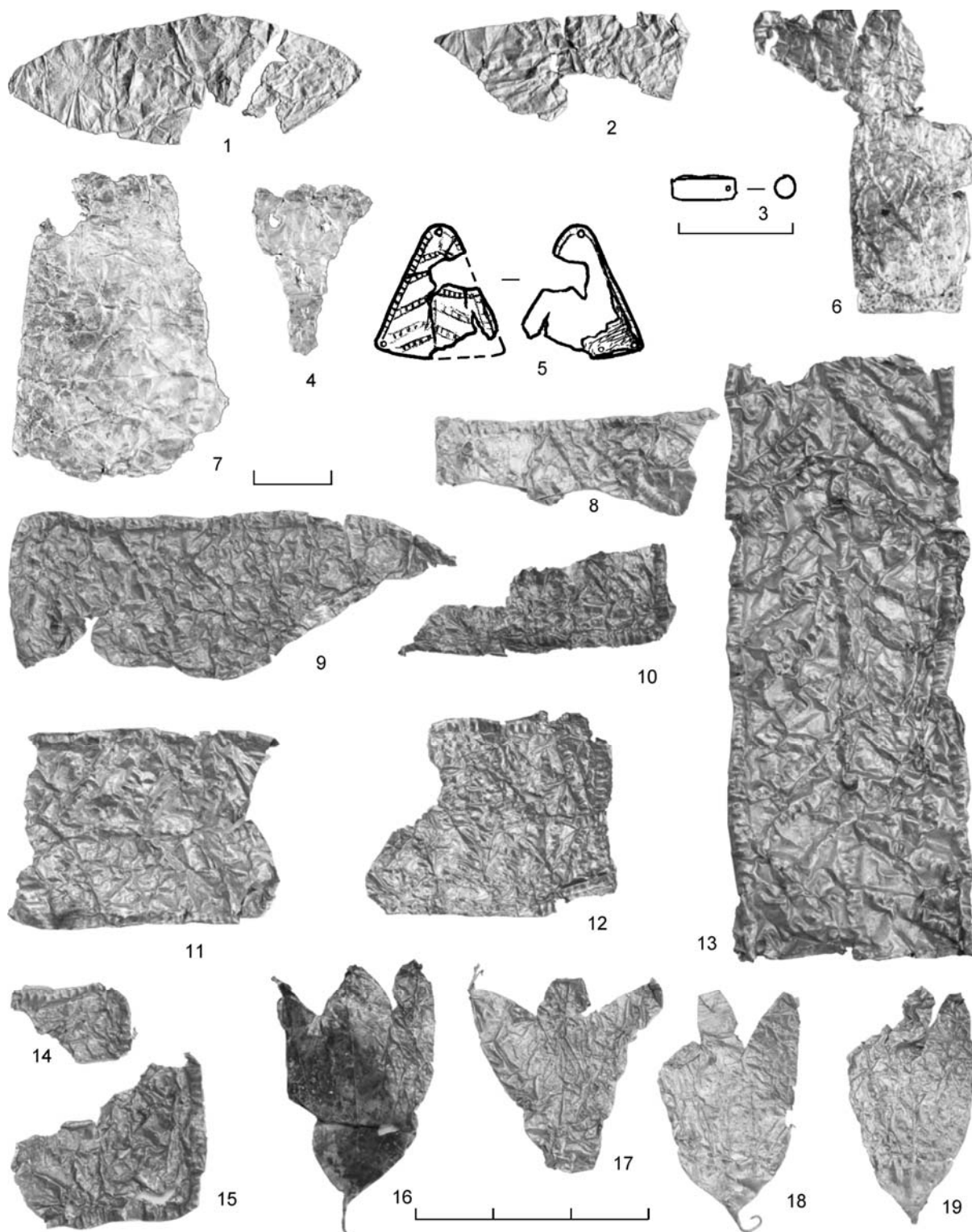
taf. 48). Правда, их отличают от нашей почти правильные и четкие ромбовидные контуры.

2Ж – три фрагмента овальных или миндалевидных пластин, вырезанных из гладкой фольги (рис. 2, 1). Никаких специально сделанных отверстий на этих пластинах нет. Размеры 35 × 16 мм, 22 × 14 мм, 17 × 11 мм. Золото 900°. Толщина фольги 0,04 мм. Форма и размеры этих предметов позволяют нам сделать осторожное предположение, что они могут являться так называемыми лицевыми пластинами – наглазниками. Один реконструируется почти полностью из двух фрагментов (рис. 2, 1), его размеры около 48–50 × 17–18 мм. Второй сохранился наполовину, возможно это не наглазник, а нагубник, поскольку его контур несколько отличается от первого.

Данная традиция как часть погребального ритуала связана с позднеантичным миром Понтийской зоны. Погребения с золотыми лицевыми пластинами довольно часто встречаются в первые века нашей эры как на некрополях городских центров Северного Причерноморья (Пантикапея, Горгиппии и др.), так и, например, на позднескифских могильниках Крыма (Дашевская, 1991. С. 39; Погребова, 1957). Особенно часто золотые наглазники встречаются в погребениях Херсонеса первых веков нашей эры, и именно херсонесские пластины, несмотря на хронологический разрыв, наиболее близки по размерам и пропорциям концештинским (Погребова, 1957. С. 148–149, табл. II, 2–8). В Северном Причерноморье, в урочище Кубей (Одесская обл.), известна находка двух золотых наглазников, чрезвычайно близких по размерам и форме, в засыпке гуннского погребения конца IV–первой половины V в. (Засецкая, 1994. С. 193, табл. 46, 1). Пожалуй, стоит отметить, что в некрополе Боспора, в погребениях эпохи Переселения народов подобных вещей уже не зафиксировано.

2З – фрагмент обкладки Т-образной формы с прямоугольным вертикальным основанием шириной 13 мм и высотой 34 мм (рис. 2, 6). Из двух концов верхней перекладины сохранился только один, длина которого 12 мм, в его торце прослеживается сквозное точечное отверстие, еще одно, вероятно, было рядом, у верхнего края перекладины. Оба отверстия прорваны. Аналогии мне неизвестны.

2И – накладка (?). Фрагмент фольги подтреугольно-вытянутой формы (рис. 2, 4). Все края

Рис. 2. Концешты. Золотые и серебряные украшения:

1–2 – обрезки фольги с вырезами (№ 2Б); 3 – серебряная трубочка (№ 3); 4 – накладка (№ 2И); 5 – бляшка с бронзовой основой (№ 4В); 6 – Т-образная накладка (№ 2-3); 7 – торцевая часть ленты (№ 2К); 8–15 – фрагменты обкладок с «елочным» орнаментом (№ 4А, 4Б); 16–19 – листики от погребального венка (№ 5).

Fig. 2. Concești. Gold and silver ornaments:

1–2 – foil scraps with cuts (№ 2Б); 3 – silver tube (№ 3); 4 – cover plate (№ 2И); 5 – plaque on a bronze base (№ 4В); 6 – T-shaped plate (№ 2-3); 7 – butt part of a band (№ 2К); 8–15 – fragments of plates with a 'herringbone' ornamentation (№ 4А, 4Б); 16–19 – leaves from a funeral wreath (№ 5).

неровные, местами рваные. Размеры 22×15 мм. Хорошо сохранились три довольно четких отверстия диаметром около 2 мм, предназначенные для штифтов. Первоначальная форма накладки сильно искажена повреждениями краев, поэтому говорить о возможных аналогиях и назначении предмета крайне сложно.

2К – концевая часть золотой вытянутой пластины или ленты (?) трапецевидной формы, размерами 43×32 мм (рис. 2, 7), отверстий нет. Одна из длинных боковых сторон неровная. Не исключено, что данный фрагмент является оконечностью золотой ленты, служившей основой погребального венка (см. ниже, № 5) или частью дугообразной накладки на луку седла. К сожалению, отсутствие отверстий, какого-либо орнамента или других признаков не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть такие предположения.

Возникает вопрос: каким образом все эти мелкие обрывки и обломки, числящиеся у нас под номерами 1 и 2 (инвентарные номера 2160/57, 2160/60), по своему состоянию больше напоминающие лом, а не инвентарь богатой могилы, были собраны и занесены в коллекцию? Обстоятельства находки, восстановленные на основании сохранившихся документов и опроса свидетелей (они приведены у Р. Хархою: *Harhoiu*, 1998. S. 172), позволяют сделать, на мой взгляд, следующий вывод. Весьма маловероятно, что находчики – пастухи и их дети – скрупулезно отбирали столь мелкие комочки и обломки, отсеивая их от грунта и мусора из могилы, тем более что в какой-то момент произошло даже обрушение берегового откоса. Скорее всего, вся эта россыпь мелких обрывков либо залежала сравнительно компактно и ее попросту сгребли, а уже потом отсортировали. Либо, что также вполне вероятно, большая часть элементов из фольги еще частично сохраняла остатки какой-то органической основы, благодаря чему их можно было сравнительно быстро и без хлопот собрать, извлечь из могилы и уже после этого окончательно освободить от остатков этой основы. (Отметим, что у всех сохранившихся в коллекции фрагментов накладок из золотой фольги, как со вставками, так и без них, за исключением всего двух обломков предметов, остатки органической или бронзовой основы полностью отсутствуют. Даже их следы почти не видны, что говорит о том, что они удалены находчиками целенаправленно и очень тщательно, скорее все-

го, перед предполагавшейся переплавкой. На это же указывают и прорванные отверстия-проколы у нашивок № 2Г, образовавшиеся, несомненно, при снятии фольги с основы либо при срывании нитей.)

В любом случае можно с большой долей уверенности предполагать, что основная масса этих обрывков связана с каким-то одним-двумя элементами погребального убранства могилы или костюма и их совокупность неслучайна. Среди обстоятельств обнаружения фигурируют остатки на скелете истлевшей одежды или тканого покрова, расшитого золотыми украшениями (*Мацулевич*, 1934. С. 56; *Harhoiu*, 1998. S. 172). До сих пор среди инвентаря захоронения не описывалось ни одной находки, служащей вещественным подтверждением данного сообщения, и наличие каких-либо деталей одежды с золотыми аппликациями даже ставилось под сомнение. Как теперь выясняется, напрасно. В том, что описанные выше предметы (по крайней мере их значительная часть) являются именно нашивными украшениями, а не, скажем, уздечными или какими-либо еще накладками, убеждают и тонкость фольги, и маленький диаметр отверстий-проколов, и отсутствие следов твердой основы.

3. Пронизка-трубочка из серебра.

Инв. № 2160/ 61. Вес 0,05 г. Серебро 960°.

А. Л. Мацулевич упоминает в составе инвентаря из Концешт фрагменты неких «золотых палочек», являвшихся остатками золотых аппликаций, опираясь, впрочем, на все то же описание обстоятельств находки у А. Одобеску (*Мацулевич*, 1934. С. 56). В сохранившейся части коллекции имеется лишь один предмет, который по виду частично перекликается с этим сообщением. Это миниатюрная серебряная трубочка с отверстием-проколом у края (рис. 2, 3). Длина ее 5,5 мм, диаметр 1,7 – 2,0 мм, диаметр прокола около 0,5–0,6 мм.

Не исключено, что это действительно не пронизка, а свернутая часть нашивного украшения в виде трубочки, палочки или зигзага. Во всяком случае наличие отверстия у края указывает довольно определенно на способ крепления этой трубочки. Подобные аппликации в виде маленьких трубочек (которые с равным успехом могли служить и пронизками, и нашивками) так же широко распространены в Европе, как и треугольные бляшки, и известны во многих погребальных комплексах эпохи Переселения наро-

дов (*Мастыкова*, 2014. С. 142–144; *Kazanski, Mastykova*, 2006. Р. 292). Среди них попадаются не только золотые, но и серебряные экземпляры.

4. Фрагменты золотых обкладок из фольги со штампованным «елочным» орнаментом и рубчатым ободком по краю.

4А – инв. № 2160/ 52. Размеры 58 × 24 мм. Вес 0,87 г. Золото 870°.

Именно этот фрагмент (рис. 2, 13) опубликован и у А. Л. Мацулевича, и у И. П. Засецкой, и у Р. Хархою (*Засецкая*, 1994. Табл. 19, 14; *Harhoiu*, 1998. S. 56, taf. XIX, 10; *Matzulevich*, 1929. Abb. 40).

4Б – инв. № 2160/ 53. Еще 7 фрагментов аналогичных лент (рис. 2, 8–12, 14, 15). Ширина 24 мм, длина фрагментов от 2,5 см до 6 см. Общий вес около 1,8 г.

У 5 обрывков (включая фрагментированные) из 7 рубчатый ободок сохранился с трех сторон, т. е. это обрывки торцов ленты. Исходя из этого, можно предположить, что фрагменты фольги под № 4 в совокупности принадлежали как минимум двум, а скорее всего, даже трем обкладкам длинных прямоугольных лент. У пластины № 4А одна из сохранившихся торцевых сторон (на что указывают ее ровный край и отверстия вдоль него) не имеет по краю рубчатого штампованного ободка. Значит, одна из этих лент отличалась отсутствием рубчатого ободка с одной из узких сторон (возможно, была обрезана). Бронзовая основа у всех отсутствует, но на ее изначальное наличие косвенно могут указывать загнутые по периметру края всех обкладок. Ширина реконструируемых пластин 2,4 см, длина каждой из них не менее 8–9 см. На сохранившихся краях местами имеются небольшие отверстия для крепления. Помимо ободка по периметру обкладки имели штампованный орнамент «елочкой», имитирующий рубчатую проволоку, в виде продольной оси с расходящимися от нее в обе стороны косыми линиями.

4В – инв. № 2160/ 53. Треугольная бляшка размерами 22 × 22 мм с аналогичным орнаментом «елочкой» и с остатками бронзовой основы. Один угол бляшки оборван, в двух других сохранились точечные отверстия, в том числе сквозные отверстия прослеживаются и в бронзовой основе – одно в углу, второе примерно по середине нижней стороны (рис. 2, 5). Вес около 0,2 г. Треугольная форма бляшки надежно реконструируется, несмотря на общую деформацию фольги, по двум хорошо сохранившимся

углам с рубчатым ободком по периметру и по четкому контуру фрагмента основы. Бронзовая пластинка вдоль одной из сторон плотно обжата фольгой.

Различные обкладки и бляшки, обтянутые золотой фольгой со штампованным орнаментом и без полихромного декора, довольно часто встречаются в степных памятниках гуннского времени. Хотя орнамент именно с косыми линиями «елочкой» попадает среди них изредка. Очень близкий декор известен на пятиугольных бляхах из гуннского комплекса Печюсёг в Венгрии, на что обратил внимание еще А. Л. Мацулевич (*Matzulevich*, 1929. S. 130; *Bóna*, 1991. Abb. 49, taf. 48).

5. Элементы погребального венка-диадемы: золотые листики (рис. 2, 16–19).

Инв. № 2160/ 51. Общий вес 0,61 г. Золото 900°.

Размеры: тип А – 34 × 19 мм (рис. 2, 16); тип Б – 25 × 25 мм (рис. 2, 17); тип В – 32 × 17 мм (рис. 2, 18); тип Г – 31 × 16 мм (рис. 2, 19).

А. Л. Мацулевич, а вслед за ним и И. П. Засецкая, и Р. Хархою (*Засецкая*, 1994. Табл. 19, 7–9; *Harhoiu*, 1998. S. 59, taf. XIX, 2–4; *Matzulevich*, 1929. S. 125. Abb. 33) публикуют только три целых листика (А, Б, В), тогда как в действительности их четыре (хотя в тексте А. Л. Мацулевич также называет четыре – *Matzulevich*, 1929. S. 125), не опубликован экземпляр типа Г. Золотые листики из Концешт имеют характерную листовидную форму, с тремя зубцами. На трех из них прослеживаются продавленный орнамент в виде трех (в случае А – пяти) продольных «волокон», расходящихся от основания листка к кончикам зубцов, и крючочек-петелька в основании. Один листок (Б) имеет форму, близкую к треугольной, с прямыми краями и широко расходящимися боковыми зубцами. Орнамент на нем не прослеживается, как нет и крючка на конце. Вероятно, крючок был просто оборван, но его могло и не быть вовсе, так как край листа здесь отрезан аккуратно и ровно.

Листики несомненно относятся к погребальному венку или диадеме. Золотая повязка с камнями на голове покойного была отмечена находчиками (*Harhoiu*, 1998. S. 172). Погребальные венки хорошо известны в греко-римской погребальной традиции и широко представлены в боспорских склепах позднеантичной эпохи. Параллели листикам от погребальной повязки

достаточно многочисленны в силу их стандартности, в первую очередь также на Боспоре. Здесь в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов наиболее часто встречаются листочки подтреугольной формы с прямыми боковыми сторонами, крепящиеся к ленте-основе штифтиками, как наш экземпляр типа Б (*Засецкая*, 1993. Табл. 12, 21; 21; 54, 288).

Форма, более приближенная к овальной (не с прямыми, а выпуклыми боками и более вытянутая), как у экземпляров А, В и Г, в эпоху Переселения народов встречается реже, похоже, она в большей степени характерна для более раннего времени – для первых веков нашей эры. Такую форму имеют золотые листочки с крючком на конце из нескольких погребений Усть-Альминского и других позднескифских некрополей в Крыму (*Пуздровский*, 2007. Рис. 109, 1; 119, 1; *Дашевская*, 1991. Табл. 66, 20). С концевыми их сближает отсутствие орнамента и продольные рельефные ребра. Отметим также листочки из захоронения 26, относящегося ко II в. н. э., из раскопок 1992 г. некрополя Танаиса (*Арсеньева и др.*, 2001. С. 153. Табл. 66, 845). Более поздних аналогий, твердо датированных именно второй половиной IV–V в., для таких листочков от погребального венка мне пока не удалось.

Во всяком случае весьма показательны, что из 7 погребальных венков IV– первой половины V в. из керченского некрополя, опубликованных И. П. Засецкой, у всех семи форма листочков треугольная, включая и те, которые оттиснуты на золотой ленте (*Засецкая*, 1993. Кат. № 21, 72–75, 221, 288), т. е. форма, аналогичная экземпляру типа Б. А среди известных нам венков-диадем из погребальных комплексов Причерноморья более раннего времени, точнее I–III вв. и вероятно начала IV в., несомненно, господствующей является другая форма листочков, соответствующая экземплярам типов А, В и Г. Хотя и треугольные листочки тоже известны в этот период начиная уже с I в. н. э., например, в могиле Юлия Каллисфена в Керчи (*Shchukin et al.*, 2006. Fig. 7). Судя по имеющимся, конечно не полным, но достаточно представительным материалам, листочки разновидности А выходят из употребления, скорее всего, в течение IV в.

Венок из Концешт мог представлять собой налобную повязку в виде неширокой гладкой ленты (возможно, ее фрагмент описан у нас выше, под № 2К) с прикрепленными на крючках

листочками и со вставкой в центре (судя по словам находчиков), в напаянном гнезде, аналогичную позднеантичным боспорским или позднескифским. При этом наличие листочков двух разновидностей (различаются форма, способы крепления, состав золота), одна из которых типологически, скорее всего, относительно более ранняя (овальные листочки с крючком), позволяет предположить, что первоначальный предмет был несколько модифицирован: утраченные листочки были восполнены при погребении деталью либо от другого венца, либо специально вырезанным из подручной фольги листочком (он, в отличие от остальных, гладкий), которому придали форму, более привычную для времени совершения захоронения. Способ его крепления не совсем ясен, листок мог быть вставлен в прорез ленты, а мог быть и просто приклеен (такой принцип тоже встречается). На данном основании сделаем предположение, что венок из Концешт не был специально и целиком изготовлен непосредственно перед погребением. В распоряжении лиц, совершивших обряд, уже находился некий, условно говоря, более ранний предмет – венок с недостающими элементами, который был дополнен новыми листочками иного типа, вырезанными уже действительно для данного погребения. Во всяком случае мне не известен ни один прецедент сочетания листочков двух разных отмеченных типов на одном венке.

В итоге проделанной работы, кроме отмеченных дополнений в части определения некоторых бесформенных (как казалось ранее) обрывков фольги, можно сделать и новый интересный вывод. Отныне с уверенностью следует говорить о том, что в погребении у с. Концешты действительно присутствовали элементы костюма, украшенные как минимум несколькими разновидностями нашивных бляшек-аппликаций из золотой фольги. Из этих разновидностей только первая – треугольная штампованная бляшка (№ 2В), во-первых, выполнена профессионально (т. е. с использованием хотя бы минимального набора специальных инструментов), во-вторых, имеет аналогии на территории и варварского мира, и на Боспоре. Вторая – гладкие прямоугольные и фигурные, их даже трудно назвать бляшками, вырезанные из очень тонкой фольги (№ 2Г и 2Д), точных аналогов пока не имеют. Судя по всему, они были изготовлены кем-либо, не мастером-ювелиром, а просто человеком, владеющим ножницами, наспех, перед погребением. Их

длительное ношение попросту невозможно: фольга рвется даже при царапании ее ногтем. Напомню, что, по мнению части немецких исследователей, вообще все бляшки-аппликации в костюме эпохи Великого переселения народов – элемент сугубо погребальной субкультуры (*Nothnagel*, 2008. S. 79). Другие разновидности нашивок – серебряные пронизки-трубочки (№ 3), распространенные в довольно широком хронологическом и пространственном диапазоне, и оригинальные крупные пластинки из фольги, описанные у нас под номерами 2Е и 2Д.

Геометрические бляшки-нашивки – один из наиболее характерных элементов «аристократического» женского костюма горизонта Унтерзибенбрунн (*Мастыкова, Казанский*, 2005. С. 259–261; *Nothnagel*, 2008. S. 197–198). Вполне понятно, что отсутствие в Концештах других компонентов легко объясняется прежде всего мужской принадлежностью захоронения. Вероятно, здесь бляшки украшали погребальные покровы или какие-либо другие аксессуары и принадлежности костюма, не имеющие строгой половой дифференциации. Столь мизерное количество нашивок, к тому же в мужском комплексе, не должно смущать. Во-первых, могила, несомненно, была разграблена. Во-вторых, единичные факты обнаружения таких бляшек в мужских погребениях эпохи Переселения народов хорошо известны в Центральной Европе, в том числе и в уже упоминавшемся погребении Якушовице в Польше. Правда, не совсем понятно расположение бляшек на скелете, а в одном случае речь идет о находках (кстати, тоже совсем небольшого количества бляшек) в заполнении могильной ямы (*Kazanski, Mastykova*, 2006. P. 291). Нельзя, кстати, не вспомнить, что половое определение одного из двух индивидов, захороненных в Унтерзибенбрунне, вызывало и вызывает некоторые сомнения (*Кишин*, 1995. С. 80). Бляшки-аппликации там найдены в обоих погребениях (*Nothnagel*, 2008. S. 76), одно из которых по итогам дискуссии было признано женским, а другое – детским без указания пола (*Ibid.* S. 251–254).

В предшествующее время среди погребений боспорской аристократии III–IV вв. есть несколько богатых мужских комплексов (в том числе и погребение с Золотой маской) с большим количеством золотых бляшек (*Мастыкова*, 2014. С. 137–139), и значит, этот элемент не был исключительной прерогативой женского костюма, по крайней мере в Понтийском регионе.

Вспомним также, что в позднескифских могилах Крыма золотые бляшки-нашивки, как и золотые лицевые пластины, преобладают именно в мужских захоронениях (*Дашевская*, 1991. С. 37; *Погрехова*, 1957. С. 146). Так или иначе, ничего необычного здесь нет, и наличие золотых аппликаций в Концештах может служить хорошим этнокультурным и этносоциальным признаком, дающим дополнительную информацию для реконструкции возможных путей формирования комплекса и его историко-культурной атрибуции. Еще раз в связи с этим можно обратить внимание, что среди найденных здесь аппликаций нет форм бляшек, наиболее характерных для европейских «классических» памятников горизонта Унтерзибенбрунн первой половины V в. (треугольно-выпуклых, круглых, восьмерковидных, зигзагообразных, фигурных и др.), что делает маловероятным возможное опосредованное влияние с Запада. И, соответственно, в споре по поводу хронологии этот аргумент исключает относительно более позднюю датировку данного комплекса (вплоть до середины и даже второй половины V в.), предлагаемую некоторыми исследователями (*Гавриутхин*, 2000. С. 295). Для древностей следующего культурно-хронологического горизонта Смолин (период D2/D3) в Центральной Европе костюм с золотыми аппликациями вообще нехарактерен.

Таким же аргументом, кстати, является и наличие золотого венка и пластин-наглазников – элементов погребального обряда, которые довольно сложно представить в контексте восточноевропейских древностей второй половины V в. Пожалуй, самая поздняя из известных мне находок погребальных венков-диадем в Северном Причерноморье и единственная в этом отношении происходит из керченской могилы 3, исследованной А. Е. Люценко в 1869 г. Как считает И. П. Засецкая, по найденным в этой могиле пальчатым фибулам и стеклянному кувшину сирийского производства комплекс может быть датирован второй половиной V в. (*Засецкая*, 1998. С. 421–422). Но это скорее исключение из правила. Позднейшей находкой золотых наглазников в Восточной Европе следует, по-видимому, признать уже упомянутый комплекс гуннского времени Кубей (конец IV–первая половина V в.).

Подобляющее большинство аппликаций из Концешт – нашивки нетипичных оригинальных форм, очень отдаленно напоминающие какие-то

бытовавшие в то время или существовавшие ранее разновидности. Они были изготовлены, несомненно, специально для погребения, не профессионалом ювелиром, а кем-то, имеющим смутное представление о том, какие именно формы золотых бляшек бытуют в данный момент. При этом важно еще раз подчеркнуть, что почти все аппликации из Концешт вырезаны из тонкой гладкой фольги, а не штампованные. Однако твердое представление о необходимости наличия расшитого золотом покрова в захоронении, т. е. некая устойчивая традиция и стремление ей следовать, несомненно, здесь присутствуют. И истоки этой традиции следует искать, конечно, не на Западе.

Некоторые исследователи, вслед за М. И. Ростовцевым, связывают распространение богатого убора с золотыми бляшками-аппликациями с аланским влиянием и даже напрямую с расселением алан в Европе в эпоху Великого переселения народов (*Кишиш*, 1995. С. 79–80; *Медведев*, 2009. С. 242; *Хайреддинова*, 2002. С. 71). Однако сегодня среди специалистов-археологов преобладает иная точка зрения, более нейтральная – о важной роли в этом процессе полиэтничной греко-сарматской культуры, сложившейся еще в эллинистическое время на территории юга России (*Nothnagel*, 2008. S. 77). По мнению А. В. Мاستыковой и М. М. Казанского, золотые нашивные украшения попадают в аристократический убор варваров гуннского времени под влиянием моды оседлого населения позднеантичных центров Северного Причерноморья, в первую очередь Боспора и Танаиса, где обычай их использования в костюме сохраняется не только в первые века нашей эры (как у алано-сармат), но и в позднеримское время, и в эпоху Переселения народов (*Kazanski, Mastykova*, 2006. P. 292–293). У степного же населения гуннского периода, напротив, золотые нашивки – редкость (*Ibid.* P. 289). По мнению А. В. Мастыковой, особо стоит отметить, что бляшки-аппликации, за редкими исключениями, отсутствуют в сармато-аланских комплексах второй половины III и IV вв., что не позволяет говорить о прямой преемственности между костюмом сармато-алан римского времени и убором варварской знати эпохи Переселения народов (*Мастыкова*, 2014. С. 137; *Арсеньева и др.*, 2001. С. 220).

Несомненно, наличие деталей костюма или некоего подобия савана, расшитого золотыми аппликациями, золотого венка-диадемы и лице-

вых пластин в захоронении в Концештах также следует связывать именно с понтийским влиянием. Здесь оно сказалось не только в сопровождающем инвентаре, но и совершенно определенно в погребальном обряде, в частности, в устройстве каменного сводчатого склепа (*Казанский*, 2014а. С. 44). И без того высокая исследовательская оценка важной роли понтийского, а точнее, пожалуй именно крымско-боспорского, импульса в формировании такого интереснейшего памятника эпохи Великих миграций, как Концешты, на мой взгляд, должна теперь значительно возрасти.

Присутствие золотых аппликаций и наглазников в концештинской могиле – чрезвычайно важный этнокультурный, социальный и территориально-хронологический показатель, к сожалению, выявленный только сейчас. Эти элементы погребального обряда, по всей видимости, в нашем случае маркируют начальный этап процессов трансляции того комплекса традиций, который привел к образованию горизонта древностей Унтерзибенбрунн первой половины V в. в Центральной Европе. Речь здесь идет не о женском аристократическом костюме, а в целом о престижной субкультуре варварской элиты этого периода, сочетающей в себе разноэтничные компоненты – восточногерманские, алано-сарматские и позднеантичные греко-римские. Именно на рубеж периодов D1 и D2 среднеевропейской хронологии приходится, по мнению М. М. Казанского и А. В. Мастыковой, начало активного распространения этих традиций из Северо-Восточного Причерноморья, где они, скорее всего, сформировались, на Запад (*Мастыкова, Казанский*, 2005. С. 266). Этим же отрезком времени, т. е. самым началом V в., обычно датируется погребение в Концештах (*Казанский*, 2014б. С. 328; *Matzulevich*, 1929. S. 123; *Harhoinu*, 1998. S. 150; *Effenberger und al.*, 1978. S. 32).

Амброз, 1989 – *Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.

Арсеньева и др., 2001 – *Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В.* Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М., 2001.

Багаев, 1977 – *Багаев М. Х.* Галайтинский клад VI–VII вв. н. э. // СА. 1977. № 2.

Габуев, Малашев, 2009 – *Габуев Т. А., Малашев В. Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.

Гавритухин, 2000 – *Гавритухин И. О.* Финал традиций культур римского времени в восточном Прикарпатье // *Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa* / Ed. M. Mączyńska and T. Grabarczyk. Łódź, 2000.

- Гуцина, Засецкая, 1994 – Гуцина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
- Дашевская, 1991 – Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991 (САИ; Вып. Д1–7).
- Засецкая, 1993 – Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV–первой половины V в. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3.
- Засецкая, 1994 – Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.
- Засецкая, 1998 – Засецкая И. П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. 4. С. 394 – 478 (*Zasetskaja I. Dating and the Provenance of Radiate-Headed Brooches (Finger-Shaped Fibulas) from Bosphorus Necropolis of Early Medieval Period.*)
- Казанский, 2014а – Казанский М. М. Вождское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // *Tractus Aevorum*. Белгород, 2014. Т. 1. № 1.
- Казанский, 2014б – Казанский М. М. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. № 4: Римские орлы и сарматские драконы.
- Киши, 1995 – Киши А. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // *Аланы: история и культура*. *Alanica III* / Ред. С. П. Таболов. Владикавказ, 1995.
- Курган..., 1999 – Курган «усами» Солончанка I / Под ред. А. Д. Таирова. Челябинск, 1999.
- Марченко, 1996 – Марченко И. И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.
- Мастыкова, 2014 – Мастыкова А. В. Костюм с золотыми аппликациями в Западной Европе в эпоху Великого переселения народов // *КСИА*. М., 2014. № 232.
- Мастыкова, Казанский, 2005 – Мастыкова А. В., Казанский М. М. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения: Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М., 2005 (Труды ГИМ; Вып. 145).
- Мацулевич, 1934 – Мацулевич Л. А. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи // ИГАИМК. 1934. Вып. 112.
- Медведев, 2009 – Медведев А. П. О греко-сарматах позднеантичной Фанагории // *Нижеволжский археологический вестник*. Волгоград, 2009. Вып. 10.
- Погребова, 1957 – Погребова Н. Н. Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского // *История и археология древнего Крыма* / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев, 1957.
- Пуздровский, 2007 – Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э.–III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
- Хайрединова, 2002 – Хайрединова Э. А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V–первой половине VI вв. // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. 9.
- Хараламбиева, 2004 – Хараламбиева А. Ранновизантийски коланни токи и обковки с клетчатна украса в археологически музей – Варна // *Известия на Народния Музей XL (LV)*. Варна, 2004.
- Adams, 2000 – Adams N. The development of early garnet inlaid ornaments // *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.–7. Jahrhundert*. Budapest; Naples; Rome, 2000 (*Varia Archaeologica Hungarica*; X).
- Arrhenius, 1985 – Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm, 1985.
- Bóna, 1991 – Bóna I. Das Hunnenreich. Budapest, 1991.
- Effenberger und al., 1978 – Effenberger A., Maršák B., Zaleskaja V., Zaseckaja I. Spätantike und frühbyzantinische Silbergefäße aus der Staatlichen Ermitage Leningrad. Berlin, 1978.
- Godlowski, 1995 – Godlowski K. Das «Fürstengrab» des 5. Jhs. und der «Fürstensitz» in Jakuszowice in Südpolen // *La noblesse Romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. Cordé-sur-Noireau, 1995.
- Harhoiu, 1977 – Harhoiu R. The Fifth-Century A. D. Treasure from Pietroasa, Romania, in the light of the recent research. 1977 (*BAR SS*; 24).
- Harhoiu, 1998 – Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest, 1998.
- Kazanski, 1994 – Kazanski M. Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // *Archéologie Médiévale*. 1994. T. 24.
- Kazanski, Mastykova, 2006 – Kazanski M., Mastykova A. A propos des alains en Occident à l'époque de Grandes migrations: le costume à appliqués en or // *Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germanica'* (ss. V–VII). Balance y Perspectivas. 2006 (*BAR IS*; 1534).
- Kubitschek, 1912 – Kubitschek W. Grabfunde in Untersiebenbrunn (auf dem Marchfeld) // *Jahrbuch für Altertumskunde*. 1911. Wien, 1912. T. V.
- Matzulevich, 1929 – Matzulevich L. A. Byzantinische Antike. Berlin; Leipzig, 1929. 150 s.
- Nicolăescu-Ploșor, Zeiss, 1933 – Nicolăescu-Ploșor C. N., Zeiss H. Ein Schatzfund der Gruppe Untersiebenbrunn von Coșoveni (Kleine Walachei) // *Germania*. Berlin, 1933. 17.
- Nothnagel, 2008 – Nothnagel M. Die völkerwanderungszeitlichen Bestattungen von Untersiebenbrunn, Niederösterreich. Wien, 2008. 290 s.
- Rostovtzeff, 1923 – Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque greco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain // *Monuments et Memoires*. 26. Paris, 1923.
- Shchukin et al., 2006 – Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. 2006 (*BAR IS*; 1535).

Concești: New Data for a Description of Elite Complex of the Late 4th – Early 5th Centuries

A. G. Furashev

In the collection of finds from the Concești elite burial of the Great Migration Period kept in the Hermitage there are numerous small scraps of thin gold foil which until now have remained unexamined, unidentified and unpublished. In the course of studying them, it has proved possible to distinguish

and identify a number of new objects; mostly these are fragments of covers and mounts of different forms (Fig. 1, 2, 19; 2, 1, 2, 4, 6, 7). Among these finds, distinguishable are fine fragments of a gold openwork plate with traces of holes for inserts (Fig. 1, 2). This find is probably a part of an object

decorated with inlay in the *champlevé à jour* technique. Of special interest are types of finds never distinguished in this assemblage before – small sewn-on foil plaques-applications (Fig. 1, 5–18) which served as decoration of some elements of costume or funerary shrouds. One of the plaques is of a triangular shape with a stamped bumpy ornamentation, several rectangular plaques with holes at the edges and three thin figured specimens in the form of rectangles with a rounded ledge along the one of the longer sides. No parallels to the latter type of applications are until now known. Of no less interest are also fragments of two presumably golden face plates of a characteristic almond-shaped form (Fig. 2, 1) of which the closest analogues are known at the necropolis of Chersonesos of the first century

of this era and the Hun burial of Kubei of the first half of the 5th century in the Black Sea region.

These newly identified elements of the grave goods supplement essentially the description of the complex of funerary traditions discovered in Concești stressing once more the high social status and the close relation of the person here buried with the elite of the late Ancient Greek world of the northern Black Sea Littoral, probably, the Crimea and Kimmerian Bosphoros. Finds of plaques-applications in this association allow us to identify more exactly its cultural and chronological position and to include it into the context of antiquities of the initial phase of formation of the Central-European Unteresienbrunn horizon of the late 4th – early 5th century AD.

ДРЕВНОСТИ ЗАПАДНОЙ ИНГРИИ I ТЫС. Н. Э.: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Е. Р. Михайлова¹

В предлагаемой статье рассматривается развитие древностей Западной Ингрии (территории Ижорской возвышенности с прилегающими прибрежными и приречными низинами) на протяжении I тыс. н. э. Работа опирается преимущественно на материалы археологических исследований последних лет, в том числе полученные автором.

На протяжении всего рассматриваемого периода древности территории Западной Ингрии имеют отчетливый прибалтийско-финский облик и демонстрируют устойчивые контакты здешнего населения с Эстонией и Юго-Западной Финляндии. В начале II тыс. н.э. здесь распространяется древнерусская культура, значительно сnivelировавшая местные особенности.

The present paper analyzes the history of the antiquities of Western Ingria (area of the Izhora Plateau with the contiguous maritime and riverine lowlands) over the 1st Millennium AD. This study is based predominantly on evidence yielded by archaeological investigations of recent years including those conducted by the present author.

During the entire period under study, the antiquities from the region of Western Ingria are demonstrating distinct Baltic-Finnish features indicating stable contacts of the local population with Estonia and Southwestern Finland. In the beginning of the 2nd Millennium AD, the Old-Russian culture becomes widely distributed here levelling considerably the local peculiarities.

Ключевые слова: Ингрия (Ингерманландия), Ижорское плато, Финский залив, прибалтийско-финский мир, римское время, раннее средневековье, эпоха переселения народов, эпоха викингов, каменные могильники, рассыпные кремации, городище.

Keywords: Ingria (Ingermanland), Izhora Plateau, Gulf of Finland, Baltic-Finnish world, Roman period, Early Middle Ages, Great Migration period, Viking Age, stone burial grounds, loose cremations, settlement-site.

Территория к юго-востоку от Финского залива, соответствующая западной части исторической области Ингрия (Ингерманландия), включает в себя такие естественно-географические регионы, как побережье залива, Ижорское плато, бассейны рек Нарвы и Луги в их нижнем течении.

Большую часть Западной Ингрии занимает Ижорская возвышенность, или Ижорское плато, – куэстообразная возвышенность, сложенная ордовикскими известняками и доломитами, подверженными карстовым процессам, с тяжелыми и очень плодородными дерново-карбонатными почвами. Здесь мало поверхностных источников

воды, а те, что имеются (сравнительно небольшие реки и многочисленные ключи), приурочены в основном к краям плато.

Реки, стекающие с южных и западных скатов Ижорской возвышенности, являются правыми притоками реки Луги, нижнее течение которой представляет собой обширную низменную долину. Западнее, также по низменной местности, протекает река Нарва, которая разделяет Ингерманландию и Эстонию.

Долгое время считалось, что активное освоение этих территорий начинается только в конце X–начале XI в., с распространением сельскохозяйственных орудий, пригодных к обработке здешних тяжелых почв (см., например, *Рябинин*, 1976. С. 211–219; 2001. С. 16–18; *Лесман*, 1982. С. 65–74). Археологические памятники I тыс. на этой территории были практически неизвестны,

¹ Россия, 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд. Санкт-Петербургский государственный университет. Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия.

хотя сведения об отдельных ранних находках отразились в археологической литературе (Tallgren, 1938. Р. 96–97).

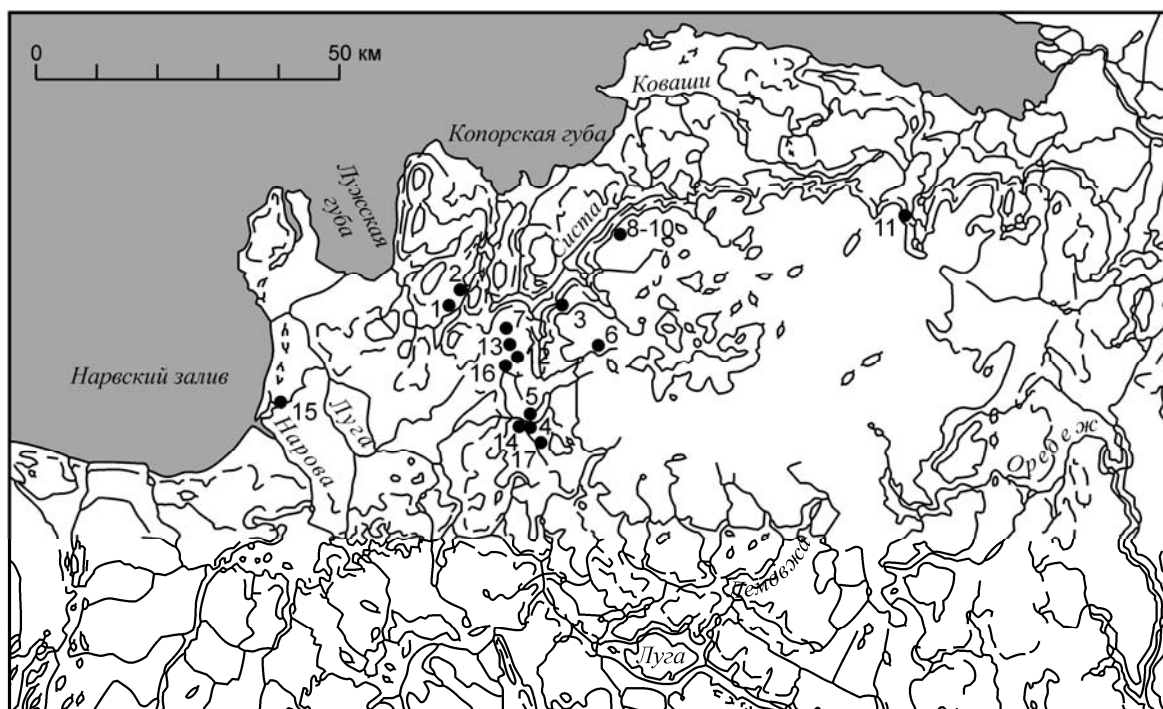
В 1980-х гг. Е. А. Рябинин, раскапывая средневековые курганно-жальничные могильники у деревень Валговицы и Великино, впервые открыл на западных склонах Ижорской возвышенности остатки каменных могильников римского времени (Рябинин, 1987. С. 408–410; 1994. С. 23–29).

В начале нынешнего века количество ранних памятников и отдельных находок на территории Ижорской возвышенности существенно возросло, что отчасти связано с интенсивной хозяйственной деятельностью на западе Ленинградской области (Сорокин, Шаров, 2008. С. 167–200; Юшкова, Кулешов, 2010. С. 218–238; Хаврин и др., 2011. С. 208–224; Шаров и др., 2011. С. 336–360; Федоров, Мурзенков, 2012; Стасюк, 2012; Сорокин, Юшкова, 2014. С. 312–322, и др. работы).

К настоящему времени известно уже около 20 могильников, кладов и находок отдельных предметов. У большинства обнаруженных памятников есть ряд общих черт: они датируются раннеримским периодом (I–II вв. н. э.) и сосредоточены в западной части Ижорской возвышенности.

В последние годы, однако, здесь были изучены и памятники других периодов, что позволяет выстроить последовательную культурно-хронологическую колонку местных древностей от рубежа эр вплоть до распространения древнерусских памятников в начале II тыс. н. э. (рис. 1).

Самый ранний из исследованных к настоящему времени памятников – каменный могильник у деревни Удосолово. Он расположен на бровке карстовой долины, на поле у истока небольшой речки – притока реки Велькотки, в свою очередь впадающей в р. Систу (см. рис. 1, 3).

Рис. 1. Карта памятников, упоминаемых в статье:

1 – могильник Валговицы; 2 – могильник Великино; 3 – могильник Удосолово; 4 – могильник Керстово 1 (Новоселки); 5 – могильник Керстово 2 (Малли); 6 – могильник Ратчино; 7 – могильник Котельский; 8 – клад из Копорья; 9 – клад из Подозванья; 10 – Юрьевский клад; 11 – местонахождение Ропша; 12 – местонахождение Георгиевский; 13 – местонахождение Войносолово; 14 – могильник Коммунар; 15 – погребение Россонь XI; 16 – городище Втырка; 17 – местонахождение Ополье.

Fig. 1. Map of the sites mentioned in this article:

1 – cemetery of Valgovitsy; 2 – cemetery of Velikino; 3 – cemetery of Udosołovo; 4 – cemetery of Kerstovo 1 (Novoselki); 5 – cemetery of Kerstovo 2 (Malli); 6 – cemetery of Ratchino; 7 – cemetery of Kotel'sky; 8 – hoard from Kopyrye; 9 – hoard from Podozvan'ye; 10 – Yuryevsky hoard; 11 – locality of Ropsha; 12 – locality of Georgievsky; 13 – locality of Voynosołovo; 14 – cemetery of Kommunar; 15 – burial Rosson' XI; 16 – Vtyrka settlement-site; 17 – locality of Opol'ye.

Ранее в печати уже появлялись сведения о находках с этого места (*Сорокин, Шаров, 2008. С. 167–200; Шаров, Сорокин, 2008. С. 162–169; Юшкова, 2010. С. 322–325*), однако раскопки на памятнике удалось провести только в 2013 г.²

Памятник к этому времени был сильно поврежден и представлял собой низкое аморфное возвышение размером 20–30 × 35 м, с многочисленными вывороченными камнями на поверхности и вокруг него. На сохранившейся части могильника был заложен разведочный раскоп площадью 16 кв. м.

Раскопки показали, что захоронения на могильнике Удосолово относятся к двум разным хронологическим периодам: верхний ярус захоронений предварительно можно датировать II–III вв. н. э., нижний – I в. до н. э. – I в. н. э.

Выбранное в древности для могильника место было выровнено: существовавшая здесь яма (вероятно, от пня) заложена валунами, а образовавшаяся поверхность – сплошь выложена кусками местного камня-плитняка в три-четыре слоя.

На устроенной таким образом вымостке размещались погребения по обряду ингумации в ящиках (цистах), составленных из обломков плитняка. От ящиков частично сохранились продольные стенки (на высоту 10–15 см), можно отметить также оформление поперечных стенок из плоских обломков камня, поставленных на ребро. Неровные куски плит, образовывавшие стенки каменных ящиков, со временем покосились и стояли наклонно. Над некоторыми погребениями сохранились некрупные горизонтально лежавшие плиты.

По-видимому, каменные ящики сооружали, непосредственно обставляя погребаемое тело плитами известняка: получавшиеся таким образом цисты оказывались узкими и низкими, а составлявшие их плиты со временем заваливались вовнутрь, частично закрывая захоронения.

Всего в пределы раскопа вошли 6 погребений, расположенных вплотную друг к другу, в один ряд. Костяки лежали вытянуто на спине, головами на север. Кости погребенных оказались раздавлены камнями и перекрывающим их грунтом, часть костей – перемещена (рис. 2).

Находки, связанные с ингумациями, немногочисленны. В погребении 1 на правом предплечье был надет узкий гладкий бронзовый браслет (рис. 3, 7); в погребении 3 в ногах погребенного найден наконечник дротика общей длиной 16 см с коротким листовидным пером (во втулке сохранились следы древесины от древка) (рис. 3, 9); в погребении 6 в районе левой плечевой – предмет из железной пластины, по форме напоминающий нож.

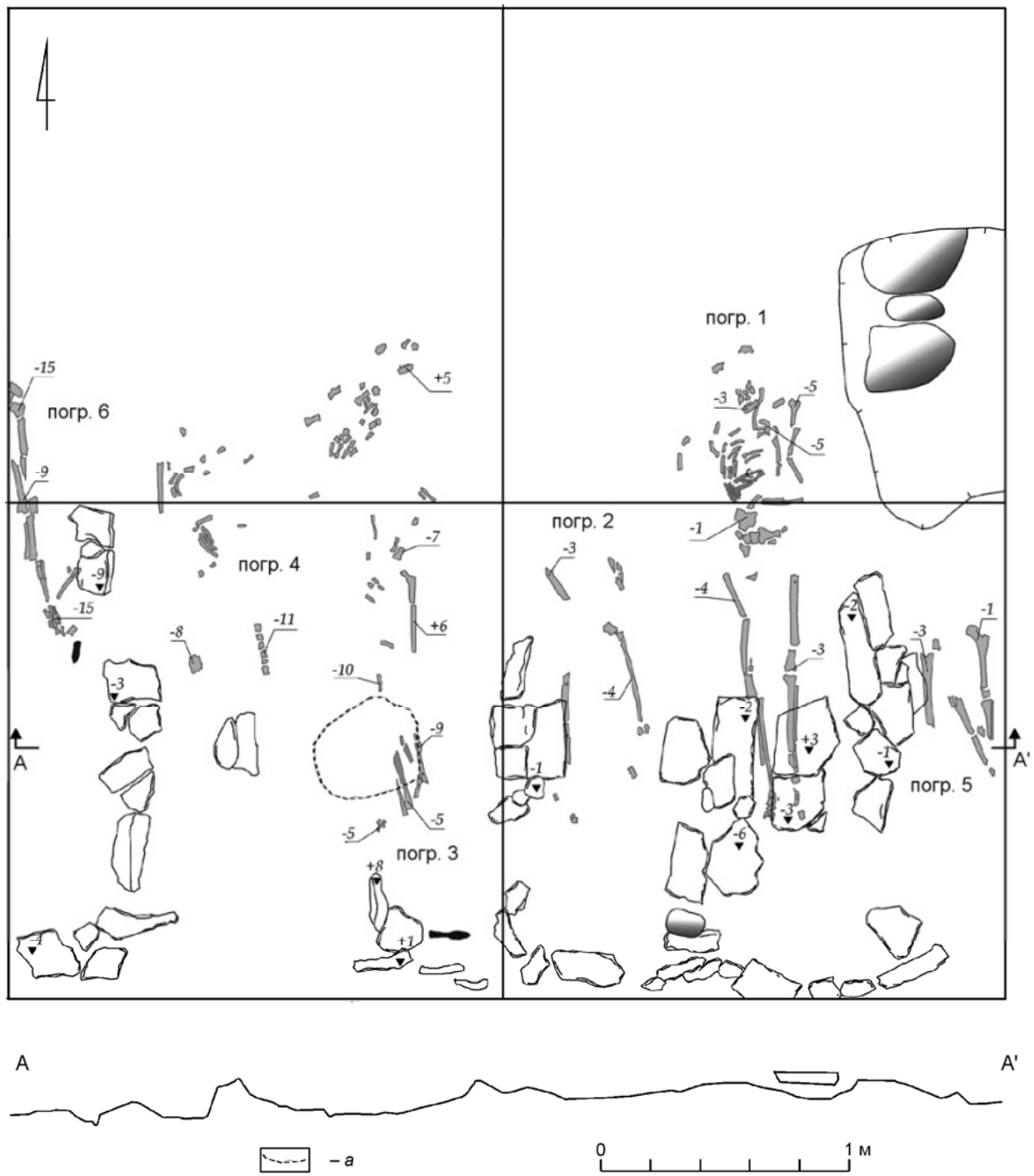
При разборе каменных ящиков, вымостки под ними и слоя погребенной почвы были собраны многочисленные мелкие фрагменты керамики: коричневого цвета, рыхлые, со значительной примесью дресвы. Поверхность большинства фрагментов покрыта штрихованным орнаментом, поверх которого на некоторых черепках нанесены мелкие округлые ямки.

Могильников с обрядом захоронения, абсолютно аналогичным удосоловским ингумациям, пока неизвестно. Захоронения в каменных ящиках представлены в древностях Эстонии и Финляндии начиная с эпохи бронзы и вплоть до начала римского времени, но такие захоронения располагаются поодиночке, и каждая отдельная циста, как правило, была окружена круговой вымосткой или каменной насыпью; в каменном ящике зачастую погребены останки нескольких индивидов (*Lang, 2007. Lk. 147–163, там же литература*).

Некоторые параллели ингумациям в Удосолово можно отметить на упомянутом выше могильнике Валговицы. Здесь Е. А. Рябинин открыл обширную каменную вымостку, на поверхности которой были устроены отдельные оградки из валунов (выходы плитняка в ближайших окрестностях Валговиц отсутствуют). Следов захоронений на вымостке не обнаружено, и исследователь предполагал, что погребения совершались по обряду ингумации и не сохранились в песчаной почве. Автор раскопок предложил датировать валговицкие погребения I–II вв. н. э. (*Рябинин, 1994. С. 23–29*). Позднее В. С. Кулешов вновь рассмотрел находки из Валговиц и предложил для них более раннюю датировку: I в. до н. э. – середина I в. н. э. (*Кулешов, 2005. С. 186–188*).

Еще одну параллель можно найти в Западной Эстонии. М. Мандел раскопал в местечке Поансе, недалеко от Хаапсалу, два могильника, захоронения в которых представляют собой тип, переходный от погребений в каменных ящиках к каменным могильникам с оградками (тарандам).

² Работы проводились в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» в соответствии с государственным контрактом № 2260-01-41/05-13 от 26.07.2013 г.

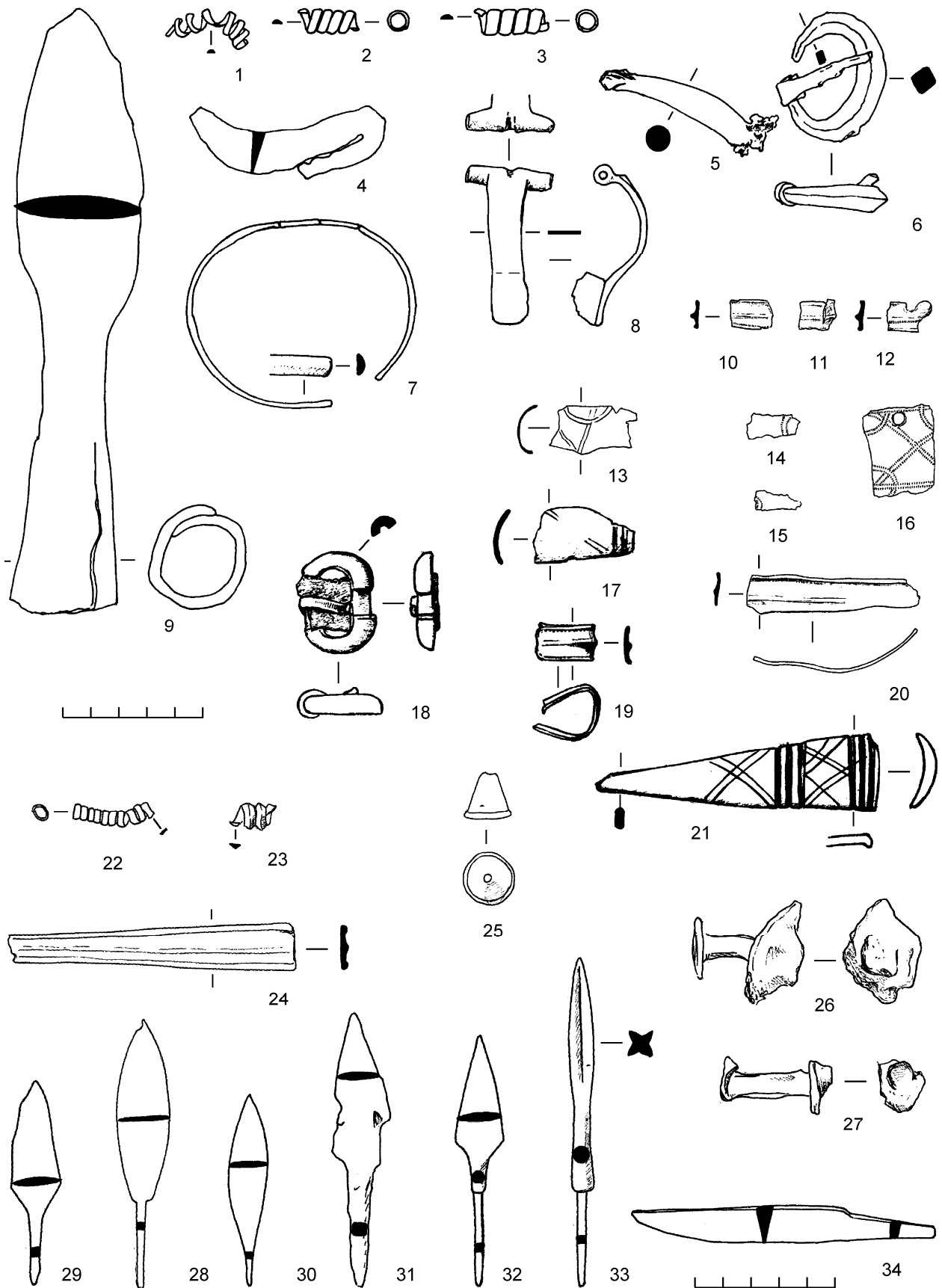
Рис. 2. Каменный могильник Удосоново. Раскоп 2013 г. на уровне нижнего яруса погребений (*a* – линза глины).

Fig. 2. Stone burial ground of Udosolovo. Excavation of 2013 at the level of the lower horizon of the burials (*a* – clay lens).

Погребения по обряду ингумации здесь были расположены в ряд на каменной вымостке и помещены в выложенные из камня оградки (по несколько костяков в оградке). Эти могильники датируются доримским железным веком, вплоть

до рубежа эр (*Mandel, 2000*). По-видимому к тому же хронологическому периоду можно отнести и нижний ярус могильника Удосоново, условно синхронизировав его с каменным могильником в Валговицах.

Второй этап функционирования Удосоловского могильника характеризуется россыпями пережженных костей вперемешку со щебнем и грунтом, перекрывшими ярус ингумаций. Каменных конструкций, связанных с захоронениями этого периода, не обнаружено: россыпи известнякового щебня и костей располагались непосредственно под современным дерном.

Среди находок в верхнем слое могильника уже практически нет керамики, но многочисленны изделия из металла, часто оплавленные. Можно упомянуть железную бритву, спиральные бронзовые пронизки, фрагменты узких бронзовых браслетов, бронзовую шарнирную фибулу с пластинчатой спинкой, железную овальную пряжку с коротким язычком, грубо обрубленный фрагмент гладкой (?) серебряной гривны со следами вытягивания и перекручивания (рис. 3, 1–6, 8).

Находки из слоя с сожжениями находят ближайšie аналогии в материалах могильников с оградками (*tarandkalmed*), хорошо известных на территории Эстонии и Северной Латвии (см., например, *Шмидехельм*, 1955; *Юшкова*, 2010. С. 316–329), и позволяют датировать этот комплекс в пределах II–III вв. н. э.

Все остальные до сих пор изученные на западе Ижорского плато могильники с оградками относятся к раннеримскому периоду, т. е. функционируют как раз в то время, на которое приходится хронологический разрыв между нижним и верхним ярусами погребений в Удосолово. Подробно проанализировавшая их материалы М. А. Юшкова датировала могильник Керстово 1 (Новоселки), нижний ярус могильника Керстово 2 (Малли), местонахождение Ратчино в пределах ступеней В2–В2/С1 центрально-европейской хронологической схемы, т. е. третью I в. н. э.–рубежом II–III вв. н. э. (*Юшкова*, 2010. С. 325–327; 2013. С. 59–60).

По-видимому, верхний ярус могильника Удосолово – не единственный на Ижорской возвышенности могильник с кремациями римского

времени без каменных конструкций. Следы разрушенного могильника с кремациями, предварительно датированными I–III вв., исследовал И. В. Стасюк во время раскопок раннесредневекового могильника Ратчино, расположенного недалеко от Удосолова. Следы каменных конструкций здесь также отсутствуют (*Стасюк*, 2012. С. 66).

Древности римского времени на территории Ижорского плато и прилегающей к нему с запада Лужско-Нарвской низменности открыты и изучаются сравнительно недавно, однако уже можно говорить о некоторых закономерностях в распространении памятников этой эпохи.

Кроме перечисленных выше могильников сейчас известны еще один каменный могильник в районе пос. Котельский, несколько кладов с римскими монетами (Копорье, Подозвань, Юрьево), а также серия случайных находок, по-видимому, отмечающих места разрушенных могильников (Ропша, Георгиевский, Войносолово) (Там же. С. 83; *Сорокин, Юшкова*, 2014. С. 313–316).

Почти все перечисленные памятники приурочены к краям Ижорского плато (преимущественно западным) и прилегающим приречным низинам (см. рис. 1). Такое их расположение объясняется, по-видимому, естественно-географическими условиями, в первую очередь близостью к источникам воды. Сохранится ли по мере накопления материала наблюдаемая сейчас концентрация памятников на западном краю Ижорской возвышенности, сказать трудно.

Памятники середины–третьей четверти I тыс. пока известны хуже и еще практически не введены в научный оборот. Можно указать три пункта: могильники Керстово 2 (Малли) и Коммунар на западном краю Ижорского плато, а также погребение Россонь XI в междуречье Луги и Нарвы (см. рис. 1, 5, 14, 15).

На могильнике Малли, который исследует М. А. Юшкова, россыпи кремированных останков с предметами V–VII вв. составляют верхний

Рис. 3. Находки из памятников Западной Ингрии:

1–9 – каменный могильник Удосолово: 1–6, 8 – слой кремаций; 7 – погребение 1 (нижний ярус); 9 – погребение 3 (нижний ярус); 10–21 – находки из погребений середины–третьей четверти I тыс.: 10–16 – Россонь XI; 17–21 – Коммунар; 22–34 – городище Втырка (Пиллово 2), раннесредневековые находки. 1–3, 7–8, 10–17, 19–25 – бронза; 4, 6, 9, 26–34 – железо; 5 – серебро; 18 – бронза, железо.

Fig. 3. Finds from sites of Western Ingria:

1–9 – stone burial ground of Udosolovo: 1–6, 8 – layer of cremations; 7 – burial 1 (lower tier); 9 – burial 3 (lower tier); 10–21 – finds from burials of the middle to third quarter of the first millennium: 10–16 – Rosson' XI; 17–21 – Kommunar; 22–34 – Vtyrka settlement-site (Pillovo 2), early mediaeval finds. 1–3, 7–8, 10–17, 19–25 – bronze; 4, 6, 9, 26–34 – iron; 5 – silver; 18 – bronze, iron.

слой могильника, перекрывший «классический» могильник с оградками (Юшкова, 2013. С. 61–61; Юшкова, Ширококов, 2014. С. 71–79; см. также Стасюк, 2012. С. 68–71). Использование одного могильника для совершения захоронений в различные хронологические периоды напоминает другие упомянутые выше памятники: Удосоново, Ратчино, Валговицы, Великино, – и в целом довольно характерно для каменных могильников Восточно-Балтийского региона.

В других двух пунктах обнаружены только кремации середины–третьей четверти I тыс. Могильник у поселка Коммунар располагается посреди обширного поля, тянущегося вдоль берега реки Солки. Неподалеку от него расположены могильники Керстово 1 (Новоселки) и – на противоположном берегу – Керстово 2 (Малли).

Здесь несколько лет назад были собраны металлические предметы и несколько пережженных косточек, а осмотр места сбора позволил предположить, что низкое (до 0,3–0,4 м) возвышение в поле – раннесредневековый могильник с кремациями (Михайлова, Федоров, 2011). В разведочном шурфе в южной части могильника был выявлен распаханый до материка гумусированный суглинок, перекрывший развал гранитных валунов. В слое суглинка были собраны пережженные косточки, мелкие обломки лепной керамики и несколько металлических предметов.

Находки, которые можно связать с могильником, аналогичны встреченным в верхнем слое могильника Малли (Юшкова, 2013. С. 61–61). Они датируются V–VII вв. Это В-образная пряжка и фрагменты нескольких литых браслетов – с расширенными концами и с продольным ребром по середине браслета, а также фрагмент перстня (?), тоже с продольным ребром (рис. 3, 18–22).

Бронзовая пряжка с полой В-образной рамкой, коротким пластинчатым язычком и железной пластинчатой обоймой (см. рис. 3, 19) должна датироваться, по-видимому, в пределах V–первой половины VII вв. (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 30–31; Гавритухин, 2001. С. 32, 36; Nowakowski, 1998. S. 73).

Крупный фрагмент литого бронзового браслета с расширяющимися концами орнаментирован группами из трех углубленных вертикальных бороздок и прочерченными поверх них пересекающимися двойными косыми линиями (см. рис. 3, 22). Браслет имеет дугообразное поперечное сечение концов и уплощенно-овальное –

середины, концы браслета слегка отогнуты наружу. Более всего он напоминает финляндские браслеты типа «а», по Н. Клеве, датирующиеся VII–VIII вв. Единичные находки таких браслетов известны и в синхронных древностях Эстонии (Лехмя Лоо, Тойла), где, скорее всего, имеют финское происхождение (Cleve, 1943. S. 92, fig. 30; Vainionmäki..., 1996. P. 39–40).

По-видимому, еще один браслет того же типа представлен обломком с практически стершимся орнаментом (см. рис. 3, 18).

Узкие литые браслеты с продольным ребром должны датироваться V–VII вв. (см. рис. 3, 21). Помимо рассматриваемых здесь памятников (Коммунар, Малли, Россонь) они представлены в древностях Юго-Восточной Прибалтики, а также в псковских длинных курганах (Михайлова, 2015). Схож с такими браслетами и перстень с продольными утолщениями по краям и центру пластины (см. рис. 3, 20): аналогии ему известны преимущественно на территории Юго-Восточной Прибалтики начиная с римского времени и вплоть до VIII–IX вв.

Погребение Россонь XI было обнаружено К. В. Шмелевым, принимавшим участие в разведочных работах Д. В. Герасимова на побережье Финского залива в Нарвско-Лужском междуречье.³ Это захоронение по обряду кремации на стороне, располагавшееся на едва заметном песчаном возвышении посреди обширной низменности и разрушенное распашкой под лесопосадки. Разбор его уцелевшей части показал, что погребение, возможно урновое, располагалось непосредственно под дерном. По предварительному определению И. Г. Ширококова (МАЭ РАН), останки могли принадлежать молодой женщине.

Находки очень малочисленны: мелкие черепки придонной части лепного сосуда и оплавленные фрагменты бронзовых украшений, в том числе орнаментированных пластинчатых накладок (очевидно, двух – рис. 3, 14–17) и узкого литого пластинчатого браслета с ребром (рис. 3, 11–13). Последний предмет и позволяет отнести комплекс к середине–третьей четверти I тыс.

Все перечисленные памятники являются погребальными, соответствующие им поселения до недавнего времени не изучались. Только в 2014 г. были начаты охранные раскопки на городище в урочище Втырка (Пиллово 2) (см. рис. 1, 16).

³ Я благодарю Д. В. Герасимова и К. В. Шмелева за возможность работы с этими материалами.

Памятник был открыт А. В. Смирновым в 2006 г. и подробно обследован И. А. Федоровым в 2010–2011 гг. В 2014 г. на городище автором был заложен небольшой раскоп.⁴ Раскопки носили охранный характер, так как городище в настоящее время интенсивно разграбляется кладоискателями.

Городище расположено к юго-западу от д. Пиллово, на высоком мысу, являющемся одним из крайних западных отрогов Ижорского плато и образованном слиянием маленьких речек Втырки и Кихтолки (притоков реки Луги).

Площадка городища в плане близка к неправильному удлинённому пятиугольнику. Со стороны мыса она возвышается над уровнем воды на 8 м; склоны, обращенные к обоим рекам, крутые и, вероятно, были эскарпированы в древности. С напольной северной стороны городище защищено валом, который, судя по участкам с нарушенным дерном, был облицован плотно уложенными кусками местного плитняка.

Раскоп площадью 64 кв. м был заложен в северной части городища, рядом с валом. Определённую информацию о мощности и основных литологических характеристиках культурного слоя дали также осмотр и фиксация стенок ям и траншей, выкопанных грабителями по всей площадке городища.

Определено два основных этапа истории городища. Первый из них связан с самым нижним слоем светлой серо-желтой супеси. Здесь встречена сильно раздробленная, рыхлая керамика различных оттенков коричневого или светло-серого цветов. Поверхность большинства черепков сетчатая, встречено также несколько фрагментов, покрытых внутри и снаружи штрихованным орнаментом, нанесенным пучком травы. Штрихованная керамика очень напоминает керамику из нижнего слоя могильника Удосолово и нескольких селищ, открытых в последние годы разведками в бассейне нижнего течения Луги.

Здесь же найдены две бронзовые пронизки, фрагмент железного предмета и осколок шлифованного каменного орудия. Возможно, из этого же слоя происходит шлифованное сланцевое долото, обнаруженное в заполнении грабительского перекопа.

Нужно сказать, что нижний слой производит впечатление «нежилого», сформировавшегося в результате хозяйственной деятельности на периферии поселения. По всей вероятности, основная жилая зона раннего периода располагалась ближе к оконечности мыса.

Выше лежащие слои относятся уже к эпохе раннего средневековья. Они сильно повреждены перекопами, но можно отметить следы нескольких сильных пожаров и не менее двух горизонтов камней – видимо, нивелировок поверхности.

Подавляющее большинство найденных фрагментов керамики относится к лепной посуде, характерной для городищ Северной Эстонии эпохи викингов (*Lang*, 1996. Jn. 24–29; *Tvauri*, 2012. Lk. 69–76). Отдельные фрагменты таких сосудов известны на памятниках Северо-Запада России (см., например: *Седов*, 2007. С. 82, рис. 62; *Плохов*, 2010; 2014), однако пока только на городище Втырка такая керамика составляет основу керамического комплекса.

Многочисленны широкие чаши и миски, часто ребристые, орнаментированные поясками врезного орнамента. Представлены также сосуды S-видного профиля, слабопрофилированные почти баночные сосуды с врезным орнаментом и сосуды с высоким цилиндрическим горлом и оттянутым валиком в месте перехода от горла к плечу.

Около трети всей керамики имело тщательно заглаженную или лощеную поверхность. В отличие от аналогичной керамики Эстонии, лощенная посуда городища Втырка – не черного, а светло-коричневого или желто-коричневого цвета.

Вещевой материал из верхних слоев в основном относится к типам, широко датированным в пределах второй половины I тыс. н. э. – начала II тыс. н. э. Отдельные вещи (например, фрагмент браслета с ребром, аналогичного найденным в могильниках Коммунар и Малли) следовало бы датировать скорее третьей четвертью I тыс., но другие находки (полихромная и голубая кубооктаэдрическая стеклянные бусины, нож в технике трехслойного пакета, бронебойная стрела типа 77, по А. Ф. Медведеву, заклепки) заставляют отнести формирование этого стратиграфического комплекса к последней четверти I тыс. н. э. или даже рубежу I–II тыс. (рис. 3, 23–35).

К тому же периоду относится, возможно, горизонтальная подсыпка из желтой глины, напо-

⁴ Раскопки 2014 г. проводились в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» на основании государственного контракта № 3296-01-41/05-14 от 26.08.2014 г.

минающая глинобитные полы построек на городищах Рыуге, Асоте, Камно, Псковском (см., например: *Белецкий*, 1996. С. 49, 56–57; *Tõnisson*, 2008. Lk. 118).

Комплекс последней четверти I тыс.–начала II тыс. на городище Втырка принадлежал населению, культурно близкому населению эстонской территории. Появление здесь находок, традиционно связываемых с ранними этапами древнерусской культуры, а также немногочисленной древнерусской круговой керамики в верхнем слое, по всей вероятности, отражает процесс включения обитателей городища на Втырке в орбиту восточных или юго-восточных связей.

Материалы городища Втырка демонстрируют, таким образом, последний этап самостоятельного развития местных древностей и распространение здесь уже древнерусской культуры, возможно, древнерусского населения и наверхья – русской администрации.

В течение XI–XII вв. местные культурные традиции еще продолжают на Ижорской возвышенности (их иллюстрируют могильники Ратчино, Ополье) (*Стасюк*, 2008. С. 3–24; 2012. С. 75–81), сосуществуя с постепенно распространяющимися древнерусскими курганными кладбищами (Беседа, Бегуницы и др.) (*Рябинин*, 2001. С. 104). Появление новой погребальной обрядности, безусловно, связано с появлением на плато нового, «новгородского» населения, частично – по всей вероятности, является результатом христианизации.

Несмотря на очевидное сходство с древностями территории Эстонии и предполагаемые контакты с территорией Юго-Западной Финляндии, западная часть Ижорской возвышенности и Нижняя Луга составляют отдельный самостоятельный историко-культурный регион в составе прибалтийско-финского мира. Можно указать некоторые черты, свойственные только этому региону и в разные периоды отличающие его от ближайших соседей. К таковым относятся, например, захоронения в расположенных рядами каменных ящиках в Удосолово и, вероятно, Валговицах, обилие оружия в могильниках Керстово и Малли, некоторые черты в керамическом комплексе Пилловского городища. Окончательное обособление этого региона от ближайших прибалтийских соседей произошло в начале II тыс. н. э. в результате его непосредственного включения в орбиту древнерусской культуры.

Белецкий, 1996 – *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб., 1996.

Гавритухин, 2001 – *Гавритухин И. О.* Эволюция восточноевропейских псевдопряжек // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Из истории костюма)*. Т. 2: Материалы III Международной археологической конференции / Отв. ред. Д. А. Стасенков. Самара, 2001.

Гавритухин, *Обломский*, 1996 – *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3).

Кулешов, 2005 – *Кулешов В. С.* Памятники культуры Tarandgräber на северо-западе Европейской части России // *Альманах молодых археологов*. 2005. По материалам II Междунар. студенч. науч. конф. «Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири». СПб., 2005.

Лесман, 1982 – *Лесман Ю. М.* Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // *Северная Русь и ее соседи: Междуз. сб. Л.*, 1982.

Михайлова, 2015 – *Михайлова Е. Р.* Литые пластинчатые браслеты с продольным ребром: распространение и хронология на Северо-Западе Восточной Европы // *Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова, посвящ. 90-летию со дня его рождения: Материалы 60-го заседания (Псков, 22–24 апреля 2014 г.)*. М.; Псков, 2015.

Михайлова, *Федоров*, 2011 – *Михайлова Е. Р., Федоров И. А.* Случайные находки у пос. Коммунар Ленинградской области – предполагаемый могильник I тыс. н. э. // *Археология Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова: Материалы 56-го заседания, посвящ. 130-летию Псковского археологического общества (7–9 апреля 2010 г.)* / Ред. колл. П. Г. Гайдук, Л. Я. Костюк, Э. В. Королева, И. К. Лабутина (отв. ред.), Н. В. Лопатин, Вл. В. Седов, Б. Н. Харлашов, Е. А. Яковлева. М., Псков, 2011.

Плохов, 2010 – *Плохов А. В.* Контакты населения Старой Ладogi с финно-угорскими племенами в VIII–X вв. (по керамическим материалам) // *Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается*. М., 2010. Т. 2.

Плохов, 2014 – *Плохов А. В.* К вопросу о связях прибалтийских финнов с населением Верхнего Поволжья в последней четверти I тыс. н. э. (по керамическим материалам) // *Ajast ja ruumist. Uurimus Mare Auna augs / Koostanud ja toimetanud Ülle Tamla ja Valter Lang. (Muinasaja teadus, 25)*. Tallinn; Tartu, 2014.

Рябинин, 1976 – *Рябинин Е. А.* Археологические памятники Вотской земли // *СА*. 1976. № 1.

Рябинин, 1987 – *Рябинин Е. А.* Об исследовании средневековых могильников в Ленинградской области // *Известия АН ЭССР. Серия обществ. наук*. Таллин, 1987. Т. 36, № 4.

Рябинин, 1994 – *Рябинин Е. А.* К проблеме этногенеза восточной Финляндии // *Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: Памяти Д. В. Бубриха: Сб. науч. трудов / Отв. ред. О. М. Фишман*. СПб., 1994.

Рябинин, 2001 – *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода (Результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб., 2001.

Седов, 2007 – *Седов В. В.* Изборск в раннем средневековье. М., 2007.

Сорокин, *Шаров*, 2008 – *Сорокин П. Е., Шаров О. В.* О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // *Археологическое наследие Санкт-Петербурга*. Вып. 2: Древности Ижорской земли / Ред. П. Е. Сорокин. СПб., 2008.

Сорокин, *Юшкова*, 2014 – *Сорокин П. Е., Юшкова М. А.* Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности // *Археология Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания (9–11 апреля 2013 г.)* / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб., 2014. Вып. 29.

- Стасюк, 2008 – Стасюк И. В. Могильник у поселка Ополе: новые данные к изучению ранних этапов освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху (предварительное сообщение) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья: Сб науч. статей. СПб., 2008.
- Стасюк, 2012 – Стасюк И. В. Население Ижорской возвышенности в I–начале II тыс. н. э. // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2012. № 5: Другая Русь. Чудь, мера и иные языцы.
- Федоров, Мурзенков, 2012 – Федоров И. А., Мурзенков Д. Н. Новые исследования на западе Ижорского плато // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы Международной конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968) / Сост., ред. О. А. Щеглова. СПб., 2012.
- Хаврин и др., 2011 – Хаврин С. В., Юшкова М. А., Кулешов Вяч. С. Металл эпохи римских влияний на Ижорской возвышенности // Европейская Сарматия: Сб., посвящ. Марку Борисовичу Щукину. По материалам конференции, проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской / Ред. Д. А. Мачинский. СПб., 2011.
- Шаров и др., 2011 – Шаров О. В., Палагута И. В., Хаврин С. В. Находки кладов римских монет в районе Копорья // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. № 1.
- Шаров, Сорокин, 2008 – Шаров О. В., Сорокин П. Е. Комплекс находок римского времени у деревни Удосоново Ленинградской области // Вестник СПбГУ. Серия 2. СПб., 2008. Вып. 4, ч. 1.
- Шмидехельм, 1955 – Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.–V в. н. э.). Таллин, 1955.
- Юшкова, 2010 – Юшкова М. А. Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tarandgräberkultur) на западе Ижорской возвышенности // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб., 2010.
- Юшкова, 2013 – Юшкова М. А. Раскопки могильников раннего железного века на Ижорской возвышенности в 2008–2011 гг. // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования: Тез. науч. конф. молодых ученых Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г.) / Отв. ред. В. А. Алекшин. СПб., 2013.
- Юшкова, Кулешов, 2010 – Юшкова М. А., Кулешов В. С. Кёрство 1 – новый памятник эпохи римских влияний на северо-западе России // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и великого переселения народов. Конференция 2, часть 1 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула, 2010.
- Юшкова, Ширококов, 2014 – Юшкова М. А., Ширококов И. Г. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малли (по результатам раскопок 2010 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2014. № 2 (25).
- Cleve, 1943 – Cleve N. Skelettgravfälten på Kjuloholm i Kjulö I. Den yngrefolkvandringstiden // Suomen muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki, 1943. № XLIV, 1.
- Lang, 1996 – Lang V. Muistised, kronoloogia ja maaviitelusliku asustuse kujunemine Looe-Eestis, eriti Pirita jõe alamjooksu piirkonnas, I–II. Tallinn, 1996 (Muinasaja teadus, 4).
- Lang, 2007 – Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu, 2007 (Estonian Archaeology, 3).
- Mandel, 2000 – Mandel M. Poanse tarandkalmed // Eesti Ajaloomuseum. Tõid ajaloo alalt, II / Ed. T. Tamla. Tallinn, 2000.
- Nowakowski, 1998 – Nowakowski W. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit aus Masuren. Berlin, 1998 (Museum für Vor- und Frühgeschichte Bestandskataloge: Bd 6).
- Tallgren, 1938 – Tallgren A. M. The Prehistory of Ingria // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1938. № XII.
- Tõnisson, 2008 – Tõnisson E. Eesti muinaslinnad / Toim A. Mäesalu, H. Valk. Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituudi arheoloogia õppetooli; Tallinn, 2008 (Muinasaja teadus, 20).
- Tvauri, 2012 – Tvauri A. The Migration period, Pre-viking age and Viking age in Estonia. Tartu, 2012 (Estonian archaeology, 4).
- Vainionmäki..., 1996 – Vainionmäki – a merovingian period cemetery in Laitila, Finland / Ed. Paula Purhonen. Helsinki, 1996.

Antiquities of Western Ingria of the 1st Millennium AD: new evidence

E. R. Mikhaylova

This article considers the history of the antiquities from Western Ingria (area of the Izhora Plateau with the contiguous maritime and riverine lowlands) over the 1st Millennium AD (Fig. 1). This study is based predominantly on the evidence yielded by archaeological investigations of recent years including those conducted by the present author.

The cultural and chronological column here proposed is not free from certain lacunas which hopefully will be filled in future.

The oldest burial site among the known ones in the region under consideration is the lowest layer of the stone cemetery of Udosolovo where inhumations in individual stone cists have been investigated (Figs. 2; 3, 1–9). This site is preliminarily

dated to the 1st century BC – first third of the 1st century AD. Possibly, it resembled the cemetery of Valgovitsy. A number of settlements with hatched ceramics, including the lowest layer of the settlement-site of Vtyrka (Pillovo 2), are dateable to the same period.

The next period or the so-called Roman one is represented by an entire series of burial sites and stray finds of which the majority are dating from the 1st–2nd century or, some of them, possibly from the 3rd century.

Antiquities of the middle – third quarter of the 1st Millennium are so far represented by only three cemeteries with loose cremations (Malli, Kommunar, Rosson') (Fig. 3, 10–21).

The main part of the cultural layer of the settlement-site of Vtyrka is dating from the late 1st – early 2nd Millennium (Fig. 3, 22–34); similar, although slightly later materials are found in some other burial grounds (Ratchino, Opol'e).

During the entire period under study, the antiquities from the region of Western Ingria are demon-

strating distinct Baltic-Finnish features indicating stable contacts of the local population with Estonia and Southwestern Finland. In the beginning of the 2nd Millennium AD, the Old-Russian culture becomes widely distributed here levelling considerably the local peculiarities.

НОВАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ I–VII вв. НА ЮГО-ЗАПАДЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

М. А. Юшкова²

Статья посвящена рассмотрению новой группы памятников, открытой на Ижорской возвышенности в последние годы. Это могильники, места случайных находок и клады I–VII вв. Большинство памятников относится к культуре каменных могильников с оградками и датируется раннеримским периодом. В работе охарактеризован погребальный обряд, рассмотрены типичные категории сопроводительного инвентаря. Большинство материалов относится к раннеримскому периоду, но присутствуют и отдельные находки позднеимского периода и эпохи Великого переселения народов. На примере могильника Малли рассмотрены древности, характерные для третьей четверти I тыс. н. э. Определена культурная принадлежность рассматриваемых древностей.

This paper deals with the research of a new group of archaeological objects recently discovered on the Izhora Plateau in Leningrad Oblast, Russia. These are cemeteries, stray findspots and hoards of the 1st–7th century AD. Most of the finds are related with the culture of stone cemeteries with fenced graves dated to the early Roman period. The present study characterizes the burial rite and the main types of the accompanying goods. Although the majority of the objects under consideration belong to the early Roman time, there are a few finds of the late Roman period and Great Migration Age. Here, on the example of the burial ground of Malli, antiquities characteristic of the third quarter of the 1st millennium AD are discussed and the cultural belonging of these finds is defined.

Ключевые слова: Ижорская возвышенность, могильник, каменные оградки, кремация, фибулы, украшения, оружие, римское время.

Keywords: the Izhora Heights, cemetery, tarand, calcined bones, brooches, Roman period, arms.

В последние годы на Ижорской возвышенности (юго-запад Ленинградской области) была открыта новая группа памятников. Большинство из них относится к культуре каменных могильников с оградками (тарандов) и датируется раннеримским периодом.

Могильные сооружения этого периода впервые были раскопаны Е. А. Рябининым при исследовании средневековых могильников Валговицы и Великино в 1984–1986 гг. (Рябинин, 1987; 1994; 1997. С. 22–23; Ryabiniin, 1990. Р. 93–97; Кулешов, 2005. С. 183–198). Начиная с 2005 г. появились сведения о многочисленных находках металличе-

ских изделий и монетных кладов на западе Ижорской возвышенности (Сорокин, Шаров, 2008. С. 167–200; Юшкова, 2010б. С. 316–329; Михайлова, Федоров, 2011. С. 69–77; Стасюк, 2011. С. 224–232; 2012. С. 63–88; Сорокин, Юшкова, 2014. С. 312–322). В этом регионе проведены археологические обследования и начаты археологические раскопки могильников культуры таранд. Могильные сооружения с каменными оградками изучены в могильниках Керстово 1 (раскопки 2008–2009 гг.; Юшкова, 2010а. С. 46–52; 2010б; Юшкова, Кулешов, 2010. С. 231–253; Yushkova, Kulešov, 2011. Р. 99–121) и Малли (раскопки 2010–2013 гг.; Юшкова, 2010б. С. 325–326; 2013. С. 59–61; 2015. С. 167–169; Стасюк, 2012. С. 68–71; Ширококов, Юшкова, 2014. С. 71–79). На могильниках Коммунар, Удосолово и Котельский произведены разведочные работы и небольшие раскопки (Михайлова, Федоров, 2011. С. 69–77; Федоров, Мурзенков, 2012. С. 242–243; Михайлова, 2014. С. 363–367).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (в рамках научного проекта №13-31-01223 «Прибалтийско-финские племена на Северо-Западе России: процессы расселения и культурного взаимодействия в раннем железном веке и раннем средневековье»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

Рис. 1. Карта памятников I–VII вв.:

1 – Валговицы; 2 – Великино; 3 – Георгиевский; 4 – Войносолово; 5 – Котельский; 6 – Керстово 1; 7 – Малли (Керстово 2); 8 – Удосолово; 9 – Ратчино; 10–12 – клады 1-й и 2-й Копорьей, Юрьевский; 13 – Ропша; 14 – Шпаньково; 15 – Коммунар. Условные обозначения: ● – могильники, ■ – единичные находки и клады.

Fig. 1. Map of sites of the 1st–7th century:

1 – Valgovitsy; 2 – Velikino; 3 – Georgievsky; 4 – Voynosolovo; 5 – Kotel'sky; 6 – Kerstovo 1; 7 – Malli (Kerstovo 2); 8 – Udosolovo; 9 – Ratchino; 10–12 – 1st and 2nd Kopye hoards, Yuryevsky hoard; 13 – Ropsha; 14 – Shpan'kovo; 15 – Kommunar. Notations: ● – burial grounds, ■ – separate finds and hoards.

Памятники концентрируются на северо-западе Ижорской возвышенности, наибольшее расстояние между древними кладбищами около 20 км. Всего учтено 15 некрополей и местонахождений (рис. 1). Памятники представлены могильниками Валговицы, Великино, Керстово 1, Малли, Удосолово, Котельский, Коммунар. Единичные находки предметов, вероятно, маркирующие разрушенные могильники, обнаружены в Ратчино, Георгиевском, Войносолово, Ропше. Три клада происходят из округа д. Копорье, одна монета римского времени обнаружена в составе более позднего клада у д. Шпаньково.

Могильные сооружения и погребальный обряд. Каменные оградки были раскопаны в составе могильников Керстово 1, Малли, сходную структуру можно увидеть в могильниках Валговицы и, отчасти, Великино.

В могильнике Керстово 1 раскопана цепочка, состоящая из четырех оградок (*Юшкова, Кулешов, 2010. Рис. 4–7*). Они ориентированы длинной стороной по оси север–юг. Стенки оградок были сложены валунами или плитами известняка, внутреннее пространство заполнено более мелкими камнями и известняковой щебенкой. Размеры оградок от 1,2 × 3 м до 3 × 6,5 м.

Погребальный инвентарь обнаружен на поверхности и в слое заполнения каменных конструкций во внутренней части оградок и за их пределами. Кости располагались в пределах сооружений дисперсно и скоплениями. Обнаружено около 19 кг костей. Преобладал обряд кремации на стороне. Подавляющее большинство костных останков представлено мелкими кальцинированными фрагментами. Также найдены фрагменты необожженных костей, они лежали

не в анатомическом порядке. Минимальная численность погребенных, по определению И. Г. Широбокова, составляет 38 человек.

В составе могильника Малли выявлено погребальное сооружение, состоявшее из двух известняковых оградок и каменных вымоستок. Стенки оградок были сложены из известняка, а внутреннее пространство заполнено гранитными валунами и известняковой щебенкой. Западная оградка имела мощные известняковые стенки до 1,75 м ширины и 0,7 м высоты. Ее общие размеры: длина 9 м (по западной стенке), ширина 4,85 м (по северной стенке). Стены восточной оградки имели ширину до 0,8 м. Общие размеры оградки: длина 5 м (по западной стенке), ширина 2–2,3 м. У обеих оградок восточные стенки не сохранились. Оградки имеют несколько различающуюся ориентацию. Можно предполагать, что первой была сооружена западная оградка, затем ее восточная стенка была разобрана и на этом месте была сооружена восточная оградка. К стенкам оградок примыкала краевая насыпь, сложенная из известняковой щебенки и выкладки из гранитных камней. Она хорошо сохранилась вдоль западной стенки западной оградки. К югу и востоку от оградок зафиксирована каменная вымостка.

Погребальный инвентарь найден на поверхности и в слое заполнения каменных конструкций во внутренней части оградок и за их пределами. Кости располагались в пределах сооружений дисперсно и скоплениями. Обнаружено более 116 кг костей. По определению И. Г. Широбокова, найдены останки не менее 93 человек. Зафиксировано два основных варианта погребального обряда: кремация на стороне и ингумация, вероятно, вторичная. Анатомический порядок в расположении как кремированных, так и необожженных костей отсутствует.

Планиграфический анализ антропологических материалов из раскопок 2010 г. показал, что слабообожженные кости и кости, не имеющие каких-либо визуально определяемых следов воздействия огня, встречаются вместе с находками римского времени. Остатки высокотемпературных кремаций встречаются повсеместно по всей площади памятника, однако наиболее крупные скопления концентрируются к югу от каменной конструкции и совпадают с концентрацией находок эпохи меровингов и, вероятно, в большинстве случаев относятся к третьей чет-

верти I тыс. н. э. (*Широбоков, Юшкова, 2014. С. 71–79*). Можно предположить, что погребения эпохи меровингов совершались в уже существующем с раннеримского времени каменном могильнике с оградками и в ямы, вырытые рядом с ней.

В могильниках Валговицы и Великино найдены каменные вымостки из валунов, в которых можно увидеть структуру оградок (*Рябинин, 1994*). В могильнике Валговицы найдена оградка размерами около 3 × 6 м, с восточной и с западной сторон к ней примыкают вымостки из камней, вероятно представляющие собой остатки соседних оградок. Оградки ориентированы по оси северо-восток – юго-запад. В могильнике Великино найдена вымостка размерами около 5 × 10 м, в составе которой также читаются следы частично сохранившихся оградок, ориентированных по оси север–юг.

В разведочном раскопе на могильнике Удосолово выявлены следы не менее двух этапов погребальных конструкций. Захоронения раннего этапа совершены в каменных ящиках по обряду ингумации. Зафиксирован ряд из 6 частично сохранившихся ящиков (*Михайлова, 2014. С. 363–367*). Захоронения в каменных ящиках хорошо известны в Эстонии. Однако они имеют здесь иную конструкцию – каменный ящик окружен круглой вымосткой и круглой стеной, стены ящика обычно заглублены. В одном каменном круге, как правило, расположен один каменный ящик, внутри которого находятся несколько ингумаций (*Lang, 2007. Р. 149–155*). Погребения в каменных ящиках датируются второй половиной I тыс. до н. э.–I в. н. э., по М. Х. Шмидехельм (*Шмидехельм, 1955. С. 42*) или 1100–200 гг. до н. э., по В. Лангу (*Lang, 2007. Р. 161*). В Удосолово следов круговой кладки не обнаружено, ящики с ингумациями расположены рядом друг с другом, сооружены из вертикально поставленных плит, сохранились на высоту 10–15 см. Ящики подобной конструкции – «небрежно сложенный “ящик” вокруг скелета» М. Х. Шмидехельм считала наиболее поздними (*Шмидехельм, 1955. С. 42*). Следующий этап погребений в Удосолово представлен слоем с известняковой щебенкой, в котором обнаружены кремации, оградки не зафиксированы. Учитывая небольшую площадь раскопа (16 кв. м), нельзя исключать присутствие каменных оградок в неисследованной части могильника.

Сопроводительный материал – типология и хронология. Хронология рассматриваемых древностей культуры таранд определена по датировкам определенных типов фибул, браслетов, бляшек и иных изделий в таких археологических культурах, как вельбаркская, долькаймковрово, литовских могильников, а также хронологии ближайшей группы памятников культуры таранд – могильников северо-восточной Эстонии. Для третьей четверти I тыс. н. э. наиболее хронологически значимыми являются предметы ременной гарнитуры, также определенные типы бритв, ножей, бусин и других предметов.

Находки из могильников датируются пред-римским временем, римским временем (ранне-римским, поздне-римским), эпохой Великого переселения народов, третьей четвертью I тыс. (эпохой меровингов) (табл. 1). Более подробно хронология и периодизация могильников с каменными оградками на Ижорской возвышенности рассматривались ранее (Юшкова, 2010б. С. 316–319). Могильники культуры таранд часто формировались на протяжении жизни нескольких и даже многих поколений, соответственно один могильник мог использоваться на протяжении нескольких хронологических периодов.

Таблица 1. Основные категории находок на памятниках I–VII вв. Ижорской возвышенности

Table 1. The main categories of finds from sites of the 1st–7th century AD on the Izhora plateau

Категории инвентаря/памятники	Керстово I (из раскопок/подъемный материал)	Малли (из раскопок/подъемный материал)	Удосоново	Рагчино	Георгиевский	Войносолово	Валговицы	Великино	Ропша	Коммунар	1-й Копорский клад	2-й Копорский клад	Юрьевский клад
доримское время													
железные булавки с кольцеобразными головками			4					2					
железные браслеты							2						
римское время													
фибулы Альмгрен 68–69 (рис. 2, 8)	1	1											
глазчатые фибулы основной серии (Альмгрен 46, 50, 51, 52, 53) (рис. 2, 9)	0/8												
глазчатые фибулы прусской серии (Альмгрен 57–58, 61) (рис. 2, 10)	2/10		2		3	1							
глазчатые фибулы эстонской серии (Альмгрен 55–56) (рис. 2, 14)	2/21	3/1	2	2								1	
щиткоголовые фибулы с полым щитком и граненой ножкой (дериваты Альмгрен 120, 124–125) (рис. 2, 3)	0/3	1/1		1									
щиткоголовые фибулы с пластинчатым щитком и граненой ножкой (Альмгрен 109, дериваты 123–125) (рис. 2, 5)	1/7	4	1						1				
щиткоголовые фибулы с пластинчатым щитком и треугольной ножкой (Альмгрен 100 и дериваты) (рис. 2, 7)	0/3	1	1	3		1							
сильнопрофилированные фибулы (рис. 2, 4)		2	2										
пластинчатые браслеты (рис. 2, 12)	3/6	7/1		2								1	
браслеты с шишечками на концах (рис. 2, 13)	2	2											
замкнутые перстни (рис. 2, 11)	7/19	16											
спиральные перстни (рис. 2, 6)	6	34											
височные кольца (рис. 2, 2)	7	6											
импорты из Поволжья или Прикамья (бляшки, бусина) (рис. 2, 1)	2/1	2											
наконечники копий и дротиков (рис. 2, 15)	12/32	11	1										
втульчатые топоры (рис. 2, 16)	0/2						1						

Окончание табл. 1

Категории инвентаря/памятники	Керстово 1 (из раскопок/подъемный материал)	Малли (из раскопок/подъемный материал)	Удосолово	Рагчино	Георгиевский	Войносолово	Валговицы	Великино	Ропша	Коммунар	1-й Копорский клад	2-й Копорский клад	Юрьевский клад
шилья (рис. 2, 17)	6	24											
луновидные бритвы (рис. 2, 18)	2												
иголки	2	1											
косари (рис. 2, 19)	1/5	4											
монеты											30	13	10
позднеримское время/эпоха Великого переселения													
арбалетовидные фибулы (рис. 3, 1)				+	1	1							
эпоха меровингов (третья четверть I тыс.)													
ременные пряжки (рис. 3, 2–5)		35	1							1			
ременные накладки (рис. 3, 6)		28											
ременные наконечники (рис. 3, 7)		6			1								
булавки (рис. 3, 8–9)		9											
браслеты с расширяющимися концами (рис. 3, 10)		1								1			
ленточные рельефные браслеты (рис. 3, 11)		9											
бритвы с прямым или петельчатым черенком (рис. 3, 12–13)		13	1										
пинцеты (рис. 3, 14)		19			1								
бусины синие (рис. 3, 15)		16											
фрагменты умбонов		+											

Наиболее ранние материалы получены в могильниках Удосолово, Валговицы, и, возможно, Великино. Эти памятники могут быть отнесены к доримскому времени.

Каменные ящики из могильника Удосолово находят параллели в культуре могильников с каменными ящиками Эстонии. Она в целом предшествует культуре таранд. В Удосолово с этими погребениями связаны находки узкого бронзового браслета, наконечника дротика, ножа (?) (Михайлова, 2014. С. 363–367). Вероятно, к этому же этапу функционирования могильника относятся четыре железные булавки с кольцеобразными головками, найденные здесь ранее.²

² Основываясь на составе случайных находок из могильника Удосолово, опубликованных П. Е. Сорокиным и О. В. Шаровым (Сорокин, Шаров, 2008), я предположила, что он существовал на протяжении нескольких хронологических этапов, которые можно датировать от рубежа эр до второй половины III в. (Юшкова, 2010б. С. 322–325). О. В. Шаров (Шаров, 2013) настаивает на более узкой дате существования всего могильника в пределах раннеримского времени, указывая, в частности, что поздняя дата бытования железных булавок не определена и они могут сосуществовать с выявленными в могильнике фи-

булами. Однако в могильниках Керстово 1 и Малли, на которых найдены сотни предметов раннеримского времени, не найдено ни одного украшения из железа. Основываясь на этих данных, предположим, что в могильниках Ижорской возвышенности бронзовые украшения раннеримского времени полностью вытеснили использовавшиеся в предшествующий период украшения из железа (булавки, браслеты). Доказательства длительного использования могильника Удосолово начиная с рубежа эр (или ранее) были получены в результате раскопок Е. Р. Михайловой (Михайлова, 2014). При работах были выявлены захоронения в каменных ящиках, которые можно датировать предримским временем.

Погребальные сооружения могильников Валговицы и Великино имеют структуру оградок, однако на относительно раннюю дату указывает состав находок. Среди них присутствуют украшения из железа – браслеты и булавки, бронзовые изделия единичны. Находки из Валговиц представлены двумя железными браслетами, топором-кельтом с ушком, бронзовым сегментовидным браслетом, точильным бруском и небольшим керамическим сосудом. В Великино найдены обломок косы-горбуши и фрагменты железных булавок (рис. 2, 3).

Рис. 2. Типичные находки из могильников Ижорской возвышенности (см. табл. 1).
Римское время. 1, 9–12, 14–16, 18 – Керстово I; 2–8, 13, 17, 19 – Малли.
1–14 – бронза; 15–19 – железо.

Fig. 2. Typical finds from the cemeteries on the Izhora Plateau (see Table 1).
Roman period. 1, 9–12, 14–16, 18 – Kerstovo I; 2–8, 13, 17, 19 – Malli.
1–14 – bronze; 15–19 – iron.

К раннеримскому времени (около последней трети I–рубеж II/III в. н. э.) относится большая часть находок из могильников Ижорской возвышенности. Наиболее представительная коллекция происходит из могильника Керстово 1 (Юшкова, 2010а. С. 46–52; Юшкова, Кулешов, 2010. С. 231–253; Yushkova, Kulešov, 2011. P. 99–121). Здесь получена коллекция из раскопок (155 предметов) и собран подъемный материал (150 предметов).

Среди сопроводительного инвентаря из раскопок Керстово 1 представлены предметы убора и украшения из бронзы. Найдены сильнопрофилированная, четыре глазчатых и щиткоголовая фибулы. Другие украшения представлены бронзовыми браслетами (пластинчатые и из заготовки круглого сечения), кольцами (замкнутыми и спиралевидными), височными кольцами, пронизками, бляшками с ушком (в форме розетки и в форме перепончатой лапы птицы), железной застежкой. Также обнаружены предметы вооружения и бытовые орудия из железа (наконечники копий и дротиков, луновидные бритвы, косярь, игла, шилья, ножи), золотостеклянная бузина, бронзовая игла, фрагменты керамических сосудов.

Среди подъемного материала присутствуют украшения из бронзы – глазчатые фибулы, сильнопрофилированные фибулы, перстни, браслеты, бляшка-нашивка в виде розетки, железные наконечники дротиков и копий, втульчатые топоры, ножи. Общее количество фибул из могильника – 45 экз., наконечников копий и дротиков – 44 экз.

По разнообразию и количеству находок данный могильник является эталонным для раннеримского времени на Ижорской возвышенности.

Каменные оградки могильника Малли также были построены в раннеримское время, но погребения совершались и в более позднее время. В процессе раскопок обнаружен многочисленный сопроводительный инвентарь – 850 предметов. Древности римского времени представлены украшениями из бронзы, оружием и орудиями из железа, керамикой (Юшкова, 2015. С. 167–169). Всего найдено 12 фибул, 3 иглы и 15 спиралей от фибул. Найденные фибулы относятся к различными типам: Альмгрен 68, глазчатые эстонской серии, щиткоголовые профилированные, сильнопрофилированная, сильнопрофилированная переключчатая. Все фибулы, за исключением последней, можно отнести к раннерим-

скому времени, переключчатая фибула может быть датирована также и позднее (в пределах III в.). Другие украшения из бронзы представлены замкнутыми и спиральными перстнями, браслетами различных типов (ленточные, желобчатые с шишечками на концах), спиральными пронизками, височными кольцами, фрагментами гривен (?). Необычными украшениями являются боченовидная пронизка из бронзы и литая прямоугольная бляха с зубчатыми орнаментом и двумя петлями на оборотной стороне. Эти изделия типичны для пьяноборской археологической культуры и импортированы из Прикамья.

Среди оружия и орудий труда встречены железные наконечники копий, секачи, ножи с изогнутой спинкой и плавным переходом от спинки к черенку, шилья, миниатюрная пешня и миниатюрный нож. Также найдены два камня-терочника. К этому же периоду относятся фрагменты штрихованной и гладкостенной керамики.

В раннеримское время продолжал функционировать могильник Удосолово – к этому периоду относится один из этапов погребальных сооружений. Здесь найдены 9 фибул (8 из подъемного материала и одна из раскопок) и другие находки. Предметы рассматриваемого хронологического горизонта представлены также из раскопок и сборов на могильнике Ратчино (8 фибул, фрагменты браслета и наконечника копья, нож), мест случайных находок Георгиевский (3 фибулы), Войносолово (2 фибулы), Ропша (одна фибула).

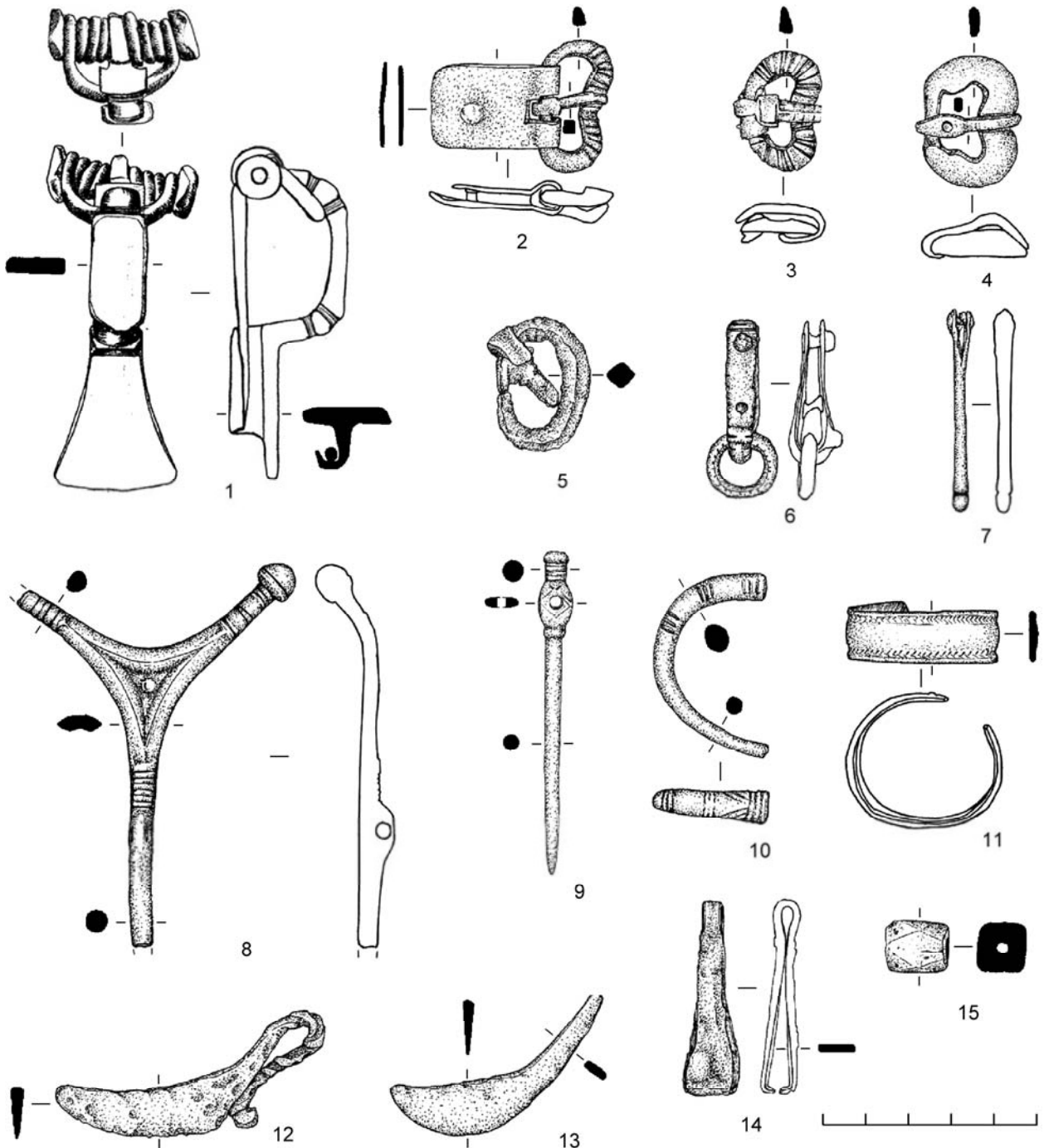
Во второй половине–конце II в. депонируются монетные клады, обнаруженные в районе Копорья (Юшкова, 2010б. С. 327; Хаврин и др., 2011. С. 217–219, табл. 2; Шаров и др., 2011. С. 335–359). 1-й Копорский клад состоит из 30 медных монет. Во 2-й Копорский клад входят 12 медных монет, а также серебряная монета, найденная на месте клада позднее, и 3 фрагментированных бронзовых предмета – браслет, гривна и фибула. Монеты из Юрьевского клада датируются второй половиной II, возможно, III в.

Единичные находки следующего хронологического этапа представлены на могильниках Малли и Удосолово. В могильнике Малли найдена переключчатая фибула. В могильнике Удосолово – фрагмент подковообразной фибулы с эмалью. Эти находки могут быть датированы от конца II в. до середины–второй половины III в. н. э. В восточной части Ижорской возвышенности, в Гатчинском районе у д. Шпаньково, обнаружен клад из монет X–XI вв., среди них –

фрагмент римской серебряной монеты середины III в. (Кропоткин, 1961. С. 45).

К позднему этапу **позднеримского периода** относится находка фрагмента двучленной про-

гнутой подвязной фибулы с шипом, являющейся дериватом фибулы типа Альмгрен 164 из Войносово (Сорокин, Юшкова, 2014. Рис. 3, 3). Оплавленные фрагменты подобных (?) фибул

Рис. 3. Типичные находки из могильников Ижорской возвышенности (см. табл. 1): 1 – эпоха Великого переселения (Георгиевский); 2–15 – третья четверть I тыс. н. э. (Малли). 1–4, 6–11 – бронза; 5, 12–14 – железо; 15 – стекло.

Fig. 3. Typical finds from the cemeteries on the Izhora Plateau (see Table 1): 1 – Great Migration Age (Georgievsky); 2–15 – third quarter of the 1st millennium AD (Malli). 1–4, 6–11 – bronze; 5, 12–14 – iron; 15 – glass.

найжены в Ратчино (*Стасюк, 2012. С. 66*). Следующий период – эпоха **Великого переселения народов** представлен также единичной находкой арбалетообразной фибулы из Георгиевского, сходной с фибулами с лопатовидной и звездчатой ножкой. Единичные находки фибул этого периода происходят также из нескольких пунктов на Северо-Западе России за пределами Ижорской возвышенности – из городищ Городня, Люботеж (?), Псков, Георгий (*Сорокин, Юшкова, 2014. С. 317–319*).

Следующий хронологический этап – **третья четверть I тыс. (эпоха меровингов)** наиболее полно представлен в материалах раскопок могильника Малли.

К древностям эпохи меровингов относятся украшения, оружие и предметы быта. В большом количестве встречаются предметы поясной гарнитуры – пряжки (35 экз.), накладки, ременные наконечники. Найжены пряжки с В-образной, округлой и D-образной рамкой, среди них встречены рифленые В-образные и гладкие полые В-образные пряжки, относящиеся к геральдической поясной гарнитуры, пряжка с округлой «сердцевидной» рамкой. Оружие характеризуется находками деталей щитов – фрагментами умбонов, гвоздями, накладками. Среди украшений из бронзы представлены булавки, подвески, фрагменты цепочек, бизсовидные цепедержатели и другие. Найжены синие стеклянные бусины. Среди предметов обихода обнаружены железные бритвы с прямым и петельчатым черенком, маленькие пинцеты со слабо расширяющимися лопастями, шилья, ножи, пряслица из эпифизов костей, немногочисленные обломки сосудов с грубой и подлощенной поверхностью. Также обнаружен обломок блоковидного огнива из мелкозернистого розового кварцита.

К этому же периоду относится могильник Коммунар, известный по сборам и разведочным работам. Он удален от могильника Малли примерно на 2 км. Здесь найжены бронзовая В-образная пряжка, фрагменты различных браслетов, среди них с расширяющимися концами, и другие предметы, кальцинированные кости (*Михайлова, Федоров, 2011. С. 69–77*).

Выводы. На Ижорской возвышенности найжены могильники и единичные находки всех этапов развития культуры таранд. Наиболее ранние материалы получены из могильника Удосолово, где зафиксированы погребения в ка-

менных ящиках, также в могильниках Валговицы и Великино.

Подавляющее большинство материалов относится к раннеримскому периоду. Они могут быть датированы в диапазоне от последней трети I до рубежа II/III вв. н. э. Этим временем датируются погребальные оградки в некрополях Керстово 1 и Малли, один из этапов функционирования могильника Удосолово, также единичные находки из Ратчино, Георгиевского, Войносолово, Ропши, клады.

Могильники Малли и Керстово 1, удаленные друг от друга на 1,5 км, в раннеримское время функционировали одновременно. Близкое расположение двух синхронных крупных могильников указывает на высокую плотность населения на западе Ижорской возвышенности в это время.

Рассматриваемые памятники представляют собой локальный вариант культуры каменных могильников с оградками, наиболее близок он группе памятников северо-восточной Эстонии. Наиболее восточный памятник Эстонии – могильник Утрия (*Шмидехельм, 1955. Рис. 53, 73*) расположен на удалении около 40 км к западу от памятников Ижорской возвышенности. Также можно отметить близкое сходство с каменными могильниками юго-западной и западной Финляндии.

Памятники Ижорской возвышенности имеют ряд отличительных особенностей. Во-первых, Ижорскую возвышенность определяет географическая обособленность – памятники приурочены к северо-западному ее краю. Основные группы инвентаря находят прямые параллели в могильниках культуры таранд. Явным отличием от памятников Эстонии является широкое использование предметов вооружения – наконечников копий и дротиков, топоров. Оружие рассматриваемого периода найжено на территории Эстонии и Латвии не в могильниках, а в кладах (*Lang, 2007. S. 216*). По этому признаку памятники близки каменным могильникам Финляндии, для которых нахождение мечей, наконечников копий и дротиков, умбонов, топоров является типичной чертой (*Salo, 1968*).

Для могильников Ижорской возвышенности характерны находки импортных изделий с более восточных территорий финно-угорского мира. В Керстово 1 они представлены двумя семичастными бляшками-роzetками и бляшкой-лапкой, в Малли – литой прямоугольной бляхой с зубча-

тым орнаментом и двумя петлями на оборотной стороне, а также боченовидной пронизкой. Эти предметы встречаются в ареале дьяковской культуры (бассейн Верхней Волги, Мологи и Москвы-реки) и пьяноборской (чегандинской) культуры (бассейн Средней Волги и Прикамье). Ближайшие аналогии бляшкам найдены в погребальных памятниках Молого-Шекснинского региона.

Рассматриваемый период характеризуется лавинообразным увеличением количества украшений из бронзы. Среди них представлены как привезенные из юго-восточных регионов Балтики фибулы, так и вещи, произведенные на месте: фибулы, браслеты, кольца и другие предметы. Резкое увеличение количества бронзовых изделий на территории культуры таранд связано с началом активного поступления римских медных монет, служивших сырьем для изготовления этих украшений (см. *Хаврин и др.*, 2011. С. 208–224).

Анализ химического состава 113 находок из могильника Керстово I показал, что они отливались из медных римских монет второй половины I–первой половины III в. н. э. Монетные клады датированы второй половиной–концом II в. (Копорские клады) и, возможно, позднее (Юрьевский клад). На Ижорской возвышенности в настоящий момент найдено 53 монеты и более 80 фибул римского (в основном раннеримского) времени. Сравнение веса фибул и монет показало, что для изготовления одной фибулы, в зависимости от ее типа и размера, использовались одна-две монеты.

Следующие этапы развития культуры каменных могильников с оградками –позднеримское время, эпоха Великого переселения народов представлены на Ижорской возвышенности единичными находками.

За пределами Ижорской возвышенности на Северо-Западе России (т. е. восточнее основного ареала культуры таранд) встречены отдельные находки характерных для культуры таранд предметов среди материалов могильника Залахтове, на городищах Городня и Люботеж в восточном Причудье, Псковском, Староладожском городищах (*Кулешов*, 2005. С. 183–198; *Шаров*, 2006. С. 176–211; *Сорокин, Юшкова*, 2014. С. 317–318). Сходные погребальные сооружения с типичными для культуры таранд находками раскопаны в нижнем Повеличье в могильнике Выбуты и в Солоницко в западном Приильменье

(*Яковлев*, 1994. С. 34–37; 1997. С. 400–402; *Кулешов*, 2005. С. 179–180; *Alexandrov, Tallgren*, 1930. S. 100–108).

В третьей четверти I тыс. н. э. погребальная традиция местного населения претерпевает определенные изменения, однако, как видно на примере Малли, могильник с каменными оградками, построенный в раннеримское время, продолжает по-прежнему использоваться как место для захоронений. Это говорит о наличии прямой преемственности местных культурных традиций. В обряде сохраняется практика кремации, однако низкотемпературная кремация заменяется высокотемпературной. Сопроводительный инвентарь, как и в предшествующий период, рассеивается на территории могильника, индивидуальные погребения не выявляются. В наборе сопроводительного инвентаря сохраняются те же категории предметов – украшения (бронзовые), предметы быта и обихода, оружие, меняются только типы изделий.

Комплекс находок третьей четверти I тыс. н. э., наиболее полно представленный в могильнике Малли, является уникальным и не может быть отнесен ни к одной из известных культурных групп. Многие категории находок этого периода – ременные пряжки, браслеты, бритвы, пинцеты – имели широкое распространение в Центральной и Восточной Европе. По погребальному обряду и составу находок наиболее близкой аналогией являются могильники третьей четверти I тыс. Эстонии, такие как Прооза, Лихула, Паю и другие.

Представленные памятники позволяют изучать культуру прибалтийско-финского населения Северо-Запада России на протяжении длительного периода от рубежа эр до эпохи средневековья.

Кропоткин, 1961 – *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. М., 1961 (Археология СССР: Свод археологических источников; Вып. Г4–4).

Кулешов, 2005 – *Кулешов В. С.* Памятники культуры tarandgräber на Северо-Западе Европейской части России // Альманах молодых археологов. СПб., 2005.

Михайлова, 2014 – *Михайлова Е. Р.* О культурно-хронологической характеристике древностей римского времени и начала средневековья на юго-восточном побережье Финского залива: новые материалы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 2.

Михайлова, Федоров, 2011 – *Михайлова Е. Р., Федоров И. А.* Случайные находки у пос. Коммунар Ленинградской области – предполагаемый могильник I тыс. н. э. // Археология Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова: Материалы 56-го заседания, посвящ. 130-летию Псковского ар-

- хеологического общества (7–9 апреля 2010 г.) / Ред. колл. П. Г. Гайдуков, Л. Я. Костючук, Э. В. Королева, И. К. Лабутина (отв. ред.), Н. В. Лопатин, Вл. В. Седов, Б. Н. Харлашов, Е. А. Яковлева. М., Псков, 2011.
- Рябинин*, 1987 – *Рябинин Е. А.* Об исследовании средневековых могильников Води в Ленинградской области // *Известия Академии наук Эстонской ССР*. Таллин, 1987. Вып. 36/4.
- Рябинин*, 1994 – *Рябинин Е. А.* К проблеме этногенеза води // *Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов*. СПб., 1994.
- Рябинин*, 1997 – *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.
- Сорокин, Шаров*, 2008 – *Сорокин П. Е., Шаров О. В.* О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // *Археологическое наследие Санкт-Петербурга: Древности Ижорской земли*. СПб., 2008. Вып. 2.
- Сорокин, Юшкова*, 2014 – *Сорокин П. Е., Юшкова М. А.* Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности // *Археология Пскова и Псковской земли: Семинар имени академика В. В. Седова: Материалы 59-го заседания (9–11 апреля 2013 г.)* / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб., 2014. Вып. 29.
- Стасюк*, 2011 – *Стасюк И. В.* Заселение Ижорского плато в I–начале II тыс. н. э. // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы 57-го заседания (18–20 апреля 2011 г.)* / Ред. колл.: П. Г. Гайдуков, Л. Я. Костючук, Э. В. Королева, И. К. Лабутина (отв. ред.), Н. В. Лопатин, Вл. В. Седов, Б. Н. Харлашов, Е. А. Яковлева. М.; Псков, 2011.
- Стасюк*, 2012 – *Стасюк И. В.* Население Ижорской возвышенности в I–начале II тыс. н. э. // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2012. № 5: Другая Русь. Чудь, Меря и инии языщи.
- Федоров, Мурзенков*, 2012 – *Федоров И. А., Мурзенков Д. Н.* Новые исследования на западе Ижорского плато // *Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства*. СПб., 2012.
- Хаврин и др.*, 2011 – *Хаврин С. В., Юшкова М. А., Кулешов В. С.* Металл эпохи римских влияний на Ижорской возвышенности // *Европейская Сарматия: XIV Чтения памяти Анны Мачинской*. СПб., 2011.
- Шаров*, 2006 – *Шаров О. В.* О находке перекладчатой фибулы в Старой Ладогe // *Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур*. СПб., 2006.
- Шаров*, 2013 – *Шаров О. В.* Проблемы хронологии находок римского времени на Северо-Западе России // *Археология Балтийского региона*. М.; СПб., 2013. С. 60–73.
- Шаров и др.*, 2011 – *Шаров О. В., Палагуца И. В., Хаврин С. В.* Находки кладов римских монет в районе Копорья // *Российский археологический ежегодник*. СПб., 2011. № 1.
- Широбоков, Юшкова*, 2014 – *Широбоков И. Г., Юшкова М. А.* Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малли (по результатам раскопок 2010 г.) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень, 2014. № 2 (25).
- Шмидехельм*, 1955 – *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.
- Юшкова*, 2010а – *Юшкова М. А.* Могильник Керстово 1 – уникальный памятник эпохи римских влияний на Северо-Западе России // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. СПб., 2010а. Сер. 2, вып. 3.
- Юшкова*, 2010б – *Юшкова М. А.* Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (die Tarandgräberkultur) на западе Ижорской возвышенности // *Диалог культур и народов средневековой Европы*. СПб., 2010.
- Юшкова*, 2013 – *Юшкова М. А.* Раскопки могильников раннего железного века на Ижорской возвышенности в 2008–2011 гг. // *Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования*. СПб., 2013.
- Юшкова*, 2015 – *Юшкова М. А.* Комплекс находок римского времени из могильника Малли в Ленинградской области (раскопки 2010–2013 гг.) // *Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы III Международной конференции молодых ученых*. М., 2015.
- Юшкова, Кулешов*, 2010 – *Юшкова М. А., Кулешов В. С.* Керстово 1 – новый могильник эпохи римских влияний на северо-западе России // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. Тула, 2010. Конф. 2, вып. 1.
- Яковлев*, 1994 – *Яковлев А. В.* Исследование кургана 3 в Выбутах // *Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара [Заседания 38, 39]* / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1995.
- Яковлев*, 1997 – *Яковлев А. В.* Новые раскопки могильника Выбуты близ Пскова // *Памятники старины. Концепции. Открытия*. Версия. СПб., Псков, 1997. Т. 2.
- Alexandrov, Tallgren*, 1930 – *Alexandrov B. V., Tallgren A. M.*, Funde aus der römischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1930. Vol. V.
- Lang*, 2007 – *Lang V.* The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu, 2007.
- Ryabinin*, 1990 – *Ryabinin E. A.* New Data on the Ancient Vod Culture // *Fenno-Ugri et Slavi 1988: Papers presented by the participants in the Finnish-Soviet archaeological Symposium «Studies in the Material Culture of the People of Eastern and Northern Europe» 10–16 May 1988 in the National Museum of Finland* / Ed. Torsten (ed.). Helsinki, 1990 (Iskos; Vol. 9).
- Salo*, 1968 – *Salo U.* Die frühromische Zeit in Finnland // *Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*. Helsinki, 1968. Vol. 67.
- Yushkova, Kulešov*, 2011 – *Yushkova M. A., Kulešov V. S.* Kyrstovo 1: a new burial ground of the period of Roman influences in North-Western Russia // *Archaeologia Lituana*, Vilnius, 2011. T. 12.

New group of sites of the 1st–7th century in the south-west of Leningrad Oblast

M. A. Yushkova

During recent years, a new group of sites of the Tarand culture was discovered on the Izhora Plateau (south-west of Leningrad Oblast). The majority of them are dated to the early Roman period. In total, 15 sites and findspots have been reported. In 2008–

2013, the present author conducted excavations at two burial grounds of graves with stone fences – Kerstovo 1 and Malli. This study discusses the evidence on the burial rite and funerary structures at these cemeteries. There have been identified typical

groups of the grave goods from the sites on the Izhora Plateau linked with particular chronological spans from the early Roman period to the time of the Merovingians. The tarands of the Roman period represent a local variant which is most similar to the group of sites in northeastern Estonia. The particular peculiarity of this group of cemeteries is that they are geographically isolated, contain a numer-

ous weaponry in the graves and objects imported from the more eastern regions of the Finno-Ugric world. The sites of the late Roman period and the Migration Period have yielded only single finds. The Merovingian Age is best represented by the finds from the cemetery of Malli. The closest parallels are found among synchronous antiquities of Estonia.

СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 191 ЦЕНТРАЛЬНОЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X в. ИЗ ГНЁЗДОВА: РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. Новиков, Н. В. Ениосова¹

Целью настоящей статьи является публикация комплекса снаряжения верхового коня из камерного погребения Ц-191 из раскопок Д. А. Авдусина в Гнёздове в центральной курганной группе в 1976 г. Снаряжение включает в себя седло, стремяна, удила и уздечный набор с сохранившимися кожаными ремнями и металлическими украшениями (34 накладки, 10 наконечников ремней, две круглые накладки на пересечение ремней и подвеска-бубенец). Оголовье из Ц-191/Авд-1976 – прекрасный образец гибридных оголовий с территории Древней Руси, сочетающий в одном наборе накладки различного происхождения: скандинавские с орнаментом стиля Терслева; «южнорусские» кочевнические с растительным декором в виде пальметт и дериваты венгерских серебряных украшений с углубленным геометрическим рисунком и украшений из Волжской Болгарии. Комплекс датируется второй половиной X в.

The goal of the present article is to publish a harness set of a saddle horse found in chamber burial Ц-191 during D.A. Avdusin's excavations of 1976 at the central kurgan group of Gnezdovo (Gniozdovo). The horse's outfit includes a saddle, stirrups, horse-bits and a bridle set with preserved leather thongs and metal ornaments (34 mounts, 10 metal belt tips, two circular mounts for a belt intersection and a pendant bell). The bridle set from Ц-191/Авд-1976 is an excellent example of hybrid bridle sets from the area of Old Rus, combining, in a single set, mounts of different provenance: Scandinavian ones with decoration in the Terslev style; «South-Russian» nomadic mounts with a plant decoration in the form of palmettes and derivatives of the Hungarian silver ornaments with impressed geometric pattern and ornaments from Volga Bulgaria. The assemblage is dated to the second half of the 10th century.

*Ключевые слова: снаряжение коня и всадника, погребения эпохи викингов, Древняя Русь, X век.
Keywords: horse's and rider's outfit, burials of the Viking Age, Old Rus, 10th century.*

Результатом археологических работ Д. А. Авдусина в 1976 г. в центральной курганной группе на территории Гнёздовского археологического комплекса стало исследование кургана 191 (далее Ц-191/Авд-1976) – одного из 35 камерных погребений могильника (Авдусин и др., 1976. С. 116–125). Курганная насыпь имела форму шарового сегмента высотой 1 м и диаметром 10 м. Курган был окружен ровиком шириной 145–190 см и глубиной 15–35 см с перемычкой на юго-западе. Комплекс является поврежденным: центральная часть курганной насыпи была прорезана ямой до материка в результате доре-

волюционных раскопок, автор которых точно установлен быть не может (вероятно, В. И. Сизов). На материке было зафиксировано кострище, ниже которого выявлена прямоугольная яма размером 225 × 273 см и глубиной 115 см от уровня материка. По контуру яма была обложена деревом, от которого по всему периметру сохранился тлен толщиной 10–15 см. На дне на слое древесного тлена, который фиксируется участками, расчищено два костяка – мужчины и лошади. Мужчина лежал в северной части ямы на спине головой на север. Первоначально погребенный был помещен в камеру в сидячем положении (Жарнов, 1992. С. 101). В южной части ямы находился конь, он лежал на правом боку со слегка подогнутыми ногами головой на восток.

¹ Россия, 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. МГУ. Исторический факультет, кафедра археологии.

В погребении были обнаружены следующие предметы, принадлежащие мужчине: бронзовые пуговицы, железный топор, железный наконечник копья с частью деревянного древка (перо было погружено в древесный тлен), железная голова кистеня, инкрустированная латунию, подковообразная железная фибула с гранчатыми бронзовыми головками, железный нож и орнаментированный костяной наконечник стрелы – томар. Отдельной группой располагались предметы, вероятно, уложенные в кошель: костяное острие, калачевидное кресало, кремь и два железных кольца (рис. 1, 1).²

Вещевой комплекс погребения впервые был опубликован в каталоге «Путь из варяг в греки и из грек...». На его страницах представлены украшения уздечного набора, предметы вооружения, украшения мужского пояса и одежды с кратким описанием (Путь из варяг в греки..., 1996. С. 54–55). Кроме того, конструкция и элементы металлического декора мужского пояса стали предметом изучения В. В. Мурашевой. В своей монографии она разделила накладки и наконечники на типы и на основе полевого плана положения элементов поясной гарнитуры предложила реконструкцию наборного пояса (Мурашева, 2000. С. 131). В мужской поясной набор входило три бронзовых кольца, три овальных кольца-обоймы, пряжка, 17 сердцевидных накладок (XI 1В-1); 10 сердцевидных накладок (тип XI 1В-2); наконечник ремня (тип VII 1А) и 5 наконечников ремня (тип IV 1Б). Основываясь на необычной для Гнёздова традиции использования соединительных колец и стилистических особенностях ременных наконечников типа IV 1Б, В. В. Мурашева делает вывод о композиционном сходстве находки из

кургана 191 с балтскими мужскими поясами. Она сделала предположение относительно гибридного характера конструкции пояса и его возможного монтажа непосредственно в Гнёздове (Там же. С. 75).

Костные останки лошади исследовала Е. Г. Андреева. Она определила, что животное из погребения Ц-191 является молодым жеребцом в возрасте 6–7 лет. Его рост (высота в холке) составляет 142 см. Поскольку холка не прикрыта мышечной тканью, измерение высоты лошади по ее скелету достаточно точно соответствует высоте живой особи. Известно, что рост лошади – это генетически предопределенная величина, в настоящее время она определяет соответствие породе. При этом считается, что лошадь растет до 7 лет, так что мы располагаем данными о росте взрослой особи. На этом основании можно заключить, что конь, обнаруженный в погребении, относится к группе малорослых лошадей. Однако по сравнению с другими лошадьми, обнаруженными на территории гнёздовского селища, а также в культурном слое древнерусских городов лесной полосы, экземпляр из камерного погребения Ц-191 является более крупной особью (Андреева, 1980. С. 59–62; Цалкин, 1956. С. 60).

Рост мужчины из погребения на целую голову превышает рост лошади. Поскольку такое соотношение высоты всадника и его коня и является оптимальным, можно предположить, что конь, сопровождавший умершего, действительно был его прижизненным спутником, а не жертвенным конем для погребения.

Представленный комплекс снаряжения верхового коня до настоящего времени не был предметом отдельной публикации, хотя уздечный набор из погребения уже разбирался в диссертации одного из авторов настоящей статьи (Новиков, 2009а).

Седло, стремена, удила. Пятно тлена размером 29 × 23 см было обнаружено около передних ног верхового коня (рис. 1, 2). Общая форма

² План погребения выполнен В. В. Новиковым, рисунки – А. С. Дементьевой.

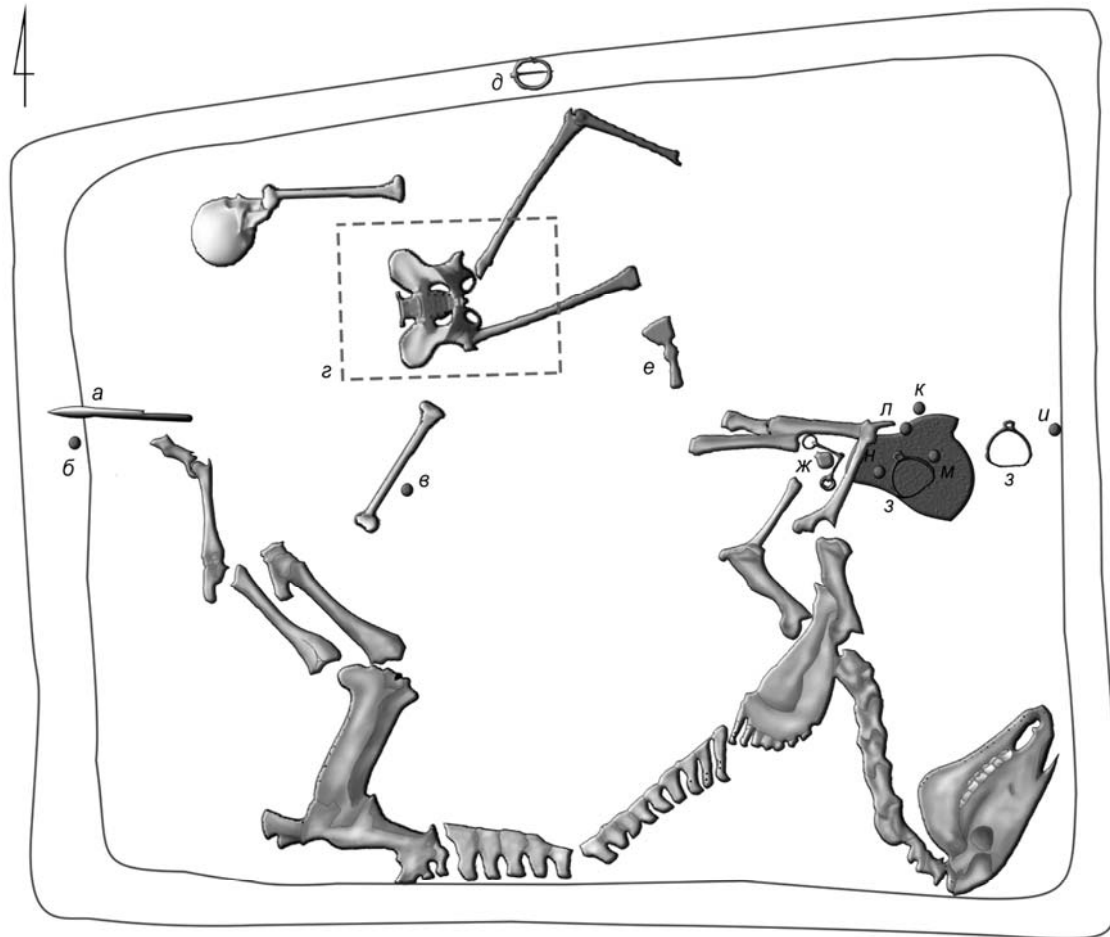
Авторы выражают сердечную благодарность Т. А. Пушкиной за предоставленный материал.

Рис. 1. Погребение Ц-191/Авд-1976:

1 – план (а – наконечник копья железный с остатками древка; б – пуговица медного сплава грибовидная; в – кольцо железное; г – поясной набор, кошелек, острие костяное, кресало железное калачевидное, нож железный; д – фибула подковообразная с гранчатыми головками; е – топор железный; жс – удила железные и кистень железный с инкрустацией; з – стремена железные; и – пряжка подпругная круглая; к – кольцо железное; л – 4 заклепки из медного сплава; м – седло деревянное; н – оголовье с металлическими украшениями); 2 – седло и расположение элементов оголовья, план.

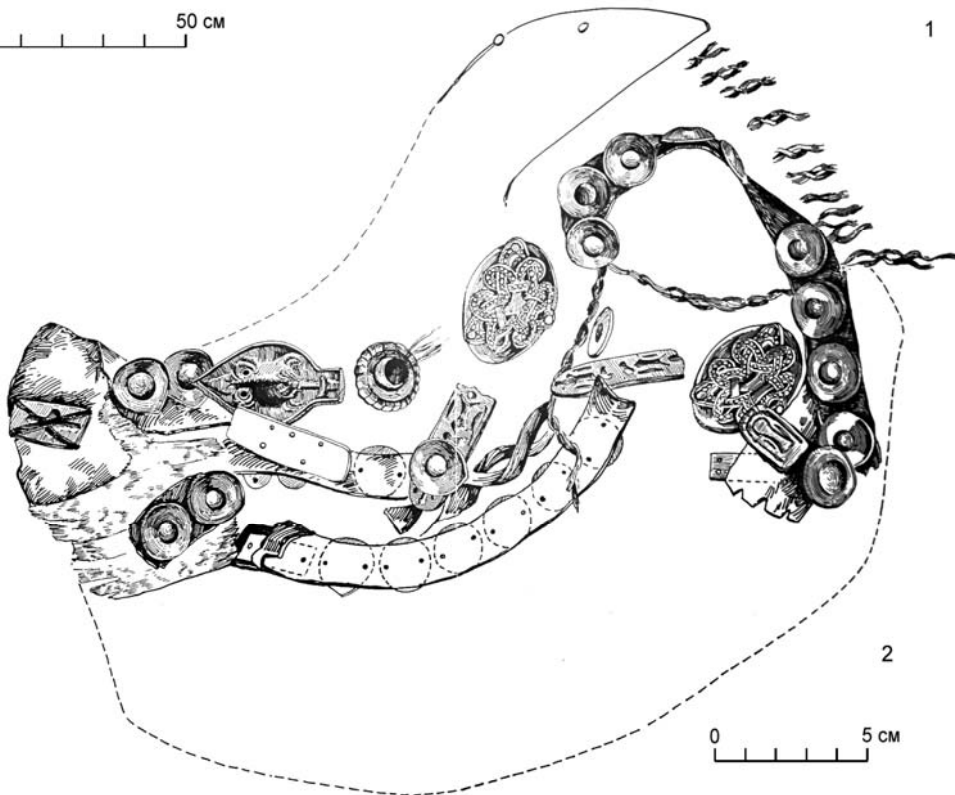
Fig. 1. Burial Ц-191/Авд-1976:

1 – plan (а – iron spearhead with remains of the staff; б – mushroom-shaped button made from copper alloy; в – iron ring; г – belt set, purse, bone point, fire-steel, iron knife; д – horseshoe brooch; е – iron axe; жс – iron bit and iron war-flail with inlay; з – iron stirrups; и – round saddle-girth buckle; к – iron ring; л – four rivets made from copper alloy; м – wooden saddle; н – bridle set with metal ornaments); 2 – saddle and arrangement of bridle-set details, plan.

0 50 cm

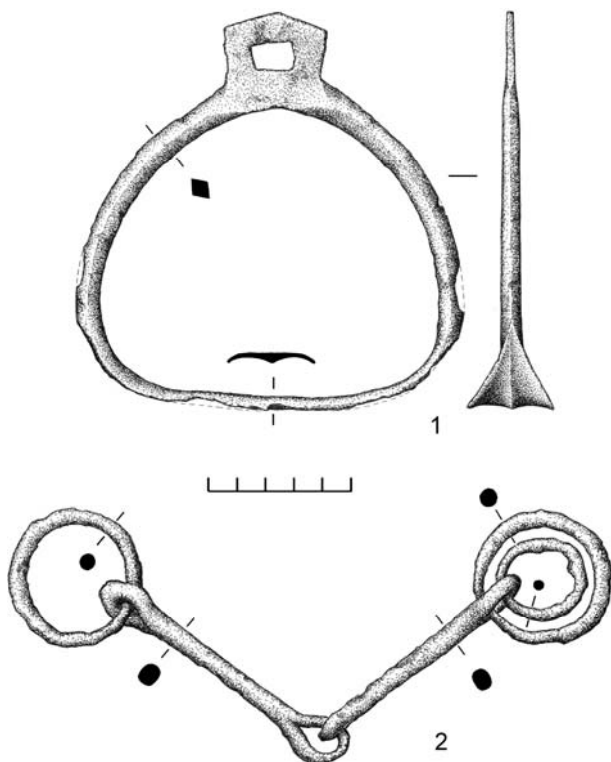
1

2

0 5 cm

позволяет предполагать, что это остатки деревянного седла. Дерево сохранилось плохо за исключением отдельных полосок размерами $5,5 \times 2$ см. Из-за сильной фрагментации органических материалов покрытие седла реконструировать затруднительно. Можно утверждать, что с конструкцией седла связаны кожа, шерстяная ткань, войлок, плетение из конского волоса и отдельные волокна шелка (см. Приложение II настоящей статьи). Кожа крепилась по меньшей мере шестью маленькими железными заклепками. Размер штифта заклепки составляет 1,3–1,5 см, штифт имеет круглое сечение диаметром 0,3–0,4 см, диаметр шляпки составляет 0,8–0,9 см. Отдельные части кожи сшивались иглой с нитью (см. Приложение II настоящей статьи). Фрагменты плетения из конского волоса на 10 хвостов, вероятно, выступали в качестве тесьмы с подложкой из тканевой основы. Нельзя исключать, что кроме обшивки седла органические остатки могут указывать на подкладки под седло (совр. вальтрап), а также на полное или частичное покрытие деревянной основы седла.

Рис. 2. Погребение Ц-191/Авд-1976, снаряжение коня (рисунки А. Дементьевой):
1 – стремя железное; 2 – удила железные.

Fig. 2. Burial Ц-191/Авд-1976, horse equipment (drawings by A. Dement'eva):
1 – iron stirrup; 2 – iron bit.

К северу от седла лежало железное кольцо диаметром 4–5 см (не сохранилось). Однозначно определить место кольца в конструкции седла затруднительно. К востоку от седла лежала круглая подпружная пряжка диаметром 4 см, имеющая сечение диаметром 0,5–0,7 см. Сохранившиеся части седла позволяют предполагать, что оно имело деревянную основу, частично перекрытую кожей и войлочной покрывкой для удобства посадки всадника. Органическая основа крепилась при помощи железных заклепок. Само седло имело одну подпругу (ремень для фиксации седла на спине лошади), ширина которой составляла 3–3,5 см.

Вместе с седлом была обнаружена пара стремян (рис. 2, 1). Одно стремя лежало непосредственно на седле, а второе стояло (!) на 30 см восточнее. Дуги стремян имеют округлую форму, сечение дуг ромбовидное. Высота стремени составляет 14 см, ширина в самой широкой части 13,3 см. Подножка прямая со слегка опущенными вниз краями, ширина ее 3,1 см. Петля с прямоугольным сечением имеет трапециевидную форму; размеры петли $3,6 \times 2$ см. Отверстие для ремня прямоугольное с размерами $1 \times 1,5$ см. Путлище (ремень для крепления стремени к седлу) имеет ширину около 1,5 см. Стремена относятся к I типу по типологии А. Н. Кирпичникова, имеют широкие аналогии на территории Древней Руси и датируются X в. (Кирпичников, 1973. С. 47).

Возле седла с западной стороны располагались железные удила, под которыми был обнаружен круглый железный кистень. Удила из Ц-191 состоят из двухчастного грызла длиной 14,5 см, которое имеет завершения в виде уплощенных вытянутых петель размером $2,5 \times 1,5$ см (рис. 2, 2). Прут гызла имеет круглое сечение диаметром 0,7 см. Псалии представлены двумя типами колец. Большие кольца для крепления повода имели диаметр 4,7 см (прут с круглым сечением 0,7 см в диаметре). Малое кольцо для крепления ремней суголовья имело диаметр 3 см (прут с круглым сечением 0,5 см). Последнее представлено единственным экземпляром, отсутствие второго кольца может объясняться демонтажом или утратой. Эти удила относятся к типу IVa по типологии А. Н. Кирпичникова. Находки этого типа достаточно редки и не отмечены на памятниках ранее X в. (Там же. С. 16–17).

Оголовье. При расчистке седла было обнаружено оголовье верхового коня, которое состояло

из сохранившихся кожаных ремней, украшенных несколькими видами металлических накладок, наконечников ремней и подвески.

Оголовье (уздечка) – система ремней, которая связана с удилами и служит для управления верховым конем, – состоит из суголовья (ремней на голове лошади) и повода (ремня, который держит в руках всадник для управления животным). К настоящему времени кроме оголовья из кургана Ц-191/Авд-1976 на территории Древней Руси было обнаружено еще три экземпляра X в. с сохранившимися кожаными элементами. Они позволяют реконструировать систему расположения и комплектацию ремней практически полностью. Первая находка происходит из раскопок камерного погребения кургана 2 курганной группы VI в Шестовице (*Моця и др.*, 2007. С. 295–296), вторая – из раскопок сопки № 2 в Старой Ладоге (Чернавино) (*Орлов Н.*, 1955. С. 208–209), третья – из кургана Ц-65(7)/Серг-1900 г. из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове (*Новиков*, 2009б. С. 78–88).

Кожаная основа суголовья из кургана Ц-191 состояла из двойных ремней шириной 1,6–1,8 см и толщиной 0,3–0,4 см (FIT1 по классификации В. В. Новикова) (*Новиков*, 2009а. С. 78–81). Ремни не были прошиты и скреплялись штифтами накладок, пробивающими их насквозь. Следов разрезания ремней не зафиксировано. Концы ремней разрушены или имеют закругленные окончания под металлические наконечники. Кожа имеет разную степень сохранности. Отмечаются участки сухой кожи с сохранившимся ворсом, который фиксируется на нижнем ремне, и более жирные участки³ (рис. 3, 1–7).

Уздечка сохранила следы ремонта и дополнительного укрепления двух сердцевидных накладок тонкими кожаными ремешками шириной 0,2–0,3 см крест-накрест (рис. 3, б). Аналогичными ремешками были скреплены места пересечения ремней. Одно из двух пересечений ремней хорошо сохранилось, и можно понять его схему (рис. 3, 5). Двойной налобный ремень проходит между слоями нащечного ремня и заканчивается длинным наконечником. Большая круглая накладка на пересечении дополнительно укреплялась узким ремешком, прихватывающим ее за края и прошивающим пересечение ремней. Со-

хранился узелок-закрепка ремешка. На нижнем слое нащечного ремня сделана парная продольная прорезь, в которую вставлен завязанный на конце узлом ремешок шириной 3–4 мм, являющийся, вероятно, началом подбородного ремня. Сохранился фрагмент второго пересечения ремней с отпечатком большой круглой накладки с одной стороны и ворсом и прорезью с другой стороны, а также с остатками прошивки-крепления накладки. Вероятно, оголовье было намеренно разорвано перед помещением в погребение. Общая система суголовья включала в себя нащечные, затылочный, налобный и подбородочный ремни. Эта структура оголовья соответствует варианту № 4 в классификации видов оголовий (*Новиков*, 2009а. С. 81, рис. 28.1).

Мы, к сожалению, не можем судить о способе крепления ремней суголовья к палиям удила, поскольку эта часть суголовья не сохранилась или не была помещена в погребение. Ремень повода в состав погребального инвентаря не вошел. Не исключено, что это повсеместная практика для погребений, поскольку ни одного случая подобной находки до настоящего времени не зафиксировано. Несмотря на хорошую сохранность этого материала, однозначная реконструкция системы ремней затруднительна.

Украшения ремней оголовья. Металлические детали, размещенные на ремнях суголовья, можно разделить на несколько групп: накладки на пересечение ремней, подвеска-бубенец к ремням, накладка с султаном, накладки на ремни и наконечники ремней (Табл. 1).

Накладки на пересечение ремней – это разнообразные по форме и размерам металлические элементы, которые имели в первую очередь функциональное назначение: они предохраняли ремни суголовья на их пересечении и более жестко фиксировали конструкцию. Нельзя отрицать также декоративную роль металлических накладок и наконечников ремней – их блестящая поверхность привлекала внимание к убранству коня.

В состав оголовья из Ц-191/Авд-1976 входят две накладки на пересечение налобных, нащечных и подбородных ремней (рис. 4, 1–4). Накладки относятся к группе FIVB T5 S4 (по классификации В. В. Новикова), имеют круглую форму (диаметр 4 см). Крепление выполнено с помощью четырех штифтов (шайбы не сохранились). В симметричном орнаменте парных украшений сочетаются треугольники и сложное

³ Авторы выражают искреннюю благодарность А. С. Дементьевой за ценные замечания и комментарии по конструкции и особенностям оголовья.

ленточное плетение. Лопастки центрального трилистника и оплетающие его замкнутые волноты украшены ложной зернью. По ряду признаков

накладки на пересечение ремней можно отнести к одному из вариантов скандинавского стиля Терслев (*Eilbracht*, 1999. S. 58–59).

Таблица 1. Украшения ремней оголовья из погребения Ц-191/Авд-1976 г.

Table 1. Decorations of bridle straps from burial Ц-191/Авд-1976 г.

Название	Кол-во	тип, по Новикову	тип, по Мурашевой	Рис.
Накладка круглая на пересечение ремней	2	FIVB T5 S4		4
Подвеска-бубенец каплевидная	1	DIIIA T2S2b		5, 2, 4-6
Накладка круглая с султаном	1	DI T10S2a ₂		5, 1, 3, 7
Накладка круглая	22	DI T10S1e	III 1A	6
Накладка сердцевидная	8	DI T12S1b	III 2B	7, 1-4
Накладка трапециевидная	3	DI T1S6a	III c	7, 5-7
Наконечник ремня полуовальный	3	DII T1S3f	V 1E	8, 1-3, 5
Наконечник ремня удлиненной формы	2	DII T1S3a	XI 1Б	8, 4, 6, 11
Наконечники с фигурными сторонами	5		IV 1Б	8, 7-10

На первый взгляд создается ощущение, что украшения отлиты по оттиску серебряной фибулы, декорированной в технике зерни и скани (*Мурашева*, 2000. С. 11). Однако это впечатление обманчиво: среди 60 фибул типа Терслев, известных к настоящему времени, нет ни одного экземпляра, с помощью которого могли бы получить форму для гнёздовской решмы (*Eilbracht*, 1999. Taf. 13–18). Следует учитывать также, что верхняя тисненная пластина фибул типа Терслев всегда имеет выпуклую форму, полученную с помощью матрицы, тогда как гнёздовские решмы – это диски. Возможные модели для копирования отсутствуют и среди многочисленных матриц, найденных в Хедебю и Тиссё (*Armbruster*, 2002. Taf. 1–5; *Jørgensen*, 2003. Fig. 15.23).

Плетеный орнамент скандинавских серебряных фибул всегда обрамляет бордюр из крученой и круглой проволоки. На решмах нет его отпечатка, а углы центральной фигуры орнамента – стилизованного треугольника-трилистника выступают за край бортика (рис. 4, 2). Ложно-филигранный орнамент скорее плоский, чем выпуклый, на некоторых лентах его следы читаются с трудом или полностью отсутствуют. Таким образом, с большой степенью уверенности мы можем исключить круглые серебряные фибулы из числа моделей, оттиснутых в изложнице для отливки больших уздечных накладок.

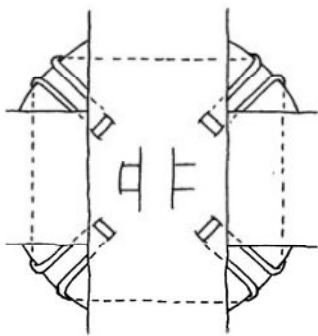
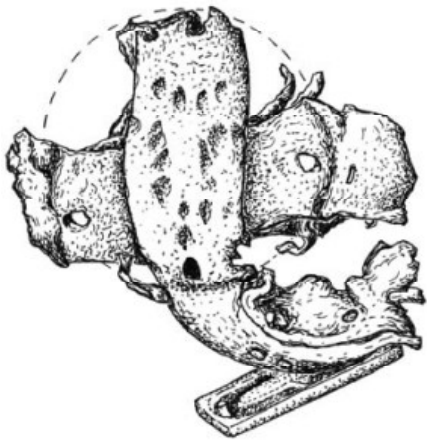
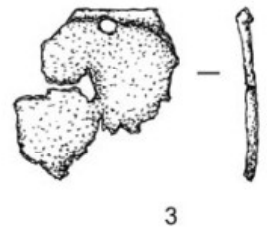
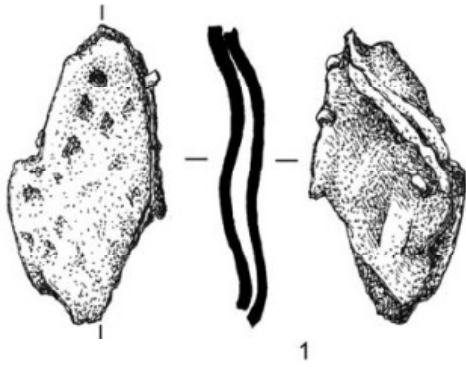
Более вероятно, что первая модель для тиражирования этих украшений была вырезана мастером на восковой модели, помещенной на глиняный или деревянный шаблон. Для создания цепочек ложной филигрании внутри переплетенных лент мастер использовал чекан, рабочая часть которого имела вогнутую, полушаровидную поверхность, оставляющую выпуклый отпечаток – имитацию зерна. Следы резной восковой модели можно увидеть в углубленных частях орнамента (рис. 4, 3). Нельзя исключить также, что модель для копирования в глину была вырезана из рога.

Необычной чертой пары гнёздовских накладок является негативный рельеф на обороте. Это отличает решмы от других поясных и уздечных накладок скандинавского происхождения: их оборотная сторона практически всегда гладкая (*Мурашева*, 2000. С. 94). Основываясь на приведенных наблюдениях, можно заключить, что модель или готовое изделие копировали в глиняную форму, затем отливали восковую копию с негативным изображением на обороте. Полученную полость заполняли глиной, сушили, отделяли от нижней части и делали на верхней створке углубления для четырех штифтов. Тиражирование одинаковых отливок могло происходить и без воскового посредника.

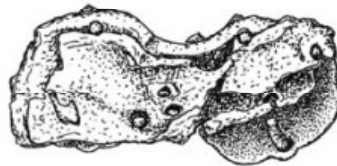
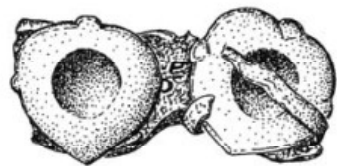
Несмотря на сходство двух экземпляров, можно заметить, что один из них является первой

Рис. 3. Погребение Ц-191/Авд-1976, оголовье коня (рисунки А. Дементьевой): 1–7 – элементы кожаных ремней, плетения и крепления ремней между собой.

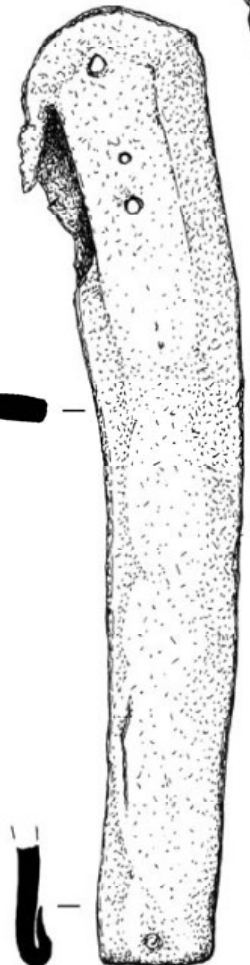
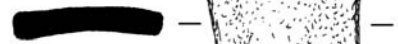
Fig. 3. Burial Ц-191/Авд-1976, bridle set (drawings by A. Dement'eva): 1–7 – parts of leathern straps, weaving and fastening of straps to each other.

5a

6

7

моделью с проработанными деталями орнамента и четким негативом; второй – его реплика с расплывчатым, плохо проработанным рельефом на лицевой стороне (рис. 4, 3, 4). У двух накладок также совпадают участки непроработанного орнамента. Завершающей операцией изготовления обеих накладок было лужение. Перед покрытием поверхность зачищали с помощью напильника для лучшего сцепления олова и основного металла.

Аналогичная накладка происходит из раскопок неизвестного кургана во Владимирской области в 1851–1854 гг., исследованного А. С. Уваровым (Новиков, 2009а. Рис. 51, 12 а; Стицын, 1905. С. 131, рис. 36).

Шумящая подвеска-бубенец крепилась к ремням суголовья, нагрудным и крупным ремням. находка из кургана Ц-191/Авд-1976 является украшением налобного ремня. Она относится к группе ДША Т2S2b. Подвеска имеет листовидную форму (3 × 5 см), направленную острием вниз, ее окаймляет невысокий гладкий бортик. Сверху расположен прямоугольный выступ, который является основой для крепления к ремню. Подвеска украшена многоярусным растительным орнаментом, ее выступающая часть оформлена как нерасчлененная многолепестковая пальметта на тонком прямом стебле с закрученными вниз усиками. Из пальметты «вырастает» островерхий трилистник, в основании которого помещены закрученные в спираль побеги (рис. 5, 2). В составе оголовья подвеска-бубенец конструктивно связана с накладкой с султаном. Они соединялись при помощи одного ремня и были смонтированы на небольшом расстоянии друг от друга.

Листовидная подвесная бляха оголовья – самое качественное изделие среди металлических деталей уздечки из кургана Ц-191. Вероятнее всего, первоначальная модель украшения получена с помощью резьбы по воску, который крепился на подкладном шаблоне из глины с овальным выступом в центральной части. Об этом свидетельствуют четкие линии

контура бляхи и сложный растительный орнамент, выполненный уверенной рукой. На модели просверлены и два конусовидных отверстия (рис. 5, 4). Готовую восковую подвеску заформовали в оболочку из жидкой глины, и в результате получали отливку без шпенок с углубленной полостью и гладким негативом. Первоначальная модель служила для тиражирования лицевой стороны в створку глиняной формы. Негативное изображение на обороте гнездовой бляхи-подвески является убедительным доказательством ее получения с помощью воскового посредника. Этот характерный отпечаток возник при заливке определенной порции воска в рельефную полость нижней створки формы. Возможно, что пластину размягченного воска продавили в створку с негативным изображением. Нельзя исключить также возможности копирования готового изделия в качестве модели для оттиска. Во второй створке с помощью острого инструмента прокалывали отверстия для штифтов.

После получения отливки с рельефной пальметтой-бутоном на лицевой стороне ее обратная часть была закрыта тонким медным листом, вырезанным по форме бляхи (он сохранился частично), встык с ремешком для подвеса, закрепленного на ушке (рис. 5, 5). По контуру пластины были пробиты отверстия, соответствующие 7 литым шпенькам; расклепанные кончики штифтов прочно соединили две створки бляхи-бубенца: внутри образовалась полость для дробины – утраченного металлического или каменного шарика, звенящего при движении лошади. На лицевой поверхности сохранились следы лужения (рис. 5, 6). Тщательность изготовления подвески-бубенца указывает на мастера, хорошо знакомого с приемами производства ремennых украшений этого круга.

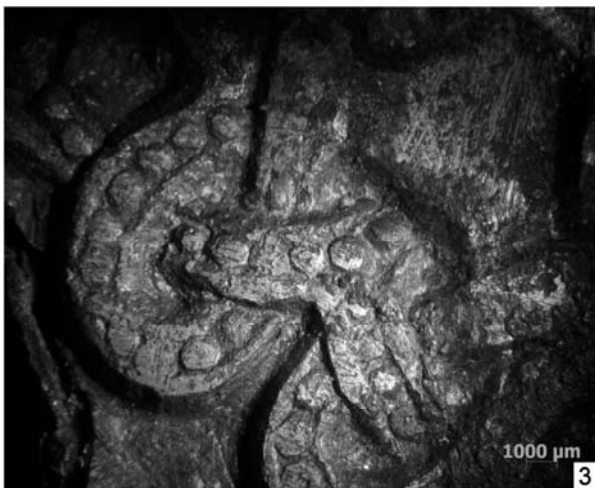
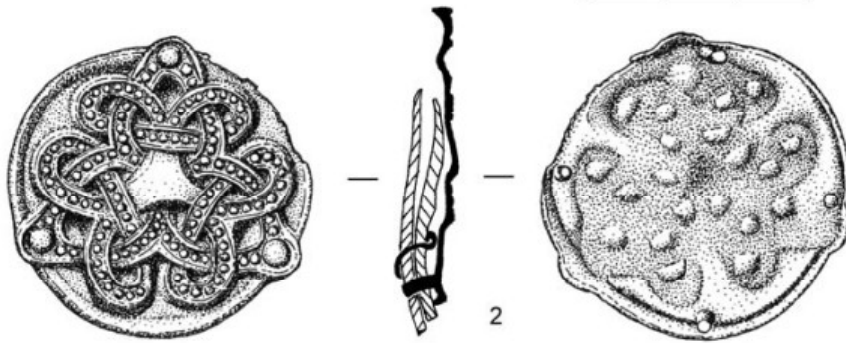
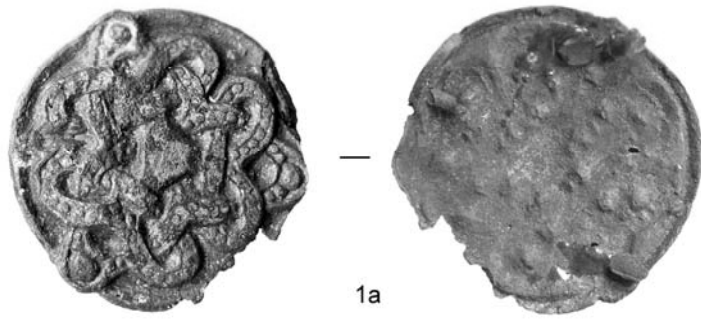
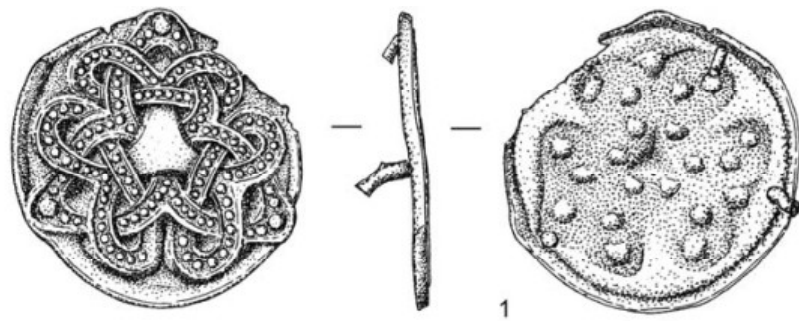
Очевидных аналогий этому предмету на данный момент не выявлено, но близкие параллели листовым украшениям ремней оголовья происходят из двух удаленных друг от друга регионов. Сбруйные подвески-бубенцы с растительным

Рис. 4. Погребение Ц-191/Авд-1976, оголовье коня (рисунки А. Деметьевой):

1–2 – накладки круглые на пересечение ремней; 1а – лицевая сторона круглой накладки на пересечение ремней с ложнофилигранным орнаментом и негативный рельеф и отогнутый внутрь бортик на оборотной стороне; 3 – отчетливый ложнофилигранный орнамент и следы резьбы по воску на экземпляре хорошего качества; 4 – смазанный орнамент и следы оловянного покрытия на экземпляре-копии.

Fig. 4. Burial Ц-191/Авд-1976, bridle set (drawings by A. Dement'eva):

1–2 – round mounts on the crossing of straps; 1a – face side of a round mount on crossing of straps with false-filigree decoration, negative relief and incurved ledge on the back side; 3 – false-filigree decoration and distinct traces of carving on wax; 4 – blurred decoration and traces of tin-coating on a copy.

орнаментом обнаружены в материалах таких памятников Южной Руси, как Каменка, Котовка и Старо-Шведское. Наиболее близкая находка – это подвеска из Каменки с ярусным расположением пальметт и отверстиями в обрамлении спиральных усиков (*Кирпичников, 1973. Табл. X, рис. 1*). Тем не менее конструкция ушка для подвешивания, широкий бордюры с орнаментом – «лесенкой» и стилистические особенности изображения пальметт в декоре листовидной накладки из кочевнических могил на берегу Днепра не позволяют говорить о прямом родстве подвесок-бубенцов. Анализируя уздечные наборы X–первой половины XI в., А. Н. Кирпичников пришел к выводу, что сбруйные украшения с растительными мотивами, черневым узором и позолотой из таких памятников, как Гаевка, Каменка, Котовка и Сарайлы-Кият производились в мастерских на юге Восточной Европы. Они выпускали изделия для Руси, Крыма и причерноморских степей (Там же. С. 28–29). В дальнейшем А. И. Кубышев и Р. С. Орлов локализовали этот центр в Северном Причерноморье и связали его с развитием художественного ремесла у торко-печенежских племен. Истоки ювелирной техники и орнаментальных мотивов прикладного искусства этого региона авторы видят как в степной евразийской традиции, так и в византийском влиянии, благодаря контактам с населением Северо-Восточной Болгарии и Херсонеса, а также в возрастающем импорте византийской металлической утвари, тканей и поливной посуды во второй половине X–начале XI в. (*Кубышев, Орлов, 1982. С. 238–246; Орлов, 1984. С. 36*).

Другой центр художественной обработки металла X–начала XI в. находился в Нижнем Поволжье: здесь после распада Хазарского каганата главной военно-политической силой стали кочевники-огузы – с ними связаны исследованные в этом регионе памятники, такие как Быково, Рахинка, Киляковка, Верхний Балыкей, Ленинск и др. Занимавшие территорию

между арабским миром и Киевской Русью огузы были посредниками в торговле серебром и пушниной. В погребальных комплексах кочевой знати найдены серебряные уздечные украшения, декорированные в техниках черни, золочения и инкрустации, в том числе и подвесные бляхи-бубенцы листовидной формы (*Блохин, 2013. С. 151–157, кат. 372, 374, 376*). Некоторые виды огузских уздечных украшений имеют явное стилистическое сходство с листовидной подвеской из кургана Ц-191, но гнёздовская находка выполнена из более дешевого материала без применения сложных техник отделки поверхности.

На данном этапе исследования определить происхождение гнёздовской бубенцовой решмы не представляется возможным. С большой долей уверенности ее можно исключить из числа уздечных накладок, произведенных в мастерских этого памятника. Вероятно, эту вещь с необычным для гнёздовских металлических изделий орнаментом привезли с Юга – вместе с уздечкой или как отдельный элемент. В конце концов, подвеска-бубенец попала в руки мастера, помещавшего этот «экзотический» предмет на ремень оголовья.

В состав оголовья входила накладка – основа для крепления султана (DI T10S2a-2 по классификации В. В. Новикова). Она высокая (высота 0,8 см) круглая в основании (диаметр 2,2 см) с четырьмя массивными заостренными штифтами (диаметр 2,2 мм). Выступающий полый цилиндр – отверстие для султанчика с сохранившимся пучком конского волоса (рис. 5, 1, 3). По краю накладка украшена полусферическими выступами.

Накладка-султанчик, судя по «смазанному» бордюру орнаменту и пологому бортику на обороте, отлита по оттиску готового изделия (рис. 5, 7). Выступающий полый цилиндр получен благодаря использованию глиняного или деревянного вставного стержня. Лужение на лицевой стороне не обнаружено (табл. 2, 22).

Рис. 5. Погребение Ц-191/Авд-1976, оголовье коня:

1 – накладка с султаном; 2 – подвеска-бубенец; 3, 7 – нечеткий орнамент бордюра и пологий бортик на обороте накладки с султаном; 4 – следы лужения на лицевой стороне; 5 – граница между кожаным ремешком и медной пластиной на обороте; 6 – рельефное изображение бутона на лицевой стороне.
1–2 – рисунки А. Дементьевой.

Fig. 5. Burial Ц-191/Авд-1976, bridle set:

1 – mount with a tassel; 2 – bell pendant; 3, 7 – blurred border pattern and sloping ledge on the back side of a mount with a tassel; 4 – traces of tinning on the face side; 5 – border between a leathern strap and bronze plate on the underside; 6 – relief representation of a flower-bud on the face side.
1–2 – drawings by A. Dement'eva.

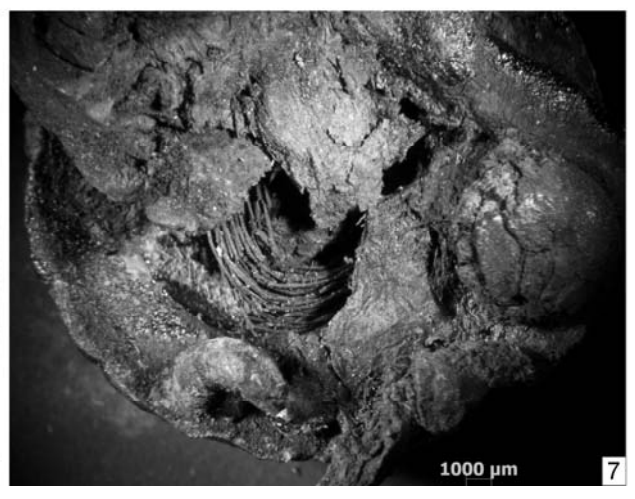
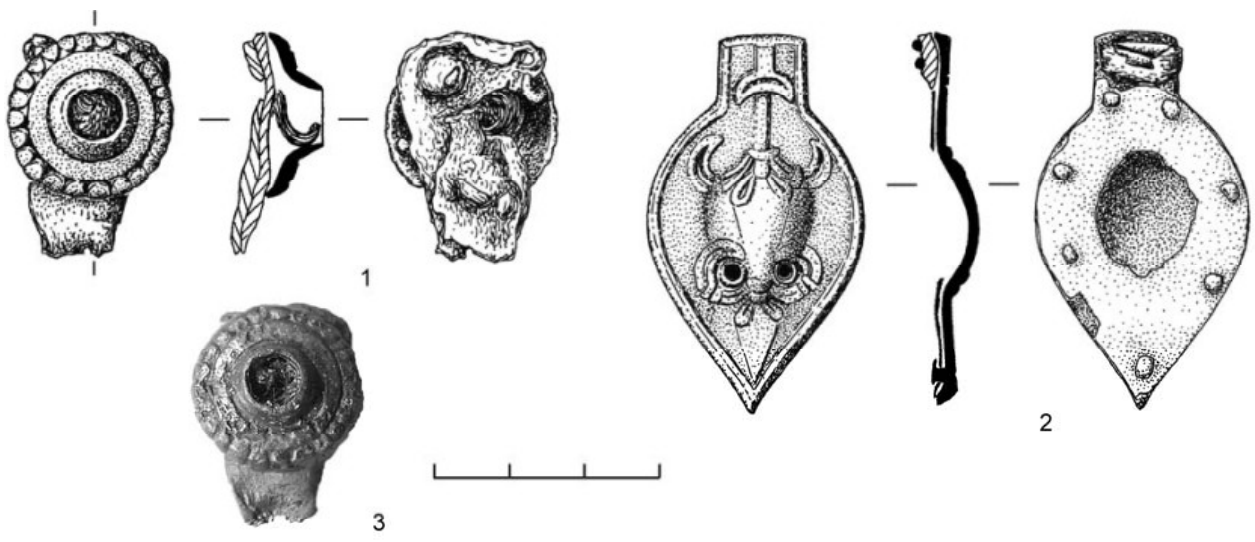

Таблица 2. Химический состав металла уздечных украшений из погребения Ц-191/Авд-1976 г.

Table 2. Chemical composition of the metal of the bridle decorations from burial Ц-191/Авд-1976

№ анализа	Название объекта	Паспорт	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Тип сплава
1	Наконечник ремня (оголовье), лицевая поверхность	305	96,65	0,44	2,49	0,42	0	Свинцовая бронза, лужение
2	Наконечник ремня (оголовье), лицевая поверхность	280	96,62	0	2,78	0,56	0,05	Свинцовая бронза
3	Наконечник ремня (оголовье), лицевая поверхность	283	96,55	0	3,1	0,3	0,05	Свинцовая бронза
4	Наконечник ремня (оголовье), лицевая поверхность	295	96,33	0	3,15	0,48	0,05	Свинцовая бронза
5	Наконечник ремня (оголовье), лицевая поверхность	300	97,07	0	2,51	0,37	0,05	Свинцовая бронза
6	Накладка сердцевидная (оголовье), лицевая	334	95,23	0	2,37	2,4	0	Свинцовая латунь
7	Наконечник ремня (оголовье), лицевая поверхность	279а	95,84	0	1,72	2,44	0	Свинцовая латунь
8	Наконечник ремня (мужской пояс), лицевая поверхность	276	82,43	0,73	16,22	0,62	0	Свинцовая бронза, лужение
9	Наконечник ремня (мужской пояс), оборот	276	96,55	0	2,86	0,59	0	Свинцовая бронза
10	Накладка (мужской пояс), лицевая поверхность	275	98,62	0	1,12	0,26	0	«Грязная» медь
11	Накладка (мужской пояс), оборот	275	98,88	0	0,84	0,27	0	«Грязная» медь
12	Накладка (мужской пояс), лицевая поверхность	271	98,97	0	0,78	0,25	0	«Грязная» медь
13	Кольцо (мужской пояс)	284	98,08	0	1,57	0,35	0	«Грязная» медь
14	Накладка сердцевидная (оголовье), лицевая, углубление	309б	94,46	0	3,65	1,89	0	Свинцовая латунь
15	Накладка сердцевидная (оголовье), лицевая, оборот	309б	92,98	0	5,14	1,88	0	Свинцовая латунь
16	Накладка сердцевидная (оголовье), лицевая, углубление	304	94,44	0	3,36	2,15	0	Свинцовая латунь
17	Накладка сердцевидная (оголовье), лицевая, обрамление	304	96,13	0,53	0,86	2,48	0	Свинцовая латунь, лужение
18	Накладка круглая (оголовье), обрамление	307	94,34	0,67	4,48	0,52	0	Свинцовая латунь, лужение
19	Накладка сердцевидная (оголовье), лицевая, обрамление	309	90,13	0,59	8,13	1,15	0	Свинцовая латунь, лужение
20	Наконечник ремня (оголовье), лицевая поверхность	296	95,81	0,35	3,31	0,53	0	Свинцовая латунь, лужение
21	Наконечник ремня (оголовье), лицевая поверхность	296	96,98	0	5,14	1,88	0	Свинцовая латунь
22	Круглая накладка с отверстием (оголовье), лицевая поверхность	299	96,73	0	2,78	0,44	0	Свинцовая бронза
23	Прямоугольная накладка (оголовье), лицевая поверхность	290	94,87	0,6	4,05	0,47	0	Свинцовая латунь, лужение
24	Прямоугольная накладка (оголовье), оборот	290	93,31	0	5,45	1,18	0	Свинцовая латунь
25	Подвеска к ремням (оголовье), лицевая поверхность, выпуклая часть	304	91,48	0,35	7,35	0,82	0	Свинцовая бронза, лужение
26	Подвеска к ремням (оголовье), лицевая поверхность, плоская часть	304	93,72	0	5,37	0,76	0	Свинцовая бронза
27	Подвеска к ремням (оголовье), оборот, плоская пластина	304	97,73	0	2,27	0	0	«Грязная» медь

Окончание табл. 2

№ анализа	Название объекта	Паспорт	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Тип сплава
28	Подвеска к ремням (оголовье), оборот, соединительный шпенок	304	94,53	0	3,59	1,88	0	Свинцовая латунь
29	Накладка круглая (оголовье), лицевая поверхность, обрамление	286	94,81	0,32	4,51	0,37	0	Свинцовая бронза, лужение
30	Накладка круглая (оголовье), лицевая поверхность, обрамление	285	96,7	0,28	2,56	0,47	0	Свинцовая бронза, лужение
31	Накладка круглая на пересечение ремней (оголовье), лицевая поверхность	303	96,63	0,29	2,19	0,89	0	Свинцовая латунь, лужение
32	Накладка круглая на пересечение ремней (оголовье), лицевая поверхность	293	93,32	0,27	5,69	0,73	0	Свинцовая латунь, лужение
33	Накладка круглая на пересечение ремней (оголовье), оборот	293	97,3	0	1,27	1,38	0,05	Свинцовая латунь

Аналогичное украшение, найденное вместе с уздечным набором, происходит из погребения 10 в Шестовице (*Блифельд*, 1977. С. 192, рис. 4; *Новиков*, 2009а. С. 169–170, рис. 23, б). Уверенно говорить о происхождении и точных аналогиях для этих накладок в настоящее время затруднительно, хотя султаны, по-видимому, связаны с кочевнической традицией. В качестве примера можно обратиться к оголовьям из Северо-Восточного Причерноморья (*Армарчук*, 2006. С. 215, 220). Накладка с султаном и подвеска-бубенец располагались в центре композиции на налобном ремне.

Самым массовым элементом украшения в составе уздечного набора выступают 22 круглые накладки с бортиком на обороте и «вдавливением» в центральной части (DI T10S1e по классификации В. В. Новикова). Накладки – изделия стандартных размеров (1,8 × 1,85 см), толщиной около 2 мм с двумя массивными шпеньками (диаметр 2 мм), отлитыми одновременно с бляшкой. На всех сохранившихся экземплярах они расположены одинаково – вдоль оси ремня. Судя по круглым отпечаткам на коже, штифты крепились к ней с помощью круглых шайбочек. Накладки служили украшением нащечных ремней, на каждый из которых приходилось по 11 шт. (рис. 6, 1–7, 9).

На некоторых накладках хорошо заметны следы удаления литника, в результате образовалась прямоугольная площадка, срезавшая часть круга. В зависимости от интенсивности опиления литникового выступа форма накладок в

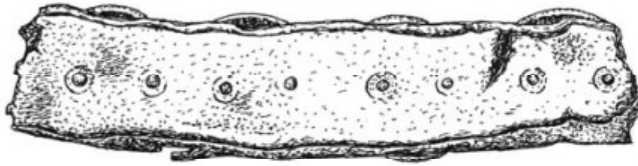
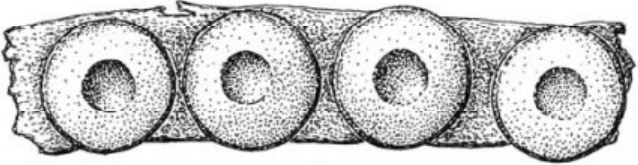
большей или меньшей степени приближалась к овальной (рис. 6, 4). Ни на одной из бляшек литник не был подведен к бортикам, на которых расположены шпеньки. Судя по качеству отливки («оплывший бортик», следы литейного шва в краевой части бортика), ее получили посредством оттиска готового изделия в двухстороннюю глиняную литейную форму. Нельзя исключить, что одновременно отливали небольшую серию накладок, соединенных последовательно общим литником.

Среди производственных свидетельств X–XI вв., обнаруженных в Волжской Болгарии (селище Кирпичный остров) и Нижнем Подунавье (Новосел), есть находки серийных отливок, не срезаемых с литникового канала (*Казakov*, 2001. С. 178, рис. 1, 64; *Бонев, Дончева*, 2011. С. 280–281, 321, 340, 346). Накладки, объединенные общим литником, обнаружены также на усадьбе «И» Троицкого раскопа в слое первой половины XI в. (рис. 6, 8).⁴

После срезания с литника и опиления литейных дефектов накладки были покрыты оловом. Об этом свидетельствуют следы лужения на месте удаленного канала. Серебристое покрытие наносилось только на кольцо, не затрагивая круглое «вдавливение». Благодаря этому гнёздовские накладки приобретали сходство с венгерскими серебряными экземплярами с позолотой в центральной углубленной части.

⁴ Благодарим В. К. Сингха за информацию об этой находке.

1

1a

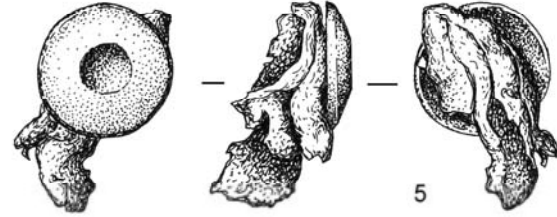
2

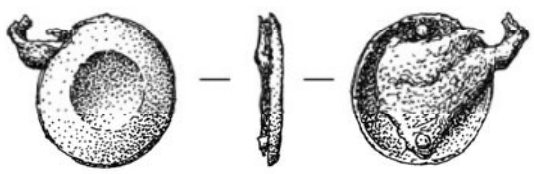
3

4

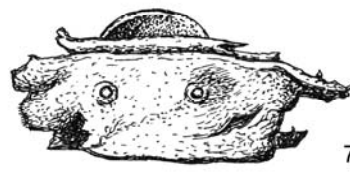
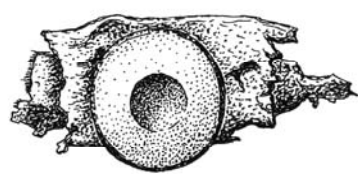
5

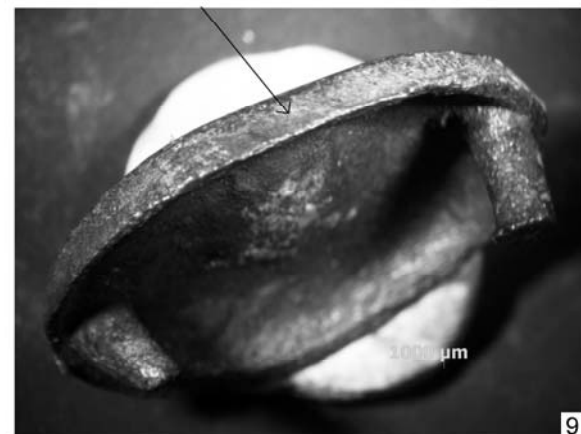
6

8

7

9

Поясные и уздечные круглые бляшки с центральным вдавлением обнаружены на памятниках Нижнего и Среднего Подунавья X–XI столетий (Плетнёв, Павлова, 2000. С. 25, табл. 3, 53–57). Однако только в венгерских могильниках «периода обретения родины» найдены многочисленные круглые литые и тисненные серебряные накладки с центральным вдавлением, покрытым позолотой. Они украшали преимущественно женскую одежду (кафтаны), головные уборы и обувь (Nepper, 1996. Р. 52–55). Уздечки с металлическими накладками встречаются в мужских венгерских погребениях редко; во всех известных случаях они свидетельствуют о богатстве и высоком статусе владельца (Révész, 1996. Р. 51–52). Круглые серебряные уздечные накладки с позолотой были найдены в погребении всадника в Бенепусте (Ладаньбене). Исследовавший этот материал Н. Феттих датировал погребение 30-ми гг. X в. (Fettich, 1937. Taf. XXXIII, 11–25). В. В. Мурашева обоснованно объединяет накладки из Гнёздова и Венгрии в один класс, группу и вид – III 1A (Мурашева, 2000. С. 29, 131, рис. 32). В гнёздовском камерном погребении 30 Ольшанской группы (далее Оль-30/Авд-1988) есть круглые бляшки оголовья, выполненные из серебра с позолотой, – они, без сомнения, являются продукцией венгерских ремесленников (Авдусин, 1989. С. 124–126; Жарнов, 1992. С. 110). Накладки в составе набора из Ц-191 являются явным подражанием венгерским сбруйным украшениям и произведены, по всей видимости, в гнёздовских мастерских. Оба комплекса датируются в пределах второй половины X в. «Широкая» датировка камерных погребений на данном этапе исследования не позволяет определить, которое из двух погребений было совершено раньше. Однако трудно избежать соблазна предположить, что накладки из Оль-30 служили образцами для копирования круглых бляшек из кургана Ц-191, выполненных из более дешевого материала.

Кроме круглых накладок в состав оголовья входили 8 сердцевидных бляшек с аналогичным центральным углублением и тремя каплевидными выступами (рис. 7, 1–4) (DI T12S1b по

классификации В. В. Новикова). Размеры этих накладок 2×2 см. Они имели крепление в виде двух заклепок – штифта с шайбой (диаметр 1,8 мм), ориентированных поперек оси ремня. В. В. Мурашева относит эти накладки к классу III 2В (Мурашева, 2000. С. 29, 131, рис. 32). Любопытно, что две из них дополнительно крепились тонкими пересекающимися ремешками шириной 0,2 см. Эти ремешки были поставлены в момент монтажа накладок в оголовье, так как они проходят между двух основных ремней. Присутствие ремешков можно объяснить только необходимостью дополнительного крепления, однако изобретательность мастера вызывает удивление. Сердцевидные накладки, вероятнее всего, размещались на налобном ремне.

Сердцевидные накладки имеют все признаки, свидетельствующие об отливке по модели плохого качества: утрачена симметрия формы из-за смещения модели при копировании в глину; бортик на обороте практически не выражен, а каплевидные выступы сливаются с контуром изделия (рис. 7, 2). Судя по одинаковому расположению шпеньков заклепок, накладки были изготовлены для крепления на один ремень. После удаления литников и литейных дефектов обрамление с бортиком было покрыто оловом. В целом, качество исполнения сердцевидных накладок нельзя назвать хорошим.

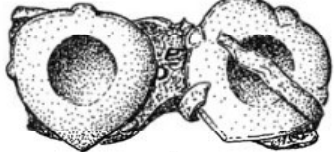
Сердцевидные накладки также имеют аналогии в кургане Оль-30/Авд-1988. Еще одна аналогия, выполненная в серебре, происходит из Курской области (Зорин и др., 2008. С. 261). Близкие параллели – сбруйные накладки из серебра с позолотой обнаружены в исключительно богатом мужском погребении на западной окраине Венгрии в области Бихар (Sárrétudvari-Poroshalom). Как полагают, могильник оставлен первым поколением переселенцев «эпохи обретения родины» в период с конца IX до середины X столетия (The Ancient Hungarians, 1996. Р. 277–281, fig. 10). Таким образом, сердцевидные и круглые накладки из кургана Ц-191 копируют образцы высокого качества, известные не только в Венгрии, но и в Гнёздове.

Рис. 6. Погребение Ц-191/Авд-1976, оголовье коня (1–7, 9) и накладки из Новгорода (8): 1–7 – накладки круглые на ремни; 8 – накладки с усадьбы «И» Троицкого раскопа в Новгороде; 9 – следы удаления литникового канала на бортике круглой накладки.

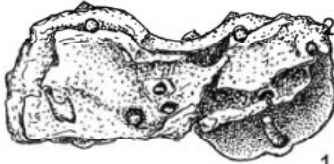
Fig. 6. Burial Ц-191/Авд-1976, bridle set (1–7, 9) and bridle mounts from Novgorod (8): 1–7 – round mounts for straps; 8 – mounts from estate «И» from Troitsky Excavation in Novgorod; 9 – traces of removing of casting jet on the ledge of a round mount.

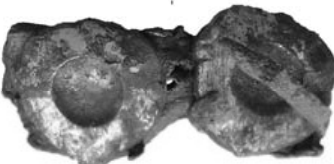
|

|

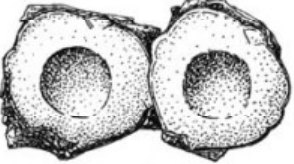
1

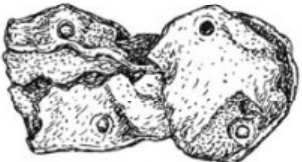
1a

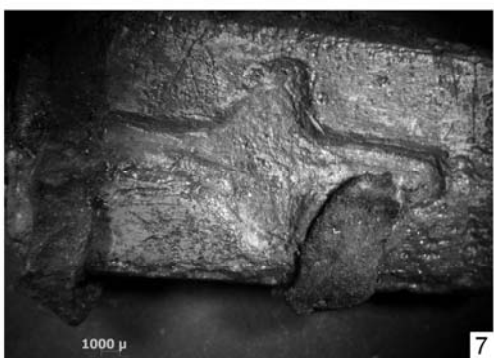
|

|

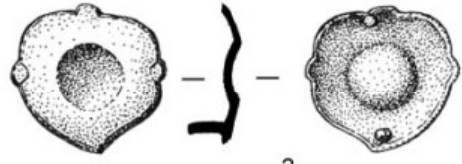

4

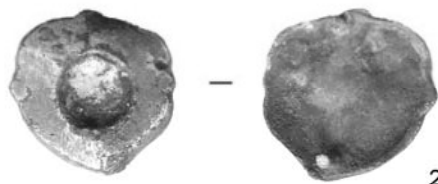

1000 μ

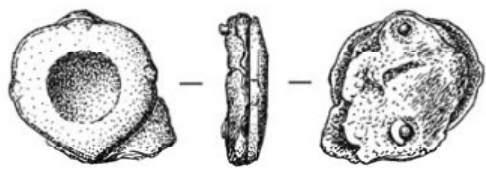
7

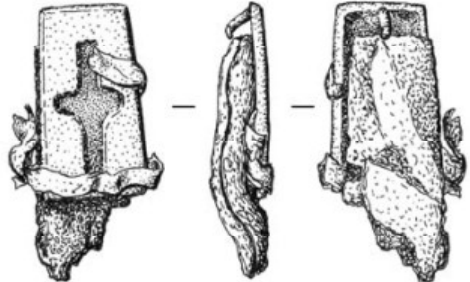
2

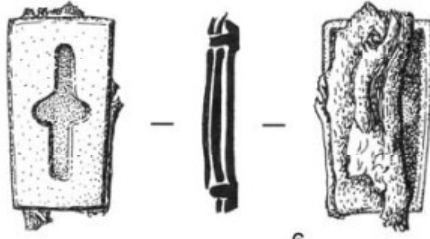
2a

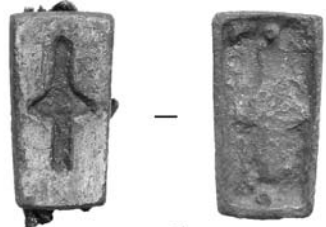
3

5

6

6a

Трапецевидные накладки с бортиком на обороте и орнаментом в виде углубленного креста входили в состав оголовья в количестве 3 экз., их размеры $1,2 \times 2,5$ см (DI T1S6a по классификации В. В. Новикова). Крепление выполнено в виде двух штифтов с заклепками, расположенных вдоль оси ремня (рис. 7, 5, 6). В. В. Мурашева относит эти накладки к классу III с (*Мурашева*, 2000. С. 30, рис. 34). Трапецевидные накладки – так же, как и пара сердцевидных, – имеют дополнительное крепление в виде пары тонких ремешков шириной 0,2 см. Для одной из прямоугольных накладок точно определяется место расположения – она примыкает к большой круглой накладке на пересечении налобного и нащечного ремней (рис. 3, 5).

Накладки отлиты в разъемных глиняных формах, полученных по оттиску готового изделия. Судя по совпадению размеров и мелких деталей, все три реплики были сделаны с одной модели (рис. 7, 6). На одном из экземпляров при большом увеличении видно, что при нанесении покрытия олово попало в углубленную часть орнамента, а затем было зачищено с помощью инструмента с заостренным краем – ножа или штихеля (рис. 7, 7) (табл. 3).

Таблица 3. Химический состав металла на лицевой и оборотной сторонах трапецевидной накладки № 290 (рис. 7, 6).

Table 3. Chemical composition of the metal on the obverse (a) and back (b) sides of the rectangular mount № 290.

ан. 23/24	Лицевая (а)	Оборотная (б)
Cu	94,87	93,31
Sn	0,6	0
Pb	4,05	5,45
Zn	0,47	1,18

Аналогичные накладки встречаются в материалах Владимирских курганов. В качестве близких им аналогий можно указать предметы из Танкеевки, Крюково-Кужновского могильника и Лагерева курганов (*Мурашева*, 2000. С. 30). Несмотря на то что эта группа накладок не имеет прямых аналогий на территории Венгрии, по стилистическим и технологическим особенностям она чрезвычайно близка к уздечным и поясным украшениям Карпатского бассейна.

Рис. 7. Погребение Ц-191/Авд-1976, оголовье коня:

1–4 – накладки сердцевидные на ремни; 5–6 – накладки трапецевидные на ремни; 7 – следы лужения в углубленной части орнамента накладки.

Fig. 7. Burial Ц-191/Авд-1976, horse bridle set:

1–4 – heart-shaped mounts for straps; 5–6 – trapezoid mounts for straps; 7 – traces of tinning in the recessed areas of the pattern on a mount.

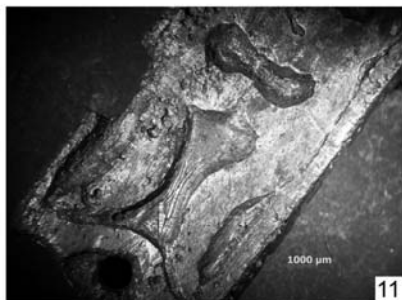
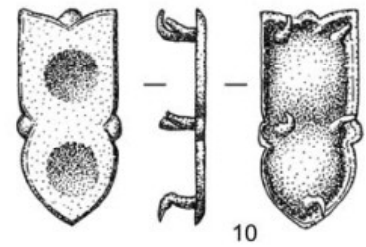
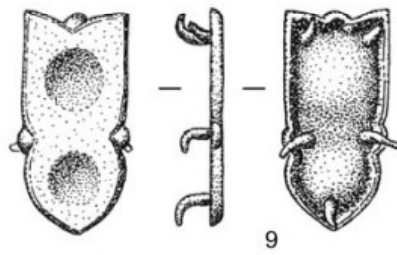
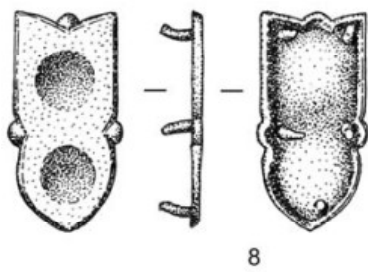
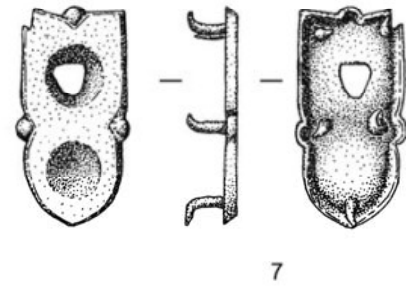
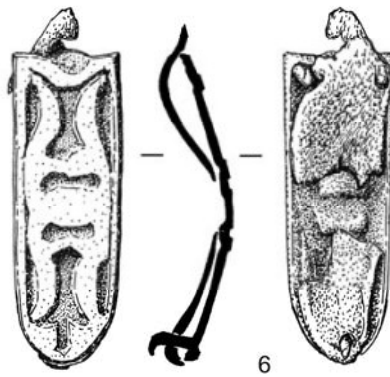
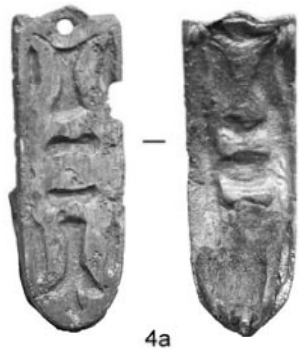
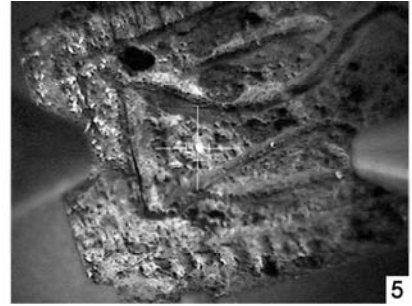
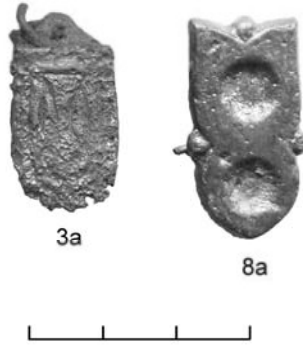
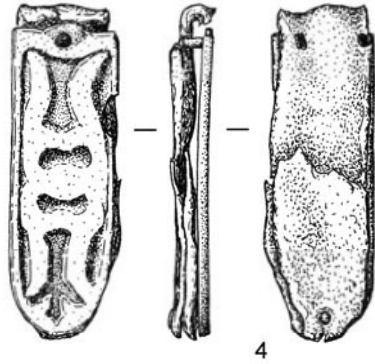
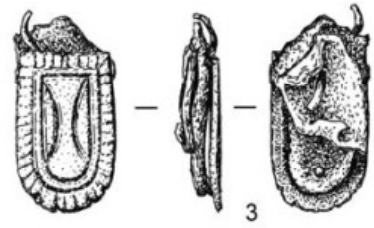
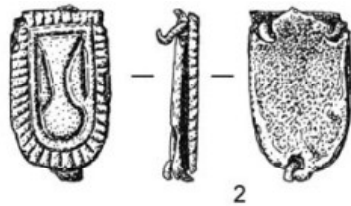
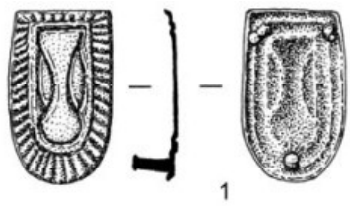
В состав оголовья входят по меньшей мере две группы наконечников ремней. Строго говоря, наконечники также являются декоративными накладками на ремни. Отличает их только удлиненная форма и преимущественное расположение на концах ремней, хотя накладки-наконечники могли размещаться и вдоль ремней в комплекте с другими накладками.

Полувальные наконечники ремней с простым геометрическим орнаментом – грибовидной фигурой и рифлением по краю были обнаружены в количестве 3 экз. (рис. 8, 1–3). Размер наконечника $1,4 \times 2,3$ см. Они крепились на ремне путем загибания трех длинных заостренных штифтов (DII T1S3f по классификации В. В. Новикова). В. В. Мурашева относит их к классу V 1E (*Мурашева*, 2000. С. 59–60). Электрохимическая очистка полностью уничтожила следы лужения на их поверхности. При большом увеличении видно, что это отливки плохого качества: декор в центральной части доработан вторично с помощью зубила (рис. 8, 5).

На территории Гнёздова аналогичные наконечники – также в количестве 3 экз. – были обнаружены в погребении по обряду трупосожжения № 96 Лесной группы (далее Л-96(110)/Сиз-1882)⁵ (*Ширинский*, 1999. С. 118; Рис. 26, III.96). В количестве 4 экз. они были найдены в погребении Л-80/Авд-1952 по обряду трупосожжения (*Авдусин*, 1957. С. 151, рис. 20). Аналогии за пределами Гнёздова обнаруживаются в материалах Танкеевского могильника (*Казаков*, 1971. С. 120, табл. XIX, 13) и на городище Прудники в Витебской области в Белоруссии (*Кенько*, 2012. С. 45). Место крепления коротких наконечников с рифлением точно не ясно, но на двух из трех видно закругленное завершение ремня, т. е. они крепились на его окончании. Вероятно, они могли быть частью налобного ремня.

Наконечники ремня удлиненной формы с фигурным краем и закругленным завершением, украшенные геометрическим симметричным

⁵ Лесная курганная группа, раскопки В. И. Сизова в 1882 г. Нумерация дана по сквозной нумерации из каталога С. С. Ширина.

орнаментом, углубленным фоном и позитивным рельефом на обороте, были обнаружены в количестве 2 экз. (ДП Т1S3а по классификации В. В. Новикова). Размер наконечника $1,4 \times 4,2$ см. Они крепились к ремню при помощи трех штифтов с заклепками. На одном из них верхние штифты обломаны, а вместо них просверлено отверстие, свидетельствующее о ремонте пояса (рис. 8, 4, 6). В. В. Мурашева относит их к классу XI 1Б (Мурашева, 2000. С. 63, рис. 94). На этих наконечниках хорошо различимы признаки обработки поверхности перед лужением и следы удаления олова из углублений, оставленных резцом (рис. 8, 11). В составе оголовья наконечники завершали налобный ремень после его пересечения с нашечным. Они также соединены с креплением подбородного ремня при помощи кожаной косички (рис. 3, 4). След от наконечника и косички зафиксирован на фрагменте ремня (рис. 3, 7). Аналогичные наконечники происходят из неизвестных комплексов Владимирских курганов (Там же. С. 63).

Последняя группа из 5 наконечников входила, согласно плану погребения, в состав поясного набора. Во всяком случае, эти накладки были найдены вместе с украшениями мужского пояса. Их месторасположение было реконструировано В. В. Мурашевой с двух сторон у двух разделительных колец и с одной стороны у третьего кольца (Там же. С. 75, рис. 112–113). Это вытянутые наконечники с фигурными сторонами с тремя каплевидными выступами и двумя круглыми вдавлениями, покрытые оловом, за исключением углублений (рис. 8, 7–10). Размер наконечников $3 \times 1,5$ см. Крепление осуществлялось при помощи 5 загнутых штифтов. В работе В. В. Мурашевой эти наконечники относятся к классу IV 1Б (Там же. С. 58–59, рис. 87).

Стилистически они имеют очевидное сходство с сердцевидными бляшками с каплевидными выступами, но отличаются более высоким качеством исполнения, хотя также имеют литейные дефекты. Очевидно, что все экземпляры отлиты по оттиску одной модели одновременно (рис. 8, 7–10). Три «хороших» отливки имеют толщину 1,5 мм, два экземпляра более тонкие (1 мм), круглые вдавления на них более плоские, а на последнем в серии наконечнике мы видим характерный литейный дефект – в виде отверстия недолива с неровными оплывшими краями (рис. 8, 12). Вероятно, остывший в тигле металл не заполнил полость литейной формы целиком. На обороте у каждого сохранилось по 5 тонких шпеньков с заостренным краем (диаметр 1,1 мм).

Бракованный наконечник был исследован металлографически. Шлиф изготовлен в угловой части изделия на поперечном срезе. Выявлена мелкодендритная структура металла, что свидетельствует о высокой скорости охлаждения металла при заливке в холодную форму (рис. 8, 13). Это заключение подтверждает предположение относительно образования недолива: охлажденный металл был залит в остывшую форму. При большем увеличении ($\times 500$) на фоне дендритов видны полосы скольжения; они свидетельствуют о незначительной холодной деформации, связанной с удалением литейных дефектов и подготовкой поверхности изделия к лужению.

Несмотря на очевидный изъян, мастер покрыл наконечник оловом, так же как и более удачные экземпляры. Вероятно, круглые вдавления должны были остаться медными, но на одном украшении мастер не зачистил олово в углублениях, что указывает на то, что и в других случаях первоначально лужение покрывало изделие целиком, но впоследствии вдавления

Рис. 8. Погребение Ц-191/Авд-1976, оголовье коня:

1–3 – наконечники ремней полуовальные; 4, 6 – наконечники ремней удлиненной формы; 5 – фиксация образца по отношению к рентгеновскому излучению, точка анализа металла на лицевой поверхности показывает, что в составе сплава нет олова – лужение не сохранилось или его не было изначально (табл. 1, 7), с помощью зубила мастер углублял нечеткие линии орнамента после отливки; 7–10 – наконечники ремней фигурной формы; 11 – крупные поясные наконечники с углубленным фоном, позитивным рельефом на обороте и оловянным покрытием; 12 – остатки лужения и риски от напильника на поверхности бракованного наконечника; 13 – мелкодендритная структура металла наконечника, свидетельствующая о литье в холодную изложницу без следов последующей деформации (анализ 2777, увеличение 100; ширина изображения 0,9 мм).

Fig. 8. Burial Ц-191/Авд-1976, horse bridle set:

1–3 – semi-oval strap tips; 4, 6 – elongated strap tips; 5 – fixation of the sample relative X-ray beam, the dot on face surface of the analyzed metal shows that composition of the alloy contains no tin – tin plating is not preserved or was originally absent (Table 1, 7); the artisan deepened the indistinct lines of the pattern using a chisel after casting; 7–10 – figured strap tips; 11 – large belt tips with a recessed background and positive relief on the back side and tin plating; 12 – remains of tinning and notches left by a file on the surface of a defective tip; 13 – fine-dendritic structure of the metal of the tip indicating that casting was made into a cold mould showing no traces of a subsequent deformation (analysis 2777, magnification 100; width of the image 0,9 mm).

тщательно зачищались для придания им сходства с позолоченным металлом.

Вышеуказанные замечания позволяют усомниться в первоначальном использовании наконечников в качестве поясных, поскольку они полностью вписываются в круг украшений уздечного набора. Однако место их расположения в составе набора не ясно. Позволим предположить себе их размещение на ремне повода.

Общее состояние найденного оголовья не позволяет сделать полную и однозначную реконструкцию. Однако отдельные элементы крепления ремней и расположения накладок дают основание предполагать, что она может выглядеть так, как показано на рис. 9. В составе оголовья не было обнаружено пряжек. Возможно, в качестве крепления выступало железное кольцо, найденное возле седла. Крепление подбородного ремня могло осуществляться при помощи кожного узла плетенки. Такая система крепления широко представлена в этнографических материалах (рис. 9).

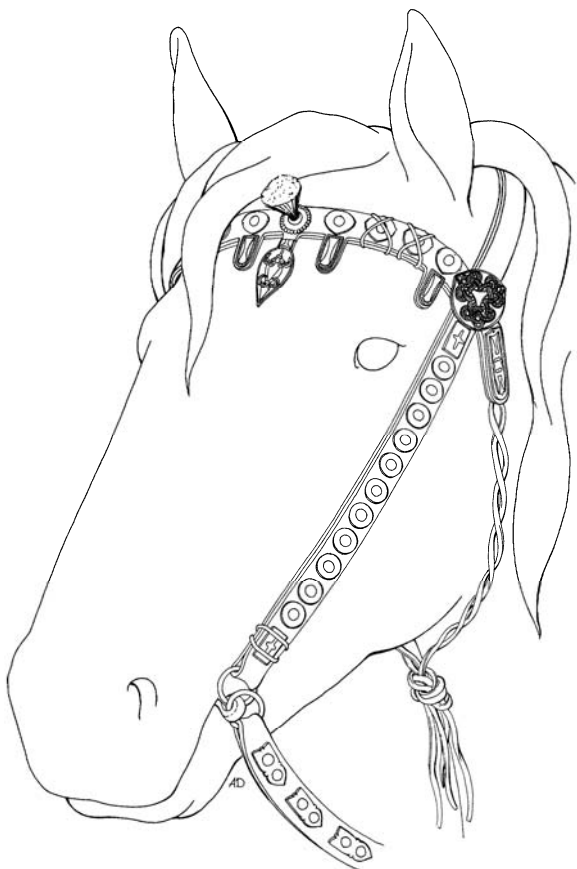

Рис. 9. Погребение Ц-191/Авд-1976, оголовье коня, реконструкция (рисунок А. Дементьевой).

Fig. 9. Burial Ц-191/Авд-1976, horse bridle set, reconstruction (drawing by A. Dement'eva).

Заключение. Снаряжение верхового коня из погребения Ц-191/Авд-1976 – прекрасный комплекс предметов, который отражает не только тенденции в развитии управления верховым конем во второй половине X в. на территории Древней Руси, но и является свидетельством художественных предпочтений в моде на металлические украшения. В этот период удила и стремяна имеют широкое распространение и типичны для территории Древней Руси и прилегающих регионов. Отсутствие в погребении шпор указывает на то, что в боевых столкновениях не было необходимости строгого управления конем. Шпоры более характерны для средневековой кавалерии европейского облика – организованного боевого подразделения, которое появляется не ранее второй половины XI в. (Михайлов, 1994. С. 71–74). Также это свидетельствует и в пользу преобладания «восточного» способа езды и управления при помощи шенкеля и плети (Киртичников, 1973. С. 57).

Несмотря на сложность реконструкции, можно говорить, что в это время повсеместно использовалось седло с деревянным основанием, состоящее из передних и задних луков и ленчика. Сверху седло полностью или частично могло быть покрыто кожей, а для удобства наездника могла использоваться войлочная подкладка или подушка. В качестве примеров такого седла могут служить находки из погребения 52 могильника I в Каросе и погребения из могильника Ицсак-Балашпуста в Венгрии (The Ancient Hungarians, 1996. P. 101, fig. 34; p. 319, fig. 4). Из близких аналогий с территории Древней Руси – находка передней луки седла из нижних пластов второй половины X – XI в. раскопа Троицкий-ХIII (2014 г.) в Новгороде Великом.⁵

Уздечный набор из погребения Ц-191 – прекрасный образец гибридных оголовий с территории Древней Руси, сочетающий в одном наборе накладки различного происхождения: скандинавские с орнаментом стиля Терслев; «южно-русские» кочевнические с растительным декором в виде пальметт и дериваты венгерских серебряных украшений с углубленным геометрическим рисунком. Три коротких ременных наконечника, вероятно, происходят из Волжской Болгарии. В оголовье верхового коня отразилось несколько важных и интересных деталей. Металлические элементы уздечного набора крепились как

⁵ Благодарю за предоставленную информацию В. К. Сингха.

заклепками, так и посредством обычного сгибания штифтов. Прошивания двойных ремней не зафиксировано. Отдельные накладки дополнительно прихватывались тонкими кожаными ремнями, которые были установлены в процессе монтажа уздечки.

Опираясь на результаты технологических наблюдений, можно восстановить последовательность операций, общих для изготовления уздечных аксессуаров погребения Ц-191. Все они произведены с помощью литья в одноразовых разъемных глиняных формах. Реконструкция процесса получения формы в большинстве случаев невозможна без первоначальной «восковой» стадии. Однако на последующих этапах негативное изображение в полости изложницы получено посредством оттиска многоцветной модели (воск, рог, камень, металлический штамп или украшение, находящееся в употреблении). На второй створке формы отпечатывался негатив оборотной стороны модели, углубления для штифтов прокалывались тонким шильцем или проволокой нужного диаметра. Эта техника открывала возможность получения больших серий одинаковых накладок, особенно в том случае, когда в одной форме отливали несколько бляшек, объединенных общим литником.

Механическое копирование существующих украшений неизбежно приводило к деградации орнамента и ухудшению качества реплик. За исключением подвесной листовидной бляхи, все ременные накладки и наконечники сбруи из погребения относятся к изделиям невысокого качества, а некоторые экземпляры можно отнести к неудачным и бракованным отливкам.

Завершающие этапы изготовления были направлены на удаление литейных швов, литников, проработку орнамента с помощью зубильцев и резцов, зачистку и выравнивание поверхности, ее подготовке для нанесения оловянного покрытия. Лужение предотвращало металл от быстрого окисления, грозившего украшениям из меди с низким содержанием легирующих компонентов. Но главная цель мастера состояла, безусловно, в получении серебристой поверхности, имитирующей драгоценный металл. Практически все уздечные накладки и наконечники из погребения Ц-191, включая изделия с явным браком, сохранили следы лужения. Для достижения большего сходства с венгерскими образ-

цами из углубленных частей орнамента удаляли оловянное покрытие. После полировки таких участков круглые и сердцевидные накладки, а также некоторые виды ременных наконечников из гнёздовского набора приобретали желаемое сходство с серебрением и позолотой. Все технологические операции, связанные с литьем ременной гарнитуры, были направлены на получение больших серий украшений, легко воспроизводимых там, где использовались декорированные накладки пояса и узды. Такая техника, зародившись в определенном месте, могла применяться не в одной, а в нескольких мастерских, значительно удаленных друг от друга. Многие литейщики выпускали продукцию только на основе копирования украшений, попавших к ним различными путями.

Несмотря на морфологические и стилистические различия, характерные для украшений уздечки, практически все они объединены единым технологическим «почерком» изготовившего их мастера. Это ощущение трудно документировать из-за ограниченных возможностей фотофиксации находок, первоначальная поверхность которых плохо сохранилась из-за коррозии и «жесткой» очистки. Однако можно уловить такие детали, как способ срезания литника, смещение модели при копировании в глину и стремление вылить весь металл из тигля, даже если это приводит к браку. Одинаковое расположение штифтов на сериях однотипных накладок, вариации диаметров и длины также указывают на их изготовление для крепления на определенных участках кожаных ремешков одной уздечки. Невозможно не заметить, что беспорядочные «зачесы» напильника оставлены одной рукой при подготовке поверхности к лужению. Вполне вероятно, что, за исключением листовидной бляхи оголовья, остальные элементы декора выполнены одним мастером, копировавшим престижные серебряные украшения. Своеобразие химического состава металла, характерного для этого набора, является дополнительным аргументом в пользу этой гипотезы (Приложение I). Нельзя исключить, что уздечка вместе с украшениями произведена в гнёздовской мастерской по заказу ее владельца. Об этом свидетельствует, прежде всего, состав металла: только в Гнёздове обнаружено значительное число поясных и уздечных аксессуаров, отлитых из меди с низким содер-

жанием лигатур. Прямые свидетельства производства ременной гарнитуры в местных мастерских не были известны до начала раскопок в пойменной части селища. В последнее десятилетие здесь обнаружены остатки долговременных кузнечно-ювелирных мастерских, выпускавших среди прочей продукции и сердцевидные бляшки с каплевидными выступами. На это указывает находка пиррофиллитовой модели для оттиска в глиняную форму, а также никогда не использовавшиеся накладки (Мурашева и др., 2007. С. 67–68, рис. 35, 12; 33, 2).

Ю. Э. Жарнов в работе о погребальном обряде гнёздовского могильника приходит к выводу о том, что появление камерных погребений в Верхнем Поднепровье может быть отнесено ко второй половине X в. (Жарнов, 1992. С. 134–135). Датировка удил и стремян из погребения Ц-191 не противоречит этому заключению. Подвеска-бубенец из набора относится к кругу древностей, датируемых второй половиной X–началом XI в. В этот период военная элита Древней Руси активно заимствует предметы вооружения, снаряжение коня и моду на носшие всаднических элементов одежды, благодаря торговым и политическим контактам с кочевниками Восточной и Центральной Европы (Mikhailov, Kainov, 2011. P. 241–242).

- Авдусин, 1957 – Авдусин Д. А. Отчет о раскопках Гнездовских курганов (в 1950 и 1952–1955 гг.) // Материалы исследований Смоленской области. Смоленск, 1957. Вып. 2.
- Авдусин, 1989 – Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН, д. Р-1, № 14736. М., 1988
- Авдусин и др., 1976 – Авдусин Д. А., Асташова Н. И., Пушкина Т. А. Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова в 1976 году М., 1976. // Архив ИА РАН, ф-1, № Р-1 6150.
- Андреева, 1980 – Андреева Е. Г. Остеологический материал из Гнездова // СА. М., 1980. № 1.
- Армарчук, 2006 – Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII в. М., 2006.
- Бліфельд, 1977 – Бліфельд Д. А. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- Блохин, 2013 – Блохин В. Г. Огузы // Археологическое наследие Волгоградской области. Волгоград, 2013.
- Бонев, Дончева, 2011 – Бонев С., Дончева С. Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. Велико Търново, 2011.
- Валиулина, Храмченкова, 2001 – Валиулина С. И., Храмченкова Р. Х. Химический состав изделий из цветного металла Больше-Тиганского могильника // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.
- Галибин, 1990 – Галибин В. А. Древние сплавы на медной основе (основные принципы интерпретации) // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Ениосова, 1999 – Ениосова Н. В. Ювелирное производство Гнездова (по материалам курганов и поселения): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- Ениосова и др., 2008 – Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008.
- Жарнов, 1992 – Жарнов Ю. Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Зайцева, 2010 – Зайцева И. Е. Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XIV веках: Новые археологические исследования. М., 2010.
- Зорин и др., 2008 – Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Штлев А. Г., Щеглова О. А. Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в. Курск, 2008.
- Казаков, 1971 – Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Казаков, 1991 – Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков в низовьях Камы. Казань, 1991.
- Казаков, 2001 – Казаков Е. П. О некоторых группах деталей поясного набора Волжских Болгар IX–XI вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Самара, 2001. Т. 2.
- Кенько, 2012 – Кенько П. М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.): Свод археологических источников. Минск, 2012.
- Киртичников, 1973 – Киртичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973 (САИ; Вып. Е1–36).
- Конькова, 2006 – Конькова Л. В. Химико-технологическое исследование деталей конской сбруи из могильников X–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья // Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. Приложение 2. М., 2006.
- Конькова, 2008 – Конькова Л. В. Тюхтятский клад: технология изготовления и состав цветного металла ременных украшений // Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. Приложение 8. М.; Кемерово, 2008.
- Кубышев, Орлов, 1982 – Кубышев А. И., Орлов Р. С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. 1982. № 1.
- Михайлов, 1994 – Михайлов К. А. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Новгород, 26–28 января 1994 г.). Новгород, 1994. Вып. 8.
- Моця и др., 2007 – Моця О., Коваленко В., Осадчий Е., Ситий Ю. Нова камерна гробниця з Шестовиці // Археологічні дослідження в Україні 2005 – 2007. Київ, 2007.
- Мурашева, 2000 – Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения X–XIII вв. М., 2000.
- Мурашева и др., 2007 – Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово: Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007.
- Новиков, 2009а – Новиков В. В. Уздечные наборы на территории Древней Руси в 9–11 вв. (по материалам погребений и поселений): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Новиков, 2009б – Новиков В. В. Уздечный набор из раскопок С. И. Сергеева в Гнездово // РА. 2009. № 2.
- Орлов Н., 1955 – Орлов Н. С. Сопки Волховского типа около Старой Ладogi (из материалов Староладогской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.) // СА. 1955. № 22.
- Орлов, 1984 – Орлов Р. С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X–XI ст. // Археологія. Київ, 1984. Вип. 47.

- Плетньов, Павлова*, 2000 – *Плетньов В., Павлова В.* Раннесредновековни ремъчни апликации във Варненския археологически музей // Известия на народния музей ВАРНА, книга 30–31 (45–46) 1994–1995. Варна, 2000.
- Путь из варяг в греки..., 1996 – Путь из варяг в греки и из грек... // Каталог выставки ГИМ. М., 1996.
- Равич*, 1983 – *Равич И. Г.* Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. М., 1983. № 8 (38).
- Сапрыкина и др.*, 2010 – *Сапрыкина И., Митоян Р., Никитина Т., Зеленцова О.* Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII–начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VIII. Piliscsaba, 2010.
- Стицын*, 1905 – *Стицын А. А.* Владимирские курганы // ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.
- Цалкин*, 1956 – *Цалкин В. И.* Материалы по истории скотоводства и охоты в древней Руси. М., 1956 (МИА; № 51).
- Ширинский*, 1999 – *Ширинский С. С.* Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнездово в 1881–1901 гг. // Гнездовский могильник: Археологические раскопки 1874–1901 гг. Ч. 1 (по материалам ГИМ). М., 1999 (Труды ГИМ; Вып. XXXVI).
- Armbruster*, 2002 – *Armbruster B.* Goldschmiede in Haithabu – Ein Beitrag zum frümittelalterlichen Metallhandwerk // Das archäologische Fundmaterial VII. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Neumünster, 2002. Bericht 34.
- Cronin*, 1990 – *Cronin J.* The elements of archaeological conservation. London, 1990.
- Eilbracht*, 1999 – *Eilbracht H.* Filigran-Und Granulationkunst im Wikingerischen Norden Untersuchungen zum Transfer Frühmittelalterlicher Gold- und Silberschmiedetechniken zwischen dem Kontinent und Nordeuropa // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Köln; Bonn, 1999. Beiheft 11.
- Eniosova, Murasheva*, 1999 – *Eniosova N., Murasheva, V.* Manufacturing techniques of belt and harness fittings of the 10th century AD // Journal of Archaeological Science. 1999. Vol. 26.
- Fettich*, 1937 – *Fettich N.* Die Metallkunst del Landnehmenden Ungarn // Acta Archaeologica Hungaricae. Budapest, 1937. Vol. 21.
- Greiff*, 2012 – *Greiff S.* Silver grave goods from early Hungarian contexts: technological implications of debased alloy composition with zinc, tin and lead // Die Archäologie der Frühnen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. Internationaler Workshop des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften und des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 2012. Bd 17.
- Inkova*, 2012 – *Inkova M.* A contribution to the problem of producing the Old Bulgarian belt fittings from the 10th century // Die Archäologie der Frühnen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. Internationaler Workshop des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften und des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 2012. Bd 17.
- Jorgensen*, 2003 – *Jorgensen L.* Manor and market at lake Tissø in the sixth to eleventh centuries: the Danish ‘productive’ sites // Markets in Early Medieval Europe. Trading and ‘Productive’ Sites, 650–850. London, 2003.
- Mikhailov, Kainov*, 2011 – *Mikhailov K. A., Kainov S. Yu.* Finds of structural details of composite bows from Ancient Rus’ // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 2011. Vol. 62.
- Nepper*, 1996 – *Nepper I.* Costume // The Ancient Hungarians. Budapest, 1996.
- Nevizánsky, Košta*, 2012 – *Nevizánsky G., Košta J.* Die Ausgrabung eines Frühungarischen Reitergräberfeldes in Streda nad Bodrogom (Okr. Trebišov/SK) in den Jahren 1926 und 1937 // Die Archäologie der Frühnen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. Internationaler Workshop des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften und des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 2012. Bd 17.
- Révész*, 1996 – *Révész L.* The archaeological heritage of the ancient Hungarians // The Ancient Hungarians. Budapest, 1996.
- Riederer*, 1984 – *Riederer J.* Metallanalysen römischer Bronzen // Toreutik und figürliche Bronzen römischer Zeit. Berlin, 1984.
- Szegedy*, 1960 – *Szegedy E.* Beiträge zur Metalltechnik der IX–XI Jahrhundert in Ungarn // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1960. Vol. 12.
- The Ancient Hungarians..., 1996 – The Ancient Hungarians: Exhibition catalogue. Budapest, 1996.

**Harness set of a saddle horse from burial II-191
of the second half of the 10th century from Gnezdovo:
results of an interdisciplinary research**

V. V. Novikov, N. V. Eniosova

In 1976, D.A. Avdusin excavated a barrow in the central kurgan group of the Gnezdovo archaeological complex. The barrow contained a chamber burial (II-191/Avd-1976) with an inhumation rite. The kurgan was 100 cm high with the diameter of 1000 cm. The chamber measuring 225 × 273 cm was 115 cm deep from the virgin soil level. It was faced with wood around its perimeter. In the northern part of the chamber was found a male skeleton oriented with the head to the north. The interred was initially in a sitting position. The assemblage of grave goods included a belt set, a bag, a spear, a war flail, an axe, a brooch, a fire-steel, a bone point. In the

southern section of the chamber, a horse skeleton was uncovered. The horse was lying on the right side with the head to the east, its legs were slightly bent. The individual was a young stallion aged 6–7 years. It was 142 cm high in the withers. The outfit of the horse from burial II-191 included a wooden saddle upholstered with leather, a pair of stirrups, bit and a rich bridle set.

The bridle was intentionally torn so that it is impossible to reconstruct it completely. Some mounts of the bridle set were found among the mounts of the man’s belt. The preserved straps suggest that the bridle consisted of cheek-piece, occipital, forehead

and chin straps. The straps were double with the width of 1,6–1,8 cm and 0,3–0,4 cm.

The bridle set included 23 round mounts with an impression in the centre, seven heart-shaped mounts with an impression in the centre, three demi-oval ones with a geometric design, three rectangular mounts with a cross, five figured plaques with two impressions, one round mount with a hole for a horse-hair tassel, two strap-ends, two round strap dividers and a tear-shaped pendant bell. The mounts were fabricated from a copper alloy and

tinned. The bridle set from burial Ц-191 is an excellent example of hybrid bridles from Old Rus regions combining in a single set mounts of different provenance: Scandinavian ones with a decoration in the Terslev style, South-Russian nomadic mounts with a plant decoration in the form of palmettes and derivatives of the Hungarian silver ornaments with impressed geometric design. Three short strap tips possibly come from Volga Bulgaria.

This assemblage is dated to the second half of the 10th century.

Техника изготовления и химический состав металла уздечных украшений из камерного погребения Ц-191

Н. В. Енисова

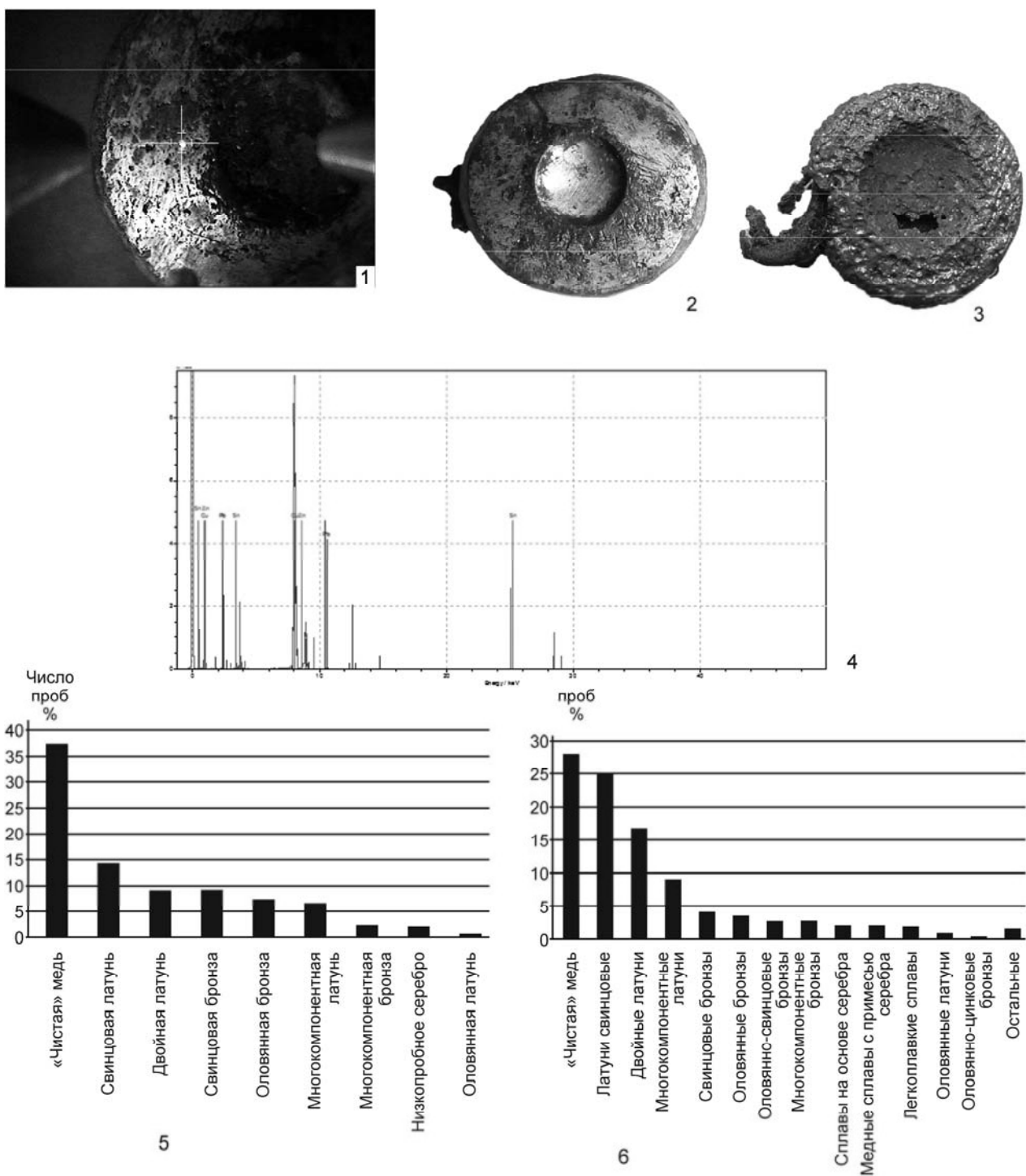
Методика исследования. Исследование техники изготовления и химического состава металла 45 находок из погребения Ц-191, относящихся к уздечной гарнитуре, было проведено на кафедре археологии исторического факультета МГУ. Определения концентраций элементов в 33 пробах (23 предмета) выполнены на стационарном оборудовании ArtTAX-BRUKER AXS с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором с помощью неразрушающего рентгено-флюоресцентного энергодисперсного метода (РФА). Измерения проводились в течение 180 секунд для каждого образца при электрическом напряжении в 40 kV и силе тока в 700 μ A. Исследованию подвергалась поверхность площадью 0,2 мм (диаметр коллиматора). Положение образца по отношению к рентгеновскому излучению фиксировалось с помощью лазерного луча. Результаты представлены в виде рентгеновских спектров (рис. 10, 1, 4).

Микроскопическая площадь облучения образца дает возможность изучать отдельные конструктивные детали предметов и определять природу покрытий и инкрустаций (лужение, позолота, чернь и др.). Специальная программа позволяет идентифицировать пики, соответствующие химическим элементам сплава. Их аналитическая интенсивность определялась на основе сравнения состава стандартных образцов с содержанием элементов в исследуемом предмете (Енисова и др., 2008. С. 114–120). Оценивая точность полученных результатов, следует помнить, что РФА имеет определенный предел чувствительности: для меди, свинца, висмута, золота и цинка лимит обнаружения составляет 0,05 %, для олова он не превышает 0,1 %. Кроме того, измерения проводятся в поверхностном слое археологических объектов, затронутом коррозией. Как показывают исследования, в коррозионных отложениях на поверхности изделий из меди и ее сплавов аккумулируются такие элементы, как свинец и железо. Они могут входить в состав сплава в качестве основных ком-

понентов или элементов-примесей, а также присутствовать в почвенных загрязнениях, но в очищенном металле их концентрация будет значительно ниже (Cronin, 1990. P. 162).

Следует отметить, что в 70-е гг. прошлого века часть уздечных и поясных украшений была подвергнута электрохимической очистке, полностью уничтожившей продукты коррозии и оловянное покрытие на лицевой поверхности изделий. Некоторые накладки были закреплены на коже с помощью органического клея БФ-6. Более щадящий метод (гексометафосфат натрия или соль Грэма и механическая очистка) использован автором в начале 90-х гг. для консервации металлических деталей, соединенных с кожными ремешками. В этом случае удалось выявить и сохранить серебристую луженую поверхность ременных накладок и наконечников (рис. 10, 2, 3). На финальной стадии консервации в обоих случаях использовали защитное покрытие – акриловый лак, в состав которого входят неорганические пигменты (свинец, титан и др.), несомненно, влияющие на конечный результат исследования химического состава металла.

Результаты «точечных» измерений зависят также от неоднородной структуры сплавов: в литых бронзах и латунях мы наблюдаем значительные расхождения содержаний олова и цинка, если измерения проводятся на различных участках поверхности образца. Дендритная ликвация, характерная для этих сплавов, вызывает появление различных фаз в структуре металла – одни обогащены медью, другие оловом или цинком. Неоднородность сплава объясняется также ликвацией свинца – он не растворяется в металле, а выделяется в виде округлых включений различного диаметра, вызывая появление участков, обогащенных свинцом (Равич, 1983. С. 138). Однако, несмотря на все сложности и ограничения, РФА дает нам возможность быстро и эффективно исследовать археологические находки без ущерба для их состояния.

Рис. 10. Погребение Ц-191/Авд-1976. Химический состав металла уздечных украшений:

1 – фиксация образца по отношению к рентгеновскому излучению; 2 – поверхность уздечных накладок после электрохимической очистки; 3 – поверхность уздечных накладок после консервации в 10 % растворе соли Грэма; 4 – рентгеновский спектр, полученный в результате определения элементного состава; 5 – распределение гнездовской ременной гарнитуры по типам сплавов (117 образцов); 6 – процентное соотношение сплавов в гнездовской выборке (342 образца).

Fig. 10. Burial II-191/Avd-1976. Chemical composition of metal of bridle ornaments:

1 – fixation of the sample relative X-ray beam; 2 – surface of bridle mounts after electrochemical cleaning; 3 – surface of bridle mounts after conservation in 10 % solution of Graham's salt; 4 – X-ray spectrum obtained for identification of the element composition; 5 – distribution of Gnezdovo belt fittings in terms of types of alloys (117 specimens); 6 – percent ratio of alloys in the Gnezdovo sample (342 specimens).

Результаты анализа химического состава металла. В число исследованных образцов вошли практически все виды уздечных накладок и ременных наконечников, листовидная и круглые решмы, а также несколько бляшек и наконечник ремня, украшавшие пояс из камерного погребения Ц-191. Результаты анализа 33 проб представлены в виде таблицы (табл. 2). Во всех случаях удалось определить четыре элемента – медь, олово, свинец и цинк. В пяти образцах установлена микропримесь железа. Вероятно, в составе металла содержатся в невысокой концентрации и другие элементы, но порог чувствительности метода препятствует их фиксации. Все пробы можно отнести к сплавам на основе меди, в качестве легирующих добавок использованы цинк и свинец в различных концентрациях. За условную границу искусственного легирования принят 1 % порог содержания элементов (Riederer, 1984. S. 220–221; Галибин, 1990. С. 177).

По формальному принципу выборку можно разделить на две группы – свинцовую бронзу (Cu-Pb) и свинцовую латунь (Cu-Zn-Pb). Содержание основного компонента сплава варьирует от 91 до 99 %, цинк обнаружен в концентрациях от 0,25 до 2,44 %, а свинец – от 0,86 до 16,22 %. Однако, оценивая соотношение меди, цинка и свинца в образцах, нельзя не заметить, что практически во всех случаях использовали однородный металл – медь с невысокой концентрацией цинка и свинца. Вариации содержания трех элементов зависят, в первую очередь, от ограничений метода РФА – невозможности достичь идеально ровной полностью очищенной поверхности без разрушения образца. Гетерогенность структуры металла существенно влияет на разницу в содержании легирующих элементов. Трудно представить также, что мастер, отливавший накладки, мог контролировать вариации в содержании цинка и свинца, не превышавшие в большинстве случаев 1–3 %. Положительная корреляция между медью, свинцом и цинком показывает, что три компонента попали в сплав вместе. Очевидно, что в процессе получения латуни использовали медь, загрязненную свинцом при выплавке из рудного источника (Ениосова и др., 2008. С. 145).

На лицевой поверхности 12 образцов обнаружено олово, в концентрациях, не превышающих 1 %. В тех случаях, когда измерения проводились с обеих сторон украшения, олово на

обороте не фиксировалось и, следовательно, в состав сплава не входило (табл. 2).

Возможности РФА не позволяют судить о первоначальном составе оловянного покрытия и его толщине: оно подверглось коррозии и частично уничтожено в процессе расчистки. Однако в большинстве случаев высокая концентрация свинца зафиксирована в образцах, на лицевой поверхности которых сохранилось оловянное покрытие. Вероятно, в состав полуды наряду с оловом входил и свинец (табл. 2, пробы 8, 18, 19, 25, 29 и 32). Из шести исследованных предметов, относящихся к украшениям пояса, обнаруженного в том же кургане, следы олова на лицевой поверхности сохранил только ременный наконечник (табл. 2, 8, 9). На поясных накладках и кольце лужение не зафиксировано (табл. 2, 10–13).

Детали поясной и уздечной гарнитуры составляют значительную часть исследованной ранее гнёздовской выборки, включающей 342 образца. Распределение 117 проб металла ременных украшений по типам сплавов показывает, что «чистая» медь была наиболее популярным металлом для их изготовления. Вторая по величине группа – свинцовые латуни, значительная часть проб относится к свинцовым бронзам (рис. 10, 5).

Концентрация легирующих компонентов в составе «чистой» меди и свинцовой латуни чаще всего не превышает 10 %, а в большинстве случаев содержание цинка и свинца составляет 1–2 % (Eniosova, Murashova, 1999. P. 1099). Таким образом, результаты, полученные для находок из погребения Ц-191, согласуются с выводом о том, что медь с низким содержанием олова, свинца и цинка была основным материалом для гнёздовской ременной гарнитуры. Вероятно, производство большинства украшений узды и пояса – тонких отливок невысокого качества с нечетким орнаментом и низким рельефом не нуждалось в особой рецептуре сплава, а использование многократно переплавленного лома металлических изделий было обычной практикой.

Оценивая процентное соотношение сплавов в 342 образцах из Гнёздова, мы видим, что «чистая» медь и свинцовая латунь абсолютно доминируют и в этой выборке (рис. 10, 6).

В группе свинцовых латуней, занимающей ее четвертую часть, представлены преимущественно сплавы с низкой и средней концентрацией цинка (до 10 %), что свидетельствует о много-

кратных переплавках латунного лома. Из свинцовой латуни изготовлены помимо ременной гарнитуры фибулы, подвески, височные кольца, браслеты и другие украшения. Значительное число находок относится к сырьевому металлу – слиткам, проволоке и отходам литейного производства из культурного слоя Гнёздовского городища и селищ (Енисосова, 1999. С. 63–66). Обобщая приведенные выше данные, можно заключить, что для производства уздечных украшений из погребения Ц-191 использовали однотипный сплав, характерный как для гнёздовской ременной гарнитуры, так и для сырьевой базы местных ювелиров в целом.

В настоящее время накоплена обширная информация о химическом составе металла ременных украшений, имеющих морфологическое и стилистическое сходство с находками из Гнёздова. В этот круг входят материалы памятников Волжской Болгарии, Среднего Поволжья, Саяно-Алтая, Среднего Поднепровья, Северо-Восточного Причерноморья и Центральной и Южной Европы. Сравнительный анализ этих данных позволяет оценить своеобразие гнёздовской выборки и получить дополнительные аргументы в пользу гипотезы о производстве сбруйных украшений в местных мастерских.

Во второй половине X–начале XI столетий Волжская Болгария была одним из центров производства поясных и уздечных накладок (Казаков, 1991. С. 159–161). Сравнение металла гнёздовских украшений ремня и сбруи с образцами из Волжской Болгарии показывает, что большая часть изделий с ее территории отлита из свинцово-оловянных бронз и многокомпонентных сплавов. Процентное содержание олова, цинка и свинца в болгарских образцах значительно выше, чем в гнёздовских (Зайцева, 2010. С. 120–133). Поясные накладки могильников Среднего Поволжья (Крюково-Кужновский, Нижняя Стрелка, Дубовский) изготовлены преимущественно из оловянных и высокооловянных бронз со средним и высоким содержанием олова (Сапрыкина и др., 2010. С. 321). Нельзя исключить, что и в этом регионе работали мастера, выпускающие огромные серии литых накладок и наконечников ремней.

Исследование более 100 ременных украшений, входящих в состав Тюхтяского клада из Минусинского края, показывает, что для серийных изделий Саяно-Алтая характерны свинцово-оловянные бронзы со средним содержанием

олова и свинца, а накладки с декоративной композицией «личиной» изготовлены из двойных, свинцовых и многокомпонентных латуней с относительно высоким содержанием цинка (Конькова, 2008. С. 301–311).

Опубликованные данные по химическому составу металла предметов конского снаряжения Северо-Восточного Причерноморья X–XIII вв. свидетельствуют, что нелигированную медь использовали для производства кованых украшений. Литые предметы изготовлены из свинцово-оловянной бронзы, многокомпонентной латуни и низкопробного серебра. Примечательно, что наиболее популярный сплав – трехкомпонентная бронза содержал олово и свинец в пределах 1–2 % (Конькова, 2006. С. 122–126). Вероятно, для отливки сбруйных украшений в местных мастерских широко использовали лом с низкой концентрацией легирующих компонентов. Так же как и в Гнёздове, ювелиры Северо-Восточного Причерноморья в большинстве случаев не создавали сплав с определенными свойствами, а пользовались тем, что было под рукой.

Уздечные и поясные накладки и наконечники ремней из раскопок могильников X в., оставленных ранними венграми на территории Венгрии, Словакии, Румынии и Австрии, имеют общие морфологические и стилистические черты с украшениями сбруи из гнёздовского погребения Ц-191. Однако находки из Верхнего Поднепровья и Центральной Европы существенно разнятся по составу металла, использованного для их производства. В отличие от гнёздовских образцов, выполненных из сплавов меди с низким содержанием легирующих компонентов, венгерские уздечные украшения отлиты из серебра различной пробы, разбавленного медью или латунным ломом. Как правило, это изделия высокого качества, декорированные позолотой (Greiff, 2012. P. 241–260; Nevizánsky, Košta, 2012. S. 132–139; Szegedy, 1960. S. 324). Схожий состав металла – серебро, легированное латунию, зафиксирован при изучении поясных накладок из ранневенгерского Больше-Тиганского могильника IX–X вв. в Поволжье. Для этих изделий также характерна позолота (Валиулина, Храмченкова, 2001. С. 264–279). Венгерская ювелирная традиция, по мнению Р. С. Орлова, существенно повлияла на сложение среднеднепровской школы художественной металлообработки. Уздечные накладки,

обнаруженные в курганах Чернигова, Шестовицы и Седнева, имеют параллели в материалах венгерских могильников X в. и схожи с ними по химическому составу – они отлиты из серебра невысокой пробы или медного сплава, содержащего не более 30 % серебра (*Орлов, 1984. С. 42–43*).

Поясные и сбруйные украшения «венгерского типа» встречаются также в Нижнем Подунавье. Болгарские исследователи полагают, что они появились в этом регионе благодаря контактам с мадьярами в X в. Незаконченные изделия и металлические модели для оттиска в глиняные формы, обнаруженные в последнее десятилетие на памятниках в округе Великого Преслава (Надарево, Новосел и Златар), свидетельствуют о местных центрах производства ременной гарнитуры (*Inkova, 2012. Р. 277–278*). В отличие от венгерских образцов, они выполнены преимущественно из медных сплавов. Доля изделий из «чистой» меди и меди с невысоким содержанием лигатур занимает четвертую часть выборки. Приблизительно треть образцов относится к свинцовой бронзе. Среди проб

представлены также латуни и бронзы со средним содержанием сплавобразующих элементов: свинцово-оловянные бронзы, многокомпонентные и мышьяковые сплавы. Нет сомнений, что у ювелиров, отливавших ременные накладки на территории Дунайской Болгарии, были собственные источники сырья. В производстве украшений сбруи и пояса они, так же как и в Верхнем Поднепровье, чаще всего использовали многократно переплавленный лом. В целом гнёздовскую и нижнедунайскую выборки сближают два общих момента – широкое употребление низколегированного медного сырья и лужение, следы которого сохранили 80% накладок, исследованных в Болгарии. Конечно, было бы преувеличением говорить о контактах или миграциях мастеров из Нижнего Подунавья в Верхнее Поднепровье, основываясь на некотором сходстве технологических традиций. Стремление использовать относительно дешевые доступные сплавы, а также имитировать более дорогой металл характерно для многих производственных центров, выпускавших массовые серии однотипных вещей (*Ibid. Р. 280–286*).

Результаты анализа органических
остатков седла из камерного погребения Ц-191

О. В. Орфинская⁶

Образец 1 (полевая опись № 294).

Фрагмент кожи с подогнутым краем и проколами от иглы.

На внутренней стороне (со стороны мездры) кожи, толщиной 0,5 мм, фиксируются остатки сильно деструктурированной ткани. Микроскопические исследования показали, что это была шерстяная ткань.

Образец 2 (полевая опись № 294).

Многослойные фрагменты ткани. На одном – отпечаток, близкий к круглой форме, на второй – по дуге.

Ткань шерстяная саржевого (2:2) переплетения.

Основа – шерсть коричневая, Z крутка средняя, толщина 0,3–0,4 мм.

Уток – шерсть коричневая, Z крутка слабая, толщина 0,4–0,5 мм.

Плотность ткани: 12/10 н/см.

Образец 3 (полевая опись № 294).

Фрагменты шнуров, скрученных из конского волоса.

Из шнуров, вероятно, была сплетена тесьма шириной около 2 см.

Выделяются шнуры с Z-круткой, состоящие из двух «нитей», каждая имеет S-крутку. Общая крутка – Z_{2s}. Диаметр шнура около 0,8 мм. Шнуры были плотно прижаты к некоему, вероятно, текстильному материалу, который сейчас представлен продуктами жизнедеятельности насекомых, корешками и почвой.

Образец 4 (полевая опись № 324).

Фрагмент изделия из кожи. Толщина кожи 1,3–1,5 мм. По краю (срез) видны сквозные проколы. На изнаночной стороне (со стороны мезд-

ры) сохранился участок, где видны отдельные нити. Переплетение полотняное.

В микропрепаратах видны волокна шерсти и единичные волокна шелка (возможно, загрязнения образца). На внешней стороне кожи следов текстиля не обнаружено.

Ткань шерстяная полотняного переплетения. Остальные характеристики не определяются.

Образец 5 (полевая опись № 329).

Фрагменты войлока.

Тонкий (0,5 см) слой войлока.

На коричневом войлоке фиксируются пятна с войлоком зеленого цвета, возможно, это результат пропитки шерстяных волокон продуктами разрушения медьсодержащего предмета.

Войлок состоит из пуховых, полуостевых и небольшого количества остевых волокон.

Под этими номерами представлены фрагменты:

- из трех слоев: кожа, войлок и кожа. Верхний слой – это один или два слоя очень тонкой (менее 1 мм) кожи, нижний слой – сильно загрязненная кожа;
- из одного или двух слоев кожи;
- фрагмент ткани;
- фрагмент кожи с остатками ткани на внешней стороне;
- фрагмент кожи и меха.

Образец 6 (полевая опись № 291, 269, 328).

Под этими номерами представлены фрагменты:

- из трех слоев: кожа, войлок и кожа. Верхний слой – это один или два слоя очень тонкой (менее 1 мм) кожи, нижний слой – сильно загрязненная кожа;

- из одного или двух слоев кожи;
- фрагмент ткани;
- фрагмент кожи с остатками ткани на внешней стороне;
- фрагмент кожи и меха.

⁶ Россия, 129366, Москва, пр. Космонавтов. Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева. Центр исследований исторических и традиционных технологий.

Фрагмент кожи с мехом.

Хорошо виден прокол, в котором сохранились остатки сильно деформированного бронзового предмета.

Образец 7 (полевая опись № 291, 269, 328).

На нескольких фрагментах кожи, на их внешней стороне, сохранились остатки шерстяной ткани и нитей. Характеристики ткани не определяются.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ДЛЯ ОХОТЫ НА ПУШНОГО ЗВЕРЯ С ТЕРРИТОРИИ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

А. С. Дементьева¹

Данная статья посвящена находкам роговых тупых наконечников стрел (томаров) с территории Гнёздовского археологического комплекса. В статье подробно описана каждая находка, выявлены различные способы их изготовления и декорирования. Присутствие этих предметов в материалах Гнёздова, а также костные останки пушных зверей, говорят о высоком развитии в Гнёздове в X в. пушного промысла, сопряженного с использованием специального снаряжения – томаров.

This paper is devoted to finds of horn blunt arrowheads (tomari) from the Gnezdovo archaeological site. Here, every find is described in detail, different techniques of fabrication and decoration of these artefacts are distinguished. The presence of such objects among the materials from Gnezdovo, as well as the skeletal remains of fur animals found here, suggest the high development of fur hunting in Gnezdovo of the 10th century with the use of special outfit – tomari or blunt arrowheads.

*Ключевые слова: Гнёздово, пушной промысел, томары, Древняя Русь, косторезное ремесло.
Keywords: Gnezdovo, fur hunting, blunt arrowheads, ancient Rus, bone and antler working.*

Костяные и роговые цилиндры или усеченные конусы со сквозным отверстием встречаются на многих памятниках обширной территории Евразии. Однако относимые к различным видам изделий: рукоятям, муфтам, наворачиям, шахматным фигурам и т. п., они не сразу привлекли к себе специальное внимание исследователей. Параллели подобному роду предметов мы находим в этнографии, в частности у тувинцев и хакасов, применявших их для битья мелких пушных зверьков (Вайнштейн, 1972. С. 190, рис. 22, 5; Патчаков, 1958. С. 30, рис. 14).

Впервые в археологической литературе данные находки были рассмотрены шведской исследовательницей И. Захриссон (Zachrisson, 1976). Сопоставив 4 скандинавские находки с этнографической коллекцией начала XX в., собранной в Нижнем Приобье, она пришла к выводу, что подобные предметы использовались в качестве наконечников стрел, или томаров, для охоты на пушного зверя не только жителями Сибири в сравнительно недавнее время, но и обитателями Скандинавии более 500 лет назад, так как некоторые из опубликованных И. Захриссон

наконечников относятся к XIV–XV вв. (Ibid. S. 119).

Еще две работы, основанные на археологическом материале, принадлежат отечественным исследователям. В 1993 г. была опубликована статья П. Г. Гайдукова и Н. А. Макарова о пушном промысле Древней Руси, написанная на основе находок из Белозерского могильника Нефедьево (Гайдуков, Макаров, 1993). Развитие этой темы мы находим в статье Л. И. Смирновой о томарах древнего Новгорода (Смирнова, 1994).

Сейчас атрибуция подобных предметов не вызывает сомнений, и авторы раскопок уверенно определяют томары в коллекциях и материалах различных памятников. Данная статья посвящена обзору томаров, обнаруженных во время раскопок на территории Гнёздовского археологического комплекса.²

Всего из Гнёздово происходит 10 находок: 4 найдены в погребениях и 6 – на поселении (табл. 1). Все предметы выполнены из плотного рога и изготовлены на токарном станке.

¹ Россия, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет, кафедра археологии.

² Благодарю Тамару Анатольевну Пушкину за возможность использовать не опубликованные ранее находки из Гнёздова.

Таблица 1. Каталог находок

Table 1. Catalogue of finds

Номер по каталогу	Год	Контекст	Место находки	Место хранения	Номер п/о	Сохранность	Рис.
1	1882	Курганы	Л-105 / Сиз.-1882 г.	ГИМ	1538/386	фр-т, кальц-н	1, 1
2	1896, 1897	Курганы	Ц-78 / Сиз.-1896, 1897 гг.	ГИМ	241/135	фр-т, кальц-н	1, 4
3	1970	Курганы	Л-113	ГИМ	2542/38	фр-т, кальц-н	1, 3
4	1976	Курганы	Ц-148	МГУ	4	фр-т, кальц-н	1, 2
5	2003, 2006	Поселение	ЦГ-XXIV, ЦГ-XXV	МГУ	2003/56, 2006/2	фр-т, не кальц-н	1, 11
6	2008	Поселение	ЦГ-XXVI	МГУ	1	фр-т, кальц-н	1, 5
7	2008, 2009	Поселение	ЦГ-XXVI	МГУ	286, 1110, 1330	фр-т, кальц-н	1, 6
8	2009	Поселение	ЦГ-XXVI	МГУ	467	фр-т, не кальц-н	1, 12
9	2009	Поселение	ЦГ-XXVI	МГУ	1013	фр-т, кальц-н	1, 10
10	2011	Поселение	ЦГ-XXVI	МГУ	2500, 2901, 2931	фр-т, кальц-н	1, 7–9

Примечание: Л – Лесная группа курганов, Ц – Центральная группа курганов, ЦГ – Центральное городище, Сиз. – В. И. Сизов

Находки из Гнёздова дошли до нас в очень плохой сохранности. Все томары сохранились фрагментарно. Восемь из 10 находок повреждены огнем, и только два предмета не подвергались воздействию огня, а потому только они могут дать нам точные размеры и форму. Размеры остальных томаров могут быть приняты с большой долей условности, так как рог под действием огня сильно деформируется.

Все гнёздовские томары имеют правильную форму с разным углом наклона внешних стенок (табл. 2). В 6 случаях (Кат. 1, 2, 5, 6, 7, 8) можно утверждать, что они были сделаны в виде перевернутого усеченного конуса, расширявшегося к ударной площадке (место столкновения при падении томара в цель). Остальные близки по форме к цилиндру (Кат. 3, 4, 9, 10).

Таблица 2. Форма находок

Table 2. Shape

Номер по каталогу	Форма	Изгиб стенок	Изгиб ударной площадки	Изгиб пятки	Форма отверстия
1	перев. усеч. конус	прямые	вогнутая	неизвестно	пулевидное
2	перев. усеч. конус	прямые	неизвестно	неизвестно	пулевидное
3	цилиндрическая	прямые	неизвестно	неизвестно	пулевидное
4	цилиндрическая	прямые	вогнутая	плоская	цилиндрическое
5	перев. усеч. конус	вогнутые	плоская	неизвестно	цилиндрическое
6	перев. усеч. конус	вогнутые	плоская	плоская	цилиндрическое
7	перев. усеч. конус	прямые	неизвестно	вогнутая	цилиндрическое
8	перев. усеч. конус	вогнутые	низкий усеченный конус	плоская	перев. усеч. конус
9	цилиндрическая	прямые	плоская	неизвестно	пулевидное
10	цилиндрическая	прямые	вогнутая	неизвестно	цилиндрическое

Изгиб внешних стенок не зависит от угла их наклона: встречаются как прямые, так и вогнутые. Ударная площадка бывает выпуклой в виде низкого усеченного конуса или имеет сегментовидное сечение, может быть плоской либо во-

гнутой. Пятка (тыльная сторона томара) чаще всего плоская, лишь в одном случае (Кат. 7) видно, что она слегка вогнутая.

Отверстия у всех находок сквозные. Из 8 определенных – 5 отверстий – цилиндрические

(Кат. 4, 5, 6, 7, 10); одно – расширяется к ударной площадке (Кат. 8). На 4 находках отверстие имеет форму, которая не отмечена на томарах, найденных на других памятниках. Отверстие у этих наконечников пулевидное: цилиндрическое возле пятки, плавно сужающееся к ударной площадке (Кат. 1, 2, 3, 9).

И. Захриссон отмечала у скандинавских находок углубления по внешнему краю ударной площадки (Zachrisson, 1976. S. 118). Ссылаясь на исследователя К. Вилкуну (K. Viikuna), И. Захриссон предполагает, что такие нарезки

делались для того, чтобы стрела вращалась во время полета и благодаря этому летела более точно (Ibid. S. 117). Гнёздовские томары таких пропилов не имеют.

Размеры гнёздовских находок колеблются в следующих пределах (Табл. 3. 1, 2): высота – 21–31 мм; диаметр ударной площадки – 18–24 мм; диаметр пятки – 11–17,5 мм; диаметр отверстия – 5–11,5 мм. Толщина стенок колеблется от 7,8 мм максимально в верхней части до 1,8 мм минимально в нижней части.

Таблица 3.1. Размеры находок

Table 3.1. Sizes

Номер по каталогу	Высота, мм		Диаметр верхней части, мм		Диаметр пятки, мм		Диаметр отверстия, мм	
	неполная	25	полный	18	полный	11	полный	5
1	неполная	27	вероятный	15	вероятный	15	вероятный	9
2	неполная	19	неизвестно	–	неизвестно	–	неизвестно	–
3	полная	28	полный	16,5	неизвестно	–	полный	8
4	неполная	23	полный	26,5	неизвестно	–	полный	9
5	полная	31	вероятный	17	неизвестно	–	вероятный	6,5
6	неполная	23	неизвестно	–	неизвестно	–	полный	9
7	полная	21	полный	24	вероятный	17,5	полный	11,5
8	неполная	8	неизвестно	–	неизвестно	–	неизвестно	–
9	неполная	12	неизвестно	–	неизвестно	–	неизвестно	–
10	неполная	12	неизвестно	–	неизвестно	–	неизвестно	–

Примечание. Размер «полный» дается в случае полностью сохранившейся конструктивной части предмета. «Неполный» размер – измерения сохранившегося фрагмента. Размер «вероятный» – реконструируемый на основании сохранившейся части предмета. «Неизвестно» – если сохранность предмета не позволяет сделать промеры той или иной конструктивной части предмета.

Таблица 3.2. Размеры находок. Толщина стенок

Table 3.2. Sizes. Thickness of the walls

Номер по каталогу	Толщ. стенок/верх, мм	Толщ. стенок/середина, мм	Толщ. стенок/низ, мм
1	7,1	3,6	–
2	–	3	–
3	5,6	4,5	–
4	4,1	4,1	4,1
5	7,8	6,1	–
6	5	3,2	3
7	–	4,3	1,8
8	7,2	5,6	4,1
9	–	–	–
10	7	5,4	–

На всех гнёздовских томарах видны следы изготовления на токарном станке – тонкие концентрические линии, оставшиеся от резца. Орнамент в большинстве случаев наносился также во время изготовления, что давало возможность

провести четкие, ровные линии. На двух находках орнамент нанесен после его изготовления, от руки, с помощью резца или ножа. На гнёздовских находках прослеживается несколько видов орнамента (табл. 4). На основании формы, раз-

меров и орнамента гнёздовские находки можно разделить на группы:

1. Томары узких пропорций, с тонкими или средней толщины стенками (1,8–5 мм), поверхность томара выточена на станке уступами. Такой способ декорирования использован на двух предметах (рис. 1, 1, 2) (Кат. 1, 4). На предмете из кургана Л-105 / Сиз.-1882 г. эти уступы более ярко выражены, тогда как на томаре из кургана Ц-148 уступы приняли вид валиков (возможно, на это повлиял наклон внешних стенок томара). Такой способ декорирования томаров за пределами Гнёздова пока неизвестен.

2. Томары узких пропорций, с тонкими или средней толщины стенками (1,8–5 мм), с узором из сгруппированных врезных кольцевых линий. Линии сгруппированы по 2, 3, 5 или по 3–4 на одном предмете (рис. 1, 3–6) (Кат. 2, 3, 6, 7). Такой узор нанесен на всю поверхность томара на

токарном станке. Узор из группированных врезных линий – наиболее распространенный не только среди гнёздовских находок (4 предмета), но и на находках с других памятников и других регионов – Норвегия (*Zachrisson*, 1976), Новгород (*Смирнова*, 1994), Нефедьево (*Гайдуков, Макаров*, 1993), Попово на Каргополье (*Макаров*, 1982. С. 82, 83), Тимерёво (Ярославское Поволжье..., 1963. Рис. 6, 4; 8, 29), Киев (*Сергеева*, 2011. Табл. 59, 1–15), Смоленск (*Асташова*, 1993. Рис. 1, 3).

3. Томары со стенками средней толщины (5,4–7 мм) и узором, нанесенным от руки и представляющим собой пояска кривой решетки по верхнему краю томара, и узором на поверхности внешней стенки (рис. 1, 7–10). На фрагментах одного томара от пояска отходят треугольники, направленные вершинами вниз и заполненные кривой решеткой из тонких линий

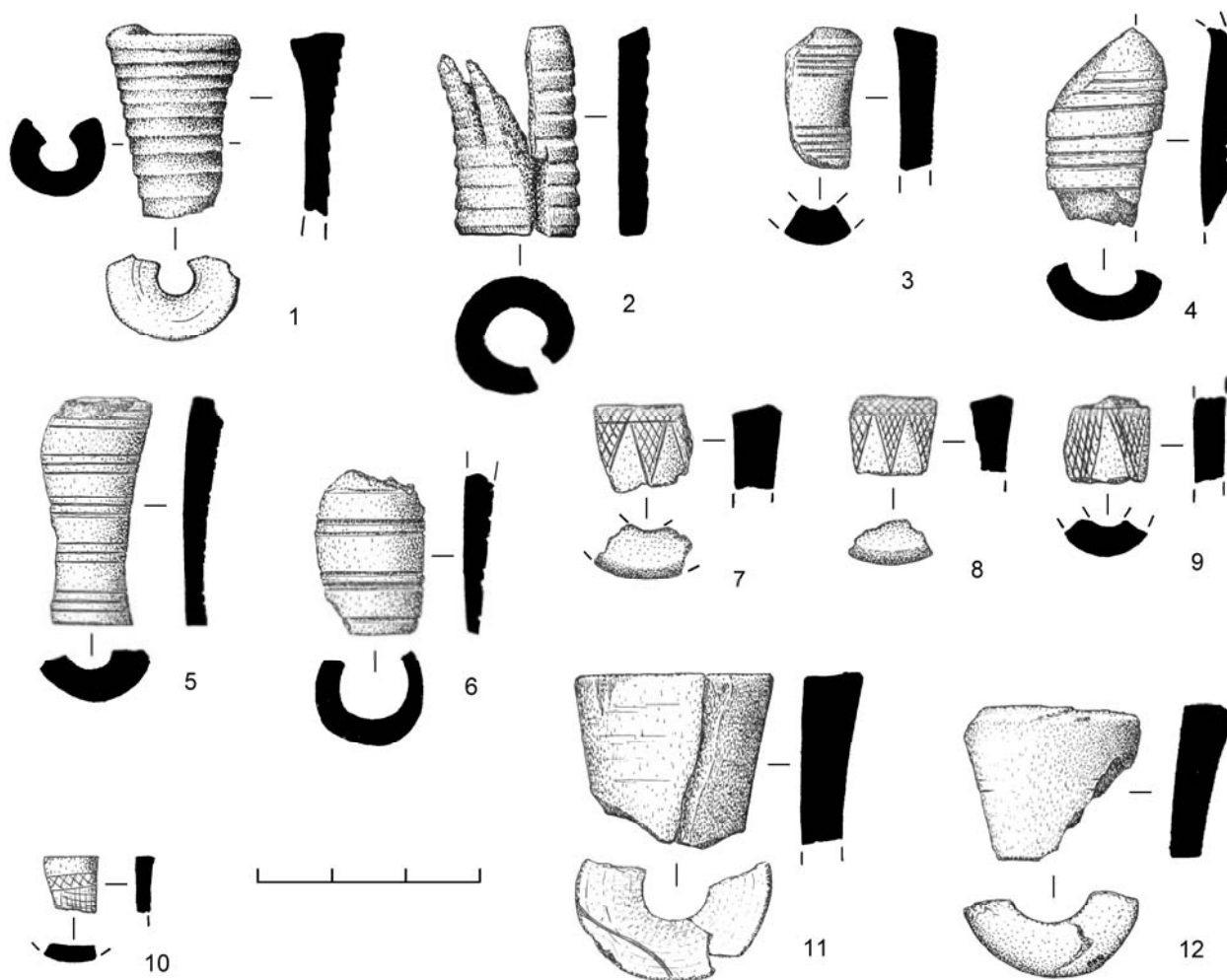

Рис. 1. Томары с территории Гнездовского археологического комплекса. Рисунки автора.

Fig. 1. Blunt arrowheads (*tomari*) from the Gnezdovo archaeological complex. Drawings by the author.

(рис. 1, 7–9). На другом, от которого сохранился лишь маленький обломок, от пояска отходит зона прямой сетки-решетки (вполне возможно, что это также часть заполнения какой-то геометрической фигуры, как на первом предмете) (рис. 1, 10). Такой узор встречается на томарах в материалах других памятников, в том числе на одном – в Ростове Великом (Леонтьев, 1996. Рис. 56, 4).

Таблица 4. Орнамент на находках
Table 4. Decoration

Номер по каталогу	Орнамент	Число линий в группах	Зона расположения орнамента	Ширина врезных линий, мм
1	выточенные уступы, расширяющиеся кверху		по всей поверхности	–
2	группы кольцевых врезных линий	3 и 4	по всей поверхности	0,6
3	группы кольцевых врезных линий	5	по всей поверхности	0,3
4	выточенные валики		по всей поверхности	1,8
5	нет			–
6	группы кольцевых врезных линий	3	по всей поверхности	0,2
7	группы кольцевых врезных линий	2	по всей поверхности	0,7
8	нет			–
9	поясок косой решетки, сетка		по всей поверхности ?	0,1
10	поясок косой решетки, треугольники с косой решеткой		по всей поверхности?	0,1

Четыре из 10 гнёздовских находок происходят из погребений. Все они совершены по обряду трупосожжения. В двух курганах были погребены мужчины (Л-113 и Ц-148), два кургана из дореволюционных раскопок содержали парные погребения. Определить в них место положения томаров относительно тела погребенного невозможно, но, вероятнее всего, они относились к мужскому сопроводительному инвентарю.

П. Г. Гайдуков и Н. А. Макаров отмечают, что все находки томаров из Нефедьево происходят из мужских погребений. Если в погребение были положены и обычные стрелы с железными черешковыми наконечниками, то стрелы с роговыми томарами помещались вместе с ними, т. е. находились в одном колчане и являлись важной частью мужского снаряжения (Гайдуков, Макаров, 1993. С. 180).

По типологии Л. И. Смирновой, составленной на основании большой коллекции томаров из Новгорода, гнёздовские находки относятся к типу 1а, появившемуся в Новгороде раньше других – в X в. – и просуществовавшему наиболее долго – вплоть до XV в. (Смирнова, 1994.

4. В Гнёздово найдено два неорнаментированных томара (Кат. 5, 8) с четко выраженной формой в виде перевернутого усеченного конуса с толстыми стенками (4,1–7,8 мм) (рис. 1, 11, 2). Аналогичные предметы встречены в Новгороде (Смирнова, 1994) и Киеве (Сергеева, 2011. Табл. 59, 1–15).

С. 152). Причем для X в. характерны томары вытянутых пропорций, тогда как в XI в. наряду с ними встречаются более низкие и с более толстыми стенками. Гнёздовские томары на основании других находок в погребениях: круговой керамики (Л-113, Ц-148), овальным фибулам типа 51, по Я. Петерсену, (Л-105 / Сиз. 1882 г.), разноплечной фибуле IV A:1 по типологии Г.-Б. Эгерд (Ц-78 / Сиз. – 1896–1897 гг.), датируются X в., тяготея к его второй половине, – началом XI в. (Каменецакая, 1977; Jansson, 1985; Aagård, 1984. S. 108).

Наличие в гнёздовских погребениях с томарами вещей скандинавского облика (овальные фибулы; ременной распределитель для узды, украшенный орнаментом в стиле Боррз; равноплечная фибула) указывает на связь погребенных со скандинавской культурой.

Применялись различные способы крепления рогового наконечника на древке. Древко могло расширяться, а потом резко сужаться, образуя упор, препятствующий движению томара дальше по древку. Кроме того, томары могли расклиниваться с помощью железного или дере-

вянного клина, а также для более плотного закрепления наконечника на стреле использовалась береста, обернутая вокруг древка (*Смирнова*, 1994. С. 148). Безусловно, наконечники могли дополнительно закрепляться с помощью клея.

Гнёздовские находки не дают нам информации о том, как они крепились на древке. Древки ни в одном случае не сохранились, следов расклинивания не видно. Томары из погребений сильно пострадали от огня, как и некоторые находки с городища. Что касается необожженных томаров, найденных во фрагментах на городище, можно предположить, что они, закрепленные с помощью клина, при ударе стрелы о твердую поверхность лопнули из-за возникшего при расклинивании излишнего напряжения материала.

На данный момент нельзя сказать, были ли томары изготовлены на территории Гнёздовского поселения или нет. С одной стороны, жители Гнёздова располагали необходимым сырьем. С другой – в культурном слое слишком мало отходов и заготовок, которые бы свидетельствовали о высоком уровне косторезного дела, и особенно – о наличии у местных мастеров токарного станка.

Предназначение стрелы с тупым наконечником – сохранить шкурку пушного зверя от повреждений. Такая стрела не застревала в теле животного или птицы и не ломалась при падении вместе с ним с дерева. Томары еще называют беличьими стрелами, так как их, по некоторым данным, использовали для охоты на белок. В то же время П. Г. Гайдуков и Н. А. Макаров приводят мнение охотоведа В. Барщевского, считавшего подобные стрелы слишком крупными для охоты на белку и куницу. По его мнению, стрелы с тупыми наконечниками использовались для охоты на бобра, чей мех высоко ценился (*Гайдуков, Макаров*, 1993. С. 180). Л. И. Смирнова считает, что томары использовали для охоты на белку, соболя, куницу, горностая и боровую птицу, а также для сбивания с ветвей подстреленной дичи (*Смирнова*, 1994. С. 149).

В Гнёздово были обнаружены костные останки следующих диких животных: медведь и косуля, бобр, куница, заяц, лисица (*Кириллова*, 2007. С. 117). Охота на медведя и косулю вряд ли велась с помощью стрел с костяным наконечником, а вот остальные животные могли быть предметом интересов охотников за мехом.

Наконечники стрел из кости и рога усеченно-конической и цилиндрической формы были не единственным вариантом исполнения стрел для охоты на пушного зверя из органических материалов. Кроме наконечников со сквозным насадом во многих памятниках известны втульчатые наконечники из кости и рога с заостренным концом. В качестве тупых наконечников стрел могли использоваться железные цилиндры, обнаруженные в погребениях Нефедьевского могильника, лежавшие вместе с простыми стрелами и со стрелами с тупыми наконечниками (*Гайдуков, Макаров*, 1993. С. 181).

Безусловно, не все предметы в виде обойм применялись в качестве наконечников стрел для охоты на пушного зверя. Однако можно утверждать, что предметы правильной цилиндрической и усеченно-конической формы, особенно роговые, выточенные на токарном станке со сквозным отверстием, подходящим для насаживания на древко, имели именно такое назначение.

Гнёздовские находки имеют широкий круг аналогий, связанный преимущественно с северной частью и лесной зоной Восточной Европы. В Северной Европе, в Скандинавии они не слишком часты. Основная масса находок концентрируется в северных и центральных регионах Восточной Европы.

Находки тупых наконечников стрел были обнаружены в Старой Ладобе (*Давидан*, 1966. С. 112–113. Рис. 4, 10, 11; 6, 5; *Иванова И., Иванова Н.*, 2012. С. 138, 139, рис. 13); в могильнике Попово X–XI вв. в верховьях р. Онеги (*Макаров*, 1982. С. 82, 83); в могильнике Нефедьево (*Гайдуков, Макаров*, 1993); в Белоозере (*Захаров*, 2004. С. 219, рис. 231, табл. 348); в погребениях Ярославского Поволжья (Ярославское Поволжье..., 1963. Рис. 6, 4; 8, 29); в Ростове Великом (*Леонтьев*, 1996); в Смоленске (*Асташова*, 1993. Рис. 1, 3); в Полоцкой земле (*Мядзведзева*, 2005. С. 105, рис. 5, 9–13). Отдельные находки происходят из слоев Булгара (*Закирова*, 1988. Рис. 103) и Старой Рязани (*Монгайт*, 1955).

В южных землях найдено сравнительно немного томаров. Однако, например, в Киеве и Саркеле есть похожие предметы, в том числе и выточенные на токарном станке, цилиндрической и усеченно-конической формы, с врезным кольцевым узором (*Сергеева*, 2011. Табл. 59, 1–15; *Флерова*, 2001. Рис. 11).

Проведенный анализ гнёздовской коллекции тупых наконечников стрел, найденных как на

поселении, так и в погребениях, позволяет утверждать, что в Гнёздово в X в. был развит пушной промысел, являвшийся одной из отраслей хозяйства.

Роговые томары, выточенные на токарном станке, имеют северное происхождение, которое трудно на данный момент связать с каким-либо отдельным регионом, а скорее имеют общеславянскую традицию, распространившуюся по обширной территории Центральной и Восточной Европы и Сибири.

- Асташова*, 1993 – *Асташова Н. И.* Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М., 1993 (Труды ГИМ; Вып. 82).
- Вайнштейн*, 1972 – *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.
- Гайдуков, Макаров*, 1993 – *Гайдуков П. Г., Макаров Н. А.* Новые археологические материалы о пушном промысле Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Новгород, 26–28 января 1993 г.). Новгород, 1993. Вып. 7.
- Давидан*, 1966 – *Давидан О. И.* Староладожские изделия из кости и рога // АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8: Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне.
- Закирова*, 1988 – *Закирова И. А.* Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Захаров*, 2004 – *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Иванова И., Иванова Н.*, 2012 – *Иванова И. В., Иванова Н. Ю.* Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // Археологические вести. СПб., 2012. Вып. 18.

- Каменеукая*, 1977 – *Каменеукая Е. В.* Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Кириллова*, 2007 – *Кириллова И. В.* Остеологические материалы из культурных слоев Гнёздова: новые данные // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Мурашева. СПб., 2007.
- Леонтьев*, 1996 – *Леонтьев А. Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Макаров*, 1982 – *Макаров Н. А.* Средневековый могильник на Каргополье // Славяно-русская археология. М., 1982 (КСИА; № 171).
- Монгайт*, 1955 – *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М., 1955 (МИА; № 49).
- Мядзведзева*, 2005 – *Мядзведзева В. У.* Вытворчаць касцяных прадметаў Полацкай зямлі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск, 2005. Вып. 9: Древности Беларуси (железный век и средневековье).
- Патачаков*, 1958 – *Патачаков К. М.* Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом: XVII–XIX вв. Абакан, 1958.
- Сергеева*, 2011 – *Сергеева М. С.* Косторізна справа у Стародавньому Києві. Київ, 2011.
- Смирнова*, 1994 – *Смирнова Л. И.* Еще раз о тупых стрелах (к вопросу об охотничьем промысле в средневековом Новгороде) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Новгород, 26–28 января 1994 г.). Новгород, 1994. Вып. 8.
- Флерова*, 2001 – *Флерова В. Е.* Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. СПб., 2001.
- Ярославское Поволжье...*, 1963 – *Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А. П. Смирнов. М., 1963.*
- Aagård*, 1984 – *Aagård G.-B.* Gleichartige Spangen // Birka. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.
- Jansson*, 1985 – *Jansson I.* Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standadsmuckycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Uppsala, 1985.
- Zachrisson*, 1976 – *Zachrisson I.* Medeltida ekorrpilar? // Fornvännen. 1976. N 71.

Blunt arrowheads from Gnezdovo

A. S. Dementieva

Bone and horn cylinders or truncated cones with a through channel inside are found at many sites throughout the vast territory of Eurasia. They often are called muffs, handles, checkmate figures etc.

These objects are known in ethnography of Tuvinians and Khakassians who employed them for hunting small fur animals (*Вайнштейн*, 1972, p. 190, Fig. 22, 5; *Патачаков*, 1958, p. 30, Fig. 14).

The Swedish researcher Inger Zachrisson (*Zachrisson*, 1976) was the first who noted them. She compared the Swedish finds of the 14th–15th centuries with the items of an ethnographic collection of the early 20th century.

The Russian scholars P. G. Gaydukov and N. A. Makarov published an article about the fur hunting in Old Rus basing on the finds from the burial ground of Nefedyevo in Belozerye (*Гайдуков, Макаров*, 1993). This subject was continued in the paper by L. I. Smirnova concerned with *tomari* or blunt arrowheads of ancient Novgorod (*Смирнова*, 1994).

The attribution itself of these objects raises no doubts. The authors of the archaeological excavations identify with confidence the *tomari* in collections from different sites.

In Gnezdovo, 10 blunt arrowheads have been found. All these objects were carved from dense

horn using lathes. This article presents a detailed description of each find.

The finds of blunt arrowheads prove the practice of fur hunting among the residents of Gnezdovo of the 10th century. As suggested by analysis of the Gnezdovo osteological collection, beaver, marten, hare and fox may have been the subjects of hunting (Кириллова, 2007. С. 117).

By now, it is difficult to name the region of the provenance of the horn *tomari*. Apparently they belong to the general northern tradition distributed throughout the vast territories of Central and Eastern Europe and Siberia.

НОВАЯ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКАЯ ФОРМА РАННЕГОНЧАРНОЙ КЕРАМИКИ НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ

В. М. Горюнова¹

В статье вводится в научный оборот редкая для Северо-Западной Руси раннегончарная западнославянская керамическая форма X в. – большемерный сосуд с наклепными валиками. Наиболее близкая аналогия была найдена на Готланде, на поселении эпохи викингов. Эта форма отражает традиции, зародившиеся в рамках фельдбергского типа под влиянием каролингской амфороподобной тары с валиками типа Бадорф. Не исключено, что сосуды Рюрикова городища свидетельствуют о прямых контактах с островом Готланд.

This paper is a scientific publication of early wheel-made West Slavic pottery of the 10th century uncommon in Northwestern Rus. It is represented by a large vessel decorated with applied rollers. Its closest parallel was found on Gotland at a settlement of the Viking Age. This pottery continued the traditions arisen within the Feldberg type under the influence of the Carolingian amphora-like containers of the Badorf-type with appliqué cylinders. Possibly, the pottery from Rurik Gorodishche indicates direct contacts with the island of Gotland.

Ключевые слова: Северо-Западная Русь, Рюриково городище, Готланд, гончарное производство, западнославянская керамика, X–XI вв.

Keywords: Northwestern Rus', Rurik Gorodishche, Gotland, pottery production, West Slavic pottery, 10th–11th centuries.

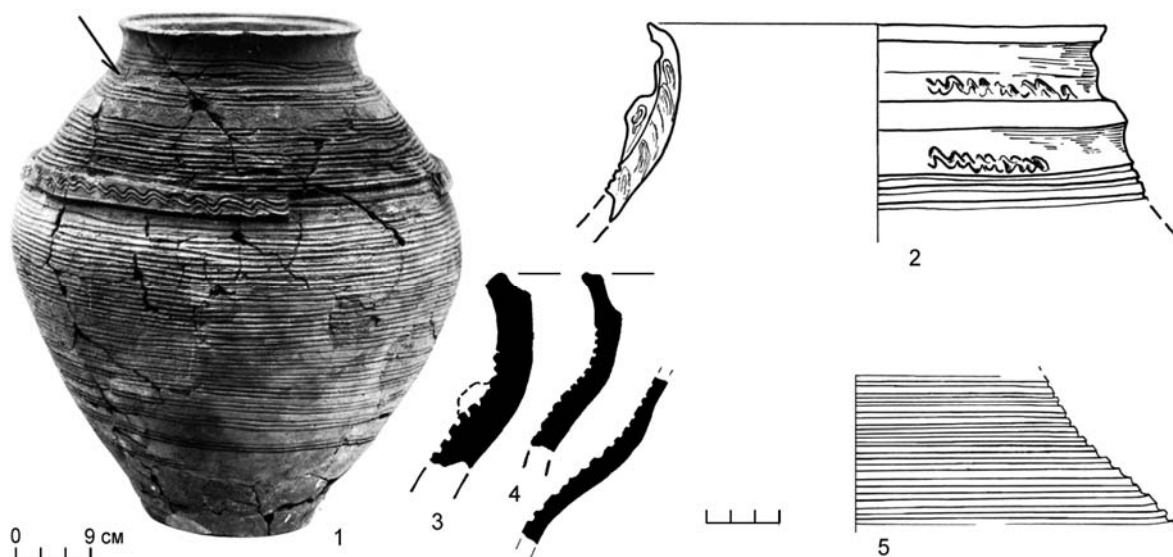
Среди материалов Рюрикова городища, происходящих из раскопов 2006 и 2007 гг., была выявлена новая керамическая форма, котораяполнила коллекцию западнославянских раннегончарных сосудов этого памятника (рис. 1, 2). Горшок реконструирован по двум фрагментам его верхней части. Один фрагмент был найден в 2006 г. при разборке заполнения производственной постройки, располагавшейся на восточном краю рва и связанной с ювелирным делом, второй – в 2007 г. на дне рва, в его предматериальном слое.² Сосуд имеет короткий резко отогнутый наружу венчик, диаметр которого составляет 18 см. По его краю идет легкая вертикальная оттяжка, а вдоль нее, изнутри и снаружи – слегка намеченные каннелюры. Венчик был посажен на сильно суженное высокое раструбовидное горло, которое плавно расширяется и переходит в широкие покатые плечи. Сразу под венчиком нанесена орнаментация, состоя-

щая из комбинации однорядных волн, наклепного валика и линейной зоны.

Сочетание набора керамических форм из мастерской ювелира позволяет предполагать существование комплекса в последней четверти X в., так как в нем присутствуют раннегончарные формы (эсовидные типа I В и I Г и с вертикальным венчиком и валиком типа III В), характерные для первого и второго пластов «стратиграфического» раскопа 1977–1979 и 1998–2000 гг., которые датируются временем после дендродаты 979 г. (ср.: Носов, Хвоцинская, 2007. С. 259, рис. 3, 1, 2, 4; Носов и др., 2005. С. 233, 235, 248). К реконструируемой форме близок еще один экземпляр из материалов «стратиграфического» раскопа 1977–1979 и 1998–2000 гг. (рис. 1, 5). Он был найден в культурном слое, также образовавшемся выше уровня с дендродатой 979 г. (Носов и др., 2005. С. 91, табл. А; С. 258, табл. 86, 3). Фрагмент принадлежит верхней части сосуда, фиксируя форму его плеча, полого восходящего к длинной шейке. Венчик не сохранился. Он украшен только линейным очень частым орнаментом и не имеет наклепных вали

¹ Санкт-Петербург, 191186, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

² Фрагменты склеены при реставрации.

Рис. 1. Раннегончарная керамика:
1, 3, 4 – Готланд; 2, 5 – Рюриково городище.

Fig. 1. Early wheel-made pottery:
1, 3, 4 – Gotland; 2, 5 – Rurik Gorodishche.

ков, но профилировка его, так же как и первого сосуда, выпадает из всех типологических схем раннегородских центров Северо-Западной Руси.

Судя по профилировке обоих рассмотренных выше фрагментов сосудов, можно предполагать, что это были выпуклобокие (не менее 28 см по наибольшему диаметру тулова), суженные к венчику большемерные горшки. Эти сосуды значительно отличаются от широко распространенных эсовидных горшков не только Рюрикова городища, но и всех остальных раннегородских центров Северной Руси. При этом следует отметить, что для целого ряда как местных, так и западнославянских керамических форм, спорадически встречающихся на древнерусских памятниках, хотя и характерна валиковая орнаментация, но она имеет совершенно иную технологию, чем на рассматриваемом нами экземпляре. Валики древнерусской посуды не были наклепаны на ее поверхность, а были сформованы из ее стенок при вращении на гончарном круге одновременно с нанесением других элементов орнаментации.

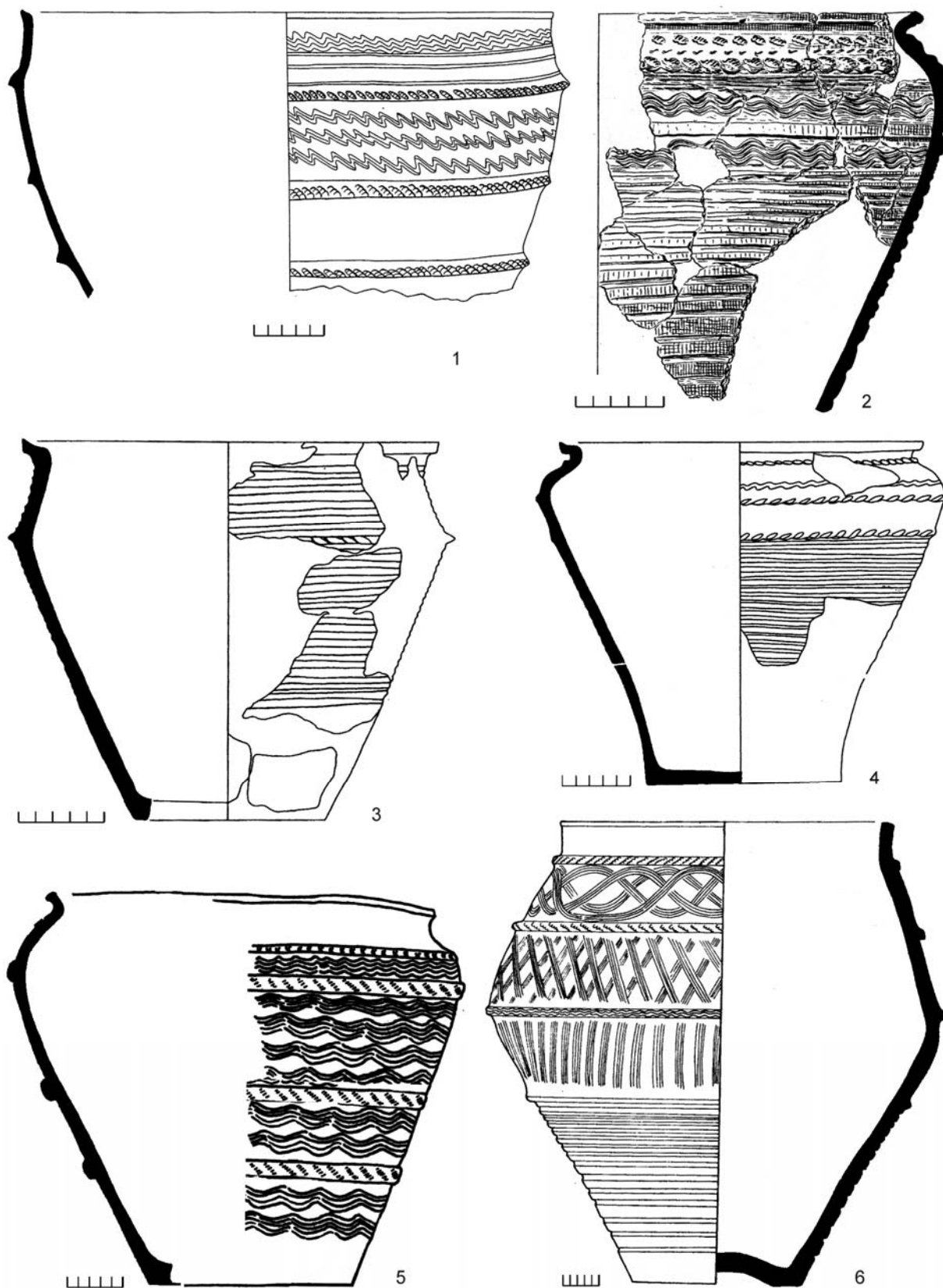
Наиболее близкую аналогию для рассматриваемых сосудов Рюрикова городища и по профилировке, и по габаритам (диаметр венчика – чуть больше 18 см), и по наклепной конструкции валика составляет крупный сосуд с острова Готланд (рис. 1, 1, 3).³ Развал сосуда был обнару-

жен на поселении в достаточно неопределенном стратиграфическом и хронологическом контексте, поэтому нельзя точно сказать, к какому хронологическому периоду он относится – к X или первой половине XI в. (*Selling*, 1955. S. 117, Abb. 294, Taf. 24; *Thünmark-Nylén*, 2000. S. 626).

На памятниках Северо-Западной Руси известно всего два случая находок большемерных сосудов с налепными валиками. Это зерновик из раскопок Г. П. Гроздилова на псковском посаде (рис. 2, 5 – *Гроздилов*, 1962. С. 56, рис. 44; *Беллецкий*, 1980. С. 7, рис. 4, 25). Развал практически целого горшка был найден в слое горизонта Е. Он имел эсовидную профилировку и четыре налепных горизонтальных валика, разделанных косыми отпечатками гребенки (в одном случае – косыми нарезками). Между валиками все его тулово было покрыто многорядной волной. Второй достаточно крупный сосуд с налепными валиками, также эсовидной профилировки, но несколько иных пропорций, чем псковский экземпляр, был найден в Гнёздове при раскопках на пойменной части поселения. Сосуд отличается светлым, слегка сероватым цветом, но сконструирован грубо, кроме валиков, не имеет ор-

³ При знакомстве с керамическими коллекциями Государственного исторического музея Стокгольма на этом

сосуде мною были отмечены под венчиком следы второго несохранившегося валика. На рис. 1, 1 след от него отмечен стрелкой, а на рис. 1, 3 к рисунку Д. Селлинг добавлено профильное обозначение этого валика пунктиром.

Рис. 2. Раннегончарная керамика: 1 – Гросс Раден; 2, 6 – Щецин; 3, 4 – Волин; 5 – Псков.

Fig. 2. Early wheel-made pottery: 1 – Gross Raden; 2, 6 – Szczecin; 3, 4 – Wolin; 5 – Pskov.

наментации, валики сделаны небрежно и не де-
лят его поверхность на регулярные зоны. Его
местонахождение фиксируется в слое, который
сформировался выше уровня с дендротатой 1009 г.⁴

Оба вышеописанных сосуда связаны с типом
Вайсдин, одной из западнославянских типоло-
гических групп керамики, распространенной в ма-
териалах северной Польши и на памятниках се-
веро-востока современной Германии. В Щецине
и Волине в слоях XI–XII вв. можно найти как
отдаленные, так и достаточно близкие аналогии
псковскому и гнёздовскому сосудам с налепны-
ми валиками (рис. 2, 2, 4; 3, 1) (*Cnotliwy i in.*,
1983. S. 51–52, гус. 40, 5, гус. 41, 1; s. 56, гус. 45,
12; s. 114, гус. 98, 10; s. 219, гус. 187, 1, II; s. 230–
244; *Kempke*, 2001. S.1606, Taf. 292, 9). Более
безупречные данные с точки зрения датировок
получены на материалах Ольденбурга. Употреб-
ление посуды типа Вайсдин здесь было зафик-
сировано немецкими археологами в слоях начи-
ная от рубежа X–XI вв. и в первых десятилетиях
XI в. (*Gabriel, Kempke*, 1991. S. 130, Abb. 15;
137–142). Следует отметить, что налепные ва-
лики на западнославянской посуде XI–XII вв.
присутствуют не только на горшках эсовидной
профилировки, они встречаются на сосудах с
ребром в верхней трети (рис. 2, 3; 3, 2) (*Cnotliwy
i in.*, 1983. S. 130, гус. 111, 2; s. 156, гус. 132, 1;
Wahlöö, 1976. Kat. 102; *Kempke*, 2001. S. 1598,
Taf. 284, 1; S. 1606, Taf. 292, 2), на посуде с из-
ломом тулова ближе к середине высоты (рис. 2,
6) (*Selling*, 1955. Taf. 30, 10; *Cnotliwy i in.*, 1983.
S. 74, гус. 64, 10; *Kempke*, 2001. S. 1598, Taf. 284,
2), а также на слабопрофилированных широко
раскрытых с вертикальным венчиком и кониче-
ским туловом экземплярах (рис. 2, 1) (*Schuldt*,
1981. S. 149, Taf. 69). Как правило, это почти
всегда сосуды крупных размеров.

Вряд ли приведенные выше примеры боль-
шемерной посуды с налепными валиками могут
служить достаточным основанием для прямого
включения сосудов Рюрикова городища, о кото-
рых идет речь в настоящей статье, в группу за-
паднославянской керамики типа Вайсдин. Во-
первых, тип Вайсдин относится к несколько бо-
лее позднему периоду, XI–XII вв. Во-вторых, не
только общая профилировка и пропорции не
соответствуют этим примерам, но и configura-

ция края венчика находится на ранней стадии
усложнения, тогда как на сосудах Вайсдин это
усложнение ярко выражено (рис. 3, 3), что пол-
ностью соответствует логике хронологического
развития раннегончарной посуды конца X–
первой половины XI в. (*Горюнова*, 2009. С. 132–
141). Вообще, на мой взгляд, работа с этой
группой керамики нередко приводит к противоречивым выводам, так как при выделении типа
Вайсдин не соблюдались строгие методические
приемы. Особенно это характерно для работы
польских археологов. Выше я отметила четыре
формы сосудов, конфигурация тулова которых
не имеет ничего общего, но объединена в одну
группу (см. рис. 2 и 3). Практически единствен-
ным признаком данной группы керамики XI–
XII вв. служит наличие налепных валиков. При-
чем и немецкие, и польские исследователи-
керамисты отмечали, что общая профилировка
тулова и особенности оформления краев венчи-
ка сосудов Вайсдин совпадают с типами Виппе-
ров и Тетеров⁵ (*Kempke*, 2001. S. 243; *Cnotliwy i
in.*, 1983. S. 215).

Правда, не исключено, что сосуд на рис. 2, 6
в типологическом плане продолжает традицию
конструктивных особенностей, воплощенных в
горшке с Готланда, но такие сосуды в Щецине,
например, появляются только в первой половине
XII в. (*Cnotliwy i in.*, 1983. S. 74, гус. 64, 10;
s. 156, гус. 132, 3; s. 164, гус.138, 4; s. 230–244).
Вероятно, в будущем, по мере пополнения ис-
точниковой базы новыми материалами, удастся
выстроить непрерывный ряд развития от гот-
ландского сосуда (рис. 1, 1) к сосудам Щецина
(рис. 2, 6). По крайней мере для X в. уже сейчас
получены обоснованные результаты в изучении
типологических особенностей формирования
большемерных сосудов с валиками. Материалы
новых раскопок в Северной Германии и пере-
смотр хронологических рамок существования
отдельных типологических групп западносла-
вянской раннегончарной керамики позволяют
наметить предысторию формирования больше-
мерных сосудов с налепными валиками (рис. 4–
6). Исследователи при характеристике такого
керамического материала всегда вспоминали
о так называемых сосудах Бадорф. Амфоропод-
бная керамическая тара, покрытая широкими
лентообразными валиками, украшенными оттис-
ками разных, чаще зубчатых, штампов (рис. 6, 3),

⁴ Благодарю В. В. Мурашеву за предоставленную мне
возможность ознакомиться с керамическими материалами
пойменной части поселения Гнёздова.

⁵ Группы G и J, по *Cnotliwy i in.*, 1983. S. 212–218.

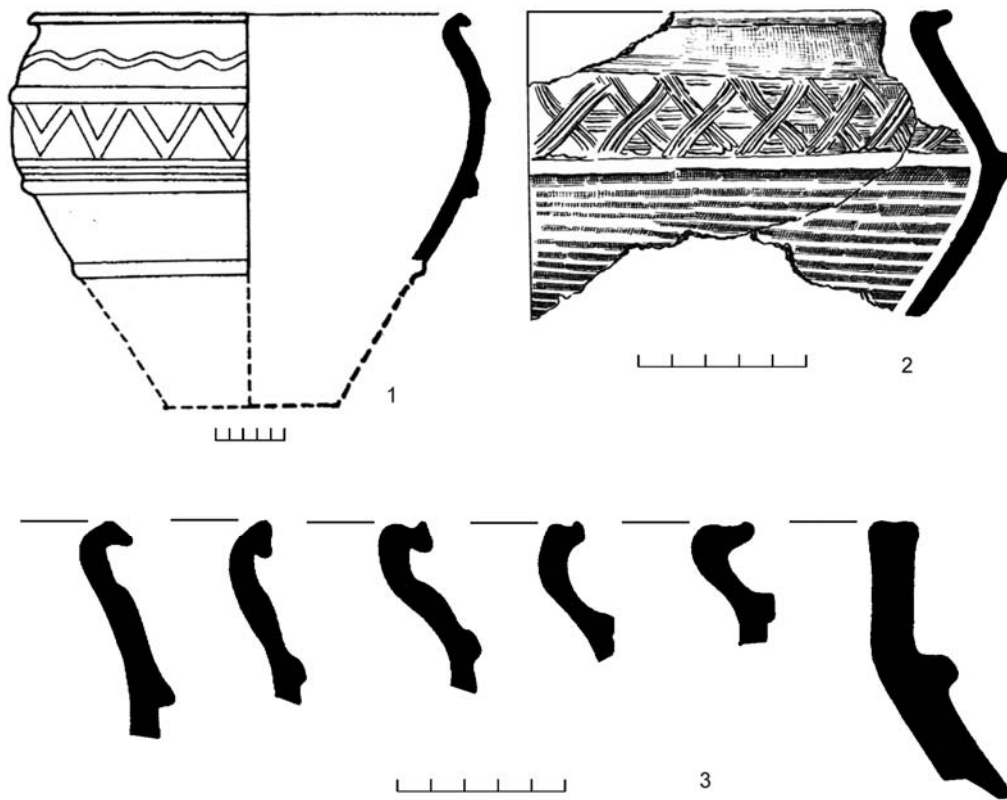

Рис. 3. Раннегончарная керамика из Щецина.

Fig. 3. Early wheel-made pottery из Szczecin.

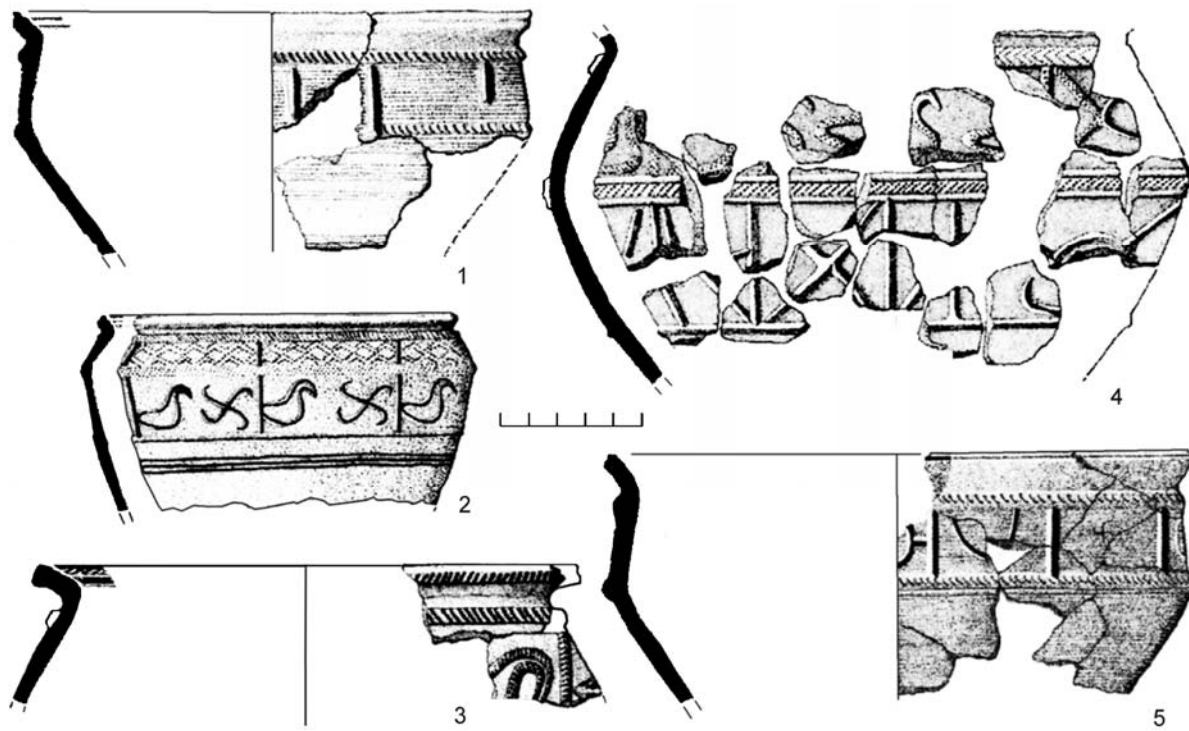

Рис. 4. Раннегончарная керамика из Глинке.

Fig. 4. Early wheel-made pottery from Glinke.

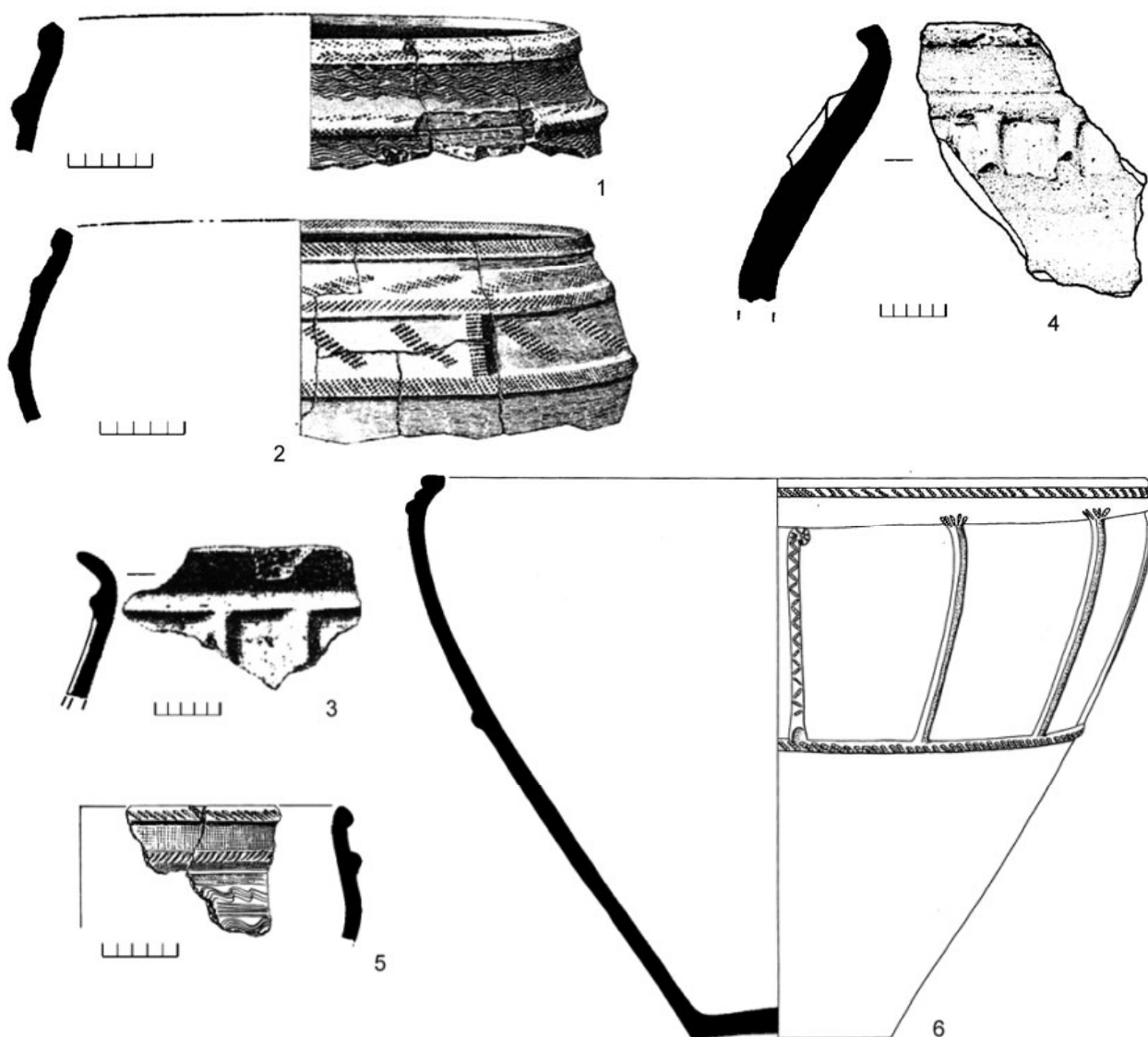

Рис. 5. Раннегончарная керамика: 1, 2 – Штернберг; 3, 4 – Фридрихсруе; 5 – Щецин; 6 – Менцлин.

Fig. 5. Early wheel-made pottery: 1, 2 – Sternberg; 3, 4 – Friedrichsruhe; 5 – Szczecin; 6 – Menzlin.

поступала из каролингских земель в торговые центры, расположенные на берегах Балтики. Ранее ее датировки ограничивались только IX в. Естественно, большой хронологический разрыв не позволял однозначно говорить о решающей роли посуды типа Бадорф в возникновении сосудов-зерновиков с наклепными валиками группы Вайсдин, хотя ряд авторов и отмечали появление таких валиков на некоторых сосудах X в. в Штернберге и Менцлине (рис. 5, 1, 2, 6) (Brather, 1996. S. 173; Kempke, 2001. S. 243, 1590, Taf. 276, 4). Изменение датировки сосудов Бадорф на вторую половину IX–первую половину X в. и появление нового керамического мате-

риала позволило достаточно достоверно установить начальные этапы вызревания внутри западнославянского ремесленного производства традиции конструирования сосудов с наклепными валиками (Messal, 2011. S. 347–359). С. Мессаль выделяет новую номенклатурную группу, тип Глинке, которая формируется на основе одной из ранних редких форм типа Фельдберг (так называемой ольденбургской «Prachtkeramik», рис. 6, 1, 2), приобретая под влиянием сосудов Бадорф наклепные валики (рис. 4). Встречается она спорадически на памятниках Северо-Восточной Германии и датируется в пределах второй половины IX–первой половины X в. Автор констатирует, что

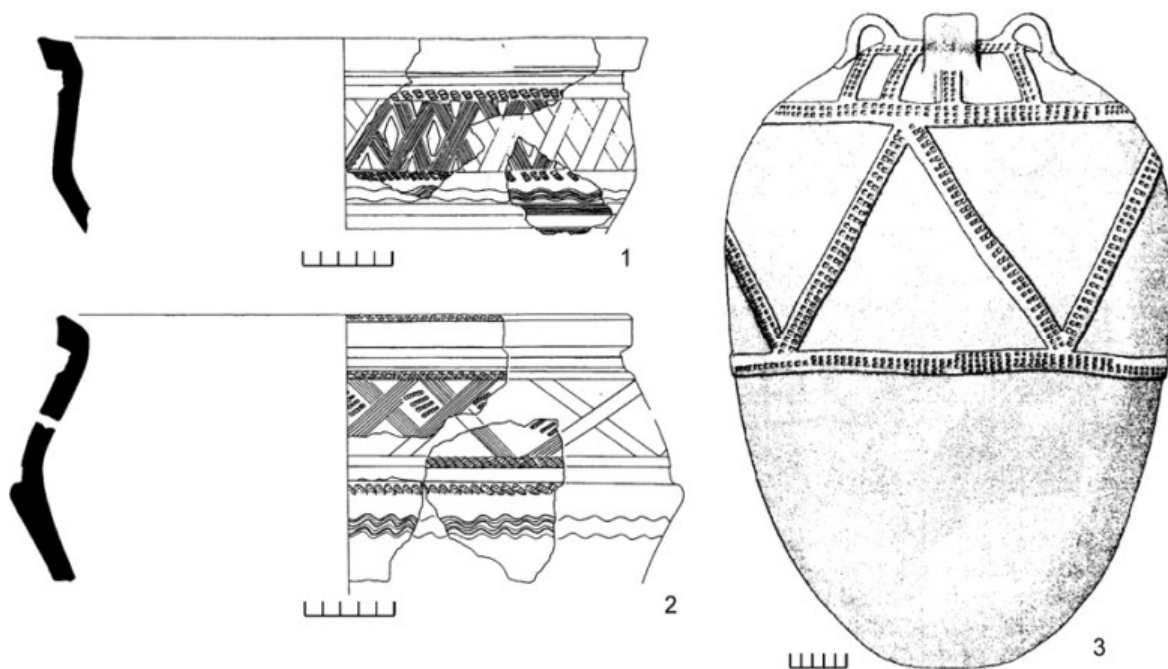

Рис. 6. Раннегончарная керамика: 1, 2 – Старигард-Ольденбург; 3 – Хедебю.

Fig. 6. Early wheel-made pottery: 1, 2 – Starigard-Oldenburg; 3 – Hedeby.

данная традиция в отмеченный хронологический период за «пределы» фельдбергского типа не выходит. В заключении С. Мессаль осторожно предполагает, что дальнейшая разработка керамики типа Глинке привела к появлению сосудов типа Вайсдин (Messal, 2011. S. 353).

К сожалению, несмотря на столь важные результаты для воссоздания истории возникновения большемерной посуды с наклепными валиками, проблему определения типологической позиции сосудов Рюрикова городища и Готланда среди западнославянской керамики они не решают. Остается хронологическая лакуна в четверть столетия, а может быть и более. Не хватает переходных типологических цепочек. Теоретически можно предполагать, что некоторые крупные горшки с изломом на середине высоты и суженной шейкой из Гросс Радена и Ольденбурга (Schuldt, 1981. S. 111, Taf. 31, VIII–7330; S. 137, Taf. 57; S. 136, Taf. 58, b; Kempke, 2001. S. 1582, Taf. 268, 13) могли служить исходными образцами для форм Рюрикова городища и Готланда. Но, к сожалению, на практике таких сосудов с наклепными валиками на территории Германии и Польши в X в. мы не наблюдаем. Остается констатировать, что на Рюриковом городище и на Готланде мы имеем дело с чрезвычайно редкой формой западнославян-

ской посуды последних десятилетий X в. (для Готланда не исключено начало XI в.), которая отражает традиции, зародившиеся в рамках фельдбергского типа, и, возможно, является исходным типом для зерновиков XII в. из Щецина (рис. 2, 6).

В заключение хотелось бы отметить следующее. В силу редкости форм, оказавшихся общими для Рюрикова городища и Готланда, трудно удержаться от предположения о существовании прямых контактов между этими регионами. Тем более что для Готланда был зафиксирован факт местного изготовления посуды западнославянских типов. Вместе с сосудом-аналогом для горшка с Рюрикова городища был найден крупный сосуд эсовидной профилировки без валиков. По своему стилю он повторял аналог для Рюрикова городища: орнаментация грубая, небрежная линейная нанесена на все тулово вплоть до дна, на плече – отпечатки двузубой гребенки (Selling, 1955. Taf. 23, 6, Silte SHM 19967: 2). А главное, профилировка шейки и венчика полностью совпадает с таковой на сосуде-зерновике (рис. 1, 3, 4). Явно два этих готландских сосуда были сделаны одним мастером. Эсовидный горшок был подвергнут минералогическому анализу, результаты которого показали, что он был изготовлен из местной глины, для

которой характерно присутствие кальцитов-фоссилитов. Глины с кальцитами-фоссилитами за пределами Готланда не встречаются (*Hulthén*, 1984. S. 259. Tabl. 33, part 2, № 47; 1991. P. 177, tabl. IV; p. 177–179, fig. 9). В Бирке и Сигтуне присутствуют сосуды, изготовленные из такой же глины. Если сосуды с Готланда перемещались на континент, то вполне вероятно, что сосуд с налипными валиками мог быть привезен с Готланда и на Рюриково городище.

- Белецкий*, 1980 – *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. М., 1980. Вып. 160: Средневековые древности Восточной Европы.
- Горюнова*, 2009 – *Горюнова В. М.* Датирование возможности раннегончарной керамики X–начала XI вв. // Российская археология. М., 2009. № 4.
- Гроздилов*, 1962 – *Гроздилов Г. П.* Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Л., 1962. Вып. 4: Славянские древности.
- Носов*, *Хвоцинская*, 2007 – *Носов Е. Н.*, *Хвоцинская Н. В.* Первый ремесленный комплекс X в. на Рюриковом городище // Труды по русской истории: Сб. статей в память о 60-летию Игоря Васильевича Дубова. М., 2007. С. 257–263.
- Brather*, 1996 – *Brather S.* Feldberger Keramik und frühe Slawen: Studien zur nordwestslawischen Keramik der Karolingerzeit. Bonn, 1996 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie; Bd 34).
- Cnotliwy i in.*, 1983 – *Cnotliwy E.*, *Dekówna M.*, *Leciejewicz L.*, *Łosiński W.*, *Rogosz R.*, *Rulewicz M.*, *Wesołowski S.* Szczecin we

wczesnym średniowieczu. Wzgórze Zamkowe // Polskie badania archeologiczne. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983. T. 23.

- Gabriel, Kempke*, 1991 – *Gabriel J.*, *Kempke T.* Ausgrabungsmethode und Chronologie // Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1991. S. 123–148.
- Hulthén*, 1984 – *Hulthén B.* Keramik // Birka. Untersuchungen und Studien II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984.
- Hulthén*, 1991 – *Hulthén B.* Excursus. Investigation of bottom-marked ceramic vessels from southern Gotland // Gustaf Trotzig. Craftsmanship and Function. A study of metal vessels found in Viking Age tombs on the island of Gotland, Sweden. Stockholm, 1991.
- Kempke*, 1984 – *Kempke T.* Starigard/Oldenburg. Hauptburg der Slawen in Wagrien. 2. Die Keramik des 8.–12. Jahrhunderts // Offa-Bücher. Neumünster, 1984. Vol. 53.
- Kempke*, 2001 – *Kempke T.* Slawische Keramik // Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa. Bd 1 / Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2001. Bd 6. S. 209–256.
- Messal*, 2011 – *Messal S.* Zur slawischen Keramik des Typa «Glienke» // Der Wandel um 1000. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 60 / Beier, Beran. Archäologische Fachliteratur Langenweißbach. Weißbach, 2011.
- Schuldt*, 1981 – *Schuldt E.* Gross Raden. Die Keramik einer slawischen Siedlung des 9/10. Jahrhunderts // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte der Bezirke Rostok, Schwerin und Neubrandenburg. Berlin, 1981. Vol. 14.
- Selling*, 1955 – *Selling D.* Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.
- Thünmark-Nylén*, 2000 – *Thünmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. IV: 2, Katalog. Stockholm, 2000.
- Wahlöö*, 1976 – *Wahlöö C.* Keramik 1000–1600 i svenska fund // Archaeologica Lundensia. Vol. VI. Kulturhist. museet. Lund, 1976.

New West Slavic type of early wheel-made pottery at Rurik Gorodishche

V. M. Goryunova

The present paper is a scientific publication of early wheel-made West Slavic pottery uncommon in Northwestern Rus. This ceramic ware of the 10th century is represented by a large vessel decorated with applied rollers (Figs. 1, 2, 5). Its closest parallel was found on Gotland at a settlement of the Viking Age (Figs. 1, 1, 3). In its typological features, the pottery from Rurik Gorodishche resembles the West Slavic vessels of the Weisdiner group (Figs. 2 and 3). However, by contrast to pottery from Pskov and Gnezdovo found in the layers of the early 11th century, the vessels under consideration cannot be

attributed to the latter group because of the chronological and typological discrepancies. Both at Rurik Gorodishche and on Gotland, we are dealing with an extremely rare and isolated type of West Slavic ware of the last decades of the 10th century (in case of Gotland, perhaps, the early 11th century). This form reflects the traditions arisen within the Feldberg type (Figs. 4 and 5) under the influence of the imported amphora-like containers of the Badorf group with appliqué cylinders (Figs. 6, 3). Possibly the pottery from Rurik Gorodishche indicates direct contacts with the island of Gotland.

КРЕСТЫ-РЕЛИКВАРИИ ИЗ КНЯЖЕСКОЙ РЕЗИДЕНЦИИ НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ¹

О. В. Григорьева²

Статья посвящена описанию и анализу коллекции крестов-реликвариев из княжеской резиденции на Рюриковом городище. Она насчитывает одиннадцать экземпляров, девять из которых датируются домонгольским временем, а два – послемонгольским. Древнерусские энколпионы относятся к стандартным типам по классификации Г. Ф. Корзухиной, А. А. Песковой, поздние кресты-мошевики характерны для меднолитой пластики Московской Руси. Все археологически документированные находки связаны с бытованием средневековых построек, относящихся к комплексу строений княжеского двора. Время существования одних сооружений датируется XII–первой половиной XIII в., других – концом XIII–XV в. Археологический контекст, сопровождающий находки энколпионов, напрямую связан с древнерусской элитарной культурой: они найдены в комплексе с престижными и дорогостоящими предметами, характерными для быта богатых древнерусских усадеб.

This paper is dedicated to description and analysis of the collection of reliquary crosses from the prince's seat in Ryurik Gorodishche. It consists of eleven specimens of which nine are dating from the pre-Mongolian period and two from the post-Mongolian time. The Old-Russian enkolpia are attributed to standard types according to the classification of G.F. Korzukhina and A.A. Peskova; the late reliquary-crosses are characteristic of the cast copper plastics of the Muscovite Rus'. All of the finds archeologically documented are connected with mediaeval architectural remains related with the ensemble of the princely court. The period of existence of some of the buildings is the 12th to first half of the 13th century, while the other are dated to the late 13th–15th centuries. The archaeological finds accompanying the finds of enkolpia are directly linked with the Old-Russian elite culture: they were found in associations with prestigious and expensive objects typical to the everyday life of rich Old-Russian estates.

Ключевые слова: кресты-реликварии, энколпионы, предметы личного благочестия, христианские древности, Рюриково городище, княжеская резиденция, Новгородская земля, Древняя Русь.

Keywords: reliquary crosses, enkolpia, objects of private devotion, Christian antiquities, Ryurik Gorodishche, residence of the Novgorod princes, Novgorod Principality, Old Rus.

В средние века реликвии играли важную роль в восточнохристианской культуре: они преобладали вещественное, наполняли святостью реальную материю, давали невидимую, но действительную защиту. Это стало причиной появления

множества разнообразных предметов личного благочестия. Особенно заметно из этого круга древностей выделяются кресты-реликварии, которые становятся основной категорией паломнических реликвий в восточнохристианском мире, «они соединяют в себе три главные христианские святыни – крест, реликвию и икону» (Лидов, 2003. С. 6–9; Яшаева, 2005. С. 125; Мусин, 2009. С. 223). Византийская практика изготовления таких реликвариев получает развитие во многих восточнохристианских регионах, но только на территории Древней Руси отмечается ее исключительное распространение. Здесь складывается новое самостоятель-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума РАН в рамках направления «Исторический опыт существования носителей разных культур, традиций, исповеданий в формировании российской государственности» (проект «Элитарная культура Северной Руси IX–XI веков: столкновение традиций на пути к единству»).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив.

ное направление, характеризующееся массовым производством крестов и их широким бытованием в обществе. По данным свода древнерусских энколпионов, их количество насчитывает свыше 1600 экземпляров и постоянно увеличивается за счет новых находок (*Корзухина, Пескова, 2003*).

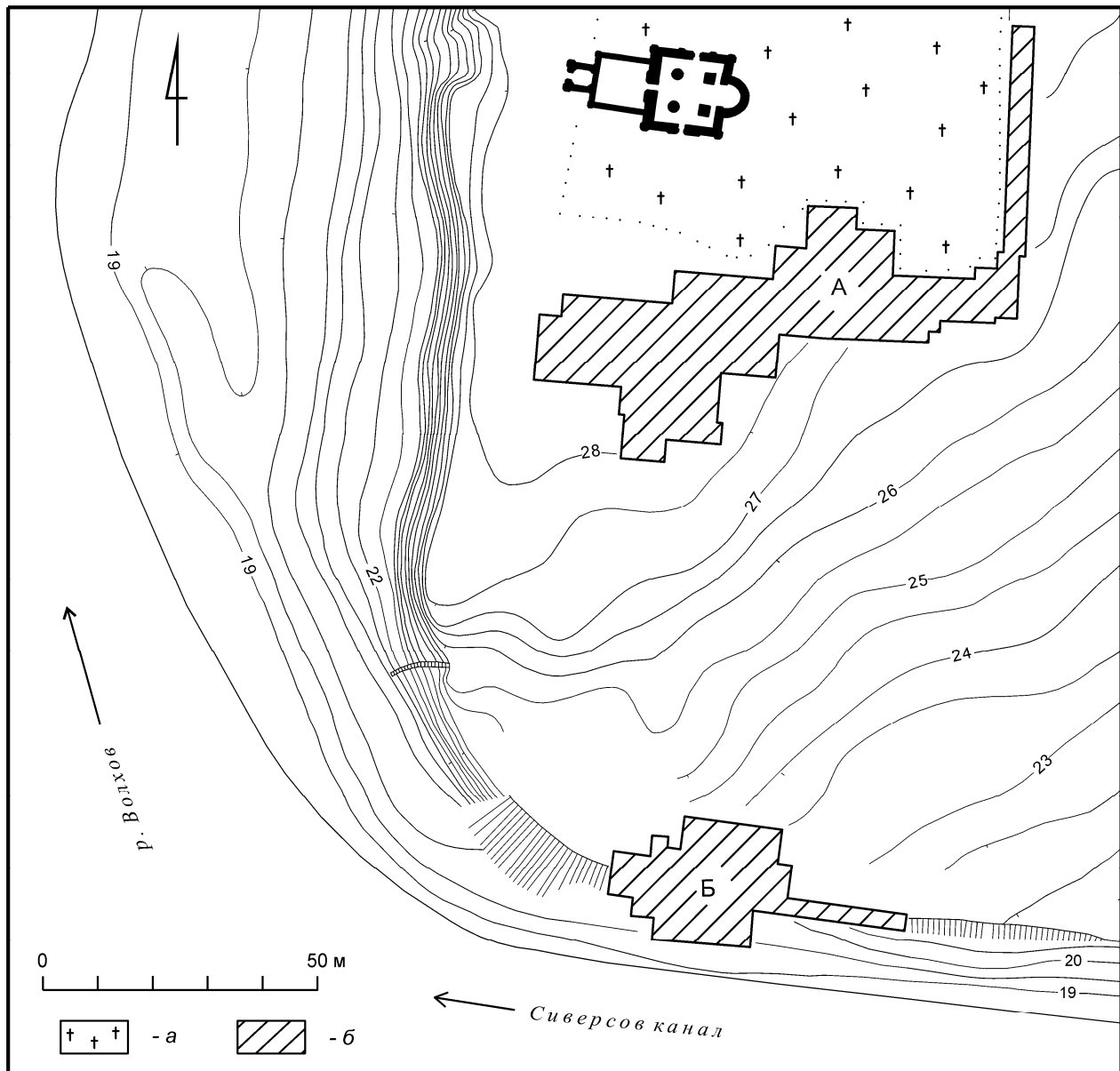
На протяжении нескольких столетий на Городище под Новгородом, или Рюриковом городище (как его стали называть с XIX в.), располагалась резиденция новгородских князей, о чем говорят многочисленные летописные свидетельства. Проникнуть в повседневный мир нерядового древнерусского поселения нам позволили археологические раскопки Новгородской экспедиции ИИМК РАН (*Носов, 1990; 2007а. С. 23–58; Носов, Плохов, 2005. С. 33–66*). Коллекция крестов-реликвариев с Рюрикова городища насчитывает 11 экземпляров.³ Восемь из них имеют археологический контекст, ценность которого повышается с каждым днем из-за грандиозных масштабов разграбления древних памятников. Все документированные находки происходят из раскопов в центральной части холма и на северном берегу Сиверсова канала (рис. 1). Основная часть коллекции, кроме нескольких ранее опубликованных предметов, вводится в научный оборот впервые. Городищенское собрание крестов довольно разнообразно, оно включает в себя древнерусские энколпионы стандартных типов (по классификации Г. Ф. Корзухиной, А. А. Песковой), «сирийский» крест-реликварий и поздние кресты-мощевники, характерные для меднолитой пластики Московской Руси.

Древнерусские энколпионы представлены двумя группами: *рельефно-черневой* и *черневой, или инкрустированной*. К *рельефно-черневым* относится один малый энколпион с закругленными концами *типа III.2.3. Распятие с предстоящими – Богоматерь с ладонями, раскрытыми перед грудью, и трое святых в медальонах* (рис. 2, 1). Его размер составляет 5,5 × 4,7 см. Он был обнаружен в закрытом виде и сохранил священное вложение, исследованное естественными методами. Это послужило поводом к его подробной публикации (*Литатов и др., 2006*.

С. 296–297, 301–302, рис. 1). Для общей полноты информации мы повторим эти данные с небольшими дополнениями. «Энколпион отлит из медного сплава, он имеет закругленные концы, дополненные выступами-“слезками” по бокам, у него подвижное цельнолитое биконическое оглавие, имитирующее двустворчатое. Нижние петли утрачены, вместо них нижние концы створок скрепляет бронзовый стержень, пропущенный через сквозные отверстия в этих створках. На лицевой створке помещено в центре рельефное изображение распятого Христа и инкрустированные чернью (или эмалью) изображения четырехконечного креста над его головой и предстоящих Богоматери и Иоанна Богослова, переданных оплечно, на боковых концах. На оборотной стороне створки – рельефное изображение в рост Богоматери Ассунты (с ладонями, раскрытыми перед грудью) и инкрустированные оплечные изображения святых в медальонах на боковых и верхнем концах створки». От углубленной греческой надписи около рельефа Богоматери сохранились только две буквы Θ(V). Начало надписи, как и часть рельефа, покрыто той же чернью (или эмалью), только матовой, а не блестящей, как на изображениях в медальонах. Исследование вложения энколпиона показало характер помещенной туда реликвии. Это были фрагменты костной ткани – “святые мощи”, покрытые смесью ладана и воска» (Там же. С. 304).

Крест (здесь и далее дается номер по полевой описи – НОЭ–2003/РГ–189) был найден в 2003 г. на северном берегу Сиверсова канала при раскопках южного склона Городища. Он залегал в сохранившемся домонгольском слое с органическими остатками вместе с большим количеством индивидуальных находок и керамики, сконцентрированных на месте двух рубленных «в обло» построек (рис. 3, 1). Среди археологического материала отмечается значительное присутствие престижных предметов: фрагментов золотых украшений, импортных и древнерусских стеклянных сосудов, привозной керамики, амфорной тары и пр. Здесь же найдены берестяная грамота с упоминанием князя и коллекция домонгольских свинцовых печатей и их заготовок. По керамическому, сфрагистическому материалу и по дендродатам органические напластования датируются XII в. (*Носов, 2007а. С. 36–38; Носов и др., 2004. С. 20–21; Григорьева, 2014. С. 255–258*).

³ Благодарю Е. Н. Носова за предоставленный материал, а также А. А. Пескову, С. Е. Торопова и Т. С. Дорофееву за оказанную мне помощь. Отдельную благодарность приношу Ю. В. Румянцеву за помощь при подготовке иллюстраций к статье.

Рис. 1. Рюриково городище. Раскопы с находками крестов-реликвариев.

Условные обозначения:

а – территория действующего кладбища; *б* – территория раскопов: А – у церкви Благовещения; Б – на Северном берегу Сиверсова канала.

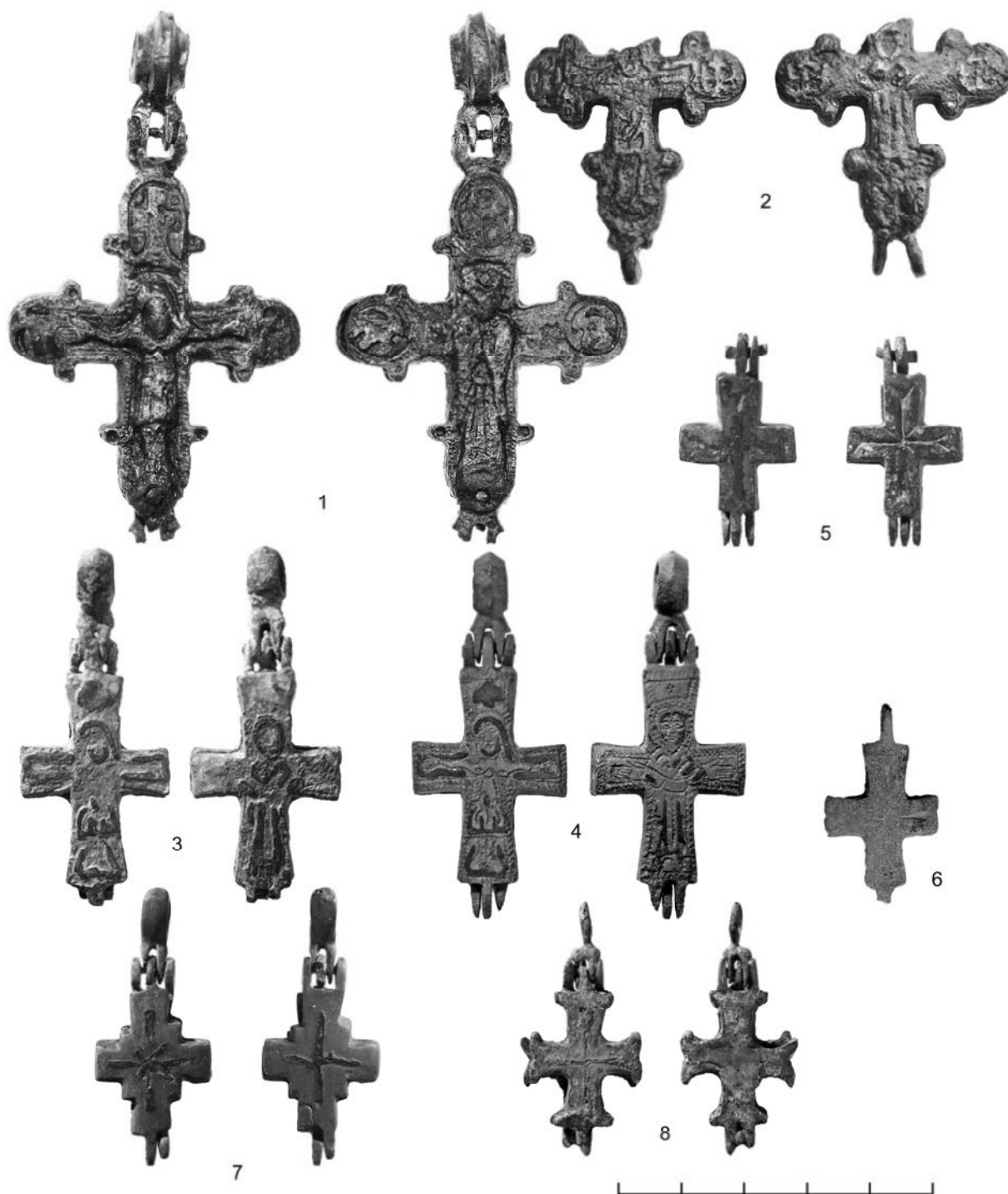
Fig. 1. Rurik Gorodishche. Excavations with finds of reliquary crosses.

Notations:

a – area of the functioning cemeteries; *b* – area of excavations: A – near the church of Annunciation; B – on the northern bank of the Siverson Canal.

По данным свода древнерусских крестов-реликвариев, аналогичных находок известно более 100 экземпляров, 68 из которых являются адресными. Они отличаются большим разнообразием в манере исполнения и широко распространены в южнорусских и севернорусских землях, отдельные экземпляры встречаются за ее

пределами. На территории Северной Руси такие складни найдены в Великом Новгороде, Пскове, Белоозере, Суздале, Ярополче-Залесском и Рязанской земле (Корзухина, Пескова, 2003. С. 117–127; Литатов и др., 2006. С. 297; Колтакова, 2011. С. 148–151, рис. 3, 2, 4). Из Новгорода происходят три аналогичные лицевые створки,

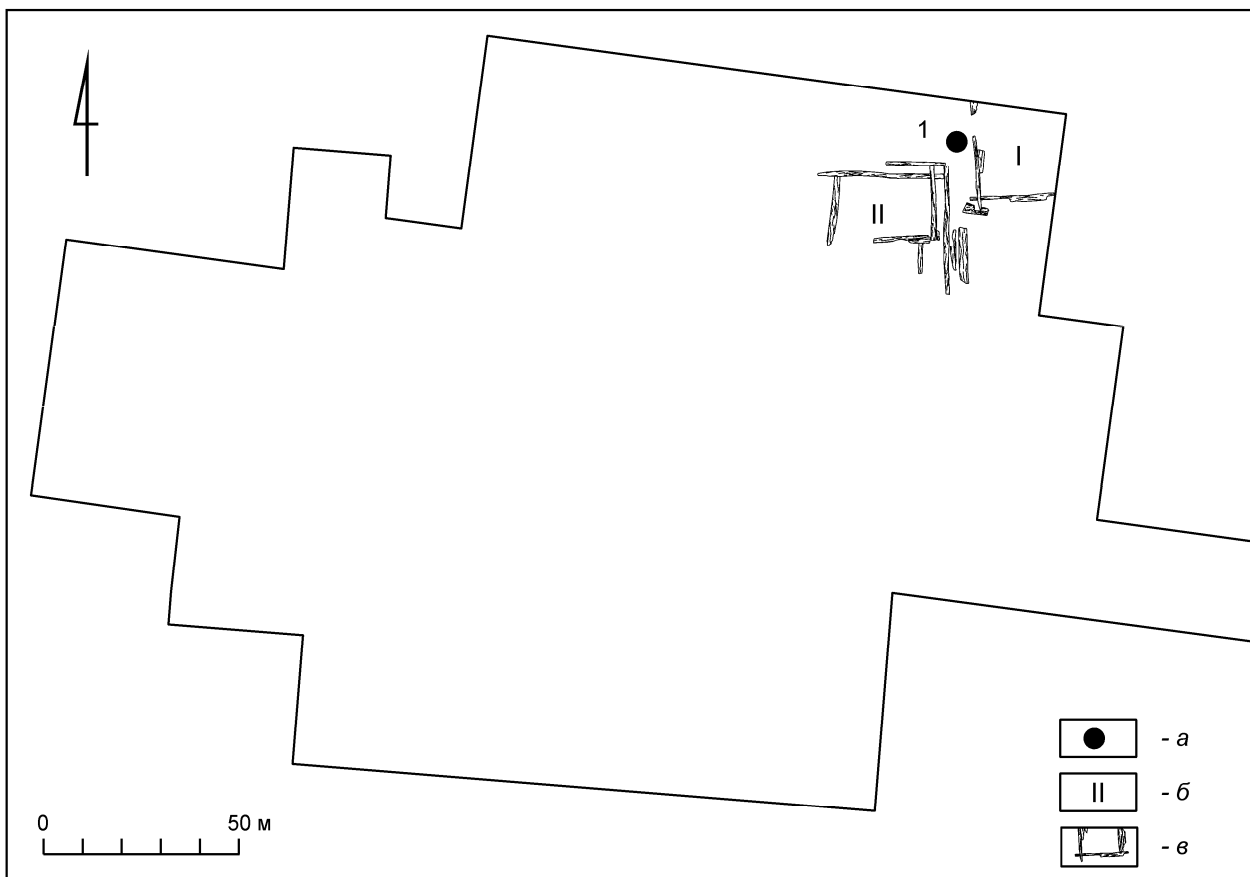

Рис. 2. Древнерусские кресты-реликварии:

1 – тип III.2.3; 2 – тип IV.4.1; 3–4 – тип IV.6.1; 5–6 – тип IV.6.3; 7 – тип IV.6.4; 8 – тип IV.6.5.

Fig. 2. Old-Russian reliquary crosses:

1 – type III.2.3; 2 – type IV.4.1; 3–4 – type IV.6.1; 5–6 – type IV.6.3; 7 – type IV.6.4; 8 – type IV.6.5.

Рис. 3. Планиграфия крестов-реликвариев. Раскоп на северном берегу Сиверсова канала.

Условные обозначения:

a – место находки креста; *б* – номер постройки; *в* – контуры построек.

Fig. 3. Planigraphy of reliquary crosses. Excavation on the northern bank of Sivers Canal.

Notations:

a – find-spot of a cross; *б* – number of the structure; *в* – outlines of the structures.

одна из которых имеет стратиграфическую дату 1238–1281 гг. (Неревский раскоп, 1955). Возникновение данного типа исследователи относят к рубежу XI–XII вв., но пока все стратифицированные находки датируются XII–первой половиной XIII в. (Корзухина, Пескова, 2003. III.2.3/3–5, табл. 68. С. 118, 240).

Наиболее многочисленной группой являются *черневые*, или *инкрустированные*, энколпионы, куда входят один малый и 6 миниатюрных крестов. Малый крест-реликварий с закругленными концами относится к *типу IV.4.1. Распятие и 3 процветших креста – Богоматерь Оранта и 4 процветших креста* (рис. 2, 2). У него утрачены верхние части обеих створок и нижние петли. Размеры фрагмента 3,5 × 3,4 см. Энколпион отлит из медного сплава, изображения Распятия, Богоматери Оранты и процветших крестов сделаны чернью, но довольно грубо и упрощенно.

Крест (НОЭ–1983/РГ–54) происходит из раскопок 1983 г. в центральной части Городища к югу от церкви Благовещения (Носов, 1983. Л. 2–4). Он найден в темно-сером мешаном слое рядом с котлованами крупных построек древнерусского времени (рис. 4, 2). Судя по их расположению вблизи княжеского храма и наличию престижного вещевого материала в их заполнении, представляется, что они относились к комплексу строений княжеского двора. Существование постройки I исследователи относят к XII–первой половине XIII в., а построек II и III, составлявших единый комплекс, – к концу XIII–первой половине XV вв. (Носов, Плохов, 2005. С. 33–47).

Малые черневые энколпионы IV группы немногочисленны и отличаются неустойчивой иконографией. По своду Г. Ф. Корзухиной, А. А. Песковой, крестов типа IV.4.1 насчитывается всего

9 экземпляров, 7 из которых адресные. Среди них нет ни одного с хорошо документированным археологическим контекстом. Практически все они происходят с территории Южной Руси, исключая находку с Северного Кавказа, которая связывается с проживанием здесь выходцев из русских земель (*Виноградов и др.*, 1984. С. 77, 80; *Корзухина, Пескова*, 2003. С. 149–152, 235–236). Наиболее близкие аналогии городищенской находке – это крест из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко, происходящий из Черкасского уезда Киевской губернии, и створка с изображением Богоматери Оранты из Чернигова, найденная в 2005 г. в заполнении котлована большой двухкамерной постройки конца XII–начала XIII в. (*Ханенко*, 1899. Таб. V, № 62–63; *Черненко*, 2011. С. 214. Рис. 1).

По иконографическим признакам такие реликварии датируются XII–первой половиной XIII в. Новые находки миниатюрных черневых энколпионов в Великом Новгороде и Старой Руссе удревняют начало изготовления всей группы черневых крестов до середины–второй половины XI в. (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 141). Время бытования городищенского энколпиона, скорее всего, можно отнести к XII–первой половине XIII в. Стоит отметить, что на данный момент малый черневой энколпион этого типа является единственной известной нам археологической находкой, происходящей с территории Северной Руси.⁴

Остальные энколпионы черневой группы относятся к серии миниатюрных (тип IV.6). Они разнообразны и отличаются упрощенной иконографической схемой. Изображения трех крестов-реликвариев (типы IV.6.1, 6.3, 6.4) ранее были опубликованы в научно-популярном издании, посвященном Рюрикову городищу (*Носов и др.*, 2012. С. 124–125).

Тип IV.6.1. Миниатюрный прямоконечный энколпион с композицией Распятие – Богоматерь Оранта представлен двумя целыми крестами. Первый – хорошо сохранившийся реликварий из медного сплава с оглавием в виде цельнолитой биконической бусины (рис. 2, 3). На нем имеются довольно грубые упрощенные изображения, выполненные контурными углубленными линиями, заполненными чернью. На

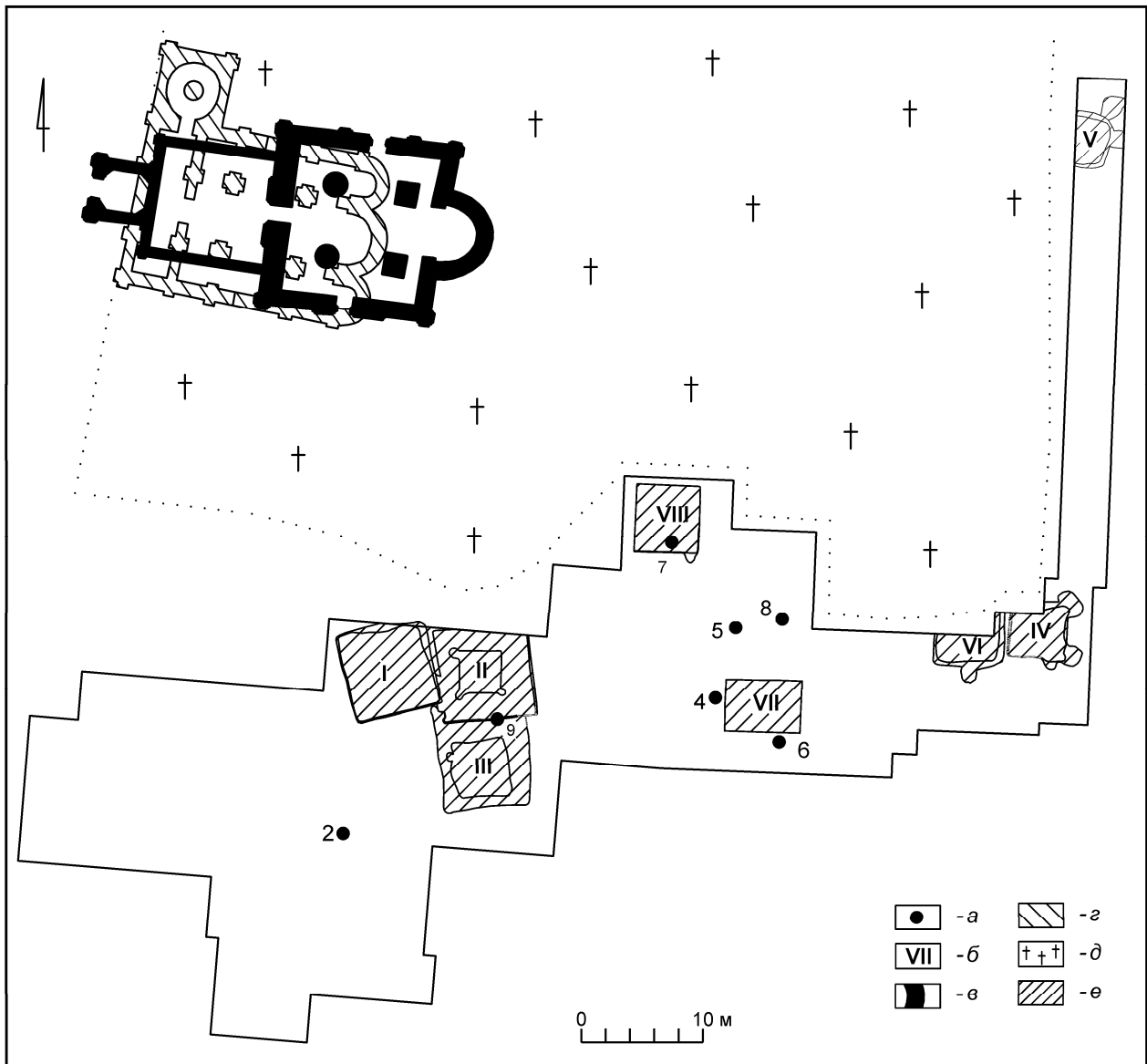
лицевой створке – Распятие с крестом над головой Христа, на оборотной – изображение Богоматери Оранты. Размеры креста 3,3 × 2,3 см. Это случайная находка (НОЭ–2008/РГ–26 п/м), сделанная в 2008 г. сотрудниками Новгородской областной экспедиции на северном берегу Сиверсова канала на участке, где размывается средневековый слой с органикой (*Носов*, 2007а. С. 36–38). Второй энколпион из медного сплава также найден с оглавием (рис. 2, 4). Изображения на его створках аналогичны изображениям вышеназванного реликвария, но выполнены в более сложной технике. Тонким резцом прорезаны мелкие детали фигур: лики, нимбы, кисти рук и линии одеяний; над головой Богоматери четырьмя точками обозначен крест, по краю створок нанесен орнамент – прямая линия и косые насечки. В углублении некоторых линий сохранились следы черни. Размер креста 3,5 × 2,4 см. Эта находка (НОЭ–2007/РГ–166) была извлечена из осыпи стенок раскопа 1989 г. при археологических работах 2007 г. в центральной части Городища (рис. 4, 4). Энколпион располагался рядом с котлованом постройки VII, в заполнении которого практически не было находок, но, судя по концентрации артефактов домонгольского времени вокруг постройки, она также относится к этому времени (*Носов*, 2007б. Л. 12).

Реликварии *типа IV.6.1* встречаются на территории Южной и Северной Руси и за ее пределами. По данным каталога древнерусских энколпионов, таких находок насчитывается 57 экземпляров, из них 52 являются адресными. Основная масса крестов происходит из южнорусских земель, в северных землях известно всего 16 находок (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 165–170).

С территории Северной Руси происходят несколько крестов с упрощенным характером изображений, аналогичных городищенскому реликвария. Два экземпляра найдены в Изборске: один – в слое рубежа XI–XII вв., другой – в отложениях XIII в. Учитывая их полную идентичность, исследователи предполагают, что они были изготовлены в одной мастерской и привезены вместе в домонгольский период (*Седов*, 2007. С. 393; *Колтакова*, 2011. С. 144, рис. 1, 2, 3). Еще два экземпляра происходят из Старой Ладogi: один – из коллекции Н.И. Репникова (предположительно ладожский), другой – из раскопок 1992 г., обнаружен в переотложенном слое насыпи земляного бастиона (*Пескова*, 2002.

⁴ Приношу искреннюю благодарность реставратору НГОМЗ И. В. Приходько за работу по расчистке этого креста-реликвария.

Рис. 4. Планиграфия крестов-реликвариев. Раскоп у церкви Благовещения.

Условные обозначения:

a – место находки крестов; *b* – номер постройки; *v* – контуры церкви Благовещения XIV в.;
z – контуры церкви Благовещения XII в.; *d* – территория действующего кладбища; *e* – контуры построек.

Fig. 4. Planigraphy of reliquary crosses. Excavation near the Church of Annunciation.

Notations:

a – find-spots of the crosses; *b* – number of the building; *v* – outlines of the Church of Annunciation of the 14th century;
z – outlines of the Church of Annunciation of the 12th century; *d* – area of the functioning cemetery; *e* – outlines of the buildings.

С. 30–32, рис. 3, 1, 3). Один крест найден в Суздальском Ополе в распаханном слое домонгольского селища Вишенки III (Макаров, Красникова, 2007. С. 67–68, рис. 2, 3). Самый ранний экземпляр происходит из Старой Руссы, где найден в Борисоглебском раскопе в слое второй половины XI в. (Корзухина, Пескова, 2003. IV.6.1/47, табл. 100. С. 170; Липатов и др., 2006. С. 295, цв. ил. 2). В этом же раскопе в слое кон-

ца XI–начала XII в. обнаружен еще один крест этого типа, но уже с гравированными изображениями. Последний встречен в заполнении постройки, относящейся к усадьбе, с интересным комплексом находок, среди которых западноевропейский денарий, фрагменты древнерусского оружия и элементы конской верховой узды (Торопова и др., 2001. С. 16–19). В северорусских землях также найдено несколько находок, ана-

логичных гравированным городищенским крестам. Один реликварий происходит из Пскова, где обнаружен в заполнении постройки богатой усадьбы второй половины XI в. (Колтакова, 2011. С. 143–144, рис. 1, 1). Два креста найдены в Новгороде в слоях 10–30-х гг. и 70–90-х гг. XII в. (Корзухина, Пескова, 2003. IV.6.1/4–5, табл. 100. С. 166).

Таким образом все энколпионы типа IV.6.1, происходящие из хорошо датированных стратиграфических слоев, относятся к периоду второй половины XI–первой половины XIII вв. Хронология бытования крестов с Городища вполне укладывается в этот период, за исключением нижней даты, которую, в данном случае, следует ограничить концом XI в. По данным археологических раскопок, на рубеже X–XI вв. или в самом начале XI в. на Городище проводятся масштабные нивелировочные работы, и интенсивность жизни здесь резко падает, возрастая лишь в самом конце XI–начале XII в. (Носов, 1990. С. 83, 151).

Тип IV.6.3. Миниатюрный прямоконечный энколпион с композицией Крест – Крест представлен одним целым крестом и одной лицевой створкой. Целый энколпион изготовлен из медного сплава, его оглавие утрачено, верхние петли скреплены штифтом (рис. 2, 5). На лицевой створке имеется черневое изображение четырехконечного креста с «сиянием» в средокрестии. На оборотной створке такое же изображение сделано углубленными линиями без черни. Размеры креста $2,2 \times 1,7$ см. Энколпион (НОЭ–2007/РГ–126) найден при раскопках 2007 г. в центральной части Городища в темно-сером мешаном слое недалеко от котлована древнерусской постройки VII (рис. 4, 5). По форме створок он принадлежит к типу IV.6.3, но изображение креста с «сиянием» больше характерно для типа IV.6.4. В каталоге древнерусских энколпионов имеется лишь один похожий крестик из с. Подгорцы (летописный Плиснеск) в Львовской области (Украина), найденный в комплексе XII–XIII вв. У этой находки гравированное изображение креста с «сиянием» имеется лишь на лицевой створке, оборотная, судя по описанию, без изображений (Корзухина, Пескова, 2003. IV.6.3/13, табл. 99. С. 172).

От второго креста-реликвария сохранилась лицевая створка из медного сплава с прямыми слегка расширяющимися концами (рис. 2, 6). На ней углубленными линиями без черни изобра-

жен четырехконечный крест. Изображение сильно стерто и едва читается. Размеры створки $2,2 \times 1,7$ см. Находка (НОЭ–2008/РГ–545) обнаружена при раскопках 2008 г. в центральной части Городища. Как и вышеописанный крест, данная створка была извлечена из темно-серого мешаного слоя рядом с постройкой VII (рис. 4, 6).

У энколпионов типа IV.6.3 чаще всего изображения креста на обеих створках сделаны чернью. Находок без черни, аналогичных городищенскому кресту, известно совсем немного. Похожий экземпляр происходит из Старой Ладogi, где обнаружен на Земляном городище в переотложенном слое. На его лицевой стороне изображение креста сделано без черни, на оборотной – с чернью (Корзухина, Пескова, 2003. IV.6.3/17, табл. 102. С. 172). Еще один аналогичный крестик неизвестного происхождения имеется в коллекции Муромского историко-художественного музея. Здесь на обеих створках изображения сделаны без черни (Там же. IV.6.3/22, табл. 102 С. 173).

По своду энколпионов известно 26 реликвариев такого типа, из них 19 являются адресными. Главным образом, они обнаружены в южно-русских землях (16 экземпляров), в северных землях такие находки единичны. Одна из них происходит из Новгорода, где найдена в городском слое конца XII–30-х гг. XIII в. (Там же. С. 171–173).

Тип IV.6.4. Миниатюрный прямоконечный с 4 выступами в средокрестии энколпион с композицией Крест – Крест представлен одним реликварием из медного сплава с оглавием (рис. 2, 7). На его лицевой створке имеется изображение креста с «сиянием», на оборотной – простого креста. Оба изображения сделаны чернью. Размеры креста $3,3 \times 1,8$ см (с петлями). Как и большинство предыдущих находок, данный энколпион (НОЭ–2008/РГ–861) был обнаружен при раскопках в центральной части памятника. Он найден в верхней части заполнения постройки VIII (рис. 4, 7). По составу индивидуальных находок и керамики этот погибший в пожаре комплекс относится к XII–XIII вв. (Носов и др., 2009. С. 34–35).

Реликвариев типа IV.6.4, учтенных в каталоге Г. Ф. Корзухиной, А. А. Песковой, довольно много – всего 62 экземпляра, из которых 48 адресных. Изображения крестов на створках варьируются, у большинства на обеих створках изо-

бражается крест с «сиянием», но иногда на одной из створок, как у городищенского экземпляра, изображен простой четырехконечный крест. География распространения этого типа довольно широкая, кроме древнерусских земель она охватывает также Польшу и Латвию. Основная масса таких реликвариев найдена в Южной Руси, в Северной Руси их не так много: они происходят из Рязани, Ярополча-Залесского, Белоозера и Новгородской земли (с. Удрай) (Корзухина, Пескова, 2003. С. 173–178; Захаров, 2004. С. 167, рис. 8, 11; Остапенко, 2014. С. 98, рис. 3, 4–8). Прямые аналогии городищенскому кресту по характеру изображения имеются в южных землях – это крестик из с. Васловивцы Черновицкой обл. (Украина), обнаруженный на селище XII–XIII вв. (Корзухина, Пескова, 2003. IV.6.4/3, табл. 103, С. 173), и крестик из Гродека Надбужского (древний Вольтынь) в Польше, происходящий из случайных сборов на городище (Там же. IV.6.4/8, табл. 102. С. 174). Кресты-реликварии типа IV.6.4 датируются XII–началом XIII в., городищенский экземпляр по археологическому контексту также не выходит за эти рамки.

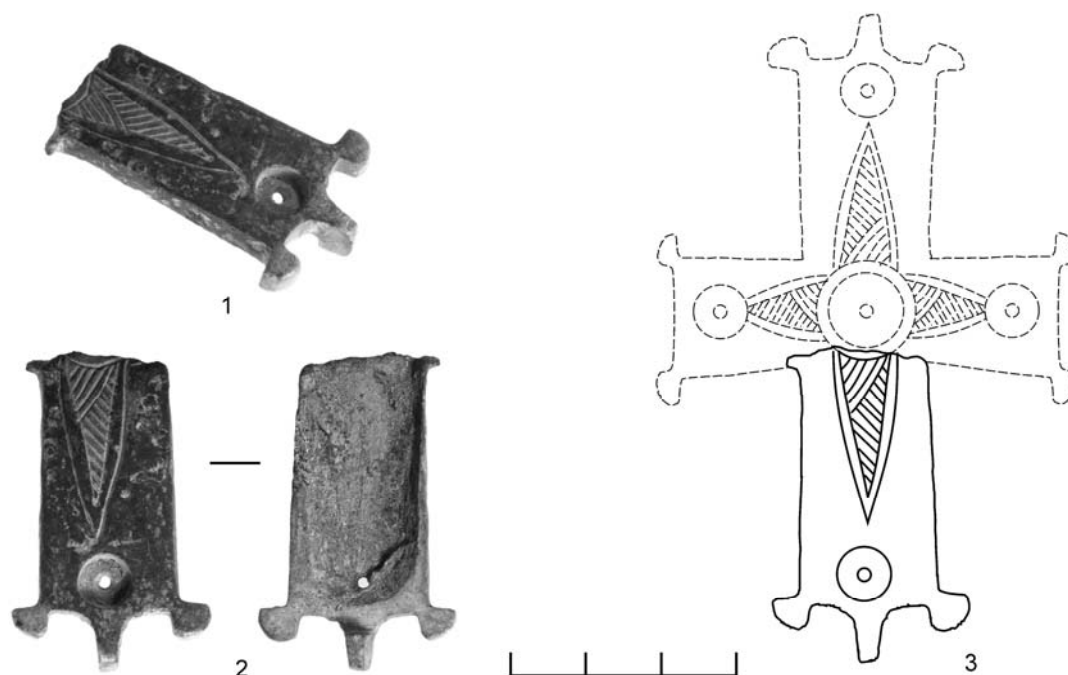
Тип IV.6.5. Миниатюрный прямоконечный с заостренными выступами на углах энколпион с композицией Крест – Крест представлен одним целым крестом с оглавием (рис. 2, 8). На лицевой створке имеется инкрустированное изображение простого креста. На оборотной створке изображение не читается. Размеры креста 2,0 × 1,8 см (с оглавием). Данный реликварий (НОЭ–2007/РГ–1011) найден при раскопках 2007 г. в центральной части Городища, извлечен из темно-серого мешаного слоя недалеко от котлована постройки VII (рис. 4, 8).

Кресты типа IV.6.5 немногочисленны. В каталоге древнерусских энколпионов зафиксировано всего 12 адресных экземпляров, все из южнорусских земель. Обычно такие крестики датируют XII–первой половиной XIII в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 178). Не противоречат этим датам и новые археологические находки, сделанные в слоях древнерусского времени на многослойном поселении Кошеевка-8 в Киевской области (Украина) (Лысенко и др., 2012. С. 77, рис. 192, 195).

Одна находка домонгольского времени выделяется из группы древнерусских энколпионов. Это фрагмент заготовки гладкой лицевой створки прямоконечного креста с выступами-«слезками» по углам и гравированным геометриче-

ским орнаментом (рис. 5). Размер фрагмента 4,3 × 2,7 см. Такие складни относятся к группе *византийских*, или так называемых «*сирийских*» крестов. К сожалению, эта редкая находка не имеет археологического контекста и происходит из случайных сборов на вершине холма в центральной части Городища. Данный крест был атрибутирован и опубликован А. А. Песковой (Пескова, Егорьков, 2010. С. 53–61, цв. ил. III, 2–4). По ее мнению, реконструированный энколпион имеет характерный византийский облик и относится к представительной группе крестов с врезанными изображениями, на одной створке которых помещался крест или крестообразная композиция, на другой, в разных вариантах, – Крест, Богоматерь с Младенцем, Богоматерь в позе оранты, святой в позе оранты и очень редко изображение в рост Христа. На территории Древней Руси крестов этой группы найдено более 20 экземпляров. Их общая датировка довольно широкая: от конца X до XIII в. А. А. Пескова датирует городищенскую находку концом X–первой половиной XI в. и указывает на возможность его местного изготовления (в Новгороде или даже на Рюриковом городище). Для этого периода в Новгороде прослеживается процесс создания новых моделей крестов на основе привозных византийских образцов. Мы же склоняемся к более поздней дате, апеллируя к тому, что на рубеже X–XI вв. в центральной части Городища проводились масштабные нивелировочные работы и практически полностью отсутствовала какая-либо застройка (Носов, 1990. С. 83, 151). Кроме этого, бытование «сирийских» крестов на многих древнерусских памятниках по археологическому контексту датируется XII–первой половиной XIII в. (Кадеев, 2000. С. 25–39; Мисько, 2010. С. 445–450). Вероятно, этим же периодом стоит датировать и городищенскую находку.

Двустворчатые кресты, сформировавшиеся начиная с XIV в., принято называть крестами-мошевицами (Пескова, 2005. С. 134). К этому времени в коллекции Городища относятся два реликвария, изготовленные в традициях поздней меднолитой пластики. Одна находка принадлежит группе крестов с мелкими плотно скомпонированными рельефными изображениями – тип VII.4.1. *Архангел Михаил и 4 медальона со святыми – Распятие с предстоящими и архангелами* (рис. 6, 1). Мошевик из медного сплава представлен одной оборотной створкой с утраченными

Рис. 5. «Сирийский» крест-реликварий:

1–2 – фрагмент створки; 3 – графическая реконструкция (Пескова, Егорьков, 2010. Цв. ил. III, 2–4).

Fig. 5. 'Syrian' reliquary cross:

1–2 – fragment of the valve; 3 – graphic reconstruction.

боковым правым и нижним концами. Рельефные изображения на ней сильно сглаженные, надпись не читается. Бортики, окаймляющие створку, гладкие. Размеры фрагмента 4,8 × 5,1 см. Эта случайная находка (НГМ–КП-25402/А26/28) хранится в фондах Новгородского музея-заповедника, год и ее конкретное местонахождение на Городище неизвестны.

Появление группы энколпионов с мелкими рельефными изображениями относится к первой трети XIII в. Тип VII.4.1 представляет заключительную фазу развития этой группы, знаменующую переходный этап к новым традициям медного литья. По данным каталога Г. Ф. Корзухиной, А. А. Песковой, эта группа насчитывает 26 экземпляров, из которых 20 адресных, и она продолжает пополняться. В коллекции XIX в. Б. И. и В. Н. Ханенко имеется аналогичный мощевик из Житомира, датированный домонгольским временем (рис. 6, 1). По мнению современных исследователей, подобная иконография широко распространяется только в XIV–XV вв., а сам крест представляет собой позднюю отливку, сильно отличающуюся от первоначальной модели (Ханенко, 1899. Таб. II, № 37–38; Корзу-

хина, Пескова, 2003. С. 218). Такие кресты довольно широко распространены по всей русской территории и за ее пределами. Предположительно, тип VII.4.1 появляется во второй половине XIII в. и широко распространяется в XIV–XV вв. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 195). Из Новгородской земли происходят три аналогичных экземпляра: один из впускного погребения в Косицкой сопке, другой из городских слоев XIV в. (Новгород, Дмитриевский раскоп) и один является случайной находкой (Мусин, 2002. С. 184, рис. 113, 1; Корзухина, Пескова, 2003. С. 218–220; Синодалова, 2010, С. 8, ил. 22). Значительное количество таких реликвариев (более 10 экз.) найдено на территории Белоруссии в слоях XIV–XVI вв., причем скопление крестов в Мстиславле (5 экз.) в слоях XIV в. исследователи связывают с деятельностью местных мастеров, откуда их продукция могла распространяться по Днепровскому бассейну (Башиков, 2011. С. 55–56, рис. 33–34). В центральнорусских землях такой тип мощевиков представлен в более поздних комплексах XVI–начала XVII в. Две створки (в составе группы крестов других типов) происходят из раскопок в урочище По-

гост на Афанасьевском поле в Радонеже, где время их попадания в слой авторы раскопок ограничивают 1570–1610 гг. (Чернов, 2000. С. 63–81, рис. 4, 25–26, рис. 7, 24; Шемаханская, 2000. С. 85). Еще одна аналогичная створка найдена в Москве при исследовании усадьбы Лопухиных и обнаружена в слое XVI в. (Малых, 2015. С. 486–488, рис. 12, 2).

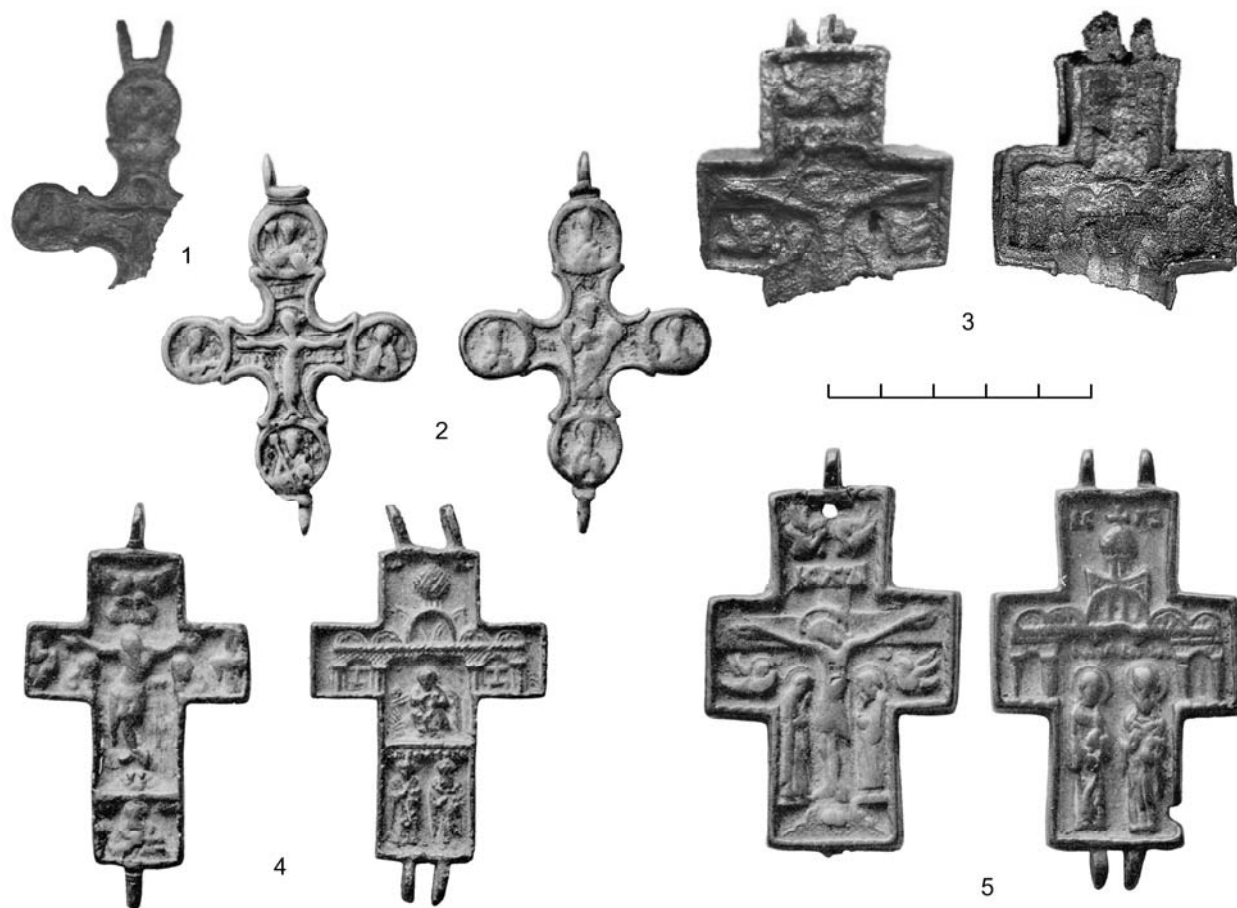
Сложение формы и иконографии второго мощевика уже полностью относится к периоду Московской Руси, в каталоге древнерусских энколпионов не находится подобных ему типов. Крест фрагментирован, у него утрачены нижние концы обеих створок. По аналогии с такими же, но полностью сохранившимися крестами, на его лицевой створке находится *многофигурная композиция с изображением Распятия с предстоящими в окружении ангельских сил*, на оборотной – *фигуры Архидиакона Стефана и Св. Николая, вписанных в контуры храма* (рис. 6, 3). Размеры фрагмента 4,8 × 4,7 см. Краткие данные об этой находке ранее были опубликованы (Носов, Плохов, 2005. С. 58, табл. III, 2). Крест (НОЭ–1985/РГ–132) обнаружен при раскопках 1985 г. в центральной части памятника при разборке темно-серого культурного слоя над постройкой III (рис. 4, 9). Она составляет единый комплекс с постройкой II и датируется концом XIII–первой половиной XV вв. (Носов, Плохов, 2005. С. 33–47).

Аналогичных экземпляров с такой редкой иконографией известно совсем немного, все они не имеют археологического контекста. Один реликварий происходит из коллекции XIX в. Б. И. и В. Н. Ханенко, где датируется домонгольским временем (рис. 6, 4) (Ханенко, 1899. Табл. IV, № 48–49); целый крест с оглавием (инв. №: М-240) хранится в фондах Рыбинского государственного музея-заповедника (Ярославская обл.) и датируется XVI в.; наперсный крест (инв. №: М-4599), отлитый по образцу оборотной стороны данного реликвария, имеется в фондах Муромского историко-художественного музея (Сухова, 1993. С. 114). Точное происхождение вышеописанных крестов неизвестно. Кроме этого имеются две оборотные створки от аналогичных мощевиков: одна найдена на территории Юго-Западной Руси во Владимиро-Волынской земле, другая неизвестного происхождения имеется в коллекции Варшавского музея (Cynkałowski, 1964. Tabl. XXVIII, il. 1; Kruk et al., 2006. P. 148, kat. II.51). Археологиче-

ский контекст городищенского экземпляра можно связывать с бытованием постройки III (конец XIII–первая половина XV в.).

По своим пропорциям и иконографии вышеописанные мощевики близки к реликвариям другого типа, которые относят к новгородской школе медного литья. Они отличаются более сложной иконографической схемой и особенностями изображения Распятия. Аналогичный реликварий имеется в коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко. На его лицевой створке изображено Распятие и поясные изображения предстоящих, на оборотной – одноглавый храм и сидящий в нем на престоле Христос; на нижнем конце креста изображены двое святых в рост (в настоящее время имеется несколько вариантов их трактования: Стефан и Иоанн Златоуст, Стефан и Афанасий). Датируется этот крест XIV–XV вв. (рис. 6, 5) (Ханенко, 1899. Табл. IV, № 50–51). Похожие экземпляры отмечены в дореволюционном собрании Церковно-археологического музея Санкт-Петербургской духовной академии (Покровский, 1909. Табл. IV, № 39); в собрании Центрального музея им. Андрея Рублева, где он датируется XV–XVI вв. (Гнутова, Зотова, 2000. С. 28. № 19); оборотная створка от аналогичного креста (инв. №: В-21938/51) хранится в фондах Владимиро-Суздальского музея-заповедника и датируется XVI в. (Литые нагрудные кресты..., 2014. С. 28–29); такая же створка имеется в коллекции Загорского музея, где датируется XV–XVI вв. (Николаева, 1960. С. 119, № 18). В фондах Новгородского музея-заповедника имеется экземпляр, отличающийся изображением на оборотной створке: там вместо сидящего на престоле Христа дано изображение Троицы (Гормина, 2005. Ил. 7). К сожалению, точное происхождение всех этих крестов неизвестно. В настоящее время кроме городищенской находки археологический контекст имеет еще один экземпляр. Это крест-мощевик из Нижнего Новгорода. Он найден в 2011 г. при исследовании некрополя Никольской церкви и обнаружен в погребении. Его попадание в слой определяется XVI–XVIII вв. – датой существования некрополя (Батюков, 2013. С. 180–183, ил. 3).

Таким образом, о коллекции крестов-реликвариев из княжеской резиденции на Рюриковом городище можно сказать следующее. Большинство находок относится к домонгольскому времени, часть из которых, совершенно определено, имеет южнорусское происхождение. Самой

Рис. 6. Кресты-мошевики Рюрикова городища и их аналогии:

1, 3 – Рюриково городище; 2, 4, 5 – из коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко (Ханенко, 1899. № 37–38; 48–49; № 50–51). Масштаб указан для мошевиков № 1 и 3, найденных на Рюриковом городище.

Fig. 6. Engolpion-crosses from Ryurik Gorodishche and their analogues:

1, 3 – Ryurik Gorodishche; 2, 4, 5 – from collection of B. I. Khanenko and V. N. Khanenko. The scale is indicated for engolpions nos. 1 and 3 found at Ryurik Gorodishche.

многочисленной является черневая, или инкрустированная группа (7 экз.). Большинство реликвариев обнаружено в центральной части Городища рядом с княжеским храмом, где были исследованы котлованы средневековых построек княжеского двора. С их бытованием связаны все найденные здесь кресты. Часть сооружений относится к XII–первой половине XIII в., другая – к концу XIII–XV вв. Главной причиной выпадения артефактов в слой являлись пожары, следы которых обнаружены в заполнении большей части построек. Важно отметить, что находки четырех домонгольских энколпионов (типы IV.6.1; IV.6.3; IV.6.5) концентрировались вокруг котлована постройки VII, что позволяет предполагать их одновременное бытование и выпадение в слой после гибели жилища. Археологиче-

ский контекст, сопровождающий находки крестов, напрямую связан с древнерусской элитарной культурой: они найдены в комплексе с престижными и дорогостоящими предметами, характерными для быта богатых древнерусских усадеб: украшениями из драгоценных металлов, фрагментами импортных стеклянных и фаянсовых сосудов, амфорной тары, вислыми свинцовыми печатями и т. д. Такая картина наблюдается как в домонгольское, так и послемонгольское время.

Батиоков, 2013 – Батиоков В. А. О двух энколпионах, найденных в Нижнем Новгороде в 2011 году // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2013. Вып. 13.

Башков, 2011 – Башков А. А. Христианские древности Беларуси конца X–XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск, 2011.

- Виноградов и др.*, 1984 – *Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомедова Т. С.* Русские кресты XII–XV вв. из селения Майртуп (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
- Гнупова, Зотова*, 2000 – *Гнупова С. В., Зотова Е. Я.* Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI–начала XX вв. из собрания ЦМиАР. М., 2000.
- Гормина*, 2005 – *Гормина Н. В.* Христианские древности. Художественный металл XI–XIX вв. в собрании Новгородского музея-заповедника: Путеводитель по выставке. М., 2005.
- Григорьева*, 2014 – *Григорьева О. В.* Топография актов печатей из раскопок на Рюриковом городище (к вопросу о составе городищенского архива) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 28–30 января 2014 г.). Великий Новгород, 2014. Вып. 28.
- Захаров*, 2004 – *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.
- Кадеев*, 2000 – *Кадеев В. И.* История и археология Причерноморья: Статьи разных лет. Харьков, 2000.
- Колпакова*, 2011 – *Колпакова Ю. В.* Энкалпионы из Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура: К юбилею Лабутинной И. К. / Ред.-сост. Э. В. Королева. Псков, 2011. Вып. 2.
- Корзухина, Пескова*, 2003 – *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2003 (Труды ИИМК РАН; Т. 7).
- Лидов*, 2003 – *Лидов А. М.* Реликвии как стержень восточнохристианской культуры // Восточнохристианские реликвии / Отв. ред. А. М. Лидов. М., 2003.
- Липатов и др.*, 2006 – *Липатов А. А., Медникова Е. Ю., Мусин А. Е., Пескова А. А.* Священные вложения древнерусских энколпионов в контексте литургической практики: возможности комплексного анализа // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб., 2006.
- Литые нагрудные кресты..., 2014 – Литые нагрудные кресты с древнерусской иконографией из фондовой коллекции «Металл» Государственного Владимиро-суздальского музея-заповедника: Каталог / Сост. Н. А. Кокорина. Владимир, 2014.
- Лысенко и др.*, 2012 – *Лысенко С. Д., Шкляревский Е. И., Квитницкий М. В., Черновол Д. К.* Многослойное поселение Кошеевка-8 // Материалы Фастовской археологической экспедиции. Киев; Фастов, 2012. Вып. 1.
- Макаров, Красникова*, 2007 – *Макаров Н. А., Красникова А. М.* Христианские древности суздальских селищ: новые находки // КСИА. М., 2007. Вып. 221.
- Малых*, 2015 – *Малых С. В.* Усадьба Лопухиных в Москве: археологические исследования 2011 года // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. М., 2015. Вып. 11.
- Мисько*, 2010 – *Мисько Ю. В.* Сиро-палестинські хрести-енколпіони з території межиріччя Верхнього Пруту і Середнього Дністра // Сугдейський збірник. Київ; Судак, 2010. Вып. 4.
- Мусин*, 2002 – *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2002 (Труды ИИМК РАН; Т. 5).
- Мусин*, 2009 – *Мусин А. Е.* Паломничество и особенности «перенесения сакрального» в христианской Европе // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств / Отв. ред. А. М. Лидов. М., 2009.
- Николаева*, 1960 – *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. М., 1960.
- Носов*, 1983 – *Носов Е. Н.* Отчет о работе Новгородской областной экспедиции ЛЮИА АН СССР в 1983 г. // РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 1983, д. 95.
- Носов*, 1990 – *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов*, 2007а – *Носов Е. Н.* Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: Историко-археологический сб.: Материалы междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.) / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб., 2007.
- Носов*, 2007б – *Носов Е. Н.* Отчет о полевых археологических работах НОЭ ИИМК РАН на Рюриковом городище в 2007 г. // РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 1, 2007, д. 20.
- Носов, Плохов*, 2005 – *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Исследования центральной части Городища в 1984–1989 гг. // Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (Новые материалы и исследования) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. 18).
- Носов и др.*, 2004 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Еремеев И. И., Хвоцинская Н. В., Юшкова М. А.* Новые раскопки Рюрикова городища и Шкуриной горки // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 27–29 января 2004 г.). Великий Новгород, 2004. Вып. 18.
- Носов и др.*, 2009 – *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Смирнов А. М., Хвоцинская Н. В.* Работы на Рюриковом городище в 2007 и 2008 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 27–29 января 2009 г.). Великий Новгород, 2009. Вып. 23.
- Носов и др.*, 2012 – *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В.* Новгородская Русь: Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб., 2012.
- Остапенко*, 2014 – *Остапенко А. А.* Кресты-энколпионы из Старой Рязани // Древняя Русь. М., 2014. № 1 (55).
- Пескова*, 2002 – *Пескова А. А.* Энкалпионы Старой Ладogi // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Отв. ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб., 2002.
- Пескова*, 2005 – *Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы XI–XIII веков в русле византийской традиции // Ставрографический сборник. Книга III / Науч. ред. С. В. Гнупова. СПб., 2005.
- Пескова, Егорьков*, 2010 – *Пескова А. А., Егорьков А. Н.* Византийский крест-реликварий на Рюриковом городище // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвоцинская. СПб., 2010.
- Покровский*, 1909 – *Покровский Н. В.* Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1909.
- Седов*, 2007 – *Седов В. В.* Изборск в раннем Средневековье. М., 2007.
- Синодалова*, 2010 – *Синодалова Н. Н.* Коллекция литых энколпионов и мошевиков в собрании ГМЗ «Ростовский кремль» // История и культура Ростовской земли: Материалы конф. 2009 г. Ростов, 2010.
- Сухова*, 1993 – *Сухова О. А.* Коллекция медной мелкой пластики музея г. Муром // Русское медное литье / Науч. ред. С. В. Гнупова. М., 1993. Вып. 1.
- Торопова и др.*, 2001 – *Торопова Е. В., Антропова Я. В., Журинов И. Г., Торопов С. Е.* Старая Русса: археологические исследования на Борисоглебском раскопе в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 23–25 января 2001 г.). Великий Новгород, 2001. Вып. 15.
- Ханенко*, 1899 – *Ханенко Б. И и В. Н.* Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899. Вып. 1.
- Шемаханская*, 2000 – *Шемаханская М. С.* Результаты химико-технологического анализа комплекса меднолитых энколпионов и крестов могильника в урочище «Погост» на Афанасовом поле в Радонеже // РА. М., 2000. № 1.
- Черненко*, 2011 – *Черненко О. Э.* Нові знахідки предметів художнього культового лиття XII–XIII ст. з території Чернігово-Сіверщини // Музейні читання: Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки» (Київ, Музей

- історичних коштовностей України, 15–17 листопада 2010 р.). Київ, 2011.
- Чернов, 2000 – Чернов С. З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований 1997–1998 гг.) // РА. М., 2000. № 1.
- Яшаева, 2005 – Яшаева Т. Ю. Сакральная сущность энколпионов: реликварий – крест – икона // Символ в религии и философии: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю. А. Бабинов. Севастополь, 2005.
- Cynkalowski, 1964 – Cynkalowski A. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia wołyńskiego. Warszawa, 1964.
- Kruk et al., 2006 – Kruk M.P., Sulikowska-Gąska A., Wołoszyn M. Sacralia Ruthenica. Early Ruthenian and Related Metal and Stone Items in the National Museum in Cracow and National Museum in Warsaw. Warszawa, 2006.

Reliquary crosses from the prince's residence in Rurik Gorodishche

O. V. Grigor'eva

This paper is dedicated to description and analysis of the collection of reliquary crosses from the prince's residence in Rurik Gorodishche. The special value of this collection is in the fact that the majority of finds were well documented archaeologically within their associations that is becoming every day especially important due to the huge scale of the robbing of archaeological sites. In total, the collection comprises eleven specimens. The Old-Russian enkolpia are attributed to standard types according to the classification of G.F. Korzukhina and A.A. Peskova; the late reliquary-crosses are characteristic of the cast copper plastics of the Muscovite Rus. The majority of the crosses are dating from the pre-Mongolian period represented by the following groups: *relief-niello*, *niello or inlaid*, and a group of *Byzantine* or so-called 'Syrian' crosses.

The *relief-niello* group is represented by a single small enkolpion of type III.2.3 (*Crucifix and interceding saints: the Mother of God with the palms open in front of the breast and three saints in medallions*). Crosses of this type are fairly widely distributed in the southern and northern Russia and are characterized by a large diversity in terms of the manner of their execution. Now all of the finds of small enkolpia documented stratigraphically are dated over the period of the 12th – first half of the 13th century. The Gorodishche's reliquary found in a layer of the 12th century also is not any exception.

The most numerous group is constituted by *niello* or *inlaid* enkolpia. Practically all of them were retrieved from the cultural level in the central area of the site. These pieces include one small enkolpion of type IV.4.1 (*Crucifix and three flowering crosses – Virgin Mary Orans and four flowering crosses*). Reliquaries of this type are rather uncommon and characterized by variant iconography. Practically all similar finds come from the southern

Russian regions but they are found outside any archaeological context. On the basis of iconographic features, these crosses are dated to the second half of the 12th – first half of the 13th century. Neither the archaeological context of our find is at variance with this date.

The other crosses of the niello group belong to the series of the miniature ones. They are very diverse and have an extremely simplified iconographic scheme. This collection includes two crosses of type IV.6.1 (*Miniature straight-end enkolpion cross with the composition Crucifix – Virgin Mary Orans*); one complete cross and a front valve of type IV.6.3 (*Miniature straight-end enkolpion cross with the composition Cross–Cross*); one cross of type IV.6.4 (*Miniature straight enkolpion with 4 protrusions between the bars and composition Cross–Cross*); one cross of type IV.6.5 (*Miniature straight enkolpion cross with sharpened protrusions at the corners and composition Cross–Cross*). Reliquaries of type IV.6.1 are widely distributed in South-Russian and North-Russian lands; at present, the earliest specimen has been found in the Novgorod Land (Staraya Russa). All the stratigraphically referenced dates for this type of crosses cover the period from the second half of the 11th to the 12th century. The other types of miniature enkolpions from our collection are encountered mostly in South-Russian lands while in the Northern lands their finds are very rare. They all are dated to the 12th – first half of the 13th century that corresponds also to the archaeological context of the finds from Gorodishche.

One find from the pre-Mongolian period stays separately in the Old-Russian group. This is a fragment of a blank for the front valve of a straight cross with tear-like projections at the corners and an engraved geometric pattern. The foldable crosses of

this type are attributed to the group of *Byzantine*, or so-called 'Syrian' crosses. Pitifully, this rare object is only a chance find from the central area of Gorodishche. The general dating of crosses of this type is fairly broad: from the late 10th to the first half of the 13th century. Our enkolpion was attributed and published by A.A. Peskova who dated its use at Gorodishche to the late 10th first half of the 11th century. However, the present author is inclined to a later date basing on the following facts. Firstly, according to the records of archaeological investigations, exactly during the period specified, levelling works were conducted in the central area of Gorodishche in order to fill the ancient moat so that for some time any permanent buildings were absent here. Secondly, the usage of many crosses of this group, found at Old-Russian sites, is dated through the archaeological associations to the 12th–first half of the 13th century. To this period, also the Gorodishche find seems to be datable.

Two reliquary crosses manufactured in the traditions of the late cast copper plastics characterize the pre-Mongolian period.

One of the finds belongs to the group of *crosses with small densely arranged relief representations of type VII.4.1 (Archangel Sachiel and four medallions with Saints—Crucifix composition with the interceding and archangels)*. It is represented by a single fragmentary back valve. This stray find from Gorodishche was discovered in the collections of the Novgorod Museum-Preserve; the year of its find and precise position at the site are unknown. The appearance of enkolpia with small relief representations manufactured by a simplified technique (casting in stone moulds) is dated to the 13th century. This type of crosses represents the conclusive phase of the evolution of this group which marks a transitional stage preceding the new traditions of copper

casting. In the opinion of researchers, the appearance of this type presumably is dated to the second half of the 13th, its wide distribution took place in the 14th–15th centuries; in addition, separate finds are represented in assemblages of the 16th – early 17th century.

Another reliquary-cross on its face half bears a *multifigure composition with a representation of the Crucifix with Interceding Saints surrounded by the Angelic Powers; on the reverse half there are figures of two saints encircled by a temple's outlines*. It was uncovered in a cultural layer in the central area of the site. There are only few similar examples known and they all are outside of any archaeological association. In their proportions and iconography, these crosses are close to the reliquaries of the Novgorod school of the late copper cast plastics differing from the latter in their more simplified iconographic scheme. Reliquaries in this iconography usually are dated to the 15th–16th centuries. The archaeological context of our find also does not contradict this date.

All of the reliquary-crosses found in the cultural layer were linked with the use of the mediaeval buildings belonging to the assemblage of the princely court. The period of the occupation of some of these buildings is from the 12th to first half of the 13th century, the others are dated to the late 13th – 15th centuries. The archaeological context accompanying the finds of these enkolpia is directly related with the Old-Russian elite culture: they were discovered in association with prestigious and expensive objects characteristic of the everyday life of rich Old-Russian estates including ornaments of precious metals, fragments of imported glass and faience vessels, amphora containers, pendant lead seals etc. This situation is established both for the pre-Mongolian and post-Mongolian periods.

ОБ ОДНОМ ИЗ ВИДОВ ОДЕЖДЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК)

М. М. Савенкова¹

Статья посвящена одному из видов археологических находок из Новгорода – тканям переплетения саржа 2/1. При исследовании текстиля был использован метод структурно-технологического анализа. Дается технологическая характеристика находок, восстанавливается процесс изготовления тканей на горизонтальном станке.

На основе анализа археологических тканей со следами швейной обработки выполняется реконструкция внешнего вида и кроя средневековой мужской одежды – свиты. Проводится сравнение с подобной одеждой из других древнерусских городов и этнографическими материалами.

This paper is devoted to one of the categories of archaeological finds from Novgorod – woven serge of 2/1 twills. These studies of the textiles employed the method of structural and technological analysis. Here the technological characterization of the finds is presented and the process of making fabrics on a horizontal loom is reconstructed.

On the basis of analysis of archaeological textiles with signs of sewing, a reconstruction of the appearance and type of cut of mediaeval men's dress – 'svita', is proposed. A comparison with similar dress from other Old-Russian towns and ethnographical evidence is presented.

Ключевые слова: средневековый Новгород, археологический текстиль, древнерусский костюм, древнерусская одежда – свита.

Keywords: mediaeval Novgorod, archaeological textiles, Old-Russian dress, svita (dress).

В новгородских письменных источниках неоднократно упоминаются различные виды одежды. В берестяной грамоте № 659/648 конца XII–начала XIII в., вероятно, перечисляется одежда духовного лица: «...кързно, кожоух..., свита, оперсник, покровъчь» (Зализняк, 2004. С. 444). В грамоте № 141 XIII в. перечислены вещи, отданные на хранение за плату «...А Гришки кожоух, свита, сорочица, шапка, а Костина свита, сорочица...» (Зализняк, 2004. С. 493).

Очевидно, на хранение отдавались вещи, имеющие значительную ценность, не повседневная одежда, а праздничная. В этом документе упоминается полный комплект праздничного наряда горожанина, где сорочица – нижнее, кожоух – верхнее, свита – среднее платье.

Слово «свита» обозначало у славян верхнюю одежду вообще независимо от внешнего вида и кроя. У поляков, болгар, сербов это вид одежды, у сербохорватов – вид ткани, сукно, у словен –

одежда (Фасмер, 2007. С. 581). У славян название части костюма, происходящее от слова «свить», обозначающего древнейший способ образования нити и ткани, как и многие другие термины, связанные с ткачеством, указывает на его древнейшие корни. В церковнославянском языке слово «свито» обозначает – полотно, навои ткацкого станка (Там же). Одно из значений слова «свить», «свивать» – скрутить, сплести в одну прядь нити, волокна; изготовить, сплетая волокна растений (Толковый словарь..., 2000).

Технологическая характеристика археологических тканей. Обратимся к археологическому материалу, для того чтобы выделить из общего числа те находки, которые могли бы иметь отношение к этому виду одежды. Обычно для получения представления о крое одежды исследователи анализируют текстильные находки на предмет швейной обработки – наличия швов, характера краев, срезов, подгибов, обрывов.

Отступив от принятой традиции, обратимся сначала непосредственно к процессу создания ткани, что позволит расширить рамки исследова-

¹ Россия, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86. Воронежский государственный педагогический университет.

дования, привлечь новые фактические данные. Для среднего (демисезонного) платья, как правило, использовались шерстяные ткани. Наиболее распространенный и массовый вид новгородских находок во всех слоях на всех раскопах – ткани переплетения саржа 2/1 (рис. 1, 1, 2). Числитель дроби показывает число основных перекрытий, знаменатель – число уточных перекрытий в раппорте переплетения. Это означает, что каждая нить основы проходит то под одной нитью утка, то над двумя нитями утка. Каждая нить утка проходит под двумя нитями основы и над одной нитью основы (рис. 1, 3, 4).

Эти ткани характеризуются большой плотностью по основе, в несколько раз превышающей плотность по утку: 66/12, 50/8, 36/8. Следовательно, в одном квадратном сантиметре ткани насчитывается, например, 66 нитей основы на 12 нитей утка. Для изготовления таких очень качественных тканей высокой плотности необходима была развитая технология ткачества и соответствующие технические приспособления. Благодаря такому соотношению частоты основы и утка саржевые рубчики в ткани идут очень круто, почти вертикально. Поэтому внешние признаки саржи утрачиваются, лицевая сторона тканей приобретает гладкую поверхность, аналогичную сатиновому или атласному переплетению (рис. 1, 1). Для изнаночной стороны характерен рисунок в рубчик (рис. 1, 2).

При исследовании текстильных фрагментов был использован метод структурно-технологического анализа. По сохранившимся фрагментам тканей с кромками удалось установить, что работа велась двумя или тремя утками одновременно (рис. 1, 3, 4). Одинаковые по толщине и цвету нити утка не могли играть декоративную роль, но, возможно, выполняли определенную технологическую функцию. Прокладывая нити в проти-

воположных направлениях и подтягивая их, удавалось получить высокую плотность по основе, т. е. обеспечить максимальное сбегание нитей. Нити основы – прочные, тонкие, сильно скрученные имеют больший изгиб, чем нити утка, и толщину 0,25–0,6 мм (рис. 1, 5). Нити утка толщиной 0,9–1,2 мм мягкие, рыхлые, практически не имеют изгибов (рис. 1, 6). В обычных тканях наоборот, так как нити основы имеют большое натяжение, чем уток, следовательно, получают меньший изгиб в структуре переплетения ткани.

Эти ткани отличаются плотной структурой переплетения, высоким качеством отделки. Гладкая поверхность лицевой стороны указывает на то, что они проходили дополнительную обработку – лощение. Ткани переплетения саржа 2/1 являются идеальным вариантом для холодной и влажной зимы, не впитывают влагу и в то же время сохраняют эластичность.

В связи с большой разницей в плотности по основе и утку в этих тканях по самому маленькому фрагменту можно определить направление долевой нити. Тогда как в тканях с одинаковой плотностью достоверно определить направление основы и утка можно только при наличии кромки. Эта особенность строения тканей саржа 2/1, а также различный характер лицевой и изнаночной сторон имеют большое значение при создании реконструкций внешнего вида и кроя одежды.

Технология изготовления тканей. Сохранившиеся обычные кромки позволяют предположить, что ткани саржа 2/1 изготавливались на горизонтальном ткацком станке с тремя ремизками. Начальные третьи кромки и круглые полые, характерные для тканей, изготовленных на вертикальном станке, не были обнаружены.

Находки археологами деталей ремизочного механизма указывают на существование такого станка в Новгороде уже в X в. Основанием для

Рис. 1. Технологические характеристики археологических тканей саржа 2/1:

1 – лицевая сторона ткани XIV в. (Н-90 р-Тр. IX 3/918); 2 – изнаночная сторона ткани XII в. (Н-56 р-Нер. 22/1276); 3 – схема переплетения ткани основной саржа 2/1 с тремя утками; 4 – схема переплетения ткани основной саржа 2/1 с двумя утками; 5 – нить основы; 6 – нить утка.

Соединение нескольких тонов в основе: 7 – 2 светлых и 1 темная нить с 2 нитями темными и 1 светлой раскоп Тихвинский (Н-69 р-Тих. 18/46) XII в.; 8 – 2 светлых и 1 темная с темной основой раскоп Тихвинский (Н-69 Тих. 18/47) XII в.; 9 – 2 светлых и 1 темной со светлой основой раскоп Неревский (Н-59 р-Нер. 20/1688) XII в.

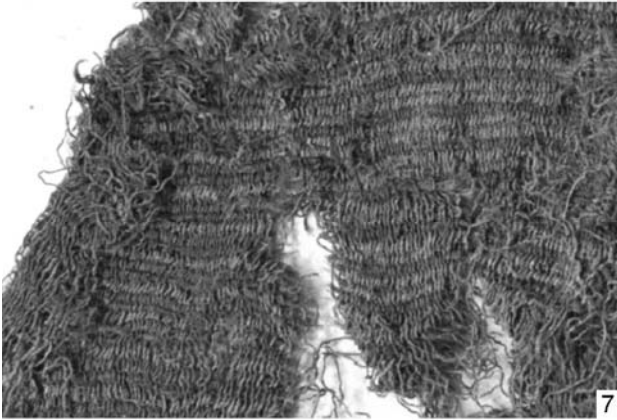
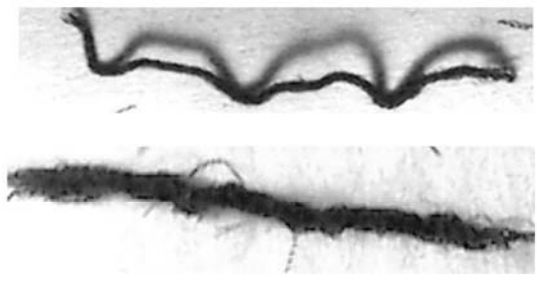
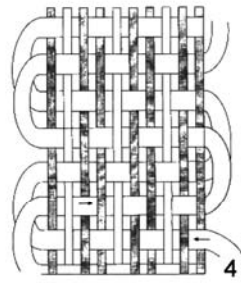
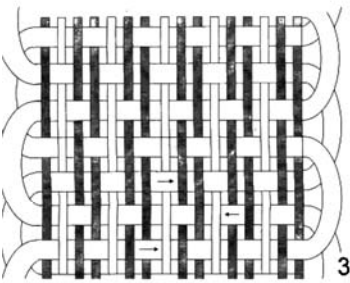
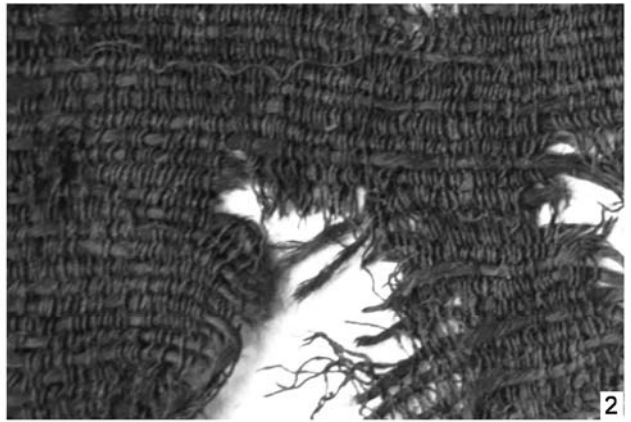
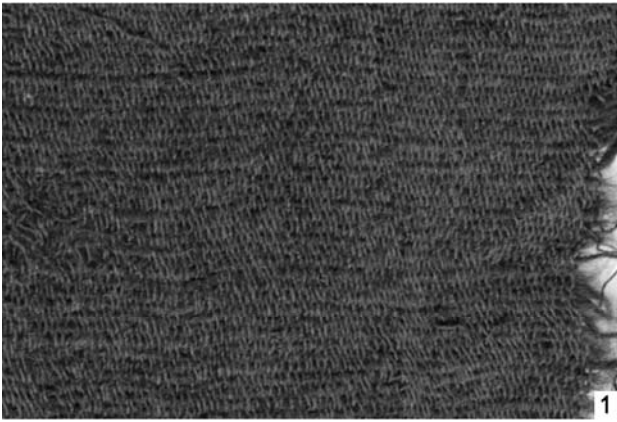
10 – Соединение переплетений саржа 2/1 и саржа 1/2, раскоп Троицкий (Н-91, Тр.-X, 7/1196) XII в.

Fig. 1. Technological features of archaeological serge textiles 2/1:

1 – exterior side of a textile of the 14th century; 2 – inner side of a textile of the 12th century; 3 – scheme of basic twill weave 2/1 with three wefts; 4 – scheme of basic twill weave 2/1 with two wefts; 5 – thread of warp; 6 – thread of weft.

Combination of several tones in the warp: 7 – 2 light-coloured and 1 dark thread with 2 dark threads and 1 light-coloured, Tikhvin excavation, 12th century; 8 – 2 light-coloured and 1 dark with a dark warp, Tikhvin excavation, 12th century; 9 – 2 light-coloured and 1 dark one with a light-coloured warp, Nerevsky Excavation, of the 12th century.

10 – Junction of will weave 2/1 and serge 1/2, Troitsky Excavation, 12th century.

такого утверждения служат обнаруженные при раскопках приспособления для подвешивания нитченок – коромысла. Коромысла представляют собой деревянные изделия длиной 15–20 см, имеющие на концах углубления для крепления нитченок. Станки с коромыслами сохранились в этнографии как один из древнейших видов. Коромысла с одинаковой длиной плечиков применялись для подвешивания равного количества нитченок – двух, четырех (рис. 2, б). Коромысла с различной длиной плечиков использовались для подвешивания трех ремизок, к короткому концу крепились две ремизки, к длинному – одна. Заполированная поверхность центрального углубления коромысла указывает на способ его крепления на горизонтальной планке и скольжения его по цилиндрической поверхности в процессе эксплуатации (рис. 2, 7).

Из анализа формы коромысел следует, что станок, на котором они применялись, был примитивной конструкции без верхней части станины. Примеры таких станков встречаются в этнографии и на изображениях западноевропейских средневековых миниатюр (рис. 2, 1, 2). Неполная станина, состоящая из одной горизонтальной перекладины, не имеет места для подвески тяжелого берда, из чего следует, что ткани саржа 2/1 вырабатывались с использованием легкого берда, удерживающегося нитями основы, или вообще без него с применением для набивания утка мечевидных орудий, в большом количестве обнаруженных при раскопках в Новгороде (рис. 2, 8, 9). На станке, изображенном на миниатюре XIII в. из Кембриджа, бердо также отсутствует. Использование легкого берда не способствовало сильному набиванию утка, что косвенно указывает на изготовление тканей с низкой плотностью по утку. Для изготовления тканей саржа 2/2, имеющих одинаковую плотность по основе и утку, требовался хороший набивной механизм – тяжелое бердо-набилки. При реконструкции новгородских станков учитывались конструктивные особенности коромысел с равными плечиками и с

разными плечиками (Савенкова, 2011. С. 173). Простейший вид станка с одним навоем на две нитченки не имеет станины и берда (рис. 2, 4). Более сложная модификация станка с тремя ремизками могла быть снабжена облегченным бердом и иметь неполную станину (рис. 2, 5).

Цветовая гамма. Ввиду большой плотности тканей переплетения саржа 2/1 нитей утка не видно за нитями основы. Поэтому цветовая гамма строится на чередовании темных и светлых шерстяных нитей основы натурального тона. Эта черта, прослеживаемая в вязаных изделиях, тканых и плетеных поясах, характерна для всего новгородского текстиля. При помощи простых приемов создавались различные комбинации рисунков: 1. чередование двух светлых и одной темной нити в основе; 2. двух темных и одной светлой; 3. объединение в одной ткани пестрых частей с фрагментами, выполненными полностью темной или светлой основой (рис. 1, 7–9). В одном фрагменте ткани использовано соединение гладкой лицевой поверхности с рубчиковой изнаночной, переплетения саржа 2/1 с переплетением саржа 1/2 (рис. 1, 10). Причем наличие ритмического чередования каких-либо полос не наблюдается ни на одном из фрагментов. Возможно, именно подобные ткани носили название «пестрядь», а не клетчатые, для которых использовался термин «клетчатина».

А. Нахлик назвал эти ткани специальными и отмечал, что их шерсть близка к английской долговолокнистой, что заставляет думать, что эти ткани импортные. Хотя он же и отметил, что ни в одном экземпляре не обнаружено кромок с цветными нитями, которые являются отличительной чертой западноевропейских тканей (Нахлик, 1963. С. 262).

Широкое распространение текстильных находок, наличие инструментария, использование приема соединения натуральных оттенков шерсти, характерное для новгородского текстиля, дает основание предположить местное производство тканей.

Рис. 2. Горизонтальные ткацкие станки с неполной станиной:

1 – миниатюра рукописи, Кембридж. Англия. XIII в.; 2 – миниатюра из трактата Дж. Боккаччо, Франция. XV в.;

3 – белорусский ткацкий станок (Русский музей).

Новгородские станки с коромыслами: 4 – с двумя нитченками, 5 – с тремя нитченками (реконструкция автора);

6 – коромысло с одинаковой длиной плеча; 7 – коромысло с разной длиной плеча; 8, 9 – ножи-било для прибивания утка.

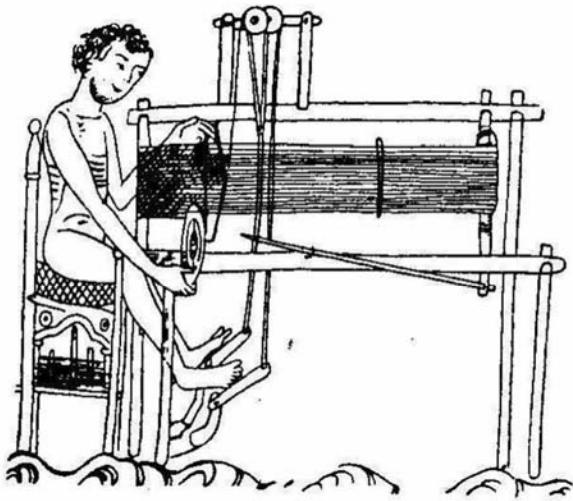
Fig. 2. Horizontal looms with incomplete base:

1 – manuscript miniature, Cambridge, England, 13th century; 2 – miniature from a treatise by G. Boccaccio, France, 15th century;

3 – Belarusian loom (Russian Museum).

Novgorod looms with beams: 4 – with two thread loops, 5 – with three thread loops (reconstruction by the author);

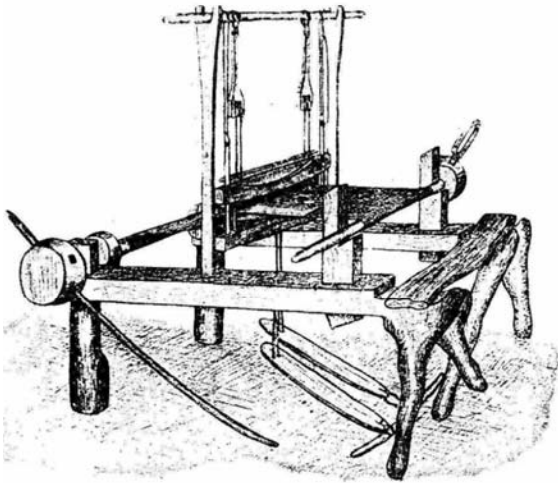
6 – beam with equal length of the shoulders; 7 – beam with differing lengths of the shoulders; 8, 9 – blade-knives for fixing the weft.

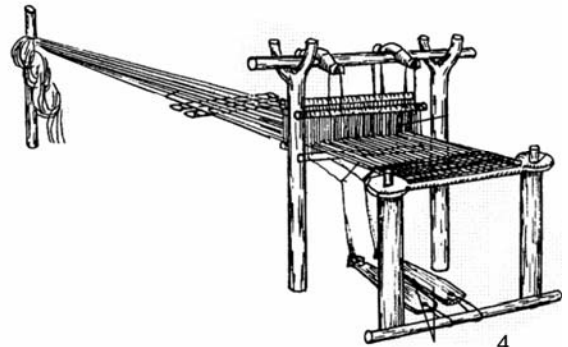
1

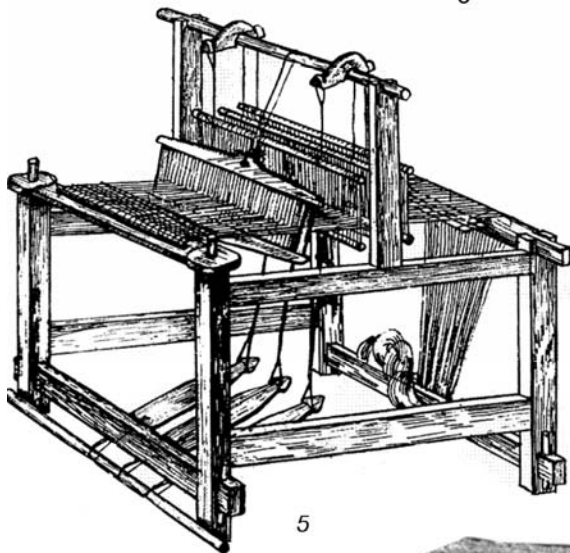
2

3

4

5

6

1

7

8

9

Крой одежды. По этнографическим данным свита – распашная плечевая одежда из домотканого сукна (и ее более поздние модификации – кафтан, зипун) сохранялась в качестве основной одежды в крестьянской среде у русских, белорусов, украинцев до середины XIX в. Но имела ли она в это время конструктивный крой, аналогичный средневековому? Внешний вид одежды мог меняться в течение времени. Известны случаи, когда один термин обозначал совершенно разные виды одежды. Нередко один и тот же вид одежды в разных местностях имел различные названия.

Этнографическая свита – одежда туникообразного покрова с запахом налево обычно воротника не имела. С боков спинки, от талии вводили два клина, которые закладывались двумя-тремя выпуклыми складками (Зеленин, 1991. С. 247).

У черноморских казаков, которые любую одежду адыгов, татар, ногайцев обозначали словом «свита», она использовалась в качестве военного обмундирования (Фролов, 1993). Характерной чертой казачьих свит конца XVIII–начала XIX в. являлся большой отложной, часто доходящий до пояса воротник. Она могла иметь капюшон.

Основные виды традиционной одежды, ее детали, способы пошива начали складываться в средневековье. На основе анализа новгородских находок деталей со следами кроя можно сделать следующие выводы о характере внешнего вида свиты.

1. Фрагменты текстиля, сохранившие подворот края, указывают на то, что полосы, имеющие дополнительные оттенки, использовались в виде декоративной каймы (рис. 3, 1–3). В этом случае изделие кроилось не по долевым нитям, а в поперечном направлении по утку. Так как ширина ткани была небольшой (сохранившиеся фрагменты от кромки до кромки равняются 50–

55 см), можно предположить, что изделие длиной до колена было отрезное по талии.

2. Некоторые фрагменты тканей имеют ворсистую поверхность. Заваливание, очевидно, происходило в процессе эксплуатации изделия. Больше всего завалены швы – места наибольшего трения в процессе эксплуатации изделия. Чаще всего археологи находят детали одежды, наиболее подверженные износу (вставные клинья, край подола), которые могли заменяться на новые. Часто текстильные находки представляют вставки в ту часть выкройки, где не хватало ширины ткани (подкройной бочок или составная часть рукава).

3. Фрагмент XII в. с Троицкого раскопа с обработанными швами углом указывает вроде бы на распашной характер одеяния (рис. 3, 4).

4. Ряд сохранившихся мелких деталей, выкроенных по основе, являются признаком сложного кроя одежды (рис. 3, 8, 9). Верхняя часть до пояса выкраивалась по основе и имела подкройные бочка и ряд мелких деталей. Диагональные срезы свидетельствуют о сложной форме верхней части рукава.

5. Так как целых изделий не сохранилось, ширину ткани можно определить по находкам с кромками. Найденная деталь XIII в. с Нутного раскопа длиной 76 см, выкроенная по диагонали, указывает на то, что одежда могла иметь воротник до пояса. Крой по диагонали применялся в тех случаях, когда необходимо было оторочить отверстие округлой формы. Фрагмент имеет кромку, совместив которую с кромкой обрабатываемой ткани, получаем ширину полотна 55 см. От ширины ткани зависит и раскрой деталей.

6. Одежда без воротника с запахом имела древние традиции. Именно в такой изображались скифы. Узкая деталь, выкроенная по диагонали, является оторочкой горловины и части переда (рис. 3, 12).

Рис. 3. Швейная обработка текстильных находок.

Фрагменты тканей с подворотом:

1 – раскоп Неревский (Н-62, р-Нер.26/2175) X в.; 2 – раскоп Троицкий (Н-82 р-Тр. VI 16-17/448, вост. тр.);

3 – раскоп Троицкий (Н-75 р-Тр. 22/106) XI в. Обработка угла: 4 – Н-91 р-Тр. X 8/1153, XII в.

Фрагменты рукавов: 5, 6 – раскоп Троицкий (Н-86 р-Тр. VIII 11/762) XII в.; 7 – раскоп Троицкий (Н-75 р-Тр. 22/106) XI в.

Подкройные бочка: 8 – Н-91 р-Тр. X 11-12/1137, XII–XIII вв.; 9 – раскоп Троицкий (Н-90 р-Тр. X 4/1132) XIV в.

Оторочки горловины: 10 – раскоп Нутный (Н-80 р-Нут. 22/44) XIII в.; 11 – раскоп Троицкий (Н-75 р-Тр. 13/88) XIII в.;

12 – раскоп Троицкий (Н-97 р-Тр. XII 9-1449) XII в.

Fig. 3. Types sewing in textile finds.

Fragments of tucked cloths:

1 – Nerevsky Excavation, 10th century; 2 – Troitsky Excavation; 3 – Troitsky Excavation, 11th century;

4 – Treatment of the corner, 12th century.

Sleeve fragments: 5, 6 – Troitsky Excavation, 12th century; 7 – Troitsky Excavation, 11th century.

Cut-out sides: 8 – 12th–13th century; 9 – Troitsky Excavation, 14th century.

1

2

3

4

5

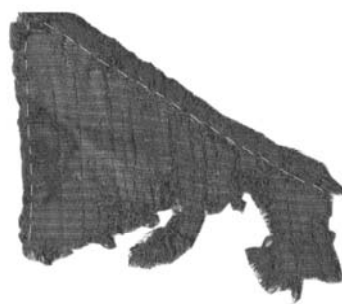
6

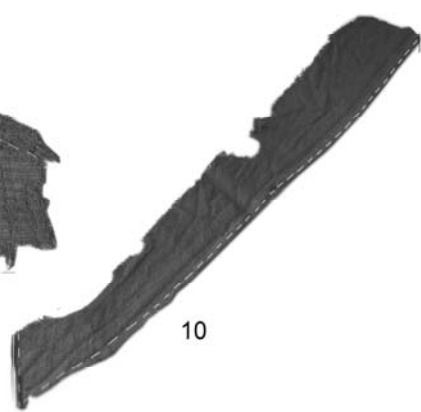
7

8

9

10

11

12

7. Текстильная находка XIII в. с Троицкого раскопа, судя по конфигурации формы, представляет собой оторочку круглой горловины с разрезом. Деталь обшивки округлой горловины ворота говорит в пользу применения ее в одежде без воротника (рис. 3, 11).

8. Шов, соединяющий рукава и стан, был не прямой, так как при использовании плотной ткани такой шов затрудняет движение, а криволинейный, округлый. Шов рельефно выделялся на гладком фоне, очевидно, был выполнен декоративной нитью контрастного цвета.

9. Две находки XIII в. с Троицкого раскопа, обнаруженные одновременно, имеют симметричный одинаковый округлый срез. Они являются верхними частями – головками рукавов (рис. 3, 5, 6).

Несмотря на фрагментарность археологических находок, обращение к материалам других регионов Руси помогает созданию реконструкций целого изделия. Новгородская свита аналогична подобной одежде из других древнерусских городов. Одежда XIII в. типа свиты, обнаруженная на территории Витебска, была сшита из двух полотнищ шерстяной ткани шириной 40 см (Брайчевская, Колединский, 2001. С. 265–267). Соединительные швы проходили посередине спины и груди. Ткань полотняного переплетения выработана из двух тонов натурального цвета, так же как и в Новгороде, нити основы двухцветные, утка однотонные. Три продольные светлые полосы декорировали ткань. Авторы создали противоречивую реконструкцию, с одной стороны они предполагают, что это была полураспашная одежда, имеющая на груди разрез до пояса. Однако глубина несшитого разреза для головы величиной 20 см явно говорит о накладном характере. Длина стана 1,1 м характерна для одежды до колена (рис. 4, 1).

Археологическая находка XIII в. в Изяславле первоначально была атрибутирована как женское платье. Изделие длиной до колена сшито из

нескольких видов тончайшей шерстяной ткани полотняного переплетения и скроено из верха и отрезной юбки. Разрез, расположенный слева ворота, переходил в шов на плече (рис. 4, 2, 7).

Основные признаки сходства изделия с новгородскими находками: а) отрезное по талии длиной до колена; б) низ, раскроенный по утку, состоит из одного куска материи, который с верхом соединяется в сборку; в) стан – прямой, состоит из двух полотнищ, соединенных сверху и с боков; г) рукава постепенно суживаются к запястью; д) горловина – полукруглая с небольшим вертикальным разрезом на груди (Орфинская, Михайлов, 2013. С. 75–85).

На основе анализа новгородских текстильных находок было выполнено два варианта реконструкции свиты. Оба варианта представляют собой одежду длиной до колена, изготовленную из ткани шириной 40 и 50 см. Так как ширина полотнища была недостаточна для выкраивания цельных переда и спинки, то для увеличения размера были использованы подкройные бочка, имеющие диагональный скос в верхней части. Рукава, суживающиеся к кисти, имеют округлую верхнюю часть и состоят из двух деталей. Детали рукава выкраиваются таким образом, чтобы кромка проходила по линии шва. Такое расположение кромки, прослеживающееся по археологическим находкам, придает локтевому шву дополнительную прочность.

Перед и спинка выполнены из отдельных деталей и снабжены в плечевом шве диагональным скосом. Именно такая конструкция стана одежды способствует идеальному припосаживанию округлой головки рукава в пройму, что было проверено на макете изделия, выполненного в масштабе.

Вариант «А» – это накладная одежда, одеваемая через голову, отрезная по талии, нижняя часть которой выкраивается по утку и собирается в сборки на талии (рис. 4, 8, 9). Шов в нижней части с небольшим разрезом размещается

Рис. 4. Археологические реконструкции древнерусской мужской верхней одежды:

1 – реконструкция свиты из Витебска (по Е. А. Брайчевской, Л. В. Колединскому);

2–7 – реконструкция свиты из Изяславля (по О. В. Орфинской, К. А. Михайлову);

Реконструкции новгородской свиты. Вариант А: 8 – накладная свита отрезная по талии;

9 – раскрой накладной свиты. Вариант Б: 10 – распашная свита; 11 – раскрой распашной свиты (реконструкция автора).

Fig. 4. Archaeological reconstructions of the Old-Russian men's outdoor clothes:

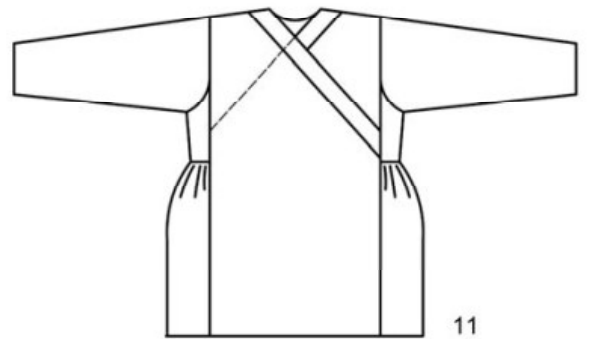
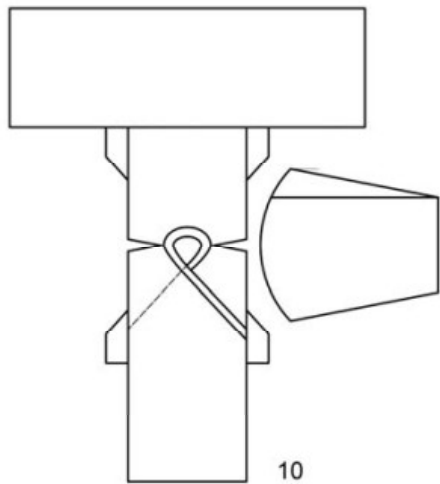
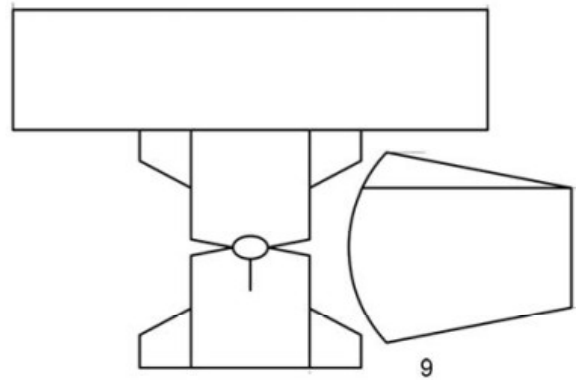
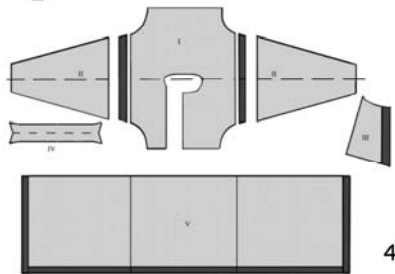
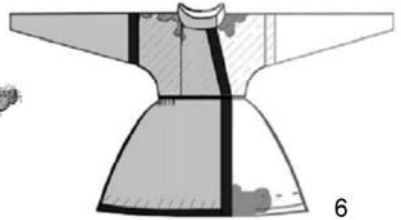
1 – reconstruction of a *svita* from Vitebsk (after E. A. Braychevskaya and L. V. Koledinskiy);

2–7 – reconstruction of a *svita* from Izyaslavl (after O. V. Orfinskaya and K. A. Mikhaylov);

Reconstructions of Novgorod *svita*. Variant A: 8 – laid-on *svita* cut in the waist;

9 – cutting pattern of laid-on *svita*. Variant B: 10 – thrown-open *svita*;

11 – cutting pattern of thrown-open *svita* (reconstruction by the author).

спереди. Реконструкция варианта «Б» основывается на находке – оторочке горловины, раскроенной по диагонали. Длина детали, составляющая 76 см, дает возможность предположить использование ее в одежде, имеющей распашной характер. Свита с запахом спереди имеет отрезную заднюю часть до пояса. Передняя половина, доходящая до колена, состоит из двух накладывающихся друг на друга деталей (рис. 4, 10, 11).

На основе проведенной реконструкции можно сделать вывод о том, что крой новгородской средневековой свиты значительно отличался от вариантов, представленных в этнографии. Используемая конструкция одежды была широко распространена во второй половине XI–XIV вв. на Руси и в странах Западной Европы, чему являются свидетельством многочисленные изобразительные источники.

Брайчевская, Колединский, 2001 – *Брайчевская Е. А., Колединский Л. В.* Древнерусская мужская свита (уникальная находка XII–XIII вв. из Витебска) // Матэрыялы па археологіі Беларусі. Мінск, 2001. № 3.

Зализняк, 2004 – *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зеленин, 1991 – *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.

Нахлик, 1963 – *Нахлик А.* Ткани Новгорода: Опыт технологического анализа // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 4: Жилища древнего Новгорода. М., 1963 (МИА; № 123).

Орфинская, Михайлов, 2013 – *Орфинская О. В., Михайлов К. А.* Древнерусское платье из Изяславля // Российская археология. 2013. № 4.

Савенкова, 2011 – *Савенкова М. М.* Реконструкция процесса ткачества на горизонтальном станке в средневековом Новгороде (по материалам Новгородской археологической экспедиции) // Труды Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2011. Вып. 17.

Толковый словарь..., 2000 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1; М., 1938. Т. 2; М., 1939. Т. 3; М., 1940. Т. 4. Репринтное издание: М., 1995; М., 2000.

Фасмер, 2007 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. М., 2007. Т. 3.

Фролов, 1993 – *Фролов Б. Е.* Одежда черноморских казаков в конце XVIII–начале XIX вв. // Новые материалы по этнографии кубанских казаков. Краснодар, 1993.

About a kind of dress in mediaeval Novgorod (materials from archaeological excavations)

M. M. Savenkova

Written sources from Novgorod repeatedly mention the names of different kinds of dress. Birchbark letter № 659/648 of the late 12th century and letter № 141 of the 13th century mention ‘*svita*’ – a middle dress. By the Slavs, the word ‘*svita*’ meant outerwear in general, independently of its outer appearance and type of cut.

Archaeological materials enable us to distinguish from the total number of finds those that could have been related with the kind of clothing under consideration. In order to get an idea about the type of cut of clothes, researchers analyze textile finds regarding their sewing treatment – the presence of seams, characteristics of the edges, shears, bends and tears. Here, the method of structural and technological analysis is employed in the investigations of textile fragments.

The wide distribution of textile finds, the presence of sewing tools and the use of the technique of matching natural wool colours characteristic of the

Novgorod textiles suggest the home production of cloths.

Analysis of Novgorod finds of textiles with traces of cutting leads to some conclusions about the outer features of *svita* enabling us to propose two variants of its reconstruction. These two variants both represent a knee-length clothing manufactured from a fabric from 40 to 50 cm wide. Sides with a diagonal angle in the upper part were used in order to enlarge the size since the width of the cloths is insufficient for one-piece cutting of the fore part and the back. The sleeves tapering towards the hand were rounded on the top and consisting of two parts. The parts of the sleeve were cut so that the list would run along the seam line. This arrangement of the border found on archaeological finds provided an additional strength to the elbow seam.

The front piece and the back were sewn from separate parts and provided with a diagonal cant at the elbow seam. Exactly this construction of the

stature part of the dress simplified the ideal fitting of the rounded head of the sleeve into the armhole as it was verified on a scale-wise model of the article.

Variant 'A' is superimposed clothing put on over the head and detachable at the waist; its lower part was cut along the weft and plied into gathers at the waist (Fig. 4, 4, 5). The seam in the lower part had a small slit and was placed at the front. The reconstruction of variant 'B' is based on a find of the garment neck edge cut diagonally. This part, 76 cm long, suggests its use in a clothing of the throw-open type. *Svita* with a front wrap-over had the back

part detachable down to the waist. The front part reaching the knees consists of two superimposed details (Fig. 4, 6, 7).

On the basis of the proposed reconstruction, one can draw the conclusion that the type of cut of the mediaeval Novgorod *svita* differed much from the variants represented by ethnographic materials. The construction of clothing under consideration, as suggested by numerous visual sources, was widely distributed in the second half of the 11th to the 14th century in Rus' and countries of Western Europe.

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ГОРОДИЩЕ У С. КРАСНЫЙ ЯР АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. М. Пигарёв¹

В статье рассматриваются история изучения, и материалы исследований золотоордынского городища у села Красный Яр Астраханской области. Анализ природных характеристик и материалов, полученных в ходе раскопок грунтовых могильников, окружающих городище, позволил выделить разные этапы жизнедеятельности средневекового города. Кроме того, в данной работе подвергается сомнению высказанная некоторыми коллегами идея отождествления Красноярского городища с ранней золотоордынской столицей городом Сарай. И на основе данных Ключаревской летописи предлагается иное название города.

This paper considers the history and results of studies of the Golden Horde townsite near the village of Krasny Yar in Astrakhan Oblast. Analysis of natural environment and finds yielded by excavations of flat-grave cemeteries surrounding the townsite makes it possible to identify different stages of the occupation of the mediaeval town. In addition, this study raises doubts concerning the hypothesis accepted by some colleagues which equates the Krasny Yar townsite with the oldest Golden Horde capital Sarai. On the information from the Klyucharev Chronicle, another name of the town under consideration is proposed.

Ключевые слова: Красноярское городище, Ключаревская летопись, Улус Джучи, Золотая Орда, грунтовый могильник, хан Узбек, Сарай, Кизиль.

Keywords: Krasny Yar townsite, Klyucharev Chronicle, Ulus of Jochi, Golden Horde, flat-grave cemetery, Khan Uzbek, Sarai, Kizil.

Красноярское (Монгольское) городище расположено в с. Красный Яр, на слиянии рек Бузан и Маячная. История Красноярского городища в исторической литературе практически не освещена, хотя памятник был известен уже во второй половине XVIII в. (Катанов, 1907. С. 241; Полное собрание..., 1824. С. 143). В «Трудах Астраханского губернского статистического комитета» в разделе «Описание населенных местностей Красноярского уезда за 1875 г.» сообщается о многочисленных «могильных холмах» в окрестностях Красного Яра (Труды Астраханского..., 1877). В то же время появляются сведения о случайных находках археологических предметов в Красном Яру (Астраханские губернские..., 1857). До середины XX в. памятник оставался вне поля зрения археологов. В 1957 г. городище было осмотрено экспедицией Государственного Эрмитажа (Белецкий, 1958. С. 34).

В работе В. Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.», вышедшей в 1985 г., этому памятнику посвящено всего несколько строк: «Находитесь у пос. Красный Яр Астраханской обл. Золотоордынское название населенного пункта неизвестно, археологические исследования не проводились» (Егоров, 1985. С. 118).

В 1579 г. приказчик английской торговой компании Христофор Бэрроу, сопровождая торговые баржи с устья Северной Двины водным путем по Волге, описывая участок реки от Переволоки до Астрахани, упоминает о 5 караулах для охраны дорог. Один из караулов (пятый), находящийся в 30 верстах от Астрахани, назван им «Ичкебри» (Английские путешественники..., 1937. С. 265). Если предположить, что река Ахтуба в XVI в., как и в XIV–XV вв., являлась основным судоходным руслом, то название «Ичкебри» приходится на место современного Красного Яра. Косвенно это может подтвердить и перевод названия караула с татарского языка: «иске» – старый, «каберлек» – кладбище, т. е.

¹ Россия, 416022, Астраханская область, Харабалинский район, с. Селитренное, ул. Степная, 40. МКУК Историко-культурный центр «Сарай-Бату».

«старое кладбище» – огромный могильник, располагавшийся у золотоордынского (Красноярского) городища.

Еще одно упоминание о населенном пункте у современного Красного Яра дает нам Ключаревская летопись, составленная ключарем Астраханского Кафедрального собора Кириллом Васильевым. Описывая события, связанные с пребыванием в Астрахани атамана Ивана Заруцкого и Марины Мнишек (1614 г.), он сообщает следующее: «Во время зимы в январе месяце, под предводительством того же Мамбеева и прочих, татары тронулись к северу к Кизилю – красному бугру (что ныне город Красный Яр. Кизиль – по-татарски красный), где приуготовлена была у них для защиты земляная крепость. Воевода Голицын, не теряя времени, поспешил вслед за ними со своим войском и, нагнав их на самом красном бугре, приказал сделать нападение на означенную крепость» (Ключаревская летопись..., 1887. С. 13).

Следующее упоминание о Красном Яре мы также находим в Ключаревской летописи при описании времени четвертого архиепископа Астраханского и Терского Рафаила и воеводы князя Семена Прозоровского (1620–1622 гг.): «При сем архиерее было нашествие на Астрахань киргиз-кайсаков. Город обложен был ими со всех сторон... Город находился в обложении три дня... неприятель... без страха приступил к городским и кремлевским стенам и начал ставить лестницы, деланные ими около красного бугра, что ныне Красный Яр. Сия орда была приготавлиема татарами около 5 лет и предводительствуема ими же» (Там же. С. 18–19). Отсюда мы можем сделать вывод, что и в 20-х гг. XVII столетия на месте золотоордынского города находился населенный пункт, неподконтрольный русской администрации Астрахани.

Ко времени служения пятого архиепископа Астраханского и Терского Пахомия (ум. 1655 г.) относится следующая запись: «В бытность сего преосвященного, сей боярин (видимо, боярин и воевода князь Иван Петрович Пронский (сл. до 1655 г.) учинил отводный караул к Астрахани за Красным бугром от набегов карсацких, стоящий на северо-восток около 40 верст от Астрахани, на возвышенном бугре, кой ныне называется Маяшным. В третье лето царствования Царя и Великого Князя Алексея Михайловича (1648 г.) этот бугор населяться стал жителями и назван Красным Яром, что после городок. Жителей же

населяли беглыми и наказанными плетью вместо ссылки...» (Там же. С. 20). В 1667 г. здесь была построена деревянная крепость, в которой поселили 500 человек (Там же. С. 27). Видимо, с этого момента можно говорить о русском населенном пункте Красный Яр.

Иных сведений об истории Красного Яра крайне мало. В XVII в. (в связи с изменением геополитических интересов как западноевропейских торговых компаний, так и русского правительства в сторону Кавказа и Персии) произошел перенос основного торгового речного пути с ахтубинского русла в волжский, в связи с чем эта территория осталась без внимания путешественников. Здесь осталась только старая караванная дорога, по которой двигались верблюжьи караваны на Хиву и Бухару.

Археологическое изучение городища у с. Красный Яр началось лишь в конце 1980–1990-х гг. П. В. Казаковым (*Казаков*, 1989; 1990), Е. В. Шнайштейн (*Шнайштейн*, 1991), С. Б. Артемьевым (*Артемьев*, 1992). Материалы этих работ известны исследователям (*Казаков*, *Пигарёв*, 1998. С. 72–83). В 1990-х гг. активизировалось изучение многочисленных средневековых могильников, находящихся в окрестностях Красного Яра (*Васильев*, 2009. С. 110). Особенный интерес у ученых вызвали материалы грунтового могильника Маячный (I, II). Этот интерес был обусловлен находением на могильнике достаточно большого количества доисламских погребений, содержащих в погребальном инвентаре золотоордынские монеты второй половины XIII–начала XIV в. (*Пигарёв*, 2000. С. 287–290; *Котеньков*, 2005. С. 41–44). Это дало возможность исследователям говорить о непрерывной истории золотоордынского городища.

На наш взгляд, ситуация, сложившаяся здесь в средневековье, несколько отличается от привычной системы развития золотоордынского города на Нижней Волге. Начало XIV в., в общей истории Золотой Орды, явилось рубежом, после которого начались кардинальные изменения в структуре государства. Эти изменения не могли не отразиться и на населенном пункте, находящемся на территории современного Красного Яра.

По результатам анализа природных условий и археологических исследований в истории городища можно выделить два этапа, при которых принципиально менялась планировка города. Каждому этапу соответствовал определенный могильник.

Географически городище располагается в стратегически важном месте – в точке разделения главных протоков Волги (реки Ахтуба и Бузан), там, где была возможность осуществлять контроль за водной магистралью, соединяющей Верхнюю и Среднюю Волгу с Каспийским морем. Кроме того, именно здесь полупустыня и степь с востока подходят к вершине дельты, где была возможна переправа через Волго-Ахтубинскую пойму, что позволяло контролировать и сухопутную торговую магистраль, представляющую собой северную ветку Велико-шелкового пути.

Наличие островов, образованных реками Ахтуба, Бузан, Караульная, Маячная и Прорва, создавало комфортные условия для освоения этих территорий. Красноярское городище относится к городищам мысового типа. Особенности топографии подобных городищ во многом определялись рельефом, естественной защищенностью. Их заселение происходило с мысовой части с освоения более удобных для проживания районов, расположенных у подножия близко к воде.

Характеристика 1 этапа (середина XIII в.–1320-е гг.) – рис. 1 а, б. В южной части острова, образованного реками Ахтуба, Караульная и Маячная, находится возвышенность, состоящая из четырех смыкающихся бэровских бугров, получивших название «Маячный». На трех из них располагается грунтовый могильник с одноименным названием «Маячный–I, II, III», на одном, самом западном, зафиксирован культурный слой золотоордынского поселения. На наш взгляд, освоение этой территории в середине XIII в. и строительство здесь населенного пункта началось именно с этого западного бугра (в настоящее время на нем находится христианское кладбище).

Скорее всего, основные сооружения этого периода были представлены сырцовыми постройками, в которых проживало традиционно оседлое население, пришедшее на Нижнюю Волгу с монголами (чиновники, торговцы, ремесленники). Вероятно, что в этот период монументальная архитектура отсутствовала, так как верхушка монгольского общества, хан и аристократия, находилась в постоянной перекочевке, а при возвращении на зимовку рядом со стационарным поселением возникал большой юртовый город (Путешествие в восточные страны..., 1993. С. 103).

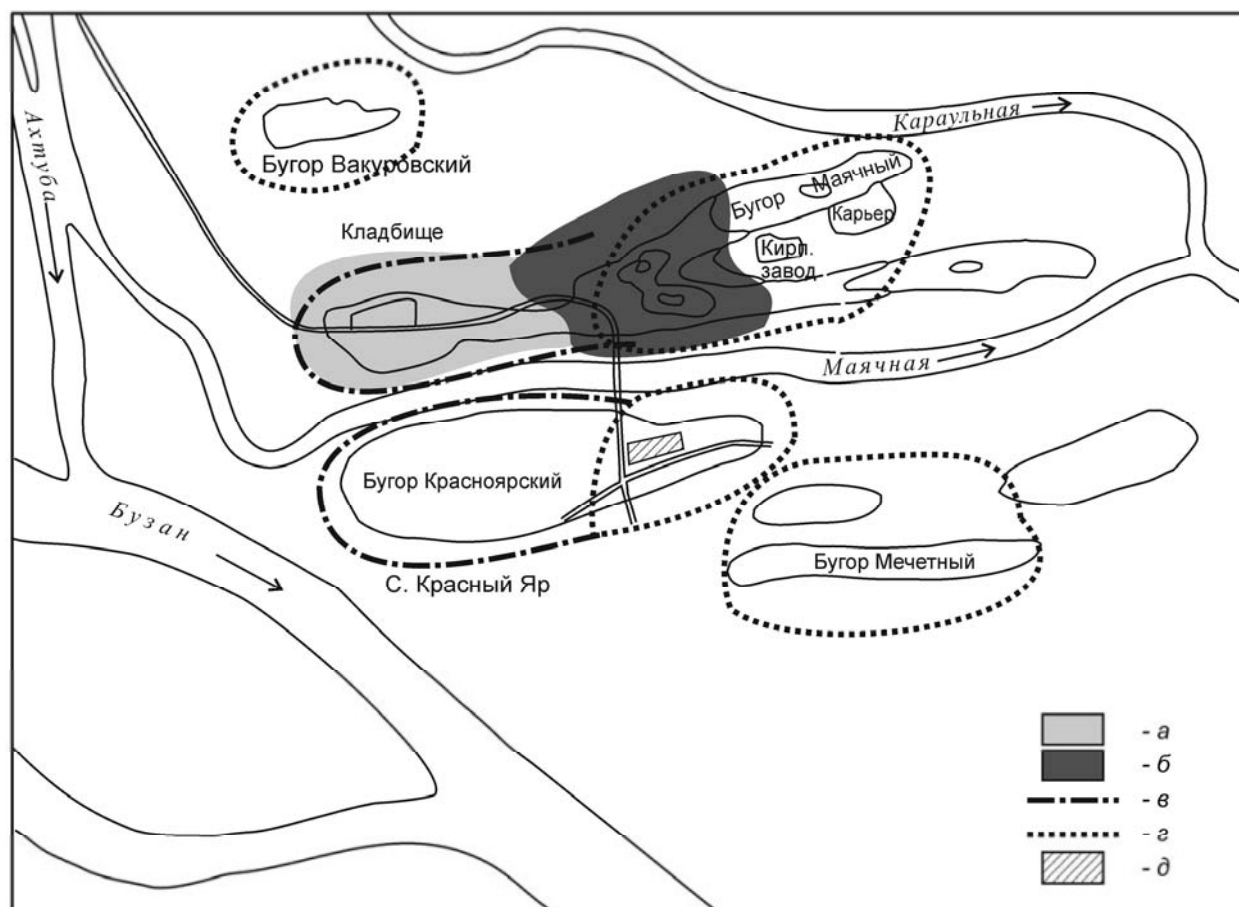
Восточные бугры этой группы (Маячный – I, II, III) использовались населением для организации некрополя. Необходимо отметить, что разделение единого массива произошло из-за организации здесь в советское время огромных карьеров по добыче глины для кирпичных заводов и строительства автодороги Красный Яр–Акса-райск. Карьерами была уничтожена центральная (ранняя) часть могильника. Именно в этой части концентрируются все известные к настоящему времени языческие погребения.

Такая ситуация, видимо, сохранялась до начала XIV в. – времени прихода к власти хана Узбека.

Характеристика 2-го этапа (1320–1390-е гг.) – рис. 1, в, г. В 1313 г. к власти в Улусе Джучи приходит хан Узбек, которого активно поддерживает хорезмийская мусульманская группировка. В годы его правления происходят кардинальные изменения в политической, экономической и культурной жизни государства. В эти же годы активизируется процесс градостроительства, появляется множество новых населенных пунктов, идет активное освоение свободных территорий, Узбек начинает строить новую столицу, которая вскоре превращается в один из крупнейших евразийских городов. Для всех этих мероприятий требовались огромные людские ресурсы.

Поток нового (пришлого) населения из Средней Азии проходит по одному из традиционных транзитных маршрутов – через Красноярское городище, которое в этот момент являлось основными «воротами» из Азии на территорию ханского домена. С приходом на Нижнюю Волгу новых групп населения (в основном мусульманского) возникает дефицит территории на левом берегу реки Маячная, что побудило к переселению части населения на правый берег реки.

В северной части острова, образованного реками Бузан, Маячная и Прорва, расположен Красноярский бугор, здесь возникает новая часть города, более современная и развитая. Именно здесь, к северо-востоку от пересечения улиц Ворошилова и Советская, к востоку от консервного завода проводились археологические исследования 1989–1990 гг. Общая площадь раскопов составила около 300 кв. м. В ходе этих работ было обнаружено и исследовано более 20 хозяйственных ям различного назначения, остатки четырех жилых домов и восьми погребений (Казakov, Пугарёв, 1998. С. 72–83).

Рис. 1. Красноярское городище Астраханской области.

Условные обозначения: а-б – 1-й этап жизнедеятельности (середина XIII в.–1320-е гг.): а – культурный слой поселения; б – могильник; в-г – 2-й этап жизнедеятельности (1320–1390-е гг.): в – культурный слой поселения; г – могильник; д – раскопы 1989–1990 гг.

Fig. 1. The Krasny Yar townsite in Astrakhan Oblast.

Notations: a–b – 1st occupation period (mid-13th century –1320s): a – cultural layer of the settlement-site; b – burial ground; v–g – 2nd stage of occupation (1320s–1390s): v – cultural layer of the settlement-site; g – burial ground; d – excavations of 1989–1990.

К востоку от него расположены грунтовые могильники Мечетные (Васильев, 2009. С. 110). Кроме того, городской некрополь расположен и в восточной части Красноярского бугра (Жазаков, Пигарёв, 1998. С. 78–80). На этих могильниках неизвестно погребений, нарушающих каноны ислама.

В то же самое время левобережное население продолжает использовать в качестве некрополей бугры Маячные. Среди языческих погребений появляются захоронения, выполненные в исламских традициях. Более того, мусульманская (поздняя) часть могильника расширяется по склону бугра на восток. Здесь, в восточной части могильника, захоронений, выполненных в доисламских традициях, не зафиксировано. В связи с увеличением населения и уже существующим некрополем появляется и новое городское

кладбище на территории бугра Вакуровский (Кутуков и др., 2011. С. 99–101).

В последние годы вновь активизировалась научная дискуссия, посвященная решению вопроса о двух золотоордынских столицах – Старом и Новом Сараях. А. В. Пачкаловым была высказана гипотеза, которую автор последовательно рассматривает на протяжении последних лет, о локализации первой столицы Золотой Орды – города Сарай на месте Красноярского городища (Пачкалов, 2002. С. 177; 2010. С. 339). На наш взгляд, отождествление Красноярского городища с городом Сарай без проведения более масштабных археологических исследований на обоих берегах реки Маячная, без нахождения подтвержденных монетным материалом культурных слоев XIII в. и без учета названия «Кизиль» из Ключаревской летописи несколько преждевременно.

Вполне возможно, что Старый Сарай вообще был «кочевым городом», не имевшим постоянного местонахождения (Сиксимов, 2007. С. 124), подобно кочевой ставке Узбека, описанной Ибн-Батутой (Тизенгаузен, 1884. С. 289). Иначе бы современная топонимика сохранила бы столь значимое в истории название.

- Английские путешественники..., 1937 – Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю. В. Готье. Л., 1937.
- Артемов, 1992 – Артемов С. Б. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе за 1991 г. Т. 1–2 // Архив ИА РАН, Р-1, № 16111, 16112. Астрахань, 1992.
- Астраханские губернские..., 1857 – Астраханские губернские ведомости. 1857. № 50.
- Белецкий, 1958 – Белецкий В. Д. Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1957 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № Р-12536. Л., 1958.
- Васильев, 2009 – Васильев Д. В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде (археолого-статистическое исследование). Астрахань, 2009.
- Егоров, 1985 – Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Казаков, 1989 – Казаков П. В. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе за 1988 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 13216. Астрахань, 1989.
- Казаков, 1990 – Казаков П. В. Отчет об исследованиях в райцентре Красный Яр Астраханской области за 1989 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 14994, 14995. Астрахань, 1990.
- Казаков, Пигарёв, 1998 – Казаков П. В., Пигарёв Е. М. Материалы исследований Красноярского городища Астраханской области (1989–1990 гг.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998. Вып. 1.
- Катанов, 1907 – Катанов Н. Ф. О древностях Волги и Кавказа // ИОАИЭ. Казань, 1907. Т. 23, вып. 3.
- Ключаревская летопись..., 1887 – Ключаревская летопись: История о начале и возобновлении Астрахани, случившихся в ней бунтах, о архиереях в оной бывших, а также о воеводах, градоначальниках и губернаторах. Астрахань, 1887.
- Котеньков, 2005 – Котеньков С. А. Нумизматический материал золотоордынского времени из погребений грунтовых могильников «Маячный – I–II» // Труды Международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в Монгольских государствах XIII–XV веков» (Саратов, 2001; Муром, 2003). М., 2005.
- Кутуков и др., 2011 – Кутуков Д. В., Перерва Е. В., Резк М. Я. Погребение с берестой золотоордынского времени на могильнике Вакуровский-I в Астраханской области // Вестник ВАГС. Серия: политология и социология. № 1/5. Волгоград, 2011.
- Пачкалов, 2002 – Пачкалов А. В. О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Одеса, 2002. Т. 3.
- Пачкалов, 2010 – Пачкалов А. В. К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань, 2010.
- Пигарёв, 2000 – Пигарёв Е. М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т. 1.
- Полное собрание..., 1824 – Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 3.
- Путешествие в восточные страны..., 1993 – Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.
- Сиксимов, 2007 – Сиксимов Д. А. Проблема локализации Сарая XIII века в современной историографии // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2007. Вып. 12.
- Тизенгаузен, 1884 – Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
- Труды Астраханского..., 1877 – Труды Астраханского статистического комитета. Астрахань, 1877. Вып. 5.
- Шнайдитейн, 1991 – Шнайдитейн Е. В. Отчет об археологических разведках в Красном Яру Астраханской области в 1990 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №№ 18977, 18978. Астрахань, 1991.

The Golden Horde townsite near the village of Krasny Yar in Astrakhan Oblast

E. M. Pigarev

The studies of a townsite of the Golden Horde period near the modern village of Krasny Yar in Astrakhan Oblast allowed to a number of researchers to suppose the location here of the first Golden Horde's capital Sarai. To support this hypothesis the finds from the burial grounds surrounding the mediaeval town were presented. Of special interest are the fairly numerous pre-Islamic burials with the grave goods containing coins of the Golden Horde of the second half of the 13th – early 14th century.

Analysis of the natural environment and materials yielded by archaeological excavations makes it possible to identify different stages of the occupation of the town with its relation to the burial grounds and principal changes in its layout. In addition, studies of written sources revealed a new geographic name which the present author equates with the name of the town under consideration.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ БУЛАВА ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. А. Плавинский¹

Навершие булавы, рассматриваемое в статье, было случайно найдено в 1964 г. на территории колхоза «Рассвет» около деревни Мышковичи Кировского района Могилевской области. В 1965 г. оно поступило в собрание Государственного музея БССР (сейчас Национальный исторический музей Республики Беларусь, КП 15735). Булава может быть предварительно датирована в широких временных рамках XIII–XV вв., причем наиболее вероятно ее отнесение к XIV в.

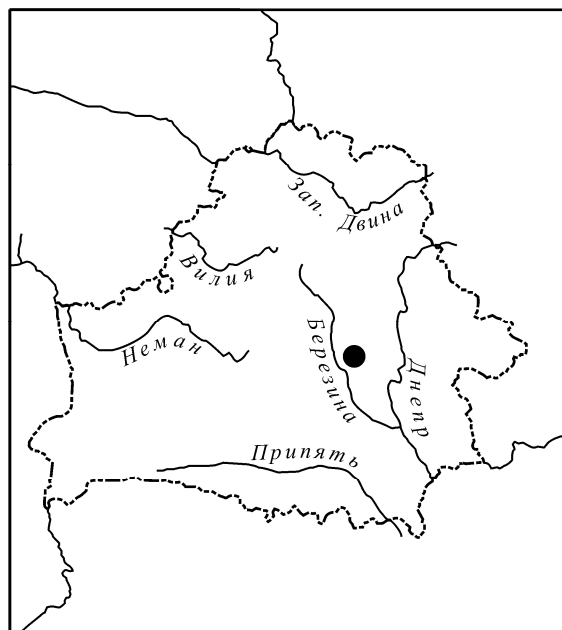
The article discusses the head of mace found in 1964 on the lands of collective farm «Rassvet» near Myshkavichy village (Kirau district, Mahiliou region). It was handed over to the State Museum of Byelorussian SSR (present National Historical Museum of the Republic of Belarus, КП 15735). The mace can be preliminarily dated back to the period from the 13th till 15th century, and it is most likely to be dated to the 14th century.

Ключевые слова: булава, ударно, дробящее оружие, позднее средневековье, Могилевская область Республики Беларусь.

Key words: mace, shock weapons, Late Middle Ages, Mogilev Region of the Republic of Belarus.

В 1965 г. в собрание Государственного музея БССР² поступила бронзовая булава (НИМ РБ, КП 15735). Она была найдена в 1964 г. на территории колхоза «Рассвет» около деревни Мышковичи Кировского района Могилевской области (рис. 1). Никакие другие сведения о точном месте и обстоятельствах находки, равно как и о находчике, в Акте приема предмета на постоянное хранение не зафиксированы.³ В Акте приема и в Книге поступлений основного фонда № 20 предмет был записан как «Булава казачья перв. пол. XIX в. – символ власти». Однако первого взгляда на этот артефакт достаточно, чтобы усомниться в правильности такой атрибуции.

Булава представляет собой навершие с 12 пирамидальными шипами, размещенными тремя

Рис. 1. Место находки навершия булавы около деревни Мышковичи Кировского района Могилевской области Республики Беларусь.

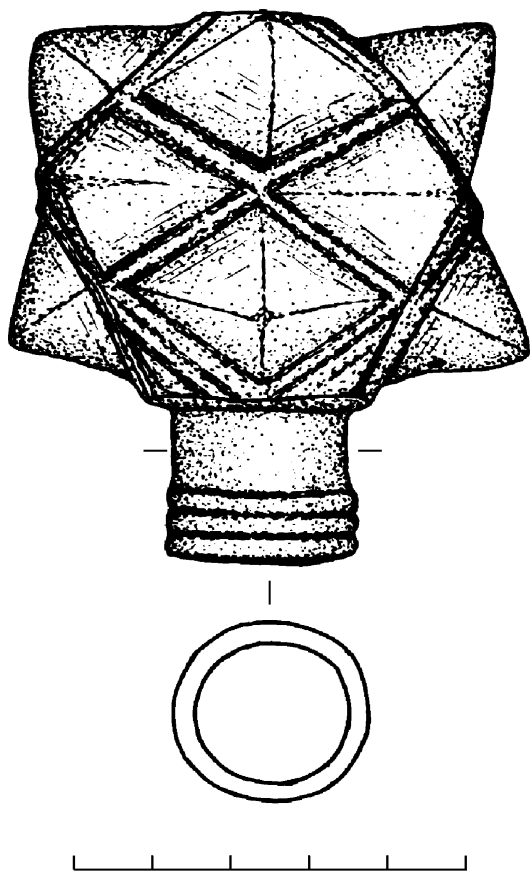
Fig. 1. Find-spot of the mace head near the village of Myshkavichy (Myshkovichi), Kirauŭski district of Mahilyow (Mogilev) Oblast, Republic of Belarus.

¹ e-mail: plavinsky_arc@mail.ru

² В 1992 г. Государственный музей БССР был переименован в Национальный музей истории и культуры Беларуси; с 2009 г. – Национальный исторический музей Республики Беларусь.

³ Акт приема № 1878 от 05.08.1965 г.

ярусами по четыре в каждом, с короткой втулкой (рис. 2–3). Она покрыта благородной патиной и практически не несет следов механических повреждений (за исключением нескольких шипов, на которых заметны небольшие вмятины от ударов). Высота навершия со втулкой – 6,9 см, без втулки – 5,1 см, его ширина – 7,7 см. Пространство между шипами украшено парными параллельными бороздами, которые были нанесены при помощи напильника. Вся поверхность шипов также покрыта следами от обработки крупным напильником. Вверху навершия имеется отверстие диаметром 0,8–0,9 см. Круглая в сечении втулка высотой 1,8 см украшена внизу тремя валиками (высотой 0,9 см). Ее внешний диаметр – 2,3 см, в месте валиков – 2,5 см. Внутренний диаметр втулки – 1,8 см. Навершие изготовлено из бронзы (табл. 1).

Рис. 2. Навершие булавы из деревни Мышковичи (рисунок Н. А. Плавинского).

Fig. 2. Mace head from the Myshkavichy village (drawing by N. A. Plavinskiy).

Рис. 3. Навершие булавы из деревни Мышковичи (фото С. А. Лютых).

Fig. 3. Mace head from the village of Myshkavichy (photo by S. A. Lyutykh).

Таблица 1. Элементный состав навершия булавы из деревни Мышковичи³

Table 1. Element composition of the head of the mace from the village of Myshkovichi

Ат. номер	Элемент	Серия	Интенсивность	Концентрация, %
47	AG	K	2766	0,817
20	CA	K	24	0,082
29	CU	K	172952	59,503
26	FE	K	9209	4,534
28	NI	K	874	0,436
82	PB	L	24970	7,872
51	SB	K	15005	8,687
50	SN	K	26094	18,069

Вес навершия составляет 497 г, при этом, в отличие от большинства известных бронзовых булав XII–XIII вв., оно не было заполнено свинцом для утяжеления.

Учитывая то, что какая-либо информация об обстоятельствах находки отсутствует, датировка предмета может быть определена только исходя из аналогий. На сегодняшний день для систематизации восточно- и центральноевропейских булав исследователи пользуются типологией А. Н. Кирпичникова, разработанной на основании древнерусских находок (Кирпичников, 1966. С. 47–57). Однако навершие из Мышковичей не «укладывается» в рамки типологической схемы А. Н. Кирпичникова. Вместе с тем оно имеет наибольшую схожесть с образцами типа IV, которые имели четыре больших центральных и 8 малых крайних шипов. Пространство между шипами обычно было заполнено двух-трехрядными поперечно-рифлеными валиками с горошковидными выпуклостями (Там же. С. 22). Очевидно, что навершие из Мышковичей имеет ряд отличий от булав типа IV:

– во-первых, у него имеется выраженная достаточно длинная втулка, чего у экземпляров типа IV нет;

– во-вторых, шипы верхнего и нижнего ярусов мышковичского навершия имеют форму четырехгранной пирамиды и равны по размеру шипам центрального яруса, в то время как у образцов типа IV «крайние» шипы всегда меньше центральных и имеют треугольное сечение;

– в-третьих, вес навершия из Мышковичей достигает почти 500 г, при том, что средний вес древнерусских булав (в том числе и типа IV) был равен 200–300 г (Там же. С. 54);

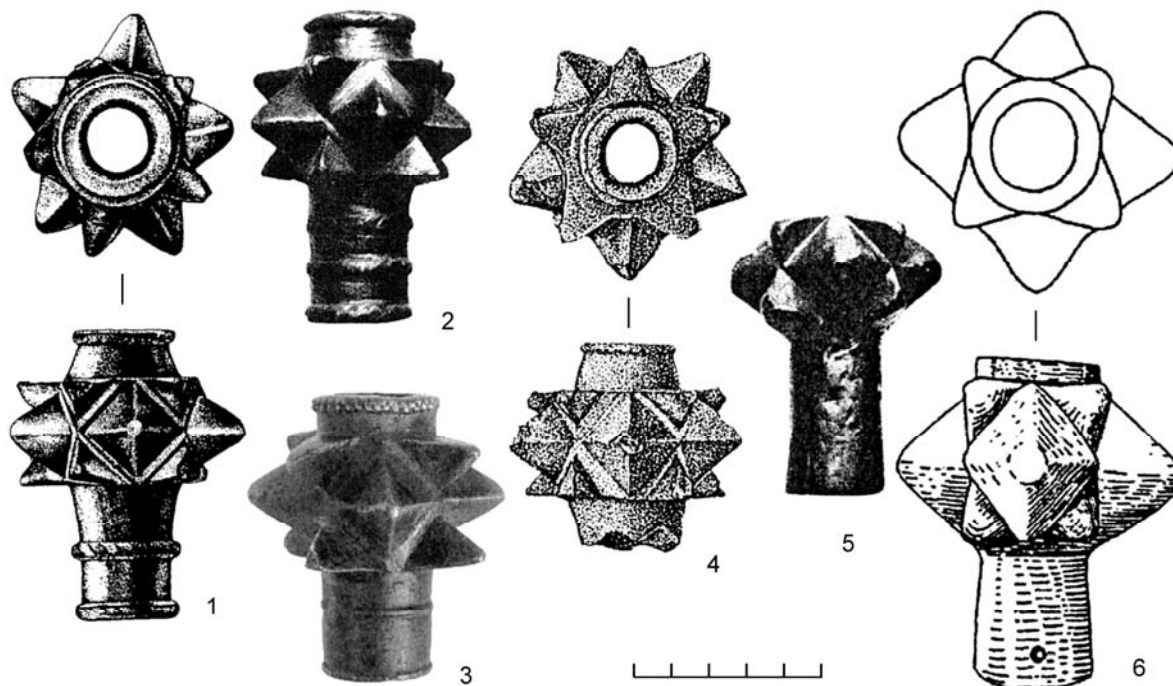
– в-четвертых, пространство между шипами рассматриваемого образца не заполнено «поперечно-рифлеными валиками с горошковидными выпуклостями», которые заменены на парные параллельные борозды;

– и, наконец, в-пятых, навершие из Мышковичей не было заполнено в целях утяжеления свинцом, что было характерно для булав типа IV.

Правда, четвертый и пятый признаки не являются определяющими для типа IV, так как известны образцы с примитивной орнаментацией (например: Зеленче, Тернопольская область, Украина – Там же. № 80). Свинцовое заполнение также, вероятно, не было непременным технологическим приемом в изготовлении булав типа IV. Об этом, в частности, может свидетельствовать находка из деревни Улановичи под Витебском, бронзовый корпус которой не был заполнен свинцом (Плавинский, Шаркоўская, 2005. С. 184). Однако два первых отличительных признака, очевидно, не позволяют уверенно отнести навершие из Мышковичей к типу IV, по А. Н. Кирпичникову, и заставляют искать ему иные аналогии.

Следует сразу сказать, что прямые аналогии мышковичской булаве найти не удастся. Вместе с тем оно имеет некоторые сходные черты с серией находок из Тустани Львовской области Украины (рис. 4, 1) (Liwoch, 2006. S. 74, рис. 4, 5), с территории Паннонской равнины (рис. 4, 2) (Michalak, 2006. S. 57, рис. 8, 3; 2011. P. 181, fig. 6, 4), из Трансильвании (рис. 4, 3) (Michalak, 2011. P. 181, fig. 6, 3) и с городища Пржеровец в Чехии (Přerovec, Česká Republica), датированного второй половиной XIII–началом XIV в. (рис. 4, 4) (Michalak, 2011. P. 181, fig. 6, 2). Все эти навершия снабжены достаточно длинными втулками, что, собственно, и сближает их с мышковичским экземпляром. Однако у них имеется по пять массивных четырехгранных шипов центрального яруса и по пять малых трехгранных шипов в верхнем и нижнем ярусах. Исследователи склонны датировать подобные навершия XII–XV вв. и рассматривать их и близкие к ним булавы как характерные для Венгрии и Балкан (Liwoch, 2006. S. 68, 74; Michalak, 2006. S. 56–57; 2011. P. 178–189; Ventić, 1983. P. 142, 142, pl. V, 9).

³ Анализ проведен в Центральной таможенной лаборатории Государственного таможенного комитета Республики Беларусь старшим инспектором Г. Н. Клавсупем, за что автор приносит ему искреннюю признательность. Исследование выполнено на спектрометре ElvaX компании «Элва-тех».

Рис. 4. Южно- и центральноевропейские навершия булав XII–XIV вв.:

1 – Тустань, Львовская область, Украина (*Liwoch*, 2006. S. 74, гус. 4, 5); 2 – Паннонская равнина (*Michalak*, 2011. Fig. 6, 4); 3 – Трансильвания (*Michalak*, 2011. Fig. 6, 3); 4 – Пржеровец, Чехия (*Michalak*, 2011. Fig. 6, 2); 5 – собрание Венгерского национального музея (*Michalak*, 2006. Рус. 9, 3); 6 – Славенцин, Польша (*Michalak*, 2006. Рус. 9, 1).

Fig. 4. South- and Central European mace heads of the 12th–14th centuries:

1 – Tustan, Lvov district, Ukraine; 2 – Pannonian Plain; 3 – Transylvania; 4 – Přerovec, Czech Republic; 5 – collection of the Hungarian National Museum; 6 – Sławęcín, Republic of Poland.

Другая серия булав, которые имеют для нас определенный интерес, представлена находками из Славенцина в Польше (Sławęcín, pow. Łęczysca, Polska) (рис. 4, б), Фелпеца в Венгрии (Felpéc, Győr-Moson-Sopron, Magyar Köztársaság) и собрания Венгерского национального музея (рис. 4, 5) (*Michalak*, 2006. S. 57, гус. 9, 1–3). Перечисленные экземпляры имеют достаточно длинную втулку (что в первую очередь и сближает их с мышковичской), по четыре массивных четырехгранных шипа центрального яруса и по четыре малых трехгранных шипа в верхнем и нижнем ярусах. Пространство между шипами лишено орнамента. Несмотря на то что данные предметы не являются прямыми аналогиями навершию из Мышковичей, по своим очертаниям и пропорциям они все-таки стоят к нему значительно ближе, чем классические древнерусские булавы типа IV. Экземпляр из Славенцина изготовлен из бронзы и датируется XII–первой половиной XIV вв. (*Glosek*, 1996. S. 55, 95, tabl. XXXII, d). Близкие к нему навершия с территории Словакии (тип 2, по А. Руткаю) использо-

вались до середины XIV в. (*Ruttkay*, 1975. Abb. 29, 1–4; 1976. S. 316, Abb. 45).

Важной чертой, которая отличает навершие из Мышковичей от классических булав типа IV, является его вес, приближающийся к 500 г. Этот факт вместе с равным размером шипов всех трех ярусов делает рассматриваемую булаву существенно более массивным оружием со значительно большей площадью поражения, чем у классических наверший типа IV. Вероятно, именно массивность мышковичского экземпляра предопределила появление у него выделенной втулки. Вместе с тем можно предполагать, что традиция изготовления наверший со втулками является несколько более поздней, чем время производства и использования основной массы классических булав типа IV (XII–первая половина XIII/XIII в.). Свидетельством этого являются упомянутые навершия (и ряд других находок – *Michalak*, 2011. S. 178) с территории Центральной Европы и Балкан.

Приведенные примеры булав (рис. 4) *sensu stricto* не могут рассматриваться как аналогии

образцу из Мышковичей потому, что они имеют меньший вес, иные пропорции и сечение шипов. Однако, насколько можно судить, все они демонстрируют единую тенденцию к повышению массивности навершия и увеличению поражаемой им площади. Вместе с тем очевидно, что мышковичское навершие является наиболее «совершенным» образцом в данном ряду, максимально полно воплощающим стремление оружейников к созданию предельно эффективного ударно-дробящего оружия. Это в свою очередь, возможно, свидетельствует о его более поздней датировке.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно предполагать, что булава из Мышковичей может быть предварительно датирована в широких временных рамках XIII–XV вв., причем наиболее вероятно ее отнесение к XIV в. Полной аналогии мышковичскому навершию выявить не удалось, однако ряд булав, форма которых свидетельствует о сходном процессе повышения эффективности ударно-дробящего оружия путем увеличения поражаемой им площади, убеждает в правильности предложенной датировки. Следует отметить, что на данный момент на территории Беларуси найдено более 30 наверший булав древнерусского времени (Плавинский, 2009; Плавинский, 2013, С. 34–40).⁴ В то же время позднесредневековые навершия до сих пор практически не были известны (за исключением шестопера индивидуальной формы из Прудников, датировка которого также остается дискуссионной) (Артемьев, Гайдуков, 1995, С. 203; Плавинский, 2009, С. 377, рис. 6, 3). В случае, если предложенная датировка навершия из Мышковичей верна, то оно является одним из крайне немногочисленных образцов ударно-дробящего оружия позднесредневекового времени с территории Беларуси. Несмотря на южно- или центральноевропейское происхождение большинства сходных по боевым характе-

ристикам булав, утверждать, что навершие из Мышковичей также является продукцией оружейников названных регионов, преждевременно. Во-первых, выявленные аналогии не являются полными. Во-вторых, они относительно немногочисленны и скорее могут свидетельствовать об общих тенденциях в развитии этого вида оружия на обширных пространствах Южной, Восточной и Центральной Европы.

Артемьев, Гайдуков 1995 – Артемьев А. Р., Гайдуков П. Г. Две уникальные булавы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Материалы науч. конф. / Ред. В. Л. Янин. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 202–206.

Кирпичников 1966 – Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л., 1966. (САИ. Вып. Е1–36).

Плавинский, 2009 – Плавинский Н. А. Булавы конца X–XIII вв. на территории Беларуси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. акад. В. В. Седова: материалы 54-го заседания / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков, 2009. С. 363–380.

Плавинский, 2013 – Плавинский М. А. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. Мінск, 2013.

Плавинский, Шаркоўская 2005 – Плавинский М., Шаркоўская Н. Булава XII–XIII стст. з-пад Віцебска // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2005. № 20.

Glosek, 1996 – Glosek M. Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich. Warszawa; Łódź, 1996.

Liwoch 2006 – Liwoch R. Buławy z zachodniej Ukrainy // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków; Sanok, 2006. Vol. 2.

Michalak, 2006 – Michalak A. Wpływy wschodnie czy południowe? Z badań nad pochodzeniem buław średniowiecznych na ziemiach polskich // Держава та армія. Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Львів, 2006. № 571.

Michalak, 2011 – Michalak A. A 14th century Hungarian knobbed mace head from the Birów Mountain in Podzamcze in the Polish Jura Chain // Cum Arma per Aeva. Uzbrojenie indywidualne na przestreni dziejów / Redakcja naukowa Pawel Kocypera, Piotr Pudło. Toruń, 2011.

Ruttkay, 1975 – Ruttkay A. Waffen und Ritterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (I) // Slovenska archeologia. 1975. Vol. XXIII–1.

Ruttkay, 1976 – Ruttkay A. Waffen und Ritterausrüstung des 9. bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (II) // Slovenska archeologia. 1976. Vol. XXIV–2.

Ventič, 1983 – Ventič S. Medieval Weapons and Implements deriving from the Middle Morava Basin // Balcanoslavica. 1983. Vol. 10. P. 137–157.

⁴ Мы не учитываем тут достаточно многочисленные находки наверший булав, выявленные «черными копателями» в ходе грабительских раскопок археологических памятников древнерусского времени, относимые к территории Беларуси, так как определить точное место и обстоятельства их обнаружения в большинстве случаев не представляется возможным.

Medieval Mace from the Collection of the National Historical Museum of the Republic of Belarus

N. A. Plavinski

In 1965 the collection of the State Museum of the BSSR (present day National Historical Museum of the Republic of Belarus) replenished the bronze mace. It was found in 1964 near the village Myshkovichi Kirov district Mogilev region (fig. 1).

Mace-head with a short sleeve has twelve pyramidal spikes arranged in three rows of four each (fig. 2–3). The space between the spikes is decorated with paired parallel grooves. Weight of the mace-head is 497 grams.

It is probable that the mace of Myshkovichi can be preliminary dated to a wide time frame of the 13–15th centuries, but the most likely looks its assignment to the 14th century. It's difficult to find a complete analogy Myshkovichi mace-head. But a

number of maces, the shape of which suggests a similar process of improving the shock weapons by increasing of the shoot area proves the correctness of the proposed dating.

Mace from Myshkovichi is one of the very few specimens of late medieval shock weapons from the territory of Belarus. Despite the South or Central European origin of the majority of similar mace-heads it is difficult to claim that the mace from Myshkovichi was also produce in these regions. At first, identified analogy is not complete. At second, these analogies are relatively few in number and are more likely to indicate general trends in the development of this type of weapons in the vast expanses of the South, East and Central Europe.

СУМКИ-ОМОНЬЕРЫ В РУССКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ

А. В. Курбатов¹

Изучение средневековой моды в разных регионах Европы охватывает разный максимальный объем исторических данных. В археологических коллекциях подчас находят свидетельства этого явления средневековой культуры, но фрагментарность находок не всегда дает основание для сопоставления их с одновременными изображениями. На рубеже средневековья и раннего нового времени, в конце XV–начале XVI в., многие материальные атрибуты принадлежности к высшему сословию становятся модными в среде зажиточных бюргеров. Эта своего рода «демократизация» элитных изделий включает и сумки-омоньеры, носившиеся на поясе. В предлагаемой работе впервые вводятся в научный оборот археологические находки таких сумок в городах на Северо-Западе России.

Studies of the mediaeval fashion in different regions of Europe comprise different volumes of historical information. Among the archaeological collections, certain evidence of this phenomenon of mediaeval culture is sometimes found but its fragmentary state does not always gives us a basis for a comparison with synchronous graphical representations. In the late 15th and early 16th centuries, at the turn between the Middle Ages and Early Modern Period, many material attributes of belonging to the higher social strata become fashionable amidst the prosperous burghers. Among the other elite objects, this 'democratization' of its kind included the aumonieres – bags which were worn on the belts. In the present study, archaeological finds of the bags of this type from towns in northwestern Russia are first published.

*Ключевые слова: средневековая мода, кожаные сумки-омоньеры, города Северо-Запада России.
Keywords: mediaeval fashion, leather aumonieres, towns of northwestern Russia.*

Введение. Исторические реконструкции какой-либо эпохи или отдельных знаковых событий становятся одними из самых привлекательных направлений – как в научных исследованиях, так и в популяризации истории методами музейных экспозиций, а также интерактивного показа в деятельности общественных групп по исторической реконструкции. Базовым источником для реконструкции русского средневекового быта служат комплексы археологических находок, полученных при широкомасштабных раскопках в городах Восточной Европы.

Сублимированной характеристикой средневекового быта можно считать выражение Жака Ле Гоффа: «средние века – это мир дерева», где «древесина была универсальным материалом» (Ле Гофф, 1992. С. 191). С полным основанием

это замечание относится и к коже, также бывшей во все времена универсальным сырьем.

Кожаные предметы являются одним из самых многочисленных вещественных компонентов культурного слоя средневековых городов в лесной полосе Восточной Европы. Аналитические работы специалистов показывают высокий информационный потенциал этой группы археологических находок, который долгое время оставался невостребованным. Например, исследователи подсчитали, что за 50 лет планомерных археологических раскопок в Великом Новгороде были открыты 600 видов различных изделий средневековой эпохи и среди них из дерева были сделаны 205, из железа и стали – 152, из цветных металлов – 62, а из кожи только 47 (Колчин, Янин, 1982. С. 74). Благодаря археологическим раскопкам во многих городах список номенклатуры кожаных изделий уже сегодня можно существенно расширить, внеся те средневековые изделия, которые ранее были извест-

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

ны только по письменным источникам. Каждое новое атрибутированное изделие требует специальной научной разработки. Например, в Твери впервые были отмечены серии кожаных «амулетниц», находимые в древнерусских городах, но не привлекавшие внимание археологов (Курбатов, 2008а. С. 260–268).

В Тверском кремле впервые выделены круглые кожаные предметы с центральным отверстием, названные автором прокладки-шайбы. К ним отнесены 22 предмета, а также 27 заготовок и, кроме того, встречены 15 негативов кожи от вырезанных прокладок. Эти находки сопоставимы с таким этнографически известным предметом хозяйства, как *гонок* – кусочек кожи с отверстием, в которое вставлено веретено, или же *гужик*, *гужок* – «венчик, свитое из него кольцо, гайка из кожи, верви или иного гибкого вещества, надеваемая на прикрепы, оболочки, затычки и пр.» (СРНГ, 2002. С. 9, 204–205). Недавно высказано предположение, что такие шайбы могли использовать как ограничители на удилах, подобно современным трензельным предохранителям (Бузыкина, Трубицын, 2013. С. 326–328). На сегодня шайбы известны в Ивангородской крепости, Витебске и Новгороде на Никитинском раскопе (Курбатов, 2004. С. 55; Левко, 2003. Рис. 23, 2; Дубровин, 2010. Прил.). Как предметы «неясного назначения» кожаные шайбы известны в западноевропейских городах – датских Свендборге и Виборге, английском Беверли и германском Любеке (Groenman-van Waateringe, 1988. P. 106, fig. 9.1, 3, 4; Koch, 1998. Fig. 44; Atkinson, Foreman, 1992. Cat. № 594–598; Groenman-van Waateringe, van den Berg von Tom, 1992. Abb. 9, 1).

Другие «неопределенные» находки отметил в своих работах Д. О. Осипов (Осипов, 2013. С. 141–145). Например, в Москве и Новгороде выделены кожаные *клобучки*, надевавшиеся на головы ловчих птиц, а в Новгороде и Твери определены кожаные завязки-*путцы*, которыми стреноживали ловчих птиц (Федоров и др., 2011. С. 199 и сл.). В Твери такие ремешки были обнаружены в заполнении материковой ямы непосредственно на птичьих костях (Курбатов, 2004. С. 58–59). Далее, недавно в археологических фондах Ростовского кремля были атрибутированы кожаные завязки для выючной поклажи – *тороки*, известные по документам XVI–XVII вв. (Курбатов, 2014а. С. 103, рис. 10). В Ивангородской крепости и в Новгороде определены

типичные детали воинского снаряжения XVI–XVII вв. – седельные чехлы или *кобуры* для ручного огнестрельного оружия, так называемые *ольстры* (Курбатов, 2014б. С. 99 – 102).

В данной работе представлено еще одно кожаное изделие, популярное в культуре средневековой Европы, – кожаные сумки-*омоньеры*. Их носили представители высших слоев европейского общества на закате средних веков (в XIV–XV вв.), подчеркивая элитарность и элегантность своего костюма. Мы можем проследить это в основном на изобразительных источниках и собраниях отдельных металлических деталей сумок в музейных коллекциях. До сих пор кожаные детали таких сумок не были выделены среди археологических находок.

История моды и быта. По мнению историков моды, *омоньеры* были модными кошельками для денег и других мелких личных предметов в XIV–XV вв., которые носили женщины и мужчины. Они являлись и предметом придворного туалета при бургундском дворе в правление Карла Смелого. Историки отметили, что каждая эпоха создавала свои собственные «игрушки» – аксессуары модных костюмов. В XII–XVII вв., в разное время, сменяя друг друга, это были ручное зеркало и зеркало для сумки, а также некоторые другие специфически женские предметы туалета. Приводится картина Йорге Инглеса, изображающая маркиза де Сантиллана – донатора одной из испанских церквей в позднеготической городской одежде. На поясе у него привешен *омоньер* (*aumonière*) (Кибалова и др., 1987. С. 469, 471, ил. 173).

На рубеже средневековья и раннего нового времени, по принятой в ряде европейских стран периодизации исторического процесса, т. е. в конце XV–начале XVI в., многие атрибуты материальной культуры аристократии становятся модными в среде зажиточных бюргеров. Эта своего рода «демократизация» элитных изделий включает и сумки-*омоньеры*. Они часто изображались на картинах и гравюрах горожан в разных странах Европы в XV–XVI вв. Например, в Англии в первой половине XVI столетия, вероятно под влиянием итальянского, испанского и французского костюма, *омоньеры* сохраняются в одежде горожан как типичные черты. На гравюре Ганса Вейдица 30-х гг. изображен молодой горожанин в достаточно коротком суконном камзоле – *джеркине*, перетянутом узким поясом. Спереди на поясе привешен большой кошель

овальной формы, вероятно, окантованный металлическими пластинами, со складками по всему полю (Мерцалова, 1993. С. 450–451, рис. 446). Мода на причудливые кошельки широко распространилась и в Германии. Такое изделие с подвесками показано на гравюре Иоста Аммана, изображающей горожанку в Силезии (Там же. С. 515, рис. 515).

В общих тенденциях европейской моды позднего средневековья М. Н. Мерцалова отметила, что в среде горожан складывается собственный сословный костюм, на который влиял стиль эпохи. У женщин в XIV в. сложился обычай носить пояс, повязанный на верхней одежде, и к этому поясу прикрепляли кошелек и другие мелкие предметы женского обихода. Такая мода распространилась среди горожанок всех слоев общества. В итальянском костюме эпохи Возрождения большая сумка с металлическими застежками и обоймой есть на картине Витторе Карпаччо «Жизнь св. Урсулы», где показаны гондольеры в коротких костюмах. На поясе спереди они носили большую сумку, в которую клали деньги, полученные за проезд, которые они должны были сдавать хозяину (Там же. С. 200, 227, рис. 214).

Археологические материалы. Судя по изображениям, внешнее оформление сумок-омоньеров было разнообразным. Их конструкция включала три основных элемента: 1) металлический стержень с подвижным кольцом или ушком посередине, служившим для подвешивания сумки к поясу владельца; это важнейший декоративный элемент сумки, судя по разнообразию форм; 2) металлическая окантовка устья сумки, она включала две согнутые металлические пластины, края которых закреплялись на концах стержня; согнутые края пластин плотно охватывали края кожаных частей сумки, а для их соединения использовали мелкие заклепки; 3) кожаные детали, не менее двух, сшиваемые вместе по нижней и боковым сторонам, тогда как верхняя сторона – устье сумки – собиралась в равномерные складки и закреплялась в металлической окантовке устья. В собраниях Лондонского музея и частных коллекциях представлены металлические детали таких сумок – отдельные стержни с кольцом (рис. 1, 1) и стержни вместе с металлической окантовкой (рис. 1, 2), датированные XIV–XV вв. (Mills, 2003; London Museum, 1954. P. 158–185). Такие детали найдены и в городах Голландии (Blusiewicz, 2010. P. 443). Однако сохранившаяся полностью сумка из-

вестна только в частной коллекции (рис. 1, 3) и датируется временем около 1500 г. (Fundsache Luther, 2009. Catalog, Nr E125).

Археологические находки деталей таких кошельков на территории Восточной Европы отмечены в Риге (Bebre, 2005. P. 26–27). Металлические детали сумок-омоньеров в русских городах до сих пор не найдены. Показательно, что они не отмечены в обобщающей работе по всевозможным кожаным вместилищам средневекового Новгорода, изученным по материалам археологических исследований (Матехина, 2009). Хотя отдельные части металлической фурнитуры кожаных футляров, учтенные в работе, могли принадлежать таким сумкам (Варфоломеева, 1994. С. 166 и сл.).

Кожаные детали сумок-омоньеров до настоящего времени не называются в археологических материалах из западноевропейских городов. В городах же Северо-Запада России, Пскове и Выборге, они были определены только в последнее время. Детали представлены единичными находками в достаточно представительных археологических собраниях, полученных при раскопках в этих городах в начале XXI в., и относятся к достаточно узкому временному диапазону – к концу XV–первой половине XVI в.

Кожаные части омоньеров, в виде обрезков, выделены среди многочисленных кожаных находок на Петровском VIII и IX раскопах 2007 г. в Пскове. Охранные исследования 2007 г. на ул. Гоголя в восточной части Окольного города, близ древних Петровских ворот, были продолжением более ранних охранных исследований на этом участке посада (Харлашов, 2003. С. 9, 11). В указанный сезон раскопок здесь, на площади около 1000 кв. м, собрано несколько десятков тысяч кожаных предметов, из которых половина массива (более 38 тыс. единиц) была обработана автором. Состав и численность кожаных находок позволяют видеть в этом собрании эталонную для Пскова коллекцию, отражающую бытовую культуру города в период его присоединения к Московскому государству. Коллекция кожи с Петровских раскопов подтверждает многие наблюдения, оценки и интерпретации подобных комплексов, сделанные на материалах других русских средневековых городов. В то же время здесь представлены и единичные кожаные изделия, проливающие свет на особые черты городской жизни, на сегодня зафиксированные только для Пскова.

Рис. 1.

1 – Бронзовый стержень от *омоньера* середины XV в., частная коллекция (Mills, 2003. № 258); 2 – бронзовый стержень от *омоньера* конца XV в., частная коллекция (Mills, 2003. № 259); 3 – сумка на поясной ремень. Около 1500 г., частная коллекция. Германия (Fundsache Luther, 2009. S. 290, kat. № E125).

Fig. 1.

1 – Bronze rod of *aumoniere* of the mid-15th century, private collection; 2 – Bronze rod of *aumoniere* of the late 15th century, private collection; 3 – a bag on a belt, about 1500, private collection, Germany.

Коллекция кожаных предметов 2007 г. с данных раскопок содержит предметы конца XV–XVII вв. Значительный объем собрания древних предметов не позволяет осуществить их полную публикацию, поэтому в своих предыдущих обращениях к этим материалам автор остановился на отдельных аспектах историко-культурной оценки археологического собрания. В частности, был выделен комплекс предметов, связанных с кожевенно-обувной мастерской, функционировавшей в конце XV–первой половине

XVI в. В ней шили кожаные рукавицы и другие изделия, а на рубеже XV–XVI вв., в течении трех лет (1499–1501 гг.), занимались пошивом специальных воинских сапог (Курбатов, 2008б; 2009).

Кожаные вещи, индивидуально и в комплексах, были датированы автором на основе технологических и стилистических особенностей самих изделий, признаках специфичных моделей обуви и других предметов на основе известных и определенно датированных аналогий (Курбатов,

20086. С. 210 и сл.). Предложенная датировка для раннего комплекса кожаных изделий – конец XV–первая половина XVI в. затем была подтверждена псковскими археологами. Однако один из авторов раскопок Е. В. Салмина на данном участке посада видит в скоплении кожаных предметов на Петровских раскопах не местонахождение кожевенной пошивочной мастерской, а место складирования кожевенных отходов на незастроенном участке. Основанием для этого, по ее мнению, служит полное отсутствие узкоспециального инструментария и малое число обрезков от нового кроя (Салмина, 2010. С. 40). Проведенное автором изучение данной коллекции, опыт обработки и анализа массового кожевенного материала в других русских средневековых городах, а также сравнительного материала в ряде городов западных стран, не позволяет согласиться с таким мнением.

В данном случае мы видим, что почти на всей площади раскопов Петровский VIII и IX имелся минимальный уровень городского «фона» кожаных предметов, не превышающий 10 единиц на квадрат. Но здесь же выделяются и локальные скопления очень большого числа отходов от раскроя. В пластах 10–13 Петровского IX раскопа они составляли от 2,3 до 15,4 тысяч единиц. На примыкающем к нему участке Петровского VIII раскопа крупное скопление обрезков встречено только в одном квадрате. Все квадраты с максимальной концентрацией кожаных предметов образуют компактный участок прямоугольной формы размерами 8 × 4 м. Это место складирования отходов – в помещении, между двумя постройками или в специальном мусорном «ящике». На окружающих квадратах количество кожаных предметов не превышает общегородского «фона». Другие локальные скопления отходов имеют меньший объем. Так, обрезками были заполнены не менее 3 небольших ям, видимо, специально открытых для этих производственных отходов и использованных только единожды. Скорее всего, эти ямы выкапывал сам мастер-кожевник, удалявший отходы ремесла по мере их накопления. Каждый раз мастер засыпал яму с отходами, не оставляя ее до следующего раза. В заполнении одной такой ямы зафиксировано около 900 обрезков, во второй – 496, в третьей – 726. Другие, относительно небольшие, скопления обрезков можно объяснить выбросом отходов раскроя на поверх-

ность двора для ее выравнивания – засыпания луж и топких участков.

Комментария требует и мнение Е. В. Салминой, что «полное отсутствие находок узкоспециализированного инструментария и малое количество находок нового кроя показало, что новое производство кожаных изделий в этом комплексе не отражено» (Салмина, 2010. С. 40). Высказанное мнение прямо противоположно тому, что наблюдалось нами в процессе обработки материалов. Состав отходов кожевенного производства помогает ответить на ряд вопросов о специализации мастера-кожевника, об организации работы и технических особенностях исполнения. Прежде всего, надо отметить значительную унификацию в качестве используемого для раскроя материала. Это преимущественно плотная, хорошо выдубленная кожа крупного рогатого скота (КРС) толщиной 1,1–2,0 мм. Значительно меньше встречается кож мелкого рогатого скота (МРС) – коз или овец. Незначительную часть отходов представляют кожи хорошего качества выделки, имеющие большую толщину – до 4,0–5,0 мм. Основная масса отходов представляет новую кожу, т. е. используемую первый раз. В данной коллекции этот показатель значительно превышает норму использования новых кож, отмечаемую в Тверском кремле для конца XIII–первой половины XV вв. (Курбатов, 2004. С. 61). При раскрое новых кож остается очень много обрезков с краев кожевого листа, которые обрезаются в первую очередь, до начала раскроя деталей. Об этом можно судить по тому факту, что обрезки с края кожевого листа не несут на себе следов вырезания деталей, т. е. не являются негативами от раскроя. Вторая значительная составляющая материала для раскроя – это голенища сапог. Сохраняющиеся лучше всего на изношенной обуви, эти детали постоянно служили для вторичного использования. Именно поэтому в составе отходов встречено большое число обрезков голенищ. Их выделение становится возможным по сохраняющейся форме краев, несущих специфические швы. При оценке сочетания формы края, длины и изгиба края со швом узкие обрезки голенищ очень часто можно идентифицировать. Отметим, что голенища кроились из плотной, жесткой или эластичной кожи как КРС, так и МРС, имевшей толщину 1,5–2,0 мм и более.

Таким образом, на раскопе Петровский IX имелись значительные скопления кожаных об-

резков, показывающие существование именно здесь кожевенной пошивочной мастерской. Отсутствие на участке остатков деревянных строений, время функционирования которых соответствует датировке, предложенной нами по стилистическим и конструктивным признакам кожаных предметов, надо объяснять полной перестройкой и заменой построек более поздними. Изучение дендроспиллов с разных сооружений, проведенное М. И. Кулаковой показало, что наиболее ранние даты порубки имеют кольца ограды усадьбы (двора), которые были вбиты глубоко в материк. По мнению Е. В. Салминой, это говорит «об устройстве частоккола в период, когда мощность антропогенных отложений была еще невелика» (Салмина, 2010. С. 41). По нашему мнению, это не отрицает возможности существования более ранних построек на участке раскопок.

Фрагменты *омоньеров* с раскопа Петровский IX показаны как в графическом воспроизведении, так и в фотографиях, сделанных в процессе обработки находок (рис. 2, 1–6). На таблице находок показаны четыре обрезка кожаных деталей сумок (рис. 2, 1–3, 6). Первая имеет сложную форму, с двумя обрезанными краями, размеры $12,7 \times 7,9$ см (рис. 2, 1, 4); по длинным краям швы обметочные, по короткой выворотный; декор – тиснение по всей поверхности расходящимися линиями; кожа МРС? плотная, толщина 1,3 мм, меря лощеная, черного цвета. Второй предмет – это обрезок передней детали сумки, от вторичного раскроя которой остался кусок неправильной формы размерами $10,8 \times 7,2$ см (рис. 2, 3); по всей поверхности параллельные полосы тиснения через 1 см; кожа МРС, плотная, толщина 1,2 мм. Третий предмет – также обрезок сумки сложной пятиугольной формы, у которого два края со швами обрезаны, размеры $14,1 \times 9,2$ см (рис. 2, 2, 5); швы различные на каждом сохранившемся крае – сквозной (сандальный), точной и обметочный «через край»; вся поверхность имеет поперечные складки шириной 6–7 мм; кожа плотная, лощеная, толщина 1,0 мм. Четвертый предмет – деталь низа сумки (рис. 2, 6), подпрямоугольной формы с выгнутыми длинными сторонами, одна короткая сторона вторично обрезана, размеры $20,7 \times 7,4$ см; по длинным краям мелкие стежки выворотных швов, на короткой стороне крупные парные сквозные отверстия – следы ремонта; кожа плотная, толщина 1,0 мм.

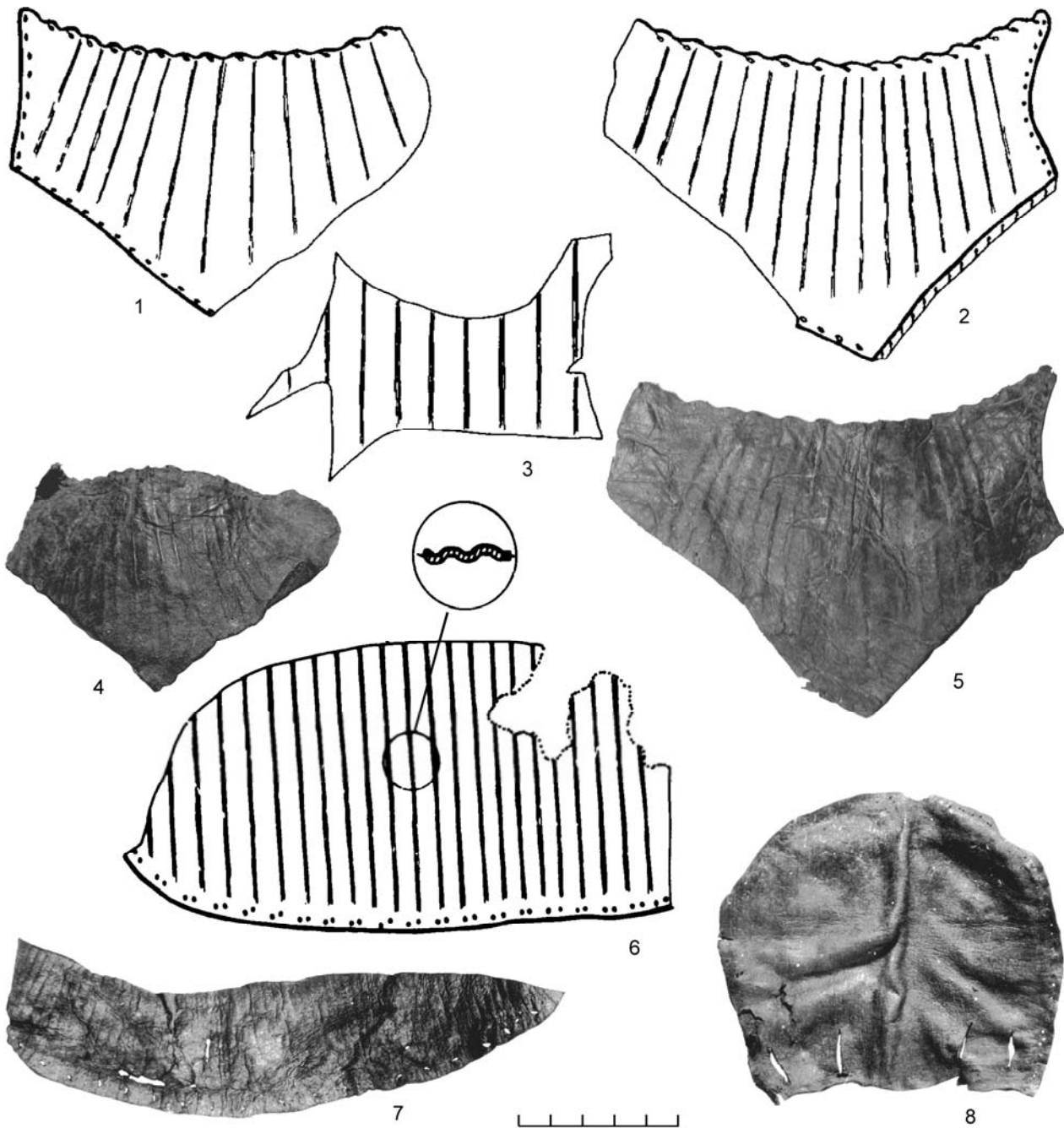
При раскопках Выборга в 2000–2001 гг. на территории Старого города, на пересечении улиц Титова и Сторожевой, собрано более 2500 предметов, связанных с кожевенным производством (Сакса и др., 2003. С. 135–139). Основная масса находок принадлежит деталям разнообразной обуви. Среди других изделий встречены 13 определенных деталей и обрезков кошелеков и сумки разнообразных форм, размеров и конструкций (Курбатов, 2003. С. 133). Имеются и обрезки поясных сумок-*омоньеров*, модных в XV–XVI вв., богато декорированных тиснением по всей поверхности, имевшие, судя по аналогиям и изображениям, металлический замок (рис. 2, 7, 8).

Выводы. 1. Новые, ранее не известные кожаные изделия в настоящее время исследователи продолжают выявлять в археологических коллекциях, происходящих из раскопок русских средневековых городов. Показателем этого служат, в частности, сумки-*омоньеры*.

2. Такие сумки бытовали в XIV–XV вв. и являлись изделиями для представителей элиты западного общества. Позднее, в раннее новое время (XVI в.), *омоньеры* становятся модным атрибутом представительного наряда городского бюргерского сословия в странах Западной Европы. В это время подобные престижные изделия появляются и в городах Восточной Европы.

3. Однако на территории Восточной Европы тогда же были распространены собственные элитные варианты поясных сумок с металлическими замками. И сами сумки, т. е. их кожаная основа, и металлические детали нередко находят в древнерусских городах, а также на территориях современной Украины и стран Балтии.

Сумки с бронзовыми деталями застежек, фиксирующих закрывание устья и декорирующие их, были широко представлены в восточнославянских землях. Ношение таких сумок внешне подчеркивало благосостояние купца или процветающего коммерсанта. Эти сумки были популярны в русских городах в XIV–XV вв. Можно отметить находки двух целых сумок в Новгороде (Гайдуков, 1992). Чаще всего в культурном слое сохраняются только металлические – бронзовые детали – оковки и части декоративного оформления. Например, такие предметы встречены в летописном Звенигороде Галицком (Гупало, 2012. С. 205 и сл.). Особенно выразительными деталями служат бронзовые шестилепестковые розетки на замках, закрывавших клапан сумки и накладную декоративную фигурку

Рис. 2. Кожаные находки:

1–6 – детали поясных сумок-омоньеров, Петровский IX раскоп. Псков, 2007 г.;
7, 8 – Выборг, раскопки 2000–2001 гг., фото А. М. Клера.

Fig. 2. Leather finds:

1–6 – parts of waist-belt bags-aumonieres, Excavation Petrovsky IX, Pskov, 2007;
7, 8 – Vyborg, excavations of 2000–2001, Photo by A. M. Kler.

животного из семейства кошачьих. В настоящее время определенно связывают изготовление таких сумок с поволжскими городами в эпоху Золотой Орды (Козлова, 2007. С. 137–138; Горелик, 2008. С. 123).

4. Можно говорить о параллельном развитии близких по стилю элементов костюма и элитарной моды в странах Западной и Восточной Европы. Археологические находки показывают знакомство восточноевропейского, в частности

русского, средневекового общества и с западными и с восточными проявлениями средневековой моды.

- Бузыкина, Трубицын*, 2013 – *Бузыкина Ю. Н., Трубицын К. В.* Ограничители на удилах коней на новгородских иконах XV–XVI вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2013. Вып. 27.
- Варфоломеева*, 1994 – *Варфоломеева Т. С.* Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1994. Вып. 8.
- Гайдуков*, 1992 – *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1992.
- Горелик*, 2008 – *Горелик М. В.* Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. М., 2008. Вып. 222.
- Гунало*, 2012 – *Гунало В.* Один різновид застібок до шкіряної сумки з літописного Звенигорода // Фортеця: збірник заповідника «Тускань». Львів, 2012. Кн. 2.
- Дубровин*, 2010 – *Дубровин Г. Е.* Никитинский раскоп в Новгороде. М., 2010.
- Кибалова и др.*, 1987 – *Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М.* Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1987.
- Козлова*, 2007 – *Козлова А. В.* Металлические украшения и предметы быта восточной традиции X–XV веков из раскопок в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы LI заседания. Псков, 1987.
- Колчин, Янин*, 1982 – *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Курбатов*, 2003 – *Курбатов А. В.* Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 гг. // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 2003. Вып. 6.
- Курбатов*, 2004 – *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.
- Курбатов*, 2008а – *Курбатов А. В.* Серийные кожаные изделия неопределенного назначения // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы ТНК (Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г.). СПб., 2008.
- Курбатов*, 2008б – *Курбатов А. В.* О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. СПб., 2008. № 3.
- Курбатов*, 2009 – *Курбатов А. В.* О специальной воинской обуви в средневековой России // Краугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. СПб., 2009. Т. 1.
- Курбатов*, 2014а – *Курбатов А. В.* Новые исследования по кожевенному ремеслу в средневековой Европе // Ладога и Ладжская земля в эпоху Средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 2014. Вып. 4.
- Курбатов*, 2014б – *Курбатов А. В.* Исторические наименования и археологические реалии: предметы средневекового воинского вооружения – *ольстра* // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. № 6: Время войны. Победители и побежденные.
- Левко*, 2003 – *Левко О. Н.* Улица Подвинская в Витебске (Археологическое изучение в 1979–1998 гг.) // *Матэрыялы па археологіі Беларусі*. Мінск, 2003. № 6.
- Ле Гофф*, 1992 – *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Матехина*, 2009 – *Матехина Т. С.* Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Мерцалова*, 1993 – *Мерцалова М. Н.* Костюм разных времен и народов. М., 1993. Т. 1.
- Осинов*, 2013 – *Осинов Д. О.* Атрибуция предметов из кожи (материалы раскопок Великого Новгорода и Москвы) // РА. М., 2013. № 1.
- Сакса и др.*, 2003 – *Сакса А. И., Бельский С. В., Курбатов А. В., Полякова Н. Ю.* Выборг – первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии. Калининград, 2003. Вып. 1 (Серия: Terra Baltica; 2).
- Салмина*, 2010 – *Салмина Е. В.* Работы на Петровских VIII–IX раскопах в 2007 – 2008 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова: Материалы 55-го заседания, посвящ. юбилею проф. И. К. Лабутиной (13–15 апреля 2009 г.). Псков, 2010.
- СРНГ, 2002 – *Словарь русских народных говоров*. СПб., 2002. Вып. 7 (2-е изд.).
- Федоров и др.*, 2011 – *Федоров В. М., Матехина Т. С., Осинов Д. О.* К истории соколиной охоты в Новгородской земле // Записки ИИМК РАН. СПб., 2011. № 6.
- Харлашов*, 2003 – *Харлашов Б. Н.* Петровский 4 раскоп // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научных семинаров за 2001–2002 гг. [Заседания 48, 49]. Псков, 2003.
- Atkinson, Foreman*, 1992 – *Atkinson D., Foreman M.* The leather // D. H. Evans and D. L. Tomlinson. Excavations at 33–35 Eastgate, Beverley. 1983–1986. 1992 (Sheffield Excavation Reports; 3).
- Bebre*, 2005 – *Bebre V.* Savelkamie ādas maki un to funkcionālais lietojums Rīgā 13. – 17. gadsimtā // Senā Rīga. Pētījumi pilsētas arheoloģija un Vēsturē. 5. Rīga, 2005.
- Blusiewicz*, 2010 – *Blusiewicz K.* (Rec. on) Olaf Goubitz. Purses in Pieces. Archaeological finds of late medieval and 16th-century leather purses, pouches, bags and cases in the Netherlands, wyd. Stichting Promotie Archeologie, Zwolle 2007 // KHKM. N 3–4. Rok LVIII, 2010.
- Fundsache Luther*, 2008 – *Fundsache Luther: Archäologen auf den Spuren des Reformators* / Hrsg. Harald Meller. Stuttgart, 2008.
- Groenman-van Waateringe*, 1988 – *Groenman-van Waateringe W.* Das Leder von Alt Lubeck // *Lubecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte*. Bonn, 2008. Bd. 13.
- Groenman-van Waateringe, van den Berg von Tom*, 1992 – *Groenman-van Waateringe W., van den Berg von Tom.* Das Leder aus dem Umfeld des Lübecker hafens // *Lubecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte*. Bonn, 1992. Bd 18.
- Koch*, 1998 – *Koch H. D. Laeder* // J. Hjermand, M. Iversen, H. K. Kristensen (eds.) *Viborg Sønderø. 1000–1300. Byarkæologiske undersøgelser 1981 og 1984–1985. Højbjerg, 1998 (Jysk Arkæologisk Selskabs Skrifter; 34).*
- London Museum..., 1954 – *London Museum Catalogues. 7: Medieval Catalogue*. London, 1954.
- Mills*, 2003 – *Mills N.* Medieval Artefacts. Catalogue and price guide. Witham, 2003.

Aumoniere-bags from Russian mediaeval towns**A. V. Kurbatov**

At present, researchers continue to distinguish new leather articles unknown before among the archaeological collections provenient from excavations of Russian mediaeval towns. An example is represented by the *aumonieres* – bags worn on the belts. These objects used in the 14th–15th century were manufactured for representatives of the elite of

the Western society. Later on, in the early Modern Period (16th century), *aumonieres* became a fashionable attribute of the ceremonious garment of the urban burgher estate in countries of Western Europe. Simultaneously, these prestigious objects appeared in towns of Eastern Europe.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ДОИСТОРИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СИМВОЛИЧЕСКИХ СИСТЕМ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ ЭПОХИ РАННЕГО НЕОЛИТА)¹

Т. В. Корниенко²

В настоящей статье обсуждаются проблемы изучения идеологии, ритуала и символических систем как механизмов формирования и поддержания общинной идентичности доисторическими сообществами с позиции психосоциального и иных подходов, применение которых анализируется в связи с обращением к материалам докерамического неолита Леванта и Северной Месопотамии. Качественные психологические трансформации человека и социума в данный период исторического развития археологически фиксируются благодаря различным свидетельствам, в том числе появлению многочисленных символически оформленных объектов. На примере изучения символических систем Северной Месопотамии рассматриваются возможности определения характера идеологии и действовавших концептов общественного сознания, утверждавшихся в эпоху раннего голоцена. Психосоциальные трансформации рассматриваются как важная часть процесса неолитизации на территории Ближнего Востока.

The present article discusses the problems of studies of ideology, rite and symbolic systems as the mechanisms of formation and maintenance of communal identity in prehistoric societies. These problems are here analyzed with employment of the psychosocial and other approaches on the example of materials of the Pre-Pottery Neolithic of Levant and Northern Mesopotamia. The qualitative psychological transformation of man and socium during the period under consideration is traceable through different categories of evidence including the appearance of numerous symbolically marked objects. Following the example of studies of symbolic systems of Northern Mesopotamia, the possibilities of characterization of ideology and current concepts of social conscience established during the early Holocene are discussed. Psychosocial transformations are here considered as an important constituent of the process of Neolitization in the Middle East.

Ключевые слова: докерамический неолит, Северная Месопотамия, идеология, ритуал, символические системы, адаптационные стратегии, общинная идентичность, психосоциальный подход, метод верификации данных.

Keywords: Pre-Pottery Neolithic, Northern Mesopotamia, ideology, rite, symbolical systems, adaptation strategies, communal identity, psychosocial approach, method of data verification.

Традиция изучения психосоциальной реальности «доисторического человека во всех стадиях развития, проделанных им...» начинает фор-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов Воронежского ГПУ (№ 36 от 01.10.2014) и РГНФ (в рамках научного проекта № 15-51-00019).

² Россия, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86. Воронежский государственный педагогический университет.

мироваться с конца XIX–начала XX в. (Фрейд, 1991. С. 197). В частности, получившая широкое распространение работа З. Фрейда «Тотем и Табу» (Freud, 1913) и вышедший немногим ранее труд В. Вундта «Проблемы психологии народов» (Wundt, 1911), в значительной степени опиравшиеся на разработки социальных антропологов классического периода (Э. Тайлора, Дж. Фрэ-

зера и др.), в свою очередь дали толчок к дальнейшим исследованиям различных явлений и феноменов психосоциальной жизни доисторических сообществ с использованием стадийно сопоставимого и в определенном объеме к тому времени уже накопленного этнографического и археологического материала.

В конце XX–начале XXI в. психосоциальный подход оказался остро востребован для исследований переднеазиатских сообществ, находящихся на стадии перехода к неолитической эпохе и соответствующему образу жизни. Полученные к настоящему времени археологические свидетельства функционирования ранних долговременных поселений в зоне Плодородного полумесяца дают представление о демографическом росте и увеличении плотности населения (в том числе о совместном проживании от нескольких сот до нескольких тысяч человек), усложнении социальной структуры, изменениях в хозяйственной сфере, питании, физиологических и психологических характеристиках человека. Анализ распространения в регионе многочисленных символически оформленных объектов, относящихся к различным категориям археологических источников, позволил сделать вывод о формировании новой идеологии и новых принципов осуществления культовых практик, появлении и функционировании разного рода символических систем, взаимодействовавших в рамках обширного информационного пространства. Весь этот комплекс материалов делает крайне актуальной проблему изучения психосоциальных трансформаций человека и социума на этапе неолитизации. В наиболее концентрированном виде эта тема представлена в работах французского археолога Ж. Ковена, автора теории о «революции символов» (Cauvin, 1994; 2000), открывшего новое направление в изучении ключевых вопросов «неолитической революции» (подробнее см.: Корниенко, 2015).

Среди важнейших материально фиксируемых достижений развития информационно-коммуникативных систем в истории человечества «революция символов» определяется как первый из сыгравших ключевую роль этапов в эволюции человеческих сообществ. Далее этот ряд будет продолжен изобретением письма, печати и компьютерных технологий.

Неоднократно отмечалось, что символы представляют собой эффективное средство создания, усиления и укрепления общинной иден-

тичности, средство воздействия на индивидуальное и социальное поведение (Cohen, 1985; Dialogue on The Early..., 2005; Шмидт, 2011 и др.). Нейробиология демонстрирует возможности воздействия на процесс познания, память и поведение с помощью ритуальных действий (символическая деятельность), архитектурных сооружений (пространственный символизм) и других приемов с использованием символов. Такое воздействие может быть явным, очевидным, либо подсознательным, как при фиксации установки *праймнге* (Edelson et al., 2011; Benz, Bauer, 2013).

Т. Уоткинс, говоря о развитии познавательных способностей человека и культуры, подчеркивает резкое отличие уровня развития символической репрезентации и символического поведения человека в Юго-Западной Азии эпохи раннего неолита от уровня эпох предшествующего времени: в неолите представлено не просто большее количество вещей, характерных для верхнепалеолитического периода, а качественно иная ситуация. В нескольких своих работах он отмечает, что основные характеристики современных свойств человеческого познания и культуры (гибкость ума, способность к освоению систем символической репрезентации, представление их в информационных средствах на материальных носителях, контекстно-обусловленное или распределенное мышление) уже существовали 12 тысяч лет назад, в начале эпохи неолита. Ранее, в том числе в эпоху верхнего палеолита, их проявление было весьма ограниченным (Watkins, 1992; 2004; 2006; 2009; 2010 et al.). Упомянутые выше характеристики, по мнению Т. Уоткинса, столь мощно эволюционировали в силу своей острой востребованности для построения новых крупных корезидентных сообществ, которые начинают функционировать именно в периоды эпилеолита и раннего неолита (Watkins, 2013. P. 5–6).

При изучении ментальности, когнитивно-познавательных способностей и других психосоциальных явлений в обществах дописьменного времени двенадцатитысячелетней давности специфика материала диктует особые подходы и методы. Среди них распространенными являются различные методы изучения иконографии и символических систем, использование этнографических аналогий, системный, комплексный и междисциплинарный подходы.

Сложным оказывается путь определения основных свойств и особенностей самих изучае-

мых объектов – первобытного (или архаичного, традиционного) сознания и мышления. Как известно, в нескольких своих работах философ и антрополог Л. Леви-Брюль стремился доказать качественное различие между мышлением цивилизованных обществ и мышлением первобытным (например, *Леви-Брюль*, 1930; 2010). Однако по наблюдениям современника Л. Леви-Брюля, этнографа Ф. Боаса, ум первобытного человека функционирует так же как и ум человека цивилизованного. Различие между мышлением того и другого «в значительной степени заключается в различном характере того традиционного материала, с которым ассоциируется новое восприятие» (*Боас*, 1926. С. 113). К. Леви-Стросс, А. Элькин и ряд других выдающихся этнографов в результате своих исследований также приходят к выводу о том, что современное научное и архаичное мифологическое мышление основаны на одних и тех же мыслительных операциях, одних и тех же законах мышления и не являются стадиями в эволюции сознания (*Lévi-Strauss*, 1966. P. 9, 22, 268–269; *Elkin*, 1969. P. 8 et al.). Иное мнение, опираясь на разработки Ж. Пиаже и Л. С. Выготского, высказывал авторитетный представитель советской психологии А. Р. Лурия: «Как по мере развития ребенка, так и по мере перехода от одной общественно-исторической формации (или уклада) к другой меняется не только содержание сознания, но и его строение... люди, живущие в условиях различных исторических укладов, различаются... структурой основных форм сознательной деятельности» (*Лурия*, 1971. С. 36, 49). В. И. Вернадский, также работавший в советское время, считал, что разум есть сложная социальная структура, построенная как для человека нашего времени, так и для человека эпохи палеолита на одном и том же физиологическом субстрате, но при разной социальной обстановке, слагающейся исторически (*Вернадский*, 1977).

В. Р. Кабо, рассматривая проблему первобытного общественного, а соответственно, и индивидуального сознания, предлагает говорить о двух его уровнях. К первому относятся глубинные, операционные структуры, на которых строится и которыми управляется логическое, абстрактное и символическое мышление. Именно они лежат в основе языка, в основе рационального индивидуального и общественного поведения. Эти структуры являются единственными для всех представителей *Homo sapiens*, они ос-

нованы на одинаково организованном нервно-мозговом субстрате и, в конечном счете, детерминированы универсальным общественно-историческим опытом. Структуры второго уровня – структуры общественного сознания. Это не механизмы, а содержание общественного (и соответственно, индивидуального) сознания, меняющееся от общества к обществу, как бы сконцентрированный, исторически конкретный, неоднородный опыт определенных социальных образований, развивавшихся каждое в особых условиях. И хотя общественное сознание строится на основе структур первого уровня, оно определяется им не жестко и во многом свободно и автономно, а потому воплощается нередко в таких формах, которые побуждают говорить о специфике первобытного общественного сознания, о его отличии от сознания современного человека. В свою очередь, структуры второго уровня – и это важно подчеркнуть – оказывают известное воздействие на способ мышления, т. е. на структуры первого уровня.³ Первый уровень сознания присущ человеку как представителю вида, второй – тому же человеку как представителю исторически определенного типа общества (*Кабо*, 2007. С. 197–198, 188–271). Данный подход к исследованиям, связанным со свойствами архаичного мышления и сознания, с учетом современных достижений в изучении становления и развития человеческой психики таких наук, как этология, эволюционная психология, палеоантропология, психогенетика и нейропсихология (подробнее см.: *Марков*, 2013; 2014), представляется наиболее продуктивным. Отдельно отметим вхождение в первый уровень сознания коллективного бессознательного (исследования К. Г. Юнга и его последователей) и такие важные для изучения идеологии, ритуала и символических систем составляющие второго уровня, как культурная память (*Ассман*, 2004; *Шмидт*, 2011. С. 193–221) и основные концепты культуры (*Степанов*, 2004), или «социальные факты» в терминологии Э. Дюркгейма (*Дюркгейм*, 1991. С. 394–395, 412–413).

В настоящей работе мы планируем подробнее рассмотреть возможности применения психосоциального подхода к изучению символиче-

³ С таким взглядом на проблему соотносятся выводы Т. Уоткинса (*Watkins*, 2013. P. 6) об активном проявлении определенных свойств человеческого познания и культуры в раннеолитическую эпоху, когда они оказались остро востребованными в новых исторических условиях.

ских систем Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита, продолжив обсуждение этой темы, начатое германскими учеными М. Бенц и Й. Бауэром. В недавно опубликованной журналом «Neo-Lithics» статье ими отмечается, что до сих пор трактовка изображений осуществлялась либо на основе ретропроекции исторических или новейших значений, либо с использованием семиотического подхода. В свою очередь М. Бенц и Й. Бауэр, приветствуя структурализм и формально-аналитические методы, предложили сосредоточиться на способах выбора и репрезентации символов (репертуаре, материале изготовления, взаимном расположении), их передаче из поколения в поколение (материальности, стандартизации, повсеместности), а также на их адаптации к другим контекстам, предполагая, что такой подход прольет свет на особенности организации социальных и идеологических систем, поможет реконструировать контексты, в которых использовались символы, проанализировать медиальность⁴ и эмоции, характерные для рассматриваемых символических систем. Авторы принимают во внимание, с одной стороны, универсальность человеческого мышления (*Homo sapiens sapiens*), а с другой – частотность, манеру изображения, размещение по отношению друг к другу и другие формальные характеристики символов; их взаимодействие со средой в качестве средств коммуникации. Они подчеркивают, что влияние образных произведений обусловлено не только их символическим значением, но и ощущениями, которые они вызывают, а также их материальной природой: выбор определенных материалов может служить показателем поведения, навыков и концептов (Benz, Bauer, 2013. P. 11–12, 14).

Перед тем как приступить к анализу источников, четкие критерии отбора, количественное и формальное описание которых не были даны, М. Бенц и Й. Бауэр представили свою модель «возможных социальных и ментальных последствий распространения оседлого образа жизни» (рис. 1), созданную «по аналогии с данными социальных нейронаук» (Ibid. P. 13. Fig. 2).

⁴ Исследования медиальности (mediality) посвящены материалу (или носителю) изображений, а также возможностям влиять на этот материал – возможностям его распространения и особенностям в его использовании. При изучении медиальности большое значение придается взаимоотношениям между создателем, символом и получателем (Benz, Bauer, 2013. P. 16).

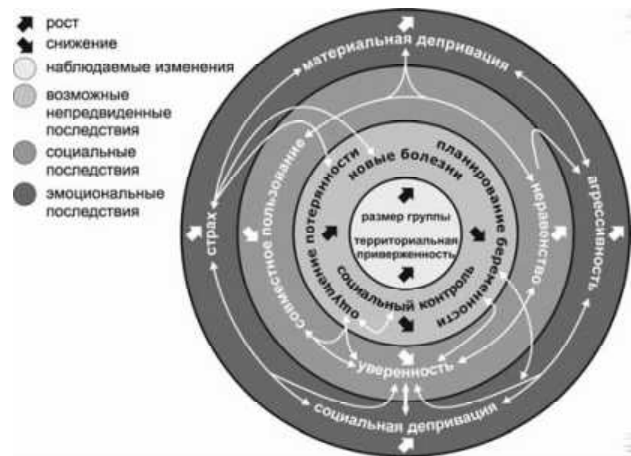

Рис. 1. Возможные социальные и ментальные последствия распространения оседлого образа жизни (Benz, Bauer, 2013. P. 13. Fig. 2).

Fig. 1. Possible social and mental consequences of increased sedentary life.

По ходу исследования авторы делают ряд важных наблюдений; выявляют следующие черты символических систем раннего неолита Северной Месопотамии, предполагающие формирование определенных моделей поведения и проливающие свет на социальные и ритуальные практики в рассматриваемых обществах:

1. Прежде всего, окаменение символов (кодификация ритуальных сценариев и символов), так же как и пространства (в монументальной архитектуре). Сравнимые свидетельства символических систем, кроме того, фиксируются на предметах из кости.

2. Стандартизация основных элементов символических систем на всей территории от северо-запада Сирии до крайнего юго-востока Турции с некоторыми местными стилевыми вариациями.

3. Использование образов опасных, смертельно опасных и/или сильных животных, а также существ, обитающих одновременно в двух различных средах биосферы.

4. Осуществление выбора и способа представления животных таким образом, чтобы создать угрожающую атмосферу внутри общественных зданий, усиливающуюся почти постоянно царящей в них темнотой и, возможно, языками колеблющегося пламени.

5. Изображения человека встречаются с самого начала эпохи голоцена, а на протяжении IX тысячелетия до н. э. их количество растет. На этих рисунках человек не доминирует над животными, однако показывается их тесная взаи-

мосвязь. Исключение составляют лишь монументальные Т-образные стелы в Гёбекли Тепе. Тем не менее и на Т-образных стелах имеется большое количество изображений диких животных. Мужское начало активно подчеркнуто у персонажей из Гёбекли Тепе; на других памятниках половая принадлежность антропоморфных изображений носит менее выраженный характер (Ibid. P. 19).

Стоит заметить, что попытки осуществления комплексного анализа символических объектов, относящихся к различным категориям источников, с территории Леванта и Северной Месопотамии предпринимались и ранее. Подобные исследования проводились не только в отношении материалов конкретных памятников эпохи раннего неолита, изучаемых в контексте их культурного окружения: Невали Чори (*Hauptmann*, 1993), Немрик 9 (*Kozłowski*, 1997), Айн Гхасаль (*Rollefson*, 1998. P. 43–58; 2000. P. 165–190; *Symbols at 'Ain Ghazal...*, 2013), Жерф эль Ахмар (*Stordeur*, 2000; *Stordeur et al.*, 2000), Гёбекли Тепе (*Шмидт*, 2011), но также в целом для отдельных регионов – Леванта, Северной Месопотамии, Юго-Восточной Азии (*Cauvin*, 1994; 2000; *Schmidt*, 1998; *Verhoeven*, 2002a; 2002b; *Watkins*, 2004, 2006, 2009; *Корниенко*, 2006; 2011; 2012; *Kornienko*, 2009; *Stordeur*, 2010; *Hodder*, *Meskel*, 2011; *Orrelle*, 2011; *Dietrich et al.*, 2012 и др.). На основе проведенных исследований среди утвердившихся в эпоху докерамического неолита особенностей идеологии, ритуала и символических систем Северной Месопотамии авторами этих работ выделяются:

- проявление лиминальности;
- стандартизация и широкое распространение символов;
- коллективизм и выражение общинного единства, сплоченности;
- важность плодородия/плодовитости/фертильности;
- связь человек – животное;
- многочисленность и разнообразие изображений животных при меньшей вариативности изображений человека;
- доминирование мужских символов и образов;
- упорядочивание («доместикация») пространства и времени, что особенно ярко проявилось: в строительстве (на специально подготовленных для этого, отделенных от хозяйственной и жилой зоны участках) монументальных обще-

ственных сооружений и их оформлении в качестве специальных мест для проведения ритуала; в погребении умерших на территории поселений – под полами жилых домов или на специально для этого отведенных участках / в постройках; других проявлениях межпоколенческих связей коллективов людей, долгое время проживавших на одной и той же территории;

- укрепление отношений внутри общины через совместные ритуальные действия живых соплеменников, важным элементом которых являлись пиры, и через поддержание осязаемых связей с умершими реальными и/или мифическими предками;

- цикличность в осуществлении обрядов, связанная с наблюдениями за природными ритмами, коллективами, постоянно проживающими на одной и той же территории, приобретаемым ими в это время опыте разведения растений, активизирующим представления о взаимозависимости таких концептов, как «жизнь» и «смерть»;

- выявление нескольких уровней осуществления обрядовых действий с точки зрения их общественной значимости – от индивидуальных до межплеменных, собиравших по несколько сотен, возможно, тысяч человек.

Часть из этих характеристик, так или иначе, прозвучала в исследовании М. Бенц и Й. Бауэра, посвященном психосоциальному подходу в изучении символических систем раннего неолита, но есть и те, которые совсем не упоминаются или отрицаются для Северомесопотамского региона.

Представленные данными авторами методика и предварительные результаты исследования крайне интересны и в ряде отношений являются новаторскими. В частности, это более подробное обращение к изучению эмоциональности и медиальности как важнейших составляющих прайминга; привлечение данных об особенностях биохимической реакции мужских организмов в условиях конкуренции. Вместе с тем отдельные вопросы, в том числе фактологического и методологического характера, на наш взгляд, нуждаются в уточнении. По приведенным выше характеристикам символических систем Верхнего Двуречья из работы М. Бенц и Й. Бауэра заметим, что:

- (к пункту 2) территория Северо-Западного Ирака, судя по материалам Кермез Дерэ и Немрик 9, также входила в зону функционирования

символических систем Северной Месопотамии переходной к неолитическому образу жизни эпохи (подробнее см.: Корниенко, 2006. С. 16–84; 2011; Kornienko, 2009; Dietrich et al., 2012 et al.);

– (к пункту 3) в случае с изображениями уток и журавлей, встречающимися на стелах в Гёбекли Тепе (Шмидт, 2011. С. 145–146, 175–181), можно говорить о трех сферах обитания этих птиц – в воде, на земле и в воздухе;

– (к пункту 4) далеко не все специально оформленные общественные сооружения, в том числе в самом Гёбекли Тепе (см., например: Шмидт, 2011. С. 149), имели перекрытия. Некоторые из них, в частности известные по материалам Халлан Чеми (Rosenberg, 1999. P. 26. 28; Rosenberg, Redding, 2000. P. 58) и Чайеню Тепеси (Çambel, 1985. P. 187; Özdoğan M., Özdoğan A., 1990. P. 74; Özdoğan, 2008. Fig. 35), вообще являлись открытыми площадями (Корниенко, 2006. С. 26–27, 51, 81; Kornienko, 2009. P. 94.). Соответственно, «почти всегда царящая в них темнота», усиливающая угрожающую атмосферу, – надуманное заключение авторов;

– (к пункту 5) Т-образные стелы являлись доминирующим элементом сакральных пространств не только в Гёбекли Тепе, но и в Невали Чори – оба памятника исследовались стационарно; а также, что очень вероятно, судя по опубликованным материалам разведок, в Карахан Тепе, Зефер Тепе, Хамзан Тепе и Ташли Тепе (Çelik, 2000; Çelik et al., 2011. P. 228–236; Корниенко, 2011. С. 88).

Рост уровня публичной демонстрации и «окаменение» ритуального поведения (пункт 1) М. Бенц и Й. Бауэр связывают, помимо прочего, с очевидной необходимостью укрепления социальных систем, находившихся под угрозой дезинтеграции вследствие конфликта, насилия или даже войны (Benz, Bauer, 2013. P. 11, 20). Исходя из этого утверждения, подкрепленного моделью, созданной «по аналогии с данными социальных нейронаук» (рис. 1), авторы выстраивают версию о страхе и агрессии как доминирующих чувстве и поведенческой реакции северомесопотамских сообществ переходного к неолитическому образу жизни периода. Они видят художественное воплощение соответствующих эмоций в символах и образах Северной Месопотамии (изображениях смертельно опасных животных в агрессивных позах, располагавшихся в помещениях, где царил угрожающая атмосфе-

ра) (Ibid. P. 13–14). Однако стоит учесть, что полученными к настоящему времени археологическими свидетельствами раннеолитического времени с территории Верхнего Двуречья и соседних областей версия о распространении военных конфликтов или других ярко выраженных проявлений агрессии и насилия не подтверждается. В том числе недавно опубликованные результаты палеоантропологического анализа более 1120 скелетов, обнаруженных в ходе раскопок раннеолитических поселений Анатолии (большинство материала происходит из Чайеню Тепеси и Кёртык Тепе), не содержат данных, указывающих на распространение на территории Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита организованного насилия (Erdal Y., Erdal O., 2012. P. 78–92).

Работа М. Бенц и Й. Бауэра строится на выявлении отражения страха и агрессии в символах и образах Северной Месопотамии, исходя из положения, что чувства и эмоции страха, являясь врожденными, связанными с инстинктом самосохранения, заметно обострились в переходную эпоху утверждения долговременного совместного проживания больших коллективов. Отражение процесса неолитизации на чувствах и эмоциях, формирующих картину мира, связанных с еще одним базовым инстинктом в поведении человека *инстинктом продолжения рода*, – авторами статьи о психосоциальном подходе не учитывалось, что могло сказаться на объективности в интерпретации материалов.

Ранее при обсуждении на страницах журнала «Neo-Lithics» функций Гёбекли Тепе как регионального ритуального центра несколько авторов, помимо обмена информацией, редкими минералами, дарами и техническими знаниями, отметили и другие возможные «прагматические» задачи работы данного пункта межплеменного взаимодействия. В частности, повторяющиеся в определенном месте ежегодные собрания людей, занятых ритуальной деятельностью, могли служить механизмом сохранения жизнеспособного генетического фонда, реализацией потребностей контроля над размерами населения, что для того времени являлось не менее важной задачей, чем просто «коммуникация». Главное преимущество таких союзов, по мнению А. Белфер-Кохен и Н. Горинг-Морис, заключается в том, что они приводили к созданию брачных систем, которые работали на обеспечение биологической безопасности (Belfer-Cohen,

Goring-Morris, 2005. P. 23; см. также: *Hole*, 2005. P. 31).

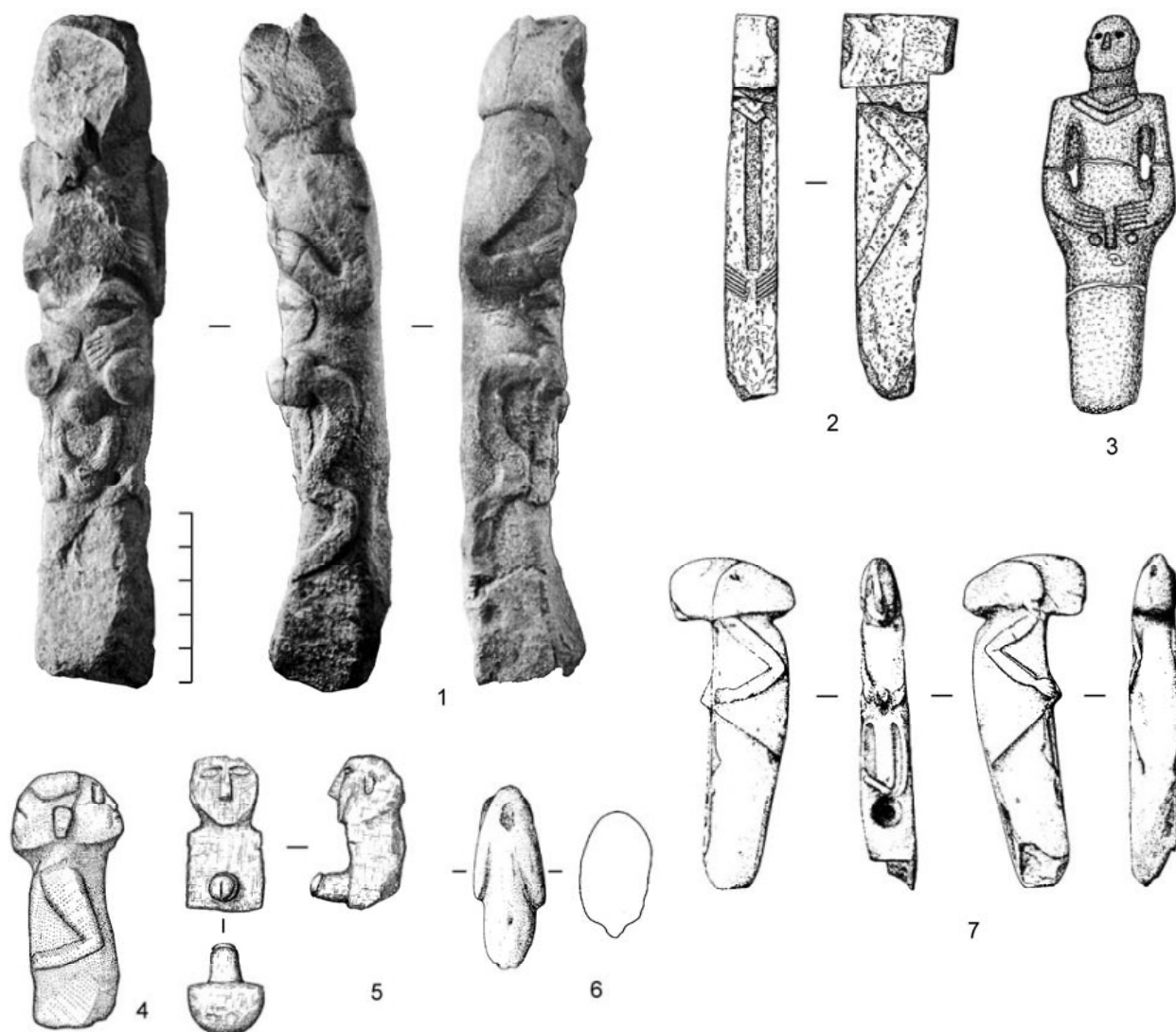
На совместное использование жителями ранне-неолитических поселений Северной Месопотамии мужской и женской символики в магических целях указывают декорированные образцы продольно- и поперечно-желобчатых каменных изделий,⁵ а также украшенные процарапанным рисунком и скульптурными элементами каменные пестики и чаши, использовавшиеся во время собраний и пиров. Наиболее выразительные экземпляры первой группы происходят из Телль Карамеля и Жерф эль Ахмара; второй – из Халлан Чеми, Немрика, Чейеню Тепеси и Кёртык Тепе.

В «примечании 3» М. Бенц и Й. Бауэр пишут, что для усиления принципов социальной ответственности в Леванте, по сравнению с Северной Месопотамией, вероятно, использовались иные средства коммуникации. Публичная демонстрация социальной ответственности там была сосредоточена в сфере межпоколенческих социальных отношений, а именно в виде демонстрации, моделирования и перезахоронения черепов (*Benz, Bauer*, 2013. P. 20). Вместе с тем усиление межпоколенческих связей и фиксация данного процесса в образах и символах Верхнего Двуречья при переходе к оседлости неоднократно отмечались в работах других исследователей. В том числе это прослеживается в распространении на данной территории культа черепов и прочих особенностей практики захоронения (*Özdoğan*, 1999. P. 46–47; *Корниенко*, 2006. С. 47–49, 51–54; *Шмидт*, 2011. С. 240 и др.), тесно взаимодействовавших, с нашей точки зрения, с идеей возрождения, продолжения рода, процветания и плодородия (*Корниенко*, 2012. С. 84–88; см. также: *Verhoeven*, 2002a. P. 249–253). В целом исключение М. Бенц и Й. Бауэром свидетельств погребального обряда из общего анализа данных символических систем Северной Месопотамии с применением психосоциального подхода выглядит серьезным упущением. Нет сомнений, что проявление поведенческой адаптации, связанной с инстинктом продолжения рода, на этапе социальной эволюции эпипалеолитических и докерамических сообществ Северной Месопотамии также нашло свое отражение в символи-

ческих системах региона, в частности в погребальных традициях, но не только.

Для наглядности рассмотрим конкретный изобразительный сюжет. Один из символических объектов, упоминаемый М. Бенц и Й. Бауэром в рамках выстраиваемой ими концепции отражения насилия и агрессии в образах Северной Месопотамии, нами понимается несколько иначе. Речь идет о так называемой «тотемной колонне» из сектора L9–46 II слоя Гёбекли Тепе (рис. 2, 1), датируемого временем раннего и среднего докерамического неолита Б – 8800–8000 лет до н. э., даты калиброванные (*Schmidt*, 2008. S. 61). По интерпретации М. Бенц и Й. Бауэра, на этом столбе представлены изображения по меньшей мере двух человек, которых удерживает либо некий хищник (медведь или представитель семейства кошачьих), либо человек в меховой накидке с головой хищника (*Benz, Bauer*, 2013. P. 15). При анализе этого же символического объекта ранее нами отмечалось, что в его изображениях угадываются три, возможно, четыре фигуры, расположенные одна над другой. Голова верхней фигуры с выделенной шеей, по сохранившимся деталям – ушам и глазам, трактуется, о чем писали еще авторы раскопок, как голова хищника (медведя/льва/леопарда(?)) (*Köksal-Schmidt, Schmidt*, 2010). Ее передняя часть уничтожена в древности. Далее по бокам фиксируется знакомый по «стелам типа Невали Чори» (рис. 2, 2) и сопоставимым с ними скульптурам антропоморфов (рис. 2, 3, 4, 7) мотив согнутых в локтях рук/лап с пятипальными кистями, сложенными на животе. Из живота выступает голова следующей фигуры, тоже со сбитым лицом (рис. 2, 2). Сравнительно-типологический анализ при сопоставлении данного объекта с другими стелами и скульптурными объектами Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита показал, что одновременно этот выступ может обозначать фаллос верхнего существа (ср. с рис. 2, 3, 5, 7). Под второй фигурой, также имеющей согнутые в локтях руки, обозначена голова и руки третьей, показанные теперь спереди, сложенные на животе/фаллосе/голове (?) следующего изображения. Под этим выступом находится скол, и далее изображения отсутствуют. Ниже рук двух верхних существ, по бокам этой колонны с каждой стороны, рельефно показаны крупные змеи. Они могут обозначать также ноги/задние лапы большого существа при рассмотрении его в профиль.

⁵ Подробнее об этих интересных артефактах, в том числе об их функциональном и семиотическом значении, см.: *Усачева*, 2011; 2013.

Рис. 2. Антропоморфные стелы и скульптуры Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита:

1 – «Тотемная колонна» из сектора L9–46 II слоя Гёбекли Тепе (высота – 1,92 м, диаметр – 0,3 м) (Köksal-Schmidt, Schmidt, 2010. Fig. 1); 2 – хорошо сохранившийся столб «типа Невали Чори» из строения III Невали Чори, высота – 2,4 м (Hauptmann, 2000. Abb. 7); 3 – статуя из известняка, обнаружена во время строительных работ в старом центре г. Шанлыурфы, высота 1,9 м (Çelik, 2000. Fig. 2); 4 – скульптура с двумя лицами, случайная находка из известняка, хранится в музее г. Газиантепа, высота 0,59 м (Шмидт, 2011. Рис. 43); 5 – итифаллическая протоме из Гёбекли Тепе, известняк, высота 0,405 м (Шмидт, 2011. Рис. 28); 6 – скульптурное изображение фаллоса, случайная находка в районе Килисика, известняк, высота 0,38 м (Hauptmann, 2000. Abb. 10); 7 – стела из известняка, случайная находка, происходит из провинции Адиаман, хранится в музее г. Газиантепа, высота 0,8 м (Hauptmann, 2000. Abb. 9a–d).

Fig. 2. Anthropomorphic steles and sculptures of Northern Mesopotamia of the Pre-Pottery Neolithic period:

1 – 'Totem pole' from Göbekli Tepe Area L9-46 Layer II (length – 1.92 m, average diameter – 0.3 m); 2 – well-preserved pillar of 'the Nevali Çori type' from Buildings III Nevali Çori, limestone, height 2.4 m; 3 – limestone statue found during construction works in the old centre of the city of Şanlıurfa, height 1.9 m; 4 – limestone sculpture with two faces, chance find housed in the museum of the city of Gaziantep, height 0.59 m; 5 – ithyphallic limestone protome from Göbekli Tepe, height 0.405 m; 6 – sculptural representation of phallus, chance find from vicinity of Kisilik, limestone, height 0.38 m; 7 – limestone stele, chance find, comes from the province of Adiyaman, kept in the museum of the city of Gaziantep, height 0.8 m.

Важно уточнить, что каждая идущая ниже фигура меньше предыдущей, выступая, соответственно, из ее живота (или фаллоса). Этот удивительный прием, в скульптуре достигающий «эффекта матрешки», весьма вероятно, передает, как и в случае с русской игрушкой, идею

родства и преемственности поколений (Корниенко, 2011. С. 85. Рис. 8).

Наиболее близкая аналогия сюжета, запечатленного «тотемной колонной» из сектора L9–46 II слоя Гёбекли Тепе, представлена скульптурной стелой (рис. 2, 7), известной как случайная

находка, происходящая из северо-западной по отношению к Гёбекли Тепе турецкой провинции Адиаман и относимая к свидетельствам Северной Месопотамии времени PPNB (*Hauptmann, 2000; Verhoeven, 2001; Корниенко, 2008*). На ней также показана последовательность фигур, где лицо нижней человеческой, выступает из фаллоса/живота верхней,⁶ голова которой принадлежит некому существу, стилизованно, по аналогии с Т-образными столбами, изображенному антропоморфу, с проявляющимися в изображении головы и рук/лап признаками животного, возможно, ящерицы.

Очень похоже, что повторяющийся в рассмотренных стелах Северной Месопотамии сюжет в буквальном смысле визуализирует мысль, заключенную в устойчивом ветхозаветном выражении «выходить/исходить/происходить из/от чресел».⁷ Верхние фигуры стел, те, от которых «происходят» фигуры нижних ярусов, в первом из рассмотренных случаев точно, а во втором весьма вероятно имеют зооморфный вид. Дан-

⁶ О том, что место выступа головы нижней фигуры можно трактовать не только как живот, на котором сложены руки верхней, но и как фаллос, хотя на рассматриваемых стелах это не столь очевидно, говорят хорошо известные по материалам Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита скульптурно выполненные из камня фигуры самих фаллосов, итифалических протом, «человеко-фаллосов», а также сделанные более реалистично скульптуры антропоморфов (рис. 2, 3, 5, 6).

⁷ Быт 15:4, 35:11, 46:26, 49:10; Исх 1:5; Суд 8:30; 2 Цар 7:12, 16:11; 3 Цар 8:19; 2 Пар 6:9, 32:21; Исайя 48:19. Несколько раз эта формула встречается в Новом Завете (Деяния 2:30; Евреям 7:5, 10), т. е. в греческом тексте, где относится к явным гебраизмам. Необходимо отметить, что в Синодальном переводе словом «чресла» переведено не одно еврейское слово, а несколько, однако практически во всех случаях присутствует (или подразумевается) один и тот же глагол *yāšāh* «выходить, исходить» (английские дефиниции даны из словаря *Brown et al., 1907*): 1) евр. *mē'eh* – internal organs, inward parts (intestines, bowels), belly – «чрево/ утроба/ нутро», причем этим же словом может обозначаться женская утроба, см., например, Быт 25:23; все выражение буквально означает «выходить, исходить из утробы» *yāšāh mimmē'eh*; 2) евр. *ḥālāšaym* – loins (as seat of strength, vigour, virility) – всегда в форме двойственного числа, эту же часть тела «препоясывают», например, перед боем, все выражение – «выходить/происходить из чресл/бедер» *yāšāh mēḥālāšaym*; 3) евр. *yārēk* – thigh – в большинстве случаев употребляется не в форме множественного или двойственного числа, а в форме единственного, также «срамные части», ср. 2 Цар 10:4, все выражение – «выходить из бедра».

Выражаю искреннюю признательность за подробные консультации по данному вопросу филологу-классику и гебраисту Луке Витальевичу Маневичу.

ный факт объясняется лиминальным (переходным, пограничным) состоянием раннеолитических сообществ, в представлениях и образах того времени выражающимся в том числе в сохранении устойчивой связи человек – животное, одним из заметных проявлений чего является тотемизм.⁸

На наш взгляд, не стоит удивляться выбору человеческими коллективами, жизнедеятельность которых во многом зависела от охоты, преимущественно сильных, способных отстаивать свои интересы животных в качестве сверхъестественных покровителей и мифических персонажей. Их образы, как и образы других, хорошо знакомых охотникам и собирателям существ, обладающих какими-то особыми способностями или внешними характеристиками (например, образы водоплавающих птиц), становятся определенного рода метафорами/символами/маркерами времени и пространства, а также родственных и других отношений в функционировавшей для людей той эпохи и региона картине мира.

Общее эмоциональное воздействие, производимое символическими системами Северной Месопотамии, несет ощущение напряженности и масштабной концентрации усилий, связанных с вызовами переходного времени. Гипотезу о причинах этой напряженности в совместном проживании большого количества людей на одной территории в течение длительного периода предстоит уточнять, дополнять и конкретизировать. Новые идеологические представления, ставшие ответом на отмеченный вызов, оформление религии как социального института с основными присущими ей атрибутами⁹ явились важнейшей адаптационной стратегией, которая помогала преодолеть стресс от распространения оседлого образа жизни, способствуя формированию общинной и надобщинной (региональной) идентичности. Материальная культура в целом и данные символических систем в частности отражают проявление и культивацию чув-

⁸ К теме тотемов в изображениях Гёбекли Тепе неоднократно обращался К. Шмидт (см., например: *Schmidt, 2008. S. 70–71; Шмидт, 2011. С. 118–122*), подчеркивавший значительную разницу в восприятии раннеолитических образов и их сочетаний охотниками каменного века и человеком современным (*Шмидт, 2011. С. 185–221*).

⁹ Включая обряды, ритуал, сложную символику, специально оформленные сооружения для проведения общих собраний и пр.

ства сплоченности и единства в коллективах Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита. О том, что такая адаптационная стратегия успешно работала, говорит отсутствие данных о распространении агрессии и насилия по результатам палеоантропологического анализа. Об этом же свидетельствуют признаки поддержания на поселениях системы видимого эгалитаризма,¹⁰ существование устойчивых связей между различными коллективами, проявившееся, помимо прочего, в длительном функционировании крупного межплеменного ритуального центра и сложных символических систем, распространившихся на значительной территории.

На современном этапе развития науки для изучения символических систем, идеологических представлений и социальных структур раннеолитической эпохи применение психосоциального, как и структуралистского подходов, без сомнения, является крайне важным. Перспективы таких исследований будут зависеть от выбора конкретных методик, тщательности анализа базы данных, обязательного привлечения других материалов и инструментов познания. Аккумуляция как можно большего арсенала источников с использованием различных методов и подходов для их изучения, последующая перепроверка полученных результатов методом верификации, как представляется, положительно повлияет на объективность работ и точность выводов.

Ассман, 2004 – *Ассман Я.* Культурная память. М., 2004.

Боас, 1926 – *Боас Ф.* Ум первобытного человека. М.; Л., 1926.

Вернадский, 1977 – *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М., 1977.

Дюркгейм, 1991 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

Кабо, 2007 – *Кабо В.Р.* Круг и крест: размышления этнолога о первобытной духовности. М., 2007.

Корниенко, 2006 – *Корниенко Т.В.* Первые храмы Месопотамии. СПб., 2006.

Корниенко, 2008 – *Корниенко Т.В.* Три антропоморфные стелы провинциальных музеев Юго-Восточной Турции как свидетельства эпохи докерамического неолита на Евфрате // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематич. науч. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 2008.

Корниенко, 2011 – *Корниенко Т.В.* Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // АВ. СПб., 2011. № 17.

Корниенко, 2012 – *Корниенко Т.В.* Моделирование черепов на территории Леванта в период докерамического неолита Б // РА. 2012. № 4.

Корниенко, 2015 – *Корниенко Т.В.* «Рождение божеств. Рождение земледелия». Концепция «революции символов» Жака Ковена двадцать лет спустя // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. Воронеж, 2015. № 1.

Леви-Брюль, 1930 – *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.

Леви-Брюль, 2010 – *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 2010.

Лурия, 1971 – *Лурия А.Р.* Психология как историческая наука // История и психология. М., 1971.

Марков, 2013 – *Марков А.В.* Эволюция человека: В 2 кн. М., 2013. Кн. 1: Обезьяны, кости и гены.

Марков, 2014 – *Марков А.В.* Эволюция человека: В 2 кн. М., 2014. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа.

Степанов, 2004 – *Степанов Ю.С.* Концепт // *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.

Усачева, 2011 – *Усачева И.В.* Семиотический статус «утюжков» // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14).

Усачева, 2013 – *Усачева И.В.* «Утюжки» Евразии. Новосибирск, 2013.

Фрейд, 1991 – *Фрейд З.* Тотем и Табу // *Фрейд З.* «Я» и «Оно»: Труды разных лет: В 2 кн. Тбилиси, 1991. Кн. 1.

Шмидт, 2011 – *Шмидт К.* Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб., 2011.

Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2005 – *Belfer-Cohen A., Goring-Morris N.* Which Way to Look? Conceptual Frameworks for Understanding Neolithic Processes // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2005. N 2.

Benz, Bauer, 2013 – *Benz M., Bauer J.* Symbols of power – Symbols of crisis? A Psycho-social approach to Early Neolithic symbol systems // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2013. N 2.

Brown et al., 1907 – *Brown F., Driver S. R., Briggs C. A.* A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an appendix containing the biblical Aramaic, based on the Lexicon of William Gesenius as translated by Edward Robinson. Oxford: Clarendon Press, 1907.

Çambel, 1985 – *Çambel H.* Çayönü, 1984 // *Anatolian Studies*. 1985. Vol. 35.

Cauvin, 1994 – *Cauvin J.* Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. Paris, 1994.

Cauvin, 2000 – *Cauvin J.* The birth of the gods and the origins of agriculture. Cambridge, 2000.

Çelik, 2000 – *Çelik B.* An Early Neolithic Settlement in the Center of Sanlıurfa, Turkey // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. N 2–3.

Çelik et al., 2011 – *Çelik B., Güler M., Güler G.* A New Pre-Pottery Neolithic Settlement in Southeastern Turkey: TaşlıTepe // *Anatolia*. 2011. Vol. 37.

Cohen, 1985 – *Cohen A. P.* The Symbolic Construction of Community. Chichester, 1985.

Dialogue on The Early..., 2005 – *Dialogue on The Early Neolithic Origin of Ritual Centers* // *The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2005. N 2.

Dietrich et al., 2012 – *Dietrich O., Heun M., Notroff J., Schmidt K., Zarnkow M.* The Role of Cult and Feasting in the Emergence of Neolithic Communities. New Evidence from Göbekli Tepe, southeastern Turkey // *Antiquity*. 2012. N 86.

Edelson et al., 2011 – *Edelson M., Sharot T., Dolan R. J., Duda Y.* Following the crowd: brain substrates of long-term memory conformity // *Science*. 2011. Vol. 333. N 6038.

Elkin, 1969 – *Elkin A. P.* Elements of Australian Aboriginal Philosophy // *Oceania*. 1969. Vol 40. N 2.

¹⁰ Особенно наглядно это прослеживается по материалам погребений и данным архитектуры.

- Erdal Y., Erdal O.*, 2012 – *Erdal Y. S., Erdal O. D.* Organized violence in Anatolia: A retrospective research on the injuries from the Neolithic to Early Bronze Age // *International Journal of Paleopathology*. 2012. N 2.
- Freud*, 1913 – *Freud S.* Totem und Tabu. Einige Übereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker. Leipzig; Wien, 1913.
- Hauptmann*, 1993 – *Hauptmann H.* Ein Kultgebäude in Nevalı Çori // *Between the rivers and over the mountains*. M. Frangipane, H. Hauptmann, M. Liverani, P. Matthiae, M. Mellink (eds.). Rome, 1993.
- Hauptmann*, 2000 – *Hauptmann H.* Ein frühneolithisches Kultbild aus Kommagene // *Gottkönige am Euphrat: Neue Ausgrabungen und Forschungen in Kommagene* / J. Wagner (Hrsg.). Mainz am Rhein, 2000.
- Hodder, Meskell*, 2011 – *Hodder I., Meskell L.* A Curious and Sometimes a Trifle Macabre Artistry: Some Aspects of Symbolism in Neolithic Turkey // *Current Anthropology*. 2011. Vol. 52. N 2.
- Hole*, 2005 – *Hole F.* Arguments for Broadly Contextualizing Ritual // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2005. N 2.
- Köksal-Schmidt, Schmidt*, 2010 – *Köksal-Schmidt Ç., Schmidt K.* The Göbekli Tepe «Totem Pole». A First Discussion of an Autumn 2010 Discovery (PPN, Southeastern Turkey) // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2010. N 1.
- Kornienko*, 2009 – *Kornienko T. V.* Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // *Journal of Near Eastern Studies*. 2009. Vol. 68. N 2.
- Kozłowski*, 1997 – *Kozłowski S. K.* The Gods from Nemrik // *Al-Rāfidān*. 1997. N 18.
- Lévi-Strauss*, 1966 – *Lévi-Strauss C.* The Savage Mind. London, 1966.
- Orrelle*, 2011 – *Orrelle E.* Material Images of Humans from the Natufian to Pottery Neolithic Periods in the Levant Vol. 1, II. A thesis of the University of East London for the degree of Doctor of Philosophy. London, 2011.
- Özdoğan*, 1999 – *Özdoğan A.* Çayönü // *Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization: New Discoveries* / M. Özdoğan, N. Başgelen (eds.). Istanbul, 1999.
- Özdoğan*, 2008 – *Özdoğan A.* Çayönü // *Türkiye’de Neolitik dönem. Yeni kazılar, yeni bulgular (The Neolithic Period in Turkey: New Excavations, New Findings)*. Anadolu’da Uygarlığın Doğuşu ve Avrupa’ya Yayılımı / M. Özdoğan, N. Başgelen (eds.). Istanbul, 2008. Vol. 1, 2.
- Özdoğan M., Özdoğan A.*, 1990 – *Özdoğan M., Özdoğan A.* Çayönü. A Conspectus of Resent Work // *Paléorient*. 1990. Vol. 15. N 1.
- Rollefson*, 1998 – *Rollefson G. O.* ‘Ain Ghazal (Jordan): ritual and ceremony III // *Paléorient*. 1998. Vol. 24. N 1.
- Rollefson*, 2000 – *Rollefson G. O.* Ritual and Social Structure at Neolithic ‘Ain Ghazal // *Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation* / I. Kuijt (eds.). New York, 2000. P. 165–190.
- Rosenberg*, 1999 – *Rosenberg M.* Hallan Çemi // *Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization: New Discoveries* / M. Özdoğan, N. Başgelen (eds.). Istanbul, 1999.
- Rosenberg, Redding*, 2000 – *Rosenberg M., Redding R. W.* Hallan Çemi and Early Village Organization in Eastern Anatolia // *Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity and Differentiation* / I. Kuijt (eds.). New York, 2000.
- Schmidt*, 1998 – *Schmidt K.* Frühneolithische Tempel Ein Forschungsbericht zum präkeramischen Neolithikum Obermesopotamiens // *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft* 130, 1998.
- Schmidt*, 2008 – *Schmidt K.* Die steinzeitlichen Heiligtümer am Göbekli Tepe // *Colloquium Anatolicum*. 2008. Vol. 7.
- Stordeur*, 2000 – *Stordeur D.* New Discoveries in Architecture and Symbolism at Jerf el Ahmar (Syria), 1997–1999 // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2000. N 1.
- Stordeur*, 2010 – *Stordeur D.* Domestication of plants and animals, domestication of symbols? // *The Development of Pre-state Communities in the Ancient Near-East. Studies in Honour of Edgar Peltenburg* / D. Bolderand L. C. Maguire (eds.). Oxford, 2010.
- Stordeur et al.*, 2000 – *Stordeur D., Brenet M., Der Arahamian G. et J.-C. Roux.* Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // *Paléorient*. 2000. Vol. 26. N 1.
- Symbols at ‘Ain Ghazal... , 2013 – Symbols at ‘Ain Ghazal. ‘Ain Ghazal Excavation Reports Volume 3* / D. Schmandt-Besserat (ed.). Berlin, 2013.
- Verhoeven*, 2001 – *Verhoeven M.* Person or Penis? Interpreting a ‘New’ PPNB Anthropomorphic Statue from the Taurus Foothills // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2001. N 1.
- Verhoeven*, 2002a – *Verhoeven M.* Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia // *Cambridge Archaeology Journal*. 2002. N12.
- Verhoeven*, 2002b – *Verhoeven M.* Transformations of Society: the Changing Role of Ritual and Symbolism in the PPNB and the PN in the Levant, Syria and South-East Anatolia // *Paléorient*. Vol. 28. N 1.
- Watkins*, 1992 – *Watkins T.* The beginning of the Neolithic: searching for meaning in material culture change // *Paléorient*. 1992. Vol. 18. N 1.
- Watkins*, 2004 – *Watkins T.* Architecture and «Theatres of Memory» in the Neolithic South West Asia // *Rethinking Materiality: The engagement of mind with the material world* / E. DeMarrais, C. Gosden, C. Renfrew (eds.). Cambridge, 2004.
- Watkins*, 2006 – *Watkins T.* Architecture and the symbolic construction of new worlds // *Domesticating Space: Construction, Community, and Cosmology in the Late Prehistoric Near East. Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment 12* / E. B. Banning and M. Chazan (eds.). Berlin, 2006.
- Watkins*, 2009 – *Watkins T.* Ordering time and space: Creating a cultural world // *Proceedings of the 5th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East* / J. Cordoba, M. Molist, C. Perez, I. Rubio, and S. Martinez (eds.). Madrid, 2009.
- Watkins*, 2010 – *Watkins T.* Changing People, Changing Environments: How Hunter-Gatherers Became Communities that Changed the World // *Landscapes in Transition: Understanding Hunter-Gatherer and Farming Landscapes in the Early Holocene of Europe and the Levant. Levant Supplementary Series 8* / B. Finlayson and G. Warren (eds.). Oxford, Oakville, 2010.
- Watkins*, 2013 – *Watkins T.* Neolithisation Needs Evolution, as Evolution Needs Neolithisation // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2013. N 2.
- Wundt*, 1911 – *Wundt W.* Probleme der Völkerpsychologie. Leipzig, 1911.

Possibilities of application of a psychosocial approach to studies of prehistoric societies (example of investigation of symbolic systems of Northern Mesopotamia of the Early Neolithic epoch)

T. V. Kornienko

The present article discusses the problems of studies of ideology, rite and symbolic systems as the mechanisms of formation and maintenance of communal identity in prehistoric societies. These problems are here analyzed employing the psychosocial and other approaches on the example of materials of the Pre-Pottery Neolithic of Levant and Northern Mesopotamia. The qualitative psychological transformation of man and socium during the period under consideration is traceable through different categories of evidence including the appearance of numerous symbolically marked objects. The psychosocial transformation is here considered as an important constituent of the process of Neolitization in the Middle East. Following the example of studies of symbolical systems of Northern Mesopotamia, the possibilities of characterization of ideology and current concepts of social conscience established during the early Holocene are discussed.

Analyzing particular subjects the present author demonstrates that combined application of psychosocial and structuralistic approaches to studies of symbolical systems, ideological concepts and social structures of the Neolithic period are very important in the present-day science for realization of systematic interdisciplinary investigations. The prospects of these studies will depend on the selection of particular methods, careful analysis of the data base, as well as indispensable consideration of different evidence and cognition instruments. It seems that employment of the possibly largest arsenal of sources and diverse methods and approaches for these studies and a consequent requalification of the results by the verification method must increase the possibility of carrying out the unbiased investigations and lead to the exactness of the conclusions.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О РАННЕЙ ИСТОРИИ СЮННУ

С. С. Миняев¹

В статье рассматриваются сведения письменных источников о ранней истории азиатских гуннов (сюнну). Анализ этих сведений показывает, что единичные упоминания сюнну в связи с событиями эпохи Чжаньго и Цинь являются либо позднейшими интерполяциями, либо использованием этого наименования как собирательного для населения северной периферии древнекитайских княжеств, не имеющего этнической конкретности. Ранний период истории сюнну протекал вне поля зрения древнекитайских историографов и сведения письменных памятников не позволяют поэтому достоверно локализовать первоначальные районы их обитания. «Ордосская гипотеза» – гипотеза сюннуской прародины должна быть снята. Решающее значение для разработки проблемы имеют археологические материалы.

This article considers information of written sources on the early history of Asiatic Huns (Xiongnu). Analysis of this information indicates that a few mentions about Xiongnu concerning the events of the periods of the Zhanguo and Qin dynasty are fairly late interpolations. They use this name as a collective designation of the populations of the northern periphery of the ancient Chinese principalities and are devoid of any particular ethnic meaning. The earliest period of the history of Xiongnu occurred beyond the field of view of ancient Chinese historiographers so that information of written documents does not enable us to locate reliably the original regions occupied by these people. The 'Ordos hypothesis' of the Xiongnu homeland, as it seems, must be rejected. The final importance in the study of this problem is to be presented only by archaeological evidence.

Ключевые слова: письменные источники, сюнну, Сыма Цянь, Ши цзи.

Keywords: written sources, Xiongnu, Sima Qian, Shiji.

Среди скотоводческих племен, сыгравших важную роль в истории Центральной Азии, особое место занимают сюнну (хунну, азиатские гунны), с именем которых связана целая эпоха в истории этого региона. Она начинается с сюннуских завоеваний в конце III в. до н. э. и заканчивается в первые века нашей эры постепенным распадом сюннуской «державы». В эпоху сюнну в азиатских степях начинается интенсивное перемещение больших масс населения, что приводит к активному взаимодействию различных культурных традиций. В результате именно в этот период складывается основа для формирования племенных объединений эпохи средневековья, во многом определивших этническую ситуацию на востоке степного пояса и в новое время. Значительное

влияние сюнну на ход исторических процессов в евразийском степном поясе очевидно, и разработка важнейших проблем истории и культуры населения этого огромного региона во многом связана с изучением сюннуского племенного союза.

База данных для изучения сюнну в настоящее время весьма обширна. Совокупность различных источников (археология, сведения лингвистики, антропологии, палеогенетики, письменных памятников) создает реальные предпосылки для детальной реконструкции основных этапов сюннуской истории. Однако вопрос о «происхождении» сюнну или точнее о раннем этапе их истории (до того как они в конце III в. до н. э. возглавили мощное племенное объединение) остается до настоящего времени дискуссионным. Причина этому – существенные расхождения между перечисленными выше источниками, в первую очередь между археологическими данными и письменными памятниками. Сведения

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

последних как будто дают основание считать, что сюнну в эпоху Чжаньго (эпоха «воюющих царств», IV–III вв. до н. э.) уже обитали на северных границах древнекитайских княжеств, были вытеснены оттуда при императоре Цинь Шихуане и после падения Цинь вновь вернулись на свою прежнюю территорию. Однако надежная хронология археологических памятников, отождествляемых с сюнну, не позволяет датировать их ранее конца II в. до н. э., а ареал распространения таких памятников не совпадает с географическими ориентирами, упомянутыми в письменных источниках в связи с событиями ранней сюннуской истории (Миняев, 1998; 2001).

Вполне очевидно, что для решения этого противоречия необходимо подробнее рассмотреть сведения этих источников, связанные с упоминанием сюнну в эпоху Чжаньго, Цинь и первых лет правления династии Хань.

Источники. Источники, содержащие письменные сведения о скотоводческих племенах, обитавших на границах древнего Китая, условно можно разделить на две группы. К первой из них относятся подлинные исторические документы: надписи на бронзовых изделиях, гадательных костях, бамбуковых и деревянных планках. Эта первоначально немногочисленная группа источников в последнее время активно пополняется благодаря археологическим раскопкам. В древнейших таких документах, датированных II–I тыс. до н. э., встречаются наименования кочевых соседей Китая: гуйфаны, сяньюни, жуны, ди и другие (Крюков М. и др., 1978. С. 267, 289; Крюков В., 1985). Некоторые из них, как цюаньжуны, сыграли значительную роль в истории Китая периода Западного и Восточного Чжоу. Однако вплоть до эпохи Западной Хань (202 г. до н. э.–8 г. н. э.) в этих подлинных исторических документах ни разу не встречается упоминание о сюнну.

К источникам второй группы можно отнести собственно письменные памятники древности: исторические сочинения, философские трактаты, поэтические тексты, хроники основных событий в древних княжествах Китая и другие. В ряду источников этой группы основным для нашей темы являются «Исторические записки» («Ши цзи»), написанные знаменитым историографом древности Сыма Цянем на рубеже II–I вв. до н. э. Сочинение, составленное им на основании исторических хроник более раннего

времени, множества различных документов и (для эпохи ранней Хань) свидетельств очевидцев, охватывает все основные события предшествующей истории Китая от мифических императоров глубокой древности вплоть до конца II в. до н. э. Значение этого труда для изучения как древнего Китая, так и его соседей переоценить невозможно.

Вместе с тем при использовании «Ши цзи» как источника для реконструкции истории сюнну (и не только сюнну) следует учитывать несколько важных обстоятельств. Как и другие древние тексты, оригинал этого сочинения (по одной из версий Сыма Цянь сохранил две копии рукописи) давно утерян. Его содержание дошло до нас благодаря многократным перепискам историками различных эпох (ранние из известных сейчас ксилографов относятся лишь к началу XII в. н. э.; Вяткин Р., 2001. С. 66). Каждый из переписчиков в ходе работы и реконструкции утерянных фрагментов древних текстов часто использовал этнокультурные понятия и стандарты своего времени. В результате помимо обращения многочисленными комментариями такие списки подвергались различным добавлениям, исправлениям и не всегда обоснованному редактированию. К тому же особенности древнекитайских текстов, где отсутствовала пунктуация, до настоящего времени зачастую приводят к разночтениям в переводе отдельных фраз или абзацев. В результате «Ши цзи», как и другие сочинения древности, содержат значительное число добавлений и интерполяций, внесенных историками последующих эпох. Среди современных исследователей произведения Сыма Цяня до настоящего времени идет дискуссия об аутентичности многих фрагментов и даже глав этого сочинения, о корректности перевода тех или иных частей текста. Так, автором некоторых глав «Ши цзи» считают отца Сыма Цяня Сыма Тяня (также придворного историографа), ряд других глав справедливо относят к творчеству позднейших комментаторов и интерполяторов (см. подробно Таскин, 1968; Кроль, 1970; Васильев Л., 1995. С. 37–38; Крюков М., 2001; Вяткин Р., 2001; Вяткин А., 2010).

Перечисленные обстоятельства следует особо учитывать при анализе как древних исторических текстов в целом, так и содержания «Ши цзи» в частности.

Рассмотрим в хронологическом порядке сведения «Исторических записок» о ранней исто-

рии сюнну, привлекая, при необходимости, также данные и других источников.

Версия о Шуньвэе. Основные сведения о сюнну в «Ши цзи» собраны в 110-й главе этого сочинения «Сюнну лечжуань» (Повествование о сюнну). Особенность структуры главы в том, что она состоит как бы из двух частей. В первой из них собраны заимствованные из более ранних источников сведения о древних скотоводческих племенах восточного ареала степей: шаньжунах, сяньюнях, цюаньи и других. Вторая часть 110-й главы излагает хорошо известные события эпохи сюннуского «великодержавия» (II–I вв. до н. э.), которая началась с возвышения сюнну при шаньюе Маодуне (Модуне). Связующим звеном между разделами главы является ее отрывок, охватывающий события последних десятилетий III в. до н. э. – от конца эпохи Чжаньго до первых лет ханьской династии.

В первой части 110-й главы сюнну упомянуты лишь один раз, в начальной фразе главы: «Родоначальником сюнну был потомок рода Сяхоу по имени Шунь-вэй» (Сыма Цянь, 2002. С. 323). По существу, в этом лаконичном предложении изложена наиболее ранняя из известных нам версий о происхождении сюнну. Ее содержание со ссылками на ряд несохранившихся источников подробнее раскрывают комментаторы «Ши цзи»: Луань Чань, Чжан Янь, Вэй Чжао и другие. Они поясняют, что последний правитель полупоупендарного «дома Ся» тиран Цзе, потерпев поражение от основателя династии Инь Чэн Тана, был отправлен в ссылку, откуда бежал и затем умер в изгнании. Его сыновья от наложниц из племени сюньюй переселились в земли «северных варваров», где научились разводить скот и кочевать вместе с ним. Именно этих потомков «рода Ся» от женщин из варварского племени (одним из них и был Шуньвэй) и называли впоследствии в Китае «сюнну», что, по мнению комментаторов, можно рассматривать как видоизмененное «сюньюй» (Там же. С. 440, примеч. 2).

Нам неизвестны более ранние, чем «Ши цзи», источники, упоминающие о сюнну в целом либо о потомках Цзе от сюньюйских женщин (в том числе и о Шуньвэе). С другой стороны, рассматриваемая версия уже существовала ко времени работы Сыма Цяня над «Историческими записками» (рубеж II–I вв. до н. э.). Поэтому можно предположить, что формирование этой версии относится к эпохе Западной Хань (II–I вв. до

н. э.) и связано, видимо, с кругом придворных ханьских историографов, которым понадобилось оправдать внушительные успехи сюнну в борьбе с первыми правителями империи. Происхождением от представителя «законной» китайской «династии Ся» эта трактовка удачно объясняла военную силу и организованность сюнну, а происхождением от сюньюев – их «варварский» характер.

Версия о Шуньвэе, упомянутая Сыма Цянем в связи с историей цюаньжунов, хуньюев и других племен более раннего времени, обусловила в китайской историографии последующие устойчивые представления об этих племенах как о первопродках сюнну (Сыма Цянь, 2001. С. 225–226, примеч. 21; 2002. С. 440, примеч. 2). Именно так трактовали происхождение сюнну историки и филологи различных эпох, поэтому в практически неизменном виде рассматриваемая версия дошла до нового времени, когда ее восприняли многие китайские и европейские исследователи.

Исследование Ван Говэя. Эта многовековая комментаторская традиция была детально рассмотрена в работе известного китайского историка Ван Говэя. Собрав племенные наименования северных соседей Китая эпохи Инь и Чжоу, сохранившиеся в письменных памятниках и надписях на бронзе, попытавшись реконструировать их древнее звучание и определить районы обитания этих племен, он заключил, что в названные эпохи под различными наименованиями фигурируют родственные племена, в ханьское время известные как сюнну (Ван Говэй, 1927). На выводы этого авторитетного исследователя обычно ссылаются в современной литературе как на веский аргумент в пользу гипотезы о родственной связи племен сюньюй и сюнну (Думан, 1962; Таскин, 1968). Эта гипотеза лежит в основе наиболее распространенного «ордосского» варианта прародины сюнну, поэтому систему доказательств, приводимую Ван Говэем, рассмотрим несколько подробнее.

Основная аргументация Ван Говэя сводится к следующему. Наиболее древние наименования северных соседей Китая упоминаются в таких древнейших источниках, как «Ицзин», «Ши цзин», а также в надписях на бронзовых изделиях гуйфан (鬼方) и «куньи» (昆夷). Первые слоги в этих бинамах он считает самоназванием, а вторые слоги (соответственно «фан» и «и») ки-

тайскими дополнениями. Начертание иероглифа «гуй», по его мнению, восходит к форме «вэй» (畏), поскольку в более поздних письменных памятниках (Чуньцю, Цзочжуань) фамилия «Вэй» является исходной для всех варваров. Окончательное начертание иероглиф «гуй» приобрел лишь в ханскую эпоху, когда при переписке классических книг почерком «лишу» вместо «вэйфан» (畏方) писали «гуйфан» (鬼方). Географические ориентиры, с которыми связано упоминание гуйфанов, позволили Ван Говэю предложить локализацию этих племен на северных и западных границах Инь и Западного Чжоу.

Далее на примере фразы из «Ши цзин» «хуньи туньи» (хуньи мчатся во весь опор) Ван Говэй рассматривает варианты начертания наименования «куньи» (昆夷) и показывает, что первый слог в названии племени (混) записан в разных источниках по-разному: «хунь» (混), «кунь» (昆), «цюань» (犬), «гунь» (纒) и т. д. Ссылаясь на танского комментатора Янь Шигу, который на основе метода «фаньцзе» (рассечение узлов) считал возможным чтение «цюань» (吠) как «гуань», а иероглифов «кунь», «хунь» как «гунь», Ван Говэй делает три вывода. Первый – звучание всех перечисленных иероглифов сходно между собой, второй – иероглифы «гуй» (鬼) и «вэй» (畏), имевшие чтение низким тоном, изменились и в силу особенностей развития фонетики стали звучать как «сюньюй» (в разных вариантах написания 葷粥, 薰育, 鬻獯) и «сяньюй» (獫狁, 獫狁), третий – все названные иероглифы по звучанию восходят к более древнему и утраченному впоследствии звучанию «гуй» и «вэй». Поэтому «гуйфан», «куньи», «сюньюй», «сяньюнь», «яньюнь» – это всего лишь фонетические расхождения в звучании одного и того же наименования и, следовательно, в древних письменных источниках речь идет об одном и том же племени.

Далее в работе анализируются те расхождения в текстах источников, когда скотоводческие племена – субъекты одного и того же события зафиксированы под разными наименованиями. Так, в «Мэн-цзы» противниками Тай-вана на-

званы «хуньюй», а в «Ши цзин» в песне «Мянь» – «куньи». В оде «Ши цзин» «Выходят колесницы» говорится: «блистательный Наньчжун сяньюней устрасил», а далее тот же эпизод трактуется как поход Наньчжуна на «сижунюв» (西戎), т. е. западных жунов. В этих разночтениях Ван Говэй видел веское доказательство тождества хуньюев, куньи, сяньюев и западных жунов. Последние, стало быть, и являются потомками гуйфанов. При этом он считает мнения комментаторов о различии названных племен ошибочными, а прямые сведения источников (Ши-суй, Чжоушуй-суй) о различных районах обитания этих племен – результатом более поздних неточностей и расхождений.

Географические названия, с которыми связаны упоминания названных племен в письменных источниках и надписях на бронзе, позволили Ван Говэю считать, что районы обитания сяньюней совпадали с землями гуйфанов и куньи и охватывали территорию Западного Чжоу с северо-востока на северо-запад. Анализ письменных источников и определение даты бронзовых изделий с надписями дали также возможность датировать основной период упоминания сяньюней от чжоуского Ли-вана (857–828 гг. до н. э.) до чжоуского Сюань-вана (827–781 гг. до н. э.).

В более поздних источниках в качестве основных скотоводческих племен соперников Китая фигурируют, как считает Ван Говэй, только жуны и ди. Иероглиф «жун» (戎) означает «воинственный», так как включает в себя знаки «латы» и «копье». Иероглиф «ди» (狄) первоначально означал жителей далеких западных окраин; писали его с ключом «собака», чтобы придать иероглифу уничижительный оттенок. Жуны и ди причиняли немало бедствий жителям древнего Китая, поэтому их называли «цюаньжуны» (犬戎), «собачьи жуны», «собачье племя». Отсюда Ван Говэй заключает, что жуны и ди – это не самоназвания, а данные китайцами клички. Эти клички означали, по его мнению, все тех же сяньюней, которые хотя и перестали упоминаться в письменных источниках, но не могли внезапно исчезнуть с исторической арены.

Отмечая далее, что в ряде источников население местности Тайюань в одном случае называется жунами, а в другом – сяньюнями, Ван

Говэй заключает, что цюаньжуны, которые в 771 г. до н. э. способствовали убийству Ю-вана и под ударами которых столица была перенесена на восток в Лои, – это сяньюни. После переноса столицы прозвище «жуны», по его мнению, было упразднено и осталось только наименование «ди», т. е. далекие. Эти племена заняли бывшие чжоуские земли после переноса столицы на восток и господствовали здесь в период Чуньцю-Чжаньго (VIII–III вв. до н. э.). Усиление Китая в эпоху Цинь якобы вынудило их вернуться в свои прежние земли, где они получили и прежние наименования. Именно поэтому, заключает Ван Говэй, племена ху и сюнну периода Чжаньго, Цинь и Хань можно рассматривать как потомков сяньюев и сяньюней периода Инь-Чжоу.

В работе Ван Говэя ни разу не упоминается Шуньвэй, реальность которого доказать, разумеется, затруднительно. В остальном эта публикация по существу является попыткой научно обосновать версию, одной фразой сформулированную еще комментаторами ханьского времени: «при Яо были сюньюй, при Чжоу были сяньюнь, при Цинь были сюнну». «Сыма Цянь, когда писал “Сюнну лечжуань”, по-видимому, знал это», – так заканчивает изложение своей работы Ван Говэй (Ван Говэй, 1927. С. 630).

Однако предельная лаконичность изложения версии о Шунь-вэе в «Повествовании о сюнну» и отсутствие каких-либо пояснений в тексте главы со стороны самого Сыма Цяня позволяют предположить, что знаменитый историк прекрасно сознавал тот огромный промежуток времени, который отделяет полулегендарную «династию Ся» от появления сюнну на исторической арене. Не случайно в конце первого раздела главы он подчеркнул, что в ранний период истории сюнну *«нет даже возможности последовательно изложить [раннюю] историю их родов и правлений»* (Сыма Цянь, 2002. С. 329). Кроме начальной фразы о Шуньвэе, которая явно понадобилась Сыма Цяню для формальной связки первой и второй частей главы, сюнну более ни разу не названы в первой части «Сюнну лечжуань», а упомянутые здесь линьху, жуны, хуньюй и другие северные некитайские племена фигурируют здесь лишь в качестве предшественников, но не предков сюнну в азиатских степях.

При этом особо следует отметить, что, перечисляя таких предшественников, Сыма Цянь

упоминает в одном ряду сяньюнь (獫狁) и хуньюй (葷粥) как разные племена (Там же. С. 323).

Более того, повествуя во второй части главы о походах вождя сюнну Маодуня, в числе покоренных им племен, живших к северу от сюнну, автор «Ши цзи» называет и племена «хуньюй». Хотя это наименование записано другими иероглифами (渾夷), чем упомянутые в первой части сяньюй и хуньюй (獫狁 и 葷粥), между ними существует очевидная фонетическая связь (Pulleyblank, 1983. P. 449). Это обстоятельство позволяет предполагать, что потомками сюньюев-хуньюев эпохи бронзы были иные, нежели сюнну, племена, обитавшие к северу от них и не связанные, очевидно, с процессами сюннского этногенеза.

Следует добавить, что исследование Ван Говэя, несмотря на тщательный анализ всех имевшихся в то время данных, содержит ряд уязвимых положений.

Во-первых, свидетельства источников, противоречащие сделанному им выводу, приводит и сам Ван Говэй. Так, в «Ши-суй» (предисловие к «Ши цзин» об эпохе Вэнь-вана) говорится: «на западе причиняли беды куньи, на севере причиняли беды сяньюнь». Аналогичное свидетельство было зафиксировано в «Чжоу-суй»: «на западе куньи, на севере сяньюнь» (Ван Говэй, 1927. С. 593). Приведенные цитаты ясно показывают, что куньи и сяньюнь – это разные племена, обитавшие в разных районах древнекитайской ойкумены.

Во-вторых, в предполагаемой Ван Говэем эволюции наименований «сяньюнь» в «сюнну» как среднее звено (жуны и ди), так и одно из последних ху (胡) фонетически не могут быть связаны ни с сяньюнями, ни с сюнну. Утверждение Ван Говэя о том, что это клички, под которыми скрывались все те же гуйфан (они же куньи и сяньюни), источниками, как мы видели, не подтверждается, а методически выглядит не совсем корректным, ибо таким путем в принципе можно доказать любую версию.

В-третьих, фонетические построения Ван Говэя отрицают современные лингвисты, поставившие на научную основу исследования исторической фонетики китайского языка. Реконструкция звучания древних племенных наимено-

ваний показывает, что нет никаких фонетических соответствий между «сяньюнь», «хуньюй» и «сюнну», не говоря уже об их связи с собирательным наименованием «ху». При этом отмечается, что по данным фонетики сюнну вступили в контакт с китайцами только в конце III в. до н. э. (Pulleyblank, 1983. P. 449).

Вполне очевидно, что текст первой части «Сюнну лечжуань», излагающий взаимоотношения древнекитайских княжеств эпохи Инь и Чжоу со своими северными соседями, различными скотоводческими племенами, не содержит надежных свидетельств для реконструкции ранних этапов истории сюнну.

События 318 г. до н. э. Наиболее раннее (не считая мифического Шуньвэя) упоминание сюнну в тексте «Ши цзи» можно видеть в 5-й главе «Цинь бэньцзи» (Основные записи о доме Цинь). Они фигурирует здесь в связи с событиями эпохи Чжаньго, когда в 318 г. до н. э. сюнну якобы участвовали в походе против царства Цинь: «Войска княжеств Хань, Чжао, Вэй, Янь и Ци, ведя за собой отряды сюнну, совместно напали на Цинь» (Сыма Цянь, 2003. С. 42–43). Однако в других главах «Ши цзи», посвященных истории названных пяти княжеств (гл. 34, 43 и другие), сюнну ни разу не названы, в том числе и в связи с событиями 318 г. до н. э. Более того, помимо «Ши цзи» этот же эпизод с походом 318 г. до н. э. упомянут и в другом источнике, «Чжаньго цэ» («Планы сражающихся царств», составлен в конце I в. до н. э. Лю Сяном на основании документов более раннего времени), однако участниками этих событий здесь названы не сюнну, а совсем другие племена – ицойские жуны (Васильев К., 1961. С. 122).

Нет упоминаний о сюнну в связи с походом 318 г. до н. э. и в таблицах событий по годам (погодных таблицах «Бяо», 15-я глава «Ши цзи»), повествующих об истории названных выше княжеств в эпоху Чжаньго. Нет таких упоминаний в таблицах даже в период империи Цинь (221–209 гг. до н. э.). Сюнну впервые названы здесь только под 202 г. до н. э., в начале династии Хань, уже после образования «империи» Маодуня (Сыма Цянь, 1984. С. 367). Утверждение, что сюнну упомянуты в 15-й главе под 33 г. правления Цинь Шихуана (Ковалев, 2002. С. 163), безосновательно, в действительности в тексте этой главы под этим годом (214 г. до н. э.) названы жуны (Сыма Цянь, 1984. С. 318).

Поэтому можно предположить, что наименование «сюнну» в тексте 5-й главы применительно к 318 г. до н. э. либо является более поздней интерполяцией, как предполагает Л. Боровкова (1990. С. 160), либо использовано Сыма Цянем в качестве обычного для его времени собирательного обозначения скотоводческих племен (что неоднократно встречается и в других главах «Исторических записок») и не имеет конкретного этнического содержания.

«Три царства граничили с сюнну». Следующее упоминание сюнну в «Ши цзи» в связи с историей доциньского времени относится, судя по хронологии событий (которые рассматриваются ниже), к концу периода Чжаньго. В 110-й главе («Сюнну лечжуань») Сыма Цянь сообщает, что «в это время из семи борющихся царств, в которых носили шапки и пояса [установленного образца], три граничили с сюнну. Позднее, при чжаоском военачальнике Ли Му, сюнну не осмеливались вторгаться в пограничные земли Чжао» (Сыма Цянь, 2002. С. 326).

Ли Му был назначен полководцем в Чжао в 243 г. до н. э. (Сыма Цянь, 1992. С. 78), следовательно, «это время», когда три царства граничили с сюнну, относится к середине III в. до н. э. Как видно, Сыма Цянь прямо не называет в 110-й главе эти пограничные с сюнну царства. Комментаторская традиция относит к ним царства Цинь, Янь и косвенно упомянутое Сыма Цянем Чжао, т. е. все княжества того времени, расположенные на севере древнего Китая (Таскин, 1968. С. 127). История этих княжеств, образовавшихся ранее как чжоуские уделы, зафиксирована в ряде хроник и документов доханьского и раннеханьского времени, использованных Сыма Цянем при составлении разделов «Ши цзи» (Кроль, 1970; Крюков М., 2001. С. 49–65). История царства Цинь, к правящему роду которого относился и создатель империи Цинь Шихуан, изложена в разделе «Бэньцзи» (Основные записи) в 5-й главе, а история Янь и Чжао до их покорения Цинь – в разделе «Ши цзя» (Наследственные дома), соответственно в главах 34 и 43. Содержание этих глав, 110-й главы («Сюнну лечжуань»), как и ряда других разделов «Ши цзи», позволяет в целом определить этнополитическую ситуацию вокруг названных княжеств в эпоху Чуньцю и Чжаньго.

Цинь, согласно тексту 5-й главы (Сыма Цянь, 2003. С. 15–52), соседствовало на севере с жунами, цюаньжунами (собачьи жуны), реже с пле-

менами ди или и. Единственное исключение – рассмотренный выше поход пяти княжеств против Цинь, в котором якобы участвовали сюнну. Повторим, что в данном случае, скорее всего, имеет место интерполяция в тексте 5-й главы, что подтверждается и полным отсутствием упоминаний о сюнну в дальнейшей истории княжества Цинь вплоть до образования циньской империи.

Северными соседями Чжао после завоевания княжества Дай в середине V в. до н. э. становятся племена ху и мо, а после раздела земель княжества Цинь «Чжао приобрело земли Дай и район к северу от [гор] Гоучжу, а Вэй овладело землями к западу от Хуанхэ и областью Шанцзюнь, и таким образом они стали граничить с жунами» (Сыма Цянь, 2002. С. 325, 326). Отметим, что «земли к западу от Хуанхэ и область Шанцзюнь» – это плато Ордос, скотоводческое население которого и названо жунами.

Позднее правитель Чжао Улин-ван (325–300 гг. до н. э.) издал указ «*ввести одежду варваров ху, научить народ стрелять из лука с лошади... На севере он разбил [племена] линьху и лоуфаней, построил длинную оборонительную стену, которая тянулась от Дай до [гор] Иньшань, доходя до Гаоцюэ, где была построена застава*» (Там же. С. 326). Как видно, соседями Чжао на севере в конце IV в. до н. э. названы уже линьху и лоуфани, а не ху и мо.

Чтобы обосновать свой указ, Улин-ван в диалогах с советниками обрисовывает этнополитическую ситуацию вокруг Чжао: «...*На востоке у нас лежит граница с царством Янь и племенами дунху, на западе от нас живут племена лоуфаней, проходит граница с царствами Цинь и Хань... Нам нужны смена одежды и опытные ци и, чтобы подготовиться к защите границ от царства Янь, от саньху (трех ху. – С. М.), от царств Цинь и Хань*» (Сыма Цянь, 1992. С. 64). В диалоге с другим советником эта ситуация выглядит несколько иначе: «*На севере от нас расположено царство Янь, к востоку располагаются [племена] дунху, к западу племена линьху, лоуфань; там мы граничим с Цинь и Хань*» (Там же. С. 61).

Оба эти высказывания Улин-вана могут быть датированы около 307 г. до н. э., когда решался вопрос о введении в чжаоской армии одеяния племен ху, более приспособленного для ведения военных действий в тех условиях. Через год после издания указа Улин-ван «*поехал на запад*

в земли хусцев, добрался до Юйчжуна. Правитель линьху подарил ему лошадей... Первый советник царства Дай Чжао Гу, управляя племенами хусцев, собрал их войска» (Там же. С. 66).

Оставив престол в 300 г. до н. э. и приняв имя Чжуфу, Улин-ван «*решил заставить сына управлять государством, а сам облачился в хуские одежды и во главе сановников отправился на северо-запад в земли варваров ху*» (Там же. С. 67). Несколько позднее, в 297 г. до н. э., «*Чжуфу отправился на вновь завоеванные земли; потом выехал в царство Дай, встретился с правителем племен лоуфань в Сихэ (на Западной реке) и стал наставлять их солдат*» (Там же. С. 67).

Как отмечают современные исследователи и комментаторы «Ши цзи», местность Сихэ имеет несколько локализаций (см., например, Вяткин Р., Таскин, 2001. С. 263, примеч. 75; Там же. С. 278, примеч. 171; Вяткин Р. и др., 2002. С. 450, примеч. 123). Судя по общему направлению поездки Чжуфу (земли бывшего княжества Дай находились в северной части Чжао) и тексту предыдущего фрагмента, когда Чжуфу отправился на северо-запад в земли «ху», речь здесь идет, скорее всего, о восточном участке большой излучины северного течения Хуанхэ, огибающей плато Ордос. Таким образом, соседями Чжао в этом регионе вновь названы лоуфани.

Дальнейший текст 43-й главы содержит лишь единичное (273 г. до н. э.) упоминание о дунху, которые соседствовали с захваченными Чжао землями Дай: «*На двадцать шестом году [правления Хуэй-вэнь-вана] Чжао захватило в Дай земли, которые подвергались нападениям племен дунху*» (Сыма Цянь, 1992. С. 73).

Цитированные фрагменты 43-й главы показывают, что соседями Чжао в эпоху Чжаньгоь были ху, мо, линьху, дунху и лоуфани. Отметим определенные противоречия в этих фрагментах текста. Практически в одно и то же время линьху и лоуфани названы соседями Чжао сначала на севере (Сыма Цянь, 2002. С. 326), а затем на западе (Сыма Цянь, 1992. С. 64); на севере же на их месте в это время соседом названо княжество Янь. Как видно, упоминания о сюнну в 43-й главе, вплоть до поглощения Чжао царством Цинь в 222 г. до н. э., полностью отсутствуют.

Обратимся теперь к истории княжества Янь. Главные сведения об этом княжестве до его подчинения царству Цинь в 222 г. до н. э. собраны в 34-й главе «Ши цзи» (Наследственный дом

яньского Шао-гуна). В послесловии к главе от своего имени Сыма Цянь отмечает: «*Княжество Янь на севере теснило племена мань и мо*» (Сыма Цянь, 1987. С. 92). Судя по контексту послесловия, речь здесь идет о событиях раннего периода Западного Чжоу, о начале I тыс. до н. э. В самом тексте 34-й главы некитайские племена севера названы лишь дважды. Первый раз это цюаньжуны, которые участвовали в свержении чжоуского Ю-вана и способствовали падению Западного Чжоу (Там же. С. 85). Однако это упоминание не связано с историей собственно княжества Янь. Второй раз упомянуты шаньжуны, обитавшие на северных границах Янь: «*На двадцать седьмом году [правления Чжуангуна] (664 г.) племена шаньжунов напали на нас, циский Хуань-гун пришел на помощь Янь, напал на севере на шаньжунов, после чего поехал обратно к себе*» (Там же. С. 85).

Сведения о некитайских племенах, соседях царства Янь, можно найти и в 110-й главе «Ши цзи» «Сюнну лечжуань» (Повествование о сюнну). Здесь рассказывается о появлении в княжестве Янь «мудрого военачальника Цинь Кая», бывшего сначала заложником у дунху, а потом внезапно напавшего на них. Это событие может быть датировано на основании упоминания в данном фрагменте текста внука Цинь Кая, Цинь У-яна, который участвовал в покушении на будущего императора Цинь Шихуана. Попытка покушения датирована 227 г. до н. э. (Сыма Цянь, 1987. С. 91), следовательно, деятельность Цинь Кая, деда Цинь У-яна, можно отнести к середине III в. до н. э.²

Отметим, что северными соседями Янь на протяжении I тыс. до н. э. называются разные племена: в начале Западного Чжоу мань и мо, в середине VII в. до н. э. шаньжуны, в период Чжаньго дунху и ху, против которых «*княжество Янь... строило длинную [защитную] стену*» (Сыма Цянь, 2002. С. 326). Как и в случае с царством Чжао, сюнну ни разу не названы в описании основных событий в княжестве Янь.

Таким образом, упоминание в 110-й главе трех царств, якобы имевших границу с сюнну в эпоху Чжаньго, данными рассмотренных выше глав «Ши цзи», повествующих об истории этих царств, и записями в хронологических таблицах

событий в соответствующих княжествах (Сыма Цянь, 1984. С. 230–319) не подтверждается.

Борьба Ли Му с «сюнну». Следующим по времени упоминанием сюнну в «Ши цзи» в связи с событиями эпохи Чжаньго может считаться рассказ о борьбе с ними Ли Му, полководца царства Чжао. Эти события кратко упомянуты Сыма Цянем в цитированном выше фрагменте 110-й главы «Ши цзи» сразу после сообщения о граничащих с сюнну трех царствах: «*...при чжаоском военачальнике Ли Му, сюнну не осмеливались вторгаться в пограничные земли Чжао*» (Сыма Цянь, 2002. С. 326).

Более детально борьба Ли Му с сюнну изложена в 81-й главе «Ши цзи» — «Жизнеописание Лянь По и Линь Сянжу» (Сыма Цянь, 1996. С. 257–258). Здесь речь идет о тактике, которую избрал Ли Му в борьбе с кочевниками и которая, в конечном счете, привела к их внушительному разгрому. Ли Му был назначен на свою должность в 243 г. до н. э. и казнен в 229 г. до н. э. (Сыма Цянь, 1992. С. 78–79), следовательно, речь идет о событиях второй половины III в. до н. э. Сюнну как противники полководца постоянно упоминаются в тексте 81-й главы, и можно было бы предположить, что уже в это время, всего лишь за несколько десятилетий до образования племенного союза, они действительно обитали на северных границах княжества Чжао. Однако принять такое предположение не позволяет ряд противоречий как между главами «Ши цзи» (43-й, 81-й и 110-й), так и в тексте 81-й главы, где сообщается о подвигах Ли Му.

Обратимся к 43-й главе, подробно излагающей военно-политическую историю княжества Чжао. Военные заслуги Ли Му, начиная с его назначения полководцем в 243 г. до н. э. и до его казни в 229 г. до н. э., упомянуты в этой главе несколько раз. Однако эти заслуги касаются только сражений с войсками княжеств Янь и Цинь; текст 43-й главы, как отмечалось выше, не содержит никаких упоминаний о сюнну (Сыма Цянь, 1992. С. 78–79). Нет сведений о сюнну и борьбе с ними Ли Му и в хронологических таблицах княжества Чжао (Сыма Цянь, 1984. С. 232–317).

О подвигах Ли Му говорится и в 102-й главе «Ши цзи» («Жизнеописание Чжан Ши-чжи и Фэн Тана»), в диалоге императора Вэнь-ди и одного из его сановников Фэн Тана. Тан, дед которого якобы лично знал Ли Му, рассказывая о подвигах полководца, говорит: «*...он на севере*

² Следует отметить, что в тексте 34-й главы «Ши цзи» об истории княжества Янь «мудрый военачальник» Цинь Кай не упоминается.

прогнал шаньюя, разбил племена дунху, уничтожил племена даньлин» (*Сыма Цянь*, 2002. С. 226). Как видно, и в этом случае нет конкретного упоминания племени сюнну в связи с действиями Ли Му: разбитые им племена – это дунху, даньлань, линьху.

Наиболее серьезное противоречие, однако, содержится в тексте 81-й главы, где повествуется о подвигах Ли Му. Оно хорошо заметно, если внимательно рассмотреть не только отрывок 81-й главы о борьбе Ли Му с кочевниками (как это делает большинство исследователей), а структуру главы в целом.

Название главы позволяет отнести ее к тому подразделу «жизнеописаний» (лечжуань), который исследователи «Ши цзи» классифицируют как «хэчжуань» (парные биографии; *Вяткин Р.*, 1996. С. 14), в данном случае биографии Лянь По и Линь Сянжу. Однако содержание главы не совсем соответствует этому жанру: помимо жизнеописания двух основных героев, политических деятелей царства Чжао, в текст главы также включены биографии еще трех военачальников этого царства Чжао Шэна (его положение, как сказано в тексте, в ходе карьеры стало равным Лянь По и Линь Сянжу), его сына Чжао Ко, а также Ли Му (*Сыма Цянь*, 1996. С. 252–260). Деяния Чжао Шэна и Чжао Ко в целом вписываются в последовательность событий в княжестве Чжао, но в жизнеописании Ли Му содержится явное противоречие.

Первый раз Ли Му упомянут в 81-й главе под 243 г. до н. э., когда он был назначен военачальником Чжао и завоевал яньские города Усуй и Фанчэн (Там же. С. 257). Это сообщение почти дословно повторяет текст 43-й главы о назначении Ли Му, что подтверждает реальность названной даты (*Сыма Цянь*, 1992. С. 78). Далее в тексте 81-й главы повествуется о борьбе Ли Му с сюнну, которая, судя по описанным событиям, заняла несколько лет и закончилась победой Чжао (*Сыма Цянь*, 1996. С. 257–258).

Однако сразу после этого в тексте 81-й главы события возвращаются на несколько лет назад: снова сообщается о том же походе Ли Му на Янь и захвате им тех же яньских городов Усуй и Фанчэн. Это сообщение датировано даже годом ранее, чем первое сообщение о назначении Ли Му полководцем княжества Чжао в 243 г. до н. э.: «В начальном году правления чжаоского Дао Сян-вана (244 г.), когда Лянь По перебрался в Вэй, чжаоский правитель отправил Ли Му

в поход против княжества Янь, [где им] были захвачены города Усуй и Фанчэн» (Там же. С. 260).

Дальнейший текст 81-й главы, вплоть до казни Ли Му в 229 г. до н. э., повествует о его победах над армиями враждующих с Чжао княжеств Цинь (234 и 231 гг. до н. э.), Вэй и Хань (в 231 г. до н. э.). В 229 г. до н. э., во время очередного похода против Цинь, Ли Му был ложно обвинен в подготовке мятежа, отказался оставить свой пост и по приказу чжаоского вана был казнен (Там же. С. 260).

Вполне очевидно, что если рассматривать изложенные в 81-й главе факты биографии Ли Му последовательно, начиная с назначения военачальником Чжао в 243 г. до н. э. и казни в 229 г. до н. э., то для сюжета о его борьбе с сюнну (заявленной, напомним, несколько лет) между 243 и 244 гг. до н. э. просто не остается временного промежутка. Именно поэтому данный сюжет (напомним, отсутствующий в 43-й главе «Ши цзи», в истории собственно княжества Чжао) с большим основанием можно считать интерполяцией в тексте 81-й главы (см. подробнее *Минаяев*, 2014). Она могла быть сделана либо самим Сыма Цянем (если биографии Лянь По и Линь Сянжу были написаны ранее его отцом Сыма Танем), либо более поздними компиляторами «Исторических записок». Как интерполяцию, на основании нереальности масштабов победы Ли Му, трактует данный сюжет и Л. А. Боровкова³ (*Боровкова*, 1990. С. 4).

Двойное упоминание в 81-й главе о назначении Ли Му военачальником в Чжао привело и к некорректной датировке его противоборства с кочевниками. Так, Сюн Цуньжуй (*Сюн Цуньжуй*, 1983. С. 111) и вслед за ним А. Ковалев (2002. С. 157) относят эти события ко времени не позже 244 г. до н. э. (Сюн Цуньжуй к периоду 265–245 гг. до н. э.). Исследователи основываются, видимо, на повторном сообщении о назначении Ли Му военачальником Чжао в 244 г. до н. э., которое помещено в тексте 81-й главы после

³ По данным 110-й главы, сюнну потеряли 100 тысяч всадников, а армия Ли Му насчитывала 150 человек, 13 тысяч коней и 1300 колесниц. Несоответствие этих цифр реально возможной численности войска одного округа вполне очевидно (*Боровкова*, 1990. С. 5). Постоянное преувеличение цифр и использование выражений типа «сто тысяч воинов» как синонимов очень больших значений характерно и для других глав «Ши цзи» (*Вяткин Р.*, 2002. С. 24–25).

сведений о разгроме племен на северных границах этого княжества. Если принять такую датировку (полностью противоречащую данным как 43-й, так и 81-й глав), то получается, что Ли Му, еще не будучи назначенным чжаоским полководцем, на протяжении десятилетий уже командовал войсками Чжао.

Как показано выше, помимо 81-й главы противостояние Ли Му с кочевыми племенами на северных границах Чжао и его победы над ними упомянуты в нескольких главах «Ши цзи». Поэтому можно допустить, что эти события, хотя и изложенные в легендарной форме, действительно имели место. Однако сюнну как противники полководца названы только в явно интерполированной части 81-й главы. Напомним, что в других главах, где упомянут Ли Му, в том числе и в истории княжества Чжао (43-я глава), каких-либо сведений о них нет. Отмеченное обстоятельство не дает оснований считать, что противниками полководца во второй половине III в. до н. э. были именно сюнну. Скорее всего, в интерполированном в 81-ю главу «Ши цзи» сюжете о Ли Му это наименование было использовано в качестве типичного для эпохи Хань общего обозначения северных кочевых племен.

Сведения о сюнну доциньского времени в «Чжаньго цэ» и «Шо юань». Сюн Цуньжуй и вслед за ним А. Ковалев отметили, что наименование «сюнну» в связи с событиями доциньской эпохи встречается и в двух других, помимо «Ши цзи», сочинениях, которые на основе источников более раннего времени составил известный компилятор Лю Сян в середине I в. до н. э. (Сюн Цуньжуй, 1983. С. 112; Ковалев, 2002. С. 153). Так, в «Чжаньго цэ» (Планы сражающихся царств) излагается эпизод с бегством одного из циньских военачальников, Фань Юй-Ци, в княжество Янь. Чтобы избежать неминуемого нападения Цинь, советники наследника яньского престола убеждали его отправить Фаня к сюнну и объединиться с другими княжествами, чтобы избежать циньской угрозы. В тексте этого отрывка упоминаются сюнну, а также использован термин «шаньюй» (Crumphorn, 1973. P. 553). Данный эпизод не может быть датирован позднее 226 г. до н. э., когда наследнику яньского престола в угоду правителю Цинь отрубили голову (Сюн Цуньжуй относит его к 228 г. до н. э.; 1983. С. 111; см. также Ковалев, 2002. С. 159). Такая датировка эпизода как будто дает основание считать сюнну субъектом исторических событий

еще до образования империи Цинь. Однако такое заключение вряд ли оправдано. «Планы...» составлены Лю Сяном в середине I в. до н. э. действительно на основании источников более раннего времени, но для данного случая этот «ранний» источник «Ши цзи». Исследователи, рассматривавшие эпизод с Фань Юй-ци в «Чжаньго цэ», не учли, что десятилетиями ранее он уже был изложен в 86-й главе сочинения Сыма Цяня («Жизнеописания мстителей»; *Сыма Цянь*, 2002. С. 38) и поэтому практически полностью повторяется в «Чжаньго цэ». Вполне очевидно, что компилятор этого сочинения Лю Сян при описании эпизода использовал текст Сыма Цяня, который наименование «сюнну» неоднократно применял как типичное для ханьского времени собирательное обозначение кочевников.

В другом сочинении Лю Сяна «Шо юань» (Сад изъяснений, или Сад сказаний, представляющем собой собрание различных историй периода Чжаньго и ранней Хань) упомянуты сюнну, которые атакуют племя лоуфань. Эта фраза вписана в контекст беседы правителя владения Янь Чжао-вана и его советника, что позволяет датировать эпизод концом IV в. до н. э. (Сюн Цуньжуй, 1983. С. 112; Ковалев, 2002. С. 105). Однако использование здесь наименования сюнну также вызывает определенные сомнения. Вполне возможно, что то же самое нападение на лоуфаней зафиксировано помимо «Шоюань» и в тексте другого источника, составленного Лю Сяном «Чжаньго цэ»: «Хусцы напали на несколько яньских уездов лоуфаней, угнали их быков и лошадей...» (Васильев К., 1968. С. 211).

Как видно, напавшие на лоуфаней в тексте этого сочинения названы «ху», т. е. использовано собирательное понятие для кочевников на северных границах китайских княжеств, не имеющее конкретного этнического содержания. Скорее всего, как собирательное понятие, типичное для ханьского времени, наименование сюнну было использовано и в тексте «Шоюань». Добавим, что если сюнну (как отдельное племя) в это время представляли бы собой реальную силу и могли действительно атаковать яньские уезды, то неясно, почему эти события не нашли отражения, как показано выше, ни в истории Янь (34-я глава «Ши цзи»), ни в хронологических таблицах событий в этом княжестве (глава 15-я «Ши цзи»).

Сюнну в контексте событий циньского времени (221–207 гг. до н. э.). Ордосская гипотеза. Систематическое упоминание сюнну в «Ши цзи» начинается лишь в связи с событиями эпохи империи Цинь (221–207 гг. до н. э.). Первое из них – поход полководца Мэн Тяня в 215 г. до н. э. на север, когда из района плато Ордос в северной излучине Хуанхэ (земли «хэнань», т. е. к югу от реки) были вытеснены обитавшие там скотоводческие племена. Две фразы в тексте «Ши цзи» как будто дают основание считать, что эти племена были именно сюнну. В 6-й главе (Основные записи о первом императоре Цинь) говорится, что: император «на северо-западе вытеснил и прогнал сюнну» (Сыма Цянь, 2003. С. 75). В 110-й главе («Сюнну лечжуань») сообщается, что: «В это время дунху были сильны, юечжи достигли расцвета, шаньюем сюнну был Тоумань. Тоумань не смог противостоять Цинь и переселился на север» (Сыма Цянь, 2002. С. 327). Исходный район кочевий Тоуманя, как видно, в данном тексте не назван. Однако далее в главе говорится, что после смерти Цинь Шихуана и начавшейся смуты «сюнну, почувствовав себя вольготно, снова переправились на южный берег Хуанхэ и стали соседствовать со Средним государством по прежней укрепленной пограничной линии» (Там же.).

Цитированные выше фрагменты текста «Ши цзи» лежат в основе широко распространенной гипотезы о раннем этапе истории сюнну, которую условно можно назвать «ордосской гипотезой». Она подразумевает, что в конце эпохи Чжаньго сюнну уже обитали в Ордосе, были вытеснены на север при Цинь Шихуане и вернулись сюда после падения Цинь. Согласно этой гипотезе, именно из Ордоса при шаньюе Маодуне (Модуне), убившем отца и захватившем власть, сюнну начали свою экспансию в азиатские степи (Таскин, 1968. С. 127, примеч. 74, 76).

Подобная трактовка сведений «Ши цзи» служит и основанием для сюннуской атрибуции позднескифских археологических памятников Ордоса и прилегающих к нему районов левобережья Хуанхэ. В инвентаре этих памятников часто встречаются бронзовые кинжалы и другие изделия, своими типологическими особенностями связанные с культурными традициями эпохи бронзы. Такие археологические материалы, как и цитированные выше фрагменты «Сюнну лечжуань», явились поводом, чтобы рассматривать культуру населения Ордоса эпохи бронзы и

скифского времени как ранние этапы развития культуры сюнну (Тянь Гуаньцзинь, 1983; Тянь Гуаньцзинь, Го Сусинь, 1986). По существу эта гипотеза является современной модификацией рассмотренной выше версии о связи сяньюней и сюнну, более конкретно очерчивая район гипотетической сюннуской прародины, и подводит под эту версию археологическую базу. Чтобы оценить обоснованность «ордосской гипотезы», рассмотрим интересующие нас сведения «Ши цзи» подробнее.

«Северный поход», согласно тексту 6-й главы, был инициирован на основании неправильно истолкованного предсказания гадателя. Фразу «погубит Цинь ху» император понял как указание на опасность, исходившую от северных соседей Цинь, и тогда «...Ши-хуан послал военачальника Мэн Тяня на север с трехсоттысячной армией для нападения на [племена] ху. В результате [войска] захватили земли Хэнани» (Сыма Цянь, 2003. С. 75 и коммент. 126). На самом деле в предсказании якобы имелся в виду сын императора Ху Хай, имя которого пишется тем же иероглифом (胡), что и собирательное название племен «ху». Современные исследователи считают, что такая интерпретация гадания возникла позднее и принадлежала хронистам, уже знавшим о падении Цинь (Кроль, 1970. С. 366–367). Однако реальность эпизода для рассматриваемой нами темы не имеет значения. Ни подобная трактовка прорицания, ни формирование легенды о нем были бы невозможны, если бы ко времени похода Мэн Тяня обитавшие в Хэнанди-Ордосе племена отождествлялись в общественном сознании той эпохи с сюнну.

В связи с этим показательны высказывания ближайших сподвижников Цинь Ши-хуана. Так, Чжоу Цин-чэнь, «командир лучников», в 213 г. до н. э., выступая после «северного похода» перед императором, сказал: «земли между морями усмирены и успокоены, [племена] мань и и изгнаны...» (Сыма Цянь, 2003. С. 75). Первый советник Цинь Ши-хуана, Ли Сы, заключенный в тюрьму после смерти императора, перечисляя собственные заслуги, говорит: «...на севере изгнаны племена варваров ху и мо, на юге покорены все юэ...» (Сыма Цянь, 2002. С. 68). Это высказывание может быть датировано 208 г. до н. э. (через год после захвата власти знаменитым шаньюем сюнну Маодунем), когда Ли Сы после недолгого заключения был казнен (Там же. С. 69).

Как видно, в высказываниях непосредственных участников тех событий нет никаких упоминаний о сюнну.

Добавим, что в «письме» Ли Сы наряду с изгнанными из Ордоса ху упомянуты и племена мо (獠), обитавшие на северо-восточных границах Китая⁴. Именно с ними, по сведениям Сыма Цяня, при Маодуне граничили владения сюнну на востоке (Там же. С. 329). Поэтому цитированный выше фрагмент 110-й главы о «переселении» сюнну (где, напомним, не назван исходный район кочевий Тоуманя) также не дает никаких оснований считать, что ко времени похода Мэн Тяня сюнну обитали в Ордосе.

Отметим далее противоречия в наименовании племен, «вытесненных» империей Цинь из Ордоса. Выше отмечалось, что военная кампания на северных границах империи, по данным 6-й главы, началась против племен «ху». Так же население Ордоса названо и в 110-й главе: «Шихуанди приказал Мэн Тяню во главе сотысячного войска выступить на севере против ху, полностью овладеть землями хэнань», однако далее сообщается, что на север вынуждены были переселиться сюнну (Там же. С. 327). Непосредственные участники событий называют эти «вытесненные» племена «мань и и» (Чжоу Цинчэнь) или «ху и мо» (Ли Сы). В тексте 6-й главы, как отмечалось, противниками Цинь названы сюнну, однако далее в той же главе под 214 г. до н. э. это «вытесненное» население уже названо «жунами»: «На северо-западе Ши-хуан вытеснил и прогнал [племена] сюнну. От Юйчжуна вдоль реки Хуанхэ на восток и вплоть до гор Иньшань [он] учредил тридцать (сорок) четыре уезда, построил стену вдоль Хуанхэ в качестве заслона. Снова послал Мэн Тяня перейти [с войсками] Хуанхэ; [Мэн Тянь] занял Гаоцюэ, Тао Яншань и Бэйцзя, где соорудил заставы и вышки, чтобы отгонять жунов» (Сыма Цянь, 2003. С. 75). Переход циньских войск через Хуанхэ и упоминание горного прохода Гаоцюэ показывает, что речь идет о северо-западной части Ордоса, откуда годом ранее были якобы вытеснены сюнну. Для дальнейшего анализа текста важно отметить, что линия пограничных укреплений, судя по географическим ориентирам, была создана на левобережье Хуанхэ.

В 15-й главе «Ши цзи» (Хронологические таблицы) в записи об тех же событиях 214 г. до н. э. население Ордоса также названо «жуны»: «На северо-западе, на захваченных у жунов землях, создал <44> 34 уезда» (Сыма Цянь, 1984. С. 318). В биографии Мэн Тяня его противниками в Ордосе названы жуны и ди: «Когда Цинь объединило всю Поднебесную, Мэн Тянь во главе трехсоттысячной армии на севере оттеснил племена жунов [и] ди» (Сыма Цянь, 2002. С. 72). Однако в 6-й главе (см. выше) этот же поход трехсоттысячной армии был направлен против «ху».

Как видно, в источниках, использованных Сыма Цянем при составлении «Ши цзи», население Ордоса в эпоху Цинь именовалось различными собирательными терминами. Очевидно, однократное упоминание сюнну в 6-й главе также использовано как собирательный образ скотоводческих племен на северных границах империи, не имеющий конкретного этнического содержания (что часто встречается и в других главах сочинения Сыма Цяня). Приведенные выше сведения не дают оснований рассматривать Ордос (хэнаньди, земли к югу от реки) как район кочевий сюнну в эпоху Цинь. Такой вывод подтверждается и анализом дальнейших событий, изложенных в «Ши цзи».

Сюнну после падения Цинь. После смерти Цинь Шихуана в Китае началось антицинское восстание, завершившееся убийством сыновей императора и падением династии Цинь. В ходе последовавшей четырехлетней гражданской войны власть захватил выходец из крестьян Лю Бан, под именем Гао-ди основавший династию Хань. О событиях сюннуской истории этого периода Сыма Цянь в «Сюнну лэцжуань» сообщает так.

«Мэн Тянь умер, чжухоу восстали против Цинь, в Срединном государстве была смута. Сюнну почувствовали свободу, постепенно переправились на южный берег реки и стали снова граничить с Срединным государством по прежней укрепленной пограничной линии. У шаньюя был старший сын наследник по имени Маодунь». (Сыма Цянь, 2002. С. 327). Далее излагается широко известная легенда об отправке Маодуня заложником к племенам юечжи, его возвращении, подготовке к убийству отца и захвату власти. «Он выпустил свистящую стрелу в Тоуманя, и все его приближенные тоже выстрелили... и убили шаньюя Тоуманя. Затем

⁴ Племена мо (или мэ) относят к предкам современных корейцев (Бутин, 1982. С. 301).

[Маодунь]... объявил себя шаньюем» (Там же. С. 328).

Захватив власть, Маодунь вступил в конфликт из-за пограничной земли со своими восточными соседями дунху и разгромил их. После этого он «напал на юечжи и прогнал их, на юге присоединил земли хэнань, принадлежавшие правителям лоуфаней и байян, вторгся в Янь и Дай, полностью вернул земли, отобранные Мэн Тянем по приказу Цинь, установил с Хань границу по прежней укрепленной линии к югу от реки до Чжаона и Фуши, после чего стал вторгаться в Янь и Дай. В это время ханьские войска боролись с Сян Юем, что позволило Маодуню очень усилиться» (Таскин, 1968. С. 39).

Содержание рассматриваемых фрагментов показывает как будто, что события, связанные с захватом власти Маодунем, протекали в Ордосе, поскольку перед этим говорится о возвращении сюнну при Тоумане. Однако столь широко распространенную трактовку текста 110-й главы, подтверждающую, казалось бы, «ордосскую гипотезу», не позволяют принять как хронологию этих событий, так и серьезные противоречия с последующим текстом «Сюнну лечжуань».

Восстановим прежде всего даты основных событий, последовательно упомянутых в цитированных выше фрагментах: 1) смерть Мэн Тяня, 2) антицинское восстание и «смута» в Среднем государстве, 3) «возвращение» сюнну в Ордос, 4) убийство Тоуманя и приход к власти Маодуня.

1. Мэн Тянь покончил с собой (или был казнен) после смерти Цинь Шихуана, на первом году правления его сына Ху Хая (императора Эр-ши) в 209 г. до н. э. (Сыма Цянь, 2002. С. 77).

2. «Смута», о которой пишет Сыма Цянь, фактически началась восстанием Чэнь Шэня и У Гуана в августе 209 г. до н. э., однако ни тот ни другой не имели ранга «чжухоу» (владельческий князь). Локальные восстания знати начались несколько позднее, постепенно нарастали и к лету 207 г. до н. э. завершились убийством Эр-ши и наследовавшего ему Цзы Ина (Сыма Цянь, 2003. С. 52, 91–98; Переломов, 1962). Таким образом «смута» и восстание чжухоу в целом могут быть отнесены к периоду 209–207 гг. до н. э.

3. «Возвращение» сюнну в Ордос, следовательно, могло произойти только после этого периода, после 209–207 гг. до н. э. (более вероятно, после 207 г.). Затем лишь, согласно тексту 110-й главы, последовала отправка Маодуня в

заложники, его возвращение, вражда Тоуманя с сыном, убийство Тоуманя и приход к власти Маодуня.

4. Дату прихода к власти Маодуня Сыма Цянь прямо не называет. Комментаторская традиция, начиная с Сюй Гуана (352–425 гг.), относит это событие к первому году правления Эр-ши (конец 210–конец 209 г. до н. э.; см. также Таскин, 1968. С. 133, примеч. 97), т. е. к тому же времени, когда умер Мэн Тянь. Эта дата, видимо, соответствует действительности, поскольку хорошо согласуется с дальнейшим сообщением Сыма Цяня: первый этап завоеваний Маодуня пришелся на 206–202 гг. до н. э., «когда ханьские войска боролись с Сян Юем», а перед этим Маодунь уже несколько лет находился у власти.

Таким образом, последовательность событий в рассматриваемых фрагментах 110-й главы не соответствует их хронологии: после слов «Мэн Тянь умер» действие развивается уже при шаньюе Маодуне начиная с 209 г. до н. э. Поэтому анализируемые события, якобы случившиеся после «возвращения» сюнну в Ордос («у шаньюя был наследник престола по имени Маодунь», отсылка Маодуня к юечжи, его возвращение и убийство Тоуманя), следует рассматривать ретроспективно. Действие здесь происходит в период 215–209 гг. до н. э., когда Тоумань был еще жив, и происходит вне района Ордоса. Следовательно, регион, в котором Маодунь захватил власть и откуда начал свои завоевательные походы, также располагался вне Ордоса, куда сюнну якобы вернулись позднее.

Однако анализируемый текст «Сюнну лечжуань» позволяет усомниться в реальности этого «возвращения». Отметим, прежде всего, явное противоречие между сообщением о «возвращении» в Ордос сюнну, восстановлении границы по прежней укрепленной линии (судя по тексту, в период 209–207 гг. до н. э.) и присоединении Маодунем земель хэнань, принадлежавших правителям лоуфаней и байян в период 206–202 гг. до н. э. По тексту 110-й главы получается, что сюнну сначала возвращаются в хэнаньди-Ордос, а затем завоевывают этот же район, где уже обитают племена лоуфань и байян. При этом остается неясным, как и когда эти племена, которые подчинил Маодунь, попали в Ордос после падения Цинь, если туда ранее уже вернулись сюнну.

Л. Боровкова предложила трактовать эти сообщения как описание «возвращения» в Ордос разных племен. По ее мнению, в северо-вос-

точную часть Ордоса могли вернуться лоуфани, а в северо-западную – сюнну (*Боровкова*, 1990. С. 5). Однако этому противоречат следующие сведения «Ши цзи».

1. Выше уже отмечалось, что во время походов Мэн Тяня изгнанные им несколькими годами ранее из северо-запада Ордоса племена названы жунами.

2. Если допустить «возвращение» сюнну на северо-запад «земель Хэнань», то их восточными соседями становятся лоуфань-байян, тогда как согласно тексту 110-й главы соседями сюнну на востоке были дунху (восточные ху), конфликт с которыми послужил началом завоеваний Маодуня. Однако район обитания этих племен локализуется далеко от Ордоса, на границах княжества Янь.

3. Спустя 100 лет ханьский полководец Вэй Цин, выступив в поход и пройдя вдоль левого берега Хуанхэ, «*достиг Гаоцюэ, после чего занял земли к югу от Хуанхэ, ... обратил в бегство вождей племен байян и лоуфань*» (*Сыма Цянь*, 2010. С. 28–29). Упоминание в данном тексте горного прохода Гаоцюэ показывает, что речь идет в том числе и о северо-западной части Ордоса, откуда были вытеснены не сюнну, а байян и лоуфань (см. подробнее ниже).

На взгляд автора, наиболее приемлемое решение этого противоречия возможно, если допустить, что в тексте, отмечающем возвращение «сюнну» в хэнаньди-Ордос после падения Цинь, это племенное наименование использовано лишь в качестве типичного для ханьской эпохи собирательного обозначения скотоводческих племен, что уже отмечалось выше. В действительности хэнаньди-Ордос после падения Цинь заняли другие племена, лоуфань и байян, через несколько лет оказавшиеся под властью сюнну (*Миняев*, 1990; 1991). Это предположение подтверждается и анализом событий начальных лет правления ханьской династии.

Сюнну в начале Западной Хань. Для новой династии Хань, утвердившейся в 202 г. до н. э. после периода междоусобных войн, мощное объединение кочевников на границах империи представляло первостепенную угрозу. Попытка ослабить своих северных соседей путем активных военных действий окончилась провалом: основатель династии Гао-ди попал в окружение у горы Байдэн под г. Пинчэн. Войско кочевников в 400 000 человек, окруживших императора и его авангард, возглавлял лично Маодунь (*Сы-*

ма Цянь, 2002. С. 331). Названная численность всадников, скорее всего, в источнике преувеличена, но в любом случае очевидно, что ханьской армии противостояли не только сюнну, а возглавляемое ими объединение различных племен. Не случайно в различных главах «Ши цзи», упоминающих этот эпизод, войско Маодуня названо собирательным термином «ху» (Там же. С. 132, 159).

После нескольких дней осады проход в окружении был открыт и император получил возможность соединиться с основными силами армии. Гао-ди отвел войска и с сюнну был заключен мир, «основанный на родстве» (хэ цинь). Детали этого соглашения и его последствия для отношений сторон неоднократно анализировались в литературе (*Кроль*, 1989; *Di Cosmo*, 2002). Для затронутой нами темы принципиальное значение имеют географические ориентиры, упомянутые в связи с этими событиями, так как позволяют восстановить направление движения ханьской армии.

Непосредственным поводом для выступления императорских войск была измена одного из сподвижников Гао-ди Хань Синя, сдавшего уездный город Май в верховьях реки Чжишуй (современный г. Шосянь на севере провинции Шаньси; *Сыма Цянь*, 2002. С. 396, примеч. 128). После этого сюннская конница, захватив Май и перейдя горы Гоучжу, достигла Цзиньяна (к юго-западу от современного г. Тайюань в провинции Шаньси). Гао-ди, выступив, очевидно, из своей новой столицы Чанани, повел армию на северо-восток, навстречу вторгнувшимся сюнну. Достигнув Тайюаня и поддавшись на хитрость Маодуня, он преследовал его армию до Пинчэна (восточнее современного г. Датун), где и был окружен.

Как видно, целью похода ханьской армии был вовсе не Ордос, куда несколькими годами ранее якобы вернулись сюнну, и Маодунь поджидал войско Гао-ди не в землях хэнань, а к северо-востоку от Хуанхэ «в долинах области Дай» (Там же. С. 132). В Ордосе в это время кочевали лоуфань-байян, о чем свидетельствует доклад Лю Цина, советника первого ханьского императора Гао-ди, ездившего в 200 г. до н. э. к сюнну заключить «договор о мире, основанный на родстве». Лю Цин доложил государю после поездки: «*Князья сюннских племен байян и лоуфань кочуют к югу от Хуанхэ, ближайшие из них находятся в семистах ли от Чаньани...*

К северу от вас близко хуские разбойники... Я хотел бы предложить вам переселить в Гуаньчжун... видных людей и известные семьи. В спокойное время их можно использовать для защиты от хусцев...» (Там же. С. 197).

Доклад Лю Цзина – это свидетельство очевидца. Он, как несколькими годами ранее и Ли Сы, не упоминает о сюнну в Ордосе. В его докладе население района «хэнань» названо собирательным термином «ху» и, более конкретно, – лоуфань и байян.⁵ Эти племена кочуют именно в том районе (к югу от реки, в 700 ли севернее ханьской столицы Чанань), откуда Мэн Тянь в ходе своих походов вытеснил ху, жунов, или согласно тексту 110-й главы – сюнну.

Плато Ордос в излучине Хуанхэ и прилегающие к нему с востока районы были, видимо, районом исконных кочевий лоуфаней. Еще во времена циньского Му-гуна (659–621 гг. до н. э.) они упоминаются в составе жунских племен, живших к северу от княжества Цзинь (*Сыма Цянь*, 2010. С. 325). Здесь же они упоминаются и позднее, когда земли Цзинь были включены в состав княжества Чжао. Именно лоуфаням, заимствовав у них тактику действий легкой конницы, нанес поражение правитель Чжао Улинван в 306 г. до н. э. (*Сыма Цянь*, 2002. С. 326). Войдя в состав созданного Маодунем племенного объединения, лоуфани обитали в Ордосе вплоть до эпохи императора У-ди. Они были вытеснены оттуда ханьским полководцем Вэй Циню только в конце II в. до н. э. во время ожесточенных войн с сюнну. Об этом свидетельствует текст 111-й главы «Ши цзи»: «...[Вэй] Циню было приказано выступить из области Юньчжун на запад. [Цин] достиг Гаоцюэ, после чего занял земли к югу от Хуанхэ, достигнув [области] Лунси; захватил несколько тысяч человек и несколько сотен тысяч голов домашнего скота; обратил в бегство вождей племен байян и лоуфань. Затем на землях к югу от Хуанхэ была создана область Шофан» (*Сыма Цянь*, 2010. С. 28–29).

Перечисленные выше сведения делают вполне вероятным предположение, что именно лоуфаней (относимых, напомним, к жунским пле-

менам) Мэн Тянь вытеснил из Ордоса в 215–214 гг. до н. э., и именно лоуфани вернулись в земли к югу от реки после падения Цинь.

В связи с анализом «ордосской гипотезы» заслуживает внимания также конфликт между Хань и сюнну в 177 г. до н. э., при императоре Вэнь-ди. «Сюннский правый сяньван вторгся в земли, лежащие к югу от Хуанхэ, и поселился там, нападая оттуда на Шанцзюнь, [на стоявшие там] укрепленные пункты, [на племена] мань и и, грабя, убивая и захватывая в плен население. Тогда Вэнь-ди повелел... выступить в Гаону и нанести удар по правому сяньвану. Правый сяньван отошел за укрепленную линию» (*Сыма Цянь*, 2002. С. 333). Этот инцидент повлек даже извинения Маодуня перед ханьским двором, а правый сяньван (третье лицо в сюннской иерархии после шаньюя и левого сяньвана наследника престола) в наказание якобы был отправлен «на запад на войну против юечжи» (Там же. С. 332–333).

Отметим в связи с цитированным фрагментом следующее. Во-первых, данный конфликт не мог случиться, если бы сюнну действительно вернулись на свои исконные земли в Ордос и владели ими в 177 г. до н. э. Во-вторых, население «земель хэнань» противопоставлено собственно племени сюнну (правый сяньван несомненно был одним из родственников Маодуня), оно названо мань и и, т. е. тем же трафаретным термином, что и в эпоху Цинь (см. выше высказывание Чжоу Цинь-чэня). В-третьих, вторжение сюнну в земли «к югу от реки» и затем отход за линию пограничных укреплений показывает, что эта линия границы между Хань и сюнну располагалась вне Ордоса, вероятно, на том же левобережье Хуанхэ, где была сооружена еще при Мэн Тяне.

Заключение. Совокупность данных современных исторических дисциплин показывает, что на периферии древнего Китая во II–I тыс. до н. э. обитали различные племена, отличающиеся в расовом и культурном отношении (*Крюков М. и др.*, 1978. С. 174). Некитайское население северной части ойкумены фигурирует в письменных источниках под разными названиями – гуйфаны, сяньюни, ди, жуны, ху и т. д. При этом часто используются дополнения к конкретному наименованию: ицойские жуны, сижуну, шаньжуны; чиди, байди; линьху, дунху и т. д. В «Сюнну лечжуань» упоминаются более 100 племен жунов, причем к ним причислено и одно

⁵ Эти названия часто встречаются вместе. Возможно, в источниках речь идет об одном племени, где лоуфань – самоназвание (в китайском языке оно не осмысливается), а байян (белый баран) – экзоэтноним, отражающий тотемистические представления лоуфаней.

из племен ху – линьху, лесные ху (*Сыма Цянь*, 2002. С. 325).

Наименование одного и того же племени часто встречается в связи с разными событиями и разными географическими ориентирами. С другой стороны, при описании одних и тех же событий в разных источниках субъектами действия являются разные племена. Произвольное и вне географического контекста использование наименований таких племен зафиксировано как для ранних письменных памятниках эпохи Чжоу (примеры приведены Ван Говэем и рассматривались выше), так и для более поздних исторических хроник, в том числе и для «Записей историка» Сыма Цяня.

Отмеченные обстоятельства показывают, что древние хронисты сознавали этнокультурные различия между некитайскими племенами ойкумены, но не располагали достаточной информацией для идентификации этих племен под самоназваниями и использовали такие наименования в собирательном значении, как экзоэтнонимы. Характерным примером является фрагмент известного конфуцианского трактата «Ли цзи» (Записи о ритуале), образно отражающий известную древнекитайскую модель мира: «Срединное государство и варвары четырех сторон света». В главе «Минтан вэй» этого трактата изложены правила размещения на аудиенции у правителя в зависимости от знатности присутствующих. Для различного некитайского населения каждого пространственного ареала здесь использовано только одно наименование: «девять владений и за восточными воротами, лицом к западу, ...восемь владений мань за южными воротами, лицом к северу, ...шесть владений жун за западными воротами, лицом к востоку, пять владений ди за северными воротами, лицом к югу...».⁶

⁶九夷之國，東門之外，西面北上。八蠻之國，南門之外，北面東上。六戎之國，西門之外，東面南上。五狄之國，北門之外，南面東上。В переводе Д. Легга: «The chiefs of the nine I were outside the eastern door, with their faces to the west, inclining to the north as the position of honour; those of the eight Man were outside the door on the south, with their faces to the north, inclining for the same reason to the east; those of the six Zung were outside the door on the west, with their faces to the east, inclining for the same reason to the south; and those of the five Ti were outside the door on the north, with their faces to the south, inclining for the same reason to the east» (*Legg*, 1885. P. 30).

Использование одинаковых названий для представителей нескольких владений (девять и, восемь мань и т. д.) наглядно показывает собирательное значение таких наименований. При этом предписанное в каноне соотношение «варваров» со сторонами света в источниках соблюдалось далеко не всегда. Так, племена пространственной части севера в «Ли цзи» фигурируют как «ди», а южной части – как «мань». В действительности, как отмечалось выше, для «варваров севера» имелось множество значений. С другой стороны, стандартное сочетание «мань-и» которое согласно «Ли цзи» должно обозначать племена юга и востока, неоднократно встречается в применении и к некитайским племенам севера.⁷

Несомненно, предки сюнну в составе близких по культуре скотоводческих племен уже в I тыс. до н. э обитали на северных границах древнекитайских княжеств. Однако подлинные исторические тексты, такие как надписи на бронзовых сосудах периода Западного Чжоу или бамбуковых планках периода Чжаньго и Цинь, не содержат каких-либо сведений об этом племени. Вплоть до событий начала эпохи Хань (конец III в. до н. э.) нет достоверных сведений о сюнну и в дошедших до нас копиях древних письменных памятников. Версия о Шуньвэе явно надумана, а единичные упоминания в «Ши цзи» в связи с событиями доханьского времени являются либо интерполяцией (борьба Ли Му с «сюнну»; *Миняев*, 2014), либо использованием в собирательном значении наряду с наименованием «ху» «варвары севера», что неоднократно встречается в «Исторических записках».

Вероятно, впервые о существовании сюнну в Китае узнали лишь в конце III в. до н. э., скорее всего, в 201 г. во время неудачной для империи «осаде под Пинчэном», когда основатель династии Хань Гао-ди попал в засаду. К этому времени усилившиеся сюнну во главе с Маодунем уже возглавляли объединение различных племен и стали реальной угрозой новой династии.⁸ Во-

⁷ Примером служат рассмотренные выше высказывание Чжоу Цинь-чэна после «северного похода» (*мань и и изгнаны*) или инцидент с вторжением в Ордос сюннского правого сянь-вана (*вторгся в земли к югу от Хуанхэ, нападая оттуда... на [на племена] мань и и*).

⁸ Численность кочевников в 400 тысяч в данном эпизоде (*Сыма Цянь*, 2002. С. 331), скорее всего, преувеличена, но в любом случае очевидно, что силами одного племени выставить войско в несколько сот тысяч вряд ли возможно.

енные успехи этого объединения, подчинившего вскоре огромные пространства Центральной Азии, привели в общественном сознании того времени к восприятию наименования «сюнну» (изначально, возможно, самоназвание правящей элиты) в собирательное понятие для обозначения всего населения этого объединения. Для историков ханьской и последующих эпох «сюнну» становится обобщающим названием для северных племен, не имевших этнической конкретности. Оно имело столь же нарицательный смысл, как «жуны», «ди», «ху» и т. д. для хронистов более раннего времени. В различных главах «Ши цзи» наименование «сюнну» часто встречается как синоним «ху» собирательного обозначения кочевников.

Отсутствие в письменных памятниках достоверных упоминаний о сюнну вплоть до начальных лет ханьской династии показывает, что хронисты предшествующих эпох (Чжоу и Цинь) не располагали достоверными сведениями для выделения их из среды остальных кочевников. Можно предполагать, что ранний период истории сюнну протекал вне поля зрения древнекитайских историографов⁹ и сведения письменных памятников не позволяют поэтому достоверно локализовать первоначальные районы их обитания. Ордосская гипотеза, в силу рассмотренных выше противоречий, должна быть снята, а косвенных свидетельств в пользу расположения исходных кочевий высшей сюннуской знати на северных границах бывших царств Янь и Чжао (см. подробнее *Миняев, 2007. С. 81*) явно недостаточно для разработки проблемы сюннуской «прародины».

Рассмотренные выше обстоятельства показывают, что сведения письменных источников не могут служить надежной основой для реконструкции раннего этапа истории сюнну. Учитывая, что имеющиеся сейчас данные антропологии, палеогенетики и лингвистики также весьма противоречивы, решающее значение для разработки данной проблемы приобретают археологические материалы.

Боровкова, 1990 – Боровкова Л. А. Когда и где сюнну вышли на историческую арену // XXI науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1990. Ч. 2.

Бутин, 1982 – Бутин Ю. М. Древний Чосон (историко-археологический очерк). Новосибирск, 1982.

⁹ Косвенно об этом же свидетельствуют и данные палеолингвистики (*Pulleyblank, 1983. P. 449*).

Ван Говэй, 1927 – Ван Говэй. Гуйфан, куньи, сяньюнь као (Исследование о племенах гуйфан, куньи, сяньюнь) // Гуаньтан цзинь. Бэйцзин, 1927. Т. 2 (на кит. яз.).

Васильев К., 1961 – Васильев К. В. Рец. на: Л. Н. Гумилев. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960 // ВДИ. 1961. № 2.

Васильев К., 1968 – Васильев К. В. Планы сражающихся царств. Исследования и переводы. М., 1968.

Васильев Л., 1995 – Васильев Л. С. Древний Китай. М., 1995. Т. 1.

Вяткин А., 2010 – Вяткин А. Р. Полный русский перевод «Исторических записок» (Ши цзи) Сыма Цяня: предварительные итоги // XL науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2010.

Вяткин Р., 1996 – Вяткин Р. В. Вступительная статья // *Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи)*. М., 1996. Т. 7.

Вяткин Р., 2001 – Вяткин Р. В. Основные записи как исторический источник // *Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи)*. М., 2001. Т. 1.

Вяткин Р., 2002 – Вяткин Р. В. Вступительная статья // *Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи)*. М., 2002. Т. 8.

Вяткин Р. и др., 2002 – Вяткин Р. В., Вяткин А. Р., Караетьянц А. М. Комментарии // *Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи)*. М., 2002. Т. 8.

Вяткин Р., Таскин, 2001 – Вяткин Р. В., Таскин В. С. Комментарии // *Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи)*. М., 2001. Т. 1.

Думан, 1962 – Думан Л. И. Рец. на: Л. Н. Гумилев. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., ИВЛ, 1960, 291 стр. // Народы Азии и Африки. М., 1962. № 3.

Ковалев, 2002 – Ковалев А. А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002.

Кроль, 1970 – Кроль Ю. Л. Сыма Цянь историк. М., 1970.

Кроль, 1989 – Кроль Ю. Л. Ханьский термин «хэ цинь» и связанные с ним представления // XX науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1989. Ч. 1.

Крюков В., 1985 – Крюков В. М. Военные походы в системе социальных отношений древнекитайского общества конца II–начала I-го тыс. до н. э. // XVI науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1985. Ч. 1.

Крюков М., 2001 – Крюков М. В. Сыма Цянь и его «Исторические записки» // *Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи)*. М., 2001. Т. 1.

Крюков М. и др., 1978 – Крюков М. В., Софронов М. В., Чебокаров Н. Н. Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978.

Миняев, 1990 – Миняев С. С. «Сюнну лянжуань» и проблема ранней истории сюнну // XXI науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1990. Ч. 2.

Миняев, 1991 – Миняев С. С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991.

Миняев, 1998 – Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998.

Миняев, 2001 – Миняев С. С. Сюннуский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии. Владивосток, 2001.

Миняев, 2007 – Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб., 2007.

Миняев, 2014 – Миняев С. С. Чжаоский полководец Ли Му и его борьба с «сюнну» // Записки ИИМК РАН. СПб., 2014. № 9.

Переломов, 1962 – Переломов Л. С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н. э.). М., 1962.

Сюн Цуньжуй, 1983 – Сюн Цуньжуй. Вопрос о сюнну в доцинское время // На передовой общественных наук, серия историческая (Шэхуй кэсюе чжаньсянь, лиши сюэ). 1983. № 1 (на кит. яз.).

Сыма Цянь, 1984 – Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). М., 1984. Т. 3.

Сыма Цянь, 1987 – Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). М., 1987. Т. 5.

- Сыма Цянь*, 1992 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). М., 1992. Т. 6.
- Сыма Цянь*, 1996 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). М., 1996. Т. 7.
- Сыма Цянь*, 2001 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). М., 2001. Т. 1.
- Сыма Цянь*, 2002 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). М., 2002. Т. 8.
- Сыма Цянь*, 2003 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). М., 2003. Т. 2.
- Сыма Цянь*, 2010 – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). М., 2010. Т. 9.
- Таскин*, 1968 – *Таскин В. С.* Предисловие, перевод и примечания // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. Вып. 1.
- Тянь Гуаньцзинь*, 1983 – *Тянь Гуаньцзинь*. Цзиньяньлай Нэймэнгу дишой ды сюнну каогу (Достижения археология сюнну во Внутренней Монголии за последние годы) // Каогу сюебао. 1983. № 1 (на кит. яз.).
- Тянь Гуаньцзинь*, *Го Сусинь*, 1986 – *Тянь Гуаньцзинь*, *Го Сусинь*. Оэрдосы ши цинтун ци (Ордосские бронзы). Бэйцзин, 1986 (на кит. яз.).
- Crump*, 1970 – *Crump Jr.* (trans.). Chan-Kuo Ts'c. Oxford, 1970.
- Di Cosmo*, 2002 – *Di Cosmo N.* Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History. Cambridge, 2002.
- Legg*, 1885 – *Legg J.* (trans.) The sacred books of China. The texts of Confucianism. Pt. IV: The Li Ki // M. Muller (ed.). The sacred books of the east. Oxford, 1885.
- Pulleyblank*, 1983 – *Pulleyblank E. G.* The Chinese and Their Neighbors in Prehistoric and Early Historic China // D. Keightley (ed.). The Origins of Chinese Civilization. University of California Press, 1983.

Written sources about the early history of Xiongnu

S. S. Miniaev

The problem of the early phase of the history of Xiongnu (prior to the time when, in the late 3rd century, they found themselves in the forefront of a powerful tribal alliance) until now remains arguable. This is due to essential controversies between archaeological evidence and available written sources. The information yielded by the latter seemingly indicates that the Xiongnu, as early as the 'Warring States' period (4th–3rd centuries BC), already occupied the northern borders of ancient Chinese principalities, then were ousted from there during the rule of the emperor Qin Shi Huang after the fall of the Qin dynasty they allegedly returned to their former territory. However, the reliable chronology of the Xiongnu archaeological sites is unable to date them before the late 2nd century BC whereas the area of distribution of these sites does not coincide with the geographic data mentioned in written sources concerning the events of the early Xiongnu history. In order to solve this contradiction, the present article analyzes in detail the information of the written documents mentioning Xiongnu during the 'Warring States' period and Qin dynasty as well as the first years of the rule of the Han dynasty.

Sources. The sources containing written information about herding tribes living at the borders of ancient China can be arbitrarily subdivided into two groups. The first one includes the genuine historical documents: inscriptions on bronze objects, fortune-telling dice, bamboo and wooden laths. Until the

epoch of the Western Han (202 BC – 8 AD), no mentions of the Xiongnu are found in these original historical documents.

The sources of the second group comprise the ancient written monuments in general. For our purpose, the main among them is the «Records of the Grand Historian» («Shiji» by Sima Qian) compiled at the turn from the 2nd to the 1st century BC. When consulting «Shiji» as a source for reconstruction of the history of Xiongnu (and not only Xiongnu), a number of important circumstances must be taken in account. The original of this work had been lost 109713140 ans of different times. Each of the copyists during his work and reconstruction of the lost fragments of the ancient texts often used ethnocultural concepts and standards of his time. As a result, along with accretion of numerous commentaries, the original text endured various additions, corrections and redactions not always grounded. Furthermore, the peculiarities of the ancient Chinese texts, where there was no punctuation, until now frequently produce alternative versions in translation of particular phrases or paragraphs. Modern researchers until present days debate the authenticity of many of the fragments and even entire chapters of «Shiji» and correctness of translation of particular parts of this text. The circumstances listed above must be specially considered in analysis of both the ancient historical text in general and the contents of the «Shiji» in particular.

Below the information of the «Historical Records» about the early history of Xiongnu is discussed in the chronological order.

The version about Shunwei. The main information on the Xiongnu in «Shiji» is concentrated in Chapter 110 – «Xiongnu Liezhuan» (Narration about Xiongnu). The structure of this chapter allows us to distinguish two parts within it. In the first part, information borrowed from earlier sources on the ancient pastoralist tribes in the eastern area of the steppe is presented. The second part tells about the well known events of the epoch of the Xiongnu 'Great Empire' (2nd–1st century BC) which began with the Xiongnu coming to power during the times of the shanyu Maodun (Modun). The connecting link between the two sections of the chapter is presented by its fragment telling about the events of the last decades of the 3rd century BC from the end of the Zhanguo epoch to the first years of the Han dynasty.

In the first part of Chapter 110, the Xiongnu are mentioned only once in the opening phrase of the chapter: «The forefather of Xiongnu with the name Shunwei (Chunwei) was a descendant of the kin Xia-Hou». This laconic phrase mentions the oldest known version on the origin of Xiongnu presented by the commentators of «Shiji». According to this legend, the last ruler from the 'Xia Clan', the tyrant Jie, having been defeated by Cheng Tang, the founder of the Yin dynasty, was banished to exile wherefrom he escaped and afterwards died in banishment. His sons of concubines from the tribe of Xunyu moved to the lands of the 'northern Barbarians' where they learned to breed livestock and wander with it. Exactly these descendents of 'Xia family' (Shunwei was one of them) from women of the barbarian tribe were afterwards called 'Xiongnu' in China. This name, in the opinion of the commentators, can be treated as the transformed 'Xunyu'.

We know nothing about sources earlier than «Shiji» mentioning this version. It is possible that the latter's formation took place during the Western Han period (2nd–1st centuries BC) when the Xiongnu were most successful in their struggle against the Empire. The version of the origin from a representative of the 'lawful' Chinese 'Xia dynasty' was very aptly explaining the military power and discipline of the Xiongnu while their descent from Xunyu accounted for their 'barbarian' character.

The version of Shunwei established in the Chinese historiography the subsequent stable notions

about Xunyu as the first forefathers of the Xiongnu. In this way historians and philologists of different epochs considered the origin of the Xiongnu, therefore this version survived in a practically unvaried form until the Modern period when it was adopted by many Chinese and European scholars.

The study of Wang Guowei. This commentary tradition of many centuries was analyzed in detail in the work by the prominent Chinese historian Wang Guowei. Having collected the tribal names of the northern neighbours of China during the Yin and Zhou epochs as they were preserved in written monuments and inscriptions on bronze objects, he attempted to reconstruct their ancient pronunciation and identify the regions inhabited by these peoples. In the course of these studies, he arrived to the conclusion that certain kindred tribes are mentioned under different names (Guifang, Xianyun, Rong, Di, Hu) in the periods under consideration. In the Han period, they all were known as Xiongnu. Wang Guowei concludes his recital with the words «Sima Qian evidently knew this fact when he wrote *Xiongnu Liezhuan*».

However, the extreme laconism in exposition of the version about Shunwei in the «Narration about Xiongnu» and the absence of any remarks in the text of this chapter on the part of Sima Qian himself suggest that the renowned historian knew extremely well what a huge time span separated the semi-legendary 'Xia' dynasty from the appearance of Xiongnu on the historical arena. In no way by chance, he stressed that in the early period of the history of Xiongnu «there is no possibility even to give a sequential account of the [early] history of their clans and forms of government». Except for the initial phrase about Shunwei, which was needed to Syma Qian manifestly as a formal link between the first and second parts of the chapter, the Xiongnu are not even once mentioned in the first part of «Xiongnu Liezhuan» while the Linhu, Rong, Hunyu and other northern non-Chinese peoples in the Asiatic steppe appear here rather just as forerunners than the ancestors of the Xiongnu. Enumerating these forerunners Sima Qian also names Xianyun (獫狁) and Hunyu (葷粥) as different tribes of the same series. Moreover, telling in the second part of the chapter under consideration about the raids of the chief of the Xiongnu Maodun, the author of «Shiji» includes also the tribes of Hunyu into the number of the peoples subjugated by him. This name is written in hieroglyphs (渾庾) differing

from Xianyun and Hunyu (獫狁 and 葷粥) mentioned in the first part, however, a manifest phonetic tie was established between them. This circumstance suggests that the descendents of Xianyun-Hunyu of the Bronze Age were other people than Xionggnu tribes and evidently unconnected with the processes of the Xionggnu ethnogenesis. The study by Wang Guowei, notwithstanding careful analysis of all of the data then available, contains a number of arguable statements and, moreover, the phonetic constructions of Wang Guowei are rejected by modern linguists. Reconstruction of the pronunciation of ancient tribal names demonstrates that there are no phonetic correspondences between 'Xianyun', 'Hunyu' and 'Xionggnu', telling nothing about their links with the collective name of 'Hu'. Moreover it is noted that according to phonetic data, Xionggnu first contacted the Chinese only in the 3rd century BC. The text of the first part of «Xionggnu Liezhuan» telling about interrelations between the ancient principalities of the Yin and Zhou dynasties and the neighbouring herding tribes thus contains no reliable evidence for reconstruction of the early stages of the history of Xionggnu.

Events of 318 BC. The earliest mentioning of Xionggnu (with the exception of the mythical Shunwei) in the text of the «Shiji» can be found in the 5th chapter – «Qin Benji» (Basic records about the house of Qin). They apparently participated in the campaign against the Kingdom of Qin: «The armies of the principalities of Han, Zhao, Wei, Yan and Qi, leading the troops of Xionggnu behind them, jointly attacked Qin». However, in the other chapters of «Shiji» dedicated to the history of the abovementioned five principalities (chapters 34, 43 and others), the Xionggnu are not mentioned even once including the passages relating to the events of 318 BC. Moreover, besides the «Shiji», the same episode concerning the campaign of 318 is related also in another source – «Zhanguo Ce» («Strategies of the Warring States»); however not Xionggnu but quite different tribes – Yiqu Rong – are here mentioned.

There are no mentions of Xionggnu in connection to the campaign of 318 BC in the chronological tables of events («Biao», Chapter 15 of «Shiji») telling about the history of the principalities under consideration during the Zhanguo period. Neither such mentions are found in the tables even concerning the Qin empire period (221–209 BC). Xionggnu are first mentioned under the year of 202 BC, the be-

ginning of the Han dynasty, as late as after the rise of Maodun's 'empire'. Hence it may be supposed that the name of 'Xionggnu' in the text of the 5th chapter in regard of 318 BC was either a later interpolation or was used by Sima Qian as a collective designation, common in his time, for stock-breeding tribes being devoid of a particular ethnocultural meaning.

«Three kingdoms were bordering with Xionggnu». The next mention of Xionggnu in «Shiji» in connection with the history of the pre-Qin period is dated from the mid-3rd century BC. In Chapter 110, Sima Qian informs that «during that period, among the seven warring kingdoms where people wore caps and belts [of the approbated type], three were bordering with Xionggnu. Afterwards, in the times of the Zhao general Li Mu, Xionggnu did not dare to make an incursion into the frontier lands of Zhao». Sima Qian does not directly name the kingdoms bordering with Xionggnu. The commentary tradition relates them with the kingdoms of Qin, Yan and Zhao indirectly mentioned by Sima Qian. The history of these principalities, which arose previously as appanages of Zhou, is found in a number of chronicles and documents of the pre-Han and early Han period. The contents of these texts allows us to make notion of the general ethno-political situation in the principalities under consideration during the Chunqiu and Zhanguo periods.

On the north, Qin neighbored with the Rong, Quanrong (Dog Rong), occasionally with the tribes of Di or Yi. The tribes of Hu and Mo became the northern neighbours of Zhao after the conquest of the principality of Dai in the mid-5th century BC, while after the division of the lands of the principality of Jin, «Zhao captured the lands of Dai and the region to the north of [the mountains] Gouzhu, whereas Wei gained the territory to the west of the Huanghe and the district of Shangjun so that they came to border the Rongs». It is of note that «the lands to the west of the Huanghe and the district of Shangjun» are on the Ordos Plateau and exactly its stock-breeding population was actually called Rong. In the late 4th century BC, already the Linhu and Loufan, and later Donghu, instead of Hu and Mo are named as the neighbours of Zhao in the North. Any mentions of Xionggnu in the history of the principality under consideration are completely absent up to its annexation by the kingdom of Qin in 222 BC.

As the northern neighbours of the principality of Yan, different tribes are listed over the first millen-

nium BC: in the beginning of Western Zhou, these were Man and Mo, in the mid-7th century BC Shanrong, in the Zhanguo period, the Donghu and Hu against whom «the principality of Yan... was building a long [defensive] wall» (Сыма Цянь, 2002. С. 326). As in the case of the Zhao Kingdom, Xiongnu are not mentioned even once in the description of the major events in the principality of Yan.

Summarizing, the mention of the three kingdoms which allegedly had a border with the Xiongnu during the Zhanguo epoch according to the 110th chapter is in no way confirmed by information from the above considered chapters of «Shiji» telling about the history of these kingdoms nor by records in the chronological tables about the events taking place there.

Fight of Li Mu against the 'Xiongnu'. The next mention about Xiongnu related chronologically to the events of the Zhanguo period is presented in «Shiji» by the tale of the Zhao general Li Mu fighting with them. These events are briefly mentioned by Sima Qian in the 110th chapter of «Shiji»: «... in the times of the Zhao commander Li Mu, the Xiongnu did not dare to invade the frontier lands of Zhao». In greater detail, the struggle of Li Mu against Xiongnu is described in Chapter 81 of «Shiji» – «The life story of Lian Po and Lin Xiangru». We are here dealing with the tactics which Li Mu adopted in his struggle against the nomads and which in the end of ends brought the latter to a remarkable defeat. The Xiongnu, in the quality of the adversaries of the warlord, are constantly mentioned in the text of Chapter 81, this fact suggesting that, as early as the second half of the 3rd century BC, only a few decades before foundation of their tribal union, they really lived in the northern borderland of the principality of Zhao. Nevertheless, this supposition seems unacceptable because of a number of contradictions both between different chapters of «Shiji» (43, 81 and 110) and within the text of the 81st chapter where the feats of Li Mu are reported. In the history of the principality of Zhao (Chapter 43), the war services of Li Mu are mentioned not once. However these services are related only to battles against the armies of the principalities of Yan and Qin; the text of Chapter 43, as stated above, contains no mentions about Xiongnu. Neither there is any information of Li Mu's fight against them in the chronological tables of the principality of Zhao. The most serious contradiction is presented in the text of Chapter 81 where the feats of Li Mu are described. Li Mu is first mentioned here under the year of 243 BC when he was nomi-

nated the military commander of Zhao and captured the Yan towns of Wusui and Fangcheng. This report repeats almost literally the fragment from Chapter 43 about the appointment of Li Mu confirming the trustworthiness of the date specified. Further on, the text of Chapter 81 tells about the struggle of Li Mu against Xiongnu which, as suggested by the events described, had taken several years and ended in the victory of Zhao. However, immediately after this fragment, the text of the 81st chapter returns again to a few years back and informs about the same campaign of Li Mu against Yan and his capture of the same Yan towns of Wusui and Fangcheng. This message is dated under the year of 244 BC, i.e. even prior to the first information on the appointment of Li Mu as the war commander of the Zhao principality in 243 BC. The following text of the 81st chapter tells about his victories over the armies of the states warring with Zhao – Qin (234 and 231 BC), Wei and Han (231 BC). In 229 BC, Li Mu was executed according to an order of the wang of Zhao.

It is quite evident that if the facts of Li Mu's biography are consequently considered as recounted in the 81st chapter, beginning with his appointment as the warlord of Zhao in 243 BC and his execution in 229 BC, then no time span is simply left between 243 and 244 BC for the story of his struggle against the Xiongnu (which struggle, as it must be remembered, occupied several years). Exactly for this reason, this subject (which is absent in Chapter 43 of «Shiji» concerned with the history of the principality of Zhao proper) may be considered as an interpolation into the text of Chapter 81 (see for details: Миняев, 2014). Possibly, the confrontation of Li Mu with nomadic tribes, although expounded in a legendary form, really took place. However, the Xiongnu as adversaries of the commander are named only in the manifestly interpolated part of Chapter 81. It must be remembered also that in other chapters where Li Mu is mentioned, including the history of the Zhao principality (Chapter 43), there is no information about them. This circumstance, gives no grounds to suggest that exactly the Xiongnu were the adversaries of the warlord in the second half of the 3rd century BC. Most probably, in this tale about Li Mu integrated in the 81st chapter of «Shiji», this name was used as the typical for the Han epoch general designation of the northern nomadic tribes (for details see Миняев, 2014).

Xiongnu in the context of the Qin period (221–207 BC). The Ordos hypothesis. The systematic

mentioning of Xiongnu in «Shiji» begins only in the section where the events of the Qin Epoch are dealt with (221–207 BC). The 6th chapter informs that the emperor «ousted and drove away the Xiongnu from the North-West». Chapter 110 tells that Touman, the leader (shanyu) of the Xiongnu, «was not able to withstand Qin and moved to the North». The initial region the nomads roamed over is not directly specified in the text under consideration, however, this chapter states further on that after Qin Shi Huang's death «the Xiongnu... again crossed Huanghe to its southern bank and came to be neighbouring the Central State along the former fortified frontier line». These fragments of «Shiji» constitute the basis of the hypothesis on the early stage of the Xiongnu's history which may be for convenience called the 'Ordos hypothesis'. The latter implies that in the end of the Zhangguo period, the Xiongnu already occupied Ordos, then were ousted to the north during the Qin Shi Huang's time and returned here after the fall of the Qin dynasty. However, this hypothesis cannot be accepted because of essential contradictions in the text of «Shiji». Below the most important of these contradictions are listed.

The 'Northern Campaign', according to the 6th chapter, was initiated basing on an incorrectly interpreted prophecy: «Hu will destroy Qin». The emperor understood this statement as an indication of a danger proceeded from the northern neighbours of Qin. Really, the prophecy implied the son of the emperor Hu Hai whose name is written with the same hieroglyph (胡) as the collective designation for the 'Hu' tribes. Neither this interpretation of the prediction nor the appearance of the legend about it would have been possible if, by the time of the campaign of Meng Tian, the tribes inhabiting Henandi/Ordos were identified as Xiongnu in the public notions of that period.

In this connection, of note are statements of the closest associates of Qin Shi Huang. Thus Zhou Qingchen, the 'commander of archers', speaking in front of the emperor in 213 BC after the 'northern campaign' said: «the lands between the seas are suppressed and pacified, the [tribes of] Man and Yi are driven out...». The first counsellor of Qin Shi Huang, Li Si, said in 208 BC: «...in the North, the tribes of the barbarians Hu and Mo are driven out; in the South, all of the Yue are subjugated...». It is evident, that no mentions about Xiongnu are found in these statements of the immediate participants of the events described.

The war campaign at the northern borderland of the empire, according to information from the 6th chapter, was started against the tribes of 'Hu'. The population of Ordos is mentioned also in the 110th chapter, however it is told further on that also the 'Xiongnu' had to move to the north. Although the Xiongnu are once named as the adversaries of Qin in the text of Chapter 6, nevertheless, under the year of 214 BC, this 'ousted' population is already called 'Rong' and the same name stays for it in the 15th chapter (Chronological Tables). In the biography of Meng Tian, his adversaries in Ordos are called 'Rong' and 'Di', although according to the 6th chapter, the same campaign of his army was aimed against 'Hu'.

It seems that in the sources used by Sima Qian for compilation of «Shiji», the population of Ordos was designated by different collective terms. It is apparent that also the single mentioning of Xiongnu in the 6th chapter was employed as a collective notion of the herding tribes at the northern borders of the empire and is devoid of any particular ethnic meaning. The information analysed above gives no grounds to consider Ordos (Henandi – lands to the south from the River) as a region roamed by the Xiongnu in the Qin period. This conclusion is confirmed also by analysis of the consequent events described in «Shiji».

Xiongnu after the fall of Qin. After the death of Qin Shi Huang, his general Meng Tian was executed; after a civil war, power was seized by Liu Bang, who under the name of Gaodi, founded the dynasty of Han. Concerning the events of the Xiongnu history of that period, Sima Qian tells in "Xiongnu Liezhuan" that "the Xiongnu gradually crossed to the southern bank of the river and again came to be bordering with the Central State along the former fortified frontier line. The shanyu had a heir the elder son named Maodun". Further on, the widely known legend is recounted about sending Maodun as a hostage to the tribes of Yuezhi, his return, and preparation for killing the father and seizing power. Having come to power, Maodun entered a conflict with his east neighbours Donghu for the frontier land and routed them. After that, he "assaulted Yuezhi and drove them out; in the South, he annexed the lands of Henan possessed by the rulers of the Loufan and Baiyang, invaded Yan and Dai, restored completely the lands deprived by Meng Tian by the order of Qin, re-established the border with Han along the former fortified line south from the River as far as Zhaona and Fushi and afterwards

began making incursions onto Yan and Dai. During that period, the Han armies were fighting against Xiang Yu and this allowed Mao Dun to gain much strength”.

The information from the fragments under consideration seems to indicate that the events linked with Mao Dun coming to power were taking place in Ordos because prior it is told about the return of Xiongnu there in the time of Touman. However, this widely distributed interpretation of the text of Chapter 110 cannot be accepted both because of to the chronology of the events expounded and the serious contradictions with the subsequent text of “Xiongnu Liezhuan”.

Meng Tian was executed in 209 BC. The anti-Qin insurrection ended in 207 BC, so that only after this date, the ‘return’ of Xiongnu to Ordos can have taken place, as well as (according to Chapter 110) Mao-Dun’s detention as a hostage, his return, the feud between Touman and his son, and the killing of Touman. Only after these events the seizure of power by Maodun can have occurred. The date of Maodun’s coming to power is not directly specified by Sima Qian. The commentary tradition, beginning with Xu Guang (352-425), dates this event to the first year of the rule of Er Shi (end of 210 – end of 209 BC), i.e. to the same period when Meng Tian died. This date seems to be true since it corresponds well with the further statement of Sima Qian: the first phase of the conquests of Maodun took place in 206–202 BC “when the armies of Han struggled against Xiang Yu”, while Maodun then already some years had been in power.

Thus the sequence of the events accounted in the considered fragments of Chapter 110 does not correspond to their chronology: after the statement that “Meng Tian died” the actions beginning with 209 BC proceeded already during the time of shanyu Maodun. Therefore these events, which presumably took place after the ‘return’ of Xiongnu to Ordos, must be considered in retrospection. The scene of action here took place during the period of 215–209 BC when Touman was still alive and this scene was outside the region of Ordos. Hence the territory where Maodun seized power and from where he started his conquering raids was also outside Ordos to which the Xiongnu returned later.

Meanwhile, the text of “Xiongnu Lezhuan” seems to run contrary to the trustworthiness of the fact of that ‘return’. This is indicated by a direct contradiction in the text of Chapter 110: the Xiongnu first return to Henandi/Ordos but then conquer the same

region where already the tribes of Loufan and Baiyang had been resident. Meanwhile, it is quite unclear how and when these tribes, once subjugated by Maodun, turned to be in Ordos after the fall of Qin if Xiongnu had already returned here earlier. The version about the return of the tribes of Loufan to the northeastern part of Ordos and those of Xiongnu to the northwestern Ordos contradicts to the text of Chapter 110 where Donghu (eastern Hu), the eastern neighbours of the Xiongnu, are mentioned. Meanwhile it is the conflict with the Donghu that had initiated the beginning of Maodun’s conquests. However the region occupied by these tribes is localized far from Ordos – at the borders of the Yan principality.

This contradiction can be resolved if we assume that in the text mentioning the return of the ‘Xiongnu’ to Henandi/Ordos after the fall of Qin this tribal name is used only as a typical for the Han period collective name for herding tribes. In reality, Henandi/Ordos was occupied by the tribes of Loufan and Baiyang who in a few years turned to be under the power of Xiongnu.

Xiongnu during the rise of Western Han. For the new dynasty of Han established in 202 BC after the period of intestine wars, the powerful union of nomads at the borders of the empire was the primary threat. The attempt to weaken its northern neighbours by means of intensive war activities ended in failure: the founder of the dynasty Gaodi was encircled. The army of the 400,000 nomads who surrounded the emperor was led personally by Maodun. The numbers of his horsemen are most probably overstated however in any case it is evident that the Han army was opposed not only by the Xiongnu but rather by a union of different tribes headed by them. It is not by chance that in different chapters of “Shiji” mentioning this episode, Maodun’s troops are specified under a collective term of ‘Hu’ (Сыма Цянь 2002:132,159). The geographic reference points mentioned relating to these events are of principal importance for the subject under consideration because they allow us to reconstruct the direction of the movement of the Han army. Gaodi, having evidently advanced from his new capital Changan, led his army to the north-east to meet the invading Xiongnu. Having reached Taiyuan and deceived by the ruse of Maodun, he pursued the latter’s troops to as far as Pingcheng (to the east of what now is the town of Datong) where he was encircled. It is thus obvious that Ordos, where to allegedly a few years before the Xiongnu had returned, was in no way the goal of the Han army.

Maodun was therefore awaiting Gaodi's troops not in the land of Henan but north-eastward from Huanghe "in the vales of the Dai region". In Ordos, the Loufan-Baiyang then were roaming as is evidenced in the report of Liu Jing, a councillor of the first Han emperor Gaodi, who in 200 BC departed to the Xiongnu to conclude a "treaty of the peace based on the kinship". Liu Jing reported that "the princes of the Xiongnu tribes of the Baiyang and Loufan are roaming to the south of the Huanghe". These people were ousted from Ordos by the Han general Wei Qing only in the late 2nd century BC during embittered wars against the Xiongnu.

The absence of Xiongnu in Ordos is evidenced also by the conflict between Han and Xiongnu in 177 BC when "the Right Xianwang of the Xiongnu invaded the lands lying to the south from the Huanghe attacking from there the [tribes of] Man and Yi". This conflict could have taken no place if the Xiongnu really had returned to their aboriginal lands in Ordos and owned them in 177 BC. It must be remarked that the population of the 'lands of Henan' (tribes of Man and Yi) here is opposed to the Xiongnu themselves (the Right Xianwang undoubtedly was one of the relatives of Maodun).

Conclusion. The aggregate of data of modern historical disciplines demonstrates that different tribes occupied the periphery of ancient China in the 2nd-1st millennia BC. These tribes differed both in the racial and cultural terms. The non-Chinese populations of the northern region are mentioned in written sources under different names. Moreover, the name of one and the same tribe often is specified in relation with different events and different geographical points. On the other hand, in descriptions of the same events in different documents, different tribes are the subjects of the actions. The arbitrary use of the names of these tribes out of the geographical context demonstrates that the ancient chroniclers realized the ethnocultural differences between the non-Chinese peoples of their oecumene but had no sufficient information for identification of these tribes under their original names and used these names in a collective sense as exoethnonyms.

Certainly, the ancestors of Xiongnu, among the composition of herding peoples close to them in terms of culture, as early as in the 1st millennium BC lived at the northern borders of ancient Chinese principalities. However, the authentic historical texts, e.g. inscriptions on bronze vessels of the pe-

riod of Western Zhou or bamboo laths of the Zhanguo and Qin period contain no information about this tribe. Neither there is any reliable evidence on Xiongnu in the survived copies of ancient written monuments up to the events of the early Han epoch (late 3rd century BC). The version about Shunwei is undoubtedly invented while the rare mentions in "Shiji" concerned with the events of pre-Han period are either an interpolation or expressed in a collective meaning together with the name of 'Hu' 'barbarians from the north'.

The existence of Xiongnu in China first was perhaps known only in the late 3rd century BC, probably as late as in 201 during the unsuccessful imperial 'siege of Pingcheng' when the founder of the Han dynasty Gaodi was ambushed. By that time, the strengthened Xiongnu under Maodun already headed a union of different tribes and became a real threat to the new dynasty. The military successes of this union which soon subjugated the huge spaces of Central Asia had introduced the name of 'Xiongnu' (originally, probably, the self-identification of the ruling elite) in the consciousness of that time into the collective notion designating the entire population of that union. For the historians of the Han and subsequent periods, the 'Xiongnu' became a generalizing name of the northern tribes devoid of any ethnical exactness.

The absence of reliable mentions of Xiongnu in the documentary monuments up to the early years of the Han dynasty indicates that the chroniclers of the preceding epochs (Zhou and Qin) did not avail themselves of trustworthy information to distinguish this tribe from the mass of other nomads. It seems that the earlier period of the history of Xiongnu had been occurring beyond the field of vision of the ancient Chinese historiographers, so that the information of the documentary monuments does not allow us to localize any reliably the initial regions of their habitation. The Ordos hypothesis must be rejected on the strength of the contradictions mentioned above.

The circumstances considered above demonstrate that information of the written sources cannot serve as a solid basis for reconstruction of the early phase of the history of Xiongnu. Taking in account that the data of anthropology, palaeogenetics and linguistics now available are also very contradictory, archaeological evidence has a decisive importance for resolving the problem of the early history of Xiongnu.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СКОТОВОДСТВА ЗАПАДА ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ И ЕЕ ГОРНОГО ОБРАМЛЕНИЯ (АЛТАЙ, САЯНЫ, ТЯНЬ-ШАНЬ)

А. В. Соколов¹

Статья посвящена историко-географическому изучению скотоводства запада Внутренней Азии и ее горного обрамления. На основе анализа и обобщения научных данных по этнографии, археологии и географии Алтая, Кунь-Луны, Саян, Тянь-Шаня, Хангая автором выработана система классификации признаков номадизма, которая позволяет выделить его эколого-географические типы и эколого-географические варианты, определить черты сходства и различий базовой основы скотоводства в разные исторические эпохи, а также установить историко-географические этапы освоения скотоводами ландшафтов на рассматриваемой территории.

This article covers historico-geographic studies of animal breeding in the west of Inner Asia. Basing on the analysis and synthesis of the available scientific data on ethnography, archaeology and geography of the western part of Inner Asia and its surrounding mountain ranges (including Altai, Kun-Lun, Sayan, Tien Shan, Khangai), the author offers a classification of nomadic features, which allows us to identify their eco-geographical types as well as environmental and geographical variations, to determine the similarities and differences between the basic animal-breeding patterns in different historical periods, and also to identify historical and geographical stages in the process of settling an area by animal-breeders.

Ключевые слова: Алтай, археология, высотная поясность, география, горное скотоводство, культурно-экологические области, Кунь-Лунь, ландшафты, Саяны, Синьцзян, Тянь-Шань, Хангай, этнография.

Keywords: Altai, archaeology, high-altitude zone, geography, mountain animal-breeding, cultural and ecological areas, Kun-Lun, landscapes, Sayan Mountains, Xinjiang, Tien Shan, Khangai, ethnography.

Традиции, фольклор и хозяйственные основы культуры скотоводов евразийских степей становились предметом изучения не только гуманитариев, но и ученых-естественников, а также представителей междисциплинарных исследований. Многогранность подобных объектов исследований требует не только различных подходов, но и обращения к данным как исторических наук, так и географии. Все это относится и к изучению скотоводческой культуры одного из наиболее разнообразно устроенных участков степного пояса Евразии – запада Внутренней Азии и ее горного обрамления. В ландшафтном отношении данный регион – это область, где широтная зональность евразийских равнин уступает свое место вертикальной поясности юж-

но-сибирских (Алтай, Саяны), среднеазиатских (Западный Тянь-Шань, северные цепи Восточного Тянь-Шаня) и центральноазиатских (южные цепи Восточного Тянь-Шаня, Кунь-Лунь) гор.² Чередование хребтов, котловин и больших межгорных впадин (Ферганская, Таримская и пр.), создает здесь разнородную, в том числе чересполосную и «островную», конфигурацию зональных рубежей и ландшафтов при закономерном с севера на юг изменении спектров высотной зональности с одновременным их поднятием, усложнением характера внутризонально-ландшафтного строения и рисунка (*Гунин и др.*, 1998. С. 9; *Чупахин*, 1987. С. 13), что в сумме делает этот фрагмент евразийских степей ати-

¹ Россия, 199034, Санкт-Петербург. Университетская наб., 7–9. СПбГУ. Отдел охраны и порядка.

² Эти смены в характере ландшафтной структуры становятся ощутимы выше педиментов и нижней части горных склонов.

пичным и сложно организованным. Благодаря экранирующему влиянию хребтов именно здесь, в Северо-Западной Монголии, отмечается максимально выраженная в масштабах планеты континентальность климата, а в области оз. Лобнор, в Заалтайской и Алашаньской Гоби – самая высокая в Центральной Азии его аридность (Береснева, 2006. С. 257; Гунин и др., 1998. С. 11; Мурзаев, 1961, С. 8). Но одновременно обилие (по сравнению с равнинными территориями) озерных и речных ландшафтов и, как следствие, скачок «биоразнообразия» животных и растительных форм (Гунин и др., 1998. С. 11, 39, 58) делает этот регион едва ли не самым благоприятным для скотоводства и иных стратегий жизнеобеспечения.

Представляется, что принятое в науке традиционное разделение скотоводства (в соответствии с проживанием в классах ландшафтов) на «кочевое» равнинное и «полукочевое» горное в условиях запада Внутренней Азии и ее горного обрамления не исчерпывает в полной мере проблемы классификации номадизма, поскольку не отражает всего многообразия форм хозяйства скотоводов, ритмики их передвижения, быта и взаимосвязей с географической оболочкой. По этой же причине существующие типологии скотоводства (Вайниттейн, 1991; Гомбоев, 2004; Руденко, 1961; Сорокин, 1961) нельзя признать в должной степени полными, поскольку они были разработаны только для отдельных частей данного региона на основе разных методологических подходов и целей исследователей при изначальном отсутствии единства критериев. При этом отдельного комментария требует широко используемая в классификационных построениях теория хозяйственно-культурных типов (ХКТ), авторы которой полагают, что «зависимость ХКТ от экологических условий была всегда и всюду опосредована (курсив мой. – А. С.) способом производства и социально-экономических условий для каждого народа» (Андрианов, Чебоксаров, 1976. С. 11). Другими словами, в теории ХКТ главным выступает создающее начало человека, ставшее в конкретных своих проявлениях основным предметом исследования ученых. Поэтому логично, что иные аспекты скотоводческой культуры региона с отчетливой эколого-географической и историко-географической направленностью (механизмы функционирования и закономерности адаптационных отклонений в различных природных ни-

шах, трансформация культуры в зависимости от климатических изменений, формирование у мигрирующих групп нового «ландшафтного портрета» на основе предыдущего и т. д.) не нашли своего всестороннего отражения в научных работах, заняв в них лишь периферийное положение.

Восполнением существовавшего пробела в отношении эколого-географических основ равнинного номадизма нужно считать фундаментальный и наиболее широкий по охвату рассматриваемой проблемы труд Н. Э. Масанова (Масанов, 1995), выполненный на материале изучения казахской кочевой общины и ее функционирования.³ Исключительно актуальными представляются такого рода комплексные исследования, пока еще отсутствующие, и для запада Внутренней Азии с ее горным окружением, где контактируют Причерноморско-Казахстанские и Даурско-Монгольские степи и проходит граница между монгольским (преимущественно равнинным) и тюркским (равнинным и горным) мирами. Ведь многие элементы культуры номадов этой территории (несмотря на разницу в способах кочевания) сходны с таковыми как в Центральной и Средней Азии, так и в Южной Сибири (Потанов, 1957. С. 60; Тоцакова, 1976. С. 190, 196), и если не во всех, то во многих других районах евразийских степей.

Все сказанное обуславливает необходимость введения иного понятийно-терминологического аппарата, где нашла бы более полное эколого-географическое отражение связь хозяйственных комплексов с ландшафтной оболочкой. Конкретным выражением такого специально выработанного автором статьи подхода к дифференциации номадизма может служить система вводимых понятий, которые способны раскрыть взаимосвязи культурно-географического характера.

В номадизме евразийского степного пояса таксономически наиболее крупные системы, проявляющие единство (или высокую степень сходства) в жизнедеятельности, пространственно-временных, функционально-производственных, ритмо-режимных и предметно-бытовых характеристиках, складываются в рамках клас-

³ Важно отметить, что многие из выводов ученого справедливы и для монгольского классического скотоводства.

сов ландшафтов и требуют выделения в качестве основных *эколого-географических типов* (ЭГТ). В зависимости от локализации таких культурно-географических комплексов в том или ином классе ландшафтов с присущими им свойствами выделяются два основных ЭГТ – *горный и равнинный*, а также переходный *горно-равнинный*. Основными носителями горно-равнинного ЭГТ являются скотоводы, кочевой круг которых определяется сезонной сменой классов ландшафтов: летом кочуют в горах, зимой – на равнинах и в открытых, а также незамкнутых котловинах (или наоборот).⁴

На западе Внутренней Азии и в ее горной периферии доминирующим является *горный* эколого-географический тип (ЭГТ) скотоводства, в то время как элементы *равнинного* ЭГТ скотоводства представлены не целостно, а в большинстве случаев только отдельными элементами в рамках долинно-речных, горно-котловинных, нагорных и сыртовых ландшафтов. Но чаще всего они наблюдаются в «окутывающем» границы горных систем *горно-равнинном* ЭГТ скотоводства, примеров которого в литературе достаточно много (*Бломквист, Писарев, 1945. С. 13; Живописное путешествие..., 1839. С. 197–198; Жизнь в киргизских..., 1867. С. 3; Захарова,*

⁴ Каждому сезонно-ландшафтному периоду кочевания присущ свой набор адаптивных признаков. Думается, что определение первоначальной адаптивной модели таких групп надо связывать в первую очередь с районами их локализации в период холодного сезона как наиболее ответственного в скотоводческом цикле.

Географическое положение таких культурных комплексов в своей «равнинно»-сезонной части цикла, как представляется, во многом сопряжено с зоной сочленения блоков горных стран с равнинными платформами (периорогены), где могут сохраняться следы развития как горных стран (например, в виде блоков слабых поднятий, останцев, сопок или цокольных денудационных равнин и предгорий), так и равнин. В отношении формаций четвертичных отложений здесь иной, по сравнению как с горами, так и равнинами, состав и условия их накопления.

Климатически данные структуры отличаются меньшими, по сравнению с горами, значениями зимней континентальности, а летом, в связи с барьерным эффектом гор и более высокой облачностью и количеством пасмурных дней, – меньшими, по сравнению с равнинами, показателями аридности.

Наконец, геоботанически – это полоса с переходными от равнинных к горным типами почв со смешанными растительными группировками, наличием в поймах рек комплексов урванного типа из кустарников, парковых лесов или лесочков (*Барышников, 2012. С. 11, 39, 268–270, 276; Максюттов, 1981. С. 3–4; Николаев, 1994. С. 59–61, 64; Храмов, 2003. С. 158).*

1956. С. 127; *Симуков, 2007а. С. 129–131, 273–275; 2007б. С. 372–375).*

Все три названные ЭГТ органично связаны между собой. Их связь обнаруживается в едином для всех базовом наборе компонентов скотоводства евразийских степей (тип жилища, система питания, перекочевки, виды выпасаемых животных, многие типы утвари и пр.). Здесь, в горах, как и на равнине, разнообразие освоенных номадами сред обитания также создало предпосылки для *географической инверсии*, которая заключается в частичном изменении параметров жизненного уклада и быта, свойств и/или материально-качественных характеристик предметов и признаков культуры (часто с использованием специфических местных ресурсов), что заметнее всего в направлении с севера на юг. Такие ландшафтные (во многом близкие в своем проявлении к зонально-широтным) смены в условиях запада Внутренней Азии и ее горного обрамления в отчетливом виде находят отражение в различных фактах хозяйственно-бытового и скотоводческого уклада, а именно:

– в типе юрт и в выборе материалов для их создания. В лесистых и более влажных районах чаще встречаются юрты с конической крышей, а на открытых пространствах – со сферической, устойчивой к порывам ветра (*Майдар, Пюрвеев, 1980. С. 17; Народы Средней Азии, 1963. С. 226; Нусов, 1971. С. 50).* Самое распространенное покрытие юрты – войлочное – в лесных и лесостепных районах Саяно-Алтая и Хангая нередко заменяется на лучше удерживающую тепло березовую и лиственничную кору, а в Тянь-Шане – на чиевые и камышовые циновки, которые способствуют проветриваемости помещения, укрепляют конструкцию и увеличивают ее устойчивость (*Алымбаева, 1979. С. 73–74; Вайнштейн, 1961. С. 90; Коновалов, 1986. С. 57; Кушнер (Кнышев), 1929. С. 19; Харузин, 1896. С. 9);*

– в выборе материалов для строительства стационарных жилищ. Для постройки стационарных жилищ (с силуэтом юрты) у оседающих и полукочевых скотоводов в северных лесистых районах МНР, в Восточном Казахстане, Алтае и Туве использовалось дерево, из которого делали квадратные или пяти-, восьмиугольные срубные дома, часто с усеченно-пирамидальной крышей, а в малолесных горных районах Монголии, Синьцзяна, Киргизии и Казахстана в до-

мостроении характерны кирпичные, саманные, глинобитные, каменные, земляные юртообразные многоугольные конструкции;

– в составе стада. Коровы выпасались на сочных травах и в подтаежных зонах (*Даржа*, 2003. С. 145; *Обручев*, 1896. С. 13–14; *Симуков*, 2007а. С. 300), их численность уменьшалась по мере продвижения в пустынные пространства (*Колесник*, 1931. С. 246; *Материалы по обследованию...*, 1911. С. 154); для овец оптимальными являются сухие степные ландшафты (*Грум-Гржимайло*, 1926. С. 375; *Даржа*, 2003. С. 145; *Долгушина*, 1933. С. 12; *Симуков*, 2007а. С. 289; 2007б. С. 391). Верблюды в горах имеют ограниченное распространение, из-за особенностей строения ног им более подходит не сильно расчлененный рельеф, бедные с мягким грунтом пастбища, солонцы и солончаковые степи, а из-за чувствительности животного к сырости, холоду и невозможности зимой добывать себе пищу из-под снега ареал его разведения ограничен в основном южными аридными областями гор (*Грум-Гржимайло*, 1926. С. 343, 365; *Масальский*, 1913. С. 503; *Обручев*, 1896. С. 13–14; *Ракитников*, 1936. С. 54; *Шахназаров*, 1908. С. 346–347; *Федоров*, 1903. С. 16).

От состава стада, кстати, очевидным образом зависит и выбор материалов для изготовления утвари и одежды, а также продуктов питания. В частности, применительно к Саяно-Алтаю и лесистым районам Монголии среди типичных признаков нередко упоминаются изделия из кожи крупного рогатого скота и приготовление молочных продуктов (в том числе кумыса) на основе коровьего молока (*Вайнштейн*, 1961. С. 80; 1991. С. 100; *Вяткина*, 1960. С. 186; *Даржа*, 2003. С. 111; *Потанин*, 1881. С. 111; *Потанов*, 1933. С. 20; 1951. С. 10; *Яковлев*, 2003. С. 56 и др.), в то время как для горностепных и горнопустынных ландшафтов Тянь-Шаня обычны утварь, одежда и продукты питания, получаемые при разведении овец и верблюдов.

Географическая инверсия просматривается и в ряде других этнографических особенностей: в типах топлива и, соответственно, в устройстве таганов,⁵ составе собираемых дикорастущих растений, в плетении из растительных волокон и т. д.

⁵ Когда топили аргалом, то, ввиду его объемности, использовали треножки с более высокими ножками, при отоплении же дровами высота «ног» была меньше (*Каралькин*, 1960. С. 272–273).

Видоизменения признаков скотоводства наблюдаются не только в направлении с севера на юг, но и с запада на восток – по мере увеличения континентальности и аридности климата к центру Внутренней Азии. Есть основания полагать, что разница в количестве осадков в отдельных областях региона служит одной из причин, определяющих там и различия как в количестве сезонных перекочевок, так и в составе стада. Так, на Алтае, где, по мнению ботанико-географов, в рамках Центральной Азии складываются наиболее благоприятные условия для растительности (*Камелин*, 1998. С. 3), обычно отмечается две сезонные миграции. Но уже у западных тувинцев, комплекс культуры которых определяется горностепными ландшафтами (*Вайнштейн*, 1961. С. 25), и в Тянь-Шане, где лес составляет только 3,7 % территории (Атлас Киргизской..., 1989. С. 151), чаще отмечается четыре перекочевки.⁶ Можно привести также, в качестве примера, ареалы распространения киргизско-казахских курдючных мясосальных и халхаских жирнохвостых мясошерстных пород овец с границей по Чарклыку (*Лус*, 1936. С. 117–118, 141–145). Порода последних считается частным случаем такого явления, как отложение жира в хвостовых отделах у диких животных аридной зоны (*Виноградов и др.*, 1948. С. 50).⁷ Следует заметить, что эти изменения хозяйственной жизни, как и некоторые другие закономерности, рассматриваемые далее, обна-

⁶ Из наблюдаемой на западе Внутренней Азии этнохозяйственной картины следует, что количество перекочевок связано с земледелием. Его присутствие на территории Южной Сибири в отдельные этапы прошлого подтверждается археологическими находками. Закрепление же скотоводческо-земледельческой ритмики, как представляется, в значительной степени зависит от структурного плана территории и, в частности, от степени ее доступности для проникновения традиций. В этой связи становится понятна взаимосвязь, с одной стороны, между географической открытостью Тувы по отношению к Центральной Азии (*Кабо*, 1934. С. 9) и волнами уйгурского влияния, буддизма и пр., а с другой стороны, – алтайской «закрытой» моделью культурогенеза (*Гумилев*, 1967. С. 221–222; *Савинов*, 2002. С. 235) и сохранением там вплоть до этнографического времени очень архаичной двусезонной модели кочевания.

⁷ Исключительный интерес в этой связи представляет выдвинутая Т. И. Алексеевой гипотеза о наличии адаптивных типов человека в зависимости от природных факторов. Выделенный для континентальной зоны адаптивный тип отличает тенденция к жиरोотложению и понижение уровня активности обменных процессов, что имеет грубую аналогию в животном мире в виде отложений жира у животных пустынных районов (*Алексеев*, 1985. С. 268).

руживаются в пределах широтно ориентированных хребтов Тянь-Шаня и Кунь-Луны.

В условиях вертикальной ландшафтной поясности,⁸ как показывают этнографические материалы и работы исследователей, скотоводство в горах нередко сочетается с занятием рыболовством, охотой и земледелием, соотношение и значимость которых изменчивы в пределах кратких расстояний. Важно подчеркнуть, что в каждом случае эти занятия являются составной частью (а не факультативным дополнением!) номадизма отдельных горных стран или даже их областей при некоем общем для всех номадов региона наборе базовых черт (тип жилища, утварь, питание, выпасаемые животные и т. д.).⁹ Данный многопрофильный производственный цикл имеет выраженную сезонно-ярусную («многоэтажную») организацию.

В горном ЭГТ хребты, ущелья, лога и урочища, с одной стороны, и непересыхающие водные источники с более равномерным сезонным ходом атмосферных осадков – с другой сократили «размах кочевого маятника» и предопределили тучность пастбищ и их высокую концентрацию на небольшой площади, локальную замкнутость коллективов (Масанов, 1995. С. 23, 83–84; Ядринцев, 1891. С. 113) и занятия земледелием, везде подстраиваемым под перекочевки. По мере продвижения на юг с увеличением теплообеспеченности и сроков вегетационного периода растут разнообразие возделываемых культур, высотный диапазон и верхние пределы земледелия. Несмотря на использование примитивных орудий и несовершенство приемов обработки земли (Абрамзон, 1971. С. 93; Айтбаев, 1959.

С. 155; Бежкович, 1973. С. 59–60; Потанов, 1953. С. 186; 1969а. С. 97; 1975. С. 117; Торуншев, 2009. С. 109–110; Ядринцев, 1885. С. 157; 1891. С. 128), с приближением к традиционным районам земледелия навыки скотоводов-землепашцев эволюционировали.

Обобщение собранных данных о видах выпасаемых животных позволяет говорить о том, что в горных районах, в отличие от равнинных территорий, стада овец и верблюдов (сократившиеся здесь в пользу крупного рогатого скота и лошадей), а также выпасаемые в высокогорьях яки нередко соседствуют в пределах горно-котловинных и сыртовых ландшафтов (Грум-Гржимайло, 1926. С. 79; Игнатов, 1897. С. 23; Кашикаргов и др., 1937. С. 131; Сапожников, 1949. С. 140, 224; Шишкин, 1914. С. 97). Короткие, по сравнению с равнинными, расстояния сезонных, в том числе вертикальных, миграций – из одной долины в другую, а порой с одних склонов гор на другие – привели к ситуации, когда в процессе перекочевки приспособление осуществлялось скорее к метеорологическим условиям по временам года (Ахмедова, 1962. С. 148; Симуков, 2007а. С. 129).

Длительное пребывание на одном месте стало причиной появления, помимо летнего (легкого, переносного) жилища, еще и второго – уже стационарного (зимнего, тяжелого) жилища,¹⁰ устанавливаемого на южных склонах гор, за скалами и в теплых ущельях, а в котловинах, ввиду застаивания там зимой на дне холодного воздуха, – и в предгорьях (Симуков, 2007б. С. 274, 305). Нередко оба типа жилища присутствуют в пределах одного двора.¹¹

Вертикальная ландшафтная структура и тип хозяйства находят также свое отражение в погребально-поминальном цикле горных номадов. В отличие от классических скотоводов Монголии, он характеризуется устройством кладбищ,

⁸ Высотная поясность в горах – закономерная смена природных условий и ландшафтов по мере возрастания абсолютной высоты и, соответственно, изменения климата. Единица высотно-зонального расчленения – высотная ландшафтная зона – образует сравнительно однородную по природным условиям, но часто прерывистую полосу. Формирование типов высотной поясности, последовательность поясов и их высотные границы определяются в каждом случае географическим положением горной системы, континентальностью, абсолютной высотой, рельефом, климатом, экспозицией склонов и рядом других факторов.

⁹ По признаку многокомпонентности хозяйство горных номадов нередко рассматривается как более прогрессивное, рентабельное и динамичное, нежели хозяйство «степняков» или «лесников», а с точки зрения приспособления к природным условиям (но не по техническому оснащению) оно оценивалось иногда даже выше, чем у русских колонистов (Васильев, 1915. С. 76; Потанов, 1969б. С. 83; 1975. С. 119).

¹⁰ Наличие этой пары отмечается иногда и у равнинных скотоводов, но в быту высокоподвижных групп зимним обычно выступало все то же легкое, но утепленное к холодному сезону жилище.

¹¹ Случай отражения двух сезонных типов жилищ в погребальном обряде фиксируется на р. Чулышман, в виде погребального срубика и сооруженного над ним аланчика (Руденко, 1926. С. 70). Другой интересной аналогией, но уже из жилой архитектуры, является пятиугольный бревенчатый *дукень* северо-восточных казахов, над которым к зиме возводили березовый конический каркас, а потом засыпали всю эту конструкцию землей (Руденко, 1930. С. 34–35).

сооружением могил и набором сопроводительного инвентаря. Этому обряду присуща определенная двойственность: с одной стороны, он содержит типичные и хорошо известные в евразийских степях предметы и атрибуты скотоводческой жизни (коновязь, решетки юрты, войлок, продукты, седла, инструмент, сопогребения лошадей и баранов и т. д.), а с другой – имеет элементы культуры, отражающие местную и отнюдь не степную специфику.

Обобщение этих и других материалов позволяет предполагать, что объективной предпосылкой для разнообразия навыков горных nomадов и сложности организации их хозяйства служит именно вертикальный характер ландшафтной поясности, где отдельные навыки и/или их комплексы и сочетания определяются отдельными высотно-зонально-ландшафтными системами и их свойствами, а последовательность использования – природно-климатическими особенностями, их сезонной сменяемостью и многолетним практическим опытом хозяйственно-производственного цикла. Последующая дифференциация горного ЭГТ скотоводства на хозяйственно-адаптационные модели культуры и быта, или *эколого-географические варианты (ЭГВ)*, определяет оригинальный набор ландшафтных поясов отдельных горных стран, областей и т. д. Однако следует отметить, что такие ЭГВ зачастую содержат элементы, воспринятые от соседей и/или унаследованные в ходе этногенеза, исторических перипетий и миграций. Для подтверждения обоснованности выдвинутого положения следует обратиться к конкретным материалам и выработанной для этого системе характеристик.

На основе типов поясности Алтае-Саянской горной страны и Хангая формируется горный *алтае-саяно-хангайский таяжно-южносибирский ЭГВ*, где наибольшую значимость, помимо горностепных, приобретают лесные и охотничьи традиции с преимущественным использованием флоры и фауны, т. е. *наземных ресурсов*. Ядро лесных и охотничьих признаков тяготеет к развитой в широком диапазоне высот горно-таяжной полосе Восточного Саяна, Северного и Северо-Восточного Алтая.

Связь производственных цепочек с лесной нишей иллюстрируется: обилием деревянной и берестяной посуды; частым выпасом скота в лесной зоне (Болобан, 1914. С. 70; Вайнштейн, 1961. С. 69; Ядринцев, 1885. С. 142; 1891. С. 113

и т. д.); летними, а порой и круглогодично используемыми шалашами и чумами, крытыми корой и шкурами таяжных животных; стационарными жилищами-срубам (которые в других районах Внутренней Азии свидетельствуют о материальном достатке хозяев) и их топографией – в лесах, лесистых долинах рек и на пограничье с ними (Потанов, 1969а. С. 82, 121; Симуков, 2007а. С. 305; 2007б. С. 363 и др.).¹² В связи с занимаемой нишей закономерным выглядит у алтайцев, тувинцев и монголов лесистых районов, подобно народам Сибири, присутствие в погребальной обрядности символического кода дерева: совершение «воздушных» погребений на ветвях деревьев, в дупле, в гробах-колодах, на помосте и столбах, заворачивание покойника в бересту и обкладывание его досками (Павлинская, 2009. С. 31–33), водружение над могилами различных деревянных конструкций и даже включение в погребальный инвентарь дров (Сапожников, 1949. С. 141).

Общеизвестно, что охота занимает существенное место в культуре всех скотоводческих народов Внутренней Азии. Она была одной из основополагающих в этногенезе монгольской культуры вплоть до начала XX в. (Жуковская, 1988. С. 124; Симуков, 2007а. С. 327) и традиционно играла важную роль в хозяйстве киргизов (Абрамзон, 1959. С. 345; 1971. С. 102). Охотничьи черты (тайэлга, выделка шкур и мехов, тара из цельноснятых шкур животных, их отдельных частей и внутренних органов для приготовления и хранения продуктов, ряд способов и приемов в приготовлении пищи и др.) присутствуют в культуре всех скотоводческих народов Внутренней Азии. Наконец, охотничий «след» обнаруживается и в характере самих миграций nomадов, копирующих сезонную ритмику и направленность перемещения диких копытных животных гор и равнин (куланов, джейранов, диких верблюдов, архаров, горных баранов, оленей) (Даржа, 2009. С. 226; Риттер, 1877. С. 374; Синицын, 1959. С. 95), что дает основание относить охоту к базовым признакам скотоводства. Но именно в Алтае, Саянах и Хангае богатство дичи, присущее лесным экосистемам, стало основой формирования главного охотничьего центра Внутренней Азии, выделенного даже в особую

¹² Относительно недавно появились данные о том, что именно с горно-таяжными районами связана и область абorigенной срубной технологии (Кызласов, 2005. С. 15).

Алтае-Саянско-Хангайскую историко-этнографическую область (Потанов, 1969а. С. 80, 86). И именно здесь, в условиях переплетения таежных, лесостепных, степных и полупустынных ландшафтов, происходил контакт охотников и скотоводов, давший начало комплексной модели хозяйства скотоводов-охотников (Вайнштейн, 1991. С. 105; Потанов, 1969а. С. 82, 89).

В зависимости от ландшафтной основы и хозяйственно-культурных традиций в рамках алтае-саяно-хангайского ЭГВ выделяются два резко отличающихся между собой (при наличии переходных моделей) эколого-географических подварианта: горностепной (южные алтайцы, западные тувинцы) и горно-таежный (северные алтайцы, тоджинцы-оленоводы).

Горностепной подвариант тяготеет к районам, находящимся под влиянием монгольского климата с муссонным типом хода осадков, с доминированием в колонке полупустынных, степных и тундрово-степных ландшафтов при незначительности или фрагментарности распространения лесных. Территориально ему соответствуют внутриворонные котловины, а также граничащие с Центрально-Азиатским регионом территории и обращенные к нему, обычно южные и часто юго-восточные, склоны гор. У горных «степняков» присутствовали или даже преобладали юрты, более всего походившие на монгольские (Вайнштейн, 1959. С. 128; Прокофьева, 1955. С. 11; Руденко, 1926. С. 65; Тоцакова, 1978. С. 120). В быту распространены кожаная посуда и употребление мяса домашних животных (Вайнштейн, 1991. С. 112; Вербицкий, 1993. С. 30; Потанов, 1951. С. 57). Основное транспортное животное – лошадь. Охота выступает тут только подспорьем скотоводству в летний период (Потанов, 1935. С. 38; 2001. С. 57–58, 85).

Горно-таежный подвариант развивается в условиях достаточно гумидного климата при доминировании горно-таежных ландшафтов, а в верхней части гор – гольцов с хорошо развитой тундровой растительностью, в то время как степной пояс развит незначительно (или даже отсутствует). Общим для «лесников» является сокращение видов выпасаемых животных и их поголовья (Харузин, 1896. С. 21; Ядринцев, 1891. С. 102). Но вместе с тем в условиях болотистых, с мягким грунтом низин и скудного травяного, но развитого тундрового покрова гольцов, где получил преимущество более легкий и непри-

хотливый (по сравнению с лошады) олень (Островских, 1927. С. 84; Фабрициус, 1899. С. 111), произошла «переплавка» в олениводство существовавшего здесь еще в бронзовом веке комплекса из лесного коневодства, охоты, собирательства и рыболовства (Потанов, 1972. С. 56; Селезнев, 1998. С. 130; 2009. С. 89–90).

Исключительной по важности для всех «лесников» является охота на животных, птиц и рыб, ставших в большинстве своем, наряду с дикими растениями (заменителями хлеба и чая, кедровым орехом, ягодами, березовым соком и т. д.) основой рациона (Вайнштейн, 1991. С. 120; Руденко, 1926. С. 74). Здесь распространены корьевые шалаши и чумы, многообразна и совершенна выделка посуды из дерева, и особенно из бересты; практикуется передвижение на лыжах (Вайнштейн, 1961. С. 25; Потанов, 2001. С. 85) и т. д.

На основе типов пояности Тянь-Шаня и Кунь-Луны формируется горный **тянь-шане – кунь-лунский пустынно-степной** ЭГВ. Жаркий климат равнин и низкогорий создает там предпосылку для содержания скота в прохладе высокогорий, притом в Кунь-Луны лучшие пастбища находятся по внутренним, защищенным от влияния Такла-Макана склонам гор. С запада на восток по мере аридизации климата наблюдается постепенное сокращение площади пастбищ, а в Кашгарии – даже исчезновение их отдельных видов (весенние эфемероидные) (Зуйтин, Войтяцкий, 1930. С. 14, 16; Певцов, 1949. С. 111, 112, 166; Юнатов, 1960. С. 22–24). В связи с этим представляют интерес свидетельства путешественников и исследователей, писавших об ограниченных возможностях развития скотоводства в Восточном Туркестане, особенно в Кашгарии (по сравнению с Киргизским Тянь-Шанем), в том числе о недостатке кормов и необходимости их массовой заготовки, о худобе местных лошадей, баранов, коз и коров, о преобладании там стойлового животноводства над отгонно-пастбищным и об открытии китайцами границы перед среднеазиатскими скотоводами для обмена их скота на товары (Валиханов, 1985а. С. 199; 1985б. С. 26, 29, 84, 114, 209, 226; Калмыкова, Овдиенко, 1957. С. 182; Певцов, 1949. С. 58, 81, 96, 121; Путешествие по..., 1895. С. 157–158). В условиях доминирования степей (опустыненных, настоящих, луговых, криофитных) и незначительного количества лесов наблюдается нарастание черт равнинного ското-

водства, как-то: увеличение поголовья верблюдов; установка киргизами на летниках (подобно монголам между перекочевками) юрт по кругу и оценка ими голых горных пастбищ как «красивых» мест (синоним слова «удобных»), а закустаренных и лесистых урочищ, ущелий и берегов рек – как «некрасивых», т. е. неудобных для выпаса скота (Абрамзон, 1971. С. 116; Кушнер (Кнышев), 1929. С. 30).

В пределах низкогорий и среднегорий скотоводам характерны многие заимствованные у земледельцев Средней Азии и населения лесовых областей Китая адаптационные модели, в которых проявляется преимущественное использование *ресурсов почв и земных недр*. К их числу нужно относить в первую очередь земледелие, возведение на зимниках (чаще в южных районах) тяжелых жилых конструкций из камня и глинобитных материалов, особенности конструкции которых, не в последнюю очередь, объясняются борьбой с перегревом и сейсмической активностью (Абрамзон, 1959. С. 349; Воронина, 1982. С. 49, 51, 64; Кушнер (Кнышев), 1929. С. 16 и др.). По подножьям хребтов и в низкогорных долинах Кунь-Луны киргизами, таглыками и мачинами в лессовых породах вырывались пещеры-жилища (а иногда на каждом из видов пастбищ) (Певцов, 1949. С. 107, 167 и др.; Пржевальский, 1948. С. 240, 243 и др.).¹³ Пещеры и целые пещерные городки сезонно-летнего использования известны были и населению Ферганской долины (Джаханов, 2000. С. 149). И наличие земледелия, и обе домостроительные традиции у скотоводов, как и у земледельцев, нашли свое продолжение во внутримогильных конструкциях (подбои, катакомбы), в создании мавзолеев (Абрамзон, 1971. С. 325; Табалдиев, 1990. С. 148, 149) и установке чашек с похлебкой из толченой пшеницы в могилу (Баялиева, 1972. С. 65).

В Тянь-Шане бревенчатые жилые конструкции как у скотоводческого, так и у земледельческого населения были характерны в небольшом количестве в северных районах – в Иссык-Кульской котловине и Чуйской долине, а также

у богатых (Масальский, 1913. С. 224, 372; Нусов, 1971. С. 55; Поддубный, 1914, С. 155), в то время как обычно древесина использовалась для создания каркасов строений, дверей, рам, кровель и т. д. (Захарова, 1959. С. 288; Наливкин, Наливкина, 1886. С. 72; Писарчик, 1954. С. 247, 260; Типы традиционного..., 1979. С. 189). Сходную картину экономного использования древесины можно наблюдать и в погребальном обряде, где дерево, в том числе в катакомбах и подбоях, используется или в качестве бревенчатого наката-перекрытия могильной ямы (Рацек, 1947. С. 465; Табалдиев, 1990. С. 148–149), или для изготовления досок и гроба (Селицкий, 1904. С. 275), или для закладки входа в могилу (Баялиева, 1972. С. 84), или для подстилки (Табалдиев, 1990. С. 151). Эта традиция фиксируется и у казахов Южного Алтая (Коновалов, 1986. С. 119).

Результатом тесных контактов скотоводов с оседлым населением стало присутствие в быту керамической, металлической, фаянсовой и тыквенной посуды, свечей, мыла (Абрамзон, 1959. С. 357; Антитина, 1962. С. 126; Каразин, 1872. С. 88; Материалы для географии..., 1868. С. 35; Шахназаров, 1908. С. 312, 359); из занятий получило распространение ковроткачество.

Внутри горного тянь-шане-кунь-лунского пустынно-степного ЭГВ в соответствии с ландшафтной основой и при высоком уровне обобщения могут быть выделены три подварианта: северо-тянь-шаньский, южно-тянь-шаньский и кунь-лунский.

Северо-тянь-шаньский подвариант включает Северный и Центральный Тянь-Шань, Прииссыкулье, Чуйскую долину, часть районов по нижнему течению р. Нарын (Абрамзон, 1971. С. 111; Махова, 1959. С. 46), северные цепи и внутренние районы Восточного Тянь-Шаня. Тут получили распространение юрты, похожие на казахские (Очерки общей..., 1960. С. 260), с куполом скорее конической формы из-за большего, по сравнению с югом, количества осадков (Нусов, 1971. С. 50). Для строительных нужд и возведения погребальных конструкций там использовалась тянь-шаньская ель (Краснов, 1887. С. 471), в то время как глинобитные жилые постройки в XVIII–XIX вв. имели ограниченное распространение и встречались только у богатых семей (Кушнер (Кнышев), 1929. С. 16; Нусов, 1971. С. 51).

Эта территория в указанных границах характеризуется наиболее высоким процентом насе-

¹³ Они имели вид коридоров, устье которых закладывалось (за исключением дверного проема) кирпичом или глиной, кровати-лежаки располагались у входа, продукты и домашний скarb – в глубине помещения, а под сводом находился дымоход (Новицкий, 1903. С. 158; Обручев, 1896. С. 45–46; Певцов, 1949. С. 107, 167, 210; Пржевальский, 1948. С. 240, 243, 281, 289).

ления, обслуживающего скотоводческое хозяйство (Возникновение капиталистических..., 1970. С. 19–20). В стадах, по сравнению с приферганскими районами, отмечается больший процент овец (*Зуйтин, Войтяцкий*, 1930. С. 12–13), а в бассейнах рек Нарын, Малый и Большой Юлдус развито коневодство (*Каульбарс*, 1874. С. 130; *Сахаров*, 1934. С. 369). Земледелие же здесь сводится к узкопотребительскому натуральному типу (*Сахаров*, 1934. С. 358).

Южно-тянь-шаньский подвариант охватывает Таласскую и Чаткальскую долины с примыкающими областями, Ферганскую область, частично Восточный Тянь-Шань. Этнографы и путешественники отмечают, что в приферганских (с высокими термическими ресурсами, мягкими зимами и плодородными лессовыми и лессовидными покровами) районах киргизы никогда не являлись «чистыми» скотоводами, и поэтому именно там в результате контактов с узбеками, таджиками и уйгурами на месте киргизских зимников впервые появились поселения и преобладал оседлый образ жизни (*Абрамзон*, 1971. С. 87, 115; *Айтбаев*, 1959. С. 254; *Рыскулбеков*, 1950. С. 44), а также получили значительное развитие земледелие (*Абрамзон*, 1971. С. 87; *Кушнер (Кнышев)*, 1929. С. 21) и ремесленно-кустарное производство (*Рыскулбеков*, 1950. С. 44). Основными породами дерева для построек и поделок являются арча, ива, береза, тополь, урюк, орех (*Антипина*, 1962. С. 143; *Марков*, 1901. С. 146). Массовое строительство глинобитных зимних жилищ (с устройством по стенам ниш)¹⁴ (*Антипина*, 1962. С. 195; *Кушнер (Кнышев)*, 1929. С. 16) нашло свое продолжение и в названии могил, которые соответствуют названию частей стационарного дома (*Баялиева*, 1972. С. 82). Типичная черта – строительство загонов для скота (*Абрамзон*, 1971. С. 80), в составе которого, по сравнению с северными районами, высока доля коз, крупного рогатого скота, верблюдов и ослов (*Абрамзон*, 1961. С. 127; *Зуйтин, Войтяцкий*, 1930. С. 12–13; *Пржевальский*, 1948. С. 282; *Сахаров*, 1934. С. 368).

Обычными в рационе были орехи, фрукты, плов, лапша и лепешки из культурных злаков (*Абрамзон*, 1959. С. 356; *Громбчевский*, 1890. С. 95; *Кушнер (Кнышев)*, 1929. С. 31; Народы

Средней Азии, 1963. С. 261; *Шахназаров*, 1908. С. 408).

Кунь-лунский подвариант является переходным, поскольку в нем присутствуют элементы, присущие лессовым областям Китая (дома в лессах). В отличие от Тянь-Шаня, здесь более высокие гипсометрические отметки; крутизна склонов и узость речных долин сократили размеры земельных наделов (*Громбчевский*, 1890. С. 95). В путевых заметках путешественников неоднократно упоминается, что горные пастбища нередко воспринимались в качестве городских предместий, а среди скотоводов часто встречались выходцы из поселений (*Белью*, 1877. С. 14; *Певцов*, 1949. С. 75, 112).

В поясе холодных пустынь и сыртов, характерных для высокогорий центральноазиатских гор (Кунь-Лунь, отчасти Тянь-Шань, Памиро-Алай), формируется **тянь-шань – кунь-лунский высокогорно-пустынный** ЭГВ с чертами скотоводства памиро-тибетских нагорий. Расположение пастбищ выше основных влагонесущих воздушных потоков определяет тут отсутствие или незначительность снежного покрова зимой, что создает предпосылки для круглогодичного кочевания с горизонтальными и/или малоамплитудными (по высоте) маршрутами (Труды Тибетской..., 1892. С. 23; Народы Средней Азии, 1963. С. 194). Близким данной культуре является и круглогодичный выпас скота в высокогорных, в том числе озерных (Сон-Кель), котловинах (Материалы по географии..., 1875. С. 517; *Котельников*, 1885. С. 215). Еще один анклав этих традиций фиксируется в Северо-Западной Монголии и по южной периферии Алтая-Саян.

Бедный состав и разреженный характер растительности сыртов делают закономерной постоянную смену пастбищ скотоводами, а большие абсолютные высоты способствуют формированию здесь центров разведения яка и его использования в качестве основного рабочего скота (*Абрамзон*, 1959. С. 342; *Лус*, 1930. С. 152, 199). Показательно изготовление там одежды и утвари из шкур и шерсти яка (*Прокофьева*, 1955. С. 8; *Шиббаева*, 1956. С. 28), употребление его мяса, но особенно – ячьего молока, ценимого за свою жирность и питательность (*Вяткина*, 1960. С. 165; *Мунгунхуу*, 2005. С. 81; *Прокофьева*, 1955. С. 8), и изготовление на его основе молочных продуктов (*Лус*, 1936. С. 304; *Скрин*, 1930. С. 31). Именно яки стали у киргизов высокогорий центральноазиатского сектора мерилем бо-

¹⁴ Это характерный признак жилищ Узбекистана, Таджикистана и Восточного Туркестана (*Антипина*, 1962. С. 195).

гатства (*Белью*, 1877. С. 147), а хвосты этих животных нередко водружались на шесты, устанавливаемые рядом с могилами.

На западе Внутренней Азии и в ее горном окружении помимо собственно горных вариантов есть примеры горно-котловинного скотоводства. К наиболее интересным из них относится *лобнорский озерно-пустынный* ЭГВ, существовавший до начала XX в. среди южногобийских пустынь в наиболее низко расположенной части Таримской межгорной впадины.¹⁵ На «ядро» признаков охотников-рыболовов аридных равнин Евразии тут накладывается культура оазисов и, видимо, монгольской кочевой культуры. Низкоспециализированное скотоводство там осуществлялось параллельно лову рыбы (*Бонвало*, 1897. С. 41; *Пржевальский*, 1947. С. 77), притом из заметок М. В. Певцова следует, что уменьшение количества рыбы в реках способствовало увеличению поголовья скота в стадах, и наоборот (*Певцов*, 1949. С. 210, 246, 247). Четырехугольные тростниковые жилища лобнорцев с остовом и стенами из снопов камыша, камышовыми же крышами и внутренними перегородками (*Пржевальский*, 1947. С. 49, 78; 1948. С. 190; Путешествие по..., 1895. С. 310) свидетельствуют о том, что этот район представляет собой один из основных центров «чиево-камышовой культуры» населения водных артерий и озер аридных зон Средней и Центральной Азии. Под стать образу жизни лобнорцев и занимаемой ими нише сложился у них и обряд «ухода», где фигурируют рыбацкие сети и оставаемая в тростнике погребальная конструкция в виде «гроба-колоды» из двух поставленных одна на другую лодок (*Пржевальский*, 1888. С. 312; 1947. С. 49, 78, 80; 1948. С. 196).

Обобщение массива научных данных позволяет говорить, что центр разнообразия адаптивных признаков и занятий скотоводов запада Внутренней Азии и ее горного обрамления приходится на восточнотуркестанские территории с

наиболее контрастным расположением ландшафтов. В Джунгарской впадине наблюдаемое этническое разнообразие (алтайцы, дунгане, казахи, киргизы, монголы, тувинцы, уйгуры и др.) находит свое продолжение в разнообразии хозяйственных укладов земледельцев и номадов. Номады с подвижными формами скотоводства, с одной стороны, выпасают монгольские и киргизские породы скота, с другой – практикуют овощеводство и птицеводство, а по северной периферии занимаются еще и охотничьим промыслом (*Габит*, 1924. С. 15, 17; *Закржевский*, 1888, С. 23; *Калмыкова*, *Овдиенко*, 1957. С. 143, 145; *Монгуш*, 2002. С. 52, 55, 56 и др.). В географическом отношении эта территория тоже объединяет природные контрасты. Алтайские и алтайско-джунгарские типы поясности встречаются здесь с джунгарскими и джунгарско-семиреченскими, при этом дно Джунгарской котловины, склоны северной и западной экспозиции отражают полупустынный и пустынный среднеазиатские ландшафтные ряды, а южные склоны Тянь-Шаня и его восточная оконечность – центральноазиатские. Именно в Джунгарии, как считал Л. Н. Гумилев, проходит граница между культурами запада и востока Центральной Азии, чему способствуют переходные явления в характере увлажнения, составе растительности и иных физико-географических параметров (*Гумилев*, 1965. С. 117–119).

Не менее своеобразна хозяйственно-культурная ситуация в Таримской впадине, где виды хозяйства тесно связаны с практически правильной концентрической ландшафтно-высотной структурой: сверху вниз, от высокогорий и до дна Таримской впадины последовательно сменяют друг друга высокогорное скотоводство тибето-памирских нагорий, горное скотоводческо-земледельческое скотоводство, предгорно-подгорный оазисный земледельческо-скотоводческий тип занятий и, наконец, комплексное котловинное рыболовно-охотничье-скотоводческо-земледельческое хозяйство.

* * *

Выделенные эколого-географические варианты (ЭГВ) представляют собой наиболее поздние звенья как тюркского этапа становления номунизма, так и всей адаптационно-хронологической цепочки скотоводства на рассматриваемой территории. Хозяйственно-культурное на-

¹⁵ Рассмотрен автором в отдельной публикации (см.: *Соколов*, 2012). По наличию тесных связей с источниками воды, более низкой, доходящей порой до пастушеских форм техники скотоводства и широкому использованию растительных волокон, в том числе чия и камыша для создания жилых конструкций, он находит немало точек пересечения с полуседлыми и оседлыми культурами рек и озер равнин Центральной и Средней Азии (*Балицкий*, 1883. С. 22; *Жданко*, 1961. С. 57; *Левшин*, 1832. С. 40; *Маргулан*, 1986. С. 109; *Россия...*, 1903. С. 213–214; *Саджеев*, 1927. С. 30–32; *Сахаров*, 1934. С. 302 и т. д.).

следие ранее проживавших на этой территории народов накапливалось в номадизме не одно тысячелетие. Освоение широкого диапазона сред обитания предопределило богатство приемов и навыков ведения скотоводческого хозяйства; вековые смены климатических фаз и волны миграций изменяли границы существующих хозяйственных типов, вымывали не востребуемые черты культуры и закрепляли новые адаптивные комплексы, порой резко контрастирующие и потому легко идентифицируемые на фоне местных (аборигенных) культур. Присутствие фрагментов таких адаптационных комплексов и их анализ дают основания говорить о том, что в отдельные исторические периоды (по сравнению с этнографическим) ареалы распространения таких комплексов были иными,¹⁶ а значит, иной была и общая картина хозяйственно-культурной жизни в регионе. Возможно ли восстановить ее, а также и характер эколого-географических связей на западе Внутренней Азии и в ее горном окружении для более ранних исторических эпох, плохо обеспеченных (или вообще не обеспеченных) письменными источниками?

В поиске ответа на этот вопрос стоит обратиться к опыту применения в исторической географии диахронического метода, который используется для выявления взаимосвязей между природой, населением и хозяйством в историче-

ской ретроспективе на основе сопоставления такого рода взаимосвязей на отдельных временных отрезках или историко-географических этапах (*Жекулин*, 1982. С. 27, 80, 83, 85). Одним из ключевых положений данного метода является реконструкция природной среды для каждой из рассматриваемых эпох, поскольку тип хозяйства, локализация определенных устойчивых производственно-хозяйственных центров и способов функционирования, а также их историческая многовековая преемственность в немалой степени определяются особенностями и стабильностью природных поясов и ландшафтных зон (Там же. С. 38–39, 93–95). Т. е., природная среда выступает, по существу, общей «осью», пронизывающей историко-географические срезы.

Диахронический подход, реализуемый в настоящей статье, позволяет считать, что этнографический этап (и характерные для него способы взаимодействия общества, хозяйства и ландшафтной оболочки) с выделенными для него ЭГВ скотоводства следует рассматривать как наиболее поздний историко-географический период развития. Для более ранних эпох выделение ЭГВ видится проблематичным ввиду ограниченного количества имеющихся наблюдений и письменных свидетельств. В этих условиях представляется плодотворной идея обращения к археологическим источникам не только для восполнения лакун, но и для расширения хронологических рамок при рассмотрении избранной темы применительно к скифо-сарматскому времени.¹⁷ Наиболее ценные материалы для реконструкции эколого-географических традиций ранних кочевников на территории запада Внутренней Азии и ее горного обрамления содержатся в погребальных памятниках. Сама возможность их использования для подобного рода исследований очевидна, поскольку, во-первых, по факту расположения в конкретной физико-географической среде они несут информацию об ее свойствах; во-вторых, они созданы носителями определенных адаптационных моделей и отражают хозяйственно-культурное своеобразие; и в-третьих, они имеют хронологическую привязку. Вектор и характер взаимодействия географического, хозяйственно-культурного и временного аспектов дают существенный материал

¹⁶ Примером таких адаптивных комплексов, маркирующих бывшие границы ареалов в Алтае, Саянах и Северо-Западной Монголии, являются, в частности, среднеазиатские по своему происхождению инструменты для обработки почвы, а также арыки, вырытые в более ранние времена предыдущим населением и только поддерживаемые алтайцами и тувинцами (*Баранов*, 1932. С. 38; *Кабо*, 1934. С. 66–67; *Потапов*, 1952. С. 187; *Швецов*, 1900. С. 7). Вместе с тем можно предположить, что и границы многих лесных традиций некогда проходили южнее. На это указывают разнообразные факты: поля для возделывания зерновых культур, землянки, мазанки, юрты и шалаши скотоводов – в лесах Киргизии и Синьцзяна (*Роборовский*, 1949. С. 97, 453, 458; *Сапожников*, 1905. С. 276; *Скрайн*, 1935. С. 85; *Федоров*, 1903. С. 31; *Федченко*, 1903. С. 505; *Хорошихин*, 1876. С. 316), выпас скота – в среднеазиатских лесах, кибитки с четырехугольной юртой и юрты с «шейкой» (дериваты конических конструкций) – в Монголии и в ее внутренних областях (*Вяткина*, 1960. С. 183), сходные с южно-сибирскими наземные деревянные погребальные конструкции джунгар и киргизов – в малодоступных районах Тянь-Шаня (*Абрамзон*, 1960. С. 9; 1971. С. 326; *Рацек*, 1947. С. 464–465; *Ситнянский*, 2001. С. 177, 178). Во всех этих и многих других случаях обнаруживается тесная связь номадов с лесной нишей и разнообразное использование ими дерева в быту (*Федченко*, 1903. С. 505).

¹⁷ Одной из работ, где осуществлен такой междисциплинарный подход, является монография Г. В. Длужневской и Д. Г. Савинова (*Длужневская, Савинов*, 2008).

для последующего анализа локализации культурно-экологических комплексов на отдельных временных отрезках, динамики их развития и сменяемости. Но, к сожалению, фрагментарность археологических источников (как их неотъемлемое свойство) позволяет реконструировать на их основе лишь отдельные звенья существовавших некогда адаптационно-производственных цепочек. Их упорядочению способствуют статистически достоверная выборка исследованных памятников и накопленных материалов, полевые наблюдения и обобщающие работы, выполненные археологами на большом фактическом материале.

Рассматривая вопрос о характере природной среды в конце IX в. до н. э.–V в. н. э., необходимо констатировать противоречивость интерпретаций данных палеоклиматических исследований для отдельных областей и трудность их корреляции между собой из-за отсутствия четкой хронологической основы. В немалой степени это объясняется повышенной контрастностью природных условий региона, где отклик геокомплексов на климатические, в том числе глобальные, изменения мог иметь противоположную направленность (Дирксен, Чугунов, 2007. С. 140). До определенной степени данная ситуация может быть компенсирована материалами самих погребальных комплексов, где о веществе и качественно-количественно проявляются ресурсы и свойства природной среды. Однако избирательность попадающих в контекст погребального обряда ее характеристик дает только весьма приблизительное и неполное представление о палеообстановке. Поэтому все обобщения, оценки и интерпретации требуют большой осторожности даже при условии привлечения достоверных статистических выборок.

Среди древних артефактов и занятий, в наибольшей степени отражающих горный характер территории рассматриваемого региона, в могилах скифо-сарматского времени могут быть выделены: многочисленные и конструктивно разнообразные деревянные внутримогильные конструкции, представленные практически во всех областях (но в различные эпохи) продукты земледелия, шерсть яка и изделия из его рогов (Полосьмак, 2001. С. 192; Руденко, 1953. С. 70 и др.),¹⁸ а также конструкции седел для верховой

езды в горном рельефе (высокая передняя лука, подхвостный ремень) (Ахметжан, Ахметжанова, 2013. С. 189; Комиссаров, 2005. С. 117; Полосьмак, 2001. С. 220; Руденко, 1953. С. 161, 164 и др.; 1960. С. 228). Если в Европейской (равнинной) Скифии находки колесниц не редкость (Бессонова, 1982. С. 105–107), то здесь в памятниках конца IX–IV (III) вв. до н. э. найдена только одна колесница (Руденко, 1953. С. 230), которая представляет собой разборную, с использованием ремней, конструкцию для переноса на сложных участках (крутых склонах, узких тропах и пр.) (Грязнов, 1992. С. 169). Там же найдены примитивные цельные листовенничные колеса от низкой телеги, используемые, согласно этнографическим данным, на горном каменистом грунте (Рона-Таи, 1964. С. 166; Руденко, 1953. С. 230). Относительно недавно появилась работа, где веско обосновывается присутствие именно упряжных лошадей в Аржане-1 (Смирнов, 2012).¹⁹

Ретроспективный обзор археологических материалов позволяет отметить ряд явлений и характеристик в погребальном обряде, распределение которых близко как к зонально-широтному принципу смены ландшафтов, так и к этнографической ситуации.²⁰ В Южной Сибири и Восточном Казахстане к числу таких признаков относятся артефакты, касающиеся оленя (Грязнов, 1950. С. 39, 49; Полосьмак, Баркова, 2005. С. 139; Руденко, 1953. С. 54, 219 и т. д.; 1960. С. 72, 78 и т. д.; Самашев и др., 1999. С. 164), а в южных предгорьях Восточного Тянь-Шаня и в полосе оазисов – верблюда (Варенов, 2009. С. 108; Варенов, Шойдина, 2000. С. 259; Восточный Туркестан..., 1988. С. 383; Восточный Туркестан..., 1995. С. 475; Комиссаров, 2000. С. 305; Шульга, 2010. С. 19, 83, 85 и др.). Возможно, отмечаемая в Синьцзяне примесь шерсти козы в текстиле и изготовление из нее веревок (Восточный Туркестан..., 1995. С. 46, 163; Полосьмак, Баркова, 2005. С. 36) сигнализируют о выпасе на скудных пастбищах этого самого нетребовательного к кормам животного.

Из других закономерностей обращает на себя внимание ориентированность древнего населе-

¹⁸ Изображения и скульптурки яка встречаются в Тянь-Шане (Бернштам, 1952. С. 187, 193).

¹⁹ Под знаком вопроса стоит находка ярма-рогатки от повозки в Казахском Алтае (Самашев и др., 1999. С. 164).

²⁰ Речь идет о наличии точек совпадения в распределении отдельных групп инвентаря и традиций с ареалами северной автономной и южной, связанной с оседлыми земледельческими культурами формациями скотоводства.

ния Саяно-Алтая, Восточного Казахстана и Северо-Западной Монголии на дерево как главный материал для жизнеобеспечения и, в том числе, художественного самовыражения (*Полосьмак*, 2001, С. 260), что нашло свое воплощение в формировании там основного центра срубного домостроения Центральной Азии и наиболее совершенных традиций резьбы по дереву (*Мыльников*, 2008. С. 106, 109, 111; 2011. С. 168). Сложение срубного домостроения нужно связывать с обилием дерева и суровыми климатическими условиями. Под последними понимается прежде всего фактор холода как один из ведущих в процессе биологического приспособления местного населения (*Алексеева*, 2007. С. 10, 13; *Грач*, 1980. С. 32, 42).²¹ Но наряду с широким распространением в могилах конструкций из хвойных пород деревьев и даже плодов некоторых из них, по-видимому, входивших в пищевой рацион (*Вайнштейн*, 1955. С. 87; *Грач*, 1980. С. 111; *Кубарев*, 2005. С. 50; *Маннай-оол*, 1970. С. 93; *Новгородова*, 1989. С. 277, 334), в курганах юга Сибири отмечаются одновременно и следы традиций, этнографические параллели которым уводят к культуре народов, окруженных более влажными лесами, а именно: обкладка могильных ям березовыми стволами или досками (*Могильников*, 1990. С. 81), оборачивание берестой листовенных бревен срубов (*Кисель*, 2011. С. 209), оклейка торцов и бортов погребальных колод берестой, изготовление из древесины березы и ее коры посуды, предметов утвари и т. д.

Наконец, свидетельством снежных зим могут служить найденные в Алтае-Саянских горах волокуши с полозьями (*Мыльников*, 2008. С. 91) и предмет, аналогичный тувинским, для уборки снега (*Вайнштейн*, 1970. С. 46).

С северной периферией надо также связывать основные районы распространения костяного инвентаря и при этом констатировать, что охота в Южной Сибири и на смежных с ней террито-

риях носила не только мясо-шерстное направление, но и становилась источником получения сырья для целой костно-роговой индустрии. По-видимому, к южносибирским традициям во многом нужно относить и Синьцзян (по крайней мере Джунгарии), где только в разграбленных погребениях некрополя Цзяохэ Гоубэй найдено около 100 роговых и костяных предметов (*Варенов и др.*, 2009. С. 240). А вот в Кыргызском Тянь-Шане и Семиречье разнообразие и численность костно-рогового инвентаря заметно уменьшается: почти нет орудий труда, а известные образцы представлены небольшими по размеру предметами.

На юге, в могилах тянь-шане–туркестанской зоны, многочисленны свидетельства земледелия: злаки, ягоды, орехи, душистые и пряные культуры, плоды и остатки фруктовых деревьев и т. д., – что соотносится со сведениями древних китайских письменных источников о земледелии в «Западном крае» (Восточный Туркестан..., 1988. С. 282, 288, 350 и др.).

С южным геокультурным поясом связан и основной ареал керамических изделий, в одних случаях уводящих к навыкам среднеазиатских земледельцев (*Заднепровский*, 1962. С. 87; *Кожомбердиев*, 1983. С. 13), в других – к андроновской общности (*Кузьмина*, 1986. С. 67; 1994. С. 126), а в третьих – к местным традициям (*Шульга*, 2010. С. 30). По разнообразию форм и общему количеству глиняной посуды в могилах Алтае-Саяны выглядят явно беднее, а для раннескифского времени приходится пока говорить об отсутствии там керамической посуды в могилах или о единичных находках её фрагментов в насыпях курганов (*Грач*, 1980. С. 74; *Кирюшин*, *Тишкин*, 1997. С. 86; *Чугунов*, 2001. С. 175).

Тянь-шане–восточнотуркестанские территории являются частью протянувшейся от Ближнего Востока до Северного Китая лессовой области. Здесь, как и во многих других ее районах, получила распространение *земле(у)строительная*²² технология, суть которой заключается в использовании глинобитных строительных

²¹ Об этом же говорит и укоренившаяся с раннескифского времени практика утепления домов войлочными коврами изнутри (сродни внутренней обивке кошмой деревянных домов у монголов) (*Рона-Таш*, 1964. С. 51; *Чугунов*, 2004. С. 18, 20), а также укладка войлока поверх срубов (*Акишев*, 1962. С. 64; *Акишев*, *Кушаев*, 1963. С. 58; *Мыльников и др.*, 2007. С. 351; *Руденко*, 1960. С. 33). Это перекликается с описанием жилища аргипеев: «Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без покрывки» (*Геродот*, IV, 23).

²² Этот несколько искусственный термин отражает объединение двух явлений: строительства из лессовых пластов или пахсы, т. е. использования земли как *строительного материала*, и сооружения подбоя, ниши, свода, ступени и пр., что является в первую очередь приспособлением к свойствам грунта, – подобные *конструктивные элементы* «устраивают в земле».

материалов (кирпич, гувалья, пахса и т. д.) для создания стен и закладки входов, в оштукатуривании поверхностей, а также в высечении полостей (катакомбы, подбои, ниши) и моделировке поверхностей (уступы, приступки, полочки, ниши, своды, арки, ступеньки, пороги и т. д.) в лессовых и лессовидных покровах. Высказано мнение о заимствовании кочевниками технологии у земледельцев Средней Азии (Массон, 2006. С. 228), но в Синьцзяне некоторые из погребальных конструкций, устраиваемых в лессовых породах, имеют прямые аналогии с таковыми в лессовой области Китая (Боталов, 2007. С. 81).²³

Традиции плетения, фиксируемые в могилах тянь-шане–восточнотуркестанских погребальных комплексов, также являются примером традиции аридных областей Азии. Растения для плетения служили материалом для внушительного ассортимента изделий, но наибольший интерес вызывают такие макроформы, как камышовые маты (Акишев, Байтаков, 1979. С. 57; Акишев, Кушаев, 1963. С. 39, 58, 67), плетеные облепиховые гробы (Бернитам, 1952. С. 193; Сорокин, 1948. С. 125), а также гробы и погребальные корзины из камышовых и кустарниковых «жердей»-жгутов (Анарбаев, Матбабаев, 1990. С. 46; Брыкина, 2001. С. 105–106; Восточный Туркестан..., 1995. С. 290; Матбабаев, 1994. С. 61).²⁴ Венцом же развития этой традиции надо считать известную по китайским письменным источникам юрту хуннского типа с плетеным ивовым остовом (Таскин, 1968. С. 142).²⁵

Можно заметить, что зонально-поясное распределение рассмотренных выше археологических признаков культур не только соответствует данным этнографии по скотоводству региона, но для скифо-сакского времени в наибольшей степени совпадает с границами скифо-сибирской и тянь-шане–восточнотуркестанской (сакской) общностей. Граница между ними проходила че-

рез Восточный Казахстан (Черников, 1975. С. 282–283) и – исходя из археологических исследований региона – могильник Улангом в Северо-Западной Монголии. Внутри каждой из таких общностей на основе как географических, так и культурных факторов происходили последующая дифференциация и сложение культурно-экологических областей, выделенных, например, для Саяно-Алтайского нагорья (Савинов, 2007. С. 211–228; Тишкин, 2007. С. 85–93).

При уточнении временных рамок и территориальных границ распространения каждого из рассмотренных явлений (используемые строительные материалы, типы и навыки возведения погребальных конструкций, виды растительных и животных остатков и пр.) для периода конца IX в. до н. э.–V в. н. э. выделяются два историко-географических этапа природопользования, которые согласуются с археологической периодизацией, а именно: скифо-сакский и гунно-сарматский.

Скифо-сакский историко-географический этап можно определить как горный комплексный. Горный – поскольку в могилах встречаются специфические именно для гор, а не для равнин Средней и Центральной Азии, свидетельства хозяйственных цепочек, связанных с лесной нишей в виде повсеместного присутствия добротных деревянных конструкций. В Синьцзяне на фоне последующих эпох они служат даже культурно-хронологическим маркером (Восточный Туркестан..., 1995. С. 259). Комплексным же этот этап может считаться потому, что, помимо признаков типично «лесного» ряда, в могилах даже наиболее богатой лесом Южной Сибири часто воспроизводятся черты, обычно встречаемые в южном геокультурном поясе. Речь идет прежде всего об обмазке камер, уступчато-ступенчатом и подбойном типе могил (Боковенко, Заднепровский, 1992. С. 142; Кирюшин, Степанова, 2004. С. 10; Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 47, 59; Соенов, 1999. С. 171; Ткачев, Тишкин, 1999. С. 194; Шульга, 1997. С. 195; 2008. С. 162; Шульга, Гельмель, 2002. С. 509 и др.).²⁶ Но наиболее примечательными являются

²³ Рядом китайских археологов высказано предположение, что подбои, характерные для могильных комплексов кочевников провинции Ганьсу, берут свое начало от жилищ в лессах (Шульга, 2014. С. 256).

²⁴ Датировка некрополя Мунчак-Тепе выходит за рамки усуньского времени, однако фиксируемые там традиции являются примером поиска приемов создания жестких конструкций и имеют перекличку с областью Лобнора.

²⁵ Однако происхождение юрты, по-видимому, связано с иными как географическими, так и культурными доминантами.

²⁶ В случае колоколовидных погребальных ям саглынской культуры Тувы, которые содержат срубы или конструкции типа «сруб в подбое» из могильника Чинге-Тэй I (Чугунов, Шырап, 2010. С. 86), можно усмотреть культурно-хозяйственное смешение и соединение двух традиций, которые в этнографии региона имеют различную географическую привязку.

«колоколовидные» ямы Тувы, известные в Синьцзяне как «мешковидные» (Шульга, 2010. С. 29, 49, 54 и др.), а в Киргизии – как «сводчатые», или «кольцевые подбои» (Восточный Туркестан..., 1995. С. 311). Техника их сооружения при реконструкции определяется также как подбойная, т. е. последовательное создание ниш по стенам погребальной камеры (Грач, 1980. С. 126).²⁷ В данной связи вызывает интерес высказанное недавно мнение о том, что и прототипом могил пазырыкской культуры с приступкой для коня, по сути, выступают восточно-туркестанские подбои с уступом для животных (Шульга, 2010. С. 19, 85, 87). Причину метаморфоз, произошедших с конструкцией горноалтайских могил (как и незначительного количества подбоев в Алтае-Саянах в целом), помогает понять рассуждение С. С. Черникова, который объяснял отсутствие катакомб в Сибири характером ее почв, не позволяющих создавать данные конструкции, в силу чего их заменяли на обычные ямы (Черников, 1951б. С. 147). Сходная мысль высказана и Е. И. Агеевой в отношении так называемых могил «с заставками» из Семиречья, которые появляются в условиях осыпавшихся галечных грунтов и имитируют подбой (Агеева, 1960. С. 65).

Гунно-сарматский историко-географический этап природопользования может быть определен как равнинно-предгорный. Об этом свидетельствуют найденные остатки чия, камыша, тальника, тополя, злаковых, а также приемы сооружения погребальных комплексов с использованием «земле(у)строительной» технологии. Все они имеют аналогии в речных долинах и предгорьях аридной зоны. К этому же периоду относятся массовые находки костей козы, увеличение количества найденных повозок и их деталей (Восточный Туркестан..., 1995. С. 200), но самое главное (о чем многократно писали разные исследователи) то, что состав находок западной и восточной частей евразийских степей позволяет говорить о сложении на этом этапе единого культурного пространства.

Особенности каждого из историко-географических этапов наглядно демонстрируют культуры Алтае-Саянской области, и особенно Тувы, где наибольшее количество курганов скифского времени сосредоточено в среднегор-

ных глубокорасчлененных ландшафтах с мелколиственно-светлохвойными лесами в сочетании со степями, а уже в гунно-сарматское время – в открытых низкогорных степных ландшафтах (Глебова, 2007. С. 134, 147). Иллюстрацией произошедшей перестройки в высотном ландшафтной организации хозяйства не только здесь, но и на Алтае, является замена часто встречаемых срубных и бревенчатых внутримогильных конструкций в скифское время – на дощатые и решетчатые в гунно-сарматский период (Мыльников, 2008. С. 105–106), в чем можно усмотреть более рациональное отношение к древесине. В могилах кокзельской культуры Тувы наряду с лиственницей часто обнаруживаются произрастающие ниже тополь и карагана; обычны тальниковые прутья; симптоматично появление зерен посевной конопли и проса; обнаружены серпы; есть подбои, ниши для посуды, ступеньки и уступы (Вайништейн, 1970. С. 12, 17 и др.; Вайништейн, Дьяконова, 1966, С. 256, 257; Грач, 1980. С. 112; Длужневская, 2010. С. 84; Дьяконова, 1970. С. 84, 88 и др.; Дэвлет, 2010. С. 173; Кызласов, 1979. С. 96–98, 105 и др.; Мандельштам, 1983. С. 47). В разной степени все эти явления характерны как для Алтая и Восточного Казахстана, так и для Северо-Западной Монголии (Матренин, 2008. С. 54; Новгородова, 1989. С. 330; Черников, 1951а. С. 68). Картина проникновения оседло-земледельческих традиций в горные районы, ранее составлявшие владения кочевников, зафиксирована и в Тянь-Шане с начала I тыс. н. э. (Бернштам, 1952. С. 95, 267).

Вместе с тем при рассмотрении памятников скифо-сарматского времени необходимо обратить особое внимание и на те компоненты, которые тогда представляли собой базовый элемент культуры, но в этнографический историко-географический этап абсолютно неизвестны или малоизвестны (или имеют резко отличающийся ареал распространения). В могилах, которые принадлежат к древней кочевой традиции, к числу таких значимых черт относятся: керамика, обилие высокохудожественных изделий из различных материалов, подчеркивание социального фактора.²⁸ К этому же кругу явлений мож-

²⁷ Единично они известны и в Восточном Казахстане (Самашев и др., 2011. С. 342).

²⁸ Многочисленность коллективных погребений, обширные некрополи и высокая концентрация могил на единицу площади – эти и некоторые другие признаки не всегда (и не везде) находят параллели как в погребальном обряде скотоводов этнографического времени, так и хозяйстве, которое склоняет к рассеянному проживанию.

но отнести приемы сооружения и типы возводимых каменных конструкций, которые находят аналогии даже не в скотоводческой, а в монументальной архитектуре и городском строительстве: вымощенные и утрамбованные с использованием развитой технологии ритуальные дороги вокруг курганов, выкладки «пола» или «дорожек» на уровне древнего горизонта; насыпи в виде цилиндрико-конических башен, куполообразных кровель и повсеместно встречаемых усеченных пирамид; сложенные из плитняка саркофаги, арочные перекрытия и столбы-опоры; каменные стены с правильной кладкой (Абетеков, 1989. С. 11; Акишев, Кушаев, 1963. С. 27, 41, 44, 66; Гасс, 2012. С. 470–471; Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 58; Максимова, 1973. С. 158, 159; Савинов, 1994. С. 80; Сорокин, 1969. С. 217). В связи с чем представляют интерес отмеченные еще А. Н. Бернштамом многократные упоминания древних источников о городах ранних кочевников (Бернштам, 1952. С. 266). Конечно, отчасти истоки урбанизационных процессов, характеризующиеся соответствующими проявлениями в материальной культуре, правомерно увязывать с периодом Хуннской империи, однако существование многих элементов определяется более ранним временем.

В погребальном обряде древних кочевников, как и в этнографическое время, фиксируются двухуровневые конструкции. Остатки деревянных шестов обнаружены на многих погребальных срубках ранних кочевников Чуйской степи. Они, как предполагается, могли возвышаться даже над насыпью кургана (Кубарев, 2009. С. 166). В курганах плато Укок они реконструируются как временные легкие конструкции, находившиеся над срубками (Полосьмак, 2001. С. 20). О присутствии каких-то надмогильных легких строений из органических материалов (кошма, прутья, шкуры), стоявших на каменных оградах курганов или внутри них, говорят наблюдения в Киргизии (Абетеков, Шер, 1977. С. 68–69). В ряд аналогий следует включить деревянные камеры над системой катакомб в Семиречье (Акишев, Кушаев, 1963. С. 46, 60–62, 76), а также двухэтажные срубы в Туве (Кызласов, 1979. С. 69). Однако для скифо-сарматской эпохи нет достоверных археологических сведений о наличии унифицированного легкого переносного жилища. Напротив, для легких конструкций характерна локальность вариантов, которая отражает направление строительных тех-

нологий. Так, в могилах Алтае-Саянского нагорья найдены изображения чума и решетчатые конструкции с частично сохранившимися берестяными покрытиями, в том числе сшитыми между собой (Вайнштейн, 1955. С. 87; Руденко, 1953. С. 35, 36, 78, 237; Семенов, 2010. С. 244 и др.), в Семиречье и Восточном Туркестане встречаются так называемые могилы с «заставками» (Акишев, Кушаев, 1963. С. 190, 203, 212 и др.), которые, кстати, известны в погребальной практике сибирских татар (Томилов, 1980. С. 119), но, что особенно примечательно, конструктивно аналогичны односкатным навесам-шалашам многих сибирских народов. В Синьцзяне отмечена такая деталь внутримогильных конструкций, как частоклад вдоль стенок могильных ям с прикрепленными к нему циновками (Восточный Туркестан..., 1995. С. 276), а в Алайской долине – плетенные из облепихи гробы (Бернштам, 1952. С. 193).

Еще одним знаковым явлением древних кочевых культур является значительная глубина могильных ям (на Алтае и в Синьцзяне – более 7 м, в Северной Монголии – почти 18,5 м, что на порядок глубже, чем трех-, четырехметровые ямы-западни для животных у северных алтайцев) (Восточный Туркестан..., 1988. С. 182; Полосьмак и др., 2006. С. 462; Потатов, 2001. С. 26; Руденко, 1960. С. 100). Примечательны системы катакомб под погребальными камерами, присутствие подхоронительных ходов, нередко с опорными балками (Акишев, Кушаев, 1963. С. 76; Грач, 1980. С. 115, 118; Шульга, 2010. С. 27), находки в могилах фрагментов горнов, горнопроходческих орудий, пестов, лопат и т. п., которые уводят к традициям металлургических центров.

Приведенным археологическим материалам, при сопоставлении их с этнографическими, можно найти аналогии как в оседлой культуре, так и среднеазиатской (находящейся в орбите оседло-земледельческого хозяйства) формационной модели этнографического скотоводства и, в частности, в тьянь-шане-кунь-лунском горном пустынно-степном ЭГВ. Западный Тянь-Шань, и особенно Синьцзян, с учетом наличия сопребений коня, по разнообразию элементов выглядят как наиболее полно представленная матрица некоего исходного недифференцированного земледельческо-скотоводческого (и/или скотоводческо-земледельческого) типа. В скифо-сарматское время эти территории являются пере-

ходными от оседло-земледельческих цивилизаций к скотоводческим с характерными для последней чертами: чересполосным размещением комплексов, пестротой ХКТ и различными моделями развития (*Бернштам*, 1952. С. 265; *Заднепровский*, 1959. С. 25–26; 1960. С. 171; *Литвинский*, 1983. С. 9; *Опалев*, 2000. С. 201–202; *Худяков*, *Комисаров*, 2003. С. 318–319; *Шульга*, 2011. С. 407 и др.), слоями поселений скотоводческой или скотоводческо-земледельческой направленности (*Агеева*, *Пацевич*, 1956. С. 58; *Гулямов*, 1951. С. 100; *Дебэн-Франкфор*, 1989. С. 249–250; *Заднепровский*, 1956. С. 28; 1959. С. 28; *Михельс*, *Сорокин*, 1950. С. 95–96; *Салтавская*, 1975. С. 53 и др.), районами оседания кочевников (*Бабанская*, 1956. С. 205; *Бернштам*, 1945. С. 63; 1948. С. 6–7; *Досымбаева*, 2007. С. 67; *Заднепровский*, 1959. С. 28), высокой степенью сходства инвентаря оседлых и подвижных групп населения (*Заднепровский*, 1962. С. 176). И не случайно, что археологические материалы именно этих областей дали основание специалистам усомниться в принадлежности к номадизму таких признаков, как керамика, злаковые культуры и даже остатки мясной пищи (*Абетеков*, *Шер*, 1977. С. 74; *Воеводский*, *Грязнов*, 1938. С. 178; *Заднепровский*, 1962. С. 175). Более того, сходные археологические данные из Синьцзяна заставили поставить один из важнейших в методическом отношении вопрос – о критериях идентификации и культурно-экологических основах скотоводческих традиций (*Дебэн-Франкфор*, 1989. С. 203–217).

Представляется, что алтае-саянские территории по разнообразию известных признаков (по сравнению с тьянь-шане–восточнотуркестанскими) выглядят обедненно из-за меньшего набора артефактов, отражающих развитие земледелия и производство керамики, которые (как минимум) свидетельствуют о навыках или зачатках высшей оседлой культуры и быта. Таким образом, учет всех особенностей историко-географических этапов и локальных различий приводит к мысли о существовании региональной специфики скотоводства в скифо-сарматское время и одновременно позволяет по-новому посмотреть на формы древнего кочевания в регионе. Второе требует отдельно краткого комментария.

Сравнительная характеристика историко-географических этапов скифо-сарматского времени дает наглядное представление о том, что погребальный обряд в условиях гор – это спрое-

цированные на объект (курган, некрополь, локальный вариант археологической культуры и археологическую культуру в целом) через овеществление и качественно-количественное проявление ресурсов и свойств природной среды достоверные данные об используемых в процессе жизнедеятельности географических нишах²⁹ и производственных цепочках. При этом становится очевидным, что наилучшие результаты географического ранжирования таких хозяйственных связей демонстрируют комплексы с палеоэтнографической степенью сохранности материала, известные и в Южной Сибири, и в Тянь-Шане (но, конечно, требуется принимать во внимание «импульсно-волновой» феномен проникающих традиций). Анализ таких погребальных памятников рассматриваемого периода убеждает в том, что в жизненный цикл ранних кочевников были вовлечены практически все высотные ступени гор. И напротив, – ограниченность и одновекторность проявленных в погребальном обряде навыков и индикаторов задействованных ландшафтов может быть указанием на относительную ландшафтную однородность ареала проживания, что чаще демонстрируют культуры равнин. Наконец, можно выделить и промежуточные между горным и равнинным варианты погребального обряда, реализуемые в памятниках типа Чиликты и Бесшатыр, где степная топография сочетается с внутримонгольскими конструкциями из транспортированных с гор деревьев (с проушинами и следами стертости) (*Акишев*, 1962. С. 65; *Акишев*, *Кушаев*, 1963. С. 35, 57; *Черников*, 1965. С. 16). Все это заставляет нас вновь обратиться к понятию и определению ЭГТ, которые целесообразно использовать при реконструкции типов и вариантов древнего кочевания.

Абетеков, 1989 – *Абетеков А. К.* Новые памятники саков-тиграхауда во Внутреннем Тянь-Шане // Проблемы археологии скифо-сибирского мира: Тез. докл. всесоюз. археол. конф. Кемерово, 1989. Ч. 2.

Абетеков, *Шер*, 1977 – *Абетеков А. К.*, *Шер Я. А.* Древние жители урочища Джаньш-Булак // Кетмень-Тюбе / Под ред. В. М. Плоских, Д. Ф. Винника. Фрунзе, 1977.

Абрамзон, 1959 – *Абрамзон С. М.* Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. М., 1959. Т. 2.

²⁹ Можно предположить, что обжитыми следует считать ниши, с которыми через артефакты установлено наибольшее количество связей.

- Абрамзон*, 1960 – *Абрамзон С. М.* Этногенетические связи киргизов с народами Алтая. М., 1960.
- Абрамзон*, 1961 – *Абрамзон С. М.* Киргизы Китайской Народной Республики // Известия АН Киргизской ССР. Серия обществ. наук. Фрунзе, 1961. Т. 3, вып. 2.
- Абрамзон*, 1971 – *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- Агеева*, 1960 – *Агеева Е. И.* Некоторые новые данные по археологии Семиречья // КСИИМК, 1960. Вып. 80.
- Агеева, Пацевич*, 1956 – *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года // Труды института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1956. Т. 1.
- Айтбаев*, 1959 – *Айтбаев М.* История ирригации и земледелия у киргизов // Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.; Л., 1959.
- Акишев*, 1962 – *Акишев К. А.* Шестой Бесшатырский курган // КСИИМК. 1962. Вып. 91.
- Акишев, Байпаков*, 1979 – *Акишев К. А., Байпаков К. М.* Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Акишев, Кушаев*, 1963 – *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Алексеев*, 1985 – *Алексеев В. П.* Человек: эволюция и таксономия (некоторые теоретические вопросы). М., 1985.
- Алексеева*, 2007 – *Алексеева Т. И.* Антропологические исследования в Центральной Азии // Человек в культурной и природной среде: труды Третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения академика В. П. Алексеева (15–17 ноября 2004 года). М., 2007.
- Алымбаева*, 1979 – *Алымбаева Б.* Поселения и жилища кетмень-тобинских киргизов // Культура и быт кетмень-тобинских киргизов / Отв. ред. Т. Д. Баялиева. Фрунзе, 1979.
- Анарбаев, Матбабаев*, 1990 – *Анарбаев А. А., Матбабаев Б. Х.* Мунчактепа – городской могильник в Северной Фергане // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 10.
- Андреанов, Чебоксаров*, 1976 – *Андреанов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Историко-географические аспекты хозяйственно-культурного развития народов мира // Международная география 76. Секция 9. Историческая география. М., 1976.
- Антипина*, 1962 – *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.
- Атлас Киргизской..., 1987 – Атлас Киргизской ССР. Фрунзе, 1987. Т. 1.
- Ахмедова*, 1962 – *Ахмедова К. Б.* География животноводства Алма-Атинской области. Алма-Ата, 1962.
- Ахметжан, Ахметжанова*, 2013 – *Ахметжан К. С., Ахметжанова Р. А.* Опыт реконструкции седла из кургана № 11 могильника Берел // Труды филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Астана, 2013. Т. 2.
- Бабанская*, 1956 – *Бабанская Г. Г.* Беркарринский могильник // Труды института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1956. Т. 1.
- Балицкий*, 1883 – *Балицкий Ю.* Заметки о кочевом населении в Верненском уезде (из записок организационных комиссий Семиреченской области) // Туркестанские ведомости. Ташкент, 1883. № 6.
- Баранов*, 1932 – *Баранов В. И.* Земледельческие районы на юге Кобдосского аймака Западной Монголии. Л., 1932.
- Барышников*, 2012 – *Барышников Г. Я.* Рельеф переходных зон горных стран. Барнаул, 2012.
- Баялиева*, 1972 – *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972.
- Безжкович*, 1973 – *Безжкович А. С.* Историко-этнографические особенности киргизского земледелия // Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана Л., 1973 (ТИЭ. Новая серия; Т. 43).
- Беллю*, 1877 – *Беллю Г. В.* Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873–1874 г. СПб., 1877.
- Береснева*, 2006 – *Береснева И. А.* Климаты аридной зоны Азии. М., 2006.
- Бернштам*, 1945 – *Бернштам А. Н.* Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая // Известия Киргизского филиала АН СССР. 1945. Вып. 2–3.
- Бернштам*, 1948 – *Бернштам А. Н.* Прошлое района Алма-Ата. Алма-Ата, 1948.
- Бернштам*, 1952 – *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Л., 1952 (МИА, № 26).
- Бессонова*, 1982 – *Бессонова С. С.* О скифских повозках // Древности степной Скифии / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев, 1982.
- Бломквист, Писарев*, 1945 – *Бломквист Б. Л., Писарев В. И.* Отгонно-пастбищное содержание скота в колхозах. М., 1945.
- Боковенко, Заднепровский*, 1992 – *Боковенко Н. А., Заднепровский Ю. А.* Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М., 1992.
- Болобан*, 1914 – *Болобан А. П.* Монголия в ее современном торгово-экономическом отношении. Пг., 1914.
- Бонвало*, 1897 – *Бонвало Г.* Неведомая Азия. Путешествие в Тибет. Ташкент, 1897.
- Боталов*, 2007 – *Боталов С. Г.* Туркестан как единое геокультурное пространство в эпоху раннего железа // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск, 2007.
- Брыкина*, 2001 – *Брыкина Г. А.* Погребальные сооружения и обряды Ферганы I тысячелетия н. э. // Древние цивилизации Евразии. История и культура: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, д. и. н., проф. Б. А. Литвинского (Москва, 14–16 октября 1998г.) / Отв. ред. А. В. Седов. М., 2001.
- Вайнштейн*, 1955 – *Вайнштейн С. И.* Памятники скифского времени в Западной Туве // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1955. Вып. 3.
- Вайнштейн*, 1959 – *Вайнштейн С. И.* Выступления // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. Т. 3.
- Вайнштейн*, 1961 – *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.
- Вайнштейн*, 1970 – *Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения казылганской и сыын-чорекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л., 1970. Т. 3.
- Вайнштейн*, 1991 – *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
- Вайнштейн, Дьяконова*, 1966 – *Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П.* Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э. – первых веков н. э. // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1966. Т. 2
- Валиханов*, 1985а – *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 2.
- Валиханов*, 1985б – *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 3.
- Варенов*, 2009 – *Варенов А. В.* Радиоуглеродное датирование могильника к северу от городища Цзяохэ (Яр-Хото) в Синьцзяне и проблема его культурно-археологической атрибуции // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул, 2009.
- Варенов и др.*, 2009 – *Варенов А. В., Бауло И. А., Шульга П. И.* Костяные и роговые изделия могильника Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанской впадине в Восточном Туркестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии ИАЭ СО РАН / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2009. Т. 15.

- Варенов, Шойдина, 2000 – Варенов А. В., Шойдина О. С. Могильник к северу от городища Цзяохэ (Яр-Хото) – памятник гуннского времени в Турфанской впадине // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии ИАЭ СО РАН / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2000. Т. 4.
- Васильев, 1915 – Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915.
- Вербицкий, 1993 – Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993.
- Виноградов и др., 1948 – Виноградов Б. С., Арнольди Л. В., Тугаринов А. Я., Чернова С. А., Шпакельберг А. А. Приспособление животных к жизни в пустыне // Животный мир СССР. М.; Л., 1948. Т. 2.
- Воеводский, Грязнов, 1938 – Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // Вестник древней истории. 1938. № 3 (4).
- Возникновение капиталистических..., 1970 – Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX–начале XX в. / Под ред. М. П. Вяткина, К. Усенбаева. Фрунзе, 1970.
- Воронина, 1982 – Воронина В. Д. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Е. Е. Неразик, А. Н. Жилина. М., 1982.
- Восточный Туркестан..., 1988 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье / Под ред. С. Л. Тихвинского, Б. А. Литвинского. М., 1988.
- Восточный Туркестан..., 1995 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура / Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1995.
- Вяткина, 1960 – Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики // Восточноазиатский этнографический сб. М.; Л., 1960. (ГИЭ, новая серия; Т. 60).
- Габит, 1924 – Габит И. Перспективы торговли по Западно-Китайской границе // Народное хозяйство Средней Азии. 1924. №4–5.
- Гасс, 2012 – Гасс А. О периферии больших сакских курганов Юго-Восточного Семиречья (Казахстан) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.
- Геродот – Геродот. История. Книга четвертая. Мельпомена / Пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. М., 2004.
- Глебова, 2007 – Глебова А. Б. Историческая география ландшафтов Алтае-Саян: Дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2007.
- Гомбоев, 2004 – Гомбоев Б. О. Аграрное землепользование Внутренней Азии: Дис. ... д-ра геогр. наук. Улан-Удэ, 2004.
- Греч, 1980 – Греч А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Громбчевский, 1890 – Громбчевский Б. Л. Вести из экспедиции // Известия РГО. СПб., 1890. Т. 26, вып. 1.
- Грум-Гржимайло, 1926 – Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 3, вып. 1.
- Грязнов, 1950 – Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
- Грязнов, 1980 – Грязнов М. П. Аржан. «Царский курган» раннескифского времени. Л., 1980.
- Грязнов, 1992 – Грязнов М. П. Алтай и приалтайская степь // Азиатская часть СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М., 1992.
- Гулямов, 1951 – Гулямов Я. Г. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала имени И. В. Сталина // Труды института истории и археологии АН Узбекской ССР. Ташкент, 1951. Т. 4.
- Гумилев, 1965 – Гумилев Л. Н. По поводу предмета исторической географии (ландшафт и этнос) // Вестник Ленингр. ун-та. Серия геологии и географии. Л., 1965. № 18.
- Гумилев, 1967 – Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Гуний и др., 1998 – Гуний П. Д., Востокова Е. А., Матюшкин Е. Н. Охрана экосистем Внутренней Азии / Отв. ред. В. Е. Соколов. М., 1998 (Биологические ресурсы и природные условия Монголии: Труды совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции; Т. 40).
- Даржа, 2003 – Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003.
- Даржа, 2009 – Даржа В. Традиционные мужские занятия тувинцев. Хозяйство, охота, рыбалка. Кызыл, 2009. Т. 1.
- Дебэн-Франкфор, 1989 – Дебэн-Франкфор К. Саки в провинции Синьцзян до периода Хань. Критерии идентификации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата, 1989.
- Джаханов, 2000 – Джаханов У. Сезонные жилища таджиков долины Сох в конце XIX – начале XX века // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000.
- Дирксен, Чугунов, 2007 – Дирксен В. Г., Чугунов К. В. Турано-Уюкская котловина Тувы: изменение природных условий и динамика ее освоения в древности (опыт реконструкции) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007.
- Длужневская, 2010 – Длужневская Г. В. Могильники Чинге III–V, Хемчик-Бом IV–VI, Сарыг-Хая и Шугур // Памятники козельской культуры: материалы и исследования. СПб., 2010.
- Длужневская, Савинов, 2008 – Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. СПб., 2008.
- Долгушина, 1933 – Долгушина Н. А. Материалы к изучению скотоводства на юге Баян-Чиндомани-ула аймака Монгольской Народной Республики [Кобдосский округ]. Л., 1933 (Труды монгольской комиссии; № 7).
- Досымбаева, 2007 – Досымбаева А. Культурный комплекс тюркских кочевников Жетъйсу II в. до н. э.–V в. н. э. (по материалам археологии). Алматы, 2007.
- Дьяконова, 1970 – Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокзель (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Л., 1970. Т. 3.
- Дэвлет, 2010 – Дэвлет М. А. Могильник Азас I эпохи хунну в Тоджинском Хожууне Тувы // Памятники козельской культуры: материалы и исследования. СПб., 2010.
- Жданко, 1961 – Жданко Т. А. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана // СЭ. М., 1961. №2.
- Жекулин, 1982 – Жекулин В. С. Историческая география: предмет и методы. Л., 1982.
- Живописное путешествие..., 1839 – Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйриэ и украшенное гравюрами / Пер. Е. Корша. М., 1839. Т. 1.
- Жизнь в киргизских..., 1867 – Жизнь в киргизских степях // Биржевые ведомости. 1867. № 108 (25 апр.).
- Жуковская, 1988 – Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- Заднепровский, 1956 – Заднепровский Ю. А. Археологические памятники юга Киргизии // Труды института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1956. Т. 3.
- Заднепровский, 1959 – Заднепровский Ю. А. Археологические памятники юга Киргизии в связи с вопросом о происхождении киргизского народа // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Фрунзе, 1959. Т. 3.
- Заднепровский, 1960 – Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.
- Заднепровский, 1962 – Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962 (МИА; № 118).
- Закржевский, 1888 – Закржевский Р. М. Краткий очерк Барлыкской горной страны (с картой) // Зап. Западносибирского отделения ИРГО. Омск, 1888. Кн. 10.

- Захарова*, 1956 – *Захарова И. В.* Материальная культура казахо-колхозников юго-восточного Казахстана (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // Труды института истории, археологии и этнографии Казахской ССР. Алма-Ата, 1956. Т. 3.
- Захарова*, 1959 – *Захарова И. В.* Материальная культура уйгуров Советского Союза // ТИЭ. Нов. серия. 1959. Т. 47.
- Зуйтин, Войтяцкий*, 1930 – *Зуйтин А. И., Войтяцкий Б. П.* Лошадь кочевого населения Киргизии // Домашние животные Киргизии. Л., 1930. Ч. 2 (Материалы комиссии экспедиционных исследований. Серия киргизская; Вып. 22).
- Игнатов*, 1897 – *Игнатов П.* По Южному Алтаю // Землеведение. 1897. Кн. 1–2.
- Кабо*, 1934 – *Кабо Р.* Очерки истории и экономики Тувы. М., 1934. Ч. 1.
- Калмыкова, Овдиенко*, 1957 – *Калмыкова В. Г., Овдиенко И. Х.* Северо-Западный Китай. М., 1957.
- Камелин*, 1998 – *Камелин Р. В.* Алтайская горная страна. Барнаул, 1998.
- Каразин*, 1872 – *Каразин Н. Н.* Из Центральной Азии // Дело. 1872, январь.
- Каралькин*, 1960 – *Каралькин П. И.* Жилище в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1957–1958 гг. М.; Л., 1960.
- Каульбарс*, 1874 – *Каульбарс А. В.* Заметки о Кульджинском крае // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1874. Вып. 3.
- Кашкаров и др.*, 1937 – *Кашкаров Д., Жуков А., Станюкевич К.* Холодная пустыня Центрального Тянь-Шаня. Л., 1937.
- Кирюшин, Степанова*, 2004 – *Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 2004. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь.
- Кирюшин, Тишкин*, 1997 – *Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 1997. Ч. I: Культура населения в раннескифское время.
- Кисель*, 2011 – *Кисель В. А.* Двадцатый год исследований на Вавилонском затоне // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / Ред. Е. Г. Федорова. СПб., 2011. Вып. 11.
- Кожомбердиев*, 1983 – *Кожомбердиев И.* Памятники ранних кочевников в Киргизии (саки Тянь-Шаня и Алая) // Культура и искусство Киргизии: Тез. докл. всесоюз. науч. конф. (3–6 июня 1983 г.). Л., 1983. Ч. 1.
- Колесник*, 1931 – *Колесник Н. Н.* Крупный рогатый скот Монголии и его происхождение // Домашние животные Монголии. М.; Л., 1931.
- Комиссаров*, 2000 – *Комиссаров С. А.* Культура раннего железного века в Южном Приитышьяне на территории Восточного Туркестана // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии ИАЭ СО РАН / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2000. Т. 6.
- Комиссаров*, 2005 – *Комиссаров С. А.* Всадники Синьцзяна // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. С. В. Данилов, П. Б. Коновалов. Улан-Удэ, 2005.
- Коновалов*, 1986 – *Коновалов А. В.* Казахи Южного Алтая. Алма-Ата, 1986.
- Котельников*, 1885 – *Котельников В. Г.* Ферганская область // Живописная Россия. СПб.; М., 1885. Т. 10.
- Краснов*, 1887 – *Краснов А. Н.* Очерк быта семиреченских киргиз // Известия ИРГО. СПб., 1887. Т. 23.
- Кубарев*, 2005 – *Кубарев В. Д.* Палеоэкономика населения горных степей Алтая по наскальным изображениям и археологическим данным // Степной бюллетень. Новосибирск, 2005. № 18.
- Кубарев*, 2009 – *Кубарев В. Д.* Изображения жилищ – погребальных сооружений древних кочевников в петроглифах Монгольского Алтая // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. 1.
- Кузьмина*, 1986 – *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
- Кузьмина*, 1994 – *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кушнер (Кнышев)*, 1929 – *Кушнер (Кнышев) П.* Горная Киргизия (социологическая разведка). М., 1929.
- Кызласов*, 1979 – *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX века). М., 1979.
- Кызласов*, 2005 – *Кызласов И. Л.* Пратюркские жилища. М.; Самара, 2005.
- Левшин*, 1832 – *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих иди киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3.
- Литвинский*, 1983 – *Литвинский Б. А.* Древняя и средневековая культура Киргизстана – интегральная часть культуры Востока // Культура и искусство Киргизии: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. (3–6 июня). Л., 1983. Вып. 1.
- Лус*, 1930 – *Лус Я. Я.* Як и его гибриды на Алае и Тянь-Шане // Домашние животные Киргизии. Л., 1930. Ч. 1 (Материалы комиссии экспедиционных исследований. Серия киргизская; Вып. 21).
- Лус*, 1936 – *Лус Я. Я.* Овцы Монголии // Домашние животные Монголии. М.-Л., 1936.
- Майдар, Пюрвеев*, 1980 – *Майдар Д., Пюрвеев Д.* От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980.
- Максимова*, 1973 – *Максимова А. Г.* Курумы хребта Каратау // Археологические исследования в Казахстане: Сб. статей / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата, 1973.
- Максютов*, 1981 – *Максютов Ф. А.* Барьерные ландшафты СССР. Саратов, 1981.
- Мандельштам*, 1983 – *Мандельштам А. М.* Заметки об археологических памятниках усуней // Культура и искусство Киргизии: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. (3–6 июня). Л., 1983. Ч. 1.
- Маннай-оол*, 1970 – *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970.
- Маргулан*, 1986 – *Маргулан А. Х.* Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата, 1986. Т. 1.
- Марков*, 1901 – *Марков Е.* Россия в Средней Азии. СПб., 1901. Т. 2, ч. 4.
- Масальский*, 1913 – *Масальский В. И.* Туркестанский край. Россия: Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1913. Т. 19.
- Масанов*, 1995 – *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Алматы; М., 1995.
- Массон*, 2006 – *Массон В. М.* Культурогенез древней Центральной Азии. СПб., 2006.
- Матбабаев*, 1994 – *Матбабаев Б. Х.* Подземные склепы могильника Мунчак-тепа // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994.
- Материалы для географии..., 1868 – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов / Составил Генерального штаба полковник Красовский. СПб., 1868. Т. 16, ч. 3.
- Материалы по географии..., 1875 – Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 года членом-учредителем Средне-Азиатского Общества, бароном А. В. Каульбарс // Записки Имп. РГО по общей географии. 1875. Т. 5.
- Материалы по обследованию..., 1911 – Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области (Верненский уезд). СПб., 1911. Т. 4.
- Матренин*, 2008 – *Матренин С. С.* Хронологические и территориальные особенности погребального обряда Горного Алтая хун-

- нуско-сяньбийского времени (II в. до н. э.–V в. н. э.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2.
- Махова*, 1959 – *Махова Е. И.* Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. Т. 3.
- Михельс*, *Сорокин*, 1950 – *Михельс Л. Г.*, *Сорокин С. С.* Отчеты начальников археологических отрядов (I–X) экспедиции по археологическому обследованию подгорной части Чуйской долины // Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» / Под рук. А. Н. Бернштама. М.; Л., 1950 (МИА; № 14).
- Могильников*, 1990 – *Могильников В. А.* Памятник эпохи раннего железа на Верхнем Алее // Охрана и использование археологических памятников Алтая: Тез. докл. и материалов к конф. / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул, 1990.
- Монгуш*, 2002 – *Монгуш М. В.* Тувинцы Монголии и Китая: Этнодисперсные группы (история и современность). Новосибирск, 2002.
- Мунгунхуу*, 2005 – *Мунгунхуу О. Г.* Почитание скота и посвящение его духам алтайскими урянхайцами // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Кызыл, 2005. Т. 2.
- Мурзаев*, 1961 – *Мурзаев Э. М.* Географические особенности Кунь-Луны // Куньлунь и Тарим / Отв. ред. Э. М. Мурзаев, Чжоу Лисань. М., 1961.
- Мыльников*, 2008 – *Мыльников В. П.* Деревообработка в эпоху палеометалла. Северная и Центральная Азия. Новосибирск, 2008.
- Мыльников*, 2011 – *Мыльников В. П.* Резьба по дереву в скифское время (Северная и Центральная Азия). Новосибирск, 2011.
- Мыльников и др.*, 2007 – *Мыльников В. П.*, *Молодин В. И.*, *Парцингер Г.*, *Цэвэндорж Д.*, *Слюсаренко И. Ю.*, *Гаркуша Ю. Н.* Новое о конструкциях погребальных сооружений из дерева у носителей пазырыкской культуры в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии ИАЭ СО РАН / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2007. Т. 13.
- Наливкин*, *Наливкина*, 1886 – *Наливкин В.*, *Наливкина М.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886.
- Народы Средней Азии, 1963 – Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. 2.
- Николаев*, 1994 – *Николаев В. А.* Предгорья Алтая – региональный ландшафтный экотон // Вестник МГУ. 1994. Сер. 5. География. № 2.
- Новгородова*, 1989 – *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М., 1989.
- Новицкий*, 1903 – *Новицкий В. Ф.* Из Индии в Фергану // Зап. ИРГО по общей географии. Пг., 1903. Т. 38. № 1.
- Нусов*, 1971 – *Нусов В. Е.* Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Кыргызстан. Фрунзе, 1971.
- Обручев*, 1896 – *Обручев В. А.* Природа и жители Центральной Азии и ее юго-восточной окраины // Землеведение. 1896. Т. 3, кн. 2.
- Опалев*, 2000 – *Опалев В. О.* Новые материалы по проблеме сакоусуньских могильников в Синьцзяне // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. 1.
- Островских*, 1927 – *Островских П. Е.* Оленные тувинцы // Северная Азия. М., 1927. Кн. 5–6.
- Очерки общей..., 1960 – Очерки общей этнографии: Азиатская часть СССР. М., 1960.
- Павлинская*, 2009 – *Павлинская Л. Р.* Типы и способы погребения у народов Сибири в контексте представлений о «потустороннем мире» // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб., 2009. Кн. 1.
- Певцов*, 1949 – *Певцов М. В.* Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. М., 1949.
- Писарчик*, 1954 – *Писарчик А. К.* Строительные материалы и конструктивные приемы мастеров Ферганской долины в XIX–начале XX в. // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954 (ТИЭ. Новая серия. Т. 21, вып. 1).
- Поддубный*, 1914 – *Поддубный М. В.* Население Азиатской России // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1.
- Полосьмак*, 2001 – *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Полосьмак*, *Баркова*, 2005 – *Полосьмак Н. В.*, *Баркова Л. Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск, 2005.
- Полосьмак и др.*, 2006 – *Полосьмак Н. В.*, *Богданов Е. С.*, *Цэвэндорж Д.* Раскопки кургана хунну в горах Ноин-Ула, Северная Монголия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии ИАЭ СО РАН / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2006. Т. 12, ч. 1.
- Потанин*, 1881 – *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 2.
- Потанов*, 1933 – *Потанов Л. П.* Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933.
- Потанов*, 1935 – *Потанов Л. П.* Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.; Л., 1935.
- Потанов*, 1951 – *Потанов Л. П.* Одежда алтайцев // Сб. МАЭ. Л., 1951. Т. 13.
- Потанов*, 1952 – *Потанов Л. П.* Этнографический очерк земледелия у алтайцев // Сб. МАЭ. Л., 1952. Т. 18.
- Потанов*, 1953 – *Потанов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.
- Потанов*, 1957 – *Потанов Л. П.* Из истории кочевничества // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 4.
- Потанов*, 1969а – *Потанов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
- Потанов*, 1969б – *Потанов Л. П.* Южные этнические элементы в составе северных алтайцев // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы межвуз. конф. 11–13 мая 1969 г. / Отв. ред. А. П. Дульзон. Томск, 1969.
- Потанов*, 1972 – *Потанов Л. П.* Тубалары Горного Алтая // Этническая история народов Азии. М., 1972.
- Потанов*, 1975 – *Потанов Л. П.* О феодальной собственности на пастбища и кочевья у тувинцев (XVIII–начало XX в.) // Социальная история народов Азии: Сб. статей / Отв. ред. А. М. Решетов, Ч. М. Таксами. М., 1975.
- Потанов*, 2001 – *Потанов Л. П.* Охотничий промысел алтайцев. СПб., 2001.
- Пржевальский*, 1888 – *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб., 1888.
- Пржевальский*, 1947 – *Пржевальский Н. М.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор. М., 1947.
- Пржевальский*, 1948 – *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. М., 1948.
- Прокофьева*, 1955 – *Прокофьева Е. Д.* Некоторые этнографические данные о тувинцах западных районов Тувинской Автономной области // КСИЭ. М., 1955. Вып. 22.
- Путешествие по..., 1895 – Путешествие по Восточному Туркестану, Кунь-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1890-м годах. Отчет бывшего начальника Тибетской экспедиции М. В. Певцова. СПб., 1895. Ч. 1.
- Ракитников*, 1936 – *Ракитников А. Н.* Центральный Тянь-Шань и Иссык-Кульская котловина. М.; Л., 1936 (Труды Киргизской комплексной экспедиции 1932–1933 г., Т. 4, вып. 4).
- Рацек*, 1947 – *Рацек В. И.* Этнографические и археологические наблюдения в высокогорных районах Тянь-Шаня и Памира // Известия ВГО. М., 1947. № 4.

- Ritter*, 1877 – *Ritter K.* Землеведение Азии с дополнениями. СПб., 1877. Т. 4.
- Роборовский*, 1949 – *Роборовский В. И.* Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. М., 1949.
- Рона-Таи*, 1964 – *Рона-Таи А.* По следам кочевников. Монголия глазами этнографа. М., 1964.
- Россия..., 1903 – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Киргизский край. СПб., 1903. Т. 18.
- Руденко*, 1926 – *Руденко С. И.* Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Гос. Русского музея. Л., 1926.
- Руденко*, 1930 – *Руденко С. И.* Очерк быта северовосточных казахов // Казаки: Сб. статей антропологического отряда Казахской экспедиции. Исследования 1927 г. Л., 1930 (Материалы комиссии экспедиционных исследований; серия казахстанская; Вып. 15).
- Руденко*, 1953 – *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко*, 1960 – *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Руденко*, 1961 – *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Отделение этнографии. СПб., 1961. Ч. 1.
- Рыскулбеков*, 1950 – *Рыскулбеков М. Р.* Из истории ремесленно-кустарной промышленности в дореволуционной Киргизии // Труды Киргизского гос. пед. ин-та им. Фрунзе. Серия историческая. Фрунзе, 1950. Вып. 2.
- Савинов*, 1994 – *Савинов Д. Г.* Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит и средневековье): Тематический сб. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 1994.
- Савинов*, 2002 – *Савинов Д. Г.* Особенности культурогенеза в условиях горных систем (алтайская модель) // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. СПб., 2002. Т. 1.
- Савинов*, 2007 – *Савинов Д. Г.* Археологическая периодизация и культурно-экологические области Саяно-Алтайского нагорья // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007.
- Саджеев*, 1927 – *Саджеев Г. Д.* Дархаты: Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г. Л., 1927.
- Салтавская*, 1975 – *Салтавская Е. Д.* К вопросу о североферганских саках эпохи раннего железа // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. В. М. Массон. Л., 1975.
- Самашев и др.*, 1999 – *Самашев З. С., Жумабекова Г. С., Сунгат-тай С.* Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Междунар. науч. конф. Барнаул, 1999.
- Самашев и др.*, 2011 – *Самашев З. С., Онгар А., Чотбаев А. Е., Киясбек Г. К., Альжанов К.* Исследования на могильнике Берель в 2010 году // Маргулановские чтения – 2011: Материалы междунар. археол. конф. Астана, 20–22 апреля 2011 г. Астана, 2011.
- Сапожников*, 1905 – *Сапожников В. В.* Предварительный отчет об ученой командировке в Семиреченскую область летом 1902 г. // Известия ИРГО. СПб., 1905. Т. 39, вып. 4.
- Сапожников*, 1949 – *Сапожников В. В.* По Русскому и Монгольскому Алтаю. М., 1949.
- Сахаров*, 1934 – *Сахаров М. Г.* Проблема размещения животноводства в Киргизской АССР в связи с оседанием кочевников // Киргизия: Труды первой конф. по изучению производительных сил Киргизской АССР. Л., 1934.
- Селезнев*, 1998 – *Селезнев А. Г.* Об устойчивости и адаптивных способностях лесостепных и южнотаежных культур Сибири // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Материалы XI Западно-Сибирской археол.-этногр. конф. Томск, 1998.
- Селезнев*, 2009 – *Селезнев А. Г.* Конь и металл: экологические аспекты формирования лесных и таежных культур юга Сибири // Традиционные знания коренных народов Алтае-Саян в области природопользования: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (11–13 мая). Барнаул, 2009.
- Селицкий*, 1904 – *Селицкий И. В.* Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань, 1904. Т. 20, вып. 6.
- Семенов*, 2010 – *Семенов Вл. А.* Кош-Пейские курганы в тувинской «Долине царей» (VI–V вв. до н. э.) // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010.
- Симуков*, 2007а – *Симуков А. Д.* Труды о Монголии и для Монголии. Осака, 2007. Т. 1.
- Симуков*, 2007б – *Симуков А. Д.* Труды о Монголии и для Монголии. Осака, 2007. Т. 2.
- Синицын*, 1959 – *Синицын В. М.* Центральная Азия. М., 1959.
- Ситнянский*, 2001 – *Ситнянский Г. Ю.* О происхождении древнего киргизского погребального обряда // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2001. Вып. 4.
- Скрайн*, 1935 – *Скрайн К.* Китайская Центральная Азия (Синь-Цзян). М., 1935.
- Скрин*, 1930 – *Скрин К.* Китайский Туркестан. М.; Л., 1930.
- Смирнов*, 2012 – *Смирнов Н. Ю.* На чем ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.
- Соенов*, 1999 – *Соенов В. И.* К вопросу о типологии погребальных памятников скифского времени Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Междунар. науч. конф. Барнаул, 1999.
- Соколов*, 2012 – *Соколов А. В.* Черты скотоводства Таримской впадины: исторический и географический аспекты // Кадырбаевские чтения-2012: Материалы III Междунар. науч. конф. Актобе, 2012.
- Сорокин*, 1948 – *Сорокин С. С.* К вопросу о гуннах в Средней Азии // Вестник ЛГУ. 1948. № 11.
- Сорокин*, 1961 – *Сорокин С. С.* Древние скотоводы ферганских предгорий // Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л., 1961. Ч. 1.
- Сорокин*, 1969 – *Сорокин С. С.* Большой Берельский курган // Культура и искусство народов Востока: Памяти И. А. Орбели. Л., 1969 (Труды ГЭ; Т. 10).
- Табалдиев*, 1990 – *Табалдиев К. Ш.* Новые данные о типах погребальных сооружений у киргизов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Ю. С. Худяков. М., 1990.
- Таскин*, 1968 – *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968. Вып. 1.
- Типы традиционного..., 1979 – Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии / Отв. ред. Н. Н. Чебоксаров. М., 1979.
- Тишкин*, 2007 – *Тишкин А. А.* Культурно-экологические области и контактные зоны на юге Западной Сибири // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций культурогенез. СПб., 2007.
- Ткачев*, *Тишкин*, 1999 – *Ткачев А. А., Тишкин А. А.* Курганы раннескифского времени на могильнике Герасимовка в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Междунар. науч. конф. Барнаул, 1999.
- Томилов*, 1980 – *Томилов Н. А.* Сибирские татары // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., 1980.
- Торушев*, 2009 – *Торушев Э. Г.* Экологический аспект в традиционном земледелии алтайцев // Традиционные знания коренных

- народов Алтае-Саян в области природопользования. Барнаул, 2009.
- Тоцакова*, 1976 – *Тоцакова Е. М.* Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера: Сб. статей / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л., 1976.
- Тоцакова*, 1978 – *Тоцакова Е. М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1978.
- Труды Тибетской..., 1892 – Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М. В. Певцова. Геологические исследования в Восточном Туркестане К. И. Богдановича. СПб., 1892. Ч. 2.
- Фабрициус*, 1899 – *Фабрициус М. П.* Саянский край: Краткий географический очерк края и описание путей и способов в нем // Известия РГО. СПб., 1899. Т. 35.
- Федоров*, 1903 – *Федоров Д.* Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903. Ч. 2.
- Федченко*, 1903 – *Федченко Б. Ф.* В Западном Тянь-Шане летом 1902 г. // Известия РГО. СПб., 1903. Т. 39, вып. 5.
- Харузин*, 1896 – *Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.
- Хорошихин*, 1876 – *Хорошихин А. П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.
- Храмцов*, 2003 – *Храмцов В. Н.* Предгорные пустыни // Ботаническая география Казахстана и Средней Азии (в пределах пустынной области) / Под ред. Е. И. Рачковской, Е. А. Волковой. СПб., 2003.
- Худяков, Комиссаров*, 2003 – *Худяков А. С., Комиссаров С. А.* Особенности этнокультурогенеза кочевников Восточного Туркестана в древности и средневековье // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Барнаул, 2003.
- Черников*, 1951а – *Черников С. С.* Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // Известия АН КазССР. Серия археологическая. 1951. Вып. 3.
- Черников*, 1951б – *Черников С. С.* Восточно-Казахстанская экспедиция // КСИИМК. 1951. Вып. 37.
- Черников*, 1965 – *Черников С. С.* Загадка Золотого кургана. М, 1965.
- Черников*, 1975 – *Черников С. С.* Некоторые закономерности исторического развития ранних кочевников (по археологическим материалам Западного Алтая) // Центральная Азия в кушанскую эпоху: Труды междунар. конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху (Душанбе, 27 сентября–6 октября 1968 г.) / Ред. Б.Г. Гафуров. М., 1975. Т. 2, ч. 3.
- Чугунов*, 2001 – *Чугунов К. В.* Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н. э. // Евразия сквозь века. СПб., 2001.
- Чугунов*, 2004 – *Чугунов К. В.* Аржан-источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004.
- Чугунов, Шыырап*, 2010 – *Чугунов К. В., Шыырап О. К.* Начало археологических исследований в западной части «Долины царей» // Учен. зап. Тувинского института гуманитарных исследований при правительстве Республики Тыва. Кызыл, 2010. Вып. 22.
- Чупахин*, 1987 – *Чупахин В. М.* Высотн-зональные геосистемы Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата, 1987.
- Шахназаров*, 1908 – *Шахназаров А. И.* Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1908.
- Швецов*, 1900 – *Швецов С. П.* Примитивное земледелие на Алтае // Зап. Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1900. Кн. 27.
- Шиббаева*, 1956 – *Шиббаева Ю. А.* Материалы по одежде мургабских киргизов // КСИЭ, 1956. Вып. 25.
- Шишкин*, 1914 – *Шишкин Б. К.* Очерки Урянхайского края. Томск, 1914.
- Шульга*, 2014 – *Шульга Д. П.* Погребения в подбоях на территории провинции Ганьсу Китайской Народной Республики // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 2.
- Шульга*, 1997 – *Шульга П. И.* О сакском влиянии на Алтай в раннесакское время // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: докл. всеросс. науч. конф. Омск, 1997.
- Шульга*, 2008 – *Шульга П. И.* Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул, 2008.
- Шульга*, 2010 – *Шульга П. И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул, 2010.
- Шульга*, 2011 – *Шульга П. И.* Особенности этнокультурных процессов на территории Синьцзяна (Китай) в VIII–III вв. до н. э. // Труды III Археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1.
- Шульга, Гельмелин*, 2002 – *Шульга П. И., Гельмелин Ю. И.* Продолжение раскопок погребений пазырыкской культуры в долине Сентелека // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии ИАЭ СО РАН / Отв. ред. А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск, 2002. Т. 8.
- Юнатов*, 1960 – *Юнатов А. А.* О некоторых эколого-географических закономерностях растительного покрова Синьцзян-Уйгурского автономного округа // Природные условия Синьцзяна: Сб. статей / Отв. ред. Э. М. Мурзаев, Чжоу Ли-сань. М., 1960.
- Ядринцев*, 1885 – *Ядринцев Н. М.* Начало оседлости. (Исследование по истории культуры угро-алтайских племен) // Литературный сборник. СПб., 1885.
- Ядринцев*, 1891 – *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.
- Яковлев*, 2003 – *Яковлев Е. И.* Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX–начало XX века). Кызыл, 2003.

**Historico-geographic aspects of the development of animal husbandry
in the west of Inner Asia and its mountain framing
(Altai, Sayan Mountains, Tien Shan, Khangai)**

A. V. Sokolov

This paper is the result of an interdisciplinary research aimed at studying the animal-breeding in the west Inner Asia and its mountain framing as a historico-geographic phenomenon (Altai, Sayan Mountains, Tien Shan, Khangai).

The first part of this article summarizes the evidence of geography and ethnography enabling us to outline the interrelations between the features of the material culture (types of animal breeding, composition of pasturing animals, dwelling, utensils, occupations and skills), burial traditions of the nomads and the natural environment. Several ecological and geographical types have been distinguished (lowland, mountainous and mountain-plain types), ecological and geographical variants (south-Siberian taiga of the Altai-Sayan-Khangai, desert-steppe of Tien Shan and Kun-lun, Tien Shan and Kun-Lun high-mountain desert, Lop-Nor lacustrine-desert) and sub-variants of animal breeding according to the types of physico-geographical regions.

In the second part of the present study, it was attempted to compare the previously obtained ethno-geographic data with the evidence of the early-nomadic burial complexes of the Scytho-Sarmatian period. These sites reflect materialization and qualitative-quantitative manifestation of the resources and properties of the natural environment, exploitation of geographic niches in the life process, production chains and forms of cultural and economic activities. The following factors were taken in account: altitudinal position of the objects, building materials employed during their construction, types of constructions, techniques and skills used in their

building, species of floral and faunistic remains, some categories of household utensils, transport means, some peculiarities of horse bridle etc.

The results of comparison of ethnographic and archaeological chronological cultural situations suggest a similarity, primarily in the aspect of the materials employed, which naturally follows the geographic matrix of the space. Depending on the materials and their properties, the techniques of their use and treatment are correspondingly distributed. This fact is subsequently expressed, inter alia, in belonging of the signs to certain zones correspondingly manifested in the domestic culture, techniques, tools etc. However, depending on the employment of building materials, types of mortuary constructions and skills used in their erection, concurrence of vegetative and animal remains etc., archaeological sites are distinguished through two sequentially replaced ecological and geographic traditions or two historico-geographic stages of nature management (complex mountain Scythian-Sakian tradition and plain-piedmont Hun-Sarmatian one).

In analysis of sites of Scytho-Sarmatian period, of note are those components which in their time represented the basic element of the culture but are absolutely unknown or almost unknown for the ethnological historico-geographic stage (or those that were spread in a strongly differing area). Possibly, their presence in the past reflects the peculiarities and character of the animal-breeding of that period as some of the links in the entire adaptive ecological chain of its formation and development in the west of Inner Asia and the latter's mountainous frame.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ПОГРЕБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

В. Ю. Соболев¹

Статья посвящена проблематике формирования древнерусской погребальной культуры Новгородской земли. Смена погребального обряда и формирование новой погребальной обрядности объясняется крещением населения и появлением христианской общины.

This paper deals with the problems concerned with the formation of the Ancient Russian funerary culture of the Novgorod Land. The change in the burial rite and establishing of the new funerary practices are explained by the Christianization of the populace and appearance of the Christian community.

Ключевые слова: средневековье, Новгородская земля, погребальный обряд, ингумации.
Keywords: Middle Ages, Novgorod Land, funeral rites, inhumation graves.

Формирование древнерусской культуры Новгородской земли – это сложный процесс, тесно связанный со становлением древнерусской государственности. Одним из наиболее заметных проявлений культурных инноваций в обществе стала смена погребального обряда в середине XI столетия. Появление и быстрое распространение традиции погребения по обряду труположения как в Новгородской земле, так и на остальной древнерусской территории может быть надежно объяснено сложением христианской общины после акта крещения основной массы населения. Одновременная и повсеместная смена погребального обряда, единовременное появление первых ингумаций в различных весьма удаленных друг от друга и от самого Новгорода регионах является, на мой взгляд, несомненным свидетельством акта крещения и принятия основ христианства населением. Важно подчеркнуть, что для Новгородской земли, в отличие от земель южнорусских, этот процесс – ознакомление с новой религией, появление первых христиан и массовое официальное крещение – был, по всей вероятности, практически единомоментным, при этом исследователями подчеркивается, что «состояние неопитства переживается

новгородским обществом достаточно долго – по крайней мере до первой трети, если не до второй половины XII в.» (Лесман, 1995. С. 36). Также необходимо еще раз акцентировать: принятие христианства в качестве новой единой государственной религии являлось важным политическим решением. Вместе с тем следует обратить внимание на хронологический разрыв между летописным известием о крещении Новгорода, относимым исследователями к 989 г. (Янин, 1983а. С. 15–18; 1983б. С. 28–31) или 990 г. (Рапов, 1988. С. 51–65; 1998), и временем появления первых ингумаций на сельских кладбищах Новгородской земли.

Подробный историографический анализ существующих исследований по проблемам формирования погребальной обрядности населения Новгородской земли оставим за рамками настоящей работы. Стоит лишь упомянуть, что большая часть исследований, так или иначе затрагивающих проблематику возникновения и развития древнерусского погребального обряда, посвящена сложению обрядности по отдельным регионам новгородской территории. Памятники центральных районов рассматривались В. Я. Коцедем (Коцецкий, 1984), Верхнего Полужья – Н. И. Платоновой (Платонова, 1988), Верхнего и Среднего течения реки Плюссы – В. Ю. Соболевым (Соболев, 1998а. С. 405–409; 1998б. С. 286–292), Восточного Причудья – Н. В. Хвоцинской (Хвоцинская, 2004), Ижорского пла-

¹ Россия, 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд. Санкт-Петербургский государственный университет, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева; e-mail: vlad.sobolev@gmail.com

то – Е. А. Рябининым (*Рябинин*, 2001); в некоторых исследованиях анализировались отдельные типы погребальных памятников (*Пронин*, 1988. С. 12–72; *Валк*, 2010); погребальной обрядности населения Новгородской земли в целом посвящены большой раздел в фундаментальном труде В. В. Седова (*Седов*, 1982. С. 166–185, 222, табл. XLVIII, табл. LI) и монографии А. Е. Мусина (*Мусин*, 2002).

Прежде чем обратиться к проблемам формирования древнерусской погребальной культуры населения Новгородской земли, необходимо кратко охарактеризовать погребальный обряд предшествующего времени.

В основе древнерусской культуры Северной Руси находятся две предшествующие ей археологические культуры – длинных курганов и сопок (рис. 1). Исследователями неоднократно подчеркивалась приуроченность тех или иных типов археологических памятников, а значит, и оставившего их населения, к строго определенным природным и ландшафтно-географическим условиям и участкам почв (*Платонова*, 1981. С. 39–40; *Носов*, 1982. С. 57–58; *Концевский*, 1989. С. 4).

Если в ареале расселения культуры длинных курганов (далее – КДК) во второй половине X столетия продолжают возводиться курганные насыпи, то погребальные традиции «сопочного» населения требуют отдельного рассмотрения.

Обряд погребения в сопках – кремация – тесно связан со структурой насыпей и этапностью их возведения и варьирует от сожжений, совершенных на месте строительства насыпи, до кремации на стороне, в последнем случае останки могли помещаться как индивидуально, так и в коллективные «усыпальницы» различных конструкций. В то же время общее число погребений, выявленных в каждой отдельно взятой сопочной насыпи, не превышает трех десятков человек. Малое число зафиксированных в сопках захоронений не соответствует численности коллективов, возводивших насыпи. Таким образом, перед исследователями встает вопрос: где же рядовые массовые погребения, которые можно отнести к культуре сопок?

В составе комплекса памятников Которского погоста исследовано пять могильников с так называемыми бескурганскими или поверхностными трупосожжениями (подробную характеристику этих памятников см.: *Кузьмин, Михайлова*, 1997. С. 138–146; *Кузьмин и др.*, 2010. С. 70–82;

Михайлова, 2014. С. 317–335). Вещевой материал этих могильников полностью соответствует набору предметов из сопок и надежно связывается с материалами из культурных напластований локальных центров запада Новгородской земли, что позволяет соотнести их с массовым погребальным обрядом населения культуры сопок.

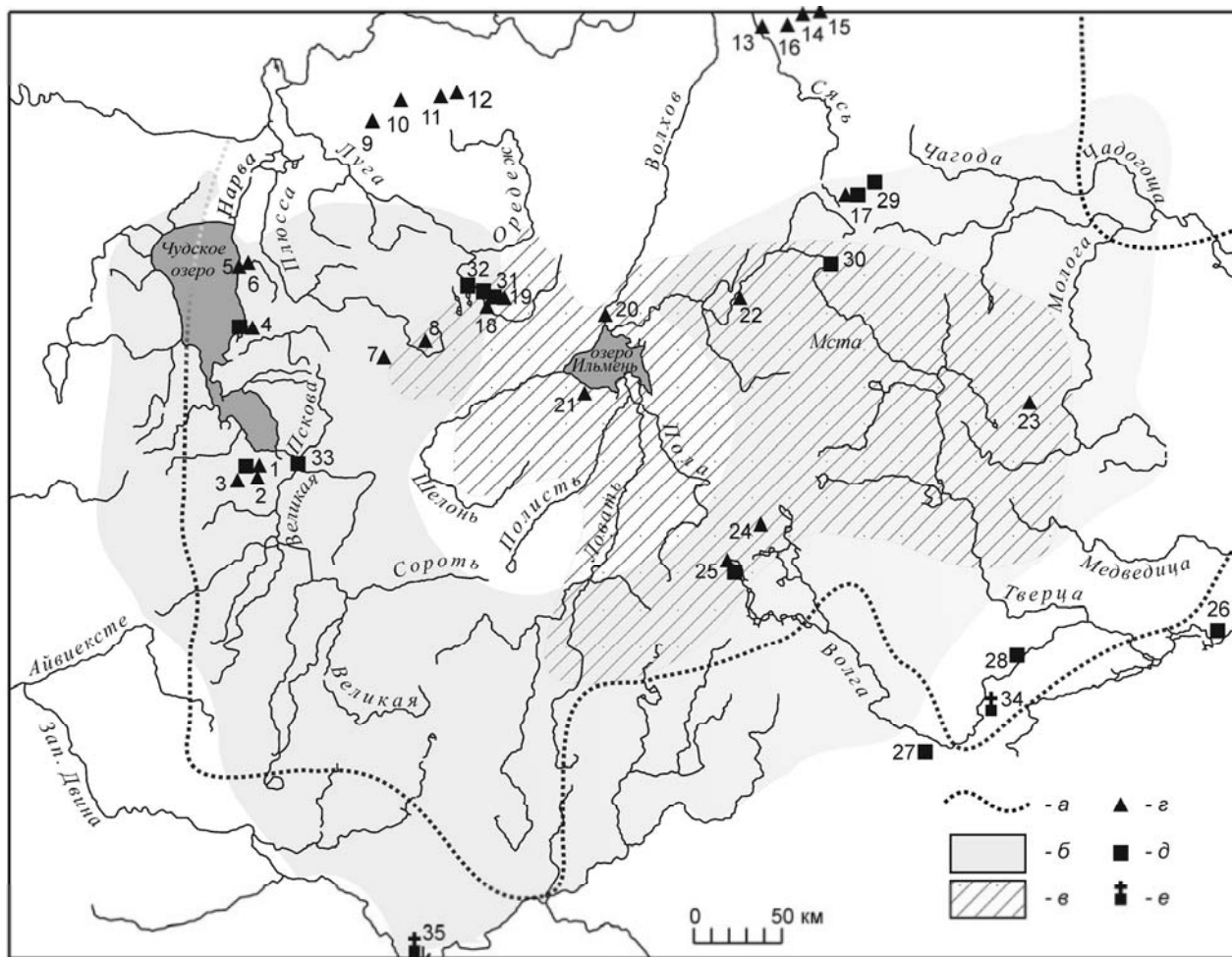
Еще одно аналогичное местонахождение немаркированных насыпями россыпей кальцинированных костей было зафиксировано С. Л. Кузьминым на одном из притоков Луги в ее среднем течении, который и предложил рассматривать бескурганские «грунтовые» могильники с кремациями как кладбища основной массы населения культуры сопок.

В. Я. Концевский, присоединившийся к мнению Н. И. Петрова (*Петров*, 1999. С. 22–23), связавшего которские бескурганские могильники с досопочной традицией, предложил рассматривать в качестве массового погребального обряда населения культуры сопок так называемые «каменные круги», встречающиеся в Приильменьи, в бассейнах Ловати и Мсты.

Таким образом, исследования высоких насыпей Северо-Запада показывают, что сопки являлись не только, а возможно, не столько погребальными, сколько культово-меморативными памятниками, в то время как массовый погребальный обряд населения их возводившего до сих пор остается очень слабо изученным.

Для понимания сложения погребальной культуры древнерусского населения следует выделить несколько специфических особенностей, часть из которых характерна не только для населения Новгородской земли, но для всего древнерусского населения лесной зоны Восточной Европы в целом.

Первая особенность, которую стоит отметить, – это длительное сохранение традиции возведения курганных насыпей. Данный обычай появляется в лесной зоне Восточной Европы на рубеже V–VI или в начале VI в. и на всем протяжении второй половины I–начала/первой трети II тыс. н. э. является господствующим. Исчезновение кремаций, появление и распространение ингумаций сопровождаются изменением высоты, формы и внутреннего строения насыпей, тем не менее сам факт наличия намогильного сооружения – земляной насыпи – остается неизменным. Возведение земляной намогильной

Рис. 1. Новгородская земля:

1 – Малы; 2 – Новая; 3 – Тяково; 4 – Залахтовье; 5 – Калихновщина; 6 – Верхояние; 7 – Березица; 8 – Которск; 9 – Беседа; 10 – Терпилицы; 11 – Б. Борницы; 12 – Тягино; 13 – Городище; 14 – Кирилина; 15 – Сязнега; 16 – Вахрушево; 17 – Дрегли; 18 – Княжая Гора; 19 – Хрепле; 20 – Деревяницы; 21 – Устрека; 22 – Заручевье; 23 – Бустрыгино; 24 – Боково; 25 – Березовец; 26 – Пекуново; 27 – Струйско; 28 – Избрижье; 29 – Мозолево; 30 – Черезборицы; 31 – Удрай; 32 – Рапти-Наволок; 33 – Псков; 34 – Иворово; 35 – Друцк (а – границы Новгородской земли (Насонов, 1951); б – ареал культуры длинных курганов (Михайлова, 2009. IV Карта 1); в – ареал культуры сопок (Седов, 1982. С. 181, карта 32); з – находки скандинавских предметов в древнерусских погребениях; д – камерные погребения XI–начала XII в.; е – находки каменных саркофагов в курганных насыпях XII–XIII вв.).

Fig. 1. Novgorod Land:

1 – Maly; 2 – Novaya; 3 – Tyakovo; 4 – Zalakhtovye; 5 – Kalikhnovshchina; 6 – Verholyane; 7 – Berezitsa; 8 – Kotsorsk; 9 – Beseda; 10 – Terpilitsy; 11 – Bolshiy Bornitsy; 12 – Tyagliino; 13 – Gorodishche; 14 – Kirilina; 15 – Syaznega; 16 – Vakhrushevo; 17 – Dregli; 18 – Knyazhaya Gora; 19 – Khreple; 20 – Derevyanitsy; 21 – Ustreka; 22 – Zaruचेvye; 23 – Bustrygino; 24 – Bokovo; 25 – Berезovets; 26 – Pekunovo; 27 – Struysko; 28 – Izbrizhye; 29 – Mozolevo; 30 – Cherezboritsy; 31 – Udray; 32 – Rapti-Navolok; 33 – Pskov; 34 – Ivorovo; 35 – Drutsk (a – borders of the Novgorod Land (Nasonov, 1951); б – area of the Culture of Long Barrows; в – area of the Sopki Culture; z – finds of Scandinavian objects in Old-Russian burials; d – chamber burials of the 11th–early 12th century; e – finds of stone sarcophagi at barrows of the 12th–13th century).

насыпи является, по мнению некоторых исследователей, признаком, дающим основания интерпретировать захоронение (а следовательно, и локальный коллектив и общество в целом) как языческое или имеющее значительные пережитки языческих традиций в мировоззрении (см., например, *Пронин*, 1988. С. 12), однако более обоснованным видится отсутствие столь жест-

кого противопоставления. Наличие или отсутствие надмогильной насыпи, равно как и иного надмогильного сооружения, не вступает в противоречие с немногочисленными каноническими памятниками Древней Руси.

Второе, что обращает на себя внимание исследователей, – обнаружение во многих раскопанных древнерусских захоронениях деталей

костюма и различных предметов. Среди них оказываются элементы вооружения, инструменты и сельскохозяйственные орудия, орудия рыбной ловли, украшения, монеты, керамика. Совокупность предметов, обычно обозначаемая как «инвентарь погребения», является основанием для интерпретации погребения и общества как языческого или имеющего сильные языческие пережитки. Данные утверждения, на мой взгляд, заслуживают пристального рассмотрения и подробной критики, выходящей за рамки настоящего исследования. Стоит лишь напомнить, что даже в безусловно христианских захоронениях, совершенных внутри храмов, и на церковных кладбищах древнерусских городов, например, в Киеве и Новгороде были найдены не только детали костюма и убора, но также и украшения,² монеты, скорлупа орехов, кости рыб и пр.

Следующая характерная особенность древнерусской погребальной обрядности, присущая и населению Новгородской земли и древнерусскому населению в целом, – малое число предметов личного благочестия на всем протяжении рассматриваемого хронологического интервала – XI–XIV вв. В качестве весьма характерного и показательного примера можно привлечь данные из полностью или почти полностью исследованных древнерусских сельских некрополей, в которых при христианском погребальном обряде нательные крестики или другие предметы личного благочестия составляют крайне немногочисленную категорию находок. Так, например, в исследовавшемся в конце XIX–начале XX столетия и полностью доследованном в 1952–1953 гг. курганном могильнике у д. Харлапово в Верхнем Поднепровье, где в общей сложности было раскопано более 90 погребальных насыпей, предметы личного благочестия были найдены лишь в двух из них (раскопки М. В. Чебышевой, 1886 г. и Н. И. Савина, 1924 г., 21/1,³ раскопки Е. А. Шмидта, 1952–1953 гг., 71/1) (Шмидт, 1957. С. 184–280); в Березовецком могильнике на северо-восточном берегу озера Се-

лигер в бассейне Верхней Волге в 139 исследованных погребальных сооружениях не найдено ни одного предмета личного благочестия (Успенская, 1993. С. 125–135); в курганной группе у д. Боково из 54 раскопанных насыпей предметы личного благочестия найдены лишь в двух погребениях (Пронин, 1978; 1979а. С. 30–31; 1979б), в кладбищах Которского погоста в Верхнем Поплюсье предметы личного благочестия были обнаружены только в 7 из более чем 90 раскопанных погребений (Которск III – 34/5 – раскопки С. Л. Кузьмина; Которск XI – 38/2 – раскопки автора); в курганных группах Рапти-Наволоки II и Естомичи (раскопки Е. Р. Михайловой) в Верхнем Полужье не найдено ни одного, в курганной группе в селе Осьмино в среднем течении р. Луги – лишь в одном погребении из 28 раскопанных насыпей (Мальмгрен, 1893; 1894), в могильнике Залахтове на берегу Чудского озера найден лишь один литой крестик (Хвоцинская, 2004. С. 77–78). Схожая картина распространения предметов личного благочестия фиксируется и в зонах культурного влияния Новгорода: лишь в одном из 93 захоронений XIII–XIV вв. исследованного полностью кладбища Кюлялахти Калмистомяки в Южной Карелии найдена иконка, служащая не привеской, а застежкой-аграфом. Такие изделия не встречаются среди русских древностей, но, по мнению С. В. Бельского (Бельский, 2012. С. 151), характерны для европейского костюма XIV–XV вв. Полное отсутствие крестов-тельников, иконок-привесок и проч. среди найденных предметов заставляет предположить, что предметы личного благочестия умышленно не помещались в захоронения,⁴ при этом особенно стоит отметить, что на кладбище зафиксирована редкая для всей территории Карелии находка – каменный крест и камень с выбитым отверстием для его установки (рис. 2, 5).

Вряд ли есть основания предполагать, что общее число предметов личного благочестия было значительно большим, но в силу естественных причин основная их масса утрачена.⁵

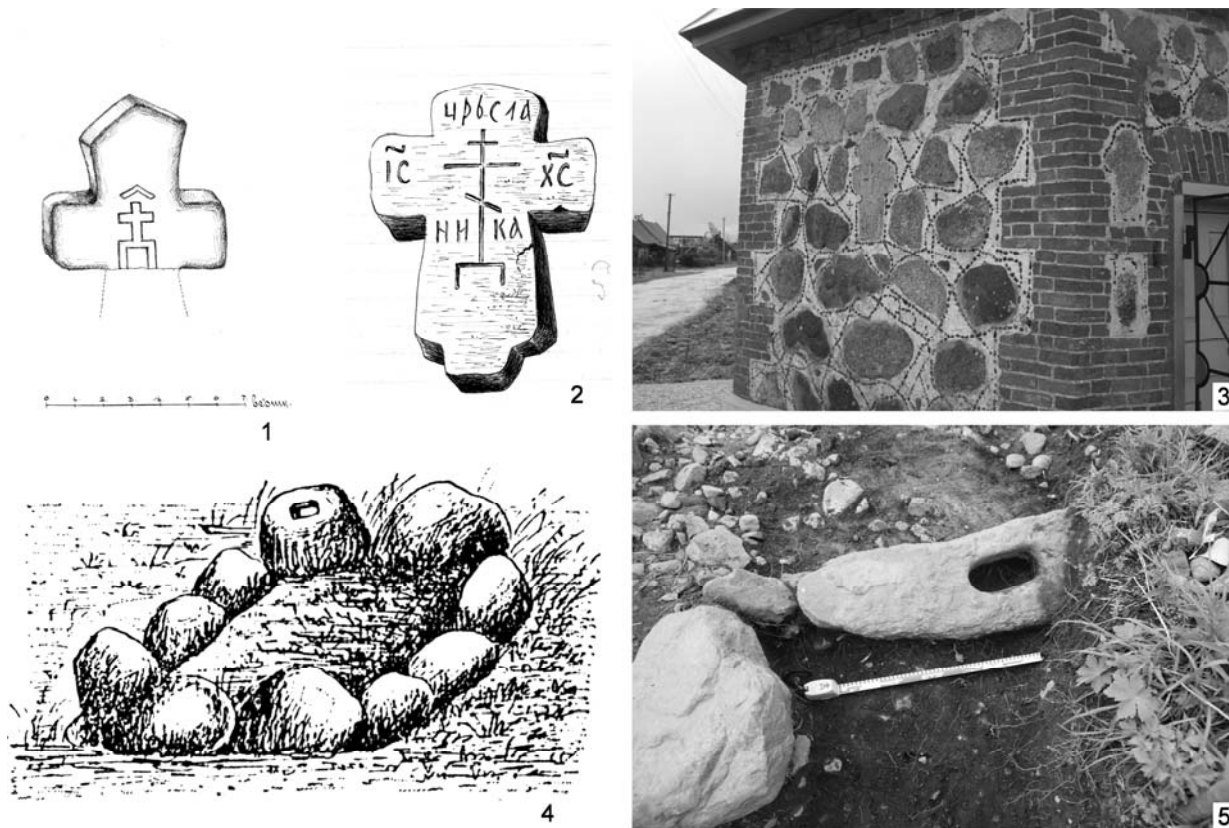
² Можно предположить, что некоторые женские украшения носились постоянно и вообще не снимались. В качестве примера можно привести небольшие проволочные перстнеобразные височные кольца, являвшиеся в действительности серьгами и часто находимые вдетыми в ухо (Стицын, б/г. РО НА ИИМК РАН, ф. 5, д. № 267, л. 58).

³ Общее число исследованных курганов/число предметов личного благочестия.

⁴ Схожее мнение высказывалось и автором раскопок: Бельский, 2012. С. 194.

⁵ Кажется маловероятным массовое использование крестиков, изготовленных из дерева и других плохо сохраняющихся материалов. Например, роговые и деревянные гребни не являются уникальной находкой в древнерусских погребальных памятниках Новгородской земли, в то время как костяной крестик, подражающий янтарному изделию, встречен лишь в одном захоронении Которского погоста.

Рис. 2. 1–3 – Средневековые каменные кресты: 1 – Средние Озерцы (Трофимов, 1909. Л. 68); 2 – Бакин Конец (Глазов, 1899. Л. 38); 3 – средневековые каменные кресты, вделанные в стену часовни, построенной в 1911 г., фото К. В. Шмелева; 4 – Бакин Конец, жальничная могила с выбитым в одном из камней отверстием для установки креста (Стицын, 1903. С. 105, рис. 97); 5 – Кюлялахти Калмистомяки, камень-основание с отверстием для установки креста (раскопки С. В. Бельского, фото автора).

Fig. 2. 1–3 – mediaeval stone crosses (1 – Sredniye Ozertsy; 2 – Bakin Konets; 3 – mediaeval stone crosses inserted into the wall of a chapel built in 1911, photo by K. V. Shmelev); 4 – Bakin Konets, *zhalnik* grave with a hole for mounting a cross in one of the stone blocks; 5 – Kylälähti Kalmistomäki (excavation by S. V. Bel'skiy, photo of the author).

Возможно, в качестве предметов личного благочестия средневековое население использовало византийские (Богуславский, 1990) и западноевропейские монеты и подражания с изображением креста, часто встречаемые в виде подвесок к ожерельям. Данное предположение требует дополнительного анализа полевой документации, тщательного изучения положения каждой монеты в захоронении и развернутой аргументации.

Серьезные коррективы в современные представления о распространении предметов личного благочестия в погребальных комплексах Древней Руси вносит выдвинутое в работах Н. В. Хамайко предположение о лунницах как о христианских символах, связанных с почитанием Девы Марии или Богородицы (Хамайко, 2008. С. 332–334; *Khamayko*, 2013). Исследовательницей прослежены общеевропейские корни соотношения Девы Марии и полумесяца. И все-таки причисление подвесок-лунниц к числу хри-

стианских символов не изменяет общей статистической картины: даже в этом случае погребения с предметами личного благочестия не составят и 10 % от общего числа исследованных захоронений.

По всей вероятности, специфическая особенность древнерусского православия или древнерусского православного погребального обряда в том, что предметы личного благочестия либо не были обязательны к повседневному ношению, либо не должны были быть погребены вместе с владельцем, возможно, за исключением каких-то особых условий жизни или кончины. В пользу такого предположения говорит и почти полное отсутствие предметов личного благочестия в погребальных памятниках XIII–XV вв., хотя было бы логичным предположить рост числа христианских символов по мере укоренения христианства. Уместно также отметить, что и в несомненно христианских погребениях, со-

вершенных внутри церквей и соборов, интерпретируемых как княжеские и боярские захоронения, в XII–XIII вв. предметы личного благочестия также чаще всего отсутствуют (*Строков*, 1945. С. 71–73; *Дубынин*, 1945. С. 97–98), а позднесредневековые новгородские кладбища демонстрируют как многочисленные находки предметов личного благочестия, так и полное отсутствие оных.⁶

Каменные надгробные кресты появляются, вероятно, в XI в. Они бытуют на протяжении всего древнерусского средневековья, а возможно, и дольше, при этом встречаясь спорадически и не являясь массовой находкой (рис. 2, 1, 2). Оценить общее количество существовавших в средневековье каменных крестов, находившихся на курганных и жальничных кладбищах Новгородской земли, в настоящее время, по всей видимости, невозможно: часть из них была вторично использована, в том числе и в церковном строительстве – вмурована в стены – еще в XV–XVI вв., а многие из зафиксированных в начале XX столетия при составлении археологической карты Санкт-Петербургской губернии не сохранились до настоящего времени или сохранились также во вторичном использовании. Характерным примером может служить судьба каменных крестов, стоявших на курганно-жальничном кладбище у д. Домашковицы в Волосовском районе Ленинградской области, которые были смонтированы в стены часовни при ее строительстве в 1911 г. (рис. 2, 3).

Полевые наблюдения позволяют утверждать, что возведение курганов над могилой происходило не сразу, а спустя какое-то время,⁷ очевидно, что могилы были как-то обозначены на местности, скорее всего, деревянным крестом или иным знаком, изготовленным из органического, не дошедшего до современности материала.⁸ Важно подчеркнуть, что наличие или отсутствие креста на могиле, как и наличие предмета лич-

ного благочестия на покойном, не может служить доказательством христианского или нехристианского погребения. Массово надгробные кресты из хорошо прослеживаемых археологически материалов появляются на Северо-Западе уже не в Древнерусском государстве, а в Российской империи, лишь в XVIII–XIX вв.

Еще одна специфическая особенность заключается в отсутствии «эталонных» христианских погребений. Несмотря на вероятное существование в Новгороде христианской общины до официального принятия христианства (*Мусин*, 2002. С. 97) и значительную площадь раскопок на территории города, средневековые кладбища городского населения до настоящего времени не обнаружены, за исключением отдельных погребений внутри храмов. Археологически исследованы некрополи при церквях, датированные лишь XV в. (*Арциховский*, 1941. С. 26–28) и более поздним временем. Неизвестно мест упокоения в районе княжеской резиденции на Рюриковом городище, расположенном в 3 км к югу от города. Погребальные памятники древнерусского времени в ближайших окрестностях Новгорода представлены лишь курганными кладбищами населения сельской округи; проведенные на них археологические работы выявили погребальный обряд, убор и иные детали, аналогичные синхронным памятникам других сельских районов Новгородской земли (*Конецкий*, 1981; 1982; *Конецкий, Носов*, 1985. С. 100–113; *Носов и др.*, 2005. С. 144–145). В различных древнерусских городах, где были изучены кладбища второй половины XI–XII в. (*Лабутина*, 1981; 1996; *Колосова, Милюткина*, 1994, 1995; *Волочкова, Закурина*, 1996; *Кильдюшевский*, 1996; *Седова*, 1997; *Мазуров*, 2004. С. 88–96), также зафиксированы лишь подкурганные ингумации, схожие с погребениями сельской округи.

Ранний этап формирования древнерусской погребальной обрядности – первые 60 лет после принятия христианства – на всей новгородской территории до сих пор остается малоизученным. Надежно датированные ранее середины XI столетия погребальные памятники пока неизвестны. С середины XI в. древнерусские труположения «резко и вдруг» появляются на значительной территории Новгородской земли, как на ее западе – в восточном Причудье (*Лесман*, 1984. С. 141–148, Табл. 2), на Луге (Удрай, Есточи, Рапти-Наволоки), в Поплюсье (Которск, Березицы), так и на востоке (Дрегли, Черезбо-

⁶ Благодарю за любезную консультацию Д. В. Пежемского.

⁷ Возведение или досыпка кургана спустя некоторое время после совершения захоронения фиксируется не только в Новгородской земле. Например, один из друцких курганов был увеличен, по мнению его исследователей, через значительный временной промежуток после сооружения, при этом необходимо особо отметить, что его реконструкция не была связана с совершением в его насыпи дополнительных захоронений (*Войтехович*, 2010. С. 15).

⁸ Аналогичная ситуация констатируется македонскими коллегами, см., например: *Манева*, 1998. С. 392.

рицы, Заручевье, Сорогожское, Бустрьгино) и юге (Отмичи, Боково, Березовец).

Именно для середины–второй половины XI в. характерно многообразие вариантов погребального обряда: практически каждое исследованное кладбище демонстрирует собственный местный набор деталей обрядности, находящихся в целом в рамках христианского канона. Вероятное объяснение столь широкой вариативности кроется в неразвитости церковной организации в сельской местности и в отсутствии прямых указаний и требований в канонических памятниках Древней Руси (Мусин, 2002. С. 73 и сл.). Первые сельские храмы появляются в погостских центрах, скорее всего, не ранее середины–второй половины XII столетия.

В погребениях второй половины XI–начала XII в. предметы личного благочестия среди находок немногочисленны, как и в более позднее время. По всей вероятности, самые ранние из них изготовлены из серебряного листа (Платонова, 1998. С. 377, рис. 5, 4). Аналогичные кресты из листового серебра или из восточных монет встречаются в христианских погребениях начи-

ная с последней трети X столетия (Недошивина, 1983. С. 222–225; Авдусин, Пушкина, 1989).

Обращает на себя внимание характерная в первую очередь для женских захоронений яркая «скандинавская вуаль», наиболее заметная во второй половине XI–первой трети XII столетия. Повсеместно и довольно часто в погребениях встречаются вещи северо-европейского производства или подражания им:⁹ бусины на проволочных колечках (рис. 3, 1–5), подвески (Дементьева, 2007) (рис. 3, 6–12, 22, 23), фибулы (рис. 3, 13–17) и застежки (рис. 3, 34, 35), браслеты (рис. 3, 29–33), детали поясной гарнитуры (Лесман, 2004) (рис. 3, 24–28) и упряжи (Новиков, 2009. С. 57–67) (рис. 3, 18–21). Картирование показывает равномерное территориальное распределение находок в Причудье – например,

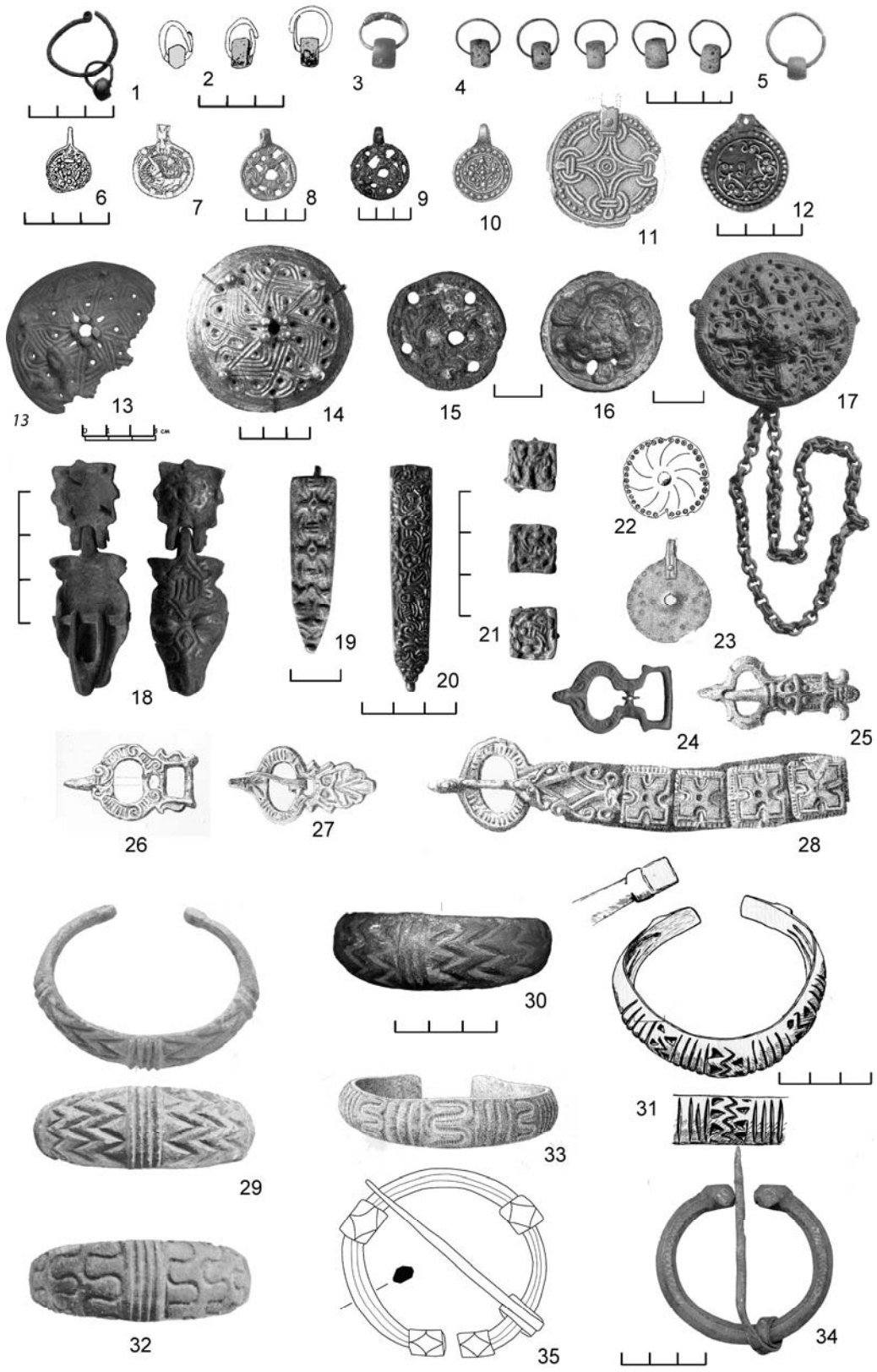
⁹ Следует отметить, что в качестве примера здесь приводятся далеко не все аспекты северо-европейского влияния на древнерусскую культуру. В наиболее полном виде вопросы выявления и влияния скандинавских компонентов проанализированы в работе Ю. М. Лесмана, вышедшей в свет после смерти автора (Лесман, 2014. С. 43–87).

Рис. 3. Находки вещей скандинавского круга в погребениях середины XI–XII вв.:

1 – Малы, курган 1 (раскопки 1921 г.) (Valk, 2009. S. 186. Jn. 7, 4); 2 – Которск XI, курган 10, погребение 1 (рисунок Е. Р. Михайловой); 3 – Княжая Гора, курган 53 (НА ИИМК РАН ФО № П 26251); 4 – Дрегли, погребение 18 (НГОМЗ, инв. № 31900, А-83-22, фото С. Е. Торопова); 5 – Городище, курган СХХV погребение 2 (Бранденбург, 1895. Табл. IV, 2); 6 – Которск XI курган 2 (рисунок Е. Р. Михайловой); 7 – Березовец, курган 124 (Успенская, 1993. С. 100, рис. 10); 8 – Новая, жальник 14 (Grušina, 2009. S. 182. Jn. 6); 9 – Тяково, погребение 11 (Лабутина, 2009. С. 79, рис. 1); 10 – Верхоляны, жальник 4 (Спицын, 1903. Табл. XXII, 7); 11 – Калихновщина, курган 52 (Спицын, 1903. Табл. XXII, 13); 12 – Которск III, курган 27 (фото автора); 13 – Деревяницы, случайная находка (НГОМЗ, инв. № 45808-1, фото С. Е. Торопова); 14 – Залахтовье, курган 37 (раскопки К. Д. Трофимова 1908/1909, НА ИИМК РАН ФО № 9809); 15 – Заручевье II, курган 7 (НГОМЗ, инв. № 35773-68, фото С. Е. Торопова); 16 – Боково, курган 43, погребение 2 (НГОМЗ, инв. № 31550, А-79-55, фото С. Е. Торопова); 17 – Вахрушево, курган СХVII погребение 4 (Бранденбург, 1895. Табл. I, 6); 18 – Устрека, случайная находка (фото автора); 19 – Устрека, случайная находка (фото автора); 20 – случайная находка, место неизвестно (Псковская? область); 21 – Устрека, случайная находка (фото автора); 22 – Бустрьгино, курган 3 (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), колл. № 1533, 7); 23 – Верхоляны, курган 9 погребение 2 (Спицын, 1903. Табл. XXII, 11); 24 – случайная находка, место неизвестно (Поозерье?); 25 – Терпилицы, курган 29 (Спицын, 1896. Табл. XIV, 23); 26 – Большие Борницы, курган 44 (Спицын, 1896. Табл. VII, 9); 27 – Тяглино, курган 19 (Спицын, 1896. Табл. VII, 1); 28 – Большие Борницы, курган 24 (Спицын, 1896. Табл. XVI, 24); 29 – Кирилина, курган LXXXIX, погребение 2 (Бранденбург, 1895. Табл. IV, 3); 30 – Деревяницы, случайная находка; 31 – Березицы III, курган 19 (рисунок Е. Р. Михайловой); 32 – Сязнега, курган LI, погребение 1 (Бранденбург, 1895. Табл. IV, 17); 33 – Беседа, курган 78 (Спицын, 1896. Табл. IV, 20); 34 – Деревяницы, случайная находка; 35 – Хрепле, курган 20 погребение 2 (НГОМЗ, оп. 11). 1–5 – серебро, стекло; 6–9, 12, 22, 23 – серебро; 13, 14, 17, 24–27, 29–35 – бронза; 15 – железо, позолота; 16, 18–21 – бронза, позолота; 28 – бронза, кожа. 1–5 – silver, glass; 6–9, 12, 22, 23 – silver; 13, 14, 17, 24–27, 29–35 – bronze, cuivre; 15 – iron, gold-plated; 16, 18–21 – bronze, plated; 28 – bronze, leather.

Fig. 3. Finds of Scandinavian artefacts in burials of the mid-11th–12th century:

1 – Maly, Barrow 1 (excavation of 1921); 2 – Kotorok XI, Barrow 10, burial 1 (drawing by E.R. Mikhaylova); 3 – Knyazhaya Gora, Barrow 53; 4 – Dregli, burial 18 (photo by S.E. Toropov); 5 – Gorodishche, Barrow CXXV, burial 2; 6 – Kotorok XI Barrow 2 (drawing by E. R. Mikhaylova); 7 – Berezovets, Barrow 124); 8 – Novaya, zhalnik-grave 14; 9 – Tyakovo, burial 11); 10 – Verkholyany, zhalnik-grave 4; 11 – Kalikhnovshchina, Barrow 52; 12 – Kotorok III, Barrow 27 (photo by the author); 13 – Derevyanitsy, chance find (photo by S. E. Toropov); 14 – Zalakhtove, Barrow 37 (excavations by K.D. Trofimov); 15 – Zaruchevye II, Barrow 7 (photo by S. E. Toropov); 16 – Bokovo, Barrow 43, burial 2 (photo by S. E. Toropov); 17 – Vakhrushevo, Barrow CXVII burial 4; 18 – Ustreka, stray find (photo by the author); 19 – Ustreka, stray find (photo by the author); 20 – stray find, find-spot unknown (Pskov Oblast); 21 – Ustreka, stray find (photo by the author); 22 – Bustrygino, Barrow 3 (Peter I Museum of Anthropology and Ethnography); 23 – Verkholyany, Barrow 9, burial 2; 24 – stray find, find-spot unknown (Poozerje?); 25 – Terpilitsy, Barrow 29; 26 – Bolshiye Bornitsy, Barrow 44; 27 – Tyaglyno, Barrow 19; 28 – Bolshiye Bornitsy, Barrow 24; 29 – Kirilina, Barrow LXXXIX, burial 2; 30 – Derevyanitsy, stray find; 31 – Berezitsy III, Barrow 19 (drawing by E. R. Mikhaylova); 32 – Syaznega, Barrow LI, burial 1; 33 – Beseda, Barrow 78; 34 – Derevyanitsy, stray find; 35 – Khreple, Barrow 20, burial 2. 1–5 – silver, glass; 6–9, 12, 22, 23 – silver; 13, 14, 17, 24–27, 29–35 – bronze; 15 – iron, gold-plated; 16, 18–21 – bronze, gilt; 28 – bronze, leather.

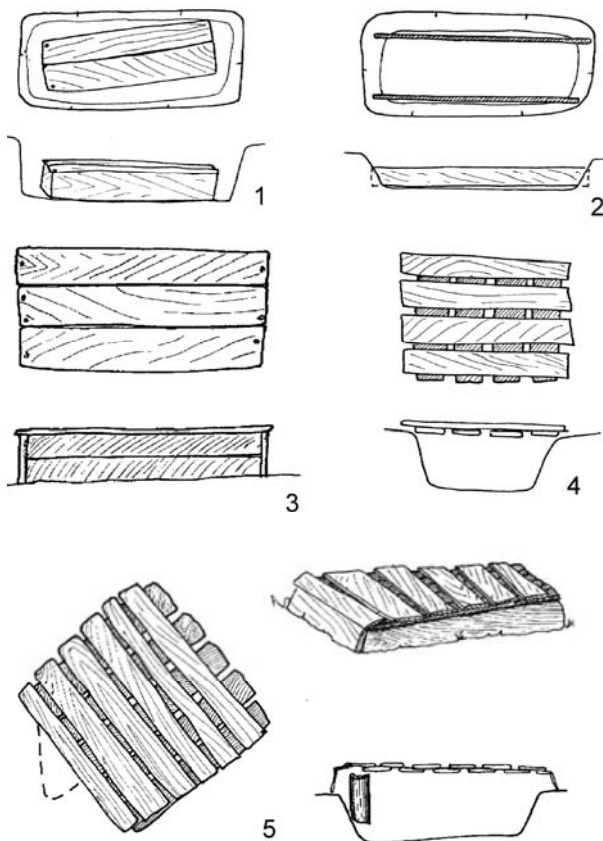
Тяково (*Лабутина*, 2009. С. 79, рис. 1), Новая (*Grušina*, 2009. С. 182, рис. 6), Залахтовье, курган 37 (раскопки К. Д. Трофимова) (*Хвоцинская*, 2004. Табл. СХХХI), курган 181 (*Хвоцинская*, 2004. Табл. LXXVII), Верхоляны, жальник 4 (*Спицын*, 1903. Табл. XXII, 7), Калихновщина, курган 52 (*Спицын*, 1903. Табл. XXII, 13); на Ижорском плато – Терпилицы, курган 29 (*Спицын*, 1896. Табл. XIV, 23), Большие Борницы, курган 44 (*Спицын*, 1896. Табл. VII, 9), Тяглино, курган 19 (*Спицын*, 1896. Табл. VII, 1); в Плюсье – Которск (*Кузьмин и др.*, 2006. С. 91–92; *Соболев*, 2008. С. 219–221) и Полужье – Удрай II, каменная насыпь (*Платонова*, 1998. С. 372–380), Княжая Гора, курган 53 (*Целети*, 1900), Приладожье – Городище, курган СХХV, погребение 2 (*Бранденбург*, 1895. Табл. IV, 2), Вахрушево, курган СХVII, погребение 4 (*Бранденбург*, 1895. Табл. I, 6); в Верховьях Сяси – (Дрегли, погребение 18), Помостье – Заручьево, курган 8 (*Пронин, Мильков*, 1981. С. 79–83); в бассейне Мологи – д. Бустрыгино, курган 3 (*Соболев*, 2007. С. 263–264, рис. 5, 7); в районе Верхневолжских озер – Боково, курган 39/3 (*Пронин*, 1978. С. 48–49, рис. 211, 5) и курган 43/2 (*Пронин*, 1979б. С. 44, рис. 213, 4), Березовецкий могильник, курган 65 (*Успенская*, 1993. С. 102, 130), курган 124 (*Успенская*, 1993. С. 99–100, рис. 10, 134).¹⁰ Указанная особенность не может быть интерпретирована как единовременный или хронологически сжатый «выплеск» на рынок самого Новгорода и его сельской округи большой партии скандинавских импортов, так как в это же время в Новгородской земле отмечается распространение «моды» на погребения в камерах (*Соболев*, 1997а. С. 183–185; 1997б. С. 272–277). В более ранний, дохристианский, период камерный обряд захоронения, зафиксированный в ярких нерядовых кладбищах Киева, Чернигова, Гнездова, на Северо-Западе Руси характерен лишь для части населения Пскова. При безусловном присутствии значительной по численности группы скандинавского населения в Новгороде камерные погребения не обнаружены ни в самом городе, ни в окрестностях Рюрикова городища, не встречены они и при исследованиях сельских кладбищ и некрополей ло-

кальных центров Новгородской земли X в. Однако именно во второй половине XI столетия камерный обряд погребения распространяется и существует в Новгородской земле уже достаточно массово до конца первой трети или, вероятно, до середины XII столетия. Наиболее известные камеры древнерусского времени исследованы Н. И. Платоновой под «каменной насыпью» и под насыпью кургана 111 курганной группы у д. Малый Удрай (*Платонова*, 1998. С. 372–380) и Н. В. Хвоцинской в могильнике у д. Залахтовье на берегу Чудского озера (*Хвоцинская*, 2004); в общей сложности на сегодняшний день на территории Новгородской земли насчитывается около 20 пунктов, в которых раскопаны подкурганные камерные погребения, датируемые второй половиной XI–первой третью XII в. (*Соболев*, 1997а. С. 183–185; 1997б. С. 272–277). Здесь еще раз необходимо подчеркнуть их связь и с местной элитой, и с христианским обрядом погребения, и обратить внимание на находку в Удрае, в мужском камерном мужском погребении под каменной насыпью крестика, изготовленного из листового серебра (*Платонова*, 1998. С. 372–380). Аналогичные находки происходят из более ранних камерных погребений Гнездова (*Авдусин, Пушкина*, 1989, рис. 4, 2, 7), Киева, Тимерёвского и Шестовицкого могильников (*Недошивина*, 1983. С. 222–225) и связываются исследователями с распространением христианства на древнерусской территории.

Интересным представляется вопрос появления дощатых гробов, долбленых из целого ствола колод и иных деревянных вместилищ, остатки которых в XI–XII вв. фиксируются как в могилах, так и в погребениях на уровне древней дневной поверхности. Наиболее ранние из деревянных вместилищ появляются уже в самых ранних труположениях, но не являются частой находкой. Отсутствие устоявшейся погребальной традиции выражается и в способах сооружения внутри- и надмогильных «вместилищ», серьезно варьирующихся в пределах одного древнерусского кладбища (рис. 4). В то же время гробы, долбленные колоды и т. п. на протяжении конца XI–XIV вв. встречаются редко, время массового распространения традиции погребения в гробах пока не установлено.

Стоит обратить внимание, что при соблюдении основных требований, предъявляемых православием к обряду погребения (погребение

¹⁰ Складывается впечатление, что картирование вещей скандинавского круга, найденных в древнерусских ингумациях, отражает не распространение отдельных предметов или торговые связи XI–XIII вв., а степень изученности отдельных регионов и «удачливость» авторов раскопок.

Рис. 4. Деревянные погребальные конструкции: 1 – дощатый гроб, помещенный в могильной яме; 2 – доски, вбитые в дно могилы; 3 – дощатый ящик, перекрывающий погребение на уровне дневной поверхности; 4 – дощатое перекрытие могилы на уровне дневной поверхности под курганной площадкой; 5 – дощатое перекрытие могилы. Рисунки автора и Е. Р. Михайловой.

Fig. 4. Wooden mortuary structures: 1 – wooden coffin placed into burial pit; 2 – boards driven into the bottom of the grave; 3 – wooden box covering the burial at the level of the buried soil; 4 – wooden cover of the grave at the level of the buried soil in the area under the barrow; 5 – wood-board cover of the grave. Drawings by the author and E. R. Mikhaylova.

некремированных останков, погребение тела головой на восток и ногами на запад), некоторые детали погребальной обрядности древнерусского общества, не регламентированные православным канонам, продолжают развиваться на основе дохристианских традиций. В первую очередь это касается факта самого наличия намогильной курганной насыпи и их региональных конструктивных особенностей.

На западе – в бассейне верхнего и среднего течения Плюссы, Восточном Причудье, а также на юге и юго-востоке Новгородской земли формирование древнерусского населения происходило в условиях синтеза культурных традиций населения культуры сопки, КДК, при участии

финноязычных племен и, возможно, при регулярных торговых (?) контактах с выходцами из Скандинавии. Здесь сложился обряд погребения в могилах или – реже – на поверхности материка; насыпь над ними возводилась из грунта (песка) без использования валунного камня или плитняка, иногда в насыпях встречаются следы деревянных конструкций.

В Полужье, по берегам Шелони и к востоку и северо-востоку от озера Ильмень, формирование древнерусской культуры проходило в условиях преобладания культурных традиций населения культуры сопки. В этих регионах сложилась иная форма намогильного сооружения – вокруг засыпанной могилы возводилось кольцо из крупных валунов, внутреннее пространство которого засыпалось землей. Высота насыпи зачастую равна высоте окружающих камней.

Указанная разница в способах возведения намогильных сооружений второй половины XI – середины XII в. позволяет зафиксировать смену населения, произошедшую в западной части Новгородской земли в середине XII столетия (Соболев, 2013. С. 278–286). Древнерусские курганно-некрополи, где насыпи сооружены без применения камней, такие, как, например, Которск III, XI, Березицы III в Верхнем Поплусье, или Естомичи I и Рапти-Наволоки II в Верхнем Полужье, появляются в середине XI в. и продолжают функционировать до конца XII столетия. В середине XII столетия на территории большого региона, охватывающего верхнее и среднее течение р. Плюссы, Псковы, в Восточном Причудье появляются курганы, окруженные камнями. Чаще всего эти насыпи образуют новые некрополи, топографически не связанные с древнерусскими погребальными памятниками более раннего времени. Число могильников, где в состав единого кладбища одновременно входят насыпи, сооруженные без использования камней и окруженные кольцом из валунов, крайне невелико. Обычно такие некрополи начинают свое функционирование в более раннее, додревнерусское время. Также можно отметить, что вновь появляющиеся курганно-жальничные или только жальничные могильники (рис. 2, 4) пристраивались к дохристианским некрополям, как правило, относящимся к КДК. В качестве примера можно привести курганно-жальничный могильник у д. Дуброшкино, план которого был снят К. Д. Трофимовым в 1909 г. В юго-восточной части первоначальной группы КДК, состо-

явшей из четырех круглых и трех удлинённых насыпей, между курганами совершены захоронения в жальниках круглой формы. Позднее к югу от них были сооружены овалы жальничные могилы, а на последнем этапе функционирования кладбища – прямоугольные вытянутые могилы-«клетки».

Вероятно, фиксируемый на основании погребальных памятников приток нового населения в западные районы Новгородской земли отражает процесс феодализации территории, начавшийся в первой трети XII в. и продолжавшийся до конца столетия. Возможным толчком к переселению из центральных и северо-восточных районов Новгородской земли на запад мог стать отмеченный в летописях катастрофический голод между 1125–1130 гг., ставший причиной высокой смертности и оттока значительных масс населения. Косвенным доказательством этого может служить появление на территории слабо заселенного в XI–начале XII в. Ижорского плато выходцев из Восточного Причудья и Плюсья именно в это время (*Лесман, 1982*).

Как уже было отмечено, первые храмы появляются в погостах, вероятно, в середине–второй половине XII столетия. По всей вероятности, этим же временем должно датироваться и появление первых кладбищ при храмах. Прямых указаний на время возникновения церковных кладбищ нет, однако косвенным может служить отсутствие курганов в ближайших окрестностях Которского погоста после прекращения функционирования некрополей Которск III и XI, наиболее поздние узкодатированные захоронения в которых относятся к концу XII столетия (1177–1197 гг. или около 1197 г.). Ближайший к погостскому центру жальничник находится в 3 км, невелик по размеру и, видимо, является местным деревенским местом упокоения, не претендуя на роль погостского кладбища. В то же время следует отметить факт существования в XIII–XIV вв. в пределах одного погоста традиции захоронения умерших на освященной земле в церковной ограде и на внецерковных кладбищах.¹¹

¹¹ Источниками XIX в. на курганно-жальничных и жальничных могильниках фиксировались часовни (например: *Целети, 1900; Иссен, 1927*). По всей вероятности, строительство часовен на жальниках может быть отнесено к XVIII, самое раннее к XVII в. Источников и оснований, позволяющих предполагать существование часовен в более раннее время, у нас нет.

Кладбища населения самого Новгорода XII–XIII вв., как и кладбища более раннего времени, неизвестны, внутри городских храмов изучены отдельные княжеские и ктиторские погребения. Вопрос о возможности захоронения внутри сельских храмов остается открытым: до настоящего времени ни одной сельской церкви этого времени в Новгородской земле археологически не исследовано.

На протяжении XIII столетия на территории Новгородской земли погребальный обряд в значительной степени «унифицируется», повсеместно распространяются курганы-жальники и жальники; на некоторых из них устанавливаются каменные кресты. XIII век – время постепенного перехода от погребения в повседневном или праздничном костюме к обряжению покойного в специальный погребальный костюм. Данный процесс археологически выразился в исчезновении из погребений почти всех деталей костюма (воротники, пуговицы и т. п.) или убора. Единичные вещи, встречающиеся в захоронениях XIII–XIV вв., позволяют датировать последние лишь очень широко, зачастую в рамках столетия или полустолетия. Наиболее поздние из исследованных жальников могут датироваться на основании монетных находок XIV–XV вв., а, возможно, и XV–XVI вв. (*Стуцын, 1903. С. 68–70*).

Ижорское плато, пожалуй, единственный регион, в это время существенно отличающийся от территории остальной Новгородской земли. Слабозаселенный в XI–первой половине XII столетия, он на протяжении следующих 200 лет сохраняет культурную специфику. Сидячие погребение – одна из наиболее ярких особенностей, происхождение которого дискутируется археологами на протяжении уже более чем 100 лет. Изредка встречающиеся на остальной древнерусской территории (*Седов, 1982. С. 175, рис. 29*) захоронения в сидячем положении, по всей видимости, не несут этнической информации. Возможно, их появление связано с импульсами скандинавского влияния эпохи викингов, однако данное предположение требует дополнительной аргументации, учитывая хронологический разрыв между скандинавскими камерными гробницами и курганами Ижорского плато.

Также на территории Ижорского плато более широко, чем в других регионах, распространяется традиция восточной ориентировки погребенных и помещения в погребение орудий труда,

хозяйственного инвентаря и бытовых предметов (топоров, серпов, кос).

На протяжении XIII столетия последние из перечисленных особенностей постепенно исчезают, погребальный обряд нивелируется, однако сохраняется впечатление большей доли захоронений, содержащих детали костюма или украшения, по сравнению с другими районами Новгородской земли.

Еще один из актуальных и пока не решенных вопросов формирования древнерусской погребальной обрядности – проблема выделения погребений социальной верхушки как городского древнерусского населения, так и сельского. Если погребальный обряд городской элиты (как светской, так и духовной) известен (упоминавшиеся выше погребения внутри храмов), то критерии выделения из общей массы погребенных нерядовых членов общества более низкого уровня, не единожды упомянутых в летописных источниках и берестяных грамотах, включая боярство, пока не выработаны.

Из исследованных древнерусских ингумаций XI–первой половины XII в. на основании найденных в захоронениях деталей одежды и/или определенного престижного – камерного – обряда захоронения выделяется группа погребенных, которая может быть интерпретирована как захоронения местной элиты (Соболев, 1997а. С. 183–185; 1997б. С. 272–277; Михайлов, Соболев, 2000. С. 225–226).

Для более позднего времени выделение элитарных погребальных комплексов из массы захоронений в сельских кладбищах Новгородской земли, как и остальной древнерусской территории, практически невозможно. Исключение составляют две уникальные подкурганые ингумации в каменных саркофагах в Друцке в Белоруссии и недалеко от г. Старица Тверской области.

Каменный саркофаг, найденный при раскопках кургана 2 (1967 г.) в Иверовской курганной группе, вмещал останки мужчины; находки, позволяющие датировать погребение, отсутствовали. Более позднее – впускное женское захоронение, совершенное в этом же кургане и датированное концом XII–началом XIII столетия, позволило отнести основное погребение к XII в. (Комаров, 1974. С. 58–59; Комаров, Елкина, 1976. С. 230) и интерпретировать его как захоронение представителя «местной феодальной знати» (Комаров, Елкина, 1976. С. 232).

В одном из могильников, располагавшемся к северу от укреплений городища и окольного города Друцка, в 2008–2009 гг. был исследован курган, под насыпью и в насыпи которого выявлено 38 ингумаций, датируемых XII–началом XIII столетия (Левко, 2010. С. 6; Войтехович, 2010. С. 15; Кенько, 2010. С. 21). Одно из захоронений (№ 35) было совершено в могильной яме и перекрыто конструкцией из тщательно обработанных песчаниковых плит, которая может быть интерпретирована как остатки саркофага (Левко, 2010. С. 6; Войтехович, 2010. С. 12; Археологическое наследие..., 2012. С. 76). Авторы раскопок склонны видеть в погребенных представителях социальной верхушки древнерусского общества и их дружинников, погибших в результате военного столкновения (Левко, 2010. С. 9; Войтехович, 2010. С. 15).

Подкурганые ингумации в каменных саркофагах, без сомнения, относятся к тому же кругу погребенных, что и исследованные во многих древнерусских городах аналогичные захоронения в церквах и соборах и на освященной земле внутри церковной ограды.

Моры, моровые поветрия, зафиксированные летописями на протяжении XIII–XIV, возможно и XV вв., стали причиной появления нового типа погребальных сооружений – «скудельниц» – коллективных могил жертв заболевания. Датировка данного типа памятников крайне затруднена скудостью археологического материала.

По всей вероятности, в XIV–XV вв. происходит последняя фиксируемая археологически трансформация погребального обряда – распространяются грунтовые могильники, иногда под кладбища начинают использоваться насыпи более раннего времени (например, погребальные насыпи IX–X вв. у д. Репьи, Средние Озерцы, Лезги, Крючково).

В первой половине XVI в. (1534 и 1548 гг.) письменными источниками зафиксировано сохранение курганного обряда на окраинах Новгородской земли. Для этого времени данный обряд уже является анахронизмом, новгородские архиепископы посылают «в Воцкую пятину, в Чюдь, в Толдожский погост, в Ъжеру, в Каргальский погост, и в Ижерский погост, и в Дудоровский погост, и в Замошский погост, и в Спаской погост в Зарецкой, и во все Чюцкие уезды и Ижерские, и в Вошки, да и во все Копорецкие, и Ямские и Ивангороцкие, и в Корелские, и в Ореховские уезды» грамоты, обличающие пережит-

ки, к которым причисляется и погребение «в лесах по курганам и по коломищом». (Дополнения к Актам историческим, 1846. С. 57–60.)

Подводя итоги, необходимо отметить, что наименее изученным остается ранний этап формирования погребальной культуры христианского населения Новгородской земли. Открытым нужно признать и вопрос о времени перехода сельского населения от курганных и курганно-жальничных некрополей к бескурганым и к церковным кладбищам. Важно отметить отсутствие разницы между погребальными традициями горожан и населения сельских районов обширной Новгородской земли на протяжении XI–XII столетий. Еще раз хочется подчеркнуть, что, на мой взгляд, нет оснований для разделения средневековых погребений по конфессиональному признаку или по степени проникновения христианства в сознание тех или иных древнерусских жителей Новгородской земли.

- Авдусин, Пушкина*, 1989 – *Авдусин Д. А., Пушкина Т. А.* Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города / Г. А. Федоров-Давыдов (отв. ред.), Е. А. Рыбина, А. С. Хорошев. М., 1989.
- Археологическое наследие..., 2012 – Археологическое наследие Белоруссии / Ред. А. А. Коваленя, О. В. Левко. Минск, 2012.
- Арицховский*, 1941 – *Арицховский А. В.* Новгород. Славенский холм, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. / Ред. В. В. Гольмстен. М.; Л., 1941.
- Бельский*, 2012 – *Бельский С. В.* Могильник Кюлялахти Калмистомьяки в Северо-Западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 годов) / Отв. ред. А. А. Селин. СПб., 2012 (Свод археологических источников Кунсткамеры; Вып. 3).
- Богуславский*, 1990 – *Богуславский О. И.* О находках византийских монет в Южном Приладожье // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород, 1990. Вып. 3.
- Бранденбург*, 1895 – *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья СПб., 1895 (МАР; № 18).
- Валк*, 2010 – *Валк Х.* Новая попытка интерпретации жальничных погребений // Археология Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова: Материалы 55-го заседания, посвящ. юбилею проф. И. К. Лабутиной / П. Г. Гайдуков (отв. ред.), Л. Я. Костючук, Э. В. Королева, И. К. Лабутина, Н. В. Лопатин, В. В. Седов, Б. Н. Харлашов, Е. А. Яковлева. Псков, 2010.
- Войтехович*, 2010 – *Войтехович А. В.* Погребальный обряд кургана с массовым захоронением у агр. Друцк (предварительные итоги изучения) // Віцебскія старажытнасці: Матэрыялы навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага / Ред. Г. У. Савіцкі, В. А. Шышанаў, А. І. Лагунова. Мінск, 2010.
- Волочкова, Закурина*, 1996 – *Волочкова О. К., Закурина Т. Ю.* Погребения древнерусского курганного некрополя Пскова (по материалам раскопок V, XI, XII) // Археологическое изучение Пскова. Псков, 1996. Вып. 3, т. 1: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): Материалы и исследования / О. К. Волочкова, И. О. Колосова, И. К. Лабутина (отв. ред.), В. В. Седов, Б. Н. Харлашов.
- Глазов*, 1899 – *Глазов В. Н.* По ходатайству г. В. Н. Глазова о разрешении ему производства раскопок в Гдовском уезде С.-Петербургской губ. // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1899.
- Дементьева*, 2007 – *Дементьева А. С.* «Подвески гнездовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. // Гнездово. Результаты комплексного исследования памятника / Отв. ред. В. В. Мурашова. М., 2007.
- Дополнения к актам историческим. 1846 – Дополнения к актам историческим. Т. 1. М.
- Дубынин*, 1945 – *Дубынин А. Ф.* Археологические исследования г. Суздаля (1936–1940 гг.) // КСИИМК. М.; Л., 1945. Вып. 11.
- Иессен*, 1927 – *Иесен А. А.* Отчет о палеознтологических разведках в Лужском и Кингисеппском уездах Ленинградской губернии // РО НА ИИМК, ф. 2, оп. 1, д. № 109, 1927.
- Кенько*, 2010 – *Кенько П. М.* Вещевой комплекс кургана с массовыми захоронениями жителей Друцка // Віцебскія старажытнасці: Матэрыялы навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага / Г. У. Савіцкі, В. А. Шышанаў, А. І. Лагунова. Мінск, 2010.
- Кильдюшевский* 1996 – *Кильдюшевский В. И.* Погребения Псковского некрополя (раскоп VII) // Археологическое изучение Пскова / О. К. Волочкова, И. О. Колосова, И. К. Лабутина (отв. ред.), В. В. Седов, Б. Н. Харлашов. Псков, 1996. Вып. 3, т. 1: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): Материалы и исследования.
- Колосова, Милютин*, 1994 – *Колосова И. О., Милютин Н. Н.* «Большой курган» древнерусского некрополя Пскова (погребение 57, 59) // Археологическое изучение Пскова / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1994. Вып. 2.
- Колосова, Милютин*, 1995 – *Колосова И. О., Милютин Н. Н.* Новые данные о курганном некрополе Пскова (по материалам раскопа XVI на ул. Ленина) // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1994.
- Комаров*, 1974 – *Комаров К. И.* Работы славянского отряда Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.
- Комаров, Елкина*, 1976 – *Комаров К. И., Елкина А. К.* «Курганный могильник в окрестностях Старицы» // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы / Ред. Л. В. Кольцов, М. П. Зимица, О. С. Галзьяцкая. М., 1976.
- Конецкий*, 1981 – *Конецкий В. Я.* Нередицкий могильник // Славяно-русская археология. М., 1981 (КСИА; Вып. 164).
- Конецкий*, 1982 – *Конецкий В. Я.* Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // Новгородский исторический сборник / Б. В. Ананьич, В. Д. Васильев, Е. Н. Носов, В. Л. Янин (отв. ред.). Л., 1982. Вып. 2 (12).
- Конецкий*, 1984 – *Конецкий В. Я.* Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
- Конецкий*, 1989 – *Конецкий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник / Б. В. Ананьич, В. Д. Васильев, Э. А. Гордиенко, В. А. Шишкин, В. Л. Янин (отв. ред.). Л., 1989. Вып. 3 (13).
- Конецкий, Носов*, 1985 – *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* Загадки Новгородской округи. Л., 1985.
- Кузьмин и др.*, 2006 – *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., Тарасов И. И., Шмелев К. В.* Работы Северо-Западной Археологической экспедиции НИИКСИ СПбГУ в 2006 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (23–25 января 2007) / В. Л. Янин (отв. ред.), Е. Н. Носов, Е. А. Рыбина, А. С. Хорошев. Великий Новгород, 2006. Вып. 21.
- Кузьмин и др.*, 2010 – *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.* Могильник Которск IX – кладбище населения Которско-

- го погоста // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2010. № 5: Ремесло археолога.
- Кузьмин, Михайлова, 1997 – Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р. Новые материалы к проблеме славянского расселения на северо-западе Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3: Этногенез и этнокультурные контакты славян.
- Лабутина, 1981 – Лабутина И. К. Итоги изучения культурного слоя в Пскове // Славяно-русская археология. М., 1981 (КСИА; Вып. 164).
- Лабутина, 1996 – Лабутина И. К. Погребения Псковского некрополя (17–24, 26–28) // Археологическое изучение Пскова / О. К. Волочкова, И. О. Колосова, И. К. Лабутина (отв. ред.), В. В. Седов, Б. Н. Харлашов. Псков, 1996. Вып. 3, т. 1: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): Материалы и исследования.
- Лабутина, 2009 – Лабутина И. К. Жальничный могильник XI–XIII вв. у дер. Тяково // *Setoma 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. Aastani. Priложение* / M. Aun, A. Lillak, M. Lõiv, A. Selart, H. Valk (eds). Tartu, 2009.
- Левко, 2010 – Левко О. Н. Друцкие курганные могильники: Историко-культурный анализ // Віцебскія старажытнасці: Матэрыялы навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі берасіянскай граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага / Г. У. Савіцкі, В. А. Шышанаў, А. І. Лагунова. Мінск, 2010.
- Лесман, 1982 – Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Ред. А. Д. Столяр. Л., 1982.
- Лесман, 1984 – Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли: Межвуз. сб. / Ред. Г. С. Лебедев. Л., 1984.
- Лесман, 1995 – Лесман Ю. М. Новгородские привески – источник для реконструкции динамики христианизации // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: Тез. докл. / А. П. Новосельцев (отв. ред.), Я. Н. Щапов, Е. А. Мельникова, И. С. Чуров, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, А. В. Назаренко, А. В. Подосинов. М., 1995.
- Лесман, 2004 – Лесман Ю. М. Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас // XV Конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М., 2004.
- Лесман, 2014 – Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси.
- Мазуров, 2004 – Мазуров А. Б. Древнейший некрополь Коломны XII века // КСИА. М., 2004. Вып. 216.
- Мальмгрен, 1893 – О раскопках Мальмгрена в селе Осьмино Гдовского уезда, СПббургской губ // РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1893, л. 90.
- Мальмгрен, 1894 – О разрешении студенту А. Э. Мальмгрену раскопок в селе Осьмино, Гдовского уезда // РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1894, д. № 75.
- Манева, 1998 – Манева Е. Проблема средневековых некрополей в Македонии // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян.
- Михайлов, Соболев, 2000 – Михайлов К. А., Соболев В. Ю. Новгородские наборные пояса X–XII вв. // Археологические вести. СПб., 2000.
- Михайлова, 2009 – Михайлова Е. Р. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
- Михайлова, 2014 – Михайлова Е. Р. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура / Ред. Н. А. Макаров, Е. А. Леонтьев. М.; Вологда, 2014.
- Мусин, 2002 – Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Насонов, 1951 – Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951.
- Недошивина, 1983 – Недошивина Н. Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. М., 1983. № 4.
- Новиков, 2009 – Новиков В. В. Уздечный набор из раскопок С. И. Сергеева в Гнездово // СА. М., 2009. № 2.
- Носов, 1982 – Носов Е. Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник / Б. В. Ананьич, В. Д. Васильев, Э. А. Гордиенко, В. А. Шишкин, В. Л. Янин (отв. ред.). Л., 1982. Вып. 1 (11).
- Носов и др., 2005 – Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя: Новые материалы исследований. СПб., 2005.
- Петров, 1999 – Петров Н. И. Могилы превысокие: языческие курганы племенной аристократии Северо-Западной Руси VIII–XI вв. [Электронный ресурс] Research Support Scheme. Budapest, 1999 // URL: (<http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001047/01/48.pdf> (дата обращения 05.07.2014))
- Платонова, 1981 – Платонова Н. И. Две группы древнерусских памятников Верхнего Полужья // Средневековые древности. М., 1981 (КСИА: Вып. 166).
- Платонова, 1988 – Платонова Н. И. Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по данным археологии): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1988 // РО НА ИИМК, ф. 35, оп. 2-Д, № 419, 420.
- Платонова, 1998 – Платонова Н. И. Камерные погребения XI–начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян.
- Пронин, 1978 – Пронин Г. Н. Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1978 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 7005 + а, б.
- Пронин, 1979а – Пронин Г. Н. Работы Ильменской экспедиции // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.
- Пронин, 1979б – Пронин Г. Н. Отчет о работе Ильменской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 7842.
- Пронин, 1988 – Пронин Г. Н. Об этнической принадлежности жальников (опыт ретроспективного анализа) // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988.
- Пронин, Мильков, 1981 – Пронин Г. Н., Мильков В. В. Раскопки древнерусских памятников в Новгородской области // Славяно-русская археология. М., 1981 (КСИА; Вып. 164).
- Рапов, 1988 – Рапов О. М. О времени и обстоятельствах крещения населения Новгорода Великого // Вестник МГУ. Сер. 8. История. М., 1988. № 3.
- Рапов, 1998 – Рапов О. М. Русская церковь в IX–первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1998.
- Рябинин, 2001 – Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологического исследования 1981–1991 гг.). СПб., 2001.
- Седов, 1982 – Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Седова, 1997 – Седова М. В. Суздаль в X–XV вв. М., 1997.
- Соболев, 1997а – Соболев В. Ю. Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволок II в контексте становления древнерусского погребального обряда // XIII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Петрозаводск, 1997.
- Соболев, 1997б – Соболев В. Ю. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли // Памятники старины. Концепции.

- Открытие. Версии. Памяти В. Д. Белецкого. 1919–1997 / Ред. С. В. Белецкий. СПб., Псков, 1997. Т. 2.
- Соболев*, 1998а – *Соболев В. Ю.* Средневековая погребальная обрядность на Северо-Западе Новгородской земли // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М., 1998. Т. 4: Общество, экономика, культура и искусство славян.
- Соболев*, 1998б – *Соболев В. Ю.* Погребальный обряд древнерусского погоста // Церковная археология / Ред. С. В. Белецкий. СПб., 1998. Вып. 4.
- Соболев*, 2007 – *Соболев В. Ю.* Материалы раскопок древнерусских памятников в собрании фонда археологии МАЭ им. Петра Великого // Археология Пскова и Псковской земли: Семинар им. академика В. В. Седова. Материалы LIII заседания, посвящ. памяти проф. А. Р. Артемьева / В. А. Аракчеев, П. Г. Гайдуков, Л. Я. Костючук, И. К. Лабутина (отв. ред.), Н. В. Лопатин, Вл. В. Седов, Б. Н. Харлашов, Е. А. Яковлева. Псков, 2007.
- Соболев*, 2008 – *Соболев В. Ю.* Новые находки вещей скандинавского круга в Которском погосте Шелонской пятины: Тезисы // XVI Конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конф. М.; Архангельск, 2008. Ч. 1.
- Соболев*, 2013 – *Соболев В. Ю.* Смена населения на западе Новгородской земли в XII в. Археологические данные и летописные свидетельства // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского / Ред. Е. Н. Носов, Е. А. Рыбина, О. А. Тарабардина, С. Е. Торопов. Великий Новгород, 2013. Вып. 27.
- Стицын*, б/г – *Стицын А. А.* Фонд // РО НА ИИМК РАН, ф. 5, д. 267.
- Стицын*, 1896 – *Стицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб., 1896 (МАР; № 20).
- Стицын*, 1903 – *Стицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб., 1903 (МАР; № 29).
- Строков*, 1945 – *Строков А. А.* Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. М.; Л., 1945. Вып. 11.
- Трофимов*, 1909 – *Трофимов К. Д.* О раследовании К. Д. Трофимовым кургана в дер. Средние Озерцы, Гдовского уезда, С.-Петербургской губ // НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, оп. 1, 1909 г., № 128.
- Успенская*, 1993 – *Успенская А. В.* Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы / Ред. Н. Г. Недошивина. М., 1993 (Труды ГИМ; Вып. 82).
- Хамайко*, 2008 – *Хамайко Н.* Древнерусские лунницы XI–XIII вв.: проблема происхождения и семантики // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Переяслав-Хмельницький, 2008. Вып. 20.
- Хвоцинская*, 2004 – *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовы). СПб., 2004.
- Целети*, 1900 – О раскопках Л. Н. Целети в Новгородском и Лужском уездах // РО НА ИИМК, ф. 1, 1900. № 92.
- Шмидт*, 1957 – *Шмидт Е. А.* Курганы у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957. Вып. 2.
- Янин*, 1983а – *Янин В. Л.* День десятого века // Знание – сила. 1983. № 3.
- Янин*, 1983б – *Янин В. Л.* Когда и как крестили новгородцев // Наука и религия. 1983. № 11.
- Grušina*, 2009 – *Grušina L.* Novaja kalme // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / M. Aun, A. Lillak, M. Lõiv, A. Selart, H. Valk (eds). Tartu, 2009.
- Khamayko*, 2013 – *Khamayko N.* Crescent pendants (lunnitsa) in 11th–13th Century rus': pagan amulet or Christian ornament? // Rome, Constantinople and Newly-converted Europe: Archaeological and Historical Evidence. Cracow, Poland, 2013.
- Valk*, 2009 – *Valk H.* Mõla kääbaskalmistu // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / M. Aun, A. Lillak, M. Lõiv, A. Selart, H. Valk (eds). Tartu, 2009.

Ancient-Russian Funerary Culture in the Novgorod Land: problems and features of the formation

V. Yu. Sobolev

In studies of the establishing of the Ancient Russian burial rite, a number of features are discriminated as characteristic not only of the Novgorod territories but also of the entire ancient Russian population of the forest zone of East Europe: the continuation of the tradition of building mounds, the presence of different objects and details of costume in the graves, small numbers of objects of private devotion in burials of the 11th to 14th century.

The earliest phase of the formation of the Russian mortuary rites still remains poorly studied since there are practically no reliably dated sites up to the mid-11th century. Beginning with the mid-11th century, Russian inhumations appear throughout the entire Novgorod Land demonstrating diverse vari-

ants of the rite but remaining nevertheless within the frame of the Christian canon.

Given the compliance with the main requirements claimed by the Church concerning the rite of interment, certain details of the mortuary practice, which were not regulated by the Orthodox canon, continued to evolve on the basis of pre-Christian traditions. Firstly, it concerns the presence of an over-grave mound and regional features of burial structures. Differences in the technique of construction of burial mounds allow us to discern a partial change of the population that took place in the western area of the Novgorod lands in the second half of the 12th century.

Throughout the 13th century in the territories of Novgorod, the funerary rite becomes considerably

uniform. Everywhere kurgans-zhalniks and flat zhalniks (*zhalniks* – are graves edged around the perimeter with stone fences) become widespread and stone crosses begin to be installed. The 13th century is the time of the gradual disappearance of ornaments and ceremonious costume in the burials. The youngest of the excavated *zhalniks* are datable on the basis of coin finds to the 14th–15th century, or possibly even to the 15th–16th century.

In the first half of the 16th century, written sources recorded continuation of the kurgan rite at

the outskirts of the Novgorod Land. However this practice was already an anachronism in that period.

The problem of the time of transition from kurgan and kurgan-zhalnik necropoleis to church cemeteries among the rural population is also still unsolved. It seems necessary to stress that there are no grounds to divide the entire agglomerate of the mediaeval burials according to confessional features or according to the state of penetration of Christianity into the consciousness of particular residents of the Ancient-Russian Novgorod Land.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОГО ПОДОНЬЯ

Ключевые слова: палеолит, мезолит, Южное Подонье, Костенки, стоянка Шубное, стоянка Самотеевка, быковская культура, зямятнинская культура Костенко-Борщевского района, кварцитовые орудия, асимметричные треугольники.

Keywords: Palaeolithic, Mesolithic, Southern Don region, Kostenki, site of Shubnoye, site of Samoteyevka, Byki culture, Zamyatnino culture of the Kostenki-Borshchevo localities, quartzite tools, asymmetric triangles.

В первом выпуске журнала «Российская археология» за 2014 г. вышла рецензия А. А. Бессуднова на мою монографию «Палеолит и мезолит Южного Подонья» (Федюнин, 2010). Отрадно, что книга привлекла пристальное внимание специалиста, осуществившего детальный обзор работы, однако полноценной рецензией ее, к сожалению, назвать нельзя. А. А. Бессуднов, по существу, ограничился анализом только разделов монографии, посвященных палеолиту и проблемам культурно-хронологической принадлежности памятников. Возможно, внимательное изучение других глав автоматически сняло бы целый ряд возникших вопросов.

Среди замечаний А. А. Бессуднова есть те, которые можно принять. Прежде всего, следует согласиться с ним в том, что универсальных критериев выделения эпох палеолита и мезолита нет (Бессуднов, 2014. С. 149). Однако сказанное в книге не претендовало на окончательное решение вопроса, являясь констатацией противоречий периодизации каменного века. Технической ошибкой было указание на расцвет технологии расщепления, основанной на утилизации мелового кремня, в позднюю пору верхнего палеолита (Федюнин, 2010. С. 15). Тем не менее с целым рядом вопросов изучения палеолита Южного Подонья, рассмотренных А. А. Бессудновым, согласиться нельзя.

Прежде всего, необходимо сделать пояснение относительно «неудачного» названия книги (Бессуднов, 2014. С. 149). Любое пространственное ограничение характеристики археологических материалов должно иметь палеогеогра-

фическое обоснование. Тем не менее даже самое удачное такое обоснование всегда будет в какой-то степени искусственным. Южное Подонье включает в себя район Донского Белогорья в Правобережье и Калачской возвышенности – в Левобережье. Ландшафты Южного Подонья в основном сформировались в плейстоцене. Понятия же «Верхний», «Средний» и «Нижний» Дон являются сугубо искусственными, о чем говорит хотя бы разница в их трактовке специалистами. Согласно одной точке зрения, Верхний Дон включает в себя территорию от истока реки до района ст. Казанская (Ростовская область), Средний Дон – от указанной границы до впадения р. Иловля, Нижнее Подонье – до дельты (Курдов, 1984. С. 39). По А. Ф. Самохину (1958), южная граница Среднего Дона достигает г. Калач-на-Дону (Волгоградская обл.). Ф. Н. Мильков делит бассейн реки, соотнося его верхнее течение в общих чертах с административными границами Тульской и Липецкой областей, среднее течение – с Воронежской, а нижнее – с Ростовской областями (Долина Дона..., 1982. С. 3).

В итоге название «Палеолит и мезолит Южного Придонья» имеет не меньше палеогеографических оснований, чем, скажем «Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона» (Бессуднов, 2011). Если придерживаться двух первых точек зрения, то в работе должна идти речь о материалах современной Ростовской области РФ. Поэтому обвинение в использовании современных административных границ для анализа материалов (с. 149) лишено фактических оснований.

Вызывает удивление упрек в том, что «автор... сознательно избегает перечисления и описания материала многочисленных палеолитических памятников Костенок и мезолитических стоянок левобережья Дона южнее Воронежа» (Бессуднов, 2014. С. 149), тогда как более 1/3 работы посвящено характеристике раскопанных стоянок и местонахождений левобережья Дона, и все они расположены южнее Воронежа.

К сожалению, приходится сталкиваться с ситуацией неадекватного восприятия читателем написанного. Слова и фразы наделяются далеко не тем смыслом, который в них вкладывал автор. Из смыслового контекста абзаца: «В свою очередь, традиция утилизации кварцитовых изделий документируется, начиная с периода среднего палеолита. В настоящее время на территории Среднего Дона нет позднепалеолитических “кварцитовых” комплексов, хотя материалы соседних территорий (стоянка Непряхино) иллюстрируют традиции непрерывного использования именно этого сырья вплоть до конца палеолита (Захариков, 2008). В памятниках позднего палеолита Костенковско-Борщевского района кварцит использовался нечасто, в основном для получения рубящих орудий» (Федюнин, 2010. С. 15–16) – вырвана фраза, которая трактуется как утверждение автора об отсутствии использования кварцита в верхнем палеолите Среднего Дона вообще (Бессуднов, 2014. С. 149) и опровергается фактами использования кварцита в позднем палеолите Костенок (с. 149).

На других замечаниях, как, например, отнесение А. Н. Бессудновым типа «цонхофен» только лишь к специфическому аренсбургскому орудийному набору (с. 150) (см., например, Васильев и др., 2007. С. 165; Горелик, 2001. С. 224, 247, 253), останавливаться нет смысла. Перейдем к наиболее существенным вопросам критики.

1. Проблема датировки памятников палеолита, связанная с проблемой стратиграфии (Бессуднов, 2014. С. 150–151). Ставится под сомнение артефактный характер орудий из Шубного (с. 150). Эти положения нельзя принять по нескольким причинам. Во-первых, требовать стратиграфии там, где ее нет и уже не будет, бессмысленно, равно как и приравнивать к нулю значение подъемного материала. При этом полная переотложенность слоя была характерна только для Шубного. Во-вторых, А. А. Бессуднов забывает, что на стоянке помимо «оббитых кварцитов» было обследовано мощное скопле-

ние плейстоценовой фауны (лошадь (*Equus equus*) sp.; тур (*Bos primigenius*); мамонт (*Elephas primigenius*); носорог (*Rhinoceros lichorhinus*); благородный олень (*Cervus elaphus?*); гигантский олень (*Cervus megaceros*); пещерный лев (*Felis spelaea*); лисица (*Vulpes sp.*) (определение В. И. Громова – Замятин, 1952. С. 54)), сборы конца 2000-х гг. дали несколько обломков костей. Опыт работы на территории Лесостепного Подонья показывает, что при единичном количестве выходов пригодного для обработки каменного сырья в каждом случае к ним привязана стоянка каменного века. Такие выходы есть и в районе Шубного. Тем не менее в любом случае памятник требует дополнительных исследований.

2. Материалы палеолита и мезолита из Назаровки разделялись не только по наличию или отсутствию патины, как утверждает А. А. Бессуднов (с. 150), но и на основании их залегания в слоях лессовидного суглинка (поздний палеолит) и чернозема (мезолит). Расположение палеолитических кремней в черноземе – явление, характерное и для палеолита Костенок, и не только для него. К примеру, залегание большого числа каменных изделий Борщево 1 и других стоянок в современной почве почему-то не дает исследователям оснований сомневаться в их палеолитической принадлежности (Аникович и др., 2008). Это вполне обычный механический «вынос» находок из слоя. В 2013 г. были получены результаты палинологического анализа, который относит время накопления слоя лессовидного суглинка Назаровки к интерстадиалу беллинг. Неверно в принципе и утверждение о том, что материалы позднего палеолита и мезолита отличаются лишь наличием геометрических микролитов (Бессуднов, 2014. С. 150): коллекция мезолита выделяется отжимной техникой, направленной на получение тонких симметричных пластин и орудий из них, специфических орудий с микрорезцовыми сколами, геометрическими микролитами, характерными для так называемой «донецкой» мезолитической культуры территории Украины. Перепутать находки разных эпох в рамках памятника сложно. Наконец, сомневаясь на страницах рецензии в возрасте нижнего слоя Назаровки, А. А. Бессуднов тем не менее постоянно использует материалы этого памятника в собственных построениях по позднему палеолиту (Бессуднов, 2011; 2013. С. 131, 135; Бессуднов А.А., Бессуднов А.Н., 2010).

3. Отдельного внимания, видимо, заслуживает вопрос датировки Белой Горы. Предположение А. А. Бессуднова о ее голоценовом возрасте (с. 150) принять нельзя. В период подготовки кандидатской диссертации в 2002–2005 гг. автором была проведена работа со всеми известными коллекциями каменного инвентаря памятников мезолита–бронзы Воронежской области. Изучены опорные для неолита и энеолита материалы стоянок Монастырская 1, Копанице 1, 2, Черкасская, Дрониха, Плаутино 1–4, Затон 1, Ямное, Щучье и др. общим количеством свыше 100 000 ед. Даже отдаленных черт сходства с опубликованными материалами Белой Горы в них нет – ни в технике изготовления, ни в конечных формах орудий. Макроорудия, обычные для коллекции Белой Горы, в неолитических коллекциях Лесостепного Подонья встречаются в единичных экземплярах, перепутать их с более древними формами сложно. Более конкретно – в голоценовых коллекциях стоянок и мастерских нет рубил, пренуклеусов-«гигантолитов», плоскостной техники расщепления и т. п. Наиболее поздние кремневые комплексы с патиной в пределах Лесостепного Подонья относятся к рубежу плейстоцена и голоцена (Федюнин, 2012). Наконец, сам факт присутствия толстой карбонатной корки на многих находках из Белой Горы свидетельствует о залегании материалов в слое суглинки; единичные находки из раскопа также залегали в нем.

4. Относительно «устаревшей» типологии (с. 151). Следует обратить внимание на то, что многие сегодня говорят об устаревшей типологии, но мало кто – о том, в чем она устарела. Современные тенденции в науке о каменном веке связаны с междисциплинарными исследованиями памятников. Зачастую разработки безусловно важных вопросов геохронологии, палеоэкологии, палеогеографии и пр. проводятся в ущерб технико-типологическому анализу каменного инвентаря. В результате о культурной принадлежности памятника мы не знаем ничего. Думается, что это скорее некая «мода» в науке, которая рано или поздно будет заменена комплексным анализом источников. К сожалению, технико-типологический или трасологический анализы – зачастую единственные способы изучения плохо документированных материалов. Тем не менее, подвергая сомнению возраст опубликованных в монографии артефактов, А. А. Бессуднову следовало бы их для начала увидеть воочию.

5. Характеристика комплекса находок позднепалеолитической стоянки Самотоевка на Среднем Дону получила неоднозначную оценку исследователей. Автор настоящих строк до публикации радиоуглеродных датировок предположил сходство индустрии Самотоевки с материалами быковской культуры Курского Посеймья (Федюнин, 2010). Основанием для такой гипотезы была близость облика каменного инвентаря в целом, при наличии в Самотоевке асимметричных треугольников, аналогии которым в позднем палеолите Русской равнины можно найти в коллекции стоянки Быки 1 и 7 (Ахметгалеева, 2007).

А. Н. Бессудновым и А. А. Бессудновым была высказана иная точка зрения на вопрос генезиса самотоевской индустрии (Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2012). Исследователи связывают ее с материалами замятнинской культуры Костенковско-Борщевского района (Там же. С. 40). Эта же мысль приводится в рецензии (с. 151). Гипотеза автохтонного происхождения материалов финального палеолита диктует необходимость тщательного разбора фактов и сложившихся в историографии концепций.

Материалами для выделения замятнинской археологической культуры в свое время послужили стоянки Костенки 2, 3, 19 (Борисковский, 1963). Позже М. В. Аникович включил в данную культуру материалы стоянки Костенки 11/1а (Аникович и др., 2008. С. 224). П. И. Борисковский в печати подчеркивал, что эти памятники, расположенные на первой террасе Дона, самые молодые среди стоянок Костенковско-Борщевского района, имеют черты «перехода к мезолиту и неолиту...», аморфность каменного инвентаря культуры послужила в то время основанием для решения вопроса генезиса индустрии деснинской стоянки Песочный Ров (Борисковский, 1963. С. 165). Среди отличительных признаков данной культуры – наличие истощенных нуклеусов, многофасеточных резцов, преобладание приема вторичной обработки мелкой нерегулярной, иногда приостряющей ретушью, наличие орудий с плоской подтеской при фактическом отсутствии выразительных типов острий (Там же). Заметно, что здесь речь идет об очень общих технологических приемах вторичной обработки, а характеристики ведущих типов орудий можно поставить под сомнение.

Обратимся к источниковой базе культуры.

Стоянка Костенки 19 была открыта и исследована П. И. Борисковским. Общая вскрытая площадь на памятнике 239 кв. м (*Борисковский*, 1963; Палеолит..., 1982. С. 192).

Кремневый инвентарь памятника насчитывает 19 000 экз., из которых 120 экз. (в интерпретации П. И. Борисковского) – орудия труда (0,6 %), остальное – дебитаж. Материалы памятника располагались тремя локальными скоплениями разнородного сырья (*Борисковский*, 1963).

В 2011–2012, 2014 гг.¹ автором была изучена коллекция стоянки Костенки 19.² Обращает на себя внимание неточная интерпретация ряда изделий из кремня, данная по иллюстрациям в публикациях. К орудиям с плоской подтеской П. И. Борисковским были отнесены характерные сколы переоформления ударных площадок нуклеусов, сколы с технологическим «выколом» в результате применения жесткого отбойника, двугранными резцами именовались орудия из плиток кремня со сломанными участками, с характерным продольным «бортиком»-карнизом по длинному краю (Палеолит..., 1982. С. 191, рис. 67, 15). Иными словами, после просмотра коллекции создалось впечатление, что процент орудий был искусственно завышен. Вопрос о гомогенности коллекции Костенок 19 не вызывал сомнений (*Борисковский*, 1963. С. 132). При изучении каменного инвентаря обращает на себя внимание абсолютное преобладание дебитажа из местного коричневого и желто-коричневого кремня при незначительном количестве орудий из импортного мелового кремня. Заготовки и отходы расщепления располагались компактно в рамках одного скопления. Приоритет в нем принадлежит сколам, высок процент пластин. Количество нуклеусов невелико. Они, как правило, истощены до несоответствия размерам длинных сколов. Скорее всего, изученная индустрия принадлежала производственной площадке, за пределы которой уносились отдельные типы изде-

лий, результатом чего стало разное процентное соотношение основных категорий дебитажа.

Орудий труда, изготовленных из желто-коричневого кремня, немного. Среди них – двугранные резцы, в том числе нуклевидные, возможно, выполнявшие функции торцовых нуклеусов; скребки; единичные находки обломков пластин со встречной ретушью, формирующей обушок. Сравнение этой части индустрии Костенок 19 со скоплением из мелового кремня общих черт, кроме форм каменного инвентаря, имеющих всеобщее распространение, не обнаруживает. Здесь выделялись единичные пластины с краевой нерегулярной ретушью, подтеской спинки двумя-тремя фасетками, долотовидное орудие. Даты ¹⁴C по кости: 11800±500 (ГИН-107), 17420±150 (ЛЕ-1705а), 18900±300 (ЛЕ-1705б), 18700±600 (ГИН-8577) (Палеолит..., 1982. С. 197; *Аникович и др.*, 2008. С. 261).

Аналогичные описанным выше проблемы диагностирования существенных признаков вскрываются при изучении других памятников замятнинской культуры. Наиболее представительна коллекция стоянки Костенки 2 (стоянка Замятнина), исследовавшаяся в разные годы П. П. Ефименко, С. Н. Замятниным и П. И. Борисковским (*Борисковский*, 1963; Палеолит..., 1982. С. 67). Раскопками было вскрыто три отстоящих на 20–70 м друг от друга комплексов. Их гомогенность авторами не доказывается (*Борисковский*, 1963; Палеолит..., 1982. С. 67, 70). В последующих исследованиях высказывается предположение о том, что Костенки 2 могли вместе с Костенками 11/1а составлять единую стоянку (*Аникович и др.*, 2008. С. 224).

Коллекция каменного инвентаря включает в себя 5300 экз., из которых 623 орудия (11 %). 32 % орудий изготовлены из цветного кремня, 68 % – из мелового (*Борисковский*, 1963. С. 31). Выделяются сильно сработанные аморфные и призматические нуклеусы (98 экз.), *pièces équilibrées* (231 экз.), резцы (175 экз.) – боковые, двугранные и на углу сломанной заготовки, скребки разных типов (54 экз.) (Там же. С. 34–37). Очень разнородную группу составляют острия (18 экз.), из которых два – с притупленным краем, образованным встречной ретушью, а также пластины со скошенным ретушью концом (Там же. С. 38–40). Встречены шесть ППК, более 130 пластин с ретушью (Там же. С. 40). Датировки ¹⁴C по кости: 11000±200 (ГИН-93), 16190±150 (ЛЕ-1599), 17300±160 (ГИН-8570),

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках государственного задания «Проведение научно-исследовательских работ (фундаментальных научных исследований, прикладных научных исследований и экспериментальных разработок)», проект «Эпоха мезолита в Доно-Волжском междуречье», код проекта 881.

² Автор выражает глубокую признательность директору ГМЗ «Костенки» к. и. н. В. В. Попову (†), хранителю фондов А. Е. Дудину за любезно предоставленную возможность работы с материалами памятников.

23800±150 (ГИН-7992), 37900±900 (ГИН-7993) (Аникович и др., 2008. С. 260).

Стоянка Костенки 3 исследовалась Д. Д. Леоновым, П. П. Ефименко, С. Н. Замятниным, А. Н. Рогачевым и З. А. Абрамовой раскопами и шурфами общей площадью 107 кв. м (Борисковский, 1963; Палеолит..., 1982. С. 75). Культурный слой локализовался в нескольких скоплениях, однако в целом он изучен недостаточно (Палеолит..., 1982. С. 75). Высказывалось предположение о бытовании в рамках одного памятника стоянок Костенки 3 и 21 (Там же. С. 200). Каменный инвентарь включал в себя 2230 изделий из камня, из которых 176 орудий (7,8 %). Орудийный набор включал в себя скребки (10 экз.), долотовидные орудия (26 экз.), 140 резцов на углу сломанной заготовки и двугранных, из которых – четыре боковых и 10 «нуклевидных и макролитических» орудий (Там же. С. 75).

Специфика стоянки Костенки 3 определялась тем, что «здесь, как и в Костенках 19, нет пластинок и острий с притупленным краем, проколов и острий на пластинах» (Там же). Дата ^{14}C по кости 19800±210 (ГИН-8022) (Аникович и др., 2008. С. 260).

В целом, каменные индустрии всех описанных выше памятников невыразительны, процентное соотношение орудий и заготовок сближает функциональное назначение стоянок с мастерскими, имеющиеся датировки дают существенный хронологический разброс. Тип орудия, безусловно присутствующий во всех трех памятниках, образующих замятнинскую культуру, – *pièces esquillées*. Остальные признаки, включая краевую нерегулярную ретушь, либо сильно различаются во всех описанных коллекциях, либо не имеют четкого диагностического характера. Костенки 2, 3 и 19 объединяют общая топография – размещение на первой террасе Дона с низкими гипсометрическими отметками, а также присутствие костей мамонта. К сказанному можно добавить, что самостоятельность замятнинской культуры автором исследования подчеркивалась в том числе на основе негативных признаков – отсутствия аналогий в костенковском окружении (Борисковский, 1963).

М. В. Аникович отмечал, что часть памятников замятнинской культуры представляет собой сезонные стоянки или периферийные участки других памятников (Костенки 3, 19) (Аникович и др., 2008. С. 228). Возможно, за конкретным содержанием «замятнинской» культуры стоит хо-

зяйственная специфика памятников позднего палеолита, культурная атрибуция которых по имеющимся материалам не устанавливается или требует существенного уточнения. Как бы то ни было, пока для надежных культурогенетических построений этот материал использовать нельзя, а черты его сходства с коллекцией Самотоевки представляются весьма отдаленными.

На чем строится контраргументация А. Н. и А. А. Бессудновых, отрицающих аналогии Самотоевки с быковской культурой? «Сходство с Быками проявляется лишь присутствием в каменном инвентаре Самотоевки треугольников, размеры которых значительно уступают размерам треугольников из Быков 7» (Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2012. С. 40). Это абсолютно неверно. Треугольник из Самотоевки фактически идентичен быковским и типологически, и по размерам. Второе орудие, сломанное, также находит аналогии в микроинвентаре Быков 1, 7 (Федюнин, 2010. С. 104). Сходная форма подтреугольного острия с притупленным краем присутствует в коллекции Костенок 2 (Палеолит..., 1982. С. 70–71). Ретушированное основание острия из Костенок 2 (по М. В. Аниковичу, типичного азильского острия: Аникович и др., 2008. С. 222) не прямое или вогнутое, как в Быках, а выпуклое. Долотовидные орудия, представительные в коллекциях Костенок 2, 3 и 19, в Самотоевке отсутствуют.

Остальные категории орудий Самотоевки, за исключением характерных проколов с вытянутым жалом, соответствуют индустрии быковской культуры (Чубур, 2001). Отмеченная авторами «необычность» отсутствия ретушных резцов (Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2012. С. 39) также опровергается находками, опубликованными ранее (Федюнин, 2010). Наконец, сама публикация памятника с поверхностным перечислением основных типов каменного инвентаря (Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2012) не позволяет проводить сколько-нибудь корректные сравнения. За пределами анализа исследователей осталась специализация охоты: население Костенок 2, 3, 19 являлось охотниками на мамонтов, в то время как мамонт отсутствует в Самотоевке и в материалах Быков, где, судя по данным Н. Б. Ахметгалеевой, основной добычей населения были широкопалая лошадь, северный олень, песец и заяц. Кости мамонта единичны, они встречены только в Пенах и Быках-1 (Ахметгалеева, 2007. С. 156).

По существу, критические замечания, которые высказываются по моему адресу по поводу стоянки Самогоевка, это те вопросы, которые уместнее было бы задать А. Н. Бессуднову. Памятник был раскопан широкой площадью почти 20 лет назад, однако до сих пор нет обобщающей публикации об итогах этих исследований. Именно поэтому позиция авторов раскопок, подробно не публикующих материалы, но постоянно оперирующих ими в печати, где они относились то к финальному палеолиту (Бессуднов А. Н., 2004. С. 93), то к раннему мезолиту (Бессуднов А. Н., 1997), а теперь – к поздней поре верхнего палеолита (Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2012), не позволяет сформировать четкого мнения об источнике. Интересно, что к выводам о сходстве самогоевской и быковской индустрий пришла и Н. Б. Ахметгалеева (Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., 2012. С. 40).

Наконец, непонятно, почему стоянка Самогоевка является, по мнению А. А. Бессуднова, одним из двух стратифицированных памятников Среднего Дона за пределами Костенок (с. 150). Мощност отложений здесь ненамного выше, чем в Назаровке, вопросы методики раскопок памятника, которые играют решающую роль в изучении собственно стратиграфии, не освещены. Точка зрения А. А. Бессуднова, безусловно, требует аргументации.

И главное, если говорить о палеолите. Палеолит Костенок – явление уникальное, однако, как показали проведенные исследования, достаточно локальное в собственных географических границах. Пока даже в пределах Лесостепного Подонья сопоставить материалы костенковских памятников с новыми пунктами очень сложно. Возможно, проблема здесь не только в небольшом количестве источников, но и в парадигмах палеолитоведения. Сложно воспринимать памятник палеолита как таковой без мощного культурного слоя, коллекций украшений и искусства, выразительного каменного инвентаря. Но такие памятники есть, и изучать их необходимо.

Аникович и др., 2008 – Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костенковско-Боршевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.

Ахметгалеева, 2007 – Ахметгалеева Н. Б. О перспективе исследований взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М., 2007.

Бессуднов, 2011 – Бессуднов А. А. Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

Бессуднов, 2013 – Бессуднов А. А. Палеолитические памятники конца плейстоцена в бассейне Верхнего и Среднего Дона // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы) / Под ред. Г. В. Смицкой. СПб., 2013.

Бессуднов, 2014 – Бессуднов А. А. И. В. Федюнин. «Палеолит и мезолит Южного Подонья». Воронеж: ВГПУ, 2010. 204 с. 86 ил. // РА. М., 2014. № 1.

Бессуднов А. Н., 1997 – Бессуднов А. Н. Мезолитические памятники Лесостепного Подонья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997.

Бессуднов А. Н., 2004 – Бессуднов А. Н. Новые верхнепалеолитические местонахождения бассейна Верхнего и Среднего Дона // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж, 2004.

Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2010 – Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н. Новые верхнепалеолитические памятники у хут. Дивногорье на Среднем Дону // РА. 2010. № 2. С. 125–134.

Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2012 – Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н. Позднепалеолитическая стоянка Самогоевка в бассейне Черной Калитвы (предварительное сообщение) // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2012. С. 37–45.

Борисковский, 1963 – Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. М.; Л., 1963 (МИА; № 121).

Васильев и др., 2007 – Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб., 2007.

Горелик, 2001 – Горелик А. Ф. Памятники Роголикско-Передельского района. Киев; Луганск, 2001.

Долина Дона..., 1982 – Долина Дона: природа и ландшафты / Под ред. Ф. Н. Милькова. Воронеж, 1982.

Замятнин, 1952 – Замятнин С. Н. Находки межледниковой фауны и обитых кварцитов у с. Шубного Воронежской области // Учен. зап. МГУ. М., 1952. Вып. 158.

Захариков, 2008 – Захариков А. П. Стоянка Непряхино: некоторые итоги исследований // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск, 2008.

Курдов, 1984 – Курдов А. Г. Реки Воронежской области. Воронеж, 1984.

Палеолит..., 1982 – Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879–1979 / Под ред. Н. Д. Праслова, А. Н. Рогачева. Л., 1982.

Самохин, 1958 – Самохин А. Ф. Дон и его притоки. Ростов-на-Дону, 1958.

Федюнин, 2010 – Федюнин И. В. Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж, 2010.

Федюнин, 2012 – Федюнин И. В. Стоянка Плаутино 2 и ее место в мезолите бассейна Дона. Воронеж, 2012.

Чубур, 2001 – Чубур А. А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск, 2001.

*И. В. Федюнин
Россия, Воронеж.
Воронежский государственный
педагогический университет.
Кафедра истории России*

ОБЗОР НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ПРОБЛЕМАМ ХРОНОЛОГИИ И СВЯЗЕЙ ТРИАЛЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Ключевые слова: Южный Кавказ; эпоха средней бронзы; новые публикации памятников триалетской культуры.

Keywords: Southern Caucasus; Middle Bronze Age; new publications of sites of the Trialeti culture.

Проблемы хронологии и связей древних культур Кавказа занимают ведущее место в археологических исследованиях кавказоведов. В немалой степени это связано с тем, что Кавказский регион в эпоху палеометалла являлся *очагом культурогенеза*, определявшим судьбы культур обширного региона восточноевропейских степей (Бочкарев, 2012). Другая причина столь пристального внимания к хронологии кавказских памятников также вполне понятна: именно Кавказский регион связывал обширные территории восточноевропейских степей с цивилизациями Древнего Востока, обеспеченными надежной стратиграфией памятников и датирующими привязками к письменным источникам.

Особый интерес для разрешения проблем датирования памятников среднего бронзового века (СБВ) Кавказа представляет ярчайшая из известных в регионе «блестящая» триалетская культура (далее – ТК), а точнее артефакты из подкурганых погребений ее «цветущей поры», по терминологии их первооткрывателя Б. А. Куфтина (Куфтин, 1941). Для установления хронологии памятников ТК актуальна, в первую очередь, южная линия синхронизации, поскольку она выводит на древневосточные цивилизации, время существования которых можно определить по письменным источникам. Хотя ареал ТК – территория современных Азербайджана, Армении, Грузии, Ирана и Турции (Рысин, 2014, рис. 1) и в литературе встречается уточняющее название этой культуры – триалетско-ванадзорская, – мы используем наименование ТК.

Особое внимание мы уделяем металлическому оружию.¹ Из-за постоянной тенденции к его

совершенствованию оно имеет особое значение для датировки и периодизации памятников. В сфере военного дела в этот период ситуация качественно меняется – появляются новые образцы оружия: топоры-секиры, копья со втульчатый наконечником, рубящие мечи, колющие мечи – «рапиры». Остановимся на датирующих возможностях ведущих типов оружия ТК, дополняя сделанные нами ранее наблюдения вновь найденными артефактами.

Наконечники копий. Сравнительный анализ позволил установить, что близкие к триалетским наконечники – вероятные их прототипы – выпускались южными мастерскими на рубеже III–II и в начале II тыс. до н. э. Можно также предположить, что прототипы триалетских копий были завезены на Южный Кавказ из ближайших центров, входивших в сеть ассирийской дальне-дистанционной торговли. Вероятнее всего, это событие падает на период расцвета и активизации торговой сети в начале II тыс. до н. э. Триалетский курган № XV и другие однокультурные памятники со втульчатыми копьями мы предлагаем датировать тем же временем. Новый экземпляр наконечника копья из кургана № 5Б могильника Неркин Навер известен нам пока только по фотографии (Симомян, 2011. С. 223; рис. 2, 10). Судя по внешнему абрису копья и сопровождающим находкам из погребения, предварительно можно сопоставлять этот экземпляр с находками из курганов ранних этапов ТК (Триалети, Месхети; Рысин, 2014, рис. 2, 4, 5).

В последние годы были опубликованы вновь открытые копья ТК из Азербайджана и Арме-

¹ Подобная работа нами уже проводилась в сотрудничестве с К. Х. Кушнаревой в рамках проекта РГНФ № 01-01-00122а (Кушнарева, Рысин, 2000; 2001; 2003; 2004). Срав-

нительно-типологический анализ металлических изделий ТК был выполнен М. Б. Рысиным. Появление новых ярких материалов и публикаций вызывает потребность снова обратиться к данной тематике (Рысин, 2014).

нии, а также заново издан комплекс инвентаря элитного погребения из Ванадзора (бывший Кировакан). Все эти находки, судя по их облику, являются наиболее поздними образцами среди кавказских копий ТК (Там же, рис. 2, 7, 8, 11). Это наконечники из Ванадзора, Лори Берда и из Аликемектепе (*Devedjian, 2006; Махмудов и др., 2003*), ближайшая типологическая параллель которым представлена в слое Ib Карума Каниша (*Рысин, 2014, рис. 2, 13*) – XVIII в. до н. э.

Проушные топоры-секиры (Там же, рис. 3). Боевые топоры ТК обладают широким прочным клином с серповидным (расширенным) лезвием, – они являлись боевыми секирами. Для этих секир характерна овальная (либо линзовидная) форма проушного отверстия, выступ на спинке перед передней стенкой втулки и ребра жесткости на клине (тип Тепе Гавра). Их прототипами являлись северомесопотамские экземпляры XXIII–XX вв. до н. э. (Тепе Гавра, слой VI; Телль Билла; Там же, рис. 3, 2, 3). Две такие секиры найдены в элитных погребениях ТК – ванадзорском кургане и погребении № 80 на поселении Аликемектепе (Там же, рис. 3, 10, 11). Несколько топоров-секир были обнаружены случайно на Кавказе в ареале ТК. Недавно в районе Мцхеты у сел. Натахтари (Грузия) был найден еще один топор этого типа (*Николашвили и др., 2010. С. 230*). Типологическая близость кавказских секир (со слабо изогнутым лезвием) с северомесопотамскими позволяет датировать первые также последней третью III тыс. до н. э. В качестве верхней границы их бытования мы разделяем датировку Д. Л. Коридзе (XIX–XVIII вв. до н. э.), предложенную для секир из Грма-геле и Бодорна (*Коридзе, 1968. Табл. 6*). Верхний хронологический диапазон орудий с асимметрично расширенным клином типа Тепе Гавра на Древнем Востоке также укладывается в период XIX–XVIII вв. до н. э. (*Müller-Karpe, 1996. S. 272, 274; Abb. 13*).

Опубликованный недавно топор из погребения № 80 Аликемектепе типологически ближе к орудиям из Навура и Луристана (скошенный, сильно расширенный край лезвия, трапециевидная форма обуха, ярко выраженная шестигранность корпуса в поперечном сечении; *Рысин, 2014, рис. 3, 8, 9, 11*). Секира же из «царского» кургана в Ванадзоре по ряду типобразующих признаков (широкий клин со сложным поперечным сечением, резкий выступ спинки перед передней стенкой втулки, опущенный вниз край

задней стенки втулки, расширенное серповидное лезвие) сближается с экземпляром из Хореджа (Там же, рис. 3, 10, 13). Ванадзорская секира отличается от хореджского топора только *симметричным* расширением клина, напоминающего по форме полулунные лезвия секир позднего бронзового века (ПБВ) (центральнокавказский тип). Однако последние симметричны в профиль (с симметричным клином и обухом) и лишены характерного *выступа* клина. Скорее всего, ванадзорская секира несколько моложе остальных топоров типа Тепе Гавра.

Во время расцвета ассирийских торговых колоний топоры типа Тепе Гавра распространились через Северную Месопотамию до Центральной Анатолии (Карум Каниша, Алишар; *Erkanal, 1977. S. 19; Taf. 3, 5*). Один экземпляр был найден в Иране, а другой (но несколько иной формы и с архаичной круглой проушиной) недавно был обнаружен в кургане 2/98 у сел. Минберек на Сарыджинской равнине в Азербайджане (*Ахундов, 2001. С. 115, 123; Табл. 3, 4*). Вероятно, активизацией различных контактов на путях ассирийской торговли, в которые был вовлечен Южный Кавказ, и объясняется проникновение топоров типа Тепе Гавра из Северной Месопотамии в этот регион.

В «царском» кургане в Карашамбе была обнаружена серебряная секира другого типа (*Оганесян, 1990*) – так называемый *якоревидный топор* (*Рысин, 2014, рис. 4, 9*). Второй экземпляр (бронзовый) находился в беденском кургане № 12 (Там же, рис. 4, 2). Еще одна якоревидная секира – также вместе с инвентарем беденского облика – была найдена в Кюдурлинском кургане № 14 (Там же, рис. 4, 3). Наконец, четвертая миниатюрная секира найдена случайно в Иджеване, в Армении (Там же, рис. 4, 10). На Древнем Востоке якоревидные секиры обнаружены в Южной Месопотамии (Ур), в Иране (Луристан), Сирии (Библ), Ливане и Египте. Эти топоры изучены Ю. Таббом (*Tubb, 1982. P. 1–12; Fig. 1, 1–4*), установившим, что единственный надежно датированный экземпляр (XXIII–XXII вв. до н. э.) происходит из погребения среднего или позднего аккадского периода в Уре (*Рысин, 2014, рис. 4, 1*). Типологическое родство всех древневосточных образцов, архаичный способ насада (круглое проушное отверстие) позволяют отнести их выпуск к последней трети III–первой четверти II тыс. до н. э., причем распространение таких секир в Сирии и Египте относится,

скорее всего, к периоду Среднего царства в Египте и активизации связей Египта с Левантом.

Колющие мечи-«рапиры». Это оружие, как и более короткие *рубящее-колющие* мечи, найдено в элитных погребениях ТК. Бронзовые «рапиры» имели узкий прямоугольный черенок, на конце которого у некоторых экземпляров имеется отверстие для крепления деревянной рукоятки; прямые слегка (или сильно) опущенные плечики; узкий постепенно суживающийся к острому концу клинок с заостренными лезвиями; с обеих сторон вдоль клинка проходит резко выступающее центральное ребро с закругленными краями (Кушнарева, 1993. Рис. 41, 1; 44, 1–4; Кушнарева, Рысин, 2003. Рис. 4, 9–10; Picchelauro, 1997. Taf. 36; Bürger, 1994. Taf. V, VI). Длина «рапир» обычно составляет около 90–100 см.

Существуют различные мнения относительно происхождения кавказских «рапир». Часть исследователей объясняет их появление заимствованием оружия из Эгейского региона, где «рапиры» известны с конца среднеэлладского периода. Однако все больше специалистов склоняется к мнению о независимом от эгейского ареала происхождении триалетских «рапир» (Гогадзе, 1976; Bürger, 1994). Это подтверждается более архаичным обликом кавказских экземпляров. Единственная заклепка, расположенная на конце черешка, не могла обеспечить надежного соединения рукояток кавказских «рапир», а наиболее ранние эгейские мечи (Маллия на Крите периода СМ-II – 1800–1700 гг. до н. э.) уже имели более надежное крепление рукояти к клинку: заклепки располагались на черешке и на плечиках клинков (Кушнарева, Рысин, 2001). Однако трудно согласиться с предположением, что подобное высокоспециализированное оружие могло быть спонтанно изобретено кавказскими мастерами путем простого удлинения клинков рубящих мечей (Гогадзе, 1976). По форме черешка, плечиков и по способу крепления рукоятки кавказские «рапиры» действительно сближаются с местным вариантом рубящих мечей из Садуги и Дилича. Однако такая характерная для «рапир» деталь, как выступающее центральное ребро, у кавказских кинжалов и мечей отсутствует (Кушнарева, Рысин, 2003. Рис. 4, 6–8). Зато выступающее центральное ребро зафиксировано у оружия второй половины III тыс. до н. э. в Центральной Анатолии (Аладжа, Хорозтепе), Палестине, Сирии (Библ) и Киликии (Соли).

Именно анатолийские и сирийские мечи могли послужить прототипами «рапир» Южного Кавказа. По мнению А. Сандарс, первые эгейские «рапиры» также восходят к ближневосточным прототипам (Sandars, 1961), что подтверждается наличием у «рапир» выступающего черешка. Для Эгейского региона (в отличие от переднево-сточного) были характерны *бесчерешковые* формы мечей и кинжалов. Мы не можем согласиться с предположением о независимом изобретении «рапир» на Южном Кавказе еще и по другой причине. Боевое применение колющего меча требовало от ратника длительной регулярной подготовки. Следовательно, «рапира» была оружием профессионального воина, и ее появление на Кавказе стало возможным только после формирования здесь дружины (профессионального войска), которое, вероятно, завершилось в период «цветущей поры» ТК (Кушнарева, Рысин, 2000. С. 84–87). Сами приемы фехтования при помощи «рапиры» не могли быть изобретены на Кавказе, где ранее не существовало традиции использования рубящих и колющих мечей. Зато уже со второй половины III тыс. до н. э. эта традиция сложилась к юго-западу от Кавказа – на Армянском нагорье и в Леванте. Очевидно, именно с территории Переднего Востока навыки фехтования (вместе с прототипами самих мечей) могли распространиться как на Южный Кавказ, так и в Эгейский регион. К известным ранее находкам сегодня добавились «рапиры» из погребения № 65 могильника Лори Берд (Devedjian, 2006) и из кургана № 3 Неркин Навера (Симолян, 2011. С. 223). В погребении № 65 вместе с «рапирой» были найдены изделия из золота, характерные для I и II этапов ТК по периодизации Э. М. Гогадзе.

Проведенный выше анализ позволяет определить хронологические рамки возможного появления «рапир» на Кавказе. В качестве нижней границы мы принимаем датировку переднево-сточных мечей с острым концом клинка и с выступающим ребром – XXIII–XIX вв. до н. э. Верхней границей, на наш взгляд, может служить распространение более прогрессивных «рапир» эгейского типа – XVIII–XVII вв. до н. э.

В период существования ТК сложился новый, неизвестный ранее *стиль ювелирных изделий*, названный *полихромным*. Он характеризуется совместным использованием техники зерни, аппликаций, филиграни и закрепления в «гнездах» полудрагоценных камней. Самые древние изде-

лия, сочетающие *зернь*, *филигрань* и *гнезда с камнями*, найдены вне Кавказа в памятниках не ранее рубежа III–II тыс. до н. э. в Леванте, Центральной Анатолии, на Армянском нагорье и в Северной Месопотамии. Речь идет о золотом сосуде, дисковидном медальоне и обкладке рукояток парадных секир из кладов в Библе (*Maxwell-Hyslop*, 1971. P. 102, 104; Pl. 69; Fig. 75), а также о серьгах из слоя II Карума Каниша (*Özgülç*, 1986. P. 119, Fig. 26). К первым векам II тыс. до н. э. относятся выполненные в такой же технике серьги из погребения слоя D в Геойтепе (*Grawford*, 1975. Pl. VII), серьги из Ура периода правления Гугунума в Ларсе (*Ibid.* P. 83; Pl. 57), серьги из Суз (*Maxwell-Hyslop*, 1971. P. 84; Pl. 58, 59), серьги из погребения № 20 и ожерелье из погребения № 45 в Ашшуре (*Ibid.* P. 70; Fig. 46). Наличие вещей, украшенных в полихромном стиле, за пределами Кавказа дает нам возможность уточнить датировку памятников ТК с подобными украшениями: все эти изделия относятся к XXI–XIX вв. до н. э.

М. Путуридзе исследовала технологию изготовления и художественный стиль, триалетских изделий из драгоценных металлов (*Puturidze*, 2001; 2013). По мнению исследовательницы, ювелирные изделия ТК демонстрируют целый ряд новаций, происхождение которых связано с Передним Востоком. В то же время автор отмечает, что кавказские мастера творчески переработали опыт древневосточных ювелиров и создали собственный неповторимый стиль. Вышедшие из их рук украшения являются уникальными произведениями ювелирного искусства и отражают высочайший уровень мастерства своих создателей.

Выводы М. Путуридзе, как и предложенные ею даты памятников ТК, в основном совпадают с нашими предположениями. Однако мы допускаем, что шедевры ювелирного искусства из курганов ТК были изготовлены либо в передневосточных мастерских по заказам триалетской элиты, либо переселившимися на Кавказ древневосточными мастерами. Эти предположения основаны на наблюдении (*Рысин*, 1997. С. 118), подтвержденном открытиями последних десятилетий. Речь идет о том, что кавказские кузнецы предшествующей ТК курганной культуры не смогли самостоятельно освоить технологические приемы *зернь* и *филигрань*, используемые их древневосточными соседями. В памятниках курганной культуры появились юве-

лирные изделия, *копирующие зернь* и *филигрань в литье* по восковой модели. Украшения в технике *зерни* и *филиграни* на Южном Кавказе впервые появляются только в период «цветущей поры» ТК. Освоение технологии ювелирного дела в древности не могло осуществляться без участия самих мастеров. Их знания и навыки передавались в процессе обучения от мастера к его ученикам. Напомним, что мастера Северного Кавказа на протяжении всего СБВ продолжали копировать *зернь* и *филигрань* в литье по восковой модели.

Изучение оружия и ювелирных изделий приводит нас к важному культурно-историческому выводу: население Южного Кавказа в СБВ не имело тесных контактов с Эгейским регионом; главными и определяющими направлениями контактов и связей в этот период были анатолийское, иранское и северомесопотамское, т. е. области, включенные в сеть Ашшурской международной торговой организации. Изучение документов из ее архивов показывает, что агенты-торговцы постоянно стремились к расширению торговли и освоению новых источников сырья. Выводя торгово-обменные операции на территории, не контролируемые древневосточными правителями, торговцы увеличивали свою прибыль (*Янковская*, 1985). Южный Кавказ в этот период удовлетворял всем требованиям ашшурских торговых агентов: здесь не сформировались государства с развитой бюрократией, имелись запасы различного сырья, а население могло стать потенциальным потребителем продукции передневосточных мастерских, например, шерстяных, хлопковых и льняных тканей, статусного оружия и ювелирных изделий.

За десятилетие, прошедшее после наших публикаций, посвященных уточнению хронологической позиции памятников ТК (*Кушнарёва*, *Рысин*, 2001; 2003; 2004), вышло в свет несколько работ, в которых введены в научный оборот новые, чрезвычайно яркие и интересные комплексы ТК (*Рысин*, 2014, рис. 1). Ниже представлен краткий разбор доступных нам публикаций, в которых рассмотрены вопросы хронологии и периодизации памятников и связей населения региона в финале СБВ.

Недавно была сделана новая попытка каталогизировать все доступные материалы ТК на территории Цалкинского плоскогорья (*Zischow*, 2006). В этом каталоге были учтены материалы раскопок Б. А. Куфтина и О. М. Джапаридзе.

Автор скрупулезно собрал всю имеющуюся архивную информацию о памятниках и представил находки ТК по комплексам подкурганых погребений.

Очень важно краткое сообщение, посвященное открытому недавно бытовому памятнику ТК. Поселение было обнаружено при строительстве нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан. Поселение расположено в Цалкском р-не Грузии, на берегу р. Гумбатисцкали, на окраине села Джиниси. На поселении было раскопано 5 жилищ прямоугольной формы. Жилища представляли собой полуземлянки. Стенки котлованов были обложены камнем, полы обмазаны глиной. Предположительно, наземные части стен жилищ были также сложены из камней, а их плоские перекрытия опирались на ряды деревянных столбов, установленных вдоль стен и в центре жилищ. Подобная конструкция перекрытий зафиксирована и в погребальных залах курганов ТК. В одном из углов жилища был расположен очаг, а у восточной стены – печь. Керамика из поселения относится к поздней фазе ТК – ее декор образуют прочерченные линии и наколы. Палинологические и остеологические материалы свидетельствуют об оседлом образе жизни обитателей поселка. Здесь найдены следы занятий земледелием (зернотерки, зерна пшеницы) и скотоводством (кости крупного и мелкого рогатого скота). Примечательно обнаружение большого количества костей лошади. Авторы датируют культурный слой поселения Джиниси XVII в. до н. э. (*Амиранишвили, Нариманишвили, 2005. С. 42–43*).

На территории Армении в рамках международной программы ArAGATS были исследованы археологические памятники различных эпох в окрестностях горы Арагац (плато Цахкаовит), в том числе и многослойное поселение Гехакар, стратиграфия которого включает слой, содержащий керамику ТК. Из этого напластования получены три датировки по ^{14}C (1 σ). Образец угля из нижнего горизонта дал дату: Bln-5834, 2130-1970 BC cal; из верхнего горизонта – дату: Bln-5835, 1880-1690 BC cal; образец кости животного – дату: Bln-5713 1890-1760 BC cal (*Арутюнян, Бадалян, 2008. С. 107*).

В монографии, посвященной комплексному исследованию плато Цахкаовит, международный коллектив авторов обобщил периодизацию и хронологию памятников эпох бронзы и железа на территории Армении. В частности, здесь

впервые предложена типология всей известной керамики из памятников ТК на территории Армении (*Smith et al., 2009. P. 56, 60; Fig. 11–18*). Памятники Триалети-Ванадзорской культуры авторы синхронизируют с I и II этапами ТК по Гогадзе (*Гогадзе, 1972*), с нижними слоями поселения Узерликтепе и со слоями VIC и VIB телья Хафтавантепе. Памятники ТК на территории Армении датируются авторами монографии XXII–XVIII вв. до н. э. (*Smith et al., 2009. P. 66*).

К открытиям последнего десятилетия относится обнаружение вымощенных камнем «дорог» перед входами в погребальные залы «царских» курганов на Цалкинском плато (*Narimanišvili, 2003; Нариманишвили Г., 2006*). Эти «дороги для процессий» протяженностью до нескольких сот метров были направлены с запада на восток. Их существование, вероятно, свидетельствует о культовой функции погребальных сооружений элиты ТК.

Проблеме связей населения Южного Кавказа с цивилизациями Древнего Востока посвящены тезисы двух докладов Д. Нариманишвили на международной научной конференции, состоявшейся в 2009 г. в Тбилиси. В одном из сообщений анализируются находки египетских амулетов на Кавказе (*Нариманишвили Д., 2010а*). В частности, автор упоминает агатовый амулет в форме ноги из кургана № XIV в Триалети, сопоставляя последний с аналогичными египетскими амулетами. По мнению Д. Нариманишвили, подобные амулеты-обереги были распространены в Египте в эпоху Древнего Царства и в первый переходный период (2465–2100 гг. до н. э.). Исследователь приходит к выводу, согласующемуся с нашими предположениями: «никаких свидетельств о непосредственных контактах древнего населения Кавказа и Египта не имеется, видимо, египетские поделки попадали на Кавказ при посредничестве сирийских и левантских городов, таких как Эбла, Угарит, Мари и Библ» (Там же. С. 222). Однако мы, в отличие от Д. Нариманишвили, полагаем, что египетские амулеты достигали территории Южного Кавказа позднее, в период Среднего Царства, когда в Восточном Средиземноморье усилилось политическое и культурное влияние египетской цивилизации.

Второй доклад Д. Нариманишвили посвящен датировке мебели, изображенной на рельефных фризах серебряных сосудов ТК. Автор пришел к выводам, аналогичным нашим. «Таким обра-

зом, мебель, изображенная на триалетском кубке, могла существовать лишь в XXI–XIX вв. до н. э. – в период активизации деятельности ассирийской торговой организации» (*Нариманишвил Д.*, 2010б. С. 226). Мы также полностью согласны с установленным автором кругом типологических параллелей мебели, представленной на кубках ТК, и с выявленным им направлением связей носителей ТК: Сирия (Эбла), Каппадокия (Карум Каниша) (Там же. С. 225–226; рис. 1, 11–13).

В этой же международной конференции принял участие М. Гамбашидзе, чей доклад был посвящен исследованию обуви персонажей, изображенных на триалетских серебряных сосудах. Исследователь пришел к выводу, что на Древнем Востоке изображения аналогичной обуви с загнутыми вверх носками «засвидетельствованы в довольно узком географическом ареале – в Анатолии и Сирии» (*Гамбашидзе*, 2010. С. 117). Автор предположил, что для подобной обуви, имевшей сакрально-ритуальное значение, в хеттских текстах применялся термин – «хаттский башмак» (Там же). Появление изображений обуви с загнутыми носками на кавказских кубках М. Гамбашидзе связывает с «иррадиацией анатолийско-сирийского культурно-религиозного влияния» (Там же).

Мы разделяем предположение М. Гамбашидзе о сирийско-анатолийско-кавказских связях. Более того, мы считаем возможным конкретизировать алгоритм этих связей – вовлечение элиты ТК в деятельность ассирийской международной торговой организации. Ритуальные сосуды в виде «сапожка» с загнутым вверх носком найдены во II слое Карума Каниша (*Özgiç*, 1986. Pl. 119, 4; Pl. D, 1–2).

Статья Д. Апакидзе посвящена анализу полудрагоценных камней, украшающих золотой кубок из кургана XVII Триалети (*Apakidze*, 2003). В этой публикации было установлено, что вставки на тулове и ножке кубка состояли из лазурита, янтаря, сердолика, оникса, гагата и фаянса. Автор предположил, что лазурит мог быть привезен на Южный Кавказ из рудников Центральной Азии (Бадахшан) по пути, пролегающему к югу от Каспия (*Ibid.* P. 26). По его мнению, янтарь могли доставлять на Кавказ из месторождений Индии и Китая по «персидскому» пути – «царской дороге», функционирующей в течение многих тысяч лет (*Ibid.*).

Недавно были опубликованы материалы состоявшегося в 2006 г. в Берлине международно-

го симпозиума, в котором принимал участие М. Абрамишвили. В его статье рассматриваются проблемы металлообработки ТК и датировки ее «цветущей поры» (*Abramishvili*, 2010). Автор ссылается в основном на те же работы, что и мы с К. Х. Кушнаревой. Совпадает и большинство приведенных М. Абрамишвили типологических параллелей артефактам из триалетских погребений. Исследователь повторяет также наш вывод о синхронности «цветущей поры» ТК с активизацией деятельности ассирийской торговой организации. Единственное, чего не удалось найти в статье М. Абрамишвили, – так это ссылок на наши работы, вышедшие несколькими годами ранее, причем одна такая статья была издана в ведущем грузинском археологическом периодическом издании «*Dziban*», в номере, посвященном юбилею патриарха грузинской археологии О. М. Джапаридзе (*Кушнарева, Рысин*, 2001). Трудно предположить, что М. Абрамишвили не был знаком с этой публикацией. Хотя автор частично разделяет предложенную нами датировку триалетских памятников «цветущей поры» ТК, некоторые положения его статьи вызывают принципиальные возражения.

Так, М. Абрамишвили упоминает агатовый кулон из кургана № VIII в Триалети. По его словам, триалетский кулон якобы близок к кулону из Ура аккадского периода. Здесь приводятся ссылки на работы Г. Л. Кавтарадзе (*Кавтарадзе*, 1983; *Kavtaradze*, 1999). Ранее мы рассматривали эту параллель. Подобные «лунарные» кулоны, по наблюдению Р. Максвелл-Хислоп (*Maxwell-Hyslop*, 1971), были распространены на Переднем Востоке начиная с аккадского времени и много позже. Однако месопотамские кулоны аккадского периода обычно лишены оправы. А кулоны из Триалети и из Урука (периода III династии Ура) сближает именно искусная оправка со вставками в технике клуазоне. Так что типологическая параллель триалетскому кулону, на которую ссылается М. Абрамишвили, ошибочна и неверна.

Следующий пассаж М. Абрамишвили посвящен доказательству отнесения артефактов из курганов № V, XVII, XXIX Триалети и из кургана в Карашамбе к XXV–XXIII вв. до н. э. Рассмотрим представленную автором аргументацию. *Якоревидный топор* был найден в «царском» кургане в Карашамбе. По мнению М. Абрамишвили, кавказские орудия этого типа следует датировать аккадским периодом, опираясь

на экземпляр из могильника Ура. Однако М. Абрамишвили не учитывает, что на Кавказе якоревидные топоры встречаются уже в предшествующих «цветущей поро» ТК беденских памятниках (Рысин, 2014, рис. 4, 2–3). Таким образом, карашамбская находка должна датироваться позднее топоров из могильника в Уре и беденских памятников (Кюдурли).

Далее М. Абрамишвили обращается к колющим мечам-«рапирам». По его мнению, это оружие, найденное на Кавказе и в Эгейском регионе, служит наиболее ярким свидетельством связей обеих областей (Abramishvili, 2010. S. 172). Исследователь повторяет высказанное выше суждение о большей архаичности кавказских рапир по сравнению с эгейскими. Затем автор излагает предположение об «изобретении» рапир на Кавказе путем «удлинения» рубящих мечей предшествующего этапа. В итоге он повторяет вывод Н. Сандарс (Sandars, 1961) о малоазийском или ближневосточном исходном центре кавказских и эгейских рапир.

Попутно М. Абрамишвили повторяет несколько наблюдений, ранее сделанных нами. Во-первых, обнаружение в «воинских погребениях» вместе с рапирами ножей-кинжалов позволяет предположить ведение боя с оружием в обеих руках, подобно технике, применяемой фехтовальщиками средневековой Европы (Кушнарёва, Рысин, 2000. С. 86). Во-вторых, в триалетское время известны «элитные» подкурганые погребения с рапирой, кинжалом и украшениями (Самтавро; Там же. С. 84), а также коллективные захоронения «рядовых» пехотинцев с наконечниками копий и короткими мечами (Квасатали; Там же. С. 86). На фризах карашамбского кубка изображена битва, в которой участвуют воины со стандартным набором наступательного и защитного вооружения (копье, меч, щит). Из сказанного мы сделали выводы о формировании на Южном Кавказе в триалетское время воинских дружин и о выделении вооруженных колющими мечами воинов-профессионалов (Кушнарёва, Рысин, 2000. С. 84, 86). В опубликованном тексте М. Абрамишвили повторил все эти наши наблюдения почти дословно (Abramishvili, 2010. S. 172–173), правда, как и в других случаях, без ссылок на вышедшие ранее наши статьи.

Далее исследователь рассматривает находки из кургана № XV (третья фаза ТК, по Э. М. Гогадзе) как доказательство интенсификации кав-

казско-эгейских связей в период деятельности ассирийской торговой колонии в Каруме Каниша (Abramishvili, 2010. S. 173–174). В качестве типологической параллели котлу из кургана № XV автор, вслед за К. Рубинсон, приводит котел из микенской шахтовой гробницы № 4 (XVII/XVI вв. до н. э.) (Rubinson, 1991. P. 284). Далее М. Абрамишвили находит еще одну параллель триалетскому котлу – золотой котел из Библа середины XIX в. до н. э. По его мнению, этот экземпляр указывает на Библ как на промежуточный пункт в распространении подобных сосудов между эгейским регионом и Южным Кавказом. В результате рассуждений автора получается, что котел XVII в. до н. э. из Микен был «скопирован» в Библе и в Триалети за два столетия до того, в XIX в. до н. э. Оставим этот вывод без комментариев.

Рассмотрев упомянутый микенский котел (Кушнарёва, Рысин, 2004), мы пришли к выводу, что К. Рубинсон (Rubinson, 1991. P. 284) явно преувеличила степень сходства этих изделий: микенский экземпляр отличается от триалетского и формой, и обработкой поверхности корпуса насечками, и раскованными в виде листа концами ручек. Подобные листовидные расширения имеют и другие эгейские котлы ПБВ, что, вероятно, повышало надежность крепления ручек. На эгейских сосудах ручки закреплены тремя заклепками, а у триалетских котлов концы ручек узкие подпрямоугольные и закреплены двумя заклепками. Такой способ крепления может свидетельствовать о большем архаизме кавказских котлов по сравнению с эгейскими. Ближайшие типологические параллели кавказским котлам – передневосточные экземпляры из памятников начала II тыс. до н. э.: котел из клада в Библе; котел из слоя II Карума Каниша (Özgülç, 1986. Pl. 127, 2) и котел из погребения № 18 в Ашшуре (Müller-Karpe, 1996. Abb. 4, 19), причем соответствуют форма сосудов, способ крепления ручек и их форма. Сходство же микенских и кавказских котлов может объясняться не прямыми контактами обеих регионов, а общим передневосточным происхождением сосудов этого типа. Еще одним доказательством большей древности котлов ТК по сравнению с микенскими служит тот факт, что типологическими параллелями микенским сосудам являются экземпляры из закавказских комплексов ПБВ (Лчашен, Аруч, Ширикаван) (Есаян, 1987. С. 59–60; табл. I, 3, 7, 10; II, 2).

Далее М. Абрамишвили в очередной раз «путается» в датировках, сопоставляя вслед за Д. Коллон (*Collon*, 1982) и К. Рубинсон (*Rubinson*, 2001) бронзовую вазу из триалетского кургана № XV как с серебряным сосудом из микенской гробницы № 5 (XVI в. до н. э.), так и с сосудом из Карума Каниша в Анатолии (XX–XIX вв. до н. э.). Способ крепления ручки сосуда из слоя II Карума Каниша (*Özgülç*, 1986. P. 123; Fig. 58) точно повторяет крепление ручки у триалетской вазы кургана № XV. По этой единственной прямой аналогии мы предлагаем датировать триалетскую вазу началом II тыс. до н. э. (*Кушнарева, Рысин*, 2004). Таким образом, вновь не удается найти доказательства декларируемых М. Абрамишвили эгейско-кавказских связей периода «цветущей поры» ТК.

Далее грузинский исследователь рассматривает параллели знаменитому наконечнику копья со свернутой втулкой из триалетского кургана № XV (*Abramishvili*, 2010. S. 174). Он приводит мнение Г. Л. Кавтарадзе, что подобные копья были известны на Ближнем Востоке уже в раннединастический период. Однако Г. Л. Кавтарадзе писал о наконечниках со стержневым насадом, а не со свернутой втулкой. Далее М. Абрамишвили соглашается с датировкой триалетского копья серединой первой половины II тыс. до н. э. (*Кавтарадзе*, 1983; *Kavtaradze*, 1999), соответствующей дате наконечника из слоя Ib Карума Каниша, а этот памятник, по мнению М. Абрамишвили, демонстрирует тесные связи с третьей фазой ТК (*Abramishvili*, 2010. S. 174). В сущности, последний вместо критического разбора точек зрения «именитых» предшественников (Б. А. Куфтина и Э. М. Гогодзе), помещавших триалетское копьё в середину II тыс. до н. э., лишь ссылается на работы Г. Л. Кавтарадзе и приводит бездоказательный вывод о близости триалетского наконечника к оружию из Карума Каниша. Однако публикация Г. Л. Кавтарадзе не должна избавлять М. Абрамишвили от собственного типологического анализа. Копье из слоя Ib Карума Каниша обнаруживает признаки (литая слепая втулка, уплощенное в поперечном сечении центральное ребро), сближающие его с наиболее поздними наконечниками ТК из Ванадзора и Аликемектепе. Следовательно, оружие из слоя Ib Карума Каниша может определять скорее верхнюю границу существования кавказских копий «цветущей поры».

Здесь заключен основной пункт нашего разногласия с М. Абрамишвили. Для его работы характерно «раздвоение» основных положений. С одной стороны, он утверждает, что памятники ТК «цветущей поры» синхронны периоду активизации деятельности ассирийских колонистов в Каруме Канише (рубеж III/II тыс. до н. э.), а с другой стороны, исследователь пытается доказать существование связей Триалети с микенской Грецией во второй четверти и середине II тыс. до н. э.

Заканчивая статью, М. Абрамишвили замечает: «приведенные ближневосточные и эгейские параллели, несомненно, свидетельствуют о вовлечении южнокавказских курганных культур бронзового века в дальнедистанционные торгово-обменные связи» (*Abramishvili*, 2010. S. 175). С последним утверждением нельзя не согласиться, о чем мы уже неоднократно упоминали. Однако в результате скрупулезного сравнительно-типологического анализа и критического пересмотра работ предшественников нам удалось опровергнуть предположения о связях ТК с Эгейским регионом, даже опосредованных. Подобные связи могли осуществляться уже на более позднем этапе, в ПБВ.

Мы уделили много внимания заочной полемике с М. Абрамишвили потому, что его основной тезис о связях ТК с Эгейским регионом в период существования микенских шахтовых гробниц разделяют многие отечественных и зарубежные кавказоведы.

В грузинском интернет издании «Spekali» в № 4 за 2011 г. вышла статья З. Шеразадишвили: «Вопросы хронологии, этапов развития и типологии топоров триалетской культуры» (*Sherazadishvili*, 2011). В своем исследовании автор опирается, прежде всего, на нашу статью (*Кушнарева, Рысин*, 2001) и на работу М. Мюллера-Карпе (*Müller-Karpe*, 1996). Наиболее архаичные топоры ТК имеют шестигранный корпус, заметно отличающий их от оружия предшествующих курганной и куроаракской культур. Анализируя типологические особенности кавказских топоров ТК, З. Шеразадишвили реконструирует их развитие от вероятных ближневосточных прототипов (Тепе Гавра) до наиболее поздних образцов (Ванадзор). Поддерживая в целом предложенную нами линию развития кавказских топоров ТК, З. Шеразадишвили предлагает свою несколько отличающуюся и более подробную картину эволюции этих орудий.

З. Шеразадишвили выделяет четыре хронологических стадии развития ближневосточных топоров, распространенных в ареале ТК. Первая стадия включает орудия типа Тепе Гавра (Гавра, Билла, Карс, Лениакан). Вторая стадия представлена топорами Шамшадин-Навур. Третья стадия объединяет топоры типа Грмагеле (Нахтагари, Грмагеле, Бодорна), а четвертая представлена топорами из Хореджа и Ванадзора.

Автор датирует топоры ТК от второй половины XXIII до XVIII в. до н. э. К сожалению, публикация комплекса с топором из погребения Аликемектепе, по-видимому, оказалась недоступна З. Шеразадишвили. Заметим, что топор из Аликемектепе типологически близок к архаичному орудью из Навура, хотя само погребение по ряду признаков можно отнести к финалу ТК. Это наблюдение несколько нарушает стройную картину эволюции топоров ТК, предложенную исследователем.

Недавно в интернете вышла статья, написанная коллективом авторов, – «Торговля и торговые пути между Кавказом и Ближним Востоком в III–II тыс. до н. э.» (*Shanshashvili et al.*, 2012).

В работе подчеркивается важность связей Кавказа с Древним Востоком в сфере военного дела и эволюции вооружения. Особое значение авторы придают активизации различных связей в период существования на Южном Кавказе памятников ТК. Здесь упоминается сходство ювелирной продукции Южного Кавказа, Сирии и Месопотамии. В частности, указывается на возможное египетское происхождение амулетов в виде человеческой ноги (курган № XIV Триалети). Далее упоминаются амулеты из морских раковин, представленные в подкурганных погребениях ТК (Верин Навер, Лори Берд, Карашамб, Кюдурли). Часть морских раковин происходит из Персидского залива и даже из Индийского океана.

По мнению авторов, золотые и серебряные кубки ТК находят многочисленные параллели в памятниках Месопотамии, Ирана и Индостана. Расписная керамика ТК близка керамике из разрушенных могильников Ирана. Находки лазуритовых бусин в памятниках ТК свидетельствуют о торгово-обменных связях Южного Кавказа с регионом Бадахшана.

Авторы констатируют интенсивные торгово-обменные связи населения Южного Кавказа с древневосточными цивилизациями на всем протяжении эпохи бронзы. Расцвет ТК авторы

связывают, в первую очередь, с контролем ее правящей элиты над кавказскими меднорудными месторождениями и с вовлеченностью этой элиты в поставки металла на Древний Восток. Далее авторы попытались представить, как отразились на судьбах южнокавказских культур известные политические события, происходившие на Древнем Востоке во II тыс. до н. э.

В XVIII в. до н. э. Шамши Адад I (1813–1781 В. С.) создал сильное государство, контролировавшее торговые пути вдоль Евфрата, Тигра и гор Загроса. В это же время в Малой Азии сложилось хеттское царство, доминировавшее в широком ареале от озера Туз до перевалов Тавра. Около 1800 до н. э. были разрушены города Хатусса, Алишар и Каниш, а около 1760 до н. э. был разрушен город Мари, игравший важную роль в международной торговле. Изменение политической ситуации повлияло на торговые связи. Присутствие месопотамских торговых колоний в Анатолии (Карум Каниш, Норшунтепе) обуславливало существование торговых путей от Южного Кавказа к Переднему Востоку. Поэтому при разрушении этих городов и факторий торговые маршруты в Восточной Анатолии утратили свое значение.

Мы разделяем выводы авторов о роли южных связей в судьбах ТК. Мы полагаем, что разрушение колоний и опустошение караванных путей закономерно привели к трансформации кавказских культур СБВ.²

Остановимся на недавно введенных в научный оборот комплексах из элитных погребений ТК (*Рысин*, 2014, рис. 5–7). В инвентаре этих погребений есть артефакты, позволяющие уточнить хронологическую позицию памятников.

Недавно был опубликован (*Махмудов и др.*, 2003; *Махмудов*, 2008) комплекс погребения № 80 (*Рысин*, 2014, рис. 5, Б), впускенного в культурный слой энеолитического телья Аликемектепе (Азербайджан). Это поселение много лет исследовал Ф. Махмудов, но из-за его безвременной кончины впускные погребения были опубликованы учениками и коллегами покойного почти 30 лет спустя.

Погребение № 80 было совершено в обширной яме. Умерший был частично кремирован

² Мы имеем в виду прежде всего судьбы правящей элиты ТК, погребальные ритуалы которой (по-«варварски» пышные и расточительные) и сформировали неповторимое «выражение лица» этой культуры.

в могиле. Его сопровождали жертвенные животные. Разнообразный инвентарь включал оружие и плотницкие инструменты из металла, бронзовый котел, крюк, украшения из серебра и бронзы, каменные проушной топор и булаву, кремневые черешковые наконечники стрел и многочисленные керамические сосуды (*Махмудов, 2008. С. 45–49*). Мы согласны с предложенной авторами датой (XIX–XVIII вв. до н. э.) этого яркого элитного погребального комплекса (*Махмудов и др., 2003. С. 157*). Внесем, однако, некоторые уточнения в типологические сопоставления публикаторов. По мнению автора, инвентарь погребения, кроме прямых аналогий в памятниках ТК (II этап, по Э. М. Гогодзе), демонстрирует также архаические признаки, характерные для памятников РБВ (куроаракская культура). Нам представляется, что эти сопоставления ошибочны. Упоминаемые в работе каменная булава, наконечники стрел, а также бронзовые штыковидные орудия и плоское тесло нельзя считать артефактами, характерными для РБВ. Так называемые штыковидные наконечники копий с черенковым насадом (*Махмудов, 2008. С. 46; рис. 35, 4, 5*) хорошо известны и в памятниках СБВ. Сам автор упоминает аналогичные орудия из памятников СБВ (Хачбулакский курган и Верхнегунибское поселение; Там же. С. 46). Бронзовое плоское тесло отличается от орудий куроаракской культуры по пропорциям и по форме. Тесла с резко расширяющейся лезвийной частью, округлой пяточной частью и сходными пропорциями характерны для ассортимента развитого этапа СБВ и могут быть сопоставлены с орудиями из Анатолийского региона и с артефактами костромского этапа металлообработки Северного Кавказа.

Металлические полусферические колпачки с отверстиями для крепления по краю (*Махмудов и др., 2003. С. 154; рис. 1, 13*) находят типологические параллели в золотых нашивных пуговках из триалетских курганов II группы (V, XVII) (*Гогодзе, 1972. Табл. XVII, 3, 22; XXIV, 24, 25*). Керамические сосуды из захоронения № 80, по мнению авторов публикации, «имеют некоторые черты раннебронзовых и среднебронзовых сосудов» (*Махмудов, 2008. С. 47*). На наш взгляд, для синхронизации этого погребения решающее значение приобретают отмеченные самим автором типологические параллели кувшинам с коленчатой ручкой в посуде из триалетского кургана № XVII, и крупному сосуду

с симметричными ушками на плечиках в посуде триалетских курганов № V и XLV (II фаза, по Э. М. Гогодзе).

В инвентаре погребения № 80 присутствуют несколько предметов, указывающих на сравнительно позднюю позицию комплекса в ряду памятников ТК. Речь идет об уже упомянутом плоском тесле и об изделиях, типологически близких орудиям Ванадзорского кургана, который мы относим к памятникам финала ТК: проушная секира, втульчатые копыя, втульчатое долото, бронзовый котел и крюк со свернутой втулкой. Бронзовый котел, как справедливо заметили авторы публикации, находит прямые соответствия в сосудах «цветущей поры» ТК: Триалети, курганы № V, XV; Лори-Берд, погребение № 6; Ванадзор; Аруч; Карашамб; Автоагрегат в Ереване (*Есаян, 1987. С. 58; табл. I, 1, 2, 5, 6*). Издатели приводят в качестве датирующей параллели золотой котел из клада в Библи, включающего пектораль с именем Аменемхета III (1849–1801 до н. э.). Можно привести и другие параллели начала II тыс. до н. э.: упомянутые выше бронзовые котлы из слоя II Карума Каниша и из погребения № 18 в Ашшуре. Вопрос о датировке секиры типа Тепе Гавра рассмотрен выше. В контексте комплекса погребения № 80 она, вероятно, приходится на позднюю часть периода существования подобных орудий. Однако нельзя не заметить и архаические признаки секиры из Аликемектепе: шестигранное сечение корпуса, ярко выраженный выступ корпуса перед краем отверстия для рукоятки, трапециевидная форма обуха и угол скоса лезвия клина. Эти признаки сближают секиру из Аликемектепе с топорами из Навура и Луристана.

По форме пера, пропорциям, а также по овальному в поперечном сечении центральному ребру одно втульчатое копые из погребения 80 (*Махмудов и др., 2003. С. 152; рис. 3, 7*) близко копыям из Рас-Шамры, Библи и Карума Каниша (*Рысин, 2014, рис. 2, 1, 2, 12*). Примечательно второе копые из Аликемектепе (*Махмудов и др., 2003. С. рис. 3, 6*), имеющее восьмигранную втулку. Этот наконечник обладает уникальной особенностью, на которую не обратили внимания авторы публикаций. Указанное копые снабжено редкой для комплексов ТК литой слепой втулкой (*Рысин, 2014, рис. 2, 11*). Подобная технология была освоена кавказскими мастерами-оружейниками только в ПБВ. Судя по новой

публикации комплекса из Ванадзора, к наконечникам с литой втулкой ТК относится и ванадзорский экземпляр копья с продольными каннелюрами, переходящими с втулки на перо (*Devedjian*, 2006. Fig. 139, 4) (*Рысин*, 2014, рис. 5, А), тем более что в ванадзорском погребении было найдено еще одно оружие с литой втулкой для насада – бронзовое долото (*Devedjian*, 2006. Fig. 140, 1). Как мы упоминали выше, способ отливки втульчатых наконечников в составной литейной форме с сердечником, вероятно, изобретен передневосточными металлургами (Библ, Карум Каниша). Следовательно, литое копьё из погребения № 80 может являться импортом из Переднего Востока.

Бронзовые крюки с раскованной и свернутой втулкой найдены вместе с бронзовыми котлами в элитных погребениях ТК: Лори Берд (погребение № 6) и Ванадзор (*Devedjian*, 2006. Fig. 72, 5, 6; 140, 4, 5). Подобное сочетание позволяет включить могилу № 80 из Аликемектепе в ряд «княжеских» погребений ТК. Исследователи предполагают, что крюки служили инсигниями власти и могли использоваться во время общинных жертвенных или посвященных «пиров».

В погребении № 80 обнаружены также обсидиановые, кремневые и бронзовые черешковые наконечники стрел (*Махмудов и др.*, 2003. С. 152, 154; рис. 1, 16–19; 3, 8, 9), причем артефакты, выполненные из первых двух материалов, были широко распространены на Кавказе в РБВ и СБВ. А. Орджоникидзе проанализировал распределение каменных наконечников стрел на территории Грузии (*Orjonikidze*, 2004). Кремневые стрелы известны в куроаракских памятниках, в погребениях алазано-беденской культуры и ТК. Они встречены в III слое Верхнегунибского поселения, а также в Гонобском могильнике и в погребении у сел. Ругуджа в Дагестане (синхронных с памятниками ТК). На территории Азербайджана каменные стрелы зафиксированы в погребениях курганов № 119 и 125 Ханкенди и кургана № 14 Кюдурли (*Ахундов*, 2001. С. 129; рис. XXXV, 5, 6). Бронзовые наконечники характерны для комплексов ПБВ. Однако стрелы из Аликемектепе отличаются от оружия ПБВ. У последних продольная нервюра на перо резко выделена и плавно переходит в черешок, который обычно значительно длиннее пера. Бронзовые наконечники из Аликемектепе имеют короткий черешок и по абрису и пропорциям ближе к кремневым стрелам. Возможно, каменные

наконечники послужили прототипами для металлических изделий из Аликемектепе. Но существует и другая возможность. В Каруме Каниша, слои II и Ib, также были обнаружены бронзовые черешковые стрелы (*Özgülç*, 1959. P. 56; Tabl. XLIX, 4–6; *Erkanal*, 1977. Taf. 17, 49, 54–56). Учитывая тесную связь элиты ТК с Карумом Каниша, можно предположить, что именно оттуда происходят бронзовые наконечники погребения из Аликемектепе.

Таким образом, ряд типологических параллелей связывает инвентарь погребения № 80 с комплексом «царского» захоронения в Ванадзоре, а присутствие в составе инвентаря погребения из Аликемектепе артефактов, характерных для ПБВ (бронзовые наконечники стрел-площиков, копьё с литой слепой втулкой), позволяет уточнить хронологическую позицию комплекса. Мы предлагаем относить его, как и захоронение из Ванадзора, к концу первой четверти II тыс. до н. э.

Чрезвычайно интересны погребения ТК, исследованные в могильнике Лори Берд в Армении. Этот могильник был изучен и монографически издан Седой Деведжан (*Devedjian*, 2006). Трудно переоценить значение открытых в Лори Берде погребений ТК, поскольку здесь впервые было обнаружено несколько почти не поврежденных грабителями комплексов ТК, которые были зафиксированы и введены в научный оборот на современном методическом уровне. Примечательна особая «насыщенность» сопровождающего инвентаря могил Лори Берда металлическими изделиями (оружием и украшениями).

В могилах № 6 и № 79 были найдены бронзовые котлы и крюки, традиционно связываемые с погребениями элиты ТК. В погребениях № 65 и № 94 обнаружены ножи с характерным «придаточным» ниже плечиков корпусом и «копьевидно» расширенной лезвийной частью клинка (*Рысин*, 2014, рис. 6, В, Г) (*Devedjian*, 2006. Fig. 84, 8; 112, 2). Ножи подобной копьевидной формы характерны для костромского этапа металлообработки СБВ Северного Кавказа и Предкавказья (*Рысин*, 2007. С. 210).

Фаянсовые бусы с выступами (напоминающие бусы посткатакомбного времени из Предкавказья) встречены в трех захоронениях (*Рысин*, 2014, рис. 7, А–В). В могиле № 60 найдены две бусины: одна с тремя, а другая с пятью выступами (*Devedjian*, 2006. P. 138; Fig. 75, 6;

Planche. X, 4). В могилах № 61 и № 88 обнаружено по одной бусине с пятью выступами (*Devedjian*, 2006. Fig. 79, 4; 101, 2; Planche. IX, 2). Уникальны цветные антропоморфные и зооморфные изображения, обнаруженные на стенках могилы № 79 из Лори Берда, вероятно, первоначально были нанесены на циновки или ковры, покрывавшие стенки могильной ямы.

Теперь обратимся к материалам элитного погребения ТК в Ванadzоре (*Рысин*, 2014, рис. 5, А). Этот замечательный комплекс впервые столь детально представлен в монографии С. Деведжан, посвященной материалам из поселения и могильника Лори Берда (*Devedjian*, 2006). Бронзовый котел из Ванadzора сближается с котлами из Лори Берда (погребения № 6 и № 79) усечено-конической формой корпуса с вогнутыми стенками, формой и способом крепления ручек, металлическими лентами, охватывающими корпус изделия у дна и у верхнего края. Близкий котел найден у завода Автоагрегат в Ереване (*Есаян*, 1987. С. 59; табл. 1). Котлы из курганов № V и № XV Триалети имеют сходную форму и ручки, но у их дна отсутствует металлическая лента. Последняя имеется только у экземпляров из Армении и служит отличительной чертой местного металлопроизводства. Котел найден вместе с бронзовым крюком.

В погребении из Ванadzора найдены также чаша, кружки и ведро. В первую очередь рассмотрим кружку с изображениями львов. На рисунке этого сосуда в публикации С. Деведжан (*Devedjian*, 2006. Fig. 141, 1) ясно видны два заклепочных отверстия на месте прикрепления петельчатой ручки, поэтому сосуд со львами в действительности являлся кружкой (а не кубком), как и две другие кружки из ванadzорского кургана (*Ibid.* Fig. 142, 1, 2). Очевидно, ценность рассматриваемого сосуда была очень высока для владельца, так что кружку продолжали использовать даже после утраты ее ручки. Изображения львов на ней ранее сопоставляли с гравированными фигурами на «бунчуке» или штандарте из кургана № XV в Триалети (III группа курганов, по Э. М. Гогодзе). Кружка с концентрическими каннелюрами на донце, как у ванadzорских сосудов, найдена в кургане № XVI в Триалети (II группа курганов, по Э. М. Гогодзе). Таким же образом оформлено дно чаши из кургана № VII в Триалети (III группа, по Э. М. Гогодзе).

Ванadzорская чаша полусферической формы имеет декор из концентрических дуг. Подобный

декор повторяется на керамических полусферических чашах из Воскеваза (*Арешян*, 1973. С. 42; рис. 1, 2) и на чашах из кургана № XV Триалети. Таким образом, новая публикация комплекса из Ванadzора позволяет подтвердить предложенную дату этого элитного погребения – в рамках конца первой четверти II тыс. до н. э.

Кружки и кубки с вогнутыми вовнутрь стенками были широко распространены на Древнем Востоке, в особенности в период III династии Ура и в старовавилонский период (*Müller-Karpe*, 1996. Abb. 7–8). Г. Е. Арешян, еще в 1973 г. обративший внимание на малоазийские параллели керамике СБВ Армении, в качестве аналогов кружкам из Ванadzора рассматривает сходные сосуды из Аладжи и Карума Каниша времени активизации ассирийской международной торговли (*Арешян*, 1973. С. 47; рис. 3, 14–16).

Ванadzорское ведро с дуговидной ручкой можно сопоставить с ведром из кургана № XVII Триалети. Ведерки с дуговидной ручкой найдены также в Ашшуре (погребение № 20) и в Каруме Каниша (*Müller-Karpe*, 1996. Abb. 49, 1–2).

Ванadzорский наконечник копья имел литую слепую втулку, которая на лезвии переходит в ребро, округлое в сечении. Поверхность втулки, нижний конец которой не сохранился, и ребра покрыты параллельными углублениями.

Объединяет инвентарь элитных погребений Ванadzора, Триалети, Лори Берда и Неркин Навера еще одна категория находок: неглубокие каменные дисковидные выпукло-вогнутые предметы. Их называют то каменными крышками, то чашами или «фиалами». Диаметр таких изделий составляет 8–15 см, глубина обычно не превышает 1 см. Внутренняя поверхность этих сосудов покрыта часто расположенными углублениями-насечками, что позволило предположить их использование в качестве «терки» для приготовления «священного» напитка из растительных волокон – сомы или хаомы.

В последние годы многие исследователи датируют триалетские памятники «цветущей поры» началом II тыс. до н. э. Так, М. Путуридзе отнесла триалетские погребения к рубежу III/II тыс. до н. э. на основании анализа технологии и художественного стиля, свойственного сосудам и ювелирным изделиям из драгоценных металлов (*Puturidze*, 2001; 2013).

В своей докторской диссертации, посвященной памятникам различных эпох на Триалетском плато, Г. Нариманишвили (*Нариманишви-*

ли Г., 2006) обосновывает дату ТК – конец III–первая четверть II тыс. до н. э.

К. Рубинсон, анализируя сюжетные изображения на сосудах из Триалети и Карашамба, находит им ближайшие стилистические параллели в глиптике ассирийской торговой колонии Карум Каниша в Анатолии. На основании этого она делает вывод о тесных социально-экономических связях обеих регионов в начале II тыс. до н. э. (Rubinson, 1998; 2003; 2009). Это наблюдение хорошо согласуется с нашими выводами (Кушнарева, Рысин, 2001; 2004).

Нашу точку зрения поддерживают и подкрепляют своими наблюдениями также другие коллеги (Devedjian, 2006. P. 359; Николаишвили и др., 2010. С. 231; Пицхелаури, Кладзе, 2010. С. 246). Участники международного исследовательского проекта на территории Армении опубликовали недавно первый том результатов своих работ, в котором предложено датировать «цветущую пору» ТК от XXII до XIX вв. до н. э. (Smith et al., 2009. P. 66).

Начиная с открытия Б. А. Куфтиным курганов «цветущей поры» ТК, внимание исследователей привлекает *расписная* глиняная посуда этой культуры. Как известно, такая керамика не характерна для Кавказа в эпоху палеометалла. На Южном Кавказе «крашенные» монохромные и полихромные сосуды появляется впервые в энеолите, а затем почти полностью исчезают в РБВ и вновь встречаются в финале СБВ в памятниках ТК, кармирбердской и кызылванской культур. Устойчивая традиция росписи посуды существовала и на Древнем Востоке, причем в его районах, соседних с ареалом ТК. С выявленными на памятниках этого региона расписными сосудами исследователи пытаются сопоставить расписную посуду ТК.

По наблюдениям Д. Нариманишвили, керамика со светлой кремовой поверхностью из курганов № V, VI и XVII Триалетского плато (III группа курганов, по Э. М. Гогодзе), украшенная черными и коричневыми узорами, близка расписным сосудам бампурской культуры юго-восточного Ирана. Совпадают мотивы росписи посуды в обоих ареалах: шахматная доска; вписанные зигзаги; большие треугольники, в которые вписаны малые; извивающиеся змеи, тела которых заполнены волнистыми линиями (Нариманишвили Д., 2011. С. 172–173; табл. 1). Нам представляется ошибочным сопоставление расписных сосудов из двух удаленных на тысячи ки-

лометров регионов. К тому же бампурской росписи посуды существовал более полутора тысяч лет. Для бампурской культуры, на наш взгляд, более актуальными были иные направления связей – с Индостаном и Бахрейном.

Красные сосуды с черной росписью, близкие расписной посуде ТК другого стиля, обнаружены в окрестностях озера Ван на территории современной Турции. Орнаментация этой керамики с преобладанием изображений треугольников, заполненных волнистыми линиями и водоплавающих птиц между ними, в деталях совпадает с декором сосудов из Триалети (например, курган № VII). Находки из Турции, поступившие в музей Вана, Аданы, Карса и Газиантепе, происходят из грабительских раскопок. Они были опубликованы и сопоставлены с посудой ТК (Çilingiroğlu, 1984. P. 132–134; fig. 5–8). Близкие аналогии музейным экспонатам обнаруживаются также в расписной керамике из Хафтавантепе VI A–VI B и Геойтепе C–D (Ibid. P. 135–136). Автор предполагает существование в регионе с начала II тыс. до н. э. традиции расписных сосудов стиля «Ван-Урмия» (Ibid. P. 139). О существовании в СБВ на территории пяти современных государств (Азербайджан, Армения, Грузия, Иран и Турция) некой «общности» племен, расписывающих свою глиняную посуду сходным образом, упоминали в последние десятилетия многие специалисты (Кушнарева, 1993; Backshaliyev, Marro, 2009; Özfirat, 2002; Rubinson, 2004; 2005). Слои приурмийских поселений северо-западного Ирана, где представлена подобная расписная керамика, датированы от конца III до начала второй половины II тыс. до н. э.

Необходимость «ревизии» традиционной хронологии памятников «цветущей поры» ТК, в соответствии с которой они относятся к первой половине–середине II тыс. до н. э., подтверждается и стратиграфическими наблюдениями. Известно, что в том же ареале, что и триалетские древности Армении (Карашамб, Ванадзор, Аруч, Неркин Навер, Лори Берд и др.), располагаются памятники кармирбердской культуры. Последние демонстрируют признаки, характерные для СБВ и начала ПБВ. К. Х. Кушнарева отнесла их к финалу СБВ и датировала XVIII/XVII–XVI/XV вв. до н. э. (Кушнарева, 2007). Памятники «цветущей поры» ТК на этой же территории необходимо связывать с более ранним периодом, что полностью соответствует полученным нами результатам.

Примечательно, что в погребении кармир-бердской культуры в Ошакане (Армения) недавно была найдена колесничная упряжь, включающая бронзовые пластинчатые псалии с шипами и петельчатые удила, а также бронзовую скульптурку льва, служившую навершием разделителя вожжей на передке колесницы (*Калантарян и др.*, 2003. С. 121; *Кушнарева*, 2007. С. 175–176; рис. 5). Захоронение в Ошакане, судя по аналогичным псалиям из погребения периода вторжения гиксосов в Газе, можно датировать XVII в. до н. э. (*Potratz*, 1966. P. 102–110; Fig. 45, d). Недавно, в курганах Гараджамирли (Азербайджан) были также исследованы элитные погребения колесничной знати, справедливо отнесенные авторами публикации к самому финалу СБВ и к так называемому переходному периоду к ПБВ (*Гусейнова, Алиев*, 2006. С. 33, 54). В погребениях у села Гараджамирли выявлены характерные признаки этого непродолжительного по времени этапа (*Кушнарева*, 2007. С. 177–178).

В погребениях курганов Гараджамирли найдены скелеты и черепа лошадей, а также детали колесничных упряжек: удила из скрученных проволоочных жгутов, парные бронзовые псалии в форме «уключин» (по две пары в могиле); бронзовое навершие разделителя вожжей, крепившееся на передок колесницы. Навершие выполнено в виде колеса со спицами, над которым установлена полая фигурка оленя. Олень изображен в хомуте, что напоминает символически запряженных в сани оленей (могила в Ханларе) и взнузданных лошадей с оленьими рогатыми масками («царский» курган Пазырык). Известно, что олень – «красный зверь», как и конь, являлся в индоевропейской мифологической традиции солярным символом. Образ коня в представлениях индоевропейцев был также связан со смертью и с путешествием в загробный мир. Наконец, использование в финале СБВ боевых колесниц подтверждается их изображениями на сосуде 4 из кургана II в селе Гараджамирли (*Гусейнова, Алиев*, 2006. Табл. 5, 1, 2), причем на орнаментальных фризах этого сосуда показаны колесницы, запряженные оленем, и фигурка лошади. К. Х. Кушнарева предварительно датировала комплексы «переходного периода» XV–XIV вв. до н. э. (*Кушнарева*, 2007. С. 174).

Самое раннее свидетельство использования парной конной упряжки на Переднем Востоке получено при раскопках неоднократно упоми-

навшегося нами Карума Каниша. Здесь, в слое Ib («дворец правителя»), найдены ручки керамических сосудов в виде реалистично исполненных парных фигурок взнузданных лошадей (*Özgiç*, 1986. Tabl. XXXIII, 1, 2; *Рысин*, 2007. С. 213). Учитывая многочисленные примеры вовлеченности элиты ТК в систему ашшурской международной торговли, одним из центров которой являлся Карум Каниша, можно ожидать новых подтверждений использования в Закавказье колесниц, запряженных лошадьми, уже в период существования ТК.

И такие свидетельства сегодня уже имеются. В могильнике Лори Берд было обнаружено погребение ТК с двумя конями (*Деведжан*, 1981. С. 20). Захоронения с парными скелетами лошадей встречены также в курганах могильника Неркин Навер вблизи Еревана (курганы №1, 3, 5Б, 7; *Симонян*, 2004; 2011. С. 219). На сосуде из кургана 7 черной краской нанесены изображения лошадей с подстриженными гривами и хвостами, а на сосуде из кургана № 2 изображены шесть пар колес со спицами от боевых колесниц (*Симонян*, 2011. С. 219; рис. 7). Расписная керамика Неркин Навера по форме, характеру росписи и по элементам и мотивам орнамента близка посуде из курганов III группы «цветущей поры» ТК.

Исследование элитных погребений в курганах Неркин Навера в последние годы «оживило» интерес к пересмотру датировки памятников ТК, поскольку в кургане № 1 были найдены кованые железные удила и псалии, а четыре калиброванные ¹⁴C даты образцов из захоронений этого могильника указывают на очень ранний хронологический интервал: XXVI–XX вв. до н. э. Заключение о результатах раскопок в Неркин Навере, опубликованные А. Симоняном, носят полемический характер. Автор соотносит весь диапазон дат по ¹⁴C с памятниками ТК, однако здесь найдены материалы более древней алазано-беденской культуры, например, дисковидный бронзовый «штандарт» и черешковый нож без заклепочного отверстия (курган № 4). В кургане № 1, в котором обнаружены железные удила и псалии, есть артефакты, позволяющие надежно синхронизировать комплекс. Речь идет о сферических бусах из листового золота с украшенной пуансонным орнаментом поверхностью, гофрированных золотых подвесках – «корабликах» и агатовом кулоне в форме луны. Все перечисленные изделия известны в курганах ТК, I

и II групп, по Э. М. Гогодзе. В кургане № 1 Неркин Навера найден также кинжал с клинком «копьевидной» формы. Мы упоминали, что ножи подобной формы характерны для металлообработки костромского этапа СБВ на Северном Кавказе. Железные удила из захоронения кургана № 1 выглядят на фоне всего остального инвентаря явным *анахронизмом*. Скорее всего, этот артефакт относится к *впускному погребению* эпохи раннего железа.

Ошибочность отнесения железных удил и псалиев из Неркин Навера к комплексу захоронения «цветущей поры» ТК можно доказать, исходя из типологического анализа псалиев, представляющих собою гладкие железные диски с отверстием. Известно, что на ранней стадии тренинга лошади с целью использования ее для колесничной упряжки применяли псалии с шипами (*строгие псалии*), позднее стали использовать гладкие псалии без шипов. На территории Армении (Ошакан) в погребении более поздней кармирбердской культуры были найдены *строгие* бронзовые псалии с шипами (*Калантарян и др.*, 2003. С. 121). *Строгие псалии* с шипами использовались на Древнем Востоке еще в период завоевательных походов гиксосов (XVII в. до н. э.). Поэтому нельзя предположить, что «самые древние» известные нам псалии из Неркин Навера (XXV–XXIII вв. до н. э.) были гладкими, а не строгими. Это невероятно еще и потому, что еще через сотни лет после совершения захоронения в Неркин Навере, на Переднем Востоке, в Микенах и в Синташте³ в колесничной упряжке применяли именно шипастые *строгие псалии*. Невозможно объяснить такое необычное «регрессивное» типологическое развитие от гладких псалиев из Неркин Навера к строгим шипастым псалиям в Ошакане, Газе, Микенах и в Синташте.

Имеются многочисленные наблюдения, позволяющие синхронизировать элитные погребения Триалети (курган № XVII), Аликемектепе, Лори Берда (погребения № 65 и № 94) с могилами Неркин Навера. Речь идет об элементах и мотивах росписи керамики (черная орнаментация по красному фону), керамических кувшинах с коленчатой ручкой, булавах со сферическими головками и т. п.

³ Приношу искреннюю благодарность В. С. Бочкареву за разъяснение вопроса об эволюции псалиев для колесничной упряжки лошадей.

В кургане 3 Неркин Навера (*Симомян, 2011. С. 223*) обнаружен бронзовый колющий меч «рапира». Это оружие, как и техника боя колющим оружием, не было известно на Древнем Востоке ранее конца III тыс. до н. э. Если же принять предложенную А. Симомян датую захоронений Неркин Навера (XXV в. до н. э.; Там же. С. 224), то нам придется принять и его предположение об «изобретении» носителями ТК колющих мечей, копий со втульчатыми наконечниками, боевых колесниц с конной упряжкой на территории нынешней Армении. Но отчего же все эти «изобретения» почти 500 лет не выходили за границы Неркин Навера и только с рубежа III/II тыс. до н. э. почти синхронно распространились на Кавказе и на Древнем Востоке? Так как в древности передача и усвоение новаций в сфере вооружения происходили сравнительно быстро, приходится признать, что подобное допущение неверно. Напомним, что датировка могильника Неркин Навер серединой III тыс. до н. э. основана исключительно на единичных датах по ¹⁴C. Ранее Г. Л. Кавтарадзе также относил памятники «цветущей поры» ТК к середине III тыс. до н. э., опираясь на даты по ¹⁴C. Согласно Г. Л. Кавтарадзе, перечисленные новации были «изобретены» на территории нынешней Грузии. Согласно А. Симомян, эти «открытия» были сделаны на территории нынешней Армении. Однако авторы не пытались объяснить, каким образом кавказским «изобретателям» удавалось утаить свои достижения от древневосточных соседей на сотни лет.

Новейшие открытия памятников ТК позволяют вновь поставить вопрос о времени и месте возникновения колесницы с конной упряжкой. В последние годы приоритет в освоении конной упряжки безапелляционно приписывается носителям синташтинской культуры.

Памятники ТК не уступают по древности синташтинским комплексам. Блестящие достижения носителей синташтинской культуры (колесницы с конной упряжкой, втульчатые наконечники копий, использование оловянистой бронзы и каменных литейных форм) выглядят в ее ареале как внезапно принесенный извне феномен, источник и происхождение которого пока неизвестны. В то же время нам гораздо лучше известны предпосылки освоения колесничной упряжки на Южном Кавказе. Во-первых, здесь располагался один из центров коневодства. Еще в РБВ на поселениях куроаракской культуры

были найдены не только костные останки лошади, но и пластические изображения лошадей (Шенгавит, Арич). Во-вторых, к периоду СБВ здесь имела высокоразвитая металлообработка. Воины ТК обладали самым передовым набором вооружения. Наконец, комплексы ТК демонстрируют значительную социальную стратификацию ее носителей и формирование воинской «аристократии», нашедшее яркое и убедительное отражение в погребальном обряде. Таким образом, сегодня можно обоснованно предположить, что колесничная упряжка практически синхронно была освоена на Армянском нагорье, Южном Кавказе и в урало-казахстанских степях.

Аргументы в пользу удревнения памятников ТК до середины III тыс. до н. э. и синхронизации их с РД III периодом в Месопотамии изложил Г. Л. Кавтарадзе (*Kavtaradze*, 1999). Он полагает, что курганы «цветущей поры» ТК являются типичным продуктом РБВ Ближнего Востока и его периферии, о чем, с его точки зрения, свидетельствуют многочисленные параллели материалам ТК из памятников III тыс. до н. э., отмеченные самим Г. Л. Кавтарадзе (*Kavtaradze*, 1983), а также Б. А. Куфтиным (*Куфтин*, 1941) и Э. М. Гогодзе (*Гогодзе*, 1972). Кроме того, исследователь считает, что элитные погребения ТК стадийно можно сопоставить только с погребениями царского кладбища в Уре и «княжескими» могилами Аладжи. Ничего подобного на Древнем Востоке нет ни в конце III тыс. до н. э., ни во II тыс. до н. э. (*Kavtaradze*, 1983. С. 117, 124; *Kavtaradze*, 1999. Р. 88).

Кратко остановимся на перечисленных Г. Л. Кавтарадзе аргументах. Утверждение о *генетической связи* металлических изделий ТК с продукцией РБВ Ближнего Востока и его периферии справедливо. Однако с *типологической* точки зрения оружие ТК несомненно относится к СБВ. Достаточно обратить внимание на копья со свернутой втулкой, колющие мечи-«рапиры», проушные топоры-секиры и т. п. (*Кушнарева*, *Рысин*, 2000. С. 82–87).

О приводимых Г. Л. Кавтарадзе, Б. А. Куфтиным и М. Абрамишвили параллелях изделиям ТК в памятниках Древнего Востока III тыс. до н. э. мы уже упоминали. Большинство приводимых «аналогий» демонстрирует блестящую эрудицию авторов. С типологической же точки зрения приводимые «параллели» часто поверхностны и необоснованны. Зачастую аналогичными объяв-

ляются типологически совершенно разные изделия, например, наконечники копий со стержневым насадом, со свернутой втулкой и с литой слепой втулкой (*Kavtaradze*, 1983. С. 131–134).

Следует также отметить, что на определенном этапе развития первобытного общества (стадия комплексного общества) появляются близкие по внешним формам погребения лидеров общин, так называемые «царские» или «княжеские» могилы. Для набора предметов, сопровождающего такие погребения, характерно присутствие производственного инвентаря и престижных изделий. Сходным образом сакральная роль вождя отражается в обрядах перехода и на этапе ранней государственности. Сходство наборов инвентаря в таких элитных могилах функциональное, но не типологическое. В них, как правило, представлены наборы оружия, орудий труда (плотницкие инструменты), предметы культа, ювелирные изделия, металлическая посуда, транспортные средства и жертвоприношения животных. Определение хронологической позиции «княжеских» погребений не сводится к простой их синхронизации, а требует в каждом отдельном случае весьма кропотливого исследования.

Во всяком случае *пересмотр традиционных* дат памятников «цветущей поры» ТК, на наш взгляд, должен сопровождаться сравнительно-типологическим анализом основных типов металлических изделий ТК и *обоснованным опровержением* предложенных ранее *типологических параллелей*, служивших опорой для традиционной хронологии.

Что касается применения для датирования памятников ТК радиоуглеродного анализа, то подобных данных пока явно недостаточно для получения статистически надежных результатов. Нами опубликована работа, посвященная сопоставлению результатов датирования памятников ТК сравнительно-типологическим методом и методами естественных наук (*Рысин*, 2014).

Открытие новых элитных погребальных комплексов ТК на Южном Кавказе позволяет по-иному оценить социальный аспект «цветущей поры» ТК. Если ранее предполагалось, что центр ТК располагался на территории нынешней Грузии, в районе Триалетского плато, то сегодня мы знаем о нескольких племенных (?) центрах со своими вождями, погребенными в соответствии с их высоким статусом (Триалети, Месхети, Лори Берд, Ваназор, Карашамб, Неркин Навер,

Аликемектепе и т. д.), причем в Лори Берде и Неркин Навере исследованы целые могильники «племенной верхушки».

Могилы «вождей» выделяются размерами погребальных ям или наземных залов, которые в Триалети составляют 175 и 152 кв. м, Ванадзоре – 45 кв. м, Карашамбе – 30 кв. м и в Аликемектепе – 7 кв. м. В Триалети обнаружены ведущие к входам в дромосы погребальных залов мощеные дорожки для ритуальных процессий. Погребения «вождей» отличают многофункциональные наборы инвентаря. Оружие в могилах вождей иногда выполнено из драгоценных металлов или украшено золотом. К ритуальным сосудам можно отнести упомянутые выше базальтовые и туфовые «терки» для приготовления священного напитка сомы-хаомы (?). Таким образом, судя по наборам погребального инвентаря, можно предположить, что именно вожди были похоронены в ограбленных триалетских курганах №V, XV, XVII, XXXVI, а также в большом кургане Карашамба, в кургане Ванадзоре и в погребении № 80 на Аликемектепе.

Среди элитных погребений можно выделить могилы профессиональных воинов, в которых найдены мечи-«рапиры», изделия из драгоценных металлов и каменные «терки»: Лори Берд, захоронение № 65 (*Рысин*, 2014, рис. 6, Г) и Неркин Навер, курган № 3. Неясно, к какой категории элиты относились остальные погребенные на этих двух кладбищах. В Лори Берде (захоронение № 6) найдены бронзовый котел и крюк, но нет оружия и изделий из драгоценных металлов. В погребениях № 74 (*Рысин*, 2014, рис. 6, Б), № 77 (Там же, рис. 6, А), № 94 (Там же, рис. 6, В) Лори Берда и в кургане № 5Б Неркин Навера обнаружены оружие и изделия из драгоценных металлов, но отсутствуют сосуды для жертвоприношений. Ни в захоронениях Лори Берда, ни в курганах Неркин Навера не встречены плотницкие инструменты, которые входили в «обязательный» набор инвентаря погребений «вождей». Возможно, на обоих кладбищах хоронили представителей родовой воинской «аристократии», подобной колесничной «аристократии» синташтинской культуры.

Против интерпретации большинства погребений Лори Берда и Неркин Навера как «вождейских» свидетельствуют также малые размеры погребальных сооружений (высота курганов не превышает 0,5 м, диаметр каменной обкладки варьирует от 10 до 20 м). Только один курган в

могильнике Неркин Навер отличался от остальных размерами погребального сооружения. Речь идет о кургане № 7, под насыпью которого был сооружен погребальный зал площадью 50 кв. м и глубиной 3 м. В ограбленной могиле сохранились фрагменты примерно 60 сосудов, причем 50 из них покрыты росписью. Размеры погребальной ямы и количество расписных сосудов соответствуют обряду «вождейских» погребений в Ванадзоре, Карашамбе и Триалети.

Другой не менее важной особенностью элитных захоронений ТК является своеобразие их погребального ритуала: в нескольких могилах зафиксирована кремация умерших. Многие исследователи полагали, что кремация указывает на появление в регионе нового населения, сформировавшего «правлящую верхушку» племен ТК, причем археологи из Армении акцентируют внимание на индоиранском характере погребальных обрядов элиты ТК (*Арешиян*, 1988; *Гунни*, 2003; *Оганесян*, 1990; *Симонян*, 2009; 2011).

Накопление новых материалов ТК в последние десятилетия привело нас к парадоксальному на первый взгляд выводу. Дело в том, что со времен открытия памятников «цветущей поры» Б. А. Куфтиным и О. М. Джапаридзе исследователи пытались выявить преемственность триалетских материалов от памятников куроаракской культуры и культуры ранних курганов. Конечно, такую преемственность можно проследить. Однако все отчетливее проявляется качественное отличие ТК от предшествующих курганских культур как по ассортименту основных металлических орудий и оружия, так и по керамическому комплексу, и по особенностям погребального обряда. Все эти перемены настолько разительны, что их нельзя объяснить только культурной трансформацией. Перемены затронули «коренную» основу культуры. Напомним, что с появлением ТК в ее ареале широко распространяется расписная керамическая посуда, полностью сменяются типы металлического оружия, появляется совершенно новый стиль ювелирных украшений, наконец, меняются признаки подкурганских погребений, в том числе вводится обряд кремации. Жилища ТК, изученные на поселении Джиниси, также отличаются от сооружений, выявленных на поселениях курганских культур. На наш взгляд, объяснение феномена ТК следует искать с учетом распространения расписной керамики типа Ван-Урмия в обширном и пока недостаточно исследованном

ареале Восточной Анатолии и Северо-Западного Ирана.

Мы проанализировали с помощью традиционных археологических методов типы оружия, металлическую посуду и ювелирные украшения из памятников ТК. Полученные результаты позволяют предложить надежную дату для памятников «цветущей поры» ТК. Наиболее вероятное время бытования этих памятников – последние века III–первая четверть II тыс. до н. э.

В этот период население Южного Кавказа, и прежде всего его правящая элита, поддерживало активные связи с Передневосточными регионом. Вероятно, масштаб и направленность этих связей определялись включением Южного Кавказа в орбиту интересов ассирийской торговой организации. Примечательно, что закат «цветущей поры» ТК совпал с угасанием активности международной ассирийской торговли, в частности, с прекращением существования ассирийских колоний в Алишаре, Канише, Мари и Норшунтепе. Возможно, эти события были связаны с возникновением новой политической силы на Переднем Востоке – Хеттской державы.

Не подтверждаются традиционные предположения о связях Закавказья с Эгейским регионом. На этапе «цветущей поры» ТК практически полностью прерываются контакты Южного Кавказа с Северным. Отсутствие притока новаций с Древнего Востока через Закавказье оказало решающее влияние на судьбу культур Северного Кавказа и восточноевропейских степей. Согласно гипотезе В. С. Бочкарева, именно в это время центр культурогенеза смещается с Кавказа в Волго-Уральский регион, где формируется новый очаг генерирования культур ПБВ. По словам В. С. Бочкарева: «К началу II тыс. до н. э. влияние кавказского очага культурогенеза фактически сошло на нет. Он превратился в чисто региональный центр. Вместе с этим завершился кавказский этап в истории бронзового века Восточной Европы. На рубеже III–II тыс. до н. э. общий центр развития переместился с Кавказа на северо-восток – в Среднее Поволжье и Южный Урал. Здесь сформировался новый очаг культурогенеза, который был назван волго-уральским» (Бочкарев, 2012. С. 21).

Сформулируем некоторые выводы на основании предложенного обзора публикаций новых материалов ТК.

1. Хотя сегодня совершенно ясно, что ТК является трансграничным образованием, ее памят-

ники по-прежнему изучаются по национально-государственному принципу. Такой подход не позволяет сформировать полноценное представление о культуре и должен быть изменен.

2. Новые материалы из недавно открытых и опубликованных комплексов ТК подтверждают предложенные нами ранее даты ее памятников – в пределах последних веков III–начала II тыс. до н. э.

3. Открытия погребальных памятников элиты ТК на территориях Азербайджана, Армении и Грузии свидетельствует о существовании в ареале ТК нескольких племенных образований со своими центрами.

4. Не подтверждаются традиционные предположения о связях Закавказья на этапе «цветущей поры» ТК с Эгейским регионом.

5. Новые яркие погребальные комплексы ТК подтверждают наши предположения о включении элиты ТК в орбиту деятельности ашшурской торговой организации. Мы полагаем, что именно этими южными связями элиты было инициировано само появление яркого феномена ТК с богатыми «княжескими» погребениями. Более того, исчезновение феномена ТК в начале второй четверти II тыс. до н. э. мы также связываем с изменениями на политической карте Переднего Востока: возникновением Хеттской державы и уничтожением городов и факторий на торговых путях, ведущих к Южному Кавказу. Прекращение взаимного обмена товарами и идеями привело к понижению статуса лидеров кавказских общин.

6. Можно предположить, что угасание кавказского очага культурогенеза в финале СБВ в немалой степени было обусловлено сокращением связей Южного Кавказа с передневосточными цивилизациями. В это время также сократились контакты Южного Кавказа с Северным, что затруднило трансляцию передовых идей и технологий с Кавказа в восточноевропейские степи. «Эстафета» культурогенеза перешла от Кавказа к Волго-Уральскому центру (Бочкарев, 2012).

Амиранашвили, Нариманишвили, 2005 – Амиранашвили Дж., Нариманишвили Г. Поселение эпохи средней бронзы из Триалети // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы междунар. науч. конф. Баку, 2005.

Аресян, 1973 – Аресян Г. Е. Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века // СА. 1973. № 4.

Аресян, 1988 – Аресян Г. Е. Индоевропейский сюжет в мифологии населения Куры и Аракса во II тыс. до н. э. // ВДИ. 1988. № 4.

- Арутюнян, Бадалян*, 2008 – *Арутюнян А., Бадалян Р.* Поселение Гехакар: новый памятник среднего бронзового века в бассейне озера Севан // *Культура древней Армении*. Ереван, 2008. Вып. 14.
- Ахундов*, 2001 – *Ахундов Т. И.* Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку, 2001.
- Бочкарев*, 2012 – *Бочкарев В. С.* О некоторых характерных чертах эпохи бронзы Восточной Европы // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф.* СПб., 2012. Кн. 2.
- Гамбашидзе*, 2010 – *Гамбашидзе М.* Древний анатолийский тип обуви на триалетском серебряном кубке // *Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Материалы междунар. науч. конф.* Тбилиси, 2010.
- Гуни*, 2003 – *Гуни А. В.* Опыт анализа погребального инвентаря двух погребений эпохи средней бронзы Армении // *ИФЖ*. Ереван, 2003. № 2.
- Гогадзе*, 1972 – *Гогадзе Э. М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.).
- Гогадзе*, 1976 – *Гогадзе Э. М.* Курганные погребения Лило // *ВГМГ*. Тбилиси, 1976. Вып. 32–В.
- Гусейнова, Алиев*, 2006 – *Гусейнова М. А., Алиев И. Н.* Среднебронзовые курганы сел. Гараджамирли Шамкирского района Азербайджана // *Azerbaijan archaeology & Ethnography*. Баку, 2006. № 1.
- Деведжан*, 1981 – *Деведжан С. Г.* Лори-Берд. Ереван, 1981. Ч. 1: Результаты раскопок 1969–1973 гг.
- Есаян*, 1987 – *Есаян С. А.* Металлическая утварь Армении эпохи бронзы // *Вестник общественных наук АН Армянской ССР*. Ереван, 1987. № 2.
- Кавтарадзе*, 1983 – *Кавтарадзе Г. Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983.
- Калантарян и др.*, 2003 – *Калантарян А. А., Мелконян У. А., Жамкочан А. С., Бабалян Ф. С., Пилипосян А. С., Канесян А. Г.* Результаты раскопок 2002 г. в Ошакане // *Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы междунар. науч. конф.* Эчмиадзин, 2003.
- Коридзе*, 1968 – *Коридзе Д. Л.* Колхидские топоры // *Советское искусство*. Тбилиси, 1968. № 10.
- Куфтин*, 1941 – *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. Т. 1.
- Кушнарера*, 1993 – *Кушнарера К. Х.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. // *Археологические изыскания*. СПб., 1993. Вып. 9.
- Кушнарера*, 2007 – *Кушнарера К. Х.* Новая датировка кармирбердской культуры Кавказа // *АВ*. М., 2007. № 14.
- Кушнарера, Рысин*, 2000 – *Кушнарера К. Х., Рысин М. Б.* Вооружение и военное дело населения Кавказа в доурартское время // *ՀԱՄԱՅՆՈՒԹՅԱՆ ՊԱՄՅԱՆՈՒԹՅԱՆ ԿՈՄՊԼԵՔՍԻ ՎԵՐԱԿՈՒՄՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ*: Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000.
- Кушнарера, Рысин*, 2001 – *Кушнарера К. Х., Рысин М. Б.* Новые данные к проблеме датировки памятников «цветущей поры» Триалетской культуры // *Дзиебани*. Тбилиси, 2001. № 6: Caucasus, Essays on the Archaeology of the Bronze Age.
- Кушнарера, Рысин*, 2003 – *Кушнарера К. Х., Рысин М. Б.* Новые данные к хронологии памятников эпохи средней бронзы Южного Кавказа // *АВ*. СПб., 2003. № 10.
- Кушнарера, Рысин*, 2004 – *Кушнарера К. Х., Рысин М. Б.* Парадная посуда и ювелирные изделия из триалетско-кировкаканских «царских» курганов // *АВ*. СПб., 2004. № 11.
- Махмудов*, 2008 – *Махмудов Ф. Р.* Культура Юго-Восточного Азербайджана в эпоху бронзы и раннего железа. Баку, 2008.
- Махмудов и др.*, 2003 – *Махмудов Ф. Р., Нариманов И. Г., Ахундов Т. И.* Некоторые памятники эпохи бронзы Муганской равнины // *Петербургская археологическая школа и изучение древних культур Евразии*. СПб., 2003.
- Нариманишвили Г.*, 2006 – *Нариманишвили Г.* Триалети во II тысячелетии до н. э. (по данным археологии): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 2006.
- Нариманишвили Д.*, 2010а – *Нариманишвили Д.* Египетские амулеты III–II тысячелетий до н. э. на Южном Кавказе // *Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Материалы междунар. науч. конф.* Тбилиси, 2010.
- Нариманишвили Д.*, 2010б – *Нариманишвили Д.* Изображение мебели на триалетском кубке // *Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Материалы междунар. науч. конф.* Тбилиси, 2010.
- Нариманишвили Д.*, 2011 – *Нариманишвили Д.* Расписная керамика Триалетской культуры // *Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Материалы междунар. науч. конф.* Тбилиси, 2011.
- Николаишвили и др.*, 2010 – *Николаишвили В., Сихарулидзе А., Инанишвили Г., Иремаишвили Ш.* Бронзовый боевой парадный топор из Натахтари // *Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Материалы междунар. науч. конф.* Тбилиси, 2010.
- Оганесян*, 1990 – *Оганесян В. Э.* Культура первой половины II тыс. до н. э. в среднем течении р. Раздан: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1990.
- Пицхелаури, Киладзе*, 2010 – *Пицхелаури К. Н., Киладзе Р.* Новое указание для конкретной датировки Триалетской культуры // *Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Материалы междунар. науч. конф.* Тбилиси, 2010.
- Рысин*, 1997 – *Рысин М. Б.* Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // *Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации)*. СПб., 1997 (Археологические изыскания; Вып. 46).
- Рысин*, 2007 – *Рысин М. Б.* Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // *АВ*. СПб., 2007. № 14.
- Рысин*, 2014 – *Рысин М. Б.* Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа финала среднего бронзового века // *Археология древних обществ Евразии (хронология, культурогенез, религиозные воззрения): памяти В. М. Массона*. СПб., 2014 (Труды ИИМК РАН; Т. 42).
- Симонян*, 2004 – *Симонян А. Е.* «Царское» погребение эпохи средней бронзы из могильника Неркин Навер // *Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы междунар. конф.* Тбилиси, 2004.
- Симонян*, 2009 – *Симонян А. Е.* Древнеарийские традиции в погребальном ритуале Армении эпохи бронзового века // *На пути открытия цивилизации: Сб. статей к 80-летию В. И. Сариниди*. СПб., 2009 (Труды Маргианской археологической экспедиции; Т. 3).
- Симонян*, 2011 – *Симонян А. Е.* Царские курганы эпохи средней бронзы в Армении (XXV–XX вв. до н. э.) // *Археология, этнология, фольклористика Кавказа: Материалы междунар. конф.* Тбилиси, 2011.
- Янковская*, 1985 – *Янковская Н. Б.* Торговая община Каниша и свободный рынок // *Древняя Анатолия*. М., 1985.
- Abramishvili*, 2010 – *Abramishvili M.* In search of the origins of metallurgy – An overview of South Caucasian evidence // *Von Majkop bis Trialeti Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. V. Chr. / Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte*. Bonn, 2010. Bd 13.
- Apakidze*, 2003 – *Apakidze J.* Towards the study of one specimen of Jewellery of Trialeti culture // *Dzиеbani*. Tbilisi, 2003. N 11.
- Bakhshaliyev, Marro*, 2009 – *Bakhshaliyev V., Marro C.* The Archaeology of Nakhichevan: Ten years of new discoveries. Istanbul, 2009.
- Bürger*, 1994 – *Bürger G.* Die Transkaukasischen Rapiere und die Möglichkeit ihrer Verbindung mit anderen Rapierezentren im Zirkumpontischen Gebiet // *Relations Traco-Ilyro-Helleniques*. Bucaresti, 1994.
- Çilingiroğlu*, 1984 – *Çilingiroğlu A.* The second millennium painted pottery tradition of the Van lake basin // *AS*. 1984. Vol. 34.

- Collon*, 1982 – *Collon D.* Some bucket Handles // *Iraq*. 1982. Vol. XLIV, Pt. 1. p. 95–101.
- Devedjian*, 2006 – *Devedjian S.* Lori Berd II (Bronze Moyen). Erevan, 2006.
- Erkanal*, 1977 – *Erkanal H.* Die Axte und Beile des 2. Jahrtausends in Zentralanatolien // PBF. Munchen, 1977. Abt. IX, Bd 8.
- Grawford*, 1975 – *Grawford H.* Geoy Tepe 1903. Material in the collection of the Fitzwilliam museum, Cambridge // *Iranica Antiqua*. Leiden, 1975. Vol. 11.
- Kavtaradze*, 1999 – *Kavtaradze G. L.* The Importance of Metallurgical data for the formation of a Central Transcaucasian chronology // The Beginnings of Metallurgy: Proceedings of the International Conference, Bochum, 1995 / Veröffentlichungen aus dem Deutschen Bergbau-Museum. Bochum, 1999. N 84.
- Maxwell-Hyslop*, 1971 – *Maxwell-Hyslop K.R.* Western Asiatic jewelry (c. 3000–612 B. C.). London, 1971.
- Müller-Karpe*, 1996 – *Müller-Karpe M.* Zu den Erdgräbern 18, 20 und 21 von Assur. Ein Beitrag zur Kenntnis Mesopotamischer Metallgefäße und –Waffen von der Wende des 3. Zum 2. Jahrtausend v. Chr. // JRGZM. Mainz, 1996. Jahrgang 42, Teil 1.
- Narimanišvili*, 2003 – *Narimanišvili G.* Ritual Roads at Trialeti Barrows // *Dziebani*. Tbilisi, 2003. N 11.
- Orjonikidze*, 2004 – *Orjonikidze A.* Types of Stone Arrowheads from Georgia // *Dziebani*. Tbilisi, 2004. N 13/14.
- Özfirat*, 2002 – *Özfirat A.* Van-Urmia painted pottery from Hakkari // *AMIT*. Berlin, 2002. Bd 34.
- Özgüç*, 1959 – *Özgüç T.* Kültepe-Kaniş // *Türk Tarich Kurumu yayınları*. Ankara, 1959. Ser. V, N 19.
- Özgüç*, 1986 – *Özgüç T.* Kültepe-Kaniş II // *Türk Tarich Kurumu*. Ankara, 1986. Ser. V, N 41.
- Picchelauri*, 1997 – *Picchelauri K.* Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // *Archäologie in Eurasien* 4. Espelkamp, 1997.
- Potratz*, 1966 – *Potratz J. A. H.* Die Pferdetrennen des Alten Orient // *Analecta Orientalia*. Roma, 1966. N 41.
- Puturidze*, 2001 – *Puturidze M.* Analysis of one type of goldsmithery from the Trialeti culture // *Dziebani*. Tbilisi, 2001. N 6.
- Puturidze*, 2013 – *Puturidze M.* [Электронный ресурс]: On the Origins and Development of Goldsmith of the Middle Bronze Age Trialeti Culture // At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology: Recent Research on Caucasia and Anatolia in the Bronze Age: Proceeding of the Gumbold Kolledj International Conference (Venice 9th – 11th, January, 2013) [in EA-online, April, 2013]. Режим доступа: <http://venus.unive.it/erovaweb/convegno/program>. – Загл. с экрана.
- Rubinson*, 1991 – *Rubinson K. S.* Mid-Second Millenium Pontic-Aegean Connections: A Note To Chapter 12 // *Ancient Economy in Mythology: East and West*. Maryland, 1991.
- Rubinson*, 1998 – *Rubinson K. S.* Silver and sealings: Transcaucasia and Anatolia in the Middle Bronze Age // Археологическая конференция Кавказа I. Краткие содержания докладов. Тбилиси, 1998.
- Rubinson*, 2001 – *Rubinson K. S.* Metal vessels with basket handles at Trialeti // *Dziebani*. Тбилиси, 2001. № 6.
- Rubinson*, 2003 – *Rubinson K. S.* Silver Vessels and Cylinder Sealings: Precious Reflections of Economic Exchange in the Early Second Millennium BC // *Archaeology in the Borderlands: investigations in Caucasia and beyond*. Los Angeles, 2003 (Cotsen institute of archaeology, Monograph series; 47).
- Rubinson*, 2004 – *Rubinson K. S.* Dinkha Tepe, Iran, and So-called Urmia Ware // A View from the Highlands: Archaeological Studies in Honour of Charles Burney / *Ancient Near Eastern Studies*. Supplement 12. Leuven, 2004.
- Rubinson*, 2005 – *Rubinson K. S.* Second millennium B. C. painted potteries and problems of terminologies // *AMIT*. 2005. Bd 37.
- Rubinson*, 2009 – *Rubinson K. S.* Revisiting the Silver Vessels from Trialeti // *Georgian Art in the Context of European and Asian cultures: 1st international Symposium of Georgian Culture* (June 21–29, 2008, Georgia: Georgian Arts and Culture Center). Tbilisi, 2009.
- Sandars*, 1961 – *Sandars N.* The First Aegean Swords and their Aenctry // *Archaeological Institute of America*. 1961. Vol. 65. N 1.
- Shanshashvili et al.*, 2012 – *Shanshashvili N., Narimanishvili Goderdzi, Narimanishvili George.* [Электронный ресурс]: Trade and Trade Roads between South Caucasus and Near East in 3rd – 2nd Millenni-ums B. C. Режим доступа: <https://archaeologod.files.wordpress.com/2012/02/>. – Загл. с экрана.
- Sherazadishvili*, 2011 – *Sherazadishvili Z.* [Электронный ресурс]: The Questions of Chronology, Stages of Development and Typology of the Trialeti Culture Axes // *Spekali*. N 4. Tbilisi: of the Faculty of Humanities at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, 2011. Режим доступа: <http://www.spekali.tsu.ge/index.php/en/article/viewArticle/4/40/>. – Загл. с экрана.
- Smith et al.*, 2009 – *Smith A. T., Badalyan R. S., Avetisiyan P., Green A., Minc L.* The Archaeology and Geography of Ancient Transcaucasian Societies, vol. 1: The Foundations of Research and Regional Survey in the Tsaghkahovit Plain, Armenia // *The Oriental Institute Publications*. Chicago, 2009. Vol. 134.
- Tubb*, 1982 – *Tubb J. N.* A crescentic axehead from Amarna (Syria) and an examination of similar axeheads from the Near East // *Iraq*. 1982. Vol. 44, Pt. 1.
- Zischow*, 2006 – *Zischow A.* Die Hochebene von Calka (Trialeti) in der Bronzezeit. Eine Übersicht zum Forschungsstand // *AMIT*. Berlin, 2006 (2007). Bd 38.

М. Б. Рысин
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной
культуры РАН.
Отдел Центральной Азии и Кавказа

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКУЮ ЭПОХУ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД ИЛИ КОМПИЛЯЦИЯ?

Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. (Nomaden und Sesshafte, Band 6). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008. ISBN: 978-3-89500-532-9. 591 S.

Ключевые слова: древнетюркская эпоха, Средняя и Центральная Азия, материальная культура, древние тюрки, согдийцы, археологические памятники, Тюркские каганаты.

Keywords: ancient Turk period, Middle and Central Asia, material culture, ancient Turks, Sogdians, archaeological sites, Turkic Kaganates.

По древнетюркской эпохе Центральной и Средней Азии издано на сегодняшний день не так много монографических исследований. Как правило, все они опубликованы на русском языке, что объективно отражает приоритет в археологическом, а также в историческом изучении древнетюркской эпохи указанных регионов советскими и российскими учеными. Тем интереснее представляется книга Сёрена Штарка «Древнетюркская эпоха Средней и Центральной Азии. Археологические и исторические исследования» (Stark, 2008), опубликованная в 2008 г. в издательстве Людвиг Райхерт в Германии. Для русскоязычного читателя она осталась практически незамеченной из-за ее публикации на немецком языке и недоступности в российских библиотеках.

Монография представляет собой опубликованное диссертационное исследование автора и, как явствует из названия, посвящена древнетюркской эпохе большей части Евразийской степной зоны, а именно Средней и Центральной Азии. Поражает смелость автора, выбравшего для своего исследования исторический период, которому посвящено огромное количество работ предшественников и, в особенности, в таких широких географических рамках. Попробуем оценить тот вклад, который, возможно, вносит данная работа в наши представления об истории и археологии древнетюркского периода указанных регионов.

История изучения тюркских древностей Южной Сибири и Центральной Азии насчитывает более полутора столетий. Как уже упоминалось, приоритет археологического изучения

тюркских древностей на территории Южной Сибири и Средней Азии в XX столетии, несомненно, принадлежит советским и российским ученым. Археологические раскопки, проведенные ими, позволили накопить большой фактический материал по древнетюркской эпохе. Им же принадлежит и опыт осмысления этого археологического материала и привлечения для его интерпретации исторических, лингвистических, этнографических и других данных. Материальной культуре древних тюрков, вопросам интерпретации и хронологии археологических объектов и артефактов посвящено несколько русскоязычных монографических работ, а также отдельные очерки и главы в публикациях таких исследователей как: А. А. Гаврилова, С. В. Киселев, Д. Г. Савинов, В. А. Могильников, Б. Б. Овчинникова, Ю. С. Худяков, Г. В. Кубарев и многие другие. Следует отметить книги и сводные работы по отдельным видам памятников: древнетюркским изваяниям (А. Д. Грач, Я. А. Шер, В. Д. Кубарев и др.), специфическим отраслям производства – черной металлургии (Н. М. Зиняков), военному делу древних тюрков (М. В. Горелик, В. В. Горбунов и др.). Количество статей по тюркологической тематике, прежде всего в русскоязычной литературе, не поддается точному подсчету и они поистине труднообозримы.¹ Они затрагивают как общие проблемы древнетюркской истории и археологии, так и

¹ В рамках небольшой по объему рецензии невозможно привести исчерпывающую библиографию по древнетюркской археологии Центральной и Средней Азии.

эволюцию, типологию отдельных категорий вещей, военное дело древних тюрков и т. д.

В последние 15–20 лет наряду с российскими учеными активные археологические работы по изучению древнетюркских памятников проводят киргизские и казахские археологи на территории своих республик (К. Ш. Табалдиев, А. М. Досымбаева и др.). Важные археологические открытия были сделаны на территории Монголии: исследование поминального комплекса Бильгэ-кагана и древнетюркских мавзолеев Майхан уул и Шороон Дов.

Из этого краткого обзора становится очевидным тот факт, что древнетюркская история и археология Центральной и Средней Азии имеет длительную историю изучения и в русскоязычной литературе освещена достаточно подробно. Необходимо также отметить, что подавляющее большинство литературы по древнетюркской археологии опубликовано на русском языке, что затрудняет знакомство с ней западных специалистов. Кроме того, далеко не все из этих публикаций представлены в ведущих библиотеках Европы и США.

Основной целью своего исследования С. Штарк считает изучение аспектов культурной истории древнетюркских кочевников Средней и Центральной Азии на основе археологических, литературных и эпиграфических источников (Stark, 2008. S. 4). По его мнению, исчерпывающего исследования по данному вопросу в литературе, посвященной древним тюркам, до сих пор не существовало. Именно этот тезис, обосновывающий необходимость написания обобщающего труда, в свете приведенного краткого историографического обзора вызывает по меньшей мере недоумение. При этом основной упор в своем исследовании С. Штарк предполагает сделать на характеристике материальной культуры древних тюрков (Ibid. S. 5).

Автор выделяет пять аспектов культурной истории древнетюркских кочевников Средней и Центральной Азии, которые соответствуют отдельным главам его монографии. Попробуем разобраться, насколько оригинален и самостоятелен автор в постановке подобных вопросов и в ответах на них. Правомерна ли вообще формулировка некоторых из них? Для этого перейдем к структуре книги С. Штарка и собственно ее содержанию. Кроме вступительного раздела и заключения книга включает четыре основные части. Остальную часть

книги занимает объемный список литературы, карт и приложений.

До прочтения текста книги бросается в глаза большая разнородность и разноразмерность составляющих ее частей. Складывается впечатление, что отдельные части исследования не очень связаны между собой. По-видимому, это понимал и сам автор, который пишет о своем обращении лишь к отдельным аспектам в рамках данной темы (Ibid. S. 5). Если 3-ю и 4-ю части еще можно объединить в рамках одной темы «Тюрко-согдийское взаимодействие и взаимоотношения», то часть 2 «Основы археологии древнетюркской эпохи» выглядит абсолютно инородной, хотя именно она занимает практически половину всего текста книги (не считая списка литературы, приложений и т. п.). Это тем более становится очевидным, учитывая тот факт, что археологических памятников тюркского круга на территории Согда практически неизвестно.

Приводя данные о физико-географических особенностях Центрально- и среднеазиатского регионов во вступительном разделе, С. Штарк приходит к совершенно справедливому выводу о том, что они очень различны (Ibid. S. 9). На физико-географических и экологических особенностях этих регионов основываются способы жизни и ведения хозяйства как древнего, так и современного населения. Если на территории Центральной Азии кочевниками использовалась модель отгонного скотоводства с системой летних и зимних пастбищ, то для Средней Азии с ее пустынями и полупустынями скотоводство не играло такой роли. С древности здесь сложилась культура с оседло-земледельческим характером, тяготеющая к оазисам и долинам рек. Однако это несколько не смущает С. Штарка, и он пытается объединить эти два столь различных в культурно-историческом и физико-географическом отношении региона в своем исследовании.

Использование С. Штарком географического и исторического термина Мавераннахр в отношении Согда (Ibid. S. 8) представляется нам неправомерным и вводящим в заблуждение, так как это арабское слово ассоциируется прежде всего с арабским завоеванием Средней Азии, а значит, с историческим периодом не ранее середины VII в. В то время как автор обращается к историческому периоду середины VI–середины VIII вв.

По мнению С. Штарка, древнетюркская эпоха включает в себя временной отрезок с середины VI в. по середину VIII в., т. е. период существования Тюркских каганатов (Ibid. S. 14–15). Пытаясь обосновать эту точку зрения, он приводит несколько довольно сомнительных доводов. Автор забывает, что понятие «древнетюркская эпоха» было предложено советскими и российскими учеными для второй половины I тысячелетия н. э. и отражало прежде всего не политическую историю Тюркских каганатов, а интерпретацию археологических материалов и тех историко-культурных процессов, которые происходили на территории Центральной Азии в этот исторический период. Создание Тюркских каганатов дало настолько мощный импульс, который проявлялся до конца I тыс. Близкие по материальной культуре, образу жизни, родственные по языку и письменности уйгуры и кыргызы создавали свои государственные образования в Центральной Азии по образу и подобию древнетюркских. Формально противопоставляя себя последним, они фактически продолжали древнетюркскую традицию. Это проявлялось в сохранении древнетюркского предметного комплекса, многих черт погребальной и поминальной обрядности, сохранении рунической письменности и формы древнетюркской государственности. Кроме того, древние тюрки продолжали жить на территории Алтая, Тувы и Монголии даже после потери собственной государственности. На территории Монголии и Тувы они были инкорпорированы в состав государственных образований уйгуров и кыргызов. Со слов же С. Штарка можно предположить, что они бесследно исчезли сразу после разгрома Второго Тюркского каганата (Ibid. S. 17). Территория Российского Алтая вообще не входила в состав Уйгурского каганата, а подчинение кыргызам было номинальным и скорее носило союзнический характер. Даже после разгрома Второго Тюркского каганата (687–742 гг.) в VIII–X вв. тюрки Алтая сохраняли значение реальной военной и политической силы. На этот период приходится расцвет материальной культуры древних тюрков на Алтае и относится большое количество исследованных древнетюркских погребений, которые оставлены многочисленным и независимым населением. Наконец, последнее упоминание в китайских хрониках о тюркском посольстве относится к 941 г. (*Liu Mau-tsai*, 1958. S. 391). Поэтому ограничение С. Штарком

древнетюркской эпохи двумя столетиями (середина VI–середина VIII вв.) выглядит искусственным и противоречащим многочисленным археологическим данным и ходу историко-культурного развития Центральноазиатского региона. И речь здесь не может идти только о сохранении отдельных культурных элементов древних тюрков на Алтае в VIII–X вв., как об этом пишет С. Штарк (*Stark*, 2008. S. 17). С. Штарк противоречит самому себе, ограничивая древнетюркский период серединой VI–середина VIII вв., все же используя в своей работе материалы из археологических памятников VIII–IX вв. и ссылаясь подробнейшим образом на арабские источники IX–X вв. и даже XI–XII вв. (Ibid. S. 18, 37–41).

Трактовать политическую историю по данным письменных источников в своем русле имеет право любой исследователь. Конечно, С. Штарк может не соглашаться с принятым в советской и российской исторической науке делением на Первый и Второй Тюркский каганаты, однако де-факто это именно так. После почти 50-летнего «плена» тюркского народа в Китае, образования Тюркешского каганата на части территории Первого Западнотюркского каганата о сохранении какого единого государства на протяжении 552–742 гг. может идти речь? Находящиеся в «почетном» плену и на поселении в Танском Китае, получившие высшие китайские чины, тюркские каганы вряд ли себя ощущали правителями независимого государства. Второй Тюркский каганат был возрожден в значительно более скромных границах в сравнении с Первым Тюркским каганатом – на территории Монголии, Алтая и Тувы. Вместе с тем вполне объяснимо, что каганы Второго Тюркского каганата в своих эпитафиях вели свою родословную от первых тюркских каганов, акцентируя мысль на возрождении Тюркского государства.

Среди одной из основных проблем в исследовании древнетюркского периода С. Штарк называет дальнейшую профессиональную «диверсификацию» тюркологических научных дисциплин (Ibid. S. 20). Однако, на наш взгляд, подобная научная специализация в области тюркологической лингвистики и археологии вполне естественна и объяснима, учитывая те специфические знания и то количество материала, которым нужно владеть сегодня. Время энциклопедистов и начального накопления знаний в тех или иных областях тюркологии, как это было

в середине–конце XIX века, давно прошло. Сегодня даже в рамках тюркской археологии крайне сложно следить за все увеличивающимся количеством публикуемой научной литературы. И это в пределах только какого-либо одного региона. Что же говорить про весь степной пояс Евразии или его большую часть? Вполне естественно, что в рамках тюркской археологии отсутствует исчерпывающая библиография, которую можно было взять и использовать в уже готовом виде, на что так сетует С. Штарк (Ibid. S. 21). Мне не очень понятен термин, которым так часто пользуется С. Штарк в тексте и которым обозначен список литературы в его книге. Что означает «второстепенная археологическая литература» (Sekundärliteratur)? Что же тогда, по мнению С. Штарка, является главной или основной литературой?

Часть 1 «Пастушеское скотоводство VI–VIII вв. в Средней и Центральной Азии согласно письменным источникам» (Teil Eins – «Pastoralnomadismus des 6. bis 8. Jahrhunderts in Mittel- und Zentralasien anhand der Textquellen»). Поиск в письменных источниках сведений о способе ведения хозяйства и жизни кочевников VI–VIII вв. Центральной и Средней Азии, как это пытается делать С. Штарк (Ibid. S. 25–53) вызывает по меньшей мере удивление, как и само существование этой небольшой по объему главы. Прежде всего потому, что хозяйственно-культурный тип в горных долинах Центральной Азии сложился еще в эпоху бронзы и сохранился практически без изменений до наших дней. Речь идет о хозяйственном освоении территории и сложении системы скотоводства, при котором попеременно используются летние и зимние пастбища. Это наиболее рациональная, эффективная и практически единственно возможная система хозяйственного использования этих территорий в подобных географо-климатических условиях. Одним из доказательств этого является то, что наиболее удобные места в горно-степных пространствах были освоены еще в эпоху бронзы: зимники и стоянки современного населения, как правило, сопровождаются остатками древних загонов из камней и петроглифами на скалах, датируемыми с эпохи бронзы и вплоть до этнографического времени. Надо думать, что практически каждая современная стоянка или зимник содержит культурный слой нескольких исторических эпох. Если бы С. Штарк был лучше знаком с многочисленными этнографическими сви-

детельствами жизни кочевников в этом регионе, со способами ведения хозяйства современным населением, с археологическими памятниками более ранних периодов, то необходимости в поиске свидетельств о типе хозяйства древних тюрков VI–VIII вв. не возникло бы. Ответ на этот вопрос вполне очевиден и без свидетельств письменных источников. Тем более что китайские и собственно древнетюркские источники крайне скупы в этом вопросе и сообщают лишь о проживании древних тюрков в юртах и занятии скотоводством, зачастую используя литературные штампы.

Также вполне очевидными как для древнетюркской эпохи, так и более позднего времени являются отличия в способе ведения хозяйствования на территории современной Монголии и Алтая в сравнении с Тянь-Шанем и междуречьем Амударьи и Сырдарьи. В западных регионах наряду со скотоводством все большую роль играло земледелие. И это тоже определяется географо-климатическими условиями.

Часть 2 «Основы археологии древнетюркской эпохи» (Teil Zwei – «Grundzüge der Archäologie der Alttürkenzeit»). С. Штарк не пытается подробно излагать политическую историю Тюркских каганатов на территории Центральной и Средней Азии, справедливо полагая, что на сегодняшний день существует большое количество обобщающих работ предшественников по этому вопросу и что нет необходимости в повторном изложении того же самого (Ibid. S. 16). В то же время автор ставит себе задачу выделение наиболее характерных признаков древнетюркского предметного комплекса и его региональных особенностей (Ibid. S. 6). Неужели он действительно считает, что до него это никто не делал?

Здесь автор сознательно искажает картину. Работая с русскоязычной литературой, он не может не знать о том, что существует огромное количество опубликованных работ по данной теме за несколько десятилетий археологических исследований. На наш взгляд, это попытка выдать результаты этих исследований за свои, пользуясь незнанием русскоязычной литературы большинством европейских читателей. Как уже упоминалось, в русскоязычной научной литературе материальная культура древних тюрков, вопросы хронологии, культурно-исторического развития при использовании письменных источников и этнографических данных достаточно

подробно рассматривались в нескольких монографиях, а также в десятках статей. Хотя эти исследования были посвящены отдельным регионам Центральной Азии и Южной Сибири, в них тем не менее практически всегда предпринималась корреляция с древнетюркскими памятниками сопредельных территорий. Их принципиальным отличием от монографии С. Штарка является то, что они в значительной степени оригинальны – как правило, они вводили в научный оборот неизвестные ранее памятники, зачастую раскопанные самими авторами публикации.

Вводная часть этого раздела книги посвящена попытке ответа на вопрос: как можно обосновать принадлежность археологических артефактов к кочевническому кругу и что в археологическом материале может быть «древнетюркского»? При ответе на эти вопросы С. Штарк опирается на мнения других исследователей, высказанные в ходе неоднократных дискуссий (Ibid. S. 53–55, 57–63). В конечном счете он приходит ко вполне ожидаемым выводам, которые были высказаны до него и которые разделяет, пожалуй, подавляющее большинство как российских, так и зарубежных специалистов. Каганат древних тюрков, как и более ранние и более поздние центральноазитаские империи, – это конгломерат близких по языку, культуре и образу жизни племен. Элита древнетюркского каганата задавала тон в распространении наиболее характерных и престижных элементов материальной культуры.

Характеризуя основные археологические памятники древнетюркского периода, С. Штарк неожиданно и нелогично делит погребальные памятники на три группы или элементы: 1. низкие курганы с погребениями с ямой или ямой с подбоем; 2. труположение с одной или несколькими лошадьми; 3. каменные оградки в непосредственной близости от погребений, от которых часто отходит ряд балбалов и установлено одна или несколько стел (Ibid. S. 55). Описание предельно странное, учитывая то, что реально под ним должно подразумеваться два вида памятников: 1. погребальные объекты, которые не должны делиться на надгробное сооружение и собственно погребение; 2. поминальные сооружения в виде квадратной оградки, часто с балбалами и изваянием. Здесь и далее С. Штарк повторяет одну и ту же ошибку. Древнетюркские оградки практически никогда не распола-

гаются близко к древнетюркским курганам, и связь между ними установить крайне сложно.

Именно с обзора древнетюркских памятников в монографии С. Штарка начинают встречаться переписанные и иногда сокращенные фрагменты текста из моей русскоязычной книги (Кубарев Г., 2005). Список литературы в книге С. Штарка впечатляет, однако я думаю, что значительная часть из этих ссылок представляет собой так называемые «мертвые» ссылки. Другими словами, С. Штарк многих работ не видел в глаза, а цитирует их по работам предшественников и переписывает оттуда. Приведем несколько примеров. В месте, где С. Штарк ссылается на мои рассуждения относительно небольшого числа древнетюркских погребений на Алтае и на возможное объяснение этого факта социальной стратификацией древнетюркского общества (Stark, 2008. S. 56), он тут же цитирует Н. Ф. Катанова. И странное совпадение – эта цитата один в один повторяет цитату в моей книге, которую я привел в обоснование социальной стратификации на этой же странице и опубликованной ранее (Кубарев Г., 2005. С. 25). Еще один пример: С. Штарк дословно переводит мои пассажи с русского на немецкий язык относительно поселений и памятников металлургии на Алтае, а ссылки на П. И. Шульгу и Н. М. Зинякова являются «мертвыми». С большой долей вероятности можно говорить о том, что ни работ Н. Ф. Катанова, ни работ П. И. Шульги и Н. М. Зинякова, С. Штарк не читал. Поэтому когда речь заходит о сводке памятников древнетюркского периода Алтая, Тувы, Тянь-Шаня и Монголии (Stark, 2008. S. 63–66), то у нас нет уверенности в том, что значительная часть ссылок на публикации просто не переписана из других работ.

С. Штарк, приводя древнетюркские памятники такого огромного региона как Центральная и Средняя Азия, не стал вдаваться в конкретику – названия памятников, номера курганов и т. п., и, как и ссылки на литературу, вынес их в несколько примечаний (Ibid.). Список конкретных древнетюркских памятников с территории Саяно-Алтая, Монголии, Казахстана и Киргизии у С. Штарка отсутствует. Считаю, что приводить данные о памятниках в виде огромных сносок недопустимо, и это сделано именно потому, что автор был не уверен в полноте этих данных. Несомненно, что часть памятников сюда просто не попала, потому что сделать качественно по-

добную сводку для такой огромной территории очень сложно. Некоторая часть памятников VIII–X вв., которая попала в сводку, не относится к древнетюркской эпохе по версии С. Штарка. Поэтому в его сводке нет ни полноты, ни конкретики, ни последовательности.

Это тем более бросается в глаза, учитывая то, с какой подробностью (даже с приведением географических координат) он в дальнейшем приводит описание поминальных памятников, датированных по руническим текстам (Ibid. S. 71–79), а также единичных погребений с конем с территории Средней Азии (Ibid. S. 265–270). Автор не пытается самостоятельно подсчитать количество различных древнетюркских памятников, а лишь ссылается на данные тех или иных советских и российских ученых (Ibid. S. 65–66). С. Штарк очень часто приводит большие, широко известные и неоднократно приводимые другими исследователями цитаты из письменных источников и пространно цитирует других исследователей (Ibid. S. 100, 109–110, 139–140, 192–193, 264 и др.).

Очередным разделом этой главы является раздел «Датированные погребения», в котором автор перечисляет погребения с монетными находками, зеркалами и памятники, датированные руническими надписями. Причем к ним причислены погребения, датируемые поздне-тюркским временем, а также погребения из Верхнего Приобья, Хакасии и Кузнецкой котловины. Последние вообще не относятся к древним тюркам. Однако сам факт нахождения в погребении монеты или импортного зеркала не позволяет называть такие погребения датированными. Эти находки дают нам лишь нижнюю границу совершения погребения, и то весьма условную. Значительно больше возможностей для датирования древнетюркских погребений предоставляют находки китайского шелка.

В заключение этого раздела С. Штарк приходит к своему парадоксальному выводу и терминологии о том, что ранний древнетюркский период относится к первой половине VI–первой половине VII в., а поздний – к VII в. (Ibid. S. 95). Время VIII–X вв., по мнению автора, является «послетюркским» периодом. Подобные умозаключения автора вносят терминологическую путаницу, не выдерживают никакой критики и говорят о его слабом знакомстве с тюркским археологическим материалом даже с территории Алтая.

Дальнейший раздел этой главы под названием «Основы археологической материальной культуры» сложно назвать самостоятельным исследованием автора (Ibid. S. 95–188). Практически весь текст в сокращенном виде переведен из моей русскоязычной книги (Кубарев Г., 2005). И даже наличие ссылок на мою монографию вряд ли позволяет приводить и переводить текст в таком объеме. Как можно назвать «жанр» такого «исследования»?

Приведем лишь несколько примеров подобного «тезисного» перевода С. Штарком моего текста (Stark, 2008. S. 95–97, 99 – Кубарев Г., 2005. С. 12–19; Stark, 2008. S. 103–104 – Кубарев Г., 2005. С. 16–21; Stark, 2008. S. 106–107 – Кубарев Г., 2005. С. 67, 69–70). Причем нет никакого сомнения в том, что С. Штарк «разбавляет» ссылки на мою книгу ссылками на других авторов, которых находит здесь же в моем тексте. Тем самым увеличивая список своих «мертвых» ссылок и придавая своему исследованию «объективность» и «эрудированность» в плане знакомства с литературой.

В очередном большом разделе «Мемориальные комплексы» С. Штарк очень подробно, хотя и далеко не исчерпывающе, воспроизводит результаты исследования поминальных древнетюркских сооружений и изваяний на территории Центральной Азии русскоязычными учеными (Stark, 2008. S. 111–141). Им приведено подробное описание типологий древнетюркских поминальных сооружений, предложенных некоторыми учеными (В. Д. Кубарев, Ю. С. Худяков, В. Е. Войтов). Однако вместе с тем он приходит к парадоксальному выводу, что все поминальные памятники древних тюрков могут быть разделены на две группы: 1 – квадратные или прямоугольные оградки, с изваянием, с листовидным стволом в центре, 2 – огромные сооружения с валом и рвом и целым комплексом сооружений внутри (Ibid. S. 113–114). Таким образом, человек, имеющий весьма смутное представление об этих памятниках и никогда их лично не исследовавший, предельно упрощает картину и сводит ее до существования двух групп памятников. Причем эти группы имеют исключительно социальные различия, а не стадийные или хронологические, как в случае с другими типами оградок. Более того, С. Штарк не подозревает, что количество погребальных оградок не только не соответствует количеству курганов, но превышает их в десятки раз на всей

территории Центральной Азии. В целом же этот раздел не имеет никакой научной новизны, а лишь повторяет давно известные науке результаты исследований по изучению поминальных сооружений древних тюрков.

Относительно древнетюркских изваяний С. Штарк констатирует, что обобщающие работы по этим памятникам уже написаны по отдельным регионам, а вот картины, подводящей итоги, до сих пор нет (Ibid. S. 128). Очевидно, автор этой монографии претендовал на создание именно такой картины. Однако тот текст, который следует за этим заявлением, представляет собой вполне банальное и не очень систематичное описание изваяний, которое не отличается большой степенью новизны. Он пересказывает точки зрения преимущественно русскоязычных авторов о назначении древнетюркских изваяний, интерпретации изваяний человека с сосудом в обеих руках, их классификаций по отдельным регионам теми или иными исследователями (Я. А. Шер, В. Д. Кубарев) (Ibid. S. 133–135). Не является оригинальным и сравнение аллей скульптур, стелы с надписью и драконовым навершием в поминальных памятниках древнетюркской знати в Монголии с китайской погребальной обрядностью высшей знати, как и наиболее вероятное изготовление самих скульптур китайскими мастерами (Ibid. S. 136–137). Тот факт, что автор пытается писать обо всем корпусе древнетюркских изваяний и сам же отмечает вслед за предшественниками сложность в датировке скульптур, в очередной раз делает уязвимым выбранные им рамки исследования – середина VI–середина VIII вв. Ведь нет никаких сомнений, что достаточно большая часть древнетюркских скульптур датируется VIII–IX вв., а возможно, и X в., т. е. «послетюркским» временем по терминологии С. Штарка.

Идея С. Штарка о тайных местах захоронений тюркских каганов является далеко не новой (Ibid. S. 139–140). Он позаимствовал ее не у В. В. Радлова, на работу которого ссылается (Ibid. S. 139), а у другого известного востоковеда – В. В. Бартольда (Бартольд, 1966). Одним из первых идею о куруках – заповедных местах, в которых тайно хоронили монгольских ханов, и о том, что подобный обычай существовал и раньше у тюркоязычных народов, высказал В. В. Бартольд в своей статье «К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов» (Там же). Сложно предположить, что С. Штарк не

знаком с этой статьей, потому что другие работы из собрания сочинений В. В. Бартольда он использует в своей монографии. И странное совпадение: С. Штарк не только так же как В. В. Бартольд цитирует ту же работу В. В. Радлова (Stark, 2008. S. 139 – Бартольд, 1966. С. 388), но и приводит одни и те же цитаты Рашид ад-дина, что и маститый ученый (Stark, 2008. S. 139 – Бартольд, 1966. С. 383; Stark, 2008. S. 140 – Бартольд, 1966. С. 387). Несомненно, С. Штарк знает статью В. В. Бартольда, но не включает ее в список работ. Однако это не мешает ему воспользоваться идеей известного востоковеда и по его работе цитировать источники напрямую. Анализ термина *курук*, который широко использовался в культуре тюрко-монгольских кочевников, уделяли внимание и другие видные специалисты-востоковеды (Б. Я. Владимирцов, М. Е. Массон, С. Г. Кляшторный, С. В. Дмитриев и др.). Будь С. Штарк знаком с исчерпывающими работами своих предшественников по вопросу существования *куруков* у тюрко-монгольских кочевников Центральной и Средней Азии, это избавило бы его от необходимости еще раз подробно цитировать письменные источники (Stark, 2008. S. 139–140).

В следующем разделе, посвященном наскальным рисункам древнетюркского периода, С. Штарк без каких-либо ссылок на авторов приводит список петроглифических памятников географического Алтая и Тянь-Шаня, на которых имеются раннесредневековые граффити (Ibid. S. 141). Однако, не будучи знакомым с этими памятниками лично, С. Штарк допускает грубые ошибки. Местонахождение Каракол – это и есть пункт петроглифов Бичикту-Бом. Кроме того, претендуя на полноту обзора, можно было бы привести целый ряд других петроглифических памятников. Однако об их существовании С. Штарк, видимо, не знает. В числе памятников, которые С. Штарк не упомянул, могут быть перечислены следующие местонахождения на Алтае: Туэкта, Усть-Кан, Карбан, Кургак, Адыр-Кан, Устю-Айры, Богуты и др.; в Семиречье и Восточном Казахстане: Баянжурек, Тамгалы, Ойжайлау, Кулжабасы, Бозанбай, Каракыр, Саунскандык и др. Причем большая часть из них является опубликованной.

Подобно и другим разделам своей книги, С. Штарк здесь лишь констатирует широко известные положения и идеи, которые высказаны его предшественниками: о трудностях узкого

датирования петроглифов, о наиболее распространенных образах и сценах, о возможной связи граффити с руническими надписями и т. д. (Ibid. S. 141–143). Более того, как в случае и со многими другими археологическими памятниками, он был не вправе включать указанные местонахождения петроглифов в свою работу. Ведь он не разделяет мнения о древнетюркском периоде как второй половине I тысячелетия, а датировать в пределах двух столетий – середина VI–середина VIII вв. не может. Очень часто в отношении подобных граффити российские исследователи используют термин «раннесредневековые», подразумевая всю вторую половину I тыс.

Идея о господстве в изобразительном искусстве древнетюркской эпохи образа сражающегося или охотящегося всадника–батыра, в отличие от звериных образов скифской эпохи, также высказана задолго до С. Штарка. Одним из первых эту идею на примере охотничьих или батальных композиций на предметах декоративно-прикладного искусства озвучил еще М. П. Грязнов (Грязнов, 1961. С. 29). О том, что многие военные и охотничьи сцены в древнетюркских граффити передают в форме изобразительных цитат отдельные сцены зародившегося на Алтае тюрко-монгольского героического эпоса, в котором главными персонажами были батыр – воин-охотник и его конь, уже писал В. Д. Кубарев (Кубарев, 2001. С. 105; Kubarev, 2006).

При дальнейшем описании и характеристике категорий материальной культуры, а именно конского снаряжения, костюма древних тюрков, С. Штарк продолжает близко к тексту, но в сокращенном варианте переводить текст из моей русскоязычной книги. Что же касается утверждения автора о том, что седло «тюркского» типа с лопастью было заимствовано древними тюрками из Китая в VI в. (Stark, 2008. S. 149), то могу указать на его слабое знакомство с археологическими материалами с территории Алтая. Подобный тип седел при отсутствии стремян обнаружен в погребениях предшествующей тюркам булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2003. Рис. 2, 4–7, с. 493), а значит, их появление на Алтае может быть отнесено к IV–V вв. Ссылка С. Штарка на китайские письменные источники о заимствовании тюрками седел в Китае выглядит абсурдной, так как речь в них идет о подарке тюркскому кагану седла в виде дипломатического дара в начале VIII в. (Stark, 2008. S. 149–150).

Раздел, посвященный вооружению, также не отличается оригинальностью. С. Штарк, заметно упрощая типологию предметов вооружения, предложенную советскими и российскими археологами, в тезисном виде констатирует и излагает их точку зрения по отдельным видам оружия. По-прежнему многое воспроизводится из трудов его предшественников.

По мнению С. Штарка, находки наиболее ранних образцов однолезвийных мечей (палашей) происходят не из археологических памятников древних тюрков, а из северного Китая и раннеаварских погребений VI–VII вв. (Ibid. S. 153). При этом важной характеристикой этих мечей для автора является манера их подвешивания на двух ремнях. Действительно в древнетюркских погребениях клинковое оружие встречается крайне редко из-за его ценности. Однако необходимо указать на то, что в памятниках предтюркского времени (IV–V вв.) на Алтае обнаружено большое количество однолезвийных мечей с кольцевым навершием (Бобров и др., 2003. Рис. 11, 1; 15, 1; 34, 1, 2). А именно это население Алтая впоследствии и участвовало в этногенезе древних тюрков.

В разделе, посвященном костюму древних тюрков, С. Штарк также не очень оригинален – описывает археологические находки наборных поясов и, в той или иной степени, повторяет выводы российских ученых (Stark, 2008. S. 170–183). Здесь он кратко описывает дискуссионные вопросы происхождения и распространения украшений поясной гарнитуры в геральдическом стиле и поясов катандинского типа. Однако вряд ли этот раздел можно действительно рассматривать как дискуссию: автор делает выводы мимоходом, на нескольких страницах, без приведения соответствующей аргументации и в рамках устоявшихся в Восточной и Центральной Европе *topoi* относительно происхождения «геральдики».

В разделе «Проблема ремесел в древнетюркскую эпоху» мы находим довольно умозрительные, теоретические размышления автора о том, что элементы одежды, посуда, оформление оружия высшей знати древних тюрков заметно отличались от подобного же материального комплекса рядовых членов общества (Ibid. S. 188–191). По мнению автора, предметы роскоши могли попадать к древнетюркской знати в виде дани или военной добычи, либо быть сделанными на заказ мастерами, прежде всего земледель-

ческо-оседлых стран. Таким же умозрачительным является и предположение о присутствии согдийских мастеров-торевтов в степях Центрально-Азиатского региона и, в частности, в ставке тюркского кагана (Ibid. S. 202).

По мнению С. Штарка, миниатюрные вещи из клада в поминальном комплексе Бильгэ-кагана в Монголии специально изготовлены вотивными для хранения в составе клада (Ibid. S. 203). Этот пример лишний раз демонстрирует весьма поверхностное знание С. Штарком древнетюркских археологических памятников Южной Сибири и Центральной Азии. Дело в том, что, в отличие от погребений, именно для поминальных сооружений древние тюрки часто специально изготавливали миниатюрные и нефункциональные вещи. Очевидно, это было связано с их представлениями относительно поминальных оградок в качестве моделей жилищ и использования подобных уменьшенных копий предметов в потусторонней жизни. Примеры подобных миниатюрных артефактов, найденных в поминальных древнетюркских оградках, широко известны на Алтае.

Часть 3 «Тюрки в Мавераннахре в VI–VIII вв.» (Teil Drei – «Türken in Mawarannahr von 6 bis 8 Jahrhundert»). Части 3 и 4 книги С. Штарка посвящены вопросам тюрко-согдийского симбиоза и взаимоотношениям, проживанию древних тюрков на территории Согда, а согдийцев в городах-колониях либо при ставке тюркских каганов. Необходимо отметить, что автор является далеко не первым, кто обращался к этим вопросам. Истории и археологии Согда, а также взаимоотношениям согдийцев и тюрков посвящено очень большое количество публикаций. Не имея возможности привести в своей рецензии исчерпывающей библиографии, обратим внимание лишь на некоторые, наиболее важные работы.² О роли согдийцев в качестве дипломатов на службе тюрков и купцов на Великом шелковом пути писал еще Л. Н. Гумилев (*Гумилев*, 1967. С. 43–44). Истории Средней Азии древнетюркского периода посвящена книга С. Г. Кляшторного, в которой он среди прочего высказал предположение о близости древнетюркской руники к старому согдийскому письму и о возможном приспособлении старого согдийского алфавита к тюркскому языку (*Кляшторный*, 1964. С. 49). Вопросам

взаимоотношений древних тюрков и согдийцев в его книге посвящена отдельная глава «Согдийцы и тюрки» (Там же. С. 78–136). О роли тюрко-согдийского симбиоза, согдийской колонизации, истории Согда написано много статей, отдельных разделов и глав в монографиях, посвящены диссертационные исследования (*Бернштам*, 1940; *Pulleyblank*, 1952; *Бартольд*, 1963; *Смирнова*, 1970; *Атаходжаев*, 2011 и др.). Так, еще В. В. Бартольд на рубеже XIX и XX вв. сформулировал гипотезу о согдийской колонизации Семиречья (*Бартольд*, 1963. С. 31–34).

В 3-й части книги С. Штарк предпринимает подробный обзор отдельных городов-государств на территории Согда, основываясь прежде всего на данных китайских и арабских письменных источников (*Stark*, 2008. S. 210–228). Этот раздел книги С. Штарка также сложно считать оригинальным и самостоятельным. В той или иной степени вопросы географического расположения и политической истории княжеств и городов-государств Тохаристана и Согда рассматривались многими исследователями (*Бартольд*, 1963; *Боровкова*, 1989; *Камалиддинов*, 1996 и др.). Причем это делалось более подробно, систематично и с привлечением многочисленных археологических данных (*Литвинский*, *Соловьев*, 1985). Однако особенно следует указать на фундаментальную книгу Ш. Камалиддинова «Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX–начала XIII вв.», в которой уже предпринимался подробный анализ письменных источников относительно княжеств и городов-государств Тохаристана и Согда (*Камалиддинов*, 1996).

Относительно заимствований согдийцами элементов костюма, конского снаряжения, вооружения у древних тюрков С. Штарк также не является оригинальным (*Stark*, 2008. S. 260–264). Эти факты неоднократно отмечались многими исследователями (Б. И. Маршак, В. И. Распопова, В. Д. Кубарев, Г. В. Кубарев и др.).

Один из разделов 3-й части книги С. Штарка посвящен обзору древнетюркских погребений с конем на территории Согда (*Stark*, 2008. S. 265–270). Как мы уже обращали внимание выше, автор приводит описание этих погребений излишне подробно, переводя их целиком из русскоязычных публикаций. Объясняется это тем, что количество их очень ограничено. Такими же единичными на территории Средней Азии являются каменные изваяния и петрогли-

² Исчерпывающую библиографию по этому вопросу см., например, у А. М. Атаходжаева (*Атаходжаев*, 2011).

фы (Ibid. S. 279–282). Впрочем, точная датировка и принадлежность древним тюркам последних памятников не совсем очевидна. Они вполне могут относиться, по терминологии С. Штарка, к «послетюркскому» времени, т. е. к концу I тыс.

Попытка объяснения С. Штарком малого числа археологических памятников на территории Согда, которые можно было бы приписать древним тюркам, выглядит неубедительной и необоснованной. Так, по мнению автора, причина этого кроется в представлениях древних тюрок о «сакральной топографии» и о стремлении похоронить умершего или убитого на чужбине человека на его родине и родовом кладбище (Ibid. S. 283–284). Эта гипотеза является красивой и поэтической, но вряд ли может быть подтверждена фактами.

Предложенная гипотеза ставит больше вопросов, чем дает ответов. Из приводимых С. Штарком цитат письменных источников можно предположить, что умерших на чужбине древних тюрок сжигали и их пепел доставляли на родину (Ibid. S. 284–285). При этом С. Штарка не смущает тот факт, что ни одного четко документированного древнетюркского трупосожжения до сих пор не найдено, что он и сам признает. Количество древнетюркских курганов на территории Алтая, да и сопредельных регионов, оставленных в течение шести столетий, в целом невелико, даже при предполагаемой невысокой плотности населения в высокогорных районах. И этот факт также вряд ли работает на гипотезу С. Штарка.

Так, может быть, незначительное количество древних тюрок, проживавших на территории Согда и, в особенности, в междуречье Амударьи и Сырдарьи, их быстрая аккумуляция и ассимиляция местным населением является более вероятным объяснением малочисленности здесь древнетюркских памятников, нежели транспортировка умерших за несколько сот километров на их историческую родину?

Часть 4 «Согдийцы в ставке тюрок» (Teil Vier – «Sogder an der Ordu der Türk»). Взаимодействие кочевой и оседло-земледельческой культур на территории Центральной Азии по археологическим материалам проследить крайне сложно. А именно такую цель, среди прочего, в 3-й и 4-й частях своей работы ставил перед собой С. Штарк. В археологии Южной Сибири и Центральной Азии второй половины I тыс. н. э. практически отсутствуют «следы» подобного

взаимодействия. Необходимо отметить, что немногочисленные предметы импорта в древнетюркских погребениях Южной Сибири и Центральной Азии имеют преимущественно китайское происхождение

Из приводимого в пример С. Штарком упоминания в письменных источниках золотых дел мастера и мастера по обработке железа, носивших, возможно, согдийские имена, в Гаочане, на территории Восточного Туркестана, вовсе не следует, что они работали на тюркского кагана (Stark, 2008. S. 289).

Предположение С. Штарка о том, что согдийские ремесленники работали в ставке тюркских каганов, остается лишь предположением (Ibid. S. 289). Какие украшения, оружие и изделия роскоши из древнетюркских памятников Центральной Азии и Южной Сибири можно считать продукцией согдийских ремесленников? Мне известен лишь один пример подобных изделий – однолезвийный клинок с согдийской надписью из древнетюркского погребения Джюлин I, курган 9 на Алтае (Кубарев Г., 2005. С. 100). Однако, где был изготовлен этот клинок – в одной из мастерских на территории Центральной Азии или на территории собственно Согда, остается лишь догадываться. Ссылки автора на письменные источники о работе мастеров и ремесленников со всей Азии и даже Европы в ставке монгольских ханов, а также пленных мастеров у джунгар в XVIII в. не могут серьезно рассматриваться в качестве доказательства выказанного предположения.

Тезис о многих тысячах согдийских земледельцев, которые якобы были переселены в степи Монголии в 698 г. и сыграли значительную роль в земледелии у восточных тюрок (Ibid. S. 290), вызывает по меньшей мере удивление. В китайских письменных источниках совершенно четко говорится о переселении нескольких тысяч древних тюрок, плененных и находившихся на территории Китая (Бичурин, 1950. С. 269).

Подводя итог анализу монографического исследования С. Штарка, можно констатировать следующее. Попытаться собрать материал по древнетюркской эпохе такого огромного региона, как Средняя и Центральная Азия, по опубликованным материалам своих предшественников еще не означает написать обобщающую и аналитическую работу. Работа С. Штарка преимущественно описательная и «переводческая», в которой он тезисно воспроизводит материал

и итоги исследований из русскоязычной литературы, при этом практически не привнося ничего принципиально нового. Да это и сложно сделать, учитывая тот огромный объем информации и количество публикаций предшественников по данной тематике, высокую степень изученности многих аспектов древнетюркской археологии и истории, необходимость приведения доказательств по конкретным исследовательским вопросам и проблемам. Его отдельные попытки дискуссии по тем или иным вопросам с русскоязычными исследователями выглядят неубедительными, так как отсутствует развернутая аргументация.

Совершенно очевидное слабое личное знакомство С. Штарка с древнетюркскими памятниками Центральной и Средней Азии, отсутствие опыта работы на них, использование «мертвых» ссылок на литературу из работ предшественников сказывается на выводах по той или иной проблематике и еще больше снижает значение этой работы. Автор использует разные способы для того, чтобы завуалировать авторство чужих идей и выдать их за свои. Это ознаменование с публикацией, невключение ее в список, но использование ее данных – например, прямое цитирование исторического источника, либо цитирование третьего автора, содержащееся в этой публикации. С. Штарк может включить работу предшественника в своей список литературы, но сослаться на второстепенную мысль в этой работе, а основную выдать за свою. Наконец, чтобы чья-нибудь фамилия в цитируемой литературе не повторялась слишком часто, он может ее произвольно опускать, а приводить фамилии других авторов, взятых из работы этого же часто встречаемого автора. При таком «цитировании» работ предшественников складывается полное впечатление авторства идей самого С. Штарка. Причем такие способы «цитирования» С. Штарк применил не только по отношению к моей монографии по древнетюркским погребальным памятникам Алтая (*Кубарев Г.*, 2005), но и к работам других авторов (*Бартольд*, 1966; *Камалиддинов*, 1996; *Кубарев*, 2001; *Кубарев*, 2006 и др.). Ну и конечно, расчет автора рассматриваемой монографии заключается в том, что оригинальные работы русскоязычных авторов, цитируемые им, вряд ли когда-либо будут прочитаны западной аудиторией.

Воспроизведение такого большого количества текста (пусть и в сокращенном виде), иллю-

страций и всех реконструкций из моей книги и публикаций других русскоязычных авторов говорит о несамостоятельном и компилятивном характере книги С. Штарка, приближающемся к плагиату. Даже наличие ссылок на авторов, по нашему глубокому убеждению, не позволяет в таком количестве использовать текстовой и иллюстративный материал других исследователей. По меньшей мере одна треть всего текста (примерно с. 95–195 части 2 «Основы археологии древнетюркской эпохи») так или иначе воспроизведена из моей книги. В иллюстративной части монографии С. Штарка количество его личных фотографий и прорисовок ничтожно, в подавляющем большинстве случаев отсканированы и воспроизведены рисунки и фотографии других исследователей. Они не нарисованы заново, а просто скопированы у различных авторов. Количество иллюстраций, в которых частично или полностью воспроизведены рисунки из моей монографии, впечатляет. С. Штарк посчитал возможным целиком воспроизвести все реконструкции из моей книги, а также реконструкции других исследователей. Целиком из чужих публикаций воспроизведены типологические таблицы (рис. 82, 83, 103), хотя целесообразность их приведения, исходя из самого текста книги, не совсем ясна.

Любопытно, что подписи у рисунков имеются, однако авторство этих рисунков и их источники вынесены в конце книги отдельным списком (*Stark*, 2008. S. 583–591). Конечно, это могло диктоваться невозможностью размещения иногда больших по объему текстов под рисунками, однако при вынесении этих сносок в отдельный текст у читателя складывается впечатление об оригинальности рисунков, использованных С. Штарком.

Вероятно, в каких-то других областях археологии Центральной и Средней Азии написать что-либо оригинальное и обобщающее, основываясь только на опубликованных материалах предшественников, возможно. Однако, по моему глубокому убеждению, уровень исследования в области древнетюркской археологии в России таков, что, основываясь исключительно на уже опубликованных материалах традиционными способами (типологический, статистический и т. п.), обобщить и сказать что-либо действительно новое уже практически невозможно. Комплексное использование методов естественных наук (антропологии, палеогенетики, радиоуглеродного

и дендрохронологического датирования и др.) применительно к уже исследованным древнетюркским памятникам является наиболее перспективным и многообещающим подходом в плане их дальнейшей интерпретации.

В целом же новые данные можно получить только путем дальнейшего археологического исследования древнетюркских памятников. Причем раскопки еще одного-двух десятков рядовых древнетюркских курганов вряд ли дадут принципиально новую информацию, кроме статистической. Необходимо исследовать в определенном смысле необычные памятники (с нестандартной наземной конструкцией, планировкой и т. п.), которые могут относиться в древнетюркской эпохе и предтюркскому периоду. Пожалуй, наиболее информативными могут рассматриваться раскопки памятников высшей знати древних тюрков, как и рядовых объектов на территории Монголии. В то же время целенаправленное исследование могильников рядовых кочевников (таких как, например, могильник Горный 10), содержащих яркий археологический материал, на Алтае и в сопредельных регионах также имеет большое научное значение.

- Атаходжаев*, 2011 – *Атаходжаев А. М.* Тюрко-согдийские отношения в политических, социально-экономических и этнокультурных процессах в раннем средневековье: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2011.
- Бартольд*, 1963 – *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Тюрки // Соч. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1963. Т. 2, ч. 1.
- Бартольд*, 1966 – *Бартольд В. В.* К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // Соч. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. Т. 4.
- Бернштам*, 1940 – *Бернштам А. Н.* Согдийская колонизация Семиречья // КСИИМК. 1940. Вып. 6.
- Бичурин*, 1950 – *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950.
- Бобров и др.*, 2003 – *Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.* Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003.
- Боровкова*, 1989 – *Боровкова Л. А.* Запад Центральной Азии во II в. до н. э.–VII в. н. э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.
- Грязнов*, 1961 – *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии: Сб. статей / Под ред. М. И. Артамонова. Л., 1961 (АСГЭ; Вып. 3).
- Гумилев*, 1967 – *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Камалиддинов*, 1996 – *Камалиддинов Ш. С.* Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX–начала XIII вв. Ташкент, 1996.
- Кляшторный*, 1964 – *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кубарев*, 2001 – *Кубарев В. Д.* Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4.
- Кубарев Г.*, 2005 – *Кубарев Г. В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.
- Литвинский, Соловьев*, 1985 – *Литвинский Б. А., Соловьев В. С.* Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). М., 1985.
- Смирнова*, 1970 – *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. М., 1970.
- Тишкин, Горбунов*, 2003 – *Тишкин А. А., Горбунов В. В.* Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. 9, ч. 1.
- Kubarev*, 2006 – *Kubarev V. D.* Kriegsthema und Waffenkult in Fel-senzeichnungen des Altaigebirges // Arms and Armour as indicators of cultural transfer. The steppes and the ancient world from Hellenistic times to the early middle Ages. Nomaden und Sesshafte. Wiesbaden, 2006. Bd 4.
- Liu Mau-tsai*, 1958 – *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Küe). Wiesbaden, 1958. Bd 1.
- Pulleyblank*, 1952 – *Pulleyblank E. G.* A Sogdian colony in Inner Mongolia // T'oung Pao, 1952. N 41.
- Stark*, 2008 – *Stark S.* Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008 (Nomaden und Sesshafte; Vol. 6).

Г. В. Кубарев
Россия. Новосибирск.
Институт археологии
и этнографии СО РАН.
Отдел археологии палеометалла

КОЛЛЕКЦИЯ УКРАШЕНИЙ ИЗ КУРГАНА КУЛЬ-ОБА В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Д. В. Журавлев, Е. Ю. Новикова, М. С. Шемаханская. Ювелирные изделия
из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея.
Историко-технологическое исследование. Труды ГИМ. 1914. Вып. 200.
ISBN 978-5-89076-236-8. 349 с., 105 ил.

Ключевые слова: Куль-Оба, ювелирные украшения, коллекция Государственного исторического музея.

Keywords: jewelry, Kul'-Oba barrow, State Historical Museum.

Монография, подготовленная специалистами Государственного Исторического музея при участии Евразийского отдела Германского археологического института (DAI), представляет собой полную публикацию ювелирных изделий из знаменитого кургана Куль-Оба, хранящихся в ГИМ. Как известно, находки из этого комплекса оказались в разных музеях: большинство хранится в Государственном Эрмитаже, значительная часть была передана в ГИМ, некоторые артефакты находятся в зарубежных музеях. Основу коллекции ГИМ составляют собрание Румянцевского музея и целого ряда частных коллекций.

Полного издания вещевого материала комплекса Куль-Обы до сих пор не существует, хотя находки из этого важнейшего памятника хорошо известны и постоянно привлекаются в научных исследованиях, издаются в каталогах выставок и музейных собраний. Поэтому подробная публикация коллекции ГИМ является важнейшим шагом на пути к полному изданию уникальных вещей, обнаруженных во время раскопок кургана, которое, как мы надеемся, когда-нибудь осуществится.

Исследование предваряют разделы, рассказывающие об истории раскопок Куль-Обы, формировании коллекции музея, затрагивающие, в частности, и важные проблемы датировки находок и вещевого комплекса в целом. Основная часть книги посвящена историко-культурной атрибуции предметов, хранящихся в собрании ГИМ (кат. 1–82). Первый раздел объединяет артефакты, которые можно достоверно или с большой степенью вероятности связывать с ком-

плексом Куль-Обы. Рассмотрен весь круг украшений – нашивные бляшки, подвески, браслеты, перстни, пронизки. Для каждого экземпляра музейной коллекции предложены подробное описание, включающее обстоятельства находки, анализ стилистических и технологических особенностей, датировку, круг аналогий и пр. Самой интересной из опубликованных находок, бесспорно, является фрагмент золотой пластины с фрагментарно сохранившимся изображением Скиллы в окружении собак (кат. 1). Это изображение, несомненно, принадлежащее к шедеврам античной торевтики, уникально по сюжету и композиции. До выхода книги в свет оно оставалось практически неизвестным специалистам в области греческого и скифского искусства. Тщательное изучение архивных данных, а также дореволюционных публикаций (Дюбуа де Монпере и П. Сабатье), в которых были приведены описание и рисунки утраченной части пластины, позволили авторам с максимальной полнотой представить облик вещи в момент ее находки. Это дало возможность наиболее полно проанализировать украшающую ее сложную изобразительную систему и предложить трактовку сюжета, с которой трудно не согласиться.

Среди рассматриваемых вещей огромный интерес, несомненно, представляют золотые нашивные бляшки. Хотя типы и сюжеты многих известны по аналогичным бляшкам из Куль-Обы, хранящимся в Государственном Эрмитаже и издававшимся неоднократно, следует отметить, что публикации отдельных бляшек из коллекции ГИМ до настоящего времени появлялись достаточно «разрозненно», поэтому исследова-

тели наконец-то обрели возможность подробно ознакомиться со всем кругом этих изделий. К числу наиболее интересных принадлежит бляшка с изображением Rankenfrau или так называемой «змееногой богини» (кат. 31). Заслуживают упоминания и бляшки с изображением скифских всадников (кат. 5, 6), скифского лучника (кат. 7, 48), сидящей богини и стоящего перед ней скифа (кат. 8, 62), танцовщиц (кат. 9, 49), бляшки, на которых представлены животные и фантастические существа.

Отдельно и столь же подробно рассмотрены ювелирные изделия, происхождение которых из кургана Куль-Оба не установлено или сомнительно, хотя в музейной документации имеются указания на происхождение из этого комплекса. Эта группа объединяет вещи, относящиеся к разным периодам (некоторые принадлежат к римскому времени) и, как правило, не имеющие аналогий среди древностей из Куль-Обы, хранящихся в коллекции Эрмитажа. По справедливому мнению авторов, высока вероятность их происхождения из других памятников, расположенных в окрестностях Керчи. Почти все эти находки публикуются впервые.

Следует обратить особое внимание и на раздел «Химико-технологическое исследование ювелирных изделий из Куль-Обы», знакомящий читателя с результатами огромной работы по исследованию состава золотого сплава, из которого были изготовлены вещи, выявлению способов их производства, в том числе изучение сохранившихся на предметах следов инструментов, особенностей рельефа. Авторы представили и моделирование предполагаемых процессов изготовления нашивных бляшек, а также рекон-

струкции применяемых древними мастерами приемов и техник. В разделе приведены макрофотографии и рисунки, позволяющие представить особенности той или иной вещи и способ ее изготовления.

Завершает издание подробный каталог ювелирных изделий, включающий 104 музейных номера, и иллюстрации – фотографии и прорисовки вещей.

Монография Д. В. Журавлева, Е. Ю. Новиковой и М. С. Шемаханской дает полное и подробное представление о коллекции ювелирных древностей, хранящихся в собрании ГИМ, происхождение которых связано с курганом Куль-Оба. Эта книга является ярким событием, знающим специалистов и заинтересованных читателей с «греческим золотом», найденным в одном из самых знаменитых боспорских курганов. Она может служить достойным примером издания музейной коллекции на современном научном уровне. Прекрасно проиллюстрированное, нарядное издание является подарком не только для специалистов, но и для всех ценителей античного ювелирного искусства. И напоминанием о том, что, к сожалению, еще многие коллекции вещей из комплексов знаменитых античных и скифских курганов ждут своего часа и своих исследователей, чтобы быть достойно представленными научному сообществу.

*М. Ю. Вахтина
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной
культуры РАН,
Отдел истории античной культуры*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ¹

О. Б. Беликова. Последняя экспедиция А. В. Адрианова:
Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект).
Томск: Изд-во Томского университета, 2014.
ISBN 978-5-7511-2283-6. 570 с. 301 ил.²

Ключевые слова: Тува, Урянхайский край, А. В. Адрианов, историография, источниковедение, публикация материалов экспедиции, сибиреведение.

Keywords: Tuva, Uraanhai krai, A. V. Adrianov, historiography, source, publication of expedition the siberian studies.

Весьма объемная монография О. Б. Беликовой посвящена одной экспедиции А. В. Адрианова в Туву, состоявшейся в 1915–1916 гг., – это многолетний и всеобъемлющий труд, представляющий собой итог исследований автором всех доступных в настоящее время материалов – различного рода документов, деловых писем, писем семье, также достаточно информативных, полевых отчетов, дневниковых записей, фотографий. Огромное количество тщательно изученных в разных архивах Санкт-Петербурга, Томска, Красноярска и других и систематизированных документов составили две части книги.

В первой части, содержащей 475 с.,³ автор представляет предысторию археологических исследований А. В. Адрианова 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (ныне Республика Тыва), общую характеристику исследований памятников древнетюркской рунической письменности

и курганных сооружений, обследований городища и «Чингисхановой дороги». Отдельная глава посвящена личности самого А. В. Адрианова, последним трагическим дням его жизни и его заботе о судьбе материалов из Урянхайского края.

Вторая часть монографии: Приложения – это публикация сохранившихся разнообразных документов (345 с.⁴). Здесь переписка А. В. Адрианова с В. В. Радловым, Л. Я. Штернбергм (т. е. Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии), И. Г. Сафьяновым, ставшим, собственно говоря, «покровителем» и даже «спасителем» А. В. Адрианова в Урянхайском крае, обеспечивавшим практически все стороны жизни, и др.

Очень важны дневники фотосъемки, редко ведшиеся исследователями, как в давние времена, так и ныне. Обе части книги О. Б. Беликовой включают многочисленные, разнообразные иллюстрации (всего 301), в том числе значительное количество ранее неизвестных снимков (портреты А. В. Адрианова, членов его семьи, видовые изображения) и, по сути дела, играющих роль самостоятельных источников (фотографии строившегося в те годы Усинского тракта, различных участков течения Енисея и др.).

В монографии представлена полная публикация проведения и результатов археологических раскопок (с соответствующей графической документацией и найденными вещественными материалами), проведенных за два года А. В. Адриановым в Туву (всего раскопано около 60 кур-

¹ Название рецензии дано Редакцией «Археологических вестей» (*примеч. ред.*).

² Рецензия Г. В. Длужневской – это отзыв, данный на рукопись книги О. Б. Беликовой и отправленный автором в издательство Томского университета 11 марта 2014 г. К сожалению, Галина Вацлавна не дожидаясь выхода этой, безусловно интересовавшей ее книги. Ввиду важности издания книги об А. В. Адрианове и его последней экспедиции в Туву и особого внимания Г. В. Длужневской к этому труду, в котором она указана одним из трех рецензентов, Редакция «Археологических вестей» посчитала возможным и желательным опубликовать в качестве рецензии на вышедший труд отзыв на подготовленную к изданию рукопись. Приносим глубокую благодарность О. Б. Беликовой за предоставленную электронную копию отзыва Г. В. Длужневской (*примеч. ред.*).

³ Г. В. Длужневская дает нумерацию и количество страниц по рукописи. В опубликованном варианте эта часть содержит 306 с. (*примеч. ред.*).

⁴ Соответственно, 258 с. в опубликованном варианте (*примеч. ред.*).

ганов различных исторических периодов, в основном средневековых). Ранее О. Б. Беликовой был издан «Дневник археологических раскопок А. В. Адрианова» в Туве, с очень ограниченным количеством иллюстраций (Томск, 2008), что, естественно, не давало полного представления ни о них, ни о процессе раскопок. После введения в научный оборот всех данных о раскопках А. В. Адрианова в Туве специалисты будут иметь о них совершенно объективное представление. Раскопки, конечно, не были профессиональными, сделанные чертежи более чем примитивны, но это были первые научные раскопки в этой части Центральной Азии. Результаты этой экспедиции в дальнейшем были использованы и Л. Р. Кызласовым, и А. Д. Грачом, и тюркологами, изучавшими памятники древнетюркской рунической письменности.

Следует отметить, что большинство из раскопанных А. В. Адриановым курганов относится к эпохе средневековья, а безынвентарные курганы, о которых он писал, что назначение объектов не ясно, во многих случаях так и остаются по сей день «нерасшифрованными». О. Б. Беликова высказывает и свое собственное мнение о датировке и культурной принадлежности некоторых памятников, иногда отличающееся от ранее высказанного. В частности, это касается

определения исторического места впускных захоронений XVIII–XIX вв., в начале XX в. еще практически не выделенных.

Монография О. Б. Беликовой является уникальной, может быть, несколько перегруженной количеством ссылок, включающих интерпретацию документов, но в целом совершенно документированной. В настоящее время это первое подобное историографическое исследование, посвященное не только одному автору, но и всего одной экспедиции. Это на сегодняшний день единственное (такое. – *ред.*) произведение в отечественном сибиреведении!

Имеющиеся мелкие замечания не умаляют впечатления от монографии О. Б. Беликовой, прекрасно документированной и необходимой исследователям. Несмотря на объем, исследование должно быть опубликовано полностью, со всеми иллюстрациями и аппаратом. Можно пожелать скорейшего завершения работы и ее публикации.

*Г. В. Длужневская †
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН,
Научный архив*

ГАПЛОГРУППЫ, НОРМАННЫ И РЮРИКОВИЧИ

А. А. Клёсов. Коллизия двух парадигм? Переписка с Л. С. Клейном // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии (Boston – Moscow – Tsukuba). 2011. Том 4, № 2 февраль; Происхождение славян: ДНК-генеалогия против «норманнской теории». Москва: Алгоритм, 2013. ISBN: 978-5-4438-0324-1. 512 с.

Ключевые слова: Рюрикoviчи, гаплогруппы, ДНК, этническая принадлежность, норманны, норманизм, антинорманизм.

Keywords: Ryurikovichs, haplogroups, DNA, ethnicity, Vikings, Normanism, Antinormanism.

В последние годы появился ряд широковещательных выступлений американского биохимика русского происхождения А. А. Клёсова, сообщающего почтенной публике о гарантированной им гибели «норманнской теории». Коль скоро я также считаю, что «норманнской теории» пора упокоиться в архиве фейков и дутых пузырей, казалось бы, мне можно лишь порадоваться обретению единомышленника. Но мы с Анатолием Алексеевичем очень по-разному понимаем эту идею. Я считаю, что такой теории с самого начала не было и нет, что она выдумана идеологами, называющими себя антинорманистами, – как жупел, используемый для шельмования и испуга объективных историков. Клёсов же как раз принадлежит к числу завязтых антинорманистов и считает, что норманизм существует, опасен для России и нужно его уничтожить.

Специалистом он ни в истории, ни в изучении этногенеза не является, но полагает, что его компетенция в биохимии (в белках) означает также полную осведомленность в исследованиях ДНК и дает ему основание решать проблемы не только в генетике, в биологии наследственности, но и в решении проблем этногенеза, относящихся к ведению истории, лингвистики и археологии. Он смело привязывает (на практике) этносы к гаплогруппам, расписывает гаплогруппы с этносами по археологическим культурам, приклеивает к ним языковые этикетки и, продолжая человеческие роды в глубь тысячелетий, определяет их значение в истории. Популяционную генетику, в которой работает множество специалистов, он хочет полностью подменить генеалогией – наукой, которая долго обслуживала

конкуренцию и привилегии аристократических родов (на их место Клёсов ставит народы), а в современности свелась к вспомогательной исторической дисциплине.

Я уже писал о неправомерности его общего подхода к этим проблемам (*Клейн, 2013а. С. 385–396*), а Клёсов писал о моей некомпетентности его судить (*Клёсов, 2011*). О границах нашей компетентности будет судить научное сообщество, а я здесь не собираюсь заниматься вопросами оценки общего подхода. Я хочу лишь остановиться на одном частном вопросе – норманнском или, в русской постановке, варяжском. Я не буду также заниматься здесь причинами и даже вопросом о научности враждебного отношения Клёсова к нашей позиции и его стремлением подверстать ее под одиозный норманизм. Так получилось, что обласканный советской властью молодой доктор наук (Лауреат премии Ленинского комсомола и т. п.) рванул при первой возможности на Запад, обосновался в американской промышленности, получил там возможности испытать себя еще и в новой отрасли и пришел к внутреннему конфликту с патристическими комплексами, вывезенными с родины. Это и побудило его так рьяно и простовато утверждать себя в роли патриота-обличителя национал-предателей.

Меня интересует здесь только один вопрос: действительно ли Клёсов нанес такой сокрушительный удар по взглядам тех, кого он зачисляет в норманисты?

Его разгромные обличения изложены в нескольких выступлениях. Это прежде всего книга 2013 г. «Происхождение славян: ДНК-генеало-

гия против „норманнской теории”» (Клёсов, 2013). В аннотации написано: «Сам ученый утверждает, что его книга будет иметь „эффект разорвавшейся бомбы”». Действительно, в первой же главе он это провозглашает. Ну, подождет бы, пока это скажут читатели!

Правда, «норманнская теория» никакого отношения к происхождению славян не имеет, это другой вопрос. Ведь происхождение этноса, народа можно с грехом пополам свести к происхождению языка, речь обычно идет также о цепочке археологических культур, а «норманнская теория» говорит о происхождении государственности и культурных влияниях на народ, который ко времени этих влияний уже давно «произошел». Добро бы речь шла об этногенезе, понимаемом как этногонический процесс, об этнической истории, но речь идет о происхождении. Вообще я впервые сталкиваюсь с работой о происхождении славян, сутью которой является вынесенная в название борьба против «норманизма», и с критикой «норманнской теории» как концепции происхождения славян. Чего только не встретишь в нашей литературе!

Так или иначе, глава 14 в книге действительно называется «ДНК-генеалогия против норманнской теории», в подзаголовке выясняется, что глава посвящена рюриковичам: «О “шведских” и “угро-финских” корнях рюриковичей, что есть неправда».

В книге есть еще одна глава, предшествующая, т. е. 13, носящая то же название, но подзаголовков другой – он показывает, что содержание ее сводится к защите антинорманистского фильма М. Н. Задорнова от обрушившейся на него критики. Поскольку я в других заметках уже останавливался на этом невежественном произведении (Клейн, 2012. С. 12; 2013б. С. 12), не буду на нем задерживаться здесь. Даже странно, как Клёсов, ученый-естественник, не замечает потрясающей антинаучности этого фильма, рассчитанного на самые низкие инстинкты толпы.

Есть в книге еще и третья глава (по счету 15-я) с тем же названием («...против норманнской теории»), но с еще одним подзаголовком: «Отклики на отклики». Тут Клёсов приводит критические выпады «норманистов», отобранные им для показа злобности и глупости этих «антипатриотов», и повторяет свои возражения, высказанные в разных дискуссиях. Досталось тут и мне. Он упоен своими ответами, и ему ка-

жется, что его противники опровергнуты и посрамлены. Видимо, он не представляет, что убедительны его аргументы только для тех любителей, которые разделяют его чувства и пристрастия и готовы вмешаться на его стороне при одном лишь крике «Наших бьют!».

Затронул здесь Клёсов и коронные аргументы «норманнофилов»: «они... тащат все „до кучи“ – и то, что нашли в древних русских селениях постройки из шестигранных бревен, которые есть и в Скандинавии, и то, что Константин Багрянородный (византийский император, живший в X в.) якобы написал, что все днепровские пороги имели „скандинавские имена“, и что послы и купцы древнерусских князей все сплошь имели „скандинавские имена“. Я даже рассматривать это не стал бы, потому что это все выдавание желаемого за действительное».

Но, выдвинув все же несколько своих возражений (император ведь привел и славянские имена – верно, но назвал те русскими, а эти славянскими!), Клёсов небрежно бросил: «да и не моя это специальность» (Клёсов, 2013. С. 330). Давно бы так! – об этом и о многом другом.

Другое выступление А. А. Клёсова озаглавлено «Происхождение рюриковичей: ДНК-генеалогия». Это рецензия на фильм конца 2012 г. «Русь. Зарождение государственности. Идентификация рюриковичей». Фильм сей противостоял тому же задорновскому, встреченному Клёсовым с непомерным восхищением, соответственно этот новый фильм не мог прийти к нему по вкусу. Он всячески это показывает: говорит о фильме, что он сделан с участием «некой Елены Мельниковой» (известнейшего фиололога-скандинависта) и Балановского, автора «научной профанации» (капитального труда «Русский генофонд»). Впрочем, попадаются у Клёсова и дельные замечания. Так, он высказался, что: «за фразу, прозвучавшую в самом начале, что “каждый этнос имеет свою гаплогруппу”, надо выгонять без выходного пособия. Этноты – это практически всегда объединения разных гаплогрупп. Нет у них “своей гаплогруппы”. Например, **в русском этносе есть четыре основных гаплогруппы – R1a, I1, I2, и N1c1**, плюс еще десяток минорных, которых среди русских от нескольких процентов до долей процента. Что они – не русский этнос?».

Третье выступление – беседа Клёсова с телеведущим Дионисом Каптарем под заглавием «Рюрик и рюриковичи по данным ДНК-генеа-

логии» по каналу KM-TV (наиболее беззащитному из сталинистских каналов). Эта передача перепечатывается многими сайтами под шапками: «Последний гвоздь в гроб норманнской теории», «Отмываем рюриковичей от норманизма» и т. п.

Из этого перечня видно, что Клёсов сводит опровержение норманнской принадлежности варягов к опровержению скандинавского происхождения рюриковичей, а это далеко не одно и то же. Ведь это аналогично тому, чтобы сводить доказательство или опровержение славянства русских к доказательству или опровержению славянства Романовых. А они после Петра I славянами по крови явно не были. Как не были чистыми шведами Бернадотты в Швеции, чистыми англичанами – Виндзорская династия в Англии и т. д. Эта подмена означает вольный или невольный подвох.

Оставим в стороне типичные клёсовские методы полемики с оппонентами – грубые личные выпады, безвкусовые издевательства, политические обвинения (в антипатриотизме, в предательстве и т. п.). Он очень любит выбрать случайную фигуру, найти у нее оговорки или ошибки, объявить их типичными и вволю оттоптаться на них, делая вид, что тем самым расправился со всем направлением в науке. Жаль. Человек действительно талантливый и работающий, но чересчур самоуверенный и самовлюбленный. Его суждения абсолютно безапелляционные, а уж если кто всерьез возразит, то против такого ведется война всеми средствами.

Перейдем непосредственно к клёсовскому анализу гаплотипов рюриковичей. Опять же я не буду выходить за пределы своей компетенции – не стану оценивать клёсовские определения гаплотипов, снийпов, датировки и т. п. Возможно, они спорны, может быть – бесспорны, я это оставляю для специалистов по ДНК. Примем все это условно за доказанное. Отметим также, что обследование всех потомков князей и выявление гаплотипов провели совсем другие люди, а Клёсов лишь воспользовался опубликованными данными, но расчеты близости и датировок – его.

Вкратце история генетического обследования рюриковичей выглядит так. Начали это обследование в 2006 г. два исследователя в двух центрах: в России – Никита Максимов из журнала «Русский Newsweek», а в Америке, в Техасе – Анджей Байор под покровительством организации Family Tree DNA. Им удалось уговорить

(каждому свою группу) потомков княжеских родов, ведущих происхождение от рюриковичей, пройти обследование DNA. Затем к ним присоединился третий центр – в Томске (Владимир Волков и Станислав Думин), также проводивший обследование некоторых потомков Рюрика. Наиболее пространное и глубокое исследование на этом материале опубликовал именно томский исследователь В. Г. Волков (2012).

У князей (современных потомков), претендующих на принадлежность к рюриковичам, обнаружено два гаплотипа: R1a и N1c1. Между тем большинство норманнов имеет гаплотип I1a (*Rootsi et al.*, 2004; *Karlsson et al.*, 2006; *Balanovsky et al.*, 2008. Fig. 4a). Первый из обнаруженных у рюриковичей гаплотипов мог бы сойти за тип, наиболее распространенный на Руси, но те три князя, которые его показали (Шуйский, Белозерский и Друцкий-Соколинский плюс еще г. Карпов), по расчетам Клёсова, привели к общему предку, жившему 4300 лет назад, т. е. они не могут быть рюриковичами. Либо их предки искусственно приписаны к рюриковичам, либо имела место супружеская измена. Остальные 11 князей (Оболенский, Волконский, Пентакост-Волконский, Барятинский, Гагарин, Кропоткин, Хилков, Пузына, Путятин, Вадбольский, Шаховский, Ржевский, Лобанов-Ростовский и Корибут-Воронецкий), у которых определена принадлежность к гаплогруппе N1c1, привели к общему предку (этих 11 князей), жившему в 862±190 г. н. э. (частные варианты 987±290 и 887±230), тогда как год смерти Рюрика по летописи 879. При всей условности этой даты совпадение хорошее: 862±190 означает, что точная дата неизвестна, но с наибольшей вероятностью искомая персона жила в диапазоне между 572 и 1052 гг. н. э.

Гаплогруппа N1c1 (общий предок всей группы существовал примерно 7 тыс. лет назад), по многим исследованиям (текущее обобщение см. [Электронный ресурс] Режим доступа: haplogroup.narod.ru/hapn; familytreedna.com/public/N1c1), происходит из Азии, это население двигалось при отступлении ледника через Урал на запад, несколько тысяч лет тому назад разделилось на два потока – один заселил больше всего Финляндию, другой устремился на Юго-Восточную Прибалтику, но в меньшем проценте население с этими гаплотипами распространено вокруг всей Балтики. Особенно здесь интересны для нас два подразделения (генетики говорят:

две субклады, у Клёсова – два субклада) этой гаплогруппы. Обе со снипом (или мутацией) L550. Этот снип распространен в Скандинавии и на Юго-Востоке Балтийского региона, меньше – в Германии. Одна субклада называется в справочной информации *скандинавской II* или *финской* (по своему распространению). Другая, характеризующая еще и последующим снипом с мутацией L1025, называется *южно-балтийской*, но это название обманчиво: она распространена больше всего в Латвии и Литве, т. е. у юго-восточного угла Балтийского моря.

Клёсов именуется эту последнюю *славянской* (забыв свой собственный девиз о необходимости «увольнять без выходного пособия», правда, новый для Клёсова и, видимо, еще непривычный). В книге «Русский генофонд...» Е. В. и О. П. Балановские, виднейшие российские популяционные генетики, упрощая язык, пишут, что «у языков генов нет. Это понятно даже на бытовом уровне – сколько русских, разбросанных по миру волнами первой, второй и других эмиграций, говорят на самых разных языках? А гены у них все те же, унаследованные от предков. Тогда почему же мы говорим о генах славянской или германской языковой семьи? Научно ли это? Вполне. Ведь мы занимаемся *популяционной генетикой* и говорим лишь о той *популяции* людей, которые говорят на языках славянской или же германской ветви языков. И ничего другого за «лингвистическими именами» не стоит» (Балановская, Балановский, 2007. С. 235).

Но Клёсов отвергает популяционную генетику, он говорит не о популяциях, а о родах, которым те или иные гаплотипы присущи по природе и передаются по наследству – как имена.

Субкладу со снипом D550, но без снипа L1025 он называет славянской потому, что как раз к ней и принадлежат все 11 его Рюриковичей, от нее они отщепляются! Чтобы показать, что она славянская, он берет выборку лиц, принадлежащих к *обеим* складам (базовую для проекта N1c, причем не анализирована база для выборки), и рассматривает ее состав. В ней из 425 человек оказывается 77 русских, 33 потомка норманнов (21 швед, 10 норвежцев, 2 датчанина), 32 поляка, 3 эстонца, 1 финн. Русских больше, чем потомков норманнов. Не сказано, сколько литовцев и латышей – надо полагать, большинство. Да и русские этой территории в большой мере представляют собой ославянившихся балтов (Третьяков, 1966; Седов, 1970;

1982. С. 29–45). Кроме поляков, западных славян и их потомков, видимо, вовсе не оказалось. Ведь на карте распространения группы N1 эти западнославянские земли в ареал насыщенного распространения этой группы не входят ([Электронный ресурс] Режим доступа: <http://haplogroup.narod.ru/hapn.html>).

Клёсов детально рассматривает гаплотипы рюриковичей и находит, что у них часты те же цепочки снипов, что у русских и балтских современников, а у шведов и финнов – другие. Это он называет системой, и это кажется сильной стороной его анализа. Но для анализа нужен не перечень отдельных сходств, а типология групп, деление на субклады и принадлежность к ним. Его оппонент Волков показывает, что у скандинавов и *рюриковичей* на третьем месте в гаплотипе оказывается 14 повторов, а у балтов – 15. Клёсов этого не отрицает, но заявляет, что у рюриковичей тут просто произошла возвратная мутация. «Вот и все» (Клёсов, 2013. С. 228–229, 355–356). Клёсов действительно достаточно сведущ, опытен и изобретателен, чтобы найти объяснение любому неуголному факту, но такая изобретательность не делает его аргументацию убедительной.

В этой книге и в других своих выступлениях Клёсов отчаянно издевается над томским исследователем «неким» В. Г. Волковым, зав отделом провинциального музея (козявка!), который осмелился «негодяйски» высказывать неуголные Клёсову мысли. Между тем старинный Томский университет обладает хорошей школой, а Волков, историк, сотрудничает с проф. В. Н. Харьковским, доктором биологических наук, и это плодотворное сотрудничество. Волкову принадлежит очень подробное (более подробное и полное, чем у Клёсова) исследование (Волков, 2012) рюриковичей по анализам ДНК, и это очень объективное исследование. Волков показал, какое место занимают на древе N1c обе интересующие нас субклады, в частности субклада с рюриковичами, и проанализировал состав их «соседей» по субкладу. Это оказались в большинстве шведы из области Упсалы. Он привел также и карты распространения.

Для наглядности можно взглянуть на более полные точечные карты обеих субклад, опубликованные на сайте mougley ([Электронный ресурс] Режим доступа: mougley-gen.livejournal.com/tag/Дерево_снипов_N) 30 января 2013 г. Там хорошо видно отличие по ареалу субклады, вклю-

чающей рюриковичей, от субклада, включающей гедиминовичей.

Таким образом, даже субклада, распространенная частью и в России, не славянская, а преимущественно балтская (летто-литовская), к ней принадлежат князья гедиминовичи и Гедройцы. А та субклада, к которой принадлежат в большинстве рюриковичи, распространена равномерно на юге Финляндии и на юге Швеции и Норвегии. Нет никаких оснований называть эту субкладу ни славянской, ни западнобалтийско-славянской (что очень удовлетворило бы В. В. Фомина, А. Н. Сахарова и прочих антинорманистов-вагристов). Это не значит, что принадлежащий к ней предок рюриковичей непременно швед. Его норманнская принадлежность вероятна, но не доказана. Ведь в группе присутствуют и много финнов, а также балты – последних сравнительно мало в выборке, но они есть. Значит, предок рюриковичей мог принадлежать и к ним. Когда речь идет об индивидуальных случаях, пренебрегать малыми вероятностями нельзя. Тут часто сказывается не статистика, а история.

Субклады эти появились в Скандинавии и Финляндии, когда деления населения на нынешние народы еще не было. Население с такой гаплогруппой могло войти частью в формирующихся норманнов, частью в финнов, а частью в балтов, как на востоке родственное население вошло в удмуртов или якутов.

Теперь нужно вспомнить, что при всем этом рассуждении мы исходим из допущения, что легенда о призвании Рюрика с братьями абсолютно достоверна, тогда как в этом есть глубочайшие и основательные сомнения, и их разжигали как раз антинорманисты. Я уж не говорю о том, что братья Рюрика по тщательной проверке для большинства историков отпали. Не было ни братьев, ни раздачи городов им.

Но и отцовство Рюрика по отношению к Игорю оказывается чрезвычайно сомнительным. По летописным датам выходит, что когда Рюриков внук Святослав родился, сыну, Игорю, было уже около 60 лет, а его супруге Ольге больше 50, и Святослав родился после 40-летнего бездетного брака. А сам Игорь родился от Рюрика, когда тому было около 60 лет, и существенно, что воспитатель Игоря, Олег, вельможа от рода Рюрика, регентствовал 33 года (Пчелов, 2010. С. 238–240)! Затянувшееся регентство Олега и сильно затянувшееся обзаведение Игоря сыном ставит

вопрос о том, что вся эта конструкция не была отражением реальности, а надумана и изобретена позже. В таком случае приобретают значение и свидетельства того, что ранние русские князья вряд ли считали Рюрика своим предком: среди первых князей имя Рюрика не популярно. Хотя Олег, Игорь и Святослав часто повторяются (ср. Там же. С. 242–245).

Возведение сложившейся династии к знаменитому и родовитому иностранному предку – Хрёрику из древней династии скьельдунгов Ютландии – было, по-видимому, изобретено в годы Святослава и Владимира, когда они были озабочены легализацией своего великого княжества на международной арене и соперничеством с Византией. Олег почему-то не мог передать свою власть своим сыновьям (возможно, был бездетным). Кем был по рождению Игорь, мы не знаем, но летопись всячески устами Олега подчеркивает его прямое происхождение от знаменитого заморского властителя, пожалуй, даже чересчур назойливо. Возможно, Игорь, вошедший в дружину Олега, был на деле не столь родовитый отпрыск норманнской знати, возможно, был финном (хотя это маловероятно – для Олега это не был бы свой). Бывал ли на самом деле Рюрик в Ладоге и Новгороде, мы не знаем, но слава его на восточнославянских землях была – другие пришельцы (Аскольд, Дир и Олег) его знали и почитали.

Все это не нарушает доверия к основам легенды о «призвании» варягов. Призвали, не призвали, но варяги вторглись, как они это делали везде в Европе, и участвовали в государственной жизни восточных славян.

Так что же опровергла «ДНК-генеалогия»? Она отвергла лишь претензии некоторых князей-потомков (с гаплотипом R1a) на истинное происхождение от рюриковичей. Но в этом и так многие сомневались. Она подвергла также сомнению принадлежность всех рюриковичей к некоему «исконно-норманнскому» биологическому корню в Скандинавии и само происхождение рюриковичей – от Рюрика/Рорика Ютландского, но такой «исконно-норманнский» корень вообще есть фикция. А даже норманнского происхождения всей династии и ядра княжеской дружины эта генеалогия не затрагивает и не опровергает.

А в целом «норманнскую теорию»? Но что есть «норманнская теория» в представлении Клёсова?

«Дело в „норманнской теории“ вовсе не только в скандинаве Рюрике и в княжеской вершине, а в самом понятии “Древнерусское государство”. По “норманнской теории” основателями Древнерусского государства, которое было поначалу вовсе не в Киеве, а на берегах Волхова, в Старой Ладогге, в середине VIII в. н. э., были свеоны, выходцы с балтийских Аландских островов и островов Готланд и Рюген...» (Клёсов, 2013. С. 350). И т. д.

Возможно, по «норманнской теории», которую знает антинорманист А. А. Клёсов, это и так. Но кто из названных им «норманистов» ее придерживается? Доказательства на стол! Основателей династии не надо сразу же отождествлять с основателями государства, а что значительную роль в создании государственности сыграли иностранцы – это бывало часто в ранних империях. Не стоит по этому поводу впадать в панику и обвинять историков, признающих эту реальность, в отсутствии патриотизма.

«Разорвавшейся бомбы», анонсированной в аннотации и в первой главе книги, не получилось. А обо всей книге нужно разговаривать отдельно, и это должен быть нелицеприятный разговор (см. мою публикацию в «Российском археологическом ежегоднике» за 2015 г.).

Балановская, Балановский, 2007 – Балановская Е. В., Балановский О. П. Русский генофонд на Русской равнине. М., 2007.

Волков, 2012 – Волков В. Г. Все ли рюриковичи происходят от одного предка? Происхождение Рюрика и Гедимины в свете последних генетических исследований // Генеалогия допетровского времени: источниковедение, методология, исследования. СПб., 2012.

Клейн, 2012 – Клейн Л. С. Воинствующий дилетантизм на экране // «Троицкий вариант». 2012. 25 дек. № 25 (119).

Клейн, 2013а – Клейн Л. С. Была ли гаплогруппа R1a1 арийской и славянской? // Клейн Л. С. Этногенез и археология. Т. 1: Теоретические исследования. СПб., 2013.

Клейн, 2013б – Клейн Л. С. О норманнах, славянах и ариях (Еще раз о фильме Задорнова) // «Троицкий вариант». 2013. 29 янв. № 2 (121).

Клёсов, 2011 – Клёсов А. А. [Электронный ресурс] Коллизия двух парадигм? Переписка с Л. С. Клейном // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. Boston; Moscow; Tsukuba, 2011. Т. 4. № 2, февраль. Режим доступа: lulu.com/items/volume_69/10096000/10096874/2/print/10096874.pdf.

Клёсов, 2013 – Клёсов А. А. Происхождение славян: ДНК-генеалогия против «норманнской теории». М., 2013.

Пчелов, 2010 – Пчелов Е. В. Рюрик. 2-е изд. М., 2010.

Седов, 1970 – Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Седов, 1982 – Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М., 1982.

Третьяков, 1966 – Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

Balanovsky et al., 2008 – Balanovsky O., Rootsi S., Pshenichnov A., Kivisild T., Churnosov M., Evseeva I., Pocheshkhova E., Boldyreva M., Yankovsky N., Balanovska E., Villems R. [Электронный ресурс]. Two sources of the Russian Patrilineal Heritage in Their Eurasian Context // The American Journal of Human Genetics. Т. 82. № 1. P. 1–14. Режим доступа: doi: 10.1016/j.ajhg.2007.09.019.

Karlsson et al. 2006 – Karlsson A. O., Wallerström T., Götherström A., Holmlund G. Y-chromosome diversity in Sweden – A long-time perspective // European Journal of Human Genetics. 2006. 14: 963–970.

Rootsi et al., 2004 – Rootsi S., Magri Ch., Kivisild T., Benuzzi G., Help H., Bermisheva M., Kutuev I. A., Barac L., Pericic M., Balanovsky O., Pshenichnov A., Dion D., Grobei M., Zhivotovsky L. A., Battaglia V., Achilli A., Al-Zahery N., Parik J., King R., Cinnioğlu C., Khusnutdinova E., Rudan P., Balanovska E., Scheffrahn W., Simonescu M., Brehm A., Goncalves R., Rosa A., Moisan J.-P., Chaventre A., Ferak V., Füredi S., Oefner P. J., Shen P., Beckman L., Mikerezi I., Terzić R., Primorac D., Cambon-Thomsen A., Krumina A., Torroni A., Underhill P. A., Santachiara-Benerecetti A. S., Villems R., Semino O. Phylogeography of Y-chromosome haplogroup I reveals distinct domains of prehistoric gene flow in Europe // American Journal of Human Genetics. 2004. Vol. 75. P. 128–137.

*Л. С. Клейн
Россия, Санкт-Петербург*

НОВОЕ В ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ ВИЗАНТИИ

А. А. Пескова, Л. В. Строкова. Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб.; Киев: Петербургское Востоковедение, 2012. ISBN 978-5-85803-453-7. 224 с.

Ключевые слова: Византия, Сирия, Палестина, Ханенко, церковная археология, кресты-энколпионы.

Keywords: Byzantine Empire, Syria, Palestine, Khanenko, Church archaeology, crosses-enkolpions.

Российская археология не может похвастаться обилием византийской тематики, поэтому нужно горячо приветствовать публикацию христианских древностей из «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. Работа выполнена А. А. Песковой и Л. В. Строковой при участии широкого круга сотрудников из Санкт-Петербурга, Киева и Севастополя при поддержке РГНФ (проект № 05-01-01379а). Книга подготовлена благодаря целевой программе Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Культура России (2012–2018 годы)» и опубликована в издательстве «Петербургское Востоковедение».

Введение посвящено истории изучения византийских крестов-реликвариев. Авторы отмечают первые публикации этих изделий, вышедшие на рубеже XIX–XX вв., подчеркивая особую роль двух выпусков «Древностей русских» Б. И. и В. Н. Ханенко (Ханенко, 1899; 1900), которые, с их точки зрения, представляют собой «самое удачное издание» среди российских работ (с. 7). Но в чем именно заключается преимущество издания Б. И. и В. Н. Ханенко, А. А. Пескова и Л. В. Строкова не уточняют. В отношении количества воспроизводимых образцов и качества их воспроизведения это издание вполне сопоставимо с другими работами, в особенности со «Сборниками снимков» Н. А. Леопардова и Н. П. Чернева (Леопардов, Чернев, 1890). Главная его особенность – вводные статьи и описания предметов, выполненные на весьма высоком уровне. Г. Ф. Корзухина в связи с этим замечала: «Вводные безымянные статьи в сборниках Ханенко написаны с большим знанием дела» (Корзухина, Пескова, 2003. С. 11). Т. В. Ни-

колаева, подчеркивая ту же деталь, указывала и имя автора этих статей, не приводя, правда, источника, из которого получена информация: «Описание коллекций Ханенко производил квалифицированный для того времени археолог В. В. Хвойко» (Николаева, 1960. С. 11–12). Прояснение вопроса об авторстве украсило бы рецензируемую работу.

Со ссылкой на ряд исследователей первой половины XX в. А. А. Пескова и Л. В. Строкова отмечают: «Идея сиро-палестинского происхождения традиции изготовления медно-литых крестов реликвариев для паломников... долгое время оставалась неоспоримой... Она же во многом обусловила широко распространенную датировку этих крестов VI–началом VII в.» (с. 8). Авторы не развивают обсуждение этого важного сюжета историографии; внимания к нему явно недостаточно: существенно не только определить причины появления идеи сиро-палестинского происхождения крестов, но и проследить ее развитие, разобрав позицию и аргументацию каждого исследователя в отдельности.

Развернутую аргументацию палестинского происхождения крестов впервые дал В. Г. Бок, который, собрав все известные ему образцы, сделал вывод о том, что происходят они из разных, отдаленных друг от друга частей Европы. По аналогии с ампулами-евлогиями он осторожно предположил, что кресты могли быть принесены паломниками из Святых мест (в том числе из Египта) (Бок, 1896. Р. 8–9). Речь об этом идет также у О. Вульфа, который, кроме того, указывал на ошибки в надписях, свидетельствующие, как он полагал, о провинциальном

происхождении изделий (*Wulff*, 1909. S. 195). Топография находок и параллель с ампулами, сколько можно судить, стала решающей, но имела значение и стилистическая интерпретация памятников. Она прослеживается у Н. П. Кондакова, писавшего в 1896 г. в связи с крестом из Херсона: «Кто знает сколько-нибудь стиль сирийских и коптских бронз и резных изделий из слоновой кости, тот легко откроет сходство с ними нашего херсонесского креста» (*Кондаков*, 1896. С. 44). Больше же воздействие оказали выводы Э. С. Кинга (*King*, 1928. P. 198–204). Обсуждая иконографию Богоматери Оранты, помещенной на оборотной стороне крестов, Э. С. Кинг находит, что она близка изображению Богоматери в Вознесении, которое представлено в сирийском Евангелии Рабулы 586 г. Рассматривая Распятие, Э. С. Кинг усматривает различные аналогии VI–VIII вв., но особенную стилистическую близость видит опять же с указанным Евангелием. В заключение он весьма категорично говорит о том, что кресты являлись реликвариями для частиц Истинного Креста и изготавливались в Палестине для паломников.

Сам по себе аргумент о распространенности крестов в разных частях христианского мира не столь уж убедителен, даже если принять во внимание аналогию с ампулами-евлогиями; стилистические же интерпретации могли бы вызвать обоснованные сомнения. Почему же гипотеза, основанная на столь зыбкой почве, получила долгую жизнь? В заметке, опубликованной в качестве приложения к статье Э. С. Кинга (*Ibid.* P. 205), Ч. Р. Мори пишет, что выводы автора еще раз показывают несостоятельность взглядов, согласно которым в Сиро-Палестинском регионе существовал некий творческий центр, обогативший раннесредневековую культуру. Ч. Р. Мори имеет в виду стилистические интерпретации Э. С. Кинга, согласно которым кресты зависимы от миниатюр сирийского Евангелия Рабулы, а Евангелие Рабулы – от греческих манускриптов круга Россанского кодекса. Т. е., образцы, на основании которых созданы палестинские кресты, есть западные, античные, греческие образцы, и вместе с паломниками они возвращались на Запад, т. е. несли греческую культуру, пусть и прошедшую через восточный фильтр. Противоположную интерпретацию находим в статье М. Барани-Обершел (*Bárány-Oberschall*, 1953. S. 224–227). Публикуя кресты, найденные в Венгрии к началу 1950-х гг., она

путем многочисленных сравнений доказывает их сирийское происхождение и со ссылкой на знаменитую книгу Й. Стржиговского (*Strzygowski*, 1901) подчеркивает, что здесь мы имеем дело с крупным культурным центром, давшим начало христианскому искусству. Горячая дискуссия о влияниях восточного искусства на западное (и наоборот) в позднеантичное и ранне-средневековое время, развернувшаяся в первые десятилетия XX в., должно быть, сыграла не последнюю роль в решении вопроса о происхождении и датировке крестов-реликвариев.

Обзор историографии второй половины XX в. авторы начинают со статьи Г. Ф. Корзухиной (*Корзухина*, 1958. С. 128–137), подчеркивая значение этой работы: кресты византийские в ней были отделены от крестов древнерусских (с. 8–9). Далее А. А. Пескова и Л. В. Строкова отмечают роль работ В. Н. Залесской, а затем указывают на труды российских, болгарских, румынских и венгерских исследователей, публиковавших вновь найденные при археологических раскопках памятники и музейные собрания (с. 9–10). Затем авторы обращаются к книгам Л. Дончевой-Петковой и Б. Питаракис, в которых были обобщены накопленные к середине 2000-х гг. материалы, позволившие рассматривать гипотезу о сиро-палестинских крестах-реликвариях доиконоборческого периода как устаревшую (с. 10–15). Эта часть историографического обзора имеет ту же особенность, что и первая часть: читатель не получает представления о содержании дискуссии, т. е. без ответа остается вопрос, по каким причинам исследователи все больше и больше склонялись к постиконоборческой датировке крестов и поиску центров их производства за пределами Сирии и Палестины, какие аргументы легли в основу взглядов тех или иных исследователей, какие памятники привлекались для доказательства той или иной позиции.

Первая глава книги – «Создатели коллекции и ее история» – начинается с краткого очерка жизни и деятельности Б. И. Ханенко (с. 15–19). В нем без ответа остается вопрос, почему Б. И. Ханенко увлекся коллекционированием, а затем оставил кресло члена петербургского окружного суда и уехал в Киев? Прояснить ситуацию мог бы психологический портрет Б. И. Ханенко, тем более что для этого у нас есть источник – его воспоминания, которые опубликованы (*Ханенко*, 2008). Более подробное описание условий, в которых оказался Б. И. Ханенко, получив назначе-

ние в Петербург, придало бы этому портрету надлежащий фон. Замечание о том, что Б. И. Ханенко попал «в атмосферу подъема художественной реалистической школы», не исчерпывает вопроса.

Затем авторы в общем виде излагают историю коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко (с. 19–24) и значительно подробнее – историю «сирийской коллекции» (с. 24–31), сведения о которой ранее ограничивались краткими упоминаниями в дореволюционной литературе. Коллекция появилась в Киеве между 1900 и 1915 гг. и вскоре была разделена на две части. Бытовые предметы (312 ед.) были переданы в Киевский художественно-промышленный и научный музей, а предметы христианского культа (118 ед.) остались в личном собрании супругов Ханенко для подготовки III выпуска «Крестов и образков», издание которого так и не состоялось, хотя для него были подготовлены негативы. Вместе со всем собранием кресты перешли в Музей имени Б. И. и В. Н. Ханенко при Всеукраинской академии наук (с 1924 г. – Музей западного и восточного искусства), а в 1937 г. их переместили в Центральный музей истории Украины (ныне – Национальный музей истории Украины), присоединив к первой части коллекции. Авторы дали достаточно полную картину, и остается лишь посочувствовать, что по независящим от них причинам в работе не учтен источник, который мог бы пролить свет на происхождение «сирийской коллекции», – архив супругов Ханенко, хранящийся ныне в Национальном музее искусств им. Богдана и Варвары Ханенко и остающийся до сих пор неразобранным. Материалы этого архива могли бы внести ясность и в вопрос о происхождении двух негативов, на которых изображены 40 крестов и которые в 1949 г. были помечены Г. Ф. Корзухиной как «Нег. Хвойко в КИМ». Авторы предполагают, что здесь мы, возможно, имеем дело с той частью предметов, которая была куплена в Сирии (по замечанию Н. И. Петрова, одну коллекцию крестов Б. И. Ханенко приобрел в Сирии, а другую – на Крите: *Петров*, 1915. С. 26). Но они не учитывают эту гипотезу в построении каталога, и делают это совершенно правильно, поскольку доказательств ей пока нет.

Вторая глава книги – «Характеристика коллекции» – дает ясное представление о составе и характере публикуемого материала (с. 31–56). Авторы структурируют коллекцию на основа-

нии назначения предметов: в первую группу входят кресты, предназначенные для личного употребления (№ 1–61), во вторую – кресты, «использовавшиеся в литургической практике, а также как элементы церковного убранства (№ 62–70)». Первую группу крестов авторы разделяют на «кресты-реликварии» (№ 1–52), «нагрудные кресты с односторонними изображениями» (№ 52–57) и «нательные кресты» (№ 58–61). Из текста не ясно, какие признаки положены в основу такого разделения. Судя по самим предметам, авторы сначала классифицировали кресты на реликварии и те, которые реликвариями не являются. Последние затем были разделены на кресты с изображениями Христа, Богородицы и святых и кресты, которые таковых изображений не имеют. Предметы второй группы (№ 62–70) разделены также на основании назначения: два креста являются процессионными (№ 63–64), функции трех других не установлены (возможно, украшали сосуды, книги или хоросы) (№ 62, 65–66). Каталог дополнен двумя приложениями. В первом опубликованы четыре процессионных креста (№ 67–70), которые находились в собрании Ханенко, но не связаны с «сирийской коллекцией»; во втором – нагрудные кресты неизвестного происхождения, хранящиеся в Национальном музее истории Украины (№ 71–82).

Кресты-реликварии в каталоге разделены на две группы – «с изображениями, нанесенными глубоко врезанными или тонкими гравированными линиями» (№ 1–38), и «с рельефными изображениями» (№ 39–52). В описаниях обеих групп читатель найдет общую информацию об их датировке и происхождении, а более подробные сведения содержатся в статьях каталога, приложенных к каждому публикуемому образцу.

Структура каталога обусловлена материалом и удобна для работы. Лишь вынесение на первое место крестов с гравированными изображениями представляется не совсем оправданным, так как сами авторы рассматривают один из их вариантов (тип лингби) производным от рельефных образцов «классического» иконографического типа (с. 42). Предположение о причинах возникновения мастерской по производству крестов типа лингби, согласно которому Константинополь стремился «ввести в обиход христианского населения восточных провинций Византии в Малой Азии (вернее пополнить его) кресты с изображением Распятия, почти не встре-

чающимся среди очень распространенных в этом регионе плоских крестов с изображениями, выполненными глубоко врезанными линиями» (с. 42), довольно гипотетично, так как подобные действия официальной власти представляются маловероятными, по меньшей мере до обнаружения прецедентов в письменных источниках.

В «Заключении» А. А. Пескова и Л. В. Строкова еще раз подчеркивают наличие двух групп крестов (рельефных и гравированных), их появление в IX в., распространение в X–XI вв. и постепенный выход из употребления в XII–XIII вв. Происхождение первых они предположительно связывают с Константинополем, вторых – с Малой Азией, Сирией и Палестиной в целом. Благодаря усилиям археологов сейчас довольно трудно оспаривать указанные датировки (хотя критика имеется, см.: *Balcárek*, 2010. S. 365–371). Вопрос о центрах производства решить сложнее, так как до сих пор не найдено никаких следов производственной деятельности, связанной с крестами. В особенности проблематична в данном случае роль Константинополя.

Публикация христианских древностей «сирийской коллекции» предоставляет специалистам корпус новых источников, который непременно послужит в деле изучения византийской культуры. Это первый на русском языке каталог византийских крестов, содержащий все их основные типы. Исчерпывающие сопроводительные статьи и превосходный уровень полиграфии сделают его первой книгой, к которой в нашей стране будут обращаться исследователи, столкнувшиеся с проблемой атрибуции этих изделий. «Сирийская коллекция» не ограничивается предметами христианского культа, и нужно надеяться на скорейшую публикацию бытовых вещей из этого собрания, которая, несомненно, будет выполнена на столь же высоком уровне.

Кондаков, 1896 – *Кондаков Н. П.* Русские клады. СПб., 1896.

Корзухина, 1958 – *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси (По материалам медного литья) // *Византийский временник*. 1958. Т. 14.

Корзухина, Пескова, 2003 – *Корзухина Г. Ф., Пескова А. А.* Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.

Леопардов, Чернев, 1890 – *Леопардов Н. А., Чернев Н. П.* Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Киев, 1890. Сер. 1. Вып. 1.

Николаева, 1960 – *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII вв. в собрании Загорского музея: Каталог. Загорск, 1960.

Петров, 1915 – *Петров Н. И.* Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1915. Вып. 4–5.

Ханенко, 1899 – *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности Русские. Кресты и образки. Киев, 1899. Вып. 1.

Ханенко, 1900 – *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности Русские. Кресты и образки. Киев, 1900. Вып. 2.

Ханенко, 2008 – *Ханенко Б.* Спогади колекціонера. Київ, 2008.

Balcárek, 2010 – *Balcárek P.* Some Remarks on the Dating of Pectoral Crosses // *Byzantinoslavica*. 2010. Т. 68.

Bárány-Oberschall, 1953 – *Bárány-Oberschall von M.* Byzantinische Pektoralkreuze aus ungarischen Funden // *Forschungen zur Kunstgeschichte und christlichen Archäologie*. Bd 2: Wandlungen christlicher Kunst im Mittelalter / J. Hempel (Hrsg.). Baden-Baden, 1953.

Bock, 1896 – *Bock de W.* Lettre au Prince François du Liechtenstein au sujet d'une croix reliquaire byzantine appartenant au Baron d'Inkény et Pallin. St. Pétersbourg, 1896.

King, 1928 – *King E.S.* The Date and Provenance of a Bronze Reliquary Cross in the Museo Cristiano // *Atti della Pontificia Accademia Romana di archeologia*. 1928. Serie III. Memorie 2.

Strzygowski, 1901 – *Strzygowski J.* Orient oder Rom. Beiträge zur Geschichte der spätantiken und frühchristlichen Kunst. Leipzig, 1901.

Wulff, 1909 – *Wulff O.* Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke. Teil I: Altchristliche Bildwerke. Berlin, 1909.

А. А. Остапенко
Россия, Москва.
Институт археологии РАН,
Отдел славяно-русской археологии

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК–ЗАПАД

IV (XX) ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

(Казань, 20–25 октября 2014 г.)

Ключевые слова: Археологические съезды, палеолит, мезолит, Евразия, археологические культуры.
Keywords: Archaeological congresses, Mesolithic period, Eurasia, archaeological cultures.

Состоявшийся в Казани очередной, четвертый по новой нумерации, археологический съезд объединил более 600 археологов, приехавших из различных городов нашей страны и из-за рубежа. В их числе была представительная делегация сотрудников ИИМК РАН. Участники собрания помимо четырех томов текстов докладов (Труды..., 2014) получили книгу по истории археологических съездов (Серых, 2014) и красочный проспект о деятельности Института археологии АН Татарстана (Институт..., 2014). Часть докладов оказалась неопубликованной, и организаторы обещали позднее разослать дополнительный, пятый, том трудов съезда.

Работа съезда проходила в рамках 21 секции, организованных по большей части в хронологическом порядке – от палеолита до средневековья и нового времени. Кроме того, отдельно рассматривались проблемы изучения первобытного искусства, древние технологии, история нашей науки, охрана и музеефикация памятников, антропологические аспекты, палеогеографические реконструкции, компьютерные методы и т. д. Были проведены круглые столы, посвященные вопросам сохранения национального археологического наследия, работе археологических музеев под открытым небом и дискуссионным моментам профессиональной этики.

Не имея возможности в кратком отчете охватить все стороны столь многогранного мероприятия, остановлюсь на близкой мне тематике древнекаменного века. Эти вопросы рассматривались на секции 1 («Развитие культурных процессов в палеолите Северной Евразии»). Данная секция съезда была наиболее представительной и продолжительной (в течение пяти дней было

заслушано и обсуждено 48 докладов). Работа собрания велась под руководством М. В. Шунькова, К. Н. Гаврилова и автора. Помимо основной секции ряд докладов по палеолиту был представлен в рамках секций по древнему искусству, истории археологии, археологической технологии и палеогеографическим реконструкциям. На круглом столе рассматривалась деятельность музеев-заповедников «Костёнки» и «Шульган-Таш» (В. Н. Ковалевский, А. А. Габидуллин). Нельзя не упомянуть развернутый пленарный доклад А. П. Деревянко и М. В. Шунькова, посвященный вопросам становления и распространения по планете человека современного физического типа. Ниже я буду перечислять выступления по палеолиту, группируя их по тематике, независимо от разбивки по секциям.

Прежде всего, отметим доклады, посвященные сенсационным открытиям на Кавказе неожиданно древних нижнепалеолитических памятников – в Дагестане (А. А. Анойкин, А. Г. Рыбалко) и Азербайджане (А. А. Зейналов с соавторами). С. А. Кулаков проинформировал о возобновлении работ по палеолиту Абхазии. Е. В. Дороничева рассказала о моделях использования каменного сырья в палеолите Северо-Западного Кавказа.

Новые данные по хронологии среднего палеолита Русской равнины стали темой коллективного доклада, зачитанного П. Е. Нехорошевым. М. В. Шуньков развернул широкую панораму местонахождений древнейшего палеолита Северной Азии. М. Б. Медникова дала характеристику антропологического разнообразия в палеолите Алтая, включая неандертальцев, денисовцев и людей современного физического типа.

В последние годы заметно расширилась география палеолитических изысканий новосибирских археологов. Коллектив авторов под руководством А. П. Деревянко предложил вниманию присутствующих доклады, касающиеся результатов изучения пещерных памятников Черногории и Вьетнама.

Большая часть сообщений затрагивала верхнепалеолитическую тематику. А. А. Синицын обсуждал общие вопросы характера культуры на широком пространстве севера Евразии в начальную пору верхнего палеолита. Стратиграфию и хронологию ранних комплексов Костёнок рассмотрела Г. М. Левковская с соавторами. Модели расселения человека на Русской равнине в различные периоды верхнепалеолитической эпохи – тема доклада Н. Д. Буровой с соавторами. Т. Е. Солдатова проанализировала костяную индустрию памятников раннего верхнего палеолита Восточной Европы.

Средняя пора верхнего палеолита на Русской равнине стала темой нескольких докладов. С. Н. Лисицын представил свои разработки по культурно-хронологическому расчленению памятников восточного граветта в Костёнках. Е. Ю. Гирия изложил результаты технологического анализа ножей костёнковского типа. А. А. Бессуднов и А. А. Синицын предложили различные модели пространственного размещения объектов костёнковско-авдеевской культуры в Костёнках. Вопросы интерпретации полуземлянок жилых площадок костёнковского типа на примере Зарайской стоянки рассмотрел С. Ю. Лев. М. Н. Желтова говорила о результатах планиграфического анализа стоянки Костёнки IV.

К. Н. Гаврилов и Е. В. Воскресенская с соавторами посвятили свои выступления стратиграфии и хронологии стоянок хотылевской группы в связи с проблемой формирования культур восточного граветта. По тематике к этим докладам примыкало сообщение Д. К. Еськовой о возможности выделения хотылевско-гагаринского варианта восточного граветта.

В. И. Беляева и С. Ю. Янсон сообщили о результатах петрографического исследования кремня из палеолита Десны. К. Н. Степанова доложила о результатах трасологического изучения терочных плиток из стоянки Чулатово 2.

Большую группу докладов представили сотрудники Каменнобалковской экспедиции. Серия сообщений открылась выступлением Н. Б. Леоновой об общих вопросах выделения каменно-

балковской культуры и ее месте в палеолите Причерноморья. Далее следовали доклады об особенностях кремневого инвентаря верхнего (С. П. Медведев) и основного (Е. А. Виноградова) культурных слоев Каменной Балки II, материалах стоянки Каменная Балка III (Н. А. Хайкунова, А. А. Симоненко), реконструкции хозяйственной деятельности носителей каменнобалковской культуры на основе археозоологического анализа (Б. Г. Плохенко), планиграфическом изучении микродебитажа (М. Хамакава).

Материалы поздней поры верхнего палеолита на съезде были представлены в докладах группы исследователей под руководством А. Н. Бессуднова (памятники Дивногорья) и Н. Б. Ахметгалеевой (стоянка Быки 7).

Каменное сырье в палеолите и мезолите Урала – тема развернутого доклада Ю. Б. Серикова. Ряд выступлений был посвящен различным аспектам исследования уникального для нашей страны комплекса древнейшей живописи в Каповой пещере – от химического анализа пигментов (В. С. Житенев) и инфракрасной съемки росписей (А. С. Пахунов) до вопросов интерпретации символического значения памятника (В. Г. Котов). Была представлена краткая информация о предварительных результатах разведок, предпринятых в окрестностях пещеры (М. М. Румянцев).

К. А. Колобова дала развернутый обзор памятников кульбулакской культуры Средней Азии в широком контексте индустрий ориньякского облика Евразии. Более узкой направленностью отличался доклад К. К. Павленок и А. И. Кривошапкина, в котором рассматривались материалы многослойной стоянки Худжи.

Большая серия докладов была посвящена позднему палеолиту Сибири и Дальнего Востока. Общие вопросы генезиса верхнего палеолита Северной и Центральной Азии и пути вероятных миграций стали темой выступления Е. П. Рыбина. М. Б. Козликин продемонстрировал находки из восточной галереи Денисовой пещеры на Алтае, а А. И. Кривошапкин рассказал о результатах новой кампании раскопочных работ в пещере Страшная. Н. Е. Белоусова представила результаты переосмысления материалов из слоев раннего верхнего палеолита на стоянке Кара-Бом.

В коллективном докладе исследователей при участии автора были изложены первые результаты раскопок позднепалеолитического памят-

ника Ирба-2, расположенного в Красноярском крае на трассе строящейся железной дороги Кызыл–Курагино. А. В. Постнов, выступив в составе большой группы исследователей, проинформировал об итогах изучения палеолитических местонахождений в зоне затопления Богучанской ГЭС на Ангаре. Технология изготовления статуэток Мальты была рассмотрена в докладе Л. В. Лбовой и П. В. Волкова. Е. О. Роговский и С. А. Когай рассказали о геолого-геоморфологической позиции археологических объектов плейстоценового возраста на территории г. Иркутска. Н. Е. Бердникова и Г. А. Воробьева остановились на палеогеографии финального палеолита Прибайкалья. М. В. Константинов говорил о масштабных исследованиях палеолита в Забайкалье, в том числе об открытии ранее неизвестных древнейших памятников и выделении ряда новых жилых комплексов. Руководимый им коллектив авторов представил также итоги комплексного изучения разрезов многослойных стоянок Усть-Менза 6 и 16 на Чикое. Географию ранних верхнепалеолитических индустрий расширяют новые открытия в северной Монголии (А. М. Хаценович). В докладе А. Ю. Федорченко были продемонстрированы результаты трасологического анализа украшений из позднепалеолитических комплексов Ушковских стоянок на Камчатке. Наконец, Е. В. Берсенева рассказала о поисках палеолита на востоке Сахалина.

Вопросы истории археологии палеолита в нашей стране были затронуты в выступлениях И. М. Бухтояровой (переписка С. Н. Замятнина) и Н. П. Макарова (археология в Красноярском музее).

Ряд докладов касался тематики финала палеолита и перехода к мезолиту. Г. В. Сеницына остановилась на вопросах культурно-исторического деления финального палеолита и генезисе мезолитических культур на Северо-Западе Рус-

ской равнины. Е. В. Леонова с соавторами сообщила о реконструкции изменений природной среды на рубеже плейстоцена и голоцена по материалам колонок пещерных стоянок на Северо-Западном Кавказе. Трасологический анализ микролитов из этих комплексов стал темой сообщения О. И. Александровой. В докладах М. Г. Жилина и С. Н. Савченко были представлены результаты раскопок на Горбуновском торфянике. С. В. Шнайдер говорила о проблемах генезиса мезолита Средней Азии по материалам стоянки Туткаул.

Е. Н. Бочарова с соавторами дала обзор готовящихся к публикации богатейших материалов многослойной раннеголоценовой стоянки Казачка 1 в Восточной Сибири. Микропластинчатая индустрия горизонтов финала плейстоцена и начала голоцена на памятнике Усть-Кяхта 3 в Забайкалье стала темой сообщения Г. Д. Павленок. А. В. Тетенькин продемонстрировал результаты раскопок последних лет на нижнем Витиме, проследив изменения культуры по материалам стоянки Коврижка 3.

Следующий Археологический съезд состоится под эгидой Алтайского госуниверситета (Барнаул) на горнолыжном курорте Белокуриха на Алтае.

Институт..., 2014 – Институт археологии им. Х. А. Халикова. Казань, 2014.

Серых, 2014 – Серых Д. В. Всероссийские археологические съезды. Казань, 2014.

Труды..., 2014 – Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 1–4.

С. А. Васильев
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной
культуры РАН,
Отдел палеолита

ИСТОРИЯ НАУКИ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. Н. ЗАМЯТНИНА ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО ПЕРЕПИСКИ

И. М. Бухтоярова¹

Статья посвящена переписке известного археолога-палеолитоведа С. Н. Замятнина с коллегами и друзьями, которая была обнаружена автором работы в нескольких архивных фондах страны. В течение всей жизни С. Н. Замятнин поддерживал дружеские отношения с В. Т. Илларионовым, А. Н. Рогачевым, деловые связи с К. М. Поликарповичем и В. А. Городцовым. По материалам переписки можно проследить эволюцию взглядов Сергея Николаевича, обнаружить новые факты его жизни и научной деятельности.

This paper is concerned with the Palaeolithic studies of the prominent archaeologist Sergey Nikolaevich Zamyatnin reflected in his correspondence with colleagues and friends. These letters were discovered by the present author in a number of archive collections in Russia. During his life, A. N. Zamyatnin maintained friendly relations with V. T. Illarionov and A. N. Rogachev and kept up scientific connections with K. M. Polikarpovich and V. A. Gorodtsov. This correspondence traces the evolution of Zamyatnin's opinions and reveals new facts of his life and scientific activities.

Ключевые слова: личная переписка, археологические раскопки, К. М. Поликарпович, В. Т. Илларионов, П. П. Ефименко, В. А. Городцов, Великая Отечественная война.

Keywords: personal correspondence, archaeological excavations, V. T. Illarionov, A. N. Rogachev, K. M. Polikarpovich, V. A. Gorodtsov, the Great Patriotic War.

В историографии отечественной археологии особое место занимает имя выдающегося отечественного палеолитоведа Сергея Николаевича Замятнина (1899–1958). С этим ученым связан целый ряд открытий, сделанных в конце 1920-х, а также в 1930–первой половине 1950-х гг. Среди них – создание первой полной археологической карты Воронежской губернии, открытие первого жилища эпохи верхнего палеолита в с. Гагарино, разработка периодизации верхнего палеолита Западной Грузии и палеолита Черноморско-Абхазского региона.

В последние годы интерес к изучению жизни и деятельности С. Н. Замятнина заметно возрос. О нем был написан целый ряд статей, из которых почти половина – в юбилейном сборнике

в честь 100-летия со дня рождения ученого (Локальные различия..., 1999). В 2013 г. состоялась защита кандидатской диссертации о вкладе С. Н. Замятнина в изучение палеолита (Бухтоярова, 2013). В том же году вышла монография А. Д. Пряхина о развитии археологии в Воронежском государственном университете, в которой С. Н. Замятнину отводится особая роль (Пряхин, 2013). Деятельности археолога в Воронежском губернском музее посвящена публикация Е. Ю. Захаровой (Захарова, 2014). Однако весь спектр научного наследия С. Н. Замятнина, включая комплекс архивных источников, изучен в настоящее время совершенно недостаточно. Все это связано прежде всего с тем, что не обработан личный фонд исследователя (№ 69), хранящийся в Научном архиве ИИМК РАН.

Особую ценность для изучения жизни и деятельности С. Н. Замятнина составляет его лич-

¹ Россия, 394030, г. Воронеж, ул. Кольцовская, 56а. Государственный археологический музей-заповедник «Костенки».

ная переписка с коллегами и друзьями. Совсем недавно открылись новые архивные материалы, которые показали, что на протяжении многих лет С. Н. Замятнин поддерживал переписку с такими учеными, как В. А. Городцов, В. Т. Илларионов, К. М. Поликарпович, А. Н. Рогачев и др.

В архиве «Юдиновского историко-археологического музея» существует личный фонд археолога К. М. Поликарповича,² с которым С. Н. Замятнин поддерживал дружеские отношения до конца своих дней. Фонд содержит 15 писем различного характера (с 1927 по 1952 г.) и два отзыва на работу К. М. Поликарповича (от П. П. Ефименко и С. Н. Замятнина). Всю переписку можно разделить по тематике: 1) раскопки Бердыжской стоянки (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 33, № 6; д. 36, № 6); 2) подготовка археологических работ в Елисеевичах (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 33, № 6); 3) раскопки С. Н. Замятнина в Грузии и Абхазии (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 33, № 6); 4) послевоенная переписка археологов (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 33, № 6; д. 16, № 20).

В 1927 г. С. Н. Замятнин по просьбе П. П. Ефименко участвует в раскопках стоянки Бердыж (Чечерского района, Гомельской области БССР). Специалистов по верхнему палеолиту в Институте белорусской культуры не было, поэтому оттуда обратились за помощью в ГАИМК к П. П. Ефименко. Наконец в мае 1927 г. он напишет ответ К. М. Поликарповичу: «...Лично мне, к сожалению, не удастся побывать у Вас на раскопках. Полагаю, что мой аспирант Сергей Николаевич Замятнин прекрасно справится с этой задачей, так как он зарекомендовал себя уже целым рядом палеолитических стоянок (Борщево, Ильская, Липецкая). Это один из способнейших моих учеников...» (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 36, № 6, л. 1). Высоко оценивал способности С. Н. Замятнина в те годы и А. А. Спицын. По его словам: «Замятнин вполне благонадежный исследователь, я предпочел бы его Бонч-Осмоловскому...» (*Чубур*, 2009. С. 94). Все эти фрагменты писем позволяют нам узнать мнения ведущих советских археологов 1920-х гг. об аспиранте С. Н. Замятнине.

Для нас интересна переписка С. Н. Замятнина с К. М. Поликарповичем в 1928–1930-х гг., которая касалась процесса обработки материалов Бердыжской стоянки и выхода в свет статьи Сергея Николаевича (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 33,

№ 6, 7 л.). Так, вначале у С. Н. Замятнина возникли сложности с присланным из Белоруссии материалом, в частности, с рисунками кремня, которые были неважно нарисованы местным художником: «Теперь о рисунках. Должен сознаться, они меня весьма обескуражили. Я лишний раз убедился, что собственно для того, чтобы нарисовать хорошо кремень, важно быть палеоэтнологом, но неважно быть художником. По-моему, присланные две таблички рисунков вашего художника технически сделаны превосходно, но ровно ничего не стоят с палеоэтнологической точки зрения. Они совершенно не передают материал и непригодны для печати» (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 33, № 6, л. 1–2). Таким образом, С. Н. Замятнину пришлось заново самому делать все рисунки к статье. Из того же письма: «Это рисование основательно меня задержало, и статью я Вам пришлю лишь в самом конце этого месяца» (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 33, № 6, л. 1). Но и в конце месяца Сергей Николаевич не прислал обещанную статью Константину Михайловичу, а подготовил ее через год, в марте 1929 г.: «Очень виноват, что до сих пор не прислал Вам обещанной статьи. Сейчас верно Громов у Вас в Минске и Вы меня основательно, хотя и справедливо, наруживаете. Но у меня причина уважительная имеется. Я больше месяца болею. Было воспаление легких и ряд осложнений. Не выхожу из дома до сих пор, хотя последнее время уже могу работать. Владимир Константинович Быстржинский навещает меня часто, и сегодня принес Вашу посылку. На днях постараюсь прислать мою злополучную статью. Еще раз спасибо» (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 33, № 6, л. 5).

На этом история со статьей не завершилась. Отослав все же весь материал К. М. Поликарповичу, С. Н. Замятнин потом долгое время не мог получить свой экземпляр «злополучной» статьи. 13 марта 1930 г.: «Многоуважаемый Константин Михайлович! Я несколько раз писал Вам по поводу того, что мне очень нужно было иметь 3 или 4 экземпляра оттисков моей статьи о Бердыже. Если задержка из-за обложки, то помогите мне получить эти 3–4 экземпляра, хоть голенькими, мне очень нужно (до середины августа непременно!!!). Устройте мне это, пожалуйста, а то что-то и конца и края этой задержке не видно» (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 33, № 6, л. 6). 26 мая 1930 г.: «Многоуважаемый Константин Михайлович! Я совершенно потерял надежду

² Фонд собран и обработан А. А. Чубуром.

получить оттиски своей статьи о Бердыже. На свои 2 последние открытки, в которых я об них писал – я ответа от Вас не получил. А между тем мне было бы нужно получить хоть 2–3 экземпляра в ближайшее время. Если задержка в обложке, то плюньте на нее, буду хранить и так. Или это способ расквитаться со мной за задержку в представлении статьи для печати? Помилосердствуйте!» (Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 33. № 6, л. 7). По автографической записи С. Н. Замятина на оттиске статьи материал попал в библиотеку ГАИМК в ноябре 1930 г. В целом, археологические раскопки С. Н. Замятина в Бердыже явились для него незаменимым опытом работы в исследовании верхнего палеолита (*Бухтоярова*, 2008. С. 11).

Для С. Н. Замятина события конца 1920–начала 1930-х гг. также не прошли бесследно. Хотя он не был репрессирован, но его переписка с иностранными археологами привлекла внимание компетентных органов. С. Н. Замятину пришлось даже «посетить Дом предварительного заключения на ул. Шпалерной» из-за переписки с французским археологом Луи-Жозефом Капитаном, в которой упоминались некие «орудия» (*Решетов*, 1999). К счастью, разобравшись во всем, следователь сразу же отпустил С. Н. Замятина под подписку о невыезде. Но страх и неприятные впечатления остались на всю жизнь. Существуют прямые указания на то, что С. Н. Замятину власти предъявляли претензии и осенью 1929 г. Из дневника О. Г. Бонч-Осмоловской³ от 9 февраля 1930 г.: «...Я очень хорошо знаю Замятина. Он – молодой приятель Глеба, узкий археолог, милый человек (был и очень красив, а теперь обрюзг). <...>. С тех пор, как Глеб в беде, никто из “друзей” его не навещает. Надо сказать, что осенью Глеб выволок этого Замятина из подобной беды. Ну, а люди редко прощают благодетеля» (*Платонова*, 2006. С. 309). После смерти Г. А. Бонч-Осмоловского С. Н. Замятин с сожалением напишет В. Т. Илларионову в марте 1944 г.: «Думается, знаете о нашей последней преждевременной скорострительной смерти в Казани Г. А. Бонч-Осмоловского в декабре месяце. Жалко. Много еще мог человек работать...» (ЦАНО, ф. 6161, оп. 1, ед. хр. 318, л. 1 об.). Арест Сергея Николаевича повлиял на все его последующее пове-

дение, сделал его предельно осторожным⁴. Именно этот факт заставил его в 1931 г. заявить о выходе из состава действительных членов Международного антропологического института в Париже (Замятин, б/г. Л. 47).

Наиболее интересны для исследования материалы переписки С. Н. Замятина с историком В. Т. Илларионовым.⁵ В Центральном архиве Нижегородской области хранятся письма, написанные с 1938 по 1951 г. Всего в деле № 318 находится 15 писем (14 из них адресовано В. Т. Илларионову, 1 – С. Н. Замятину).

Архивные документы зримо демонстрируют нам взаимоотношения и обстановку 1930-х гг. в науке. К сожалению, в этот период времени меняется отношение С. Н. Замятина к своему учителю П. П. Ефименко. Из письма к В. Т. Илларионову (12.06.1938 г.): «Многоуважаемый Виктор Трофимович! Получил Ваше письмо от 7/VI. Охотно выполняю Ваше поручение и при случае напомню П. П. Ефименко о Вашем письме. Хотя должен сказать, что вижу его весьма редко (хоть и работаем в одном институте). С моей стороны дружеский совет – не чрезмерно обольщайтесь “любезным отношением” Ефименко к Вашей работе, о которой Вы пишете, и лучше договоритесь, чтобы работа была направлена для отзыва в Институте, а не персонально Ефименко. В противном случае опасаясь, что это рецензирование весьма и весьма затянется...» (ЦАНО, ф. 6161, оп. 1, ед. хр. 318, л. 1).

Можно привести много примеров, когда в своих статьях С. Н. Замятин резко критиковал суждения своего учителя. Разумеется, расхождения носили принципиальный характер, однако проследживается тут и чисто человеческая составляющая. Так, о работе П. П. Ефименко, посвященной археологическим находкам у хутора Колесникова, С. Н. Замятин отметит: «К сожалению, никак не могу согласиться с обобщенной характеристикой кварцитовых орудий в находках на нижнем Донце, даваемой Ефименко, огульно относимых им к весьма позднему времени. Кроме того, в ответных замечаниях П. П. Ефименко никак не были учтены дополнительные наблюдения относительно условий залегания находок, на мой взгляд,

⁴ Архивные материалы не дают сведений о репрессиях в отношении С. Н. Замятина, а сам он ни разу не упомянул о чем-либо подобном ни в одной из своих анкет.

⁵ Виктор Трофимович Илларионов (1901–1985) – доктор исторических наук, профессор Горьковского университета, друг С. Н. Замятина.

³ О. Г. Бонч-Осмоловская (1895–1975) – первая жена Г. А. Бонч-Осмоловского.

весьма существенные!» (*Замятнин*, 1953. С. 239). Касаюсь эволюции хозяйственной деятельности палеолитического человека, С. Н. Замятнин даже немного съездит о точке зрения своего учителя: «Объяснение П. П. Ефименко о половом разделении труда в эпоху неандертальцев, которое он связывал с появлением остроконечника и скребла, более остроумно, чем убедительно!» (*Замятнин*, 1960. С. 108).

В архиве Государственного Исторического музея, в личном фонде В. А. Городцова, сохранились восемь писем С. Н. Замятнина, написанные с 1920 по 1939 г., которые могут быть интересны многим историографам. В них Сергей Николаевич всегда с большим почтением относится к собеседнику, употребляя в обращении словосочетание «глубокоуважаемый Василий Алексеевич!» (ГИМ, ф. 431, оп. 1, ед. хр. 402, л. 25–41). Темы, которые С. Н. Замятнин затрагивает в письмах, – это археологические раскопки в Воронежской губернии, раскопки в Тимоновке и издание сборника «Советская археология». В одном из самых ранних писем (от 25.04.1924 г.) он с сожалением говорит о неиспользованном открытом листе на 1923 г.: «Глубокоуважаемый Василий Алексеевич! Одновременно с этим наш Воронежский Музей пересылает мой неиспользованный открытый лист на 1923 год и ходатайство о листе на текущий год. Мне не удалось поработать, как хотелось, в прошлом году <...> т. к. слишком поздно вернулся из Боршова и Костенок». Далее в письме С. Н. Замятнин отмечает уникальность и неизученность родной области: «Прямо совестно, что наш Воронежский край при всем его богатстве так мало известен. Наш отдел первобытных древностей в большей части состоит из случайных находок, раскопчного материала очень немного, да и тот, за небольшим исключением, добыт уж чересчур по-любительски <...> Поэтому очень хотелось бы пораньше иметь открытый лист, о чем, глубокоуважаемый Василий Алексеевич, я Вас очень и очень прошу» (ГИМ, ф. 431, оп. 1, ед. хр. 402, л. 28–29).

В последнем сохранившемся письме С. Н. Замятнина В. А. Городцову от 12.11.1939 г. говорится о его важной спасательной миссии: «...К сожалению, не могу Вас порадовать никакими новостями о своих новых раскопках и находках, т. к. этот год нигде не копал, а сидел в Ленинграде и занимался писанием всяких скучных вещей. Единственная интересная новость, кото-

рую могу сообщить, это то, что мне пришлось принять некоторое участие в спасении ряда чудесных сарматских вещей типа Новочеркасского клада и сибирской коллекции Кунсткамеры, которые были найдены случайно в этом году в Воронежской губ. (Вернее, я только побудил Воронежский музей принять необходимые меры.) Часть вещей попала и в Москву в Исторический Музей – о них Вам москвичи расскажут. Еще раз желаю Вам здоровья и всяческого благополучия. Искренне уважающий Вас Сергей Замятнин» (ГИМ, ф. 431, оп. 1, ед. хр. 402, л. 41).

Особый интерес для нас представляют письма, написанные в период Великой Отечественной войны. Начиная с 1941 г. и до начала 1942 г. С. Н. Замятнин находился в г. Ленинграде. В марте 1942 г. решением Президиума АН СССР Сергей Николаевич, вместе с группой товарищей, был эвакуирован в Казань (*Бухтоярова*, 2011. С. 31). О том, насколько тяжелым было положение С. Н. Замятнина в годы блокады, рассказывает его письмо к В. Т. Илларионову: «Слухи, докатившиеся до Вас о моем превращении из археолога-исследователя в объект археологического исследования – два года назад были близки к осуществлению. Действительно, в марте 1942 г. я выехал из Ленинграда (меня вывезли в тяжелом состоянии дистрофии). И по приезду в Казань, где я пробыл семь месяцев, в первые два я не был уверен, что выкарабкаюсь, но все обошлось...» (ЦАНО, ф. 6161, оп. 1, ед. хр. 318, л. 1). После войны С. Н. Замятнин был представлен к двум правительственным наградам «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Отечественной войне 1941–1945 гг.» (*Бухтоярова*, 2011. С. 32).

В рамках деловой переписки в личном фонде С. Н. Замятнина в архиве МАЭ РАН мы находим благодарственные письма молодых ученых, а также известных археологов, как некий отклик на научную поддержку и консультации, оказанные С. Н. Замятниным. В архиве представлено два письма: от Т. М. Минаевой и А. Н. Рогачева (НА МАЭ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 17, л. 8–15). Письмо С. Н. Замятнину от Т. М. Минаевой (впоследствии видного кавказоведа и археолога) написано 27.12.1946 г. из г. Ставрополя. Оно сохранилось не полностью, но мы можем прочитать: «...Уважаемый Сергей Николаевич! Письмо, которое я отослала Вам летом 1946 г., достигло своего адресата. Я продолжаю работать над диссертацией... Все Ваши замечания по мо-

ей работе я исправила и готова отправить Вам свои новые рукописи...» (НА МАЭ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 17, л. 14). В конце письма Татьяна Максимовна благодарит Сергея Николаевича за ценные советы по написанию диссертации. В итоге в 1947 г. Т. М. Минаева защитила кандидатскую диссертацию на тему «Археологические памятники верховьев Кубани».

Второе письмо С. Н. Замятнину – от А. Н. Рогачева отправлено из с. Костенки Воронежской области 20.07.1952 г. Оно содержит приглашение на 30-летний юбилей археологических исследований в Костенках и дает представление о том, что археологи находились в теплых дружеских отношениях (НА МАЭ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 17, л. 18).

Архивные фонды многих научных собраний до сих пор остаются неисследованными современными историографами. Между тем, чтобы восполнить многие пробелы и «белые пятна» в истории науки, следует обратиться прежде всего к эпистолярному жанру. Именно письма сохраняют и передают настроение времени, отношения людей и их характер. Изучив материалы переписки С. Н. Замятнина с коллегами-археологами, невольно убеждаешься, что талантливый человек – талантлив во всем! Письма Сергея Николаевича написаны «живым» и понятным языком. На их страницах открываются новые факты его жизни и научной деятельности. Многие вещи дают возможность заново переосмыслить важные моменты жизни археолога, имеющие огромное значение для изучения истории археологии.

Архив ЮИАМ, ф. 1, д. 16, № 20: Из переписки с С. Н. Замятниным, А. П. Окладниковым и П. П. Ефименко (включая отзыв П. П. Ефименко о трудах К. М. Поликарповича). 1946–1952 гг.; д. 33, № 6: Переписка с коллегами. Письма от археолога Сергея

Николаевича Замятнина (ГАИМК, МАЭ). 1934–1952 гг.; д. 36, № 6: Переписка с коллегами (научная). 1927 г.

Бухтоярова, 2008 – Бухтоярова И. М. С. Н. Замятнин и исследование палеолитической стоянки Бердыж в Белорусской ССР в 1927–1928 гг. // Научные труды преподавателей и студентов исторического факультета. Воронеж, 2008. Вып. 3.

Бухтоярова, 2011 – Бухтоярова И. М. Деятельность археолога С. Н. Замятнина в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. Ч. 2. № 2 (8).

Бухтоярова, 2013 – Бухтоярова И. М. Сергей Николаевич Замятнин и его вклад в изучение палеолита: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013.

ГИМ, ф. 431, оп. 1, ед. хр. 402. Письма В. А. Городцову: Письма от Замятнина С. 1920–1939 гг.

Замятнин, 1953 – Замятнин С. Н. Заметки о палеолите Донбасса и Приазовья // Сб. МАЭ АН СССР. Л, 1953. Т. 14.

Замятнин, 1960 – Замятнин С. Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // Труды ИЭ АН СССР. 1960. Т. 54.

Замятнин, б/г – Личное дело С. Н. Замятнина // НА МАЭ РАН, ф. К-1, оп. 7, д. 4: Личные дела, карточки, характеристики бывших сотрудников Института этнографии с фамилиями от Дол до КАР. СПб.

Захарова, 2014 – Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятнина в Воронежском губернском музее // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 2.

Локальные различия..., 1999 – Локальные различия в каменном веке: Тез. докл. на Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С. Н. Замятнина. СПб., 1999.

НА МАЭ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 17: Переписка деловая.

Платонова, 2006 – Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // АВ. СПб., 2006. № 12.

Пряхин, 2013 – Пряхин А. Д. Археология в Воронежском государственном университете (1918–начало 90-х гг. XX в.). Воронеж, 2013. Кн. 1.

Решетов, 1999 – Решетов А. М. Трагико-комический случай из жизни С. Н. Замятнина (К вопросу об аресте С. Н. Замятнина) // Локальные различия в каменном веке: Тез. докл. на Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения С. Н. Замятнина. СПб., 1999.

ЦАНО, ф. 6161, оп. 1, ед. хр. 318: Переписка с Замятниным Сергеем Николаевичем (профессор этнографического факультета Ленинградского университета, с. н. с. ИА и Э АН СССР). Письма-подлинники и копии, письма Илларионова (12.06.1938–09.09.1951).

Чубур, 2009 – Чубур А. А. Очарованный древностью. Константин Михайлович Поликарпович: жизнь, открытия, ученики. (Люди белорусской науки). Минск, 2009.

Scientific activities of S. N. Zamyatnin represented in his correspondence

I. M. Bukhtoyarova

Sergey Nikolaevich Zamyatnin (1899–1958) was a most prominent archaeologist occupied with studies of the Palaeolithic period in the first half of the 20th century. When summarizing the scientific heritage of Zamyatnin, of especially great importance seem to be the studies of his correspondence. Zamyatnin's scientific activities were influenced by

many figures in different periods. Recently, historiographers obtained access to an assemblage of new archive sources which will supplement our knowledge on the key moments of the biography of S. N. Zamyatnin. Part of this correspondence requires a reconsideration of the entire scientific work of the archaeologist.

**СТО И ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ТУВИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ:
К 100-ЛЕТИЮ РАСКОПОК А. В. АДРИАНОВА В УРЯНХАЙСКОМ КРАЕ
И К 50-ЛЕТИЮ НАЧАЛА РАБОТ САЯНО-ТУВИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ЛОИА АН СССР ПОД РУКОВОДСТВОМ А. Д. ГРАЧА В ТУВЕ**

Н. Ю. Смирнов¹

«Возможно полное использование такой дальней и дорогой поездки, какова поездка в Урянхайский край, и с такой впервые осуществляемой целью, как раскопки курганов в этом чужом краю, само собой подсказывается».

А. В. Адрианов

«Нам довелось исследовать самые разные виды памятников, относящихся к основным эпохам истории Тувы и Центральной Азии в целом – курганные могильники, древние изваяния и эпиграфические памятники, наскальные изображения, древние города, объекты археологической этнографии».

А. Д. Грач

Ключевые слова: 100-летие первых научных раскопок в Туве, Урянхайский край, А. В. Адрианов, Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА АН СССР, 50-летний юбилей СТЭАН, А. Д. Грач.

Keywords: 100-year anniversary of the first scientific excavations in Tuva, Uryankhay Krai, A. V. Adrianov, 50-year anniversary of Sayan-Tuva Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of AS USSR, A. D. Grach.

В 2015 г. в тувинской археологии дважды юбилейный – мы отмечаем 100-летие первых научных раскопок в Туве, проведенных Александром Васильевичем Адриановым в 1915–1916 гг., и 50-летие начала работ Саяно-Тувинской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Александра Даниловича Грача.

Чудесным подарком всем археологам, занимающимся Тувой, стала книга О. Б. Беликовой «Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект)», вышедшая в 2014 г. в Томске (Беликова, 2014). Этот поистине героический труд историографа и архивиста вернулся из небытия тувинскую экспедицию Адрианова в ее полном материальном объеме: переписка об организации поездки, полевые дневники, фотографии, фотодневники, вещи... Все это, ранее хранившееся под спудом в различных ар-

хивах и в фондах музея Томского университета, благодаря О. Б. Беликовой стало нашим общим научным достоянием.

Короткая, но ясная рецензия на эту книгу, была написана еще Г. В. Длужневской (см. рецензию в этом выпуске). К ней остается добавить лишь то, что в деле изучения истории археологии Сибири теперь есть образец монографического исследования истории и результатов работы одной экспедиции, уровню которого придется соответствовать всем подобным исследованиям.

Вторая юбилейная дата непосредственно связана с научной и экспедиционной деятельностью ЛОИА АН СССР (теперь ИИМК РАН) и Сектора Средней Азии и Кавказа (теперь Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа) в Туве, в ложе будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС в Центрально-Тувинской котловине. И первое имя, которое должно быть здесь названо, – это имя кандидата исторических наук, научного сотрудника ЛОИА Александра Даниловича Грача, возглавившего, а по сути создавшего, в 1965 г. Саяно-Тувинскую

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

экспедицию ЛОИА АН СССР – знаменитую СТЭАН.

Если следовать формальным характеристикам, то А. Д. Грач, числившийся в штате ЛОИА всего *десять* лет (с 17 июля 1963 г. по 15 декабря 1973 г.), был младшим научным сотрудником, затем стал научным, потом был назначен первым начальником одной из крупнейших новостроечных экспедиций ЛОИА и, наконец, был «освобожден от занимаемой должности» старшего научного сотрудника «в связи с истечением срока работы, установленного законодательством о конкурсах» (РО НА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 5, д. № 361, л. 6, 11, 12, 15, 27). Таковы скупые факты бумажной биографии. А за ними – личность, эпоха и экспедиция, благодаря которой и существует по сей день когда-то ленинградская, а затем уже петербургская археология в Туве. Это организация и успешная работа Саяно-Тувинской экспедиции, сотни открытых памятников, тысячи находок в фондах Национального музея Республики Тыва и Государственного Эрмитажа, непростые отношения с отдельными членами коллектива экспедиции и с руководством ЛОИА, отставка с поста начальника экспедиции, спровоцированное увольнение из Института, прекрасная аналитическая работа, заложившая основы современной периодизации эпохи ранних кочевников Тувы и подведшая итоги многолетним работам СТЭАН... И несправедливо ранняя смерть.

«Всем известно, что Саяно-Тувинская экспедиция является делом моей жизни, моей судьбой» – фраза, сказанная Грачом в год его увольнения из института, в полной мере отражала действительность.

В мае 2015 г. в ИИМК РАН состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное 50-летию начала работ СТЭАН. Среди почетных гостей, выступавших с докладами и воспоминаниями, были тогдашние сподвижники Александра Даниловича по СТЭАН, в разное время возглавлявшие ее отряды или просто бывшие сотрудниками, затем продолжившими его дело. Среди них нужно отметить выступление Я. А. Шера, который в конце своей речи обратился к Ученому совету и руководству ИИМК РАН с призывом осуществить «административную реабилитацию» А. Д. Грача, т. е. отменить несправедливое решение Ученого совета ЛОИА от 23 ноября 1973 г. о его непереизбрании на должность с. н. с. на новый срок.

Д. Г. Савинов в своих воспоминаниях о личном общении и дружбе с Грачом указал на то, что для последнего всегда огромное значение имела общекультурная и просветительская деятельность и метод культурного и трудового воспитания, основанный на вовлечении в творческое сотрудничество в археологической экспедиции младшего поколения – студентов и школьников, на преемственности культурных и научных традиций. Не случайно в современной Туве трудно найти человека, который бы не слышал о Граче, не говоря уже о том, что министр обороны РФ и по совместительству глава Русского географического общества (что уже не кажется случайным) и нынешний Председатель Правительства Республики Тыва прошли, будучи еще школьниками, через отряды СТЭАН.

С очень теплыми воспоминаниями об экспедиции и о А. Д. Граче выступила Н. Л. Дементьева, бывший министр культуры РФ, в настоящее время член Совета Федерации, а в те годы рядовой сотрудник Саяно-Тувинской экспедиции.

Целую лекцию о работах экспедиции и о пагубном воздействии водохранилища на памятники истории и культуры прочел С. Н. Астахов, сменивший А. Д. Грача на посту начальника СТЭАН и впоследствии передавший эстафету исследований ЛОИА–ИИМК РАН в Туве Вл. А. Семенову и М. Е. Килуновской.

О своем опыте работы в СТЭАН и о людях, работавших с Грачом, много интересного вспомнил тюрколог Д. Д. Васильев (ИВ РАН, Москва).

Заведующий Отделом палеолита ИИМК РАН С. А. Васильев, рассказывая о своей работе в саянской «трубе», напомнил присутствующим, что в прошлом году ушла из жизни Г. В. Длужневская, ближайший и самый преданный соратник А. Д. Грача, которая могла бы много и интересно рассказать о той эпохе.

Вл. А. Семенов и М. Е. Килуновская представили новые открытия Тувинской экспедиции ИИМК РАН, сделанные за последние годы в зоне строительства железной дороги из Красноярского края в Туву.

К сожалению, уходят люди, рассыпаются пережившие тысячелетия вещи, лишь по крохам собирается информация... создание истории СТЭАН и полная публикация результатов ее работ – дело необозримого будущего. Последние годы шла кропотливая и трудная работа по введению в научный оборот материалов из рас-

копок экспедиции. Этот скромный научный подвиг последовательно осуществляли Г. В. Длужневская и Д. Г. Савинов. А ведь дело требует продолжения!

Отрадно, что в августе этого года в Кызыле произошли два события, напрямую связанные с 50-летним юбилеем СТЭАН. 21–24 августа 2015 г. состоялась общероссийская научная конференция «Древние культуры Верхнего Енисея и сопредельных территорий», организованная ИИМК РАН совместно с ТИГИ и Национальным музеем Республики Тыва и открылась при-

уроченная к конференции временная выставка – из фондов музея и Фотоотдела Научного архива ИИМК РАН – полностью посвященная Саяно-Тувинской экспедиции и лично Александру Даниловичу Грачу.

Архивные материалы:

Беликова О. Б. Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск: Изд-во ТГУ, 2014. 570 с.

РО НА ИИМК РАН, Ф. 35. Оп. 5. Д. №361: Личное дело А. Д. Грача.

Приложение:
Приказ №20 по ленинградскому отделению Института археологии АН СССР
г. Ленинград

9 февраля 1965 г.

§ 1.

На основании решения Госплана СССР и Государственного Комитета по энергетике и электрификации СССР организовать Саяно-Тувинскую археологическую экспедицию ЛОИА. Район работ экспедиции – зона водохранилища и строительства Саяно-Шушенской ГЭС (Тувинская АССР и Красноярский край). Общий срок работ экспедиции – 1965–1970 гг.

В соответствии с извещением Госплана СССР и ЦУКС АН СССР сумма ассигнований по Саяно-Тувинской археологической экспедиции на 1965 год – 90 тыс. руб.

§ 2.

Начальником Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА назначить кандидата исторических наук Грача Александра Даниловича.

§ 3.

Включить в состав экспедиции в качестве начальников отрядов старшего научного сотрудника А. М. Мандельштама и ст. лаборанта С. Н. Астахова.

§ 4.

Начальнику экспедиции А. Д. Грачу представить мне полный состав руководящего персонала и штата экспедиции на 1965 г. к 15 февраля с. г.

Зав. Ленинградским отделением
Института археологии АН СССР
доктор исторических наук, профессор

(М. К. Каргер)

ПЕРСОНАЛИИ

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ЧИСТЯКОВ (1865–1935): К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

М. В. Медведева¹

Статья приурочена к 150-летию со дня рождения И. Ф. Чистякова – фотографа Археологической Комиссии и Академии истории материальной культуры. На основе материалов из фондов Научного архива Института истории материальной культуры РАН рассматриваются основные вехи его жизни и деятельности в 1890–1935 гг., а также вклад в развитие фотодокументации как обязательного элемента полевых археологических исследований.

This paper is timed to the 150th birth anniversary of Ivan F. Chistyakov — a photographer of the Archaeological Commission and Academy of the History of Material Culture. Basing on the materials from the collection of the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture RAS, this article discusses the main landmarks of his life and activities in 1890–1935 and his contribution to the development of photographic documentation as an indispensable element of field archaeological investigations.

Ключевые слова: история археологии, фотография, Императорская Археологическая Комиссия, Государственная Академия истории материальной культуры, И. Ф. Чистяков.

Keywords: history of archaeology, photography, Imperial Archaeological Commission, State Academy of the History of Material Culture, Ivan F. Chistyakov.

5 ноября 2015 г. исполняется 150 лет со дня рождения Ивана Федоровича Чистякова (рис. 1) – талантливого фотографа, на протяжении многих лет (1890–1934) трудившегося в ведущих археологических учреждениях России (ИАК–РГАК–РАИМК–ГАИМК). Археологам, архитекторам, искусствоведам и другим специалистам хорошо известны его работы по многочисленным фотографиям, сопровождающим печатные издания Императорской Археологической Комиссии. Фотоизображения археологических находок со всей территории Российской империи, процесса полевых работ, памятников архитектуры, великолепно исполненные И. Ф. Чистяковым более 100 лет назад, не перестают быть востребованными в наши дни и постоянно используются исследователями.

Рис. 1. И. Ф. Чистяков в Ольвии, 1926 г.

Fig. 1. I. F. Chistyakov in Olbia, 1926.

---

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Научный архив ИИМК РАН.

В заметке заведующей фотоархивом ГАИМК Т. М. Девель, хранящейся в личном деле И. Ф. Чистякова и написанной уже после его кончины, указывалось, что «И. Ф. был фотографом самоучкой. Родившись в 1865 г. в крестьянской семье в д. Константиновской, Бежецкого уезда, Тверской губернии, и пройдя там начальную сельскую школу, И. Ф. приезжает в 1886 г. в Петербург, где по отбытии воинской повинности в 1890 г. поступает сторожем в Археологическую Комиссию» (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. 733, л. 8). В Комиссию он пришел в чине отставного унтер-офицера с самыми наилучшими характеристиками. Согласно аттестату, составленному его батальонным командиром, «унтер-офицер 10 роты 145 Новочеркасского полка» Иван Чистяков состоял на действительной службе «с 1 января 1887 г. по 20 августа 1890 г., в течение этого времени поведения был отличного, все возлагаемые на него служебные обязанности исполнял с усердием и в полной исправности», был награжден «металлическим знаком за отличную стрельбу» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1894, д. 12, л. 7 об., 48).

Служба И. Ф. Чистякова в Императорской Археологической Комиссии началась в 1890 г. с небольшого казуса с участием полицейского ведомства Зимнего дворца. В Научном архиве ИИМК РАН в деле ИАК «о предметах, не составляющих особых дел» за 1890 г. хранится официальный запрос от 4 сентября делопроизводителю И. А. Сулову от полицмейстера Императорского Зимнего дворца о поддельном письме «о предоставлении прописки новому сторожу ИАК Чистякову». Полицейстер сообщал: «2 сентября мною получено было отношение Императорской Археологической Комиссии за № 506 без числа и месяца с приложением увольнительного билета и временного вида... Ивана Чистякова; отношение это было подписано именем Вашего Высокоблагородия, но видимо другим лицом.

По справке оказалось, что подпись за Ваше Высокоблагородие учинил служащий сторожем при Комиссии Отставной рядовой Санкт-Петербургского жандармского дивизиона Иван Паршин» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1890, д. 4, л. 48–48 об). К запросу прилагалось письмо с поддельной подписью, и полицмейстер интересовался, действительно ли Комиссия приняла сторожем «вышеупомянутого Чистякова».

И. А. Сулов ответил, что «запасной унтер-офицер Иван Чистяков, увольнительный билет

и временный вид которого своевременно представлен в Вашу Канцелярию, действительно, определен на службу в Комиссию по вольному найму, с возложением на него обязанностей сторожа». «...Что касается поступка сторожа Паршина, совершенного им без злой воли и исключительно от неуместного излишнего усердия», и ввиду «отличного исполнения возлежащих на нем обязанностей до того проступка», ограничились небольшим выговором (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1890, д. 4, л. 49–50).

Квартиры сторожей ИАК располагались в подвалах под основными помещениями Комиссии на углу между Невой и Зимней канавкой. В Научном архиве ИИМК РАН сохранились планы подвалов, где обозначены комнаты, относящиеся к квартирам сторожей² (рис. 2), и рапорт врача Дворцового Управления от 31 августа 1913 г.: «...семья сторожа Археологической Комиссии Чистякова, проживающая в подвальном помещении, находится в крайне неудовлетворительных условиях, в санитарно-гигиеническом отношении, а именно: на 9 человек живущих, из коих взрослых шестеро, приходится 4 ¼ кубических саженой воздуха... В результате такого антигигиенического помещения этой семьи являются постоянные заболевания членов ея, наблюдаемые мною именно с 1911 г. по настоящее время наблюдалось 53 заболевания, ...такой частоты заболеваний не наблюдалось ни в одной семье, из проживающих в первом округе, и самый характер заболеваний – простудные, нервные и болезни кровотожения, указывают, что причиной их служат дурные гигиенические условия» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1913, д. 6а, л. 5–5 об.). В этот момент как раз намечалось переустройство подвальных помещений Комиссии, и после такого рапорта семье И. Ф. Чистякова была предоставлена другая более обширная и сухая квартира.

И. Ф. Чистяков все время своей службы в Комиссии числился официально сторожем, но уже в середины 1890-х гг. на него возлагаются все обязанности фотографа Императорской Археологической Комиссии. Практику фотофиксации поступающих в ИАК находок ввел В. Г. Дружинин, он же научил фотографированию сторожа Чистякова (Гайдуков, 2010. С. 141),

² Выражаю благодарность Н. А. Беловой (ИИМК РАН) и Д. Д. Ёлшину (Государственный Эрмитаж) за помощь в выявлении архивных документов.

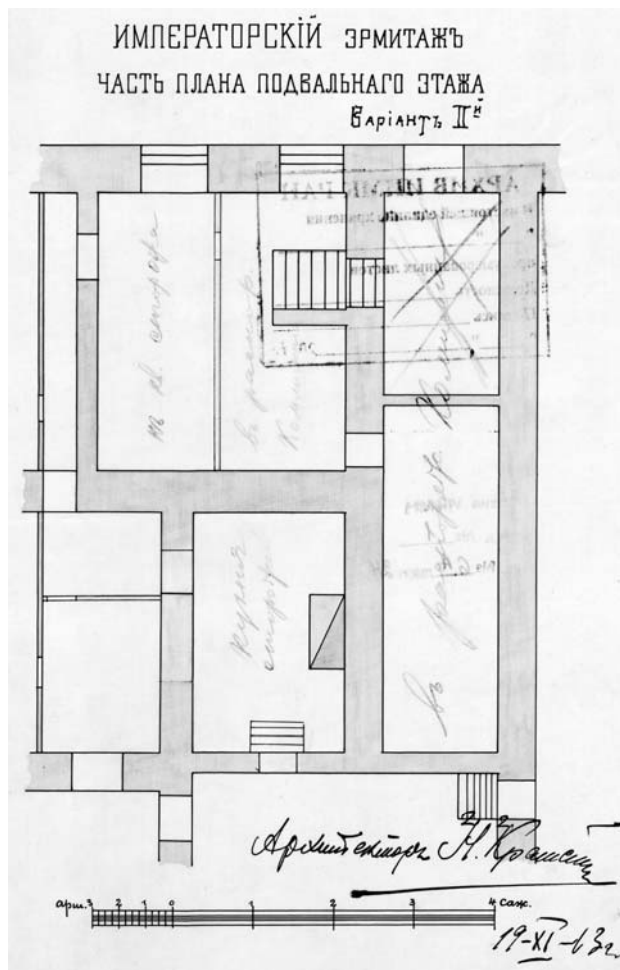

Рис. 2. План подвального этажа Эрмитажа, 1913 г.

Fig. 2. Plan of the basement of the Hermitage, 1913.

проявившего к этому интерес. К 1895 г. И. Ф. Чистяков уже вполне профессионально овладел техникой фотосъемки, и ему поручались фотоработы в процессе всех последующих крупнейших проектов ИАК по изучению археологических и архитектурных памятников России. В результате деятельности И. Ф. Чистякова сложилась окончательная система подробного фотодокументирования архитектурно-реставрационных исследований ИАК и всех без исключения древностей, проходивших через руки специалистов Комиссии. Он постоянно ездил вместе с сотрудниками ИАК (Н. И. Веселовским, П. П. Покрышкиным, К. К. Романовым, Б. В. Фармаковским и др.) в научные командировки для производства фотосъемки, занимался фотографированием вещей из раскопок, кладов и случайных находок. И. Ф. Чистяков мог снять в равной степени прекрасно как памятники монументальной архитектуры и фресковой живо-

писи, так и предметы мелкой пластики, умело передавая при этом структуру материала.

О востребованности И. Ф. Чистякова как фотографа можно судить, например, из материалов переписки П. П. Покрышкина и Д. В. Милеева в процессе масштабных реставрационных работ в Ипатьевском монастыре в Костроме в 1911–1912 гг. Из письма Д. В. Милеева к П. П. Покрышкину от 30 октября 1911 г.: «...Пусть поспешит Чистяков своим извещением и сметой, а то на этой неделе комитет будет решать, кому сдать фотографии. Надо торопиться фотографировать иконы, чтобы не задержать Чирикова...» (РО НА ИИМК РАН, ф. 21, д. 207, л. 6–6 об.). В письме от 4 ноября 1911 г. он же сообщает: «Глубокоуважаемый Петр Петрович. Был у меня Чистяков, ознакомился детально с работой, кажется, очень хочет получить. Сейчас узнал у Председателя Местного комитета (вице-губернатора), что он хочет спросить Петербургскую Строительную Комиссию о решении кому сдать фотографирование. Заседание комиссии назначено кажется на это воскресенье (6 ноября). Пока у Чистякова конкурент московский Фишер, который хочет по 6 руб. за снимок, Чириков по 8 руб., затем Дудин за одну фресковую живопись 3000 руб. Я думаю, Чистяков сделает не хуже Фишера и др. Всего фотографических снимков придется сделать не менее 1000 штук (вместе стенопись и иконы). Чистяков хочет по 3 руб. за негатив с двумя отпечатками.

С своей стороны я был бы рад, если дело фотографирования останется за Чистяковым...» (РО НА ИИМК РАН, ф. 21, д. 207, л. 7–8).

В результате именно И. Ф. Чистяков занимался фотофиксацией в ходе реставрации и сделал около 1500 снимков монастырских построек, внутренних и внешних видов Троицкого монастыря, фресковых росписей; стеклянные негативы и отпечатки пополнили фотоколлекции архивного собрания НА ИИМК РАН.

Заслуги И. Ф. Чистякова неоднократно были отмечены Археологической Комиссией и ее председателем А. А. Бобринским. Кабинетом Его Императорского Величества по ходатайству ИАК ежегодно выделялись «добавочные» денежные средства «к штатному содержанию» по случаю праздника Св. Пасхи сотрудникам по вольному найму, в том числе И. Ф. Чистякову (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1884, д. 15, л. 57).

И. Ф. Чистяков несколько раз награждался по личному представлению А. А. Бобринского. Во

всех ходатайствах председатель ИАК неизменно писал, что «независимо от лежащих на Чистякове обязанностей сторожа Комиссии, исполняемых им при отличной нравственности, с примерным трудолюбием, расторопностью и точностью, на него возложено фотографирование всех древних вещей, поступающих в Комиссию и представляемых на высочайшее воззрение, а также планов и чертежей, относящихся к реставрациям памятников зодчества.

Поручение это, выполняемое Чистяковым с полным знанием дела, служит к значительному сокращению кредита, отпускаемого Комиссии на этот предмет, и к немедленному изготовлению фотографических снимков» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1894, д. 12, л. 47 об.).

В 1899 г. он представил И. Ф. Чистякова к «золотой медали для ношения на шее на Станиславской ленте» «...за выдающуюся заслугу по исполнению возложенного... на него в 1898 году поручения, сопряженного с командировкой его в Самарканде, для снятия фотографических снимков с древних, большей частью ныне разрушающихся, мечетей и других замечательных в архитектурном отношении зданий». Оценивая труды фотографа, А. А. Бобринский указывал: «С фотографических работ Чистякова, иногда и не безопасных, благодаря высоте и ветхости зданий, изготавливаются цинкографические клише для печатных Отчетов Комиссии, а равно и для предложенного к изданию Описания древних Самаркандских памятников зодчества. Вообще, как отличный фотограф, Чистяков оказывается крайне полезным же Археологической Комиссии» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1894, д. 12, л. 17 об.).

В 1904 г. А. А. Бобринский ходатайствовал о награждении И. Ф. Чистякова «золотой медалью для ношения на шее на Анненской ленте» за «выдающуюся заслугу» по исполнению в 1903 г. снимков с фресковых росписей церкви Спаса на Нередице близ Новгорода (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1894, д. 12, л. 48). При производстве ремонтных работ в храме под наблюдением члена ИАК П. П. Покрышкина внутри Спасо-Нередицкой церкви были возведены леса, разобран иконостас, и таким образом появилась уникальная возможность сделать фотографии всех фресковых изображений. В самом начале работ П. П. Покрышкин просил Комиссию немедленно прислать в Новгород сторожа-фотографа И. Ф. Чистякова для фотофиксации: «Чистяков

должен взять с собой все принадлежности для проявления, большой “самаркандский” фотоаппарат, растворы, ванны, фонарь, пластинки. Для большого аппарата потребуется дюжин 5 и столько же размером 18×24 см. Все пластины должны быть высшей чувствительности и половина из них противуореольная. Требуется также прибор для снимания при свете магния» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. 34, л. 142).

В результате работ И. Ф. Чистякова в архив ИАК поступило несколько сотен фотоизображений фресковой росписи Спасо-Нередицкой церкви. Реставраторы до сих пор активно используют их в своей работе по восстановлению сильно пострадавшей в годы Второй мировой войны монументальной живописи храма. Сто шестьдесят четыре снимка вошли в альбом для «подношения на Высочайшее воззрение». 9 апреля 1904 г. император и императрица посетили годовичную выставку древностей, добытых Императорской Археологической Комиссией, где фотограф ИАК И. Ф. Чистяков преподнес альбом фотографических снимков его работы с фресок Спасо-Нередицкой церкви (Известия ИАК, 1904. С. 2–3).

В 1913 г. И. Ф. Чистяков по представлению А. А. Бобринского приказом Министерства Императорского Двора за «усердную службу» был возведен в звание почетного личного гражданина (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1894, д. 12, л. 101).

Высокая квалификация фотографа И. Ф. Чистякова подтверждалась и получением наград от профессиональных фотографических организаций. В 1898 г. Совет Императорского Русского технического общества утвердил постановление Комиссии экспертов Пятой фотографической выставки о награждении И. Ф. Чистякова «бронзовой медалью Министерства финансов» «за точное исполнение снимков с древних предметов». В 1903 г. Комиссия экспертов Международной фотографической выставки, состоявшейся в Санкт-Петербурге, «признала Чистякова достойным награждения малой серебряной медалью Министерства Земледелия и Государственных Имуществ» также за прекрасное изготовление фотоснимков древностей (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1894, д. 12, л. 47 об.).

Фотографии и негативы, сделанные И. Ф. Чистяковым, всегда отличались высоким качеством и точностью передачи. Помимо овладения трудоемкой техникой фотодела, И. Ф. Чистяков быстро осознал необходимость «своевременной

Рис. 3. Лаборатория фотографа И.Ф. Чистякова, Ольвия 1926 г.: 1 – внешний вид; 2 – внутренний вид.

Fig. 3. I. F. Chistyakov's laboratory, Olbia 1926: 1 – outside view; 2 – internal view.

Рис. 4. И. Ф. Чистяков (первый слева) в группе исследователей в Ольвии в 1924 г. В центре – начальник экспедиции Б. В. Фармаковский (четвертый слева).

Fig. 4. I. F. Chistyakov (first on the left) among a group of researchers in Olbia in 1924. The head of the expedition – B. V. Farmakovskiy is in the centre (fourth on the left).

паспортизации снимка». С 1896 г. он тщательно вел ежегодную понегативную запись и нумерацию снимков с отметкой содержания, автора и издания, для которого предназначались снимки, места раскопок. В итоге в Научном архиве ИИМК РАН сохранились не только тысячи хороших снимков, но тысячи документов, которые

и сегодня могут использоваться в исследовательской работе (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. 733, л. 10; Длужневская, 2007. С. 254–255). Записи и пометки И. Ф. Чистякова сыграли важную роль в атрибуции снимков и составлении архивных описей фотографического собрания ИАК. В 1918 г. к моменту образования фотоархива он передал в Российскую государственную археологическую комиссию более 20 тысяч негативов, которые легли в основу фотоколлекции Императорской Археологической Комиссии и создали начальную базу для формирования всего собрания (Длужневская, 2007. С. 255).

Согласно трудовому списку И. Ф. Чистяков с 1919 г. работал фотографом Академии истории материальной культуры (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 5, д. 337, л. 3 об.–4), в 1920–1930-е гг. он продолжал осуществлять фотографические работы в процессе экспедиций по исследованию архитектурных и археологических памятников РАИМК–ГАИМК. Особо выделяются материалы его полевой съемки в Ольвийской экспедиции в 1924–1932 гг. (рис. 3, 1, 2; 4).

Весной 1934 г. от сотрудников Института исторической технологии на имя заместителя председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисова поступила докладная: «ИИТ в целях обеспечения бесперебойной работы фотомастерской просит освободить н.-техн. сотрудника Чистякова И. Ф. от занимаемой им должности с предоставлением ему возможности выполнять работу в порядке сдельной оплаты.

Вызывается такое перемещение необходимостью иметь в мастерской постоянного штатного работника с нормальной производительностью труда. Между тем т. Чистяков за последнее время дает количественно и качественно неудовлетворительную работу...

Всего за февраль т. Чистяковым сдано 160 единиц законченной продукции, за март 90 единиц при принятой сейчас в ИИТ норме в 250 единиц на человека в месяц». Со стороны Ф. В. Кипарисова не нашлось возражений. После сокращения из постоянного штата Академии И. Ф. Чистяков прожил всего полтора года.

Скупые строки из выданной отделом кадров ГАИМК официальной посмертной справки кратко подводят итог его многолетней фотографической деятельности на службе археологии. «...Чистяков Иван Федорович проработал в Академии непрерывно в течение 46 лет. Причем до 1917 г. работал сторожем в Археологической

Комиссии, каковая же была реорганизована в Академию истории материальной культуры. С 1917 г. работал в должности фотографа. Исключен из должности сотрудника Академии 1 мая 1934 г. с предоставлением ему работы сдельно по договору с I/V–1934 по 20 ноября 1935 г. Перестал работать из-за смерти» (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. 733, л. 11).

Жизнь И. Ф. Чистякова, как и у многих представителей его поколения, тесно переплелась с общеполитическими изменениями в России, расколовшими ее на две половины. Он прошел нелегкий путь от простого сторожа до профессионального фотографа, его заслуги высоко ценились в Императорской Археологической Комиссии, ни в одном другом дореволюционном археологическом учреждении не был настолько хорошо и в таком масштабе налажен процесс фотосъемки археологических предметов. И. Ф. Чистяков стоял у истоков развития фотографического дела в русской археологии, разрабатывал технические приемы в фотосъемке, его деятельность способствовала превращению фотографии в обязательный элемент любого полевого исследования. Выполняемые И. Ф. Чистяковым на протяжении всей его службы в Комиссии снимки для публикаций ИАК навсегда увековечили его имя в истории российской археологии. Вместе с тем профессионализм И. Ф. Чистякова был неоднократно признан фотографическим сообществом, несмотря на довольно узкий профиль его работ в фотоискусстве.

После революции И. Ф. Чистяков продолжил свое скромное служение археологии и фотографическому делу в РГАК–РАИМК–ГАИМК, про эти годы его жизни сохранилось мало документов. До конца своих дней он работал в ГАИМК и скончался в полной нищете и забвении, о чем красноречиво свидетельствует документ из ру-

кописного фонда ГАИМК – заявление его вдовы, написанное осенью 1936 г., через год после смерти И. Ф. Чистякова. Строки его наполнены горечью и болью. «Несмотря на неоднократные обещания оказать мне денежную помощь в виде ссуды на похороны моего мужа, которого я похоронила на взятые в долг деньги, причем хоронила без священника. В данное время нахожусь в тяжелом материальном положении и поэтому еще раз обращаюсь с просьбой выдать мне денежное пособие, ибо считаю, что за 48-летнюю службу у Вас мой муж вполне заслужил, чтобы указанное учреждение оказало хоть какую-то помощь (хотя бы в выдаче денег на похороны) его оставшейся жене...» (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, 1936, д. 50, л. 21).

Гайдуков, 2010 – Гайдуков П. Г. «Воспоминания» В. Г. Дружинина как источник по истории Императорской Археологической комиссии // Российская археология. М., 2010. № 4.

Длужневская, 2007 – Длужневская Г. В. Фотографы Императорской Археологической комиссии // Археологические вести. СПб., 2007. № 14.

Известия ИАК, 1904 – Известия ИАК. Вып. 10, СПб., 1904. Приб. к вып.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1884, д. 15: О награждении чинов Комиссии подарками и денежными выдачами.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1890, д. 4: О предметах, не составляющих особых дел.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1894, д. 12: Об исходатайствовании сторожам Комиссии Викторову и Чистякову Всемилощивейшего пожалования серебряных медалей.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1896, д. 34: О ремонте Спасонередичской древней церкви в Новгороде.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1913, д. 6а: С разными бумагами, не составляющими особых дел.

РО НА ИИМК РАН, ф. 2, 1936, д. 50: Переписка, не относящаяся к ГАИМК.

РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 3, д. 733: Личное дело И. Ф. Чистякова.

РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 5, д. 337: Трудовой список. Чистяков Иван Федорович.

РО НА ИИМК РАН, ф. 21, д. 207: Письма Д. В. Милеева П. П. Покрышкину.

Ivan Fedorovich Chistyakov (1865–1935): to the 150th birth anniversary

M. V. Medvedeva

In 2015, it is 150 years since the birth of the photographer Ivan Fedorovich Chistyakov who over many years (1890–1934) worked in the leading archaeological institutions of Russia – first in the Archaeological Commission, then in the Academy of

the History of Material Culture. His photographic works accompanying publications of the Imperial Archaeological Commission are well known by archaeologists, architects, art historians and other scholars. The photos of archaeological finds from

the entire territory of the Russian Empire, the process of excavations and architectural monuments which were taken by I. F. Chistyakov more than hundred years before present days, continue to be in demand now and are continually used by researchers.

I. F. Chistyakov had worked his way up from a simple watchman to a professional photographer; his merits were highly estimated at the Imperial Archaeological Commission. He stood at the source of the development of the photographic art in the Russian archaeology; he also designed the techniques of photography. The activities of I. F. Chistyakov

promoted the conversion of photography into an indispensable component of any field investigation. The professionalism of I. F. Chistyakov was recognised also by the photographic community notwithstanding the narrow profile of his works in photographic arts.

After the revolution, I. F. Chistyakov continued his service to archaeology and photography; to the end of his days (he died in 1935) he worked at the Academy of the History of Material Culture. He left us thousands well documented negatives which have constituted the basis of the photographic collection of the Imperial Archaeological Commission.

«БОЛЕЕ РАДОСТНОГО ДНЯ НЕ БЫЛО У МЕНЯ...». ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Е. В. Бобровская, М. В. Медведева¹

В статье публикуются воспоминания сотрудников Института истории материальной культуры военных лет из материалов Научного Архива ИИМК РАН ко дню 70-летия Победы в Великой Отечественной войне.

This paper publishes wartime memoirs of workers of the Institute of the History of Material Culture RAS (IIMK RAS) from the collections of the Scientific Archives of the Institute prepared for the day of the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War.

Ключевые слова: Институт истории материальной культуры, Великая Отечественная война, архивные документы, воспоминания ветеранов

Keywords: Institute of the History of Material Culture, Great Patriotic War, archive documents, recollections of war veterans.

Великая Отечественная война закончилась уже 70 лет назад, но архивные документы, безмолвные свидетели прошлого, до сих пор продолжают открывать нам неизвестные страницы каждодневного подвига людей, перенесших все тяготы военного времени. Война полностью перевернула жизнь нескольких поколений, затронула каждую семью, каждого человека в нашей стране, вне зависимости от возраста, специфики работы, места жительства.

Сотрудники ИИМК вместе со всеми защищали свою Родину – воевали на фронтах, многие из них ушли добровольцами, многие не вернулись домой... Оставшиеся в Ленинграде и в тылу не переставали вести исследовательскую деятельность даже в самые тяжелые годы, преданно и беззаветно продолжали служить делу археологии и сохранили для нас ценой невероятных усилий и потерь научное наследие Института. Большинство сотрудников ИИМК, прошедших через войну, уже нет в живых, но память о них бережно хранится в стенах Института (рис. 1, 1). Большой массив официальных документов военных лет находится в фондах Научного архива: туда вошли различные приказы, отчеты и докладные записки о работе и состоянии Института в Ленинграде и его отделений в тылу, выписки

из протоколов, списки эвакуированных, скончавшихся во время блокады и погибших на фронте сотрудников, их характеристики. Всего лишь в нескольких делах сохранились материалы личного характера: письма и воспоминания военных лет. Многие из перечисленных документов уже рассматривались в статьях, посвященных деятельности Института истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны (Платонова, 1991; Васильева, 2005; Виноградов, 2014).

Никто не смог бы рассказать нам о военных годах более достоверно и проникновенно, чем сами участники войны. В Научном архиве ИИМК РАН сохранились рукописные и фотографические материалы, отложившиеся в процессе подготовки выставок и собраний Института, проводившихся в разные годы и посвященных празднованию дня Победы (РО НА ИИМК РАН, ф. 30, д. 276). Среди них отдельную группу составляют собранные в 1985 г. собственноручно написанные воспоминания ветеранов, заполненные ими печатные биографические анкеты, записанные с их слов интервью о событиях военных лет. Благодаря этим документам существует уникальная возможность перенестись в военные годы и хотя бы отчасти ощутить эмоции и чувства, которые пришлось пережить им в то тяжелое время.

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Научный архив ИИМК РАН.

1

2

3

В воспоминаниях ветеранов Института оживают страшные дни блокады, курьезные фронтовые эпизоды, сцены военной службы, обыденные жизненные ситуации на фоне военных событий. За всеми этими историями обычных людей стоят бесконечные боль и слезы, лишения и невзгоды, мужество и твердость, горечь утрат и одновременно радость встреч, ликование по поводу возвращения в родной город и долгожданной Победы. Приводим ниже несколько наиболее полных и запоминающихся из них.

Из воспоминаний А. М. Беленицкого² (рис. 1, 3).

Записано со слов А. М. Беленицкого. «Утром 22 июня 1941 г. вместе с С. С. Черниковым А. М. Беленицкий собирался купить кое-какие ножи для экспедиции. В 12 ч., услышав объявление о начале войны, оба пошли в институт. Записались в Народное ополчение и летом несколько месяцев занимались на курсах, но осенью Александр Маркович (далее. – А. М.) был направлен военкомом в институт для проведения работ по эвакуации.

Осенью 1941 г. началась блокада. Воспоминания об этом времени самые тяжелые. А. М. Беленицкий выжил чудом. В марте–апреле следующего года – переправа в Тихвин, оттуда – на Кавказ. На Кубань уже пришел вызов из Института, эвакуированного Ташкент.

В 1943 г. А. М. был мобилизован в армию. В б. Ставрополе (ныне Тольятти) прошел курс переводчиков.

Служил в спец. разведке. В армии А. М. Беленицкий оказался, когда советские войска уже перешли в наступление, “настроение было радостное”. Дошли до Курляндии, под Любавой окружили немецкую группировку. Там А. М. и встретил День Победы. Демобилизовался и продолжил работу в Институте.

Один из запомнившихся эпизодов произошел в самом начале его фронтовой жизни.

Группа А. М., брошенная за линию фронта во время одной крупной операции, сумела по радио передать командующему армией ценную информацию о передвижении артиллерии противника».

Воспоминания А. М. Беленицкого об этом «Памятном фронтовом эпизоде».

«На передовую линию фронта я впервые попал весной 1944 г. в составе особой разведывательной группы в качестве переводчика. Такие группы, снабженные спец. радиоаппаратурой, были тогда вновь организованы. Специальные радиоприемники позволяли ловить радиопередачи противника и определять “вектор” расположения самого передатчика. Обычно в периоды стабильности фронтовой обстановки ловились шифрованные передачи со стороны противника, дешифровкой которых занималась особая служба.

Непосредственное оперативное значение приобретали открытые передачи по радио со стороны противника, когда последний явно не был в состоянии шифровать свои распоряжения.

И вот именно такая возможность выпала на долю нашей группы, когда мы впервые оказались на передовой линии фронта. Это было в день, когда началась крупная операция наших войск в районе – Полоцк–Витебск, приведшая к освобождению почти всей Прибалтики.

Помню этот теплый весенний вечер. Группу нашу в порядке “перебазирования” на грузовике повезли “куда-то вперед” и когда уже стемнело, высадили в перелеске вблизи каких-то построек типа сараев. Небо заволокло, явно надвигался дождь. Забравшись в сарай, где были кучи сена, мы вскоре задремали. Ночью разразилась сильная гроза. И вдруг очень близко от нашего сарая началась другая “гроза”. В полный голос заговорила наша артиллерия – началась артподготовка “на полном серьезе”. Зрелище оказалось внушительным – точно состязались небо с землей. Верх явно брала земля.

Перед самым рассветом, когда и земная и небесная грозы замолкли, нашу группу отвели

¹ Беленицкий Александр Маркович (1904–1993) – археолог, востоковед. Работал в ГАИМК–ИИМК–ЛОИА с 1936 г. Много лет принимал участие и руководил Таджикской (Пенджикентской) экспедицией.

Рис. 1. Сотрудники ЛОИА участники войны: 1 – во дворе Института, 9 мая 1975 г. Сидят (слева направо) С. С. Черников, К. М. Пескарева, В. П. Шилов, Н. С. Сущева, М. В. Казанкова, Ю. А. Заднепровский. Стоят (слева направо) А. Н. Мелентьев, В. П. Любин, П. А. Раппопорт, А. М. Мандельштам, П. И. Борисковский, В. С. Романов, Н. Л. Тимофеев, В. С. Сорочкин, М. К. Каргер; 2 – Н. С. Сущева, снимок военных лет; 3 – А. М. Беленицкий, 1950-е гг.

Fig. 1. War participants from LOIA: 1 – in the court of the Institute, May 9, 1975. Sitting (from left to right) S. S. Chernikov, K. M. Peskareva, V. P. Shilov, N. S. Sushcheva, M. V. Kazankova, Yu. A. Zadneprovskiy; standing (from left to right) A. N. Melent'ev, V. P. Lyubin, P. A. Rappoport, A. M. Mandel'shtam, P. I. Boriskovskiy, V. S. Romanov, N. L. Timofeev, V. S. Sorokin, M. K. Karger; 2 – N. S. Sushcheva, photograph of the wartime; 3 – A. M. Belenitskiy, 1950s.

в просторную землянку, недавно оставленную немецкими солдатами.

Вскоре в землянке был установлен телефон. Между тем заговорил и приемник. Послышались явно немецкие голоса. И вдруг очень четко характерным немецким приказным голосом было предложено “Матильде” немедленно перебраться в пункт с вполне разборчивым названием населенного пункта, известного по карте. Об услышанном было немедленно передано на КП Армии по нитке телефона. В ответ было приказано следить за “Матильдой”. Она весьма часто меняла свое местонахождение, что естественно становилось известным на КП.

Кажется, назавтра к нашей землянке прибыл начальник армейской разведки и передал благодарность от имени Командующего Армией.

Позже при вручении группе орденов и медалей начальник армейской разведки особо помянул имя “Матильды”.

А в 1982 г. имя “Матильды” – крупной артиллерийской части немецкой Армии – встретилось в документальной повести советского писателя, описавшего боевые действия Второго Прибалтийского фронта весной 1944 года.³

Из воспоминаний Л. Я. Крижевской⁴ (рис. 2, 1).

«К моменту начала войны я закончила второй год обучения в аспирантуре при ИИМК и находилась на даче в Разливе вместе со своими детьми, которым тогда было по нескольку месяцев. Ночью 22 июня мы слышали канонаду. Соседи, впрочем, уверяли меня, что просто идут учения. Однако утром я пешком пошла в г. Сестрорецк и здесь узнала о начале войны из речи Молотова. В ночь на 23-е июня на этот город упали первые бомбы. Пришлось срочно вернуться в Ленинград. Здесь уже началась эвакуация населения, и в июле 1941 г. мы выехали в направлении Старой Руссы. Но и сюда уже приближался фронт. К концу августа нам удалось добраться до г. Куйбышева на Волге. Куйбышевский музей, куда я первоначально обратилась в поисках работы, был закрыт в связи с уходом на

фронт его заведующего Н. К. Каргера. Вакансия в педагогическом институте была занята. Поэтому райсовет мобилизовал меня на работу в районную прокуратуру. Полтора года проработала я здесь секретарем машинисткой, а затем, по окончании юридических курсов, следователем. В моем ведении находились уголовные дела и дела несовершеннолетних. В условиях военного времени в городе возросла преступность, и у нас было очень много работы. Но приходилось быть очень внимательной, чтобы, с одной стороны, не упустить преступника, а с другой стороны, не осудить невиновного...

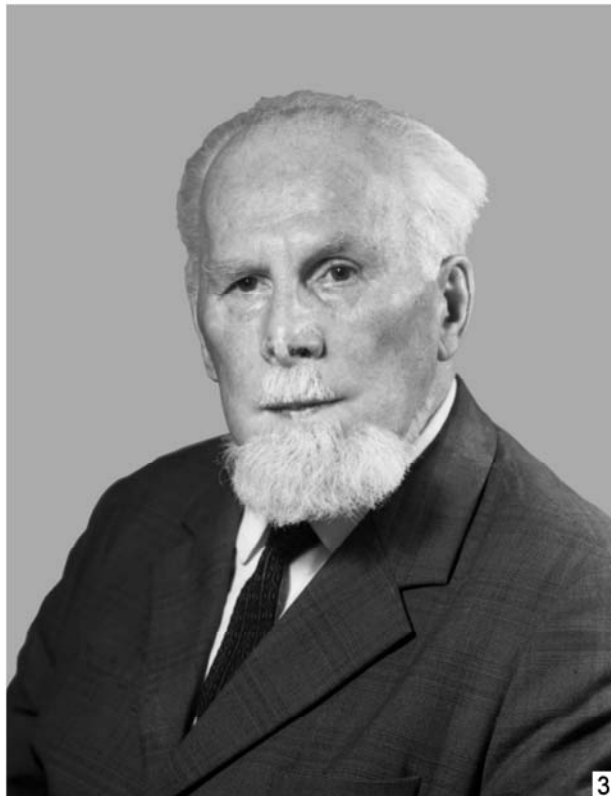
Вспоминается такой случай. В одной из областных организаций работал по своей специальности агроном. Его молодая жена как-то была задержана милицией на базаре в то время, как она меняла свой пайковый пирог на какие-то другие продукты. Возникло предположение о том, что ее муж, агроном, мог совершить хищение бывшего в его ведении зерна с целью последующей продажи. По законам военного времени это грозило суровым наказанием. Однако первое же посещение жилья подозреваемого и обыск в нем убедили меня в его честности. Так скудно не мог жить человек, имевший незаконный заработок. Дело было прекращено. Помню еще врача, который за деньги снабжал больничными листами желающих уклониться от работы – к таким у меня не было жалости. В условиях недостатка кадров приходилось применять в следственной работе самые различные методы. Хорошо помню случай с украденной прямо с мельницы машиной пшеничной муки. Это дело удалось распутать только с помощью оперуполномоченного по рынку, который, хорошо зная тех преступников, которые здесь группировались, указал нам верный путь к изобличению похитителя.

В 1944 г. я уже работала в областной прокуратуре в отделе надзора за следствием. Мне предлагали поступить на юридический факультет с тем, чтобы я могла работать в прокуратуре и в дальнейшем. Однако я отказалась – в кармане у меня лежало извещение ИИМК о том, что я восстановлена на 2-м курсе аспирантуры. Хотелось вернуться к любимому делу.

8 мая 1945 г. я получила пропуск в Ленинград. Это была радость. Но еще большей радостью была Победа, которую мы все так ждали. Теплая ясная ночь с 8 на 9-е мая была такой праздничной, как, наверное, можно прочесть

³ Общие сведения о военных годах записаны сотрудниками Института со слов А. М. Беленицкого, «памятный фронтный эпизод» напечатан и подписан его рукой.

⁴ Крижевская Лия Яковлевна (1916–1995) – археолог, занималась исследованиями памятников эпохи мезолита–неолита и бронзового века Урала, Сибири и юга Русской равнины. В ГАИМК–ИИМК–ЛЮИА училась в аспирантуре и работала с 1936 г.

Рис. 2. Сотрудники ЛОИА участники войны: 1 – Л. Я. Крижевская, 1956 г.; 2 – М. В. Малевская-Малевич, 1950-е гг.; 3 – П. Н. Шульц, 1930 г.; 4 – Н. Н. Гурина, 1949 г.

Fig. 2. War participants from LOIA: 1 – L. Ya. Krizhevskaya, 1956; 2 – M. V. Malevskaya-Malevich, 1950s; 3 – P. N. Shultz, 1930; 4 – N. N. Gurina, 1949.

только у Гоголя в “Сорочинской ярмарке”. Никогда ее не забуду».⁵

Из воспоминаний Н. С. Сушевой⁶ (рис. 1, 2).

«После окончания семилетки поступила в ФЗУ Гос. швейной фабрики инд. заказов (ныне называем ателье), по окончании которого хотела стать портнихой легкого платья.

Как только началась война, всех учащихся перевели на шитье военного обмундирования для фронта. Работали до середины января 1942 г., т. е. до прекращения подачи электроэнергии всему городу. До апреля месяца приходили в ФЗУ за получением продовольственных карточек и для выполнения разовых поручений по уборке цехов, территории.

Апрель–май – все учащиеся привлечены к уборке города: скалывали лед на Кировском мосту, убирали Кировский, Горьковский проспекты и парк Ленина.

В июне 1942 г. вместе с родителями была эвакуирована в Ярославскую обл., где я работала в колхозе, а потом на лесозаготовках.

В июле 1943 ушла добровольцем в Кр. Армию – сначала отд. маршевая прожекторная рота, позднее 34 отд. прожекторный батальон. Работали во взаимодействии с зенитчиками – мы искали самолет лучами, а когда найдем, сопровождаем его, а зенитчики в это время его сбивают.

Воевала я на Западном фронте ПВО – Ярославль, Иваново, Смоленск, Орша, Минск, Вильнюс, Познань, Варшава, Ландсберг, Берлин, Франкфурт-на-Одере.

День Победы застал меня в Польше г. Познань. Более радостного дня не было у меня, как и у всех солдат, когда весть долетела о победе. Поздним вечером выскочили на улицу и начали палить в воздух из винтовок, карабинов и автоматов, тут же кричали, обнимались, целовались и, конечно, плакали слезами радости».⁷

Из воспоминаний М. В. Малевской-Малеви⁸ (рис. 2, 2).

По отрывочным данным анкеты. До войны М. В. Малевская училась во Всероссийской

Академии художеств. В июне-июле 1941 г. ее определили на работу в военкомат. М. В. Малевской выпали наряды исполнять весьма «неприятную» работу – сообщать по вечерам людям, чтобы сдали «транспорт» на военные нужды. В июле–августе 1941 г. она работала на заводе «Марксист», где делали «шлёвки» для военных ремней. Осенью М. В. Малевская вместе с другими ленинградцами была мобилизована на оборонительные работы по рытью противотанковых рвов в районах Пулково, Пудости, Рыбачьего и Ручьев. «Работать приходилось много и тяжело, а с продуктами становилось все хуже и хуже. Вся еда – чечевичная каша, да иногда капуста». В ноябре 1941 г. М. В. Малевская возглавила группу сандружинниц в эвакуогоспитале, находящемся в здании Академии художеств. Дежурила по ночам, а иногда и по нескольким ночей подряд. Мыла полы, ухаживала за ранеными, а днем продолжала свои занятия в Академии художеств. Она вспоминала, что студенты занимались в неотапливаемом помещении библиотеки Академии. «Холодно было так, что пальцы отказывались действовать. Книжки и альбомы приходилось листать по очереди. А в январе сессия. Весь курс состоял из 3-х человек, но экзамены все равно состоялись. Ходили сдавать на дом к преподавателям на Петроградской стороне».

В голод, холод, под бомбежками, по замерзшей Неве каждый день приходила М. В. Малевская в здание Академии художеств. Работала и училась в блокадном городе пока хватало сил. В феврале по «Дороге жизни» она с группой студентов была эвакуирована сначала в Загорск, а затем в Самарканд. Там тоже продолжила учиться и работать. Убирала хлопок, свеклу.

Потом вернулась в Ленинград, здесь же встретила День Победы.⁹

Из воспоминаний П. Н. Шульца¹⁰ (рис. 2, 3).

Записано со слов П. Н. Шульца. «К началу войны П. Н. Шульц был деканом искусствоведческого факультета Академии художеств. С первых дней он записался добровольцем в Народное ополчение, а с образованием партизанских

⁵ Печатный текст.

⁶ Сушева Нина Сергеевна (1924–?) – заведующая канцелярий, референт, старший инспектор по кадрам. В ЛОИ-ИМК–ЛОИА работала с 1959 г. по 1980 г.

⁷ Текст написан рукой Н. С. Сушевой.

⁸ Малевская-Малеви Марианна Владимировна (1918–2011) – археолог, специалист по изучению памятников древнего зодчества западнорусских земель и гончарной керамики Черной Руси. В ЛОИА работала с 1952 г.

⁹ По отрывочным данным из анкет удалось восстановить ее воспоминания о военных годах.

¹⁰ Шульц Павел Николаевич (1900–1983) – археолог, искусствовед, историк античной культуры. Работал в ГАИМК–ИИМК–ЛОИА с перерывами с 1926 г. по 1974 г. С 1948 г. по 1966 г. – заведующий Отделом античной и средневековой археологии Крымского филиала ИАУ. Организатор Тавро-Скифской экспедиции.

соединений вступил в партизанский отряд, состоящий из студентов Академии художеств и Ленинградского университета. П. Н. Шульц был проводником этих отрядов, проводил их через линию фронта в тыл врага, оттуда после ряда диверсий возвращался обратно на нашу территорию...

В начале июля 1941 г. первый раз большой партизанский отряд был послан в район Глумицких болот, но там был окружен фашистами и финскими шуцкорами. Было решено уходить, разбившись на отдельные группы. Одной из них проводником был назначен П. Н. Шульц: «...по пути находился аэродром. Мы миновали штаб аэродрома в лесу и забросали его гранатами... Залегли в лесу... Затем отряд двинулся по направлению к ст. Вырица. Далее отряд двинулся до линии фронта, проходившей около ст. Сусанино. Не доходя до ст. Сусанино, мы шли лесом и подняли зайца. Бить? – спросил я командира. – Бей! – ответил он. Выстрелом из винтовки я уложил зайца... Одинокий выстрел никого не встревожил. Это был первый и единственный заяц, убитый мной из винтовки на войне. И через пару часов заяц был в Ленинграде». Далее отряд, переправившись через реку Суйду, встретился со стоявшим здесь нашим батальоном. ...Обрадовались наши ребята, впервые встретившие своих, целовались с красноармейцами. Командир батальона посоветовал поторопиться, т. к. сейчас отходит последний поезд на Ленинград. Мы поблагодарили за теплый прием и вкусный обед. На поезд мы успели. Проехали Детское Село. Не думали, что видим его в последний раз. Вскоре приехали в Ленинград».

После краткого отдыха в Ленинграде отряд снова перешел линию фронта и путь свой продолжал в тылу врага. Производились отдельные диверсии: подрыв железнодорожных путей, обстрел немецких машин, отдельные схватки с вооруженной немецкой охраной. Отряд пополнился новгородскими партизанами.

Когда под Тихвином сложилась угрожающая обстановка, отряд был послан в Тихвин. Здесь в это время был К. А. Мерецков. «...Нас послали с письмом к Мерецкову. Он находился в военном комиссариате. Нам велели подождать приема. Я лег поспать под столом. Т. Блюменталь сидел. Вскоре раздался голос: Где Шульц? Ответ: Под столом спит. Правильно делает – слышалась реплика. Я с письмом вылез из-под стола. К генералу... мы вошли с Блюменталем.

От партизан, – доложил адъютант. Мерецков сидел у большой карты. Он объяснял задачу, которую предстояло решить: помочь перерезать путь немцам, идущим от Волхова. Как известно, прорвавшиеся к Тихвину немецкие части были истреблены... Операция была осуществлена К. А. Мерецковым блестяще. Дорога была быстро восстановлена и поезда стали подвозить в Ленинград продовольствие».

Затем после ряда походов в тыл врага, и последнего, когда на отряд напали немцы и он вынужден был отступить, а П. Н. Шульц, шедший впереди проводником, отрезан от своих и укрылся в воронке от снаряда, после трех мучительных дней и ночей он выбрался из нее, когда немцы прятались в свой дзот, укрываясь от обстрелов нашей дальнобойной артиллерии. Далее он наконец, встретился с нашей дивизией, выходящей из окружения. На четырнадцатый день он попал в Кировский госпиталь, где был оперирован».

«После ранения и обморожения он лишился пальцев на обеих руках, стал инвалидом Отечественной войны I группы. Но, несмотря на это, по возвращении из госпиталя г. Кирова в Москву продолжал работать в науке».¹¹

Из воспоминаний Н. Н. Гуриной¹² (рис. 2, 4).

«Начало войны застало меня в экспедиции, вечером 17 июня мы выехали для обследования р. Мсты и прилегающих районов в связи с проектируемой Мстинской ГЭС. Начальником экспедиции был П. Н. Третьяков, я была начальником неолитического отряда. В поезде к нам в купе зашел А. П. Окладников. Было приятно и весело. Вспоминаю, как, узнав о моем дне рождения, А. П. Окладников со свойственным ему вниманием выскочил на одной из станций и принес мне букет черемухи. Он также выезжал в экспедицию.

Мы задержались в Боровичах день для составления договора с дирекцией Мстинской ГЭС, а 19 вышли в разведку. Предстояло провести разведку на предмет поисков памятников

¹¹ Рукописный текст, записанный со слов П. Н. Шульца сотрудниками Института, с включением цитат из личных военных воспоминаний.

¹² Гурина Нина Николаевна (1909–1990) – археолог, ученица В. И. Равдоникаса, исследовала памятники каменного века и эпохи раннего металла. Работала в ГАИМК–ИИМК–ЛОИА с 1935 г. (в 1976–1981 гг. исполняла обязанности заведующей ЛОИА).

всех эпох в зоне будущего затопления. Два дня продолжалась разведка, было обнаружено два городища и известная теперь многослойная неолитическая стоянка Репище (исследуемая М. П. Зиминой).

Разведка продолжалась и 21 до тех пор, пока мы, зайдя в сельсовет одного из селений в среднем течении р. Мсты с П. Н. Третьяковым, не узнали о начале войны. Вечером в сельсовете репродуктор был выставлен в открытом окне, и все население от мала до велика слушали страшное известие. Были там и мы. Утром П. Н. Третьяков и двое взрослых мужчин выехали в Ленинград. Руководство экспедицией было передано мне. В экспедиции осталось 4 человека, помимо меня – М. З. Паничкина и двое студентов. Решили продолжать экспедицию, поскольку не получили распоряжение дирекции вернуться. Работа шла в течение приблизительно 10–12 дней (точно число не помню). Забрались в малодоступный район – верховье р. Мсты, оз. Шабодро, обнаружили несколько памятников.

Когда мы были в расстоянии 40 км от Боровичей, до нас дошло распоряжение дирекции Института – прекратить работы и возвратиться в Ленинград. На другой же день, пройдя пешком 40 км, к вечеру мы вернулись в Боровичи. Дирекции ГЭС уже на месте не было, Мстинская ГЭС прекратила свое существование. Акт о работе было сдать некому.

Возвращались непросто. Поезда были переполнены женщинами с детьми – матери везли их из детских и пионерских лагерей (выехавших на лето) в Ленинград, считая, что им будет там безопаснее, поскольку тогда фашисты еще не бомбили Ленинград. Тогда-то мы и поняли, что такое война. В Угловке был налет, и в нашем составе взрывной волной разбило два хвостовых вагона.

В тот же день, спустя два часа по возвращении, мне позвонил секретарь парткома, сообщив, что надлежит явиться в Институт для отправки на оборонительные работы, сроком на 3 дня, взяв с собой паспорт. В свою очередь я должна была сообщить об этом М. З. Паничкиной (у нее не было телефона). В тот же день нас отправили в район Оредежи, где и продержали 2 недели (мы выехали в одних платьях). Строили дот. Немецкие самолеты летали над нами совсем низко, но не бомбили. На Ленинград двигалось население, на лошадях, пешком, с детьми и скотом.

В конце второй недели лесом нас повели из района работ на ближайшую железнодорожную станцию. Шли ночью, окруженные заревами горящих деревень, сбились с дороги. Под утро, когда рассвело, появились в небе немецкие самолеты. Не раз по команде “воздух” ложились вдоль дороги, затем снова поднимались и снова шли. Наконец, выбрались на какой-то полустанок и залегли в лесочке. Скопилась масса людей. Ждали целый день, ни еды, ни воды. К вечеру появился поезд, и сразу же слышали гул самолета. Началась борьба между машинистом и пилотом. Поезд приближался к людям, слышалась команда “посадка”, а самолет уже подлетал, и поезд срывался с места, слышалась команда “воздух”, и снова люди, бросившиеся было к поезду, бежали в лесок. И так много, много раз. Наконец, машинист в бесчисленный раз подогнал к людям состав и вагоны были взяты штурмом.

Ехали ночью, стоя в страшной тесноте. Было нечем дышать. Некоторые стали терять сознание. Тогда сотрудник нашего института Сухов, обернув пиджаком руку, разбил в вагоне стекло. Сразу стало легче.

В Ленинград приехали часа в 4 утра. Поразила необычная картина – в небе висели аэростаты, серые, толстые похожие на слонов, в особенности когда их “вели” за веревки.

Через день снова выехали на оборонные, теперь уже в новый район, но все той же бригадой. А. М. Беленицкий, Ю. В. Подгаецкий, М. М. Герасимов, П. Сухов, Б. Е. Деген-Ковалевский, А. П. Якобсон, М. З. Паничкина, В. Ф. Гайдукевич и др. Строили противотанковые рвы, доты. Тут пригодилась специальность – привычка к земляным работам. Мы не раз получали похвалы и благодарности руководства за работу – наши противотанковые рвы имели идеально отвесную стенку – она была прекрасно зачищена, хотя и понимали, что в этом не было необходимости, просто не могли удержаться.

В общем, было нелегко, но помогало то, что были вместе, бригада была на редкость сплоченная, дружная, а в то время, когда чувствовали нависшую опасность, одному было оставаться просто невозможно, никогда чувства коллективизма не живет с такой силой, как в момент опасности. Последние наши оборонные работы провели в Александровке, возвращение с них было необычным.

Работала все та же группа людей. Среди них был в этот раз заведующий библиотекой А. Ф. Доб-

рынин с женой (она не была нашим сотрудником, но не расставалась с мужем, и на все оборонные работы ездили вместе, и готовила для нас еду). В этот день меня оставили вместе с ней дома из-за приступа малярии. Среди дня, когда кончился приступ, я решила пойти в Медпункт – не осталось хинина. На улице меня поразила тишина. Спросила у бегущего военного – где медпункт. На бегу он крикнул – “все давно ушли, наступают немцы”. А наших все не было. Надо было идти к месту работы, т. к. его знала только я. Пошла – не быстро – $t\ 40^\circ$. Плелась мимо опустевших рвов, людей уже не было, решила, что и наши ушли какой-то другой дорогой, и я теперь здесь осталась одна. Но нет, смотрю, в самом конце наши сотрудники работают, ничего не подозревая. Спешно вернулись на место жилья, чтобы забрать жену Добрынина и вещи. А затем бежали в Ленинград уже под обстрелом, немцы рвались занять Пулковку. Позже велись оборонные на Средней Рогатке, но нашу бригаду почему-то не посылали.

Сотрудников становилось все меньше. Многие умерли из античного сектора. В институте была создана пожарная команда. Перешли на казарменное положение. Жили в узкой и длинной бывшей комнате аспирантов. По тревоге дежурили на крыше, сбрасывали “зажигалки”. Долго еще и после войны чудился специфический звук приближающихся бомбардировщиков.

Как-то во время между дежурствами нам принесли починить красноармейские ватники, а мы попросили, чтобы достали швейные машины. И вот я и три женщины (одна была из Ботанического института, две другие не помню откуда) между дежурствами стали шить ватники и брюки уже из нового материала. Оборудовали нам под “мастерскую” маленькую комнату в ЛАХУ (где сидит теперь Н. Приходько) – ее легче было нам нагреть. Поставили туда 4 швейных ножных машины – и принялись мы шить, так было вплоть до момента эвакуации.

Вечером, когда не было налета, собирались в комнатке, где горел титан, пить чай (почему-то постоянно присутствовал А. Л. Якобсон).

Потом зимой улетели на самолете часть наших – В. А. Миханкова, С. Н. Бибикив¹³ (М. И. Ар-

тамонов, кажется, улетел раньше). У нас в маленькой комнате была кошма, я сшила им из нее сапоги. С. Н. Бибикив до сих пор вспоминает, как они спасли его от морозов.

В марте по ледовой дороге (было очень холодно) меня в открытой машине вместе с другими вывезли по “Дороге жизни” через Ладогу. Я искала свою трехлетнюю дочь, которую отвезла перед экспедицией под Москву и ничего не знала о ней. Запомнилось, как в тумане идущая впереди нас машина ушла под лед, а мы объезжали. И еще помню вкус первого ржаного сухаря, который получила сразу, как только нас высадили на берегу в Жихарево. Сидели в какой-то сторожке, пока не отправили в товарных вагонах – дальше на Землю. В Вологде меня как большого дистрофией сняли в госпиталь.

Не забылись картины в осажденном Ленинграде. Как-то в один из свободных от дежурств дней я зашла домой (жили мы тогда на пр. Маклина), и соседка по квартире, очень пожилая одинокая женщина, попросила меня сходить к ее родным на Лиговку сообщить им что-то. Трамваи не ходили, путь надо было проделать пешком. На Садовой улице я обогнала двоих подростков, которые с трудом тянули на санках покойника, завернутого в шаль, а на обратном моем пути несколько дальше стояли только эти санки с покойником, ребят уже не было. Запомнились и сани-розвальни с нагруженными на них мертвыми людьми (из-под крышки торчало почему-то много голых ног), движущиеся по проспекту Кирова.

Но, кажется, налеты и обстрелы не вызывали таких сильных ощущений, как голод. Он не забывался ни на минуту. Поскольку я вернулась из экспедиции и попала сразу на оборонные работы и практически приезжала в город только в баню (когда отпускали нас всех), то оказалась абсолютно без продовольственных запасов (муж был мобилизован в первые часы войны). Уже в разгар голода мои поиски во всех углах в надежде найти какие-нибудь оставшиеся продукты привели лишь к находке одной конфеты среди елочных игрушек. Приходилось жить только на один выдаваемый паек. В столовой (академической) нам стали давать в обед по порции дрожжевого супа (без карточек). Первое время, пока не привыкли, он вызывал рвоту, а потом стало

¹³ В документах НА ИИМК РАН за февраль 1942 г. фамилия С. Н. Бибикива значится в списках эвакуируемых

сотрудников Института. Однако сведений, подтверждающих его отъезд из Ленинграда, пока не обнаружено.

казаться, что его вкус исключителен. За обедом в столовой не раз случалось видеть, как сидящий за столом человек, как-то “обмякал”, а затем мертвым валился на пол. Ели не только дрожжи, но была огромная радость, если удавалось достать столярный клей и сварить из него “студень” (просто употребить в сильно разжиженном виде). Хуже был клей малярный – мешала краска. Мысленно я дала себе клятву, если выживу, никогда не буду сливать воду с макарон.

Памятный, праздничный день был 25 (или 24) декабря, когда прибавили к 125 граммам хлеба. Тогда казалось, если бы еще было 25 грамм, то его было бы достаточно.

Пожалуй, никогда не было столь сильно чувство коллективизма, именно оно придавало силы бороться, кажется, с непосильными трудностями. Был страх оторваться от людей, остаться одному. Помню его проявление лично у меня. Как-то я попала под обстрел на пр. Маклина, все, кто шел, залегли у домов со стороны менее опасной. Все это были случайные, никогда не видевшие ранее друг друга люди. Но у всех было одно желание – оставаться вместе. Уговаривали друг друга только уходить не поодиночке, а сразу всем. Это же чувство близости людей помогало и не бояться ходить по крышам и сбрасывать зажигательные бомбы.

Сказанное здесь – лишь ничтожная доля уцелевших воспоминаний. Можно было бы рассказать о том, какими были храбрыми люди (всегда

в бомбоубежища загоняли их чуть не силой), о том, как однажды сразу после обстрела пришлось проходить по мосту лейтенанта Шмидта, перешагивая через людей, которые несколько минут тому назад были живыми. Особенно памятно лицо одного нестарого человека, оторванная нога которого в валенке была отброшена за его голову. Рассказать, как в Вологде после госпиталя, проходя мимо дома, из которого выносили покойника, остановилась от удивления, видя плачущих людей. Тогда казалось, что ни засмеяться, ни заплакать я уже никогда не смогу. Но всего не расскажешь.

Самое сильное чувство теперь – это желание, чтобы ни с кем из людей не повторились эти ужасы. Чтобы люди, пережившие и узнавшие о том, что было, не допустили новой войны.

И еще хотелось бы сказать, что ленинградцы, и в частности сотрудники нашего института, с честью выполнили все, что было в их силах, стойко, как могли, сражались за свой родной город».¹⁴

Васильева, 2005 – Васильева Р. В. «Устали скитаться. Пора домой...» // Археологические вести. СПб., 2005. № 12. С. 11–25.

Виноградов, 2014 – Виноградов Ю. А. Памяти военных лет 1941–1945гг. (Случай на Ладого) // Археологические вести. СПб., 2014. № 20. С. 437–439.

Платонова, 1991 – Платонова Н. И. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. 1. С. 45–78.

РО НА ИИМК РАН, ф. 30, д. 276.

¹⁴ Рукописный текст, написанный собственноручно Н. Н. Гуриной.

**“I never have had a happier day...”
Recollections from the war years.**

E. V. Bobrovskaya, M. V. Medvedeva

On the anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, we should recall once again the heroic deeds of the people who endured all the ordeals of wartime. Workers of the Institute of the History of Material Culture RAS (IIMK RAS) fought at the fronts while those who remained on the home front continued their research activities and preserved the scientific heritage of the Institute. Many of them died in the battles and during the blockade of Leningrad... The memory of those who are not among the living anymore is kept within the walls of IIMK RAS. Documents of the war period have survived in the collections of the Scientific Archives and some

of them have been already published. In 1985, a separate group of the documents was constituted from recollections written down by the veterans themselves, printed biographic questionnaires filled by them and their interviews about events of the war years. The reminiscences of the Institute's veterans describe the dreadful days of the blockade, frontline stories, real-life situations at the background of the wartime developments. The most detailed and vivid recollections have been left by Alexander M. Belenitskiy, Liya Ya. Krizhevskaya, Nina S. Sushcheva, Marianna V. Malevskaya-Malevich, Pavel N. Shultz and Nina N. Gurina.

ХРОНИКА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН В 2014 г.

В 2014 г. сотрудники ИИМК РАН, в рамках «Государственного задания на 2014 г. и плановый период 2015 и 2016 гг.», определенного для Института Федеральным агентством научных организаций России, начали научно-исследовательские работы по 11 темам в рамках «Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2013–2020 годы)», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 27.12.2012 № 2538р.

По направлению № 101: «Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация» разрабатываются три темы: 1. «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры» (руководитель – к. и. н. Н. Ф. Соловьева); 2. «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма эпохи бронзы, железа и средневековья естественнонаучными методами: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология» (руководитель – к. т. н. А. Н. Егорьков); 3. «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1928–1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)» (руководитель – к. и. н. М. В. Медведева).

По направлению № 104: «Изучение эволюции человека, обществ и цивилизаций, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии, анализ взаимоотношений власти и общества» исследуются шесть тем: 1. «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде» (руководитель – д. и. н. С. А. Васильев); 2. «Первые люди на Севере

России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене» (руководитель – к. и. н. В. Я. Шумкин); 3. «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э.– I тыс. до н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии» (руководитель – к. и. н. В. А. Алёшин); 4. «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э.–I тыс. до н. э.)» (руководитель – с. н. с. В. С. Бочкарев); 5. «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения» (руководитель – д. и. н. В. А. Горнчаровский); 6. «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)» (руководитель – д. и. н. В. Е. Щелинский).

По направлению № 105: «Исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом и культурном процессе» разрабатываются две темы: 1. «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей» (руководитель – проф. А. Н. Кирпичников); 2. «Славяне, финны и германцы в эпоху средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития» (руководитель – д. и. н. А. И. Сакса).

В 2014 г. сотрудники Института успешно закончили исследования по 10 проектам Программы фундаментальных исследований Президиума РАН и трем проектам Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН.

В 2014 г. РФФИ профинансировал 15 проектов сотрудников. К. и. н. А. А. Бессуднов руководил проектом «Хронология и культурная вариативность граветта Восточной Европы (по материалам стоянок в Костёнках)». К. и. н. Н. Н. Ска-

кун возглавляла совместным с учеными Украины проект «Изучение сырьевой базы основных отраслей хозяйства древнеземледельческих культур Юго-Восточной Европы (по материалам кукутено-трипольской общности)» по международному конкурсу РФФИ – ДФФД НАНУ.

В ИИМК РАН продолжались работы по трем грантам РФФИ по целевой программе ОФИМ: 1. «Динамика природной среды и формирование древнейших раннепалеолитических культур Юго-Западной Азии (Армения)» (руководитель – проф. В. П. Любин); 2. «Природная среда позднего неоплейстоцена и голоцена и модели жизнеобеспечения культур каменного века Сибирской Арктики» (руководитель – к. и. н. В. В. Питулько); 3. «Радиоуглеродная хронология древностей раннего и среднего неолита регионов Центральной и Северо-Западной России» (руководитель – к. х. н. Г. И. Зайцева).

Работы сотрудников ИИМК РАН велись по 13 различным проектам РГНФ.

Особо следует отметить работы по четырем международным грантам. К. и. н. С. А. Кулаков возглавил работу по двум проектам (исследовательскому и экспедиционному) РГНФ и Академии наук Республики Абхазия. Были продолжены работы по проекту с НАН Украины (руководитель – к. и. н. Н. Н. Скакун) и гранту РГНФ с Белорусской АН (руководитель – к. и. н. Г. Н. Поплевко). К. и. н. Н. Н. Скакун руководила международным грантом РГНФ – Национальный центр научных исследований Франции (CNSR France) по теме «Технология изготовления и функциональное назначение костяных изделий в древних культурах Евразии». По гранту Русского географического общества были продолжены археологические исследования на о. Гогланд (Финский залив).

В Институте были организованы полевые исследования 42 экспедицией и отдельных отрядов в различных регионах России. Полевая работа носила как научно-исследовательский, так и охранный характер. На юге России Северо-Кавказская экспедиция (руководитель – к. и. н. А. В. Субботин), Западно-Кавказская экспедиция (руководитель – к. и. н. В. А. Трифонов), Майкопская экспедиция (руководитель – к. и. н. А. Д. Резепкин), Таракташская экспедиция (руководитель – д. и. н. О. В. Шаров) и Порфмийский отряд (руководитель – Е. В. Грицик) провели раскопки памятников различных эпох на Северо-Западном Кавказе, Таманском полуост-

рове и в Крыму. На Русской равнине продолжали многолетние исследования Костёнковская экспедиция (руководитель – к. и. н. А. А. Синицын), Костёнковско-Борщевская экспедиция (руководитель – к. и. н. С. Н. Лисицын), Верхнедеснинская экспедиция (руководитель – к. и. н. А. К. Очередной). На Северо-Западе России провели исследования Новгородская областная (руководитель – чл.-корр. РАН, проф. Е. Н. Носов), Староладожская (руководитель – д. и. н. В. А. Лапшин) и другие экспедиции и отдельные отряды. Восточно-Якутская экспедиция (руководитель – к. и. н. В. В. Питулько) продолжила исследования на Крайнем Севере. Большие научно-исследовательские и охранные работы провела Кольская археологическая экспедиция ИИМК РАН (руководитель – к. и. н. В. Я. Шумкин).

В 2014 г. начала работать совместная с Государственным Эрмитажем Крымская экспедиция (руководитель – к. и. н. Н. Ф. Соловьева). Силами совместной российско-туркменской археологической комплексной экспедиции под руководством к. и. н. Н. Ф. Соловьевой продолжались исследования раннеземледельческого поселения Ыылгынылы-депе в восточной части подгорной полосы Копет-Дага в Туркмении. В ходе полевого сезона при исследовании VII строительного горизонта был обнаружен прекрасно сохранившийся уникальный комплекс – специализированная мастерская по изготовлению мелкой глиняной пластики эпохи раннего энеолита рубежа V–IV тыс. до н. э. (поздний Намазга I). Южно-Таджикская экспедиция ИИМК РАН (руководитель – к. и. н. Ю. Г. Кутимов) успешно продолжила изучение памятников бронзового века в Таджикистане.

Спасательный характер носили археологические работы в Сибири на памятниках истории и культуры по трассе строительства железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино» в Республике Тыва и в Красноярском крае. В рамках этого проекта работали две экспедиции Института, включавшие по несколько отрядов: Тувинская археологическая экспедиция (руководитель – к. и. н. В. А. Семенов) и Саянская археологическая экспедиция (руководитель – к. и. н. А. В. Поляков).

Значительные работы проведены экспедициями и отрядами Отдела охранной археологии ИИМК РАН по 42 договорам на проведение охранно-спасательных работ в зонах хозяйствен-

ного освоения территорий. В исполнении договоров принимали участие сотрудники всех научных отделов ИИМК. Обширна география проведения работ – от Тувы до Выборга и Краснодарского края. Большинство исследований проводилось на территории Ленинградской области, Санкт-Петербурга и его окрестностей (30 договоров). Раскопки в исторической части города дополнили источниковедческую базу его ранней истории. Сенсационным стало открытие двух кладбищ строителей города, относящихся к первому десятилетию XVIII в. Сотрудники Отдела приступили к разработке электронной археологической карты города, куда вносится вся информация о наличии культурного слоя и его состоянии.

В Ленинградской области обследованы 50 объектов культурного наследия, продолжены охранные исследования в г. Тихвин, в поселках Студеное, Волосово и др. В Ивангороде проведены раскопки, связанные с реставрацией крепости.

Сотрудники Института принимали участие в работах международных экспедиций в Сибири, в Крыму, на Украине, в Молдове, в Средней Азии, в Азербайджане и Турции.

Основные итоги работы ученых ИИМК РАН нашли отражение в 448 публикациях, в том числе в 11 монографиях, 7 сборниках научных статей, 5 сборниках материалов конференций.

Из статей и заметок, вышедших в 2014 г., 61 были опубликованы в российских журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ, 46 – в зарубежных изданиях, включенных в базу SCOPUS, 79 – изданы в других зарубежных научных журналах и сборниках.

Вышел очередной том «Археологических вестей», вып. 20 (отв. ред. – чл.-корр. РАН Е. Н. Носов). Включенные в сборник статьи вводят в научный оборот материалы археологических памятников от каменного века до позднего средневековья в широком географическом диапазоне, а также рассматриваются вопросы методики изучения, классификации и интерпретации различных категорий археологических находок. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии. Среди авторов ежегодника – ученые из России, Польши, Франции, Испании, Украины и Азербайджана.

ИИМК РАН выпустил два номера институтского издания «Записки Института истории материальной культуры РАН» № 9 и 10 (отв. ред. –

чл.-корр. РАН Е. Н. Носов). В них представлены работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Хроника» приводится информация о международной трасологической конференции, а также о расширенных заседаниях Ученого совета Института.

Вышел в свет «Бюллетень (ИИМК РАН)» [№] 4 (охранная археология) (науч. ред. – к. и. н. Н. Ф. Соловьева). Номер содержит результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга, его окрестностей, а также других регионов России, осуществленных Отделом охранный археологии.

В 2014 г. опубликован № 4 «Российского археологического ежегодника» (отв. ред. – д. и. н. Л. В. Вишняцкий). В издании читатель найдет дискуссии по ключевым проблемам археологического изучения человеческого прошлого, обобщающие статьи, публикации новых находок, материалы по истории археологии и охране памятников. Значительное место в номере занимают рецензии.

2014 год ознаменовался изданием монографии «Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)» (отв. ред.-сост. – чл.-корр. РАН Е.Н. Носов). Это книга об Институте истории материальной культуры РАН и его предшественниках, начиная с Российской Академии истории материальной культуры, их структурных подразделениях и коллективах. Авторы постарались осветить не только основные направления научно-исследовательской деятельности и полевых археологических работ Академии и Института, но и передать непростую, временами трагическую судьбу многих выдающихся ученых и рядовых сотрудников. В книге ярко показаны этапы развития академической археологической науки Петрограда/Ленинграда/Санкт-Петербурга в 1919–2014 гг., основанные на отечественных традициях научного поиска.

В монографии д. и. н. Г. В. Длужневской «Археологические исследования в европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН)» впервые дается полный обзор фотодокументов, связанных с археологическими исследованиями на территории Поволжья, Приуралья, Кавказа и европейской части России, в том числе в Крыму, в период деятельности Императорской Археологиче-

ской Комиссии (1859–1919 гг.). Особое внимание уделено введению в научный оборот архивных материалов полевых работ и документов о случайных находках. Кратко рассматриваются этапы истории учреждения и формирования документального собрания. Отдельная глава посвящена биографическим сведениям об исследователях, изучавших памятники европейской части России и Кавказа.

Отдел палеолита ИИМК РАН издал сборник статей «Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции» (отв. ред. – д. и. н. С. А. Васильев, Е. С. Ткач), посвященный памяти М. В. Аниковича (1947–2012). Он включает работы ведущих специалистов России, Украины, Великобритании и США. Тематика сборника охватывает различные аспекты изучения верхнепалеолитической эпохи – генезис данной ступени развития культуры, вопросы реконструкции охотничьей деятельности древнего человека, новые открытия на Русской равнине, Урале, в Южной Сибири и Северной Америке. Особое место в сборнике занимают воспоминания друзей и коллег об ушедшем ученом.

Сборник «Каменный век: от Атлантики до Пацифики» содержит статьи, посвященные памяти крупного отечественного археолога Г. П. Григорьева (отв. ред. – к. и. н. Г. А. Хлопачев, д. и. н. С. А. Васильев). Издание включает материалы, подготовленные ведущими специалистами по каменному веку из России, Украины и Эстонии. Публикуются новые данные по ранним памятникам Молдавии, Крыма, Русской равнины, Урала, Сибири и Дальнего Востока, а также проблемные статьи, раскрывающие современное состояние вопросов выделения культур в палеолите и мезолите, обзоры новейших данных по расселению древнего человека на северо-востоке европейской части России и на Урале, сводка верхнепалеолитических погребений Западной Европы и др.

Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа опубликовал сборник «Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона (03.05.1929–19.02.2010)». В издание включены статьи, посвященные проблемам археологической теории, а также анализу археологических комплексов от эпохи неолита до раннего средневековья, исследованных на обширных территориях от Кипра, Анатолии и Аравийского по-

луострова до Европы, Кавказа, Центральной Азии и Южной Сибири. Работы сборника позволяют существенно уточнить вопросы происхождения и хронологии древних обществ Евразии, изучить модели их взаимодействия, реконструировать различные стадии развития их духовной культуры, включая искусство и верования.

Вышла в свет монография к. и. н. А. В. Субботина «Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников)». В книге дан развернутый анализ 12 полностью раскопанных могильников развитого этапа тагарской культуры – одной из самых ярких культур скифского типа степного пояса Евразии.

Книга н. с. С. В. Красниенко и к. и. н. А. В. Субботина «У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): История изучения и современное состояние» продолжает серию публикаций, посвященных многолетней работе авторов на юго-западе Красноярского края.

Книга С. В. Александрова, к. и. н. Н. А. Боквенко, Ю. А. Смирнова «Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии (Археологические раскопки на дорогах Хакасии; Вып. 3)» посвящена характеристике археологических памятников долины Черного Июса на севере Республики Хакасия, исследованных в результате охранных работ при строительстве автодороги. В результате работ удалось выявить памятники различных этапов тагарской культуры (I тыс. до н. э.), что позволяет отчасти реконструировать историческую ситуацию в этом регионе.

Вышло в свет издание д. и. н. Э. Б. Вадецкой, к. и. н. А. В. Полякова, Н. Ф. Степановой «Свод памятников афанасьевской культуры». Книга включает более 180 статей по памятникам с территорий Горного и Предгорного Алтая, Енисея, Тувы, Монголии, объектам и находкам афанасьевского типа из Северо-Западного Китая, долины Зеравшана, Восточного Казахстана. В «Свод» включены как памятники, материалы которых опубликованы, так и объекты, результаты исследования которых до сих пор не были введены в научный оборот. Отдельные главы посвящены анализу погребального обряда афанасьевских комплексов Горного Алтая и Минусинских котловин, другим аспектам изучения культуры.

В Крыму вышла в свет монография д. и. н. Ю. А. Виноградова и А. М. Бутягина «Юз-Оба.

Курганный некрополь аристократии Боспора. Том II. Курганы на мысе Ак-Бурун».

В 2014 г. опубликована монография д. и. н. В. Е. Щелинского «Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье». В последние 10 лет были сделаны важные открытия очень древних раннепалеолитических стоянок, которые показали, что южные регионы нашей страны (Алтай, Кавказ, Предкавказье) были заселены первобытными людьми уже в самом начале раннего палеолита. Некоторые из этих стоянок имеют возраст около 2 млн лет, назад и в этом отношении они не уступают не только известной стоянке Дманиси в Южном Закавказье, но и многим другим древнейшим стоянкам Евразии и Африки. Особый интерес представляют эоплейстоценовые раннепалеолитические стоянки, открытые в Западном Предкавказье на Таманском п-ове (Богатыри/Синяя балка, Родники 1–4 и Кермек).

Вышло в свет двухтомное издание «Культурное наследие Российского государства: Ученые, политики, журналисты, деятели культуры и искусства, писатели, аспиранты вузов, коллекционеры, ветераны минувшей войны об историческом и культурном достоянии» (Вып. VI, ч. 1 и 2). В сборнике приведен разнообразный материал, посвященный проблемам отечественной культуры, духовному, историческому, археологическому, художественному, архитектурному и личностному наследию России и русского зарубежья. Особое внимание уделено историческому прошлому Ленинградской области, развитию военного дела, истории городов, собиранию коллекций. Представлены статьи об объектах и ценностях культуры, имеющих региональное и международное значение, а также не опубликованные ранее источники.

Следует отметить издание «Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4: Материалы международной конференции “Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения”. Старая Ладога, 12–13 июля 2013 г.».

Наряду с полевыми работами и научными исследованиями сотрудники ИИМК РАН ведут большую работу по редактированию и рецензированию археологических публикаций, являясь членами редакционных коллегий российских и международных периодических изданий.

Сотрудники ИИМК РАН активно выступали в средствах массовой информации по популяри-

зации археологической науки и пропаганде сохранения историко-культурного мирового наследия с различными научными комментариями на общероссийских и местных телевизионных каналах.

В интернете кроме страницы ИИМК РАН (режим доступа: www.archeo.ru) активно действуют сайты Отдела охранной археологии (режим доступа: www.rescuearcheo.ru), Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН (режим доступа: <http://kae.rekvizit.ru>).

В мае 2014 г. Отдел палеолита и Экспериментально-трассологическая лаборатория ИИМК РАН при участии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии и Государственного Эрмитажа организовали и провели Международную научную конференцию «Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы». Эта крупная конференция собрала более 100 археологов и специалистов смежных естественно-научных дисциплин из России, ближнего и дальнего зарубежья. В сборнике «Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы» к открытию конференции были изданы материалы докладов.

В апреле 2014 г. Отдел охранной археологии ИИМК РАН организовал и провел Вторую Международную научную конференцию молодых ученых «Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и в конфликте». В ее работе приняли участие не только молодые исследователи в области археологии и истории, но и студенты, аспиранты из Санкт-Петербурга, а также Москвы, Перми, Ижевска, Уфы, Владимира, Казани, Омска, Баку (Азербайджан), Алматы (Казахстан) и Полтавы (Украина). Было заслушано 24 доклада по широкому спектру проблем, особое внимание было уделено применению в археологии новейших методов исследований. К началу работы конференции вышло издание «Актуальная археология 1. Археология в современном мире: в контакте и в конфликте»: Тезисы Международной научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2014 г.)» (отв. ред. – к. и. н. О. И. Богуславский).

В ноябре 2014 г. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН совместно с Государственным Эрмитажем провел Международный круглый стол «Погребальная культура Боспора».

ского царства», посвященный 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). В Санкт-Петербурге собрались 40 участников из многих городов России, Крыма, Украины и Германии, выступления которых были посвящены обсуждению погребального обряда, инвентаря и типов погребальных сооружений Боспора VI в. до н. э.–VI в. н. э. К началу работы форума вышел сборник «Погребальная культура Боспорского царства».

Большой резонанс в археологическом сообществе получили заседания Методического семинара ИИМК РАН (руководитель – д. и. н. С. А. Васильев). Тематика двух заседаний: «Классификация в археологии» (шесть докладов); «Современные проблемы абсолютного датирования в археологии» (два доклада). Заседания собрали многих специалистов по данным проблемам из Санкт-Петербурга, Москвы и других городов России. Заслушанные доклады вызвали горячее обсуждение, по результатам работы было решено подготовить серию публикаций.

Сотрудники ИИМК РАН возглавляли оргкомитеты и принимали самое активное участие в подготовке и проведении крупных международных научных форумов.

Чл.-корр. РАН Е. Н. Носов, к. и. н. О. И. Богуславский, д. и. н. С. А. Васильев были членами Оргкомитета IV Всероссийского археологического съезда (октябрь 2014 г., г. Казань). В работе съезда с докладами приняли участие 55 сотрудников ИИМК РАН.

Чл.-корр. РАН Е. Н. Носов, д. и. н. А. И. Сакса (секретарь), проф. А. Н. Кирпичников участвовали в работе совместной рабочей группы по подготовке проведения Финляндско-российского симпозиума по археологии. Этот традиционный международный форум, после перерыва, возобновил свою работу в Хельсинки (ноябрь 2014 г.). От российской стороны с докладами на нем выступили 10 сотрудников ИИМК РАН (Е. Н. Носов, А. Н. Кирпичников, А. И. Сакса, Н. В. Хвоцинская, Н. Ф. Соловьева, В. Я. Шумкин, Е. М. Колпаков, В. М. Лозовский, О. В. Лозовская, М. В. Юшкова).

К. и. н. В. М. Лозовский, к. и. н. О. В. Лозовская были членами Оргкомитета Международной конференции «Проблемы изучения раннего неолита Евразии» (август 2014 г., Байбек, Аст-раханская область).

К. и. н. В. М. Лозовский является членом Оргкомитета Международной конференции «Ар-

хеология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы» (ноябрь 2014 г., Эрмитаж, ИИМК РАН, Санкт-Петербург).

В.С. Бочкарев принимал участие в организации Международной конференции «Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии)» (май 2014 г., Самара).

Д. и. н. И. Ю. Шауб был членом Оргкомитета по проведению Международных исторических чтений, посвященных памяти генерал-лейтенанта Н. Н. Головина (2014 г., Париж). Д. и. н. В. А. Горончаровский являлся членом Оргкомитета XV Боспорских чтений (май 2014 г., г. Керчь).

Д. и. н. А. И. Сакса участвовал в подготовке и проведении (с докладами) научных семинаров по истории и сохранению исторического наследия города Выборга.

К. и. н. К. А. Михайлов участвовал в организации конференции «Археологическое наследие в музейных коллекциях: взгляд археологов и хранителей», проводимой Санкт-Петербургским государственным учреждением «Мемориальный музей “Разночинный Петербург”» (апрель 2014 г., Санкт-Петербург).

К. и. н. Г. В. Синицына много лет входит в состав Оргкомитета ежегодного «Тверского археологического семинара», его 17-е заседание «Тверская земля и сопредельные территории в древности» состоялось в марте 2014 г. в г. Тверь. К. и. н. Е. Ю. Гиря участвовал в проведении полевой школы по исследованию технологий расщепления обсидиана (июнь 2014 г., Хоккайдо, Ширатаки, Геопарк Ширатаки, Япония).

Сотрудники ИИМК РАН прочитали 294 доклада на международных научных форумах, а также приняли участие в проведении ряда выставочных мероприятий. Три выставки, прошедшие в Москве, были посвящены результатам археологических работ по железнодорожной трассе Элегест–Кызыл–Курагино. В Санкт-Петербурге состоялась выставка «Занимательная археология». Д. и. н. Л. Б. Кирчо осуществила консультации по подбору экспонатов и редактирование текстов для Международной выставки «Археологические исследования туркменских и российских ученых в XX–XXI вв.», открытой 12 ноября 2014 г. в Музее изобразительных искусств, г. Ашхабад (Туркменистан). К. и. н.

Е. М. Колпаков принял участие в организации выставки «Ночь археологии», состоявшейся 4 декабря 2014 г. в г. Хельсинки (Финляндия) в выставочном центре «Эврика».

Ученый совет ИИМК РАН в 2014 г. провел 15 заседаний, на которых рассматривались организационные вопросы и научные проблемы. В январе 2014 г. состоялось три расширенных заседания Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН. Одно было посвящено памяти Е. Г. Кастанаян и 60-летию начала археологических исследований городища Порфмий; второе – памяти Е. И. Леви; третье – памяти И. Г. Шургая. В феврале 2014 г. прошло совместное заседание Ученого совета, Отдела охранной археологии ИИМК РАН и ООО Научно-аналитический центр проблем сохранения культурного и природного наследия «АВ КОМ-Наследие» (г. Екатеринбург). В марте 2014 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета и Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное 110-летию со дня рождения А. М. Беленицкого. В ноябре 2014 г. на расширенном заседании Ученого совета и Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН состоялся доклад к. и. н. В. А. Алёхина «Происхождение и развитие погребального обряда в традиционных обществах по данным археологии», а на втором заседании Ученого совета совместно с Отдела палеолита ИИМК РАН проф. В. П. Любину была вручена государственная награда Республики Ингушетия и заслушан его доклад «Палеолитический человек на территории Ингушетии». В декабре 2014 г. на расширенном заседании Ученого совета и Экспериментально-трассологической лаборатории ИИМК РАН состоялся доклад д. и. н. В. Е. Щелинского «1 + 46 лет в Институте».

Диссертационный совет ИИМК РАН (Д 200.15. 01) провел защиту одной кандидатской диссертации.

Многие сотрудники ИИМК РАН являются экспертами или членами экспертных советов различных государственных и общественных организаций и фондов (д. и. н. Ю. А. Виноградов, к. и. н. В. А. Завьялов, д. и. н. С. А. Васильев, д. и. н. Н. В. Хвоцинская, к. и. н. О. И. Богуславский, к. и. н. Н. А. Боковенко, д. и. н. В. А. Лапшин, чл.-корр. РАН Е. Н. Носов, к. и. н. А. А. Синицын, к. и. н. С. С. Миняев, к. и. н. П. Е. Сорокин, проф. А. Н. Кирпичников, д. и. н. А. И. Сакса).

В ИИМК РАН проходили подготовку 2 аспиранта, 19 соискателей ученой степени кандидата исторических наук и 5 стажеров из различных научных и музейных центров России и СНГ. В экспедициях ИИМК РАН проходили полевую археологическую практику студенты различных вузов России: кафедры археологии С.-Петербургского государственного университета; С.-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина; Тувинского государственного университета; С.-Петербургского госуниверситета культуры и искусств; Ленинградского областного университета и воспитанники Суворовского военного училища МВД России.

Научный архив ИИМК ежегодно является базой архивной практики для студентов С.-Петербургского госуниверситета, С.-Петербургского госуниверситета культуры и искусств и С.-Петербургского университета профсоюзов.

ИИМК РАН имеет давние связи с Русским географическим обществом, а начиная с 2011 г. Институт активно участвует в работе по нескольким крупным проектам РГО. В 2014 г. был продолжен крупный многолетний проект РГО «Открой тайну Долины царей» на трассе будущей железной дороги Элегест–Кызыл–Курагино.

Сотрудники ИИМК ведут регулярную педагогическую деятельность в вузах Санкт-Петербурга (к. и. н. В. А. Семенов, проф. С. В. Белецкий, к. и. н. Н. А. Боковенко, д. и. н. А. И. Сакса, д. и. н. В. А. Горончаровский, д. и. н. И. Ю. Шауб, д. и. н. О. В. Шаров, д. и. н. А. В. Курбатов, м. н. с. Н. В. Григорьева).

К. и. н. Р. В. Стоянов был руководителем семинаров «Межкультурные взаимодействия в Северо-Западной Анатолии в VII–II вв. до н. э.», «Методика полевой и камеральной обработки античной керамики» в университете г. Чанаккале, кафедра археологии, Фонд Трои (Турция).

Кафедра археологии исторического факультета Санкт-Петербургского госуниверситета является основным источником пополнения молодыми научными кадрами ИИМК РАН. Директор ИИМК член-корр. РАН, профессор Е. Н. Носов, являясь заведующим кафедрой археологии, регулярно читает лекционные курсы. Научные сотрудники ИИМК с. н. с. В. С. Бочкарев и к. и. н. О. А. Щеглова являются преподавателями кафедры археологии.

В Институте выступали с докладами, проходили стажировку археологи из Франции, Дании,

Болгарии, Польши, Финляндии, Эстонии, Украины, Беларуси, Молдовы.

ИИМК РАН в 2014 г. были заключены новые договоры о сотрудничестве с Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Республики Таджикистан, с Институтом истории Латвии при Латвийском университете, с Фондом изучения Кавказа г. Анкара (Турция), с Жешувским университетом, Республика Польша.

Д. и. н. А. И. Сакса много лет – координатор ИИМК по сотрудничеству с Финляндией и Эстонией. В 2014 г. он являлся соруководителем Российско-финского проекта по возрождению в Выборге комплекса «Церковь Святой Марии и Святого Олофа и Часовая башня XV–XVIII вв.» (университет Турку).

К. и. н. А. А. Сеницын является координатором российской части в четырех международных проектах:

1) «Modern human colonisation of Europe: chronocultural comparison of East and West» Grant number: R26254/GA002 (рук. Т. Higham, Oxford) (Великобритания); 2) Британский проект «Palaeochron» Grant number: ERC2012AdG341139 (рук. Т. Higham, Oxford) (Великобритания); 3) Проект «Neanderthal and modern human adaptations in Eastern Europe» (рук. Ph. Nigst, Cambridge), поддерживается: European Commission Framework Programme 7; Marie Curie Career Integration Grant (2012–2016); Isaac Newton Trust Matching Funding (University of Cambridge) (2013–2015); 4) Проект «The Transitional assemblages and their makers» (рук. J. J. Hublin) – Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Leipzig, Germany (2014–2018).

Ряд сотрудников Института принимал участие в международных проектах (к. и. н. В. Я. Шумкин, д. и. н. С. Н. Астахов, к. и. н. А. А. Бессуднов, к. и. н. А. Д. Резепкин, к. и. н. В. П. Никоноров, к. и. н. С. С. Миняев, к. и. н. Р. В. Стоянов, к. и. н. А. А. Пескова, д. и. н. А. Е. Мусин, к. и. н. В. М. Лозовский, к. и. н. О. В. Лозовская).

В 2014 г. д. и. н. С. А. Васильев являлся Представителем России в постоянной комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протоисторических наук, а также членом Европейской ассоциации археологов, Всемирного археологического конгресса, Общества американской археологии. К. и. н. В. Я. Шумкин является действительным членом «Общества по изучению первобытного искусства» (Тарту, Эстония; Хельсинки, Финляндия).

К. и. н. Г. В. Сеницына принимает участие в работе комиссии «Commission for The Final Palaeolithic of the Great European Plain (Le Paléolithique Final de la Grande Plaine Européenne)» под руководством Dr. Berit Valentin Ericsen. К. и. н. А. А. Сеницын представлял археологов России в постоянной комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протоисторических наук (UISPP). К. и. н. Н. Н. Скакун является Председателем Комиссии по трасологии Международного Союза доисторических и протоисторических наук (UISPP), а также членом Совета международной археологической программы «Земля». К. и. н. В. М. Лозовский и к. и. н. О. В. Лозовская являются членами международной научной организации «Stone Age Bog Group / Исследования торфяниковых стоянок каменного века». К. и. н. Е. Ю. Гиря является членом Совета «International traceological information site «Traceo 2». К. и. н. П. Е. Сорокин являлся членом «Рабочей группы стран Балтийского региона по морской археологии». Д. и. н. А. И. Сакса является членом финских научных обществ: «Финского литературного общества», Общества «Калевала», «Финского археологического общества», «Общества церковной истории».

В 2014 г. д. и. н. С. А. Васильев и к. и. н. С. С. Миняев являлись экспертами «Фонда Фулбрайта». К. и. н. С. С. Миняев стал экспертом Национального Географического общества, США.

К. и. н. М. Е. Килуновская приняла участие в качестве международного эксперта в работе Выездной сессии IFRAO совместно с ЮНЕСКО на памятники в долине реки Хушан (Китай) и участие в комиссии по постановке памятников Huashan in Guangxi (Китай) в список памятников ЮНЕСКО.

Д. и. н. В. А. Горнчаровский вошел в правление Общества дружбы и сотрудничества между народами России, Греции и Кипра.

Указом президента Республики Ингушетия проф. В. П. Любин награжден государственной наградой Республики Ингушетия – «Орденом за заслуги».

Указом президента Туркмении к. и. н. Н. Ф. Соловьева награждена медалью Махтумкули Фраги «За особые заслуги в изучении, распространении и популяризации творческого наследия великого мыслителя туркменского народа Махтумкули Фраги».

Археолого-географическая экспедиция ИИМК РАН и РГО «Кызыл-Курагино» стала обладате-

лем премии Русского географического общества в номинации «Природное и культурное наследие России».

К. и. н. В. А. Семенов и н. с. Н. А. Лазаревская получили благодарность от Председателя Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва за активное участие в деятельности международного студенческого лагеря «Долина царей 2014» археологического сезона 2014 г. Д. и. н. Н. И. Платонова была удостоена Диплома 17-й Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный Двор 2014» (26 сентября 2014 г.) за лучшее краеведческое издание в номинации «Тематические краеведческие издания (история, экономи-

ка, экология и др.)» – за книгу Л. М. Сомова, Н. И. Платоновой «Г. П. Сомов» (Серия «Жизнь замечательных микробиологов, эпидемиологов, инфекционистов», вып. 3).

К. и. н. А. А. Синицын по признанию двух международных изданий входит в 100 лучших археологов мира: Marquis Who's Who in Science and Engineering с 2009 по 2014, N. J., USA; Top 100 scientists с 2010 по 2014. IBC (International Biographical Centre), Cambridge, UK.

С. А. Кулаков
Ученый секретарь ИИМК РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков.
АН СССР – Академия наук СССР.
АН УССР – Академия наук Украинской советской социалистической республики.
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. – СПб.
БКИЧП – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М.
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика.
ВАГС – Волгоградская академия государственной службы. Волгоград.
ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.
ВГО – Всесоюзное Географическое общество. М.
ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж.
ВГУ – Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВКМИК – Великолукский музей Истории и Культуры. Великие Луки.
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.
ГАВО – Государственный архив Воронежской области. Воронеж.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры. Л.–М.
ГИМ – Государственный Исторический Музей. М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДФФД – Державний фонд фундаментальних досліджень.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук. М.
ИАК–РГАК–РАИМК–ГАИМК – Императорская Археологическая Комиссия. СПб.–Пг.; Российская государственная археологическая комиссия. Пг.; Российская Академия истории материальной культуры. Пг.-Л.; Государственная Академия истории материальной культуры. Л.–М.
ИАУ – Институт археологии АН Украинской ССР. Киев.
ИБ РАН – Институт востоковедения РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры. Л.
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.-Л.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.
ИИТ – Институт исторической технологии ГАИМК. Л.
ИК – Истории и Культуры (г. Великие Луки).
ИОАИЭ – Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань.
ИРГО – Императорское Русское Географическое Общество. СПб.
ИФЖ – Историко-филологический журнал. Ереван.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.-Л.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии. М.
КЧ – Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа.
ЛАХУ – административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений Академии наук СССР. Л.

- ЛГУ – Ленинградский государственный университет. Л.
- ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
- ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
- ЛОИИМК АН СССР – Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Л.
- М. – Москва.
- МАИЭТ – Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Симферополь.
- МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л.–СПб.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
- МИН ОФ – Музей истории г. Невель, Отдел фондохранения. Невель.
- МКУК – Муниципальное казенное учреждение культуры.
- МОИП – Московское общество испытателей природы. М.
- НАА – Народы Азии и Африки. М.
- НАНУ – Национальная академия наук Украины.
- НКР – Нагорно-Карабахская республика.
- ННЗИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. оп. хр. – опись хранения.
- ОИФН РАН – Отделение историко-филологических наук Российской Академии наук
- ОФИМ – ориентированные фундаментальные исследования по актуальным междисциплинарным темам.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПАИ – Полевые археологические исследования. Тбилиси.
- ПИКМ – Псковский исторический краеведческий музей. Псков.
- ПИКМ-ОФ – Пустошкинский исторический краеведческий музей, Отдел фондохранения.
- ПИХАМЗ – Псковский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. Псков.
- ПИХМ – Псковский историко-художественный музей. Псков.
- ПКМ – Псковский краеведческий музей. Псков.
- РА – Республика Армения.
- РА – Российская археология. М.
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд. М.
- РГО – Русское Географическое Общество. СПб.
- РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
- РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований. М.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М. СПб. – Санкт-Петербург
- СПМ – Себеж, Псковский музей.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.
- СЭ – Советская этнография. М.
- ТГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.
- ТИГИ – Тувинский институт гуманитарных исследований
- ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Л.
- ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Кызыл.
- ТНК – Тематическая научная конференция.
- ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области. Нижний Новгород.
- ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева. М.
- ЮИИМ – Юдиновский историко-археологический музей. Брянская область, Погарский р-н, с. Юдиново.
- AJA – American Journal of Archaeology. Princeton.
- AMIT – Archeologische Mitteilungen von Iran & Turan. Berlin.
- AS – Anatolian Studies. London.
- BAH – Bibliotheque archeologique et historique. Paris.
- BAR – British Archaeology Report. Oxford.
- BAR IS – British Archaeological Reports. International Series. London.
- BAR SS – British Archaeological Reports. Supplementary Series. London.
- CNRS – Centre national de la recherche scientifique.
- ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
- JRGZM – Jahrbuch des Römisch-Germanisches Zentralmuseums. Mainz

KHKM – Kwartalnik Historii Kultury Materialnej.
LSAK – Lubecker Schriften zur Archäologie und
Kulturgeschichte. Bonn.
MSVF – Marburger Studien zur Vor- und Frühge-
schichte. Marburg.

PBF – Prähistorische Bronzefunde. München.
ТТКВ – Turk Tarich Kurumu Basimevi. Ankara.
ТТКУ – Turk Tarich Kurumu Yayinlari. Ankara.

Научное издание

Археологические вести

Выпуск 21

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет».

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Издательская группа ИИМК РАН
*А. В. Гилевич, Н. В. Головачева,
Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова,
В. Я. Стеганцева*

Адрес редакции:
Россия. 191186. Санкт-Петербург.
Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Н. В. Коробовой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

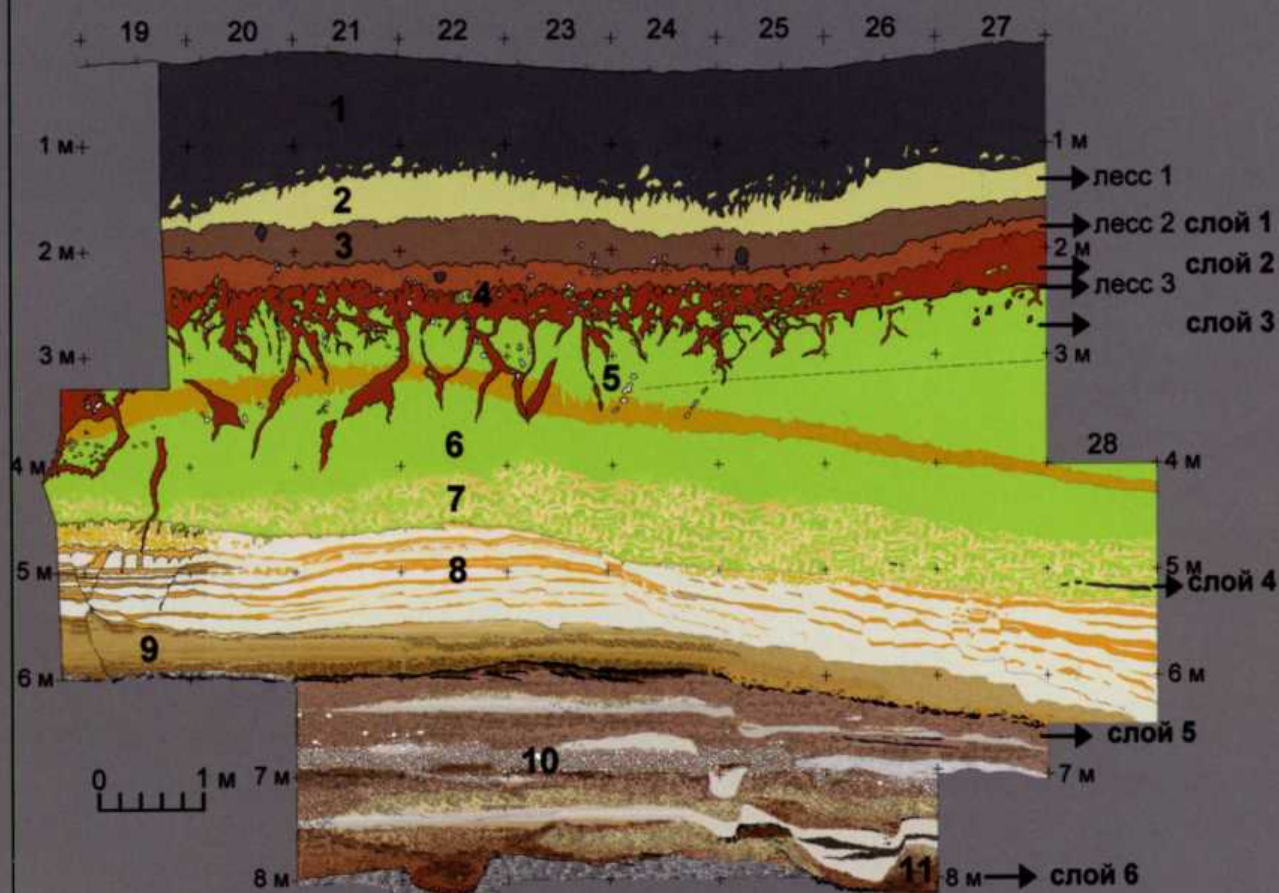
Подписано в печать 16.11.2015.
Формат 60×90 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 48. Печ. л. 58.
Тираж 300 экз. Заказ 115

Отпечатано в типографии ООО «ИПК БИОНТ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., дом 86
Тел.: (812) 322-6843
e-mail: biont11@mail.ru

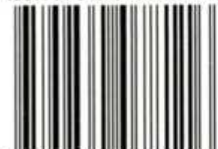

Archaeological news

— 21 —

ISBN 978-5-86007-811-6

9 785860 078116